ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898

1.

Къ „Русскому Архиву“ въ 1898 году будетъ приложена одна Книга „Архива Князя Воронцова“, по выбору получателей; они благоволятъ увѣдомить контору „Русскаго Архива“, какую именно изъ книгъ „Архива Князя Воронцова“ желаютъ имѣть.

(См. содержаніе книгъ на оборотѣ).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1898.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ „АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА“ *).

III. Собственноручный служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестока. Бумаги Елисаветинской Конференціи. Письма А. П. Бестужева-Рюмина къ барону І. А. Корфу. Письма гр. Санти. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

IV. Мнѣнія графа Бестужева о принятіи Англійскихъ субсидій въ 1747 году. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ 1757 г. Доклады гр. Воронцова 1758 годъ. Семилѣтняя война. Записка гр. Воронцова о ней. Дѣло Лестока. Переписка съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

V. Бумаги графа А. Р. Воронцова. Автобіографическое показаніе. Переписка съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской (1782—1800). Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Повинная его. Допросные пункты. Письма Вольтера.

VI. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. (1744) Переписка съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. М. Шуваловымъ, съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757. Приложенъ планъ взятія Берлина Русскими войсками.

VII. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (1746—1755). Рапортъ Костюрина о Русской арміи, дѣйствовавшей противъ Пруссаковъ. О перемиріи съ Пруссіей. Дѣло графа Тотлебена. Реляція фельдмаршала графа Бутурлина 21 Августа 1761 года. Проектъ графа П. М. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты гр. Бутурлину (1760—1761). Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV (1758). Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Рюльера. Приложенъ портретъ гр. М. Л. Воронцова и снимокъ съ письма.

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ (1791—1825).

IX. Письма гр. С. Р. Воронцова. Съ гравированнымъ на стали портретомъ.

X. Письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову и разнымъ лицамъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XI. Переписка графа С. Р. Воронцова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XII. Письма гр. П. В. Завадовскаго къ братьямъ Воронцовымъ; кн. Е. Р. Дашковой къ гр. А. Р. Воронцову; Д. П. Трощинскаго, А. И. Радищева. Бумаги о разлученіи герцога Виртембергскаго съ его супругою. Письма гр. А. Р. Воронцова къ князю А. Чарторыжскому. Со снимкомъ съ руки гр. П. В. Завадовскаго.

XIII. Письма князя А. А. Безбородка (1776—1799).

*) Первыя двѣ книги не разсылаются.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

1898.

I.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

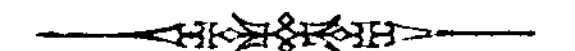
Петромъ и Юріемъ Бартеневыми.

Помянухъ дни древнія: поучихся.

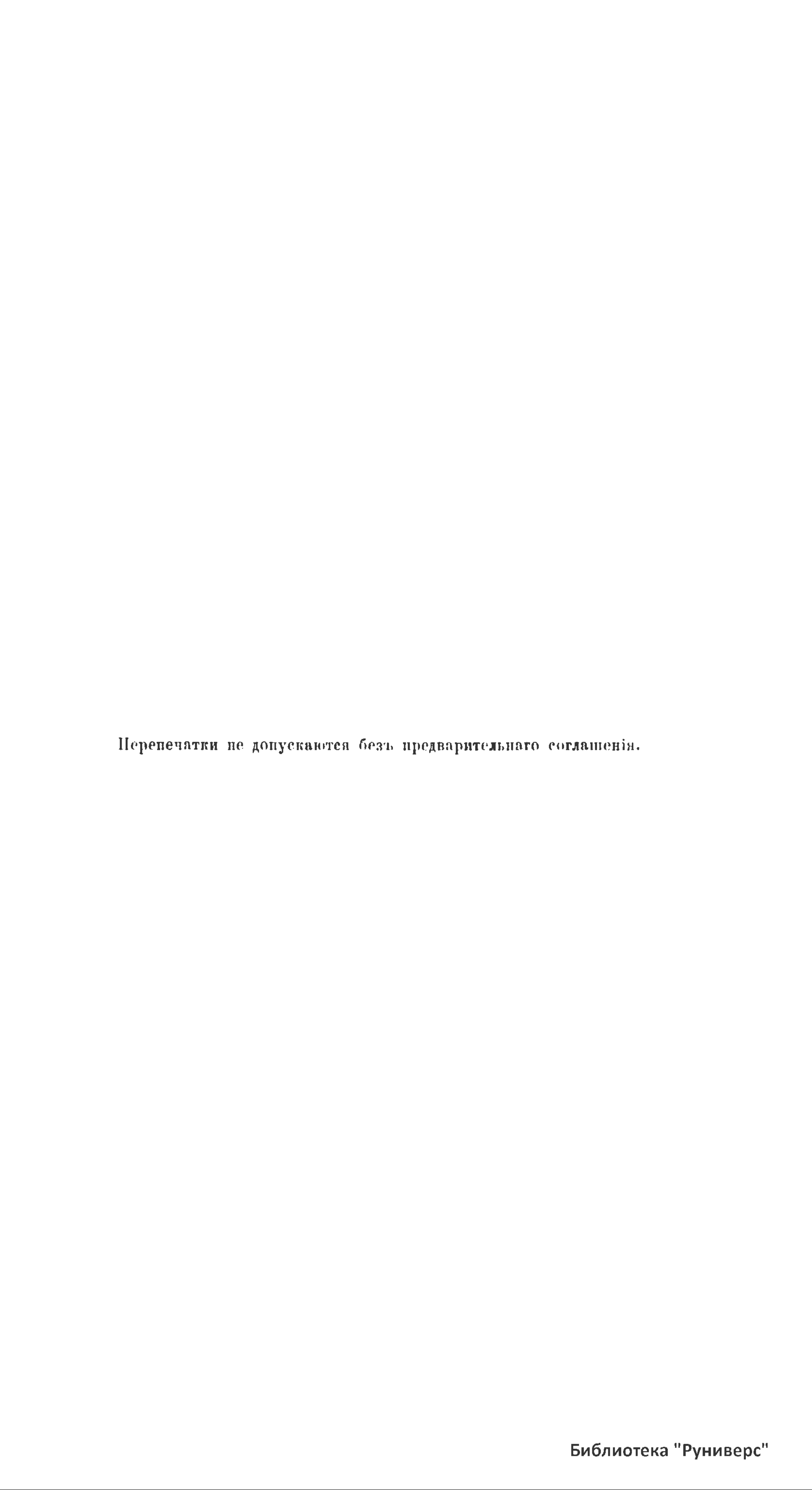
Псаломъ 142.

1898.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1898.

ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ѲЕОДОРОВИЧА КЪ ПРУССКОМУ КОРОЛЮ ФРИДРИХУ ВТОРОМУ*).

1.

Monsieur mon frère. Votre majesté sera déjà informée par le canal de mon général-lieutenant prince de Volkonsky, que, me faisant toujours un plaisir de donner à votre majesté de marques convaincantes de mon amitié pour elle et de mon application à répondre à tout ce qu'il plairait à votre majesté de faire d'agréable ou d'obligeant pour moi, je n'ai tardé un moment d'expédier les ordres nécessaires, à fin que les prisonniers de votre majesté, qui se trouvent en mon pouvoir, soient élargis et rendus le plus tôt que possible, dès que le dit prince m'a fait rapport que votre majesté, en faisant libres tous mes prisonniers, s'empresse de son côté à consolider ce noeud d'amitié qui unissait depuis longtems nous deux et qui doit bientôt unir nos peuples.

En conformité de ces dispositions réciproques, je ne puis retenir ici plus longtems le s-r Werner, votre général-lieutenant, ni le c. de Hordt, votre colonel, quoique je les aurais vu toujours avec beaucoup de plaisir à ma cour. Je ne puis m'empêcher de rendre justice à leur conduite et à ce zèle qu'ils n'ont cessé de faire paraître pour le service de votre majesté, de manière que j'ai cru pouvoir confier mes sentimens au premier. Je prie donc votre majesté de vouloir bien l'écouter favorablement et ajouter foi à ce qu'il lui dira de ma part. Mais votre majesté m'obligera infiniment, si elle voudra bien à toutes les marques que j'ai eues de son amitié ajouter encore celle de permettre au dit s-r Werner d'entrer en mon service et d'accorder au c. de Hordt la faveur insigne et la seule qu'il ose espérer de faire de son régiment un régiment de campagne. L'un ici et l'autre dans les armées

*) Списано (какъ и помѣщенныя далѣе два донесенія Гольца) съ подлинниковъ, хранящихся въ Берлинѣ, въ Прусскомъ королевскомъ архивѣ, доступъ къ коему былъ открыть намъ благодаря любезному посредству графа Николая Дмитріевича Остенъ-Сакена. Для облегченія читателей правописаніе въ печати нынѣшнее. П. Б.

de votre majesté me serviront de gage de son amitié et de témoignage pour le reste du monde des sentiments d'estime et d'attachement avec lesquels je suis, monsieur mon frère, de votre majesté bon frère et ami Pierre.

S-t Pétersbourg. Ce 15 février 1762.
A. s. m. le roi de Prusse *).

Переводъ. Государь братъ мой. Ваше величество уже освѣдомлены черезъ посредство моего генералъ-лейтенанта князя Волконскаго, что, всегда съ удовольствіемъ изъявляя убѣдительные знаки дружбы моей къ вамъ и усердія отвѣчать всему, что̀ вашему величеству благоугодно дѣлать мнѣ пріятнаго или обязательнаго, я не замедлилъ ни минуты отослать нужный приказъ, чтобы плѣнные вашего величества, находящіеся у меня, были выпущены на свободу и какъ можно скорѣе выданы, лишь только названный князь мнѣ доложилъ, что ваше величество, освободивъ всѣхъ моихъ плѣнныхъ, со своей стороны спѣшите закрѣпить союзъ дружбы, давно уже соединявшій насъ двоихъ и долженствующій вскорѣ соединить наши народы.

Сообразно этому взаимному расположенію, я не могу долѣе задерживать ни вашего генералъ-лейтенанта Вернера, ни полковника графа Горта, хотя бы я ихъ видѣлъ всегда при своемъ дворѣ съ большимъ удовольствіемъ. Не могу удержаться, чтобы не отдать должнаго ихъ поведенію и тому непрестанному усердію, которое они проявляли въ отношеніи службы вашего величества, такъ что я счелъ возможнымъ довѣрить первому изъ нихъ мои чувства. Потому прошу ваше величество, соизвольте благосклонно выслушать и повѣрить тому, что̀ онъ вамъ отъ меня передастъ. Но ваше величество неизмѣримо меня обяжете, если ко всѣмъ полученнымъ мною знакамъ вашей милости соизволите еще прибавить позволеніе вышеозначенному Вернеру вступить въ мою службу, а графу Горту оказать отмѣнную и единственную милость, на которою онъ дерзаетъ надѣяться, сдѣлать его полкъ боевымъ полкомъ. Первый здѣсь и второй въ рядахъ арміи вашего величества будутъ мнѣ служить залогомъ вашей дружбы и всему остальному свѣту свидѣтельствовать о чувствахъ уваженія и привязанности, съ коими остаюсь, мой братъ, вашего величества добрый братъ и другъ Петръ.

Петербургъ, 15 Февраля 1762 г.

Его величеству Прусскому королю.

2.

Monsieur mon frère. L'ordre que vous m'avez envoyé par monsieur de Goltz est une nouvelle preuve de l'amitié qui a consisté tant d'années entre nous et qui je n'espère jamais qu'elle puisse rompre. Vous

*) Писано на почтовомъ листѣ въ четверку, съ чернымъ ободкомъ. Только подпись своеручная. Остальныя письма—собственноручныя. П. Б.

avez eu la bonté de vous ressouvenir de mes vieux services rendus à vous, en disant qu'aussi depuis le peu de temps que je suis venu au règne, vous m'avez tant d'obligations *). Je peux vous assurer sur là que je n'ai cherché ni chercherai d'autre amitié que la vôtre et vos alliés. J'espère que tous les officiers de votre armée, qui ont été à ma cour, ont été les témoins de ma manière de penser envers vous.

Votre majesté veut bien se moquer de moi, en me donnant tant des éloges par rapport à mon règne. Vous voulez bien admirer des riens, et moi je dois admirer chez votre majesté des procédés de vertu et des qualités peu communes dans le monde, tout le jour voyant en vous un des plus grands héros du monde. Au reste, votre majesté me permettra, en lui assurant le plus fortement de mon amitié, de lui recommander monsieur de Goltz, qui s'est attiré l'estime de tous, et de me croire, monsieur mon frère, de votre majesté le bon frère Pierre.

A S-t Pétersbourg, le 15 de mars 1762.

Государь братъ мой. Приказъ, присланный мнѣ вами съ Гольцомъ, есть новое доказательство дружбы, столько лѣтъ существовавшей между нами, которая, надѣюсь, никогда не можетъ прерваться. Вы такъ добры, что вспоминаете мои прежнія оказанныя вамъ услуги, и говорите, что, за короткое время моего царствованія, вы мнѣ многимъ обязаны. На это я могу васъ увѣрить, что не искалъ и не буду искать дружбы помимо вашей и вашихъ союзниковъ. Надѣюсь, что всѣ офицеры вашей арміи, бывшіе при моемъ дворѣ, были свидѣтелями моего образа мыслей относительно васъ. Ваше величество желаете насмѣхаться надо мной, расхваливая такъ мое царствованіе. Вамъ благоугодно глядѣть на ничтожныя вещи, я же долженъ дивиться доблестнымъ поступкамъ и необычайнымъ въ свѣтѣ свойствамъ вашего величества, ежедневно все болѣе и болѣе считая васъ однимъ изъ величайшихъ въ свѣтѣ героевъ. Кончая письмо, увѣряю ваше величество въ моей сильнѣйшей дружбѣ и прошу позволенія поручить вашей милости Гольца, снискавшаго всеобщее уваженіе, и считать меня, мой братъ, вашего величества добрымъ братомъ. Петръ.

Въ С.-Петербургѣ.
15 Марта 1762 г.

---

*) Фридрихъ писалъ Петру 3 Марта 1762 года: J'ai eu des obligations à v. m. impériale, avant qu'elle est montée au trône; je lui en ai d'infinies depuis le peu de tems qu'elle l'occupe. *Переводъ:* Я былъ обязанъ вашему императорскому величеству до вашего вступленія на престолъ; въ короткое время по вступленіи на него вы безконечно меня обязали

3.

Monsieur mon frère *). Je suis si charmé de la manière dont votre majesté pense si bien de moi! Vous savez assez que depuis tant d'années je vous ai été attaché, n'ayant aucun intérêt autre à le faire que de risquer le tout, en vous servant dans mon pays d'ardeur, le faisant avec le plus grand zèle et attachement que je pouvais. Votre majesté se peut donc figurer, si, après tant d'années de constance, je voudrais penser autrement, vous connaissant autant que je vous connais. Votre majesté me démontre sa belle manière de penser, en se fiant autant sur moi, en me laissant la volonté de faire moi-même les conditions de la paix, en me promettant son alliance, qui sera la plus agréable chose pour moi. Ayant le plus digne prince de tout l'Europe pour allié, que ne serais-je donc le plus indigne de l'univers, si je ne chercherais de faire tout au monde pour lui démontrer qu'elle n' a pas mis sa confiance dans une personne, qui en voudrait abuser ou qui voudrait le tromper?

Permettez donc de vous dire que m-r de Goltz m'a parlé que votre majesté souhaiterait, et que ce serait pour lui le plus convenable, que pas seulement je lui garantisse la Silésie et le comté de Glatz, mais encore les conquêtes qu'elle pourrait encore faire sur les Autrichiens, jusqu'à ce que la paix serait faite entre vous et eux. J'en suis charmé et me prête à tout. Mais, de mon côté, ce qu'il est du côté de Danemark, je souhaiterais que votre majesté voudrez faire de même, en me garantissant le Holstein avec tout ce que j'ai perdu dans le Schleswig et l'autre moitié de Holstein danois, pour mon dédommagement de tant d'années d'usurpation, étant très charmé si cette affaire entre moi et les Danois se pourrait terminer à l'amiable. Mais mettons le cas qu'ils me forcent à prendre les armes; je prierai votre majesté de faire la même condition avec moi, de me garantir les conquêtes que je pourrais faire sur les Danois, pour que nous puissions faire une paix stable et glorieuse pour ma maison de Holstein. J'en suis assuré que vous n'en ferez aucune difficulté, étant un ami autant fidèle à moi que vrai patriote de l'Allemagne. Que ne vous puis-je exprimer assez comment je pense envers vous!

Vous m'avez écrit dans la précédente par rapport au général Werner et le colonel Hordt, dont je vous avais prié pour l'un d'entrer dans mon service, et pour l'autre son avancement pour lui et son ré-

---

*) Въ дальнѣйшихъ письмахъ, для краткости, обычныя начальныя и конечныя слова опускаются. П. Б.

giment *). Les raisons de votre majesté sont trop justes pour que je voudrais y mettre aucun obstacle, ne voulant rien gagner et de faire du tort à un vrai ami, comme j'estime votre majesté.

Vous m'écrivez, dans la lettre que le comte Schwerin a apporté, que je vous avais découvert la trahison de vos alliés et que je ne suivais la politique. Je m'en fais le plus sensible plaisir, en vous assurant que je suis et serai toujours de votre majesté le bon frère et fidèle allié jusqu' à la mort. Pierre.

A S-t Pétersbourg, le 30 mars 1762.

Государь братъ мой. Я въ восторгѣ отъ такого хорошаго обо мнѣ мнѣнія вашего величества! Вы хорошо знаете, что въ теченіи столькихъ лѣтъ я вамъ былъ безкорыстно преданъ, рискуя всѣмъ, за ревностное служеніе вамъ въ своей странѣ, съ наивозможно-большимъ усердіемъ и любовью. Потому ваше величество можете быть увѣрены, что я не захочу, послѣ столькихъ лѣтъ постоянства, перемѣнить свое отношеніе, зная васъ такъ, какъ я знаю. Ваше величество выказываете мнѣ свой благородный образъ мыслей такимъ довѣріемъ ко мнѣ, предоставляя мнѣ самому заключить условія мира и обѣщая союзъ съ вами, который будетъ мнѣ наиpріятнѣйшей вещью. Я былъ бы величайшимъ ничтожествомъ, еслибы, имѣя союзникомъ благороднѣйшаго государя въ Европѣ, не постарался сдѣлать все на свѣтѣ, чтобы доказать ему, что онъ не довѣрился лицу, желающему воспользоваться этимъ или обмануть его. Итакъ, позвольте вамъ сказать, что Гольцъ мнѣ говорилъ, что в. в. желали бы, и что это было бы вамъ наиболѣе удобно, чтобы я вамъ обезпечилъ Силезію и графство Глацъ и, кромѣ того, всѣ завоеванія, которыя вы можетъ сдѣлать у Австріи до заключенія съ нею мира. Я очень радъ этому и согласенъ на все. Но, съ своей стороны, я бы желалъ, чтобы вы соизволили сдѣлать тоже относительно Датскихъ владѣній, обезпечивъ мнѣ Гольштинію, со всѣмъ потеряннымъ мною въ Шлезвигѣ, и другую половину Датской Гольштиніи, въ вознагражденіе за столько лѣтъ неправаго пользованія ею; я былъ бы очень радъ, если бы это дѣло между мною и Датчанами окончилось полюбовно. Но предположимъ, что они меня принудятъ воевать; тогда я просилъ бы в. в. заключить такое же условіе со мною—обезпечить мнѣ завоеванія, которыя бы я сдѣлалъ въ Даніи, чтобы мы могли заключить прочный и славный миръ для моей Гольштинской династіи. Я увѣренъ, что вы этому никакъ не станете противиться, будучи вѣрнымъ мнѣ другомъ и истиннымъ Нѣмецкимъ патріотомъ. Не умѣю вамъ достаточно выразить, какъ объ васъ думаю.

Вы писали въ предыдущемъ письмѣ относительно генерала Вернера и полковника Гордта, о которыхъ я васъ просилъ, за перваго, чтобы онъ

*) Генерала Вернера Фридрихъ просилъ оставить у него на время; а про Горта писалъ, что исполнить желаніе Петра, если обстоятельства дозволятъ.

вступилъ въ мою службу, а за втораго—о повышеніи ему и его полку. Причины в. в. слишкомъ справедливы, чтобы я захотѣлъ идти противъ нихъ, такъ какъ не думаю ни о какой выгодѣ и не желаю огорчить истиннаго друга, какимъ почитаю ваше величество.

Вы мнѣ пишете въ письмѣ, которое привезъ графъ Шверинъ, что я вамъ открывалъ измѣну вашихъ союзниковъ и не слѣдовалъ политикѣ. Съ особеннымъ удовольствіемъ увѣряю васъ въ томъ, что я есмь и всегда буду в. в-ва добрый братъ и вѣрный до смерти союзникъ Петръ.

С.-Петербургъ, 30 Марта 1762 г.

4.

Mon chambellan comte de Woronzow *), que jai envoyé à Londres, pour y résider en qualité de mon ministre, a l'ordre en même tems de passer auprès de votre majesté pour lui réitérer de ma part les assurances les plus fortes de ces sentiments d'estime et d'amitié dont je fais hautement profession, et lui communiquer les instructions, dont je l'ai chargé. Comme il est intelligent et plein de zêle et de bonne volonté, je m'attends qu' il ne négligera rien pour bien exécuter mes ordres, et je ne me flatte pas moins que votre majesté, par le contenu des instructions susdites, se convaincra de nouveau que ses intérêts me tiennent au coeur tout autant que les miens.

A S-t Pétersbourg, ce 15 avril 1762.

Переводъ. Мой камергеръ графъ Воронцовъ, посланный мною министромъ въ Лондонъ, получилъ приказъ заѣхать къ в. в., чтобы повторить вамъ мои увѣренія въ самыхъ сильныхъ чувствахъ уваженія и дружбы, о которыхъ я всегда открыто заявляю, и сообщить вамъ наставленія, которыя я ему далъ. Онъ уменъ и полонъ усердія и доброй воли, и я думаю, что онъ сдѣлаетъ все, чтобы хорошо исполнить мои приказанія; льщу себя также надеждой, что изъ содержанія вышеупомянутыхъ наставленій в. в. вновь убѣдитесь, что ваши выгоды мнѣ также близки, какъ и мои.

Въ С.-Петербургѣ, 15 Апрѣля 1762.

5.

22 Апрѣля 1762 года Петръ посылаетъ Фридриху письмо съ его адъютантомъ Штейбеномъ (Steuben), котораго расхваливаетъ. Il pourra dire de bouche ma manière de penser envers votre majesté, dont il a été tous les jours témoin oculaire.

Переводъ. Онъ можетъ изустно передать образъ моихъ мыслей о в. в., чему онъ каждый день былъ свидѣтелемъ.

*) Будущій государственный канцлеръ графъ Александръ Романовичъ. Въ то время ему шелъ всего 21-й годъ отъ рожденія. Младшей его сестрѣ предстояла высокая участь. П. Б.

6.

Votre majesté approuve dans sa lettre du 24 d'avril les prétentions que j'ai sur les Danois, en me promettant sa garantie et en m'offrant un corps de ses admirables troupes, dont je reconnais la valeur, m'offrant son port de Stettin, en me disant de ne me point gêner et d'agir avec son pays comme si c'était le mien propre. Mais dans quelle agréable surprise n'ai-je été mis, en lisant les offres de sa propre personne contre mes ennemis! Votre majesté peut se figurer comment une personne qui n'a jamais eu autre chose en tête, étant grand-duc jusqu'à cette minute de vous regarder comme le plus grand héros au monde, pour lequel il serait laissé sacrifier mille fois, dire que vous, après tant de fatigues, vous voudriez aller contre mes ennemis. Cette dernière marque d'amitié surpasse toutes les autres et doit plus que jamais m'attacher à un prince si aimable comme est la personne de votre majesté.

Comme votre majesté a eu tant de confiance de me donner carte-blanche par rapport à la paix, je vous l'envoye par votre digne adjutant le comte de Schwerin. J'espère que votre majesté ne trouvera rien qui pourrait se ressentir d'aucun intérêt propre, ne voudrant jamais qu'on pourrait dire que j'avais préféré le mien au sien. Monsieur de Goltz en peut être mon témoin. Pour le traité d'alliance entre nous, il sera prêt dans quelques jours, et pour ne rien retarder ce qu'il pourrait empêcher votre majesté contre ses ennemis, qui sont autant les miens, j'ai donné ordre au général Tzernischew de faire tout son possible d'arriver au moins au commencement de juin à votre armée avec 15000 combattants réguliers et mille cosaques, lui ordonnant de faire tout son possible d'exécuter ce que votre majesté lui commandera. C'est le meilleur que nous avons après Romantzow, lequel je ne peux point ôter vis-à-vis des Danois. Mais si Tzernischew ne saurait rien, il ne pourrait jamais mal faire sous un si grand général comme est votre majesté.

Comme votre majesté m'a dit de ne me point gêner, je la prie donc, comme un bon allié et ami, de faire avec les Danois l'accomodement, s'il y a à faire, à Berlin sous la médiation de votre majesté et qu'elle a la bonté de faire insérer dans la paix qu'elle fera avec les Suédois qu'ils m'assistent avec leur flotte contre les Danois.

Comme le général Knoblauch doit se rendre incessament auprès de sa personne, je le lui recommande comme un vieux et fidèle serviteur de la maison de Prusse.

A S-t Pétersbourg, le 27 d'avril 1762.

Переводъ. Въ своемъ письмѣ отъ 24 Апрѣля в. в. соглашаетесь съ моими притязаніями на Датчанъ, обѣщая свою заручку и предлагаете корпусъ изъ своего удивительнаго войска, значеніе котораго признаю вполнѣ, и свою гавань въ Штетинѣ, говоря мнѣ, чтобы я отнюдь не стѣснялся и дѣйствовалъ въ его странѣ, какъ бы въ своей собственной. Но каково же было мое пріятное изумленіе, когда я прочелъ ваше предложеніе самому идти противъ моихъ враговъ! В. в. можете себѣ представить, какъ это должно подѣйствовать на человѣка, который, будучи великимъ княземъ и до сей минуты, не имѣетъ другой мысли, какъ считать васъ величайшимъ въ свѣтѣ героемъ, за котораго онъ тысячу разъ отдалъ бы себя въ жертву; что вы, послѣ стольких трудовъ, вдругъ захотите идти противъ моихъ враговъ. Этотъ послѣдній знакъ дружбы превышаетъ всѣ остальные и еще болѣе долженъ привязать меня къ столь любезному государю, какъ вы.

В. в. имѣли столько довѣрія ко мнѣ, что дали мнѣ полную свободу относительно мира; посылаю вамъ его съ вашимъ достойнымъ адъютантомъ, гр. Шверинымъ. Надѣюсь, что в. в. не найдете ничего, въ чемъ бы можно было увидѣть соблюденіе моего личнаго интереса, такъ какъ отнюдь не желаю, чтобы могли сказать, что я предпочелъ свое вашему. Гольцъ можетъ быть въ этомъ моимъ свидѣтелемъ. Относительно союзнаго договора между нами, онъ будетъ готовъ черезъ нѣсколько дней, и чтобы не было замедленія, могущаго помѣшать в. в-ву противъ враговъ, которыхъ считаю одинаково своими, я повелѣлъ ген. Чернышову сдѣлать все возможное, чтобы по крайней мѣрѣ въ началѣ Іюня подойти къ вашей арміи съ 15000 правильнаго войска и тысячью казаковъ, приказавъ, по мѣрѣ возможности, исполнять приказанія в. в. Это лучшій нашъ генералъ послѣ Румянцова, котораго не могу отозвать ради Датчанъ. Но еслибы Чернышовъ и ничего не умѣлъ, онъ бы не могъ дурно воевать подъ предводительствомъ такого великаго генерала, какъ в. в. В. в. мнѣ сказали не стѣсняться, и потому я васъ прошу, какъ добрый союзникъ и другъ, устроить, если надо, съ Датчанами соглашеніе въ Берлинѣ чрезъ посредство в. в. и чтобы вы были такъ добры заставить включить въ имѣющій совершиться со Шведами миръ, чтобъ они мнѣ помогали противъ Датчанъ своимъ флотомъ.

Генералъ Кноблохъ скоро долженъ пріѣхать къ в. в.; я его рекомендую, какъ стараго и вѣрнаго слугу Прусской династіи.

Въ С.-Петербургѣ, 27 Апрѣля 1762.

7.

Comme je vois par la lettre du 1 de ce mois que votre majesté n'a eu d'autre nouvelle par son ministre à Copenhague qu'on n'y pensait à rien que la défensive, je peux l'assurer que j'ai reçu des nouvelles toutes autres du général Roumantzoff, qui m' écrit que non seulement le colonel Belling l'a averti, mais encore un major Tettau à mon service, qui l'a écrit, que les Danois fesaient des préparatifs pour une

campagne, et pour pouvoir plus tôt commencer, ils avaient déjà fait avancer le général Bulow en avant pour entrer au Meklenburg avec les grenadiers de l'armée, et que le général St. Germain avait demandé à la ville de Lubeck un passage pour une colonne, mais que la ville l'avait refusé jusqu'à mettre les canons sur les remparts. Comme la nouvelle que le colonel Belling a donné au général Roumantzoff n'a pas pu être donnée sans l'ordre exprès de votre majesté, je ne peux pas assez le remercier, l'assurant toujours de la même amitié, l'a priant seulement de donner les mêmes ordres au prince de Bevern à Stettin pour qu'il facilite, autant qu'il pourra, Roumantzoff. Pour revenir à l'affaire, votre majesté m'écrit de provisions. J'ai déjà donné ordre à tous, et j'espère qu'il n'y manquera rien. Pour ce qu'il est de la flotte, elle n'est pas en trop bon état, hormis de couvrir les petits bâtimens, qui iront avec du bled à Colberg. Pour ce qui est de la flotte suédoise, je ne crois pas trop que ça réussisse, les connaissant trop bons François pour faire rien sans leur conseil, et pour ça il ne faudrait penser à autre chose que de le faire par terre.

Votre majesté m'écrit qu'elle pensait que je devais me faire couronner auparavant d'aller à l'armée, par rapport à la nation. Il faut donc que je lui dise, que comme cette guerre est presque à commencer, je ne vois point le moyen de me faire couronner auparavant par rapport même à la nation, pour la faire avec la magnificence, qu'ils sont accoutumés. Je ne la pourrais pas faire, n'ayant rien de prêt et ne pouvant rien trouver ici dans la vitesse. Pour ce qui est du prince Ivan, je l'ai sur une forte garde, et si les Russes m'auraient voulu du mal ils l'auraient déjà longtems pu faire, voyant que je ne prends garde à moi, me remettant toujours à la garde du bon Dieu, allant à pied par la rue, comme Goltz en est le témoin. Je peux vous l'assurer, que quand on sait se prendre avec eux, on peut aussi être sûr d'eux, et votre majesté, que penseraient ces mêmes Russes de moi, voyant que je resterai au logis dans un tems de guerre dans mon pays natal, eux, qui n'ont jamais souhaité autrement que d'être sous un maître et pas sous une femme, ce que j'ai moi-même entendu vingt fois de mes propres soldats de mon régiment, disant: Dieu fasse que vous serez au plus vite notre maître pour que nous ne soyons plus sous la domination d'une femme, et ce qui est le plus fort, ne m'auraient pas à me reprocher toute ma vie une poltronerie lâche, dont je mourerais sûrement de chagrin, étant le premier prince de ma maison, qui aurait resté au logis dans une guerre, qui se fait pour ravoir ce qu'on avait arraché injustement à ses ancêtres, et votre majesté perdrait beaucoup de son

estime pour moi, si je le ferais. Pour les précautions, je promets à votre majesté, qu'elles seront sûrement prises, tant du côté des ministres étrangers, que du côté des surveillants que je laisserai ici. Au reste il ne me reste plus que de remercier votre majesté de toute amitié qu'elle démontre pour ma personne.

A S-t Pétersbourg, le 15 may 1762.

P. S. Comme le maréchal de Munich pressera votre majesté par rapport à la comté de Vartemberg, je l'a prie de lui répondre qu'elle l'a laissée dans ma disposition.

Переводъ. Изъ письма отъ 1 сего мѣсяца вижу, что в. в. не получали отъ своего министра въ Копенгагенѣ иного извѣстія какъ то, что тамъ думаютъ только о защитѣ; могу васъ увѣрить, что я получилъ совсѣмъ иныя извѣстія отъ ген. Румянцова, который мнѣ пишетъ, что полковникъ Беллингъ предупреждалъ его, а нѣкто маіоръ Теттау, находящійся на моей службѣ, писалъ, что Датчане дѣлаютъ приготовленія къ наступленію и, чтобы быть въ состояніи скорѣе начать, они уже пустили впередъ ген. Бюлова, для вступленія въ Меклембургъ съ армейскими гренадерами; что ген. С. Жермэнъ просилъ у гор. Любека позволенія провести одинъ полкъ, но что городъ не только отказалъ ему, но даже поставилъ на валу пушки. Такъ какъ извѣстіе это не могло быть сообщено ген. Румянцову полковникомъ Беллингомъ иначе, какъ по особому приказу в. в., то я не знаю, какъ отблагодарить васъ, и не перестаю увѣрять въ неизмѣнной дружбѣ; прошу только дать таковыя же приказанія принцу Беверну въ Штетинѣ, чтобы онъ насколько возможно облегчалъ Румянцова. Но перейдемъ къ дѣлу. В. в. пишете мнѣ о запасахъ. Я уже всѣмъ разослалъ приказы и надѣюсь, что всего будетъ довольно. Что касается флота, то онъ не въ блестящемъ состояніи и годенъ только для прикрытія маленькихъ судовъ, которыя пойдутъ въ Кольбергъ съ хлѣбомъ. Относительно Шведскаго флота, не думаю, чтобы что нибудь удалось, такъ какъ они хорошіе Французы и ничего не предпримутъ не посовѣтовавшись съ ними; потому надо бы думать только о томъ, чтобы ихъ заставить высадиться на берегъ.

В. в. думаете, что ради народа я долженъ бы короноваться прежде своего отъѣзда въ армію. На это я принужденъ сказать вамъ, что такъ какъ эта война почти еще въ началѣ, то именно поэтому я не вижу никакой возможности короноваться раньше съ тою пышностью, къ которой Русскіе привыкли. Я бы не могъ совершить это, такъ какъ еще ничего не готово, и наскоро здѣсь ничего не найдешь. Принцъ Иванъ у меня подъ строгой стражей, и еслибы Русскіе хотѣли мнѣ зла, они бы давно могли его сдѣлать, видя, что я не берегусь, предаваясь всегда Божьей волѣ, хожу по улицѣ пѣшкомъ, чему Гольцъ свидѣтелемъ. Могу васъ увѣрить, что когда умѣешь обращаться съ ними, можно на нихъ положиться. А что бы подумали эти же Русскіе обо мнѣ, в. в., видя, что я остаюсь дома во время

войны въ родной странѣ, они, которые всегда только того и желали, чтобы быть подъ управленіемъ государя, а не женщины, о чемъ я самъ много разъ слышалъ отъ солдатъ своего полка, говорившихъ: дай Богъ, чтобы вы скорѣе были нашимъ государемъ, чтобы намъ не быть подъ владычествомъ женщины. А самое главное, они бы всю жизнь упрекали меня въ низкой трусости, отъ чего конечно я бы умеръ съ горести, такъ какъ былъ бы единственнымъ государемъ моего дома, оставшимся сидѣть во время войны, начатой за возвращеніе неправильно отобраннаго у его предковъ; и в. в. стали бы съ меньшимъ уваженіемъ относиться ко мнѣ, если бы я поступилъ такъ. Обѣщаю в. в., что всѣ мѣры предосторожности будутъ точно соблюдены какъ относительно иностранныхъ министровъ, такъ и со стороны наблюдателей, которыхъ оставлю вмѣсто себя здѣсь. Теперь мнѣ остается только поблагодарить в. в. за дружбу, выказываемую мнѣ вами.

Въ С.-Петербургѣ, 15 Мая 1762 г.

P. S. Когда фельдмаршалъ Минихъ будетъ просить в. в. относительно Вартембергскаго графства, прошу его отвѣчать ему, что вы предоставили это мнѣ.

8.

Vous m'avez rendu si confus des louanges que je ne sais comment y répondre. Votre majesté dit par rapport de la paix, que je l'ai fais avec désentéressement. Je peux l'assurer que je n'ai rien autre fait que ce que mon coeur m'a dicté. Votre majesté dit dans sa lettre qu'elle ne croyait pas que ses frères propres pourraient faire pour elle ce que moi j'ai fait. Je peux l'assurer sur cet article que, sans m'en faire de louanges, je ne crois point qu'il y est un de ses frères, qui lui soit si attaché et si fidèle que moi, et j'en défie un des propres sujets de votre majesté de l'être plus que moi.

Votre majesté, en cherchant de me démontrer sa vraie amitié, m'a comblé de joie, en m'écrivant qu'elle m'offrait le régiment de Sibourg dans sa glorieuse armée. Je serais bien difficile et bien ingrât si je n'acceptais la même minute ce beau régiment, et je lui promets qu'elle n'aura pas donné ce régiment à un paresseux, par ce que je chercherai de l'améliorer de plus beaux gens de mon pays. Votre majesté me fairait encore un grand plaisir de l'envoyer au corps du colonel Belling, pourque je le puisse avoir avec contre les Danois. L'offre qu'elle me fait d'accepter un régiment dans mon armée, encore m'a mis dans la plus grande joie; mais comme les propres sont toujours les meilleurs, je pense que, quand je viendrai à l'armée, je choisirai un, qui soit par sa bravoure et par sa beauté digne d'un si grand héros comme est votre majesté, et ce qu'il est de l'uniforme, je prie de la choisir elle-même, seulement que l'habit soit vert.

P. S. Comme il m'est justement venu dans la pensée un régiment qui a fait très bien, je l'offre à votre majesté; c'est le régiment de sécond Moscovsky, qui avait le prince Repnine, et il se fera le plus grand honneur d'être sous son commandement et de le présenter avec les listes du régiment à votre majesté.

Переводъ. Вы меня такъ смутили похвалами, что я не знаю, какъ на нихъ и отвѣчать. В. в. говорите относительно мира, что я его заключилъ безкорыстно. Могу васъ увѣрить, что я сдѣлалъ только то, что̀ предписывало мнѣ сердце. В. в. говорите въ своемъ письмѣ, что не думаете, чтобы родные братья могли для васъ сдѣлать то, что̀ сдѣлалъ я. Относительно этого могу васъ увѣрить, не хвалясь, что не думаю, чтобы кто изъ вашихъ братьевъ былъ вамъ преданъ съ такою вѣрностью какъ я; сомнѣваюсь, чтобы ваши собственные подданные были бы вамъ вѣрнѣе. В. в. чрезмѣрно обрадовали меня тѣмъ, что постарались доказать мнѣ истинную дружбу, написавъ, что предлагаете мнѣ изъ своей арміи славный Сибургскій полкъ; я былъ бы очень требователенъ и неблагодаренъ, если бы сію же минуту не принялъ этого прекраснаго полка; обѣщаю вамъ, что полкъ вашъ не будетъ отданъ лѣнтяю, такъ какъ я буду стараться украшать его лучшими людьми моей страны. В. в. сдѣлаете мнѣ большое удовольствіе, если присоедините его къ отряду Беллинга, чтобы я могъ его имѣть противъ Датчанъ. Меня также чрезвычайно обрадовало предложеніе принять изъ моей арміи полкъ; но такъ какъ пригодный къ войнѣ всегда самый лучшій, то я думаю, что, прибывъ въ армію, я выберу тотъ, который своей храбростью и красотой былъ бы достоинъ столь великаго героя, какъ в. в.; что же касается до мундира, то прошу васъ самого выбрать его, только чтобы онъ былъ зеленаго цвѣта.

P. S. Я сейчасъ вспомнилъ про полкъ, который былъ очень хорошъ; его я и предлагаю в. в. Это второй Московскій полкъ подъ предводительствомъ князя Репнина, который будетъ считать за величайшую честь быть подъ начальствомъ в. в. и представить полкъ съ его спискомъ в. в-ву.

*

Такъ писалъ злосчастный внукъ Петра Великаго. Письма къ нему Фридриха Втораго напечатаны въ 23-мъ томѣ его „Политической Переписки“, издаваемой въ Берлинѣ.

19 Января н. с. 1762 г., т. е. немедленно по кончинѣ императрицы Елисаветы Петровны, вполнѣ истощенный въ военныхъ своихъ средствахъ Фридрихъ писалъ изъ Бреславля своему министру Финкенштейну въ Магдебургъ, чтобъ онъ уговорилъ Англійскаго посла при его дворѣ Митчеля послать нарочнаго въ Петербургъ и попросить тамошняго Англійскаго посла Кейта о передачѣ его поздравленій Петру и Екатеринѣ et pour jeter adroi-

tement, surtout à limpératrice de Russie, mes sentiments [1]), а также, чтобы Кейтъ поговорилъ съ графомъ М. Л. Воронцовымъ о его желанiи прекратить войну съ Россiею. Петра III-го Фридрихъ, кажется, никогда не видалъ; а Екатерину видѣлъ въ Январѣ 1744 года, когда ѣхала она со своею матерью черезъ Берлинъ въ Россiю.

Про кончину Елисаветы Петровны Фридрихъ написалъ въ Лондонъ барону Книпгаузену 22 Января 1762: Morta la bestia, morto il veneno.

Переписка двухъ монарховъ началась письмомъ Фридриха изъ Бреславля, отъ 6 Февраля 1762, которое содержало въ себѣ поздравленiе съ восшествiемъ на престолъ. Петръ послалъ къ Фридриху Андрея Васильевича Гудовича (знавшаго понѣмецки и нѣкогда учившагося въ Кильскомъ университетѣ). Во второмъ письмѣ отъ 22 Февраля, которое повезъ Гудовичъ, Фридрихъ благодаритъ за отозванiе войскъ графа Чернышова отъ Австрiйцевъ. При третьемъ письмѣ отъ 3 Марта, онъ присылаетъ Петру Прусскiй орденъ. Въ письмѣ отъ 20 Марта, уклончиво соглашаясь на просьбу Петра о Вернерѣ и Гортѣ, Фридрихъ называетъ Петра un prince qui a le coeur vraiment allemand, qui ne veut pas contribuer à rendre l'Allemagne l'esclave de la mason d'Autriche [2]).

Гудовичъ пробылъ у Фридриха въ Бреславлѣ съ 20 по 23 Февраля 1762 г.; онъ явился къ нему только съ крепомъ на рукѣ, а король и маркграфъ Карлъ въ черныхъ жилетахъ и исподнемъ. За три дня до кончины Петра Фридрихъ писалъ ему изъ лагеря при Зейтендорфѣ, отъ 14 Iюля н. с. 1762: Je dirai à votre majesté que j'apprends le russe et que je dis souvent à ses soldats: „Vivat czarka Peter Fedorowitz!“ Ce sont les premiers mots que j'ai appris à bégayer dans cette langue et que je prononcerai du fond de mon coeur jusqu'au dernier soupir de ma vie [3]).

Объ отреченiи Петра отъ престола Фридрихъ узналъ въ самый день его кончины 6 (17) Iюля 1762 отъ Чернышова, слѣд. еще до полученiя донесенiй отъ своего министра графа Гольца изъ Петербурга.

---

[1]) Искусно передать, особливо Русской императрицѣ, его сочувствiе.

[2]) Государемъ, у котораго сердце поистинѣ Нѣмецкое, который не желаетъ содѣйствовать къ тому, чтобы Германiя стала рабою Австрiйскаго дома.

[3]) Скажу вашему величеству, что я учусь порусски и нерѣдко говорю вашимъ солдатамъ: Виватъ царка Петеръ Ѳедоровицъ! Это первыя слова, которыя я научился кое какъ произносить на этомъ языкѣ, и я стану произносить ихъ изъ глубины сердца до послѣдняго дыханiя моей жизни.

ДОНЕСЕНІЯ ПРУССКАГО ПОСЛАННИКА ГОЛЬЦА ФРИДРИХУ ВТОРОМУ О ВОСШЕСТВІИ НА ПРЕСТОЛЪ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ *).

I.

à S-t Pétersbourg, ce 2 (13) juillet 1762.

Sire.

L'empire de Russie vient d'essuyer une révolution inopinée, conduite dans le plus grand secret et couronnée du plus heureux succès.

L'Empereur, qui avait passé une quinzaine de jours à Oranienbaum à faire la revue des troupes de Holstein et à donner des fêtes aux dames, qu'il y avait invitées, partit vendredi 28 juin v. s., entre onze heures et midi, pour se rendre à Peterhoff, où la fête de Pierre-Paul devait être célébrée le lendemain. Un paysan vint l'avertir, que l'Impératrice avait quitté ce château le même jour de grand matin, sans qu'on savait pour où elle était partie. Arrivé à Peterhoff, l'Empereur y trouva les gentilshommes et les dames de l'Impératrice, qui lui confirmèrent le départ de cette princesse, sans l'éclaircir sur le but de son voyage, ni sur l'endroit, vers lequel il était dirigé. Il en fut instruit peu de temps après. Des avis, venus des environs de Pétersbourg, lui apprirent, que l'Impératrice était actuellemeut dans la capitale, que quelques détachements des régimens des gardes, assemblés devant l'église de Casan, qui est tout près de leurs casernes, lui avaient prêté le serment de fidélité, entre les huit et neuf heures du matin; que les autres régiments, s'étant assemblés sur ces entrefaites et conduits par l'Impératrice en personne au palais d'hiver, avaient suivi l'exemple des premiers; que toutes les personnes de distinction présentes à Pétersbourg lui avaient également rendu hommage et qu'elle avait été proclamée souveraine de l'Empire. On ajouta encore, qu'il y avait des troupes en marche contre Peterhoff, ce qui ne se vérifia pourtant point, comme votre majesté le verra par la suite de ce récit. Toutes les circonstan-

*) Списано съ подлинниковъ, хранящихся въ Берлинѣ (Geheim. Königlich. Staats-Archiv, XI Russland, № 64). Писано на пятый день послѣ событія. П. Б.

ces ne laissant aucun doute à l'Empereur du danger qui le menaçait' ce prince manda d'abord d'Oranienbaum les troupes de Holstein, dans le dessein de se mettre en défense; mais il ne tarda pas à s'appercevoir qu'en opposant une petite troupe de 1200 hommes à un corps de 10 m., il ne ferait qu'empirer les choses par une résistance inutile, qui n'éloignerait pas son malheur. Il se détermina enfin à chercher une retraite à Cronstadt, où il envoya le général Devières et l'aide-de-camp le prince Baretzkinsky, pour sonder les dispositions du gouverneur de la place. Çomme il n'avait pas perdu toute espérance, qu'on pouvait ramener du moins quelques—uns des régiments des gardes et nommément celle de Préobrajensky, il députa à Pétersbourg les maréchaux de Trubetzkoy et de Schuvalow, avec quelques autres, qu'il croyait lu être affidés. Il n'y eut que le prince Baretzkinsky, qui revint et lui rapporta de la part du général Devières, que tout était tranquille à Cronstadt, et que la nouvelle de la révolution arrivée dans la capitale n'y avait pas encore transpiré. Après avoir attendu en vain jusqu'à 9 heures du soir les nouvelles qui devaient venir de Pétersbourg, l'Empereur prit enfin le parti de passer à Cronstadt.

Tout le monde, jusqu'aux dames qu'il avait invitées, s'embarqua avec lui sur une galère et sur un yacht, qui étaient devant Peterhoff. L'Empereur, que j'y avais suivi dans le dessein de m'en retourner en ville après avoir assisté à la fête de Pierre-Paul, me dit en partant, que toutes les avenues de Pétersbourg étant occupées par des troupes, je n'y pourrais retourner sans m'exposer et que le parti le plus sûr serait de l'accompagner. Je me rendis sans peine à ce qu'il désirait, et j'espère, que votre majesté ne désapprouvera pas que j'aye pris ce parti, où il y avait en effet le moins d'inconvenients à craindre. Les bâtiments étant à la vue du port de Cronstadt, l'Empereur fit avertir le gouverneur de son arrivée, ce qui n'empêcha pas ce dernier de refuser à ce prince l'entrée du port, et sur une seconde sommation, d'y ajouter la menace qu'il ferait faire feu sur les bâtiments, s'ils ne se retiraient au plus tôt. En effet on entendit immédiatement après battre l'alarme dans la place, et les remparts se trouvèrent garnis de soldats. L'Empereur, se voyant exclus de Cronstadt, prit le parti de se retirer à Oranienbaum. Le yacht sur lequel je me trouvais, ne pouvant pas y aborder à cause des bas-fonds, reprit le chemin de Peterhoff, où en débarquant je vis que les choses étaient dans le même état, où je les avais laissées en partant. Ayant rejoint l'Empereur, j'appris, qu'immédiatement après son retour à Oranienbaum, ce prince avait député vers l'Impératrice le vice-chancelier prince de Galliczin, et quelque temps

après le général Ismaïlof, pour entrer en négociation. La réponse ne revint que samedi vers les neuf heures du matin et fut apportée par le dernier. Après un entretien secret d'une demi-heure que ce général eut avec l'Empereur, on sut que ce prince venait de renoncer par un acte formel à l'Empire, moyennant quoi il conserverait sa liberté et le gouvernement de ses états d'Allemagne, où il retournerait.

Comme je n'ai appris tout ceci que par le bruit confus, qui se répandit alors, je ne saurais le garantir dans toutes ses circonstances. L'acte de renonciation étant signé, l'Empereur, accompagné du sieur Gudovitz, son aide-de-camp-général, sortit par un escalier dérobé du château et se mit dans le carosse qui l'attendait pour le mener à Peterhoff, où l'Impératrice était arrivée peu auparavant. Il se passa quelques heures, avant qu'il nous vint des nouvelles ultérieures de Peterhoff. Vers le midi on vit arriver plusieurs équipages escortés d'un détachement de houzards, qui devaient mener les dames à la cour. Je partis en même temps, et à peu près à moitié chemin entre Oranienbaum et Peterhoff, je rencontrai le conseiller privé d'Olsowief que l'Impératrice avait envoyé pour me dire qu'elle laissait à mon choix, si je voulais attendre à Oranienbaum que le calme fût entièrement rétabli dans la capitale, et qu' il'n y aurait rien à craindre de l'animosité du peuple, et qu'en ce cas-là elle m'enverrait une garde, ou bien que, si j'aimais mieux retourner en ville, on me donnerait une escorte de douze houzars commandés par un officier, qui m'accompagneraient jusqu'à ma maison. Le sieur d'Olsowief me déclara en même temps au nom de Sa Majesté Impériale qu'elle était résolue d'entretenir l'amitié et la bonne intelligence, qui subsistaient entre les deux cours, et qu'elle se promettait que votre majesté ne ferait rien de son côté qui y serait contraire. Je répondis que j'étais pénétré, comme je devais l'être, de la grâce que Sa Majesté Impériale venait de me faire; qu'après une absence de quinze jours je devais naturellement être bien aise de rentrer chez moi, et que je prenais la liberté de demander l'escorte que Sa Majesté Impériale voulait bien me faire donner; que pour ce qui était de la déclaration amicale que lui, sieur Olsowief, venait de me faire par ordre de Sa Majesté l'Impératrice, je me presserais de la mander à votre majesté, et que je pouvais assurer d'avance qu'elle y répondrait par un parfait retour. Cet entretien fini, monsieur Olsowief demanda tout de suite un détachement au colonel du régiment de houzars, qui était tout près de nous, et je suis arrivé chez moi sans que j'aye me plaindre de personne.

J'appris à mon retour en ville que, pendant des jours de crise, on avait renforcé de 12 hommes, commandés par un officier,

la garde, qui, selon l'usage établi à cette cour, est dans ma maison, comme dans celles des autres ministres étrangers; qu'une heure avant mon arrivée un major l'avait fait retirer, ayant dit à mes gens, que cette garde n'avait été donnée que par précaution et pour mettre ma maison en parfaite sûreté pendant mon absence, mais que sur l'avis que j'allais rentrer en ville, il avait ordre de la retirer. On avait aussi posé des sentinelles à la porte de la chambre où le courrier de cabinet et les quatre chasseurs sont logés dans une maison voisine de la mienne, mais ces sentinelles ne furent poins ôtées après mon retour en ville. On me rapporta encore, qu'outre la défense qu'on leur avait faite de sortir et de voir qui que ce fût, on leur avait en même temps ôté leurs armes. Je crus devoir m'éclaircir, si tout cela avait été fait par ordre de Sa Majesté l'Impératrice, et j'en écrivis dimanche à monsieur d'Olsowief, lui demandant en même temps un passeport pour le courrier que je fais partir.

La copie de ma lettre se trouve à la suite de cette dépêche. Mon domestique, ne trouvant pas monsieur d'Olsowief chez lui, attendit son retour, comme ses gens le désiraient eux-mêmes. Il ne revint que vers les onze heures de la nuit et partit tout de suite pour faire son rapport à Sa Majesté l'Impératrice du contenu de ma lettre. Entre minuit et une heure il passa chez moi et, ayant demandé le sieur Diestel, il lui dit que Sa Majesté Impériale lui avait ordonné de me donner à connaître qu'on n'avait défendu aux courriers de sortir de leur chambre que par une précaution que les circonstances avaient rendu nécessaire; que l'officier, en leur ôtant les armes, avait agi contre ses ordres et contre l'intention de Sa Majesté Impériale; que dès le lendemain les sentinelles seraient ôtées et que pour ce qui était du passeport, il serait expédié en même temps qu'on en donnerait aux autres ministres étrangers. Les sentinelles furent ôtées en effet lundi matin, et je viens d'apprendre qu'on ne tardera pas à ouvrir le passage aux postes et aux courriers.

Hier un maître de cérémonie vint m'annoncer que Sa Majesté l'Impératrice recevait aujourd'hui des ministres étrangers les compliments de félicitation sur son avénement au trône, qui leur a été notifié par la note ci-jointe remise dans ma maison l'après-dîner du vendredi 28 juin. Le maître de cérémonie est revenu ce matin pour me dire que Sa Maj. Impériale désirait que je quittasse l'uniforme et que je parusse en habit de ville. Comme je me trouve dans l'impossibilité de m'y conformer, j'ai écrit tout de suite au grand-maître de cérémonie, le baron de Fort, pour lui marquer le chagrin que j'avais de me voir par la nouvelle étiquette

privé de l'honneur de faire aujourd'hui ma cour à Sa Majesté Impériale; que par les raisons qui lui étaient connues, je n'avais pas songé à me pourvoir d'habits de ville, et qu'il était absolument impossible de m'en faire faire dans le peu d'heures qui restaient jusqu'au temps fixé pour l'audience. Comme il se passera quelques jours avant que l'Impératrice donne une seconde audience aux ministres étrangers, je compte que l'habit, que j'ai commandé, sera prêt et que ce point de l'étiquette ne m'empêchera plus de paraître à la cour. Je dois ajouter encore que l'insinuation touchant l'uniforme a été également faite au ministre de Suède, le général baron de Posse etc.

La compagnie du corps, établie par feu l'impératrice Élisabeth et congédiée sous le règne précédent, vient d'être rétablie, et Sa Majesté a repris le commandement des trois régiments des gardes, qui, à l'exception de la garde Préobrajensky, avaient été soumis au commandement de leurs colonels.

Je suis avec le plus profond respect etc. Goltz.

Переводъ. Въ С.-Петербургѣ, 2 (13) Іюля 1762 года. Государь! Въ Россійской имперіи только что произошелъ совершенно неожиданно переворотъ, подготовлявшійся въ величайшей тайнѣ и увѣнчавшійся самымъ блестящимъ успѣхомъ.

Императоръ, пробывъ недѣли двѣ въ Ораніенбаумѣ, гдѣ онъ дѣлалъ смотры Гольштинскимъ полкамъ и устраивалъ празднества приглашеннымъ туда дамамъ, въ Пятницу, 28 Іюня стараго стиля, уѣхалъ между одиннадцатью и двѣнадцатью часами дня въ Петергофъ, гдѣ на слѣдующій день долженъ былъ праздноваться день Петра и Павла. Одинъ крестьянинъ предупредилъ его, что въ тотъ же день, рано утромъ, императрица неизвѣстно куда уѣхала изъ Петергофскаго дворца. Прибывъ туда, императоръ засталъ тамъ дворянъ и придворныхъ дамъ императрицы, которые подтвердили ему ея отъѣздъ, не объяснивъ цѣли ея путешествія и того, куда она уѣхала. Вскорѣ ему это сказали. Изъ окрестностей Петербурга дошли извѣстія, что императрица въ столицѣ и что нѣсколько отрядовъ гвардейскихъ полковъ, собравшись въ 9-мъ часу утра передъ Казанскимъ соборомъ, находящимся совсѣмъ близко отъ ихъ казармъ, принесли ей присягу; что собравшіеся тѣмъ временемъ другіе полки послѣдовали ихъ примѣру и подъ личнымъ предводительствомъ императрицы отправились въ Зимній дворецъ; что всѣ бывшія въ это время въ Петербургѣ знатныя лица также засвидѣтельствовали ей свою преданность и что ее провозгласили государыней Имперіи. Еще прибавляли, что нѣсколько отрядовъ идетъ на Петергофъ, что́ впослѣдствіи не оправдалось, какъ в. в. увидите изъ послѣдующаго разсказа. Всѣ эти обстоятельства убѣдили императора въ грозив-

шей ему опасности, и онъ вызвалъ было изъ Ораніенбаума Гольштинскій полкъ, думая защищаться, но вскорѣ понялъ, что противуставлять маленькій отрядъ въ 1200 человѣкъ 10-тысячному полку значитъ только ухудшить дѣло безполезнымъ сопротивленіемъ, которое не удалитъ бѣды. Наконецъ, онъ рѣшился спастись въ Кронштадтъ, куда послалъ ген. Девіера и адъютанта, кн. Барятинскаго, чтобы разузнать мысли тамошняго коменданта. Еще не совсѣмъ потерявъ надежды въ возможность вернуть къ себѣ хотя нѣкоторые изъ гвардейскихъ полковъ, и именно Преображенскій, онъ отправилъ въ Петербургъ фельдмаршаловъ Трубецкого и Шувалова и еще нѣсколькихъ лицъ, которыхъ считалъ вѣрными себѣ. Вернулся къ нему одинъ кн. Барятинскій, съ донесеніемъ отъ ген. Девіера, что въ Кронштадтѣ все спокойно и что туда еще не проникло извѣстіе о происшедшемъ въ столицѣ переворотѣ. Прождавъ напрасно до 9 часовъ вечера извѣстій изъ Петербурга, императоръ, наконецъ, рѣшился отправиться въ Кронштадтъ.

Всѣ, даже и приглашенныя имъ дамы, отплыли съ нимъ на галерѣ и яхтѣ, бывшихъ у Петергофа. Императоръ, съ коимъ я туда пріѣхалъ (въ предположеніи, пробывъ на празднествѣ Петра и Павла, вернуться въ городъ), уѣзжая сказалъ мнѣ, что какъ всѣ дороги заняты войскомъ, то мнѣ опасно будетъ возвращаться въ Петербургъ и что вѣрнѣе всего было бы ѣхать съ нимъ. Я охотно послушался его и надѣюсь, что в. в. не осудите меня за это рѣшеніе, въ которомъ, дѣйствительно, представлялось меньше всего затрудненій. Когда суда подошли въ виду гавани Кронштадта, императоръ приказалъ предупредить коменданта о своемъ прибытіи; но это не помѣшало ему запретить императору входъ въ гавань, и даже на второе требованіе пригрозить, что если онъ тотчасъ же не уѣдетъ, то онъ откроетъ по судамъ огонь. Дѣйствительно, тотчасъ же послѣ этого мы услыхали, какъ на площади забили тревогу и валъ покрылся солдатами. Видя изгнаніе изъ Кронштадта, императоръ рѣшилъ вернуться въ Ораніенбаумъ. Яхта, на которой я находился, не могла пристать тамъ по причинѣ мелководья, и мы направились въ Петергофъ, гдѣ высадившись я нашелъ все въ томъ же положеніи, въ какомъ было при нашемъ отъѣздѣ. Съѣхавшись потомъ съ императоромъ, я узналъ, что онъ тотчасъ же по возвращеніи въ Ораніенбаумъ послалъ къ императрицѣ вице-канцлера князя Голицына и, нѣсколько спустя, генерала Измайлова, для вступленія въ переговоры. Послѣдній привезъ отвѣтъ только въ Субботу, около 9 часовъ утра. Послѣ $^1/_2$-часового тайнаго разговора императора съ генераломъ, стало извѣстно, что государь отрекся отъ престола съ тѣмъ, чтобы сохранить свою свободу и свои владѣнія въ Германіи, куда онъ долженъ былъ вернуться.

Я узналъ все это по ходящимъ кругомъ смутнымъ слухамъ и потому не могу утверждать, вѣрны ли эти подробности. Подписавъ актъ отреченія, государь, въ сопровожденіи ген.-адъютанта Гудовича, вышелъ по потайной лѣстницѣ дворца, сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ

Петергофъ, куда немного ранѣе прибыла императрица. Нѣсколько часовъ не было никакихъ извѣстій изъ Петергофа. Около 12 час. дня подъѣхало нѣсколько экипажей, подъ конвоемъ отряда гусаръ, за придворными дамами, чтобы везти ихъ ко двору. Я уѣхалъ одновременно, и вскорѣ, на полдорогѣ между Ораніенбаумомъ и Петергофомъ, встрѣтилъ тайнаго совѣтника Олсуфьева, посланнаго ко мнѣ императрицей съ тѣмъ, чтобы я рѣшилъ, хочу-ли я подождать въ Ораніенбаумѣ до водворенія полнаго порядка въ столицѣ, хотя бояться вражды народа нечего: въ такомъ случаѣ она мнѣ пришлетъ стражу; или же, если я хочу вернуться въ городъ, мнѣ дадутъ конвой изъ 12 гусаръ съ офицеромъ, которые меня проводятъ до самаго дома. Олсуфьевъ объявилъ мнѣ также отъ имени ея и. в., что она рѣшила поддерживать дружбу и хорошія отношенія, существовавшія между двумя дворами и что она думаетъ, что в. в. также не будете ничего противъ этого предпринимать. Я отвѣчалъ, что достодолжно проникся милостью е. и. в.; что послѣ двухнедѣльнаго отсутствія я, конечно, былъ бы очень радъ вернуться къ себѣ, такъ что осмѣливаюсь просить конвоя, который ея и. в. соизволила мнѣ назначить, и что я поспѣшу увѣдомить в. в. объ изъявленіи дружбы е. и. в., переданномъ мнѣ Олсуфьевымъ, и могу заранѣе увѣрить въ полной взаимности в. в. Послѣ этого Олсуфьевъ тотчасъ же потребовалъ отрядъ у гусарскаго полковника, находившагося тутъ, и я вернулся къ себѣ, не имѣя случая ни на кого пожаловаться. Вернувшись въ городъ, я узналъ, что обычную при здѣшнемъ дворѣ стражу въ домахъ иностранныхъ министровъ и въ моемъ домѣ усилили на 12 человѣкъ, подъ командою офицера; что за часъ до моего пріѣзда ее отмѣнилъ маіоръ, сказавъ моимъ людямъ, что она была поставлена только изъ предосторожности и для полной безопасности моего дома во время моего отсутствія, но что онъ имѣетъ приказъ ее отозвать, получивъ извѣстіе о моемъ возвращеніи въ городъ. Поставили также часовыхъ у дверей комнаты, гдѣ живутъ въ сосѣднемъ со мною домѣ посольскій курьеръ съ четырьмя стрѣлками, но эти часовые не были сняты по моемъ возвращеніи въ городъ. Мнѣ говорили еще, что имъ запретили выходить и видѣться съ кѣмъ бы то ни было и обезоружили ихъ. Я счелъ долгомъ узнать, дѣлается ли все это по приказанію е. и. в., и написалъ объ этомъ въ Воскресенье Олсуфьеву, прося также паспорта для курьера, котораго отправлялъ. Копія съ письма приложена въ концѣ этой депеши *). Мой лакей не нашелъ Олсуфьева дома и, по желанію самой прислуги его, остался его дожидаться. Олсуфьевъ вернулся только въ 11 час. ночи и тотчасъ же отправился къ ея и. в., чтобы донести о содержаніи моего письма. Между 12 и часомъ ночи онъ пріѣхалъ ко мнѣ и, вызвавъ Дистеля, сказалъ ему, что ея и. в. приказала ему дать мнѣ знать, что курьерамъ запретили покидать комнату изъ предосторожности, необходимой по тогдашнимъ обстоятельствамъ, что офицеръ отобралъ у нихъ оружіе противъ приказанія и жела-

---

*) Этого приложенія у насъ не имѣется. П. Б.

нія ея п. в., что съ завтрашняго дня часовые будутъ сняты и что паспортъ будетъ присланъ тогда же, когда дадутъ ихъ другимъ иностраннымъ министрамъ. Дѣйствительно, часовыхъ отмѣнили въ Понедѣльникъ утромъ, и я узналъ, что скоро будутъ пропускать почту и куріеровъ.

Вчера церемоніймейстеръ объявилъ мнѣ, что е. и. в. сегодня принимаетъ отъ иностранныхъ министровъ поздравленія со вступленіемъ на престолъ, которое имъ было объявлено въ прилагаемой нотѣ, полученной мною въ Пятницу 28 Іюня послѣ полудня. Сегодня утромъ у меня опять былъ церемоніймейстеръ и сказалъ что е. и. в. желаетъ, чтобы я вмѣсто мундира явился въ статскомъ платьѣ. Не имѣя возможности сдѣлать такъ, я тотчасъ же написалъ главному церемоніймейстеру барону Лефорту съ изъявленіемъ сожалѣнія, что новый этикетъ лишаетъ меня чести явиться къ е. и. в. на поклонъ, такъ какъ, по причинамъ ему извѣстнымъ, я не подумалъ запастись статскимъ платьемъ, и что въ нѣсколько часовъ, оставшихся до назначенной аудіенціи, совершенно невозможно успѣть его сдѣлать; что я надѣюсь, что заказанное мною платье будетъ готово черезъ нѣсколько дней, когда государыня назначитъ вторую аудіенцію иностраннымъ министрамъ, и тогда этотъ пунктъ этикета не помѣшаетъ мнѣ явиться ко двору. Долженъ еще прибавить, что таковое же заявленіе о мундирѣ было сдѣлано и Шведскому министру, генералу барону Поссе и др.

Гвардейская рота, учрежденная покойной императрицей Елисаветой и уничтоженная въ прошлое царствованіе, возстановлена, а е. в. приняла опять начальство надъ тремя гвардейскими полками, которые, за исключеніемъ Преображенской гвардіи, были подъ начальствомъ своихъ полковниковъ.

Пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ в. в. и т. д. Гольцъ.

II.

à S-t Pétersbourg, ce 6 (17) juillet 1762.

Sire.

Je crois être de mon devoir de rapporter à v. m. une anecdote, qui à la vérité s'est formée depuis quelques années, mais qui n'avait pu avoir son effet qu'aujourd'hui. Tout le parti français de cette cour, voyant la mésintelligence qui déjà il y a plusieurs années régnait entre cette Princesse et son époux, s'employait près d'un couvent *) pour l'y faire enfermer pour toujours. Cette Princesse était alors trop bien instruite de cette menée pour que le souvenir ne lui était toujours présent; rien pourtant n'est moins connu à cette cour que cette intrigue. Naturellement cette affaire doit lui avoir donné du venin contre les Français. Elle peut aujourd'hui mettre fin à toutes les liaisons des deux

*) Такъ въ подлинникѣ (Geheim, Staatsarchiv zu Berlin, Rep. XI, Russland. 64. A). П. Б.

cours sans qu'il y paraissait même la moindre affectation. Le b. Breteuil étant parti d'ici il y a trois semaines sans nommer son successeur, les ordres furent donnés à l'ambassadeur c-te Czernischeff de quitter la cour tout de suite. L'Imp. n'aura qu'à répéter ces mêmes ordres, et cela de raison, puisqu'il conviendrait très mal que cette cour ait son ambassadeur en France pendant que les Français n'entretiendront qu'un chargé d'affaires à cette cour. M-r Keith (qui a de très fortes raisons pour ne pas pouvoir se flatter être bien vu de l'Impératrice par rapport à son personnel) vient de mander à sa cour qu'il croyait être engagé par devoir à l'instruire des raisons par lesquelles il demandera son rappel, puisqu'il craignait que cette personnalité ne donnât à l'Impératrice de l'humeur contre tout ce qu'il pourrait lui proposer, quand même les sujets des affaires lui seraient agréables, au moins indifférentes. D'ailleurs, l'histoire est que lui Keith, dans les premiers temps de son séjour ici, prêta de l'argent à cette Princesse, se flattant alors qu'il gagnait par là le premier ressort des affaires au changement de règne; il a vu dans la suite que cela lui menait à rien. Depuis la mort de feue l'Impératrice on s'approcha encore de Keith pour en tirer une autre somme qu'il refusa craignant que ces demandes ne finiraient pas, qu'il n'avait un remboursement à attendre et que depuis avait appris mieux à conserver le terrain et savait ainsi le peu de crédit que la Princesse avait sur son époux. Aujourd'hui il ne peut guères se flatter que l'Impératrice n'en conserve de l'humeur contre lui. Cette anecdote est sue de bien de personnes; elle m'a été contée dans le plus grand secret. Goltz.

Переводъ. Въ С.-Петербургѣ, 6 (17) Іюля 1762 г.

В. в. Считаю долгомъ донести в. в. объ анекдотѣ, который въ сущности произошелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но только теперь можетъ имѣть особое значеніе. Видя разладъ, уже нѣсколько лѣтъ существовавшій между государыней и ея супругомъ, всѣ приверженцы Французовъ при здѣшнемъ дворѣ старались о монастырѣ, о заключеніи ея туда на вѣки. Тогда она слишкомъ хорошо была освѣдомлена объ этихъ проискахъ, чтобы не помнить объ этомъ постоянно; тѣмъ не менѣе эта интрига почти неизвѣстна при дворѣ. Эта исторія естественно должна озлобить ее противъ Французовъ. Теперь совершенно естественно, если она порветъ всѣ сношенія между двумя дворами. Когда бар. Бретёль уѣхалъ отсюда три недѣли тому назадъ, не назначивъ никого на свое мѣсто, отданъ былъ приказъ графу Чернышову *) тотчасъ-же оставить дворъ. Теперь императрица можетъ имѣть полное основаніе сдѣлать тоже, такъ какъ неприлично было бы здѣшнему двору имѣть во Франціи посла, тогда какъ Французы имѣютъ здѣсь только уполномо-

*) Графу Петру Григорьевичу, нашему послу при Людовикѣ XV-мъ. П. Б.

ченнаго. По своимъ личнымъ дѣламъ съ императрицей Кейтъ имѣетъ сильное основаніе думать, что онъ ей непріятенъ и, потому онъ ей заявилъ, что считаетъ своимъ долгомъ объяснить ей причины, по которымъ онъ будетъ просить, чтобы его отозвали; онъ боится, чтобы изъ за того, что онъ ей лично непріятенъ, императрица будетъ недовольна всѣмъ, что бы онъ ей ни предлагалъ, даже когда свойство дѣла было бы ей пріятно или по меньшей мѣрѣ безразлично; суть въ томъ, что Кейтъ въ началѣ своего пребыванія здѣсь давалъ государынѣ взаймы, въ надеждѣ, что это поможетъ ему быть главнымъ лицомъ при перемѣнѣ правленія; впослѣдствіи онъ увидѣлъ, что это ни къ чему не привело Со смерти покойной императрицы къ Кейту прибѣгали еще разъ, чтобы получить отъ него еще нѣкоторое количество денегъ; но онъ отказалъ, боясь, что этимъ просьбамъ не будетъ конца, и видя что ему нельзя ожидать уплаты, такъ какъ онъ уже присмотрѣлся и зналъ, какъ мало вліянія государыня имѣла на своего супруга. Теперь онъ не можетъ похвастаться, что государыня на него за это не сердится. Этотъ анекдотъ знаютъ многіе; мнѣ его передавали подъ величайшей тайной, и т. д. *Гольцъ.*

*

Эти донесенія не были извѣстны В. А. Бильбасову (см. Исторію Екатерины Второй, II, стр. 582). Ихъ нѣтъ и въ Политической Корреспонденціи Фридриха II-го издаваемой въ Берлинѣ. Замѣчаній сего послѣдняго, о которыхъ говоритъ В. А. Бильбасовъ, въ подлинникѣ не имѣется.

Фридрихъ, успокоивая брата своего Генриха, опасавшагося отношеній съ Россіею, по вступленіи на престолъ Екатерины, пишетъ ему 31 Іюля 1762 о Екатерининскомъ манифестѣ: Le manifeste a été composé dans le premier tumulte de la révolution, sans qu'on y ait bien pensé. Aussi en a-t-on retiré, incessament après, tous les exemplaires dont on a pu se saisir à Pétersbourg“ [1]). Въ письмѣ отъ 10 Августа 1762 онъ хвастаетъ передъ братомъ: L'Impératrice n'est pas assurée sur le trône. Elle est trop heureuse que je ne me mêle pas de ses affaires. Le sang du petit-fils de Pierre I-er crie contre elle, et ce prince avait en Russie un plus grand parti qu'elle n'avait présumé [2]). Впослѣдствіи онъ думалъ совершенно иначе и въ 1785 году передавалъ проѣзжавшему через Берлинъ Французскому посланнику графу Сегюру свое убѣжденіе въ невиновности Екатерины II-й. П. Б.

---

[1]) Манифестъ сочиненъ въ первомъ пылу переворота и необдуманно; отъ того тотчасъ же отбирали экземпляры его, какіе можно было захватить въ Петербургѣ.

[2]) Императрица не тверда на престолѣ. Она слишкомъ счастлива тѣмъ, что я не мѣшаюсь въ ея дѣла. Кровь внука Петра I-го вопіетъ противъ нее, и этотъ государь имѣлъ гораздо болѣе приверженцевъ, нежели она предполагала.

ЯКОВЪ ИВАНОВИЧЪ БУЛГАКОВЪ [1]).

Историко-біографическій очеркъ.

(Писано въ 1854 году).

Въ ряду людей, обязанныхъ своимъ образованіемъ Московскому университету, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ славному дипломату Екатерининскихъ временъ, Якову Ивановичу Булгакову. Оканчивающій нынѣ столѣтіе своего существованія, университетъ нашъ съ гордостью можетъ указать на Булгакова какъ на своего питомца. Кромѣ того не лишнимъ будетъ возобновить память объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ въ настоящее время, когда всеобщее вниманіе обращено на то поприще, на которомъ онъ такъ успѣшно и такъ славно дѣйствовалъ.

Я. И. Булгаковъ происходилъ отъ старинняго дворянскаго рода, выѣхавшаго *изъ Нѣмцевъ*, какъ свидѣтельствуютъ родословныя книги [2]). Дьяки и воеводы Булгаковы нерѣдко встрѣчаются въ Исторіи Государства Россійскаго. Отецъ Якова Ивановича, Иванъ Михайловичъ, занималъ важную должность секретаря въ Преображенскомъ Приказѣ, одномъ изъ главныхъ правительственныхъ мѣстъ Петрова царствованія. Московскій домъ Булгаковыхъ находился въ Нѣмецкой слободѣ и принадлежалъ нѣкогда желѣзному заводчику Миллеру. Въ этомъ домѣ жила память о преобразователѣ: тамъ долго сохранялась надпись, свидѣтельствовавшая о томъ, что царь Петръ Алексѣевичъ, пріѣзжая къ Миллеру смотрѣть работы, нерѣдко самъ участвовалъ въ нихъ съ молоткомъ въ рукахъ. Какъ извѣстно, грозный бояринъ Преображенскаго Приказа, князь-кесарь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій († 1717), по

---

[1]) Правнучка Я. И. Булгакова, Наталья Павловна Всеволожская, любезно сообщила въ „Русскій Архивъ“ цѣлый рядъ приведенныхъ въ порядокъ и переплетенныхъ писемъ Я. И. Булгакова и его сыновей. Въ видѣ предисловія къ этой перепискѣ приводимъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ 1855 года №№ 5—8) статью нашу о достопамятномъ дипломатѣ, написанную нѣкогда къ столѣтнему юбилею Московскаго университета. П. Б.

[2]) См. изданную Миллеромъ *Родословную Книгу, Москва 1787*. Этихъ Булгаковыхъ не должно смѣшивать съ Булгаковыми, выѣхавшими изъ Чернигова, и съ князьями Булгаковыми, коихъ прекратившійся родъ былъ одною изъ вѣтвей многочисленнаго рода князей Голицыныхъ.

заведенному порядку, производилъ государя во всѣ чины, и секретарь Булгаковъ не разъ выдавалъ Петру полковое его жалованье. Онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ преобразованія, любилъ просвѣщеніе и имѣлъ богатую библіотеку, въ которой между прочимъ находилось полное собраніе вѣдомостей обѣихъ столицъ, съ самаго начала ихъ печатанія [1]). Въ городѣ Арзамасѣ, въ церкви Благовѣщенія, что̀ на посадѣ, сохранился памятникъ его благочестія: Евангеліе въ богатомъ серебряномъ окладѣ, которое онъ внесъ по своимъ родителямъ, погребеннымъ при этой церкви [2]). Послѣдніе свои годы онъ провелъ въ Москвѣ, на покоѣ, уваженный въ общественномъ мнѣніи, славный своимъ умомъ и житейскою опытностью. Московскіе градоначальники обращались къ нему за совѣтами. Въ Москвѣ, въ 1743 году, 15-го Октября, родился у него сынъ, который какъ бы въ наслѣдство отъ него получилъ умъ и любовь къ просвѣщенію, но которому суждено было дѣйствовать въ сферѣ, далеко не походившей на службу въ Преображенскомъ Приказѣ.

О домашнемъ воспитаніи Якова Ивановича мы ничего не знаемъ. Въ 1756 году, имя его въ первый разъ упоминается въ спискахъ только-что открывшейся университетской гимназіи, въ которой онъ учился до 1759 г., награждаемый ежегодно за прилежаніе то книгою, то медалью. Въ 1757 году, 14-го Іюня, на актѣ дворянской гимназіи, «Латинскаго класса ученики Матвѣй Аѳонинъ, Яковъ Манжосъ, Иванъ Нероновичъ и Яковъ Булгаковъ, говорили на Латинскомъ языкѣ о пользѣ военной науки, къ чему первый изъ нихъ сдѣлалъ вступленіе, двое слѣдующихъ разговаривали якобы диспутуясь, а четвертый учинилъ заключеніе». Такъ сказано въ современномъ описаніи акта, напечатанномъ въ тогдашнихъ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Занимаясь особенно Латынскимъ языкомъ, Булгаковъ прилежно усвоивалъ себѣ и другія познанія. Впослѣдствіи, на старости лѣтъ своихъ, онъ любилъ вспоминать о безсонныхъ ночахъ, проведенныхъ за книгами. Въ 1759 году, въ торжественномъ собраніи Университета, 16-ти лѣтній Булгаковъ говорилъ рѣчь, въ которой просилъ профессора Шадена о про-

---

[1]) Собраніе это, тщетельно умноженное его сыномъ, сгорѣло въ пожарѣ 1812 года; то, что̀ уцѣлѣло, перешло отчасти въ собраніе С. Д. Полторацкаго.

[2]) См. Отечеств. Записки 1824 года, № 46, стр. 292 — 296, гдѣ приведена находящаяся на Евангеліи надпись. Въ ней показано, что вкладъ сдѣланъ 20 Февр. 1763 года, на 58 году вкладчика, который слѣдовательно родился въ 1705 году и былъ 20 лѣтъ въ годъ смерти Петра Великаго. Между тѣмъ онъ былъ уже секретаремъ Преображенскаго Приказа и выдавалъ государю жалованье, о чемъ положительно говорится въ *Біографіи Я. И. Булгакова*, напечатанной въ Москов. Телеграфѣ 1831 года (Іюнь). Согласить эти противорѣчія можетъ тотъ, кто возметъ на себя трудъ провѣрить, дѣйствительно ли означенныя цифры находятся въ подлинной надписи и не напечатаны ли онѣ ошибочно.

изведеніи его въ студенты. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ посѣщалъ университетскія аудиторіи. Счастливая судьба послала ему въ товарищи Ипполита Богдановича, Сергѣя Домашнева, Аркадія Моркова, Дениса Фонъ-Визина (будущихъ его сослуживцевъ) и наконецъ Григорія Потемкина, который на высотѣ своего величія никогда не забывалъ Булгакова и потомъ встрѣтился съ нимъ при осуществленіи одной изъ любимѣйшихъ своихъ мыслей. Въ 1761 году Булгаковъ вышелъ изъ Университета, усвоивъ себѣ благородный образъ мыслей, любовь къ труду и горячую любовь къ просвѣщенію. О тогдашнихъ литературныхъ занятіяхъ его сказано будетъ ниже.

Если мы вспомнимъ, что даже въ 1767 гóду, бóльшая часть дворянъ, призванныхъ Екатериною въ Москву для составленія проекта новаго уложенія, не знала грамотѣ, то поймемъ, какъ дóроги были тогда люди образованные. Университетскій дипломъ и знаніе иностранныхъ языковъ тотчасъ же открыли молодому Булгакову доступъ въ одно изъ важнѣйшихъ правительственныхъ мѣстъ, въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, коею почти исключительно завѣдывалъ въ то время третій членъ ея, Никита Ивановичъ Панинъ, любившій отыскивать и возвышать таланты. Вскорѣ по опредѣленіи своемъ па службу, именно въ послѣднихъ числахъ Декабря 1761 года, Булгаковъ отправился курьеромъ въ Варшаву съ извѣстіемъ о кончинѣ государыни Елисаветы Петровны и о вступленіи на престолъ императора Петра III-го. Черезъ полгода, его снова послали курьеромъ въ Австрію вмѣстѣ съ камеръ-юнкеромъ Дмитріемъ Михайловичемъ Матюшкинымъ обрадовать Вѣнскій дворъ извѣстіемъ о воцареніи Государыни Екатерины Алексѣевны. Уже самыя эти посылки свидѣтельствуютъ, какъ рано Булгаковъ обратилъ на себя вниманіе начальства. Вниманіе сіе возрастало. Черезъ два года его назначили секретаремъ посольства въ Варшаву,— быстрое повышеніе, если судить по мѣсту сего новаго служенія: тогда въ Варшавѣ совершались событія, привлекавшія особенное вниманіе нашего правительства. Оставаясь въ Польшѣ почти безвыѣздно въ теченіе многихъ лѣтъ, Булгаковъ успѣлъ пріобрѣсти совершенное знаніе тамошнихъ дѣлъ, которое впослѣдствіи ему пригодилось. Ему отчасти должны быть приписаны наши дипломатическіе успѣхи въ Польшѣ. По званію секретаря, онъ былъ правою рукою четырехъ пословъ: князя Николая Васильевича Репнина, князя Михаила Никитича Волхонскаго, графа Каспара Сальдерна и графа Оттона Стакельберга; и, не смотря на совершенное различіе, можно сказать, противоположность ихъ характеровъ, Булгаковъ умѣлъ съ ними ладить. Особенно близокъ онъ былъ къ первому изъ нихъ. Когда Репнинъ, вскорѣ просла-

вившійся и на военномъ поприщѣ взятіемъ Измаила, около 1772 года, поссорился съ графомъ П. А. Румянцовымъ и на время удалился отъ дѣлъ для пользованія минеральными водами, Булгаковъ сопровождалъ его въ Германію. Онъ успѣлъ также пріобрѣсти расположеніе славнаго Александра Ильича Бибикова, который былъ главнымъ начальникомъ Русскихъ войскъ въ Польшѣ (въ то время, когда Пулавскій похищалъ короля Станислава). Въ одномъ большомъ письмѣ своемъ къ Н. И. Панину, хранящемся въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, Бибиковъ отзывается о Булгаковѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Труднѣе была Булгакову поладить съ графомъ Сальдерномъ, отъ котораго потерпѣлъ товарищъ его, А. И. Морковъ. Но въ Петербургѣ, у Панина, онъ имѣлъ дѣятельнаго предстателя въ другомъ университетскомъ товарищѣ своемъ, Д. И. Фонъ-Визинѣ. До насъ дошла въ отрывкахъ относящаяся къ тому времени переписка ихъ, изъ которой видны ихъ дружественныя отношенія [1]). Отъ 13-го Сентября 1773 года Фонъ-Визинъ писалъ къ Булгакову: «Нельзя больше входить въ состояніе ваше, какъ я вхожу въ оное, и потому, что оно мнѣ совершенно извѣстно, и потому, что я желаю вамъ счастія отъ всего моего сердца. Въ отвѣтъ на все то, что̀ вы о себѣ ко мнѣ писали, скажу искренно, что до свадьбы великаго князя [2]) ничего нельзя сдѣлать, или, яснѣе сказать, ни о чемъ графу (Панину) говорить нельзя... Петръ Васильевичъ Бакунинъ [3]) употребилъ все возможное къ поправленію состоянія вашего. Неужель его заступленіе, которому пособлю и я ревностнѣйшимъ образомъ, будетъ безъ успѣха? Сего я никакъ не ожидаю, тѣмъ болѣе, что графъ Никита Ивановичъ самъ васъ весьма уважаетъ». Чего именно желалъ Булгаковъ, видно изъ письма къ нему Фонъ-Визина отъ 9-го Сентября слѣдующаго года. «Наканунѣ полученія письма вашего сдѣлалось нечаянно назначеніе посланникомъ въ Царьградъ г-на Стахѣева [4]) по имянному указу. Сей внезапный случай разрушилъ все мое намѣреніе въ разсужденіи вашего туда отправленія. И такъ, милостивый государь мой, стану теперь добиваться по всей силѣ и возможности показать вамъ какую нибудь другую услугу. Повѣрьте, что въ томъ нашелъ бы истинное сердцу моему удовольтвіе.»

[1]) Восемь писемъ Фонъ-Визина напечатаны въ его сочиненіяхъ; отрывки писемъ Булгакова въ книгѣ князя П. А. Вяземскаго о Фонъ-Визинѣ.

[2]) Первая свадьба вел. князя Павла Петровича происходила 29-го Сентября 1773. Графъ Панинъ конечно былъ очень занятъ важною перемѣною, которая должна была послѣдовать въ жизни его 19-ти лѣтняго питомца, только что вышедшаго изъ-подъ его надзора.

[3]) Одинъ изъ чиновниковъ, служившихъ при графѣ Панинѣ, въ послѣдствіи третій членъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

[4]) Стахѣевъ долго служилъ при графѣ Панинѣ въ Стокгольмѣ. Послѣдній высоко цѣнилъ его знанія и способности (см. Записки Порошина).

Булгаковъ также исполнялъ разныя порученія Фонъ-Визина. Вотъ для образца отрывки отъ полушуточнаго письма его къ Фонъ-Визину, отъ 12-го (23-го) Янв. 1771 года изъ Варшавы: «Будьте увѣрены, что все мое стараніе обращу заслужить вашу довѣренность и вселить въ васъ мнѣніе, что и въ глуши есть люди, кои умѣютъ отдавать справедливость имѣющимъ достоинства; если же мнѣ того не удастся, то я во весь голосъ, котораго однако у меня отъ частаго кашля очень мало, закричу съ Сумароковымъ: «Бодливому быку судьба не ставитъ рогъ!» Коммиссію, на меня положенную, я, коль скоро можно будетъ, исполню и уже бы исполнилъ, если бы отъ меня зависѣло. Но Варшава теперь походитъ на пустой овинъ большаго села, въ которомъ была ярмарка и гдѣ... кромѣ сорокъ и филиновъ, ничего нѣтъ. Отсюда даже до дѣлателей зубочистокъ всѣ разбѣжались, а по пресѣченіи коммуникацій отъ защитниковъ вѣры и вольности, кои церкви грабятъ, а проѣзжихъ вѣшаютъ; ни откуда ничего сюда не везутъ. Однакожъ, хоть самъ научусь дѣлать, но съ первымъ курьеромъ зубочистки пришлю».

Скоро желаніе Булгакова быть въ Константинополѣ отчасти исполнилось. Въ концѣ того же 1774 года покровитель его или, какъ тогда выражались, милостивецъ, князь Н. В. Репнинъ сталъ снаряжаться въ знаменитое посольство свое, для заключенія окончательнаго мира съ Оттоманскою Портою. Онъ пожелалъ и въ эту поѣздку имѣть при себѣ Булгакова. «Дружеское письмо ваше (писалъ къ послѣднему Фонъ-Визинъ, отъ 11-го (22-го) Ноября) я исправно получилъ и увѣряю васъ, что все отъ меня зависящее конечно употреблю къ пользѣ вашей. Князь Николай Васильевичъ писалъ сюда о желаніи вашемъ ѣхать съ нимъ въ Царьградъ, на что шефъ нашъ (Панинъ) и согласился. Что же принадлежитъ до чина и до прочихъ агрементовъ, то, какъ другу, открою вамъ мысль мою, что къ скорѣйшему полученію онаго ничто бы такъ, мнѣ кажется, не помогло, какъ если бъ удалось вамъ самимъ здѣсь побывать».

Мы не знаемъ, ѣздилъ ли Булгаковъ въ Петербургъ, гдѣ именно въ то время началось могущественное вліяніе его университетскаго товарища Потемкина, безъ сомнѣнія содѣйствовавшаго служебнымъ его успѣхамъ. Посольство князя Репнина, въ которомъ Булгаковъ занялъ должность маршала, отправилось изъ Москвы весною 1775 года. Репнинъ съ многочисленною и блестящею свитою своею пробылъ въ Царьградѣ до весны слѣдующаго года. Его переговорамъ съ визиремъ, въ которыхъ дѣятельное участіе принимали Булгаковъ и товарищъ его А. И. Морковъ, Россія была обязана утвержденіемъ Крымской незави-

симости, приведшей потомъ къ пріобрѣтенію Тавриды. Въ Царьградѣ Булгаковъ ознакомился съ тою сферою, въ которой ему пришлось потомъ такъ славно дѣйствовать. Посольство возвратилось въ Петербургъ въ первыхъ числахъ Сентября 1776 года, и князь Репнинъ, въ представленномъ Государынѣ отчетѣ *), съ похвалою отозвался о дѣятельности Булгакова, который имѣлъ на своихъ рукахъ всѣ подарки бывшіе съ посломъ, всѣ церемоніальныя дѣла, «тожъ всѣ внутреннія учрежденія и подробности посольства».

Съ небольшимъ черезъ годъ Булгакову открылась новая дѣятельность. 30-го Декабря 1777 года умеръ Баварскій курфирстъ Максимиліанъ Іосифъ, послѣдній изъ Виттельшпахскаго дома. Это обстоятельство, какъ извѣстно, дало поводъ къ такъ называемому Тешенскому конгрессу. Притязанія Австріи на Баварію встревожили Прусскаго короля Фридриха, и Екатерина приняла на себя роль посредницы. Она послала въ Тешенъ князя Репнина съ Русскими войсками, и Булгаковъ снова сопровождалъ князя Репнина, въ должности секретаря. При содѣйствіи Версальскаго двора Репнинъ вскорѣ уладилъ дѣло, и миръ между Австріею и Пруссіею былъ заключенъ 13-го Мая 1778 года.

Далѣе, въ 1781 году, мы встрѣчаемъ имя Булгакова въ раздѣльномъ актѣ, постановленномъ между Россіею и Польшею: вмѣстѣ съ камеръ - юнкеромъ Михаиломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ, онъ разграничилъ Новороссійскую губернію съ Польскою Украйною, и 5-го (16-го) Января 1781 года подписалъ актъ сего разграниченія. Императрица наградила его чиномъ статскаго совѣтника.

Въ это время таланты и дѣятельность Булгакова, лестные о немъ отзывы Потемкина и Панина, обратили на него особенное вниманіе Государыни; она рѣшилась поручить ему одну изъ самыхъ трудныхъ и важныхъ дипломатическихъ должностей, и 20-го Мая 1781 г. опредѣлила своимъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ къ султану Абдулъ-Гамиду. Если мы вспомнимъ, что въ ту пору сношенія наши съ Турціею были предметомъ самыхъ внимательныхъ попеченій Екатерины, что Крымскій полуостровъ еще не былъ присоединенъ, что вся наша политика устремлялась къ обезсиленію Турокъ, то поймемъ, какимъ высокимъ довѣріемъ удостоенъ былъ Булгаковъ. Мы не имѣли случая видѣть данную ему Императрицею инструкцію. Но сохранилось острое слово Фонъ-Визина по этому поводу.

*) Отчетъ сей хранится въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. дѣлъ.

Булгаковъ пришелъ къ нему разспросить о содержаніи инструкціи, которое должно было ему быть извѣстно, какъ одному изъ ближайшихъ чиновниковъ графа Панина. «Вотъ въ чемъ инструкція заключается, отвѣчалъ Фонъ-Визинъ: у насъ ребятъ пугаютъ все Турками; надобно это перемѣнить и сдѣлать такъ, чтобы впредъ въ Царьградѣ дрожали отъ имени Русскаго, а прочее, при помощи Божіей и вашихъ стараніяхъ, придетъ уже само собою». Ближайшею цѣлью, предписанною Булгакову, было ослабить впечатлѣніе, которое должно было произвести на Турокъ присоединеніе къ Россіи Крыма, тогда уже почти приготовленное. «Полное свѣдѣніе, которое вы имѣете о настоящемъ положеніи Порты и ея министерствѣ, писалъ къ Булгакову Потемкинъ, откроетъ вамъ удобнѣйшіе способы, и вы оными воспользуетесь. Если угобзите вы людей, имѣющихъ силу, и чрезъ пристойныя внушенія дадите знать, въ какой теперь войска наши готовности къ нанесенію имъ по первому знаку чувствительныхъ ударовъ, то половину пути вы совершите. Главнѣйшій вамъ будетъ трудъ въ преодолѣніи *шайки Французской* и въ поколебаніи довѣренности, которую Порта имѣетъ къ сему коварному народу...»

Весною 1781 г. Булгаковъ отправился въ Царьградъ къ своему новому назначенію. Въ Москвѣ онъ простился (не зная, что навсегда) съ престарѣлымъ отцемъ своимъ, о которомъ потомъ писалъ къ графу А. А. Безбородкѣ (второму члену Иностранной Коллегіи) изъ Херсона, отъ 13-го Іюля 1781 г.: «Высочайшею милостію Ея Императорскаго Величества поставленъ я въ такое состояніе, что не остается мнѣ ничего желать, кромѣ счастія удостоиться ея благоволенія прилежаніемъ моимъ къ ея службѣ... Приготовляясь къ сему около 20 лѣтъ, избѣгаю я входить въ обязанности, могущія отвлечь мое вниманіе отъ поручаемой мнѣ должности. Но есть такія обязанности, которыя съ нами родятся и которыя впечатлѣны въ нашемъ сердцѣ самою природою. Имѣю я семидесятилѣтняго отца, проводившаго половину жизни своей въ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ... Я не въ состояніи теперь доставить ему чѣмъ кончить въ покоѣ и безъ недостатка остатокъ лѣтъ его; но всегдашняя и долговременная нужда вовлекла его въ долги, отъ коихъ я не въ силахъ его освободить, ежели вы не подадите мнѣ руку помощи. Есть у него каменный домъ въ Москвѣ, единое убѣжище; но и тотъ заложенъ въ банкѣ, гдѣ срокъ уже прошелъ. А какъ оный уже представленъ съ другими годными для губернскихъ надобностей, когда откроется намѣстничество, то и прошу покорнѣйше приложить стараніе, чтобъ былъ взятъ онъ въ казну». Просьба эта была исполнена.

Новое служеніе Булгакова требовало не только искусства дипломатическаго, но и отважности душевной. Передъ нимъ былъ примѣръ его предшественника, А. С. Стахіева, который незадолго передъ тѣмъ едва спасся отъ ярости Цареградской черни, въ то время, когда шли окончательные переговоры о независимости Крымской*). Булгаковъ хорошо понималъ свое положеніе. «Не боюсь ничего, что̀ бы со мною ни сдѣлали (писалъ онъ къ Безбородкѣ, отъ 1-го Сентября 1781 года), пропаду одинъ; но мщеніе за меня произведетъ общее добро». Или (въ письмѣ къ нему же, отъ 13-го Декабря 1781 г): «Я съ Турками скажу: *Ишала*! Богъ великъ! Радъ лишиться покоя, здоровья и жизни моей, лишь бы принесть пользу дѣламъ и быть угоднымъ поставленной для блаженства нашего надъ нами». Вообще Булгаковъ питалъ къ Екатеринѣ безграничную преданность. До конца жизни онъ всегда говорилъ съ благоговѣніемъ и восторгомъ о геніальныхъ качествахъ великой монархини. Онъ не рѣдко повторялъ, что боится за Россію только ночью, потому что тогда Государыня почиваетъ. Мысль о томъ, что онъ служитъ орудіемъ для осуществленія ея плановъ, одушевляла его. Равнымъ образомъ его поддерживали близкія его сношенія съ Потемкинымъ, съ которымъ онъ находился въ постоянной перепискѣ. Вотъ отрывокъ изъ его письма къ Потемкину отъ 15-го Октября 1782 года: «Сколько станетъ знанія и силъ, конечно не меньше бы другаго я сдѣлалъ во всякомъ другомъ мѣстѣ; но здѣсь, гдѣ головы, слѣдовательно и дѣла, совсѣмъ инако устроены или, справедливѣе сказать, разстроены, невозможно льститься ни въ чемъ вѣрнымъ успѣхомъ, ни предвидѣть, что̀ будетъ завтра. Все зависитъ отъ ежедневныхъ обстоятельствъ и все управляется случаемъ, который Турки чтятъ именемъ Промысла Божія: а того имъ и никогда втолковать нельзя, что Промыслъ Божій сохраняетъ только тѣхъ, кои руководствуются даннымъ имъ отъ Него проводникомъ, то есть разумомъ, а не тѣхъ, кои, полагаясь на Него слѣпо, даже и безъ заслуги, бросаются въ огонь и въ воду, думая, что не сгорятъ и не утонутъ».

Къ сожалѣнію, мы не можемъ сообщить подробныхъ свѣдѣній о пребываніи Булгакова въ Турціи. До знаменитаго заключенія его въ Семибашенный за̀мокъ, замѣчательнѣйшимъ временемъ въ его тамошней жизни былъ 1783 годъ. Письмомъ отъ 15-го Іюня 1783 года онъ извѣщалъ Потемкина о заключеніи торговаго трактата съ Портою, который онъ называетъ безпримѣрнымъ и несказанную пользу Россіянамъ приносящимъ». «Порта (говоритъ онъ въ этомъ же письмѣ)

*) См. біографію Стахіева въ Словарѣ Д. Н. Бантыша-Каменскаго.

весьма рада окончанію сего договора, который обращаетъ къ успокоенію народа...» Этотъ договоръ какъ бы усыпилъ Турокъ. Между тѣмъ присоединеніе Крыма уже совсѣмъ было приготовлено. Лѣтомъ 1783 года ханъ Крымскій, Шагинъ-Гирей, передалъ свои владѣнія Екатеринѣ и поселился въ Россіи. Толпы Татаръ оставили Крымъ и размѣстились по обширнымъ областямъ Русскимъ. Главный устроитель всего этого дѣла, Потемкинъ, прибывшій весною 1783 года въ Херсонъ и оттуда поѣхавшій въ Крымъ, такъ извѣщалъ Булгакова о присоединеніи онаго: «Высочайшее Ея Императорскаго Величества предположеніе о Крымѣ въ дѣйство произведено; манифестъ о присоединеніи сея области къ державѣ Россійской обнародованъ, и вслѣдствіе того всѣ знатнѣйшіе правительства здѣшняго члены, беи, мурзы, духовенство и избранные отъ народа, въ общемъ здѣсь собраніи, подвергшись спокойно и безъ принужденія въ подданство Ея Императорскому Величеству, учинили торжественную присягу, которая и по всему Крыму теперь происходитъ съ полною тишиною и по доброй волѣ жителей. Господа генералъ-поручики и кавалеры Суворовъ и Потемкинъ (Павелъ Сергѣевичъ), по сдѣланному отъ меня предписанію, произвели сіе на Кубани, и я получилъ уже отъ нихъ присяги: отъ перваго *Едисанской* и *Джамбулацкой* орды, отъ послѣдняго жъ Татаръ, живущихъ по вершинамъ Кубанскимъ. Ожидаю равномѣрнаго исполненія изъ *Тамана*, имѣя уже извѣстіе о приближеніи туда отправленнаго по сему дѣлу отряда войскъ. Съ полученіемъ сего, или конечно и прежде, достигли уже въ Царьградъ обнародованные здѣсь манифестъ и присяжные листы. Какое оные произведутъ тамъ дѣйствіе, покорно прошу меня увѣдомить.» Письмо писано 12-го Іюля 1783 года, въ лагерѣ при Карасубазарѣ. Въ припискѣ къ нему Потемкинъ говоритъ: «Да благословитъ Богъ старанія ваши, кои конечно увѣнчаются успѣхами. Въ томъ ручаются умъ вашъ, усердіе и дѣятельность. Я къ вамъ подвинусь поближе. Относитесь прямо ко мнѣ. Все состоитъ въ томъ, чтобы Крымъ принадлежалъ Россіи, обратился къ вѣрѣ и процвѣталъ подъ державою Екатерины II. Презирайте происки Французовъ. Вѣрьте, что все обратится къ стыду ихъ и гибели. Французы у васъ мутятъ, здѣсь кланяются, а дома погибаютъ.» Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ Булгаковъ приписываетъ Потемкину славу безкровнаго пріобрѣтенія Тавриды и увѣдомляетъ, что Порта еще молчитъ. Но вскорѣ она заговорила, и только твердости и искусству Булгакова обязана была Россія сохраненіемъ мира. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ велъ онъ жаркіе переговоры, безпрестанно угрожаемый бунтомъ Цареградской черни и Французскими происками, и лишь 28-го Декабря 1783 года успѣлъ заключить актъ о согласіи Порты на присоединеніе къ Россіи

Крыма. Потемкинъ былъ въ восторгѣ. Онъ осыпалъ Булгакова похвалами: «Взаимно васъ поздравляю съ благимъ окончаніемъ сего возложеннаго на васъ подвига, писалъ онъ къ нему отъ 15-го Января 1784 года. Крайнія затрудненія и препятствія, которыя вамъ преодолѣвать было должно, умножаютъ цѣну заслуги вашей, и я не престану всегда признавать и исповѣдывать пользы и успѣхи, которые со вступленія вашего въ настоящее званіе пріобрѣли дѣла наши при Портѣ, перемѣня совсѣмъ видъ свой и теченіе». Вскорѣ Потемкинъ поскакалъ въ Петербургъ пожинать лавры. «Труды ваши (писалъ онъ Булгакову оттуда, отъ 8-го Февраля 1784 года) останутся въ потомствѣ. Могу васъ при томъ увѣрить, что Ея Величество отдаетъ вамъ ту справедливость, которую вы заслуживаете. Чтò, если я изъ Крыма на суднѣ пріѣду къ вамъ въ гости? Я безъ шутокъ хочу знать, можно ли сіе сдѣлать.» На это Булгаковъ отвѣчалъ, что въ Царьградѣ почитаютъ Потемкина Русскимъ верховнымъ визиремъ, что потому его прибытіе произведетъ въ народѣ суматоху и взволнуетъ головы, что сверхъ того начинается въ Турціи язва и пр. Потемкинъ снова писалъ къ нему отъ 12 го Февраля 1784 года, изъ Петербурга же: «Вы относите мнѣ покореніе Крыма. Это увеличиваетъ еще болѣе заслуги ваши. Все отъ Бога; но вамъ обязана Россія и сами Турки: ваша твердость, дѣятельность и умъ отвратили войну. Турки были бы побѣждены, но Русская кровь также бы потекла! Чтò у васъ говорятъ ненавистники о столь знаменитомъ дѣлѣ? Вмѣсто Царяграда, я уже здѣсь. Будьте тамъ вы для пользы Императрицы, которая отдаетъ вамъ полную справедливость».

Что касается до награды за успѣшное окончаніе столь важнаго дѣла, то объ этомъ мы имѣемъ любопытное письмо Булгакова къ Потемкину, писанное еще до полученія награды и объясняемое какъ духомъ того времени, такъ и прямотою Булгакова и короткими его сношеніями съ княземъ Таврическимъ. «Двадцатилѣтняя моя безпрерывная и всегда трудная служба, писалъ онъ къ нему отъ 1-го Января 1784 года, хотя можетъ быть и не важна, но по мѣрѣ силъ моихъ возможные успѣхи заставляютъ меня льститься, что всемилостивѣйшая Государыня, по милосердію своему, не дозволитъ мнѣ умереть съ голоду, когда ослабѣвающія уже мои силы учинятъ меня вовсе къ службѣ неспособнымъ. Но между тѣмъ польза оной требуетъ, чтобъ я здѣсь въ *публикѣ* былъ отличенъ какимъ ни есть наружнымъ знакомъ высочайшаго благоволенія, который, умножа ко мнѣ у всѣхъ довѣренность, умножитъ и важность всѣхъ моихъ по дѣламъ будущихъ подвиговъ. Прежде здѣсь сего не разумѣли, но нынѣ мысли перемѣнились. Фран-

цузскій посолъ сколь давней связи двора его, столь не меньше и цвѣту голубой ленты обязанъ былъ умноженіемъ своей силы. Теперь, кажется, главное мое попеченіе, по окончаніи всѣхъ спорныхъ дѣлъ, будетъ перевѣшивать его силу, и въ наружности по меньшей мѣрѣ съ нимъ до времени равняться. Сія причина побуждаетъ меня всепокорнѣйше просить в. с. употребить все сильное свое стараніе, ежели достойнымъ меня найти изволите, о испрошеніи мнѣ ордена Бѣлаго Орла ко времени размѣны ратификацій. Когда бъ препятствіемъ представился чинъ мой, то и оное зависитъ отвратить единственно отъ в. с.: я отъ всѣхъ отсталъ и не принадлежу теперь ни къ какому департаменту, никого слѣдовательно не обойду.» Булгаковъ вскорѣ былъ награжденъ свыше скромныхъ надеждъ и желаній своихъ: онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и только-что учрежденный тогда и немногимъ еще пожалованный орденъ Св. Владимира 2-й степени.

Въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ, спокойно и безъ всякихъ особенныхъ случаевъ Булгаковъ продолжалъ свое дипломатическое служеніе. Сообразно съ званіемъ своимъ, онъ велъ жизнь довольно открытую. «Семья у меня довольная (писалъ онъ къ Безбородкѣ): обыкновенный мой столъ состоитъ изъ двадцати собственныхъ собесѣдниковъ, съ которыми я радъ раздѣлить все, что̀ получаю по милости Матушки нашей.» Въ 1786 году начались для него тревоги.

Война съ Россіею въ то время уже была почти рѣшена въ мысляхъ султана. Турція не могла намъ простить присоединеніе Крыма и, подстрекаемая иноземными внушеніями, замышляла сдѣлать послѣднюю попытку къ возвращенію его. Съ своей стороны Екатерина давно уже готовилась къ войнѣ, обезпечивала себя со стороны Шведской, укрѣпляла союзъ и дружбу съ императоромъ Австрійскимъ Іосифомъ II. Съ симъ послѣднимъ она видѣлась въ знаменитое путешествіе въ полуденную Россію, которое продолжалось всю первую половину 1787 года и которое можно назвать предварительнымъ обозрѣніемъ театра войны, долженствовавшей осуществить самые смѣлые планы великой Монархини и геніальнаго князя Таврическаго. Булгаковъ воспользовался близостію мѣста во второй половинѣ Мая, въ Херсонѣ, представился Государынѣ, сопровождалъ ее въ путешествіи по Крыму и вѣроятно получилъ отъ нея подробнѣйшія наставленія касательно будущихъ дѣйствій своихъ.

Немедленно по возвращеніи его въ Царьградъ, наступило для него рѣшительное время. 5-го Августа 1787 г. на конференціи, бывшей у

верховнаго визиря, онъ окончательно отказался принять предложеніе Порты о томъ, чтобы Крымъ преобращенъ былъ въ прежнее состояніе и чтобы подвергнуты были пересмотру всѣ прежніе трактаты. Вслѣдъ за этимъ, въ тотъ же день, Булгаковъ былъ объявленъ *мусафиромъ* или *гостемъ Блистательной Порты* и отведенъ въ такъ-называемый *Едикуль* или *Семибашенный замокъ*. Россіи объявлена война и начаты непріязненныя дѣйствія.

Цареградское заключеніе составляетъ славу Булгакова, и потому мы обязаны сказать о немъ подробнѣе. Оно продолжалось слишкомъ 26 мѣсяцевъ. Въ теченіе этого времени, рядомъ съ своими разнообразными трудами Булгаковъ велъ краткій журналъ, въ которомъ записывалъ важнѣйшія событія, совершавшіяся въ столицѣ Турецкой. Къ сожалѣнію, журналъ сей, вѣроятно посыланный въ Петербургъ, носитъ офиціальный характеръ, и живыхъ подробностей въ немъ мало.

Скуку и непріятности заключенія раздѣляли съ Булгаковымъ драгоманъ его *Николай Пизани*, секретарь посольства *Иванъ Яковлевъ*, переводчикъ *Іосифъ Дандрій*, докторъ *Жероти*, камердинеръ *Александръ Алымовъ* и одинъ лакей. Всѣхъ этихъ людей Булгаковъ самъ выбралъ, когда Турецкій чиновникъ предложилъ ему взять съ собою въ Едикуль тѣхъ, кои ему угодны. «Должно отдать справедливость, пишетъ Булгаковъ въ упомянутомъ журналѣ [1]), что, слѣдуя въ Едикуль, никто и ни отъ кого ни словомъ по улицамъ оскорбленъ не былъ, да и со свитою посольства [2]) никакого-жъ приключенія не воспослѣдовало. Равнымъ образомъ, чтобъ министерскіе домы въ Перѣ и въ Буюкдере не подвержены были какимъ насиліямъ, и чтобъ изъ оныхъ ничего не распропало и не расхищено, опредѣлены морскіе и артиллерійскіе караулы». На содержаніе Булгакова Порта опредѣлила сначала 15, потомъ 25 піастровъ въ день: сумма ничтожная. Вѣроятно, онъ имѣлъ довольно собственныхъ денегъ, ибо только съ помощью ихъ могъ сохранять свои сношенія съ преданными намъ людьми, получать и пересылать Потемкину важнѣйшія свѣдѣнія. Онъ купилъ себѣ у диздаря или коменданта крѣпости участокъ земли, обнесенный высокою стѣной, обратилъ его въ прекраснѣйшій садъ, самъ сажалъ деревья, поливалъ цвѣты, разбивалъ дорожки, и въ этомъ саду, въ который вела лѣстница изъ окна его комнаты, отдыхалъ отъ разнообразныхъ умственныхъ трудовъ своихъ. Сами Турки не могли отказать ему въ нравственномъ уваженіи. Въ журналѣ его, подъ 29-мъ числомъ Января

---

[1]) Мы пользовались имъ въ копіи, за сообщеніе которой обязаны благодарностью князю М. А. Оболенскому.

[2]) Которая потомъ была отпущена въ Россію.

1788 года, читаемъ: «Турки вообще говорили потомъ, что Россійскій министръ задержанъ въ Едикулѣ по причинѣ уваженія Порты къ его достоинству, и что интернунцій *) желалъ охотно быть въ Едикулѣ, но правленіе на то не согласилось, выдавъ ему фирманы, дабы онъ немедленно изъ столицы выѣхалъ. Вотъ какими разсказами нерѣдко занимаетъ правленіе чернь Константинопольскую». Въ началѣ Февраля Турецкое правительство начало заискивать въ Булгаковѣ: ему объявили, чтобы въ своихъ нуждахъ онъ обращался всегда къ Портѣ и прислали въ подарокъ мѣшечекъ съ золотомъ. Булгаковъ благодарилъ за первое и отослалъ назадъ второй. Онъ просилъ только дать приказаніе коменданту объ уменьшеніи строгости въ присмотрѣ и о дозволеніи имѣть къ нему входъ людямъ, находящимся въ собственной его службѣ.

Вообще, надо думать, что, уважая нравственныя качества Булгакова, Турки не прибѣгали къ мѣрамъ строгости и нетерпимой осторожности. Русскій посланникъ, какъ видно по журналу его, узнавалъ все важнѣйшее и даже доставлялъ нужныя свѣдѣнія въ отечество. Такъ, въ началѣ 1789 года, онъ успѣлъ получить черезъ преданныхъ ему людей секретный и весьма умный планъ войны съ Россіей, начертанный для Турокъ Французскимъ посломъ *Шоазелемъ - Гуфье*, нашелъ средство доставить его Потемкину и тѣмъ, конечно, оказалъ существенную услугу нашему дѣлу. Одно изъ своихъ писемъ къ Потемкину онъ заключаетъ словами: «Всепокорнѣйше прошу извинить безпорядокъ сего донесенія: пишу украдкою... Не знаю, дошли ли мои прежнія донесенія. Ни откуда и ни отъ кого не получаю ни отвѣта, ни одобренія, и въ семъ состояніи стражду около семнадцати мѣсяцевъ. Дай Боже, чтобы только доходило то, что̀ пишу; сего довольно для моего утѣшенія. Истощивъ всѣ средства, подвергаю себя всѣмъ опасностямъ. Что̀ могу больше сдѣлать для пользы отечества?»... Онъ отправлялъ донесенія и къ Государынѣ. Въ одномъ изъ нихъ, между прочимъ, говоритъ онъ о себѣ, что комендантъ или диздарь Семибашенной крѣпости довольно часто его навѣщаетъ, и что одинъ разъ, посматривая косо на его чернильницу, онъ сказалъ: «Вы много пишете?» — «Да, признаюсь вамъ, что писать и читать единственная моя отрада. Но ежели отнимутъ у меня чернила (прибавляетъ Булгаковъ) то я буду писать кровію моей, но не оставлю Вашего Императорскаго Величества безъ увѣдомленія о всемъ здѣсь происходящемъ».

---

*) Австрійскій посолъ *Герберть*, въ этотъ самый день извѣстившій Порту о томъ, что Іосифъ II-й прекращаетъ съ нею мирныя сношенія.

Получая подробныя свѣдѣнія о дѣлахъ Турецкихъ, Булгаковъ долженъ былъ оставаться въ грустной неизвѣстности о положеніи Россіи, которая въ тоже время выдерживала упорную борьбу и на другомъ сѣверномъ концѣ своемъ. Турецкое правительство всячески скрывало успѣхи Русскаго оружія и безмѣрно преувеличивало свои собственные. Но блистательные подвиги Суворова не могли долго оставаться неизвѣстными даже и въ Царьградѣ. Слава его имени разносилась тогда по всему свѣту. Побѣда подъ Кинбурномъ, дѣйствія Потемкина подъ Очаковымъ и, наконецъ, взятіе этой крѣпости, почитавшейся одною изъ главнѣйшихъ въ Турецкихъ владѣніяхъ, поколебали султана Абдулъ-Гамида. Уже онъ былъ склоненъ къ переговорамъ, но скоропостижная смерть его, 27 Марта (7 Апрѣля) 1789 г., еще на два года отдалила заключеніе мира. 28-лѣтній племянникъ и преемникъ его, Селимъ III, не могъ начать своего правленія миромъ, который во всякомъ случаѣ не представлялъ бы Портѣ никакихъ выгодъ. Въ журналѣ своемъ Булгаковъ описываетъ наружность новаго повелителя правовѣрныхъ. «Онъ росту посредственнаго, изъ себя недуренъ, имѣетъ небольшіе рыжеватые усы и глаза покойному дядѣ сходственные, т.-е. небольшіе; а въ физіономіи своей оказываетъ родъ нѣкоторой суровости». Посланникъ нашъ въ заключеніи своемъ имѣлъ случай близко видѣть султана, который 24 Іюня (5 Іюля 1789) приходилъ въ Едикуль. Читателямъ, конечно, пріятно будетъ узнать о семъ посѣщеніи изъ разсказа самого Булгакова. Вотъ что пишетъ онъ въ своемъ журналѣ подъ вышеозначеннымъ числомъ: «Пополудни въ 4 часа, какъ кажется, съ нарочнымъ намѣреніемъ, посѣтилъ инкогнито султанъ Едикуль, будучи въ платьѣ харбаджіемъ употребляемомъ, имѣя при себѣ чегодаръ-агу, нѣкоего придворнаго Кучукъ-Хуссеинъ-агу и другихъ, въ числѣ коихъ, по обыкновенію, и палача въ дервишскомъ платьѣ. При входѣ въ Едикуль не засталъ онъ диздаря, почему до прибытія онаго пробылъ нѣсколько минутъ въ находящейся тутъ мечети. Когда же комендантъ предъ него явился, то поцѣловалъ у него ногу или, лучше сказать, обувь и пожелалъ, при изліяніи слезъ, долголѣтняго царствованія и многихъ цесаревичей. Государь (зная его въ своемъ малолѣтствѣ, поелику онъ служилъ при дворѣ при жизни отца его муезинъ-башею) милостиво изволилъ къ нему отозваться: «Какъ ты состарѣлся, что у тебя вся борода уже побѣлѣла», послѣ чего, предшествуя ему диздарь, и проходя его величество мимо покоевъ, въ коихъ г. посланникъ съ находящимися при немъ жительство имѣетъ *), вошелъ въ садъ подлѣ крѣпости, Едикульскому диздарю принадлежащій,

*) Булгаковъ въ журналѣ своемъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

гдѣ, войдя въ кіоскъ, сперва отправилъ тамъ вечернюю молитву, а потомъ, когда, по приказанію чегодаръ-аги, представлено было кушанье, диздаремъ приготовленное, между коимъ и принесенъ изъ-за крѣпости *тераторъ* (родъ холоднаго супа, который приготовляется изъ толченыхъ орѣховъ, уксусу, чесноку, деревяннаго масла и мякиша изъ хлѣба), немного всего покушалъ, употребляя хлѣбъ для простого народа пекомый, а послѣ стола изволилъ кушать кофей, съ собою принесенный, исключая чашекъ, кои были диздарскія. Во время стола служили ему чегодаръ-ага съ Кучукъ-Хуссеинъ-агою, которые, послѣ государя въ другомъ покоѣ поужинавъ, отослали оставшееся отъ себя къ прочимъ съ ними бывшимъ, кромѣ палача, который во все время бытности султана въ саду туда головою не входилъ. Между прочими вопрошеніями, спрашивалъ султанъ у коменданта, сколько посланникъ имѣетъ отъ роду, гдѣ онъ помѣщенъ и въ обыкновеніи-ли то, чтобъ посланники въ Едикулѣ задерживаемы были. На которое донесъ, что отъ роду посланникъ имѣетъ отъ 45 до 48 лѣтъ, что помѣщенъ онъ въ селамлыкѣ (пріемныхъ гостиныхъ комнатахъ), сторожу и рабу вашего величества принадлежащемъ и, наконецъ, что посланники, при выступленіи санджакъ-шерифа въ походъ, обыкновенно всегда отправлялись. За сими вопрошеніями указалъ отослать нѣсколько десятковъ полу-червонцевъ проходящему въ тотъ моментъ мимо кіоска небольшому Азіатскому отряду, а потомъ тако-жъ выславъ нѣсколько получервонцевъ идущему мимо кіоска-жъ каракулукчію, приказалъ при томъ у него спросить, о чемъ онъ такъ горестно вздыхаетъ? Посланный донесъ, что означенный, не успѣвъ возвратиться изъ Босніи, опредѣленъ здѣсь въ роту свою каракулукчіемъ, и теперь охотно паки отправился бы въ походъ, но на сей конецъ нужно ему 50 піастровъ. Султанъ повелѣлъ, чтобы онъ наутріе явился у вторыхъ дворцовыхъ воротъ. На докладъ, диздаремъ учиненный, повелѣлъ тако-жъ, чтобъ на Едикульскихъ башняхъ, коихъ всего теперь осталось три башни, а четвертые вороты, свинцомъ покрытые, кровли починкою были исправлены. (Слѣдуетъ исчисленіе денежныхъ подарковъ, которые султанъ роздалъ чиновникамъ Едикуля). Наконецъ, тою же дорогой возвращаясь его величество изъ крѣпости, пристально смотрѣлъ на покои, г. посланникомъ обитаемые, а у маленькаго садика, противъ оныхъ находящагося, пріостановясь, отозвался къ диздарю: «Хорошо ты его учредилъ», который на то отвѣтствовалъ точію низкимъ наклоненіемъ головы. Султанъ и при входѣ, проходя мимо онаго, пристально смотрѣлъ, отзываясь нѣчто къ шедшему съ нимъ рядомъ Кучукъ-Хуссеинъ-агѣ (бывшему его купленному невольнику и съ нимъ вмѣстѣ взросшему). Множество стеклось предъ Едикулемъ народу, но янычарской караулъ оный разо-

гналъ. Его величество пришелъ въ Едикуль пѣшкомъ, обойдя знатную часть города, отчего усталость на лицѣ у него изображалась. Возвратился во дворецъ моремъ на двухъ лодкахъ».

Этотъ отрывокъ изъ журнала, веденнаго Булгаковымъ въ Семибашенномъ замкѣ, можетъ дать понятіе о томъ, какъ онъ записывалъ все замѣчательное изъ видѣннаго и слышаннаго. Еще весною 1789 года, вскорѣ по воцареніи новаго султана, онъ сталъ просить объ отпускѣ въ Россію, если не самого его, то по крайней мѣрѣ дѣтей его [1]). Надо замѣтить, что при меньшей твердости характера онъ легко могъ бы получить свободу: Французскій посолъ Шоазель-Гуфье, встревоженный успѣхами Русскаго оружія и опасаясь совершеннаго ослабленія Турціи, сталъ думать о примиреніи воюющихъ державъ и, чтобы расположить въ свою пользу Русское правительство, хлопоталъ объ освобожденіи Булгакова, предлагалъ ему тайкомъ отъ Турецкой черни уѣхать на Французскомъ фрегатѣ; но получилъ въ отвѣтъ, что «представитель Екатерины, Русскій посланникъ, никакому стороннему посредству не хочетъ быть ничѣмъ обязанъ, и что за личную свою безопасность онъ не пожертвуетъ честію престола и отечества.» Булгаковъ рѣшился самъ исходатайствовать себѣ отпускъ, и послѣ многократныхъ просьбъ его, по устраненіи разныхъ придирокъ и мелочныхъ затрудненій, султанъ отвергъ наконецъ внушенія Англійскаго, Прусскаго и Шведскаго министровъ и 24-го Октября (4-го Ноября) 1789 года, въ часъ по полуночи, выпустилъ его изъ Едикуля. Въ Памятныхъ Запискахъ Храповицкаго читаемъ [2]): «По письмамъ иностраннымъ, Булгаковъ освобожденъ; но не можно приписывать сего ни къ наклонности къ миру (миръ былъ заключенъ слишкомъ черезъ два года), ни къ старательству другихъ державъ, а вышло само по себѣ отъ воли султана». Храповицкій самъ читалъ письмо Булгакова, въ которомъ было сказано, что онъ освобожденъ изъ Едикуля безъ пособія какой либо державы иностранной, но отъ самой Порты, по собственному ея побужденію [3]). Тогда же вмѣстѣ съ семействомъ своимъ и товарищами заключенія онъ сѣлъ на Рагузинское судно, которое нарочно для того было нанято Портою.

Такъ кончилось знаменитое его заточеніе. Онъ умѣлъ усладить его своею неутомимою дѣятельностью, и въ послѣдствіи, на закатѣ дней своихъ, всегда говорилъ о немъ съ нѣкоторымъ восхищеніемъ.

---

[1]) Младшій сынъ Якова Ивановича, покойный С.-Петербургскій почтъ-директоръ Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, родился въ Царьградѣ, 1782 года (см. біографію его въ Словарѣ Б. Каменскаго, изд. 1847 г.).

[2]) Подъ 10-мъ Сент. 1789 г. См. Отеч. Зап. 1824 г., № 49, стр. 257.

[3]) См. тамъ же, № 50, стр. 400.

Рагузинское купеческое судно, на которомъ поѣхалъ Булгаковъ, проходя Архипелагъ, загорѣлось, и пассажиры принуждены были пересѣсть на Французскій фрегатъ *La Badine*, командуемый принцомъ Викторомъ де Роганомъ. Сей послѣдній привезъ Булгакова въ Тріестъ, гдѣ его почтили увольненіемъ отъ полнаго карантина. Храповицкій въ драгоцѣнномъ дневникѣ своемъ записалъ подъ 11-мъ числомъ Декабря 1789 года [1]): «Получено вѣрное извѣстіе, что 3-го Декабря новаго стиля пріѣхалъ въ Тріестъ Булгаковъ на Французскомъ фрегатѣ; онъ былъ въ пути 20 дней. Веселы [2]); позвавъ меня, о томъ сказывали, и я, поздравя, поцѣловалъ ручку. Разсмѣялись при словѣ моемъ, что онъ теперь на твердой землѣ. Послѣ два раза подтверждено, чтобъ просить императора о убавкѣ карантина и велѣть Булгакову ѣхать скорѣе къ князю» (т. е. Потемкину). Оставивъ дѣтей своихъ въ Тріестѣ, Булгаковъ поспѣшилъ къ Потемкину. Это время было счастливѣйшимъ въ его жизни. Онъ былъ на верху своей славы. Всюду говорили о его неустрашимости и дипломатическомъ искусствѣ. Въ Вѣнѣ, умирающій императоръ Іосифъ [3]), преодолѣвъ свои недуги, удостоилъ его продолжительной аудіенціи, называя его своимъ *Севастопольскимъ пріятелемъ* (они видѣлись въ 1787 г. въ Севастополѣ); въ Яссахъ осыпалъ его своими ласками Потемкинъ. Оттуда онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ ожидали его милости Государыни. Екатерина, жившая въ Царскомъ Селѣ, была нездорова, когда пріѣхалъ Булгаковъ, и не выходила изъ своей спальни; но, не смотря на то, приказала графу Безбородкѣ поскорѣе привезти къ себѣ *Цареградскаго гостя* (какъ называла она его) и имѣла съ нимъ продолжительный разговоръ. Къ сожалѣнію именно та часть Памятныхъ Записокъ Храповицкаго, которая относится къ этому времени, доселѣ остается неизданною, и мы не знаемъ подробностей о пріѣздѣ Булгакова ко двору. Онъ получилъ разомъ нѣсколько наградъ: чинъ тайнаго совѣтника, деньги, помѣстья въ Бѣлоруссіи и позволеніе принять орденъ Бѣлаго Орла, пожалованный ему королемъ Польскимъ.

Въ Петербургѣ Булгаковъ взялъ отпускъ и поѣхалъ отдохнуть на родину, въ Москву. Но судьба не дала ему отрады видѣть отца своего: за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Иванъ Михайловичъ скончался, отъ старости и отъ тревогъ, испытанныхъ во время заключенія сына. Изъ Москвы Булгаковъ писалъ къ Суворову, въ отвѣтъ на два

---

[1]) См тамъ же № 50, стр. 399.

[2]) Храповицкій постоянно говоритъ о Государынѣ въ третьемъ лицѣ множественнаго числа.

[3]) Онъ скончался въ Мартѣ 1790 г.

лестныя и поздравительныя письма его: «Принимаю смѣлость возблагодарить в. с. за продолженіе столь дорогой для меня памяти вашей, за принятіе участія въ добрѣ, мнѣ случающемся, и за лестное обо мнѣ мнѣніе. Я ожидалъ себѣ покоя, но угодно было найти меня еще способнымъ къ службѣ отечества. Всякій день отправляюсь въ Петербургъ и, кажется, на сихъ дняхъ точно поѣду. Удостойте меня, м. г., своими повелѣніями въ новомъ моемъ мѣстѣ; оныя исполнены будутъ съ радостью и усердіемъ. Сохраните ко мнѣ благопріятное ваше расположеніе, которое отъ двадцати-пяти лѣтъ стараюсь я заслужить».

Новая служба, о которой упоминаетъ Булгаковъ въ этомъ письмѣ, предстояла ему въ Варшавѣ, куда Екатерина назначила его своимъ полномочнымъ министромъ на мѣсто бывшаго его начальника, графа Стакельберга, переведеннаго въ Стокгольмъ. Невозможно было сдѣлать болѣе удачнаго назначенія. Почти тридцатилѣтняя дипломатическая опытность, совершенное знаніе Польскаго народа и языка, старинныя знакомства, заключенныя и поддержанныя въ теченіе долгаго времени, личное расположеніе короля Станислава, наконецъ уживчивый характеръ Булгакова, все давало право надѣяться, что служеніе его въ Варшавѣ будетъ и славно, и успѣшно. Къ сожалѣнію, оно было непродолжительно. Едва успѣлъ онъ уничтожить замыслы враговъ Россіи, какъ обстоятельства заставили его просить отставки. Надо вспомнить, что въ 1791 году. Потемкина не стало; графъ Безбородко около этого же времени утратилъ свое значеніе. Почти всѣ важныя дѣла перешли къ кн. П. А. Зубову. При семъ послѣднемъ нѣкоторое время пользовался большою довѣренностію Рагузинецъ Альтести, выведенный въ люди Булгаковымъ и теперь начавшій дѣйствовать вопреки его привиламъ и образу мыслей*). Эта размолвка по дѣламъ Польскимъ побудила его просить объ отставкѣ, которую онъ вскорѣ и получилъ.

Сдавъ свою должность графу Якову Ефимовичу Сиверсу, Булгаковъ переѣхалъ на житье въ Петербургъ. Тамъ онъ купилъ себѣ домъ и занялся устроеніемъ своихъ дѣлъ, дабы имѣть возможность въ покоѣ окончить дни свои. Государыня не лишала его своего вниманія. Зная его трудолюбіе и любовь къ занятіямъ литературнымъ, она поручила ему перевести на Русскій языкъ Французское классическое сочиненіе *Дандрея Бардона: Образованіе древнихъ народовъ.* Булгаковъ исполнилъ это порученіе. Книга была издана на счетъ Кабинета въ 1795—1796 годахъ, въ 4-хъ частяхъ, съ 365 гравированными рисунками, и пере-

*) Объ Альтести подробно говоритъ другой статсъ-секретарь императрицы Екатерины А. М. Грибовскій, коего любопытныя Записки напечатаны въ Москвит. 1847 г., № 2, стр. 108 109. См. также Москов. Телегр. 1831 г. № 11, Іюнь, стр. 302.

водчикъ получилъ въ награду милостивый рескриптъ и при немъ табакерку, осыпанную бриллiантами, съ шифромъ Ея Величества.

Здѣсь мѣсто упомянуть и о другихъ литературныхъ трудахъ Булгакова.

Будучи еще студентомъ, Яковъ Ивановичъ участвовалъ вмѣстѣ съ А. И. Марковымъ, И. Ѳ. Богдановичемъ и другими товарищами въ литературныхъ трудахъ, издававшихся тогда при университетѣ. Въ 1760 и 1761 годахъ въ *Полезномъ Увеселенiи* встрѣчаются разные его переводы и одно собственное разсужденiе о томъ, какую пользу приносятъ словесныя науки въ военномъ состоянiи. Поступя на службу, не смотря на множество служебныхъ занятiй, вѣрный любви къ просвѣщенiю, прiобрѣтенной въ Московскомъ университетѣ, онъ постоянно удѣлялъ часть досуговъ своихъ на чтенiе и на занятiе словесностiю. «Нельзя безъ уваженiя обратить вниманiе на литературные труды его, служившiе ему дѣятельнымъ отдохновенiемъ отъ разнообразныхъ и, по важности политическихъ событiй, весьма многосложныхъ государственныхъ занятiй» (такъ говоритъ о томъ кн. П. А. Вяземскiй [1]), «при обширности офицiальнаго письмоводства, успѣлъ онъ еще выдать до тридцати томовъ переводовъ своихъ». Около 1778 года, живя въ Петербургѣ, онъ затѣвалъ изданiе какого-то лексикона вмѣстѣ съ Фонъ-Визинымъ. Заключаемъ о томъ по письму сего послѣдняго изъ Монпелье, отъ 23-го Января (5-го Февраля) 1778 года. «Я вижу (писалъ онъ къ Булгакову), что лексиконъ нашъ умираетъ при самомъ своемъ рожденiи. Повивальная бабушка, то есть Даниловскiй [2]) плохо его принимаетъ. Я считалъ его за половину, а онъ еще около первыхъ литеръ шатается. Увѣдомьте меня искренно, не спа̀ла ли у него охота. Я купилъ уже *Le grand Vocabulaire*. Въ Маѣ онъ его вѣрно получитъ». Самъ Булгаковъ въ это время уже занимался переводомъ многотомнаго сочиненiя *Аббата де ла Порта*: *Всемiрный Путешественникъ*, которое пользовалось, особливо въ то время, большою извѣстностью. Этому труду посвятилъ онъ нѣсколько лѣтъ. Первый томъ вышелъ въ Спб. въ 1778 году; затѣмъ издано было еще нѣсколько томовъ, которые скоро раскупились; въ 1780 году начато было второе ихъ изданiе. Продолженiемъ и окончанiемъ этого труда, напечатаннаго въ 27-ми томахъ, занимался онъ по преимуществу въ своемъ Цареградскомъ заточенiи. Переводъ Всемiрнаго Путешествователя сдѣланъ съ рѣдкою добросовѣстностью; не говоримъ уже о языкѣ, по тому

[1]) См. книгу его о Фонъ-Визинѣ. стр. 79.

[2]) Можетъ быть это тотъ, Даниловскiй, который около 1783 г. былъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Гагѣ.

времени весьма гладкомъ и отчетливомъ. Переводчикъ присоединилъ къ труду своему небольшія примѣчанія и дополненія, переложилъ иноземныя мѣры, вѣсы и деньги на Русскія, составилъ къ каждому тому указатель именъ и лицъ, однимъ словомъ старался о томъ, чтобы публика могла удобнѣе пользоваться книгою. Отъ того и трудъ не пропалъ даромъ, и съ 1803 по 1816 всѣ 27 томовъ изданы были вторично. Чтобы дать понятіе о слогѣ, приведемъ слѣдующій отрывокъ изъ предисловія къ первому тому: «Къ переводу сея книги побудила меня всегдашняя склонность къ труду и искреннее желаніе быть полезнымъ моему отечеству. Сверхъ того былъ я во многихъ изъ описанныхъ земель, самъ многое видѣлъ; а по сей причинѣ и думаю, что нахожусь въ состояніи меньше погрѣшить въ преложеніи ея на нашъ языкъ.» Кромѣ двухъ названныхъ упоминается въ библіографическихъ сочиненіяхъ еще третій переводъ Булгакова: *Влюбленный Роландъ, Боярдова поэма*, въ 3-хъ частяхъ (первое изданіе въ 1777 г., третье въ 1800).

Въ Варшавѣ началось и тамъ же окончилось дипломатическое поприще Булгакова. Со вступленіемъ на престолъ императора Павла, передъ нимъ открылось другое поприще, менѣе блистательное, но не менѣе важное. Государь желалъ дать новоприсоединеннымъ Литовскимъ областямъ такого правителя, который бы облегчилъ имъ переходъ подъ новую форму гражданскаго устройства; зная характеръ Якова Ивановича, его миролюбивыя наклонности, основательное знаніе того края, онъ назначилъ его Виленскимъ и Гродненскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Повинуясь волѣ Государя, Булгаковъ отправился въ Вильну. Его утѣшала при этомъ мысль, что онъ снова будетъ служить съ княземъ Репнинымъ, который тогда начальствовалъ надъ всѣми присоединенными отъ Польши областями. Привязанность Булгакова къ князю Репнину понятна: всѣ, имѣвшіе случай близко знать князя Николая Васильевича, платили ему невольную дань сердечнаго уваженія; такъ И. В. Лопухинъ просилъ, чтобы на гробѣ его вырѣзали надпись: *Онъ былъ другомъ Репнина*. Цѣль Государя была достигнута. Мѣстные жители полюбили новаго своего начальника. Многіе Варшавскіе знакомые Булгакова нарочно покупали имѣнія въ Литвѣ и поселялись въ Вильнѣ, гдѣ Булгаковъ открылъ присутственныя мѣста и гдѣ жители снова стали наслаждаться всѣми благами мира. Въ 1797 г. императоръ Павелъ, возвращаясь съ коронаціи своей изъ Москвы въ Петербургъ, заѣхалъ въ Вильну и, довольный благоустройствомъ ея, самъ надѣлъ на Булгакова орденъ Св. Александра Невскаго. Вскорѣ, въ 1798 году, предохраненіе края отъ заразы и открытіе нѣкоторыхъ политическихъ

замысловъ привлекли къ нему новыя милости царскія: онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и похвальную грамоту, въ которой было между прочимъ сказано: «Да узрятъ всѣ, сколь лестно служить отечеству подобно вамъ, и да подражаютъ вамъ сыны сыновъ вашихъ!»

Въ то время частые припадки подагры одолѣвали Булгакова и въ 1799 году заставили просить объ окончательномъ увольненіи отъ службы. Получивъ отставку, онъ переѣхалъ на покой въ родной свой городъ Москву, гдѣ устроилъ себѣ мирное жилище посреди многочисленныхъ друзей своихъ.

Тамъ тихо угасалъ почтенный старецъ. Императоръ Александръ во время коронаціи своей приглашалъ его снова поступить на службу, но здоровье уже не позволяло ему принять лестное приглашеніе. Государь выразилъ ему свое благоволеніе возвращеніемъ пенсіона, котораго онъ не получалъ съ поступленія въ должность Виленскаго губернатора.

Окруженный общимъ уваженіемъ, Булгаковъ мирно доживалъ дѣятельный вѣкъ свой и скончался на 66 году, Іюля 7-го́ 1809 года, на рукахъ обоихъ сыновей своихъ, которые, по желанію его, оба служили въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и пріѣхали къ нему въ Москву въ отпускъ изъ-за границы.

Отличительными свойствами Булгакова были: прямая, умная откровенность, ласковое обхожденіе, всегда веселое спокойствіе духа, неутомимость въ занятіяхъ, горячая любовь къ просвѣщенію и добру. Недоброжелатель его, графъ П. А. Зубовъ, принужденный поселиться въ своемъ Литовскомъ помѣстьѣ, препорученъ былъ надзору Булгакова, который встрѣтилъ его не укоромъ, а одолженіями, и умѣлъ совершенно привлечь къ себѣ падшаго вельможу. Любовь къ знаніямъ и къ Русскому языку, который въ разговорахъ онъ всегда предпочиталъ Французскому, сохранялась у него до конца, и въ послѣдніе годы жизни онъ много занимался устроеніемъ своей обширной библіотеки. Онъ былъ почетнымъ членомъ С.-Петербургской Академіи Наукъ. Выше сказали мы о литературныхъ трудахъ его. Здѣсь упомянемъ объ одномъ прекрасномъ поступкѣ, вполнѣ его изображающемъ. Уже въ послѣдніе годы жизни онъ занялся переводомъ извѣстнаго сочиненія Бартелеми: «Путешествіе молодаго Анахарсиса»; но, узнавъ, что П. И. Страховъ (тогда еще молодой и недостаточный человѣкъ) занимается тѣмъ же, не захотѣлъ сдѣлать подрывъ его труду, пригласилъ къ себѣ переводчика, подарилъ ему первую часть своего перевода и убѣдилъ переводить остальныя. Наконецъ съ благодарностью вспомнимъ о томъ со-

дѣйствіи, которое онъ оказывалъ Карамзину. Изъ 112 примѣчанія къ III тому «Исторіи Государства Россійскаго» узнаёмъ, что Булгаковъ сообщилъ исторіографу выписки, сдѣланныя аббатомъ Альбертранди изъ Ватиканской библіотеки въ 1790 году для Нарушевича. Безъ всякаго сомнѣнія, богатая библіотека Якова Ивановича была открыта для Карамзина.

Въ «Дневникѣ Студента» находимъ слѣдующее характеристическое изображеніе Я. И. Булгакова, во дни его старости *). «Булгаковъ имѣетъ замѣчательную наружность: лице умное и серьезное, однакоже не безъ пріятности; довольно тученъ, но въ движеніяхъ свободенъ и ловокъ; говоритъ какъ книга. Гдѣ онъ не былъ, чего не видалъ и чего не испытывалъ въ своей жизни? Трудолюбіе есть отличительное его качество; говорятъ, что не можетъ ни минуты оставаться празднымъ: не пишетъ, такъ читаетъ»... «Непостижимо», прибавляетъ авторъ Дневника, «какъ этотъ человѣкъ, при дѣятельности ума своего, живетъ безъ службы. Очень любитъ Москву. Онъ утверждаетъ, что для людей, окончившихъ по чему бы то ни было служебное поприще, нѣтъ лучше пріюта въ мірѣ, какъ Москва. При этихъ словахъ мнѣ пришли на память прекрасные стихи Карамзина:

Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ,

а Булгаковъ, кажется, находилъ это счастіе повсюду, даже и въ Семибашенномъ замкѣ.

Къ искреннему сожалѣнію нашему, мы не имѣли возможности представить полную и подробную біографію этого замѣчательнаго человѣка. Послѣ него остались записки и сохранились письма къ Фонъ-Визину, И. А. Алексѣеву, В. С. Попову, В. А. Приклонскому (племяннику), Д. П. Трощинскому, графу А. И. Васильеву, П. Л. Багмевскому и многимъ другимъ. Будемъ надѣяться, что эти драгоцѣнности со временемъ обогатятъ нашу историческую литературу.

Главнѣйшія черты предлагаемой біографіи заимствованы изъ Словаря Бантыша-Каменскаго и изъ *Краткой біографіи Я. И. Булгакова*, написанной старшимъ сыномъ его и напечатанной въ Іюньской книжкѣ Московскаго Телеграфа 1831 года. Переписка Булгакова съ Потемкинымъ и Суворовымъ была доставлена С. Н. Глинкѣ А. Я. Булгаковымъ и напечатана въ 3-й книжкѣ Русскаго Вѣстника на 1814 годъ. Другіе источники указаны въ выноскахъ.

Москва, 29 Декабря 1854.

Петръ Бартеневъ.

---

*) См. Москвит. 1854 г. № 18, ст. 127.

ИЗЪ ПИСЕМЪ Я. И. БУЛГАКОВА КЪ И. А. АЛЕКСѢЕВУ [1]).

23 Января 1798 (Вильна).

Князь Николай Васильевичъ оставилъ насъ 17-го, отправясь въ Москву на ямщикахъ чрезъ Смоленскъ. Ваше письмо послалъ я вчера за нимъ вслѣдъ. Здѣсь онъ крѣпился, но боюсь сильно слѣдствія его претерпѣнія. Все въ руцѣ Божіей, и у человѣка нѣтъ силы перенести подобныхъ переворотовъ безъ Его помощи. Надобно ко всему готовиться. Готовлюсь и я. Все что̀ онъ ни дѣлалъ, находятъ худо сдѣланнымъ, все хотятъ вверхъ дномъ поставить, и уже начали ломать. Можно ли мнѣ остаться? Я васъ и Д. П. [2]), людей наичестнѣйшихъ и въ дружбѣ испытанныхъ, заклинаю: дайте мнѣ совѣтъ, какимъ образомъ приступить къ испрошенію отставки. Посовѣтуйтесь съ нимъ и не медля наставьте меня. Горестно будетъ, ежели, столько служа, отбросятъ ни съ чѣмъ, а еще горестнѣе, ежели выключатъ безъ всякой причины. Боюсь и того, чтобъ просьбы моей не приняли за нежеланіе продолжать службу или за какую досаду; но Богъ свидѣтель, что здоровье мое разстроилось до такой степени, что я не могу уже быть такъ исправенъ, какъ былъ доселѣ. А сверхъ того время, которое бы должно употребляться на дѣло, надлежитъ терять на испровержение шикановъ, на объясненія, на отвѣты. Сдѣлайте милость, помогите мнѣ оба избавиться отъ сей каторги. Не помыслите ли вы занять мое злачное мѣсто? Ради Бога отвѣчайте мнѣ поскорѣй: можетъ быть, сіе есть послѣднее одолженіе, которое мнѣ окажетъ Д. П.

*

25 Ноября 1798. Вильна.

Постигла насъ нечаянная печаль, которой ни вы, ни мы конечно не ожидали: княгиня Наталья Александровна [3]) насъ оставила. Съ пріѣзда жаловалась она на нездоровье, но была весела и на ногахъ, выѣзжала и съ нами бесѣдовала. Въ Субботу послѣ обѣда слегла, а въ

---

[1]) Пріятель Я. И. Булгакова Иванъ Алексѣевичъ Алексѣевъ (р. 1751, ум. 1816) служилъ въ Петербургѣ вицегубернаторомъ, а въ царствованіе Александра I-го былъ членомъ Государственнаго Совѣта. П. Б.

[2]) Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго.

[3]) Репнина, супруга князя Николая Васильевича, ур. княжна Куракина.

Понедѣльникъ 22-го въ 6½ часовъ поутру уже ея не было. Скончалась однако, яко праведная, безъ мученія и за нѣсколько часовъ подавала надежду къ выздоровленію. Лѣкари (да испровергнетъ ихъ Всевышній въ самую глубину пропасти геенны!) говорятъ, что имѣла она спазматическіе, истерическіе и пр. вѣтры, запершіеся въ кишкахъ, но оные наконецъ отворились, и сіе не помогло; такъ слѣдовательно сіи скоты, на пагубу рода человѣческаго выдуманные, не знали отъ чего лѣчили. Вообразите себѣ, въ какомъ положеніи находится князь, и какъ бы сего мало было: княгиня Александра Николаевна [1]) была въ прежестокой горячкѣ съ бредомъ и еще менѣе обѣщала жить своей матери; но, слава Богу, уже оправилась. Князь, оставивъ все, за нею ходилъ. Я весьма опасаюсь, чтобъ столько печалей вдругъ не сломили и его самого. Наружной твердости его не вѣрю. По всему оному мы всѣ въ крайней горести. Сегодня княгиня погребена.

*

20 Генваря 1799. Вильна.

Дѣло сдѣлано, и говорить нечего. Скоро я отъ сюда выѣхать не могу по причинѣ домашнихъ распоряженій, ибо совсѣмъ сюда завелся, а еще больше по причинѣ здоровья. Я столько видѣлъ опытовъ нелестной вашей ко мнѣ дружбы, но никогда не имѣлъ толикой въ ней и въ помощи вашей нужды. Идетъ дѣло о моихъ дѣтяхъ. Они переводчики въ Иностранной Коллегіи, отпущены со мною отъ князя Александра Борисовича [2]) для окончанія наукъ. Теперь должны явиться, и я ихъ, по полученіи отвѣта вашего, тотчасъ отправлю, не имѣя даже кому ихъ дорогою поручить, а еще менѣе въ Петербургѣ. Боюсь ихъ вѣка и заблужденій. Примите ихъ въ опеку. Они будутъ имѣть письма къ князю Александру Андреевичу [3]) и къ Кочубею; но введите ихъ къ нимъ, и не можно ли, чтобъ послѣдній взялъ ихъ въ свою канцелярію, и хотя не вдругъ, далъ имъ жалованье? По разстроенному моему состоянію, не могу я имъ давать больше какъ по 500 каждому на годъ. Надобно, чтобъ сего имъ доставало на все. Нужно найти имъ для житья три покоя съ двумя слугами, при нихъ находящимися, поближе отъ Коллегіи или отъ вице - канцлера, ежели ихъ возметъ; учредить имъ столъ, одѣяніе и, словомъ, всѣ расходы, но такъ, чтобъ все сіе не превышало въ годъ тысячи рублей; ежели дадутъ жалованье, тѣмъ лучше для нихъ. Все сіе возлагаю на вашу добрую душу и по гробъ обязанъ буду. Вспомните древняго философа, оставившаго въ наслѣдство дочь свою его другу.

*

[1]) Дочь князя Репнина, супруга князя Григорія Семеновича Волконскаго.

[2]) Куракина.

[3]) Безбородко.

Сегодня ночью пріѣхалъ и, не выходя изъ кареты, отъѣхалъ въ Брещь фельдмаршалъ графъ Суворовъ, такъ что никто его не видалъ. Ждутъ здѣсь скоро гостей: эрцгерцога Іосифа и великаго князя Константина Павловича.

28 Февраля (1799).

*

За превеликими снѣгами и за непонятною худобою почтовыхъ лошадей, ѣхавъ однако всякій день и часть ночи, едва дотащился я въ Москву въ 18 дней, и пріѣхалъ сюда 29 Марта, въ самую пору, то есть въ первый день оттепели. Насилу отдохнулъ и заѣздился.

7 Апрѣля 1799.
Москва.

*

Дѣло сдѣлано: сюда прислано повелѣніе причислить дѣтей моихъ въ Архивъ, и они уже присягнули на переводчическій чинъ. И симъ я вашему старанію обязанъ. Хотя и жалованья нѣтъ, но по крайней мѣрѣ уже на пути службы.

Воронцово [1].
1 Іюля 1799.

*

Трудно и невозможно описать, до какой степени радости мы всѣ здѣсь внѣ себя. Въ день полученія извѣстія о великомъ и блаженномъ происшествіи, всѣ больные встали съ постелей. Въ соборѣ у присяги и на обѣдѣ у графа Ивана Петровича [2]), видѣлъ я такихъ людей и такихъ старыхъ знакомыхъ, коихъ и въ живыхъ уже не почиталъ; а какъ и самъ рѣдко выѣзжалъ, то тоже и они обо мнѣ думали. Князь Николай Васильевичъ занемогъ лихорадкою во Владимирѣ, гдѣ остановясь получилъ радостное извѣстіе, и мы его ежедневно ждемъ, ежели только болѣзнь тому не помѣшаетъ.

(Мартъ 1801).

*

Насъ весьма потревожилъ князь Николай Васильевичъ. Въ Среду былъ я у него въ Воронцовѣ, онъ по утру занемогъ: оказалась въ головѣ такая слабость, безъ всякой однако боли, что не могъ стоять на ногахъ; докторъ приписываетъ сіе долгому хожденію по солнцу и небольшому безпорядку въ желудкѣ. Я его оставилъ гораздо лучше ввечеру и съ намѣреніемъ ѣхать на другой день въ городъ (дабы быть ближе къ средству помощи и сбираться въ дорогу), но въ Четвергъ 9-го, когда ѣхалъ я къ нему въ городъ, то нашелъ извѣстіе, что онъ поутру тѣмъ же занемогъ и столь опасно, что отчаялись о его жизни. Но, слава Богу, мало по малу становится легче. Сіе пишу я въ

[1]) Подмосковная князя Н. В. Репнина; въ Москвѣ его домъ былъ на Маросейкѣ на лѣвой сторонѣ (ѣдучи изъ Китай-города), нынѣ Человѣколюбиваго Общества.

[2]) Салтыкова.

Воскресенье, а завтра ѣду въ Воронцово. Мнѣ кажется, что болѣзнь его есть совершенное изнеможеніе тѣлесныхъ силъ, которое онъ умножилъ въ самомъ дѣлѣ, ходя цѣлый день по солнцу и ежечасно скучая своей болѣзнью, воспрещающей ему пуститься въ путь *).

13 Апрѣля 1801. Москва.

*

Въ Четвергъ предали мы землѣ великаго человѣка и общаго нашаго благодѣтеля. Погребенъ онъ въ Донскомъ монастырѣ митрополитомъ Платономъ съ соборомъ архіереевъ и другихъ священнослужителей. Много было людей, и ни о комъ, я думаю, столь искренно не плакали. Послѣ былъ я въ Воронцовѣ, откуда принужденъ уѣхать: княгиня Александра Николаевна рвалась и падала въ обморокъ, сколь скоро меня видѣла; я самъ не въ лучшемъ былъ состояніи и по сію пору опасаюсь къ ней ѣхать, не смотря на ея призывы; поѣду однако сегодня или завтра. Они ждутъ скоро князя Григорія Семеновича. Посылаю вамъ проповѣдь, отъ которой всѣ прослезились; посылаю также стихи; жаль, что они скоро написаны и скоро напечатаны, а могли быть съ поправкою лучше. Что жъ вамъ еще сказать? Да и что̀ могу я сказать, заливаясь слезами, когда только вспомню о моемъ благотворителѣ. Государство въ немъ потеряло истиннаго столпа. Потерю сію ничто наградить не можетъ. Сколько же онъ сдѣлалъ добра! Но видно, что Всевышній избралъ его нарочно, чтобы Россіи дать сей послѣдній ударъ Своего гнѣва, привести ее въ чувство и утвердить начавшееся наше блаженство, обратя свое вниманіе на сохраненіе посланнаго намъ отъ Него въ монархѣ нашемъ ангела и отца.

20 Мая 1801. Москва.

*

Княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ читалъ я мѣсто вашего письма, до нея собственно касающееся. Отвѣтъ ея былъ слезы. Сіи уменьшитъ одно только время, и она начинаетъ быть поздоровѣе. Вмѣсто князя Григорія Семеновича, котораго ежедневно ожидали, пишетъ онъ, что былъ призванъ вдовствующею императрицей и получилъ отъ нея увѣреніе о принятіи въ особенное покровительство всей его фамиліи и повелѣніе княгинѣ пріѣхать въ Петербургъ совсѣмъ, какъ можно скорѣе. Вслѣдствіе сего она переѣдетъ завтра изъ Воронцова въ Москву, а 12-го отправится въ путь со всѣми дѣтьми и сестрой. Сіе обстоятель-

*) Т. е. въ Петербургъ для поздравленія новаго Государя. По случаю его болѣзни, пріѣзжалъ къ нему изъ Петербурга старшій его внукъ князь Н. Г. Волконскій (впослѣдствіи наслѣдовавшій его имя). Прежде чѣмъ допустить его до себя, престарѣлый дѣдъ сказалъ: Клянись мнѣ, что ничѣмъ не прикосновенъ къ тому что̀ произошло (т. е. къ событію 11 Марта 1801 г.). Внукъ отвѣчалъ, что его завлекали, но онъ отказался. Тогда только дѣдъ съ нѣжностью обнялъ его (Слышано отъ его правнучки князя В. Н. Репнина, княжны В. Н. Репниной).

ство понудило прежде шести недѣль прочесть духовную, изъ которой главное вамъ скажу: все наслѣдственное пополамъ между ими двумя, все пріобрѣтенное—княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ, съ волею раздать его дѣтямъ какъ найдетъ за благо, а княжнѣ Дарьѣ Николаевнѣ платить со всякой души по рублю. Домъ Петербургскій ей же, княгинѣ. И такъ, княжна Дарья Николаевна получаетъ половину дома здѣшняго, Воронцово (которое онѣ согласились оставить безъ продажи, оцѣнки и дѣлежа), около 1500 душъ и съ 10 т. жалованныхъ душъ десять тысячъ рублей на годъ. Впрочемъ, завѣщено ей замужъ не выходить *), жить при сестрѣ и жить дружно.

3-го Іюня 1801. Москва.

*

Московскаго Университета директоръ Иванъ Петровичъ Тургеневъ, человѣкъ сотворенный нарочно для сего мѣста, человѣкъ душею безцѣнный, человѣкъ, котораго особливо любилъ, къ которому имѣлъ отмѣнную довѣренность князь Николай Васильевичъ, и который, наконецъ, послѣдній изъ чужихъ видѣлъ его въ жизни, просилъ меня, не смѣя самъ безпокоить, принести благодарность, самую чувствительную, Дмитрію Прокофьевичу за всѣ благодѣянія, содѣланныя имъ Университету, какъ-то: возвращеніе его похищенныхъ привилегій, освобожденіе университетскихъ отъ постоя и пр., и даже отдачу взятыхъ съ профессоровъ денегъ за ихъ дома и пр. Онъ все сіе ему приписываетъ, какъ и я, и уповаетъ, что онъ продолжитъ сіе покровительство и впредь къ гнѣзду, изъ котораго столько выходитъ полезныхъ государству птенцовъ.

3-го Іюня 1801. Москва.

*

Сіе письмо вручатъ вашему превосходительству мои дѣти, которыхъ рекомендую въ особливую, то-есть отеческую, милость. Когда вы ихъ покороче узнаете, то и меня извините; ибо надѣюсь, что въ дорогѣ они не успѣли испортиться, а здѣсь были хороши не по моему, но по народному гласу. Надобно разсказать все до нихъ касающееся. Графъ Кочубей и здѣсь обѣщалъ, и послѣ писалъ изъ Петербурга послать ихъ въ Вѣну и въ Берлинъ, но еще безъ жалованья. Они ко всѣмъ моимъ благодѣтелямъ имѣютъ письма; но нужно, чтобы ваше превосходительство ихъ наставили и съ своей стороны помогли. Даю я имъ все, но самъ терплю; потомъ желаю, чтобъ ихъ произвели, опредѣлили одного въ Вѣну, другого въ Берлинъ, назначили имъ жалованье и дали на дорогу. Вотъ всѣ пункты. Отъ перваго они не умрутъ, второе, кажется, сдѣлано; а важны два послѣдніе. Обо всемъ семъ пишу

*) Княжна Дарья Николаевна (горбатая) вышла позднѣе за барона Каленберга.

я къ графамъ Воронцову, Кочубею, князю Куракину, къ Дмитрію Прокофьевичу, къ Енгелю, къ Пинію, къ княгинѣ Волконской и пр. Кажется, со всѣми вы переговорить можете, а инымъ даже и ихъ представить. Чего же мнѣ больше?

Выдайте дѣтямъ моимъ тотчасъ за Генварь и Февраль по 100 на каждый мѣсяцъ и на каждую душу. Сіе составитъ 400, а 1-го Марта опять по 100, ибо я имъ опредѣляю каждому по 100 на мѣсяцъ. Надобно будетъ дать и на дорогу, ежели не дастъ казна, но о семъ списаться успѣемъ. Приложите стараніе, чтобы ихъ поскорѣе отправили. Придется и еще выдать 300 госпожѣ совѣтницѣ Шумлянской [1]). О семъ доложатъ вамъ дѣти, и они могутъ и деньги къ ней отвезти.

Москва, 6 Февраля 1802.

*

Графъ А. И. Пушкинъ [2]), вѣроятно, уже выѣхалъ; вѣроятно и то, что сверхъ претекста дѣла въ банкѣ, пощупалъ онъ что-нибудь и для себя, хотя утверждалъ, что ничего не ищетъ. Здѣсь извѣстно только то одно, что помолвилъ старшую свою дочь за камергера Хитрова. Онъ вездѣ столько счастливъ, что я дивлюсь даже неудачѣ его въ бостонѣ.

Москва, 17-го Февраля 1802.

*

О маіорѣ Лубяновскомъ. Сей молодой человѣкъ былъ лучшимъ работникомъ у князя Николая Васильевича, бывъ его адъютантомъ, имѣетъ довольно знаній и способности. Онъ на сихъ дняхъ ѣдетъ къ вамъ искать мѣста, везетъ съ собою письма и пр., но чтò можетъ предпріять безъ помощи и совѣта вашего превосходительства? И такъ, сдѣлайте милость, наставьте его, а онъ все о себѣ самъ разскажетъ. Онъ племянникъ губернатора Карнѣева, но съ княземъ потерялъ все.

Нѣкто Имбертъ, мною до нынѣ призираемый. Вотъ объ немъ особливая записка, по которой вы можете однимъ словомъ сдѣлать ему добро у графа Николая Петровича Румянцова, по крайней мѣрѣ то, что, при распоряженіи сихъ мелкихъ служителей, онъ его будетъ знать и, можетъ быть, исполнитъ его желаніе.

1-го Октября 1802. Москва.

Іосифъ Имбертъ служилъ въ С.-Петербургской таможнѣ гаванмейстеромъ съ 1795 по 1800 годъ. Въ семъ году вышелъ новый штатъ, въ силу котораго переименованъ онъ въ корабельные смотрители, ибо въ Петербургѣ и Кронштадтѣ оставлено только по одному гаванмейстеру. Нынѣшній Петербургскій Михаилъ Штурманъ по старости ищетъ отъ сей трудной ему должности удалиться, и Имбертъ желаетъ занять его мѣсто, которое уже занималъ до состоявшагося новаго штата.

1-го Октября 1802. Москва.

---

[1]) Матери молодыхъ братьевъ Булгаковыхъ, ур. Имбертъ.

[2]) Извѣстный археологъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ Я. И. БУЛГАКОВА КЪ СЫНУ ЕГО КОНСТАНТИНУ ЯКОВЛЕВИЧУ БУЛГАКОВУ ИЗЪ МОСКВЫ.

6 Марта 1802.

Буде подлинно тебя назначуть въ Мадридъ и особливо съ жалованьемъ (можетъ быть, Кочубей для сего тебя туда и посылаетъ), я очень радъ. Тамъ тебѣ будетъ скучно, но дорогою увидишь всю Европу и Парижъ; въ Мадридѣ же, дабы избавиться скуки, тотчасъ начни учиться по-гишпански. Ты скоро въ томъ предуспѣешь; ибо я, не учась, цѣлыя страницы разумѣю Гишпанскихъ книгъ. Сія страна столь же мало походитъ на нашу, какъ Китай, и все для тебя будетъ ново. Впрочемъ много у нихъ хорошаго: Французы лучшіе романы и театральныя піесы почерпнули отъ нихъ, и ты можешь тамъ запастись многими, дабы впредъ ихъ перевесть и напечатать. Жилблазъ Россію съ ума свелъ, и отъ сорока лѣтъ ничего подобнаго не только лучшаго, здѣсь не знаютъ. Обученіе языку тебя займетъ и скуку прогонитъ; а спустя годъ или два, можно тебя оттуда выручить.

*

24 Марта 1802.

И. П. Тургеневу кланяйся. Хотя бы онъ еще мѣсяцъ прожилъ, лишь бы выхлопоталъ университетскія дѣла. Волынской въ Вѣнѣ былъ у меня студентомъ, въ Царьградѣ стихотворецъ, въ Петербургѣ писалъ мнѣ оды, человѣкъ изрядный, очень бѣдный, и тебѣ съ нимъ не будетъ худо. Надобно его приласкать. Кураторы всѣ кромѣ М. М.[1]) походятъ на Вѣнскаго и не весьма доброжелательны Ивану Петровичу; по сей-то причинѣ и желаю я, чтобъ онъ во всемъ предуспѣлъ. Кассини[2]) былъ моя креатура, и я ему доставилъ мѣсто въ Римѣ. Человѣкъ добрый и много за насъ пострадалъ въ Варшавѣ.

---

[1]) Т. е. Хераскова.

[2]) Объ этомъ Кассини писалъ Рибасъ въ Вѣну къ графу А. К. Разумовскому изъ Петербурга отъ 13 Апрѣля 1795 года: „Графъ Кассини Піемонтецъ родомъ. Онъ ѣдетъ въ Римъ Русскимъ генеральнымъ консуломъ. Государыня и ея министры близко его знаютъ. Онъ оказалъ намъ большія услуги въ Варшавѣ и потерпѣлъ весьма во время возмущенія

31 Марта 1802. Москва.

Весьма ты хорошо дѣлаешь, что переводишь слово Карамзина[1]); оно въ самомъ дѣлѣ изрядно написано. Ежели успѣешь, то можно его прочесть и поправить, а въ Вѣнѣ можешь его напечатать и съ своимъ именемъ; тамошніе книжники заплатятъ тебѣ за сей переводъ червонныхъ сто.

*

17 Апрѣля 1802.

Вчерась похоронили княгиню Вяземскую въ Католицкой церкви. Она была Англичанка; но я не зналъ, что была католичка[2]).

*

Москва, 24 Апрѣля 1802.

Надобно будетъ заплатить Катеринѣ Любимовнѣ, дабы она не нашлась въ нуждѣ въ случаѣ моей смерти. Я намѣренъ положить въ Заемный банкъ 9000 р. на ея имя и чтобы она получала съ нихъ по 450 р.; а какъ сего ей мало, то я ей стану пересылать отъ себя также по 450 р. на годъ, пока она оставитъ деньги въ банкѣ. Симъ образомъ и деньги для нея будутъ вѣрнѣе нежели у меня, и доходъ ея не уменьшится, а я отъ того не разорюсь. Я вхожу въ сіи подробности нарочно, чтобы вы знать начинали о сихъ дѣлахъ, кои въ свое время будутъ ваши. Радъ я буду, если столько проживу, чтобы ни вашихъ долговъ, ни счетовъ не оставить послѣ себя.

*

Москва, 23 Іюня 1802.

Благодарю тебя за описаніе путешествія Государева. Кочубею Прусскій король далъ Чернаго Орла, а Государь—Св. Андрея Прусскому генералу Калькрейту. Багмевской пишетъ, что отъ нихъ [3]) Государь выѣхалъ 8-го Іюня въ Гродну, Слонимъ, Минскъ, Витебскъ,

---

Кромѣ хорошаго жалованья назначено ему пожизненной пенсіи 500 Голапскихъ флориновъ. Человѣкъ способный, хорошо пишетъ и отлично знаетъ Европейскія политическія дѣла". (См. „Семейство Разумовскихъ", А. А. Васильчикова, V, 100). Этотъ графъ Викторъ Кассинъ, должно быть, дѣдъ нынѣшняго дипломата, недавно бывшаго нашимъ посломъ въ Китаѣ.

[1]) Похвальное слово Екатеринѣ Великой.

[2]) Княгиня Евгенія Ивановна ур. д'Орсльи, Ирландка, мать князя П. А. Вяземскаго.

[3]) Т. е. изъ Вильны. Это было первое путешествіе императора Александра Павловича по нашему Западному краю, который ему тогда же полюбился.

Псковъ и Петербургъ, куда сегодня имѣетъ прибыть. Былъ чрезвычайно доволенъ, многихъ одарилъ. Багмевскому пожалованъ пребогатой перстень съ вензелемъ. На балѣ находилось до 800 человѣкъ; изволилъ танцовать до 3-хъ часовъ послѣ полуночи. Балъ давалъ городъ въ ратушѣ. На Погулянкѣ народъ выпрягъ лошадей и довезъ до генералъ-губернаторскаго дома, а цехи покрывали коляску знаменами. На театрѣ также выкинули штуку, видно Краковянокъ, но вмѣсто добраго господина вывезли на колесницѣ его бюстъ. Онъ пожаловалъ Муравской 200 черв., да Французской труппѣ, ѣдущей въ Москву (видно бродящей) 100 черв. Отъ милостей его всѣ безъ ума. Дай Богъ ему пережить всѣхъ живущихъ!

Князю Голицыну въ Ригѣ подлинно данъ Св. Андрей.

Я занимаюсь садомъ ежедневно; построилъ за прудомъ двѣ бесѣдки странныя: одну изъ моха, какъ въ Валуевѣ, а другую изъ дуба. Валезини написалъ въ маломъ саду четыре щита и нѣкоторые очень удачно. На малинномъ дворѣ выкопали колодезь и такъ счастливо, что воды поднялось въ два часа на шесть аршинъ, и такая, что на чай годится. Колодезь также великолѣпный; теперь и старый на большомъ дворѣ перестраиваю. На дровяномъ поставлены два сарая или лучше горница для инструментовъ, лавокъ, щитовъ и пр., а между ими сарай для дровъ. Все сіе будетъ выкрашено. Деревья принялись, и есть многія мѣста столь густыя, что сквозь уже ничего не видно. Цвѣтовъ полонъ садъ, а розъ, думаю, въ Москвѣ подобныхъ нѣтъ, и такое множество, что я самъ тому не вѣрю. Къ Іюлю, кажется, все отдѣлаю и тогда сбираться стану въ деревню.

*

Москва, 25 Августа 1802.

Хотинской мнѣ знакомъ, но долженъ быть очень старъ и конечно опять поѣдетъ въ Парижъ, дабы тамъ умереть. Тургеневъ получилъ отъ Кочубея письмо, что старшій его сынъ *) помѣщенъ при посольствѣ въ Вѣнѣ и, кажется, безъ жалованья. Иванъ Петровичъ сбирается пересылать ему по 1.500 на годъ, т. е. тоже что и ты имѣешь. Ежели вамъ можно его къ себѣ принять въ товарищи, то еще легче тебѣ будетъ; ибо за квартиру, топку, людей и пр. ты не половину, а треть только платить будешь.

Ежели переведешь хорошо похвальное слово Государынѣ и напечатаешь, то я тебѣ совѣтую послать при письмѣ экземпляръ на papier velin къ Государю, яко наслѣднику ея великихъ качествъ и престола и яко первый слабый знакъ твоего всеподданнѣйшаго усердія и бла-

---

*) Андрей Ивановичъ, другъ В. А. Жуковскаго, поэтъ.

годарности за высочайшую милость въ опредѣленіи тебя въ службу, въ которой всѣмъ твоимъ стараніемъ будетъ быть оной достойну. Сіе не можетъ никакого произвести зла, а можетъ произвести для тебя добро. Ежели посолъ *) будетъ къ тебѣ благосклоненъ, то онъ можетъ препроводить письмо твое съ книгою своею рекомендаціею. Когда день занятъ дѣломъ, то театра довольно для прогнанія скуки вечеромъ; а между тѣмъ, можетъ быть, найдешь и знакомства; но въ нихъ надобно быть разборчиву и не всякому летящему ввѣряться.

*

Выѣхалъ я изъ Москвы 18 Іюля на своихъ лошадяхъ и на 10 ямскихъ за туже цѣну, за которую меня здѣсь возятъ, а на моемъ только кормѣ. Съ Дорогобужа своротилъ къ Николаю Васильевичу Коковскому въ деревню его Холмъ; у него прожилъ около двухъ недѣль, ѣздя по гостямъ, гдѣ меня несказанно угащивали, и съ нимъ пріѣхалъ въ Смоленскъ, а оттуда пустился по своимъ деревнямъ и назадъ прямо уже проѣхалъ. Трудно разсказать, какъ меня принимали. Вездѣ каменные домы, какіе бы и въ Москвѣ отъ другихъ не отстали; обѣды, ужины, иллюминаціи, фейерверки, гулянки. Тамошніе помѣщики живутъ какъ цари. Былъ я также и у Ник. Дм. Волкова. Въ своихъ деревняхъ нашелъ весь желаемый порядокъ. Народъ крупный, бѣдныхъ мало; есть очень много мужиковъ, у которыхъ по 10 лошадей, по 5 коровъ сверхъ другаго скота. Жалобы были, но почти неосновательныя. Парадныхъ лошадей тамъ оставилъ. Есть многія хорошія заведенія: гумна, скотные дворы, мельницы и пр. и пр. Во всякой части небольшіе домы, гдѣ пристать можно. Положенія прелестны; одно изъ нихъ меня восхищаетъ и ежели бы я его видѣлъ лѣтъ десять назадъ, то бы разорился строеніемъ, а теперь уже поздно зачинать. Представь себѣ отлогую гору, какъ въ Москвѣ; вправо отъ озера версты въ 4, а влѣво другое верстъ въ 10 въ окружности, между ними разстояніе низкое сажень на 100 или на 200; соединить ихъ легко широкимъ каналомъ, а ѣздить можно по озерамъ не только на парусахъ, но и фрегаты ходить могутъ. На срединѣ каждаго озера большіе острова, заросшіе крупнымъ лѣсомъ. Надъ каналомъ построить домъ со всѣми службами; по косогору завести Аглинской садъ, который захватитъ и часть озеръ. Влѣво, верстахъ въ 7-ми, течетъ гордая Двина (что̀ въ Ригѣ) 15 верстъ по моей землѣ. Вправо, верстахъ въ четырехъ большаго лѣса, нѣсколько тысячъ десятинъ. На лежащей противъ мнимаго моего дома горѣ тутъ построить церковь и пр. Я мало видывалъ подобныхъ положеній, кромѣ развѣ Царяграда и Неаполя, потому что они лежатъ

---

*) Графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій.

на морѣ и суть столицы. Ежели бы покойный князь Потемкинъ видѣлъ сію деревню, все бы бросилъ и разорился строеніемъ. Впрочемъ сія Граблинская часть лежитъ на большой дорогѣ изъ Смоленска и Велижа къ Торопцу и недалеко отъ Петербургской въ Смоленскъ и Витебскъ, слѣдовательно и Литовской дороги. Есть также прекрасныя положенія въ Чуриловской, Прихабской частяхъ, ибо вездѣ есть озера; но, увидя Граблино, все позабудешь.

Отъ князя Гр. Сем. получилъ я письмо съ извѣстіемъ, что кн. Софія Григорьевна помолвлена за государева генералъ-адъютанта князя Волконскаго, который былъ съ нимъ въ Мемелѣ; а сегодня онъ ко мнѣ пишетъ, что и князь Николай уже помолвленъ съ графиней Разумовскою.

*

Москва, 22 Сентября 1802.

Спѣшу сказать тебѣ о великихъ и важныхъ перемѣнахъ въ правительствѣ, воспослѣдовавшихъ въ Петербургѣ. Дай Богъ имъ совершиться, дабы ожидаемая отъ нихъ польза имѣла мѣсто! Учрежденіе преблагоразумное, и безъ котораго, по моему мнѣнію, никогда бы въ Россіи порядка не было. Всѣ указы о силѣ Сената, о 8 министрахъ и пр. напечатаны уже въ газетахъ, кои, конечно, посолъ получаетъ; а послать ихъ къ тебѣ трудно. Но на всякій случай коротко тебѣ скажу, чтò вспомню. Оставя Сенатъ въ сторонѣ, все правленіе раздѣлено на 8 департаментовъ, и въ каждомъ положенъ министръ, а къ нему приданъ помощникъ или товарищъ.

1. Министръ военный—Сергѣй Кузмичъ Вязмитиновъ, мой племянникъ.

2. Морской—Мордвиновъ.

3. Министръ внѣшнихъ или иностранныхъ дѣлъ (къ нему принадлежатъ и церемоніймейстеръ и великій канцлеръ) гр. А. Р. Воронцовъ, товарищъ кн. Адамъ Чарторыжской.

4. Юстиціи—Державинъ; пока не выйдетъ уставъ, онъ долженъ оставаться на основаніи генералъ-прокурора. (Товарищъ Беклешовъ оставленъ).

5. Внутреннихъ дѣлъ, или генералъ-полицеймейстеръ всей имперіи, графъ Кочубей; у него все, какъ-то: публичныя строенія, снабженіе нужнымъ къ жизни, казенныя палаты, губернскіе предводители, мануфактуръ-коллегія, медицинская коллегія, соляная контора, почтовое правленіе, экспедиція государственнаго хозяйства, опекунство иностранныхъ, спокойствіе, тишина и благоустройство всей имперіи. Дай Богъ ему силъ!

6. Министръ финансовъ, т.-е. прихода, расхода и все распоряженіе, гр. А. И. Васильевъ; подъ нимъ государственный казначей Голубцовъ. Помощникъ Гурьевъ, что́ былъ въ Кабинетѣ. Въ его вѣдомствѣ: бергъ-коллегія, монетный дворъ, мануфактуръ-коллегія, лѣсной департаментъ, оброчныя статьи, управленіе казенныхъ земель, деревень, чиновъ, старостъ, арендъ и пр., государственные банки, придворные банкиры, всѣ казенныя палаты, штаты прихода и расхода ежегодно.

7. Коммерціи—графъ Николай Петровичъ Румянцовъ: коммерцъ-коллегія, таможни и пр.

8. Народнаго Просвѣщенія—графъ Завадовскій, товарищъ М. Н. Муравьевъ. Подъ нимъ академіи, университеты и всѣ училища, цензура, газеты, періодическія сочиненія, библіотеки, кабинеты, музеи и пр.

Слѣдовательно, командиръ вашъ—графъ А. Р. Воронцовъ (которому вы и письма̀ не отдали, а оно бы теперь послужило). Князь Александръ Борисовичъ, по прошенію, отставленъ; данъ ему Владиміръ 1-го класса, а за заслуги пожалованъ канцлеромъ Россійскихъ орденовъ, съ тѣмъ, что можетъ присутствовать въ Совѣтѣ и въ Сенатѣ, ежели хочетъ, а можетъ также, ежели разсудитъ, жить въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ своихъ деревняхъ, ѣхать за границу и пр. Въ немъ вы лишились покровителя. Надобно заслуживать у другихъ, кои суть теперешніе ваши начальники. Больше я не распространяюсь, думая, что посолъ все сіе получилъ, а слѣдовательно и вы узнать можете. Фельдмаршалъ графъ Каменскій правилъ должность главнокомандующаго въ Петербургѣ четыре дня, отпущенъ отдыхать на четыре мѣсяца. Гертель—оберъ-полицеймейстеромъ въ С.-Петербургѣ. Трощинскій, у котораго взяли почтовое правленіе, но въ которомъ онъ остается до окончанія дѣлъ, не попалъ въ число 8-ми министровъ, но едва ли тѣмъ не выигралъ, ибо всѣ доклады о министрахъ будетъ онъ разбирать и сочинять отвѣты. Дай Богъ!

M-me Wolf, которую ты знаешь, вѣнчается на сихъ дняхъ съ полковникомъ Башиловымъ, съ которымъ вы танцовали у Опочининой. Моя фаворитка, княжна Друцкая, о коей я писалъ прежде, идетъ за гусарскаго генерала Глѣбова, который также съ вами танцовалъ у Опочининой. Теперь здѣсь duc de Glocester, который, сказываютъ, женится на сестрѣ императрицы, Амаліи, бывшей здѣсь въ коронацію; его возятъ по клубамъ и собраніямъ.

Поздравляю съ Аглинскимъ учителемъ. Не теряй время: все выученное вездѣ во всякомъ мѣстѣ и во всякомъ случаѣ пригодится. Ежели бы сдѣлалось какое несчастіе (которое случается и съ королями, какъ съ Лудовикомъ XVI-мъ), то ты въ себѣ самомъ найдешь рессурсъ и пропитаніе или языками, или музыкою, или рисованіемъ; а ежели

ничего сего не будетъ—пропалъ. Кобенцелю скажи, что я неописанно чувствителенъ за его память, и ежели Богъ и обстоятельства позволятъ, то я не отчаяваюсь еще и вблизи удивляться его дѣламъ и возблагодарить за его обо мнѣ незабвеніе.

Ивану Петровичу Тургеневу я сообщилъ, чтó ты говоришь о его первозванномъ сынѣ. Намъ обоимъ хочется, чтобы вы жили вмѣстѣ. Курьеромъ ему не ѣхать, ибо онъ уже отъ Кочубея причисленъ къ вашей миссіи.

За печатное приложеніе очень тебя благодарю. Сочиненіе прекрасно, переводъ хорошъ и изданіе щегольское. Повѣрь мнѣ, переводи и печатай: ничто не пропадетъ и тебѣ во славу послужитъ. Дабы тебѣ отплатить, посылаю стишки, очень хорошіе; но подумай, откуда я ихъ получилъ: отъ Фаста, сочиненные въ Саранскѣ, но только не имъ. Я бы не устыдился быть ихъ авторомъ.

Хочется мнѣ имѣть сѣмянъ, а тебѣ стóитъ сіе малаго труда, если найдешь знакомыхъ.

1. Арбузовъ изъ Пистои. 2. Коноплей изъ Болоніи. 3. Капусты цвѣтной изъ Рима и разныхъ цвѣтовъ. Арбузы такъ у насъ удались (ибо я все сіе испыталъ), что во сто разъ превосходнѣе Астраханскихъ. Конопли (canapa) выросли въ Крыму въ 3 сажени. Капуста курчавая и край другого цвѣту, такъ что заглядишься, а о цвѣтной и говорить нечего. Въ Римъ можешь отписать къ Кассини; но мнѣ много не надобно, зеренъ по 50 каждаго, то и довольно; а къ Марту они сюда поспѣть могутъ, для украшенія моего сада.

Жасминный корешокъ.

Послѣ батюшки достался
Мнѣ жасминный корешокъ.
Я туда, сюда метался
И искалъ вездѣ горшокъ.
Былъ у Лизы, у Наташи,
Былъ съ поклономъ у Прелестъ;
Есть горшки, да все не наши,
И отказъ, какъ добрый шестъ!
Хоть горшокъ не такъ-то важенъ,
Но онъ нуженъ, коль посаженъ
Въ немъ иль розанъ, иль левкой.
Нѣтъ надежды никакой!
Проискалъ я цѣлы сутки,
Но, къ несчастью, нѣтъ посудки,
Чтобъ наслѣдство посадить.
Можно-ль больше досадить

Намъ, охотникамъ, судьбинѣ?
Не сажать, такъ что-жъ въ жасминѣ?
Кто къ цвѣтамъ имѣетъ страсть,
Какъ цвѣтку сему пропасть?
Шасть на счастье къ милой Хлоѣ
И принесъ печальну вѣсть.
„Не тужи и будь въ покоѣ:
У меня горшечекъ есть",
Хлоя молвила тихонько.
„Въ немъ землица какъ пушокъ;
Но сажай сперва легонько,
Чтобъ не треснулъ вдругъ горшокъ".
— Не печалься, другъ любезный!
Я сажалъ цвѣты не разъ;
Этотъ корень преполезный,
Какъ для сердца, такъ для глазъ.
Онъ пригоденъ и отъ скуки.
На! Возьми, пожалуй, въ руки.
Тѣмъ я Хлою убѣдилъ
И потомъ ужъ безъ докуки
Мой жасминецъ посадилъ.

*

Москва, 9 Октября 1802.

Пушкины здѣсь; она нездорова. У нихъ въ деревнѣ нашли подъ землею чрезвычайную голову какого-то звѣря (повидимому мамонта). Онъ писалъ объ ней въ Петербургъ. Государь приказалъ ее туда отправить, а ему прислалъ перстень тысячъ въ шесть. Я не знаю человѣка счастливѣе.

Иванъ Петровичъ лишится своего мѣста, ибо директору должно быть пятагѣ класса; но самъ еще не знаетъ куда обратиться. Я ему совѣтую въ сенаторы, коимъ жалованья прибавлено до трехъ тысячъ. Кураторовъ совсѣмъ не будетъ.

*

Москва, 16 Октября 1802.

Никольское купилъ Обольяниновъ; продавецъ Власовъ, взявъ за себя сію деревню послѣ брата, обязался заплатить его долги около 70 т., не заплатилъ, продалъ ее и также не заплатилъ. Должники теперь отнимаютъ ее у Обольянинова, который долженъ взыскивать своихъ денегъ на Власовѣ.

Москва, 27 Октября 1802.

Балла я знаю и очень давно; но здѣсь подозрѣваютъ, что онъ секретный агентъ иллюминатовъ, кои причинили столько несчастій во Франціи, и что онъ, будучи весьма небогатъ, предпринимаетъ столь частые вояжи на ихъ счетъ. Сіе тебѣ не худо знать и остеречься, ибо они погубили уже много молодыхъ и безопасныхъ людей.

*

Москва, 1 Декабря 1802.

Я догадываюсь, кто такой Полякъ, называющійся моимъ пріятелемъ. Это долженъ быть Держановскій, ростомъ высокій, толстый, но теперь уже можетъ быть сухой и старый. Вотъ его исторія. Онъ много странствовалъ и разсказывалъ, что былъ королемъ, т. е. старостою на какомъ-то необитаемомъ островѣ Американскомъ, а не на Отаити, ибо сей не былъ еще тогда обрѣтенъ. За таковое царство король Польскій взялъ его къ себѣ въ 1765 году въ камергеры. Онъ его обманулъ и ушелъ въ Барскую конфедерацію, которая противъ насъ и короля воевала. Въ оной однажды его окружили наши войска; но онъ одѣлся попомъ и, держа въ рукахъ сосудъ съ причастіемъ, прошелъ какъ бы къ больному. Послѣ того уже въ Польшѣ не появлялся. Сіе пишу единственно для тебя, а не для разглашенія. Ты можешь пользоваться его ласками, но не вѣрить, яко бродягѣ; а таковыхъ премного на свѣтѣ вездѣ. Кланяйся ему и отъ меня; но еще разъ повторяю: не ввѣряйся никому, какъ бы тебя ни ласкали, не вызнавъ совершенно человѣка; а для сего иногда и цѣлаго года мало. Лучше держаться правила: никогда и никому своихъ таинъ не открывать, ибо часто отъ сего слѣдуютъ бѣды; а молодаго человѣка вскружить не долго.

Чѣмъ далѣе пойдешь, тѣмъ мудренѣе тебѣ казаться станетъ Латинской языкъ; да и того не довольно, что будешь разумѣть одного автора. Ежели поймешь Цицерона, то еще не будешь понимать Тацита, Тита Ливія, Горація, Лукреція и пр., и каждаго изъ нихъ надобно выучить, какъ у насъ учатъ букварь. Но тебѣ въ семъ нужды нѣтъ; довольно, ежели нынѣшнюю Латынь будешь разумѣть; говорить же симъ языкомъ можно только объ ученыхъ древнихъ дѣлахъ, а не о нынѣшнихъ и объ общежительствѣ. Хотя профессоры Нѣмецкіе льстятся, что могутъ все сказать по-латынѣ; но я увѣренъ, что Цицеронъ ихъ разумѣлъ бы такъ мало, какъ ты Татарина или Китайца.

Сожалѣю, что переводомъ Карамзина тебя предупредили и что перстень достался не тебѣ. По крайней мѣрѣ и въ семъ случаѣ ты

видѣлъ, что совѣтъ мой былъ основателенъ и надлежало было поспѣшить.

*

Москва, 15 Декабря 1802.

Мнѣ совершенно жаль, что тебя предупредили переводомъ Похвальнаго Слова. Вотъ тебѣ два совѣта по сей матеріи: 1) Ежели Нѣмецкій уже напечатанъ, то можно и его послать, какъ бы ты ни объ чемъ не зналъ. 2) Ежели не напечатанъ, совѣтую тебѣ перевесть какъ наискорѣе оный на Итальянской, напечатать sur papier velin, какъ наилучше, и послать экземпляръ: 1) къ Государю при письмѣ, въ которомъ сказать, что, будучи приведенъ имъ въ положеніе быть ему и государству нѣкогда полезнымъ, ежели онъ продолжитъ къ тебѣ свою высочайшую милость, не можешь ты изъявить своей чувствительной благодарности, не имѣя иныхъ способовъ, какъ посвятить ему переводъ похвалы Великой Екатеринѣ, которою начертанное счастіе Россіи приводится во исполненіе его добродѣтельною, дѣятельною и все оживотворяющею душою и прочее, что̀ тебѣ сердце скажетъ. 2) Къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, яко наслѣдницѣ той, которая заслужила не только сію, но и безсмертную отъ рода человѣческаго похвалу, и не только отъ Россіи. 3) Къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, въ которой видѣли мы не только подобіе душевныхъ ея дарованій, но и утѣшались ею отъ потери столь драгоцѣнной. Всѣмъ надобно себя рекомендовать, прося о покровительствѣ и милости для человѣка, который, кромѣ преданности, не имѣетъ еще по молодости лѣтъ способа доказать готовность къ пожертвованію ихъ службѣ своею жизнію и слабыми дарованіями. Я тебѣ сіе совѣтую не для того, чтобы думалъ, что ты радъ будешь подаркамъ, ежели бы оныхъ удостоился; но для того, что и сіи подарки, какъ бы ни были малы, а могутъ быть и сопровождены письмами всегда тебѣ послужать для переду грамотами и дипломами. Сего не довольно. Надобно, чтобъ никто, кромѣ тебя, ничего о семъ не зналъ, не только до отправленія, но и до полученія отвѣта. Ежели ты въ силахъ исполнить мой проектъ, брось все, даже и ученіе, и исполни, ежели хочешь имѣть желаемый успѣхъ. Я тебя не принуждаю, но ежели сіе сходно съ твоими силами и хотѣніемъ, то ты можешь ожидать добра.

*

Москва, 29 Декабря 1802.

О Баллѣ я писалъ только для тебя, дабы ты остерегался, какъ и ото всѣхъ ласкающихся. Аудиторъ по своимъ привѣтствіямъ можетъ служить характеромъ въ комедіи, но можетъ быть и честнымъ человѣкомъ. Однакожъ ни съ кѣмъ на свѣтѣ не долженъ ты говорить о по-

литикѣ, а еще меньше о дѣлахъ вашего посольства. Сіи мнимые пріятели доведутъ споръ, разгорячать, раззадорятъ и заставятъ выболтнуть что-нибудь изъ происходящаго у васъ; а въ сихъ дѣлахъ одного слова довольно, дабы заключить обо всемъ. И такъ, остерегайся, мой любезный Константинъ, и не поставляй себѣ въ славу, что ты больше насъ знаешь. Молчаніе есть наилучшее средство отдѣлываться отъ любопытныхъ. Въ старину не безъ причины запрещено было ходить въ домы министровъ чужестранныхъ и съ ними знаться; тогда васъ стерегли, а теперь вы должны себя стеречь.

Одинъ Итальянецъ привезъ 300 картинъ (какія въ Вѣнскихъ лавкахъ употребляются для закрытія на стѣнахъ пустыхъ мѣстъ) и продалъ ихъ Мятлеву за 18 т. рубл., а назавтра признавался, что безъ Мятлева радъ былъ отдать за 1800 р. Вотъ каковы мы!

Здѣсь въ землетрясеніе *) не только не проваливалось домовъ, но ниже курицы съ нашести не упало, и чувствовали его только старыя бабы, у которыхъ песокъ сыплется.

(*Продолженіе будетъ*).

*) Объ этомъ землетрясеніи, которое вѣроятно ощущалось неодинаково въ разныхъ мѣстностяхъ Москвы (Я. И. Булгаковъ жилъ близъ Нѣмецкой Слободы), писалъ молодой семинаристъ (впослѣдствіи митрополитъ Филаретъ) къ родителямъ своимъ въ Коломну, и оно же осталось въ памяти А. С. Пушкина, которому тогда шелъ четвертый годъ отъ роду.

РЫЛѢЕВЪ И НѢМЦЕВИЧЪ.

Развитіе литературъ Русской и Польской шло и теперь идетъ почти одинаковымъ путемъ; но въ этомъ сходствѣ играетъ роль болѣе племенное родство, чѣмъ взаимодѣйствіе обѣихъ литературъ. Тѣмъ болѣе любопытны рѣдкіе случаи прямого вліянія одной литературы на другую. Едва ли многимъ извѣстно, что толчокъ къ совершенному Мицкевичемъ повороту Польской поэзіи отъ классицизма къ новой романтической школѣ былъ данъ балладой Жуковскаго „Людмила“. Однажды (разсказываетъ въ своей книгѣ о Мицкевичѣ Хмѣлёвскій) сынъ профессора Русскаго языка, исторіи и словесности Чернявскій, живой и веселый малый, всеобщій любимецъ, товарищъ Мицкевича по Виленскому университету, вбѣжалъ на одну изъ студенческихъ сходокъ весь взволнованный и съ сіяющими глазами, находясь подъ вліяніемъ только что прочитанной „Людмилы“. По просьбѣ товарищей онъ съ хоромъ продекламировалъ ее предъ ними, и всѣ раздѣлили его восторгъ (uniesienie). Ѳома Занъ на завтра же написалъ балладу „Нерина“, явившуюся новой переработкой Леноры Бюргера. Вслѣдъ за нимъ тотчасъ же или немного позднѣе началъ писать свои баллады и Мицкевичъ[1]).

Почти одновременно съ этимъ и въ Русской литературѣ произошло подобное же явленіе: подъ вліяніемъ толчка, даннаго „Историческими Пѣснями“ Польскаго поэта Нѣмцевича, Рылѣевъ выступилъ со своими Думами – видъ произведеній, котораго до сихъ поръ еще не было въ нашей словесности.

Печатая въ 1890 г. въ „Русскомъ Архивѣ“ [2]) жизнеописаніе Рылѣева, мы не имѣли возможности сличить его Думы съ Пѣснями Нѣмцевича. Между тѣмъ сравнительный разборъ тѣхъ и другихъ не лишенъ извѣстнаго значенія. Онъ важенъ для оцѣнки Рылѣева, какъ поэта; потому что только такими путями уясняется степень его заимствованія у Нѣмцевича, а слѣдовательно и степень самостоятельности его Думъ. Онъ любопытенъ и потому, что даетъ двѣ-три черты для обрисовки его Польскихъ отношеній.

Рылѣевъ научился по-польски еще съ дѣтства отъ своего корпуснаго товарища Зыгмунтовича. О дальнѣйшихъ его занятіяхъ въ этомъ направленіи мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній; но извѣстно, что послѣ похода

[1]) P. Chmielowski. Adam Mickiewicz, t. I, str. 157.

[2]) Тетрадь 6-я.

1814 г. его роту расположили въ Минской губерніи, и поэтъ жилъ въ городѣ Несвижѣ [1]). Судя по отмѣткѣ П. А. Ефремова [2]), и послѣ 1815 года онъ квартировалъ съ своей ротой тамъ же и перешелъ въ Воронежскую губернію только въ 1817 году. Несвижъ—старинная вотчина Радзивилловъ. Въ былыя времена Польскаго господства туда, ко двору Радзивилловъ, собирался весь цвѣтъ мѣстнаго Польскаго общества. Въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ многіе разсѣялись, и самого князя Радзивилла уже не было въ Несвижѣ; но жизнь, вообще говоря, мало измѣнилась сравнительно со временами Рѣчи Посполитой: Польская культура царила вокругъ и все, что уцѣлѣло отъ военныхъ погромовъ, по старой памяти съѣзжалось въ Несвижъ, какъ центръ мѣстной жизни. Рылѣевъ, хорошо зная по-польски, безъ сомнѣнія имѣлъ не разъ случай бывать въ Польскомъ обществѣ, всматриваться въ его жизнь и заинтересоваться тогдашней Польской литературой. Какъ разъ въ то время (въ 1816 г.) вышли въ Варшавѣ „Историческія Пѣсни“ Нѣмцевича. Вѣроятно тогда же Рылѣевъ впервыя прочелъ ихъ, и тогда же зародилась у него мысль написать по образцу Польскихъ пѣсенъ свои Русскія „Думы“.

Нѣмцевичъ въ глазахъ Рылѣева былъ „однимъ изъ лучшихъ поэтовъ Польши“ [3]); но, чтобы вѣрно оцѣнить значеніе этихъ словъ, надо вспомнить, что̀ такое представляла собою тогдашняя Польская словесность. Это были послѣдніе годы доживавшаго свой вѣкъ сухого и педантическаго, но все еще высокомѣрнаго, надутаго и увѣреннаго въ себѣ лжеклассицизма. Литераторы того времени (говоритъ одинъ изъ историковъ Польской словесности) большею частью разсудительные, систематическіе люди, притомъ горячіе патріоты, лишенные возможности устраивать государство, обратились всецѣло на устраиваніе области прекраснаго, которую стали обдѣлывать и превращать въ садъ на подобіе Версальскаго съ цвѣтниками и клумбами, съ прямыми аллеями, соблюдая законъ дѣленія труда и дисциплину политическихъ партій и заводя строгіе полицейскіе порядки, не допускающіе никакихъ произвольныхъ уклоненій отъ правилъ искусства, разъ навсегда преподанныхъ Аристотелемъ и Буало, Гораціемъ и Лагарпомъ. Работа была коллективная. Общество любителей наукъ поставило себѣ задачею не оставить втунѣ въ этомъ саду ни одного уголка и озаботиться, чтобы каждый родъ литературы имѣлъ своего представителя: одни компилировали исторію, другіе воздѣлывали эпосъ, драму или романъ [4]). Между прочимъ подумали и о популяризаціи исторіи посредствомъ прославленія въ „Историческихъ Пѣсняхъ“ славнѣйшихъ событій и знаменитѣйшихъ подвиговъ и побѣдъ Польскихъ королей и государственныхъ дѣятелей. Особенно тутъ имѣлось въ виду воспитательное вліяніе такихъ пѣсень на подрос-

---

[1]) Сочиненія Рылѣева, изд. 1874, стр. 232.
[2]) Тамъ же, стр. IX.
[3]) Тамъ же, стр. 2.
[4]) Исторія Славян. лит. Пыпина и Спасовича, 1881 г., т. II, стр. 599—600.

тавшее поколѣніе. Сочетанія риѳмъ, а особенно прелесть пѣнія и музыки должны были сдѣлать знаніе отечественной исторіи привлекательнымъ для молодости и доступнымъ для всѣхъ. Осуществленіе этой воспитательно-поэтической задачи было поручено обществомъ Юліану-Урсину Нѣмцевичу.

Мысль общества была вполнѣ вѣрная. Нѣмцевичъ справедливо замѣчаетъ: „Напоминать юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его съ свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти—вотъ вѣрный способъ для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не въ состояніи изгладить. Они крѣпнутъ съ лѣтами и творятъ храбрыхъ для бою ратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта“ *). Но для удачнаго выполненія этой мысли надо совмѣстить въ себѣ писателю слишкомъ многое: большой поэтическій даръ съ знаніемъ и вѣрнымъ пониманіемъ исторіи, осторожную осмотрительность педагога съ гордостью и пыломъ патріотическаго чувства. Нѣмцевичъ, нѣкогда Лифляндскій сеймовый посолъ, затѣмъ адъютантъ Костюшки, бившійся съ нимъ вмѣстѣ подъ Мацѣевицами, вмѣстѣ взятый въ плѣнъ, вмѣстѣ просидѣвшій въ заключеніи въ Петербургѣ и вмѣстѣ выпущенный на честное слово императоромъ Павломъ, доказалъ свою любовь къ родинѣ и на полѣ брани, и на поприщѣ искусства. Еще во время короля Станислава-Августа прославился онъ слабой съ художественной точки зрѣнія, но патріотической комедіей „Возвращеніе посла“. Въ молодости же началъ онъ воспѣвать и подвиги Польскихъ героевъ, написалъ двѣ думы о Жолкевскомъ и о Стефанѣ Потоцкомъ. Но хотя Рылѣевъ и говоритъ, что „тотъ, въ комъ кипитъ любовь къ общественному благу, завсегда поэтъ“, одно патріотическое чувство еще не достаточное ручательство за поэтическій даръ. У Нѣмцевича не было ни малѣйшей способности къ поэтическому творчеству. Онъ добросовѣстно взялся за работу; семь лѣтъ изучалъ онъ историческіе памятники, семь лѣтъ корпѣлъ въ книгахъ; но эти занятія только сбили его съ толку, а сухая и педантическая тогдашняя литературная школа съ ея мертвенной систематизацiей безъ сомнѣнія не помогла ему выйти на настоящую дорогу. Пѣсни вышли вялы, сухи и безцвѣтны, и новѣйшая литературная критика обходитъ ихъ пренебрежительнымъ молчаніемъ, какъ „лишенныя всякой правды и таланта“.

Что же могло понравиться въ нихъ Рылѣеву? Не позабудемъ, что пѣсни эти въ свое время пользовались большой извѣстностью и очевидно пришлись по вкусу тогдашнему Польскому обществу; не позабудемъ, что и наши литературные вкусы не далеко ушли тогда отъ Польскихъ: и у насъ, какъ у Поляковъ, все еще оставались въ силѣ лжеклассическія преданія, и Рылѣевъ выросъ подъ ихъ прямымъ вліяніемъ. Не даромъ онъ произнесъ строгій судъ надъ Жуковскимъ за „слишкомъ пагубное его вліяніе на духъ на-

*) Spiewy Historyczne, Petersburg, 1876 r., str. IX.

шей словесности". „Мистицизмъ Жуковскаго, писалъ онъ Пушкину, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность растлили многихъ и много зла надѣлали". Не романтикъ Жуковскій, а Державинъ и классически-правильный Батюшковъ были любимцами нашего поэта. Разверните книжку его стихотвореній, и на васъ повѣетъ знакомыми пріемами и духомъ лжеклассицизма. „Дорида", „Лила", „Парнассъ", „Служитель Аполлона", „Дамонъ-ругатель", „Клитъ-стихокропатель" пестрятъ всѣ раннія произведенія Рылѣева. Такимъ образомъ то, что было у Нѣмцевича недостатками ложноклассической системы, очевидно, не могло претить Рылѣеву; а недостатки собственно Нѣмцевича закрывались для него достоинствомъ общей мысли, лежащей въ основаніи Историческихъ Пѣсенъ. Она пришлась Рылѣеву какъ нельзя болѣе по душѣ, и вотъ готовое побужденіе къ заимствованію, толчокъ къ перенесенію Историческихъ Пѣсенъ на Русскую почву.

Но какая разница между Пѣснями Польскаго поэта и Думами Русскаго! Одинаковы ихъ цѣли и задачи, у обоихъ нравственныя, но различно содержаніе нравственнаго идеала. Одинаковы формы, въ которыя оно облекается, но различны поэтическіе пріемы. Правда, иныя были и условія, при которыхъ писались Думы Рылѣева: ему незачѣмъ было рыться въ источникахъ и по многимъ книгамъ создавать историческіе образы; передъ нимъ была художественная исторія Карамзина, изъ которой прямо взяты многія Думы (Борисъ Годуновъ, Курбскій и др.) Но тѣмъ не менѣе довольно и бѣглаго взгляда, чтобы замѣтить, что Русскій поэтъ беретъ верхъ надъ своимъ Польскимъ образцомъ и по силѣ дарованія, и по степени педагогическаго такта.

Въ трудѣ такого рода, какъ пѣсни или думы, гдѣ художественность изображенія является лишь средствомъ къ достиженію главной воспитательной задачи, всего важнѣе предлагаемый авторомъ нравственный идеалъ, и здѣсь прежде всего сказывается превосходство нашего поэта. Нѣмцевичъ— кровный Польскій магнатъ, истинный сынъ народа-шляхты, аристократическаго по преимуществу, завоевательнаго въ душѣ. **Naród nasz z natury waleczny** [1]), говоритъ о немъ самъ Нѣмцевичъ. Правда, въ одномъ мѣстѣ онъ устами Пяста заклинаетъ своихъ соотечественниковъ уважать земледѣліе, ибо „въ мечѣ и плугѣ заключаются силы Поляковъ", а въ другомъ повидимому ставитъ военную доблесть наравнѣ съ гражданской дѣятельностью:

Szczęśliwy który pokoju urzędzie
 Rodakom słuszność wymierza,
Todzien zazdrości, kto w dzielnym zapędzie
 Granice państwa rozszerza;
Ale ten wielkim, ten jest sławnym mężem,
 Kto kraj swój wspiera radą i orężem [2]),

[1]) Народъ нашъ по природѣ воинственный. Spiewy Hist, str. XII.

[2]) Дума о Янѣ Замойскомъ: „Счастливъ, кто въ мирномъ удѣлѣ творитъ судъ землякамъ; достоинъ зависти, кто на поприщѣ мужества расширяетъ границы государства; но тотъ великъ, тотъ славенъ, кто служитъ родинѣ и совѣтомъ, и мечомъ".

но на самомъ дѣлѣ всѣ его сочувствія лежать на сторонѣ военной доблести. Открываясь съ религіознаго гимна св. Войцѣха Boga rodzica dziewica, который пѣло нѣкогда старинное Польское воинство, идя на бой, его пѣсни начинаются съ предвѣщанія Польшѣ громкой военной славы въ думѣ „Пястъ“ и кончаются апоѳеозой князя Іосифа Понятовскаго, этого, по выраженію Нѣмцевича „рыцаря безъ упрека, воина безъ страха“. Всѣ пѣсни (за исключеніемъ думъ о Пястѣ, Казимирѣ Великомъ и Лешкѣ Бѣломъ) представляютъ какъ бы одинъ сплошной гимнъ военной доблести предковъ. Вглядитесь въ эпитеты, которыми поэтъ украшаетъ своихъ любимыхъ героевъ Храбрый, воинственный, смѣлый, отважный, мужественный (dzielny, waleczny, mężny, odważny, bitny)—вотъ слова, которыя всего чаще попадаются на страницахъ Историческихъ Пѣсенъ. Это не случайность. Co Polak, to rycerz (что ни Полякъ, то рыцарь) гласитъ старинная Польская пословица. Нѣмцевичъ самъ былъ такимъ рыцаремъ, и его мысленному взору постоянно предносились блестящія картины старопольскаго рыцарства, эта изысканность королевскаго двора, эти блистательные турниры, шумъ военной сѣчи и эти стремительнымъ вихремъ влетающія въ грудь непріятельскаго войска летучіе отряды крылатой Польской гусаріи, о подвигахъ которой съ увлеченіемъ разсказывали въ долгіе зимніе вечера, оттачивая свои сабли, и рыцари въ зипунахъ, и мелкая застѣнковая шляхта. Рыцарь—вотъ идеалъ Нѣмцевича; вотъ что ставитъ онъ, какъ образецъ, молодежи. Передъ вами проходитъ длинный рядъ Польскихъ героевъ Собѣскіе, Чарнецкіе, Баторіи, Владиславы, Тарновскій, Замойскій и многіе, многіе другіе; но всмотритесь во всѣхъ нихъ, и вы увидите, что подъ разными именами всѣ они (и короли, и вельможи) являютъ одинъ излюбленный образъ блестящей отваги и неустрашимаго мужества, образъ рыцаря.

Kto kraj swój kocha, kto Boga się boi,
Ma szablę, konia, o reszte nie stoi,

(кто край свой любитъ, кто Бога боится, у кого есть конь да сабля, тому все ни почемъ): вотъ завѣщаніе умирающаго Чарнецкаго своему внуку. „Защищай родину, будь вѣрнымъ возлюбленной“ (Broń twej ojczyzny, bądź kochance wierny), говоритъ старый Завиша, посвящая своего сына въ рыцари. И всѣ герои Нѣмцевича вѣрно исполняютъ этотъ рыцарскій завѣтъ. Они храбро служатъ родинѣ, совершая геройскіе подвиги личной храбрости, и обыкновенно ихъ храбрость вѣнчаетъ въ пѣсняхъ награда женской любви. Даже стараго Карла Ходкевича, „не смотря на его лѣта“, за мужество, завоеванія и побѣды награждаетъ своей „прекрасной“ рукой Анна Острожская.

Нельзя отказать этому строго-выдержанному образу рыцаря въ извѣстнаго рода поэзіи и привлекательности. Но нравственный идеалъ долженъ быть одинаковъ для всѣхъ, широкъ и всеобъемлющъ. Тутъ именно и открывается слабая сторона Нѣмцевичевской морали. Рыцарство—съ этимъ именемъ у насъ связано понятіе о высокой доблести, о безупречной чести;

но чтобы стать ихъ представителями въ полной мѣрѣ, надо было стать рыцаремъ, надо было посвященіе въ рыцари. Высшая доблесть считалась какъ бы принадлежностью только рыцарства. Это была своего рода нравственная привиллегія, вполнѣ согласовавшаяся съ общимъ строемъ среднихъ вѣковъ (строемъ привиллегій), но и порождавшая особаго рода недостатокъ—гордость своимъ превосходствомъ. Пѣвецъ рыцарства и самъ рыцарь Нѣмцевичъ не могъ конечно его избѣгнуть. Онъ поэтъ шляхты и для шляхты, лишь мимоходомъ въ двухъ трехъ мѣстахъ упоминая объ „убогихъ кметяхъ". Это, въ связи съ воинской окраской его сочувствій, существенно ограничиваетъ его нравственный идеалъ. Есть и еще одно ограниченіе, почти неосязаемое, но несомнѣнно чувствуемое: Нѣмцевичъ болѣе патріотъ, чѣмъ моралистъ. „Кто край свой любитъ, кто Бога боится, тому не о чемъ больше заботиться", говоритъ у него Чарнецкій. „Край" стоитъ здѣсь на первомъ мѣстѣ, служеніе отечеству не входитъ въ болѣе общее понятіе нравственной дѣятельности, но какъ бы отожествляется съ нимъ. Это, помимо воли Нѣмцевича, можетъ дать поводъ къ искаженіямъ въ обще-нравственномъ идеалѣ: высшей инстанціи, къ которой все аппелируетъ нечувствительно, можетъ явиться только Польша, Польскій народъ.

Идеалъ Рылѣева шире и глубже. Въ „Думахъ" виденъ человѣкъ, промѣнявшій красивый военный мундиръ на скромное мѣсто засѣдателя въ Петербургскомъ судѣ; виденъ сынъ того времени, когда вознесенная на верхъ славы блескомъ военныхъ побѣдъ Россія обратилась внутрь себя, и всѣ сознали, что

..... для полуночной державы
Довольно лавровъ и побѣдъ;
Довольно громозвучной славы
Протекшихъ незабвенныхъ лѣтъ.

Въ противность Нѣмцевичу, поэту военной доблести, Рылѣевъ является пѣвцомъ мужества гражданскаго. Онъ прямо говоритъ:

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ
И, страхомъ ставъ для чуждыхъ военъ,
Къ своимъ знаменамъ приковалъ
Побѣду, спутницу героевъ...
Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ
Ничто предъ доблестью гражданской.

Идеалъ Нѣмцевича—рыцарь; идеалъ Рылѣева—„прямой гражданинъ своей родины": понятіе болѣе общее, въ которое воинская доблесть входитъ, какъ одно изъ частныхъ его свойствъ. И какъ всѣ герои Нѣмцевича представляютъ лишь незначительныя измѣненія одного основнаго излюбленнаго имъ типа, такъ и герои Рылѣева являются лишь видоизмѣненіями одного образа идеальнаго гражданина. Но нигдѣ этотъ образъ не обрисованъ имъ съ та-

кой полнотой и законченностью, какъ въ Думахъ „Волынскій" и „Державинъ", и здѣсь видно, какъ глубоко забираетъ Рылѣевъ. Требованія поэта отъ его гражданина строги и высоки. Ему мало славныхъ дѣлъ; онъ требуетъ чистыхъ и безкорыстныхъ побужденій безъ малѣйшей примѣси тщеславія:

Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
И мученикъ позорной казни,
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукій безъ боязни.
Пусть будетъ онъ, дыша войной,
Врагамъ въ часы кровавой брани
Неотразимою грозой,
Какъ покорители Казани;
Пусть удивляетъ.... Но когда
Онъ все творитъ то изъ тщеславья:
Бѣда несчастному, бѣда!
Онъ сынъ не славы, а безславья!

Не таковъ у Рылѣева Волынскій. „Забывши вовсе о себѣ", онъ служитъ одной правдѣ, жертвуя жизнью только для того, чтобы исполнить свой нравственный долгъ. Въ думѣ „Державинъ", гдѣ въ лицѣ пѣвца Фелицы Рылѣевъ выставляетъ идеалъ поэта, этотъ возвышенный образъ гражданина пополняется новыми чертами:

Къ неправдѣ онъ кипитъ враждой,
Какъ вольный Славянинъ, душой,
Онъ раболѣпствовать не можетъ.
Повсюду твердъ, гдѣ-бъ ни былъ онъ,
Наперекоръ судьбѣ и року;
Повсюду честь ему законъ,
Вездѣ онъ явный врагъ пороку.
Гремѣть грозою противъ зла
Онъ чтитъ святымъ себѣ закономъ,
Съ спокойной важностью чела
На эшафотѣ и предъ трономъ.
Надъ нимъ и рокъ не властелинъ!
Онъ истину достойно цѣнитъ,
И ей нигдѣ, какъ вѣрный сынъ,
И въ тайныхъ думахъ не измѣнитъ!

Въ связи съ этимъ возвышеннымъ образомъ идеальнаго гражданина, вѣрнаго служителя правды, стоитъ и идеальный образъ царя, въ сущности являющійся лишь повтореніемъ перваго, только въ иной обстановкѣ. Идеаломъ Рылѣева не храбрый воинъ и не искусный полководецъ, но правитель кроткій, миролюбивый, „истинный покровъ подданныхъ, пролцвающій съ высотъ трона рѣки благъ народу", водворитель въ странѣ мира и спокой-

ствія *). Въ примыкающей по содержанію къ Думамъ пророческой одѣ „Видѣніе“, въ словахъ императрицы Екатерины къ будущему Царю-Освободителю высказана самая суть нравственныхъ идеаловъ поэта:

Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.
Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.
Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный,
Неправосудье—истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей.
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.
Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность Русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ.
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори,—
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ народы и цари.

Будь человѣкъ для человѣка. Человѣкъ—вотъ что прежде всего привлекаетъ Рылѣева. Истинно-человѣческое есть для него и истинно-нравственное, и онъ ищетъ его не въ одномъ какомъ-нибудь кругу, но вездѣ и повсюду, гдѣ ни находитъ, въ самоотверженномъ-ли поступкѣ отважной жены, ради мужа идущей въ добровольную ссылку (Наталья Долгорукова), въ идеальномъ-ли образѣ поэта-гражданина, „съ улыбкой говорящаго царямъ правду“ (Державинъ), или въ героическомъ подвигѣ Доминскаго крестьянина, полагающаго животъ свой за царя и отечество (Иванъ Сусанинъ). Онъ повсюду воспѣваетъ его въ исполненныхъ воодушевленія стихахъ, воспитывая въ читателяхъ убѣжденіе въ торжествѣ нравственнаго закона, въ томъ, что правда не пропадетъ, что рано или поздно „злодѣйство приметъ воздаянье“. Обще-нравственныя требованія Рылѣевъ имѣетъ въ виду прежде всего, но освѣщаемыя не примѣрами и случаями изъ частной жизни, а на широкомъ полѣ общественныхъ отношеній; нравственныя правила не только воспитываютъ въ дѣтяхъ понятіе о долгѣ, но и вкореняютъ въ нихъ любовь къ отечеству, убѣжденіе, что они сыны одной великой народной семьи и что

*) Дума „Борисъ Годуновъ“.

обязаны всецѣло посвящать себя благу отчизны. Истинно-нравственный человѣкъ не можетъ не любить родины, но любящій родину можетъ любить ее неразумно и не быть человѣкомъ нравственнымъ. Народное у Рылѣева поставлено въ надлежащія границы. У Нѣмцевича раскаявшійся измѣнникъ Глинскій говоритъ:

Bodajby zgon mój, pełen męk i trwogi,
Okropnym został Polakom przykładem!
Bodajby żaden w zemście swojej srogi
Nigdy nie poszedł moich czynów śladem;
I cóż, że zdrajca hańbę swę przeżyje,
Gdy *Polskę* kirem śmiertelnym okruie? [1])

Въ своемъ переводѣ этой Думы Рылѣевъ такъ измѣняетъ эти слова.

Пусть рокъ мой, исполненъ тоской и мученьемъ,
Пребудетъ примѣромъ отчизнѣ моей;
Да каждый, пылая преступнымъ отмщеньемъ,
Идти не посмѣетъ стезею страстей!
Да видитъ во мнѣ моей родины братья,
Что рано иль поздно—измѣнѣ взгремятъ
Ужасныя сердцу согражданъ проклятья,
И *совѣсть* отъ сна пробудятъ.

Это—характерная мелочь. Идеалы Рылѣева шире, глубже, всестороннѣе. Подводя итоги, можемъ сказать, что Нѣмцевичъ всею совокупностью своихъ Пѣсенъ какъ бы обращается къ юношеству съ начальными словами Думы о Стефанѣ Потоцкомъ:

Słuchajcie rycerze młodzi
Żałośnej lutni jęczenia;
Niech w was chęć do sławy rodzi
Dawnego męztwa wspomnienia [2]).

и далѣе, взывая къ тѣни павшаго вождя, восклицаетъ надъ его могилой:

Jeźli kiedy rycerz mężny
W tej się tu znajdzie krainie,
Spojrzawszy na grób potężny,
Niech, jak ty, walczy i ginie [3]).

---

[1]) О, если бы моя, полная мукъ и тревоги, кончина оказалась устрашающимъ примѣромъ для Поляковъ! Да никто, пылая суровымъ мщеніемъ, не пойдетъ по моимъ слѣдамъ. И что за польза, если измѣнникъ переживетъ свой позоръ, когда онъ покроетъ Польшу трауромъ смерти.

[2]) Внемлите, молодые рыцари, стонамъ жалобной лютни, и да родитъ въ васъ память о подвигахъ давняго мужества жажду славы.

[3]) Если когда-нибудь отважный рыцарь, остановившись здѣсь, взглянетъ на твою могилу, да вдохновится онъ ею на бой и, подобно тебѣ, бьется и гибнетъ со славой.

Рылѣевъ приглашаетъ отца семейства привести къ могилѣ Волынскаго сына.

Да закипитъ въ его груди
Святая ревность гражданина!
Любовью къ родинѣ дыша,
Да все для ней онъ переноситъ!
И благородная душа
Пусть личность всякую отброситъ.
Пусть будетъ чести образцомъ,
За страждущихъ—желѣзной грудью,
И вѣчно заклятымъ врагомъ
Постыдному неправосудью.

Преимущество явно стоитъ за Русскимъ поэтомъ. Рылѣевъ выше Нѣмцевича, какъ моралистъ. Онъ выше его и какъ поэтъ.

У обоихъ нечего было бы искать художественнаго воспроизведенія прошлаго въ истинномъ смыслѣ этого слова. Оба они дѣти Французскаго классицизма, и потому оба стоятъ на ложной дорогѣ, витая почти исключительно въ области общихъ чувствъ и мыслей и не имѣя понятія о личной и народной окраскѣ своихъ героевъ. Ихъ лица даже не типы, а скорѣе схемы типовъ. Изъ-за всѣхъ Замойскихъ, Жолкѣвскихъ и Тарновскихъ у Нѣмцевича глядитъ на насъ средневѣковый рыцарь вообще. Замѣните у Рылѣева имена Долгоруковыхъ, Матвѣевыхъ, Волынскихъ чужеземными, и вы увидите, что всѣ ихъ мысли, чувства, убѣжденія столь же могутъ быть присущи Нѣмцамъ, Французамъ, Англичанамъ и т. п., сколько Русскимъ. Не говоримъ уже о томъ, что всѣ они на одно лицо: передъ нами не разные образы народныхъ героевъ, съ своеобразною окраской каждый, а какой-то отвлеченный типъ гражданина. Помимо дурной школы, обезцвѣчивавшей все народное, здѣсь безспорно имѣлъ значеніе и недостатокъ эпическаго таланта, способности къ объективному творчеству. Но если у Рылѣева дѣло идетъ о недостаткѣ такого творчества, съ лѣтами все менѣе и менѣе замѣтномъ, то у Нѣмцевича замѣчается полное и безнадежное его отсутствіе. У Рылѣева то тамъ, то сямъ промелькнетъ удачная черточка, живая картинка; у Нѣмцевича ихъ нѣтъ и помину. Онъ пасуетъ даже тамъ, гдѣ, казалось бы, само народное чувство должно было придти ему на помощь, какъ, напр., въ думѣ Ягелло. Описывая Грюнвальдскую битву, когда на равнинѣ между Танненбергомъ и Грюнвальдомъ единственный разъ въ исторіи собралось, въ единодушномъ порывѣ, чуть ли не цѣлое славянство, чтобы дать отпоръ напирающему на него тевтонизму, какъ было не проникнуться этимъ общимъ народнымъ чувствомъ, какъ было не отмѣтить его? И что же? Вмѣсто того, чтобы достойно воспѣть это, почти безпримѣрное, Славянское движеніе, Нѣмцевичъ, вѣрный любимому своему идеалу рыцаря, послѣ банальнаго описанія самой битвы, заставляетъ полудикаря Ягелло проливать сентиментальныя слезы, надъ кѣмъ бы вы думали? Надъ трупомъ великаго магистра крестоносцевъ!

Król, patrząc na tak ciężką losow zmianę,
Zapłakał rzewnie; „Zgon—rzekł—tego męża
Zagładza pamięć na krzywdy zadane,
Winien czcić mętwa ten, który zwycięża“ *).

Но чтить мужество не значитъ еще плакать. Трудно придумать что-нибудь болѣе лживое, съ исторической и народной точки зрѣнія, чѣмъ эти сентиментальныя слезы. Рылѣеву въ Думахъ пришлось также затронуть одну изъ тѣхъ великихъ минутъ въ жизни народовъ, когда они становятся какъ одинъ человѣкъ, когда сердца всѣхъ охватываетъ одно чувство, одна мысль—это смутное время безурядицы предъ избраніемъ Михаила. Онъ понялъ, онъ почувствовалъ своимъ сердцемъ, что́ тогда долженъ былъ переживать Русскій человѣкъ, и общее народное чувство, спасшее Россію отъ иноземнаго владычества, вылилось у него въ этихъ, поистинѣ вдохновенныхъ, и истинно-народныхъ, и истинно-человѣческихъ словахъ Сусанина:

Предателя, мняли, во мнѣ вы нашли:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на Русской земли!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любитъ
И душу измѣной свою не погубитъ!
. . . . . Не страшенъ вашъ гнѣвъ!
Кто Русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло,
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ умру за царя и за Русь!

Сусанинъ, конечно, не такъ выражался; но чувства, двигавшія имъ, были таковы. Слабый эпикъ, Рылѣевъ обладалъ безспорнымъ и горячимъ лиризмомъ. Въ его груди дѣйствительно „порой тѣснился цѣлый свѣтъ“; его дѣйствительно „уносилъ въ поэтическую высь восторгъ души“, и эта „кипящая отвага высокихъ думъ“ дѣйствовала на читателя увлекательно даже въ слабыхъ и безцвѣтныхъ рамкахъ его эпической поэзіи. Нѣмцевичъ, дурной эпикъ, былъ дурнымъ и лирикомъ. Говоря проще, у него не было вовсе поэтическаго дарованія.

Пушкинъ сказалъ гдѣ-то о Думахъ Рылѣева, что „всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ, всѣ на одинъ покрой, составлены изъ общихъ мѣстъ: описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе“. Но къ Пѣснямъ Нѣмцевича можно отнести этотъ упрекъ съ еще бо́льшей основательностью. Отъ изобрѣтенія самъ авторъ уволилъ себя вовсе. По его мнѣнію „само названіе Историческихъ Пѣсенъ, обозначая родъ стихотворства высшій сравнительно съ пѣснями обыкновенными и возлагая на автора обязанность держаться правды, отнимаетъ у него первѣйшую пружину

*) Взирая на столь тяжкую превратность судьбы, король горько заплакалъ. Смерть этого мужа—сказалъ онъ—заставляетъ забыть о старыхъ обидахъ. Побѣдитель обязанъ чтить мужество.

поэзіи, отнимаетъ воображеніе“. „Поэтъ-дѣеписатель, говоритъ онъ, описываетъ только то, что́ было, а человѣческая исторія рѣдко когда бываетъ поэтичною“. Въ результатѣ наряду съ воображеніемъ онъ отрекается и отъ чувства, предоставляя все, „что́ трогаетъ, увлекаетъ и восторгаетъ слагателю пѣсенъ романтическихъ“ [1]). Но это величайшее заблужденіе. Чѣмъ же, какъ не идущимъ прямо отъ души чувствомъ можно лучше всего затронуть и увлечь отзывчивое юное сердце? А вѣдь въ этомъ и состоитъ цѣль поэта, а особенно поэта-моралиста. И развѣ творчество несовмѣстно съ вѣрностью духу изображаемаго времени, съ вѣрностью внутренней правдѣ прошлаго? Наоборотъ, вѣрность буквѣ мертвитъ, и, притупляя зрѣніе кропотливой работой надъ подборомъ фактовъ, нерѣдко скрываетъ отъ него истинный смыслъ и значеніе ихъ. А вѣдь поэтъ обязанъ указать не фактъ, а именно смыслъ факта. Постигнуть смыслъ его есть два пути: или путь художественнаго прозрѣнія, или путь логическаго анализа. Отрекшись отъ изобрѣтенія и творчества и оставляя въ своемъ распоряженіи одни голые, необработанные художественно факты, Нѣмцевичъ тѣмъ самымъ отрѣзываетъ себѣ первый путь, обезкрыливая свое творчество. Но ему остается путь другой Иногда и факты могутъ быть краснорѣчивы. Искусно подобранные, удачно расположенные, они своею вѣскостью поражаютъ умъ читателя и производятъ впечатлѣніе не меньше, чѣмъ какая-нибудь поэтическая картина. Но къ несчастью Нѣмцевичъ не искупаетъ недостатковъ изобрѣтенія достоинствами изложенія. Его губитъ его собственная добросовѣстность. Семилѣтній трудъ, положенный имъ на подготовительную работу изученія источниковъ, пріучилъ его слишкомъ дорожить добытыми результатами. Онъ не господствуетъ надъ своимъ матеріаломъ, а самъ всецѣло находится подъ властью фактовъ. Каждая мелочь, отысканная имъ въ старыхъ актахъ, разрослась въ его представленіи въ крупные размѣры, вызывая въ немъ желаніе сохранить ее и вотъ вся его забота сводится только къ тому, чтобы въ предѣлахъ коротенькой пѣсни умѣстить какъ можно болѣе фактовъ. Пусть „кокошья война“ вовсе не вяжется съ „золотымъ вѣкомъ“ Сигизмунда Стараго, а многочисленность Казимирова потомства съ открытіемъ Коперника,—ему все равно, лишь-бы только впихнуть ихъ какъ-нибудь вмѣстѣ въ узкую рамку одной Пѣсни. Понятны слѣдствія такого нагроможденія фактовъ. Говоря о многомъ сразу, Нѣмцевичъ не можетъ ничего освѣтить какъ должно. Иногда разсказъ у него замѣняется однимъ намекомъ, за разъясненіемъ котораго читателю, неособенно близко знакомому съ Польской исторіей (а таковы и были тѣ, для кого писались Пѣсни) приходится обращаться къ концу книги, къ подробнымъ историческимъ замѣчаніямъ, которыми снабдилъ Нѣмцевичъ свои стихи; но это неизбѣжно расхолаживаетъ впечатлѣніе, если оно и начинало зарождаться. Гоняясь за мелочными подробностями, Нѣмцевичъ упускаетъ сущность дѣла. У него нѣтъ руководящей мысли. Каждая мелочь выростаетъ на степень важнаго явленія, а важное нисхо-

[1]) Spiewy Historyczne, str. XIII.

дитъ въ разрядъ мелочей. При такомъ положеніи дѣла не можетъ быть и рѣчи о силѣ и сосредоточенности впечатлѣнія. Вниманіе читателя растрачивается, какъ и самъ поэтъ, на мелочи, оставляя въ сторонѣ смыслъ эпохи. Вмѣсто живыхъ, врѣзывающихся въ память образовъ народныхъ героевъ или историческихъ картинъ получается сухой стихотворный перечень дурно между собою связанныхъ событій; вмѣсто художественнаго творчества—жалкое виршеплетство.

Какъ бы строго ни судить Думы Рылѣева, на нихъ несомнѣнно лежитъ печать дара Божьяго. Не смотря на всю ихъ слабость съ художественной точки зрѣнія, повсюду свѣтятся задатки истиннаго поэтическаго дарованія. Педантъ-Нѣмцевичъ изъ любви къ полнотѣ фактовъ воспѣваетъ безъ разбору чуть ли не всѣхъ Польскихъ государей до Собѣсскаго, не дѣлая исключеній даже для плачевной памяти Генриха Валуа. Рылѣевъ выбираетъ изъ исторіи лишь то, чтó соотвѣтствуетъ нравственной цѣли его Думъ и, выбравъ, старается не о количествѣ подробностей, а объ уясненіи общаго смысла того или другого явленія. Онъ знаетъ, чѣмъ достигается сила впечатлѣнія; въ его Думахъ не свалены въ одну кучу какіе ни попало факты, а выбрано наиболѣе характерное; каждая Дума представляетъ собою одно цѣлое съ основною мыслью, нерѣдко замыкающею все стихотвореніе въ красивой и сжатой формѣ какого-нибудь нравственнаго правила, которое такимъ образомъ невольно врѣзывается въ память читателя. Описанія Нѣмцевича скучны и томительно однообразны; всѣ эти безчисленныя битвы рознятся одна отъ другой только названіями мѣстностей, да количествомъ взятыхъ знаменъ, о которомъ Нѣмцевичъ не упускаетъ сообщить съ протокольной точностью военной реляціи. Въ другомъ мѣстѣ *) мы приводили образчики однотонныхъ и прямолинейныхъ, какъ у Нѣмцевича, описаній Рылѣева; но у нашего поэта то тамъ, то сямъ прорываются по крайней мѣрѣ живая черта, удачно схваченный эпитетъ, картинный оборотъ, а иногда, позабывъ о стѣснительныхъ рамкахъ Думы, заимствованныхъ у Польскаго поэта, Рылѣевъ неожиданно даетъ цѣлую живописную картину, какъ въ заключительныхъ стихахъ думы „Петръ Великій въ Острогожскѣ", въ которой, описавъ свиданіе Петра съ Мазепой, поэтъ внезапно задаетъ вопросъ:

Гдѣ жъ свиданіе съ Мазепой
Дивный свѣту царь имѣлъ?
Гдѣ герою вождь свирѣпый
Клясться въ искренности смѣлъ?

И отвѣчаетъ исполненнымъ поэтическихъ чертъ описаніемъ:

Тамъ, гдѣ волны Острогощи
Въ Сосну тихую влились;
Гдѣ дубовъ сѣнистыхъ рощи
Надъ потокомъ разлились;

*) „Р. Архивъ" 1890 г., тетрадь 6-я.

Гдѣ съ отвагой молодецкой
Русскій Крымцевъ поражалъ;
Гдѣ напрасно Брюховецкій
Добрыхъ гражданъ возмущалъ;
Гдѣ плѣненный славы звукомъ,
Посѣдѣвшій въ битвахъ дѣдъ
Завѣщалъ кипящимъ внукамъ
Жажду воли и побѣдъ;
Тамъ, гдѣ съ щедростью обычной,
За ничтожный, легкій трудъ
Плодъ оратаю сторичный
Нивы тучныя даютъ;
Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ,
При журчаніи волны,
Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродятъ табуны;
Гдѣ въ странѣ благословенной
Потонулъ въ глуши садовъ
Городокъ уединенный
Острогожскихъ казаковъ.

Въ трехъ звучныхъ строфахъ какъ вѣрно здѣсь обрисованы и исторія, и природа Украйны! Рылѣевъ безспорно обѣщалъ въ будущемъ многое, и при появленіи „Палѣя“ Пушкинъ недаромъ писалъ: „Если Палѣй пойдетъ такъ дальше, Рылѣевъ будетъ министромъ на нашемъ Парнассѣ“. Въ объективномъ творчествѣ Рылѣевъ подавалъ только надежды на будущее; за то, какъ лирикъ, онъ заявилъ себя и въ настоящемъ. Онъ взялъ отъ Нѣмцевича для своихъ Думъ не обыкновенную форму пѣсенъ Польскаго поэта, а ту, которою тотъ воспользовался только въ двухъ-трехъ своихъ раннихъ стихотвореніяхъ (о Стефанѣ Потоцкомъ, Жолкѣвскомъ и др.), — форму, гдѣ въ рамку разсказа вставлено лирическое воспоминаніе. И тутъ Рылѣевъ, могъ проявить себя достойнымъ образомъ. „Не краснорѣчивый, онъ (по словамъ Н. Бестужева) и въ жизни овладѣвалъ другими не тонкостями риторики, не силою силлогизмовъ, но жаромъ разговора, который изображалъ всю силу мысли, всегда прекрасной, всегда привлекательной. Тогда и некрасивое лицо его преображалось. Оно походило на гипсовую вазу, снаружи которой нѣтъ никакихъ украшеній, но какъ скоро въ ней загорится огонь, то изображенія, изваянныя внутри хитрою рукою художника, обнаруживаются сами собой“*). Этотъ внутренній огонь, эта сила чувства, этотъ жаръ душевный то и дѣло проявляютъ себя и въ Думахъ. Тогда вялый и слабый стихъ ихъ внезапно становится звучнымъ и крѣпкимъ, дышетъ непоколебимою силой нравственнаго убѣжденія, всѣмъ пыломъ и энергіей молодости. И въ этомъ заключается главная разница между Нѣмцевичемъ и Рылѣевымъ. Взявъ у Нѣмцевича общую мысль Думъ, Рылѣевъ вложилъ въ нихъ свое собственное содержаніе; взявъ форму, онъ оживилъ ее силою

*) „Девятнадцатый Вѣкъ“, кн. 1, стр. 347.

собственнаго чувства. Подражатель по виду, онъ на самомъ дѣлѣ является въ Думахъ поэтомъ самостоятельнымъ.

Сводя все сказанное к одному, можемъ сказать, что Нѣмцевичъ — старецъ съ обезкрыленной фантазіей, воспѣвающій подвиги минувшаго и самъ всецѣло обращенный мыслью въ прошлое, тамъ ищущій своего нравственнаго идеала. Рылѣевъ—пылкій и восторженный юноша съ рѣчью не довольно обработанной, недостаточно искусной, но живою и горячей. Онъ весь смотритъ въ будущее, поэтъ, глубоко вѣря въ свои общенравственные идеалы, и горячее слово его невольно западаетъ въ молодыя сердца.

Этой разницей между обоими поэтами опредѣляется и разница въ судьбѣ ихъ произведеній. Воспѣвающія рыцарскіе идеалы прошедшаго Пѣсни Нѣмцевича были встрѣчены всеобщимъ одобреніемъ. Тогда еще не кончился для Польскаго народа его „рыцарскій періодъ", и послѣдніе Польскіе рыцари, скитаясь вслѣдъ за знаменами Наполеона, гибли подъ стѣнами Сарагоссы. Но вотъ прошло 60 лѣтъ, прошла пора мечтаній, наступило время тихаго, скромнаго труда; рыцарскіе идеалы, ставшіе анахронизмомъ для всей Европы, стали имъ и для Поляковъ, и въ Пѣсняхъ Нѣмцевича современный Полякъ не можетъ найти для себя жизненнаго руководства. Слабыя художественно, онѣ осуждены и критикой литературной. Думы Рылѣева не вѣнчалъ громкій успѣхъ при ихъ появленіи. Печальныя обстоятельства послѣдующей жизни поэта надолго положили на нихъ veto. Но писанныя въ то время, когда еще Рылѣевъ мирно и достойно служилъ на поприщѣ гражданской службы, когда онъ не увлекался безразсудными заблужденіями, приведшими его на плаху, онѣ, воспѣвая общенравственные идеалы, не имѣли ничего общаго съ его позднѣйшей политической дѣятельностью. И вотъ, спустя полвѣка, онѣ вновь извлекаются на свѣтъ со страницъ забытыхъ старинныхъ журналовъ и подъ скромнымъ обозначеніемъ тремя звѣздочками находятъ себѣ мѣсто въ одобренныхъ для употребленія въ народныхъ училищахъ хрестоматіяхъ. Слабыя, какъ художественныя произведенія, онѣ надолго еще останутся прекрасной дѣтской книжкой, воспитывая въ дѣтяхъ чувства, съ такой энергіей выраженныя въ вышеприведенныхъ отрывкахъ изъ Думъ „Сусанинъ", „Державинъ" и „Волынскій".

Нѣмцевичъ не былъ единственнымъ Польскимъ поэтомъ, вдохновившимъ музу Рылѣева Къ 1822 году относится ненапечатанный при его жизни переводъ изъ стихотворенія Мицкевича „Lilie": Жена грѣхъ сотворила. Но это подражаніе слѣдуетъ считать неудачнымъ; слишкомъ велика была разница между дарованіями обоихъ поэтовъ. Это, кажется, единственная точка соприкосновенія Рылѣева съ Мицкевичемъ. Въ то время его уже увлекалъ своимъ властнымъ и чарующимъ стихомъ иной „чародѣй". „Знаю, что я его учитель въ языкѣ стихотворномъ", писалъ Пушкинъ о Рылѣевѣ.

Какъ бы то ни было, случай, давшій Рылѣеву ознакомиться съ Пѣснями Нѣмцевича, слѣдуетъ считать благопріятнымъ для нашей словесности. „Литература, сказалъ когда-то Мицкевичъ, заканчивая свою первую лекцію объ исторіи Славянскихъ литературъ, есть поле, на которое всѣ Славянскіе народы сносятъ плоды своей умственной и нравственной дѣятельности безъ раздора и взаимныхъ распрей. Дай же Богъ, чтобы эта мирная встрѣча на столь прекрасномъ полѣ была девизомъ ихъ соединенія и на иномъ поприщѣ".

Литература есть высшій цвѣтъ народной жизни, гдѣ наиболѣе проявляются духовныя силы и идеалы народа. И въ этомъ случаѣ она является безспорно лучшимъ пособникомъ къ взаимному сближенію. Много вражды, много печальнаго въ жизни братскихъ Славянскихъ народовъ записала на свои страницы исторія. Но припомнимъ благородные стихи Хомякова о согласіи и покоѣ.

Кто вѣритъ въ Бога, тотъ не можетъ не вѣрить въ силу Божію, въ силу добра, не можетъ не вѣрить, что, какъ ни ярится вражда, а рано или поздно миръ восторжествуетъ, и свѣтлая радуга братской любви, по прекрасному выраженію Жуковскаго, соединитъ враждующіе народы. Тогда вновь, можетъ быть, вспомянутся и тѣ точки соприкосновенія въ исторіи Русской и Польской словесности, о которыхъ здѣсь говорено.

Андрей Сиротининъ.

ЖУКОВСКІЙ О МИЦКЕВИЧѢ.

(Изъ письма къ А. П. Елагиной.)

(С.-Петербургъ), 17 Декабря (1829).

Вашъ Мицкевичъ былъ у меня. Мнѣ онъ очень по сердцу. Онъ долженъ быть великій поэтъ. Я ничего изъ твореній его не знаю; но то, чтò онъ прочиталъ мнѣ въ плохой Французской прозѣ изъ своего вступленія поэмы, имъ конченной, превосходно. Если бы я теперь писалъ или имѣлъ время писать, я бы тотчасъ кинулся переводить эту поэму. Дышетъ жизнью Вальтеръ-Скота.

*

Письмо это нѣкогда сообщено было въ „Русскій Архивъ" Авдотьей Петровной Елагиной. Годъ на немъ не означенъ, оно должно относиться къ 1828 или 1829 году.

Извѣстно, что Мицкевичъ жилъ нѣкогда въ Москвѣ и служилъ въ канцеляріи генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына. Онъ пользовался искреннимъ и радушнымъ гостепріимствомъ многихъ Москвичей. Князь П. А. Вяземскій былъ съ нимъ друженъ и въ Московскомъ Телеграфѣ печаталъ свой переводъ его Крымскихъ Сонетовъ. Онъ часто бывалъ также въ семействѣ А. П. Елагиной, въ ея домѣ у Красныхъ воротъ, гдѣ ютились многія дарованія и жилъ Н. М. Языковъ. Оба ея сына (отъ перваго брака) Иванъ и Петръ Васильевичи Кирѣевскіе были тогда юношами, начинавшими свое словесное поприще. Мицкевичъ уѣзжалъ за границу черезъ Петербургъ, и ему данъ былъ прощальный ужинъ въ квартирѣ С. А. Соболевскаго (близъ Тверской, въ Козицкомъ переулкѣ, въ домѣ нынѣ Лопыревскаго), на которомъ высказано было ему, въ стихахъ и прозѣ, много сочувствія, а такъ какъ онъ желалъ лично познакомиться съ В. А. Жуковскимъ, то А. П. Елагина снабдила его своимъ письмомъ къ нему, и Мицкевичъ бывалъ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ жилъ Жуковскій, занимавшійся въ это время исключительно надзоромъ за преподаваніемъ наукъ Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу. П. Б.

УСЕРДІЕ МОСКВИЧЕЙ КЪ СЛАВѢ СУВОРОВА.

(Военный архивъ въ Лефортовскомъ дворцѣ книга донесеній за Августъ 1799 года № 51).

№ 326. Рапортъ на высочайшее имя отъ генерала-фельдмаршала графа Салтыкова, 10 Августа 1799 г. изъ Москвы, за № 95.

Представленъ ко мнѣ печатный листъ съ описаніемъ всемилостивѣйше пожалованной отъ вашего императорскаго величества звѣзды фельдмаршалу графу Суворову, который, какъ безъ позволенія правительства вышедшій, всеподданнѣйше при семъ представляя къ усмотрѣнію вашего величества, доношу, что откуда оный полученъ и почему безъ позволенія напечатанъ, приказалъ я изслѣдовать и виновныхъ взять подъ присмотръ; и что̀ объ ономъ вашему императорскому величеству благоугодно будетъ приказать, испрашиваю повелѣнія.

№ 331. Второй рапортъ на высочайшее имя отъ графа Салтыкова, 11 Августа 1799 г. изъ Москвы.

Вслѣдствіе донесенія моего вчерашняго числа вашему императорскому величеству съ приложеніемъ безъ позволенія правительства вышедшаго печатнаго экземпляра звѣзды, будто-бы всемилостивѣйше пожалованной отъ вашего величества фельдмаршалу графу Суворову, какое по приказанію моему второму военному губернатору Архарову учинено изслѣдованіе и поданъ къ нему отъ оберъ-полицеймейстера ко мнѣ доставленный рапортъ,— оное при семъ на благоусмотрѣніе вашему величеству въ оригиналѣ имѣю счастіе представить, всеподданнѣйше донося, что найденные экземпляры и гравированная мѣдная доска находятся у меня, а участвующіе по сему обстоятельству отставной секретарь Тодорской и дворовый человѣкъ Васильевъ содержатся подъ присмотромъ; о которыхъ, какъ и объ означенныхъ экземплярахъ, что̀ благоугодно будетъ вашему императорскому величеству приказать, испрашиваю высочайшаго повелѣнія.

Резолюція императора Павла: «Писать къ Салтыкову, чтобы Тодорскаго содержалъ мѣсяцъ на хлѣбѣ и водѣ».

Его превосходительству господину генералу отъ инфантеріи Московскому второму военному губернатору и разныхъ орденовъ кавалеру Ивану Петровичу Архарову Московскаго оберъ-полицеймейстера

Рапортъ.

По словесному вашего высокопревосходительства приказанію о производимыхъ въ продажу печатныхъ на бумагѣ звѣздахъ, означающихъ крестъ и пожалованныхъ якобы генералу фельдмаршалу и разныхъ орденовъ кавалеру графу Александру Васильевичу Суворову- Римникскому, выпущенныхъ отставнымъ секретаремъ Иваномъ Тодорскимъ, черезъ полицеймейстера Давыдова произведено изслѣдованіе; а по оному открылось, что изъ нихъ одну форму получилъ 5 числа сего Августа отъ жительствующаго Якиманской части въ домѣ госпожи дѣйствительной статской совѣтницы вдовы Марьи Ивановны Сахаровой домоправителя ея титулярнаго совѣтника Ивана Петрова дворовaго его человѣка Василія Васильева, а Васильевъ назадъ тому три недѣли (котораго числа не припомнитъ), съ таковой же доставленной къ госпожѣ Сахаровой изъ С.-Петербурга чрезъ находящагося въ вѣдомствѣ коммисаріатскаго депо подпоручика Ѳедора Степанова, сына Адамовича, которой отъ того депо съ вещами изъ Москвы отправленъ неизвѣстно куда, каковыхъ по скопированіи напечатано живущимъ въ Императорскомъ Воспитательномъ Домѣ Нѣмецкой націи Петромъ Ивановымъ Петерсономъ, сдѣланную граверомъ Нѣмецкой же націи Ѳедоромъ Ивановымъ сыномъ Бюрбельдомъ доску до 400 экземпляровъ. Посему найдено имъ полицеймейстеромъ Давыдовымъ изъ оныхъ у секретаря Тодорскаго 23, Васильева 45, въ лавкѣ купца Овчинникова, которыя сидѣльцу его мѣщанину Матвѣю Курьянову секретаремъ Тодорскимъ предоставлены въ продажу 19, а всего 87 экземпляровъ. Прочія жъ употреблены въ продажу и раздачу неизвѣстнымъ людямъ. Но та доска, чрезъ которую было напечатано, нынѣ имѣется у вышеписаннаго Нѣмца Петерсона, въ чемъ и показаніями утвердили; въ жительствѣ жъ Петерсона полицеймейстеромъ Ивашкинымъ найдено таковыхъ же экземпляровъ 271 и доска, которою они были печатаны. О чемъ в. в--ву имѣю честь донести, представя при семъ секретаря Тодорскаго, человѣка Васильева, экземпляры и доску.

Ген.-м. Эртель.

№ 5184.
Августа 10 дня 1799 года.

Сообщено С. А. Панчулидзевымъ.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА КЪ МОСКОВСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ ОБРѢЗКОВУ.

Николай Васильевичъ! Причина, побудившая меня столь тщательно скрыть отъ Московскаго главнаго начальства препорученіе, возложенное на механика Лепиха, есть докторъ Салватори*). Съ назначеніемъ новаго военнаго губернатора причина сія исчезаетъ. Я нахожу полезнымъ для лучшаго успѣха дѣла, чтобы вы сообщили лично наединѣ графу Ростопчину всѣ бумаги, отъ меня къ вамъ доставленныя и дѣйствовали совокупно съ нимъ къ довершенію сего предпріятія, продолжая однакоже сохранять по оному непроницаемую тайну.

Фельдъегерь, долженствующій вручить вамъ сіе письмо, везетъ съ собою семь человѣкъ рабочихъ, выписанныхъ по желанію Лепиха. Они имъ будутъ оставлены за городомъ до свиданія вашего съ графомъ Ростопчинымъ и до назначенія послѣ онаго, куды ихъ везти. Пребываю навсегда вамъ благосклоннымъ.

Александръ.

Вильна, Мая 24-го 1812 года.

Сообщено г. профессоромъ Кіевской Духовной Академіи Николаемъ Ивановичемъ Петровымъ съ подлинника, хранящагося въ Кіевѣ у Якова Максимовича Борисова. П. Б.

*

Мысль о возможности вредить непріятелю, пуская въ него разрывныя вещества съ высоты воздушнаго шара, либо наблюдая оттуда расположеніе непріятельскихъ войскъ, долго занимала императора Александра Павловича. Она была внушена Государю изъ чужихъ краевъ нашимъ дипломатомъ Алопеусомъ. П. Б.

---

*) Докторъ Сальватори состоялъ при Московскомъ военномъ губернаторѣ, престарѣломъ графѣ И. В. Гудовичѣ, преемникъ котораго графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, немедленно по вступленіи своемъ въ должность, отстранилъ его отъ всякой дѣятельности. П. Б.

ИЗЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ СТАРИНЫ.

Исторія Осокиной.

Въ свое время надѣлала много шума исторія дѣвицы Осокиной, послужившая впослѣдствіи содержаніемъ для многихъ разсказовъ, романовъ и даже драмъ, какъ, напримѣръ, драматическія сцены П. И. Филонова *„Безъ вины виноватая“*, напечатанныя въ Казанскомъ сборникѣ „Первый Шагъ“ за 1876 годъ. Сущность легенды заключалась въ слѣдующемъ.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Нижнемъ-Новгородѣ проживалъ въ своемъ большомъ домѣ на Панской улицѣ *) именитый купецъ Осокинъ. У него была единственная дочь-красавица, которую онъ намѣревался выдать также за богача. Но молодая дѣвушка была влюблена въ какого-то бѣдняка. Во время частыхъ выѣздовъ родителей въ гости и въ подгородное ихъ имѣніе, нянюшка устраивала молодымъ людямъ свиданія. Однажды влюбленные заговорились дольше обыкновеннаго, а старая няня задремала и проспала пріѣздъ стариковъ. Дѣло было къ ночи. Дѣваться юношѣ было некуда, такъ какъ въ свѣтлицу Осокиной былъ одинъ ходъ; старикъ же отецъ имѣлъ обыкновеніе всегда заходить къ дочери, чтобы „благословить ее на сонъ грядущій“. Тогда нянюшка придумала спрятать милаго подъ пуховикъ. Вошелъ Осокинъ и, не замѣтивъ ничего подозрительнаго, почему-то особенно долго проговорилъ съ дочерью. Когда онъ, наконецъ, ушелъ, няня и дочь бросились къ пуховику, но тамъ лежалъ трупъ влюбленнаго: молодой человѣкъ задохся. Нянюшка и тутъ нашлась, уговорила батрака, жившаго у Осокина, и тотъ за 20 рублей стащилъ трупъ въ Волгу.

Получивъ такую „уйму“, по тогдашнему времени, денегъ, парень закутилъ и въ пьяномъ образѣ сталъ требовать отъ боярышни еще и еще, грозя ей въ противномъ случаѣ разсказать обо всемъ отцу. Подъ страхомъ огласки, несчастная дѣвушка отдала ему всѣ свои деньги, перстни, жемчуги, всѣ свои драгоцѣнности, наконецъ, начала воровать деньги у отца. Батраку и этого было мало. Онъ предложилъ себя въ замѣнъ погибшаго милаго... Осокина, изъ боязни позора, сдалась и тутъ. Между тѣмъ старикъ Осокинъ, замѣтивъ разгульную жизнь батрака, прогналъ его.

---

*) Близъ нынѣшнихъ пароходныхъ конторокъ.

Случилось какъ-то, парень встрѣтился съ своими пріѣхавшими на базаръ однодеревенцами и вздумалъ угостить ихъ. Вымучивъ денегъ у своей жертвы, онъ закатился съ земляками въ „Облупу" (такъ назывался кабакъ на выѣздѣ изъ города). Тамъ, побрякивая серебряными рублями и крѣпко выпивши, онъ объявилъ честной компаніи, что живетъ съ дочерью своего бывшаго хозяина. Пріятели стали пуще его подзадоривать. Тогда, чтобы доказать имъ, что онъ не вретъ, батракъ послалъ кабацкаго мальчика-подростка къ Осокиной съ своей рукавицей и требовалъ ее въ кабакъ. Покорная велѣнію своего властелина, она дѣйствительно пришла, къ немалому удивленію цѣловальника и всей пьяной компаніи.

— Угощай меня!.. цѣлуй меня!.. кланяйся всѣмъ!.. пляши!.. ломался парень.

Осокина плясала и поила. Жадные на даровщинку, перепились не только пріятели батрака, но напились и цѣловальникъ съ мальчикомъ-подносчикомъ. Сама она хотя также пила, но мало. И вотъ, когда всѣ свалились и захрапѣли, Осокина подожгла „Облупу".. На зарево сбѣжался народъ, ни чуть не подозрѣвая, что въ пламени горятъ семь труповъ. Можетъ быть, все бы обошлось шито и крыто, но сама Осокина не имѣла силъ отойти отъ пылавшаго дома. Вслѣдствіе перенесенныхъ душевныхъ страданій, она помѣшалась и открыла все собравшемуся міру.. Начался судъ, пошли допросы, и несчастную дѣвушку въ концѣ концовъ приговорили къ кнуту и каторгѣ.

Но, должно быть, помѣшательство ея было „ограниченное". Сидя въ острогѣ, въ ожиданіи приговора, она по временамъ приходила въ себя. Какъ разъ въ это время (въ 1767 году) Нижній-Новгородъ посѣтила императрица Екатерина. Губернаторъ доложилъ ей о дѣлѣ Осокиной. Государыня пожелала видѣть несчастную. Осокина была приведена къ ней въ архіерейскій домъ [1]). Къ счастію, на этотъ разъ она находилась въ полномъ разсудкѣ и наединѣ, ободренная лаской Императрицы, расказала ей все откровенно. Милостивая монархиня простила ее и повелѣла освободить отъ всякаго наказанія. По совѣту Матушки-царицы Осокина постриглась въ Нижегородскій Зачатьевскій женскій монастырь [2]) и тамъ, должно быть, скончала дни свои.

Такъ разсказываетъ преданіе; но ни архивныя дѣла, ни записки современниковъ не подтверждаютъ этого. Только въ **„St.-Petersburgisches Journal"** [3])

---

[1]) Императрица останавливалась въ архіерейскомъ домѣ.

[2]) Теперь монастырь этотъ упраздненъ.

[3]) Журналъ этотъ начался изданіемъ въ 1776 г. и за годъ составлялъ всего 450—500 страницъ; однако и стоилъ недорого: въ Петербургѣ 3 р., а съ пересылкой въ другіе города Россіи 3 р. 50 коп.

за 1778 годъ (September) помѣщено одно Нѣмецкое стихотвореніе, подписанное буквой S, гдѣ исторія эта разсказана нѣсколько иначе и пріурочена не къ Нижнему-Новгороду, а къ Новгороду на озерѣ Ильменѣ, т. е. къ „Великому Новгороду“. А такъ какъ разсказъ этотъ составляетъ единственное (пока) современное сказаніе, то мы приводимъ его здѣсь въ подлинникѣ *).

Eine traurige Historia oder Mährchlein von einen jungen Mägdlein, in Reim gebracht und gedruckt in diesem Jahr.

Ihr Mädchen, wenn Ihr es nicht wißt,
Daß Schönheit oft ein Unglück ist,
So hört was dieser Tagen
In N....d, am See Il....n,
Mit einem Mägdlein zart und schön
Sich schrecklich zugetragen.

*

Viel Freyer hielten um sie an,
Doch keinen wollten noch zum Mann
Ihr ihre Aeltern geben.
Sie hielten auch nach Landes-Art
Das arme Mägdlein streng und hart:
Mußt' immer einsam leben.

*

Ein Jüngling, der vor andern sie
Recht zärtlich liebte, gab sich Müh
Die Aeltern zu gewinnen.
Doch hatt'er deß nicht viel Gewinn;
Er beugte nicht der Aeltern Sinn,
Umsonst war sein Beginnen.

*

Der arme Jüngling grämte sich
Bis ihn ein Fieber überschlich
Und droht' sein Herz zu brechen.
«Willkommen Tod! Du schreckst mich nicht,
«Doch wünscht' ich, eh mein Herz erblicht,
«Sie einmal nur zu sprechen».

*

So seufzt er. Und ein Mütterlein
Erbarmt sich ob seiner Pein,
(Sie that des Mägdleins Warten).
«Sey nur getrost, dein Liebchen schön,

*) Стихотвореніе это отыскано нами въ копіи въ дѣлахъ архива Нижегородской Ученой Коммиссіи, куда доставлено Саратовскимъ жителемъ г. А. Соколовымъ.

«Sollst du noch diesen Abend sehn,
«Das will ich schon so karten».

*

Das Mägdlein war zu Haus allein,
Da führte ihn das Mütterlein
Ganz heimlich in die Kammer.
(Ach Mütterlein, ach bleib zurück,
Du machst in diesem Augenblick
Dem Mägdlein lauter Jammer).

*

Sie glaubt' den Jüngling nicht so nah,
Sie fuhr zurück, als sie ihn sah
Zu ihren Füßen flehen.
«Ach Jüngling, Jüngling, laß mich gehn,
«Wenn dich hier meine Aeltern sehn,
«So ist's um mich geschehen!

*

«Laß mich. Ach! horch' da sind sie schon»,
Rief sie «ich hör bereits den Ton
«Von meiner Mutter Stimme.
«Ach Jüngling, warum kamst du hier?
«Wer räth, wer hilft nun mir und dir
«Von meines Vaters Grimme!»

*

Sie wußten keinen andern Rath,
Der Jünling mußt', es war schon spät,
Sich in dem Bett verstecken.
Das Mütterlein war bey der Hand,
Ihn hurtig, hurtig, mit Gewand
Und Bettzeug zu bedecken.

*

Die Mutter kam indem herein
Und rufte ihrem Töchterlein:
Komm, Kind, zum Abendessen.
«Ach! Mutter, nein, mein Haupt thut weh;
«Laßt nur daß ich zu Bette geh.
«Ich mag zu Nacht nicht essen».

*

Die Mutter gieng. Das Mägdlein lief
Zum Bettchen eilends hin, und rief:
«Vermeile hier nicht länger,
«O Jüngling! flieh und säume nicht».

Doch er antwortete ihr nicht.
Da warde ihr noch bänger.

*

Mit Zittern trat sie zu ihm hin;
Laut ruff das Mägdlein, als sie ihn
Erblickte. «Mutter, rette!
«Hast mich gebracht in große Noth;
«Der arme Jüngling!, er ist todt,
«Todt liegt er hier im Bette».

*

Das Mütterlein für Furcht erstarrt,
Und wie dem armen Mägdlein ward,
Kann ich euch nicht beschreiben.
Doch endlich faßt die Alte sich
Und sprach: «Sey ruhig, trau auf mich;
«Ich will schon Rath auftreiben».

*

Sie gieng; den Hausknecht sie bestach,
Mit großem Lohn, den sie versprach,
Den Todten wegzutragen.
(Ach, Mütterlein, du weist es nicht,
Es bringet was dein Mund verspricht
Dem Mägdlein neue Plagen).

*

Der Hausknecht war ein Bösewicht;
Mit Geldeslohn ließ er sich nicht
Gar lange Zeit begnügen.
Sein Herz entbrannt von schnöder Lust;
Darum er bald in seiner Brust
Erdachte böse Lügen.

*

Damit droht er oem Mägdlein sehr
Zu bringen sie um Leib und Ehr.
«Thust du nicht meinem Willen,
«So zeig ich Mord und Unrucht dich».
So droht er. Lange sträubt sie sich
Des Buben Lust zu stillen.

*

Umsonst war all' ihr Widerstand;
Er drohte bis er überwand
Des armen Mägdlein Tugend.
Er war für all' ihr Flehen taub;

Das Mägdlein ward des Lasters Raub
Im Frühling ihrer Jugend.

*

Dem Frevler war's noch nicht genug,
Daß er durch arge List und Trug
Das Mägdlein so verführte.
Er rühmte sich der Frevelthat.
Da folgt' ihm auch auf frischer That
Der Lohn, der ihm gebührte.

*

Einst saß und zecht' er im Gelag
Mit etlichen von seinem Schlag
Des Abends in der Schenke;
Da rühmt' er sich des Mägdleins Gunst
Und wie er sie bestrickt durch Kunst
Und buhlerische Ränke.

*

Deß lachten ihn die andern aus.
Da sandt er hin zu ihr ins Haus:
«Gleich must du zu mir kommen,
«Hier in der Schenke harr ich dein,
«Und wirst du nicht gehorsam seyn,
«Soll dirs nicht wol bekommen».

*

Num muste das Mägdlein schon
Bequemen straks bey jedem Drohn
Des bösen Lotterbuben;
Doch wie erschrack sie, als sie kam
Und viele Leute dort vernahm
Mit ihm in einer Stuben.

*

Sie stutzte, und Bösewicht
Schlug wütend ihr ins Angesicht:
«Schämst du dich meiner Gäste?
«Glaubst, daß du besser seyst als wir?
«Nein, übernachten sollst du hier
«Mit uns in einem Neste».

*

Das Mägdlein nun in Wuth gerieth.
Noth war es, daß sie nicht verrieth
Den Entschluß, den sie faßte.
Sie zwang sich gutes Muths zu seyn

Und schenkt' den Gästen fleißig ein,
Bis sie die Zeit abpaßte,

*

Daß jeder trunken war und schlief.
Da stand das Mägdlein auf und lief
Schloß zu und holte Feuer;
Die Schenke steckte sie un Brand
Und rächte so mit eigner Hand
Sich an dem Ungeheuer.

*

Sie gieng und sagts dem Richter an,
Welch schrecklich Ding sie jezt gethan:
«Der strafe bin ich schuldig,
«Um Mitleid (sprach sie) fleih ich nicht,
«Mich trieb die Rache. Dem Gericht
«Ergehe ich mich geduldig».

*

Man sperrte sie ins Kloster ein,
Dort ihr Verbrechen zu bereun.
(Da thut das Mägdlein büßen).
Beweint Ihr sie? Beweint sie nur!
Die Thränen ehren die Natur,
Die solchen Unglück fließen.

S

(Сообщено П. Л. Юдинымъ.)

МОДНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ ВЪ ЛЮБВИ.

Стихотвореніе графа Г. И. Чернышева.

Въ 5-й тетради „Р. Архива“ за 1897 г., въ Запискахъ гр. М. Д. Бутурлина, упоминается о необыкновенной способности графа Г. И. Чернышева писать Французскіе стихи и комедіи. Сборникъ его пьесъ, **Théâtre de l'Arsenal de Gatchina**, блестяще подтверждаетъ это: напечатанныя въ немъ восемь произведеній графа дѣйствительно отличаются изящнымъ языкомъ, гладкимъ стихомъ и неподдѣльнымъ юморомъ. Тоже самое должно сказать и про неизданныя его сочиненія, переданныя его дочерью Н. Г. Муравьевой въ извѣстную Чертковскую библіотеку, гдѣ они хранятся и понынѣ, въ отдѣленіи рукописей. Это — посланія къ разнымъ лицамъ, оды и экспромпты на разные торжественные случаи, нѣсколько эпиграммъ и т. п. Особенно граціозно изъ нихъ шуточное стихотвореніе, заглавіе котораго выписано въ заголовкѣ нашего сообщенія. Оно помѣщается въ маленькомъ рукописномъ сборникѣ произведеній графа, озаглавленномъ „**Le temps perdu pour** le lecteur“ [1]), и читается такъ:

Déclaration d'amour à la mode [2])

Ne vivre que pour toi! C'est le voeu que je fais.
Crois à ce doux serment; mon coeur seul me l'inspire.
Pas de bonheur sans toi! Tout devient sans attraits!
Un regard de tes yeux, voilà le vrai délire!...
Seul, au sein du malheur, un seul mot de ta part,
Mot charmant, il est vrai, quand le coeur le prononce,

De mon sort désormais va fixer le hasard!
Ce mot est un „je t'aime!“ que, pour toute réponse,

---

[1]) Время, даромъ потраченное читателемъ.

[2]) Модное объясненіе въ любви. Жить для тебя одной. Вотъ обѣтъ, который я даю, Вѣрь сей сладостной клятвѣ, внушенной мнѣ моимъ сердцемъ. Нѣтъ счастья безъ тебя. Все теряетъ свою прелесть... Одинъ взглядъ твоихъ очей—вотъ истинное блаженство! Среди горестей одно только твое слово восхитительное, правда, когда оно произносится отъ сердца, рѣшитъ отнынѣ мою блуждающую судьбу. Это слово—„люблю тебя“. Да, пусть, вмѣсто всякаго отвѣта, твои уста и взоры мнѣ признаются въ этомъ! Я думаю, что заслужилъ его моею безмѣрной нѣжностью... Ужель ты не согласишься раздѣлить со мной этотъ пламень? Скажи же, повтори за мной: тебя, одного тебя, я люблю!

Que ta bouche et tes yeux m'accordent cet aveu!..
Je crois le mériter par ma tendresse extrême,
Te refuseras- tu de partager ce feu?...
Dis! répète avec moi: c'est toi, toi seul, que j'aime!

Всякій, прочитавшій это объясненіе, согласится, что автору нельзя отказать въ остроуміи и способности облечь это остроуміе въ изящную форму; но едва ли кому придетъ въ голову настоящая причина, почему оно названо „моднымъ". Авторъ, поэтому, въ примѣчаніи къ нему говоритъ: Si le lecteur ne trouve rien de particulier dans cette déclaration, je le prie de lire de suite les premiers mots de chaque vers: il en trouvera un treizième qui lui expliquera la raison pourquoi je l'ai intitulée „à la mode" [1]).

Такимъ образомъ оказывается, что это стихотвореніе—акростихъ, и если читать послѣдовательно начальныя слова каждаго стиха, то получится разгадка его названію, именно составится фраза: ne crois pas un seul mot de ce que je te dis [2]).

Сообщилъ А. С.

[1]) Если читатель не находитъ ничего особеннаго въ этомъ объясненіи, то я прошу его прочесть послѣдовательно начальныя слова каждаго стиха. Тогда у него окажется изъ нихъ тринадцатый, который объяснитъ ему причину, почему я его назвалъ „моднымъ".

[2]) Не вѣрь ни единому слову изъ того, что̀ я тебѣ говорю.

ДОМОЖИРОВЪ.

Въ продолженіе времени между 1813 и 1827 годами жилъ въ Москвѣ очень замѣчательный въ извѣстномъ отношеніи господинъ, котораго тамъ зналъ всякій отъ стараго до малаго.

Это—Доможировъ.

Онъ, бывъ частнымъ человѣкомъ, т. е., не занимая никакой должности ни въ штатской, ни въ военной службѣ, являлся охранителемъ порядка и благочинія при всѣхъ архіерейскихъ служеніяхъ и при всѣхъ церковныхъ ходахъ. Въ ожиданіи пріѣзда архіерея въ церковь, онъ стоялъ при входѣ ея и распоряжался, чтобы не было стѣсненія у подъѣзда, на паперти и внутри церкви отъ входа до архіерейскаго мѣста. По окончаніи служенія онъ заботился объ охраненіи выхода владыки изъ церкви. Въ процессіяхъ онъ открывалъ ихъ, идя впереди всѣхъ. Народъ и полиція исполняли безусловно его приказанія относительно соблюденія порядка. При распоряженіяхъ Доможировъ никогда не дозволялъ себѣ грубостей, а тѣмъ болѣе побоевъ.

Никѣмъ не призванный, не получившій ни отъ кого назначенія къ принятой на себя обязанности, онъ не встрѣчалъ ни со стороны народа, ни со стороны полиціи не только упрека въ самоприсвоеніи себѣ власти, но и противорѣчія своимъ распоряженіямъ. Можетъ быть, и весьма вѣроятно, архіереи и духовенство, видя въ немъ полезнаго человѣка, просили городское полицейское начальство не отстранять Доможирова отъ принятыхъ имъ на себя занятій.

Можно предположить, что Доможировъ началъ свое служеніе при духовныхъ церемоніяхъ въ то время, когда, послѣ пожара Москвы, не устроилась еще полиція. Августинъ возвратился въ Москву очень скоро по изгнаніи Французовъ. Когда онъ открывалъ соборные храмы въ Москвѣ, равно какъ и въ первыя его служенія, народъ безъ сомнѣнія толпился въ мѣстахъ торжественнаго появленія архіерея, и некому было сдерживать толпу и направлять ее къ порядку. Вѣроятно тутъ явилась первоначально мысль Доможирову позаботиться объ устраненіи давки и напора народа на духовенство. Сначала подумали, что Доможировъ есть власть, а потомъ привыкли къ нему.

Доможировъ носилъ синій казакинъ и имѣлъ саблю въ металлическихъ ножнахъ, зачесывался назадъ и завязывалъ волосы въ пучекъ, висѣвшій назади.

Хорошо было бы собрать о немъ какія нибудь свѣдѣнія.

Д. Протопоповъ.

ХРАМЪ ВЪ ПАМЯТЬ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ ВЪ ПУТИВЛѢ.

Крымская война, подобно войнѣ Отечественной, вызвала большое патріотическое воодушевленіе во всѣхъ сословіяхъ Русскихъ гражданъ. Это чувство проявилось въ достаточной мѣрѣ во время Севастопольской обороны; но, разумѣется, въ томъ случаѣ, если бы непріятели не согласились на заключеніе мира и двинулись въ глубь Россіи, патріотизмъ Русскаго народа, постепенно возрастая, дошелъ бы до такихъ грандіозныхъ размѣровъ, что вражескимъ ополченіямъ конечно пришлось бы испытать то же пораженіе, которое они извѣдали въ 1812-мъ году. Да и геройское отраженіе Русскими войсками, въ теченіе долгаго времени, войскъ союзниковъ подъ стѣнами Севастополя представляетъ собой великую эпопею въ исторіи Россіи. Вотъ почему событія Крымской войны всегда будутъ обращать на себя вниманіе историка Европы XIX вѣка, и всѣ памятники, такъ или иначе относящіеся къ славной эпохѣ защиты богатырями-воинами Севастопольскихъ твердынь противъ армій четырехъ государствъ, достойны сохраненія въ благодарномъ воспоминаніи потомковъ.

Въ уѣздномъ городѣ Курской губерніи Путивлѣ съ 1860 года существуетъ церковь во имя св. Предтечи и Крестителя Господня Іоанна и св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, сооруженная въ память Крымской войны. Когда въ 1853—1856 годахъ Русскіе воевали сначала съ Турками, а потомъ и съ Англо-Французскими и Итальянскими войсками, въ Путивлѣ проживалъ богатый купецъ, потомственный почетный гражданинъ Н. Е. Томилинъ. Онъ дѣлалъ щедрыя пожертвованія въ пользу больныхъ и раненыхъ защитниковъ отечества, а также снарядилъ на свой счетъ Путивльскихъ ратниковъ, отправлявшихся на театръ военныхъ дѣйствій. Какъ только война на Крымскомъ полуостровѣ прекратилась, Н. Е. Томилинъ рѣшился построить на свой счетъ въ Путивлѣ церковь въ память Крымской кампаніи, для всегдашняго поминовенія воиновъ, положившихъ жизнь свою на полѣ брани. Въ Маѣ 1856 года онъ послалъ на имя тогдашняго Курскаго архіепископа Иліодора письмо, въ которомъ, между прочимъ, высказалъ слѣдующее: „Какъ сынъ православной церкви и отечества и какъ вѣрноподданный своего Государя, питая въ душѣ своей самое живое и искреннее сочувствіе къ войнѣ, только что конченной въ Крыму, за православную вѣру и достоинство Россіи, я, въ выраженіе своего глубочай-

шаго и благоговѣйнаго уваженія къ памяти православныхъ воиновъ, за вѣру и отечество положившихъ животъ свой на полѣ брани, при оборонѣ Севастополя, для всегдашняго принесенія Господу Богу молитвъ и безкровной жертвы за упокоеніе душъ ихъ, имѣю усердное желаніе устроить въ Путивлѣ каменную кладбищенскую церковь единственно на свое иждивеніе, во имя св. Предтечи и Крестителя Господня Іоанна и въ честь св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, какъ покровителя и защитника православной вѣры и Россіи, коего священное имя украшаетъ нашего Государя Императора Александра II, нынѣ благополучно царствующаго и прекратившаго эту войну христіанскимъ миромъ къ утѣшенію Россіи и спокойствію Европы. При этомъ я позволяю себѣ высказать желаніе, чтобы мѣстное духовное начальство вписало въ синодикъ предположенной къ сооруженію церкви, для вѣчнаго и безвозмезднаго поминовенія, имена героевъ отличившихся и павшихъ за отечество, а семейства этихъ героевъ извѣстить, не пожелаютъ ли они, единственно для своего утѣшенія и въ вѣчную память близкихъ ихъ сердцу, принести въ даръ церкви какія либо вещи изъ церковной утвари или другихъ церковныхъ украшеній".

Епархіальное начальство выразило согласіе на предложеніе Н. Е. Томилина, и въ теченіе трехлѣтняго періода времени имъ была устроена церковь въ память Крымской войны, освященная въ 1860 году. Изъ краткой описи этой церкви, составленной въ годъ освященія ея, видно, что она выстроена въ древневизантійскомъ стилѣ и довольно обширна. Иконостасъ церкви, съ 16-ю витыми колоннами, высокой рѣзной работы, вызолоченъ, съ иконами, написанными художниками С.-Петербургской Академіи Художествъ. Священные сосуды, церковная утварь, облаченія и книги были пожертвованы Томилинымъ, который до своей смерти былъ церковнымъ старостою созданнаго имъ храма. Въ награду за свое патріотическое дѣяніе онъ получилъ въ 1862 году орденъ св. Анны 3-ей степени.

Такимъ образомъ вотъ уже минуло 37 лѣтъ, какъ о павшихъ въ Крымскую войну доблестныхъ воинахъ въ Путивльской кладбищенской церкви, за каждымъ богослуженіемъ, возносится поминовеніе предъ престоломъ Божіимъ.

Вообще Н. Е. Томилинъ былъ щедрымъ благотворителемъ. Послѣ извѣстнаго покушенія на жизнь Государя Императора Александра II, сдѣланнаго Каракозовымъ, онъ обратился къ Курскому губернатору А. Н. Жедринскому съ слѣдующимъ письмомъ: „Изъ злодѣйской шайки Богу противныхъ людей, проклятый Каракозовъ покусился на жизнь Государя, повѣлителя 70 милліоновъ народа и чудеснымъ Божіимъ спасеніемъ, онъ, батюшка, остался невредимъ. Считая священнымъ долгомъ благодарить Господа за чудное спасеніе отъ руки вражьей возлюбленнаго Монарха, представляю въ Путивльскую городскую думу 5% въ 2,000 р. билетъ на вѣч-

ныя времена, изъ %, коего выдавать ежегодно тремъ беднейшимъ Путивльскимъ *солдатскимъ невѣстамъ*, при выходѣ ихъ замужъ, по 33 р. 33 к. каждой, со внушеніемъ благодарить Бога за чудесное спасеніе Государя, и о здравіи и долгоденствіи его. Когда же Господу угодно будетъ по преклоннымъ лѣтамъ отозвать душу его въ царствіе Свое, тогда молиться за упокой великой и премудрой души Монарха".

О пожертвованіи Н. Е. Томилина было доведено до Высочайшаго свѣдѣнія, и Государю угодно было повелѣть: благодарить жертвователя.

А. Танковъ.

*

Лѣтъ тридцать тому назадъ, когда пишущій эти строки завѣдывалъ Мясницкой библіотекою, которую устроилъ доступно для всѣхъ Григорій Александровичъ Чертковъ, въ память отца своего Александра Дмитріевича, въ нее нерѣдко приходилъ благообразный старикъ Маклаковъ. Это былъ Московскій купецъ, владѣлецъ хорошаго дома въ Хохловскомъ переулкѣ близъ Маросейки. Онъ былъ уроженецъ города Путивля, вышедшій изъ простонародья и уважавшій книжное дѣло. Онъ собралъ отличную библіотеку, сдѣлалъ ей опись и бралъ въ Чертковской библіотекѣ указанія для пополненія и по этимъ указаніямъ пріобрѣталъ новыя книги. У него накопилось прекрасное собраніе сочиненій по части Русской общей и церковной исторіи. Нѣсколько разъ выражалъ онъ намѣреніе перевезти свои книги въ родной ему Путивль и, по примѣру Г. А. Черткова, устроить тамъ общенародную читальню. Исполнилось ли это намѣреніе и жители древняго Путивля (владѣніе того князя Игоря, что̀ воспѣтъ въ Словѣ о полку его), имѣютъ ли книжную общедоступную сокровищницу, намъ неизвѣстно. П. Б.

ЮРІЙ НИКИТИЧЪ БАРТЕНЕВЪ [1]).

1840—1842.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, начавшій свою службу еще при Екатеринѣ Великой, знавшій всѣ сокровенныя событія въ жизни семьи царской болѣе, чѣмъ за полъ вѣка, другъ Александра Перваго, писавшій отреченіе Константина Павловича отъ престола, безгранично и безкорыстно преданный началу самодержавія, но въ тоже время показавшій необычайное благородство въ бытность свою членомъ коммиссіи для изысканія о злоумышленныхъ обществахъ, не могъ не внушать къ себѣ пріязни со стороны Николая Павловича, который высоко цѣнилъ нравственныя свойства людей и самъ лично съ глубокимъ уваженіемъ [2]) относился къ исторіи и завѣтамъ минувшаго. Старичекъ-князь являлся для Николая Павловича вѣрнымъ и скромнымъ хранителемъ семейныхъ преданій, живымъ звеномъ между настоящимъ и славнымъ прошлымъ.

Лучи царской милости, падавшіе на князя А. Н. Голицына, озаряли и его скромнаго друга. Въ 1839 году Бартеневъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники. Вѣсть о производствѣ застигла Юрія Никитича въ Гапсалѣ, куда онъ былъ командированъ якобы по казеннымъ дѣламъ, а собственно для излѣченія ревматизмовъ морскими купаньями. Забывъ о тщетѣ мірскаго, онъ прислалъ своему благодѣтелю письмо съ шумными изъявленіями благодарности за возведеніе въ санъ *статсъ-рата*.

Лишь два письма, относящіяся къ этому времени, пришлось намъ найти: И. М. Ястребцова [3]) и С. Н. Глинки. Послѣднее указываетъ, что Юрій Никитичъ не прекращалъ своихъ литературныхъ занятій; но какіе матеріалы хотѣлъ онъ доставлять «Русскому Вѣстнику» (тогда возобновленному), намъ не удалось выяснить.

---

[1]) См. „Русскій Архивъ" 1897, III, 614.

[2]) Это чувство Государь желалъ привить и дѣтямъ своимъ. Такъ, напримѣръ, Великаго Князя Константина Николаевича посылалъ онъ къ княгинѣ Е. Ѳ. Долгоруковой (дочери князя Ѳедора Сергѣевича Барятинскаго) слушать ея разсказы про старину.

[3]) Извѣстнаго въ то время доктора-педагога.

Письмо И. М. Ястребцова.

Милостивый государь Юрій Никитичъ!

Прошу вашего покровительства подателю сего письма, Гриневу, молодому Христіанину изъ Евреевъ. По христіанскому чувству, вы конечно распросите его сами о состояніи его дѣла, которое слишкомъ длинно, чтобъ его описывать здѣсь. Гриневъ, по милости Бога, принявъ Христіанскую вѣру года полтора назадъ, принадлежитъ къ богатѣйшимъ фамиліямъ въ Гроднѣ. Теперь у него все отняли, и дѣтей, и даже грозятъ ему палачемъ. Гродненскій городовой магистратъ уже присудилъ его къ плетямъ и Сибири. Всѣ вины его—переходъ въ Христіанство. Съ Жидами соединились противъ него Христіане (натурально за деньги) и самъ губернаторъ. Гриневъ разскажетъ вамъ, какія ужасныя поставлены были препятствія (ужасныя, потому что отъ Христіанъ) къ окрещенію. Окрестившись, Гриневъ жилъ въ домѣ здѣшняго протоіерея, при безукоризненномъ поведеніи. Вѣроятно, войдя въ участь его, вы доложите объ немъ его сіятельству князю Александру Николаевичу Голицыну. Вѣрю, что князя многіе перекрещенцы - Евреи обманывали, но Гриневъ не принадлежитъ къ общей категоріи. Гриневу нужно то, чтобъ въ Вильнѣ, или гдѣ будетъ его дѣло, *утвердили рѣшеніе Гродненской уголовной палаты.*

Поклонитесь отъ меня супругѣ вашей, которую я очень-очень уважаю.

О себѣ писать не стоитъ. Прибавляются годы—и все. Даже литература моя кончается. Въ Январѣ (нынѣшнемъ) отправилъ я къ извѣстному вамъ Ник. Ник. Кологривову тетрадку съ прежними своими разсужденіями для подачи въ цензуру. Отвѣта еще не получалъ. Къ каждому разсужденію приписалъ маленькое предисловіе, а ко всѣмъ одно общее. Кажется однакожъ, что начну писать скоро еще одно разсужденьице. По службѣ не совершенно ловко: меня не любитъ управляющій Бѣлорусскимъ округомъ г. Груберъ. Порывался было и порываюсь, въ которую нибудь гимназію въ Москву; но нѣтъ отвѣта.

Сынъ мой растетъ и успѣваетъ. Кромѣ сына есть еще дочь, родилась прошлаго года; а первая дочь умерла.

Кланяясь вамъ съ женою своею, которая и женѣ вашей также кланяется, остаюсь съ любовью и почтеніемъ, вашъ покорный слуга Ив. Ястребцовъ.

Посылаю вамъ полдюжины коробочекъ облатокъ да нѣсколько кусковъ въ голубой бумажкѣ мыла для жены вашей.

15 Февраля 1840.
Гродно.

Письмо С. Н. Глинки.

Почтеннѣйшій Юрій Никитьевичъ!

Ободренный христіанскою, благородною вашею душою и вниманіемъ вашимъ къ Русскому Вѣстнику, извѣщаю васъ, что 5 Марта сего 1840 года воспослѣдовало высочайшее соизволеніе на возобновленіе Русскаго Вѣстника.

Г. Кукольникъ отказывается отъ соредакторства и отъ покупки Вѣстника. Не виню его; почти два года томились мы тщетнымъ ожиданіемъ. Сверхъ того 18 Августа 1839 года получилъ я извѣщеніе отъ г. министра народнаго просвѣщенія, будто бы Русскій Вѣстникъ принятъ къ высочайшему *свѣдѣнію*.

Это было несправедливо. Первое мое прошеніе Комиссія Прошеній прямо препроводила къ г. министру народнаго просвѣщенія; а между тѣмъ распущена была молва, будто бы мой Русскій Вѣстникъ въ какой-то опалѣ у Государя.

Боже мой! Долго ли мнѣ скитаться въ этой плачевной земной юдоли и что̀ за охота людямъ вредить ближнимъ? Могу въ сей мигъ умереть; но благодарю Небесный Промыслъ за то, что у меня въ головѣ никогда не было злой мысли.

Вы желали принять подъ свой щитъ Русскій Вѣстникъ: примите. Матеріаловъ для Вѣстника у меня много; *при вашемъ содѣйствіи* найдется еще болѣе. Счастливъ буду, если осуществится глаголъ благодушнаго Давида: «Пути Твоя возвѣстихъ, и услышалъ мя еси».

Прекрасной душѣ вашей отрадно будетъ освѣтлить соучастіемъ темный и тернистый путь тревожной моей жизни. Извѣстите, когда могу быть у васъ для личнаго объясненія. Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть вашъ преданнѣйшій слуга Сергѣй Глинка.

7 Марта 1840 года.

Въ 1840 году князь Голицынъ сталъ ходатайствовать о производствѣ своего любимца въ слѣдующій чинъ. Государь отказалъ исполнить просьбу эту; но князь въ слѣдующемъ 1841 году возобновилъ свои настоянія; онъ указывалъ, что В. Д. Олсуфьевъ, состоявшій при особѣ Наслѣдника, Синявинъ, вице-директоръ Азіатскаго департамента, и Клементьевъ, Витебскій гражданскій губернаторъ, суть лица современныя

Бартеневу и произведены въ слѣдующій чинъ по выслугѣ менѣе двухъ лѣтъ». 6-го Декабря 1841 года князь поздравилъ Юрія Никитича съ производствомъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и обратился къ Государю съ слѣдующею просьбою, на которую 4 Генваря 1842 года спослѣдовало высочайшее соизволеніе.

«Вашему императорскому величеству благоугодно было снизойти къ моему ходатайству о состоящемъ при мнѣ чиновникѣ особыхъ порученій *Бартеневѣ*, удостоивъ его въ 6-й день Декабря всемилостивѣйшаго пожалованія въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Вѣрный въ чувствахъ приверженности ко мнѣ по службѣ, достойный чиновникъ сей желаетъ не разставаться со мною и тогда, когда я, по благоизволенію вашему на мою просьбу, сойду съ дѣятельнаго поприща моей вѣрноподданнической службы.

Такого побужденія не могъ я не оцѣнить и отвергнуть: 20-ть уже лѣтъ знаю его по чувствамъ, правиламъ и образованности, и не одинъ разъ свидѣтельствовалъ вашему величеству, что онъ на скромной, но существенно-полезной чредѣ служенія, въ званіи директора Костромскихъ училищъ, ознаменовалъ свои достоинства и привлекъ лестное монаршее ваше благоволеніе, по многимъ и разныхъ начальствъ одобреніямъ ревизовавшихъ губернію, сенатора Дурасова, и лицъ, командированныхъ отъ министерства просвѣщенія, прямаго начальника дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Сергія Голицына, министровъ князя Ливена, Шишкова.

Училища доведены были при Бартеневѣ до такой степени совершенства, что могли, по отзыву князя Голицына, поставлены быть за образцовыхъ для другихъ. Адмиралъ Шишковъ испросилъ ему орденъ Св. Владимира 4 степени и возвышеніе для него исключительно оклада его жалованья изъ 900 р. до 4000 р. Чрезвычайные труды на сей чредѣ служенія разстроили даже здоровье его тогда, и такъ сильно, что едва трехлѣтній отдыхъ въ промежуткѣ времени до поступленія ко мнѣ (съ 1833 до 1836 г.) могъ его возстановить.

По привычкѣ моихъ отношеній къ нему и довѣрію, онъ и въ дали отсюда, при мнѣ, могъ бы быть не безполезенъ для службы вашего величества учеными и историческими занятіями, а для меня представляется даже необходимымъ.

Въ настоящемъ званіи, независимо денежныхъ единовременныхъ воспособленій небогатаго его состоянія и помѣщенія въ казенномъ домѣ, онъ имѣлъ *жалованья серебромъ 1000 рублей*, и сверхъ того

выдавалъ я ему постоянно *единожды въ годъ въ видѣ столовыхъ до 715 р. серебромъ же* изъ суммы, назначенной въ мое распоряженіе на усиленіе окладовъ, оставшихся безъ возвышенія.

При покойномъ государѣ былъ при мнѣ на особомъ основаніи чиновникъ, статскій совѣтникъ *баронъ Беркгеймъ* и жилъ въ Крыму въ безсрочномъ отпускѣ на одинаковомъ окладѣ по 6/т. руб. (1717 сер.).

Я принялъ бы лично себѣ за милость, еслибъ ваше величество осчастливили дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бартенева назначеніемъ находиться при мнѣ, съ упомянутымъ содержаніемъ, по 1715 р. сер. въ годъ изъ государственнаго казначейства.

Расходъ сей составлялъ бы менѣе одной четвертой части суммъ, постоянно производившихся на особую при мнѣ канцелярію и въ предстоящемъ 1842 году спадающихъ съ государственнаго казначейства».

Подписалъ: дѣйствительный тайный совѣтникъ 1-го класса князь Александръ Голицынъ.

Вѣрно: вице-директоръ почтоваго департамента Дмитрій Прокоповичъ-Антонскій.

Въ поясненіе этого прошенія надо сказать, что съ 1839 года князь Голицынъ сталъ замѣтно дряхлѣть и помышлять о полномъ отдыхѣ. Онъ уже давно рѣшилъ провести остатокъ дней въ Крымскомъ имѣніи своемъ Гаспрѣ. Глазная болѣзнь, начавшаяся еще въ 1841 году, являлась уважительнымъ предлогомъ оставить службу, и 27 Марта 1842 года князь получилъ отставку.

*

Чѣмъ именно долженъ былъ заниматься Ю. Н. Бартеневъ, состоя при князѣ Голицынѣ во всѣхъ мѣстахъ его пребыванія, помимо исполненія воли сановнаго старца, выражено отчасти въ письмѣ В. А. Жуковскаго къ А. Я. Булгакову отъ 11 Апрѣля 1843 года [1]):

.....Ты прилежно записывалъ все, чтò видѣлъ и слышалъ въ теченіе твоей жизни. Вѣрно у тебя запасъ порядочный записокъ. Хорошо бы ты сдѣлалъ, когда бы самъ сдѣлалъ изъ нихъ выборъ и выдалъ въ свѣтъ то, чтò годится для выдачи. Тоже бы я шепнулъ и Тургеневу [2]); у него богатый архивъ записокъ и выписокъ. Чтò онъ праздно шатается въ Москвѣ! Какое бы славное занятіе для него: усѣвшись и угрѣвшись на гнѣздѣ нашей молодости, одушевить себя воспоминаніемъ прошлаго, давнившаго, недавняго. Или бы я на его мѣстѣ отправился къ князю А. Н. Голицыну въ Крымъ, прожилъ бы съ нимъ полгода и

---

[1]) См. Библіографическія Записки 1858 г. № 18.

[2]) Т. е. Александру Ивановичу, и конечно не Александру Михайловичу, сочинителю quasi-историческихъ записокъ, печатавшихся недавно въ „Русской Старинѣ" (онъ самъ забавлялся вымыслами, которыми онѣ наполнены). П. Б.

записалъ бы его разсказы о вѣкѣ Екатерины, Александра и пр. Умереть онъ, отъ кого что-нибудь услышишь? Отправь его въ Крымъ. Грѣхъ будетъ дать умереть князю Голицыну, не застраховавъ его преданій! Скольких уже людей мы такимъ образомъ вовсе потеряли. Иванъ Владимировичъ Лопухинъ разсказывалъ удивительно хорошо и былъ богатъ преданіями старины; но онъ описывалъ необыкновенно дурно то, что̀ хорошо умѣлъ передавать на словахъ: его богатства съ нимъ исчезли. Пушкинъ началъ было по моему совѣту записывать разсказы Загряжской; и она умерла, и самъ онъ пропалъ. Князь Голицынъ—послѣдній представитель старины».

Юрію Никитичу надо было подготовить для себя въ Крыму житье гдѣ-нибудь возлѣ своего начальника, и вотъ онъ начинаетъ помышлять о покупкѣ земли невдалекѣ отъ Гаспры. За справками онъ обращался къ Н. И. Надеждину [1]), въ то время находившемуся еще въ Одессѣ, Симферопольскому губернатору А. И. Казначееву и къ Ялтинскому почтъ-директору, князю П. Д. Козловскому. Н. И. Надеждинъ отвѣчалъ на запросъ Бартенева пространнымъ письмомъ (см. «Р. Архивъ» 1864), весьма любопытнымъ для характеристики этого примѣчательнаго человѣка. Юрій Никитичъ не остался въ долгу и написалъ нижеприводимое посланіе.

Письмо Ю. Н. Бартенева къ Н. И. Надеждину.

Увлекательное письмо ваше, отъ 15 Генваря, милостивый государь Николай Ивановичъ, я получилъ 2-го Февраля съ почтовымъ чиновникомъ, пріѣхавшимъ изъ Одессы. Чтобъ удобнѣе его перечитывать, я не послалъ его въ типографію [2]), а просто отдалъ своему чиновнику и велѣлъ ему переписать на двухъ листахъ обыкновенной писчей бумаги. Я все ваше письмо читалъ и своему благодатному князю. Онъ очень одобряетъ предполагаемый и, можетъ быть, продолжаемый вами трудъ; его сіятельство думаетъ, что графа Воронцова дѣло дать ему настоящій ходъ и доставить вамъ средства къ окончательному совершенію вашего предпріятія. Я радуюсь, что вы попали на такую дорогу; вотъ и развязка крестовъ вашихъ! Предпринимая писать церковную исторію православнаго Славянства, вы, вѣроятно, имѣете понятіе и о древнемъ, православномъ ученіи креста Господня, который есть у Него средство, а для насъ цѣль въ нашей феноменической жизни.

По неисповѣдимой игрѣ Промысла, получа совокупное образованіе, вы призывались и на нѣкоторое совокупное служеніе Богу и наукѣ:

---

[1]) Н. И. Надеждинъ, въ 1836 г. высланный въ Усть-Сысольскъ, за напечатаніе философическихъ писемъ П. Я. Чадаева, въ 1837 году былъ освобожденъ и переведенъ въ Одессу.

[2]) Какъ дѣлывалъ съ нечеткими рукописями Надеждинъ въ Москвѣ, издавая свой „Телескопъ“. П. Б.

одна система вашего образованія подкрѣпляла бы другую систему и служила-бъ ей необходимымъ дополненіемъ. Здѣсь я разумѣю духовное и свѣтское обученіе, академію и университетъ. Самое даже проникновеніе науки должно бы въ васъ отличаться въ другой формѣ, нежели какъ у прочихъ товарищей вашихъ. Ходъ вашего умственнаго развитія былъ всегда выше, чѣмъ одностороннее разумичное наученіе прочихъ Московскихъ сослуживцевъ вашихъ. Точка отправленія всякаго знанія вашего былъ Господь Богъ. Онъ умудрилъ васъ произносить Его святое имя съ четырехъ лѣтъ вашей жизни, Онъ же даровалъ вамъ и свѣтлую воспріемлемость ко всему прекрасному и истинному.

Мужаясь въ лѣтахъ и знаніи и отвѣдавъ удобствъ практической жизни столицы, вы смѣло шагали отъ успѣха къ успѣху; вы сорили своею душею, забывая мужественное ученіе, на которое вызывались вы волею Провидѣнія; вы, юноша еще лѣтами, пристыжали тогдашнихъ ветерановъ надгляднаго знанія ловкостію и живучестію, такъ сказать, своего таланта; вы подкрѣпили упадавшее зданіе Вѣстника Европы (почти единственнаго тогда журнала въ Россіи) своими беллетрическими статьями, имѣющими свой чеканъ и исполненными огня и юмора оригинальнаго. Наконецъ, появилась ваша диссертація, которой латынь отозвалась выше всѣхъ обыденныхъ произведеній латинистовъ Московскихъ, и далеко обѣжала прославленную латынь пресловутаго Давыдова. Въ первый еще разъ въ устахъ вашихъ могучій языкъ Цицерона обличилъ романтическій сгибъ обновленной школы: дѣло дотолѣ въ Москвѣ невиданное и неслыханное.

Наконецъ вы добрались и до профессорства. Ваши Тертуліяновскія лекціи были не плодомъ искусственнаго, нахлестаннаго напряженія, а лишь свободнымъ отдѣленіемъ, такъ сказать, ума и таланта. И если школа выигрывала отъ точныхъ, обновительныхъ и мѣткихъ соображеній науки вашей, то слушатели увлекались легкостію импровизаціи, граціею разсказа.

Наконецъ вы выступили журналистомъ, и это тогда, когда перепробовали всѣ лады филологическаго діапазона, столь вами тогда любимаго, начиная съ миѳическихъ гимновъ древности до какого нибудь скороспѣлаго перевода повѣстцы современной. Повидимому, все улыбалось вамъ; начала уже образоваться при васъ и кліентель преданныхъ и восторженныхъ учениковъ вашихъ, которые и умѣли и хотѣли отдѣлить васъ отъ дюжины обыкновенныхъ дѣлателей. Вмѣстѣ съ учеными успѣхами вашими освѣжалась и жизнь ваша отъ удобствъ пластическихъ; вы систематически разсѣевались, любовались избыткомъ

дара, легкостію того, что̀ составляетъ для другихъ трудъ и препинаніе...

Вамъ хотѣлось обозрѣть чужіе края, и Провидѣніе, столь васъ баловавшее, допустило и это сдѣлать вамъ къ вашей, можетъ быть, пользѣ и конечно большому удовольствію. Повидимому, тайна назначенія вашего отгадана; вы вступили въ колею, вамъ предназначенную. Опередивъ на одномъ съ вами поприщѣ, не скажу антагонистовъ вашихъ, и далеко обогнавъ фалангу Московской посредственности, вы самоувѣрительно посмотрѣли на свою жизнь и свое назначеніе.

Но для прилежнаго наблюдателя особы вашей можно было замѣтить, что подъ окраскою сангвиническаго темперамента проглядывала безпокойная, ищущая душа Мельмота, сдвинутая съ своего центра и забывшая, не скажу, не понявшая своего святаго призванія. Въ самомъ даже разгарѣ юморизма вашего сквозила какая-то унылость неуловимая для толпы, но замѣтная наблюдателю; les hauts et bas составляли какъ бы какую-то огневую, кривую линію въ самомъ слогѣ вашемъ; словомъ, эмблемою всѣхъ дѣйствій вашихъ могъ бы служить тотъ умный духъ, не понявшій своего на землѣ назначенія и закружившійся въ стихійной жизни.

Простите великодушно, если я коснусь до тѣхъ завѣтныхъ стигматовъ, которые любящая часть души вашей, можетъ быть, сохранила и даже понынѣ сберегаетъ какъ залогъ своего разочарованія, залогъ болѣзненный, но все еще сладостный сердцу по бывалому обаянію. Я продолжаю. Сперва ваша философія начала хромать отъ неопредѣленности и, можетъ быть, полуроскоши различныхъ умозрѣній, не проникнутыхъ общностію пневматологическою. Уроки Академіи, наученіе параболической свѣтской школы, собственныя умозрѣнія, можетъ быть, растворенныя страстностію, обезсиленныя нигилизмомъ воли, которая такую важную роль играетъ въ философіи, все заставило васъ бродить по пустынямъ философскимъ и если еще не привело къ пирронизму, то за это вы, можетъ быть, обязаны воспитанію православной церкви, молитвамъ родственниковъ и свѣтлому уму вашему, для котораго пирронизмъ есть Прокрустово ложе.

Помните ли, какъ въ тѣсной свѣтелкѣ у всесберегающаго Загоскина *), мы говорили съ вами о философіи. Къ истомѣ неудовлетвореннаго философскаго умозрѣнія привилась и физическая болѣзнь; ревматизмы ваши приводили васъ противу воли въ какое-то состояніе тѣ-

*) Надеждинъ въ своихъ критическихъ статьяхъ необыкновенно высоко ставилъ Загоскина, какъ писателя, вводившаго народную рѣчь въ литературный языкъ.

леснаго раздраженія; наконецъ, худо понятое созвучіе съ женщиною, казавшеюся идеаломъ*), обратившеюся послѣ въ обыкновенную Московскую барышню, спѣшно подвигали васъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, къ православному ученію креста Господня; я не говорю уже о другомъ, можетъ быть, большемъ...

И вотъ куда многовѣщательная моя рацея клонилась, чтобъ сказать вамъ о моемъ удовольствіи, когда я прочиталъ въ письмѣ вашемъ эти слова: «главное направленіе моей умственной дѣятельности измѣнилось; теперь оно сдѣлалось религіозно-историческимъ: помянухъ лѣта древнія во всѣхъ дѣлахъ Твоихъ, въ твореніяхъ руку Твоею поучахся». Слава Богу! Мы не будемъ уже тратить души своей на бездѣлицы; святое Ипократово опять нàчало просіявать на челахъ нашихъ! Мы близки понять свое августѣйшее назначеніе, мы становимся почти увѣрены, что

Жизнь дана намъ не на то,
Чтобъ лишь веселиться,
Но сражаяся съ бѣдами,
Повседневными трудами
Умирать учиться!
Умирать учиться!

Увѣрившись въ сей непререкаемой истинѣ, вотъ мы и успокоились. Теперь будемъ разсуждать о церковной исторіи, хотя я и знаю, что я ничего путнаго не скажу моему любезному профессору.

Писать исторію церкви въ наше время дѣло очень трудное; притомъ, написана ли была хотя когда нибудь церковная исторія такъ, какъ a priori представляетъ ее умъ человѣческій? Создать исторію подобнаго рода помудренѣе, чѣмъ написать исторію философіи, которая и сама ждетъ еще себѣ творца. Я мало читывалъ церковныхъ исторій: Мозгеймъ, Флёри, Маттеръ и нѣчто изъ Арнольда, описавшаго нравы первыхъ христіанъ и написавшаго нѣсколько столѣтій исторіи. Я бы вамъ очень рекомендовалъ Арнольда: не смотря, что его исторія изложена Готическимъ Нѣмецкимъ языкомъ, у него чистый и свѣтлый умъ. Арнольдъ, прежде нежели началъ учити, сталъ творити. Это значитъ, что сперва надобно воплотить въ себѣ духъ чистѣйшій, дабы впослѣдствіи умѣть отражать степень чистоты разныхъ доктринъ, которыя волновали нѣкогда міръ христіанства и внѣдрялись болѣе или менѣе въ Славянскія племена. Арнольдъ на многія, такъ называемыя укло-

---

*) Все уже было готово для побѣга. Надеждинъ съ однимъ изъ друзей своихъ ждалъ на улицѣ условленнаго появленія, чтобы ѣхать вѣнчаться; но родители бѣглянки открыли ея замыселъ. Впрочемъ существуетъ болѣе комическая передача этого неудавшагося романическаго приключенія. П. Б.

ненія, глядѣлъ другимъ глазомъ, чѣмъ стая завидливыхъ современниковъ и хроникёровъ, повторявшихъ безотчетно ихъ мнѣніе. Если и вообще писать исторію церкви мудрено, то какъ составлять ее приспособительно міру Славянскому? Какъ исчерпать монографіи нашихъ особенныхъ христіанскихъ доктринъ? Извѣстно ли вамъ, что благочестивая Русь издревле любила окраивать христіанское ученіе свое въ неоплатоническую рамку; что нашъ аскетизмъ не есть аскетизмъ западный; что наше *царское искусство* или, какъ церковь называетъ, *умное дѣланіе* не есть ни мистицизмъ, ни квіэтизмъ, ни иллюминизмъ западной Европы. Аѳонская гора, въ которой вы думаете найдти рѣдчайшія историческія хартіи, заключала въ себѣ нѣкогда и высочайшія сокровища христіанскаго любомудрія. Святая гора передала нашей церкви такое ученіе, которому ничего подобнаго Западъ не представляетъ. Напр. *отысканіе сердечнаго мѣста*, *манипуляція ноздреннаго дыханія*, *изліяніе ума въ сердце*, переходы молитвъ: *мысленной* въ *сердечную*, *сердечной* въ *умную*, *умной* въ *зрительную*... Прочитайте патріарха Каллиста, прочитайте Симеона Новаго Богослова, Катаѳигіота, Никиту Стиѳатскаго и проч. и проч.: вы взойдете въ новый для васъ міръ и доселѣ оставшійся бы безвѣстнымъ для современности, если бы достопочтенный Паисій Молдавскій не перевелъ сего высочайшаго и справедливѣйшаго ученія церкви на какой-то ломаный Славяно-Сербскій языкъ, а нашъ Сνнодъ, по долгомъ преніи, не рѣшился бы напечатать сей переводъ, бывшій нѣкогда очень рѣдкимъ и слѣдовательно дорогимъ, а теперь извѣстный у насъ подъ названіемъ *Добротолюбія* [1]). Другой переводъ Паисія сочиненій Ісаака Сирина напечатанъ имъ въ Молдавіи [2]). Всѣ вышепоименованные отцы почти что сошли къ намъ съ Аѳонской горы; по крайней мѣрѣ ихъ пустынныя таинства прояснились отчасти для желателя, изданный митрополитомъ Филаретомъ древній уставъ Нила Сорскаго ясно намъ указываетъ, что еще очень въ давнее время православные Русскіе пастыри умѣли какъ-то усвоивать и на дикомъ Сѣверѣ драгоцѣннѣйшіе перлы Востока.

Признаюсь, что я, во имя Божіе, побрелъ бы съ вами и далѣе на Востокъ, пожалуй и до самой Индіи; душа просится много сказать, но какъ говорить, когда и умъ и сердце мое въ процессѣ? Почтенный мой Николай Ивановичъ, вотъ что можно только сказать. Есть въ человѣчествѣ истинная философія, есть наука по превосходству; она учитъ воспитывать волю и возводить ее до творчества; а умъ въ этой наукѣ

---

[1]) Эта книга имѣетъ третье уже изданіе. *Примѣч. Ю. Н. Бартенева.*

[2]) Это сочиненіе продается въ Россіи по 100 рубл. и болѣе; у меня самого было и печатное, и письменное. *Примѣч. Ю. Н. Бартенева.*

есть только проводникъ по первымъ ея звѣньямъ. Начало науки Богъ, конецъ тоже. «Нынѣ сынове Божіи есмы, и не у явися, что̀ будемъ».

Впрочемъ, я смутно понимаю о предпринимаемомъ вами трудѣ. Хотите ли вы написать просто исторію параболическаго христіанства, или его ритуальности у Славянскихъ народовъ? Словомъ, какъ все это укладывалось въ Славянствѣ, или что другое? Покамѣстъ замолчимъ и скажемъ: не пей Пермесскихъ водъ иль выпей ихъ до дна!

Кромѣ историческихъ трудовъ, почему бы съ талантомъ вашимъ не разгуляться и на другомъ поприщѣ? Благодаря васъ, мы теперь понимаемъ немножко, что̀ такое значитъ Бессарабія; но не знаемъ, что̀ такое означаютъ Далмація, Истрія, Черногорія, Кроація, Славонія, Сербія, Молдавія, Валахія, Трансильванія, Венгрія—страны, которыя вы поименовали въ своемъ письмѣ. Вѣроятно, что онѣ суть болѣе или менѣе матрицы Славянскаго міра. Вотъ если бы вы этнографически, статистически и немножко исторически пооживили для Русскаго ума и зрѣнія эти вовсе неизвѣстныя для насъ земли! Имена ихъ сливаются въ какую-то смутную массу для ума Русскаго, а когда-бъ вы описали ихъ съ тѣмъ превосходствомъ и обычнымъ увлеченіемъ, которое вамъ усвоиваетъ талантъ вашъ, тогда-бъ мы узнали, сколько въ этихъ однородныхъ золотоносныхъ розсыпяхъ находится Русскаго золота. Но письмо мое становится длинно, и я здѣсь покуда окончу...

Мнѣ очень пріятно пожать руку вашу, которую старое пріязненное знакомство ваше мнѣ протянуло; отрадно мнѣ обнять стараго сослуживца моего и радостно будетъ встрѣтить его лично. Между тѣмъ, прошу писать ко мнѣ, если время вамъ дозволяетъ и есть влеченіе. Теперь прощаюсь съ вами и дружески васъ обнимаю. Всегда вамъ преданный и доброжелательный.

Пожалуйста, не пеняйте на меня, что не самъ пишу; письмо велико, а времени мало; при томъ вамъ лучше будетъ читать, нежели мой собственный почеркъ.

Увѣдомьте, когда вы располагаете пріѣхать въ Петербургъ?

Прилагаю при семъ одну изъ книжекъ, присланныхъ ко мнѣ на дняхъ княземъ Шихматовымъ.

Уже я началъ укладывать свою библіотеку и первый ящикъ окончательно уложилъ.

12 Февраля 1842 г.
С.-Петербургъ.

Письмо А. И. Казначеева.

Письмо ваше отъ 14 Декабря я имѣлъ удовольствіе получить, разъѣзжая по южному берегу, и это очень кстати. Теперь предварительно поспѣшу отвѣчать вамъ, потомъ на дняхъ заѣду самъ въ Нинѣгу и, осмотрѣвъ ее, не замедлю сообщить, для соображенія вашего, обстоятельныя свѣдѣнія о семъ имѣніи.

Дача Нинѣга, сколько доселѣ мнѣ извѣстно, по положенію своему почти такова, какою описана въ запискѣ. Она составляла часть земли, принадлежащей Муллѣ-Алію и продана имъ Николаю Ивановичу Перовскому, который продаетъ ее нынѣ дѣйствительно отъ нужды. Не знаю навѣрное, есть-ли въ ней полныя 35 десятинъ, но это узнать не трудно.

Нинѣга въ рукахъ Татарина была не что иное, какъ небольшой лѣсъ у морского берега, съ лужайками внизу и съ каменьями вверху. Перовскій насадилъ виноградникъ, нѣсколько экзотическихъ растеній и начерталъ планъ для будущаго благоустройства дачи. Все это видѣлъ я мимоходомъ, безъ должнаго вниманія. Со всѣмъ тѣмъ и теперь скажу, что если въ Нинѣгѣ заключается 35 десятинъ, то 30 т. руб. цѣна недорогая. Мѣсто недоступное сѣвернымъ вѣтрамъ, обращенное прямо на полдень, способное произращать южныя растенія, даже нѣкоторыя оранжерейныя, на открытомъ воздухѣ, у берега моря, и притомъ въ сосѣдствѣ князя Александра Николаевича, не можетъ быть не драгоцѣнно. Тутъ можно проводить жизнь евангелическую, въ вертоградѣ, подъ оливою и смоковницей, сидѣть у моря и не ждать погоды...

Въ эту минуту (6-го Генваря) пишу къ вамъ на скалѣ, подъ благодатнымъ небомъ. Предо мною безбрежное небо, какъ зеркало вселенной! Окруженный горами и высокою природой, чувствую свое ничтожество и возвышаюсь душей. Восхищаясь прелестями неба и земли, дѣлаюсь лучше и добрѣе. Не такъ въ столицѣ: тамъ все возбуждаетъ въ человѣкѣ гордость и самолюбіе, онъ говоритъ себѣ: «все это я создалъ своими руками», и остается на землѣ съ своими мнимыми громадами. Нѣтъ, здѣсь все истинно, высоко и нерукотворенно! Мнѣ часто въ голову приходитъ мысль: не обѣтованная-ли это земля? Не отрывокъ-ли древняго рая или его преддверія? Рубежъ земного житія! По крайней мѣрѣ, тутъ удобнѣе отдохнуть отъ мірской жизни и приготовиться къ лучшей. Здѣсь, за горами, такъ безмятежно, отъ большаго свѣта далеко, отъ неба такъ близко!

Съ другой стороны, сегодня 6-е Генваря, а у насъ и тепло, и свѣтло по весеннему; еще цвѣтовъ много и зелени довольно, розовые кусты особенно сохраняютъ массы розъ въ полной свѣжести; миндали въ зеленыхъ листьяхъ, не говоря уже о лаврахъ и оливахъ. Мы ходимъ гулять въ лѣтнемъ платьѣ поутру, рвемъ розы на воздухѣ и украшаемъ обѣденные столы свои огромными букетами; вечернія прогулки наши прекращаются лишь темнотою ночи. Если вы спросите: «но всегда-ли у васъ такая весенняя зима?» безъ ошибки и не обинуясь отвѣчать буду: «не всегда, а почти, или около того».

P. S. Я получилъ сейчасъ письмо отъ князя Сергѣя Ивановича Мещерскаго, который, между прочимъ, приписываетъ мнѣ, что онъ желалъ бы продать въ Гаспрѣ нижнюю часть своей дачи съ виноградникомъ. Это еще болѣе сблизитъ васъ съ княземъ Александромъ Николаевичемъ. Дача Мещерскаго совершенно смежна съ дачею его сіятельства, и нижняя, или прибрежная, часть той дачи—прекрасна! Тутъ вы будете имѣть и южное наслажденіе, и доходъ. Кн. С. И. Мещерскій теперь въ Москвѣ; не угодно-ли вамъ будетъ списаться съ нимъ? Его дача менѣе и дороже Нинѣги. Выбирайте любое.

Прошу васъ усердно изъявить князю Александру Николаевичу мое душевное почтеніе и чистую любовь.

6 Января 1842.

Отвѣтъ А. И. Казначееву.

Я сейчасъ только имѣлъ честь получить почтенное письмо ваше отъ 6-го Генваря; письмо, поистинѣ, исполненное арома, гдѣ любящее сердце ваше съ такимъ увлеченіемъ, съ такою нѣгой самонаслажденія разыгралось подъ безграничнымъ шатромъ сладостнаго, яхонтоваго неба вашего. Прозрачность вашихъ описаній, какъ розовый фонъ картинъ Кипренскаго, изобличаетъ и прозрачность сердца вашего, и просторъ души, и свѣтлое мышленіе человѣка по превосходству, человѣка, достойнаго обитать, какъ пишете вы, въ преддверіи рая. Радъ, милостивый государь, письму вашему не потому только, что теплота разсказа увлекла и меня къ столь сладостнымъ ощущеніямъ и чаяніямъ, которыя, какъ случайные пришлецы, прибыли порадовать меня въ нашей полусырой, оранжерейной Петербургской жизни, но болѣе радъ, что письмо навело меня на человѣка, котораго прикосновеніе такъ живительно, такъ гармонически отозвалось въ ищущей и блуждающей, какъ Мельмотъ, душѣ моей. Это письмо есть сладостный залогъ, желанное споручительство, что въ творцѣ его смѣло найду человѣка, котораго общество и не въ пустынѣ могло бы считаться пріобрѣтеніемъ. Теперь мое философское наслажденіе a priori южною природой сочетавается

съ психическимъ увлеченіемъ души, требующей отъ своего ближняго дружбы, пріязни. Вижу, что не нѣма Крымская природа, что роскошный символическій языкъ ея, яркими письменами Бенгальскаго огня начертанный на мѣстности, не потерялъ своего значенія и имѣетъ достойныхъ своихъ передавателей; что между простодушія и безсознательности Татаръ Провидѣніе воздвигаетъ Себѣ достойныхъ провозвѣстниковъ, вѣрныхъ проводниковъ самосознанія своей натуры, натуры блестящей, пышной, роскошной, и которую доселѣ аборигены Крыма тратили лишь молча и, можетъ-быть, съ тупоуміемъ животненнаго пластицизма. Не разсмѣйтесь, милостивый государь, и простите меня, когда я, увлеченный роскошествомъ вашихъ описаній, доблественностью чувствъ вашихъ, поспѣшаю протягивать къ вамъ руку и требую отъ васъ мира и пріязни вашей.

Въ практической столичной жизни сердце наше такъ пересохло, такъ много перетерпѣло отъ принужденія и притворства, что даже одна возможность искренняго изліянія, не говорю пріязни, наводитъ на душу какое-то предварительное, сладостное обаяніе. Завтра поспѣшу представить письмо ваше просвѣщенному вниманію благодатнаго старца. Прочитать ему оное есть обрадовать его душу, безпрестанно требующую новыхъ и свѣтлыхъ ощущеній. Повѣрьте, что ни одна мысль, ни одно слово, гдѣ сквозится истинное одушевленіе, не пропустится имъ безъ должнаго вниманія; проходя великолѣпное поприще дворской и сановнической жизни, умный нашъ Несторъ не разсорилъ души своей; онъ сберегъ эту дѣвственную юность сердца, которая есть великій даръ Божій, за правоту мысли и неукоризненность дѣйствій. Если Промыслу будетъ угодно, чтобъ князь переселился когда-нибудь въ Крымъ, то сладко будетъ тогда увидѣть это дивное и столь естественное сочетаніе прекраснаго въ природѣ съ прекраснымъ его сердца. Здѣсь кстати мнѣ увѣдомить васъ, что будущій сосѣдъ вашъ есть мой начальникъ до гроба: велѣніе Царя скрѣпило давнишнее призваніе моего сердца, и служба моя есть не иное что, какъ одна лишь монографія чистой любви, облеченной въ дѣйствіе.

Здѣсь оставляю перо мое и тотъ торжественный строй сердца, на который вы меня вызвали дифирамбомъ своего описанія; теперь мы будемъ говорить проще, и слѣдовательно сообразнѣе съ обыденною жизнью Петербургскихъ тружениковъ.

Письмо А. И. Казначеева.

20 Генваря 1842. Симферополь.

Милостивый государь Юрій Никитичъ!

Я исполнилъ свое обѣщаніе: былъ въ Нинѣгѣ и осмотрѣлъ ее во всѣхъ подробностяхъ. Въ ней едвали есть *болѣе 28 десятинъ*; но она, по мнѣнію моему, стóитъ просимой суммы. При окончательной покупкѣ, быть можетъ, мы выговоримъ нѣкоторую уступку. Надобно вамъ рѣшиться на просимую сумму и предложить прежде отъ 20 т. до 25 т.; а тамъ чтò Богъ дастъ! Дача дѣйствительно хороша, но требуетъ благоустройства, а на это потребны еще деньги. Она состоитъ большею частію изъ можжевеловаго лѣса; есть въ ней также и другія деревья, въ числѣ коихъ большія грецкія орѣшины, маслины и проч.; довольно обильный источникъ воды, чтò составляетъ немалое богатство земли; экзотическихъ растеній насаждено еще мало; умножить ихъ насажденіе здѣсь дѣло легкое; въ виноградникѣ, еще новомъ, можно полагать до 20 т. кустовъ. Частныя мѣста въ Нинѣгѣ видѣлъ я прекрасныя; лужайки и площадки удобны для устроенія жилья и увеселительныхъ етаблисементовъ, начиная отъ средины дачи до самаго моря. Очищеніе (не вырубка) лѣса будетъ давать постоянно топливо и облагообразитъ имѣніе; отдѣльные участки могутъ питать скотъ для употребленія въ пищу и служить для другихъ хозяйственныхъ заведеній, необходимыхъ для житья-бытья. Домъ въ деревнѣ Гаспрѣ съ небольшимъ садикомъ еще годится и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дома князя А. Н. Голицына. Вотъ внутреннія качества дачи; слѣдуютъ внѣшнія: она граничитъ съ Юга Чернымъ моремъ, съ Сѣвера горами и почтовою дорогою (горы не допускаютъ холода сѣверныхъ вѣтровъ, а дорога представляетъ удобство сообщеній); съ Востока казенною землею и Айтодорскимъ маякомъ, гдѣ ночью освѣщаетъ онъ вертящимся огнемъ своимъ путь мореходцевъ; съ Запада землею князей Мещерскаго и Голицына. Съ площадокъ и возвышеній Нинѣги представляется великолѣпный видъ моря, часть Ялты и берегъ, протягивающійся ожерельемъ къ склоненію солнца; другая сторона берега, къ Востоку, также видна, но ее нѣсколько заслоняетъ Айтодорской мысъ съ маякомъ; впрочемъ этотъ мысъ защищаетъ Нинѣгу отъ силы восточныхъ вѣтровъ.

Въ заключеніе прибавлю слѣдующее: когда вы, какъ уроженецъ земной плоскости и житель столицы, взглянете на Нинѣгу въ дикомъ ея состояніи, то подумаете, что плàтите деньги за лѣсъ и камни; но не такъ мы думаемъ, и не такъ вы будете думать, поживя здѣсь нѣсколько дней. Внѣшніе виды, начиная отъ неба до земли, васъ очаруютъ; внутренніе прельстятъ васъ и убѣдятъ, чтò можно сдѣлать изъ алмаза, когда сдеремъ съ него дикую кору.

Имѣніе князя С. И. Мещерскаго, думаю, удобнѣе купить князю Александру Николаевичу; думаю даже, что оно ему необходимо. Вы изъ этого получите новую выгоду—еще болѣе приблизиться къ его сіятельству. Впрочемъ то и другое зависитъ отъ вашего выбора, совѣта и соглашенія съ княземъ.

P. S. Прошу васъ не затрудняться въ порученіяхъ, которыя вамъ угодно будетъ мнѣ давать; я ихъ пріиму на себя всегда съ большимъ и искреннимъ удовольствіемъ. Прошу также усердно принять искреннѣйшую мою благодарность за сердечныя ваши хлопоты по дѣлу сестры моей Гансклу*): она съ особеннымъ чувствомъ говоритъ мнѣ о нихъ.

Нижеприводимое письмо Ялтинскаго почтмейстера любопытно тѣмъ, что довольно полно изображаетъ условія Ялтинской жизни въ 1840 годахъ. Не надо забывать, что всѣ цѣны приведены на ассигнаціи.

Письмо князя П. Д. Козловскаго.

Ялта, 1842 г. Февр. 8 дня.

Ваше превосходительство! Милостивый государь Юрій Никитичъ!

Получа письмо ваше, я сейчасъ же отправился осмотрѣть Розовый павильонъ, снять (какъ умѣю) наскоро планъ домика и, не теряя времени, увѣдомить васъ. Великодушно простите мнѣ, что планы мои дурны, небрежны: я хотѣлъ выиграть время, а потому и не могъ сдѣлать ихъ лучше, утѣшаю себя мыслію, что они дадутъ вамъ довольно ясное понятіе о томъ, что̀ вы желали знать.

Розовый павильонъ находится въ самомъ дурномъ положеніи: выстроенный непрочно, поправляемый слегка, онъ теперь совершенно опустился; не могу придумать, какъ вамъ помѣститься въ немъ. Воды, этой необходимости, нѣтъ; правда недалеко есть фонтанъ, но это недалеко—версты полторы; также полторы версты отъ Розоваго павильона до замка его сіятельства; самое ближайшее помѣщеніе къ князю Александру Николаевичу — домъ кн. Мещерскаго. Фасадъ этого дома при семъ вашему превосходительству представляю, плана же не могъ сдѣлать, потому что управляющій имѣніемъ кн. Мещерскаго отлучился; когда же онъ возвратится, то я осмотрю домъ и, какъ умѣю, сдѣлаю планъ. Это имѣніе можно дешево пріобрѣсть: дѣла князя Мещерскаго очень дурны; впрочемъ, если вашему превосходительству угодно будетъ приказать мнѣ разузнать хорошенько, я не премину, узнавши, васъ извѣстить.

---

*) Не жена ли Костромскаго губернатора, съ которымъ Ю. Н. Бартеневъ имѣлъ нѣкогда сношенія?

Вы изволите спрашивать о цѣнахъ, существующихъ на южномъ берегу. Эта статья условна; если кто имѣетъ возможность необходимѣйшіе продукты заготовлять въ значительномъ количествѣ, получая ихъ изъ Одессы на пароходѣ, тому они не будутъ ощутительно дòроги; кто же пріобрѣтаетъ ихъ покупкою на мѣстѣ, тотъ платитъ весьма дорого. Это требуетъ поясненія: дрова еловыя отъ 22 р. до 28 р., дубовыя отъ 30 р. до 45 р. сажень. Ржаной хлѣбъ въ Ялтѣ отъ 13 р. до 22 р. четверть. Масло коровье топленое отъ 20 р. до 28 р. пудъ. Крупы: пшенная отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к. пудъ, гречневая отъ 3 р. 50 до 4 р. 50 к. пудъ. Овесъ отъ 15 р. до 18 р. четверть. Сѣно отъ 50 к. до 80 к. пудъ. Свѣчи сальныя отъ 15 р. до 18 р. пудъ. Сахаръ отъ 40 р. до 45 р. пудъ. Чай дороже 12%. Кофе отъ 60 р. до 80 р. пудъ. Ялта богата устерсами. И точно устерсы превосходны въ смыслѣ этого слова; ваше превосходительство, вы кушаете Флессингенскія, привозимыя въ Петербугъ; хороши и Флессингенскія, но далеко отъ Ялтскихъ; въ Ялтѣ 1000 устерсъ стоитъ отъ 10 р. до 13 р. Вино хорошее очень трудно доставать, но не невозможно; я дурной знатокъ въ винахъ, но и я уже знаю, у кого хорошія вина.

Ялта лежитъ въ прекраснѣйшей долинѣ, при подошвѣ хребта Крымскихъ горъ; море въ 10-ти саженяхъ отъ Ялты. Въ городѣ церковь готической архитектуры, маленькій гостиный дворъ (еще очень грязный), двѣ гостинницы, аптека и небольшая кучка домиковъ (спрятавшихся до половины въ землѣ), нѣсколько домовъ графа Воронцова, графа Потоцкаго, генерала Нарышкина и еще нѣкоторыхъ изъ знатныхъ фамилій; эти дома почти всѣ заняты присутственными мѣстами и даютъ хорошій доходъ (я разумѣю *хорошій* въ отношеніи къ Ялтѣ). Зима и осень—томительно скучны и грязны: скучны, потому что *всѣ* уѣдутъ въ Одессу, и Южный берегъ совершенно пустъ; грязны въ буквальномъ значеніи. Ялта скоро, очень скоро могла бы раздвинуться но—некуда: помѣщичьи участки облегли Ялту кругомъ, и нѣтъ земли для построекъ, нѣтъ земли для выгоновъ. Въ Ялтѣ была молла, но буря смыла ее, и теперь открытое мѣсто для вѣтровъ, которые здѣсь бываютъ изрядны и часты, особенно Сѣверо-восточный, рѣзкій и холодный съ ужасающими завываніями. Климатъ Ялты и вообще южнаго берега, сколько могъ я на себѣ примѣтить, нездоровый; но это потому, что я имѣю органическое повреждевіе сердца, а близость моря и довольно частые туманы, здоровые вообще, развиваютъ аневризмъ и способствуютъ ускоренному біенію сердца; лихорадки часты и сильны; здѣсь такъ привыкли къ нимъ, что лихорадка сдѣлалась обыкновенною;

нѣтъ дома въ Ялтѣ и ея окрестностяхъ, гдѣ бы не было лихорадочныхъ. Нынѣ два раза былъ морозъ до $2^1/_2{}^0$; снѣгъ мы видѣли на горахъ; розы цвѣли и цвѣтутъ постоянно до сихъ поръ чрезъ всю зиму. Окрестности Ялты безподобны, особенно Царская Ореанда, отстоящая отъ Ялты на 5-ть верстъ; между Ялтою и Ореандою имѣніе графа Потоцкаго (что въ Неаполѣ посланникомъ). Великая Княгиня жила въ этомъ имѣніи; за Ореандою Кореисъ (имѣніе княг. Голицыной, оставленное баронессѣ Беркгеймъ). Замокъ его сіятельства благодѣтеля моего, князя Александра Николаевича, чудесный, это превосходное зданіе на прекраснѣйшей мѣстности; немного далѣе Мисхоръ (Татарская деревня), въ Мисхорѣ домъ Нарышкина, гдѣ Государыня Императрица имѣла пребываніе въ бытность свою на южномъ берегу; далѣе великолѣпная Алупка (графа Воронцова), Алупка вѣчно смѣющаяся, вѣчно кокетствующая.

Графъ Воронцовъ съ неподражаемою роскошью строитъ изъ зеленаго мрамора дворецъ, несовсѣмъ еще оконченный вчернѣ. Дворецъ стоитъ до 13 мил. рублей; для окончанія и меблировки необходимо до 8-ми милліоновъ, я это слышалъ отъ архитектора Гунта, строителя дворца, получающаго 10,000 р. жалованья и, чрезъ 10-ть лѣтъ службы у графа, имѣющаго получить это жалованье въ пенсіонъ. Не правда-ли, ваше превосходительство, жалованье и пенсіонъ недурны? По другую сторону Ялты—имѣніе г. Исленьева въ 2-хъ верстахъ отъ Ялты, далѣе двѣ Массандры (гр. Воронцова), въ верхней Массандрѣ домъ графа, простой сельскій домъ и церковь маленькая, но красивая своею простотою. Горныя дороги превосходны; превосходнѣе ихъ виды, ежеминутно измѣняющіеся и изумляющіе ежеминутными противуположностями. Нечего мнѣ сказать объ Алуштѣ послѣ двухъ сонетовъ Мицкевича. Алушта грань Южнаго берега.

Управляющій Царскою Ореадною директоръ г. Штеричъ—человѣкъ благороднѣйшій, образованный, путешествовавшій по Европѣ пять лѣтъ, одинъ изъ немногихъ, кто полюбилъ и обласкалъ меня, бродягу, сиротствующаго нынѣ въ Ялтѣ. У графа Воронцова большой штатъ, но лучшій, превосходный человѣкъ князь Василій Сергѣевичъ Голицынъ *). Другихъ никого я не засталъ на Южномъ берегу: всѣ уѣхали въ Одессу съ графинею Воронцовою.

Приношу мою повинную голову вашему превосходительству, а повинную голову мечъ не сѣчетъ, говоритъ старая пословица. Справедлива ли пословица, я увижу изъ великодушнаго вашего прощенія.

*) Командиръ казачьяго полка въ 1813 году, камергеръ. Род. въ 1792 г., жилъ лѣтъ 25 заграницей, скончался въ Одессѣ въ 1856 г., женатъ былъ на двоюродной сестрѣ графа М. С. Воронцова, вдовѣ княгинѣ Е. А. Италійской (Суворовой - Рымникской), ур. Нарышкиной. П. Б.

Новость моего положенія, во всѣхъ отношеніяхъ, обязанности службы и нездоровье не сильны бы были удержать меня отъ желанія писать къ вамъ, превосходнѣйшій изъ превосходительныхъ, но меня остановила мысль обременить васъ письмомъ моимъ; я чувствовалъ, что это мое предположеніе глупо, но не могъ убѣдить себя, что ваше превосходительство не осердитесь на мою бумажную болтовню, тѣмъ болѣе что болѣзнь его сіятельства князя Александра Николаевича уменьшала свободное время ваше, а слѣдовательно и письмо мое (такъ думалъ я, глупецъ) не только не принесетъ вамъ ни малѣйшаго удовольствія, но обезпокоитъ васъ. Теперь, когда истинно рѣдкая доброта ваша проявилась такъ въ письмѣ вашего превосходительства, теперь я ясно и просто вижу, какой глупецъ я былъ съ моими страхами. Что вы необыкновенный человѣкъ, это я зналъ и (горжусь тѣмъ) высказалъ вамъ прямо въ Царскомъ Селѣ, но что вы несравненный человѣкъ—это узналъ я теперь, когда ваше превосходительство почтили меня вашимъ порученіемъ. Что̀ скажу вамъ о себѣ? Мое положеніе слишкомъ стѣснено: 1) Я совершенно одинъ въ чуждомъ краѣ; когда я явился въ Казань, то окружной почтъ-инспекторъ и губернскій почтмейстеръ получили уже письма, писанныя вице-губернаторомъ по приказанію благодѣтеля моего князя Александра Николаевича, я былъ обласканъ и радушно принятъ по этой неоцѣненной рекомендаціи. На Югѣ Россіи—я безъ этого талисмана принятъ совершенно не такъ. Еслибъ смѣлъ я безпокоить васъ, то просилъ бы замолвить словечко его сіятельству, не сдѣлаетъ ли мнѣ это благодѣяніе—приказать написать къ генералу Крупенникову и доброму губернскому почтмейстеру Аксенину; но я чувствую, что слишкомъ безпокою васъ, просить обо мнѣ его сіятельство. 2) Контора въ Ялтѣ 4-го класса; но работы, слава Богу, много: иностранцы ведутъ заграничную корреспонденцію, весною и лѣтомъ аристократическое сословіе имѣетъ также большую корреспонденцію; словомъ, Козмодемьянская контора, состоящая во 2-мъ классѣ, далеко не имѣетъ такой корреспонденціи, какъ Ялтская, состоящая въ 4-мъ классѣ. Ваше превосходительство! Вы позволили мнѣ говорить съ вами по-христіански, положа руку на сердце, какъ самъ себѣ; скажу вамъ, я только что не умираю съ голоду: жизнь дорога, жалованье за вычетомъ на пансіонъ 480 ассигн. Въ глуши Россіи можно еще кое-какъ перебиваться этимъ жалованьемъ, но въ Ялтѣ, гдѣ фунтъ говядины 26 к., фунтъ хлѣба 8 к., съ этимъ жалованьемъ только что не умрешь съ голода. У меня одна надежда: на пріѣздъ сюда его сіятельства. Нельзя вѣрить, не видя этого края; въ Россіи я надѣялся, что въ городѣ найду двухъ-трехъ учениковъ, съ которыми занимаясь въ свободное отъ службы время, буду получать въ приба-

вокъ къ жалованью, но въ Ялтѣ Татары, Греки и Евреи бѣгутъ, какъ чумы, ученія. Конечно я такъ увѣренъ въ возвышенности духа вашего превосходительства, и потому смѣлъ высказать вамъ о себѣ. Графъ Воронцовъ вообще добръ, но не любитъ чиновниковъ независимыхъ отъ него непосредственно, а это также много, очень много значитъ здѣсь. Простите, ваше превосходительство, великодушно простите мою смѣлость, забудьте о ней, но исходатайствуйте письмо отъ его сіятельства къ окружному почтъ-инспектору обо мнѣ. Я сирота въ этомъ краю: чужой моимъ сослуживцамъ по образованію, по характеру, занятіямъ, потребностямъ, по образу жизни, по образу мыслей, по взгляду на жизнь—словомъ чужой по всему, я, истинно, бѣдствую, и безъ милостиваго вниманія ангела-хранителя моего, князя Александра Николаевича, я погибну, какъ экзотическое растеніе. Если я буду такъ счастливъ, что вы простите мою смѣлость, я оживу съ весною; ваше расположеніе для меня свято: вы знаете мою простую, прямую солдатскую натуру, я только то скажу, что̀ говоритъ внутри меня, а этотъ голосъ не лживъ. Да, ваше превосходительство только невыразимая доброта сердца вашего, только гуманность ваша могли развязать мой бѣдный языкъ.

Всякій малѣйшій нервъ мой, каждое біеніе сердца полны безпредѣльною признательностію къ благодѣяніямъ князя; еслибъ я имѣлъ двадцать жизней, какъ христіанинъ говорю, всѣ, всѣ до одной отдалъ бы радостно для его здоровья и былъ бы слишкомъ много, безпредѣльно счастливъ, еслибъ могъ собою возвратить здоровье моему спасителю. Это не пустая фраза, нѣтъ—только изъ сердца полнаго благодарности можетъ вырваться подобное, а я облагодѣтельствованъ имъ вполнѣ. Часто представляется мнѣ это незабвенное для меня время, когда ваше превосходительство ввели меня къ князю; эта ласка, это вниманіе, эта доброта, благодушіе глубоко запали въ мое бѣдное, истерзанное, но благородное и доступное любви сердце. Да, ваше превосходительство, утромъ и вечеромъ молю я Всемогущаго за князя Александра Николаевича, молюсь и за васъ; вѣдь мнѣ только и осталось молиться за добро-дѣющихъ. Позвольте мнѣ повторить извиненіе мое въ длинномъ письмѣ моемъ: гдѣ говоритъ сердце, тамъ невольно заговоришь, а съ вашимъ превосходительствомъ говорю я, какъ говорю наединѣ съ самимъ собою. Я осмѣливаюсь надѣяться, что вы милостиво и великодушно простите мою смѣлость и не оставите хотя въ пяти словахъ увѣдомить, что вы не сердитесь за мою назойливость.

Поруча себя вашимъ милостямъ, я имѣю счастіе съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію быть и т. д. Павелъ князь Козловскій.

Письма А. И. Казначеева.

1.

9-го Марта 1842. Симферополь.

Съ любовію простираю вамъ дружественную руку и прошу извинить, если называю васъ не милостивымъ государемъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Юрій Никитичъ. Вѣдь милостивые государи не всегда бываютъ милостивы. На это вызвало меня письмо ваше отъ 24-го Генваря; письмо, написанное не перомъ, а пламеннымъ лучемъ, выдернутымъ изъ южнаго солнца. На Сѣверѣ, гдѣ бы его взять? Но у кого душа хранитъ залогъ высокихъ мыслей, а сердце искры возвышенныхъ чувствованій, у того южное солнышко—домашняя принадлежность.

Безпрестанные разъѣзды мои по Крыму были виною, что мнѣ доселѣ не удавалось отвѣчать на письма ваши. Я, какъ старая нянька или дядька, гощу, по возвращеніи изъ Петербурга, то тамъ, то сямъ у моего Таврическаго дитяти, котораго лелѣялъ болѣе 10-ти лѣтъ на рукахъ своихъ, и за то оно меня подъ старость лелѣетъ также съ нѣжностію. Вчера только пріѣхалъ я изъ Θеодосіи, гдѣ родственно провелъ масляницу съ Θеодосійцами, по приглашенію любимаго моего города.

Теперь буду отвѣчать по порядку на послѣднія три письма ваши отъ 24-го Генв., 4-го и 11-го Февраля. Послѣднее получено мною вчерась. Въ первомъ съ услажденіемъ читалъ я огненныя строки, такъ ярко выражающія свѣжесть души, которую годы и столичный бытъ не сильны лишить безсмертной юности. Привязанность ваша къ достойнѣйшему князю, не менѣе тронула меня: она въ столицѣ—рѣдкая драгоцѣнность и залетная райская птичка.

Благодарю васъ за сообщеніе мнѣ отрадной новости на счетъ обезпеченія священнослужителей. Мысль объ этомъ съ давняго времени занимала меня, и я всегда удивлялся, какъ по истинѣ великій Государь нашъ, осмотрѣвшій всѣ почти части государственнаго управленія и все почти переобразовавшій въ лучшее устройство, оставилъ священниковъ въ прежнемъ положеніи, въ которомъ они вынуждены собирать копѣйки и оставаться копѣишными. Между тѣмъ отъ нихъ должны изливаться въ народъ святая нравственность Христова, истина и народное образованіе. Служитель алтаря и управляющій просвѣщеніемъ обязаны шествовать совокупно отъ одного свѣтлаго источника, имѣть одну мечту—благо общее. Оно непрочно безъ любви къ Богу и ближнему, къ истинѣ и добродѣтели. Безъ сихъ божественныхъ осно-

ваній, цивилизація произведетъ лишь утонченное зло и сумѣетъ покрыть неправду завѣсою правды. Безъ внушенія ихъ въ сердце народа воспитаніе и просвѣщеніе не принесутъ здоровыхъ плодовъ—они зачервивѣютъ! Но, философія, какъ и поэзія, заведутъ насъ далеко, займутъ надолго—обратимся поскорѣе къ положительному. Домикъ баронессы Беркгеймъ не дуренъ, особенно внутри; въ немъ есть мебель и нѣкоторое убранство; но такъ называемаго комфорта вы тутъ не найдете. Комнаты маленькія, и ихъ, сколько припомнить могу, всего 4 или 5. Главное неудобство его, по мнѣнію моему, состоитъ въ томъ, что онъ находится внизу подъ горою, въ разстояніи отъ князева дома версты на полторы. Чтобы поѣхать или пойти къ князю по большой дорогѣ, надобно взойти сперва на гору пѣшкомъ. Всходъ по садовой тропинкѣ не крутъ, но въ дурную погоду для непривычныхъ можетъ показаться непріятнымъ. Мѣсто для прогулки есть, однакоже не на плоскости. Цѣна за наемъ домика (1600р.) чрезмѣрна. По моему дать можно отъ 600 до 1000 р. Впрочемъ я ожидаю возвращенія Котомина изъ Херсона и съ нимъ поѣду въ Гаспру для исполненія порученій князя; тогда, осмотрѣвши подробно и помѣщенія въ Хораисѣ, о всемъ васъ вѣрнѣе увѣдомлю: время еще у насъ впереди довольно. Имѣніе Сабурова для васъ не годится: оно отдаленно отъ Гаспры, дорого и убыточно. Дача г-жи Цейеръ также любезна, какъ сама хозяйка, но и для васъ еще менѣе пригодна, нежели Сабурова. Вы пишете, что бесѣда съ нимъ, заставила васъ призадуматься. Вѣрю этому: почтенный агрономъ Иванъ Васильевичъ богатъ теоріями; не знаю, такъ-ли онъ богатъ практикою? Что касается до *образцоваго* имѣнія барона Боде подлѣ Судака, то это имѣніе и описаніе его есть по истинѣ образцовый архи-пуфъ; хозяинъ безсовѣстный лжецъ и дерзкій хвастунъ. Впрочемъ всякій баронъ имѣетъ свою фантазію. Если изъ сего архи-пуфа выжать все, что̀ можетъ казаться правдою, тогда останется одинъ погребъ, который дѣйствительно хорошъ, да люди; прочее до того преувеличено и ложно, что превосходитъ всякаго оберъ-барона. Мнѣ бы не должно было говорить ни слова объ этомъ зломъ человѣкѣ, котораго я 9-ть лѣтъ отстаивалъ за добродѣтель его семейства и который выдумалъ и выдумываетъ на меня наглыя клеветы, Богъ знаетъ за что; но долгъ добраго человѣка требуетъ, чтобы я предостерегъ отъ гнуснаго обмана и раззоренія добрыхъ людей. За имѣніе Боде можно бы дать до 50/т. рублей тогда только, когда кто захочетъ удалиться отъ свѣта и хозяйничать лично, да столько же еще положить капитала на возстановленіе развалинъ строеній и виноградниковъ.

Продавецъ Ай-Юрія не совсѣмъ правильно говорилъ вамъ о трудностяхъ и дороговизнѣ строеній. Дорога́ ручная работа, а матеріалы всѣ почти на мѣстѣ. Кирпичъ употребляется для однихъ только печей, а для стѣнъ камни подъ рукою. Небольшое зданіе даже недорого будетъ стоить. Напротивъ, покупать застроенныя усадьбы едва-ли выгодно: порядочно воздвигать зданія недавно стали, прежде все строилось на глинѣ, а не на извести, и очень небрежно. Оттого иногда случается, что, купивши жилье, надобно его сломать, да построить новое.

Наконецъ, выслушавши дружескую вашу исповѣдь насчетъ вашего состоянія и намѣреній, дружески скажу: здѣшнія земли наши, по многоразличію произведеній, представляютъ несравненно болѣе выгодъ, нежели въ Великороссіи; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Главныя отрасли доходовъ отъ вина, шелку, табаку и плодовъ, кромѣ другихъ источниковъ, которые еще не раскрыты или мало раскрыты; но сбытъ нашимъ произведеніямъ не установленъ; но заведенія требуютъ времени, трудовъ и присмотра; но поэтическихъ соблазновъ много, напримѣръ: вы насадили садъ и виноградникъ для дохода, но у васъ есть прелестное мѣстечко, оно такъ заманчиво взываетъ къ вамъ: построй вотъ тутъ воздушный павильончикъ, вотъ тутъ насади лавры, оливы, кипарисы, гранаты, фиги, грецкія орѣшины, каштаны, камеліи, магноліи и другія южныя, или вѣчно-зеленѣющія растенія; завей меня павиликою, плющемъ, вьющимися розанами—я буду еще прекраснѣе! Какъ отказать очаровательному голосу? А это баловство сто́итъ дороже полезнаго. Дайте сбытъ нашимъ винамъ—и мы богачи. Конечно, десятина благоустроеннаго виноградника даетъ и дастъ всегда до 1000 рубл. чистаго дохода. Пудъ шелку продаемъ мы до 600 р.; десятина шелковицы даетъ отъ 3 до 4 пудовъ. Казалось бы, выгодно; но дѣло мастера боится. Всѣ мы еще ученики въ здѣшнемъ хозяйствѣ; богатые оттого, что сами не занимаются, а недостаточные отъ того, что не имѣютъ капиталовъ и не умѣютъ ихъ наживать. Хозяинъ, получая вино, долженъ имѣть особые доходы, потому что иной годъ и два вино его остается непроданнымъ. Одни плоды имѣютъ постоянный сбытъ; за то есть у насъ сады, съ которыхъ получаютъ дохода 20 т. и до 30 т., но не каждый годъ. Итакъ, если вы хотите къ намъ переселиться для здоровья и наслажденія природой, лучшаго мѣста не найдете. Если для доходовъ, будьте осторожны: для этого нуженъ особый капиталъ на покупку земли и на заведенія, да особый для того, чтобы, въ случаѣ несбыта вашихъ произведеній, не быть вамъ въ затрудненіи. Лучше всего не приступайте къ покупкѣ земли до вашего сюда прибытія. Вы на мѣстѣ осмотритесь, разочтете вѣрнѣе и купите, что̀ вамъ понравится; въ этомъ я вамъ личный помощникъ.

Имѣніе Муллы-Али за 35 т. недорого; а все-таки оно не по васъ Большія земли не такъ выгодны, какъ малыя: на обработаніе огромной дикости потребны и огромныя суммы денегъ. Перовскаго дача дороже Муллы-Али, но относительно дешевле, потому что она прилегаетъ къ почтовой дорогѣ и морскому берегу.

Дача Мещерскаго князю Александру Николаевичу нужна потому, что собственная его дача слишкомъ мала, а съ прикупкою Мещерскаго онъ будетъ имѣть берегъ моря, устроенный виноградникъ и прелестную землю съ прекрасными растеніями, и канву для украшенія своихъ владѣній.

Возвращусь къ помѣщенію вашему на южномъ берегу. Я бы думалъ не нанимать дома на годъ. На первый разъ вы можете помѣститься въ домѣ баронессы съ платою помѣсячно. Другихъ домовъ по близости съ княземъ нѣтъ. Самый ближайшій и лучшій домъ въ Гаспрѣ, князя Мещерскаго; если онъ не отмѣнилъ намѣренія ѣхать съ княгинею за границу, одинъ его домъ вы можете смѣло нанять на годъ: онъ удобенъ и прекрасенъ снаружи и внутри; погулять есть гдѣ. Если же ни баронесса, ни Мещерскій не уступятъ для васъ помѣщеній, тогда одно средство: нанять покуда домъ въ Ялтѣ. Хотя оттуда до Гаспры съ небольшимъ 10 верстъ, но почтовая станція подъ бокомъ, и часъ не ѣзды, а прогулки, можно сказать, во всякое время. Почтовыхъ лошадей позволено имѣть безъ подорожной. На своихъ еще лучше.

Литературу я очень люблю и подчасъ занимаюсь ею; такимъ образомъ, подарокъ Русской Бесѣды принесъ мнѣ великое удовольствіе, которое увеличилось на сто процентовъ дружескимъ ко мнѣ вниманіемъ вашимъ. А чтобы не остаться у васъ въ долгу, посылаю вамъ очеркъ южнаго берега, начатый Княжевичемъ и доконченный съ 21-й страницы мною, въ 1838 году. Мы на-скоро начертали его, по заказу, такъ-сказать, издателя Одесскаго Альманаха. Теперь иное перемѣнилось къ лучшему, и я замышляю составить нѣчто полнѣе. Курдюковой Сенсаціи мы давно прочли, это любезная шутка; жаль, что растянута и напечатана. Такія сочиненія должны бы оставаться въ рукописяхъ, для семейной забавы. Русская Бесѣда приноситъ много чести и сочинителямъ, и заслуженному, но не заслужившему свое паденіе книгопродавцу. Здѣсь эта Бесѣда появилась съ мѣсяцъ тому назадъ; но мнѣ пріятно имѣть ее въ своей библіотекѣ, и особенно отъ васъ. Чтобы не заговориться еще о словесности, я кончаю по неволѣ мое письмо: часъ почты наступаетъ и я боюсь опоздать. Душею и сердцемъ васъ уважающій и любящій А. Казначеевъ.

Достопочтеннѣйшему князю Александру Николаевичу прошу васъ изъявить мою къ нему чистую любовь, глубокое уваженіе и душевную преданность.

2.

20-го Іюля 1842 г. Г. Симферополь.

По почерку и по складу этого письма вы легко догадаетесь, что со мною случилось что-нибудь необыкновенное: за 200 верстъ отъ дома посѣтила меня горячка, отъ которой я пролежалъ около двухъ недѣль въ степи, между небомъ и землей. Теперь подъ своимъ кровомъ и попеченіемъ жены оживаю; но все еще слабъ, ходить много не могу и съ трудомъ пишу. Вотъ какъ все это случилось. Къ намъ пріѣхалъ знаменитый агрономъ и вообще хозяинъ Мейеръ, старинный мой другъ. Ген. Шатиловъ пригласилъ его сдѣлать агрономическіе опыты въ Керченскихъ степяхъ. Мы поѣхали гурьбою; опыты были удачны, результаты утѣшительны для Крымчадаліи, и мы уже спѣшили на южный берегъ, гдѣ я сговорился съ княземъ и княгинею Мещерской общими силами похлопотать о скорѣйшемъ устройствѣ Гаспринскаго замка, какъ вдругъ приключилась мнѣ болѣзнь. Впрочемъ, не смотря на это, я послалъ къ Котомину и Мещерскимъ просить, чтобы они увѣдомили меня, что̀ тамъ сдѣлано, что̀ надо дѣлать и чего еще недостаетъ. Времени еще довольно, а главное готово. Но вы мнѣ ни слова не пишете ни о чемъ, любезнѣйшій и почтенный мой Юрій Никитичъ. Пожалуйста напишите, каково зрѣніе патріархальнаго князя нашего? Пожалуетъ-ли къ намъ святая его сестрица? И какъ вы располагаете быть у насъ? Отъ души благодарю васъ за родныя ласки сыну моему и прошу извиненія, что такъ нескладно и коротко пишу; черезъ нѣсколько дней я надѣюсь быть опять молодцомъ и на полѣ. Южный берегъ и морскія купанья воздадутъ мнѣ прежнія силы мои сторицею! Обнимаю васъ отъ всего сердца. А. Казначеевъ.

Достойнѣйшему князю Александру Николаевичу прошу передать мое глубокое высокопочитаніе.

*

Это послѣднее письмо А. И. Казначеева уже не застало Юрія Никитича въ Петербургѣ; въ началѣ лѣта онъ направился въ Крымъ вслѣдъ за своимъ „благодатнымъ старцемъ“, полный самыхъ свѣтлыхъ надеждъ въ сообществѣ со своимъ благодѣтелемъ проводить мирную жизнь Цинцинатуса.

Надежды эти не сбылись: жестокія разочарованія ожидали неисправимаго мечтателя; ему, неустанно стремившемуся въ заоблачныя отвлеченныя сферы мистицизма и пневматологіи, надлежало испить горькую чашу острыхъ физическихъ страданій и нравственныхъ оскорбленій. Ю. Б.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА [1]).

1848-й годъ.

Какъ я уже передъ симъ говорилъ, гости изъ числа сосѣднихъ помѣщиковъ не особенно часто бывали у насъ въ Знаменскомъ, и мы сами довольно рѣдко къ нимъ ѣзжали; но нельзя сказать, чтобы мы отъ этого оставались безъ всякаго общества. Въ Тарусѣ квартировала издавна артиллерія, составъ офицеровъ коей всегда, какъ извѣстно, отличается уровнемъ образованности многимъ выше офицеровъ армейскихъ полковъ. Въ пѣшей батареѣ, расположенной тогда въ Тарусѣ, офицерами были штабсъ-капитанъ Алексѣй Васильевичъ Зимнинскій [2]), поручики Новиковъ, Еглау, Богуславскій и прапорщикъ Дмитріевъ. Батареею командовалъ капитанъ Кубаркинъ, женившійся немного позднѣе на одной бѣдной Таруской дѣвушкѣ, Вѣрѣ Матвѣевнѣ Осокиной, дочери бывшаго въ Тарусѣ, въ 30-хъ годахъ, стряпчаго. А. В. Зимнинскій былъ личностью недюжинною по природному уму, образованности, пріятности обхожденія и разговора. Онъ болѣе своихъ сослуживцевъ сдѣлался у насъ своимъ человѣкомъ. Изъ остальныхъ офицеровъ, гг. Новиковъ, Богуславскій и Еглау [3]) чаще прочихъ бывали у насъ. Съ г. Еглау меня особенно сблизило садоводство, къ коему и онъ, подобно мнѣ, питалъ страсть, практикуясь на досугѣ въ саду Калужскаго дома его отца. А съ А. В. Зимнинскимъ меня сблизило художническое настроеніе, такъ какъ онъ довольно удачно занимался акварельною живописью фигуръ, захотѣлъ познакомиться съ акварельною ландшафтною, для чего частенько хаживалъ ко мнѣ и вскорѣ пріобрѣлъ нѣкоторый по этой части навыкъ [4]). Итакъ, по милости этихъ пріят-

---

[1]) См. Русскій Архивъ 1897 года.

[2]) Въ концѣ 60-хъ годовъ, А. В. Зимнинскій былъ уже (если не ошибаюсь) генералъ-маіоромъ и чѣмъ-то командовалъ въ Москвѣ.

[3]) Отецъ его, Калужскій старожилъ, былъ тамъ нѣкогда инспекторомъ Врачебной Управы.

[4]) Ему мы обязаны единственнымъ, имѣющимся у насъ, портретомъ нашей Анночки, написаннымъ за годъ до ея кончины. Но особенно хорошо рисовалъ онъ каррикатуры съ извѣстныхъ всѣмъ намъ лицъ, группируя по нѣскольку фигуръ въ одну картину.

ныхъ вполнѣ посѣтителей, общество наше было оживлено беллетристическими и литературными преніями. Г. Богуславскій былъ въ другомъ совершенно родѣ. Чтеніемъ онъ мало занимался, но въ высшей степени обладалъ салонною болтовнею и Французскимъ жаргономъ, немного, впрочемъ, аффектированнымъ и не всегда таковымъ, какъ бываетъ въ употребленіи въ высшемъ Русскомъ обществѣ; но знаніемъ Французскаго языка онъ отличался отъ прочихъ своихъ сослуживцевъ. Не прочь былъ онъ и кутнуть, да и вообще смотрѣлъ на жизнь съ болѣе практической ея стороны, мало помышляя объ эстетичной. Онъ чаще посѣщалъ моего шурина Алексѣя Ивановича, нежели насъ, и ухаживаніе его за Марьей Сергѣевной объяснилось годъ спустя тѣмъ, что, заручившись добрымъ ея расположеніемъ и, быть можетъ, рекомендаціею, отправился онъ въ Орелъ (въ отпускъ, или по переводу въ другую батарею, не упомню), познакомился тамъ съ Сергѣемъ Васильевичемъ Цуриковымъ и, присватавшись за одну изъ двухъ младшихъ его дочерей, Надежду Сергѣевну, успѣлъ по видимому плѣнить ея сердце и вскорѣ женился, но не замедлилъ за тѣмъ прокутить ограниченное ея приданое и, не имѣя средствъ къ дальнѣйшему существованію, отправился на службу на Кавказъ.

Радостный для насъ всегда день рожденія нашей дочери, 24 Февраля, былъ ознаменованъ въ этомъ году прискорбнымъ по нашему хозяйству событіемъ. Едва началась обѣдня въ нашей церкви, какъ услышались звуки зловѣщаго набата. Оказалось, что загорѣлась отъ неосторожности истопника рига, стоявшая по ту сторону отъ церкви оврага. Выбѣжавъ изъ церкви, я поспѣшилъ съ собравшимся народомъ къ мѣсту пожара; но отстоять ригу было уже невозможно, да и на бѣду поднялась сильная, снѣжная вьюга, и вѣтеръ дулъ на Сѣверъ, прямо почти на деревню, такъ что не прошло много времени, какъ отъ перелетѣвшей черезъ оврагъ огневой галки загорѣлся нашъ скотный дворъ, бывшій насупротивъ почти церкви, каковая уцѣлѣла только, быть можетъ, потому, что ее окружали гигантскія ветлы. Мы старались выгнать скотину изъ объятаго пламенемъ двора; но скотина, какъ извѣстно, въ подобныхъ случаяхъ упорно пятится назадъ. Впрочемъ, убыль наша ограничилась тремя или четырьмя сгорѣвшими коровами, всѣми овцами и конечно всѣмъ строеніемъ. Къ счастію, вѣтеръ пріутихъ немного, такъ что мы могли по крайней мѣрѣ отстоять деревню, начинавшуюся отъ нашего скотнаго двора *).

---

*) Послѣ этого пожара я выстроилъ скотный дворъ по ту сторону оврага, неподалеку отъ нашего господскаго дома, насупротивъ огорода. Этотъ скотный дворъ существовалъ до 1868 года и былъ вскорѣ послѣ весь разобранъ, уже безъ меня.

Между тѣмъ какъ жизнь наша мирно и однообразно текла въ Знаменскомъ, вся почти Европа, исключая Россіи, приходила въ волненіе. Февральская революція поразила всѣхъ своею неожиданностью, послѣдствіемъ коей было, какъ извѣстно, бѣгство старика-короля Лудовика-Филиппа, казавшагося дотолѣ крѣпко осѣвшимъ на Французскомъ престолѣ. Временное правительство составилось тогда изъ поэта Ламартина, генерала Кавеньяка (Алжирская знаменитость), соціалиста Ледрю-Роллена, адвоката Одильона-Барò, адвоката Еврея Кремьё и соціалиста-винопродавца Коссидьера. Про этихъ импровизованныхъ государственныхъ мужей ходила по рукамъ слѣдующая характеристика: «Ламартинъ все тянетъ джинъ, Кавеньякъ пьетъ коньякъ, Ледрю-Ролленъ пьетъ Шамбертёнъ, а Баро все пьетъ Бордо. Объ остальныхъ не припомню, но о Кремьё можно было бы добавить, что онъ, пожалуй, попиваетъ креманъ-муссё (crémant-mousseux, одна изъ модныхъ тогда Шампанскихъ фирмъ). Если къ этой характеристикѣ не подходилъ на Русскомъ языкѣ соціалистъ Коссидіеръ, за то онъ получилъ Французское прозвище «cousu d'or» (обшитъ золотомъ). Извѣстно, что вдовствующая герцогиня Орлеанская попыталась было тогда возвести на престолъ малолѣтняго своего сына, графа Парижскаго, подъ ея регентствомъ, съ каковою цѣлью она явилась съ своимъ отрокомъ въ залу Національнаго Собранія, и извѣстенъ также глубокомысленный на это отвѣтъ Ламартина: «Madame, il est trop tard» *). Когда Парижскій политическій пожаръ распространился по большей части Германіи, тогдашній Прусскій король, въ порывѣ необузданнаго либерализма и подъ вліяніемъ лишнихъ, быть-можетъ, винныхъ паровъ (къ чему онъ былъ, какъ говорили, склоненъ) заявилъ, будто бы, собравшейся предъ дворцовымъ балкономъ Берлинской публикѣ (какъ мнѣ о томъ разсказывали), что онъ даетъ обѣщаніе возстановить Польшу. Говорили также, что государь Николай Павловичъ, узнавъ объ этой чудовищной выходкѣ своего шурина, сказалъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: «Ну, милая моя, нашъ Фрицъ окончательно спятилъ съума». Немного позднѣе вспыхнулъ мятежъ въ Неаполѣ, и король Фер-

---

*) „Государыня, теперь уже слишкомъ поздно". Странно весьма, что противуположные въ политикѣ принципы и дѣйствія ведутъ иногда къ одинаковому результату. Карлъ X палъ потому, что нарушилъ конституцію, а Людовикъ-Филиппъ палъ за строгое исполненіе законовъ конституціи, на каковомъ основаніи онъ не воспротивился банкетамъ, организованнымъ въ чудовищныхъ размѣрахъ оппозиціей, во главѣ коей былъ ораторъ-адвокатъ Одильонъ-Барò. Но даже, не взирая на эти банкеты, если бы престарѣлый король послушался настойчивыхъ совѣтовъ маршала Бюжò ввести въ Парижъ значительную воинскую силу, съ помощью коей маршалъ обѣщался подавить въ одинъ или два дня возмущеніе то остался бы на престолѣ.

динандъ, отстаивая свои права, приказывалъ стрѣлять въ мятежныя толпы лаззароніевъ картечью, за что прозванъ былъ въ Италіи «il rè bombarditore» (король-бомбардировщикъ). Умы даже и неэкзалтированныхъ людей были въ то время въ такомъ настроеніи, что они клеймили названіемъ варварскаго злодѣйства мѣры, предпринятыя Неаполитанскимъ королемъ для обузданія революціи, и тѣмъ оспаривали его автономію. По случаю Парижской Февральской революціи, между Петербургскими Французами случилось слѣдующее забавное происшествіе. Нѣсколько куафёровъ, или подобнаго промышленнаго имъ люда, собрались весело отобѣдать въ одномъ ресторанѣ, при чемъ провозглашали тосты за новую республику, при пѣніи извѣстной «Marseilèse» или тому подобныхъ революціонныхъ гимновъ; въ тотъ же вечеръ они призваны были въ III-е Отдѣленіе и затѣмъ были посажены на готовыхъ уже тройкахъ, въ сопровожденіи жандармовъ, вывезены изъ предѣловъ Россіи и тамъ выпущены на всѣ четыре стороны. Тутъ Французы наши попросили жандармскаго офицера заявить отъ ихъ имени князю А. Ѳ. Орлову (тогдашнему шефу жандармовъ) глубочайшую ихъ благодарность за ихъ высылку изъ Петербурга, потому-де, что у нихъ было столько тамъ долговъ, что имъ не миновало бы попасть въ долговое отдѣленіе тюремнаго за̀мка, предвидя что, они намѣренно составили публичную революціонную демонстрацію, чтобы быть высланными безъ всякихъ предварительныхъ формальностей за границу, да еще и на казенный счетъ.

Весна этого года была такая ранняя, какой я никогда не видывалъ. Въ Лазареву Субботу, бывшую тогда 30 Марта, я собиралъ съ Анетиною на лугахъ и въ лѣсу весенніе цвѣты, показывавшіеся обыкновенно не прежде, какъ во второй половинѣ Апрѣля; а къ концу Апрѣля всѣ деревья, помнится мнѣ, уже одѣлись густою зеленью, какъ бы въ концѣ Мая *). Но это было несвоевременно; Майскіе морозы (около Николина дня) скрутили эту лѣтнюю роскошь, и только въ концѣ Мая деревья дали вторые листья.

Въ первый разъ встрѣтилъ я тогда свѣтлый праздникъ Пасхи въ деревнѣ, въ своемъ семейномъ кружкѣ. Службу на Страстной недѣлѣ совершалъ въ нашей Знаменской церкви отецъ Ѳеодоръ Егоровичъ Брилліантовъ, одинъ изъ трехъ священниковъ Таруского Петропавлов-

*) Покойная теща моя разсказывала мнѣ о другомъ, еще болѣе удивительномъ, климатическомъ феноменѣ, бывшемъ въ 20-хъ (кажется) годахъ. Она посѣяла горохъ на грядкахъ въ огородѣ 17-го или 18 Марта, и онъ выросъ и созрѣлъ, такъ какъ морозныхъ утренниковъ не было ни въ Апрѣлѣ, ни въ началѣ Мая.

скаго собора [1]). Анетина наша была очень усердна къ церкви и на Страстной недѣлѣ всегда, бывало, прибѣжитъ съ нянею къ ходу съ плащаницею вокругъ церкви, во время заутрени въ Великую Субботу, хотя это происходило почти что на разсвѣтѣ, и съ того времени понынѣ, гдѣ ни присутствовалъ бы я при этомъ трогательномъ церковномъ торжествѣ, милый ея образъ живо мерещится въ моихъ глазахъ.

Въ Маѣ я ѣздилъ на самое короткое время въ Москву, взявъ съ собою Одесскаго Итальянца Андрея Францовича Синьорини, отошедшаго предъ тѣмъ отъ моего шурина Нарышкина, при дѣтяхъ коего Синьорини былъ дядькою. Въ Москву я его взялъ для опредѣленія куда-нибудь прикащикомъ или бухгалтеромъ, такъ какъ онъ, кромѣ знанія Русскаго, Французскаго и Итальянскаго языковъ, владѣлъ калиграфическимъ почеркомъ, и въ добавокъ былъ трудолюбивъ и честнѣйшей нравственности. На первое время Радзиковскій помѣстилъ его конторщикомъ къ Французскому кондитеру Жилю, а впослѣдствіи онъ перешелъ тѣмъ же въ красильное заведеніе Сатіаса-Руссель, на Софійкѣ; позднѣе онъ открылъ на той же улицѣ свое красильное и по нынѣ существующее заведеніе. Давнѣйшій мой пріятель, Петръ Петровичъ Пикколи закрылъ тогда свою гастрономическую торговлю, столь долго помѣщавшуюся на углу Софійки и Лубянской площади, намѣреваясь провести остатокъ своихъ дней на родинѣ, въ Вальтеллинѣ (Итальянскій кантонъ Швейцаріи), гдѣ онъ не бывалъ уже 30 лѣтъ. Онъ выправилъ уже для этого заграничный паспортъ, какъ вдругъ заболѣлъ разстройствомъ мочеваго пузыря, слегъ въ больницу и тамъ померъ. Отличный былъ онъ человѣкъ, честный и услужливый, но черезъ-чуръ довѣрчивый, отчего и потерпѣлъ денежный ущербъ [2]).

---

[1]) Это тотъ самый о. Ѳеодоръ, съ которымъ такъ комично то ссорился, то мирился, при подчиваніи поджареными грибами, старый Французъ де-Варимонъ, умершій въ Знаменскомъ въ 1833-мъ году.

[2]) Добрѣйшій П. П. Пикколи былъ давно вдовецъ и оставилъ малолѣтняго единственнаго сына Александра, коего онъ было опредѣлилъ въ эстампный магазинъ Даціаро, въ Москвѣ; но мальчикъ былъ слабаго сложенія и умеръ рано. При магазинѣ П. П. Пикколи было нѣчто въ родѣ ресторана, гдѣ встрѣчалъ я часто гремѣвшаго въ первой четверти нынѣшняго столѣтія своимъ милліоннымъ состояніемъ Ивана Петровича Кожевникова, имѣвшаго когда-то честь (если не ошибаюсь) принять императора Александра Павловича на своей подмосковной суконной фабрикѣ, при селѣ Свирловѣ. Бывшій милліонерный негоціантъ находился въ 40-хъ годахъ почти что въ крайней бѣдности и для существованія бросился было въ адвокатуру, но и это, повидимому, ему не повезло. Человѣкъ былъ онъ добрѣйшій и съ хозяиномъ сказаннаго заведенія былъ на ты.

Кстати помѣщу, что П. П. Пикколи разсказывалъ мнѣ, что одно время, на проти

Въ Іюнѣ 1848-го года холера появилась, сначала въ Серпуховѣ, а затѣмъ въ нашемъ Тарусскомъ уѣздѣ. Почтенный, хотя не старый еще годами Тарусскій соборный священникъ, Михаилъ Ивановичъ Февралевъ, бывшій у насъ въ домѣ своимъ человѣкомъ и законоучителемъ нашей дочери, посовѣтовалъ всѣмъ намъ прибѣгнуть къ таинствамъ покаянія и святаго причащенія, для испрошенія отъ Всевышняго милостиваго избавленія отъ этой эпидеміи, при чемъ о. Михаилъ предложилъ также намъ отговѣть не въ нашей Знаменской церкви (потому, вѣроятно, что у насъ на деревнѣ уже были тогда холерные случаи), а въ сосѣдней Ильинской церкви, въ имѣніи князя Александра Михайловича Хилкова. Все наше семейство съ тещею (за исключеніемъ, конечно, нашего Мити) послушалось благаго наставленія о. Михаила, даннаго намъ въ Петровъ постъ, и весь этотъ день, въ который мы сподобились пріобщиться Святымъ Христовымъ тайнамъ, начатый въ столь духовно-утѣшительномъ семейномъ объединеніи, и нами проведенный до самаго вечера у гостепріимнаго и многолѣтняго общаго намъ друга, остался неизгладимымъ въ моей памяти. Князь А. М. Хилковъ, только что вернувшійся передъ тѣмъ изъ путешествія къ святымъ мѣстамъ (каковое путешествіе онъ впослѣдствіи повторилъ) имѣлъ много кое-чего интереснаго разсказывать о своемъ тамъ пребываніи.

Я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ о томъ, какъ я струсилъ, когда въ предыдущую осень появилась холера въ Москвѣ. Изъ этого казалось бы, что и не такое нервное разстройство овладѣетъ мною, когда страшная эта гостья посѣтила нашъ околодокъ. Но, Божіею милостію, вышло совершенно противное. Когда первые случаи этой болѣзни начались прорываться у насъ на деревнѣ, а вслѣдъ за тѣмъ и у нашей дворнѣ, то я, помолившись Богу сообразилъ, что если самъ хозяинъ дома покажетъ примѣръ трусости, то заболѣвающіе останутся безъ надлежащаго призора, и обязательное чувство долга взяло на столько верхъ надъ прежнимъ моимъ слабодушіемъ, что я сдѣлался помощникомъ О. А. Тридона, неусыпно предавшагося лѣченію нашихъ больныхъ. Средства имъ употребляемыя были Иноземцовскія капли, мятный чай, горчишники съ фрикціями (иногда крапивою) при появленіи судорогъ, и въ большинствѣ случаевъ, средства эти были достаточны для свѣжихъ и неиспорченныхъ медикаментами крестьянскихъ

вуположномъ ему углу Софійки и Лубянской площади открылъ было писче-бумажный магазинъ нѣкій Французъ, по фамиліи „Petit-pierre“: сближеніе фамильныхъ именъ довольно куріозное, такъ какъ Пикколи значитъ по-итальянски *маленькій* (petit), а его собственное имя Петръ, по-французски Pierre, обозначаетъ также камень, что̀ и выходило тождественно съ именемъ сказаннаго Француза Petit-pierre“, т.-е. маленькій камень.

натуръ. Удавалось иногда Тридону прекращать рвоту ледяниными осколками, въ родѣ пилюль, глатаемыми всякія 2—3 минуты, а иногда, даже и содовыми порошками. По его наставленію я хаживалъ по крестьянскимъ избамъ, наблюдая за точнымъ исполненіемъ его распоряженій, не всегда охотно выполняемыхъ крестьянами по ихъ недовѣрію вообще къ медицинскимъ пособіямъ, и эти мои посѣщенія не только уже не нарушали моего душевнаго спокойствія, но меня не встревожило и то даже, когда въ людскомъ флигелѣ, рядомъ съ моей комнатой, заболѣла холерою жившая тамъ дворовая наша женщина Марія Васильевна [1]), которая впрочемъ вскорѣ оправилась. (Я перешелъ тогда въ этотъ флигель, потому что уступилъ тещѣ моей мои двѣ комнаты въ большомъ домѣ, такъ какъ неудобно было ей по ея лѣтамъ таскаться по нѣскольку разъ въ день черезъ дворъ изъ флигеля въ большой домъ). У насъ всего (помнится мнѣ) померло 7 или 8 человѣкъ обоего пола; но не всѣ отъ чистой холеры, а иные тифомъ, бывшимъ послѣдствіемъ холеры. Отъ тифа довольно удачно лѣчилъ Тридонъ ледяными компресами на весь животъ. Не удалось однакоже бѣдному нашему Французу вылѣчить своего стараго друга и мистификатора Николая Адріяновича Жихарева, заболѣвшаго холерою вслѣдствіе (какъ говорили) того, что онъ поѣлъ нѣсколько, но весьма немного, клубничныхъ ягодъ. При первомъ призывѣ, Тридонъ поскакалъ въ с. Безобразово, но всѣ испробованныя имъ средства оказались тщетными. Умирающаго старика не покидалъ обычный его юморъ, и, увидавъ Тридона, онъ сказалъ ему: «что̀ братецъ, видно я попался»

Въ это самое лѣто (1848-го года) Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Алексѣя Григорьевича Щербатова замѣстилъ графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, бывшій около 18 лѣтъ въ отставкѣ [2]). Одною изъ первыхъ его мѣръ на новомъ мѣстѣ служеніе

[1]) Эта та самая усердная ключница, что, живши у меня въ Москвѣ съ 1841 по 1844 годъ, ходила молиться къ Иверской Божіей Матери, дабы не ошибиться при одной покупкѣ, ей женою моей порученной. Она померла у насъ въ 1859-мъ году и съ нею прекратился рядъ надежныхъ господскихъ ключницъ стараго покроя. Преемницы таковыхъ нашего времени совсѣмъ уже не тѣмъ смотрятъ: не то, винцомъ зашибаются, не то не совсѣмъ чисты на руку.

[2]) Замѣчательно отчасти, что графъ Закревскій, вышедшій изъ службы (какъ помнится мнѣ) по высочайшему неодобренію предпринятыхъ имъ мѣръ противъ первой холеры въ 1830 году (въ бытность его тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ) поступилъ снова на службу по случаю вторичнаго появленія этой эпидеміи, или, по крайней мѣрѣ во время ея свирѣпствованія въ 1848 году. Былъ, кажется, слухъ, что графъ Закревскій, повинуясь желанію государя Николая Павловича войти снова на службу, пытался будто-

было потребовать списокъ всѣхъ числящихся по генералъ-губернаторской канцеляріи чиновниковъ, и всѣ тѣ изъ нихъ (если не ошибаюсь), которые подобно мнѣ не находились тогда на лицо въ Москвѣ, были отставлены отъ службы безъ прошенія, въ томъ числѣ и я.

Мѣру эту не могу не назвать крутою и отчасти несправедливою. Во времена князя Д. В. Голицына и его преемника князя Щербатова насъ было нѣсколько человѣкъ при генер.-губернаторской канцеляріи, но безъ всякаго оклада; на службу мы не хаживали и проживали даже внѣ Москвы безъ отпуска или спроса (по крайней мѣрѣ, я дѣлалъ такъ), и все это терпѣлось. Понятно, что когда эпидемія начала свирѣпствовать въ Москвѣ, я самовольно переселился совершенно въ Знаменское, а передъ этимъ отлучался также безъ спроса къ себѣ въ Порзни. Правосуднѣе, мнѣ кажется, было бы графу Закревскому первоначально вызвать всѣхъ отсутствующихъ чиновниковъ и предложить имъ служить впредъ дѣйствительно, или честно выходить въ отставку. Я выбралъ бы послѣднее и не подвергся бы впослѣдствіи различнымъ затрудненіямъ, коими обставлено было мое поступленіе вновь на службу въ Рязани въ 1853 году *).

Въ первые годы самовластнаго управленія графа Закревскаго нашимъ первопрестольнымъ графомъ (каковое продолжалось отъ 1848 по 1859 годъ, но въ болѣе смягченномъ видѣ въ послѣдніе годы этого періода), по рукамъ ходила рукописная ода тогдашней нашей даровитой поэтессы, графини Ростопчиной, по поводу террора этой эры, изъ каковой оды помню стихи:

Мы люди смирные, не строимъ баррикадъ,
И вѣрноподданно гніемъ въ своемъ болотѣ.

бы выговорить себѣ двѣ кондиціи: первая, чтобы возвращено было ему право снова надѣть генералъ-адъютантскій мундиръ съ вензелемъ покойнаго императора Александра на эполетахъ, вторая, чтобы не запускать ему усовъ. На послѣднее желаніе Государь согласился, но касательно перваго сказалъ, что невозможно уже ему назначить заново графа Закревскаго генералъ-адъютантомъ къ особѣ умершаго императора. Поговаривали что, графу Закревскому даны были обширныя, самовластныя по управленію, права, и что онъ будто-бы имѣлъ въ своемъ распоряженіи заранѣе подписанныя государемъ бланки, каковыя онъ пополнялъ по своему усмотрѣнію.

*) А быть можетъ, я и грѣшу на графа Закревскаго тѣмъ, что въ дѣйствительности вызывались въ свое время всѣ числящіяся при его канцеляріи чиновники, но что мнѣ о томъ не дано было знать, именно потому, что въ канцеляріи неизвѣстно было мое мѣстожительство.

Такъ какъ суть настоящей части моего разсказа относится къ Знаменской моей жизни, то не мѣшаетъ познакомить читателя съ тѣми изъ Тарусскихъ помѣщиковъ, о которыхъ ничего по сю пору еще не говорилось. Изъ крупныхъ нашихъ сосѣдей были семейства Миллеровъ, молодая чета Поливановыхъ, Христіановичи, Шабишевы и Щербачевы. Чаще чѣмъ съ прочими мы видались съ Миллерами и Поливановыми, не говоря о теткѣ моей жены, Авдотьѣ Ивановнѣ Нарышкиной, о Веселовскихъ и о Настасіи Алексѣевнѣ Макавѣевой, о коихъ было уже (помнится мнѣ) пространно говорено, но съ коими мы еще повстрѣчаемся въ теченіе моего разсказа. Өедоръ Ивановичъ Миллеръ, бывшій однимъ изъ Московскихъ полицеймейстеровъ въ 30-хъ годахъ, былъ переименованъ въ 1840 (кажется) году изъ полковниковъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ причисленіемъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Его посылали ревизовать Псковскую губернію, но въ губернаторы онъ не попалъ и немного позднѣе вышелъ въ отставку. Жена его, Татьяна Львовна, была по себѣ Толстая, а въ 1848 году старшая ихъ дочь, Аделаида Өедоровна была замужемъ за г. Быковымъ, тогда прокуроромъ (если не ошибаюсь) въ Калугѣ; второй ихъ дочери Екатеринѣ Өедоровнѣ, было тогда 17 или 18 лѣтъ [1]). Старшій ихъ сынъ Левъ Өедоровичъ служилъ тогда въ конной гвардіи и недавно передъ тѣмъ женился на Бахметьевой [2]), а второй сынъ, Владиміръ Өедоровичъ, служилъ тогда въ канцеляріи Московскаго гражданскаго губернатора. Съ выходомъ въ отставку Өедоръ Ивановичъ Миллеръ поселился окончательно съ семействомъ Тарусскаго уѣзда, въ сельцѣ Сивцовѣ [3]). Сосѣдъ подобный Өедору Ивановичу былъ истинный кладъ для провинціальнаго нашего общества. Общительнаго и всегда веселаго нрава, великій анекдотистъ (хотя съ прорывавшимся Нѣмецкимъ акцентомъ), безцеремонный и у себя радушный хозяинъ дома, онъ то и дѣло разъѣзжалъ по гостямъ на бѣговыхъ дрожкахъ, а зимою въ одиночныхъ саняхъ, самъ правя лошадью. Посѣщеніямъ его всѣ были рады, потому что ненакладный и неприхотливый былъ

---

[1]) Она вышла замужъ за барона Розена.

[2]) Позднѣе она развелась съ мужемъ и вышла за извѣстнаго поэта, графа Алексѣя Константиновича Толстого.

[3]) Татьяна Львовна Миллеръ купила это имѣніе у княгини Вадбольской, матери Маріи Петровны Домашневой. Она имѣла также довольно значительное имѣніе въ Скопинскомъ уѣздѣ (Рязанской губ.), называвшееся (кажется) село Курбатово, давно купленное ею у своей родственницы, Елены Петровны Толстой (матери графини Александры Сергѣевны Паниной), о которой не разъ упоминалось въ 1-ой части этихъ Записокъ, какъ объ истинномъ другѣ моей матери до переселенія въ Италію нашего семейства.

онъ гость; ѣдалъ все что̀ бы ни попадало, безъ разбору, и здорово ѣдалъ: любо было смотрѣть на всегдашній его аппетитъ. Былъ онъ большой словоохотникъ, приправлявшій нескончаемые разсказы изъ служебнаго своего быта словами «а потомъ», это̀ выходило у него «аптомъ». Случалось впрочемъ съ нимъ общее всѣмъ говорунамъ, что по забывчивости онъ повторялъ свои анекдоты передъ прежними же слушателями, и если кто нибудь изъ болѣе нетерпѣливыхъ изъ нихъ забѣгалъ впередъ, зная къ чему клонится развязка разсказа, то Ѳедоръ Ивановичъ бывало скажетъ «объ этомъ, послѣ», и примется снова за свой анекдотъ на томъ пунктѣ, гдѣ его прервали. Изъ числа болѣе или менѣе интересныхъ его разсказовъ помню слѣдующій. На другой день послѣ извѣстнаго Петербургскаго наводненія 7 Ноября 1824 года, Ѳедоръ Ивановичъ, командовавшій тогда гвардейскимъ жандармскимъ эскадрономъ, зайдя утромъ на квартиру одного изъ офицеровъ этого эскадрона, предложилъ ему пройтись съ нимъ по улицамъ. Повсюду усматривая слѣды свѣжаго опустошенія, Ѳедоръ Ивановичъ покачивалъ головою и выражалъ сожалѣніе по поводу всего видѣннаго имъ во время этой прогулки, тогда какъ спутникъ его оставался, казалось, спокойнымъ и все молчалъ; наконецъ, когда восклицанія Ѳедора Ивановича повторялись всё сильнѣе и сильнѣе, офицеръ не вытерпѣлъ. «Скажите, пожалуста, полковникъ», началъ онъ, «что̀ за причина вашему удивленію, и отъ чего въ самомъ дѣлѣ повсюду усматривается какое-то необыкновенное въ улицахъ неустройство?» Ѳедоръ Ивановичъ вытаращилъ глаза и спросилъ у офицера, ужели онъ ничего не знаетъ о случившемся наканунѣ?—«Ровно ничего», былъ отвѣтъ: «не выходилъ я изъ дому весь день и занимался своею обычною живописью до самыхъ сумерокъ» (онъ писалъ миніатурой на слоновой кости), а когда зажгли свѣчи, я пообѣдалъ и рано легъ спать». Тутъ разразился Ѳедоръ Ивановичъ гомерическимъ хохотомъ и повелъ своего товарища прямо къ своей женѣ. «Вотъ привелъ я къ тебѣ, Темирочка (такъ называлъ онъ до конца 70 лѣтнюю подругу своей жизни) «живой курьезъ: вообрази себѣ, что онъ одинъ изо всего Петербурга не подозрѣвалъ по сю пору о вчерашнемъ бѣдственномъ наводненіи». Не безынтересно также было, какъ онъ описывалъ пребываніе въ Москвѣ (въ 30-хъ годахъ) знаменитаго естествоиспытателя Гумбольдта. Когда кн. Д. В. Голицынъ угощалъ ученаго своего гостя смотромъ всей городской пожарной команды, Гумбольдтъ пустился, къ удивленію слушателей, въ такія научныя и практическія подробности и разсужденія о Европейскомъ вообще, и въ частности о Россійскомъ коннозаводствѣ, что любой профессоръ по ветеринарной части или опытнѣйшій изъ коннозаводчиковъ или ремонтёровъ раскрыли бы рты.

Постараюсь также передать его словами одну характеристическую сцену изъ домашняго быта сосѣдей нашихъ Веселовскихъ, виновникомъ коей отчасти былъ Ѳедоръ Ивановичъ. Я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ, что хромая и полуслѣпая прислуга у Веселовскихъ была, благодаря абсолютному въ домѣ хозяйственному контролю «ма-сёръ Юдоксъ» (Авдотьи Ивановны), намуштрована въ такомъ неотступномъ ни въ какихъ случаяхъ порядкѣ, что позавидовать бы этому могъ иной полковой командиръ; затѣмъ, надо также предварительно сказать, что крѣпко сложенный Ѳедоръ Ивановичъ имѣлъ привычку выпивать по рюмкѣ очищеннаго простого вина, какъ только онъ появлялся куда нибудь въ гости, и вторично передъ обѣдомъ, какъ водится. Всѣ это знали и всѣ спѣшили всегда удовлетворять этой его привычкѣ; но вещь столь простая выходила изъ принятаго въ домѣ Веселовскихъ порядка. Однажды Ѳедоръ Ивановичъ, пріѣхавъ ранѣе, быть можетъ, обыкновенно въ Салтыково (такъ звалось имѣніе Веселовскихъ), сильно почувствовалъ желаніе пропустить черезъ горло рюмочку очищеннаго; но совѣстно какъ-то ему было попросить о томъ хозяевъ дома, и только въ разговорѣ съ находившимся тамъ Тарускимъ городскимъ врачемъ, Сергѣемъ Емельяновичемъ Александровскимъ, онъ проронилъ о томъ словечко. Услужливый медикъ, пользовавшійся тогда особеннымъ значеніемъ и даже вѣсомъ у Веселовскихъ и бывшій у нихъ домашнимъ, взялся устроить это дѣло, но только окольнымъ путемъ, для чего онъ повелъ Ѳедора Ивановича въ особый, пустой аппартаментъ, двери коего раскрывались только во время большого пріѣзда гостей, и самъ пошелъ приказать отъ себя буфетчику подать туда водки. Явился офиціантъ, держа въ обѣихъ рукахъ большой подносъ съ графинчикомъ очищеннаго; но такъ какъ не было чѣмъ закусить, то Ѳедоръ Ивановичъ попросилъ его принести хоть ломтикъ ржанаго хлѣба съ солью. Уже это одно озадачило оффиціанта, и онъ остановился, недоумѣвая, куда ему дѣвать подносъ. Ѳедоръ Ивановичъ указалъ ему на столъ, куда ему поставить подносъ, пока сходитъ за закуской, и увѣрилъ его, что все будетъ сохранно до его возвращенія. Оффиціантъ вышелъ и явился съ ломтемъ ржанаго хлѣба; но едва Ѳедоръ Ивановичъ пропустилъ чарку очищеннаго, какъ появился въ привилегированную амфиладу комнатъ мелкопомѣстный сосѣдъ П......ъ, и чуя бахусную приманку (къ коей былъ онъ немного склоненъ) протянулъ было уже руку къ графинчику; но трессированный хамка ловкимъ боковымъ движеніемъ подвернулся съ подносомъ изъ подъ протянутой руки П—а, алкавшаго подкрѣпительнаго зелья, сдѣлалъ пируетъ на каблукѣ и, удаляясь, бросилъ черезъ плечо, въ утѣшеніе бѣдняку, слова: «черезъ четверть часа подадутъ кушать», то есть, что тогда

подадутъ всѣмъ водку. Упомянувъ въ прежнемъ мѣстѣ о трехъ старицахъ-весталкахъ Веселовскихъ, кажется, что я не досказалъ, что въ продолженіе 30 или болѣе лѣтъ нѣкоторую роль между ними игралъ нашъ Осипъ Августиновичъ, коего онѣ звали «монъ ами Тридонъ. Анна Ильинишна (средняя изъ нихъ) однажды сказала мнѣ: «Мы вотъ какъ Тридона любимъ и балуемъ, что зимою топимъ его комнату, когда онъ у насъ ночуетъ». Но не о нихъ идетъ настоящая наша рѣчь.

Неутомимъ по хозяйству былъ Ѳ. И. Миллеръ. Лѣтомъ вставалъ онъ чуть-ли не съ разсвѣтомъ и отправлялся на полевыя работы; придетъ домой въ 9-мъ часу, закуситъ чѣмъ нибудь или похлебаетъ молочка, и опять въ поле. Для гостей столъ у него былъ всегда хорошъ и сервированъ, не такъ какъ у Веселовскихъ, а съ нѣкоторою даже изящностію; но для самого себя онъ былъ скупенекъ и самъ намъ разсказывалъ, что когда все его семейство было въ отлучкѣ изъ Сивцева, кухонная плита не затоплялась для него одного, а довольствовался молокомъ съ хлѣбомъ, тюрею и толокномъ. Хорошій былъ онъ семьянинъ и предупредительный до конца и почти что нѣжный супругъ, хотя Темирочка была значительно старше его, и утѣшительно поистинѣ было зрѣлище дружбы, связывавшее все семейство: дѣти съ родителями были на *ты*, фамиліярность почти что не слыханная въ провинціальномъ семейномъ быту. Въ 1848 и 1849 году Ѳедору Ивановичу давно уже стукнуло 60 лѣтъ, но въ привычкахъ своихъ и въ поступи и во всей вообще его дѣятельности онъ еще былъ весьма юнъ *).

Значительное довольно состояніе имѣла также въ Тарускомъ уѣздѣ Екатерина Никитишна Шабишева. Она долго жила въ Петербургѣ (гдѣ имѣла свой домъ на Большой Садовой), и дѣти ея были съ хорошимъ образованіемъ, но всѣ почти кончили какъ-то неудачно свою каріеру, и послѣдній, нынѣ въ живыхъ, изъ четырехъ бывшихъ братьевъ разстроилъ свое состояніе. Изъ четырехъ (кажется) дочерей одна была не замужемъ, двѣ умерли въ умопомѣшательствѣ, а меньшая (г-жа Никитина) разъѣхалась съ мужемъ. Фамиліи двухъ замужнихъ были Суворова и Дворжакъ; мужъ послѣдней изъ нихъ былъ

*) Во время ополченія по случаю Крымской войны 1854—1856 годовъ, мѣстное дворянство избрало его начальникомъ Таруской дружины, и по распущеніи ополченія онъ сохранилъ въ отставкѣ чинъ генералъ-маіора (тогда какъ, до ополченія онъ вышелъ въ отставку д. ст. совѣтникомъ) — отличіе весьма льстившее ему. Онъ померъ въ Ярославлѣ, или въ какомъ-то другомъ мѣстѣ, къ Сѣверу отъ Москвы, между 1863 и 1866 годами, но похороненъ въ Тарускомъ уѣздѣ, въ селѣ Вознесенскомъ. Татьяна Львовна пережила мужа нѣсколькими годами.

(кажется) придворнымъ медикомъ въ Петербургѣ. Старшій изъ сыновей, Сергѣй Николаевичъ, служилъ первоначально въ армейской кавалеріи, потомъ долго скитался по Бессарабіи, и вернувшись къ матери (въ село Трубецкое, въ Тарускомъ уѣздѣ) съ разстроеннымъ совершенно здоровьемъ, женился на ея крѣпостной горничной (изъ коей однакоже вышла хорошая жена и мать) и вскорѣ затѣмъ померъ, оставивъ малолѣтняго сына.

Перерву на короткое время перечень Тарусскихъ помѣщиковъ, для описанія одного аматёрскаго спектакля, устроеннаго тогда семействами Миллеровъ и Шабишевыхъ.

Въ концѣ Іюля, или въ началѣ Августа 1848 года, когда прекратилась холера въ Тарусѣ и ея уѣздѣ, молодые Миллеры и Шабишевы затѣяли устроить въ городѣ спектакль, въ пользу пострадавшихъ отъ недавней эпидеміи семействъ. Изъ этихъ аматёровъ сценическимъ талантомъ особенно отличались Екатерина Ѳедоровна Миллеръ, братъ ея Владиміръ Ѳедоровичъ и Надежда Николаевна Шабишева. Названія первой изъ двухъ сыгранныхъ тогда піесъ не упомню; но вторая изъ нихъ была «Ваше Превосходительство», нѣчто въ родѣ ѳарса, въ коемъ Н. Н. Шабишевъ артистически исполнилъ роль устарѣлаго волокиты превосходительнаго сана. Въ піесахъ я не участвовалъ, но спѣлъ въ антрактѣ, подъ акомпаниментомъ нарочно выписаннаго по сему случаю оркестра изъ Тулы, удалую пѣсню Варламова «Осѣдлаю коня», бывшую въ сущности, mon cheval de bataille *). Сцена была устроена въ довольно помѣстительномъ залѣ трактира купца Познякова. По окончаніи спектакля, молодежь принялась за танцы, благо, что былъ для того оркестръ, а болѣе степенные изъ мужской публики, въ томъ числѣ Ѳ. И. Миллеръ и Сергѣй Ѳедоровичъ Чаплинъ (бывшій въ прежнія времена Калужскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства) усѣлись за карты на подмосткахъ сцены, чѣмъ не стѣсняли танцующей молодежи. Иные изъ мужчинъ-артистовъ съ гулевыми наклонностями, къ коимъ я не обинуясь примкнулъ, принялись послѣ танцевъ за обезглавленіе Шампанскихъ бутылокъ, и я вернулся домой, когда солнце уже было высоко. Я забылъ включить въ число участвовавшихъ въ спектаклѣ молодаго Цемша, отецъ коего, Алексѣй Ивановичъ, управлялъ тогда Мышегскимъ чугунно-плавильнымъ заводомъ (въ Тарускомъ же уѣздѣ), принадлежавшимъ княгинѣ Бибарсовой, бывшей вдовою генерала Чесменскаго, съ чистой выручки каковаго завода онъ имѣлъ выговоренную въ его пользу значительную весьма долю.

*) „Боевой мой конь“: иначе, баллада, на которой я всегда выѣзжалъ съ успѣхомъ.

Около этого времени поселилась въ Тарускомъ уѣздѣ милая, молодая чета Поливановыхъ, съ коими я вскорѣ тѣсно подружился. И мужъ, и жена преждевременно сошли въ могилу! Александра Романовна Поливанова была урожденка Тарускаго уѣзда: отецъ ея, Романъ Васильевичъ Любимовъ, жилъ и чуть-ли не померъ въ сельцѣ Лыткинѣ, въ 7 или 8 верстахъ отъ насъ; женатъ же онъ былъ на Варварѣ Ѳедоровнѣ Чаплиной, сестрѣ упомянутаго. Такъ какъ помнится мнѣ, что нигдѣ еще не говорено было ничего о Любимовыхъ (хотя я ихъ зналъ съ 1834-го года), то приходится пополнить этотъ пробѣлъ, прежде чѣмъ излагать дальнѣйшія подробности о четѣ Поливановыхъ. Р. В. Любимовъ, командовавшій въ началѣ 20-хъ годовъ какимъ-то армейскимъ пѣхотнымъ полкомъ, былъ уволенъ изъ службы изъ за того только (какъ я слыхалъ), что одинъ изъ офицеровъ его полка, Нарышкинъ (имени и отчества его не помню) попалъ въ число Декабристовъ. Далеко не красивъ былъ онъ собою, съ сине-багровымъ лицемъ, съ бородавками и съ полусонными глазами, росту низкаго и тучный. Хотя не имѣлъ онъ повидимому никакого состоянія, но удостоился руки одной изъ богатыхъ въ краю невѣстъ, дочери Ѳ. С. Чаплина одного изъ сильнѣйшихъ по Калужской губерніи капитилистовъ, только потому (вѣроятно), что Варвара Ѳедоровна засидѣлась въ дѣвкахъ, да и съ молоду не отличалась физическою привлекательностію что̀ однакоже не помѣшало ей сдѣлаться мечтательно-сентиментальною и романическою барынею. Это было время «непонятыхъ женщинъ» (les femmes incomprises) и разочарованныхъ, безбородыхъ юношей. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ настоящее время въ ходу эманципированная женщины, а въ мужскомъ поколѣніи отрицатели всякихъ свѣтскихъ приличій и обязанностей: направленіе много хуже прежняго, и къ этой-то фалангѣ непонятыхъ существъ желательно было Варварѣ Ѳедоровнѣ примкнуть съ своимъ длиннымъ, лошадинообразнымъ лицомъ и пришептывающимъ выговоромъ. Переименовавъ своего солдатскаго покроя и немолодаго супруга въ «Рашеньку», она разыгрывала подъ часъ передъ нимъ влюбленную Медею. Разсказывали даже, что разъ, досаждаемый ея нѣжностями, онъ заперся въ своемъ кабинетѣ (это была маленькая кунсткамера разныхъ полурѣдкостей, какъ напримѣръ пѣнковыхъ трубокъ въ старинныхъ оправахъ, винтовокъ и т. п.), и послѣ продолжительнаго, но безуспѣшнаго стучанья въ дверь, она просидела будтобы всю ночь у порога мужнина кабинета. Можно было ожидать, что такая экзальтированная мать не могла бы какъ слѣдуетъ направить воспитаніе двухъ своихъ дочерей; а вышло, что обѣ онѣ оказались хорошими женами и матерями семействъ. Одна изъ нихъ, Александра Романовна, эффектная, болѣе нежели пикантная брюнетка,

съ большими южно-темными глазами и Римскимъ профилемъ, была женою Константина Александровича Поливанова; а вторая, Марья Романовна, вышла за Калужскаго помѣщика Рагозина. Къ первой изъ нихъ натура не была щедра; но странно сказать, было въ ней карикатурное, но замѣчательное сходство съ ея миловидною сестрою. Да и участь ея была мало отрадна: пришлось ей быть сидѣлкою больного, хотя молодого еще, мужа, голова у котораго была вся въ язвахъ, и послѣ почти десятилѣтняго замужества она осталась вдовою съ двумя малолѣтними сыновьями, одинъ изъ коихъ наслѣдовалъ отчасти отцовскую болѣзнь, чѣмъ много озабочивалъ мать. Обѣ сестры получили отдѣльное и изрядное весьма состояніе отъ предусмотрительнаго ихъ дѣда по матери, Ѳ. С. Чаплина, дожившаго до глубокой старости, и въ домѣ коего принуждена была искать убѣжища романическая его дочь Варвара Ѳедоровна, покончивъ съ своимъ состояніемъ вскорѣ по смерти ея Рашеньки, коимъ держалось хозяйство въ ея имѣніи Лыткинѣ. Старикъ пріютилъ у себя дщерь, но не закололъ въ ея честь откормленнаго тельца, а содержалъ ее какъ бы въ опалѣ и безъ дозволенія не допускалъ будто бы ее къ себѣ: по крайней мѣрѣ, такъ говорила молва. Впослѣдствіи она поселилась было у своей дочери Поливановой, въ Пчеленкахъ, гдѣ отдѣланъ былъ нарочно для нея особый флигель, не ужилась тамъ и переѣхала въ Москву, гдѣ стала пробиваться преподаваніемъ Французскаго языка, но наврядъ-ли могла бы она существовать однимъ этимъ безъ всегдашней помощи вышепомянутой дочери.

По смерти старика Чаплина, огромное его состояніе пошло въ пухъ и прахъ. Одинъ изъ двухъ его сыновей, Сергѣй Ѳедоровичъ, былъ «un gentleman accompli» въ полномъ смыслѣ слова; воспитанный въ офранцуженомъ направленіи Русской аристократіи въ самомъ началѣ нынѣшняго вѣка, съ этимъ свѣтскимъ лоскомъ соединялъ онъ природный умъ и высокое понятіе о чести. Началъ онъ свое поприще камерпажемъ при вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, поступилъ въ гвардію, былъ въ кампаніяхъ 1812—1814 годовъ*) и позднѣе перешелъ въ Иркутскій гусарскій полкъ, изъ коего онъ вышелъ въ отставку полковникомъ, былъ въ 20-ыхъ и 30-ыхъ годахъ по нѣскольку

---

*) С. Ѳ. Чаплинъ подтвердилъ мнѣ объ извѣстной скромной выходкѣ императора Александра 1-го, отмѣнившаго назначенное представленіе оперы „Торжество императора Траяна", въ день вступленія нашихъ войскъ въ Парижъ, 14 Марта 1814 года, вмѣсто коей дана была, по его желанію, оперетка Буальдьё, подъ названіемъ „Багдадскій Калифъ". Льстицы-Французы выбрали было первую изъ этихъ оперъ, какъ аллюзію Русскому державному побѣдителю.

разъ Калужскимъ губернскимъ предводителемъ, въ каковомъ званіи пріобрѣлъ всеобщее уваженіе и прявязанность, и въ 1848 году проживалъ въ Тарускомъ своемъ имѣніи, сельцѣ Жуковѣ. Его погубила несчастная страсть къ азартнымъ играмъ, доходившая до того, что, въ бытность еще его губернскимъ предводителемъ, онъ однажды, какъ разсказывали, не имѣя съ кѣмъ поиграть, сталъ упрашивать своего письмоводителя, Сапѣгина, сѣсть съ нимъ въ палки или въ банкъ, и на отзывъ послѣдняго, что на подобную игру денегъ у него нѣтъ, Сергѣй Ѳедоровичъ бросилъ ему 600 или 700 рублей въ займы, и тутъ же, если не ошибаюсь, проигралъ весь этотъ кушъ. Послѣдствіемъ этой страсти было, что онъ дошелъ до нищеты и умеръ, живя въ домѣ своей племянницы и племянника, Поливановыхъ, коимъ онъ приходился дядей съ двухъ сторонъ: Александрѣ Романовнѣ по ея матери (какъ я уже говорилъ), а Константину Александровичу, потому что его мать была рожденная Губина (изъ Московскаго богатаго купечества) и родная сестра жены Сергѣя Ѳедоровича, давно уже умершей, отъ которой не осталось дѣтей. Другой сынъ старика Чаплина (какъ звали его, не помню) безпутно также покончилъ съ своимъ состояніемъ, живя въ Москвѣ, и живъ-ли онъ по сю пору, не знаю. Старикъ Чаплинъ жилъ почти что безвыѣздно въ своемъ имѣніи, Тарускаго уѣзда, селѣ Вознесенскомъ, нынѣ принадлежащемъ по купчей г-жѣ Дурново.

А. Р. Поливанова, желая въ первые годы своего супружества поселиться въ Тарусскомъ уѣздѣ, гдѣ провела свое дѣтство, купила съ торговъ сельцо Пчеленки, принадлежавшее разорившемуся Григорію Андреевичу Быховцу, племяннику не разъ упомянутой Мавры Егоровны Быховецъ, иначе мадамы Курдюковой. Не успѣли однакоже Поливановы устроиться въ старомъ и неуютномъ господскомъ домѣ новокупленной усадьбы, какъ онъ былъ истребленъ пожаромъ, вслѣдствіе чего Поливановы выстроили, на другомъ болѣе открытомъ мѣстѣ, новый и болѣе помѣстительный домъ, а вокругъ насадили паркъ, въ планѣ коего я участвовалъ. К. А. Поливановъ началъ свою службу (въ 30-хъ годахъ) въ гусарскомъ принца Лейхтенбергскаго (бывшемъ Кіевскомъ гусарскомъ) полку, довольно модномъ, такъ сказать, въ то время, по причинѣ близкой его къ Москвѣ стоянки *). Въ описываемое мною время Константинъ Александровичъ давно уже былъ въ отставкѣ. Было у него два брата, Михаилъ и Николай Александро-

*) Въ этомъ полку служили также въ началѣ 40-ыхъ годовъ оба молодые графы Блудовы и извѣстный тогда повѣса князь Левъ Гагаринъ, женившійся передъ тѣмъ на граціозной Юліи Соломоновнѣ Мартыновой. Въ этомъ же полку началъ свою службу Ст. Серг. Ланской, нынѣ графъ.

вичи, всѣ трое были Владимирскіе коренные помѣщики; но Михаилъ Александровичъ зажилъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи, въ Подольскомъ уѣздѣ, а Николай Александровичъ, женившись на прехорошенькой дочери Тульской помѣщицы Карцовой, поселился въ сказанной губерніи и удачными разными коммерческими предпріятіями пріобрѣлъ огромное состояніе.

Истинный мнѣ другъ, Константинъ Александровичъ, былъ добрѣйшій изъ смертныхъ, съ чувствительнѣйшею къ страданіямъ ближняго душею и всегда готовый на помощь. До конца жизни онъ оставался любовникомъ милой своей жены, придумывая только, какъ бы предупредить малѣйшее ея желаніе; да и она, не взирая на нѣкоторую эксцентричность въ нравѣ, умѣла цѣнить мужнину къ ней привязанность. Не по лѣтамъ дородность мѣшала Константину Александровичу быть красивымъ мужчиною, и эта самая его тучность породила въ немъ астму, перешедшую въ изнурительную лихорадку, и онъ померъ въ Калугѣ весною 1858-го года. Тарусскій уѣздъ выбиралъ его по нѣскольку разъ своимъ предводителемъ дворянства. Любилъ онъ садоводство, почти что не менѣе чѣмъ я; но особенно потѣшала его стрижка растеній. Жена его разсказывала мнѣ, что ихъ садовникъ, зная чѣмъ угодить своему барину, когда бывало усмотритъ сухой и больной сучечекъ на какомъ нибудь изъ оранжерейныхъ растеній, тотчасъ притащитъ его въ домъ, чтобы доставить барину удовольствіе срѣзать ненужный приростъ. Талантливая женщина была Александра Романовна, хорошая музыкантша и весьма изрядно писала портреты акварелью. Голосъ былъ у нея высокій довольно сопрано, но недостаточно выработанный, хотя она и была ученицею А. Е. Варнишова; а въ акварельной живописи она брала уроки, если не ошибаюсь, у извѣстнаго съ 20-ыхъ годовъ портретиста старика Соколова [1]). Въ деревенской глуши, по затруднительности имѣть учителей, она сама занималась первоначальнымъ обученіемъ своихъ трехъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ Русскому, Французскому и Нѣмецкому языкамъ, географіи и музыкѣ. Если успѣю довести эти мои Записки до начала 60-ыхъ годовъ, то мы опять повстрѣчаемся, и на тотъ разъ въ Ниццѣ, съ этою милою и преждевременно перешедшею въ вѣчность женщиною [2]).

Неподалеку отъ насъ, на берегу р. Протвы, жилъ въ своемъ имѣніи, с-цѣ Гурьевѣ, Владиміръ (по отчеству не помню) Чириковъ.

---

[1]) Портреты акварелиста Соколова были изящны какъ работа, но въ схватываніи сходства онъ былъ не всегда удаченъ.

[2]) Она умерла послѣ кратковременной болѣзни, лѣтомъ 1863 года, въ своемъ Тарусскомъ имѣніи.

Усадьба его была рядомъ съ усадьбою Настасьи Алексѣевны Макавѣевой, и обѣ онѣ вмѣстѣ составляли одно сельцо Гурьево. Г. Чириковъ мало разъѣзжалъ по гостямъ, и у него самого рѣдко съѣзжались; не взирая однакоже на таковой домашній его бытъ, онъ разстроилъ свое состояніе. Семейство его состояло изъ жены, одного сына и двухъ дочерей. Слѣдовательно, неособенно большое нужно было помѣщеніе для пяти человѣкъ; но онъ вздумалъ выстроить громадный, двухэтажный деревянный домъ съ большимъ бальнымъ заломъ, съ хорами въ рединѣ зданія и пріемные, соотвѣтствующіе оному аппартаменты, годные для столичнаго какого нибудь раута въ нѣсколько сотъ гостей, и я немногимъ ошибусь, если скажу, что въ этой храминѣ (стоившей ему, какъ я слышалъ, болѣе 50 тыс. руб. сер.), было до сорока комнатъ, меблировать которыя, какъ надлежало, средствъ у него не хватило, и потому бревенчатый его палацъ похожъ былъ на сарай. Сынъ его женился въ 50-ыхъ годахъ на Еленѣ Михайловнѣ Рязанцовой, подругѣ моей дочери; старшая дочь, Марія Владимировна, осталась въ дѣвицахъ и умерла лѣтъ тому 10 или 12 (но послѣ родителей), а вторая, Варвара Владимировна, вышла замужъ *уходомъ* (какъ выражаются раскольничьи лже-инокини) за тогдашняго Тарусскаго городского врача, Сергѣя Емельяновича Александровскаго, и съ эпохи освобожденія крестьянъ въ 1861 году барыня эта пріобрѣла уголовную знаменитость, какъ Русская коммунистка, одержимая маніею заговоровъ: она два раза участвовала въ продѣлкахъ политическихъ нашихъ эмигрантовъ, домогающихся произвесть возстаніе между крестьянами.

Изъ мелкопомѣстныхъ, но стараго дворянскаго рода былъ Андрей (по отчеству, не помню) Мансуровъ, человѣкъ вполнѣ безукоризненный. Онъ былъ нѣсколько разъ выбранъ въ уѣздные судьи, и скудный по тогдашнему окладъ этой должности, въ 300 рублей серебромъ *) былъ все-таки подспорьемъ отцу, обремененому шестью или семью дочерями, почти уже взрослыми въ 1848 году, и тремя сыновьями. Изъ дѣвицъ Мансуровыхъ вышли замужъ только двѣ: одна за Калужскаго уѣзда помѣщика Баскакова, а другая за молодого офицера, безъ всякаго состоянія, Артакова, бывшаго тогда начальникомъ роты Тарусской внутренней стражи. Уже по смерти г. Мансурова, дѣти его получили, обще съ ихъ родственниками Шатиловыми и Голубицкими, изрядное весьма наслѣдство въ Тульской и Рязанской губерніяхъ и могли бы жить припѣваючи; но братья Мансуровы (ихъ трое) не съумѣли сохранить состояніе и снова впали въ крайность.

*) А въ 30-ыхъ годахъ окладъ уѣзднаго судьи былъ еще, на сколько помнится мнѣ, въ 300 р. ассигнаціями.

На сѣверной границѣ Тарусскаго уѣзда, прилегающей къ Серпуховскому, посреди дремучихъ лѣсовъ, неподалеку отъ села Бурина, поселилась чета замѣчательной красоты, Александръ Ивановичъ и Екатерина Аѳанасьевна Вагнеры, въ новокупленномъ ими имѣніи, сельцѣ Калугинѣ. Правильныя черты мужа напоминали отчасти идеальный типъ въ употребленіи у художниковъ для изображенія Спасителя; а жена его, брюнетка съ румяной свѣжестію лица, съ кофейными глазами и томнымъ взоромъ, была изъ самыхъ привлекательныхъ женщинъ. Странно, что отъ таковыхъ щедро надѣленныхъ природою родителей родились дѣти вовсе некрасивыя. Подите-же, послѣ этого, вѣруйте въ науку каллипедіи, коей Фридрихъ, прозванный Великимъ, придавалъ столь много значенія, что самъ, какъ гласитъ исторія, выбиралъ женъ для отборныхъ своихъ гвардейцевъ, и самъ будто бы слѣдилъ, чтобы ни тотъ, ни другой изъ супруговъ не отлучались ночью отъ брачнаго ложа. А. И. Вагнеръ служилъ первоначально въ кавалеріи, женился весьма еще молодымъ и, прослужа немного въ статской службѣ, вышелъ въ отставку и поселился въ Тарусскомъ уѣздѣ. Оба они были весьма привѣтливые люди.

О Голубицкихъ не разъ уже было говорено, и особенно о Ларисѣ Ростиславовнѣ, бывшей одно время компаньонкою моей жены; но о дальнѣйшей судьбѣ всего этого семейства по сю пору умолчено. Въ 1848 году старшій изъ сыновей Ростислава Ѳомича (умершаго въ 1835 году) жилъ съ своимъ семействомъ въ Тверской губерніи, въ имѣніи своей жены; а второй, Евграфъ Ростиславовичъ, тогда уже въ отставкѣ и больной, жилъ въ своемъ Тарусскомъ имѣніи, сельцѣ Почевѣ. Онъ остался холостымъ и померъ года два или три позднѣе. Умерла также около того же времени 19-ти или 20-ти лѣтняя его сестра, Александра Ростиславовна, монополизировавшая въ своей особѣ красоту всего этого семейства, въ чемъ было отказано всѣмъ прочимъ его членамъ. Вотъ перечень остальныхъ сестеръ Голубицкихъ. Старшая изо всѣхъ, Клеопатра Ростиславовна, давно уже была вдовою медика Лебедева и проживала съ несовершеннолѣтнимъ еще своимъ сыномъ въ Москвѣ, у свекра, протоіерея Петропавловской церкви, что̀ у Красныхъ воротъ*). Прасковья

*) Есть люди обреченные къ безвыходно-страдальческой жизни: къ таковымъ принадлежитъ Клеопатра Ростиславовна Лебедева. Единственный ея сынъ вышелъ было дѣльнымъ малымъ по инженерной части и содержалъ мать, здоровье коей давно расшаталось до основанія, но продолжительная смерть похитила его въ началѣ настоящихъ 70-хъ годовъ, и г-жа Лебедева, предавшись вся Богу, пріютилась въ невзрачномъ уголкѣ у дьячка Тарусской Воскресенской церкви, на погостѣ, при коей покоится единственный ея кормилецъ. Къ ней можно отнести евангельскія слова: „Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся“.

Ростиславовна была замужемъ за профессоромъ Петербургскаго университета Сомовымъ, занимающимъ нынѣ довольно видное свѣтское положеніе и давно уже въ превосходительномъ чинѣ; она была пристроена лучше всѣхъ своихъ сестеръ, но ходить не можетъ отъ приключившагося давно уже съ нею паралича. Аріадна Ростиславовна вышла еще въ концѣ 30-хъ годовъ за Тарусскаго дворянина, Петра Марковича Хрущова, не имѣвшаго большаго поземельнаго имущества, но человѣка съ капиталомъ и со страстію тягаться. (Личность его была на столько оригинальна, что будетъ впослѣдствіи описана). Елисавета Ростиславовна вышла за мелкопомѣстнаго Тарусскаго же дворянина Жихарева, сына стараго шутника у Н. А. Дивова, и умерла въ концѣ 50-хъ или въ началѣ 60-хъ годовъ. Голубицкіе получили, какъ я уже сказалъ, изрядное довольно наслѣдство, обще съ своими родственниками Шатиловыми и Мансуровыми, изъ коего на долю каждой изъ сестеръ Голубицкихъ досталось, если не ошибаюсь, по 3/т. р. сер. и еще кое-что изъ бриллiантовыхъ вещей; таковаго капитала нельзя конечно, назвать значительнымъ, но вѣдь не слѣдуетъ забывать, что у ихъ отца было всего состоянія 60 или 70 душъ крестьянъ.

Я сейчасъ сказалъ, что личность Петра Марковича Хрущова напрашивается на портретъ: удовольствіе, въ которомъ не могу себѣ отказать, тѣмъ болѣе, что оригиналъ наврядъ-ли будетъ еще фигурировать на этихъ страницахъ. Родовое имѣніе его и давно умершаго его брата Гавріила Марковича было самое ничтожное. Въ кампанію 1812 года Петръ Марковичъ былъ уже офицеромъ и вышелъ въ отставку (въ 20-хъ, кажется, годахъ) капитаномъ; слѣдовательно, когда онъ женился на Голубицкой, въ концѣ 30-хъ годовъ, ему было уже подъ 50 лѣтъ. Въ немъ были двѣ отличительныя черты: страсть заводить и поддерживать тяжбы и способность неутомительно просиживать за карточнымъ столомъ по 18 часовъ, не вставая съ мѣста; кромѣ того онъ отличался способностью помнить всѣ мало-мальски замѣчательныя игры, какія приходили къ нему за десять или пятнадцать лѣтъ назадъ. Касательно первой изъ двухъ наклонностей онъ во всю долголѣтнюю свою жизнь велъ тяжебныя дѣла, но не ради одной только цѣли выиграть искъ, а также ради самой процедуры. Разсказывали, что однажды на поздравленіе, принесенное ему однимъ изъ его знакомыхъ съ выигрышемъ денежной тяжбы, онъ отвѣчалъ будто бы: такъ-то-такъ, да искъ-то окончился! Было у него разъ дѣло на сумму не свыше, помнится мнѣ, 100 рублей ассигнаціями, тянувшееся чуть-ли не двадцать лѣтъ, судебныя издержки по коему превышали вѣроятно сумму иска; на замѣчаніе же сдѣланное ему О. А. Тридономъ,

что охота-молъ навязывать на себя столько хлопотъ и переписокъ для такого пустячнаго результата, онъ отвѣчалъ: «Если бы кто нибудь на лунѣ долженъ былъ мнѣ 25 рублей, я и туда подалъ бы на него прошеніе». Понятно, что, упражняясь около полувѣка въ крючкотворствѣ «проторей и волокитъ», онъ сдѣлался живымъ сводомъ законовъ, и только въ глубокой уже старости сталъ прибѣгать къ помощи адвокатовъ, но и сихъ онъ направлялъ по своему. Надо однакоже признаться, что въ практическихъ его замѣткахъ о тогдашнемъ судопроизводствѣ бывала доля правды. Такъ наприм., по поводу часто-безтолковыхъ журнальныхъ постановленій уѣздныхъ судовъ и гражданскихъ палатъ, онъ говаривалъ, что резолюціи эти формулировались такимъ образомъ: «Приказали: при долинушкѣ стояла, калину ломала, у Петра отнять, а Михаилу отдать», а за ошибочное мнѣніе судъ не отвѣчаетъ. Отчасти это дѣйствительно такъ и было на практикѣ, во времена безгласнаго контроля и при составѣ судей изъ дворянскаго сословія исключительно, да еще по выбору привелигированной касты, и совершенно безъ всякой юридической подготовки, что̀ само собою ставило ихъ въ зависимость отъ настоящихъ дѣльцовъ, коронныхъ секретарей, или принуждало ихъ прибѣгать къ совѣтамъ и указаніямъ стряпчаго (отъ короны), если они были съ нимъ въ ладахъ. Понятно, что подобный составъ суда всегда клонилъ въ пользу своего собрата-дворянина, отъ коего зависѣло избраніе, не говоря уже о келейномъ подкупѣ судей. Рѣшать, бывало, дѣло неправосудно, да и скажутъ: «Если, молъ, вы недовольны нашимъ рѣшеніемъ, то можете подать аппеляцію на насъ».

Не знаю, была-ли въ Россіи инстанція, въ которую бы не подавалъ Петръ Марковичъ своихъ бумагъ; но не имѣлъ онъ, повидимому, успѣха въ Комиссіи Прошеній, судя по тому, что онъ ее прозвалъ «комиссіею отказовъ». Живя всегда со строгою экономіей, онъ первоначально откладывалъ гроши, а потомъ рубли и, пуская деньги въ ростъ, нажилъ со временемъ порядочный довольно капиталъ. Особенно предосудительнаго въ этомъ ничего не вижу, а тѣмъ паче для вовсе небогатаго человѣка; и потому я всегда защищалъ Петра Марковича отъ несправедливаго на него нареканія въ мѣстномъ обществѣ, признававшемъ его какъ отъявленнаго ростовщика. Алчный таковой категоріи людъ не рискуетъ выпустить изъ рукъ рубль безъ залога или поруки, а покойный Хрущевъ былъ даже обязательнымъ человѣкомъ и ввѣрялъ разнымъ лицамъ порядочные куши безъ всякаго обезпеченія. Имѣлъ я съ нимъ денежные разсчеты въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и грѣхъ было бы мнѣ сказать, что кондиціи его были стѣснительны и чрезмѣрны: вѣдь не могъ же онъ снабжать по законной

5 или 6 процентной таксѣ, тогда какъ онъ существовалъ отчасти этою спекуляціею. А сколько пропало денегъ у него на людяхъ! И подъ конецъ, какими крупными кушами! Ничего не было легче какъ вкрасться въ его довѣріе: займи у него хоть на первый разъ 25 рублей, но принеси ихъ къ сроку, и на слѣдующій разъ смѣло можно было надѣяться занять 50 рублей, и при аккуратности въ этой прогрессіи дойти до 500 или 600 рублей; если только были у него свободныя деньги, то для этого сорта людей отказа не было. Касательно его страсти къ картамъ (въ однѣ только коммерческія игры) должно сказать, что онъ отлично игралъ и помнилъ не только всѣ свои карты отъ двойки до туза, но даже карты своего партнёра и его противниковъ, и при какомъ нибудь экстренномъ игральномъ казусѣ начнетъ онъ, бывало, припоминать, что въ тысяча восемьсотъ такомъ-то году пришли къ нему разъ такія-то карты, и вотъ что изъ этого вышло. Однажды зимою, когда только что разсвѣло, зашелъ онъ къ Тарусскому тогдашнему содержателю откупа, Ивану Леонтьевичу Тимофеевскому*), зная, что можно было уже застать его вставшимъ и занимающимся въ своей конторѣ, и не скидавая шубы и теплыхъ сапоговъ, и едва поздоровавшись съ хозяиномъ дома, началъ съ слѣдующаго заявленія. «Вчера пришла ко мнѣ вотъ какая игра съ прикупкою (въ преферансъ съ табелькою): король, дама, валетъ самъ - пять червей; четыре взятки неотъемлемыя; тузъ, король и дама бубенъ,—три вѣрныя взятки, тузъ трефъ и фоска пикъ, и того десять картъ. Сколько это по вашему? Вѣдь кажись, восемь взятокъ вѣрныхъ? Ну-съ, а я игралъ семь въ червяхъ только и былъ *безъ одной*; правда, что ходъ не мой. Вотъ изволите видѣть: подъ рукою у меня вистующій ходитъ въ маленькую трефъ: ясное и натуральное дѣло (таковая была у него обычная поговорка), что я принимаю тузомъ, и старшій вистующій бьетъ туза единственнымъ своимъ маленькимъ козыремъ и ходитъ въ бубны, коихъ у него было пять отъ валета; второй вистующій бьетъ однимъ изъ двухъ имѣвшихся у него козырей, а я долженъ класть даму бубенъ казавшеюся вѣрною взяткою; тотъ же подъ рукою вистующій идетъ въ пики; я кладу единственную мою фоску, а старшій вистъ беретъ валетомъ пикъ и опять обращаетъ въ бубны; второй вистъ бьетъ бубновку козырнымъ тузомъ, а я долженъ положить короля буб-

*) Крестецкій (Новгородской губ.) купецъ изъ весьма цивилизованныхъ, дядя Тульскихъ (Крапивенскаго уѣзда) Тимофеевскихъ, славныхъ издѣліемъ наливокъ и живущихъ въ Москвѣ въ изящномъ своемъ домѣ на 3-ей Мѣщанской. И. Л. Тимофеевскій отмѣнный семьянинъ. Чувствуя недостатокъ въ себѣ современнаго образованія, онъ пекся дать своимъ дѣтямъ наилучшее воспитаніе: двое изъ сыновей хорошо кончили курсъ въ Московскомъ университетѣ и нынѣ на службѣ.

новаго:—въ результатѣ сдѣлалъ я только пять козырей и туза бубноваго и поставилъ ремизъ въ семи въ червяхъ. Прощайте!» И съ этимъ повернулся нашъ Петръ Марковичъ и вышелъ изъ конторы. Не мудрено, что ночью его все брало раздумье, какъ могъ онъ проиграть этакую игру, когда по пальцамъ казалось восемь вѣрныхъ взятокъ.

Въ картину мѣстнаго общества помѣстить слѣдуетъ Таруcкаго тогдашняго градоначальника, маіора Ивана Андреевича Венюкова. Общаго съ Гоголевскимъ городничимъ въ «Ревизорѣ», у него была только его недальновидность, подвергавшая его поддаться, при случаѣ, новому Хлестакову, а въ остальномъ сходство терялось: грязныхъ замашекъ въ немъ не было, а если онъ и не гнушался какими либо презентами издавна присвоенными его должности (но и на это ясныхъ доказательствъ не имѣю), но не былъ изъ алчныхъ и придирчивыхъ, и тѣмъ пріобрѣлъ доброе между обывателями имя. А все-таки была нѣкоторая рельефность въ этой пузастой и лысой армейской личности, какъ миніатюрное повтореніе историческаго лгуна барона Мюльгаузена, хотя подражатель игнорировалъ, безъ всякаго сомнѣнія, существованіе заморскаго своего прототипа. Разсказывалъ онъ, между прочимъ, какъ въ Отечественную войну 1812 года онъ съ своимъ батальономъ окружилъ было однажды и заставилъ сдаться какой-то Французскій отрядъ, гдѣ находился случайно самъ Наполеонъ, который обратился къ маіору Венюкову съ словами (не иначе вѣроятно какъ по-русски, такъ какъ герой нашъ по-французски не знавалъ): «Иванъ Андреевичъ! Отпусти, братъ, меня; вѣдь я тебѣ пригожусь», и мягкосердечный нашъ маіоръ, не по примѣру Чичагова, выпустилъ изъ рукъ бѣдоваго Корсиканца. А въ другой разъ, во время краткаго перемирія на бивуакѣ, когда доблестный Венюковъ только-что расположился съ своими офицерами вокругъ костра и началъ было распивать пуншъ, какъ вдругъ откуда ни возмись Наполеонъ съ своею свитою и, подмѣтивъ, что Русскіе офицеры весьма кстати согрѣваютъ желудокъ Ямайскимъ напиткомъ, направилъ лошадь на нихъ и опять отнесся къ нашему герою, называлъ его по имени и отечеству, просилъ одолжить его стаканчикомъ пунша. «Что до вашего величества», отозвался Венюковъ, «съ величающею радостію могу вамъ въ этомъ служить; по касательно вашихъ господъ маршаловъ, уже извините, стакановъ у насъ нѣтъ: всѣ они у насъ заняты». Не взирая однакоже на столь близкое знакомство нашего маіора съ Корсиканскимъ исполиномъ, послѣдній былъ далеко не кумиромъ для Тарускаго градоначальника, и когда начнутъ, бывало, при немъ восторгаться геніальностію Европейскаго побѣдителя, Иванъ Андреевичъ гаркнетъ съ досадою. «Чему тутъ удивляться? Онъ все бралъ нахрапомъ».

Подвизался также нашъ городничій иногда и въ риѳмоплетствѣ, образчикомъ чего могутъ служить начальные два стиха, оставшіеся у меня въ памяти, изъ его вдохновенія по случаю выступленія въ походъ Таруской дружины, во время Крымской войны, въ 1854-мъ году, начальникомъ коей былъ выбранъ Ѳ. И. Миллеръ:

Нашъ генералъ, орелъ,
Дружину повелъ..... *).

Городскимъ врачемъ былъ тогда вышепомянутый Сергѣй Емельяновичъ Александровскій, мужъ Русской коммунистки, личность безцвѣтная, но тѣмъ не менѣе имѣвшая на подобіе болѣе знаменитыхъ по профессіи ея собратій свой конекъ, состоявшій въ употребленіи каломеля, какъ специфическаго средства во всѣхъ почти случаяхъ.

Замыкающее мѣсто въ этомъ длинноватомъ обзорѣ Таруского уѣзднаго общества отвожу долголѣтнему другу нашего семейства, уѣздному врачу Виктору Яковлевичу Яковенкѣ, благодарное о коемъ воспоминаніе сохранилось по сю пору во всемъ уѣздѣ [1]). Скромную его біографію мнѣ тѣмъ легче начертить, что перомъ моимъ руководитъ память сердца, и если кому-нибудь можно примѣнить прозваніе Космы Безсребренника, то несомнѣнно этому человѣку. Пріучилъ онъ всѣхъ своихъ паціентовъ безразлично (въ томъ числѣ и тѣхъ что были съ хорошимъ состояніемъ) къ безвозмездной своей практикѣ, такъ что это вредило не только его личнымъ интересамъ, но впослѣдствіи невыгодно отозвалось и на гонорарныя отношенія его преемниковъ: упрекъ, равняющійся похвалѣ. Паче всего любилъ онъ человѣчество, а за тѣмъ свою науку. Паціентъ интересовалъ его какъ ближній, коему онъ желалъ оказывать посильную помощь, и какъ субъектъ, надъ которымъ представлялся случай провѣрить теоретическія медицинскія данныя; а остальное (возмездіе) какъ придется. Платятъ ему за визитъ, онъ принимаетъ съ благодарностію; не даютъ ничего, онъ и не заикнется и никогда изъ за этого не перестанетъ навѣщать страждующаго. А нуждающійся чиновничій и мѣщанскій людъ онъ снабжалъ даровыми отъ себя

---

*) Кстати упомяну, что изъ подобныхъ нашему городничему славился въ 20-хъ годахъ въ Москвѣ нѣкій князь Циціановъ. Онъ разсказывалъ, что разъ въ день его именинъ, дочь его послала къ нему при поздравленіи чашку для бульона съ крышкою, принявъ каковую, онъ приказалъ посланному поблагодарить княжну за ея вниманіе; но такъ какъ посланный отвѣчалъ на это, что ея сіятельство проситъ ваше сіятельство потрудиться приподнять крышу чашки, то онъ такъ и сдѣлалъ, и вдругъ выскакиваетъ изъ чашки карликъ съ привѣтствіемъ: честь имѣю поздравить ваше сіятельство со днемъ вашего ангела.

[1]) Онъ умеръ почти скоропостижно отъ грудной жабы (anguina pectoralis) весною 1864-го года.

медикаментами, коими запасался въ тѣ времена, когда въ Тарусѣ не было никакой вольной аптечки [1]). Мѣстные же самоварники - купчики расплачивались съ нимъ (за рѣдкими исключеніями) съѣстными припасами, колоніальными продуктами или товарами, входившими въ кругъ ихъ торговли. Единственный вѣрный, но и то не особенно изобильный источникъ, на который могъ нашъ добрый врачъ расчитывать, составляла опредѣленная (и то не имъ самимъ, а хозяевами) годовая плата отъ трехъ (кажется не болѣе) фабрикъ въ Тарускомъ уѣздѣ, изъ коихъ болѣе для него прибыльною была писчебумажная фабрика купца Новикова въ селѣ Троицкомъ [2]). Хорошо еще, что онъ былъ холостъ; а иначе содержаться съ семействомъ, при подобномъ направленіи, было бы невозможно. При столь незавидной свѣтской обстановкѣ не охладѣлъ онъ однакоже къ наукѣ и не измѣнился до самаго конца жизни. Выписывалъ онъ всегда изъ скудныхъ своихъ грошей разные медицинскіе журналы, не отставая ни на пядь отъ новыхъ открытій и воззрѣній и, какъ практикантъ, пріобрѣлъ большой навыкъ и успѣхъ въ ограниченной своей кліентелѣ, и нѣтъ, по моему, сомнѣнія, что имѣй онъ входъ въ столичномъ высшемъ кругу, то составилъ бы себѣ видную репутацію; но не ручаюсь, что тамъ онъ могъ бы нажиться: помѣхою тому былъ бы сердобольный его нравъ. Самъ перебиваясь коекакъ, онъ находилъ возможность значительно помогать впавшему въ умопомѣшательство своему брату, семейному человѣку [3]). Оставляя въ сторонѣ профессіональныя его достоинства, я скажу, что остроуміемъ и всегдашнимъ своимъ юморомъ онъ былъ душею общества, и въ добавокъ былъ столь уживчиваго характера, что, въ теченіе 20-тилѣтней службы уѣзднымъ врачемъ, онъ ни съ кѣмъ ни разу не поссорился. Когда медицинскія средства не помогали больному, Викторъ Яковлевичъ всячески старался развлечь тревожное его состояніе смѣшными разсказами и прибаутками, и паціентъ, при видѣ веселаго расположенія духа своего доктора, успокоивался мыслію, что состояніе его здоровья не внушало никакой опасности. Убѣдившись въ безполезности лѣченія крестьянъ аптечными рецептами и лекарствами (коихъ они опасаются или плохо исполняютъ), когда поведетъ о томъ рѣчь

---

[1]) Первая публичная аптека въ Тарусѣ открылась (помнится мнѣ) между 1850 и 1852 годами.

[2]) Имѣніе нынѣ графа Л. И. Воронцова-Дашкова, бывшее любимымъ мѣстопребываніемъ знаменитой княгини Е. Р. Дашковой

[3]) Сказанный братъ Виктора Яковлевича занималъ прежде видное довольно мѣсто при князѣ Суворовѣ, тогда Остзейскомъ генералъ-губернаторѣ. По смерти его вдова его и двѣ малолѣтнія дочери остались на рукахъ Виктора Яковлевича и проживали въ Ярославлѣ, гдѣ была его родина.

сердобольный какой-нибудь помѣщикъ, Викторъ Яковлевичъ посовѣтуетъ таковому помѣщику не выписывать никакихъ медикаментовъ изъ Москвы, а дождаться времени сѣнокоса: когда же наступала эта пора, то онъ выходилъ съ хозяевами дома на лугъ и, глядя, какъ косцы валяли въ ряды сочную траву, указывалъ чтò изъ нея слѣдовало откладывать въ сторону и сушить для домашняго медицинскаго обихода, какъ-то: звѣробой, полынь, дикую мяту и дикій шалфей, чернобыльникъ, пырей и проч. Желѣзныхъ дорогъ [1]) онъ до того страшился, что говаривалъ, что ни за какія блага не подвергнулъ бы жизнь этому опасному способу путешествовать. Въ ограниченной его дѣятельности наврядъ-ли кто изъ смертныхъ былъ болѣе его вѣренъ въ малыхъ дѣлахъ, и въ этомъ отношеніи не страшно ему предстать предъ Всемірнымъ и Всемилосерднымъ Судіею, изрекшимъ вѣрному рабу: «Въ малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многимъ тя поставлю...»

Не знаю, помнитъ-ли читатель о существованіи нѣкоего красавца г. Толбугина, о коемъ говорилось въ событіяхъ перваго времени моей женитьбы (въ 1835 году). Прокутивъ два значительныя состоянія, онъ сидѣлъ въ 1846-хъ годахъ въ Петербургскомъ долговомъ отдѣленіи, имѣя тогда уже семейство и, какъ мнѣ разсказывали, случалось, что онъ и его семейство голодали. Въ то время онъ покончилъ первое только свое наслѣдство, а по выпускѣ его на волю, мать его дала ему полную довѣренность на управленіе ея имѣніями въ Подольскомъ (Московской губ.) и Тарускомъ уѣздахъ, коими онъ и наслѣдовалъ послѣ ея смерти. Вотъ почему онъ поселился въ Тарускомъ весьма значиномъ имѣніи. Знакомства онъ ни съ кѣмъ не сводилъ; но мѣстное общество ничего отъ этого не теряло, такъ какъ онъ былъ извѣстенъ всѣмъ какъ человѣкъ буйнаго нрава и съ дикими, несовременными привычками жизни. Трудно будетъ повѣрить моимъ разсказамъ о его самодурствѣ и самоуправствѣ, возможныхъ лишь въ прошломъ или въ самомъ только началѣ нынѣшняго вѣка, а уже никакъ не въ 50-ыхъ годахъ. Было вотъ какое дѣло. Позапродавъ, по условію, на нѣсколько лѣтъ часть лѣсовъ одному Тарускому купцу на срубъ, онъ поссорился съ нимъ за то, что не въ указанныхъ будто бы мѣстахъ дѣлалась рубка (дѣйствительно-ли это было такъ или нѣтъ, не знаю) и, не дождавшись судебнаго о томъ разбирательства, баринъ нашъ собралъ ватагу изъ домашней челяди и давай насильственно останавли-

---

[1]) Въ 1864 году (когда скончался Викторъ Яковлевичъ), Московско-тульская желѣзная дорога, ни даже участокъ отъ Москвы до Серпухова, не были еще открыты. Существовали только тогда Николаевская и Нижегородская но по этимъ линіямъ не за чѣмъ было ѣздить нашему медику.

вать дальнѣйшую рубку, а купецъ съ своей стороны собралъ свою рабочую артель, и обѣ партіи неоднократно сходились въ рукопашный бой съ кольями; поле же сраженія было около самой почтовой дороги, ведущей изъ Тарусы въ Калугу. Этотъ же господинъ, разсердившись за что-то на своего сельскаго священника, заперъ однажды его (если вѣрить слухамъ) на цѣлую зимнюю ночь въ ретирадное, нетопленное мѣсто господскаго своего дома. И сколько ни доносила земская полиція губернскому начальству о всѣхъ безобразіяхъ этого господина, но долго все сходило ему съ рукъ, потому отчасти, что неумѣстно снисходительный начальникъ губерніи принималъ нѣкоторое въ немъ участіе, зная, что его дѣла были сильно запутаны уже и безъ того*). Но мало этого: хотя въ земскомъ судѣ находился сенатскій указъ о взятіи имѣнія Толбугина въ опеку за долги, робкія полицейскія власти долго отклонялись привести его въ исполненіе, такъ какъ г. Толбугинъ, въ подражаніи Шведскому королю Карлу XII въ Бендерахъ, заявилъ этимъ властямъ, что при ихъ приближеніи онъ запрется накрѣпко въ своемъ домѣ и съ своею вооруженною ватагою станетъ стрѣлять изъ оконъ на смѣльчаковъ, подходящихъ къ дому. Нашелся однакоже наконецъ не изъ нетрусливаго десятка другой исправникъ, Александръ Александровичъ Сумароцкій (и вдобавокъ силачъ, въ родѣ знаменитаго Лукина), который съумѣлъ какъ-то ворваться въ эту крѣпость черезъ заднее крыльцо и арестовалъ грознаго буяна*). Позднѣе, по взятіи въ опеку имѣнія, было предписаніе подвергнуть его личному

---

*) Никакъ не допускаю корыстныхъ или какихъ нибудь другихъ противузаконныхъ цѣлей въ дѣйствіяхъ этого губернатора. Человѣкъ онъ былъ благонамѣренный, честный и по себѣ очень богатъ, но горячъ до крайности. Готовя головомойку Ивану, гнѣвъ его оборвется по ошибкѣ на Петрѣ, коему не даетъ времени даже высказаться. Разсказываютъ, что, вызвавъ однажды въ назначенный день и часъ провинившагося становаго, онъ, выходя въ свою губернаторскую пріемную, напалъ на перваго тутъ стоявшаго человѣка, котораго онъ принялъ за становаго, тогда какъ это была какой-то помѣщикъ, желавшій представиться въ первый разъ его превосходительству. Тщетно старался помѣщикъ вставить одно слово для объясненія, кто онъ таковъ; губернаторъ и пикнуть ему не давалъ; наконецъ, когда бурный потокъ истощился, помѣщикъ откланиваясь сказалъ будтобы во всеуслышаніе: „Ну, говорили мнѣ, что губернаторъ съумасшедшій, теперь я самъ могу это подтвердить“.

*) А. А. Сумароцкій былъ неподкупенъ, распорядителенъ и дѣятеленъ по службѣ и такой силачъ, что останавливалъ тарантасъ на полномъ (будто бы) ходу одною рукою, и даже, какъ говорили, наступя ногою на колесо промежъ спицъ. Состояніе его было ограниченное, и на рукахъ у него были три сестры; двѣ незамужнія и прехорошенькія, а третья, молодая вдова, впавшая въ умопомѣшательство. Ему принадлежала часть села Безобразова, и онъ умеръ въ 1860-мъ году. Онъ служилъ прежде въ военной службѣ,

аресту (должно быть, за буйство), вслѣдствіе чего онъ скрывался нѣкоторое время въ самой Калугѣ, но на его бѣду пріѣхалъ изъ Питера сенаторъ князь Давыдовъ ревизовать губернію. И вотъ во время бала, даннаго губернаторомъ въ честь сановнаго (хотя незванаго) гостя, послѣдній подзываетъ полицмейстера и строго настрого приказываетъ ему немедленно разыскать и арестовать г. Толбугина. Губернскій нашъ Фуше (извѣщенный, быть можетъ, навѣрняка своими агентами) тутъ-же докладываетъ губернатору, что ему надо произвесть обыскъ въ его губернаторскомъ домѣ, дабы не отступить ему отъ сенаторскихъ приказаній. Губернатору противиться было невозможно, и вотъ полицмейстеръ, въ сопровожденіи понятыхъ, врывается въ губернаторскій кабинетъ и, къ общему скандалу, накрываетъ тамъ травленаго зайца. Впрочемъ, кажется, что г. Толбугинъ самонадѣянно пробрался туда безъ вѣдома хозяина кабинета. Сколько просидѣлъ онъ въ Калужскомъ острогѣ, не знаю; но позднѣе снова поселился онъ было въ своемъ Тарускомъ имѣніи, пока оно не поступило въ опекунское управленіе за долги, и надъ нимъ, кажется, былъ учрежденъ конкурсъ, по причинѣ его несостоятельности. Послѣ этого онъ еще шатался нѣкоторое время по Тарусскому уѣзду и сильно нуждался (я его видалъ тамъ въ концѣ 50-хъ годовъ), но о дальнѣйшей его судьбѣ мнѣ ничего неизвѣстно.

Безалаберная жизнь этого помѣщика разорительно подѣйствовала на экономическій бытъ его крестьянъ. Много позднѣе описываемаго здѣсь времени пришлось мнѣ по службѣ дѣлать секретное дознаніе (до формальнаго слѣдствія оно не дошло) о разныхъ злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти г. Толбугина *), и крестьяне показали мнѣ между прочимъ, что имъ не иначе приходится держать скотину, какъ подъ чужимъ именемъ и на сторонѣ, въ сосѣднихъ селеніяхъ, а не то, того и гляди баринъ ихъ отыметъ и послѣднюю скотину подъ предлогомъ вѣчныхъ недоимокъ, а по его барина счету недоимки никогда не переводятся, потому что годовой окладъ, каковъ бы онъ ни былъ, не установленъ на всегда. «Считай, молъ, примѣрно, что тебѣ въ началѣ года объявлено, что платить тебѣ въ годъ, 20 аль 25 рублей съ тягла (опричь, кажется, нѣкоторыхъ еще господскихъ работъ); ну, работа есть на сторонѣ, вотъ и идешь въ вотчинное правленіе за паспортомъ и внесешь весь годовой оброкъ сразу; деньги - то возьмутъ, а паспорта не выдадутъ, и говорятъ, что еще надо 5 рублевъ. При себѣ припасенныхъ ихъ нѣтъ; а баринъ велитъ разложить да сѣчь, пока

*) Это было въ 1857 году, когда я служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при Калужскомъ губернаторѣ, коимъ былъ тогда графъ Д. Н. Толстой.

добудешь денегъ». Сегодня дай, а завтра еще подай, и конца дѣлу нѣтъ. Усадьба этого милаго джентельмана была въ 35 или около того верстахъ отъ Калуги, и вотъ какъ наѣдутъ къ нему хоть бы утромъ неожиданные гости, и хватится онъ, что къ обѣду нѣтъ Шампанскаго, пошлетъ, бывало, нарочнаго на крестьянской тройкѣ въ Калугу за виномъ, съ наказомъ, чтобы онъ безпремѣнно поспѣлъ къ его обѣденному часу, хотя бы двѣ лошади изъ тройки пали дорогой, что, по разсказамъ крестьянъ, будто бы и случалось. И немудрено: крестьянской, не овсяной (извѣстно) тройкѣ приходилось проскакать въ оба конца 70 почти верстъ въ какихъ нибудь 8 или много-много 9 часовъ времени! И не засчитывалось бѣднякамъ ничего ни за эту гоньбу, ни за околѣвшихъ лошадей. А то еще случалось, что онъ, возвращаясь домой изъ Москвы, предпишетъ заранѣе, чтобы на двухъ или трехъ назначенныхъ имъ пунктахъ между Серпуховымъ, Тарусою и его имѣніемъ (находившимся на самомъ краю уѣзда, къ Калужской границѣ) было выставлено подъ его экипажи по 12 и болѣе крестьянскихъ лошадей, на каждомъ изъ этихъ пунктовъ. Бывало это въ самую рабочую лѣтнюю пору, баринъ опаздывалъ на цѣлую недѣлю и даже иногда болѣе, а лошади и люди все ждали, содержась на свой собственный счетъ; поля оставались неубранными, и мужики пришли въ крайнее разореніе. Вотъ вамъ очеркъ съ натуры безгласныхъ и беззащитныхъ страдальцевъ прекраснаго (но благодаря Бога отжившаго) крѣпостного права! А страдальцы эти были безгласны и беззащитны, потому что закономъ не допускалось, какъ извѣстно, жалобъ крѣпостнаго человѣка на своего владѣльца ни въ какихъ случаяхъ. Правда, что законъ указывалъ, въ случаяхъ жестокаго обращенія помѣщика съ крестьянами, брать имѣніе въ опеку; но подобныхъ примѣровъ было мало. Господа предводители дворянства неохотно выдавали въ огласку дѣйствія своихъ собратій: ужъ таковъ былъ у нихъ принципъ, par esprit de corps (т. е. твердо стоять за своихъ), а человѣчество между тѣмъ безвыходно страдало, какъ наприм. въ лицѣ Толбугинскихъ крестьянъ.

Въ началѣ осени заѣзжала къ намъ въ Знаменское З. С. Дивова съ малолѣтнимъ своимъ сыномъ Сергѣемъ Николаевичемъ, изъ Одессы, гдѣ она провела лѣто, а немного позднѣе пріѣхала Надежда Александровна Тимофеева съ неразлучной своей компаньонкою Анною Егоровною Гарботль: онѣ возвращались изъ путешествія въ Египетъ и къ святымъ мѣстамъ, каковое онѣ совершили вмѣстѣ съ княгинею Софіею Григорьевною Волконскою, примкнувъ къ ней предыдущею зимою въ Римѣ. Любезная моя кузина тогда очень любила постранствовать (и таковою отчасти осталась по сю пору), но пускаться на далекій Востокъ, вдвоемъ съ нестарой еще миссъ Гарботль, было несовсѣмъ

удобно, и потому, вѣроятно, она была рада случаю посѣтить эти историческія страны подъ эгидою почтенной, хотя эксцентричной особы. Княгиня С. Г. Волконская была всѣмъ извѣстна оригинальными своими выходками и неумѣстною въ мелочахъ скупостію, но странности эти доходили иногда до такихъ размѣровъ, что родственница моя чуть чуть не разошлась съ своею мнимою патронессою въ песчаныхъ пустыняхъ Сиріи. Дебютъ всему этому былъ въ Александріи, при выходѣ съ парохода. Хотя въ тамошнемъ Европейскомъ кварталѣ есть удобные отели, но свѣтлѣйшая супруга министра императорскаго двора, запасшись заблаговременно адресомъ какого-то болѣе дешеваго пристанища, увлекла своихъ спутницъ въ ночной тмѣ отыскивать по всему городу этотъ ночлегъ.

Вскорѣ по отъѣздѣ отъ насъ въ Тамбовъ Надежды Александровны, я получилъ отъ Н. А. Дивова приглашеніе навѣстить его въ сельцѣ Городищѣ (Рязанск. губ.), куда онъ только что возвратился изъ Италіи, гдѣ пробылъ одинъ цѣлые два года, и родственное его письмо сопровождалось двумя стами рублями на мои будто бы путевыя издержки. Я не заставилъ конечно долго себя ждать и, нанявъ крестьянскую тройку съ телѣгою, поѣхалъ къ нему въ началѣ Ноября, но не по Серпуховскому шоссе, черезъ Москву и Коломну, а прямякомъ черезъ Серпуховъ и вдоль берега Оки, на Каширу [1]), а оттуда транспортною дорогою на Зарайскъ [2]). Этимъ путемъ (непочтовымъ) выгадывалось до 94 верстъ, и впослѣдствіи я часто такъ ѣзжалъ изъ Знаменскаго въ Городище и обратно. Переправа черезъ Оку была подъ самою Каширой, по плашкоутному мосту, насупротивъ Бѣлопесоцкаго монастыря, стоящаго на Коломенскомъ берегу рѣки; а дорога отъ Серпухова, почти вплоть до этого монастыря, идетъ то густымъ боромъ, то заливными Окою лугами, и все это пространство входитъ въ составъ казенной Хатунской волости, принадлежавшей нѣкогда графу Алексѣю Григорьевичу Орлову-Чесменскому. Селенія по этой прибережной дороги обличаютъ зажиточность крестьянъ; дома у нихъ пятистѣнныя съ подклѣтями, мезонинами и крыты тесомъ, ни дать ни взять, какъ уголокъ Костромской или Нижегородской губерній, что̀ и составляетъ сильный контрастъ съ приземистыми избами Калужской и южной части Московской губерній, построенными почти безъ исключенія изъ осиновыхъ срубовъ и крытыхъ соломою. Куда люблю я останавливаться и

---

[1]) Кашира стоитъ на возвышенномъ правомъ берегу Оки и видна болѣе чѣмъ за 20 верстъ по Серпуховской дорогѣ, отчего и сложилась мѣстная простонародная поговорка: „Кашира изъ далека видна, а ногамъ обидна“.

[2]) Отъ Зарайска до Городища около 50 верстъ проселкомъ все время.

покормить лошадей въ селеніяхъ съ подобными постройками! Но случаи къ тому уже рѣдки при нынѣшнихъ желѣзнодорожныхъ сообщеніяхъ, на которыя я впрочемъ не жалуюсь. Въ пятистѣнномъ съ подклѣтью домѣ хозяинъ иначе совершенно глядитъ и съ вами разговариваетъ, чѣмъ домохозяинъ курной избы (что̀ отапливается по черному, безъ трубы) и съ соломенною крышею. Первый изъ нихъ смотритъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ до Грознаго царя, а житель курной избы (почти всегда изъ помѣщичьяго имѣнія) носитъ отпечатокъ небывалаго до послѣдняго царя Рюриковской династіи (Ѳедора Іоанновича) крѣпостнаго гнета; оба они вѣжливы съ вами и со всякимъ выше ихъ по положенію, но въ рѣчи послѣдняго слышится горемычный строй мысли съ подобострастными ужимками [3]).

Во время мѣсячнаго (съ чѣмъ нибудь) моего пребыванія въ Городищѣ, блеснула было надежда отстоять мое имѣніе. Николай Адріяновичъ пожелалъ разузнать подробнѣе о положеніи моихъ дѣлъ, и я выписалъ для этого преданнаго мнѣ Радзиковскаго, такъ какъ онъ одинъ ими занимался въ послѣдніе годы. По мнѣнію его, съ наличными 150 или много-много, 200 тысячами рублей, можно было бы скупить всѣ полтора милліона долговъ, сдѣланныхъ по моей довѣренности Леономъ [1]) а что̀ до накопившейся суммы за неплатежъ процентовъ по залогу моего имѣнія Воспитательному Дому, то тамошній Опекунскій Совѣтъ самъ боялся отвѣтственности (если бы дѣло это пошло въ огласку) за допущеніе столь огромной процентной недоимки, и потому былъ готовъ всячески содѣйствовать, въ чемъ могъ, чтобы уладить дѣло хозяйственнымъ какимъ нибудь способомъ, безъ огласки. Но короче всего было бы конечно внести сразу всю недоимку, доходившую почти до 150 тысячъ рубл. сер., чѣмъ бы и пріостановилась публичная продажа моего имѣнія, уже состоявшаяся, хотя безъ результата, по два раза въ году съ 1847 года, въ Костромскомъ губернскомъ правленіи. Планъ Радзиковскаго для устройства моихъ дѣлъ былъ приблизительно таковъ. Стараться отыскать человѣка, готоваго помочь мнѣ безъ убытка для себя.

Вызвался переговорить объ этомъ дѣлѣ съ коротко-знакомымъ

---

[3]) Хотя все это относится, конечно, къ былому времени крѣпостного права, однакоже подмѣченный мною оттѣнокъ не можетъ по сю пору изгладиться въ современномъ намъ поколѣніи.

[1]) При судебномъ разбирательствѣ долговыхъ моихъ обязательствъ, пожалуй, что могли быть признаваемы недѣйствительными около 200 тыс. рубл. сер. долгу сдѣланнаго Леономъ на свое собственное имя; значитъ, порядочный кушъ этимъ бы уничтожался.

ему милліонеромъ Николаемъ Александровичемъ Бутурлинымъ [1]), съ коимъ онъ долженъ былъ вскорѣ свидѣться въ Москвѣ и который, по словамъ Дивова, принималъ участіе въ бѣдственномъ моемъ положеніи. Лично съ Николаемъ Александровичемъ я не былъ знакомъ; разъ только въ жизни я встрѣтился съ нимъ, осенью 1830 г., когда я былъ ординарцемъ при А. И. Нейдгартѣ, во время моей службы при л. гв. гусарскомъ полку; и почему Н. А. Бутурлинъ интересовался мною, не знаю; развѣ потому, что мы оба носили одинаковую фамилію. Добрый мой Радзиковскій возвратился въ Москву, оживленный мечтою о возможности выпутаться мнѣ сразу изъ всѣхъ моихъ затрудненій; на счетъ же процентной моей недоимки въ Опекунскомъ Совѣтѣ мы придумали было прибѣгнуть къ княгинѣ Маріи Петровнѣ Волконской (всегда, какъ я уже говорилъ, ко мнѣ благоволившей), чтобы она ходатайствовала, если было возможно, о присоединеніи недоимки къ капиталу, черезъ ея свекра князя П. М. Волконскаго. Но увы! всѣ эти предположенія уже запоздали, какъ о томъ разскажу въ слѣдующей главѣ.

Городищинскій домъ состоялъ въ то время изъ четырехъ только комнатъ; онъ былъ поставленъ для временныхъ пріѣздовъ Николая Адріяновича, а вблизи къ нему, на дѣйствительной, хотя не очень высокой горѣ [2]), строился тогда каменный, изящный, но причудливой архитектуры, двухэтажный съ мезониномъ домъ, представляющій смѣсь древне-Русскаго стиля съ Швейцарскимъ шалѐ, и къ одному углу дома примыкалъ высокій минаретъ, оканчивающійся Мусульманскою полулуною, блестящею изъ далека. Это была фантазія почтеннаго моего кузена, восхищеннаго Константинополемъ, имъ посѣщеннымъ на обратномъ его пути изъ Италіи въ Одессу.

---

[1]) Отцовское его состояніе было незначительное въ сравненіи съ милліонами наличныхъ наслѣдованныхъ отъ его матери. Она, внося по нѣскольку разъ въ годъ по сотнѣ тысячъ рублей въ ломбардъ, не дожидалась истеченія года для полученія своихъ процентовъ (тогда по 6 въ годъ), безпрестанно вынимала свои милліоны и тутъ же вкладывала ихъ съ наросшими поденно процентами. Въ милліонномъ оборотѣ эти проценты съ рекамбіями составляли большой ростъ (много болѣе 6 процентовъ), а такъ какъ разсчеты эти, часто повторявшіеся, обременяли черезъ чуръ чиновниковъ Опекунскаго Совѣта, то состоялось съ тѣхъ поръ общее для всѣхъ распоряженіе, что тотъ, кто потребуетъ свой капиталъ прежде 6-ти мѣсячнаго срока, теряетъ право на полученіе процентовъ.

[2]) Говорю, на дѣйствительной горѣ, потому что у насъ принято обыкновенно называть горами или крутые скаты овраговъ, или возвышенные надъ рѣками берега, которые ни что иное какъ продолженіе (правильнѣе, окончаніе) возвышенной плоскости. Городищенская же гора произошла вѣроятно отъ волканическаго изверженія, и со всѣхъ ея сторонъ крутые довольно скаты.

Поводъ къ поспѣшному возвращенію Николая Адріяновича въ Россію былъ настолько важенъ, что требуетъ отступленія отъ разсказа объ этой моей первой поѣздкѣ въ Городище.

Дивовъ, будучи въ близкихъ сношеніяхъ съ графомъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ (тогда шефомъ жандармовъ) узналъ отъ него, что въ 1845 и 1846 году въ высшихъ правительственныхъ сферахъ начались приготовительныя работы по проекту объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и когда Николай Адріяновичъ уѣзжалъ въ 1846 году за границу, графъ Орловъ обѣщалъ дать знать ему, если мѣра эта вскорѣ осуществится. Получивъ въ Неаполѣ 1848 года обѣщанное отъ графа Орлова письмо, Николай Адріяновичъ собрался немедленно возвратиться въ Россію; но такъ какъ вся Германія была тогда волнуема революціонными смутами, то онъ долженъ былъ возвратиться не иначе какъ моремъ, черезъ Константиноль и Одессу, откуда поѣхалъ прямо въ Петербургъ. Тамъ онъ узналъ отъ графа Орлова, что, въ виду волненій, происходившихъ во Франціи, Германіи, Австріи и Италіи, императоръ Николай Павловичъ призадумался, и крестьянское дѣло отложено было въ дальній ящикъ. А висѣло оно тогда на ниточкѣ! *).

Возвращаюсь къ Городищенскому недостроенному дому. И мѣсто для него было выбрано весьма удачно, и подъѣздъ къ дому былъ черезъ готовый уже паркъ, устроенный Дивовымъ съ обычнымъ ему во всемъ вкусомъ, изъ стараго регулярнаго сада съ аллеями вѣковыхъ липъ, свидѣтельствовавшихъ о безслѣдно исчезнувшей господской усадьбѣ прошлаго вѣка. Прежнія прямыя и перекрещивавшіяся аллеи рѣдѣли подъ безпощаднымъ топоромъ, и отъ нихъ уцѣлѣли немногіе сравнительно съ прежними исполины, но достаточно, чтобы не оголить все это мѣсто, а главное, не осталось никакихъ слѣдовъ прежней симетріи въ насажденіи. Договорю кстати, что̀ стало съ этой недоконченной постройкой. До 1850-го года предполагалось достроить этотъ домъ; полы были уже настланы, и работали двери, оконники и косяки, какъ вдругъ все измѣнилось. Николай Адріяновичъ, пристрастившись къ коннозаводству (о которомъ никогда онъ дотолѣ не помышлялъ), началъ мало по малу расширять прежній домишко, стоявшій на топкой почвѣ, а потому немало стоило труда и денегъ возвысить все то мѣсто насыпью въ полтора, по крайней мѣрѣ, аршина,

---

*) Есть слухъ (переданный мнѣ однимъ достовѣрнымъ лицомъ), что Николай Павловичъ, умирая, завѣщалъ своему наслѣднику привести непремѣнно эту мѣру въ исполненіе. Считаю пустяками слухъ, будто бы эта мѣра поставлена была въ обязанность нашему правительству одною изъ секретныхъ статей Парижскаго трактата 1856 года.

чтобы хозяинъ дома могъ входить въ заводскія конюшни, прямо изъ своего кабинета [1]), вслѣдствіе чего нагорный домъ превратился въ хлѣбный амбаръ и складъ для уголья, а въ нижней его части помѣщались одно время столярныя и слесарныя мастерскія; а надъ всѣмъ зданіемъ царитъ по сю пору на минаретномъ шпилѣ неумѣстная Оттоманская эмблема, отражающая лучи солнца и настоящей луны за десять и болѣе верстъ кругомъ и приводящая въ заблужденіе (какъ говорятъ) иныхъ богомольцевъ-прохожихъ, которые творятъ предъ бусурманскою эмблемой крестное знаменіе.

Минаретъ этотъ былъ сооруженъ вслѣдствіе сильнаго впечатлѣнія и восторга, произведенныхъ на Дивова Константинопольскими мечетями, на подобіе каковыхъ Городищенскій минаретъ имѣетъ подъ своимъ шпилемъ балконъ вокругъ всей башни, съ высоты коего поклонники Пророка призываются къ молитвѣ. Его построилъ Рязанскій архитекторъ Воронихинъ, однофамилецъ и дальній родственникъ извѣстному (и безвкусному) строителю Петербургскаго Казанскаго собора.

Будучи свидѣтелемъ Римскихъ реформъ, ознаменовавшихъ первое время правленія Пія IX, Дивовъ восхищался тогдашними либеральными дѣйствіями Римскаго первосвященника-государя. Во главѣ Римской черни стоялъ тогда нѣкій Чичероваки, бывшій дровянымъ поставщикомъ Дивова, который видѣлъ, какъ на одномъ изъ торжественныхъ выѣздовъ папы этотъ демагогъ стоялъ на запяткахъ папской кареты, держа въ рукахъ распущенное знамя, на которомъ было написано «fiduccia nel popolo». [2]) Пій IX былъ въ то время идоломъ Римской черни; онъ освободилъ изъ темницъ всѣхъ томившихся тогда политическихъ преступниковъ и покушался на неслыханный дотолѣ починъ нѣсколькихъ либеральныхъ реформъ и учрежденій, въ томъ числѣ на назначеніе изъ міранъ (свѣтскаго званія) перваго своего министра графа Росси. Папа поощрялъ тогда духъ Италіянской національности, и въ честь его появился популярный гимнъ, припѣвъ коего былъ «E viva l'Italia, e viva Pio Nono, e viva l'unione ela libertà». Гимнъ этотъ распѣвался тогда съ подобнымъ же энтузіазмомъ, съ которымъ пѣли въ 1860 и 1861 году гимнъ Гарибальди. Къ сожалѣнію, папская либеральная инициатива не достигнула цѣли основать Итальянскую самостоятельность въ образѣ федераціи всего полуострова и покончить съ Австрійскимъ владычествомъ. Революціонерная республиканская партія, предводимая извѣстнымъ Мадзини, взяла верхъ въ Римѣ, и пер-

---

[1]) Подобное точно устройство было прежде и при скотномъ дворѣ Дивова на Земинской фермѣ.

[2]) „Довѣренность къ народу“.

вымъ ея дѣйствіемъ было убійство графа Росси при входѣ его въ Квиринальскій дворецъ съ служебнымъ докладомъ къ папѣ. Анархія восторжествовала, и въ слѣдующемъ (1849) году папа вынужденъ былъ тайкомъ уѣхалъ въ Гаету. Въ Римѣ провозглашена была республика съ тріумвиратомъ изъ Мадзини, Армеллини и Кампелло. Извѣстно, какъ вмѣшался въ дѣло Наполеонъ, бывшій тогда президентомъ Французской республики; онъ выслалъ корпусъ подъ начальствомъ генерала Удино, который взялъ Римъ приступомъ и возстановилъ снова папскую свѣтскую власть. Дивовъ, въ своемъ восторгѣ отъ первоначальныхъ административныхъ мѣръ папы, привезъ съ собою картину, писанную масляными красками, изображающую Пія IX въ видѣ солнца, освѣщающаго темницу, изъ коей онъ освобождаетъ лежащаго на полу политическаго преступника: Дивовъ также разсказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ Римѣ, въ числѣ папской національной гвардіи или его тѣлохранителей, одного князя Голицына (племянника Московскаго старика князя Сергѣя Михайловича), перешедшаго въ латинство.

Въ Городинцѣ засталъ я Николая Адріановича, жившаго тамъ вдвоемъ съ его домашнимъ медикомъ, «sapientissimo domino» Корнеліемъ Павловичемъ Бестомъ, Страсбургскимъ уроженцемъ, желавшимъ выдавать себя за Француза, хотя Тевтонское его произношеніе безпощадно искажало Вольтерово нарѣчіе. Мы провели втроемъ около полутора мѣсяца въ этомъ уединеніи безъ скуки. Александръ Андріановичъ Дивовъ (эксъ-іезуитъ) не возвращался еще въ Россію, при всемъ его желаніи вырваться изъ Дрездена, гдѣ онъ застрялъ вслѣдствіе революціоннаго пламени, охватившаго тогда всю Германію.

Dominus Бестъ былъ высокій и видный еще старикъ, съ остатками правильныхъ когда-то чертъ лица. Хотя о своихъ годахъ не охочъ былъ говорить, но они помимо его воли высказывались приблизительно въ его разсказахъ объ Испанской войнѣ 1807 и 1810 годовъ, когда онъ служилъ старшимъ уже (кажется мнѣ) хирургомъ въ Наполеоновской арміи, по каковому разсчету, въ описываемое мною время (т. е. въ 1848 году) наврядъ ли могло быть ему менѣе 75 лѣтъ *). По умиреніи Европы въ 1814 и 1815 году, онъ примкнулъ къ нашимъ войскамъ за границей и, пріѣхавъ въ Россію, попалъ домашнимъ медикомъ къ князю Егору Александровичу Грузинскому, въ знаменитое его Лысково, гдѣ и прожилъ 20 лѣтъ; но, ни тогда, ни впослѣдствіи, онъ не дерзалъ написать никакого рецепта, и вотъ почему. Хотя онъ былъ труженикъ надъ своею наукою и выписывалъ иностранные медицинскіе журналы чуть ли не до послѣднихъ дней

*) По позднѣйшимъ извѣстіямъ, онъ былъ еще въ живыхъ въ 1859 году.

жизни, но не рѣшался выдержать надлежащій для практики публичный экзаменъ, отъ лѣни, мѣшкотности или робкости, не знаю; въ теченіе сорокалѣтняго своего пребыванія въ Россіи онъ все будто бы готовился выдержать университетское испытаніе и померъ съ этимъ благимъ намѣреніемъ, не выучившись, какъ истый Нѣмецъ, свободно объясняться по-русски. А что могъ бы онъ блистательно даже выдержать экзаменъ, о томъ свидѣтельствовали его собратія. Авторитетный Московскій врачъ А. И. Оверъ, познакомясь съ нимъ черезъ Дивова, говорилъ о немъ слѣдующее: «Предъ медицинскими познаніями г-на Беста мы всѣ должны шапки скидывать». А между тѣмъ вся эта годами добытая теорія ни къ чему не служила и, насколько мнѣ извѣстно, почтенный Корнелій Павловичъ не могъ вылѣчить даже отъ насморка, да и самъ Николай Адріановичъ не довѣрялъ ему и прибѣгалъ къ пособію другихъ врачей. Почему держалъ онъ такъ долго при себѣ ненужнаго ему медика, было для меня загадкою; быть можетъ, двоюродный мой братъ былъ радъ имѣть при себѣ всегдашняго компаніона (хотя и трунилъ надъ нимъ), во время продолжительныхъ своихъ пребываній въ деревнѣ, или быть можетъ держалъ онъ доктора Беста изъ жалости къ его безресурскому положенію и употреблялъ его только для вида, для пользованія дворовыхъ людей и крестьянъ *). А о полезной его дѣятельности можно судить по слѣдующему случаю. Однажды братъ мой пошелъ со мною навѣстить на деревнѣ какого-то больного, въ которомъ онъ принималъ особенное участіе, и на его разспросы, навѣщаетъ ли больного Корнелій Павловичъ, суетливая домохозяйка отозвалась: «Какъ же, батюшка, ваше превосходительство, онъ бываетъ у насъ, дай Богъ ему здоровья», и братъ мой успокоился. Но кто-то изъ его домашнихъ, зная вдоль и поперекъ мудренаго Городищенскаго эскулапа, вслѣдъ за тѣмъ отправился разспрашивать туже старуху, какія именно наставленія далъ больному ихъ докторъ, и услыхалъ отвѣтъ: «Наговорилъ-то онъ много, да Христосъ его знаетъ, чудно говоритъ онъ, ничего не поймешь». Потѣшно бывало также, когда Николай Адріановичъ попроситъ его прописать какой нибудь нужный рецептъ, чтобы сейчасъ отправить съ посланнымъ въ Рязанскую аптеку [1]). Вертитъ бывало онъ, вертитъ перомъ и поддергиваетъ его, какъ будто бы онъ сидѣлъ на горячихъ угольяхъ, да тайкомъ начер-

*) Впрочемъ, родственникъ мой сказывалъ мнѣ, что во время одной холеры въ Городищѣ докторъ Бестъ съ успѣхомъ лѣчилъ. Онъ получалъ 500 (помнится мнѣ) рублей въ годъ, а когда онъ отошелъ отъ Дивова въ концѣ 50-хъ годовъ, Николай Адріановичъ назначилъ ему пожизненную пенсію въ 100 (кажется) рублей.

[1]) Хотя Городище и въ Зарайскомъ уѣздѣ, но отстоитъ отъ Рязани въ 23 только верстахъ и въ двухъ верстахъ отъ старой шоссейной дороги.

тить не рецептъ (этого онъ всегда тщательно избѣгалъ, боясь отвѣтственности), а записочку другу-пріятелю своему Рязанскому апрекарю Баниге, начинавшуюся въ этомъ родѣ: «Ich bitte, liebster Herr» [1]) приготовить такой-то и такой-то составъ для такого рода болѣзни и пр. Исполнялъ ли въ точности подобныя его требованія другъ и пріятель Баниге, не упомню; но быть можетъ, что и исполнялъ, потому что осторожный непатентованный нашъ врачъ избѣгалъ, вѣроятно, ядовитаго лекарства или черезчуръ сильныхъ ингредіентовъ. Былъ у него и конекъ совѣтовать употребленіе кофея во многихъ случаяхъ, даже отъ болѣзни печени; это было, потому что самъ онъ чрезмѣрно любилъ и при всякомъ удобномъ случаѣ чрезмѣрно употреблялъ этотъ напитокъ, хоть бы до полудюжины стакановъ до обѣда и, конечно, со сливками. Изъ себя онъ былъ неряха: лѣтомъ ходилъ въ холщевомъ балахонѣ, а зимой въ камлотовомъ или истертаго сукна длиннополомъ сюртукѣ, и всегда съ коротенькою трубочкою въ зубахъ, которая бывала нерѣдко безъ огня, но которую онъ всетаки продолжалъ сосать. Шубенкою, онъ, кажется, не обзавелся до конца жизни; развѣ что при самой сильной стужѣ напяливалъ онъ какой ни есть овчинный полушубокъ, а то разъѣзжалъ и ходилъ въ одной ваточной шинели. Видалъ я его ходящаго по двору въ Никольскіе морозы въ одномъ изношенномъ фракѣ. Вотъ какой былъ онъ крѣпышъ. Въ ѣдѣ былъ неумѣренъ, когда обѣдалъ на чужой счетъ, и скареденъ, когда ѣлъ свое.

Читатель, видали ли вы на старыхъ эстампахъ внутренность лабораторіи какого-нибудь средневѣковаго алхимика или астролога? Таковымъ приблизительно было логовище Городищенскаго эскулапа. Такъ какъ не помѣщались уже по стѣнамъ книжные шкапы, то прибавочные таковые стояли вдоль и поперекъ комнаты, образуя узкіе и едва доступные къ книгамъ проходы. Составъ самой библіотеки былъ не изъ медицинскихъ только книгъ, но тутъ были и роскошныя довольно изданія по части естествовѣдѣнія, зоологіи, минералогіи, астрономіи, ботаники, и даже садоводства и агрономіи; въ послѣдней Бестъ пикировался быть знатокомъ. Но всѣ эти сочиненія стояли перемѣшенными промежъ себя безъ классификаціи, и бо́льшею частію въ бумажныхъ оберткахъ (переплетъ ихъ всѣхъ былъ не по карману хозяина). Всѣ книги были покрыты густымъ слоемъ пыли, такъ какъ до нихъ не прикасался никакой вѣникъ. По столамъ, стульямъ, лавкамъ и подоконникамъ разбросаны были въ перемежку картузы съ сушеными медицинскими травами, а въ бумажныхъ завернутыхъ лоскутахъ васильки (для куренія), чай, нѣчто въ родѣ кофея, махорка, сахаръ, за-

---

[1]) „Прошу васъ, милостивый государь“.

черствѣлыя отъ закуски хлѣбныя корки, подзорная какая-нибудь трубка, толстѣйшія связки въ нѣсколькихъ рядахъ сушеннаго гербарія (а гербарій былъ дѣйствительно изъ замѣчательнѣйшихъ, такъ какъ надъ нимъ трудился г. Бестъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ и по разнымъ мѣстностямъ Россіи); и промежъ всего этого хлама выглядывали кофейникъ, чайникъ, ступки, вѣсы, бутылки съ квасомъ и настойками и съ медицинскими ингредіентами. Тутъ же были нѣкоторые минералогическіе специмены и допотопныя окаменѣлости, и чуть ли еще не глины разнаго рода. Недоставало только чучелъ, череповъ и высушенныхъ шкуръ пресмыкающихъ животныхъ или живой Минервинной птицы, чтобы довершить сходство этого обиталища съ мастерскою искателя философскаго камня. И не дотрогивался до этого хлама ни даже Гришка, мальчикъ, отданный ему въ услуженіе Николаемъ Адріяновичемъ, котораго докторъ нашъ постоянно бралъ съ собою въ своихъ ботаническихъ экскурсіяхъ, съ цѣлью познакомить его съ Латинскими названіями цѣлебныхъ травъ и злаковъ. Мало того, для вящаго образованія Гришки, менторъ его началъ долбить съ нимъ Латинскую грамматику, а въ спряженіи глаголовъ докторъ замѣнилъ (какъ онъ самъ мнѣ этимъ похвастался) глаголъ первой отрасли «amo, amas, amat» [1]) на «opero, operas, operat» [2]), дабы не расположить юнаго воображенія ученика къ любовнымъ помысламъ. Такое нравственное воспитаніе однакоже не удалось: Гришка сдѣлался отъявленнымъ пьяницею и буяномъ, и баринъ его забрилъ ему не въ очередь лобъ. Старикъ Бестъ былъ Римско-католическаго исповѣданія, религіозенъ и нравственъ; но не могъ я воздерживать улыбки, когда, бывало начнетъ онъ хвалиться своимъ воздержаніемъ отъ женщинъ, тогда какъ онъ перешелъ уже на 8-ой десятокъ. Педанство его какъ Эллиниста доходило до того, что онъ упорно употреблялъ слово «оксосъ» вмѣсто уксусъ, на томъ-де основаніи, что оно Греческое.

Во время моего пребыванія въ Городищѣ, навѣщали изрѣдка моего двоюроднаго брата, изъ его сосѣдей, Алексѣй Аѳанасьевичъ Ракитинъ и обрусѣвшій Нѣмецъ Андрей (по отчеству забылъ) Гоферландъ. Хорошо не помню, въ этомъ или въ слѣдующемъ 1849 году, пріѣзжалъ однажды обѣдать къ Дивову тогдашній Рязанскій губернаторъ Павелъ Сергѣевичъ Кожинъ, хорошій, но желчнаго темперамента человѣкъ, и не въ милости у мѣстнаго дворянскаго сословія. Опала эта была впрочемъ для него не болѣе какъ жужжаніе мухъ, такъ какъ онъ былъ племянникъ князя Петра Михайловича Волконскаго. Весьма справедливо говаривала умнѣйшая мнѣ знакомая жена одного губернатора, что часто нельзя знать причины, почему провинціальное общество то

[1]) Глаголъ „люблю“.

[2]) Глаголъ „работаю“.

возлюбитъ, то возненавидитъ начальника своей губерніи. А что касается до враждебныхъ отношеній, нерѣдко также встрѣчающихся между губернаторами и губернскими предводителями дворянства, то это уже дѣлается по принципу, дабы выказывать передъ избирателями свою самостоятельность и тѣмъ пріобрѣсти сословную популярность. Однажды, хотя много позднѣе, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, управлявшій (въ 1856 году) Рязанскою губерніею во время продолжительнаго отпуска за границу настоящаго губернатора Петра Петровича Новосильцова, говорилъ мнѣ по поводу вышепомянутыхъ враждебныхъ столкновеній: «Не замѣчаете-ли вы, любезный графъ, какъ Петру Николаевичу Бухвостову (тогда Рязанскому губернскому предводителю) не ловко быть въ хорошихъ со мною отношеніяхъ?» А между тѣмъ, всякой придирки къ ссорѣ графъ Дмитрій Николаевичъ тщательно избѣгалъ, какъ калифъ на часъ, да и будучи самъ Рязанскимъ помѣщикомъ и дворяниномъ (по Данковскому уѣзду), на него по неволѣ смотрѣлъ П. Н. Бухвостовъ какъ на своего собрата и подчасъ даже кліента, а относительно къ настоящему губернатору иное было дѣло; и какъ ни былъ добродушенъ, вѣжливъ и снисходителенъ П. П. Новосильцовъ, но губернскій предводитель такъ ловко началъ маневрировать, что добился наконецъ до гласнаго съ губернаторомъ разрыва. Кичились, бывало, эти гг. губернскіе предводители, что они во всемъ-молъ равны съ начальниками губерніи, а какое тутъ равенство, когда губернаторъ аттестуетъ ежегодно губернскаго предводителя и предсѣдательствуетъ во всѣхъ дворянскихъ и общественныхъ комитетахъ, въ коихъ участвуетъ губернскій предводитель, какъ членъ оныхъ? *)

Николай Адріяновичъ повезъ меня къ ближней его сосѣдкѣ (въ 1½ верстѣ), Натальѣ Петровнѣ Дубовицкой, бездѣтной вдовѣ. Премилая и всѣми уважаемая эта особа скончалась, не въ старомъ еще возрастѣ, слѣдующею весною (1849 года) отъ послѣдствій, какъ слышно было, курса искусственныхъ водъ Виши, ошибочно ей прописанныхъ, и имѣніе ея, сельце Глѣбково, досталось двоюродному ея брату Ивану Ивановичу Лихонину, служившему тогда въ Московскомъ почтамтѣ.

Въ половинѣ Декабря я возвратился саннымъ путемъ въ Знаменское, той же самой дорогой черезъ Зарайскъ, Каширу и Серпуховъ, а почти что вслѣдъ за мною Николай Адріяновичъ уѣхалъ въ Москву. Всю зиму я провелъ въ Знаменскомъ.

---

*) Мнѣ передано было, что ненависть Рязанскихъ дворянъ къ П. С. Кожину доходила далеко за предѣлы приличій принятыхъ у всѣхъ благовоспитанныхъ людей: интеллигентное это сословіе не поколебалось сдѣлать публичный эффектъ красавицѣ его дочери Екатеринѣ Павловнѣ Кожиной. Бѣдная эта молодая дѣвушка, пріѣхавшая съ отцемъ на одинъ балъ въ тамошнее дворянское собраніе, просидѣла весь вечеръ на стулѣ, не получивъ ни одного ангажамента на танцы.

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ М. О. СУДІЕНКО.

I.

Mon cher Soudenko, si vous n'avez pas été payé jusqu'à présent, c'est la faute de mon commissionaire, qui avait égaré l'adresse du vôtre. Quant à moi, j'avais tout à fait oublié son nom, et vos 4000 vous attendaient tout cachetés, depuis plus de 6 mois.

Arrivé à Petersbourg, je vous avais écrit à Черниговъ (?) pour savoir au juste votre adresse, pour vous feliciter avec votre mariage et pour vous proposer 50 r. à prendre. Vous m'apprenez que vous avez perdu l'appetit et que vous ne déjeunez plus comme entems jadis. C'est dommage; faites de l'exercice, venez en poste à P. b., et cela reviendra. Здѣсь у насъ, мочи нѣтъ, скучно: игры нѣтъ, а я все таки проигрываюсь. Объ Яковлевѣ имѣю печальныя извѣстія. Онъ въ Парижѣ. Не играетъ, къ дѣвкамъ не ѣздитъ и учится по Англійски. Долгорукій пріѣхалъ на дняхъ. Этотъ подаетъ надежду. Покамѣстъ умираю со скуки. Пріѣзжай, мой милый, или съ горя я къ тебѣ пріѣду. Прощай, душа моя; будь счастливъ и прости мнѣ невольное несдержаніе слова. А. Пушкинъ.

22 Января 1830.
С.-Петербургъ.

Его высокоблагородію Михаилу Осиповичу Судіенкѣ.

Переводъ. Любезный мой Судіенко! Если я съ вами не расплатился до сихъ поръ—это по винѣ моего повѣреннаго, который потерялъ адресъ вашего; я же совершенно позабылъ его имя, и ваши 4 тысячи ждали васъ совсѣмъ запечатанные шесть мѣсяцевъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я вамъ написалъ въ Черниговъ (?) для того, чтобы навѣрное узнать вашъ адресъ, поздравить васъ съ вашею женитьбою и предложить вамъ взять 50 р. Вы меня извѣщаете, что у васъ пропалъ аппетитъ и что вы больше не завтракаете, какъ бывало нѣкогда. Это жаль. Упражняйтесь, пріѣзжайте по почтѣ въ Петербургъ, и пойдетъ по старому.

II.

Vous m'écrivez, mon cher Soudenko, une lettre si horriblement cérémonieuse que j'en suis tout étourdi. Les 4000 r. en question vous attendaient tout cachetés depuis le mois de juillet; mais j'avais perdu l'adresse de votre homme d'affaires et je n'avais pas la vôtre. Il y a un mois que m-r Lerch est venu révendiquer la somme et qu'il l'a touché tout de suite. Je voulais vous envoyer le reçu qu'il m'a laissé, mais je ne sais ce que j'en ai fait. Pardon encore une fois, et merci pour la complaisance que vous avez eu d'attendre si longtemps.

Je quitte Pétersbourg ces jours-ci; je passerais, probablement, l'été à la campagne. Peut-être viendrai-je dans vos contrées. Vous me permetterez, j'espère, de venir frapper à votre porte. Si vous voulez m'écrire en attendant, adressez vos lettres E. B. Петру Александровичу Плетневу въ Екатерининскомъ Институтѣ. Addio, a rivederla.

A. Pouchkine.

12 Février 1830.

Его высокородію милостивому государю, Михаилу Осиповичу Суденкѣ, въ Стародубъ, въ Черниговской губерніи.

Переводъ. Ваше письмо ко мнѣ любезный мой Судіенко, до такой степени ужасно церемонно, что я имъ вполнѣ огорошенъ. 4 т. р., о которыхъ идетъ дѣло, ждали васъ совсѣмъ запечатанныя съ Іюля мѣсяца; но я потерялъ адресъ вашего повѣреннаго и не имѣлъ вашего адреса. Мѣсяцъ тому назадъ г. Лерхъ спросилъ этихъ денегъ и тотчасъ получилъ ихъ. Я хотѣлъ послать вамъ росписку, которую онъ мнѣ далъ въ полученіи; но не знаю, куда она дѣвалась. Еще разъ извините и примите мою благодарность за любезность вашу въ столь долгомъ ожиданіи.

На дняхъ я уѣзжаю изъ Петербурга и вѣроятно проведу лѣто въ деревнѣ. Можетъ быть побываю въ вашихъ краяхъ. Надѣюсь, вы мнѣ позволите постучаться у вашихъ дверей. Между тѣмъ, если захотите мнѣ написать, адресуйте ваши письма с. в. Петру Александровичу Плетневу въ Екатерининскомъ институтѣ. Прощайте, до свиданья. А. Пушкинъ.

III.

Боюсь я, любезный Михайло Осиповичъ, чтобъ долгая разлука совсѣмъ насъ не раззнакомила; однако попытаюсь напомнить тебѣ о своемъ существованіи и поговорить о важномъ для меня дѣлѣ.

Надобно тебѣ сказать, что я женатъ около года, и что вслѣдствіе сего образъ жизни моей совершенно перемѣнился, къ неописанному огорченію Софьи Остафьевны и кавалергардскихъ шаромыжни-

ковъ. Отъ картъ и костей отсталъ я болѣе двухъ лѣтъ; на бѣду мою я забастовалъ будучи въ проигрышѣ, и расходы свадебнаго обзаведенія, соединенные съ уплатою карточныхъ долговъ, разстроили дѣла мои. Теперь обращаюсь къ тебѣ: 25.000 данныя мнѣ тобою заимообразно, на 3 или по крайней мѣрѣ на 2 года, могли бы упрочить мое благосостояніе. Въ случаѣ смерти, есть у меня имѣніе, обезпечивающее твои деньги.

Вопросъ: можешь ли ты мнѣ сдѣлать сіе, могу сказать, благодѣяніе? En fait de grands propriétaires[1]) трое только на семъ свѣтѣ состоятъ со мною въ сношеніяхъ болѣе или менѣе дружескихъ: ты, Яковлевъ и еще третій. Сей послѣдній[2]) записалъ меня недавно въ какую-то коллегію и далъ уже мнѣ (сказываютъ) 6.000 годового дохода; болѣе отъ него не имѣю права требовать. Къ Яковлеву въ прежнее время явился бы я со стаканчиками и предложилъ бы ему un petit déjeuné[3]); но онъ скупъ, и я никакъ не рѣшусь просить у него денегъ взаймы. Остаешься ты. Къ одному тебѣ могу обратиться откровенно, зная, что если ты мнѣ и откажешь, то это произойдетъ не отъ скупости или недовѣрчивости, а просто отъ невозможности.

Еще слово: если надежда моя не будетъ тщетна, то прошу тебя назначить мнѣ свои проценты, не потому что они были бы нужны для тебя, но мнѣ иначе деньги твои были бы тяжелы. Жду отвѣта и дружески тебя обнимаю. Весь твой А. Пушкинъ, 15 Января (1832). Адресъ мой—въ Галерной, домъ Брискорнъ.

*

Письма эти печатаются съ подлинниковъ, принадлежащихъ Марьѣ Александровнѣ Егоровой, и ей приносимъ мы благодарность нашу за позволеніе напечатать ихъ. Хотя содержаніе ихъ не имѣетъ особаго значенія, новсе же они прибавляютъ нѣкоторыя черты къ будущей полной біографіи поэта, столь дорогого Русскому сердцу, что каждая малость о немъ имѣетъ цѣну. Его загробные звуки, даже и слабые, не должны пропадать въ забвеніи.

Письма писаны къ родному дѣду М. А. Егоровой, М. А. Судіенкѣ, сыну Осипа Степановича († 1811), который въ прошломъ вѣкѣ былъ дѣльцомъ при князѣ Безбородкѣ, завѣдывалъ его имѣніями и былъ его душеприкащикомъ (См. о немъ „Архивъ Князя Воронцова", кн. XII—XIV, XVIII, XXX и XXXII). Михаилъ Осиповичъ, родившійся въ 1803 году и рано осиротѣвшій, воспитывался у опекуна своего Малороссійскаго генералъ-губернатора князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго, который, какъ

---

[1]) Т. е. изъ числа крупныхъ собственниковъ.

[2]) Государь Николай Павловичъ. П. Б.

[3]) Т. е. небольшой завтракъ.

и его супруга Александра Николаевна, ур. свѣтлѣйшая княжна Салтыкова, замѣнили ему родительскій домъ. Князь Лобановъ славился своимъ благодушіемъ и общительностью. Судіенко выросъ въ лучшемъ обществѣ тогдашней знати. Изъ сыновей князя одинъ былъ женатъ на родной племянницѣ князя Безбородки, а другой на княжнѣ Лопухиной. Просвѣщеніе, начитанность и изящный вкусъ съ дѣтства усвоились молодому Судіенкѣ. Онъ былъ нѣкоторое время въ Пажесскомъ корпусѣ. Изъ его формуляра видно, что въ 1824 году онъ служилъ корнетомъ въ Лейбъ-Кирасирномъ полку, а черезъ три года поступилъ адъютантомъ къ шефу жандармовъ и командующему императорскою главною квартирою всесильному тогда графу Бенкендорфу, съ которымъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1828 года. Судіенкѣ поручено было отвезти въ Штутгардъ тѣло убитаго на войнѣ Константина Христофоровича Бенкендорфа. Въ слѣдующемъ году Судіенко вышелъ въ отставку и женился на Надеждѣ Михайловнѣ Миклашевской. Съ 1835 по 1841 годъ служилъ онъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ Новгородъ-Сѣверскѣ. За пожертвованія на устройство благороднаго пансіона при Черниговской гимназіи изъявлена ему благодарность всего дворянства, и въ 1842 г. избранъ онъ почетнымъ попечителемъ гимназіи, въ каковой должности учредилъ неподвижную библіотеку при тойже гимназіи, содѣйствовалъ устроенію больницы, пансіона для учениковъ, много жертвовалъ и трудился на пользу ввѣреннаго ему дѣла. Въ 1847 г. онъ высочайшимъ повелѣніемъ назначенъ попечителемъ отъ короны Бѣлоцерковской гимназіи, а затѣмъ предсѣдателемъ временной археологической комиссіи, учрежденной при Кіевскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ въ 1848 году.

Высокообразованный, богатый, красавецъ собою, въ первые годы Николаевскаго царствованія Судіенко выдѣлялся въ кругу молодежи и пріятелей А. С. Пушкина, любившаго проводить время въ большомъ свѣтѣ. Памятникомъ любви къ просвѣщенію и родному самосознанію остаются изданные М. О. Судіенкою книги: „Черниговскаго намѣстничества Географическое описаніе, сочиненное Аѳанасіемъ Шаховскимъ, Кіевъ 1851, 4°, XXII и 697 стр. съ 2 картами, и двѣ книги Матеріаловъ для Отечественной Исторіи“, Кіевъ 1853—1855, 8°. Въ первомъ бумаги Даніила Апостола, во второмъ письма къ гетману Скоропадскому. Къ сожалѣнію друзей исторической науки ослабѣвшее зрѣніе помѣшало дальнѣйшимъ трудамъ издателя. М. А. Судіенко скончался 8 Сентября 1872 года въ Новгородъ-Сѣверскѣ, гдѣ память его пребудетъ на вѣки. П. Б.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ ПО ИСТОРІИ КАВКАЗА.

Редакція „Кавказскаго Сборника“, съ прежними томами котораго мы имѣли случай познакомить читателей „Русскаго Архива“, продолжаетъ дарить любителей отечественной исторіи дальнѣйшими томами „Сборника“, по прежнему заключающими интересный матеріалъ не для одной исторіи Кавказской войны. Вышедшій не такъ давно XVIII томъ (Тифлисъ, 1897, 506 стр.) состоитъ изъ слѣдующихъ статей: „Служба артиллерійскаго офицера, воспитывавшагося въ 1 Кадетскомъ корпусѣ и выпущеннаго въ 1815 году“ (окончаніе) *Э. В. Бриммера* (стр. 1—131), „Обзоръ событій на Кавказѣ въ 1851 году“ *К.* (132—203), „Изъ дневника Дагестанца“ *П. К.* (204—287), „Война на восточномъ Кавказѣ съ 1824 по 1834 г. въ связи съ мюридизмомъ“ (продолженіе) *П. Кублицкаго* (288—351), „Разсказъ у.-о. Апшеронскаго полка Самойлы Рябова о своей боевой службѣ на Кавказѣ“ *А. Державина* (352—381), „Матеріалы для исторіи сѣвернаго Кавказа 1787—1792 гг.“, продолженіе (382—506).

Окончаніе высоко интересныхъ Записокъ генерала Бриммера, печатаніе которыхъ началось съ XV-го тома „Кавказскаго Сборника“, въ разсматриваемомъ томѣ заключаетъ въ себѣ воспоминанія о времени съ 1855 г. по 1872 г. (авторъ скончался въ 1874 году). Въ гл. XXII-й Бриммеръ разсказываетъ о блокадѣ и сдачѣ Карса въ 1855 году. Назначеніе Н. Н. Муравьева намѣстникомъ, военныя дѣйствія подъ Карсомъ, гдѣ авторъ состоялъ начальникомъ дѣйствующаго корпуса, штурмъ и, наконецъ, сдача Турецкой арміи составляютъ содержаніе этой главы. Въ слѣдующей, XXIII гл. заключается „разборъ дѣйствій нашихъ въ 1855 году“. Для историка Турецкой войны 1854—1856 годовъ найдется обильная жатва, какъ при описаніи военныхъ дѣйствій, такъ и для характеристики дѣйствовавшихъ лицъ. Бриммеръ приходитъ къ заключенію, что штурмъ Карса не удался отъ того: 1) что было три отряда и три начальника; 2) что намъ неизвѣстно было подробное расположеніе укрѣпленій и профиль ихъ; 3) усталость людей; 4) отдѣленіе резерва, которому лучше было стоять совсѣмъ у подошвы горы, 5) не было единства начальства надъ штурмующей колонною и резервомъ. „Тогда бы этотъ начальникъ своевременно посылалъ помощь, и общія настойчивыя распоряженія, можетъ, имѣли бъ скорый успѣхъ, который могъ произвести паническій страхъ и оставленіе другихъ редутовъ“. Возможно, что положеніе, занимаемое авторомъ воспоминаній при осадѣ и штурма Карса, не-

XIV. Письма кн. Кочубея (1792—1812), гр. И. Маркова (1782—1805), кн. А. И. Вяземскаго (1795—1806), П. А. Левашова (1786—1791), И. П. Страхова (1785—1801).

XV. Письма А. Я. Протасова (1783—1798). Переписка гр. С. Р. Воронцова съ кн. А. Чарторыжскимъ (1803—1807). Записки отъ С. Р. Воронцова о внутреннемъ управлеціи въ Россіи. Записка о жизни и дѣятельности Питта младшаго.

XVI. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его отцу (1759—1789), къ П. В. Завадовскому, гр. А. А. Безбородко. Переписка съ Екатериной Второй для предотвращенія войны съ Англіею (1788—9) письма къ гр. Остерману, М. К. Макарову, Павлу Петровичу, К. С. Рындину и другимъ.

XVII. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его сыну (1798—1830).

XVIII. Письма кн. В. П. Кочубея къ гр. С. Р. Воронцову (1791—1805). Д. И. Татищева къ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовымъ (1794—1804). Н. Н. Новосильцова (1801—1805).

XIX. Переписка гр. С. Р. и А. Р. Воронцовыхъ съ П. В. Чичаговымъ (1796—1805) и С.К.Грейгомъ (1776—1826).

XX. Письма гр. А. И. Моркова къ гр. С. Р. Воронцову (1786—1816), В. С. Тамары (1775—1803), А. Я. Италинскаго (1787 — 1806), барона Грима (1793—1804), В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова (1800—20). Моск. оберъ-полиц. П. Н. Каверина. Мысли о родѣ занятій Русскаго министра въ Римѣ.

XXI. Автобіографія кн. Е. Р. Дашковой. Бумаги по управленію Академіей Наукъ. Письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ о кончинѣ Петра III-го. Письма кн. Е. Р. Дашковой къ А. Р. Воронцову. Письмо Е. Р. Полянской къ гр. С. Р. Воронцову (1783—7).

XXII. Переписка гр. С. Р. и Л. Р. Воронцовыхъ съ бар. А. Л. и П. А. Николаи (1796—1816).

XXIII. Письма Н. М. Логинова къ графу С. Р. Воронцову (1803—1823).

XXIV. Записка объ управленіи Россіи гр. А. И. Остермана. Автобіографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестокѣ. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветѣ. Послѣдніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи. Письма къ гр. А. Р. Воронцову, И. П. Голикова, А. В. Храповицкаго къ гр. С. В. Воронцову, гр. П. А. Зубова, П. И. Измайлова, А. В. Гудовича (объ отношеніяхъ къ Павлу Петровичу). Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

XXV. Основательно изслѣдованныя и изысканныя причины перемѣнъ правленія въ домѣ Романова. О царствованіи Іоанна III, регенство герцога Курляндскаго, о Аннѣ Леопольдовнѣ и восшествіи на престолъ Елисаветы. Etat de la famille du duc de Brunswic (1748). La cour de Russie vis-à-vis des puissances étrangères L'arrêt du comte de L'Estoq. Мать Екатерины Великой. Гр. Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дѣлахъ. (1754—1755). Rélation de la Révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записка о Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины. Записка о Малороссіи. Письма Екатерины къ Понятовскому. Изъ Записокъ Понятовскаго. Письма Екатерины къ гр. А. В. Браницкой.

XXVI. Изъ бумагъ гр. П. В. Завадовскаго и гр. П. И. Панина. Письма кн. Потемкина къ гр. Суворову. Донесенія гр. З. Г. Чернышева Екатеринѣ Второй объ открытіи Московской губерніи. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоссомъ. Дѣло барона Армфельда.

Въ конторѣ „Русскаго Архива“ въ Москвѣ, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, можно получать по уменьшенной цѣнѣ 26 книгъ этого историческаго изданія.

Цѣна каждой книгѣ „Архива Князя Воронцова“ съ пересылкой ДВА рубля. Выписывающіе не менѣе 10 книгъ пользуются уступкою 10%.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898 года.

«Русскій Архивъ» въ 1898 году будетъ выходить по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которыя составятъ три большія книги. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1898 году съ пересылкой и доставкой **девять** р. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** р.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 и 1896 по 7 р. съ пересылкою по 8 р.

☞ Сборникъ «Девятнадцатый Вѣкъ», книга вторая. Осталось нѣсколько экземпляровъ. Получать можно по 1 р., съ пересылкою 1 р. 30 к.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни. Для личныхъ объясненій съ издателями—по **четвергамъ** въ тоже время.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898

2.

Приложенъ портретъ Я. И. Булгакова.

При „Русскомъ Архивѣ“ будетъ разослано по одной книгѣ „Архива Князя Воронцова“, какъ въ 1896 и 1897 годахъ. Просимъ лицъ, возобновившихъ подписку на нынѣшній годъ, увѣдомлять, какія именно книги „Архива Князя Воронцова“ у нихъ уже имѣются, или какую изъ 24 книгъ желаютъ они получить (содержаніе книгъ на обложкѣ I-го выпуска 1898 года).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1898.

Очеркъ жизни и дѣятельности въ Бозѣ почивающаго великаго князя Михаила Павловича, къ столѣтію со дня его рожденія. 1798—1898. Съ двумя портретами (копіи съ рѣдкой акварели и современной литографіи). Составилъ генералъ-отъ-артиллеріи *М. С. Лалаевъ*. Спб. 1898. б. 8-ка, 94 стр.

У покойнаго Н. А. Дивова въ селѣ Городищѣ (подъ Рязанью) любовались мы нѣкогда прекраснымъ поясньмъ портретомъ этого порфироднаго внука Екатерины Великой. Портретъ писанъ около 1820 года. Голубые, глубоко-добрые глаза и все лицо царственнаго юноши необыкновенно-привлекательны. И тутъ же висѣлъ портретъ его въ послѣдніе годы жизни, сутуловатый, съ одутлымъ лицемъ. Въ этихъ двухъ портретахъ цѣлая біографія. Вся жизнь великаго князя Михаила Павловича была исполненіемъ долга, не только на него наложеннаго, но самопроизвольно на себя взятаго. Онъ и женился по настойчивому приказанію матери (сыскавшей въ четвертой невѣсткѣ отличное орудіе для своихъ цѣлей).

Великій князь Михаилъ Павловичъ и доселѣ памятенъ всей Россіи, какъ недреманный стражъ военнаго благоприличія и внѣшней выправки. Знаютъ также про его сердечную доброту и широкую, непоказную благотворительность; но немногимъ извѣстно, что онъ былъ человѣкъ отлично образованный и многоначитанный. Намъ случалось читать его Французскія письма: прекрасный слогъ и живое содержаніе. Не даромъ любилъ онъ бесѣдовать съ Пушкинымъ и дружески былъ расположенъ къ А. О. Смирновой (у которой принималъ отъ св. купели младшую ея дочь Надежду Николаевну). Внѣ службы великій князь любилъ веселую шутку, и слѣдовало бы собрать его острыя слова, иногда очень мѣткія.

Книжка М. С. Лалаева достигаетъ своей цѣли—пробудить память о прекрасномъ человѣкѣ, про котораго, когда онъ скончался, адъютантъ его, Ѳ. И. Горемыкинъ, такъ выразился въ частномъ письмѣ: „Стоя у его гроба, мы не можемъ унять сердечной тоски. Мелкіе оттѣнки характера и дѣйствій нашего начальника, иногда сердитаго и грознаго, исчезаютъ вмѣстѣ съ жизнію, не оставляя горькаго впечатлѣнія; напротивъ, въ душѣ остается воспоминаніе благороднѣйшаго, нѣжнѣйшаго отца, друга правды и человѣчества, поборника закона и порядка, ревнителя службы и долга, которому онъ неизмѣнно остался вѣренъ до конца жизни, принесенной въ жертву своимъ обязанностямъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что дарованія великаго князя Михаила Павловича выказались бы совсѣмъ иначе и плодотворнѣе для Россіи, если бы онъ получилъ образованіе въ Царскосельскомъ Лицеѣ, какъ того желалъ императоръ Александръ Павловичъ. П. Б.

вольно выразилось нѣсколько въ характерѣ его изложенія и отразилось на его отношеніяхъ къ другимъ дѣятелямъ того времени; но несомнѣнно, для характеристики Н. Н. Муравьева и нѣкоторыхъ другихъ лицъ тутъ найдется не одинъ вѣрный штрихъ. Къ Муравьеву авторъ возвращается въ слѣдующей главѣ (XXIV-й): „Воспоминанія 1855 года“. Нужно замѣтить, для оцѣнки Записокъ Бриммера, что онъ во многомъ отдаетъ справедливость Муравьеву. Во время осады Карса „всѣ чисто-административныя распоряженія главнокомандующаго были выше всякой похвалы“. „Кажется, въ разсказѣ моемъ о пріѣздѣ ген. Муравьева я коснулся того, что, осматривая разныя части, онъ старался утвердить всѣхъ въ томъ мнѣніи, что нѣтъ части, которая не была бы ему знакома. Такая универсальная научность была дѣйствительно его достоинствомъ. Николай Николаевичъ получилъ прекраснѣйшее образованіе и въ продолженіе всей жизни своей старался все болѣе и болѣе пріобрѣтать познаній. О всемъ, что̀ касается до службы офицера генеральнаго штаба я уже и не говорю: это была его спеціальность. Онъ говорилъ на многихъ языкахъ и почти на всѣхъ какъ бы языкъ этотъ былъ его родной, съ чистымъ выговоромъ и оборотомъ рѣчи туземца; владѣлъ Русскимъ, Польскимъ, Нѣмецкимъ, Французскимъ, Англійскимъ и, кажется, Еврейскимъ языками. Для Татарскаго, бывъ полковникомъ, написалъ грамматику, очень пригодную Русскимъ офицерамъ; Еврейскому учился, кажется, уже въ позднѣйшее время. Ник. Никол. любилъ музыку и игралъ на многихъ инструментахъ. Для рисованія онъ имѣлъ легкую руку. Далеко-ли онъ довелъ это искусство, не знаю; но каррикатуры, имъ набросанныя, бывали уморительно-смѣшны. При такомъ прекрасномъ воспитаніи, при его способностяхъ, какъ военнаго генерала, при неотъемлемой добротѣ, какъ не заставить всѣхъ и каждаго любить себя? Замѣтьте, что если онъ хотѣлъ, то могъ быть чрезвычайно любезнымъ. Въ молодости долженъ былъ имѣть Русское благообразное лицо, тѣло бѣлое, русые волосы и голубые глаза; тѣлосложенія крѣпкаго, сила выше обыкновенной. Но всѣ эти дары, и Богомъ данные, и воспитаніемъ пріобрѣтенные, какъ бы подавлялись самымъ нелюбезнымъ, тяжелымъ характеромъ въ сношеніяхъ съ приближенными и съ подчиненными. Самолюбіе его не имѣло границъ, подозрительная недовѣрчивость доходила до обиды, педантизмъ въ исполненіи имъ требуемаго до смѣшного, слѣдственно и до досады. При такомъ начальникѣ должна была быть подавлена всякая самостоятельность въ подчиненныхъ. Къ несчастію, себялюбивые и самолюбивые люди, находясь въ постоянномъ омраченіи и относя все къ себѣ, дѣлаются деспотами, не терпятъ противорѣчій, любятъ похвалы себѣ, слѣдственно слушаютъ не безъ удовольствія худое о другихъ; а потому неудивительно, если между окружающими найдутся такіе, которые легкимъ путемъ угодливости стараются пріобрѣсти расположеніе начальника. Характеръ составлялъ неприятную сторону человѣка у Н. Н. Муравьева“. Вся эта глава своими разсказами о различныхъ случаяхъ сношеній Бриммера съ Муравьевымъ подтверждаетъ эту блестящую, лучшую характеристику слав-

наго генерала какая до сихъ поръ встрѣчалась въ печати. Главу заключаютъ два анекдота изъ быта солдатъ, характерные для состоянія тогдашней арміи. „Выйдя разъ утромъ изъ палатки и поздоровавшись съ ординарцемъ и вѣстовымъ, я спросилъ у послѣдняго, давно ли онъ служитъ.— „Съ 1848 г., в. п.".—„Все въ Рязанскомъ полку [1])?"—„Такъ точно, в. п."— „Въ какой ротѣ?"—„Въ 1-й, в. п."—„Кто у васъ ротный командиръ?". Онъ замялся, опустилъ глаза; но потомъ, взглянувъ на меня бодро своимъ веселымъ лицомъ, говоритъ: „в残оватъ, в. п., запомнилъ; онъ изъ Нѣмцевъ".— „Нехорошо, братецъ, сказалъ я, усмѣхнувшись: все таки надо знать фамилію ротнаго командира. Ну, а меня какъ зовутъ, знаешь?"—„Какъ не знать, в. п.; ген.-лейт. Бримеровъ".—„Ну, вотъ видишь, меня же выучилъ! Вѣдь и я изъ Нѣмцевъ". Тутъ ординарецъ говоритъ мнѣ, что онъ всего двѣ недѣли, какъ переведенъ въ роту.— „Зачѣмъ тебя перевели?"—„За бакены, в. п." Я не понялъ.—„Чтó это значитъ—за бакены?"—„За бакены, в. п." Я взглянулъ на ординарца. „Извольте видѣть, в. п., бригадный командиръ на смотру приказалъ меня перевесть въ 1-ую роту, потому что тамъ все русые бакены, а во второй гренадерской все черные; вотъ меня и перевели". Я взглянулъ на молодца, и дѣйствительно у него были прекрасно расчесанные русые бакены. „А во 2-й ротѣ ты долго былъ?"—„Съ опредѣленія на службу, в. п."—„Чтожъ, ты охотно перешелъ въ другую роту?"—„Какъ можно охотно, в. п.? Семь лѣтъ въ той ротѣ служилъ-съ". „Вотъ это я понялъ".—При осмотрѣ баттареи 18 артил. бригады, Бриммеръ, остановясь у одного заряднаго ящика, спросилъ ефрейтора, чтó означаютъ знаки, нарисованные на покрышкахъ. „Разные заряды, в. п."—„Ну вотъ это какой зарядъ?"—„Шрапнелева граната, в. п.—„Хорошо; а это какой?"—„А это простая граната, в. п."—„Дѣло; ну скажи же мнѣ, какая разница между Шрапнелевою гранатою и простою?" — „Первая съ разрывомъ, а вторая съ вышибомъ трубки, в. п.", отвѣчалъ бойкій бомбардиръ.—„А ты бывалъ когда въ лабораторіи?"—„Всякій годъ при передѣлкѣ зарядовъ, в. п." Извольте видѣть, и при передѣлкѣ бывалъ; но какъ на ежегодныхъ практическихъ ученьяхъ стрѣляютъ Шрапнелевыми гранатами съ разрывомъ оныхъ, дабы видѣть, какъ ложатся ихъ пули, а въ простой гранатѣ желаютъ знать только ея первое паденіе, для чего разрыва ея не требуется, то мой добрый усачъ не поразмыслилъ, что и простую гранату въ сраженіи тоже должно рвать".

Послѣдняя глава (XXIV) Записокъ посвящена описанію службы и жизни автора послѣ отъѣзда его съ Кавказа, который онъ покинулъ въ срединѣ 1856 г., будучи назначенъ первымъ комендантомъ въ кр. Новогеоргіевскѣ. Интересенъ разсказъ о посѣщеніи А. П. Ермолова при проѣздѣ чрезъ Москву. „Я посѣтилъ А. П. Ермолова и нашелъ его физически очень одряхлѣвшимъ. Ему было тогда восемьдесятъ лѣтъ, можетъ быть, немного и болѣе [2]). Онъ принялъ меня радушно, водилъ по комнатамъ, раз-

---

[1]) Рязанскій полкъ прибылъ на Кавказъ не задолго до войны.

[2]) Ермоловъ родился 24 Мая 1777 г., слѣдов. ему въ срединѣ 1856 г. было 79 лѣтъ; умеръ же онъ 12 Апрѣля 1861 г., а не въ 1859 г., какъ сказано далѣе у Бриммера.

сказывалъ какъ живетъ, поздравилъ меня со службою моею и при этомъ сказалъ: Жаль мнѣ тебя, Тевтонъ; ты далеко не пойдешь, не умѣешь жить въ свѣтѣ; ты только служишь, а надо искать.—Не умѣю, в. в—ство, спина не гнется, отвѣчалъ я.—Ну, вотъ то-то и есть; другой бы такъ прокричалъ о себѣ, что на него бы обратили вниманіе, а ты сдѣлалъ дѣло и сидишь, и ждешь слѣдующаго крестика. Въ этомъ тонѣ онъ продолжалъ разговоръ и вдругъ спросилъ меня: Да скажи мнѣ, что вы это тамъ такъ не возлюбили Николая?—Кто такой это Николай, в. выс.-п-ство?—Ну да Ник. Никол. Муравьевъ.—А! вы изволите говорить о главнокомандующемъ и о намѣстникѣ Его Величества?—Такъ вотъ что! Зазнался!, перебилъ меня Алексѣй Петровичъ; да, тяжелый онъ человѣкъ, полагаю, и многимъ трудно было служить съ нимъ. Не желая продолжать этого разговора, я всталъ".

Сцена эти весьма поучительна для обрисовки дѣйствовавшихъ лицъ и для объясненія того вліянія, какое А. П. Ермоловъ имѣлъ на другихъ. Уже самъ заслуженный генералъ, сохранившій доброжелательное прозваніе „Тевтона", данное ему еще, когда онъ начиналъ свою службу юнымъ офицеромъ, считаетъ долгомъ посѣтить опальнаго, во всякомъ случаѣ не у дѣлъ находившагося героя, и въ отвѣтъ на его „Тевтонъ" и „ты", отвѣчаетъ ему „высокопревосходительствомъ": вотъ гдѣ тайна успѣха и вліянія Ермолова. Но прощальный завѣтъ Кавказскаго вождя: „смотри, въ Петербургѣ будь уменъ!", какъ видно, не пригодился Бриммеру. Типичны сдѣланные имъ здѣсь промахи. Представляясь Государю, онъ, въ отвѣтъ на его слова: „Я радъ тебя видѣть и поблагодарить за добрую службу; *только вы радовали покойнаго императора въ послѣдніе дни жизни его.*—Еслибъ не штурмъ, которымъ такъ огорчили Ваше Величество.—„Полно, перестань! перебилъ меня Государь". При окончаніи аудіенціи у Государыни, она сказала нашему воякѣ: „Мы скоро поѣдемъ на коронацію въ Москву; конечно, и вы будете тамъ?—Никакъ нѣтъ, ваше величество: я спѣшу въ Варшаву на новый постъ.—Императрица подала мнѣ руку и, отпуская, сказала „Такъ вы не желаете быть на коронаціи?" Въ высокой степени также интересенъ разсказъ Бриммера о посѣщеніи имъ великихъ княгинь Елены Павловны и Екатерины Михайловны; но, къ сожалѣнію, по его длиннотѣ, мы стѣсняемся приводить его и отсылаемъ интересующагося къ подлиннику (стр. 106—109).

За бытность свою въ Новогеоргіевскѣ, Бриммеръ сообщаетъ о своихъ работахъ и о нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ то о посѣщеніи крѣпости двумя Французскими генералами Лебёфомъ и Фруассаромъ и т. п. Замѣтимъ нѣкоторые его отзывы о подготовлявшемся Польскомъ мятежѣ. „Послѣ побѣдъ Французовъ въ Италіи и образованіи Итальянскаго королевства, Поляки, подстрекаемые своимъ Парижскимъ комитетомъ, начали опять волноваться. Первая ихъ демонстрація была въ Февралѣ 1860 года—служеніе панихиды по убитымъ въ Граховскомъ сраженіи въ 1831 году. Говорили, что на совершеніе этой панихиды наше правительство дало имъ позволеніе. Понятно, что такая добродушная неосторожность поощрила Поляковъ къ дальнѣйшимъ безпорядкамъ. Говорили, что когда, по возвращеніи Напо-

леона III изъ Итальянскаго похода, депутаты Польскаго Комитета представлялись ему и просили объ участіи къ бѣдственному положенію Польши, Наполеонъ сказалъ имъ: Mais la Pologne ne remue pas, elle est tranquille; donc elle est contente *). Эта Маккіавельская фраза была понята гг. депутатами —и Польша зашевелилась!“ Отмѣтимъ также разсказъ, выражающій враждебное настроеніе Польскихъ крестьянъ къ мятежу. О самоубійствѣ генерала Герценцвейха (такъ пишетъ его имя Бриммеръ) онъ сообщаетъ слѣдующее. „Послѣ одной сильной демонстраціи, выходившей изъ ряда тѣхъ, къ которымъ привыкли, ген.-ад. Герценцвейхъ предложилъ съ арестованными поступить по всей строгости законовъ. Намѣстникъ (гр. Ламбертъ) не соглашался проливать крови, подчиненный настаивалъ; завязался споръ, крупный споръ. Генералъ Ламбертъ напомнилъ, что онъ начальникъ. На это Герценцвейхъ обозначилъ дѣйствія намѣстника словомъ........ (точки въ подлинникѣ). Конецъ распри плачевный! Придя домой, благородный генералъ застрѣлился, а намѣстникъ поѣхалъ лѣчиться на о. Мадейру“. Послѣднія страницы своего дневника Бриммеръ посвящаетъ времени послѣ назначенія его въ 1861 году состоять при генералъ-фельдцейгмейстерѣ, говоритъ главнымъ образомъ о своей болѣзни и оканчиваетъ возвращеніемъ изъ заграницы въ Царское Село 25 Іюня 1872 года, т.-е. за два года до смерти.

Почтенная редакція „Кавказскаго Сборника“ сообщаетъ, что документы, которыми Бриммеръ подкрѣпилъ свои воспоминанія, будутъ печататься въ слѣдующихъ 2 томахъ „Кавказскаго Сборника“ въ видѣ приложеній. Нашъ краткій отчетъ могъ дать только поверхностное понятіе объ интересѣ и разнообразіи Записокъ генерала Бриммера, и думаемъ, что онъ настолько могъ ознакомить читателей съ ними, что наше пожеланіе, чтобы Записки эти были изданы отдѣльно въ цѣломъ видѣ и съ приложеніями, не останется одиночнымъ.

Вторая статья обозрѣваемаго тома „Сборника“, составленная на основаніи архивныхъ данныхъ, излагаетъ военныя дѣйствія первой половины 1851 года преимущественно въ Прикаспійскомъ краѣ и главнымъ образомъ знаменитаго Хаджи-Мурата до его выхода къ намъ, частью на Лезгинской кордонной линіи.

Статья „Изъ дневника Дагестанца“ принадлежитъ офицеру 82-го Дагестанскаго пѣхотнаго полка *Коллерту*, занимавшему впослѣдствіи должность полицеймейстера города Темиръ-Ханъ-Шуры. Дневникъ обнимаетъ время съ Іюля по 26 Августа 1859 г. и содержитъ воспоминанія о походѣ отряда генерала Врангеля до Гуниба и о взятіи Гуниба. Интересны разсказы о переправѣ чрезъ Койсу у Сахратло, о походѣ чрезъ подчинявшійся край, о взятіи Гуниба. Сверхъ того въ дневникѣ разсѣяно множество чертъ и черточекъ для характеристики стараго Кавказскаго солдата и Кавказской войны.

Продолженіе капитальнаго труда для исторіи не только Кавказской войны, но и нашихъ отношеній къ горскому населенію, начатаго еще въ

*) Но Польша не движется; она спокойна, слѣдовательно довольна.

X томѣ покойнымъ *Н. А. Волконскимъ*, продолженнаго (въ томахъ XV—XVII) г. *Фонъ-Климаномъ*, въ XVIII томѣ принадлежитъ г. *Кублицкому*. Подобно своимъ предшественникамъ, г. Кублицкій, на основаніи архивнаго матеріала, излагаетъ событія 1832 года, именно вторженіе Гамзатъ-бека въ Джарскую область, дѣйствія барона Розена въ Чечнѣ до возвращенія Кази-муллы въ Гимры. Движеніемъ отряда барона Розена въ это послѣднее убѣжище перваго Дагестанскаго имама заканчивается статья. Въ ней напечатано нѣсколько любопытныхъ документовъ о сношеніяхъ нашихъ въ то время съ горцами.

Разсказъ унтеръ-офицера 81 Апшеронскаго полка Самойлы Рябова, записанный въ 1880 г. г. Державинымъ, очевидно, нѣсколько подправившимъ слогъ ветерана, главнымъ образомъ важенъ, какъ свидѣтельство очевидца и участника осады укрѣпленія Цатаньха въ 1843 г., о гибели котораго до сихъ поръ были лишь крайне скудныя и отчасти разнорѣчивыя свѣдѣнія. Интересенъ онъ также повѣствованіемъ о плѣнѣ у горцевъ, куда Рябовъ попалъ послѣ взятія Цатаньха, о бѣгствѣ его оттуда чрезъ нѣкоторое время и выходѣ въ укр. Т.-Х.-Шуру. Характеренъ эпизодъ о пріемѣ его въ этомъ укрѣпленіи генераломъ Клюки-фонъ-Клугенау.

Послѣдняя статья XVIII тома „Матеріялы для исторіи Сѣвернаго Кавказа 1787—1792“ составляетъ продолженіе труда, начатаго также покойнымъ Н. А. Волконскимъ (томы XIV, XV) по сохранившимся остаткамъ Георгіевскаго архива. Эти остатки дополнены редакціею „Кавказскаго Сборника“ въ XVII томѣ рукописями академика П. Г. Буткова, хранящимися въ Императорской Академіи Наукъ и не вошедшими въ его извѣстный трудъ „Матеріалы для новой исторіи Кавказа съ 1722 по 1802 г.“ Спб. 1869, 3 части. Въ разсматриваемомъ томѣ помѣщено продолженіе бумагъ Буткова, именно всеподданнѣйшій рапортъ Гудовича отъ 7 Ноября 1791 года, „вѣдомость о учрежденіи, содержаніи и числѣ нерегулярныхъ войскъ, на Кавказской линіи состоящихъ и при корпусѣ Кубанскомъ. Декабря 13-го дня 1791 г.“, всепод. донесеніе Гудовича отъ 16 Января 1792 года, высочайшее повелѣніе 28 Февраля 1792 г, „вѣдомость о всѣхъ заведенныхъ по линіи отъ Каспійскаго моря до Чернаго крѣпостяхъ, укрѣпленіяхъ и редутахъ, занятыхъ и не занятыхъ войсками. Генваря 16 дня 1792 г.“, и нѣсколько другихъ. Документамъ предшествуетъ самое обстоятельное изложеніе и комментированіе ихъ, составленное редакціею, и снабжены они обстоятельными примѣчаніями, если не ошибаемся, извѣстнаго знатока Кубанской области Е. Д. Фелицына. Изданные такимъ образомъ документы составляютъ матеріалы не только для исторіи Кавказа, но и вообще для исторіи послѣднихъ лѣтъ царствованія императрицы Екатерины II, ибо заключаютъ въ себѣ много свѣдѣній о внѣшней политикѣ ея, объ отношеніяхъ къ Персіи и различнымъ народамъ Кавказа, о колонизаціи сѣвернаго Кавказа и т. д. Историкъ сѣвернаго Кавказа и постепнаго заселенія и занятія его Русскими найдетъ въ нихъ особенно богатый источникъ.

Подъ редакціею же редактора „Кавказскаго Сборника“ генерала И. С. Чернявскаго вышла недавно „Боевая лѣтопись 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго Е. И. В. Великаго Князя Николая Михаиловича полка во время Кавказской войны (1845—1861 гг.). Составилъ штабсъ-капитанъ Игнатовичъ“ (Тифлисъ, 1897, 8°, IV+356 стр., съ военно-историческою картою части восточнаго Кавказа). Лѣтопись эта, какъ мы слышали, составлена была авторомъ, служившимъ въ полку съ начала 50-хъ годовъ до первыхъ лѣтъ 60-хъ годовъ, уже довольно давно, но издана только теперь. За изданіе ея нельзя не поблагодарить генерала Чернявскаго. Полкъ, въ которомъ служилъ авторъ, со времени своего сформированія принималъ участіе во всѣхъ выдающихся военныхъ дѣйствіяхъ въ Дагестанѣ, а въ 1860 и 1861 годахъ на западномъ Кавказѣ. Но, сверхъ, того, основавши свою штабъ-квартиру въ Ишкартахъ, на границѣ Шамилевскихъ владѣній, полкъ долженъ былъ вести постоянную, такъ сказать, партизанскую войну съ горцами, быть днемъ и ночью во всякое время года готовымъ отражать, если не набѣги, то мелкія нападенія и покушенія шаекъ и отдѣльныхъ абрековъ. Поэтому исторія его интересна не столько по изложенію тѣхъ крупныхъ военныхъ операцій, въ которыхъ онъ принималъ участіе и о которыхъ имѣются уже обстоятельныя свѣдѣнія, сколько по разсказу о тѣхъ мелкихъ, но постоянныхъ стычкахъ, набѣгахъ и покушеніяхъ, которые составляли типичную сторону Кавказской войны, особенно на передовыхъ, приграничныхъ линіяхъ, на одной изъ которыхъ былъ именно расположенъ Дагестанскій полкъ. Эти назойливыя тревоги и нападенія приносили войскамъ не меньше трудовъ и потерь, чѣмъ, пожалуй, ихъ участіе въ большихъ экспедиціяхъ. Изъ изложенія г. Игнатовича можно составить довольно рельефное представленіе о тѣхъ трудахъ и лишеніяхъ, которые выпадали на долю Кавказскаго солдата передовыхъ линій, также о томъ трудѣ и страданіяхъ, которыми сопровождалось созданіе тѣмъ же солдатомъ Кавказскихъ штабъ-квартиръ, игравшихъ столь важную роль въ покореніи и колонизаціи Кавказа. Изложеніе автора, помимо архивныхъ данныхъ, основывается на разсказахъ очевидцевъ и участниковъ; онъ сообщаетъ немало свѣдѣній изъ внутренней жизни полка; все это выгодно выдвигаетъ его трудъ изъ ряда сухихъ исторій полковъ, Можно сожалѣть, что редакторъ не нашелъ возможнымъ дополнить разсказъ автора, не могшаго еще воспользоваться воспоминаніями А. Л. Зиссермана, начавшаго службу именно въ Дагестанскомъ полку и оставившаго въ своихъ Запискахъ (сначала въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1876—1877 гг., потомъ въ книгѣ „Двадцать-пять лѣтъ на Кавказѣ“ Спб. 1879 г.; впрочемъ часть воспоминаній, именно до Октября 1852 г. напечатана была еще въ „Современникѣ“ 1854 г., слѣдов. могла быть извѣстна Игнатовичу) живые и яркіе разсказы о жизни въ Ишкартахъ и на стоянкѣ въ аулахъ, объ офицерахъ полка, о дѣйствіяхъ противъ горцевъ и т. д. Позволимъ себѣ маленькое замѣчаніе. На стр. 110 сказано: „Въ 1849 г., въ виду скорѣйшей передачи извѣстій о прорывахъ горцевъ, между Шурой и Ишкартами установлено телеграфное сообщеніе; промежу-

точной станціей была избрана возвышенность Амиръ-тубе, на которой возвели укрѣпленный постъ, охранявшійся постоянно небольшою командою. Проведеніе телеграфной линіи, замѣнивъ собою орудійные выстрѣлы, служившіе прежде условными сигналами о набѣгахъ непріятельскихъ партій, значительно уменьшило случаи фальшивыхъ тревогъ и дало возможность обоимъ укрѣпленіямъ быстро сообщаться между собою". Разъясненіе этого извѣстія о *„телеграфной линіи" въ 1849 г.* между Шурою и Ишкартами находимъ, кажется, въ статьѣ газеты „Кавказъ" за 1857 г., № 2, „Ишкарты", гдѣ сказано: „Для предупрежденія несчастныхъ случаевъ и для извѣщенія о появленіи горцевъ, въ 2-хъ верстахъ отъ Ишкартовъ, по дорогѣ къ Шурѣ, была выстроена казарма на 20 человѣкъ караула; тамъ постоянно находилась зрительная труба, въ которую смотрѣлъ часовой и, при появленіи горцевъ, поднималъ шары, одинъ или два, смотря по тому, съ какой стороны показался непріятель. По этому сигналу тотчасъ поднимались шары въ Ишкартахъ и Шурѣ, и войска бѣжали въ обозначенную сторону". Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ оптическимъ телеграфомъ, который едва ли можно назвать „телеграфною линіею".

Е. Козубскій.

ПОПРАВКА.

Въ статью „Ю. Н. Бартеневъ по его бумагамъ“ (Русскій Архивъ, 1897„ III, 618) вкрались слѣдующія ошибки:

Стр. 618	*напечатано*	*слѣдуетъ*
8-я стр. св.	Зиглеръ	*Зиніеръ*
9-я стр. св.	Шапалицкій	*Шаполинскій*
13-я стр. сн.	въ тюрьму	*въ Тотьму*
2-я стр. сн	изъ тюрьмы	*изъ Тотьмы*

Ю. Б.

ЕРОФЕЙ ПАВЛОВЪ ХАБАРОВЪ

Добытчикъ и прибыльщикъ XVII вѣка [1]).

О завоеваніи Амура Русскими въ XVII вѣкѣ и въ частности о дѣятельности Хабарова писано уже нѣсколько разъ, начиная съ пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Починъ въ этомъ дѣлѣ положилъ Миллеръ, напечатавшій въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ“ 1757 г., на основаніи списанныхъ для него въ Сибири документовъ, „Исторію о странахъ, при рѣкѣ Амурѣ лежащихъ, когда оныя состояли подъ Россійскимъ владѣніемъ“. Этими же документами пользовался и Фишеръ въ своей „Сибирской Исторіи“. Позднѣйшіе писатели первой половины нынѣшняго столѣтія повторяли только разсказъ Миллера и Фишера. Въ 1840 г. въ „Сынѣ Отечества“ были напечатаны документы, касающіеся Хабарова, списанные въ Якутскомъ архивѣ, а затѣмъ въ 40-хъ же годахъ Археографическая Коммиссія издала въ IV томѣ „Актовъ Историческихъ“ и въ III томѣ „Дополненій къ Актамъ Историческихъ“ документы, списанные въ прошломъ вѣкѣ для Миллера. (Такимъ образомъ получилась возможность пользоваться самыми документами, а не пересказомъ ихъ).

Но всѣмъ писавшимъ о Хабаровѣ оставались неизвѣстны документы Сибирскаго Приказа, хранящіеся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Документы эти дополнятъ то, что́ уже было извѣстно о Хабаровѣ, но кромѣ того даютъ свѣдѣнія о жизни Хабарова до похода на Амуръ, о судьбѣ его по отъѣздѣ оттуда и, что́ всего важнѣе, о послѣднемъ годѣ его пребыванія на Амурѣ, о чемъ не сохранилось никакихъ другихъ извѣстій [2]).

*

Ерофей Павловъ Хабаровъ былъ родомъ изъ Сольвычегодска. Въ нѣкоторыхъ бумагахъ онъ называется Устюжаниномъ. На родинѣ ему не повезло: онъ сильно задолжалъ. Оставивъ жену и дѣтей, Хабаровъ отправился въ Сибирь и первоначально занялся торговлей. Въ 1638 г. онъ поселился на пустой землѣ при впаденіи р. Киренги въ Лену и устроилъ

---

[1]) Читано въ засѣданіи Археографической Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества 7-го Ноября 1897 года.

[2]) Документы Сибирскаго Приказа указаны намъ Н. Н. Оглоблинымъ, бывшимъ архиваріусомъ Архива Министерства Юстиціи.

здѣсь соляную варницу и мельницу. Онъ же первый завелъ въ этихъ мѣстахъ земледѣліе и распахалъ 60 десятинъ, обязавшись отдавать въ казну десятую часть жатвы. Но Хабарову и тутъ не повезло: Якутскій воевода П. П. Головинъ взялъ вмѣсто десятой части пятую, „пятую лучшую десятину“, какъ говоритъ Хабаровъ въ своей челобитной, а нѣсколько времени спустя отписалъ на Государя всю землю, хлѣбъ въ количествѣ 3000 пудовъ и соляную варницу, а самого Хабарова посадилъ въ Якутскѣ „за пристава“. Сидя въ заключеніи, Хабаровъ вспомнилъ объ оставленной имъ на родинѣ семьѣ, на которой взыскивали его долги, и написалъ челобитную, въ которой просилъ, чтобы его отпустили въ Сольвычегодскъ расплатиться съ долгами и податями и освободить съ правежа семью. На арендуемой имъ землѣ онъ обѣщалъ оставить брата своего Никифора. Въ Сибирскомъ Приказѣ 20 Іюня 1645 г. разрѣшили отпустить Хабарова на родину, если за нимъ нѣтъ никакой вины и если онъ дѣйствительно оставитъ на пашнѣ брата. Неизвѣстно, удалось ли Хабарову съѣздить въ Сольвычегодскъ. Во всякомъ случаѣ, если онъ и побывалъ тамъ, то семьи съ собой не привезъ: черезъ нѣсколько лѣтъ онъ проситъ, чтобы отпустили къ нему въ Сибирь жену, дочь, внучку и племянницу, жившихъ въ то время уже въ Устюгѣ [1]). Хабаровъ вскорѣ былъ выпущенъ изъ заключенія, и пожалована была ему награда: за устройство пашни и соляной варницы ему велѣно выдать 500 рублей; денегъ этихъ онъ, однако, никогда не получилъ.

Русскіе провѣдали о р. Амурѣ впервыя въ 1636 году. Партія казаковъ, посланная изъ Томска на р. Алданъ объясачить тамошнихъ Тунгусовъ, узнала отъ нихъ о племенахъ, жившихъ по рѣкамъ Зеѣ и Шилкару (притоку Амура). Болѣе подробныя свѣдѣнія о Даурахъ получилъ Енисейскій атаманъ Максимъ Перфильевъ отъ Витимскихъ Тунгусовъ; онъ узналъ, что въ Даурской землѣ добывается мѣдная, свинцовая и серебряная руда, а отъ Китайцевъ Дауры получаютъ шелковыя ткани и разные другіе товары. Въ 1643 г. снаряжена была экспедиція подъ начальствомъ „письменнаго головы“ Василія Пояркова. Ему по наказу надо было идти во владѣнія Даурскаго князя Лавкая и отыскать тамъ серебряную руду; но онъ, идя по Алдану, а затѣмъ по Зеѣ, свернулъ не на право, а на лѣво и пошелъ внизъ по Амуру, не попавъ такимъ образомъ въ княжество Лавкая. Въ 1647 г. сдѣлался извѣстнымъ болѣе короткій путь къ Амуру, именно по Олекмѣ и Тугирю и вóлокомъ до притока Амура, Урки. Этимъ путемъ ходили изъ Якутска казаки, но они дошли только до Амура и вернулись назадъ [2]).

Объ этомъ-то пути прослышалъ Хабаровъ и рѣшилъ попытать счастья въ странѣ, о богатствѣ которой ходило много разсказовъ.

---

[1]) Столбцы Сибирскаго Приказа, №№ 136 и 381.

[2]) Походъ Пояркова въ „Пѣгую Орду“ (какъ называли тогда Пріамурскую землю) сопровождался страшными бѣдствіями и даже людоѣдствомъ (см. С. М. Соловьева, Исторію Россіи III, 588, по новому изданію). П. Б.

Въ 1649 г. въ Якутскомъ острогѣ произошла смѣна воеводъ. На мѣсто Василія Пушкина и Кириллы Супонева былъ назначенъ Дмитрій Андреевичъ Францбековъ. Съ первой полой водой онъ поплылъ съ дьякомъ Осипомъ Степановымъ къ мѣсту своего новаго назначенія. Еще не успѣлъ онъ доплыть до Якутска и вступить въ должность, какъ въ Илимскомъ острогѣ къ нему явился Хабаровъ съ предложеніемъ своихъ услугъ для покоренія земель, лежащихъ по Амуру. Онъ просилъ разрѣшенія вызвать охотниковъ изъ промышленныхъ и служилыхъ людей и бралъ на себя снаряженіе и прокормленіе 150 человѣкъ. Воевода согласился, и немедленно стали вызывать желающихъ идти съ Хабаровымъ. Набралось однако только 70 человѣкъ.

Воевода донесъ въ Москву, что Хабаровъ предпринялъ походъ на свой счетъ; но въ дѣйствительности много денегъ затратилъ самъ Францбековъ, какъ узнаёмъ изъ доноса дьяка Петра Стеншина, служившаго съ прежними воеводами, Пушкинымъ и Супоневымъ. По словамъ Стеншина, воевода при людяхъ на своемъ дворѣ говорилъ, что „та-де Даурская служба стала ему недешево, въ Ярофейкинъ подъемъ Хабарова, и что онъ съ нимъ служилыхъ и промышленныхъ людей подымалъ своими деньгами, пищали имъ и платья покупалъ и запасы своими ссужалъ, и животы-де всѣ онъ свои въ томъ истерялъ; а стала-де ему та Даурская служба въ 30000 рублевъ слишкомъ, въ томъ числѣ за однимъ Ярофейкомъ Хабаровымъ съ 7000 рублевъ, за Дружинкою Васильевымъ Поповымъ 600 р., а на иныхъ по 100 и по 50 и по 40 и 30; а меньше того кому онъ ссуду давалъ, 30 р. въ дачахъ нѣтъ". За ссуду Францбековъ бралъ съ служилыхъ людей въ свою пользу ихъ денежное и хлѣбное жалованье и кромѣ того бралъ съ нихъ кабалы, по которымъ они обязывались уплачивать 50%. Чтобы обезпечить исправный платежъ долга, Францбековъ послалъ съ отрядомъ своего человѣка, который долженъ былъ получать въ счетъ долга добычу, пріобрѣтенную во время похода должниками воеводы. Такимъ образомъ можно вполнѣ согласиться со словами Стеншина, что воевода предпринялъ походъ „не для государевой службы, а для своей бездѣльной корысти и нажитку" *).

Получивъ отъ воеводы наказъ, Хабаровъ осенью 1649 года выступилъ изъ Якутскаго острога въ новую Даурскую землю для привода подъ высокую царскую руку князя Лавкая съ товарищами, для ясачнаго сбора и провѣдыванія серебряной руды. Онъ отправился по Олекмѣ и на устьяхъ Тугиря зазимовалъ. 19 Января 1650 г. отрядъ его двинулся вверхъ по Тугирю, затѣмъ прошелъ волокомъ къ Амуру и дошелъ до владѣній князя Лавкая; но городъ и улусы оказались пусты. Точно также были пусты и другіе города, къ которымъ подходилъ Хабаровъ: туземцы были уже предупреждены Русскимъ промышленникомъ Семеномъ Косымъ о томъ, что

---

*) Столбцы №№ 358 и 460.

идутъ Русскіе для сбора съ нихъ ясака [1]). Возлѣ одного города къ Русскимъ подъѣхалъ Лавкай съ братьями и зятемъ. Хабаровъ черсзъ толмача объявилъ имъ, что пришелъ въ Даурію торговать, но Лавкай не поддался обману. Тогда Хабаровъ предложилъ ему платить ясакъ. Лавкай далъ уклончивый отвѣтъ и ускакалъ. Не рѣшаясь съ малочисленнымъ отрядомъ идти вглубь страны, Хабаровъ вернулся въ первый изъ встрѣченныхъ имъ по пути городокъ. Здѣсь онъ оставилъ свой отрядъ, а самъ отправился назадъ въ Якутскъ [2]).

Служилые и охочіе люди, оставшіеся въ Лавкаевомъ городкѣ, въ отсутствіе Хабарова не теряли времени: они 12 разъ ходили на Дауровъ и взяли въ плѣнъ Албагу, сына Даурскаго князя Шилгинея. Шилгиней прислалъ за него ясаку 30 соболей съ другимъ своимъ сыномъ. Служилые люди и его взяли въ заложники, не отдавъ отцу Албаги. Но когда Дауры предложили Якута Бузюка, кабальнаго человѣка Хабарова, то пришлось отдать за него Албагу.

Отрядъ Хабарова оставался въ Лавкаевомъ городкѣ, пока не былъ съѣденъ весь хлѣбъ. Когда же запасъ хлѣба истощился, то служилые люди послали къ Хабарову съ извѣщеніемъ о хлѣбной скудости и съ просьбой поспѣшить къ нимъ, а сами пошли искать счастья къ сосѣднему городу Албазину и стали требовать ясака. Князь Албаза, зять Шилгинея, отказался заплатить ясакъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ уже всѣхъ соболей прислалъ имъ съ Шилгинеемъ. Отъ пойманныхъ „языковъ", отъ жены Шилгинея и одного улусника Русскіе узнали, что Дауры хотятъ нечаянно на нихъ напасть и всѣхъ перебить. Не смотря на свою малочисленность (ихъ было всего 52 человѣка), они рѣшили предупредить врага и, сдѣлавъ щитъ на колесахъ, подступили къ городу; но такъ какъ къ Даурамъ, уже и такъ болѣе многочисленнымъ, подоспѣла помощь, то они отошли прочь, потерявъ убитыми 4 человѣка. Отступивъ отъ Албазина, Русскіе сдѣлали острожекъ, въ которомъ и дождались возвращенія Хабарова [3]).

Хабаровъ прибылъ въ Якутскъ 26 Мая 1650 г. Онъ привезъ съ собой „чертежъ" Даурской земли, образцы хлѣба и распросныя рѣчи туземцевъ, содержавшія въ себѣ разсказы о богатствахъ, получаемыхъ изъ Богдойской земли (Китая), для покоренія которой достаточно было, по его мнѣнію, послать 6000 ратныхъ людей. Хабаровъ говорилъ много о богатствѣ и плодородіи самой Даурской земли, которая „противъ всей Сибири будетъ всѣмъ

[1]) По другому показанію Лавкай былъ предупрежденъ казакомъ Квашнинымъ, сказавшимъ, что на Дауровъ идетъ многочисленное Русское войско, чтобы всю землю пограбить, женъ и дѣтей въ полонъ взять.

[2]) Описаніе этого похода 1649—1650 г. см. въ статьѣ П. В. Шумахера въ „Русскомъ Архивѣ" 1878, III, 257. Покойный Шумахеръ пользовался историческими бумагами, которыя доставлялъ ему графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій. П. Б.

[3]) Столбецъ № 460.

украшена и изобильна", и доказывалъ, какую выгоду принесетъ ея пріобрѣтеніе. Разсказы Хабарова привлекли еще охотниковъ отправиться на Амуръ. Францбековъ далъ ему 20 человѣкъ казаковъ подъ начальствомъ Третьяка Чечигина, 3 пушки и 2900 рублей [1]).

Послѣ 8 Іюля 1650 г. Хабаровъ выступилъ изъ Якутска съ отрядомъ въ 138 человѣкъ и пошелъ по берегу Лены. По дорогѣ онъ грабилъ ясачныхъ Вилюйскихъ Тунгусовъ и Олекминскихъ Якутовъ и даже Русскихъ промышленниковъ [2]). 29 Августа Хабаровъ оставилъ на Олекмѣ Степана Полякова и Микулая Юрьева съ 40 ч. и три дощаника съ пушками, пищалями и порохомъ, а самъ пошелъ налегкѣ и за недѣлю до Покрова явился подъ Албазинымъ, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ожидали наши служилые люди. Дауры, увидѣвъ многочисленный отрядъ Русскихъ, разбѣжались, и Хабаровъ безпрепятственно вошелъ въ Албазинъ. Въ погоню за бѣжавшими онъ послалъ Дуная Трофимова и Чечигина съ 135 охочими промышленниками на стругахъ. Они преслѣдовали Дауровъ до Атуева городка, куда приплыли ночью. Утромъ Дауры, увидѣвъ враговъ подъ стѣнами города, зажгли его, а сами побѣжали. Около полудня ихъ настигли Русскіе, и произошелъ бой, окончившійся разгромомъ Дауровъ. Съ отбитымъ скотомъ Трофимовъ и Чечигинъ вернулись къ Хабарову. Въ Албазинѣ также была найдена добыча: въ юртахъ и въ ямахъ на поляхъ оказалось много хлѣба въ зернѣ, а кромѣ того на поляхъ стоялъ еще хлѣбъ, какъ сжатый, такъ и на корню.

Между тѣмъ Поляковъ и казаки, оставленные Хабаровымъ на Олекмѣ, медленно подвигались на дощаникахъ. Они были еще въ 10 дняхъ пути отъ Тугиря, какъ начались морозы. Пришлось сдѣлать нарты, взвалить на нихъ всю кладь, а самимъ идти на лыжахъ. По Тугирю до волока они шли 2 недѣли, да столько же отъ Тугиря до Лавкаева городка, куда Хабаровъ велѣлъ имъ везти „казну", не зная, что оставленные имъ служилые люди были подъ Албазинымъ. Лавкаевъ городокъ они нашли сожженнымъ. Не оставляя здѣсь поклажи, они пошли внизъ по Амуру искать Хабарова и черезъ двѣ недѣли, 2 Ноября 1650 г., пришли въ Албазинъ, гдѣ и нашли его. Хабаровъ немедленно принялъ у нихъ „государеву казну", т. е. пушки, пищали, порохъ, свинецъ, сукна, котлы, косы, серпы. Вскорѣ обнаружилось, что Хабаровъ смотритъ и на „государеву казну", и на своихъ товарищей по походу, какъ на средство для обогащенія. Прежде всего онъ объявилъ, что „казна" принадлежитъ ему, такъ какъ онъ купилъ ее въ Якутскѣ и, хотя и не заплатилъ за нее наличными деньгами, но далъ на себя запись, и дѣйствительно сталъ распоряжаться ею, какъ своею собственностью: продавалъ своимъ же служилымъ людямъ по дорогой цѣнѣ. Такъ, за пищаль, 2 фунта пороха, 2 фунта свинца и котелъ фунта въ 4 онъ

[1]) Столбцы №№ 59 и 338.
[2]) Столбцы №№ 460 и 338.

бралъ 60 рублей, а иногда и больше. Мало того: онъ занялся здѣсь винокуреніемъ и пивовареніемъ. И вино, и пиво онъ продавалъ своимъ служилымъ людямъ ведрами и чарками. У кого не было денегъ, чтобы заплатить, съ тѣхъ онъ бралъ кабалы, и вскорѣ весь отрядъ былъ закабаленъ. Весь почти хлѣбъ былъ такимъ образомъ превращенъ въ вино.

Утвердившись въ Албазинѣ, Хабаровъ сталъ предпринимать походы противъ сосѣднихъ Дауровъ. 24 Ноября онъ выступилъ съ пушками и черезъ нѣсколько дней встрѣтилъ конныхъ Дауровъ, которые не могли противостоять пушкамъ и разбѣжались. 8 Декабря онъ пошелъ на князя Досаула. Не дойдя до его владѣній, Хабаровъ послалъ 60 казаковъ съ Поляковымъ и Чечигинымъ во главѣ и толмача Константина Иванова противъ Дауровъ и Тунгусовъ, жившихъ въ пяти юртахъ по рѣкѣ Ширилкѣ. Инородцы эти не стали сопротивляться и обѣщали быть въ вѣчномъ подданствѣ Московскаго царя, платить ему ясакъ и даже склонить къ тому же сосѣднихъ князей Васаула и Гантимура. Но когда ихъ привели къ Хабарову, то онъ велѣлъ мужчинъ утопить, а женъ, дѣтей и имущество ихъ подуванилъ *). 29 Мая 1651 г. онъ еще послалъ отрядъ, чтобы половить заложниковъ. Удалось поймать 8 человѣкъ. Однихъ изъ нихъ Хабаровъ отдалъ своимъ приближеннымъ, другихъ взялъ себѣ и заставлялъ ихъ такъ непосильно работать, что они разбѣжались.

Въ числѣ заложниковъ уже была и жена князя Шилгинея. Хабаровъ хотѣлъ сдѣлать ее своей наложницей, но она воспротивилась. Раздраженный ея отказомъ, онъ велѣлъ ее удавить. Въ Страстной Четвергъ явился Шилгиней съ ясакомъ и, остановившись недалеко отъ города, просилъ разрѣшить ему свиданіе съ женой. Прождавъ съ утра до полудня, онъ не заплатилъ ясака и ушелъ прочь.

Хабаровъ вызывалъ желающихъ поселиться у рѣки Урки заниматься хлѣбопашествомъ и собирать ясакъ съ князя Гантимура. Но охотниковъ заняться мирнымъ промысломъ не нашлось, и Хабаровъ послалъ туда своихъ четверыхъ кабальныхъ людей.

25 Марта 1651 г. Хабаровъ послалъ въ Якутскъ Чечигина, Дружину Попова и племянника своего Артемія Филипова Петриловскаго съ собраннымъ ясакомъ и съ отпиской, на имя государя, въ которой давалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ (не всегда, впрочемъ, сходно съ истиной) и сообщалъ, что князья Лавкай, Шилгиней и Албаза обѣщали быть подъ государевой высокой рукой въ вѣчномъ холопствѣ. Относительно хлѣбопашества онъ извѣщалъ, что устроилъ у волока острожекъ и посадилъ „на своихъ проторѣхъ и своими подъемы" 20 человѣкъ для пашни, да 30 человѣкъ для службы, для привода подъ царскую высокую руку князя Гантимура и для ясачнаго сбора. Въ отпискѣ своей Хабаровъ кромѣ того предлагалъ прислать на Амуръ ссыль-

---

*) Т. е. раздѣлилъ въ добычу себѣ и своимъ сообщникамъ. П. Б.

ныхъ или иныхъ какихъ либо людей для пашеннаго поселенія, потому что „на Амурѣ рѣкѣ пашенныхъ угожихъ мѣстъ и сѣнныхъ покосовъ и рыбныхъ ловель и всякихъ угодій гораздо много“. Хлѣба же здѣсь такъ много, что Хабарову съ товарищами хватитъ его на пять лѣтъ. „А будетъ тебѣ, Государю“, прибавляетъ Хабаровъ, „въ произволъ тою новою Даурскою землею и тѣми царями Шамшаканомъ и Алакаба-Тураканомъ [1]) и серебряною горою обовладѣть и послать въ ту Даурскую большихъ ратныхъ людей, и тѣмъ, Государь, ратнымъ людямъ изъ Якутскаго острога только надобно хлѣбныхъ запасовъ до волоку на человѣка по 7 пудовъ, и за волокомъ-де, Государь, на великой рѣкѣ Амурѣ можно хлѣба взять у Даурскихъ людей и хотя на 20000 человѣкъ“ [2]). Служилые люди просили Хабарова, чтобы онъ прочелъ имъ свою отписку, но онъ отказался.

Пославъ отписку, Хабаровъ велѣлъ всему войску дѣлать дощаники и струги и ковать якори для дальнѣйшаго плаванія по Амуру. Когда суда были сдѣланы, Хабаровъ со своимъ отрядомъ покинулъ Албазинъ и поплылъ внизъ по Амуру (въ Маѣ или Іюнѣ 1651 г.). Первый городокъ, встрѣченный имъ по пути, былъ Гойгударовъ. Гойгударъ отказался сдаться добровольно и былъ взятъ силой, при чемъ было ранено около тридцати человѣкъ Русскихъ. Слѣдующій городъ былъ Банбулаевъ, который Хабаровъ нашелъ пустымъ. На поляхъ кругомъ города еще стоялъ несжатый хлѣбъ [3]). Хабаровъ рѣшилъ здѣсь пожить, но предварительно „жеребей металъ, и Господь Богъ по жеребью изволилъ жить тутъ“. Желающимъ воспользоваться хлѣбомъ, Хабаровъ сталъ продавать косы и серпы, косу за 2 рубля, серпъ за 1 р. Черезъ три недѣли, 20 Августа, поплыли дальше и черезъ три дня достигли Толгина города. Здѣсь взяты были въ плѣнъ 45 человѣкъ, въ томъ числѣ 8 князей. Князья присягнули на вѣрность царю и дали ясаку два сорока соболей, при чемъ извинялись, что не могутъ теперь дать больше, потому что заплатили ясакъ Богдойскому царю, но обѣщали осенью дать большой ясакъ. Хабаровъ рѣшилъ пожить и въ Толгиномъ городѣ. Городъ этотъ былъ окруженъ двумя стѣнами изъ цѣльныхъ бревенъ, между стѣнами былъ насыпанъ хрящъ. Вокругъ города были вырыты три рва въ 3 сажени глубины и 4 ширины. Хабаровъ построилъ еще четыре башни для пушекъ и устроилъ чеснокъ [4]). Внутри города былъ построенъ аманатскій дворъ, окруженный тыномъ. Городъ былъ раздѣленъ на участки, которые по жребію были распредѣлены между служилыми людьми для постройки избъ.

---

[1]) Шамшаканъ—царь Богдойскій, т. е. Манджурскій, посаженникъ Алакаба-Турахана (богдыхана).

[2]) Столбецъ 508.

[3]) Относительно хлѣба въ показаніяхъ служилыхъ людей находимъ разнорѣчіе: по словамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Банбулаевомъ городѣ не нашли хлѣба. (Столб. 460.)

[4]) Т. е. частоколъ, сплошь забитыя сваи. П. Б.

Съ аманатами Хабаровъ продолжалъ обращаться по прежнему: почти всѣхъ онъ засѣкъ кнутомъ, въ томъ числѣ и Толгу *).

Недолго пожилъ Хабаровъ и въ Толгиномъ городѣ. 5 Сентября 1651 г. онъ велѣлъ перенести на суда пушки и хлѣбные запасы. Напрасно просили его служилые люди пожить еще здѣсь; онъ имъ отвѣчалъ: „мнѣ-де долги свои гдѣ взять, а вамъ-де, тутъ живучи, чѣмъ долги платить?“ Войско, „заплакавъ“, исполнило волю своего предводителя.

Толгинымъ княжествомъ кончалась Даурская земля, за нимъ начиналась земля Дючеровъ и Ачановъ или Натковъ. Приплывъ къ Ачанскому улусу, Хабаровъ здѣсь зазимовалъ. Вскорѣ былъ захваченъ въ аманаты сынъ князя Жакшура, давшаго подъ сына два сорока соболей. Съ Сентября по Февраль туземцы больше не появлялись съ ясакомъ. Поэтому Дунай Трофимовъ и Степанъ Поляковъ съ 95 служилыми людьми были посланы въ глубь страны, разгромили Кечигинъ улусъ и поймали семь человѣкъ, въ томъ числѣ троихъ братьевъ князя. Кечига далъ подъ своихъ братьевъ пять сороковъ соболей. И съ этими аманатами Хабаровъ поступилъ, какъ съ прежними: сына Жакшура и Кечигиныхъ братьевъ повѣсилъ, остальныхъ „порубилъ“.

Въ Ачанскомъ улусѣ Хабарову пришлось выдержать двѣ осады. 2 Октября 1651 г. подступили Дючеры, но были отбиты съ большимъ урономъ, Русскихъ же было ранено только человѣкъ десять. Второй врагъ былъ опаснѣе, но и его одолѣли. 24 Марта 1652 г., на утренней зарѣ, окружили улусъ 1500 Богдойцевъ (Манджуры), но отступили безъ успѣха и съ большимъ урономъ. Русскихъ же было ранено около 80, въ томъ числѣ и самъ Хабаровъ, убито 9. Захвачены были 2 пушки и 18 пищалей.

Въ Апрѣлѣ 1652 г. Хабаровъ изъ Ачанска поплылъ назадъ въ Даурію, опасаясь новаго нападенія Манджуровъ.

Между тѣмъ Чечигинъ, Поповъ и Петриловскій, посланные Хабаровымъ съ отпиской, явились въ Якутскъ 29 Мая 1652 г. Поповъ былъ отправленъ въ Москву съ воеводской отпиской, излагавшей донесеніе Хабарова, и подалъ ее въ Сибирскомъ Приказѣ 25 Августа 1652 г. Чечигинъ же и Петриловскій набрали еще 110 человѣкъ охотниковъ, да воевода далъ 27 служилыхъ людей, снабдивъ тѣхъ и другихъ хлѣбными запасами, оружіемъ, порохомъ, свинцомъ и деньгами. На какихъ условіяхъ снабжалъ Францбековъ всѣмъ необходимымъ, мы видѣли раньше. Чечигинъ и Петриловскій, по примѣру Хабарова, пошли безъ „казны“, которую должно было везти болѣе медленно. Придя на Амуръ, они срубили суда и поплыли внизъ по рѣкѣ искать Хабарова. Въ Албазинѣ его уже не было. По дорогѣ они

*) Въ Москву Хабаровъ донесъ, что Толга самъ лишилъ себя жизни (Миллеръ, стр. 27).

ловили „языковъ“, распрашивали ихъ черезъ толмачей, не видали ли они Хабарова, но ничего не могли узнать. Когда приплыли они въ Банбулаевъ городъ, то начались морозы, и имъ пришлось здѣсь перезимовать. Сюда приходили къ нимъ Дауры. Чечигинъ убѣждалъ ихъ платить ясакъ, но получилъ въ отвѣтъ: „рады-де мы вашему государю ясакъ давать, только-де вы люди лукавы, правды-де въ васъ нѣтъ“. Свой отказъ Дауры объяснили тѣмъ, что Хабаровъ, „пловучи на низъ, наши житьишка жегъ и пустошилъ, насъ, Даурскихъ людей, рубилъ въ пень и жены наши и дѣти въ полонъималъ“. Весною Чечигинъ послалъ 27 человѣкъ подъ начальствомъ Нагибы провѣдывать о Хабаровѣ. По словамъ служилыхъ людей, Хабаровъ зналъ отъ Дюгеровъ, что его ищутъ казаки, но не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы дать имъ о себѣ вѣсти. Дождавшись „казны“, Чечигинъ съ оставшимися у него людьми поплылъ внизъ. Когда онъ плылъ мимо владѣній князя Толги, Дауры вышли на берегъ. Чечигинъ послалъ своего толмача призывать ихъ въ подданство царю; но они, помня судьбу своихъ аманатовъ, отказались. Въ землѣ Дюгеровъ Чечигинъ былъ счастливѣе. Ему удалось поймать одного Дюгера, который провелъ Русскихъ въ лѣсъ, гдѣ они захватили жену и дѣтей князя Тоенчи. Князь въ тотъ же день явился къ Чечигину съ ясакомъ и самъ предложилъ себя въ аманаты.

Вскорѣ послѣ этого, наканунѣ Троицына дня, Чечигинъ съѣхался съ Хабаровымъ, возвращавшимся уже назадъ. Такъ какъ посланные Чечигинымъ казаки такъ и не встрѣтились съ Хабаровымъ, то товарищи ихъ просили у сего послѣдняго разрѣшенія пойти внизъ искать ихъ, но Хабаровъ не разрѣшилъ *). Такимъ образомъ Чечигинъ съ товарищами долженъ былъ идти назадъ.

13 Августа, въ Кукорѣевомъ улусѣ, служилые люди подали Хабарову челобитную, въ которой упрекали его въ томъ, что онъ государевой службѣ не радѣетъ, поселенья не дѣлаетъ, городовъ не ставитъ, аманатовъ теряетъ, казну государеву продаетъ, и выражали опасеніе, что изъ-за непостоянства и нерадѣнія Хабарова не бывать имъ въ царскомъ жалованьѣ. Хабаровъ на это отвѣчалъ: „что вамъ, мужики, дѣло до государевы казны, хотя-де язъ и продаю государеву казну; взялъ-де государеву казну ту въ Якутскомъ острогѣ изъ государевы казны у воеводы Дмитрія Андреевича Францбекова да у дьяка Осипа Степанова, только-де по оцѣнкѣ въ долгъ, и въ той-де язъ казнѣ на себя запись далъ и словетъ-де то купилъ, что куды-де язъ съ тою купою хочу, туды-де язъ и пойду, хотя-де и на промыселъ; а вы-де мнѣ не указывайте и не бейте челомъ, и подите-де вы куды хотите, вамъ-де что будетъ отъ государя какое жалованье, а у меня-де писано къ государю моими подъемами, а вы-де на моихъ подъемахъ“. Въ за-

---

*) Нагиба спустился по Амуру до моря, затѣмъ шелъ морскимъ берегомъ и по рѣкамъ Ленскаго бассейна дошелъ до Якутска, куда явился 15 Сентября 1653. См. статью П. В. Шумахера въ „Русскомъ Архивѣ“ 1878 года.

ключеніе онъ пригрозилъ: „вы-де у меня съѣли запасъ на Тугирѣ и на Уркѣ, за всякій день пудъ вы мнѣ заплатите по 10 рублевъ". Послѣдствіемъ этихъ пререканій было то, что 132 человѣка съ Степаномъ Поляковымъ и Константиномъ Ивановымъ во главѣ отдѣлились отъ отряда и поплыли внизъ по Амуру служить Государю „своими головами съ травы и воды".

Судьба Полякова съ товарищами была неизвѣстна всѣмъ историкамъ, писавшимъ о Хабаровѣ. Миллеръ [1]) замѣчаетъ: „знатно, что многіе изъ нихъ предались потомъ къ Китайцамъ, ибо въ послѣдующихъ извѣстіяхъ часто упоминается о Русскихъ, у Китайцевъ находившихся". Въ другомъ мѣстѣ Миллеръ говоритъ по поводу того, что Константинъ Ивановъ былъ впослѣдствіи посланъ въ Москву: „чего ради надлежитъ разсуждать, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ сихъ бѣглецовъ... къ Хабарову возвратились" [2]). У Фишера же по этому поводу читаемъ слѣдующее: „Хабаровъ охотнѣе безпрепятственно оныхъ отпустить, нижели вступить съ ними въ междоусобную войну желалъ, отъ чего бы обѣ партіи пришли въ ослабленіе, и непріятелю подана бы была токмо выгода къ побѣдѣ". О судьбѣ бунтовщиковъ онъ говоритъ: „они недолго были въ разлученіи, но скоро послѣ того съ великою толпою соединились" [3]).

О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Хабарова также ничего не было извѣстно. „Послѣ помянутаго разлученія, говоритъ Фишеръ, о храбрыхъ Хабарова дѣлахъ у Амура ничего не записано; развѣ положить, что онъ въ самомъ дѣлѣ не учинилъ ничего болѣе знатнаго, или извѣстія о томъ пропали" [4]). Миллеръ предполагаетъ, что Хабаровъ продолжалъ слѣдовать далѣе вверхъ по Амуру, хотя замѣчаетъ, что „заподлинно неизвѣстно, сколь далеко онъ ѣхалъ, ниже гдѣ проводилъ зиму" [5]).

Бумагами Сибирскаго Приказа пополняются эти пробѣлы [6]). Изъ нихъ мы узнаёмъ какъ о судьбѣ Полякова съ товарищами, такъ и о послѣдующей дѣятельности Хабарова.

Поляковъ, проплывъ вторично Дючерскую землю, гдѣ ему удалось объясачить улусъ князя Чиндарія, достигъ земли Гиляцкой. Вотъ какъ одинъ изъ участниковъ похода описываетъ эту страну: „А въ тѣхъ-де Гилякахъ служилыхъ и торговыхъ людей никакихъ нѣтъ и не бывали, только жили пашенные люди; и наряду большого и малаго огненнаго бою въ тѣхъ Гилякахъ нѣтъ и не бывало, а ходятъ и ѣздятъ съ саадаки, да съ саблями, да съ копіи. А лошади-де и животина всякая въ тѣхъ городахъ и улусахъ есть, и пашню пашутъ, сѣютъ ячмень, да овесъ, да гречиху, да просо, да

[1]) Ежемѣсячныя Сочиненія" 1757 г., стр. 38.

[2]) Стр. 105.

[3]) Фишеръ, стр. 602.

[4]) Фишеръ, стр. 603.

[5]) Ежем. Сочин. стр. 38.

[6]) Столбецъ № 640, на основаніи котораго изложены событія 1650—1652 годовъ.

горохъ, и земля-де къ пашнѣ пространна и хлѣбородна, а только-де пашутъ иноземцы по маленьку на быкахъ, не какъ Русскіе люди; и сѣнныхъ покосовъ много, а сѣна не косятъ; и рыбными ловлями угожи, и виноградъ родится; и яблоки, и орѣхи, и конопля родится, а соболи-де сверхъ Шилки по Албазинъ городокъ противъ Ленскихъ, а ниже Албазина городка и до моря соболи обычные, а въ Гилякахъ-де соболи и лисицы черныя, и черно-бурыя, и красныя есть, и рыба всякая есть".

Явившись въ Гиляцкую землю, Поляковъ поставилъ острогъ съ башнями и таранами. Очень скоро ему удалось взять въ аманаты девять человѣкъ князей, подъ которыхъ стали доставлять ясакъ.

Хабаровъ съ оставшимися у него 212 служилыми людьми поплылъ вслѣдъ за бунтовщиками, 30 Сентября 1652 г. явился подъ стѣнами ихъ городка и поставилъ себѣ зимовье. 1 Октября явились на пяти стругахъ приморскіе Гиляки, привезшіе ясакъ Полякову. Хабаровъ послалъ есаула Панфилова съ толмачемъ и нѣсколькими казаками не допустить ихъ подъѣхать къ берегу. Толмачъ закричалъ имъ: „что вы, мужики, ѣдете къ ворамъ и ясакъ даете, мы-де ихъ побьемъ воровъ и вашихъ князей повѣсимъ". Эта угроза заставила Гиляковъ удалиться. 9 Октября снова пріѣхали съ ясакомъ Гиляки и Дючеры на 40 стругахъ, но и съ ними повторилось тоже, чтò и съ предыдущими.

Послѣ этого Хабаровъ рѣшилъ приступить къ военнымъ дѣйствіямъ противъ бунтовщиковъ, устроилъ раскаты, на которые вскатили пушки, и велѣлъ стрѣлять по острожку. Стрѣльба продолжалась почти цѣлый день. Какимъ- то образомъ попались ему въ плѣнъ 12 человѣкъ, и онъ велѣлъ бить ихъ палками до смерти. Наконецъ, осажденные рѣшились сдаться, потребовавъ, однако, предварительно, чтобы Хабаровъ поклялся, что онъ никого изъ нихъ не убьетъ, не разграбитъ ихъ имущества и не потеряетъ аманатовъ. Хабаровъ поклялся, но сейчасъ же послѣ сдачи велѣлъ заковать зачинщиковъ. Остальныхъ онъ велѣлъ бить батогами, и нѣкоторые отъ побоевъ умерли. Имущество ихъ Хабаровъ взялъ себѣ. Острожекъ ихъ, 7 Февраля 1653 г., былъ сломанъ и сожженъ.

Три съ половиной мѣсяца прожилъ еще здѣсь Хабаровъ, продолжая обогащаться на счетъ своихъ же подчиненныхъ продажею имъ по дорогой цѣнѣ вина и пива и вѣроломно поступая съ туземцами. Въ началѣ Марта онъ, взявъ въ проводники одного изъ аманатовъ, Гиляцкаго князька Мингалчу, пошелъ въ походъ противъ уже объясаченныхъ Гиляковъ, но не могъ взять ихъ улуса и за это убилъ Мингалчу. 16 Мая явились Гиляки съ ясакомъ, привезли 30 соболей подъ прежнихъ аманатовъ и били челомъ Хабарову, чтобы онъ ихъ аманатовъ изъ ихъ земли не увозилъ и не убивалъ. Отъ нихъ Хабаровъ узналъ, что ихъ одноулусники относятся къ Русскимъ довѣрчиво. Едва они уѣхали, какъ онъ сталъ вызывать охотниковъ

идти грабить ихъ улусы. Только противный вѣтеръ помѣшалъ привести въ исполненіе планъ Хабарова: нельзя было плыть на парусныхъ лодкахъ.

Въ концѣ Мая Хабаровъ сжегъ свое зимовье и поплылъ вверхъ по Амуру. Впередъ онъ выслалъ толмача, который долженъ былъ уговаривать Гиляковъ жить по своимъ житьямъ и рыбнымъ ловлямъ безъ боязни. Гиляки жестоко платились за свою довѣрчивость: Хабаровъ опустошалъ по пути ихъ улусы и портилъ рыбныя ловли. Такъ какъ онъ увозилъ съ собой Гиляцкихъ аманатовъ, то многіе Гиляки плыли за нимъ на стругахъ съ крикомъ и плачемъ.

*

Въ Москвѣ еще 20 Марта 1652 года г., послѣ первыхъ донесеній Францбекова, рѣшено было наградить Хабарова и служилыхъ людей. Хабарову былъ пожалованъ червонецъ золотой, служилымъ людямъ опредѣлено было раздать 200 Новгородокъ, а охочимъ людямъ 700 Московокъ [1]). Съ этими наградами былъ посланъ Московскій дворянинъ Дмитрій Ивановичъ Зиновьевъ. Онъ же долженъ былъ приготовить все необходимое для войска, которое предполагалось отправить въ Даурію подъ начальствомъ окольничаго князя И. И. Лобанова-Ростовскаго. Войско это однако не было отправлено.

Зиновьевъ встрѣтился съ Хабаровымъ у устьевъ Зеи въ Августѣ 1653 года. Раздавъ награды, онъ объявилъ Хабарову, что у него éсть государевъ указъ о томъ, чтобы ему „всю Даурскую землю досмотрѣть и его, Хабарова, вѣдать". Хабаровъ потребовалъ, чтобы Зиновьевъ показалъ ему указъ, но тотъ въ отвѣтъ схватилъ его за бороду и прибилъ. Пріѣзду Зиновьева обрадовались всѣ тѣ служилые люди, которые были недовольны Хабаровымъ. Они подали на него извѣтныя челобитныя, въ которыхъ обвиняли его въ томъ, что онъ посылалъ въ Якутскъ ложныя донесенія, притѣснялъ своихъ подчиненныхъ и туземцевъ и вообще „государеву дѣлу не радѣлъ, а радѣлъ своимъ нажиткамъ, шубамъ собольимъ..., добрые соболи и лисицы обводомъ у иноземцевъ покупалъ, а отъ государевы казны отводилъ".

Зиновьевъ приступилъ къ допросу служилыхъ и охочихъ людей, и ихъ допросныя рѣчи подтвердили обвиненія, изложенныя въ извѣтныхъ челобитныхъ: Хабарова обвиняли въ нерадѣніи о пользахъ казны государевой, закабаливаніи служилыхъ людей, вѣроломномъ отношеніи къ туземцамъ, опустошеніи всего Амурскаго края. „Какъ были улусы, жили", говорили при допросѣ служилые и охочіе люди, „и хлѣба было насѣяно немало, и земля самая хлѣбородная и къ пашнѣ пространная, и сѣнныхъ покосовъ много и рыбныхъ ловель; а нынѣ-де тѣ города пожжены, и улусы всѣ пусты, Даурскіе люди живутъ всѣ въ бѣгахъ" [2]).

---

[1]) Столб 422.
[2]) Столб. 460.

Назначивъ новаго начальника надъ отрядомъ, Зиновьевъ отправился въ обратный путь и взялъ съ собой Хабарова. Въ теченіе всего пути до Енисейска онъ притѣснялъ его. Чтобы избавиться отъ побоевъ, Хабаровъ отдалъ Зиновьеву почти все свое имущество и даже вещи, принадлежавшія Францбекову, человѣкъ котораго, собиравшій долги, пропалъ безъ вѣсти, и всѣ собранные имъ съ должниковъ воеводы „животы" хранились у Хабарова. Бывшихъ у Хабарова плѣнныхъ женщинъ и дѣтей Зиновьевъ также отнялъ. Наконецъ, онъ снялъ съ „казны" печать Хабарова и повѣсилъ свою.

Пріѣхавъ въ Енисейскъ, Хабаровъ 2 Іюля 1654 г. подалъ челобитную воеводѣ Аѳанасію Пашкову на Зиновьева, которую заканчивалъ перечисленіемъ своихъ заслугъ: „Я, холопъ твой, тебѣ, Государю, служилъ и кровь за тебя... проливалъ и иноземцевъ подъ твою царскую высокую руку подводилъ, и ясачный сборъ сбиралъ, и тебѣ... казну собрали и прибыль учинили большую и четыре земли привели: Даурскую, Дюгерскую, Натцкую да Шляцкую подъ твою государеву высокую руку" *).

По прибытіи Зиновьева и Хабарова въ Москву начался разборъ ихъ дѣла въ Сибирскомъ Приказѣ. При допросѣ Зиновьевъ показалъ, что онъ ничего насильно не бралъ, но что Хабаровъ дѣлалъ подарки и давалъ посулы, чтобы онъ не бралъ его съ собой въ Москву, и что онъ и самъ дѣлалъ подарки Хабарову. Послѣдній же отрицалъ подарки и объяснилъ, что онъ покупалъ вещи у Зиновьева и промѣнивалъ ихъ. 12 Іюня 1655 г. состоялся приговоръ и 13-го объявленъ. Постановлено было отдать Хабарову вещи, несомнѣнно ему принадлежавшія; Зиновьевъ былъ признанъ заслуживающимъ наказанія за то, что принималъ посулы отъ Хабарова и отнялъ у него насильно много вещей; но царь „для сына своего царевича Алексѣя Алексѣевича" указалъ не чинить ему наказанія. Хабаровъ объявлялъ, что Зиновьевъ отнялъ у него „рухляди" на 1500 рублей, но ему было возвращено вещей на 562 рубля съ четвертью. Списокъ этихъ вещей подтверждаетъ обвиненіе Хабарова въ томъ, что онъ больше всего радѣлъ своимъ нажиткамъ, шубамъ собольимъ. Среди этихъ вещей мы находимъ: шубу соболью, кафтанъ соболій, ферези собольи, шубу соболью лапчатую подъ атласомъ темновишневымъ, три шубы нагольныя собольи, шубу рысью, платно Даурское соболье, изямы собольи, кофтанъ рысій, шубу соболью нагольную Даурскую, одѣяло лисье чернобурое, шубы лисьи Даурскія, сто аршинъ камки и. т. п.

Но дѣло этимъ не кончилось. Хабаровъ продолжалъ требовать вещи, принадлежность которыхъ ему Зиновьевъ отрицалъ. 3-го Сентября онъ объявилъ, что примирился съ Зиновьевымъ и отказывается отъ спорной рухляди. Миръ продолжался, однако, недолго. Хабаровъ долженъ былъ заплатить судебной пошлины 47 рублей 6 алтынъ, но ему было разрѣшено внести ихъ по возвращеніи въ Сибирь. Зиновьевъ былъ недо-

*) Столб. 344.

воленъ этимъ и обвинялъ дьяка Сибирскаго Приказа Григорія Протопопова, что онъ дружитъ Хабарову[1]).

Находясь въ Москвѣ, Хабаровъ подалъ челобитную, въ которой напоминаетъ о своихъ заслугахъ по устройству пашни на Ленѣ и по покоренію Даурской земли, о хлѣбѣ, отнятомъ П. П. Головинымъ, и о пожалованныхъ, но не отданныхъ ему деньгахъ. Въ заключеніе онъ говоритъ: „А нынѣ я... на Москвѣ отъ Дмитрія Зиновьева изувѣченъ и межъ дворовъ скитаюся и за бѣдностью голодомъ помираю. Милосердный царь... пожалуй меня, холопа своего, вели... за мои службишки поверстать, въ какой чинъ я... пригожуся... и за подъемъ по прежней государевѣ грамотѣ и за службы вели... изъ своей государевѣ казнѣ денегъ дать, что ты... укажешь, и чтобъ мнѣ, бѣдному и изувѣченному за бѣдностью нынѣ на Москвѣ голодомъ не помереть и въ конецъ не погибнуть“ [2]).

Какъ извѣстно, Хабаровъ пожалованъ былъ въ дѣти боярскія и назначенъ управителемъ Приленскихъ деревень отъ Усть-Кути до Чечуйскаго волока. Не видно, даны ли были ему деньги.

Въ послѣдній разъ встрѣчаемъ Хабарова въ 1667 году: 15 Ноября этого года онъ подалъ въ Тобольскѣ воеводѣ П. И. Годунову челобитную, въ которой просилъ: „Пожалуйте... велите меня въ тоё Даурскую землю отпустить для городовыхъ и острожныхъ поставокъ и для поселенья и хлѣбныя пахоты; а я... для тоё вашей... службы и прибыли подыму на своихъ проторѣхъ сто человѣкъ и на своихъ судахъ и хлѣбными запасы, и съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ поставится городъ и остроги, будетъ вамъ, великимъ государемъ, въ ясачномъ сборѣ и въ хлѣбной пахотѣ прибыль“ [3]).

Просьба Хабарова не была удовлетворена, и мы не видимъ болѣе его дѣйствующимъ на Амурѣ.

Н. Чулковъ.

---

[1]) Столб. 472.
[2]) Столб. 344.
[3]) Столб. 811.

къ „Русскому Архиву" 1898.

Яковъ Булгаковъ

ИЗЪ ПИСЕМЪ Я. И. БУЛГАКОВА

къ младшему его сыну Константину Яковлевичу [1]).

Москва, 5 Генваря 1803.

Потоцкой (кравчій коронной) былъ мнѣ очень знакомъ. Сынъ его Северинъ въ чести въ Петербургѣ и, сказываютъ, ѣдетъ сюда, яко инспекторъ для освидѣтельствованія университета.

*

Москва, 12 Февраля 1803.

Былъ я у Тургенева. Онъ читалъ мнѣ письмо отъ Андрея изъ Петербурга. Говоритъ, что онъ въ твоей шубѣ отправился курьеромъ, отобралъ депеши отъ Рибопьера, въ Вильнѣ отдалъ твой ко мнѣ пакетъ Журавлеву; и такъ я его жду на первой почтѣ.

Совѣтую тебѣ опять не ввѣряться никому скоро: у кого медъ течетъ изо рта, тотъ всегда кончитъ полынью. Можно пользоваться пріятностями разговора и общества, по Русской пословицѣ: пальца въ ротъ не клади, откусятъ.

За сѣменà весьма тебя благодарю. Не знаю, чтò изъ нихъ выйдетъ, а думаю—мало. Климатъ здѣшній не только цвѣтокъ Нѣмецкой, но и Нѣмца заморозитъ. Увидимъ на опытѣ все и особливо императорскія дыни. Но ты все не забывай достать мнѣ сѣмянъ: Пистойскихъ арбузовъ, Болонскихъ коноплей и Римскихъ капустъ.

Вчерась видѣлъ я Гагарина [2]). Онъ мнѣ подтвердилъ, что самъ не знаетъ, когда Татищевъ [3]) сюда будетъ, а онъ вмѣстѣ съ нимъ ѣдетъ въ Вѣну. Иванъ Петровичъ [4]) писалъ къ сыну, что его переведетъ въ Петербургъ, потому что Кочубей его обманулъ, потому что Вѣнское содержаніе, думаетъ, дороже здѣшняго; но не подумалъ о томъ, что держать здѣсь дѣтей есть тоже, чтò дѣлать ихъ Митрофанушками. Въ первый разъ,

---

[1]) См. выше, стр. 56. К. Я. Булгаковъ служилъ тогда въ Вѣнѣ при посольствѣ. П. Б.

[2]) Т.-е. молодого князя Григорія Ивановича Гагарина, впослѣдствіи извѣстнаго посланника въ Римѣ и Мюнхенѣ.

[3]) Дмитрій Павловичъ, назначенный посланникомъ въ Неаполь.

[4]) Т.-е. Иванъ Петровичъ Тургеневъ, старшій сынъ котораго Андрей служилъ въ Вѣнѣ.

какъ его увижу, стану уговаривать, чтобъ онъ постарался опять его отправить. А онъ меня увѣрялъ, что Андрей Первозванный самъ не хочетъ возвратиться въ Вѣну. Но твое изъясненіе, что сынъ отцу не хочетъ противорѣчить, развязываетъ сію загадку, о чемъ впредъ, поговоря съ нимъ, и отпишу.

*

Москва, 19 Февраля 1803.

Ивана Петровича я поколебалъ сильно. Катерина Семеновна [1]) споритъ, но по-бабьи, и я думаю, что Андрей къ вамъ возвратится. Настрою еще Петерса, и ежели онъ самъ не воспротивится, то вы его увидите.

*

Москва, 9 Марта 1803.

Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ женился года съ два тайно на своей актрисѣ. Она нынѣ въ родахъ умерла, оставивъ сына. Государь призналъ бракъ, сына графомъ, а ее графинею. И такъ есть его истинный наслѣдникъ; да вѣроятно, что онъ опять женится. Прощай надежды побочныхъ наслѣдниковъ, отъ коихъ поучаствовалъ бы, можетъ быть, и князь Николай Григорьевичъ [2]).

Объ Тургеневѣ не могу тебѣ дать вѣсточки пріятной. Сперва Иванъ Петровичъ соглашался на пребываніе его въ Вѣнѣ, а теперь пишетъ къ нимъ Пет. воен. губ. графъ Толстой, ихъ пріятель, что онъ хочетъ его выпросить къ себѣ въ переводчики. Сія перспектива для него важнѣе Вѣнской. И такъ, вѣроятно, что онъ къ вамъ не воротится. Но по меньшей мѣрѣ ты будешь въ Петербургѣ имѣть надежнаго пріятеля.

Появился здѣсь романъ прекрасный Les trois Gilblas. Въ немъ есть нѣчто похожее на васъ, mutatis mutandis (я говорю съ тобою, какъ съ латинистомъ). Чтеніе пріятное, но не для подражанія, а для избѣжанія отъ слѣдствій des étourderies et des inconséquences. Продолженіе его, подъ титуломъ Flosella ou le pouvoir du cotillon, еще лучше; можетъ быть, онъ есть и въ Вѣнѣ.

Читалъ я въ газетахъ, что въ Венгріи перевели на Славянскій языкъ Гомера и печатаютъ, но не помню, въ которомъ городѣ. Постарайся развѣдать и достать мнѣ сію книгу.

Въ бытность мою въ Цареградѣ принялъ я въ службу трехъ братій Рагузинцовъ. Отецъ ихъ, Рагузинской житель, Giovanni Stulli, бла-

---

[1]) Супруга И. П. Тургенева.

[2]) Не знаемъ, кто это.

годаря меня, увѣдомлялъ, что братъ его P. S. Gioachimo Stulli (повидимому монахъ) сочиняетъ Лексиконъ на Латинскомъ, Итальянскомъ, Нѣмецкомъ и Иллирическомъ языкѣ и просилъ позволенія поднести Государынѣ. Меня вскорѣ посадили въ Едикуль, и все рушилось. Пожалуй, отыщи сего человѣка; а сіе сдѣлать можно чрезъ повѣреннаго въ дѣлахъ Рагузинскаго, который всегда былъ въ Вѣнѣ. Навѣдайся о состояніи Лексикона и, ежели напечатанъ, купи мнѣ экземпляръ. Надобно знать, что Рагузинцы крайне меня любили; а посему и ты все можешь свѣдать, сколь скоро о моемъ имени имъ скажешь.

*

Москва, 16 Марта 1803.

Тургеневъ въ отчаяніи и не знаетъ, какъ рѣшиться о сынѣ Андреѣ. Всѣ обѣщали, всѣ обманули; а курьеромъ ему ѣздить и въ самомъ дѣлѣ не есть мѣсто. Онъ даже и на Толстого не надѣется.

*

Москва, 16 Апрѣля 1803.

Исторія Маркова удивительна. Хорошо быть чувствительнымъ, помогать страждущимъ; но ежели сей человѣкъ дезертиръ? Французское наслѣдство, кажется, басня, а другая—что онъ его не принялъ; и видно, что есть что-нибудь подобнаго, когда нашъ министръ его выгналъ и, конечно, не по фамиліи, ибо онѣ совсѣмъ розны: одинъ Ма́рковъ, а другой Морко̀въ. Ежели у меня явится, я, по слову твоему, поступлю съ нимъ лучше Парижа.

*

Москва, Апрѣля 1803.

Бывшій въ Парижѣ и въ Голландіи министромъ, а потомъ жившій въ уединеніи въ Брауншвейгѣ, князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ тамъ умеръ. Хотя и оставилъ жену, сына и дочь, но какъ съ первою давно развелся, второй перемѣнилъ вѣру, уѣхалъ въ Америку и постригся въ монахи, а третья Богъ знаетъ гдѣ, то вѣроятно, что изъ наслѣдства его достанется что-нибудь князю Сергѣю Ивановичу *), который управлялъ его здѣсь деревнями. Здѣсь умеръ Александръ Васильевичъ Салтыковъ, прозванный à la coque.

*

Москва, 27 Апрѣля 1803.

Ежели разлука твоя съ братомъ была тебѣ горестна, нимало неудивительно; но за то ты и весело пожилъ, пока онъ былъ въ Вѣнѣ. Ежели бы всѣ дни были ровны, то бы не бывало радости въ жизни; за радостью идетъ печаль, за печалью опять радость, и тотъ счаст-

*) Голицыну, женатому на племянницѣ Я. И. Булгакова.

ливѣе, у кого послѣдней больше; но сихъ людей мало въ свѣтѣ. Радость и удовольствіе въ нашемъ сердцѣ, какъ тепло въ землѣ: когда онаго нѣтъ, то и солнце ея не разогрѣетъ.

*

Москва, 11 Мая 1803.

Прежде всего благодарю тебя, и преискренне, за Лексиконъ Стулли, который здѣсь полезенъ весьма будетъ любящимъ Словенскій языкъ литераторамъ и есть рѣдкость; а какъ въ немъ сказано, что оба тома хотя и кончены, суть только первая часть, то видно, что Стулли намѣренъ выдать вторую и третью часть, можетъ быть, съ Итальянскаго и Иллирическаго алфавита; въ семъ случаѣ, пожалуй, понавѣдайся и въ свое время ихъ купи.

О пѣшеходѣ Марковѣ чуть я не отгадалъ ли. Когда онъ не взялъ у тебя письма, видно и у меня не явится. Въ университетѣ, въ силу новаго уложенія, выбранъ уже и ректоръ, а именно профессоръ Чеботаревъ, а о директорѣ Иванѣ Петровичѣ *) и кураторахъ и слова по сю пору нѣтъ. За стихи «На смерть», весьма тебя благодарю. Мнѣ хочется обогатить ими журналъ Карамзина. Они того достойны.

Всѣ присланныя тобою сѣмена посѣялъ, дабы взошли, и потомъ бы разсадилъ ихъ по мѣстамъ; но уже двѣ недѣли прошло, а ничто не всходитъ; однѣ только дыни принялись, и тебѣ будетъ слава, когда мы ихъ здѣсь отвѣдаемъ. Садъ мой сильно принимается, и я самъ за нимъ хожу. Ученики мои, бывшіе у Демидова, уже хороши, и я другого садовника не имѣю. Малинный садъ будетъ малинный рай. Въ немъ я пересадилъ изъ кадокъ деревья, кои сильно цвѣтутъ. Сверхъ того купилъ Шпанскихъ вишенъ, буль-де-нежъ и всякихъ рѣдкостей; все принялось. Твоя бесѣдка украшена. Около забора посаженъ хмѣль, который вьется и составитъ зеленую стѣну. Я сей домъ и садъ тебѣ опредѣляю. Комнаты расписаны; вмѣсто занавѣсъ, которыя бы стали въ тысячу рублей, сдѣлалъ я прекрасные транспаранты, кои всѣ 13 не станутъ въ 150 р. Когда дождь уймется, пойду ихъ ставить; они представляютъ мой домъ и все Буюкдере, мой корабль, Итальянскіе виды, кои у меня въ покояхъ, въ бронзовыхъ рамахъ и пр., да и самые покои расписаны al fresco изъ Цареградскихъ видовъ. Симъ лѣтомъ намѣренъ я жить въ немъ и учреждать библіотеку. Въ семъ маломъ саду, напротивъ твоей бесѣдки, сдѣланъ фигурный цвѣтникъ; въ немъ лучшіе цвѣты, по угламъ chevre-feuille, boule de neige, Англинская сериза и пр., и все уже начинаетъ цвѣсти; а розы! Въ немъ бу-

*) Т. е. Тургеневъ.

дутъ (то-есть деревья уже цвѣтутъ) славныя яблоки, груши, сливы, вишни, смородина всѣхъ родовъ, малина. Грядъ нѣтъ, но все бархатный лугъ. Дорожки прелестны. Валезини расписалъ славно концы аллей. Князь Сергѣй Ивановичъ въ отчаяніи, что его садъ не такъ великъ и не такъ хорошъ. Теперь отдѣлываютъ куртины балясцами, т.-е. около смородины, крыжовника и малины, и уже ихъ красятъ.

14 Мая. Вчера дождь помѣшалъ гулянью подъ Дѣвичьимъ. Сегодня обѣдали у меня князь съ княгинею. На нашей улицѣ праздникъ, т.-е. Вознесенье. Подлость въ саду Демидова и въ Дворцовомъ. Я ходилъ съ княземъ въ оба, и въ послѣднемъ застала насъ гроза и сильный дождь. Дамы, наряженныя щегольски для воксала, всѣ перемокли, но туда поѣхали. На ихъ несчастье, воксалъ за дождемъ отказанъ, и онѣ опять мимо насъ ѣхали, но всѣ весьма сердиты.

15 Мая. Весь день проводилъ въ библіотекѣ. Разбираю книги и уже три шкапа уставилъ порядочно, ибо многія были перемѣшаны; когда всѣ шкапы окончу, стану сочинять каталогъ par ordre de matières, хотя онъ уже есть par ordre alphabétique. Чувствую, что васъ здѣсь нѣтъ: вы бы помогли. У меня много прибыло книгъ, особливо новыхъ вояжей, кои прелестны.

Изъ Москвы всѣ разъѣзжаются. Мы собираемся съ княземъ Серг. Ив. ѣхать въ Воскресенскъ, въ Бриково къ Архаровымъ; но дождь не позволяетъ ниже побывать въ Воронцовѣ, въ Очаковѣ, у Нарышкиныхъ и Херасковыхъ.

17 Мая. Вчера пріѣхали изъ Петербурга Пушкины*), объ васъ спрашивали и велѣли кланяться; сегодня я у нихъ обѣдалъ. Новаго ничего нѣтъ. Государь, кажется, отмѣнилъ свое путешествіе сюда и въ Крымъ.

Квитанцію твою за Апрѣль на 40 ч. я получилъ и заплатилъ 167 р.; банкиры всѣ дерутъ немилосердно, ибо червонецъ здѣсь теперь меньше четырехъ рублей. Былъ я вчера у Біянки. Онъ бѣдный боленъ около 6 недѣль. Почувствовалъ въ груди острую боль, которая, можетъ быть, и прошла бы, но начали его лѣчить Шпанскими мухами и тому подобнымъ. Боль отъ нихъ, кажется ему, уменьшила боль груди; но грудь все болитъ. Я взялся его лѣчить Венгерскимъ. Купецъ Анцони (или инако, ибо я забылъ его имя) ѣдетъ послѣ завтра въ Вѣну. Я отпра-

*) Т. е. графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ и его семейство, жившіе по близости отъ Булгакова, на Разгуляѣ, въ нынѣшнемъ домѣ Второй Гимназіи.

вилъ съ Біянки къ тебѣ посылку, сукнà на фракъ. Ежели онъ возмется, то ты получишь ее прежде сего письма; ежели нѣтъ, то пришлю при первомъ случаѣ; но желалъ бы, чтобъ и прежнія двѣ посылки на мундиръ и на фракъ не пропали. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ сегодня отправляетъ обозъ; самъ дождется брата изъ Петербурга и, кажется, пробудетъ еще здѣсь недѣли двѣ. Отпиши къ брату и скажи ему что-нибудь изъ сего письма, а мнѣ, кажется, нечего уже больше будетъ прибавить до завтрашняго утра. Обо мнѣ, слава Богу, въ Петербургѣ помнятъ.

*

Москва, 1 Іюня 1803.

Жена умершаго за границею нашего министра князя Дм. Ал. Голицына пишетъ, чтобы наслѣдство его было сохранено, ибо она съ дѣтьми своими есть истинною наслѣдницею, и что ожидаетъ вскорѣ изъ Америки сына, утверждая, что онъ ни вѣры не перемѣнялъ, ни попомъ не былъ. Сіе значитъ, что заведется споръ, и предвидѣть не можно, чѣмъ и когда кончится; а безъ того, конечно, досталось бы нѣчто князю Сергѣю Ивановичу.

*

Москва, 15 Іюня 1803.

Я уже писалъ, что путешествіе Государя отмѣнено, а слѣдовательно и свиданіе съ Императоромъ. Видно, что по обороту въ дѣлахъ оно явилось ненужнымъ.

На островѣ, который также сильно обросся, вязъ высохъ, и на его мѣстѣ будущимъ лѣтомъ построю я ротонду, т. е. храмъ или бесѣдку. За прудомъ, въ одномъ углу поставлена бесѣдка, подобная той, чтò у Пушкина въ Валуевѣ, т. е. снаружи покрытая берестою, а внутри убрана мохомъ; въ другомъ углу бесѣдка высокая изъ кореньевъ или сухихъ деревъ, покрытая соломою; обѣ очень удались; щитъ между ими, а позади его заростаетъ деревьями. Полуциркульная бесѣдка безъ столбовъ подъ ивою осажена осокорью, которая принялась. Гора уже очень высока, но не отдѣлана, ибо все прибавляется къ ней еще всякаго сора, навоза и пр. Въ прудѣ рыба невѣроятно расплодилась, и когда ходишь, она играетъ такъ часто, что вдругъ по десяти видишь выскакивающихъ изъ воды. Аполлонъ, Венера и пр. живы и здоровы. Бесѣдку подъ большими дубами Валезини расписалъ удачно. Она представляетъ палатку визирскую; ты вспомнишь объ ней въ моихъ Цареградскихъ видахъ. Цвѣтовъ вездѣ насажено много. Теперь опишу тебѣ маленькой садъ, который подлинно прелесть. Подъ окномъ спальни Валезини сдѣлалъ щитъ, представляющій каскаду; на другомъ концѣ аллеи видъ городка, окруженнаго лѣсомъ; отъ него, идучи впра-

во, въ углу бесѣдка треугольная (и такая же лавка) обсажена хмѣлемъ, который всю ее покроетъ, такъ какъ и весь кругомъ заборъ. На концѣ поперечной аллеи щитъ съ фонтаномъ. Твоя бесѣдка обдѣлана, то-есть твоя работа осталась, а входъ сдѣланъ аркою; куртина противъ нея выработана славно цвѣтникомъ, и цвѣтовъ много. Позади твоей бесѣдки зеленой, въ которой вода проведена изъ колодезя, на другомъ концѣ аллеи, поперечной къ огороду, бесѣдка полукруглая съ такою же лавкою, осажена хмѣлемъ; отъ нея вправо на конюшнѣ и на заборѣ въ заворотъ щиты, представляющіе: 1) башню съ лѣстницею, 2) Купидона на дельфинѣ, изъ обоихъ течетъ вода, 3) родъ башни съ галереею, такъ что откуда ни посмотришь, все въ глазахъ пріятные виды. Вдоль палатъ стѣна обсажена акаціею. По заборамъ перильцы около малины. Всѣ четыре куртины обнесены перильцами съ обѣихъ сторонъ, такъ что смородина, малина, крыжовникъ и пр. заключаются между ими, какъ въ клѣткѣ, не задѣваютъ гуляющихъ, и дороги стали несравненно противъ прежняго шире. Все сіе деревянное выкрашено бѣлымъ и перевито зеленою лентою, равно какъ и бесѣдки, и дѣлаетъ весьма пріятный видъ. Оранжерейныя мои деревья, кои могутъ съ покрышкою на зиму не пропасть, какъ-то: груши, вишни, сливы, посажены въ грунтъ и тутъ останутся.

*

20 Іюля 1803. Я не увѣренъ, чтобы Кассини лишился мѣста; кажется, Бутурлинъ[1]) ѣдетъ только съ комплиментомъ на время; въ противномъ же случаѣ Кассинію дадутъ другое мѣсто, хотя и то правда, что разорительно перемѣщаться.

*

Москва, 27 Іюля 1803.

Вчерась я былъ у Тургенева, казалъ ему твое письмо. Онъ крайне тронутъ дружбою твоею къ Андрею; нѣсколько разъ просилъ отписать къ вамъ обоимъ его чувствованіе; боится, чтобы дурное извѣстіе васъ слишкомъ не огорчило. Для Андрея не надобно уже мѣста[2]); но ежели бы оное черезъ годъ было еще пусто и годилось для Александра, который теперь въ Гетингенѣ, то бы онъ воспользовался твоимъ случаемъ. Мы не можемъ отгадать, что̀ такое. Катеринѣ Семеновнѣ отсовѣтовалъ я выписывать сюда Александра. Пускай онъ учится

---

[1]) Графъ Д. П. Бутурлинъ. Его посольство къ папѣ не состоялось. См. XXXII-ую книгу „Архива Князя Воронцова", гдѣ напечатаны его письма.

[2]) Андрей Ивановичъ Тургеневъ скончался въ Петербургѣ 8 Іюня этого года. Жуковскій писалъ про его отца:

Какъ былъ онъ изумленъ,
Тогда, какъ смерть ошибкою ужасной,
Не надъ его одряхшей головой,
Надъ юношей обрушилась прекраснымъ!

и поживетъ еще за границею; оттого не будетъ ни здоровѣе, ни умнѣе, что станетъ коптѣть на глазахъ у матери.

Мнѣ очень мило видѣть въ тебѣ доброе расположеніе къ добру и къ дѣланію онаго твоимъ друзьямъ. Съ симъ характеромъ будешь ты нѣкогда счастливъ; а мнѣ счастье надобно уже для васъ, а не для себя.

Мнѣ кажется, никакого нѣтъ Стуллію препятствія дедиковать свой Лексиконъ Государю; и я бы ему совѣтовалъ отправить не только вторую часть, но и первую, припечатавъ къ ней дедикацію, а они умѣютъ что̀ въ ней сказать, слыша, сколько онъ покровительствуетъ наукѣ, заводитъ университеты и пр.

Радуюсь, что ты избавился расхода съ гитарнымъ мастерствомъ, въ которомъ, кажется, уже тебѣ не было нужды. Сей инструментъ должно выучить въ три мѣсяца для забавы своей; а побѣждать трудности, кои впрочемъ ни славы, ни счастія не принесутъ, было бы дурачествомъ. Но все ли ты можешь уже на ней играть?—Фехтовальный мастеръ отъ тебя зависитъ. Мое объ нихъ мнѣніе то, чтобъ ихъ совсѣмъ искоренить бы нужно: они только подаютъ поводъ къ поединкамъ. Молодой человѣкъ тѣмъ и хвастаетъ, что умѣетъ, и кто не учился фехтовать, тотъ никогда не вызываетъ, и того никто не вызываетъ, т. е. что онъ ведетъ себя осторожнѣе: никого не обижаетъ и повода къ спорамъ и ссорамъ не подаетъ; а такого человѣка никому и на мысль не придетъ задирать. Можно впрочемъ быть не трусомъ и не учась фехтованію. Мнѣ еще не случалось видѣть, ни слышать отъ него пользы въ войнѣ и на баталіяхъ; но многихъ зналъ, которые зачахли отъ прилѣпленія къ сему ненужному искусству, не говоря уже о тѣхъ, кои были его жертвою. Слѣдовательно остается одно побужденіе, т. е. выпрямить себя, и оно въ тебѣ похвально: лучше быть стройну, нежели казаться горбатымъ; но для сего одного фехтованія недовольно; надобно принуждать держаться всегда и во всякомъ случаѣ прямо, даже когда и пишешь. Я тебѣ сказалъ мое мнѣніе; впрочемъ ты скоро увидишь самъ, будетъ ли оно тебѣ полезно.

*

20 Сентября 1803.

Гарнеринъ насъ замучилъ. Собралъ деньги, чтобы спустить шаръ въ Крутицкомъ монастырѣ, обращенномъ въ казармы, не доѣзжая Симонова. Мы принуждены обѣдать въ полдень и туда ѣхать. 16-го помѣшалъ вѣтеръ и дождь; сегодня также вѣтеръ; но ежели не полетитъ, то я больше не поѣду.

*

Москва, 21 Сентября 1803.

Тургеневу читалъ я писанное тобою о долгѣ на покойномъ Андреѣ. Онъ ничего о томъ не знаетъ. Я думалъ, что дѣлами Андрея управлялъ Иванъ Володимеровичъ [1]), но не отгадалъ; а есть какой-то Кайсаровъ [2]).

*

Москва, 9 Ноября 1803.

Фроманъ былъ человѣкъ рѣдкихъ знаній и достоинствъ, профессоръ въ университетѣ и мой учитель. Его избирали въ учители или, больше, въ гувернеры къ великому князю Павлу Петровичу; но онъ умѣлъ отговориться, оставилъ Россію, поѣхалъ домой, женился и скоро умеръ; со мною переписывался. Предъ смертію сказалъ брату, что, не имѣя чего оставить, оставляетъ ему въ наслѣдство меня. Онъ, кажется, отставной ротмистръ. Когда мы ѣхали изъ Царяграда, онъ ко мнѣ явился въ Вѣнѣ и искалъ почтмейстерскаго, не помню гдѣ, мѣста. Я просилъ князя Дмитрія Михайловича [3]). Онъ взялся; но не знаю, что̀ послѣ воспослѣдовало. Итакъ, юнкеръ Фроманъ по наслѣдству тебѣ долженъ быть знакомымъ; а ежели того сто́итъ,—и пріятелемъ. А отцу поклонись и спроси, имѣло ли тогда успѣхъ мое объ немъ стараніе?

*

Москва, 17 Декабря 1803.

Весьма я радъ буду увидѣть здѣсь г. Самбурскаго [4]). Я никогда не забуду его дружбы и особливо одолженій, оказанныхъ мнѣ въ Лондонѣ. Ежели подлинно поѣдетъ чрезъ Москву, я его могу помѣстить въ библіотекѣ, гдѣ теперь три покоя совсѣмъ убраны.

*

Москва, 24 Декабря 1803.

Читалъ я въ газетахъ, что въ Севастопольскомъ карантинѣ пожалованъ въ надворные совѣтники Стулли, племянникъ знакомаго тебѣ лексикографа и мною въ службу опредѣленный. Другой мой воспитанникъ, служащій въ департаментѣ министра финансовъ, произведенъ въ статскіе совѣтники. Желаю и вамъ до сего дожить.

*

---

[1]) Т. е. Лопухинъ.

[2]) Андрей Сергѣевичъ, другъ Жуковскаго.

[3]) Голицына, нашего посла въ Вѣнѣ.

[4]) Андрея Аѳанасьевича, нѣкогда посольскаго священника въ Лондонѣ.

Москва, 14 Генваря 1804.

Я становлюсь дряхлъ, хотя еще и надѣюсь, что съ лѣтомъ здоровье мое поправится. Не столько терплю отъ болѣзней тѣлесныхъ, но все немило бываетъ, когда не можешь дѣлать того, чего хочется. Мнѣ нужно движеніе, а морозы заставляютъ сидѣть въ заперти или рисковать простудиться, что уже неоднократно со мною случалось. Жду лѣта, отъ котораго надѣюсь помолодѣть, т. е. ободриться. Люблю читать, но всегда читать нельзя. Тѣ, кто ко мнѣ ѣздятъ, большею частію суть такіе, что предпочитаю быть одному, нежели съ ними; ибо они только отнимаютъ время.

Билетомъ на новый годъ ты меня сильно утѣшилъ. У Пушкиныхъ былъ балъ для дѣтей, выбирали короля и королеву, которые давали чины, ключи, принимали Китайское посольство. Все сіе очень было хорошо и весело; но когда я показалъ билетъ съ каретою, чуть не забыли о королѣ, чуть его не разорвали, чуть у меня не отняли, и всѣ просили, чтобы ты къ нимъ прислалъ. Я по сю пору столь ребенокъ, что подобная бездѣлица меня больше веселитъ, нежели Рафаэлева картина, ибо картинъ я не въ состояніи покупать; а тебя прошу и впередъ, ежели покажется что-нибудь подобное, или какая смѣшная каррикатура, а каррикатуры чѣмъ глупѣе тѣмъ смѣшнѣе, то ты меня всегда обрадуешь ихъ присылкою.

Сегодня нужда мнѣ писать къ князю А. Б. Куракину, и я объ васъ и его прошу. Дай Богъ, чтобы ты подлинно думалъ не чинамъ радоваться, но быть оныхъ достойнымъ. Повѣрь мнѣ, что все придетъ, чему быть, съ добрымъ поведеніемъ. Я отъ самаго совѣтничества посольства никѣмъ не былъ протежированъ, и чины приходили неожидаемо, не смотря на зависть. Никого, никогда, ни о чемъ не просилъ; можетъ быть, дурно дѣлалъ, ибо пронырствами былъ бы богатѣе; но спокоенъ и никому ничѣмъ не обязанъ, слѣдовательно и никто бы не назвалъ меня неблагодарнымъ, ежели бы я теперь удержался подло похлѣбствовать и ѣздить въ праздники съ поздравленіемъ. Тургенева давно я не видѣлъ и не знаю, отданы ли деньги въ Петербургѣ, какъ онъ обѣщался. Знаю, что онъ, раздѣлавшись съ университетомъ, переѣхалъ уже въ свой домъ, т. е. въ домъ Ив. Волод., доставшійся ему отъ покойной Исаевой *).

*

*) Нынѣ домъ П. П. Боткина, у Петра Веригъ, на Маросейкѣ.

Москва, 15 Февраля 1804.

Желаю тебѣ успѣховъ съ новымъ учителемъ Аглинскаго языка, который тебѣ крайне будетъ полезенъ по службѣ, и потому совѣтую не терять времени и въ немъ упражняться ежедневно: знающіе его отъ Государя предпочитаются при всякомъ случаѣ, ибо самъ онъ его, говорятъ, любитъ.—Тургеневъ совѣтовался со мною о своемъ сынѣ и какъ къ нему переслать денегъ, и положилъ взять вексель и отправить къ тебѣ для отдачи ему, по пріѣздѣ въ Вѣну, гдѣ быть онъ можетъ наипозднѣе въ Апрѣлѣ; но теперь тотчасъ исполнить сего не можетъ, ибо денегъ не имѣетъ. На сихъ дняхъ онъ купилъ деревню въ 20 т. р., занявъ деньги. Спрашивалъ я у него, для чего не заплачено Катеринѣ Любимовнѣ? *) Онъ смѣшался и отвѣчалъ невѣдѣніемъ, полагая, что развѣ Кайсаровъ, коему онъ поручалъ сіе дѣло, боленъ, и обѣщалъ сегодня писать; но видно, что денегъ и тамъ нѣтъ.

*

Москва, 18 Апрѣля 1804.

Ты прислалъ ко мнѣ письмо, отданное тебѣ г. Анстетомъ къ графинѣ Браницкой. Я его къ ней отправилъ и теперь получилъ отвѣтъ. Она пишетъ ко мнѣ изъ Бѣлой Церкви отъ 2-го Апрѣля слѣдующее: «Письмо отъ васъ присланное отъ Иссоры, который былъ докторомъ моего мужа»... «Чрезъ 18 лѣтъ, какъ онъ изъ Варшавы выѣхалъ, теперь вздумалъ ко мнѣ написать, что будто ему слѣдуютъ деньги и что онъ не все получилъ; но я знаю вѣрно, что онъ былъ заплаченъ отъ банкира Кабрія до полушки. Теперь имѣю оказію черезъ одного, который ѣдетъ во Францію, то буду отвѣчать и пошлю ему деньги не по фальшивому его требованію, а для того, что онъ прежде имѣлъ попеченіе о здоровьѣ моего мужа и потому, что онъ въ крайней бѣдности: чрезъ революцію что̀ собралъ въ Польшѣ, то потерялъ». Ты можешь пересказать сей отвѣтъ г. Анстету.

Сей Иссора, лѣкарь, былъ въ Варшавѣ моимъ пріятелемъ и сотрапезникомъ, человѣкъ очень добрый и хорошій; по несчастію влюбился, женился и брошенъ женою, которая при немъ же вышла за адъютанта гетмана Браницкаго (къ которому я его и въ домъ ввелъ), Заіончека, учинившагося потомъ генераломъ въ Польской революціи. Иссора поѣхалъ во Францію, и во время тамошней революціи видѣлъ я сіе имя актеромъ при Робеспіерѣ; но не знаю, онъ ли? А что ему все заплачено, въ томъ я увѣренъ.

*

*) Шумлянской, матери молодыхъ Булгаковыхъ, жившей въ Петербургѣ, куда передъ тѣмъ ѣздилъ И. П. Тургеневъ на могилу старшаго сына Андрея, похороненнаго въ Невской Лаврѣ.

Москва, 28 Апрѣля 1804

Планъ путешествія твоего пріятенъ и полезенъ, но невозможенъ. Я бы порадовался, ежели бы ты могъ увидѣть Архипелагъ (рай земной), Царьградъ, Одессу, южныя наши провинціи, и за деньгами бы не стало; но вотъ препятствіе: даже изъ Тріеста въ Царьградъ путь опасенъ; повсюду безпокойства, повсюду грабежи. Одинъ Венеціянинъ Анжелини (думаю, полковникъ нашей службы) влюбился здѣсь въ Рубецкую, побочную дочь кн. Трубецкаго, поѣхалъ въ Венецію учредить свои дѣла, продать имѣніе и, пріѣхавъ, на ней жениться. На сихъ дняхъ получено извѣстіе, что все тамъ кончилъ, сѣлъ на Неаполитанскій корабль и отправился; корабль взятъ Тунисцами на дорогѣ; онъ въ полону; требуютъ 10 т. р. выкупа, а у него всего имѣнія нѣтъ столько. Вторая неудобность: пріѣхавъ въ Россію, должно выдержать карантинъ шестинедѣльный, время не больше великаго поста; но что̀ за карантинъ, что̀ за домъ, что̀ за жизнь? Кто въ немъ сидѣлъ, испортилъ здоровья на половину своей жизни. И такъ, ежели сіе разскажешь г. Самбурскому, я думаю и онъ отречется отъ удовольствія осмотрѣть Архипелагъ[1]). Когда въ Европѣ поуспокоится, все придетъ въ порядокъ, то я первый пожелаю тебѣ потаскаться по свѣту; а теперь и тѣмъ будь доволенъ, чтобы тебя послали куріеромъ въ Петербургъ, и побывай въ Москвѣ.

*

Москва, 13 Іюня 1804.

О лѣкарѣ, кажется, все кончено[2]). Ты получилъ обстоятельное описаніе всѣхъ кондицій и деньги. Пунктъ, тебя затруднявшій въ нихъ, рѣшенъ, то-есть, что на возвратный путь въ Вѣну денегъ ему не дадутъ, и вотъ тому причина. Сумнѣнія нѣтъ, что всякой чужестранецъ тоскуетъ въ чужой землѣ первые мѣсяца три, то-есть пока не обдышется новымъ воздухомъ, не привыкнетъ къ землѣ и не познакомится съ кѣмъ-нибудь. А Швейцары страдаютъ сею болѣзнію и десять лѣтъ проживя; слѣдовательно въ первые полгода захочется конечно и твоему лѣкарю домой, ежели ему дадутъ на возвратный путь денегъ; а другой и нарочно бы то сдѣлалъ, ибо не нажилъ бы столько, ежели бы годъ остался, то-есть въ семъ случаѣ получилъ бы онъ на проѣздъ въ оба пути 200 р., да жалованья за нѣсколько мѣсяцевъ, а между тѣмъ имѣлъ квартиру, столъ и прислугу. Ежели твой лѣкарь про-

---

[1]) А. А. Самборскій, на пути изъ Венгріи въ Россію, поѣхалъ въ Архипелагъ; и К. Я. Булгакову позднѣе довелось побывать тамъ.

[2]) Рѣчь идетъ о приглашеніи лѣкаря изъ чужихъ краевъ для графа А. И. Мусина-Пушкина.

живетъ у Пушкина три года, а не будетъ доволенъ, тогда можетъ ѣхать въ Вѣну и на вояжъ накопитъ уже своихъ денегъ; а ежели къ другому перейдетъ, то можетъ съ нимъ условиться, чтобъ онъ заплатилъ ему обратный путь въ Вѣну; Пушкину же того сдѣлать нельзя, и я бы не сдѣлалъ. Впрочемъ изъ кондицій видѣлъ ты, что ему надобно прожить у Пушкина три года, и по прошествіи оныхъ, ежели бы кто его и переманилъ, то онъ Пушкину уже сто р. не возвращаетъ, и сему причина тамъ сказана. Я надѣюсь, что онъ уживется и будетъ доволенъ; да три года пройдутъ такъ, что онъ и не увидитъ ихъ. Слѣдовательно въ посланныхъ мною кондиціяхъ перемѣнять ничего не должно, и ежели лѣкарь оными недоволенъ, то и дѣло кончено. Но я думаю, что онъ не разорветъ нашего плана, который дѣйствительно доставитъ ему состояніе навсегда. Проживя у Пушкина три года, онъ властенъ, по моему мнѣнію, сдѣлать новыя кондиціи и потребовать прибавки жалованья или денегъ на обратный путь и, въ случаѣ отказа, оставить Пушкина; а теперь посланныхъ кондицій перемѣнять нельзя; да впрочемъ Пушкинъ уже въ Ярославлѣ. Тебѣ извѣстно, какъ здѣсь иностранцы наживаются; а лѣкарю твоему можно имѣть и постороннюю практику, лишь бы своей должности не упускалъ. А потому можетъ онъ сверхъ жалованья пріобрѣсть нѣсколько сотъ на годъ, особливо ежели ему посчастливится больныхъ вылѣчивать.

Фастъ, какъ лѣкарь Нѣмецъ, находитъ должность свою претрудною, ибо съ рода ничего не дѣлалъ; но скоро привыкнетъ[1]). Весь трудъ въ томъ, что надобно каждое утро ѣздить и быть при мѣстѣ до втораго часа. Ни за что не отвѣчаетъ, а читаетъ только журналы и газеты и иногда изъ нихъ переводитъ нужныя статьи. Надѣюсь, что скоро привыкнетъ. Вѣдь мы привыкали же и не къ тому. Мнѣ случалось по пяти ночей не спать и не раздѣваться, и безъ сего ни человѣкомъ не будешь, и ничего не наживешь. У кого есть тетушка, тѣ идутъ другою дорогою, но и такихъ трудолюбивый человѣкъ догоняетъ, а иногда и перегоняетъ. Я самъ тому примѣръ.

*

Москва, 7 Іюля 1804.

Въ послѣднее Воскресенье гр. Катерина Алексѣевна[2]) со всѣмъ домомъ, то-есть съ 12-ю особами, у меня обѣдала въ саду, и отъ меня

---

[1]) Фавстъ Петровичъ Макеровскій, пріятель Булгаковыхъ, поступилъ тогда на службу въ Московскій почтамтъ.

[2]) Графиня Мусина-Пушкина, ур. княжна Волконская.

поѣхала въ Ярославль, откуда всѣ они возвратятся въ Сентябрѣ; а лѣкарь, хотя бы и прежде пріѣхалъ, можетъ пристать у меня, и я его постараюсь водворить у Пушкина. Ежели онъ полюбится, нельзя ему желать мѣста лучше. Ежели что̀ противнаго воспослѣдуетъ, найду ему другое, и тогда новый господинъ за него заплатитъ сто червонныхъ; но сего я не надѣюсь и не ожидаю, а ему совѣтами помогу, лишь бы онъ довольно по-французски изъяснялся со мной. И такъ, можешь его отправить, когда найдешь оказію. Но не забудь того, что онъ долженъ имѣть дипломъ лѣкаря и аттестаты медицинскіе, ибо здѣсь надобно его экзаменовать и получить позволеніе имѣть практику; а безъ диплома того сдѣлать нельзя. О деньгахъ я уже писалъ, чтобы ты изъ 36 ч. заплатилъ за мозаики, а остальные у себя оставилъ: я ихъ Пушкину здѣсь отдамъ. Вотъ, кажется, и все о лѣкарѣ. Прибавлю, чтобы онъ не почиталъ себя закабаленнымъ на три года; ибо я, въ случаѣ какого непріятнаго происшествія, лучше самъ деньги заплачу, нежели потерпѣть ему попущу.

Ты спрашиваешь, кто былъ мой лѣкарь? Иванъ Петровичъ? Нѣтъ. По отъѣздѣ Куракина, я его не видалъ ни разу. Онъ былъ здѣсь влюбленъ, хотѣлъ жениться, но вдругъ взвился, ни съ кѣмъ не простился и уѣхалъ, не знаю куда; а слышу, что въ Петербургъ. Меня же лѣчитъ или, справедливѣе, совѣты мнѣ даетъ штабъ-лекарь Тарновскій, что̀ былъ въ университетѣ, что̀ спасъ прежде и нынѣ Тургенева, что̀ былъ нѣкогда въ арміи въ Яссахъ и пр. Я его теперь помѣстилъ въ команду Валуева при дворцѣ. Ты, конечно, его знаешь.

Сильно меня обрадовалъ тѣмъ, что ты благополучно и здорово воротился въ Вѣну. Хорошо, что ты видѣлъ Краковъ, Величку, Тешенъ; все сіе прибавляетъ къ твоимъ знаніямъ. Краковъ есть изъ старинныхъ городовъ въ Европѣ, столица государей, старѣйшая также академія въ Европѣ послѣ Парижской. Величка есть единственное въ свѣтѣ мѣсто по соленому городу подъ землею и, можетъ быть, лучше Анти-Паросской подземельной пещеры. Тешенъ славенъ конгрессомъ, въ которомъ работалъ я много. Грабовскихъ я знаю всѣхъ; но у моихъ знакомыхъ не было диры на лбу. Видно, что сей оциклопѣлъ въ Италіи. Людольфа жду; но надѣюсь, что изъ Петербурга ко мнѣ отпишетъ. Боюсь, чтобы не уѣхать въ Ярославль.. На ѣзду мою мнѣ надобно больше трехъ недѣль. Разъѣзжаю я на своихъ, то-есть извощичьихъ лошадяхъ, и не могу въ сутки дѣлать больше 60 верстъ, а до Пушкина около 300. Оттуда же поѣду чрезъ Ярославль, Ростовъ, Переславль и Троицу, что̀ прибавитъ еще больше 100 верстъ.

Иванъ Петровичъ выздоровѣлъ, или, лучше, выздоравливаетъ: одѣвается, выѣзжаетъ, но все слабъ. Хотятъ вскорѣ ѣхать въ новокупленную у Ивана Владимировича Лопухина деревню, въ Дмитровѣ, въ сосѣдствѣ Нагибина, которая Лопухину досталась послѣ Анны Ив. Исаевой. Иванъ Петровичъ боится, не опасно ли его сыну ѣхать въ Италію.

Весьма похваляю, что ты долговъ не дѣлаешь, въ долгъ у купцовъ не покупаешь и предпочитаешь беречь деньги на нужду, хотя еще большой суммы быть у тебя не можетъ и не отъ чего. Кредитъ не тѣмъ хорошъ, что можно покупать и платить, но усиливается отъ того, что въ долгъ не берешь. Держись сего правила навсегда. Лучше потерпѣть, переждать, нежели брать въ долгъ и лишать себя послѣдняго рессурса, для какого крайняго случая. Немудрено удовольствовать тотчасъ прихоть, которую тогда же и забудешь; но мудренѣе и похвальнѣе отъ того воздержаться, ежели инако удовольствовать ея нельзя, какъ въ долгъ.

*

Москва, 26 Сентября 1804.

Пріѣздъ Лисовскаго меня не удивилъ; но я тебѣ скажу, чего ты, можетъ быть, не знаешь: изъ Петербурга безъ сомнѣнія онъ отпущенъ; но, пріѣхавъ въ Минскъ, просилъ паспорта за границу у губернатора, коимъ дана власть ихъ давать. Лишь только выѣхалъ, губернаторъ получилъ повелѣніе его отыскивать, ибо онъ увезъ жену у Толстова, сестру Потемкиной, а дочь Закревскаго; а посему можно заключить, что ѣздить ему спокойно по Италіи не позволятъ.

*

Москва, 3 Октября 1804.

О Тургеневѣ: кажется, что онъ будетъ живъ и исправится, ежели не случится чего новаго. Жаль, что сумасбродная его жена писала къ сыну и велѣла ѣхать назадъ. Сіе совершенно безполезно; а я не могъ удержать письма, ибо она не хотѣла мнѣ его отдать, хотя и къ тебѣ послала, подозрѣвая, что я тебѣ предпишу его не отдавать. Иванъ Петровичъ симъ очень былъ недоволенъ. Но что̀ съ безразсудными дѣлать? Теперь, видно, и она сама о томъ раскаевается.

*

Москва, 29 Декабря 1804.

Изъ Петербурга пишутъ ко мнѣ, что тамъ кто-то изъ директоровъ театра сочинилъ комедію неудачно. Въ первомъ представленіи ее освистали. Мнѣ обѣщаютъ прислать комедію, а позабыли сказать ея имя. Видно, что какой-то мотъ занималъ деньги; давали ему въ число наличныхъ товары и, между прочимъ, нѣсколько хомутовъ. Онъ отре-

кался: на что̀ мнѣ ихъ? на кого мнѣ ихъ надѣть? Партеръ закричалъ: *на автора*, который, сказываютъ, поспѣшилъ скрыться, дабы подлинно его не вызвали и хомута не надѣли.

*

Москва, 23 Генваря 1805.

Нѣсколько словъ касательно до твоей жизни въ Петербургѣ. Отдавъ свой пакетъ князю Чарторыжскому, ибо вѣроятно, что оный къ нему будетъ адресованъ, нужно тебѣ побывать у моихъ знакомыхъ и тѣхъ, кои васъ жаловали; но прежде всѣхъ съѣзди къ Ивану Алексѣевичу Алексѣеву. Онъ тебѣ дастъ совѣтъ, у кого тебѣ нужно быть и доставитъ случай видѣть Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго Потомъ нужно тебѣ быть у князя А. Б. Куракина, у князя Алекс. Алекс. Прозоровскаго (о коемъ я писалъ тебѣ въ Вѣну), у княгини Ал. Ник. Волконской, у ея дѣтей, то есть у кн. Ник. и княгини Софіи Гр., у вашего оберъ-секретаря; потомъ со временемъ видаться съ Серг. Кузм. Вязмитиновымъ, а ежели водится, то побывать и у всѣхъ министровъ, а у графа Васильева необходимо. Не забудь также Волковой, Энгеля, Литке, Лубяновскаго, Карнеева; послѣдніе два у графа Кочубея. Наша Анна Петровна*) живетъ на Фонтанкѣ въ домѣ Оленина у Обухова моста.

Теперь надобно поговорить о дѣлѣ. Посолъ безъ сумнѣнія дастъ тебѣ рекомендацію. Надобно стараться оною воспользоваться, чтобы она даромъ не пропала, и докучать тѣмъ, отъ кого сіе зависитъ. Ежели остановится, то, кажется, мнѣ нужно сочинить о себѣ записку, въ которой сказать, что вы оба изъ гвардіи вступили въ коллегію въ 1796 году, работали въ Архивѣ по г.; въ сіе время посланы: братъ въ Неаполь, а ты въ Вѣну. Ему хотя и дано, но половинное жалованье, а тебѣ и по сію пору ничего, хотя опредѣлено оное младшимъ. Въ семъ чину находитесь вы съ 1 Генв. 1801 г. и хотя неоднократно были рекомендованы отъ начальниковъ, но понынѣ все оставалось безъ успѣха. Итакъ, просите, чтобы оныя засвидѣтельствованія и ваша служба были уважены, жалованье вамъ было опредѣлено; нужно, чтобы сія записка была коротка, ясна и учтива. Подать ее, кажется, лучше кн. Чарторыжскому, а прочихъ попросить, чтобы за васъ замолвили. Потомъ думать объ отпускѣ сюда. Сіе остается на твоемъ произволеніи и возможности, на одинъ ли мѣсяцъ или на два пріѣхать, смотря по времени и обстоятельствамъ; но не должно забывать предуготовить, то есть выговорить себѣ, и возвращеніе, то есть, чтобы тебя отправили курьеромъ около такого-то времени; ибо и въ Петербургѣ шататься по-пусту не для чего и даже вредно.

*

*) Колтовская, родственница Я. И. Булгакова, по кончинѣ котораго она завела тяжбу съ его сыновьями.

Москва, 6 Февраля 1805.

У насъ слышно, что отправляютъ посольство въ Китай. Я бы былъ охотникъ, ежели бы позволяли лѣта; но не захочется ли тебѣ? Я на то согласенъ. Правда, что дорòга дальняя, скучная, безпокойная, но любопытная. Сіи случаи рѣдки. Ежели есть охота, то навѣдайся обо всемъ, даже и о томъ, какое дадутъ содержаніе по твоему чину и пр.

*

Москва, 11 Мая 1805.

Тургеневъ пріѣхалъ сюда 3-го изъ Петербурга; онъ переведенъ въ команду Новосильцова съ 700 р. жалованья, но чина не могъ дождаться: въ Иностранной Коллегіи дѣлаютъ затрудненіе. Привезъ ко мнѣ исправно купленныя тобою книги и песокъ. Я ему читалъ твое письмо, коимъ ты требуешь отъ него рекомендательныхъ къ проф. Гейму и Жуковскому, кои онъ обѣщалъ тотчасъ къ тебѣ послать; а выписку о Грузіи также ему отдалъ. Онъ ее отправитъ въ Петербургъ, а оттуда съ первымъ курьеромъ въ Вѣну. Не знаю, исполнилъ ли онъ все сіе, ибо я его давно не видалъ; а онъ самъ съ отцомъ ѣдетъ въ Липецкъ [1]) 15-го сего мѣсяца.

*

Москва, 5 Іюня 1805.

Катерина Любимовна ко мнѣ писала, что ѣхать сюда не можетъ, ибо не можетъ оставить матери, а сія по болѣзни съ нею ѣхать не въ состояніи. Гатклу имѣетъ надежду опредѣлиться на фарфоровую фабрику, тогда мать ея къ нему переѣдетъ. Мартыновъ [2]) хотѣлъ къ посольству Китайскому опредѣлиться, но заломилъ 4000 р. жалованья, да 2000 р. пенсіи по смерть; ему отказали. Онъ хочетъ переселиться въ Москву, и она съ нимъ пріѣдетъ. Здѣсь онъ еще скорѣе куска хлѣба не найдетъ, нежели въ Петербургѣ. Все сіе писано на водѣ; но чтò ни сдѣлается, я всегда ей помогать буду.

Китайскому посольству велѣно быть въ собраніи на границѣ въ концѣ сего года. Многіе сюда пріѣхали и далѣе отправились, между прочими Потоцкій и разные профессора. По несчастію я его не видалъ. Головкина, я думаю, поспѣетъ, и кажется, нѣтъ затрудненія ѣхать въ Китай; но ей будетъ одной скучно; а развѣ въ посольствѣ найдутся утѣшители. Не думаю, чтобы была война. Поблагодари князя de Ligne за его память.

---

[1]) Липецкія желѣзныя воды тогда собирали многихъ больныхъ.

[2]) Извѣстный пейзажистъ Андрей Ефимовичъ (р. 1768, ум. въ Римѣ 1826), ученикъ Щедрина, женатъ былъ на теткѣ братьевъ Булгаковыхъ, Марьѣ Любимовнѣ. Онъ участвовалъ въ Китайскомъ посольствѣ графа Головкина, и одинъ изъ относящихся къ тому его рисунковъ принесенъ въ даръ Румянцовскому музею роднымъ его внукомъ, Василіемъ Константиновичемъ Попандопуло. А. Е. Мартыновъ въ 1819 году издалъ „Живописное путешествіе отъ Москвы до Китайской границы", по-русски и по-французски, съ 80 видами.

За карафинъ весьма благодарю. Здѣсь еще не видывали подобныхъ. Сегодня везу къ Ниримберщамъ обдѣлать его en cabaret для употребленія. Табакерка съ лотереею и другая для виста—прекрасныя. И впередъ, ежели попадутся какія подобныя штучки, пожалуй присылай, то-есть табакерки съ какою механикою и всякое тому подобное, смѣшное или полезное. У меня была табакерка, но какъ-то затерялась, для игры въ passe-dix, то-есть когда пожмешь пуговку, въ ней завертятся три кости и остановятся. Нѣтъ ли въ Вѣнѣ подобной? Нашелъ я съ табакерками мѣдныя деньги нынѣшняго императора, присовокупилъ къ медалямъ.

*

Москва, 19 Іюня 1805.

Читалъ я въ газетахъ, что въ Вѣнѣ роздано всѣмъ врачамъ описаніе желтой лихорадки. Боже насъ избави отъ сего новаго зла! Но не худо въ запасъ на всякой случай имѣть объ ней понятіе и знать, какъ лѣчиться. Пришли пожалуй при случаѣ экземпляръ или два; я велю здѣсь перевесть.

*

Москва, 20 Іюля 1805.

Канову я знаю по славѣ и по его покровителю Zuliani, который былъ Венеціанскимъ посломъ въ Турціи и моимъ пріятелемъ. Онъ его вскормилъ и научилъ. Познакомься съ нимъ. Всегда не худо знать людей съ дарованіями.

*

Москва, 10 Августа 1805.

Въ Вѣнѣ или въ Ольмицѣ какой-то профессоръ Танкенстейнъ выдаетъ періодическое сочиненіе *Славянка* въ годъ за 5 гульд. Первый № есть у Тургенева; а ихъ будетъ пять или шесть. Пожалуй ее доставай. Есть и другая книга Bibliotheca Slavica; но сію Тургеневъ достанетъ мнѣ изъ Петербурга, куда ее привезли на продажу, сочиненіе Дурича. Здѣсь я пользуюсь по сосѣдству Нѣмецкимъ театромъ, который очень хорошъ.

*

Москва, 21 Августа 1805.

Благодарю тебя за мысль и стараніе доставать книги, касающіяся до нашего языка и исторіи. Все сіе вамъ же пригодится. Іорданова книга, кажется, будетъ безцѣнною.

*

Москва, 4 Декабря 1805.

Первое твое письмо будетъ для меня великимъ обрадованіемъ и успокоеніемъ. Сказки, выдуманныя здѣсь, меня бѣсятъ. Бонапарте пришелъ въ Вѣну, овладѣлъ, пѣлъ благодарный молебенъ, былъ въ театрѣ,

давалъ балъ и взялъ 20 миліоновъ контрибуціи. Сумасшедшій и сверхъ того впадшій въ горячку не могъ бы выдумать ничего нескладнѣе; но вѣрю я только тому, что приближеніе Французовъ долженствовало произвести сильную тревогу, и сожалѣю, ежели онъ не былъ, не въ Вѣнѣ, а въ предмѣстьяхъ, ибо твердо увѣренъ, что старыя кухарки убили бы его горшками съ четвертаго этажа.

*

Москва, 7 Декабря 1805.

Я почитаю милостію Божіею, что ты окончилъ благополучно свои поѣздки и не попался нигдѣ Французамъ. Я тѣмъ былъ безпокойнѣе, что ваши военныя приключенія здѣсь извѣстны. Труды твои и тѣмъ уже награждены, что ты имѣлъ счастіе съ самимъ нашимъ милостивымъ Государемъ и отцомъ разговаривать. Сего много, что онъ тебя узналъ и тебѣ конечно пригодится впередъ. Хотя ты говоришь, что здоровъ; но въ первые дни сего узнать отъ распаленія нельзя; желаю, чтобы сіе письмо тебя застало здоровымъ. Прибытіе твое въ Вѣну есть un coup de théâtre, изъ котораго можно сдѣлать веселую комедію, когда всѣ будутъ повеселѣе, и въ которой Климъ [1]) можетъ играть непослѣднюю роль. Нельзя, чтобы отъ подобной передряги не было никакого убытка; но надежно, что онъ главное сбережетъ въ цѣлости. Сіе впрочемъ есть только денежная бѣда, и бѣда не велика, коли на деньги идетъ. Постараемся помаленьку все устроить. Благодареніе послу, что онъ на первый случай тебя не оставилъ. Отъ другой поѣздки никакъ тебѣ отказаться нельзя было, и слава Богу, что и сія совершилась благополучно.

О военныхъ дѣйствіяхъ, о счастливыхъ происшествіяхъ не стану я говорить, ибо письму моему не было бы конца; но скажу только, что сдѣлалъ выписку изъ твоихъ донесеній и съ княземъ Серг. Ив. отослалъ къ Беклешову, который за нее благодаритъ, ибо въ ней столь много мелочей, особливо касающихся до пути Государя, котораго мы всѣ любимъ страстно, обожаемъ, что она произвела при чтеніи имъ превеликое удовольствіе; а военные подвиги были уже ему всѣ извѣстны, ибо письмо твое шло мѣсяцъ, то-есть что на почтѣ задерживаютъ ихъ немилосердно по недѣлѣ и больше[2]), безъ чего мы бы скорѣе многое знали, нежели черезъ Петербургъ. Дай Богъ, чтобы

---

[1]) Крѣпостной человѣкъ Я. И. Булгакова, котораго далъ онъ въ услуженіе младшему своему сыну. Старшему, посланному въ Неаполь, данъ былъ также нѣкто Евсей; но Александръ Яковлевичъ отправилъ его назадъ въ Москву. П. Б.

[2]) Перлюстрація писемъ была тогда въ большомъ ходу, а Москва всегда въ подозрѣніи. П. Б.

скорѣе очистили Австрійскія владѣнія, а потомъ и Нѣмецкую землю отъ Сарациновъ!

Переводятся у насъ старики. 4-го Декабря получено извѣстіе изъ Володимера, что тамъ, въ деревнѣ своей, умеръ канцлеръ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, котораго въ Декабрѣ сюда ждали. Смерть сія произведетъ многое въ его фамиліи и, можетъ быть, что нибудь въ положеніи Татищева. Отпиши о семъ къ брату. Неизвѣстно еще, оставилъ ли онъ духовную; но здѣсь говорятъ уже, что наслѣдникомъ по немъ Семенъ Романовичъ. Другой умершій есть сенаторъ Ник. Ник. Солтыковъ, отецъ княгини Лобановой [1]) ,съ которою ѣздилъ Лубяновской. А propos. Отъ сего я получилъ вчерась третій томъ, т. е. послѣдній путешествія его по Италіи [2]).

*

Москва, 5 Февраля 1806.

Въ безопытной молодости кажется великою добродѣтелью дѣлать добро людямъ. Сіе и похвально, ибо совершенно хорошо, да и заслуживаетъ славу и честь. Но когда людей узнаешь, когда сдѣлаешь съ ними нѣсколько опытовъ, раздирающихъ сердце, когда изъ десяти найдешь девять неблагодарныхъ и часто враговъ: тогда-то благотвореніе чинится истинною добродѣтелью. Въ прелестной молодости всѣхъ людей почитаешь добрыми, искренними. Скоро сія химера исчезаетъ. Но и то правда, что *чѣмъ болѣе пріобрѣтаешь въ опытности, тѣмъ болѣе теряешь въ счастіи*. Полно говорить о морали; все идетъ своимъ чередомъ. Но вотъ чего никогда, нигдѣ, ни въ какомъ состояніи изъ памяти выпускать не надобно, что доброе имя или добрая слава есть вещь, которая пріобрѣтается чрезвычайно долгимъ временемъ, теряется очень скоро и почти ничѣмъ; а ничего нѣтъ труднѣе ее опять себѣ возвратить.

*

Москва, 31 Мая 1806.

Трощинскій подлинно отставленъ, ко мнѣ о томъ пишетъ вѣрный человѣкъ въ самый день сего происшествія; но какъ, для чего, съ чѣмъ, не знали еще и въ Петербургѣ. Великая потеря! Почтовый департаментъ войдетъ въ департаментъ министра внутреннихъ дѣлъ; но кто будетъ министромъ удѣловъ, не знаю. Не говоря о важной потерѣ для службы, я имъ столько былъ одолженъ, что безъ крайней

---

[1]) Супруги князя Якова Ивановича, внучка князя Я. П. Шаховскаго и тетка нашего князя Влад. Андр. Долгорукова.

[2]) Путешествіе по Саксоніи, Австріи и Италіи въ 1800—1802 годахъ. Спб. 1805. Три части.

чувствительности не могъ читать письма̀. Скоро, кажется, лишусь я еще пріятеля, Ивана Петровича Тургенева: его соборовали масломъ; сегодня посылалъ; думаютъ, что есть полегче. Пишу сіе заранѣе и въ день почты прибавлю, что̀ произойдетъ. Какой ударъ бѣдному Ал. Ив.[1]). Какіе черные годы всей сей семьѣ, достойной всячески лучшаго жребія!

*

Москва, 16 Августа 1806.

Въ началѣ сего мѣсяца получилъ я письмо отъ графа А. И. Пушкина изъ Ярославской деревни Иловли съ приложеніемъ происшествія несчастнаго, сочиненнаго аббатомъ Сюрюгомъ на 4 страницахъ самаго мелкаго письма; не знаю, какъ удастся его сократить и все сказать. Ал. Ив. купилъ въ сосѣдствѣ деревню и 24 Іюля туда поѣхалъ на праздникъ и ярмонку. Возвращаясь былъ въ гостяхъ у Вас. Никол. Зиновьева и выѣхалъ въ 6 часовъ. Графиня, будучи больна, осталась съ малыми дѣтьми дома, и слава Богу: она, конечно, бы не пережила. Въ полуверстѣ отъ Зиновьева, въ деревнѣ Бретовой, на рѣкѣ Ситѣ, сдѣланъ мостъ, длиною сажень въ 15, вышиною сажени въ 2 надъ водою; а рѣка глубиною больше сажени. Аббатъ, лѣкарь, управитель проѣхали въ линейкѣ благополучно; Наталья Алексѣевна и еще дѣвица Пушкина (сестра бывшаго въ Парижѣ стихотворца) въ дрожкахъ также счастливо проѣхали; но подъ каретою, въ которой сидѣли самъ Алексѣй Ивановичъ, Марья Алексѣевна Хитрова, Катерина Алексѣевна[2]) дочь и монастырка Дашенька, мостъ провалился, карета въ воду, лошади переднія увязли между перекладинами, середнія повисли, а у коренныхъ видны были только головы. Карета повалилась на бокъ; видно, что къ счастію скворень оной переломился, и ее видно было только на вершокъ изъ подъ воды. Люди всѣ въ рѣкѣ. Александръ[3]) ѣхалъ позади въ кибиткѣ и, видя сіе, отрѣзалъ лошадь у себя и бросился въ деревню искать помощи. Аббатъ и другіе услышали трескъ моста, побѣжали назадъ и нашли уже, что графъ лежитъ на кучѣ песка въ рѣкѣ. Онъ четыре раза захлебнулся, пробывъ подъ водою около шести минутъ. Лакей несетъ изъ воды Хитрову, другой— Катерину, почти мертвую, которую едва нашли въ водѣ; наконецъ, спасли и Дашеньку. Съ великою нуждою перенесли ихъ на берегъ, гдѣ они пришли въ себя. Сего недовольно: утопавшихъ посадили въ какую-то кибитку; лошади взбѣсились и помчали. По счастію набѣжали на изгородку, переднія оторвались, а коренныя задержаны были

[1]) Т. е. старшему его сыну.
[2]) Впослѣдствіи княгиня Оболенская.
[3]) Одинъ изъ трехъ сыновей графа А. И. Мусина-Пушкина.

перекладомъ. Страждущіе принуждены были идти пѣшкомъ до дома Зиновьева или, справедливѣе, неслись почти на рукахъ; тамъ отдохнули. Между тѣмъ лошадей изъ рѣки высвободили. Когда всѣ пришли въ память, переодѣли ихъ и отвезли домой. Графиня уже спала, и въ темнотѣ всѣ пріѣзжіе ей слово сказали такъ, что она не примѣтила ничего. На другой день разсказали все, и симъ кончилось. Онъ ко мнѣ пишетъ, что дѣти оправляются; но я боюсь, чтобы сіе не имѣло слѣдствій, ибо они и прежде уже не были здоровы.

*

Москва, 30 Августа 1806.

Оружейную Палату велѣно Валуеву привести въ порядокъ; у него сочиняется описаніе съ рисунками всѣхъ вещей, и было собраніе, на которое и я, яко членъ университета, приглашенъ. Читали и поправляли; будетъ хорошо. 20-го Августа заложено съ великою церемоніею новое для Оружейной Палаты зданіе въ Кремлѣ, гдѣ былъ комендантскій домъ; прекрасная фасада съ колонадою противъ Никольскихъ воротъ, съ правой цегаузъ, съ лѣвой Сенатъ, а прямо Оружейная, составятъ рѣдкую площадь *). Вся Москва почти была, а закладывалъ ее Беклешовъ. Въ тотъ же день сей достойный начальникъ выѣхалъ. Мы его провожали до Кунцова, гдѣ съ нимъ обѣдали у Хованскаго; откуда поѣхалъ онъ ночевать къ Архарову, а отъ него въ Смоленскъ и Ригу. Въ Кунцово привезъ одинъ полицейскій офицеръ пакетъ на его имя съ приписаніемъ *изъ Москвы отъ Москвы*. Въ немъ нашлись печатные стихи, въ его похвалу и благодарность написанные, очень хороши; но я еще достать ихъ не могъ. Потеря его для Москвы подлинно велика.

Тутолминъ пріѣхалъ, въ должность вступилъ, дѣлалъ уже визиты, но живетъ еще въ своемъ домѣ. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ пріѣхалъ сюда 20-го на двѣ недѣли, слѣдовательно скоро воротится въ Петербургъ, а оттуда отправится въ Вѣну посломъ. Съ нимъ здѣсь Сердобинъ и Іогель, кажется, переводчикъ Иностранной Коллегіи, сынъ камердинера покойнаго императора Павла Петровича; прочая свита осталась въ Петербургѣ. Первыя его мнѣ слова были, что онъ за удовольствіе считаетъ найтить, по пріѣздѣ въ Вѣну, въ тебѣ знакомаго себѣ подкомандующаго, и прибавилъ къ сему комплиментъ очень хорошій. Я просилъ его за тебя, а прежде отъѣзда дамъ ему еще за-

*) Мы помнимъ это помѣщеніе Оружейной Палаты. На его мѣстѣ, при Николаѣ Павловичѣ, возведено нынѣшнее зданіе Кремлевскихъ казармъ, а Палата переведена въ нынѣшнее свое прекрасное зданіе у Боровицкихъ воротъ. Насъ, студентовъ это смущало: тогдашнею военщиной, казалось намъ, оскорблена была святыня Кремля.

писку, уже изготовленную. Мысль къ сему подалъ мнѣ Тургеневъ. Онъ ко мнѣ пишетъ отъ 10-го Августа напомнить князю Ал. Бор., что ты надворный совѣтникъ съ 800 р., а по чину долженъ получать 1000 р. и чтобы онъ тебя въ жалованьи уравнялъ съ прочими. Онъ смѣшно заключаетъ свое письмо: «Простите мнѣ, что я занимаю васъ такою бездѣлицею; она важна для того, кто ищетъ всѣ средства доказать свою приверженность вамъ и любезнѣйшему другу Конст. Як.». Но таковая мысль открываетъ его душу.

Полковникъ гвардіи Ал. Ал. Волковъ, сынъ Катерины Даниловны, опредѣленъ полиційместеромъ въ Москву на мѣсто Алексѣева *).

*

Москва, 10 Сентября 1806.

Вчерась явился у меня Мартыновъ, возвратившійся изъ Китая. Они доѣхали до Урги, 400 верстъ за Кяхтою, претерпѣли много отъ стужи, ибо ежедневно морозы тамъ были не меньше 26, а часто доходили до 37 градусовъ, а ночевали подъ палатками. Встрѣтившіе ихъ Китайцы отреклись отъ тѣхъ условій, на кои первые присланные въ Кяхту чиновники согласились, а требовали, чтобъ посолъ кланялся въ землю ихъ государю, чтобъ въѣхалъ ночью въ Пекинъ, бросилъ бы всѣ свои повозки, а продолжалъ путь такъ, какъ они его повезутъ на своихъ, и подобныя тому глупости. Посолъ разсудилъ за благо возвратиться и теперь боленъ въ Иркутскѣ; посольство все распущено и ѣдетъ въ Петербургъ разными дорогами. Мартыновъ на сихъ дняхъ отъѣзжаетъ въ Петербургъ.

Вчерась поутру повѣщено было по всѣмъ дворамъ отъ полиціи, чтобъ собирались по церквамъ, гдѣ читанъ будетъ на обѣднѣ манифестъ. Я не былъ, но видѣлъ и читалъ сей манифестъ, очень хорошо написанный. Я бы и къ тебѣ послалъ его, но не имѣю печатнаго и достать до почты не успѣю; но вѣроятно, что къ вамъ онъ изъ Петербурга присланъ. Въ немъ сказана вся исторія поступковъ Французскаго правительства, негоціація Убрія, новыя наши предложенія, и заключено, что ежели ихъ Франція не приметъ, то Государь рѣшился силою отвращать ея поведеніе, самъ, одинъ, безъ всякой посторонней помочи и дѣйствовать за себя, за своихъ союзниковъ и за всю Европу. Сей переворотъ въ дѣлахъ не отмѣнитъ ли и отправленія князя Александра Борисовича? Не знаю; а кажется, что можетъ произвести перемѣну.

*

---

*) О которомъ часто говоритъ въ Запискахъ своихъ шуринъ его Ф. Ф. Вигель.

Москва, 26 Ноября 1806.

Въ Петербургѣ началъ выходить Статистическій Журналъ. Тургеневъ, который въ немъ участвуетъ, прислалъ ко мнѣ первый №; но я не успѣлъ еще его прочесть. Онъ проситъ быть его покровителемъ въ Москвѣ; но ежели журналъ хорошъ, то и самъ себѣ покровительствовать будетъ.—Назначенный въ Палерму вице-консуломъ Болоньи продолжаетъ у меня бывать и день ото дня больше мнѣ нравится. Онъ перемѣнилъ намѣреніе ѣхать моремъ чрезъ Константинополь, а поѣдетъ черезъ Кіевъ въ Вѣну. Я ему дамъ письма къ тебѣ и къ брату и пришлю съ нимъ Игореву Пѣсню [1]), которую желалъ бы я, чтобы ты показалъ какому Сербу или Славянину и попросилъ его, чтобы онъ ее перевелъ на Славянскій языкъ, ежели будетъ ее разумѣть. Она писана стариннымъ Русскимъ языкомъ; мы ее (ибо и я мѣшался) переводили; но половины словъ и выраженій сами не понимали. Не лучше ли поймутъ ее Славяне? А ты тѣмъ великую услугу сдѣлаешь.

*

Москва, Декабря 12-го 1806.

Сіе письмо беру съ собою, чтобы отдать Багратіону на маскарадѣ, ибо онъ для него только и остановился; а причина маскарада есть слѣдующая: домъ Собранія [2]) несъ всѣ обывательскія тягости; требуютъ съ него казарменныхъ денегъ до 5 т., поземельныхъ ежегодно до 1000 р. и пр. и пр. Мнѣ поручено было ходить за симъ дѣломъ. Я прибѣгнулъ къ Беклешову, а потомъ къ Тутолмину; сей сдѣлалъ представленіе Государю, который соблаговолилъ его ото всего освободить. Тутолминъ письмомъ ко мнѣ объявляетъ сію милость; а губернаторъ Ланской пріѣзжалъ нарочно въ Собраніе объявить о томъ имянномъ указѣ, и мы празднуемъ милость въ день рожденія его величества. А какъ сіе произойдетъ, разскажетъ Багратіонъ.

Въ домѣ нашего Собранія продолжаются теперь дворянскіе выборы въ губернскіе и уѣздные начальники, въ тысяцкіе, пятисотные, сотные для ландъ-милиціи. Тутолминъ еще не пріѣхалъ; а въ Московскіе губернскіе начальники выбранъ адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ. Указа за величиною послать по почтѣ не могу, а прилагаю только вѣдомость. Мнѣ придется, можетъ быть, поставить болѣе 300

---

[1]) Т. е. первое изданіе Слова о полку Игоревѣ. Оно напечатано было друзьями Я. И. Булгакова, графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ и тогдашнимъ директоромъ Московскаго Архива Иностранныхъ дѣлъ Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ

[2]) Т. е. Россійскаго благороднаго собранія на углу Большой Дмитровки и Охотнаго ряда, принадлежавшій прежде князю Долгорукову-Крымскому.

человѣкъ. Здѣсь положили очень умно. Дай Богъ, чтобъ и прочія губерніи тому послѣдовали: а именно, головъ и бородъ не брить, платья мужицкаго не перемѣнять, назначенныхъ въ милицію людей изъ деревень не отлучать, а обучать ихъ тамъ присланными капралами и пр.

Рвеніе, усердіе, энтузіазмъ служить въ милиціи превеликія. Всѣ поднялись и всѣмъ жертвуютъ. Купцы здѣшніе приносятъ полтора, Петербургскіе—два милліона. Всѣ ко всему готовы. Мало слышать и видѣть. Даже театры играютъ и дѣлаютъ, т. е. деньги отдаютъ на милицію; но и безъ сихъ мелочей всего слишкомъ будетъ много.

*

Москва, 31 Декабря 1806.

Объ князѣ Александрѣ Борисовичѣ вотъ послѣднія вѣсти: онъ былъ боленъ, но уже началъ выѣзжать; а какъ скоро изъ Петербурга отправится чрезъ Могилевъ и Кіевъ, то и Боголюбовъ отсюда пустится по той же дорогѣ. Я уже писалъ къ тебѣ, что всѣмъ камергерамъ отказано, а ѣдутъ съ нимъ только: Боголюбовъ, Дивовъ, Шереметевъ, переводчики: Крафтъ изъ Португаліи, Сологубъ, Уваровъ [1]).

Походъ Хованскаго [2]) рушился и, слава Богу, для княженъ. Онъ предложилъ графу Орлову [3]) взять его съ собой, для службы ландмилиціи; сей отвѣчалъ ему комплиментомъ, а Хованскій принялъ за чистыя деньги и началъ наличныя сорить на приготовленія. Теперь получилъ отказъ и остается. Поступокъ непростительный ребенку. Здѣсь у него домъ, фабрика, деревни, а онъ вздумалъ въ иное мѣсто. Княжны много бы всего натерпѣлись; теперь, слава Богу, у всѣхъ душа на мѣстѣ.

Ваши архивскіе всѣ хотѣли въ милицію. Каменскій представилъ; отвѣтствовано, что можетъ отпустить тѣхъ, кои грамоты не знаютъ. Теперь никто не пикнетъ.

*

Москва, 14 Генваря 1807.

Mémoires d'un voyageur qui se repose. Par Dutems. 3 vol. 8°. Paris 1806. Давно я не читалъ книги, которая бы столько принесла мнѣ удовольствія. Авторъ поселился въ Англіи, ѣздилъ по Европѣ то гувернеромъ съ Англичанами, то повѣреннымъ въ дѣлахъ отъ двора; описываетъ всѣ земли, происшествія, анекдоты, и все сіе остро и разумно, но не меньше и вѣрно. Мнѣ бóльшая часть изъ нихъ были из-

---

[1]) Будущій министръ просвѣщенія, тогда 19-лѣтній юноша.

[2]) Князь Василій Алексѣевичъ Хованскій, описанный Ф. Ф. Вигелемъ, въ то время вдовецъ и отецъ прекрасныхъ дочерей, на одной изъ которыхъ женился потомъ А. Я. Булгаковъ.

[3]) Чесменскому, который былъ начальникомъ милиціи по Курской губерніи.

вѣстны; а можетъ быть нравится онъ мнѣ и потому, что я почти всѣ упоминаемыя имъ лица зналъ въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, въ Англіи, въ Голландіи, въ Спа и пр. Сія книга, безъ сомнѣнія, есть въ Вѣнѣ. Я совѣтую тебѣ ее прочесть; ты не будешь сожалѣть.

*

Москва, 29 Генваря 1807.

Наконецъ, отыскалъ я здѣсь исторію Сербовъ Раича, въ 4-хъ томахъ, т.-е. совсѣмъ оконченную, у банкира Кнауфа, которому онъ или его повѣренный заложилъ за долгъ, съ 1000 экземпляровъ. Она бы и сгнила у него, но я его наставилъ отдать ее книжнымъ торгашамъ для продажи, что̀ и сдѣлается. Тургеневъ ко мнѣ писалъ, что Раичъ сочинилъ пятый томъ, содержащій права и законы Сербовъ, и сей томъ въ Вѣнѣ запрещенъ. Не можно-ли его достать въ Венгріи, или гдѣ-нибудь?

*

Москва, 25 Февраля 1807.

Объ Куракинѣ опять что-то остановилось, и здѣсь говорятъ уже, что онъ не поѣдетъ. Между тѣмъ онъ просилъ и соглашался, чтобы лучшая его деревня Надеждино, гдѣ у него домъ, сады и пр., по смерти его осталась вольная, съ тѣмъ, чтобы крестьяне взносили платимый нынѣ доходъ въ казну сорокъ лѣтъ, для употребленія на разныя богоугодныя заведенія. (Не сказано, однако, при томъ, кто его долги платить будетъ, а ихъ наберется много).

*

Москва, 28 Марта 1807.

Дашковъ, можетъ быть, не умеръ, но занемогъ, съ печали, ибо его на выборахъ дворянскихъ отдѣлали *).

*

Москва, 18 Апрѣля 1807.

Князь Ал. Бор. Куракинъ прислалъ ко мнѣ, чрезъ свою домовую контору, книгу: «Учрежденное положеніе князя А. Б. Куракина», для учрежденія, послѣ его кончины, на вѣчныя времена его Саратовской вотчины, въ Надеждинѣ, богадѣльни, больницы и училища, и для дарованія, послѣ же его смерти, вѣчной свободы оной вотчинѣ его. Въ Спб. 1807. Книга отмѣнно хорошо напечатана въ 4°, и содержитъ 107 страницъ. Въ нее все внесено: прошеніе, рескриптъ, актъ, распоряженія и пр. У принесшаго спрашивалъ я объ немъ. Ничего не пишетъ; а слухъ носится, говорилъ онъ, что князь выѣдетъ въ Вѣну въ Маѣ.

---

*) Говорится о тогдашнемъ губернскомъ предводителѣ Московскаго дворянства князѣ Павлѣ Михайловичѣ Дашковѣ, докторѣ Эдимбургскаго университета. Онъ внезапно скончался въ домѣ своемъ на Тверской (нынѣ Толмачова).

*

Москва, 16 Мая 1807.

Сорадуюсь вашему хорошему обществу. Ежели успѣю, приложу письмо къ Болоньи. Желаю тебѣ добраго пути и скораго возвращенія*). На морѣ не можетъ лучше быть времени нынѣшняго. Долго мнѣ не получать отъ тебя писемъ, а можетъ быть и не прежде, какъ по твоемъ возвращеніи въ Вѣну. Но что̀ дѣлать?

Алтестія я вывелъ въ люди, сдѣлалъ его счастіе; онъ мнѣ отплатилъ неблагодарностью; но я, право, о томъ не думаю, и его всегда полагаю за человѣка съ великими дарованіями. Ежели бы онъ употреблялъ ихъ на добро, былъ бы безцѣнный человѣкъ. Кассинію такъ же доставилъ я все, т.-е. чинъ, мѣсто и пр., и сей, думаю, того не забылъ. Враждѣ его съ Алтестіемъ можетъ быть причиною я, ибо онъ за меня вступается. Графиня Воиновичева есть жена генеральнаго консула въ Мессино, бывшаго подъ моею командой, племянница перваго Неаполитанскаго министра Такучія. Мужъ ея былъ сумасбродный, но я успѣлъ и имъ доброе сдѣлать. Ты восхищаешься Тріестомъ; но тебѣ не случилось испытать боро. Сей вѣтръ при моихъ глазахъ опрокинулъ карету и съ лошадьми; а пѣшіе не смѣли и на улицахъ казаться.

*

Москва, 10 Іюня 1807.

Петербургскія извѣстія подтверждаютъ, что князь Александръ Борисовичъ выѣхалъ оттуда 8-го Мая въ главную квартиру къ Государю; съ дороги отпуститъ всю свиту, которая будетъ его дожидаться на дорогѣ въ Тешинѣ или Тропау; а онъ проѣдетъ отъ Государя туда прямѣйшею дорогой.

*

Москва, 18 Іюля 1807.

Вамъ уже извѣстно, что миръ съ Франціей заключенъ, а потому можно судить, что и съ Турками война прекратится; но все надобно быть тебѣ въ Вѣнѣ, гдѣ ты найдешь уже князя Александра Борисовича. О Черногорцахъ и о всѣхъ Славянахъ, кои мнѣ слишкомъ знакомы, былъ я всегда твоего мнѣнія.

*

Москва, 22 Августа 1807.

Корабельная жизнь мнѣ извѣстна: всегда весело, когда на дворѣ хорошо; но хотя чуть небо нахмурится, то всякій желаетъ быть лучше на землѣ. Архипелагъ есть подлинный Аглинскій садъ, а острова—

*) К. Я. Булгаковъ поѣхалъ въ Архипелагъ съ Поццо-ди-Борго къ адмиралу Д. Н. Сенявину; тогда шла война съ Турціей, и Поццо имѣлъ порученіе отъ нашего правительства возбуждать Грековъ.

клумбы. Я помню Трою, всѣ мѣста, кои ты описываешь. Жаль, что нѣтъ при тебѣ описанія, сочиненнаго par l'abbé de Chevalier, въ двухъ томахъ. Оно хорошо и основательно. Адмирала я помню; мое почтеніе ему, ежели сіе тебя еще съ нимъ найдетъ, но по истинѣ не желалъ бы я того.

Ты говоришь, что все тебя забавляетъ; но я боюсь, чтобы тебя не споили. Герои наши, перенимая у Англичанъ морскую службу, не забыли, кажется, и сего ремесла, которое даже за честь и удовольствіе почитается въ Аглинскихъ флотахъ.

*

Москва, 12 Сентября 1807.

Морскіе должны меня всѣ помнить, потому что знали меня въ Крыму и почти всѣ перебывали въ Царѣ-градѣ.

Вчерась обѣдалъ я у графа Брогліо, который женился на вдовѣ княгинѣ Аннѣ Петровнѣ Трубецкой, по отцѣ Левашовой, и тутъ видѣлъ Debruis, бывшаго года съ два назадъ въ Вѣнѣ, и m-r Тончи, который женился на княжнѣ Нат. Ив. Гагариной.

*

Москва, 30 Сентября 1807.

Кн. Өедоръ Ал. Голицынъ, который сдѣлалъ наслѣдникомъ кн. С. Ив. нашего, т.-е. далъ ему славную свою деревню 900 душъ, съ домомъ, садами, людьми, крестьянами, мебелью, серебромъ, всѣмъ имуществомъ, купивъ здѣсь на его имя славный домъ Шереметева, въ Сущовѣ, прибылъ сюда двѣ недѣли назадъ, и вчерась его похоронили. Теперь племянникъ мой [1]) въ суетахъ; ѣдетъ въ его деревню (а тѣло уже отправлено) принять все въ свое вѣдомство. Порадуйся его радости. А наслѣдство фамиліи его очень кстати.

Вчерась похоронили также Михаила Матв. Хераскова; но послѣ сего, кажется, осталось только изобиліе стиховъ; а стихи служатъ только на обертку пироговъ, у кого оные есть.

*

Москва, 14 Октября 1807.

Княжна Александра Ивановна [2]) сказывала мнѣ на сихъ дняхъ, что братъ ея, князь Григорій (котораго я не видалъ, ибо былъ въ деревнѣ) видѣлъ въ Петербургѣ твою просьбу объ отпускѣ со мною повидаться и рѣшеніе, что тебѣ то позволяется. Сіе меня не обрадо-

---

[1]) Т. е. князь Сергій Ивановичъ Голицынъ, супруга котораго Елисавета Васильевна была дочерью родной сестры Я. И. Булгакова, Мавры Ивановны Приклонской.

[2]) Гагарина

вало, но смутило, любезный мой Константинъ. Ты бы не просился, не согласясь со мною. Вся исторія твоей посылки странная. Не напроказилъ ли ты чего въ Вѣнѣ, и всѣхъ случаевъ искалъ оттуда отдалиться? А можетъ быть и противъ твоей воли тебя отдалили. Жалко будетъ, ежели сіе оправдится. Но что̀ дѣлать? Вы теперь на своей волѣ; и грустно, ежели сами что̀ испортите для переду, ибо я уже не въ состояніи буду помочь.

Странныя и страшныя во всемъ перемѣны могли не дозволить возвращенія вашего въ Вѣну; но и оттуда никто ко мнѣ о тебѣ ничего не пишетъ.

*

Москва, 21 Октября 1807.

Миръ съ Турками не можетъ быть конченъ посредствомъ Агличанъ. Они сами въ состояніи не лучше Турокъ, и уже князь Прозоровскій фельдмаршалъ занялъ Молдавію, Валахію и Бессарабію.

Радуюсь, что ты выздоровѣлъ; берегись и впередъ. Куда у меня мысль пришла Сенявину истребить крѣпость Тенедосскую! Ежели бы въ первую войну истребили всѣ взятыя нами крѣпости по Дунай, то бы не было съ Турками у насъ другой войны. Или вы уже знаете, что мы заключили миръ съ Французами (да инако тому быть нельзя), или все то, что̀ могъ бы я тебѣ сказать, придетъ поздно.

*

Москва, 7 Ноября 1807.

Потерпѣлъ ты нужду; но съ симъ тебя можно поздравить, ибо узналъ что̀ такое нужда; а сіе полезно для будущаго поведенія. Не только мы грѣшные, но цари иногда бываютъ принуждены оную терпѣть! И сколько не только на моей, но на вашей памяти изъ нихъ пострадало! Они страдали и терпѣли, а мы нѣтъ, потому что въ нуждѣ обрыкались.—Сенявина я зналъ, думаю, поручикомъ. Онъ славно свое дѣло сдѣлалъ.—Ал. Тургеневъ давно въ Петербургѣ, писалъ, но вдругъ пересталъ: или недосугъ, или оттого, что начальнику его Новосильцову, говорятъ, нехорошо. Ему велѣно выѣхать изъ дворца, гдѣ онъ жилъ. Приклонской не исправляется, всегда одинаковъ, то-есть ни въ чемъ не исправенъ.

*

Москва, 9 Декабря 1807.

Помнишь ли ты объ Игорѣ? Послалъ я къ тебѣ сію пѣснь съ тѣмъ, чтобы ты нашелъ кого-нибудь изъ Славянъ, Сербовъ и пр., который бы перевелъ ее на свой языкъ, ибо сильно мы намучались, всего не понявъ; а ихъ переводъ много бы намъ помогъ ее выразумѣть. Кажется, ты и отвѣчалъ тогда, что ее отдалъ кому-то.

Князь Ал. Борисовичъ получитъ скоро отъ Малиновскаго первый томъ нашего или, справедливѣе, его трудовъ, Россійскаго музея, т. е. Оружейной Палаты съ рисунками.

Хрептовичъ, кажется, камергеръ убилъ на дуэли Арсеньева, полковника гвардіи, за невѣсту, которая перваго предпочла второму. Сей будетъ погребенъ, а побѣдитель ускакалъ.

Арсеньевъ погребенъ съ честію полковника; въ приказѣ сказано: убитый на охотѣ. Хрептовичъ прощенъ и женился на предметѣ драки, фрейлинѣ Ренне.

*

Москва, 16 Декабря 1807.

Баронъ Ашъ, бывшій резидентомъ въ Варшавѣ, мой сорокалѣтній пріятель, дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ, ѣхавши въ Москву для свиданія со мною, какъ писалъ, умеръ въ Смоленскѣ на рукахъ сына своего, тамошпяго губернатора. Вотъ осталась молодая вдова. Прошу не дурачиться и за нею не волочиться. Гдѣ она теперь? Гдѣ была во время Французское? Она своимъ бытіемъ мнѣ одолжена: послѣ смерти сказать сіе можно.

*

Москва, 16 Генваря 1808.

Конечно, желаніе вамъ добра всегдашняго есть моя цѣль и утѣшеніе до тѣхъ поръ, пока вы будете себя вести хорошо; противное меня огорчитъ, да и къ вамъ охладитъ. И такъ, не выпускайте сего правила изъ памяти. Прежде часто я васъ наставлялъ, и вы слушались меня; теперь вы въ такихъ лѣтахъ, что дядька скученъ. Но не забывайте никогда, что страсти, какого бы рода онѣ ни были, суть худые дядьки. И ежели съ вами случится что̀ непріятнаго, пеняйте на себя и знайте, что иного худа ничто уже никогда перемѣнить не можетъ. А я еще дамъ вамъ совѣтъ, можетъ быть, послѣдній: не играйте. Игра никого счастливымъ не дѣлала, и состояніе разстраиваетъ на всю жизнь; изъ тысячи игроковъ одинъ, два, можетъ быть, три пріобрѣтаютъ сокровище; но какъ почти всегда мошенничествомъ, а 997—погибаютъ. У насъ и теперь нѣсколько такихъ примѣровъ новыхъ. Вторая страсть—женщины. Слабаго человѣка ведутъ онѣ, куда хотятъ и часто до вѣсилицы; умнаго не заставятъ ни на шагъ выступить изъ предѣловъ честности и должности. Но много ли умныхъ? Третья страсть—пьянство. Часто ему предаются по одному только скосырству *); но пьяный все сдѣлаетъ, ежели изъ памяти выйдетъ; а сіе зависитъ отъ

*) Т. е. отважному щегольству.

тамперамента. Я самъ принужденъ былъ пить, дабы дѣло сдѣлать: дѣла̀ дѣлалъ удачно, а выходилъ цѣлъ и здоровъ и пятна на себя не положилъ. Можетъ быть, обязанъ я сему моему сложенію и характеру; но не всякой сіе имѣетъ, и слѣдовательно должно беречись и не вдаваться, полагаясь на свою храбрость.

О прочихъ страстяхъ долго бы говорить, да онѣ ужъ и не такъ важны, когда кто воздерживается отъ первыхъ трехъ. Тщеславіе, самолюбіе, высокомѣріе, хвастовство, чванство, я не поставлялъ въ страсти, а въ порокъ, хотя третье во многихъ есть наисильнѣйшая страсть. Всегда любилъ друзей, но не всѣхъ друзьями дѣлалъ. Всегда чтилъ начальниковъ, даже и тогда, когда ихъ превзошелъ, и они очутились моими подчиненными (что̀ со мною подлинно случалось не одинъ разъ). Всегда подчиненнымъ, исправнымъ и добрымъ былъ другъ и остался такимъ. Благодѣтелей моихъ чтилъ и чту даже въ ихъ потомкахъ и внукамъ ихъ буду дѣлать добро, ежели имъ въ томъ будетъ нужда, а у меня останутся способы сіе мое желаніе исполнять. Все сіе совершается донынѣ. Я не смѣю приписать моему поведенію, но припишу по крайней мѣрѣ счастію, что ни на кого не бросаюсь; но знающіе меня много любятъ; сплю такъ спокойно, что не помню никогда непріятнаго, тяжкаго и прерывнаго болями сна; а сего никто не дождется безъ спокойной совѣсти. Время прошло, чтобъ я могъ кому нибудь нравиться; но не я кого ищу, а всѣ меня ищутъ. Я зашелъ далеко; но, начавъ писать, хотѣлъ все сказать.

Вотъ вамъ обоимъ (и я бы желалъ, чтобы и братъ сіе прочелъ) поздравленіе на новый годъ. Мнѣ кажется, что ежели вы возьмете меня за образецъ, и вы сею дорогою можете быть также счастливы, какъ я; ежели нѣтъ, да будетъ воля Божія. Не самолюбіе меня заставляетъ желать вамъ сказаннаго; а я на васъ ссылаюсь: когда вы кого нибудь меня знающаго встрѣчали, не было ли вамъ пріятно находить въ семъ человѣкѣ почти знакомца и пользоваться его одолженіемъ. Пора перестать.

Я уже тебя хвалилъ, что ты не вступилъ въ актеры. Въ самомъ дѣлѣ, лучше и безубыточнѣе быть зрителемъ. Въ послѣднюю нашу коронацію болѣзнь моя не позволила быть актеромъ; но отъ того я все видѣлъ лучше, и довольнѣе зрѣніемъ, нежели перстнемъ, который дали меня заступившему.

*

Москва, 24 Февраля 1808.

От Тургенева имѣлъ на послѣдней почтѣ письмо. Онъ прислалъ мнѣ нѣсколько новыхъ книгъ по моему желанію. Матушка его здѣсь, возвратилась изъ Петербурга, куда перенесла изъ здѣшняго Сената въ тамошній долговое дѣло съ Лопухинымъ, ни съ чѣмъ, и сдѣлала то, что никогда ему конца не будетъ. Здѣсь ее никто не хочетъ видѣть, даже съ дѣтьми разсорилась, упрекая, что они держатъ сторону Лопухина и пр. Право, она всего сего достойна, и я больше въ дѣла ея не мѣшаюсь.

*

Москва, 3 Августа 1808.

Здѣсь появилась на Русскомъ языкѣ жизнь Потемкина, въ которой и обо мнѣ говорятъ; но она составлена почти изъ выписокъ, изъ газетъ и пр.; радъ буду твоей, ежели она только не на Нѣмецкомъ языкѣ. Здѣсь ея ни у кого еще нѣтъ.

*

Москва, 28 Декабря 1808.

Жизнь Потемкина прочелъ, писана очень хорошо; но сочинитель не бывалъ въ Россіи, дѣлъ совсѣмъ не знаетъ, а объ исторіи того времени и понятія не имѣетъ; имена перепорчены, времена перепутаны и пр. и пр., не упоминаетъ даже ни слова объ актѣ, коимъ Порта уступила намъ Крымъ, а говоритъ, que c'est par usurpation. Здѣсь вышла жизнь Потемкина, которая, не мѣшаясь въ придворныя интриги, по меньшей мѣрѣ о существѣ дѣлъ говоритъ исправнѣе.

*

Москва, 17 Іюня 1809.

Графъ Строгановъ мой благодѣтель. Онъ въ 1762 году меня опредѣлилъ въ Коллегію, и я у него жилъ въ домѣ. Знакомыхъ у меня почти никого нѣтъ, кромѣ Ивана Алексѣевича. Катерина Даниловна съ недѣлю назадъ уѣхала на все лѣто въ деревню къ дочери своей Муромцовой.

ОДЕССКІЯ ЗАМѢТКИ О М. Л. МАГНИЦКОМЪ*).

1.

Неизданная рукопись Магницкаго.

Въ библіотекѣ Одесской Духовной Семинаріи хранится толстая переплетенная рукопись, пожертвованная ей протоіереемъ *Михаиломъ Карповичемъ Павловскимъ*, бывшимъ профессоромъ Богословія въ Новороссійскомъ университетѣ. Въ началѣ этой рукописи о. протоіерей сдѣлалъ такую собственноручную приписку:

«Рукопись эта подарена мнѣ Михаиломъ Леонтьевичемъ Магницкимъ, скончавшимся въ Одессѣ въ 1844 году. Рукопись составлена Магницкимъ въ бытность его попечителемъ въ Казани, по извѣстнымъ Катихизическимъ Наставленіямъ Флёри, съ приспособленіями къ ученію Православной Церкви. Цѣль составленія рукописи, какъ объяснялъ мнѣ Магницкій, была—издать ее въ свѣтъ, какъ дополненіе къ Катихизису преосв. Филарета, чего, впрочемъ, не успѣлъ онъ сдѣлать за увольненіемъ своимъ отъ службы и переселеніемъ на жительство изъ Казани въ Одессу, въ началѣ 30-хъ годовъ. Магницкій много хлопоталъ надъ этой рукописью. Изъ поправокъ, сдѣланныхъ на рукописи рукою Магницкаго, видно, что самое названіе рукописи немало затрудняло его. То названіе, какое въ оригиналѣ употреблено: «Пространныя Наставленія въ Священной Исторіи и въ догматахъ вѣры», почему-то не удовлетворяло переводчика: онъ называетъ трудъ свой то «Новымъ сокращеніемъ Священной Исторіи», то «Бесѣдами или разговорами отца съ сыномъ», то «Домашнимъ повтореніемъ Православнаго законоученія», то наконецъ «Ручнымъ, семейственнымъ Богословіемъ». Жертвую рукопись сію въ Библіотеку Одесской Семинаріи съ покорнѣйшею

---

*) О М. Л. Магницкомъ перешла въ потомство не совсѣмъ добрая слава. Но если уже пришлось быть ему *историческимъ дѣятелемъ*, и онъ признается таковымъ, то настоитъ надобность знать о немъ все, чѣмъ онъ отличался отъ другихъ. Исторія должна быть безпристрастна, поэтому и надо тщательно и спокойно изслѣдовать жизнь и характеръ „правыхъ и виновныхъ“. Въ виду этого и составлены настоящія замѣтки. Л. М.

просьбою не забыть въ молитвахъ семинарской церкви, которую создать да благопоспѣшитъ Господь! [1]) и составителя рукописи, моего духовнаго сына, раба Божія Михаила, въ вѣрѣ и покаяніи скончавшагося. Одесса, 2-го Іюня 1874 года. Протоіерей Михаилъ Карповъ сынъ Павловскій».

Прибавимъ отъ себя. Рукопись эта написана крупнымъ писарскимъ почеркомъ. Во многихъ мѣстахъ есть поправки рукою Магницкаго. Раздѣляется она на двѣ части. Первая—*историческая*, и ей повидимому рѣшено было дать такое заглавіе: «Новое сокращеніе Священной Исторіи для старшаго возраста». Заглавіе это даетъ намъ понятіе, что это *новый* трудъ Магницкаго сравнительно съ извѣстною въ печати книгою его: «Священная Исторія для дѣтей перваго и втораго возраста» [2]). Раздѣляется это «новое сокращеніе» на параграфы, которые называются *уроками*. Послѣдній урокъ LIII (53) озаглавливается такъ: «О соборахъ и символахъ вѣры». Вторая часть рукописи, *догматическая*, должна была повидимому въ концѣ концовъ носить такое заглавіе: «Семейственное богословіе или бесѣды отца съ сыномъ о догматахъ вѣры». Отдѣльные параграфы ея носятъ названія сначала *бесѣдъ*, потомъ *разговоровъ*, а въ концѣ—тоже *уроковъ*. Послѣдній урокъ LI (51) объ *Елеосвященіи*.

2.

Изъ воспоминаній о Магницкомъ протоіерея М. К. Павловскаго.

Протоіерей М. К. Павловскій, первый магистръ 6-го курса Кіевской Д. Академіи, еще доселѣ здравствуетъ въ Одессѣ. Онъ уже 88-лѣтній старецъ. Это замѣчательнѣйшій изъ старожиловъ Одессы. Живя въ ней съ 1833 г., онъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе какъ законоучитель, профессоръ Богословія, проповѣдникъ и духовникъ. У него много самыхъ интересныхъ воспоминаній. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ *Магницкимъ*, *Стурдзою*, архимандр. (потомъ епископомъ) *Порфиріемъ Успенскимъ*, семействомъ *князей Репниныхъ* и со многими другими достопамятными людьми, знакомъ былъ съ Гоголемъ, когда тотъ жилъ въ Одессѣ [3]). Мы имѣли счастіе не разъ

---

[1]) Въ это время только приступали къ построенію нынѣшней Семинарской церкви. Л. М.

[2]) Мы не видѣли этой книги Магницкаго; но о ней упоминаетъ А. С. Стурдза въ своихъ „Воспоминаніяхъ о М. Л. Магницкомъ“, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1868 г., стр. 937.

[3]) Письмо его къ Гоголю напечатано въ недавно вышедшемъ 4-мъ томѣ труда Шенрока: „Матеріалы для біографіи Гоголя“.

бесѣдовать съ глубокоуважаемымъ отцемъ-протоіереемъ, слышать его воспоминанія и всякій разъ, придя домой, старались записать что-либо изъ того, о чемъ онъ вспоминалъ. Въ настоящій разъ сообщаемъ нѣчто изъ воспоминаній его о Магницкомъ.

.... Магницкій былъ оригинальный человѣкъ... Его звали чудакомъ, фанатикомъ, іезуитомъ. Но когда-нибудь его лучше оцѣнятъ. Образованнѣйшій человѣкъ, прекрасно писалъ, остроумнѣйшій въ бесѣдѣ... Но въ вѣрѣ совершенный *простецъ*. «Моя вѣра — *кучерская*, говорилъ онъ: мы съ кучеромъ ходимъ въ одну церковь». Я послѣ былъ его духовникомъ, а прежде у него духовникъ былъ прот. *Сотниченко*. Магницкій говорилъ мнѣ: «Я не ищу магистра, а *рыбаря*. Въ отношеніи ума я знаю и умѣю много; но въ вѣрѣ я такой, какъ и мой кучеръ, и такого мнѣ надо духовника. Я всегда держался такого правила: куда бывало ни пріѣду, гдѣ будетъ моя квартира, въ томъ приходѣ я и въ церковь хожу. Въ какую церковь мой кучеръ, туда и я. А если въ ней нѣсколько священниковъ, то если я застану въ церкви кого-либо изъ нихъ, то—*это онъ*, мой духовникъ».

Онъ вѣрилъ въ дѣйствія *херувимскаго ладона*, освященной воды и помазанія елеемъ; вѣрилъ, что всѣмъ этимъ можно прогонять діавола. Козни діавола онъ видѣлъ вездѣ и во всемъ. И когда говорится въ Писаніи: діаволъ, *аки левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити*, то это такъ и нужно понимать, буквально. Онъ видѣлъ присутствіе діавола въ вихрѣ, въ бурѣ... У него часто бывали семейные раздоры. Жена его, Француженка, обращенная въ православіе; но послѣ она опять перешла въ католичество и была предана послѣднему до фанатизма. Хотѣла и внуковъ своихъ обратить въ католичество, т. е. дѣтей сына. Этотъ сынъ служилъ по почтовой части [1]), часто ѣздилъ въ Крымъ къ князю А. Н. Голицыну. И доселѣ есть въ Одессѣ внучка Магницкаго, *Юлія Михайловна Петичинская*, акушерка [2]). Такъ вотъ, когда изъ-за этого у него бывали семейные раздоры, которые его страшно огорчали, то онъ видѣлъ здѣсь навожденіе діавола и поэтому

---

[1]) Этому не противорѣчитъ показаніе П. И. Бартенева (*Русскій Архивъ* 1868, стр. 930), что сынъ Магницкаго служилъ въ гвардіи. Дѣйствительно, сначала онъ былъ въ военной службѣ, а потомъ перешелъ въ гражданскую и именно по почтѣ. Въ *Новороссійскомъ Календарѣ* на 1843 г. онъ значится такъ: „Помощникъ окружнаго почтъ-инспектора *подполковникъ* Михаилъ Михайловичъ Магницкій". Въ томъ же Календарѣ на 1845 г. (за 1844 г. у насъ нѣтъ подъ руками) онъ значится тѣмъ же помощникомъ, но уже съ чиномъ *коллежскаго ассессора*. Слѣдов. въ годъ смерти отца онъ уже не служилъ въ гвардіи въ Петербургѣ. Л. М.

[2]) Это было говорено въ 1889 году. Л. М.

всякій разъ кропилъ стѣны св. водою и курилъ въ комнатахъ херувимскимъ ладономъ. Этимъ онъ прогонялъ бѣсовъ, какъ причину раздора. Вѣруя самъ *просто*, онъ и отъ другихъ требовалъ такой же простоты. Онъ не могъ выносить *раздѣленія въ вѣрѣ* между аристократами и мужиками, между господами и слугами. Объ этомъ у него были постоянные споры въ собраніяхъ, особенно съ дамами. Вездѣ въ лучшихъ домахъ онъ былъ принятъ. Тогда трудно было ѣздить за границу, и въ Одессу съѣзжалось на жительство много аристократическихъ фамилій, и онъ у нихъ бывалъ. Вотъ тутъ-то давалъ онъ волю своему негодованію противъ разныхъ аристократическихъ замашекъ и капризовъ въ дѣлѣ вѣры. «Какъ это я позволю священнику помазать мнѣ лобъ, чтобы одно и тоже было для лакея и для барыни!» Или: «Какъ это въ причастіи ложечка для всѣхъ одна: побываетъ во рту у мужика, а потомъ и мнѣ дадутъ ее въ ротъ!». Вотъ подобныя сужденія возмущали его: въ нихъ онъ видѣлъ *невѣріе* въ силу обряда и таинства. Возставалъ онъ также сильно противъ благотворительныхъ вечеровъ съ танцами и концертовъ, и дамамъ безъ церемоніи говорилъ и доказывалъ, что въ этомъ случаѣ онѣ служатъ діаволу. И все это излагалъ онъ имъ на прекрасномъ Французскомъ языкѣ... Дамы говорили ему: «Какъ это говорится при крещеніи дѣтей: *дуни и плюни на него*? Что́, мы развѣ чертей рождаемъ?!» А онъ твердилъ имъ: да, да нужно изгонять діавола изъ того, что̀ вы рождаете... Тѣ уходили отъ него со смѣхомъ и считали его чуть не помѣшаннымъ... А онъ только просто вѣрилъ въ то, что̀ церковь содержитъ. «Постойте, постойте, говорилъ онъ имъ въ слѣдъ, будете умирать также, какъ ваша кухарка и тогда вспомните мои слова...»

Когда онъ былъ разъ боленъ отекомъ ногъ, то доктора рѣшили пустить ему кровь; но онъ ни за что не соглашался. «Какъ это? Ту кровь, что̀ смѣшалась во мнѣ съ кровію Христа, я буду выбрасывать изъ себя?» Когда я сталъ убѣждать его: «Нѣтъ, Михаилъ Леонтьевичъ, нужно согласиться; они же, доктора, знаютъ уже, что̀ какъ лучше».— «Такъ и вы туда же? Нѣтъ, вотъ лучше елеосвященіе мнѣ сдѣлайте. Это будетъ дѣйствительнѣе»... Вообще, онъ глубоко вѣрилъ въ *силу молитвы*. «Сказано: *просите, и дастся вамъ*; я такъ и вѣрю. У Бога, какъ у отца, нужно прямо просить того, въ чемъ есть нужда. Если нуждаешься въ сапогахъ, такъ и молись: Господи, дай мнѣ сапоги! Если у меня нѣтъ дровъ, я буду просить и молиться объ этомъ, и Богъ такъ сдѣлаетъ, что у меня будутъ дрова. Я просто могу формулировать всѣ свои просьбы къ Богу».

Имѣлъ онъ въ Одессѣ много друзей, но особенно любилъ семейство *Попандопуло*. Это была вдова генерала. У нея двѣ дочери

кончили курсъ въ Екатерининскомъ институтѣ, въ Петербургѣ. Мать и дочери прекрасно образованныя и религіознѣйшія. Мать *Александра*, а дочери *Клеопатра Эммануиловна* и *Марія Эммануиловна*. Одна изъ нихъ такъ дѣвицею и осталась (слишкомъ была умна), а другая вышла замужъ за доктора *Энно* [1]). Въ этой прекрасной семьѣ воспитывались двѣ мои дочери (тогда я овдовѣлъ), какъ у родныхъ; а третью мою дочь взяла на воспитаніе княжна *Варвара Николаевна Репнина* и увезла въ Москву. У Попандопуловыхъ была дача за городомъ, ее звали *Марьевская обитель*. Это былъ оазисъ среди степи. Вотъ туда-то часто ѣздилъ Магницкій и писалъ туда записки изъ города. У меня теперь есть онѣ, всѣ эти записки [2]).

Когда умерла моя жена въ 1843 году, 24-хъ лѣтъ отъ роду, Магницкій очень горячо отнесся къ моему горю и написалъ мнѣ по этому поводу свои *Мысли*, гдѣ нарисовалъ образъ моей жены. Очень искренно и чисто-сердечно написано. *Мысли* эти хранятся у меня, какъ дорогой памятникъ минувшаго. И *письма* ко мнѣ есть Магницкаго. Одни изъ Херсона, куда его на время перевели изъ Одессы, а другія изъ Одессы въ Кременчугъ, куда я ѣздилъ одно время съ дѣтьми развлечься.

Есть еще его рукопись *Христіанская Логика*; цензура не пропустила.

Умеръ Магницкій 21 Ноября 1844 г. Отъ простуды у него сдѣлалось воспаленіе въ груди. 19 Ноября онъ написалъ ко мнѣ дрожащею рукой записку съ просьбою пріѣхать исповѣдать его и пріобщить. Хоронилъ его архіепископъ Херсонскій *Гавріилъ* (Розоновъ). Какое совпаденіе! Когда-то, въ 1813 г., въ Вологдѣ, куда Магницкій былъ сосланъ, Гавріилъ, будучи еще архимандритомъ и ректоромъ семинаріи, познакомился съ нимъ, и жену его католичку присоединилъ къ православію. И вотъ ему же теперь пришлось хоронить Магницкаго! По совѣту этого же Гавріила, Магницкій примирился въ Одессѣ со Сперанскимъ, который былъ здѣсь въ 1837 г., и написалъ къ нему замѣчательное письмо. У меня есть копія этого письма, сообщеннаго мнѣ самимъ Магницкимъ [3]). Кстати, скажу вамъ: Сперанскій былъ разъ во

---

[1]) Это *Клеопатра Эммануиловна*. Намъ говорили, что большею частью на данныя ею средства построена нынѣшняя Греческая церковь въ Одессѣ. *Л. М.*

[2]) Нѣкоторыя изъ нихъ были читаны мною у о. протоіерея. Очень остроумныя. *Л. М.*

[3]) Письмо это напечатано первый разъ въ *Херсонскихъ Епарх. Вѣд.* 1860 г. № 11. Затѣмъ помѣщено въ *Русскомъ Архивѣ* 1868 г., въ текстѣ упомянутыхъ выше „Воспоминаній о Магницкомъ А. С. Стурдзы“ (стр. 933 — 934). Здѣсь же напечатана и предсмертная записка Магницкаго къ духовнику его прот. М. К. Павловскому (стр. 935).

время моего богослуженія въ церкви Института Благородныхъ Дѣвицъ, гдѣ я былъ тогда законоучителемъ. О присутствіи Сперанскаго я намекнулъ въ произнесенномъ тогда мною поученіи, что̀ вы можете видѣть въ печатномъ изданіи моихъ проповѣдей [1]). Когда Сперанскій скоро послѣ этого умеръ (въ началѣ 1839 г.), то Магницкій съ радостью высказывалъ, что примирился съ нимъ въ послѣднее свое свиданіе и написалъ *Думу* на его смерть.

Въ дружескихъ бесѣдахъ Магницкій былъ остроумнымъ и занимательнымъ разсказчикомъ. Вотъ два анекдота, которые онъ разсказывалъ изъ своей жизни. 1) Когда онъ назначенъ былъ въ Симбирскъ губернаторомъ, и когда ему представились въ первый разъ подвѣдомственные чиновники, то, вышедши къ нимъ, онъ сказалъ: «*Господа, берите, только не дерите!* и пріемъ кончился... (Или другой редакціи: *Господа, можете брать, только прошу не драть!*). 2) Когда ему изъ уѣздовъ представлялись донесенія по рубрикамъ, и въ каждой рубрикѣ была все отмѣтка *не было*, все *не было* (напр.: *пожаровъ не было, побѣга арестантовъ не было* и т. п.), тогда онъ издалъ такое предписаніе: «*О томъ, чего не было, впредъ не доносить*» [2]).

3.

Могила Магницкаго.

Магницкій погребенъ на такъ - называемомъ *Старомъ кладбищѣ*. Всякій разъ, бывая здѣсь, мы искали могилу его, но долго не могли найти. Наконецъ, 24 Августа 1894 г., посѣтивъ Старое кладбище по поводу освященія надгробнаго памятника другому замѣчательному въ разныхъ отношеніяхъ Одесситу, *Николаю Григорьевичу Тройницкому* († 8 Окт. 1892 г.), родному брату Александра Григорьевича,

---

[1]) Дѣйствительно, справившись въ книгѣ: „Слова и рѣчи протоіерея Михаила Павловскаго, Одесса 1851 г.", мы нашли въ „Словѣ, произнесенномъ къ воспитанницамъ Института 1-го Августа 1837 г." такія строки въ заключеніи: „Много утѣшаетъ меня то, что наставленіе это (*О преданности вѣрѣ*) слышите вы отъ меня въ присутствіи мужа, обезсмертившаго имя свое благодѣтельными услугами нашимъ законамъ отечественнымъ, того мужа, коего просвѣщенной опытности и святой ревности къ отечественнымъ законамъ Промыслъ судилъ просвѣщать тотъ великій умъ и то юное и благое сердце царскіе, на которые теперь столько свѣтлыхъ надеждъ, столько высокихъ ожиданій у всей Россіи!.. О, вполнѣ увѣренъ, что сдѣланное вамъ мною наставленіе теперь памятно будетъ для васъ, какъ памятенъ будетъ для всѣхъ насъ настоящій день! Аминь" (стр. 198). *Л. М.*

[2]) Вотъ еще свѣдѣніе о Магницкомъ отъ старожила Одессы, купца Лог. Мих. *Посохова*: „Магницкій очень любилъ *толокно*. Не могъ безъ него обойтись. И мы для него нарочно выписывали изъ Москвы толокно. Только онъ одинъ и требовалъ". *Л. М.*

бумаги коего недавно печатались въ *Р. Архивѣ**), мы рѣшились въ этотъ разъ употребить всѣ усилія, чтобы найти могилу Магницкаго, и вотъ, при помощи кладбищенскаго служителя *Симсона*, нашли, наконецъ, ее. Благодаря времени, она, заслоненная другими могилами, съ разнообразными на нихъ памятниками, очутилась уже въ глубинѣ кладбища, тѣмъ болѣе, что и съ самаго начала она помѣщена была въ порядочномъ удаленіи отъ входа въ главные ворота, направо. На ней слѣды запустѣнія. Все засорено пылью и листьями, падающими съ окружающихъ деревьевъ. Не видно, чтобъ сюда проложена была «тропа» и чтобы чьи-нибудь дружественныя руки поддерживали чистоту въ той оградѣ, гдѣ находятся могила и памятникъ на этой могилѣ. Крестъ на памятникѣ давно упалъ съ пьедестала. На пьедесталѣ такая надпись *съ фронта*:

Михаилъ Леонтьевичъ
Магницкій
родился въ Москвѣ, скончался въ Одессѣ 21 Ноября 1844 г.

Съ правой стороны:

Помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ. Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ.

---

*) Мы еще въ долгу предъ памятью незабвеннаго Николая Григорьевича. Цѣлыя семь лѣтъ (съ 1885 по 1892 г.) мы пользовались его пріятнѣйшимъ знакомствомъ, искреннею пріязнью и живительнѣйшею бесѣдой. Воспитанникъ Одесскаго Ришельевскаго Лицея (*перваго* выпуска 1832 г.), онъ, помимо своей государственной и общественной службы, былъ еще извѣстенъ въ Одессѣ какъ литераторъ и поэтъ. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ Александромъ Григорьевичемъ онъ много лѣтъ редактировалъ *Одесскій Вѣстникъ*. Здѣсь въ 1837 г., при первомъ извѣстіи о трагической кончинѣ Пушкина, онъ написалъ горячую статью въ память великаго поэта. Она перепечатана во главѣ Сборника, вышедшаго въ 1887 году въ Одессѣ, въ память 50-лѣтія кончины поэта, подъ заглавіемъ: „Отзывы о Пушкинѣ съ Юга Россіи". Онъ благоговѣлъ до конца жизни своей предъ Пушкинымъ и любилъ декламировать стихи его. Былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ братомъ поэта, Львомъ Сергѣевичемъ, служа вмѣстѣ съ нимъ въ Одессѣ по таможенному вѣдомству. Въ 1848 г., въ первый пріѣздъ Гоголя въ Одессу, Левъ Сергѣевичъ познакомилъ Николая Григорьевича съ Гоголемъ въ Одесскомъ карантинѣ. Живя въ Одессѣ, Гоголь не разъ посѣщалъ Николая Григорьевича. До глубокой старости Николай Григорьевичъ сохранялъ удивительное жизнерадостное настроеніе, горячо любилъ природу, особенно растенія и море. На море онъ, бывало, цѣлые часы глядѣлъ, любуясь имъ. За нѣсколько дней до смерти, какъ бы въ предчувствіи ея, написалъ стихотвореніе: *Въ лѣсу*, которое можно назвать величественнымъ *Гимномъ Творцу*, полнымъ благоговѣйнаго трепета предъ Безконечнымъ и Вѣчнымъ... Двѣ послѣднія строки изъ этого стихотворенія начертаны на надгробномъ памятникѣ Николая Григорьевича Тройницкаго. Вотъ онѣ:

„И сердцемъ въ горняя стремлюсь,
Вся Сотворившему молюсь!"...

Л. М.

Съ лѣвой стороны:

Mon âme s'est fortement attachée à Seigneur, et Votre droit m'a soutenu.

Seigneur, faites luire sur lui votre lumière éternelle.

*

Въ этой же самой оградкѣ, *семейной усыпальницѣ Магницкихъ*, есть еще нѣсколько могилъ. Отмѣтимъ двѣ изъ нихъ: 1) Плита на землѣ; на плитѣ, разгребши пыль, мы прочитали: Варвара Николаевна Магницкая, родилась въ Москвѣ, скончалась въ Одессѣ Мая 3 1851 *). 2) Марья Михайловна Магницкая родилась 17 Февраля 1836, скончалась 17 Ноября 1848 г.

Памятникъ на этой послѣдней могилѣ: на пьедесталѣ изваяніе женщины, молящейся съ поднятыми къ небу глазами. Сверху, подъ Русскою надписью, слѣдующее:

O très heureuse demeure
De la céleste cité!
Jour brillant de l'éternité.
Que la nuit n'obscurcît
Jamais, que la souveraine
Vérité l'éclaire sans cesse:

Съ *правой* и *лѣвой* стороны есть тоже Французскія надписи, тексты изъ Библіи.

Левъ Мацѣевичъ.

---

*) Это, конечно, жена М. Л. Магницкаго. Это она выбрала Французскіе тексты изъ Библіи на могилу мужа и дочери *Марьи Михайловны*, скончавшихся раньше ея. На ея могилѣ нѣтъ уже Французскихъ текстовъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О Ѳ. И. ИНОЗЕМЦЕВѢ.

Въ своихъ любопытныхъ «Запискахъ» графъ М. Д. Бутурлинъ симпатично отзывается о покойномъ профессорѣ, извѣстномъ въ Москвѣ, въ 1850-хъ годахъ, врачѣ-практикѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ Иноземцевѣ. Это дало мнѣ мысль подѣлиться съ читателями «Русскаго Архива» моими воспоминаніями объ этомъ вполнѣ достопамятномъ человѣкѣ. Иноземцевъ приходился двоюроднымъ дядей моему отцу [1]. Покойный отецъ мой [2], а также и дядя Дмитрій Васильевичъ Губерти, находящійся и понынѣ въ живыхъ, нерѣдко бывали у Ѳедора Ивановича, а я съ 1858 по 1860 годъ, ребенкомъ, прожилъ въ его домѣ, имѣя товарищемъ дѣтскихъ игръ и учебныхъ занятій единственнаго его сына Георгія. Все дальнѣйшее я сообщу по разсказамъ моего отца, дяди и лицъ знавшихъ Иноземцева, а также по моимъ личнымъ воспоминаніямъ далекаго дѣтства.

Многіе изъ врачей, бывшихъ во времена Иноземцева еще студентами или только-что начинавшіе практику, конечно, помнятъ его; помнятъ, какъ профессора и какъ человѣка добраго и сердечнаго. Многимъ изъ молодыхъ начинающихъ врачей онъ оказывалъ поддержку и матеріальную помощь въ ихъ первыхъ шагахъ на медицинскомъ поприщѣ. Помнятъ его также и тѣ изъ бывшихъ его паціентовъ, которые и понынѣ здравствуютъ, благодаря Иноземцеву, излѣчившему ихъ отъ той или другой опасной болѣзни [3]. Не забудутъ

---

[1] Родная тетка Иноземцева, Анисья Ильинична Иноземцева, въ 1775 г. вышла замужъ за моего прадѣда Якова Петровича Губерти, сынъ котораго Василій Яковлевичъ (мой дѣдъ) приходился Иноземцеву двоюроднымъ братомъ. Другая тетка Иноземцева, Марья Ильинична, была замужемъ за Андреемъ Петровичемъ Колзаковымъ, сынъ котораго, Павелъ Андреевичъ, начавшій службу при Екатеринѣ II, умеръ въ 1864 г. генералъ-адъютантомъ и адмираломъ.

[2] Извѣстный библіофилъ и библіографъ Николай Васильевичъ Губерти, о которомъ см. „Русскій Архивъ“ 1897, I, 322. П. Б.

[3] Къ числу бывшихъ паціентовъ Иноземцева принадлежалъ мой дядя Д. В. Губерти, заболѣвшій въ юношескомъ возрастѣ эмфиземою легкихъ. Иноземцевъ назначилъ ему

его также и бѣдняки-больные, которые приходили къ нему за врачебною помощью, получали ее безвозмездно и уходили снабженные деньгами на лѣкарство. О Иноземцевѣ, какъ о докторѣ, среди его собратій и въ публикѣ, существовали различныя мнѣнія: «одни превозносили его какъ талантливаго профессора, хирурга и діагноста, другіе (преимущественно сторонники Овера) указывали на его ошибки, не одобряли его метода лѣченія; но какъ о человѣкѣ, всѣ о немъ отзывались съ самой лучшей стороны. Здѣсь я позволю себѣ привести выдержки изъ статьи покойнаго К. Н. Леонтьева: «Воспоминанія о Ѳ. И. Иноземцевѣ и другихъ Московскихъ докторахъ 50-хъ годовъ» [1]). «Иноземцевъ, пожалуй, былъ скорѣе дуренъ собой, чѣмъ хорошъ; но его относительная некрасивость была лучше иной «писаной» красоты. Онъ былъ очень смуглъ, волосы у него были черные, очень густые и всегда коротко, подъ гребенку остриженные. Лицо его было совершенно особенное, оригинальное. Оно было длинно, узко, смугло, какъ я сказалъ, носъ длиненъ, но неправиленъ и не совсѣмъ прямъ. Глаза у него были очень темные, немного томные, какъ будто задумчивые и даже печальные; но въ нихъ свѣтилась чрезвычайная доброта. Усы онъ брилъ, но носилъ небольшіе короткіе бакенбарды вокругъ всего лица. Росту Иноземцевъ былъ довольно высокаго и до поздняго возраста прямъ, строенъ и ловокъ въ движеніяхъ. Это лицо темное, неправильное, задумчивое, эти короткіе, черные волосы, которые немного сами приподнимались стоймя надъ лбомъ,—было во всемъ этомъ что-то и крайне-милое и, пожалуй, пріятно-некрасивое, и мыслящее, и полное тихаго достоинства» [2])...

Ѳедоръ Ивановичъ, сынъ чиновника Ивана Ильича Иноземцева [3]), родился 12 Февраля 1802 года въ селѣ Бѣлкинѣ, Калужской губерніи. Сперва учился онъ въ уѣздномъ училищѣ, потомъ поступилъ въ Харьковскій университетъ на словесный факультетъ, но курса не окончилъ; въ 1822 г. былъ опредѣленъ учителемъ математики во Льговское (Кур-

молочное лѣченіе, и дядя мой, впродолженіи 6-ти недѣль питаясь исключительно однимъ молокомъ, выздоровѣлъ.

[1]) Востокъ, Россія и Славянство, сборникъ статей К. Леонтьева, томъ II.

[2]) Читателямъ извѣстно, что Иноземцевъ былъ внукомъ плѣннаго Персіянина. И. Б.

[3]) У Ивана Ильича Иноземцева были еще дѣти: Петръ, Егоръ и Павелъ Ивановичи и дочери Татьяна и Евдокія Ивановны. Петръ служилъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, Егоръ—штабъ-докторомъ въ Тифлисѣ и Павелъ—учителемъ гимназіи въ Харьковѣ. Татьяна Ивановна была замужемъ за Полтавскимъ помѣщикомъ Миклашевскимъ, Евдокія Ивановна замужемъ не была и умерла въ домѣ брата своего, Ѳедора Ивановича.

ской губ.) уѣздное училище. Онъ разсказывалъ моему дядѣ, что, во время своего пребыванія во Льговѣ, онъ велъ довольно безпорядочную жизнь, игралъ въ карты, а такъ какъ учительскаго жалованья ему не доставало, то въ свободное время давалъ уроки на гитарѣ. Впродолженіи 4-хъ лѣтъ будущій профессоръ Московскаго университета проживалъ во Льговѣ въ скромной долѣ учителя уѣзднаго училища и учителя-гитариста, проводя вечера и ночи за картами; но «наконецъ» говорилъ онъ, «началъ я серіозно подумывать о томъ, что готовлю себѣ въ будущемъ. Перспектива быть вѣчно учителемъ уѣзднаго училища представлялась мнѣ очень печальной; безалаберная жизнь, которую велъ, начинала тяготить меня, и я рѣшилъ опять идти въ университетъ». Избравъ карьеру медика, Ѳ. И., въ 1826 г. поступилъ на медицинскій факультетъ [1]) пробывъ въ Харьковскомъ университетѣ два года, въ 1828 г. отправился въ Петербургъ, гдѣ выдержалъ экзаменъ въ Академіи, а затѣмъ поступилъ въ Профессорскій Институтъ при Дерптскомъ университетѣ [2]), и въ 1833 г. утвержденъ въ степени доктора медицины. Въ этомъ же году былъ онъ отправленъ за границу для усовершенствованія въ хирургіи и занимался ею въ Берлинскомъ, Дрезденскомъ, Вѣнскомъ и другихъ заграничныхъ университетахъ. По возвращеніи, Иноземцевъ былъ назначенъ, въ 1835 году, экстра-ординарнымъ профессоромъ Московскаго университета для преподаванія практической хирургіи. Этому назначенію способствовало слѣдующее обстоятельство. На каѳедру хирургіи былъ предназначенъ Н. И. Пироговъ; но онъ, по болѣзни, что-то долго замѣшкался за границей, и тогда графу Строганову, бывшему въ то время попечителемъ учебнаго округа, рекомендовали молодаго Иноземцева, какъ лучшаго воспитанника Профессорскаго Института и прекраснаго хирурга. Графъ Строгановъ, недовольный промедленіемъ Пирогова и слыша лестные отзывы объ Иноземцевѣ, представилъ министру объ утвержденіи его профессоромъ [3]). Съ этого же времени Иноземцевъ начинаетъ пріобрѣтать практику, ко-

---

[1]) Офиціальныя свѣдѣнія о Ѳ. И. И. я получилъ изъ архива Московскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія, гдѣ хранится дѣло о дворянствѣ Иноземцевыхъ.

[2]) Н. И. Пироговъ въ „Дневникѣ стараго врача", пишетъ, что онъ прожилъ впродолженіи 4-хъ лѣтъ въ одной комнатѣ съ Иноземцевымъ; „но наши взгляды, вкусы, занятія, отношенія къ товарищамъ, профессорамъ и другимъ лицамъ были такъ различны и, кромѣ одного помѣщенія и одной и той же науки, избранной обоими нами, не было между нами ничего общаго". Далѣе Пироговъ говоритъ, что ему мѣшала заниматься карточная игра, происходившая у Иноземцева разъ или два въ недѣлю и длившаяся далеко за полночь.

[3]) Пироговъ въ своемъ „Дневникѣ" укоряетъ Иноземцева за то, что тотъ не отказался отъ каѳедры, зная, что онъ, Пироговъ, имѣлъ на нее больше правъ.

торая съ каждымъ годомъ становилась обширнѣе. Въ 1849 г. онъ женился на Француженкѣ, вдовѣ, Маргаритѣ Петровнѣ Гіони, рожденной Давидъ *), съ которой познакомился за границей и вмѣстѣ съ нею возвратился въ Россію. Она умерла, кажется, въ 1857 г., оставивъ послѣ себя 8-милѣтняго сына Георгія. Въ то время, какъ я гостилъ у Иноземцева, онъ, уже вдовцомъ, жилъ въ своемъ домѣ на Спиридоновкѣ, и семья его состояла изъ слѣдующихъ лицъ: сына Егорушки (какъ всѣ его тогда звали), родной сестры Ѳ. И., старушки, дѣвицы Евдокіи Ивановны, страдавшей припадками падучей болѣзни; его свояченицы Маргариты Петровны, тоже пожилой особы, и гувернантки сына, миссъ Клары. Эта миссъ въ то время была особа лѣтъ 38-ми, брюнетка, съ крупнымъ носомъ, густыми бровями и замѣтной растительностью надъ верхней губой. Не смотря на то, что она англизировала себя приставкою къ своему имени Клара «миссъ», она едва-ли была чистокровною дочерью Альбіона; по-англійски говорила бѣгло, но не съ настоящимъ акцентомъ, ея Французскій языкъ тоже не отличался Парижскимъ произношеніемъ, по-нѣмецки же она говорила хорошо и чаще всего прибѣгала къ этому діалекту. Женщина она была добрая, но отчасти взбалмошная. Кромѣ практики въ языкахъ, ей также было поручено заниматься съ Егорушкой и со мною. Она преподавала намъ ариѳметику, языки Французскій, Нѣмецкій, Англійскій и даже для чего-то Латинскій. Способъ ея преподаванія языковъ былъ весьма упрощенный: не объясняя грамматическихъ правилъ, она заставляла насъ писать подъ диктовку, переводить по книгѣ, а по-латыни писала намъ слова и коротенькія фразы, которыя мы заучивали. Маргарита Петровна, завѣдывавшая по смерти жены Иноземцева хозяйствомъ, была существо безличное и, какъ хозяйка, авторитета въ домѣ не имѣла. Она была, какъ я уже сказалъ, пожилая особа, постоянно принимала по предписанію Ѳ. И. какія-то пилюли и часто писала письма къ своимъ роднымъ во Францію. Женщина она была, какъ и подобало доброй католичкѣ, богомольная, по утрамъ по долгу, съ молитвенникомъ въ рукахъ, молилась предъ своимъ Prie-Dieu, строго соблюдала посты и въ извѣстные дни вела продолжительныя бесѣды съ приходившимъ къ ней» directeur de conscience» (какъ она его называла) старичкомъ-аббатомъ. Впослѣдствіи Маргарита Петровна оставила Иноземцева и на-

*) Ее всѣ звали Марьей Давыдовной, вѣроятно, въ отличіе отъ сестры ея, тоже Маргариты Петровны, жившей у Иноземцевыхъ. Н. Г.—Живучи въ Парижѣ, Ѳ. И. Иноземцевъ тяжко заболѣлъ, и за нимъ ходила будущая его супруга. Не задолго до кончины своей она выражала желаніе перейти въ православіе, но этому воспрепятствовала сестра ея, что очень огорчало Иноземцева. (Слышано отъ Семена Алексѣевича Смирнова, который былъ ученикомъ и другомъ Иноземцева). П. Б.

всегда уѣхала во Францію[1]). Евдокія Ивановна, сестра Ѳ. И., жившая въ мезонинѣ, въ отдѣльной, уютной комнаткѣ, была добрѣйшая старушка; она очень любила Егорушку и меня и когда мы приходили къ ней, то въ ея ридикюлѣ всегда находились для насъ очень вкусныя малиновыя карамельки въ красныхъ бумажкахъ. Егорушка, какъ я помню его, былъ худенькій мальчикъ, смуглый шатéнъ, живой и съ хорошими задатками. Ѳ. И. очень любилъ своего сына, но, занятый службой и практикой, слишкомъ мало обращалъ вниманія, какъ на его нравственное воспитаніе, такъ и на домашнее образованіе, которое шло кое-какъ, безъ всякой системы. Впослѣдствіи Ѳ. И. приглашалъ къ сыну учителей для подготовленія его въ университетъ; но время было упущено, и Егорушка два раза держалъ и оба раза не выдержалъ вступительнаго экзамена.

Протекло уже 37 лѣтъ со времени моего двухлѣтняго пребыванія у Ѳедора Ивановича, но до сихъ поръ обликъ его не изгладился изъ моей памяти. Живо представляется мнѣ его высокая, стройная фигура, въ домашнемъ, длинномъ, всегда разстегнутомъ сюртукѣ и въ повязанной поверхъ манишки черной шелковой косынкѣ. Въ описываемое мною время ему было 55—58 лѣтъ; волосы его на головѣ уже значительно посѣдѣли, узенькія полоски бакенбардъ были тоже почти сѣды; но его прямой станъ, легкая походка, ловкія, безъ суетливости, движенія, все это дѣлало его моложе настоящихъ лѣтъ, и ничто въ его фигурѣ не напоминало о приближавшейся старости[2]). Обычное выраженіе лица его было серьезно; но когда онъ улыбался, улыбка была симпатичная, а когда смѣялся, смѣхъ громкій, искренній.

Теперь я скажу, какъ проходили дни въ домѣ Иноземцева. Ѳ. И. вставалъ въ 8 ч.; поднявшись съ постели, надѣвалъ халáтъ, садился къ зеркалу, брился, перевязывалъ, если это было нужно, фонтанель, которую онъ носилъ на лѣвой рукѣ, потомъ, при помощи камердинера Василія, умывался, совершалъ свой туалетъ, а затѣмъ становился на молитву, и нѣсколько минутъ сосредоточенно молился, касаясь рукою пола при поясныхъ поклонахъ. Какъ-то разъ дядя мой пріѣзжаетъ къ Ѳ. И. и, не приказывая о себѣ докладывать, прямо проходитъ въ его кабинетъ и застаетъ Ѳ. И. за чтеніемъ Евангелія. На вопросъ дяди, часто-ли онъ заглядываетъ въ эту книгу, Ѳ. И. отвѣчалъ: «А то какъ

---

[1]) Иноземцевъ долженъ былъ избавиться отъ этой своячиницы, находившейся во власти аббата: у него стали пропадать деньги и вещи, и онъ съ ужасомъ узналъ, что похищенное уходитъ къ Польскимъ повстанцамъ. (Слышано отъ С. А. Смирнова.) П. Б.

[2]) Находящійся у меня поясной литографированный портретъ Ѳ. И. очень похожъ.

же, братецъ? Каждый день прочитываю главу Евангелія!» Облекшись въ домашній сюртукъ, Ѳ. И. поднимался на верхъ, въ мезонинъ, пить чай, во время котораго миссъ Клара показывала ему наши отмѣтки за вчерашніе уроки и, смотря по обстоятельствамъ, онъ выражалъ свое одобреніе или порицаніе: «хорошо, братецъ, порадовалъ меня», а если балы плохи, то продолжительно свиснетъ и укоризненно покачаетъ головой. Помню, что мы очень цѣнили похвалу, а этотъ свистъ и покачиваніе головой повергали насъ въ крайнее смущеніе. Бывало, оставшись доволенъ нашими успѣхами и поведеніемъ, Ѳ. И. скажетъ: «ну, ребята, сегодня поѣдемъ въ театръ». Какую радость испытывали мы при этихъ словахъ! Мы бѣгали по всему дому, какъ сумасшедшіе, и всѣмъ сообщали объ ожидавшемъ насъ удовольствіи. Каждый день, во время утренняго чая, приходила къ Ѳ. И. сестра его Евдокія Ивановна, у которой, послѣ обмѣна привѣтствій, онъ всегда спрашивалъ о ея здоровьѣ и принимаетъ-ли она лѣкарство. Какъ я уже сказалъ, Евдокія Ивановна страдала падучею болѣзнью, и разъ утромъ, за нашимъ чаемъ, съ ней случился припадокъ. Лицо ея вдругъ какъ-то странно измѣнилось, она начала слегка присѣдать и что то напѣвать въ полголоса. По знаку Ѳ. И., миссъ Клара и Маргарита Петровна схватили ее подъ руки и увели. На насъ, дѣтей, этотъ случай произвелъ тяжелое впечатлѣніе, и мы долго боялись входить къ Евдокіи Ивановнѣ. Къ $9\frac{1}{2}$ ч. къ Ѳ. И. въ залу собирались его ассистенты и молодые врачи, приходили больные, которымъ, подъ наблюденіемъ Ѳ. И., давались совѣты, а въ операціонной комнатѣ производились болѣе или менѣе легкія операціи. Кстати объ операціяхъ. Про Иноземцева говорили, что онъ, безъ крайней необходимости, никогда не рѣшался на операціи, грозившія смертельнымъ исходомъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда хирургическій ножъ былъ для больного тѣмъ же, чѣмъ соломинка для утопающаго. Въ каждомъ больномъ онъ видѣлъ, прежде всего, не «субъекта», представляющаго научный интересъ, а человѣка, котораго надо спасти отъ смерти. Врачей, собиравшихся у Ѳ. И., называли въ Москвѣ «Иноземцевскими молодцами», какъ о томъ говорятъ въ своемъ «Дневникѣ» Пироговъ и графъ Бутурлинъ въ своихъ «Запискахъ». Словцо это пустилъ въ ходъ, какъ мнѣ говорили, жившій въ то время въ Москвѣ богатый купецъ Варгинъ, который, приглашая однажды Иноземцева къ себѣ на домъ, сказалъ ему: «ужъ ты, Ѳедоръ Ивановичъ, своихъ молодцовъ-то не посылай, а пріѣзжай самъ». Иноземцевъ отъ души смѣялся надъ такимъ прозвищемъ и всѣмъ объ этомъ разсказывалъ.

Въ то время, какъ внизу происходилъ пріемъ больныхъ, мы съ Егорушкой сидѣли на верху за уроками. Кромѣ занятій съ миссъ Кла-

рой, къ намъ въ извѣстные дни приходили: законоучитель, священникъ отъ Спиридонія, учитель чистописанія Глюске и рисованія Щеголевъ. Русскимъ языкомъ съ нами одно время занимался племянникъ Ѳ. И., И. М. Миклашевскій, тогда еще молодой офицеръ. Къ Егорушкѣ ходилъ, также два раза въ недѣлю, учитель музыки Лешетицкій, съ которымъ онъ просиживалъ часъ за роялью. Въ 12 часовъ пріемъ больныхъ кончался, доктора расходились, и Ѳ. И. отправлялся въ клинику и на практику. Въ 2 часа кончались и наши занятія; мы стремглавъ летѣли внизъ, и послѣ четырехчасового сидѣнья на стулѣ, съ удовольствіемъ бѣгали по опустѣвшимъ комнатамъ. Особенно любили мы забираться въ кабинетъ Ѳ. И. Это была обширная комната съ очень большимъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, письменнымъ столомъ по срединѣ, съ разложенными на немъ книгами, журналами и брошюрами. По стѣнамъ шкафы съ книгами, на одномъ изъ которыхъ помѣщались три бюста, слѣпки съ одного больного, страдавшаго модулярнымъ саркомомъ глаза [1]). За кабинетомъ была миніатюрная комнатка, и въ ней на столѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ, красовался прекрасно собранный человѣческій черепъ, на крючкахъ и пружинахъ. Въ эту комнатку вечеромъ мы входить не рѣшались: жутко было! Къ 5-ти часамъ пріѣзжалъ Ѳ. И., въ синемъ форменномъ фракѣ, украшенномъ Станиславскою звѣздой и, переодѣвшись, садился обѣдать. Послѣ обѣда онъ отдыхалъ, а къ 8-ми выходилъ въ залу, гдѣ каждый вечеръ собиралось нѣсколько человѣкъ гостей. Изъ всѣхъ, бывавшихъ у Ѳ. И., лишь немногіе остались у меня въ памяти, т.-е. тѣ, которыхъ я чаще видѣлъ. Помню докторовъ: С. А. Смирнова, съ которымъ Ѳ. И. былъ особенно близокъ, Н. П. Матюшенкова, Крейзера́, имѣвшаго тогда въ Москвѣ водолѣчебное заведеніе; высокаго и представительнаго генерала Дренякина, который не иначе называлъ Ѳ. И. какъ «благодѣтель». Помню также сыновей Алексѣя Петровича Ермолова, Клавдія и Севера Алексѣевичей; изрѣдка бывалъ у него богачъ-милліонеръ А. А. Сапожниковъ [2]), небольшаго роста, плотный и коренастый мужчина, говорившій съ миссъ Кларой на прекрасномъ Англійскомъ языкѣ. Изъ дамъ, бывавшихъ у Ѳ. И., я запомню Е. Ѳ. Левшину (рожд. Брискорнъ), кра-

---

[1]) Объ излѣченіи этого больного Пироговъ въ своемъ „Дневникѣ“ говоритъ, что случай этотъ, доказавшій способность Иноземцева находить правильныя показанія въ употребленіи того или другого лѣченія, былъ описанъ въ нѣкоторыхъ журналахъ.

[2]) А. А. Сапожниковъ, какъ мнѣ передавалъ племянникъ его, В. И. Явленскій, получилъ, вмѣстѣ съ братомъ, отъ своего дяди-старообрядца 14 милл., рыбные промыслы въ Астрахани и дома въ Москвѣ и Петербургѣ. А. А. Сапожниковъ, образованный человѣкъ, говорившій на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, былъ тоже старообрядецъ.

сивую старушку, съ сѣдыми буклями; М. Ѳ. Оболонскую, тогда уже весьма пожилую особу, и m-me Крейзеръ съ дочерью, миловидною блондинкой. Собравшіеся гости (кто игралъ) садились за игру въ вистъ и ералашъ, въ чемъ принималъ участіе и самъ хозяинъ. Горячихъ споровъ за картами не было, особенно если въ числѣ партнеровъ была дама. Замѣчу здѣсь кстати, что Ѳ. И. относился къ дамамъ съ изысканною, нѣсколько старомодною, любезностью: здороваясь и прощаясь, онъ всегда цѣловалъ у нихъ руки. Егорушкѣ и мнѣ это было также вмѣнено въ обязанность, и мы никогда не забывали, съ ловкостью петиметровъ, расшаркаться предъ дамой и поцѣловать у ней руку. Въ 10 часовъ мы подходили къ Ѳ. И. прощаться, при чемъ онъ крестилъ каждаго изъ насъ, а мы, въ свою очередь, его крестили. Чѣмъ бы ни былъ занятъ въ это время Ѳ. И., разговоромъ или картами, но обычай этотъ соблюдался неупустительно.

Въ 1860 г. родители мои взяли меня домой, и съ тѣхъ поръ я ни разу не видалъ Ѳ. И. Много горя и непріятностей перенесъ онъ въ послѣдніе годы своей жизни. Отсутствіе твердости въ характерѣ, слѣпое довѣріе къ тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ приблизилъ къ себѣ и которыя его безсовѣстно обманывали, создали ему то печальное положеніе, изъ котораго онъ уже не могъ выйти. Все то, что̀ перенесъ Ѳ. И., будучи уже въ преклонныхъ годахъ, не могло не отозваться на его организмѣ; здоровье его быстро разрушалось, и онъ преждевременно скончался 6 Августа 1869 г., 67 лѣтъ. Сыну своему Ѳ. И. оставилъ домъ на Спиридоновкѣ*) и 50 тысячъ капиталу. Егоръ Ѳедоровичъ Иноземцевъ женился въ началѣ 70-хъ годовъ на Дымковой, а въ 1878 г. застрѣлился. Отецъ и сынъ погребены въ Донскомъ монастырѣ.

Н. Н. Губерти.

*) Нынѣ Е. Д. Бѣлевцовой, на углу Спиридоновки и Патріаршаго переулка.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА [1]).

1849-й годъ.

Fin che uno ha denti in bocca,
Non si sà, che pan li tocca.
(Пока у человѣка зубы во рту, онъ не можетъ знать, какого рода хлѣбъ придется ему жевать).

Въ эту зиму (съ 1848 на 1849 г.) сынъ мой Митя, коему было тогда только полтора года, сдѣлалъ безсознательный починъ украшенія Знаменскому нашему саду. Играя жолудями, онъ посадилъ два изъ нихъ въ ящикъ съ плющами, стоявшій шпалерою въ гостиной, и когда ящикъ этотъ былъ перенесенъ на лѣто въ оранжерею для поправки, какъ обыкновенно, отъ зимняго комнатнаго воздуха [2]), я удивился при видѣ двухъ, непонятныхъ мнѣ, дубовыхъ отростковъ; но Семенъ (садовникъ) угадалъ, какимъ образомъ они тутъ выросли. Мы стали тщательно ухаживать за ними, высадили ихъ, спустя нѣсколько лѣтъ, на лугъ, за цвѣтниками, и теперь изъ нихъ вышли два великолѣпные, молодые, но уже густые дуба, правильной формы. Одинъ изъ нихъ (чтò подальше къ пруду) уже вышиною 6 аршинъ, если не болѣе, а стволъ восьми вершковъ въ окружности; другой (чтò ближе къ дому) отсталъ немного отъ своего товарища, потому что онъ пострадалъ при второй его пересадкѣ въ 1859 году.

Въ Январѣ Дивовы вызвали меня въ Москву, по случаю свадьбы ихъ воспитанницы Зинаиды Николаевны съ Иваномъ Николаевичемъ Колесовымъ, тѣмъ самымъ, чтò былъ дѣтскимъ товарищемъ моей жены и ея брата и находился подъ учебнымъ надзоромъ Тридона. Въ описываемое мною теперь время молодой Колесовъ занималъ уже довольно

---

[1]) См. выше, стр. 125.

[2]) Всѣмъ садоводамъ извѣстно, что задержанное въ зимнее время въ комнатѣ растеніе долго не поправляется и нерѣдко пропадаетъ совсѣмъ. Тѣмъ не менѣе, въ гостиной и въ кабинетѣ моей жены въ Знаменскомъ домѣ была постоянная зимняя выставка цвѣтущихъ растеній.

видное мѣсто, съ хорошимъ окладомъ, въ Министерствѣ Финансовъ. Сватовство его къ Зиночкѣ произошло заочно и (какъ предполагаю), слѣдующимъ образомъ. Я уже говорилъ прежде, что Зинаида Сергѣевна Дивова была дружна съ обѣими дочерьми (красавицами) Француза, доктора Ланга, но болѣе со второю изъ нихъ, Розаліей Ипполитовною, вышедшею замужъ въ 1841 году за нѣкоего князя Максютова, человѣка безъ всякаго состоянія [1]). Этотъ князь Максютовъ находился въ какомъ-то родствѣ съ генераломъ путей сообщенія, барономъ Андреемъ Ивановичемъ Дельвигомъ и съ Колесовыми и, сдѣлавшись чрезъ жену своимъ человѣкомъ у Дивовыхъ, не мудрено, что онъ устроилъ это сватовство; но на *смотрины* невѣсты все-таки пріѣзжалъ первоначально женихъ. На свадьбу пріѣхалъ баронъ Дельвигъ, уже генералъ-маіоръ и человѣкъ съ вѣсомъ при графѣ П. А. Клейнмихелѣ, тогда главномъ начальникѣ по инженерной части. Николай Андріяновичъ наградилъ свою воспитанницу изряднымъ имѣньицемъ подъ самою Каширой, во сто съ чѣмъ-то душъ. Спустя нѣсколько дней послѣ этого событія, вѣрный мой охранитель, кондитеръ Радзиковскій, предостерегъ меня, что кто-то изъ прежнихъ моихъ кредиторовъ, пронюхавъ, что я въ Москвѣ, представилъ кормовыя деньги, для задержанія моей личности, вслѣдствіе чего я, по приглашенію Дивова, принужденъ былъ (какъ въ концѣ 1839 года), искать зимняго безопаснаго убѣжища на его подмосковной фермѣ Зенинѣ, гдѣ я пробылъ около двухъ (кажется) недѣль, пока миновала опасность быть арестованнымъ. Не скажу, чтобы я скучалъ въ Зенинѣ, потому что меня занимали тамъ роскошныя оранжереи и теплицы, коими завѣдывалъ искусный Нѣмецъ Винклеръ, привезенный Дивовымъ изъ Германіи нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ [2]), да и Николай Андріяновичъ часто меня тамъ навѣщалъ, и вдобавокъ я снова принялся за акварельную живопись. По возвращеніи въ Москву, я воспользовался дружескимъ приглашеніемъ Степана Сергѣевича Ланского поселиться въ собственномъ его домѣ, въ Грузинахъ, близъ Прѣсненской заставы. А выстроилъ онъ тогда этотъ пространный и даже роскошный домъ на землѣ, уступленной (кажется) ему вѣдомствомъ императорскаго коннозаводства; да и сама мѣстность, на краю города, въ пустыряхъ, была сподручна Ланскому по близости къ загородному гипподрому, а у него былъ въ то время небольшой заводъ Англійскихъ чистокровныхъ скаковыхъ лошадей. Спортсменство это, съ выписнымъ

[1]) Оставшись вдовою, княгиня Р. И. Максютова поступила ко двору великаго князя Константина Николаевича, въ качествѣ воспитательницы великихъ княженъ, а позднѣе вышла за К. Н. Посьета.

[2]) Отъ Дивовыхъ Винклеръ поступилъ къ богачу, Орловскому помѣщику Кирѣевскому, псовому охотнику и любителю садоводства.

изъ Англіи жокеемъ, да и громадный домъ, съ пристроенными къ нему конюшнями, сдѣлались, однакоже, слишкомъ накладны для хозяина (дѣла Ланскихъ были уже прежде разстроены), и послѣ 1852 года домъ былъ проданъ, съ немалымъ, вѣроятно, убыткомъ, а заводъ уничтоженъ.

Во время моего пребыванія въ Москвѣ, умеръ князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ, въ домѣ княгини Голицыной (рожд. графини Кутайсовой), на Большой Никитской, куда онъ переселился съ тѣхъ поръ, какъ на его мѣсто поступилъ графъ Закревскій, наполнившій терроромъ смиренную нашу бѣлокаменную. Князь Щербатовъ былъ отличный, можно сказать, человѣкъ въ частной жизни и въ свое время (въ 1812 году) доблестный воинъ, но не рожденъ былъ для гражданскаго, административнаго поприща и не имѣлъ никакого (повидимому) вѣса въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Однажды, когда я зашелъ по моему какому-то дѣлу въ нашу канцелярію (я уже сказалъ, что до 1848 года я числился въ штатѣ канцеляріи Московскаго военнаго ген.-губернатора), правитель оной, д. с. совѣтникъ Павелъ Ѳедоровичъ Степановъ разсказывалъ кому-то при мнѣ, что тогдашній министръ, графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій прислалъ одного изъ своихъ чиновниковъ обревизовать генералъ-губернаторскую канцелярію, и что когда П. Ѳ. Степановъ доложилъ о семъ князю Щербатову, то послѣдній выразилъ свое удивленіе, что ему объ этомъ ничего не писали изъ Петербурга. Помнится мнѣ, что я тутъ не вытерпѣлъ не сказать, почти со слезами на глазахъ, Степанову: «Припомните, в. п., могло ли бы подобное случиться при покойномъ князѣ Дмитріѣ Владимировичѣ!»

Нерѣдко видался я съ моимъ сосѣдомъ по Костромскому имѣнію, Сергѣемъ Никаноровичемъ Кетовымъ, перешедшимъ изъ Петербургскаго въ Московскій университетъ. Однимъ изъ его товарищей былъ Унковскій, помѣщикъ Тверской губерніи, безпечный и лѣнивый студентъ и никакъ не предвѣщавшій, что изъ него выйдетъ юристъ и адвокатъ нашей меньшей братіи, прославившійся эманципаторскимъ своимъ проектомъ не задолго до манифеста 19 Февраля 1861 года, и какъ защитникъ и руководитель крестьянскій, при составленіи уставныхъ грамотъ. Студентомъ онъ рѣдко бывалъ на лекціяхъ, валялся цѣлое утро на постели, съ папироскою въ зубахъ, и повѣсничалъ на Тверскомъ бульварѣ. Растянется тамъ, бывало, на скамьѣ и когда пройдетъ мимо какое-нибудь смазливое женское личико, приподнимется и пѣвучимъ голосомъ воскликнетъ: «ахъ, какая хорошенькая», и сейчасъ же притворится спящимъ; а удивленная красавица остановится и тщетно оглядывается, съ какой стороны и чей былъ голосъ, отпу-

ствившій ей подобный комплиментъ. Но когда подходила горячая пора экзаменовъ, студентъ нашъ перехватывалъ тетради своихъ товарищей, запирался у себя на нѣсколько дней и всегда получалъ лучшіе балы на экзаменахъ.

Возвращаясь домой къ именинамъ моей Анетины, 24-го Февраля, я дорогой такъ прозябъ, что остановился переночевать на послѣдней станціи передъ Серпуховымъ. Рано утромъ было 24 или 25 градусовъ мороза, вещь неслыханная въ концѣ Февраля.

Этою же весною рушилось окончательно мое состояніе переходомъ всего моего имѣнія въ вѣдомство Министерства Государственныхъ Имуществъ. Дѣло было такъ. Съ самаго 1847 года имѣніе продавалось по два раза въ годъ въ Костромскомъ Губернскомъ Правленіи съ публичнаго торга; но желающихъ купить его не находилось, потому, быть можетъ, что масса частныхъ долговъ была слишкомъ несоразмѣрна со стоимостію имѣнія; да и кромѣ того была еще значительная весьма недоимка въ Московскую Сохранную Казну, съ накопившимися процентами отъ просрочекъ (всего почти до 150 тыс. рубл. сер.), и конечно въ случаѣ покупки кѣмъ нибудь моего имѣнія, всѣ отъ него доходы имѣли бы поступать первоначально на ликвидацію этой страшной процентной недоимки, и потому новому владѣльцу имѣнія не пришлось бы въ теченіе многихъ лѣтъ выручать ни единой копѣйки въ свою пользу. Да и Московскій Опекунскій Совѣтъ (то есть чиновники, служившіе тамъ) сильно побаивались подвергнуться отвѣтственности за подобное съ ихъ стороны упущеніе, еслибы состоялась публичная съ молотка продажа моего имѣнія. Крестьяне мои обратились тогда ко мнѣ съ просьбою, не противно ли будетъ мнѣ, если, во избѣжаніе ихъ опасности попасть въ руки новаго владѣльца (тогда какъ они какъ бы гордились, что въ теченіе почти что столѣтія принадлежали роду графовъ Бутурлиныхъ и притѣсненій никакихъ не вызывали), они обратятся къ царю съ прошеніемъ перейти въ вѣдомство казенныхъ крестьянъ. Такъ какъ я видѣлъ, что не было никакой возможности удержать за собою мое имѣніе, то увѣдомилъ моихъ добрыхъ крестьянъ, что препятствій съ моей стороны никакихъ не будетъ въ этомъ дѣлѣ, вслѣдствіе чего они и подали коллективное въ этомъ смыслѣ прошеніе на высочайшее имя. Тогдашній министръ государствен. имуществъ, графъ П. Д. Киселевъ отнесся въ Московскій Опекунскій Совѣтъ съ вопросомъ, согласенъ ли онъ на переходъ моего имѣнія въ вѣдомство его министерства, помимо всякихъ торговъ и съ принятіемъ министерствомъ на себя всей старой процентной недоимки, лежавшей на

моемъ имѣніи. Ничего не могло быть сподручнѣе Опекунскому Совѣту какъ подобная негласная операція, которая избавляла его отъ дальнѣйшей отвѣтственности, при поручительствѣ самого министерства, и потому Опекунскій Совѣтъ далъ свое согласіе. Таковъ былъ оборотъ этого дѣла, не выгодный все-таки для меня въ томъ отношеніи, что частные мои долги остались на моей шеѣ, и личность моя ничѣмъ не была обезпечена отъ ареста до 1853 года, когда, наконецъ, при немалыхъ хлопотахъ И. А. Кавецкаго (его благодарили за то изъ Флоренціи), Московскій Надворный Судъ, въ коемъ разбирались мои и Леона долги, призналъ меня несостоятельнымъ по причинамъ отъ меня независящимъ (т. е. несчастнымъ банкротомъ), и съ того времени я началъ расхаживать по Божьему свѣту безъ всякой опаски. Я уже говорилъ, что Диковъ взошелъ было зимою съ 1848 на 1849 годъ въ переговоры съ милліонеромъ Н. А. Бутурлинымъ о томъ, не согласится ли онъ купить мое имѣніе съ торговъ и скупить всѣ мои частные долги (за которые кредиторы съ радостію взяли бы, пожалуй, по 30 коп. за рубль, а быть можетъ и еще менѣе); но весь этотъ планъ мгновенно рушился отъ перехода канцелярскимъ порядкомъ моего имѣнія въ казну.

Въ то время какъ я получилъ это роковое извѣстіе, жена моя гостила (съ начала лѣта) съ обоими нашими дѣтьми въ Зенинѣ, а я оставался въ Знаменскомъ, вдвоемъ съ тещею, и сердобольная старушка старалась, на сколько могла, ободрять меня. Въ чемъ другомъ могли быть у нея нравственные недостатки, но сердце было у нея горячее къ страждущему человѣчеству, и потому крестьяне крѣпко ее любили. Невозможно было мнѣ теперь содержаться съ семействомъ на доходы одного Знаменскаго, но бѣдствовалъ я не болѣе полугода. Безпримѣрный мой братъ назначилъ мнѣ годовой пенсіонъ въ 1800 рублей сер., коимъ я пользовался до 1855 года, а позднѣе Дивовъ выплачивалъ мнѣ проценты съ капитала въ 8000 рубл. сер., даннаго ему взаймы матерью моею. Капиталъ этотъ по кончинѣ ея (въ концѣ 1854 года) перешелъ ко мнѣ, вслѣдствіе ея духовнаго завѣщанія.

Въ срединѣ 1849 г. Николай Адріяновичъ ѣздилъ въ свое Каширское имѣніе (то самое, что̀ онъ вскорѣ послѣ сего передалъ Зинаидѣ Николаевнѣ Колесовой) и оттуда къ посреднику полюбовнаго размежеванія того уѣзда, нѣкоему г. Сумарову, замѣчательному мѣстному садоводу *), по какому-то дѣлу, и хотя Таруса не была ему по пути,

*) Дивовъ тогда прислалъ ко мнѣ отъ этого г. Сумарова полтораста или двѣсти корней яблонь, изъ коихъ были три акклиматизованныхъ Русскихъ ранетовъ.

но крюкъ былъ небольшой, и Дивовъ заѣхалъ къ намъ въ Знаменское дня на два или на три, со своимъ братомъ Александромъ Адріановичемъ, только что съ трудомъ вырвавшимся изъ средней Германіи, гдѣ царствовала тогда анархія. Александръ Адріановичъ предъидущимъ лѣтомъ находился въ Дрезденѣ во время разгара тамошней революціи, въ коей впервыя подвизался нашъ неугомонный агитаторъ-соціалистъ Бакунинъ, дѣйствовавшій (кажется) тогда заодно съ пресловутымъ своимъ собратомъ Полякомъ Мирославскимъ.

Куріозна была отчасти встрѣча Александра Адріановича съ моею тещей, послѣ почти что сорокалѣтней разлуки. Онъ былъ какъ бы пораженъ перемѣною происшедшею въ бѣлокурой и когда-то ѳѳирной Генріеттѣ *), и все припоминалъ о «son joli petit nez en l'air»; да и Елисавета Ивановна конечно не узнала бы въ немъ того юношу, котораго она оставила въ первомъ десятилѣтіи настоящаго вѣка подъ наставничествомъ Французскаго аббата.

Николай Адріановичъ сообщилъ намъ, что по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Варшавы, съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ сдѣлался ударъ во время тамошнихъ маневровъ и что его положеніе безнадежно. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ отъѣзда Дивовыхъ изъ Знаменскаго получено было извѣстіе о кончинѣ великаго князя. Николай Адріановичъ глубоко чтилъ царскаго брата, оказывавшаго ему постоянно милостивое вниманіе, и надъ прекраснымъ пояснымъ портретомъ его (кисти знаменитаго Англичанина Доу), находящимся и по нынѣ въ Городищѣ, Дивовъ поставилъ подпись «Мой благодѣтель.»

Еще весною, до пріѣзда къ намъ Дивовыхъ, гостила въ Знаменскомъ, у Нарышкиныхъ, Анна Сергѣевна Цурикова (сестра жены моего шурина), только что вернувшаяся изъ-за границы, куда она ѣздила съ Сусанною Александровною Мертваго и ея мужемъ. Анна Сергѣевна разсказывала намъ многое любопытнаго и между прочимъ о томъ, что тогдашній Прусскій король Фридрихъ, заложивъ, быть можетъ, черезъ чуръ за галстухъ, заявилъ съ балкона своего дворца собравшейся на площади Берлинской толпѣ, что онъ непремѣнно намѣревается возстановить Польшу. Вся Германія была тогда въ броженіи. Нѣмцы придумали было какую-то Германскую псевдо-имперію, во главѣ которой былъ поставленъ *викаріемъ* эрцъ-герцогъ Іоаннъ, женатый будто-бы на Тирольской прачкѣ, съ коею онъ, какъ нѣжный мужъ, не разставался во

---

*) Первоначальное имя тещи моей до принятія ею въ дѣтствѣ православія было Генріетта, каковымъ ее продолжали называть у насъ въ семействѣ.

время его обзоровъ имперіи; но эта псевдо-имперія со своимъ войскомъ и флотомъ оказалась мертво-рожденною и осуществилась только въ ораторскихъ рѣчахъ и на бумагѣ, а имперскій викарій не замедлилъ впасть въ забвеніе.

Вспыхнула тогда Австро-венгерская война, въ которой принялъ участіе Русскій Государь, для освобожденія Вѣны и всей Австрійской имперіи отъ осаждавшихъ столицу Венгерскихъ войскъ и возстановленія тамъ прежняго порядка. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ рѣшился на эту мѣру какъ неуклонный представитель легитимизма, уже нарушеннаго Французскими революціями 1830 и 1848 годовъ; но по моему мнѣнію, онъ правильно понялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ что, если онъ не пресѣчетъ главы анархической гидры въ Австріи, то чудовище это не замедлитъ взбаламутить Царство Польское. Всѣмъ извѣстно, чѣмъ отплатила ему Австрія за свое спасеніе пять лѣтъ позднѣе, во время Молдаво-Крымской войны. Неумѣстно здѣсь входить въ подробности Венгерской кампаніи, но скажу лишь, что разбитыя Русскими Венгерскія войска, предводительствуемыя Гёргіемъ, сдались не Австрійскому правительству, а Русскому царю, уповая вполнѣ на его великодушіе; а также отмѣчу, что во время этой войны впервыя пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность тотъ, кому суждено было играть блистательную роль при осадѣ Севастополя. Это былъ Хрулевъ, тогда еще полковникъ. Случай, по которому имя его попало въ газеты, можно назвать фанфаронствомъ. Командуя тогда летучимъ отрядомъ (если не ошибаюсь), онъ, вѣроятно по неосторожности, отдѣлился слишкомъ далеко отъ нашей главной арміи и увидѣлъ себя безвыходно окруженнымъ непріятельскими войсками, но сдаться не хотѣлось, и онъ придумалъ слѣдующую штуку. Предшествуемый парламентерскимъ флагомъ, онъ отправляется къ Венгерскимъ аванпостамъ съ просьбою, чтобы его отвели къ ихъ генералу Гёргію. Желаніе его было исполнено. Тогда онъ заявляетъ Венгерскому главнокомандующему, что онъ составляетъ передовой отрядъ Русскихъ силъ, которыя всѣ стягиваются-де въ полномъ составѣ и вскорѣ окружатъ со всѣхъ сторонъ Венгерскія войска, а потому предлагаетъ ихъ вождю добровольно сдаться на капитуляцію и тѣмъ избѣгнуть безполезнаго съ обѣихъ сторонъ кровопролитія. Венгерецъ однакоже сразу смекнулъ, въ чемъ дѣло и, похваливъ отвагу Русскаго офицера, не только не задержалъ его, но на прощаніе подарилъ на память пару пистолетовъ. Если, какъ помнится мнѣ, Хрулевъ успѣлъ благополучно примкнуть съ своими къ нашей главной арміи, то, быть можетъ, и эта любезность Венгерскаго генерала была также послѣдствіемъ его уваженія къ личности этого офицера.

При самомъ началѣ этой войны [1]), стоявшая въ Тарусѣ артиллерійская батарея выступила въ Венгрію, подъ временною командою хорошаго нашего знакомаго Алексѣя Васильевича Зимнинскаго.

Шуринъ мой Нарышкинъ переѣхалъ лѣтомъ со всею семьею изъ Знаменскаго въ Москву, гдѣ онъ получилъ мѣсто съ значительнымъ весьма окладомъ при Московскомъ винномъ откупѣ. Добрый нашъ другъ Тридонъ купилъ весною этого года домъ съ большимъ садомъ въ Тарусѣ, принялся поправлять и перестраивать все строеніе, уже ветхое, и издержалъ на покупку и перестройку почти что половину всего своего капитала, состоявшаго тысячъ изъ 9 рублей сер. [2]). Имѣть свою, хоть маленькую, недвижимую собственность, было давнѣйшею его мечтою, и онъ одно время чуть не купилъ на чужое имя подгородную (около Тарусы) деревню, Сутормино, около 20 душъ съ водяною мельницею на р. Тарусѣ, принадлежавшую Петру Павловичу Свиньину. На свое имя онъ не могъ ее купить, такъ какъ владѣть крестьянами могли лишь дворяне. У него уже тогда запала въ душу мысль (какъ оказалось впослѣдствіи) жениться на нашей Юліи Ивановнѣ; но рѣшеніе это тогда никому изъ насъ не было еще извѣстно, а ухаживанію его за гувернанткой нашей дочери мы не придавали никакого значенія, зная его влюбчивость не по лѣтамъ.

Въ началѣ осени я поѣхалъ къ Дивову, въ Городище, гдѣ и пробылъ до конца Октября, когда Николай Адріяновичъ отправился на зиму въ Москву, а я обратно въ Знаменское. Мужское наше общество въ Городищѣ оживлялось присутствіемъ Француза Дюкрô (настоящаго («boute-en-train»), завѣдывавшаго тамошними постройками. Дивовъ называлъ наше общество, состоявшее изъ шести мужчинъ (онъ, его братъ Александръ Адріяновичъ, докторъ Бестъ, Дюкро, карликъ Филя и я), монашескою братіею, а себя величалъ настоятелемъ. Да и дѣйствительно, нашъ образъ жизни, при отсутствіи женскаго пола, а равно и господскій домъ, обнесенный каменною оградою, походили на обительскій, за исключеніемъ впрочемъ гастрономической нашей трапезы,

---

[1]) Я слышалъ, что, по возвращеніи фельдмаршала князя Паскевича въ Петербургъ, Государь, сдѣлавшій въ его честь парадъ, сталъ будто-бы во главѣ проходившихъ церемоніальнымъ маршемъ колоннъ и, поровнявшись съ фельдмаршаломъ, отдѣлился и подъѣхалъ къ Паскевичу съ рапортомъ, какъ бы подчиненный, и что прослезившійся старикъ снялъ обѣими руками свою каску и, поклонившись царю, будто-бы сказалъ: „О Государь! Это уже черезъчуръ много милостей"! За вѣрность этого, впрочемъ, не ручаюсь.

[2]) Когда теща моя заложила Знаменское въ полномъ его составѣ въ Опекунскій Совѣтъ, по случаю моей женитьбы на ея дочери, то сразу выдала Осипу Августиновичу Тридову все, чтô слѣдовало за воспитаніе моего шурина, т. е. около 30 тыс. рублей на ассигнаціи, или безъ малаго 9 тыс. руб. сер.

находившейся подъ вѣдѣніемъ крѣпостнаго метръ-д'отеля, Дороѳея Дмитріева Круглова, усовершенствовавшагося въ кулинарномъ искусствѣ въ Парижѣ, на кухнѣ самого Гизо, тогдашняго перваго министра короля Людовика Филиппа [1]). Изъ сосѣдей чаще прочихъ навѣщали Дивова двое: Алексѣй Аѳанасьевичъ Ракитинъ и небогатый помѣщикъ Дмитрій Николаевичъ Апраксинъ, да изрѣдка Иванъ Александровичъ Лихонинъ, только что наслѣдовавшій сельцо Глѣбово (въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ отъ Городища), послѣ умершей весною того 1849 года своей родственницы, Натальи Петровны Дубовицкой.

Первыхъ двухъ только лицъ слѣдуетъ описать; а Москвичъ И. А. Лихонинъ—личность дюжинная, посѣдѣвшая и почти что ослѣпшая въ почтовой бюрократіи чуть ли не до превосходительнаго чина.

Алексѣй Аѳанасьевичъ Ракитинъ почти что безвыѣздно проживалъ въ своемъ сельцѣ Кареевѣ, отстоящемъ въ 4 или 5 верстахъ отъ Городища. Имѣніе его было около 150 душъ, и никакого другого онъ, опричь этого, не имѣлъ; но Кареево было и есть по сю пору [2]) золотое дно, какъ по качеству и порядочному количеству черноземной почвы, такъ и по раціональному управленію этимъ имѣніемъ, съ коего получалось до трехъ тысячъ съ чѣмъ-то руб. сер. дохода. Господской тамъ запашки не было (какъ предполагаю) болѣе 50 или 60 десятинъ въ полѣ; но, при незатѣйливомъ и небольшомъ конномъ заводцѣ, поля сильно удобривались, и урожаи были баснословны. Иныя десятины яроваго хлѣба (въ томъ числѣ яровая пшеница) давали болѣе 20 четвертей зерномъ. (Этотъ зерновой расчетъ въ употребленіи у Рязанскихъ помѣщиковъ гораздо толковитѣе, нежели считать, какъ водится въ старомъ хозяйствѣ, копнами; хотя и принято, что 52 снопа составляютъ одну копну, но вѣдь вязь снопа не вездѣ одинаковая). Система хозяйства была у А. А. Ракитина патріархальная, трехпольная, безъ всякихъ теоретическихъ нововведеній заграничной агрономіи,

---

[1]) Дивовъ въ этомъ случаѣ соперничалъ съ извѣстнымъ Московскимъ гастрономомъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ Рахмановымъ, который также отправилъ въ Парижъ своего крѣпостного повара для усовершенствованія въ кулинарной наукѣ, но опредѣлилъ онъ своего повара на кухню самого короля Людовика-Филиппа. Какъ бы то ни было, но возвращеніе этихъ двухъ крѣпостныхъ людей въ Россію, къ своимъ господамъ (тогда какъ, оставаясь за границею, они считались вольными) говоритъ въ пользу обоихъ этихъ людей и доказываетъ, что при всей строгости управленія Дивова, онъ не былъ жестокъ съ своими людьми и щедро ихъ награждалъ за хорошую ихъ службу. Насильственными мѣрами возвратить этихъ людей въ Россію не было бы никакой возможности, такъ какъ выдаются одни преступники, да и то неполитическіе.

[2]) По смерти А. А. Ракитина Дивовъ купилъ это имѣніе у его вдовы Анны Петровны, не на наличныя деньги, но съ переводомъ долга въ Сохранную Казну и съ обязательствомъ платить Аннѣ Петровнѣ ежегодно по 1900 руб. сер.

хоть бы Тэра или подобныхъ ему авторитетовъ, о коихъ рутинистъ нашъ и слышать не хотѣлъ, такъ же какъ и о плодоперемѣнной системѣ посѣвовъ. Старо-русскій деревенскій практикъ говаривалъ о себѣ, что онъ рожь молотитъ на обухѣ. Да и заводецъ его былъ ему не въ въ накладъ. Лошадей разводилъ онъ упряжныхъ, но не рысистыхъ, хотя былъ у него одинъ кровный жеребецъ-производитель, и весь табунъ пасся въ лѣтнее время на лугахъ и на пару, а зимой содержался въ плетневыхъ (кажется) сараяхъ, вымазанныхъ глиною. Двое или много трое Филекъ или Трошекъ въ сѣрыхъ зипунахъ приставлены были къ заводу, и ничего подобнаго выводному манежу (какъ у заводчиковъ высшей руки) не было. Продажная цѣна лошадямъ была, сколько помнится мнѣ, отъ 100 до 200 рублей (да пожалуй иногда и ниже 100 рублей), а непроданныя лошади оставались для господскаго обихода.

А. А. Ракитину было въ описываемое мною время 60 съ чѣмъ-то лѣтъ. Это былъ низенькій, плотный съ брюшкомъ, чопорный старичекъ, съ быстрымъ взглядомъ, безпрерывно переходившимъ съ одного предмета на другой, съ коротенькими подъ гребешокъ волосами, съ живыми отрывистыми движеніями и непосѣдчивостью. Одѣвался онъ всегда изящно, но согласно съ своимъ возрастомъ; а что̀ до бѣлья, оно было изъ лучшаго Голандскаго полотна и безукоризненной бѣлизны. Начитанности въ немъ никакой не было, и когда я познакомился съ нимъ, то онъ, кромѣ газетъ, никакой, кажется, книги не раскрывалъ и Французскаго языка вовсе не зналъ; но быстрый его умъ, острота слова (языкъ былъ бритва) и мѣткость его сужденій и замѣчаній замѣняли въ немъ всякую начитанность. Никогда онъ не скрывалъ своего образа мыслей и всякому говорилъ въ глаза всю правду, частенько колкую, не стѣснялся присутствіемъ кого бы то ни было, и бесѣда его всегда была весьма забавна. Но при всей свѣтской своей любезности, старикъ держалъ свою жену (почти что молодую въ сравненіи съ нимъ) въ *решпектѣ* и всѣмъ домашнимъ даже хозяйствомъ распоряжался самъ. И сколько онъ ни старался отвлечь Николая Адріановича (истинно почитавшаго Алексѣя Аѳанасьевича) отъ основанія въ большихъ размѣрахъ завода дорогихъ рысистыхъ лошадей (что̀ причинило ему впослѣдствіи болѣе 100 тыс. рубл. убытку), но тщетно. «Николай Адріановичъ», говаривалъ онъ, «вы думаете, по благородному вашему характеру, вести дѣло честно, на прямикъ; но я вамъ говорю, что безъ барышническаго обмана невозможно обойтись; а вы къ тому неспособны». Но куда! Кузе́нъ мой закусилъ тогда удила, спалъ и бредилъ только чистокровными рысистыми жеребцами.

(Летуны, Волшебники, Чародѣи, Кроликъ 1-ый, Кроликъ 2-ы и пр. и пр.) и, рысистыми матками (Молва, Защита, Каира, Непобѣдимая). Была однажды у Алексѣя Аѳанасьевича какая-то лошаденка, которую онъ съ рукъ не могъ спустить и, встрѣтившись въ Городищѣ съ однимъ знакомымъ ему изъ крупныхъ коннозаводчиковъ, который возилъ своихъ лошадей на продажу въ Петербургъ, онъ при всѣхъ насъ отнесся къ нему со слѣдующими словами: «Сдѣлай милость, братецъ, возми мою кляченку; въ цѣнѣ мы съ тобою сойдемся послѣ, у меня вѣдь она застрянетъ на рукахъ, а у тебя, какая бы она ни была, съ рукъ сойдетъ». Откровенность эта всѣхъ насъ позабавила немало; но тотъ, къ коему она относилась, не осерчалъ: онъ былъ вполнѣ» un bon enfant и давній пріятель стараго остряка.

Забавенъ былъ также Ракитинъ своимъ невѣріемъ въ медицину. Никогда не хотѣлъ онъ лѣчиться, хотя тогда уже страдалъ по временамъ астмою и разлитіемъ желчи, кончившимся водяной, чтó и причинило внезапную его кончину. Когда Николай Адріяновичъ упрашивалъ, бывало, его начать курсъ какихъ нибудь водъ, то онъ отвѣчалъ: «Ключевой воды, это пожалуй можно, но никакихъ изъ вашихъ искусственныхъ». Онъ разсказывалъ, что во время первой холеры онъ заболѣлъ этою эпидеміею и что, не взирая на просьбы его окружавшихъ и Рязанскаго знакомаго ему врача, онъ никакихъ средствъ не предпринялъ и все-таки выздоровѣлъ и вслѣдъ за тѣмъ отправился въ неотдаленный отъ Кареева Николорадовицкій монастырь (за Окою, уже въ Егорьевскомъ уѣздѣ), гдѣ, помолившись Мирликійскому чудотворцу, далъ ему слѣдующій обѣтъ: «Святитель Никола, накажи, порази меня чѣмъ тебѣ будетъ угодно, если я въ продолженіи всей своей жизни стану когда нибудь лѣчиться отъ какихъ бы то ни было недуговъ». «Такъ видите сами», говорилъ онъ въ заключеніе, «не возможно же мнѣ нарушить моего обѣщанія». Однажды, у И. А. Лихонина было какое-то дѣло о подтопѣ его мельницы сосѣднею, и онъ пріѣхалъ посовѣтоваться по этому предмету съ Николаемъ Адріяновичемъ. Ему тутъ необходимо было, для правильнаго возстановленія граней, содѣйствіе Рязанскаго уѣзда исправника, съ коимъ Дивовъ былъ не очень знакомъ, такъ какъ Городище Зарайскаго, а не Рязанскаго уѣзда. Дивовъ обратился къ находившемуся при этомъ Алексѣю Аѳанасьевичу съ вопросомъ (какъ къ старожилу): какъ его мнѣніе, приметъ-ли исправникъ денежную благодарность отъ общаго ихъ сосѣда г. Лихонина. «Долженъ бы взять», отвѣчалъ острякъ, «а тамъ Христосъ его знаетъ, падокъ ли онъ на деньги или нѣтъ». А на мой вопросъ, почему же онъ *долженъ* непремѣнно взять, Ракитинъ пояснилъ: «А

коли не береть, такъ на кой чортъ онъ лѣзетъ въ исправники!» Онъ разсказывалъ намъ, что когда одинъ изъ его родственниковъ былъ только что назначенъ куда-то въ губернаторы, Алексѣй Аѳанасьевичъ первымъ наставленіемъ далъ ему совѣтъ: «ты смотри, черезчуръ глубоко не запускай руки въ карманы».

Анна Петровна была лѣтъ на пятнадцать, или немного болѣе, моложе своего мужа и, когда я съ нею познакомился, она сохранила слѣды прежней красоты (восточнаго типа); дѣтей у нихъ никогда не было. Ежегодно послѣ святокъ супруги Ракитины ѣзжали мѣсяца на два въ Москву, гдѣ Алексѣй Аѳанасьевичъ постоянно велъ въ клубѣ довольно значительную игру въ палки; но игралъ онъ съ толкомъ. Проиграеть, и сей часъ забастуеть, а когда повезеть, то не остановится. Такимъ образомъ почти всегда выходило, что къ концу игральнаго своего сезона онъ оставался въ выигрышѣ, иногда по нѣскольку тысячъ рублей. За симъ онъ спѣшилъ уѣхать обратно въ деревню, а ежели й оставался на нѣкоторое еще время въ Москвѣ, то уже денегъ этихъ не проигрывалъ. Останавливались Ракитины постоянно въ одномъ изъ дорогихъ и лучшихъ отелей, «Франція, на углу Петровки и Кузнецкаго моста. Изящно жить онъ любилъ и умѣлъ, а отъ жены требовалъ, чтобы она не пренебрегала отнюдь своимъ туалетомъ, на что̀ денегъ не жалѣлъ. На выигрышныя деньги онъ сейчасъ покупалъ годовой запасъ тонкихъ винъ (отъ Ф. И. Депре), также большой запасъ всякихъ рыбъ, сыровъ и прочихъ закусокъ, да и подчасъ еще кое-что къ серебряному своему сервизу и къ фарфоровой посудѣ; всего этого было у него вдоволь и перваго разбора, а деревенскій его домъ былъ, какъ есть, полная чаша всего. Поваръ былъ свой, крѣпостной, но выученикъ (кажется) Московскаго Англійскаго клуба, бывшаго тогда въ славѣ, и самъ Дивовъ, спеціалистъ по этой части, похвально всегда отзывался о Ракитинскомъ кулинарномъ артистѣ. Прислуги (мужской) у Ракитиныхъ было два человѣка: камердинеръ барина и оффиціантъ; но люди эти были также хорошо одѣты и ловки (и, главное, не пьяницы), какъ бы въ любомъ аристократическомъ, столичномъ домѣ; да и весь Кареевскій господскій домикъ содержался съ педантическою Нѣмецкою чистотою и опрятностію. Глядя на всю житейскую обстановку Ракитиныхъ, трудно было повѣрить, что у нихъ было всего-навсего три тысячи съ чѣмъ-то рублей сер. годоваго дохода. Вотъ что́ зовется умѣньемъ жить.

Въ вышеупомянутомъ сельцѣ Глѣбовѣ, бо́льшая часть котораго принадлежала Н. П. Дубовицкой (а послѣ нея Лихонинымъ), была также усадьба небогатыхъ сестеръ-дѣвицъ (не первой уже молодости) На-

тальи и Варвары Николаевны Ляпуновыхъ, изъ рода доблестнаго Рязанскаго воеводы Прокопія Ляпунова, убитаго казаками въ Смутное время. Отца ихъ звали Николаемъ Ампліевичемъ, а мать была родная сестра Алексѣя Аѳанасьевича Ракитина. Изъ другихъ его сестеръ одна была замужемъ за Норовымъ, отцемъ Петра и Ильи Дмитріевичей *), а другая за Бабинымъ, отцемъ недавно умершаго Ивана Александровича, получившаго извѣстность своею улучшенною породой рогатаго скота и много дѣйствовавшаго по части скотоводства въ Россіи. У Николая Ампліевича Ляпунова былъ братъ Иванъ Ампліевичъ (ни того, ни другого я уже не засталъ), сыновья коего, хотя владѣли не весьма большою деревней Батуринымъ, смежною съ Городищемъ, но поселились въ другомъ своемъ имѣніи, Калужской губерніи, въ Медынскомъ уѣздѣ.

А. А. Ракитинъ состоялъ въ какомъ-то дальнемъ родствѣ съ Новосильцевыми и съ княгиней Маріею Петровною Волконской чрезъ Савиныхъ; а Ляпуновы были въ родствѣ съ княгиней Маріею Семеновною Черкасской по Аладьинымъ. Княгиня Марія Семеновна и Наталья Петровна Дубовицкая были двоюродными или троюродными сестрами и говорили другъ другу «ma cousine».

Другой, ближній сосѣдъ Дивова и частый его гость, былъ холостякъ, среднихъ лѣтъ, мнѣ ровесникъ, Дмитрій Николаевичъ Апраксинъ. Состояніе его заключалось въ небольшомъ сельцѣ Горяинцовѣ и въ маленькомъ имѣніи около Коломны, а всего было у него около 60 или 70 душъ, но почва въ Горяинцовѣ была почти что черноземная. Жилъ онъ безвыѣздно въ Горяинцовѣ (и теперь продолжаетъ жить тамъ), и единственною его страстью была псовая охота. Правда, что при крѣпостномъ правѣ подобная потѣха была не накладна: доѣзжачіе и конюхи не получали жалованья и содержались мѣсячиною, какъ и вся дворня, а на лошадей, на гончихъ и на борзыхъ собакъ доставало съ излишкомъ своего овса отъ барщинской безплатной работы. Д. Н. Апраксинъ служилъ въ первой своей молодости въ армейскихъ гусарахъ, но недолго и поселился въ деревнѣ; кромѣ псовой охоты, былъ онъ отчасти и музыкантомъ и въ досужее время игралъ партицію первой скрипки въ своемъ квартетѣ изъ дворовыхъ людей. Склонный къ уединенію и по лѣнивой, отчасти, своей натурѣ, онъ былъ только

*) Петръ Дмитріевичъ Норовъ дослужился по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ до дѣйств. статскаго совѣтника и былъ женатъ на Викулиной. Сынъ его Дмитрій Петровичъ женился на княжнѣ Волконской и былъ недавно Рязанскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а дочь Софья Петровна вышла за Саксонскаго барона Люцероде и вскорѣ овдовѣла. Она окончательно поселилась за границею.

шляпочно знакомъ съ помѣщиками своего Зарайскаго уѣзда, по выборамъ никогда не служилъ и въ свой губернскій городъ, верстахъ въ 30 отъ Горяинцова, ѣзжалъ лишь во время дворянскихъ выборовъ; въ своемъ уѣздномъ городѣ Зарайскѣ (въ 60 верстахъ отъ него) бывалъ только по дѣламъ, иногда черезъ 6 или 7 лѣтъ. Изъ всѣхъ своихъ сосѣдей онъ чаще ѣзжалъ только къ Дивову, А. А. Ракитину и къ Николаю Михайловичу Лихареву, усадьба коего, сельцо Орѣшково, была менѣе чѣмъ въ двухъ верстахъ отъ Горяинцова*). Натуру почтеннаго Д. Н. Апраксина (онъ еще живъ въ настоящее время) можно назвать смѣсью философа съ бирюкомъ. Она немного пуглива, но натура прямая, открытая и сердобольная: никогда онъ никому не кланялся и ничего не заискивалъ, и благородство его характера имѣло что-то рыцарское. Онъ не принадлежалъ ни къ какой особенной дворянской партіи, каковыя всегда волновали мѣстное общество по случаю выборовъ, и во избѣжаніе, вѣроятно, нарушенія своего внутренняго мира, онъ не балотировался ни въ какія должности. Отношенія его съ своими крестьянами и дворней были патріархально-отцовскія, не развращенныя крѣпостнымъ самовластіемъ. Маракуя кое-что по деревенской медицинѣ, онъ постоянно самъ лѣчилъ своихъ и даже сосѣднихъ крестьянъ и, по его словамъ, весьма удачно. Самъ претерпѣвая частенько нужду (кое-какіе должишки отъ былаго времени за нимъ еще оставались), никогда онъ не обременялъ своихъ крестьянъ, чтобы пожить ему на болѣе широкую ногу, и даже, когда кому-нибудь изъ его дворовыхъ выходило у богатыхъ людей мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ (а были у него отличные люди изъ дворовыхъ), онъ немедленно ихъ отпускалъ, съ назначеніемъ весьма умѣреннаго оброка. Это случилось разъ при мнѣ съ его камердинеромъ, преловкимъ въ услуженіи человѣкомъ, о которомъ я освѣдомился, когда узналъ, что онъ уже не находится при своемъ баринѣ. «Молодцу моему выходило хорошее мѣсто, болѣе много, чѣмъ я бы могъ ему платить», сказалъ онъ мнѣ, «такъ нельзя же было мнѣ, по совѣсти, препятствовать его выгодамъ». Много-ли можно было найти таковыхъ во время крѣпостнаго гнета? Чувство собственнаго достоинства доходило у него до утрировки. Такъ, напримѣръ, онъ однажды признался мнѣ, что, какъ бы ни было всегда ему пріятно бывать у радушнаго хозяина Городища, но что онъ воздерживается ѣздить туда слишкомъ часто, дабы не дать кому-нибудь повода подозрѣвать, что онъ чего-нибудь добивается у генерала Дивова, или хочетъ занять у него денегъ. Чтеніемъ онъ не занимался

*) Нынѣ умершій, Н. М. Лихаревъ былъ женатъ на княжнѣ Гагариной, дочери знаменитой актрисы Семеновой. Она была, вѣроятно, младшая дочь княгини Гагариной, ибо старшая была за Корніолинъ-Пинскимъ.

почти что никакимъ и въ этомъ отношеніи прозябалъ въ своемъ Горяинцовѣ, не зная, что̀ дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ. Была у него дочь съ лѣвой стороны и, при всей ограниченности житейскихъ его средствъ, онъ ничего не пожалѣлъ, чтобы доставить ей приличное современное образованіе, и немного позднѣе (въ 1852 году) онъ хорошо выдалъ ее замужъ, выдѣливъ ей, еще при своей жизни, почти что половину всего своего состоянія. Изъ нея вышла дѣльная вполнѣ барыня, съумѣвшая сама приготовить своихъ мальчиковъ къ поступленію въ учебное заведеніе. Былъ у него конный заводишко, конечно немудрый, снабжавшій его непокупными ѣзжалыми лошадьми, но въ этомъ отношеніи я былъ свидѣтелемъ небывалой почти вещи. У него была одна ѣзжаная тройка, которая никогда не ковалась и копыта у которой до того затвердѣли, что не трескались и не ломались, а отъ постоянной ѣзды только стирались. Что лошади эти не скользили никогда лѣтомъ и что оконечности копытъ были ровны и какъ будто бы подпилены, это я видѣлъ, а какъ бѣгали онѣ зимою по гололедицѣ, того я, правда, не видалъ; но хозяинъ ихъ увѣрялъ меня, что онѣ также свободно бѣгали по чистому льду, какъ будто бы съ острыми шипами, и я этому готовъ вѣрить, зная Дмитрія Николаевича за нелживаго человѣка и не хвастуна *).

Все, что̀ сказано было по сю пору объ основаніи Городищенскаго коннозаводства, относится не къ описываемому мною времени, а къ началу 1851 года. Въ 1849 году, о коемъ идетъ рѣчь, Дивовъ занимался исключительно преобразованіемъ Городищенской господской агрономіи и завелъ запашку по 160 или 170 десятинъ въ трехпольномъ хозяйствѣ, а дотолѣ крестьяне были на одномъ оброкѣ. Это была вещь дѣльная; но рядомъ съ нею были у почтеннаго моего кузе́на и фантазіи, не послѣднею изъ коихъ было копать со всѣхъ сторонъ широкія и глубокія канавы, съ высокимъ, на одной сторонѣ, валомъ, стоившія ему, въ общей сложности, нѣсколько тысячъ р. сер. Много денегъ было въ этомъ дѣлѣ убито понапрасну, потому что часто мѣнялись планы, и чрезъ годъ, а иногда мѣсяца чрезъ два, канавы эти снова сравнивались, валы снимались, и начиналась работа въ другомъ мѣстѣ. Вся мѣстность вокругъ господскаго дома была такимъ образомъ перерыта, и острякъ Ракитинъ жаловался, бывало, самому Дивову, что пріѣхавшему къ обѣду въ Городище по одной дорогѣ приходилось вечеромъ брать проводника, такъ какъ утренняя дорога была уже пе-

*) Братьевъ у Дм. Ник. Апраксина не было, а была только одна сестра, замужемъ въ Егорьевскомъ уѣздѣ, за г. Рославлевымъ; красавицу дочь ихъ я однажды видѣлъ на балѣ въ Коломнѣ, осенью 1853 года.

рерыта канавами. И действительно, это все дѣлалось почти что съ театральною быстротой. Однажды (позднѣе, когда я уже жилъ совсѣмъ въ Городищѣ), проѣзжая верхомъ по извѣстной мнѣ общей дорогѣ, идущей вокругъ всего огорода и отдѣляющей его отъ полей, я вдругъ увидѣлъ, что дорога перекопана канавою; лошадь у меня была тогда пущена на полныхъ рысяхъ, и остановить ее сразу было невозможно. Я съ нею полетѣлъ кубаремъ въ канаву. Ужъ честилъ же я тогда въ душѣ моего кузе́на; но могъ-ли я подозрѣвать подобную вещь, тогда, какъ, быть-можетъ, дня три или четыре передъ тѣмъ ѣздилъ безпрепятственно по этой дорогѣ, да и она же вела изъ Городища въ сельцо Глѣбково. Эти канавы съ валомъ повели позднѣе къ историческому даже недоразумѣнію. Нѣкій г. Диттель *), губернскій стряпчій (по казеннымъ или уголовнымъ дѣламъ, не упомню) въ Рязани, напечаталъ въ одномъ журналѣ (кажется, въ Архивѣ, издаваемомъ Н. В. Колычевымъ) статью о древностяхъ гор. Зарайска и его уѣзда, гдѣ, между прочимъ, сказа̀лъ, что въ имѣніи генерала Дивова видны по сю пору слѣды древнихъ укрѣпленій, а эти археологическіе памятники относятся къ періоду между 1849 и 1856 годами.

Но я увлекся и нарушилъ хронологическій порядокъ событій. Возвращаюсь къ зимѣ съ 1849 на 1850 годъ.

Въ Январѣ, или въ началѣ Февраля, мы узнали въ Знаменскомъ о звѣрскомъ убійствѣ въ Москвѣ княгини Вѣры Дмитріевны Голицыной нѣкіимъ Зыковымъ. Извѣстіе это до того поразило беременную тогда мою жену, что она разрѣшилась преждевременно младенцемъ мужскаго пола, коего не успѣли даже и окрестить. Кровавую драму, жертвою коей сдѣлалась лѣтняя наша сосѣдка (Голицыны проводили почти что постоянно конецъ лѣта и всю осень въ своемъ имѣніи, с. Роцѣ, Тарускаго уѣзда) я постараюсь изложить безпристрастно и въ томъ видѣ, какъ я составилъ себѣ понятіе объ этомъ происшествіи изъ источниковъ, заслуживающихъ довѣрія, а не по Московскимъ тогдашнимъ сплетнямъ. Зыковъ былъ молодой человѣкъ изъ дворянскаго роду, но безъ состоянія; собою (какъ говорятъ) красивъ, но, мнѣ кажется, сбивался на искателя приключеній или пройдоху. Служилъ ли онъ гдѣ, не знаю; но, поступивши послушникомъ въ Донской монастырь, онъ частенько оттуда отлучался и (сколько помнится мнѣ) даже

*) Этотъ господинъ плачевно кончилъ свою карьеру. Женился онъ на одной богатой Калужской вдовѣ и въ 60-хъ годахъ судился за участіе въ насильственной смерти одного изъ своихъ пасынковъ. Насколько были сильны противъ него улики, не знаю; но онъ умеръ въ острогѣ до окончанія дѣла. Человѣкъ онъ былъ дюжинный, хотя и правовѣдъ. Въ Городищѣ, въ гостяхъ у Дивова, онъ никогда, кажется, не бывалъ.

по ночамъ, или возвращался въ обитель позднею ночью. Монашеская ряса на свѣтски образованномъ человѣкѣ, съ длинными, темнорусыми кудрями, окаймляющими правильныя черты лица, открыла ему доступъ въ нѣкоторые дома высшей аристократіи, и между прочимъ къ старику князю Сергѣю Михайловичу Голицыну, въ домѣ коего онъ взошелъ въ такой *форсъ*, что князь сдѣлалъ его старостою своей домовой церкви. Онъ сдѣлался также частымъ посѣтителемъ у княгини Вѣры Дмитріевны Голицыной, женщины далеко не первой тогда молодости, такъ какъ сынъ ея, князь Александръ Николаевичъ, былъ уже женатъ на Елисаветѣ Александровнѣ Чертковой, дочери троюродной моей сестры Елисаветы Григорьевны, рожденной графини Чернышевой. Предварительно надо сказать, что князь Николай Яковлевичъ Голицынъ, не задолго передъ убійствомъ своей жены, умеръ отъ рожи, показавшейся на раненой у него въ Польскую кампанію 1831 года ногѣ.

Допускаю, что въ богомольствѣ княгини Вѣры могло быть болѣе піетизма и приверженности къ церковной обрядности (какъ это встрѣчается у иныхъ нашихъ барынь высшаго круга), нежели аскетизма или даже догматическаго ученія; но смѣси ханжества съ нравственнымъ развратомъ въ ней не было, и еслибы она даже способна была увлечься въ преступную съ кѣмъ либо связь, не выбрала бы она монаха или готовящагося быть таковымъ: это было бы въ ея глазахъ какъ бы святотатствомъ. Если она увлекалась Зыковымъ, то платонически, духовно. Это были скорѣе игры воображенія, а не чувственности; такъ по крайней мѣрѣ я понимаю ея психическое состояніе. Но Зыковъ началъ эксплуатировать ее съ практической точки и уже успѣлъ навязать ей въ управляющіе ея имѣніемъ роднаго своего брата. Московскіе сплетники и сплетницы непремѣнно захотѣли видѣть преступную связь въ частыхъ сношеніяхъ Зыкова съ княгинею, а близкіе къ ней люди, всполошившись (какъ разсказывали въ городѣ) и желая прекратить то, что въ ихъ глазахъ было скандаломъ, весьма некстати придумали оказать княгинѣ медвѣжью услугу. Они будто-бы наняли какія-то темныя личности, напавшія ночью на Зыкова на Каменномъ мосту, когда онъ возвращался въ Донской монастырь, и отдубасили его порядкомъ. Дѣло этимъ ухудшилось. Смиренный послушникъ не преминулъ выставить, что онъ претерпѣлъ побои ради княгини, и она сочла нечестнымъ и безсердечнымъ дѣломъ запретить ему входъ въ ея домъ; но мало по-малу посѣщенія его сдѣлались менѣе частыми, и дабы дать время городской молвѣ утихнуть, княгиня рѣшилась удалиться на нѣкоторое время въ свою деревню. Въ самый день ея отъѣзда (и даже чуть-ли не тогда, какъ дорожная ея карета была уже запряжена), она

получаетъ записку отъ Зыкова, убѣдительно просившаго ее заѣхать на минуту къ нему на квартиру, такъ какъ свиданіе это должно было быть послѣднимъ и что онъ имѣетъ-де что-то нужное сообщить ей. (Вѣроятно онъ въ то время уже выписался изъ монастырскихъ послушниковъ, потому что жилъ съ своею матерью и сестрами гдѣ-то на Арбатѣ). Сердобольная княгиня, не находя причинъ не удовлетворить его просьбѣ, поѣхала къ нему въ своей городской каретѣ, въ сопровожденіи компаньонки, зрѣлыхъ лѣтъ Нѣмки. Обѣ онѣ вошли сначала въ пріемную комнату, гдѣ находились, кромѣ Зыкова, мать и сестры его. Вслѣдъ за тѣмъ онъ попросилъ княгиню войти съ нимъ на пару словъ въ сосѣднюю комнату. Касательно развязки этой катастрофы придерживаюсь показанія сказанной Нѣмки, какъ единственной посторонней свидѣтельницы. Разговоръ въ сосѣдней комнатѣ былъ оживленъ; но что̀ именно тамъ говорилось, Нѣмка не могла понять, потому что говорили по-французски, а языкъ этотъ былъ ей незнакомъ. По нѣскольку разъ княгиня отворяла дверь въ пріемную комнату, и вслѣдъ за тѣмъ Зыковъ затворялъ эту дверь, и всё, что̀ доходило до слуха Нѣмки, это были княгинины слова, non, non, non», и Нѣмка видѣла, какъ княгиня отмахивалась руками, какъ-бы не соглашаясь на какую-то просьбу. (Быть можетъ, Зыковъ надѣялся склонить ее выйти замужъ за него, основывая свое право на томъ, что скомпрометировался за нее и претерпѣлъ побои; впрочемъ, это одна догадка). Послѣ этого Нѣмка услыхала пронзительный крикъ и что-то тяжелое упавшее на полъ. Она бросилась въ роковую комнату и тамъ увидала княгиню, лежавшую на полу въ агоніи, обрызганную кровью, съ большимъ кинжаломъ, вонзеннымъ въ горло, и изверга, стоявшаго на колѣняхъ передъ нею и читавшаго отходную молитву. Кинжалъ онъ, повидимому, спряталъ заранѣе подъ своимъ платьемъ. Сейчасъ дали знать полиціи, и убійца на первые сдѣланные ему вопросы отвѣчалъ, что жертва его была слишкомъ совершенна, чтобы жить на семъ грѣшномъ свѣтѣ, и что онъ отверзъ ей райскія двери. Дано было также немедленно знать объ этомъ происшествіи въ домъ князя Сергѣя Михайловича Голицына, о чемъ дворецкій его поспѣшно доложилъ барину и старымъ княжнамъ, его сестрамъ. (Княгиня Вѣра жила вблизи дома князя Сергѣя Михайловича, насупротивъ Колымажнаго двора, на Волконкѣ). «Что̀ это ты тамъ городишь на этого Божьяго человѣка?» закричалъ пылкій старичекъ-князь. — «А то, ваше сіятельство, что святоша вашъ зарѣзалъ, какъ есть, нашу сосѣдку княгиню Вѣру Дмитріевну». (По природному у Русскаго простолюдина инстинкту, не любили, видно, Зыкова въ барскомъ домѣ князя Сергѣя Михайловича). Подъ наблюденіемъ графа Закревскаго слѣдствіе надъ Зыковымъ, произ-

водившееся тогдашнимъ Московскимъ оберъ-полицемейстеромъ Алексѣемъ Александровичемъ Берингомъ, быстро пришло къ окончанію, и онъ присужденъ былъ на вѣчную каторгу съ выставленіемъ у позорнаго столба. Говорили, что во время производства слѣдствія онъ не заикнулся даже оклеветать свою жертву и будто бы заявилъ: «Что вы всё распрашиваете меня, зачѣмъ я убилъ княгиню, а не спрашиваете, отъ чего умеръ князь», тогда какъ извѣстно было, что князь Николай Яковлевичъ умеръ отъ рожи, показавшейся на раненой его ногѣ *). Въ день позорнаго его выставленія на эшафотѣ, онъ (какъ передано было мнѣ) особенно тщательно занялся своимъ туалетомъ, надѣлъ сорочку тонкаго Голандскаго холста и выпустилъ изъ-подъ галстуха брызжи, словно собирался на балъ; но оберъ-полицемейстеръ Берингъ приказалъ сорвать все это съ него и облечь въ толстую рубашку и въ арестантскій халатъ. Былъ-ли онъ въ оковахъ или нѣтъ, не знаю; но разсказывали, что онъ до конца не оказывалъ ни малѣйшаго признака раскаянія, и кто повѣритъ, что нашлись будто (какъ я слышалъ) какія-то восторженныя, аристократическія дуры, вполнѣ сочувствовавшія этому извергу? Онѣ присутствовали въ экипажахъ при этой сценѣ и по окончаніи оной выпросили у него на память его носовой платокъ. Въ ихъ глазахъ онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ мученика.

Въ Январѣ, или въ началѣ Февраля, Тридонъ ѣздилъ въ Москву, и съ нимъ отпросилась поѣхать, для своихъ покупокъ, наша Юлія Ивановна. Каково же было всеобщее наше удивленіе, когда онъ извѣстилъ насъ оттуда, что съ нею обвѣнчался? Невѣсть почему, оба они такъ долго скрывали отъ насъ свое намѣреніе. На первое время они продолжали жить у насъ въ Знаменскомъ, и Юлія Ивановна занималась попрежнему съ нашею Анночкой, и только лѣтомъ они перешли въ свой перестроенный Тарусскій домъ.

Предъ открытіемъ весны, я ѣздилъ не надолго въ Москву, гдѣ останавливался у Нарышкина и навѣстилъ его тестя, С. В. Цурикова, уже прикованнаго тогда къ кресламъ параличемъ, и послѣ этого я его болѣе уже никогда не видалъ. Видно, что это былъ годъ сюрпризовъ для меня; потому что въ началѣ весны двоюродная моя сестра, Надежда Александровна Тимофеева извѣстила меня изъ Петербурга, что она вышла замужъ за Василія Артамоновича Гавришенко, отставного морскаго офицера, безъ всякаго почти состоянія и почти однихъ съ нею лѣтъ. Онъ былъ изъ воспитанниковъ Морскаго Корпуса и не зналъ ни слова по-французски, но собою красивъ, хотя малъ ростомъ.

---

*) Говорятъ, будто Зыковъ, уже въ Сибири, хвасталъ тѣмъ, что, за нѣсколько мѣсяцевъ до убіенія княгини Голицыной, онъ отравилъ графиню Ш.

Съ воспитаніемъ, свѣтскими привычками и состояніемъ моей кузины партія эта не была для нея подъ стать; но одна изъ причинъ, увлекшая ее (какъ мнѣ кажется) въ этомъ случаѣ, была та, что В. А. Гавришенко старался будто выпутать ея брата Артемія Александровича изъ вертепа игроковъ и аферистовъ, вліянію которыхъ онъ подпалъ тогда въ Петербургѣ, почему она тогда и жила тамъ. Дѣйствительно-ли Василій Артамоновичъ желалъ оказать ей эту услугу, яснаго понятія я не имѣю (человѣкъ онъ былъ недурной), но Артемій Александровичъ совершенно было разстроилъ прекрасное свое состояніе и, конечно бы, погибъ, еслибъ не подоспѣлъ къ нему на помощь двоюродный его братъ (по отцу), Петербургскій милліонеръ, Андрей Ивановичъ Сабуровъ. Онъ предупредилъ публичную продажу за партикулярные долги с. Воронцова, купчая крѣпость на которое, съ принадлежащими къ оному деревнями и хуторами, была совершена на имя Надежды и Елисаветы Александровны *), а долгъ А. И. Сабурову обезпеченъ былъ 800 десятинами стараго строеваго лѣса при Воронцовѣ. Впослѣдствіи, по уплатѣ частныхъ долговъ и отчасти (кажется) долга А. И. Сабурову, Артемій Александровичъ снова вступилъ во владѣніе своимъ имѣніемъ. Хорошо, подумаешь, имѣть такихъ богатыхъ родственниковъ, какъ былъ А. И. Сабуровъ: найдись такой, и я бы, пожалуй, уцѣлѣлъ съ моими Порзнями.

Въ теченіе лѣта мы съ женою и съ обоими дѣтьми ѣздили погостить нѣсколько дней у старыхъ нашихъ знакомыхъ Домашневыхъ, въ ихъ село Изволье, верстахъ въ 30 за Алексинымъ, по дорогѣ въ Тулу. Дмитрій Ивановичъ Домашневъ былъ ярый ружейный охотникъ и сахароваръ; но сіе послѣднее предпріятіе ему не удавалось, и онъ запутался. Впрочемъ, надо и то сказать, что это произошло отчасти (какъ говорили и онъ, и мой другъ Тридонъ) отъ нетерпѣливаго его нрава, побуждавшаго его къ частымъ перемѣнамъ всей системы выдѣлыванія сахара. Не успѣетъ, бывало, одна система усвоиться какъ слѣдуетъ, какъ, не дождавшись результатовъ, онъ ее уничтожаетъ и выписываетъ новыя цѣнныя машины, совершенно иной системы. Правда, что бывали также у него нѣсколько неурожайныхъ отъ засухи годовъ, или рядъ проливныхъ дождей, отъ коихъ, при поздней уборкѣ свекловицы, она сопрѣвала. Говорили даже, что однажды кристализованный его сахаръ вышелъ чистѣйшею солью, и кончилось тѣмъ, что заводъ закрылся. Дѣтей у Домашневыхъ не было, оба они были отличные,

*) Въ то время Елисавета Александровна была еще все вдова Андрея Евграфовича Кикина. За Константина Аркадьевича Болдырева она вышла не ранѣе (если не ошибаюсь) 1860 года.

добрые и пріятные люди. Марья Петровна [1]) сидѣла, бывало, на угольяхъ, когда оба пріятеля, мужъ ея и Тридонъ, отправлялись на ружейную охоту: она боялась, чтобы, въ порывѣ минутной вспышки, они не перестрѣлялись. Да и опасенія ея были не безъ основанія. Тридонъ признавался мнѣ, что однажды онъ и Дмитрій Ивановичъ взошли въ такой азартъ, споря о лягавой собакѣ, что нашъ Французъ сказалъ своему товарищу: «Дмитрій Ивановичъ, я чувствую, что мы оба не помнимъ, что̀ говоримъ; nous sommes trop montés. Faites comme moi; déchargez votre arme en l'air, cela sera plus prudent» [2]). Однажды, Дмитрій Ивановичъ до того избилъ на охотѣ собаку Тридона (звали ее Оскаръ, славный былъ песъ и мнѣ большой пріятель), что она прямо съ поля убѣжала по Алексинской дорогѣ (хотя хозяинъ ея первый разъ повезъ ее въ Изволье) и на слѣдующій день очутилась у насъ въ Знаменскомъ, едва волоча ноги отъ утомленія: она пробѣжала 60 верстъ по неизвѣстной ей дорогѣ. Добавлю кстати, что позднѣе она захворала (но не отъ упомянутыхъ побоевъ), долго лежала въ своемъ углу на дворѣ и вдругъ притащилась ко мнѣ въ комнату, поласкалась около меня (такъ какъ я постоянно кормилъ ее и гулялъ съ нею), какъ будто бы пришла проститься, и затѣмъ забралась съ трудомъ на чердакъ и тамъ околѣла.

Въ тѣхъ же годахъ дальній мой родственникъ, князь Петръ Дмитріевичъ Черкасскій, назначенъ былъ Симбирскимъ губернаторомъ. Удивительное дѣло! Человѣкъ онъ былъ умный, съ современными взглядами (даже прогрессистъ), работящій до пота лица, честнѣйшій и расположенный къ добру, а между тѣмъ съумѣлъ возстановить противъ себя управляемую имъ губернію, или, точнѣе сказать, всесильную мѣстную аристократію, преобладавшую въ Симбирскѣ, и даже мѣстнаго архіерея, до того, что подъ конецъ князю дѣлали разнаго рода личныя непріятности, доходившія до неучтивости. Говорили, что виновницею тому была его жена, княгиня Марія Семеновна, сильно, будто бы, вмѣшивавшаяся въ его служебныя занятія; но трудно вѣрить мнѣ, чтобы это могло породить ненависть къ бѣдному князю и его женѣ, потому что княгиня (которую я коротко знавалъ) добрая и даже умная женщина. Была она, дѣйствительно, скупенька въ домашнемъ своемъ быту и подчасъ любила поразсказать о сильныхъ своихъ Петербургскихъ связяхъ въ высшей тамошней сферѣ; но это однѣ лишь женскія слабости, смѣш-

[1]) Марья Петровна Домашнева, рожденная княжна Вадбольская, двоюродная сестра князю А. М. Хилкову. Дмитрій Ивановичъ умеръ въ 1870 или 1871 году.

[2]) Мы черезъ-чуръ разгорячены; послѣдуйте моему примѣру: разрядите ваше ружье, выстрѣливъ на воздухъ; это будетъ осторожнѣе.

ныя, быть-можетъ, но которыя не должны были вызвать всеобщаго негодованія. Какъ бы то ни было, но въ числѣ сдѣланныхъ ей грубостей былъ пріѣздъ однажды къ ней съ визитомъ мѣстнаго вице-губернатора, который доложилъ ей, что онъ посланъ-де къ ней отъ всего состава Губернскаго Правленія, по случаю разногласія членовъ онаго по какому-то дѣлу, съ общей просьбою, чтобы княгиня потрудилась имъ указать, какъ рѣшить дѣло. Справедливо говаривала мнѣ позднѣе Меропа Александровна Новосильцова (въ то время, когда ея мужъ былъ Рязанскимъ губернаторомъ), что трудненько разгадать, отчего одного губернатора ненавидятъ, а другого на рукахъ носятъ. Коноводами подобныхъ неудовольствій почти что обыкновенно бывали губернскіе предводители дворянства, усиливавшіеся соперничать съ властью начальника губерніи. Это я видѣлъ въ двухъ губерніяхъ, при четырехъ губернаторахъ, трое изъ коихъ были отмѣнные люди. Я упомянулъ въ этомъ мѣстѣ о князѣ Петрѣ Дмитріевичѣ Черкасскомъ, потому что онъ около того же самаго времени пересталъ быть сосѣдомъ по имѣнію съ Н. А. Дивовымъ, а дотолѣ проживалъ лѣтомъ съ своимъ семействомъ въ с. Срезневѣ, верстахъ въ 3-хъ отъ Городища; онъ продалъ его потомъ Аннѣ Прокофьевнѣ Носковой, о коей буду говорить впослѣдствіи.

Въ началѣ Августа, Надежда Александровна написала ко мнѣ изъ Петербурга, чтобы я къ 15 числу того мѣсяца находился непремѣнно въ Коломнѣ, гдѣ ждалъ бы ея пріѣзда, и предлагала мнѣ продолжать оттуда путь съ нею въ Тамбовъ и Воронцово. Я принялъ ея предложеніе съ радостію и выѣхалъ изъ Знаменскаго наканунѣ Успеньева дня, направивъ мой путь, какъ обыкновенно, черезъ Серпуховъ и вдоль Оки мимо Каширы (лежащей на той сторонѣ Оки), переночевалъ въ слободкѣ, прилегающей къ Бѣлопесоцкому монастырю, и пріѣхалъ на слѣдующій день въ Коломну къ позднимъ обѣднямъ. Справившись на почтовой станціи (находившейся подъ единственною въ городѣ гостинницею) о г-жѣ Гавришенкѣ и узнавъ, что она не пріѣзжала, я поспѣшилъ въ тамошній древній каѳедральный соборъ, иконостасъ коего былъ убранъ живыми цвѣтами по случаю храмоваго праздника, и засталъ еще тамъ молебенъ. Побродивъ по городу, я возвратился въ гостинницу, пообѣдалъ, опять прошелся по городу, обозрѣлъ Кремль и башню, носящую имя Марининой (гдѣ Марина будто бы жила съ Тушинскимъ воромъ), а милѣйшей моей кузины все нѣтъ какъ нѣтъ, хотя уже наступила ночь. Досадно было мнѣ, и особенно потому, что тогда денегъ почти не было у меня, а я нанялъ въ Тарусѣ ямщика съ повозкою у содержателя станціи купца Позня-

кова (ямщика звали Дмитріемъ), въ надеждѣ занять деньги въ Коломнѣ у моей родственницы, чтобы расчитаться съ нимъ. Настало утро, прошелъ второй день, затѣмъ ночь, затѣмъ третій и четвертый, а кузины моей все нѣтъ. Ямщикъ мой воетъ, прокармливаетъ понапрасну свою тройку и самого себя, да еще въ долгъ; да и самому мнѣ куда какъ неловко было жить въ гостинницѣ безъ денегъ и безъ виду, кто я таковъ. Хорошо еще, что полиція не придралась ко мнѣ: объясненіе мое, что я поджидаю какую-то госпожу Гавришенко, конечно не удовлетворило бы ея. Оставаться долѣе въ такомъ глупомъ положеніи, въ незнакомомъ мнѣ городѣ, было невозможно, и я отправилъ моего человѣка Тимошу (также въ долгъ) прямо въ Городище къ Дивову съ письмомъ, съ тѣмъ, что если онъ не застанетъ тамъ моего родственника, то чтобы разсказалъ управляющему (бывшему камердинеру барина, Ивану Исаеву), въ какомъ положеніи я нахожусь въ Коломнѣ, и взялъ бы у него 50 рублей. Тимоша мой возвратился на слѣдующій день (Городище отъ Коломны почти въ 60 верстахъ). Дивова не было дома, но управляющій прислалъ просимыя мною деньги, которыми я сейчасъ же расчелъ извозчика, а съ нимъ обратно отправилъ въ Знаменское моего Тимошу, такъ какъ я долженъ былъ ѣхать съ Надеждою Александровною въ ея двумѣстной каретѣ, и некуда было бы помѣстить моего человѣка, потому что съ ней былъ свой изъ Петербурга. Между тѣмъ, послѣ Успеньева дня, пошли такіе жары, какія будто бы въ Петровки, и я снова началъ купаться въ Москвѣ-рѣкѣ до 23 (кажется) числа. Передовымъ пріѣхалъ наконецъ Василій Артамоновичъ и, отрекомендовавшись мнѣ какъ новый кузенъ, сообщилъ, что жена его должна прибыть на слѣдующій день, но что поручила ему сказать мнѣ, что если я желаю, то могу ѣхать съ нимъ въ Тамбовъ. Но я предпочелъ ждать его жены, и онъ отправился въ дальнѣйшій путь одинъ. Наконецъ, дня кажется черезъ два, явилась и моя милѣйшая сестрица съ неразлучною своею компаньонкою, Англичанкою Анною Егоровною Гарботль, и мы трое отправились на слѣдующій день, сначала въ Рязань. По милости моей кузины я прожилъ 5 или 6 дней въ Коломнѣ, но воспользовался по крайней мѣрѣ этимъ временемъ, чтобы срисовать тамошній Кремль и другія древнія достопримѣчательности.

Въ Рязани Надежда Александровна съ Анною Егоровною наняла тарантасъ въ сторону отъ большой дороги, чтобы навѣстить трехлѣтняго сына умершей ея сестры княгини Аделаиды Александровны Голицыной, который жилъ у своего дяди Ѳедора Никитича Левашева [1]),

---

*) Я уже говорилъ гдѣ-то, что мать князей Николая (мужа моей кузины) и Якова

женатаго на дочери Алексѣя Өедоровича Рахманова Сопутницы мои должны были выѣхать на Ряжско-Козловскую почтовую дорогу (о желѣзныхъ тогда и помину не было), на Окуловскую станцію (вторая отъ Рязани), а я съ ихъ горничною долженъ былъ ѣхать прямо до сказанной станціи. Въ Ямской слободѣ подъ самою Рязанью (тотчасъ за Астраханскою заставой) лопнула рессора нашей городской хрупкой кареты, и мы были окружены такимъ моремъ грязи, что во все время починки кареты (для чего потребовалось не менѣе трехъ часовъ) я и горничная не могли выйти изъ экипажа. Кое-какъ дотащились мы до Окулова, и тамъ (помнится мнѣ) мы оставили карету и продолжали путь въ коляскѣ, гдѣ на мое счастье были задніе козлы, куда я помѣстился.

Въ Тамбовѣ мы пробыли дня два въ собственномъ домѣ Надежды Александровны. Тамъ я познакомился съ нѣкіимъ Итальянцемъ Гуаданини, женившимся на одной Тамбовской помѣщицѣ съ состояніемъ. Антецеденты его были слѣдующіе. Онъ былъ Неаполитанецъ и художникъ (или по крайней мѣрѣ портретистъ) и пріѣхалъ въ Россію съ Андреемъ Ивановичемъ Сабуровымъ въ качествѣ его секретаря или коммиссіонера, а какъ гнѣздомъ Сабуровыхъ была все-таки Тамбовская губернія, то Гуаданини туда какъ-то попалъ. Будучи собою недуренъ, онъ плѣнилъ тамошнюю барыню съ состояніемъ и женился на ней.

Въ Воронцовѣ я прожилъ всю осень, которая была неимовѣрно продолжительна, и, дожидаясь саннаго пути, я могъ выѣхать оттуда только на другой день Рождества. Въ этотъ промежутокъ я ѣздилъ по нѣскольку разъ въ собственное (наслѣдственное) имѣніе Надежды Александровны, въ сельцо (а нынѣ село) Каріанъ въ 30 верстахъ отъ Воронцова. Тамъ я разбилъ планъ въѣзда (въ родѣ Англійскаго парка) къ господскому небольшому домику, только что поставленному, при мнѣ и начались тамошнія древесныя и кустарныя посадки, а дотолѣ вся эта мѣстность была одна голая степь, за исключеніемъ крестьянской деревни. Нынѣ въ густыхъ Каріановскихъ куртинахъ этого въѣзда-парка и въ саду давно уже распѣваютъ соловьи.

Большой двухъэтажный каменный Воронцовскій домъ былъ въ то время такъ холоденъ зимою отъ ветхости и запущенія, что въ немъ жили лишь лѣтомъ, да и то въ нижнемъ только этажѣ, а вверху

Григорьевичей Голицыныхъ, Александра Николаевна, вышла вторымъ бракомъ за Левашева, полковника въ Иркутскомъ гусарскомъ полку.

годными были въ зимнее время лишь четыре комнаты. Надежда Александровна съ ея мужемъ, Анна Егоровна и весь женскій и мужской штатъ прислуги, а также и пріѣзжіе гости, помѣщались въ двухъ боковыхъ каменныхъ одноэтажныхъ флигеляхъ. Въ одной изъ верхнихъ комнатъ большого дома жилъ я, въ двухъ небольшихъ помѣщался двоюродный мой братъ Артемій Александровичъ, а четвертая была проходная: на право, къ нему, а на лѣво, ко мнѣ. Но такъ какъ Артемій Александровичъ нерѣдко уѣзжалъ, то я оставался совершенно одинъ во всемъ домѣ, окруженный портретами во весь ростъ общихъ нашихъ предковъ Воронцовыхъ, выглядывавшихъ изъ старыхъ, поблекшихъ отъ времени, золотыхъ рамъ [1]). Иные изъ нихъ и въ особенности графъ Иванъ Ларіоновичъ Воронцовъ (дѣдъ моей матери) въ гвардейскомъ мундирѣ и его супруга, сохраняли свѣжесть колорита, какъ будто были написаны въ наше время, и потому думаю, что эти портреты принадлежатъ кисти знаменитаго нѣкогда Лампи. Тутъ вѣроятно были и лейбъ-кампанцы, устроители переворота 1741 года, возстановившаго Елисавету Петровну на престолѣ ея отца. Воронцовская портретная галлерея одна изъ самыхъ полныхъ семейства Воронцовыхъ, начиная со временъ Анны Іоанновны до конца прошлаго XVIII вѣка [2]). Въ этой коллекціи есть также и портреты постороннихъ лицъ, женившихся на графиняхъ Воронцовыхъ, въ томъ числѣ извѣстнаго кабинетъ-министра Артемія Волынскаго, также Василія Сергѣевича Нарышкина (дѣда моей жены) и даже моего отца въ его молодости. Этихъ лицъ я узнаю по подписямъ и преданіямъ, но тамъ есть много незнакомыхъ мнѣ портретовъ. Кстати о Волынскомъ, замѣчу, что у отрасли Воронцовыхъ, къ коей принадлежатъ моя мать и ея сестры, составилось какое-то высокое мнѣніе о нравственныхъ достоинствахъ Волынскаго. Семейныя наши женщины считали его какъ-бы мученикомъ, погибшимъ за свою прямоту: да и сестры мои изумлялись немало, когда я имъ разсказывалъ, что ихъ герой былъ человѣкъ со всячинкою, чтобы хуже не сказать. За одно только не очень сержусь на него, что онъ приколотилъ собственноручно дурака и шута Третьяковскаго.

Обширный и старинный Воронцовскій садъ (регулярный) былъ единственнымъ мѣстомъ моихъ доблестей по ружейной охотѣ. Страсть моя была неимовѣрная, но участь горькая, и сколько я ни хаживалъ

[1]) Портреты эти висѣли временно въ проходной комнатѣ, мною упомянутой, но ихъ было тамъ немного, а большая часть ихъ наполняла (и теперь наполняетъ) пространную залу въ нижнемъ этажѣ.

[2]) Подобная же галлерея Воронцовыхъ существуетъ Владимирской губерніи въ селѣ Андреевскомъ, гдѣ умеръ въ началѣ нынѣшняго вѣка канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ.

съ ружьемъ въ Таганчѣ (у Понятовскихъ), въ Знаменскомъ, въ Городищѣ и въ Воронцовѣ, но никогда не удалось мнѣ убить ни единаго зайца; хотя они и выскакивали не подалеку отъ меня, но мнѣ все казалось, что они внѣ ружейнаго выстрѣла, и я не успѣвалъ стрѣлять или жалѣлъ пороха. Но въ эту осень (1850 года) я убилъ все-таки двухъ вальдшнеповъ, коихъ было множество въ Воронцовскомъ саду. Я близко подкрался, держа ружье на-готовѣ (къ плечу) и со взведенными курками, и едва вальдшнепъ поднялся, какъ я хлопнулъ и положилъ его на мѣстѣ. А другого я хватилъ изъ форточки моей комнаты (тогда я еще жилъ въ нижнемъ этажѣ большаго дома), и подстрѣлилъ его всидячку, когда онъ сѣлъ на газонный лужекъ въ саду, шагахъ въ 25 или 30 отъ дома. Этимъ ограничились мои подвиги, и сколько впослѣдствіи ни хаживалъ я на такъ называемую весеннюю *тягу*, но никогда болѣе не застрѣлилъ ни одного вальдшнепа, а доставалось отъ меня лишь бѣлкамъ и дроздамъ.

Лѣтомъ этого года насъ постигла преждевременная семейная потеря за границею въ лицѣ второй дочери моего брата, графини Маріанны Петровны, скончавшейся чахоткою лѣтъ 24 отъ роду. Она была уже тогда монашенка въ Римскомъ монастырѣ святаго Іисусова Сердца (du sacré coeur de Jésus), куда не очень задолго предъ тѣмъ поступила также ея старшая сестра, графиня Анна Петровна.

Около того же времени умеръ въ изгнаніи (въ Англіи) престарѣлый король Французовъ Людовикъ-Филиппъ. Но въ маленькомъ Тарусскомъ мірѣ были также и свои два событія. Лѣтомъ или осенью того года, тамошній городской врачъ, Сергѣй Емельяновичъ Александровскій, увезъ изъ родительскаго дома Варвару Владимировну Чирикову (дочь мѣстнаго помѣщика на р. Протвѣ) и тайкомъ обвѣнчался съ нею. А въ самомъ городѣ Тарусѣ родилась въ Декабрѣ дочь Тридона, коей дано было имя Елисаветы въ честь (какъ думаю) княгини Елисаветы Александровны Голицыной, которая и была вписана заглазно воспріемницею новорожденной. И славная вполнѣ, и умная дѣвушка, вышла изъ Елисаветы Осиповны Тридонъ! А что̀ до вышепомянутой Варвары Владимировны Александровской, это та самая особа, которая была одержима маніею заговоровъ, распространяла въ народѣ въ 1861 или 1862 году заграничныя прокламаціи къ возмущенію, извѣстныя въ свое время подъ именемъ «Золотая воля» (за что̀ и сидѣла въ III-мъ Отдѣленіи), а въ недавнее еще время она выпроводила за границу политическаго преступника и убійцу Нечаева, но по ея возвращеніи въ Россію была предана суду и сослана на жительство въ какой-то отдаленный Сибирскій городъ.

Первозимье, хотя позднее, но было лютое. На моемъ обратномъ пути изъ Воронцова въ Знаменское я заѣхалъ въ Городище и хотя не засталъ тамъ Николая Адріяновича (гостившаго у Аркадія Африкановича Болдырева въ его селѣ Лѣсищѣ, Михайловскаго уѣзда), но я остался на нѣсколько дней въ Городищѣ не столько отдохнуть, сколько отогрѣться. Тамъ я и встрѣтилъ новый 1851 годъ втроемъ съ Александромъ Адріяновичемъ Дивовымъ и съ домашнимъ медикомъ Корнеліемъ Павловичемъ Бестомъ. Я дождался пріѣзда Николая Адріяновича. Остальную часть зимы до начала лѣта я провелъ съ моими въ Знаменскомъ. Подъ моимъ руководствомъ Анночка моя дѣлала неимовѣрные почти успѣхи въ Англійскомъ языкѣ и въ акварельной живописи. Зрѣлость ума была не по ея лѣтамъ, я и жена моя не могли на нее наглядѣться.

Зима эта была послѣдняя, проведенная мною въ Знаменскомъ въ семейномъ моемъ кругу; послѣдующія зимы до 1853 года я уже проводилъ большею частію въ Городищѣ и въ Рязани и только наѣзжалъ зимою на короткое время въ Знаменское, а съ 1853 года я поступилъ снова на службу.

Весною 1851 года возвратилась въ Тарусу прежняя артиллерійская батарея, и съ нею наши друзья-офицеры А. В. Зимнинскій и Новиковъ. Новый командиръ батареи былъ капитанъ (или подполковникъ) Александръ Михайловичъ Кубаркинъ, который, къ удивленію всего города, вскорѣ женился на одной бѣдной и умной, но уже не первой молодости дѣвушкѣ Вѣрѣ Матвѣевнѣ Осокиной, дочери давно умершаго Тарускаго стряпчаго.

Этою-же весною кузенъ мой Н. А. Дивовъ, снисходя къ стѣсненному моему положенію, предложилъ мнѣ переѣхать совсѣмъ на жительство къ нему въ Городище и подъ его руководствомъ заняться управленіемъ этого его имѣнія съ назначеніемъ мнѣ по 50 р. сер. въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ. Нечего говорить, что я съ радостію принялъ столь родственное съ его стороны предложеніе и переѣхалъ въ Іюнѣ въ Городище, а 1800 р. сер. пенсіона, получаемаго отъ добрѣйшаго моего брата, я предоставилъ сполна моему семейству въ Знаменскомъ.

До 1849 года, когда Н. А. Дивовъ поселился въ Городищѣ (около 700 душъ) оно состояло на оброкѣ, но съ того времени Дивовъ завелъ господскую трехпольную запашку по 160 десятинъ въ полѣ и всѣхъ крестьянъ посадилъ на барщину. Ломка для того была немалая; но она сдѣ-

лалась еще хлопотливѣе и потребовала денежныхъ издержекъ, когда Николай Адріяновичъ перевелъ сразу (въ одинъ годъ) деревню старое Городище, расположенную около самаго господскаго его дома, на другое мѣсто за рѣкою Мечою и прозвалъ эту новую деревню Нагорнымъ Городищемъ; всю же прежнюю усадебную крестьянскую землю онъ включилъ въ господскія поля. Переселеніе это состоялось безъ всякаго ущерба для крестьянскаго хозяйства, благодаря щедротамъ помѣщика, но конечно не безъ тайнаго ропота пересселенцевъ, крѣпко привыкшихъ къ старому ихъ пепелищу. Надо добавить, что одна изъ главныхъ причинъ, побудившихъ Дивова къ этой мѣрѣ, была его дальновидность. Онъ еще въ 1846 году (отъѣзжая за границу) имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія, что въ Петербургскихъ высшихъ сферахъ шли исподоволь работы для уничтоженія крѣпостной зависимости [1]); потому Дивовъ приступилъ заранѣе отдѣлить господскія его земли отъ крестьянскихъ на случай обязательнаго надѣла крестьянъ пахатною землею. Рѣка Меча сдѣлалась съ того времени натуральнымъ урочищемъ между господскими и крестьянскими землями съ ихъ угодьями.

Занимаясь агрономическою и хозяйственною частію въ Городищѣ подъ руководствомъ самого владѣльца этого имѣнія, я конечно всячески старался оправдать его довѣріе и хотя онъ лестно всегда отзывался о моемъ стараніи, но сомнѣваюсь, чтобы я въ сущности принесъ ему какую либо пользу, а достовѣрно то, что въ теченіе болѣе года, когда я какъ бы управлялъ этимъ имѣніемъ, я никогда однакоже не могъ составить себѣ ясное понятіе о сложной весьма системѣ управленія, введенной хозяиномъ, и еще менѣе о бухгалтеріи вотчинной его конторы; но ее велъ, къ счастію моему, старшій конторщикъ Шохинъ, и я избавленъ былъ отъ провѣрки конторскихъ книгъ. Особенно головоломенъ былъ порядокъ рекрутской повинности, въ коей безразлично участвовали, если не натурою, такъ деньгами, всѣ крестьяне-домохозяева безъ исключенія [2]). Система эта основана была (въ томъ не

---

[1]) Въ 1847 году Государь Николай Павловичъ желалъ приступить не спѣша и секретно въ этой великой и справедливой реформѣ, но пріостановился по случаю возникшаго анархическаго движенія въ Европѣ въ 1848 и 1849 годахъ, а позднѣе началась Крымская война. Въ самомъ же началѣ 1848 г. (до Парижскихъ Февральскихъ событій), Дивовъ, наслаждаясь досыта Неаполитанскимъ зимнимъ солнцемъ, получилъ тайное увѣдомленіе отъ графа А. Ѳ. Орлова о началѣ приготовительныхъ бюрократическихъ занятій по проекту объ освобожденіи крестьянъ, и вотъ почему онъ тотчасъ вернулся въ Россію; но по причинѣ смутъ въ центрѣ Европы онъ отправился моремъ черезъ Константинополь и Одессу и позамѣшкался отъ этого по пути. По пріѣздѣ его прямо въ Петербургъ, графъ А. Ѳ. Орловъ объявилъ ему, что о предположенной крестьянской реформѣ и помину болѣе не было.

[2]) Раздѣлы крестьянскіе ни подъ какимъ видомъ не дозволялись у него въ имѣніи,

сомнѣваюсь) на справедливыхъ началахъ; но оно такъ и осталось до конца Китайскою для меня грамотою. Дозволю однакоже себѣ сказать, что сложность во всѣхъ его распоряженіяхъ и повсюду выглядывающій педантизмъ, были любимыми коньками почтеннѣйшаго моего кузена, тогда какъ многое могло бы быть упрощено безъ ущерба для хозяйства. Въ деталяхъ онъ требовалъ какого-то идеальнаго, невозможнаго совершенства, и потому почти всегда оставался недоволенъ, когда распоряженія и предначертанія его приводились въ исполненіе. О немъ весьма удачно сказала одна общая наша знакомая умнѣйшая особа, еслибы у него былъ управляющимъ даже его двойникъ то (son Sosie) Николай Адріяновичъ не былъ бы доволенъ имъ.

Что̀ дѣйствительно было у него хорошо, это заведенный крестьянскій мірской хуторъ, обработывавшійся обязательно крестьянами при особенномъ старостѣ, надзоръ и контроль надъ коимъ Дивовъ предо̀ставилъ самому себѣ исключительно, а также и отчетность по сему хутору. Для этого отрѣзывалась незначительная часть крестьянскихъ общихъ пахатныхъ земель въ размѣрѣ всего 24 десятинъ, по 8 десятинъ въ полѣ*) при особенно устроенной для сего молотильной ригѣ и зерносушильнѣ. Накопившійся такимъ образомъ мало по малу хлѣбъ (озимый и яровой) выдерживался до времени, когда возвышались цѣны на хлѣбномъ рынкѣ, и тогда весь онъ продавался до зерна (за исключеніемъ нужнаго для посѣвовъ), а деньги вносились на проценты въ Сохранную Казну съ обозначеніемъ на билетахъ, что деньги эти принадлежали такому-то мірскому обществу. А когда цѣны на хлѣбъ были низкія, всѣ накопившіяся деньги употреблялись на покупку хлѣба. Отъ подобныхъ оборотовъ Дивовъ показывалъ мнѣ въ то время билеты на 36 тыс. р. сер., принадлежавшіе крестьянамъ Нижегородскаго его имѣнія (гдѣ мірской хуторъ давно существовалъ), состоявшаго изъ 800 душъ (но при весьма значительномъ количествѣ полу-черновой почвы), и онъ сказывалъ мнѣ, что проценты отъ этого капитала покрывали всѣ рекрутскія издержки. Изъ денегъ этого-же капитала построена была въ томъ же имѣніи каменная церковь; а послѣ 19 Февраля 1861 года въ мірскомъ обществѣ оставалось еще на лицо до 18 тыс. р. сер.

и потому были семейства изъ 20 лицъ, патріархально подчиненныхъ главѣ семейства.

*) Ограниченный этотъ размѣръ соотвѣтствовалъ размѣру Рязанскаго имѣнія; но въ имѣніяхъ Дивова въ Нижегородской и Саратовской губерніяхъ онъ былъ много значительнѣе. Эта мірская запашка не имѣла ничего общаго съ запасными мірскими магазинами, учрежденными тогда правительствомъ.

Вся система управленія у Дивова, хотя и излишне сложная, была раціональна и клонилась къ видимой пользѣ крестьянскаго домашняго быта. Но была она тѣмъ не менѣе весьма строгая (хотя не примѣнялось никакихъ тѣлесныхъ наказаній) и существовать могла на практикѣ только при неослабѣвающемъ никогда личномъ надзорѣ человѣка одареннаго такою желѣзною волею, какая свойственна была Дивову. За легкія провинности *), крестьяне должны были рыть по стольку-то саженъ канавъ и исполняли подобныя работы не въ счетъ барщины, и въ свободное для нихъ время: а за болѣе важныя виновные переселялись въ другія имѣнія Дивова, отдавались въ солдаты безъ очереди и отсылались на поселеніе въ Сибирь. Для всего этого была въ вотчинной конторѣ особенная штрафная книга, и послѣ третьей (если не ошибаюсь) записи въ ней, лица провинившіяся отсылались на поселеніе. Всякія мірскія сходки строго были запрещены, а также коллективныя отъ міра прошенія владѣльцу, но не возбранены были частныя (отъ одного лица) жалобы на бурмистровъ или старостъ.

Въ концѣ этого лѣта (1851 года) умеръ Рязанскій губернаторъ, Павелъ Сергѣевичъ Кожинъ; но преемникъ его, Петръ Петровичъ Новосильцевъ, былъ назначенъ только въ концѣ того года и прибылъ къ мѣсту новаго служенія уже въ 1852 году. Еще за годъ до своей кончины, П. С. Кожинъ успѣлъ женить своего сына Петра Павловича на 16-тилѣтней Шуваловой, одной изъ богатѣйшихъ невѣстъ Рязанской губерніи. П. С. Кожинъ былъ, какъ слышно, желчнаго темперамента и имѣлъ служебныя непріятности съ мѣстнымъ дворянствомъ; но, будучи племянникомъ тогдашняго министра двора, онъ имѣлъ сильную въ Петербургѣ поддержку. Чуть-ли не единственнымъ лицомъ, съ которымъ П. С. Кожинъ подружился во время своего губернаторства въ Рязани, былъ предсѣдатель Казенной Палаты, Николай Максимовичъ Княжевичъ (братъ коего, Александръ Максимовичъ, былъ, много позднѣе, министромъ финансовъ). Этотъ Николай Максимовичъ былъ страстный садоводъ и цвѣтоводъ и много тратилъ на этотъ предметъ и на оранжереи своей дачи подъ Рязанью, коими завѣдывалъ искусный Нѣмецкій садовникъ Кранихъ.

При описаніи сосѣдей Н. А. Дивова я пропустилъ старую генеральшу Анну Прокофьевну Носкову (рожденную Таптыкову), купив-

*) Какъ наприм.; за пьянство или учиненное неважное буйство, а также если Дивовымъ замѣчено было, что бочка, стоявшая въ лѣтнее время передъ каждымъ крестьянскимъ дворомъ на улицѣ (а зимою въ теплой избѣ), на случай пожара, оказывалась пустая.

шую незадолго передъ тѣмъ село Срезнево у князя Петра Дмитріевича Черкасскаго. Въ феноменальной своей скаредности она могла соперничать только съ Мольеровымъ Гарпагономъ и съ Гоголевскимъ Плюшкинымъ. Крестьянскіе мальчишки и дѣвчонки были у нея, будто бы, обложены повинностью приносить (безвозмездно) по нѣскольку паръ (или десятковъ) воробьевъ въ годъ, и это составляло основную ея пищу. Плита не каждодневно топилась у нея, и въ таковые дни она довольствовалась молочкомъ съ хлѣбомъ и творогомъ, каковою пищей она иногда угощала гостей интимнаго своего кружка, но не высокаго полета. Она была вдова, и какъ дѣтей у нея не было, она взяла на воспитаніе родную свою племянницу и крестницу, Софью Петровну Таптыкову, и сдѣлала ее единственною своею наслѣдницей. Дѣлала-ли генеральша Носкова исключеніе отъ голоднаго своего ежедневнаго режима въ пользу племянницы, сказать не могу; но въ описываемое мною время семнадцатилѣтняя Софья Петровна разцвѣла какъ пышная роза, кровь съ молокомъ, высокая, стройная, черноволосая и черноглазая *).

Въ концѣ этого лѣта былъ первый пожаръ въ сельцѣ Кареевѣ (у Алексѣя Аѳанасьевича Ракитина); сгорѣли скотный дворъ, конюшни и другія усадебныя постройки, но господскій домъ уцѣлѣлъ. И куда дѣвалась обычная энергія старика-краснобая!. Онъ мгновенно потерялъ всякую способность дѣйствовать и почти что мыслить, и впалъ какъ бы въ дѣтство. Пожарныя трубы не замедлили подоспѣть изъ Городища (разстояніе было около пяти верстъ), и подъ моимъ распоряженіемъ пожаръ ограничился упомянутыми строеніями. Въ знакъ благодарности, старикъ Ракитинъ, по пріѣздѣ своемъ зимою въ Москву, выслалъ мнѣ оттуда огромный куль Крымскихъ яблокъ, до коихъ я великій охотникъ и кои я въ непродолжительномъ времени покончилъ до единаго, къ великому ужасу Городищенскихъ хозяевъ. Говорю къ ужасу, потому что въ числѣ фантазій обоихъ братьевъ Дивовыхъ была и та, что всякіе сырые плоды казались имъ чѣмъ-то въ родѣ ядовитой пищи и, глядя на своихъ господъ, дворецкій Дороѳей Дмитріевичъ (выученикъ кулинарной лабораторіи ех-министра Гизо) пожималъ плечами, когда я принимался за мой кулекъ.

Осень эта была до того итальянски тепла, что въ началѣ Октября созрѣли вторые огурцы, а 13-го числа георгины и прочіе однолѣтніе цвѣты были еще въ разгарѣ; первый морозецъ показался только 14-го или 15-го числа.

---

*) Она вышла замужъ за Вологодскаго господина, Климента Ивановича Энгельмейера.

Страсть къ коннозаводству появилась у Николая Адріановича въ началѣ этого 1851 года. Она была напускная, но въ то время держалась въ ограниченныхъ еще размѣрахъ. Первоначально онъ купилъ у А. А. Болдырева трехъ или четырехъ рысистыхъ матокъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ оставались на время въ Лѣсищѣ (имѣніи А. А. Болдырева въ Михайловскомъ уѣздѣ) и случались бы съ тамошними рысистыми жеребцами. Но вскорѣ послѣ этого почина новая прихоть приняла громадные размѣры, и на нее истрачено было, конечно, болѣе 100 тыс. р. сер.

Кстати о Болдыревѣ, личности, составленной изъ странныхъ противорѣчій. Будучи сыномъ мелкопомѣстнаго дворянина Михайловскаго уѣзда, онъ не получилъ никакого особеннаго образованія и не говорилъ даже по-французски, дотянулъ военную лямку до полковничьяго чина (впрочемъ, кажется, въ гвардіи) и потомъ былъ плацъ-маіоромъ въ Петербургѣ. Онъ въ то время втянулся въ большую игру и въ непродолжительномъ довольно времени выигралъ какой-то громадный кушъ (чуть-ли не въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей ассигнаціями); но эту сумму онъ уже не рискнулъ поставить на карту, а купилъ значительное довольно имѣніе, сельцо Лѣсище, въ своемъ Михайловскомъ уѣздѣ, гдѣ и выстроилъ огромный деревянный палаццо въ два этажа, съ залами и аванзалами, а по бокамъ дома маленькій городокъ, для господскихъ службъ, и большой флигель для пріѣзда гостей, и надъ всѣми этими постройками парили двѣ превысокія каланчи. Одновременно онъ основалъ свой, знаменитый впослѣдствіи, заводъ рысистыхъ лошадей и выстроилъ щегольскія конюшни въ нѣсколько рядовъ, съ большимъ салономъ, съ каминами, для выводки лошадей на показъ покупателямъ. Завелъ онъ также роскошную псовую охоту, съ оркестромъ духовой музыки, и весь этотъ охотничій и музыкальный людъ былъ одѣтъ въ фантастическихъ зеленыхъ съ галунами кафтанахъ и съ откидными красными рукавами. На все это онъ употребилъ выигранныя нѣкогда деньги, и фортуна улыбалась ему, въ ущербъ служебной его карьерѣ. Покойному Государю показалось, быть-можетъ, сомнительнымъ, чтобы столь огромный кушъ могъ быть выигранъ безъ фальши; онъ сталъ выказывать нерасположеніе къ счастливцу, и мнѣ передано было отъ одного современнаго лица, что однажды на дворцовомъ церемоніальномъ выходѣ, по случаю какого-то большого праздника или торжества, когда, по принятому обычаю, Государь самъ поздравлялъ лицъ первыхъ четырехъ классовъ съ награжденіями, прежде чѣмъ таковыя печатались въ высочайшихъ приказахъ, онъ, проходя мимо А. А. Болдырева, сказалъ будто бы ему: «Поздравляю тебя»...., послѣ каковыхъ

словъ поздравленный ожидалъ, конечно, услыхать изъявленіе царской къ нему милости, и уже преклонилъ всеподданнѣйше голову, но Государь добавилъ: «съ большимъ выигрышемъ». Вскорѣ послѣ сказаннаго случая Болдыревъ былъ назначенъ комендантомъ въ Моздокъ (или другое гдѣ-то отдаленное на Кавказѣ мѣсто); но онъ предпочелъ выйдти въ отставку и поселился въ своемъ Лѣсицѣ.

Кто была первая его жена, не знаю. Отъ нея онъ имѣлъ четырехъ сыновей, изъ коихъ трое нынѣ въ живыхъ; а женился онъ вторично въ сороковыхъ годахъ, когда ему было за 50 отъ роду лѣтъ, на красавицѣ графинѣ Еленѣ Павловнѣ Паленъ (дочери графа Павла Петровича Палена, отъ второй его жены, рожденной графини Орловой-Денисовой), коей было въ то время менѣе 20 лѣтъ. Какими судьбами состоялся этотъ неравный бракъ, разскажу немного далѣе. Болѣе сочувственнаго къ чужому горю или бѣдствію человѣка, какимъ былъ Аркадій Африкановичъ, трудно встрѣтить: онъ готовъ былъ снять съ себя крестъ и послѣднюю рубашку и отдать послѣдній свой рубль, чтобы помочь тому, кого онъ искренно полюбитъ. Таковому онъ охотно подарилъ бы цѣнную лошадь своего завода (какъ онъ однажды хотѣлъ подарить мнѣ одну верховую кровную лошадь, которую я было торговалъ по порученію одной дамы), и рядомъ съ этою щедростью въ немъ была та физіологическая аномалія, что какъ только дѣло шло съ посторонними покупателями его лошадей, онъ какъ бы придерживался Русскому гостиподворческому правилу, что торговля не торговля, если въ ней нѣтъ обмана, и тѣмъ самымъ уронилъ, какъ я слышалъ, репутацію своего завода. Впрочемъ, фальшивое понятіе, что барышническій обманъ не есть безчестное дѣло, вкоренилось и въ кавалеристахъ, да и во всемъ почти нашемъ обществѣ, какъ бы гражданское право, даже и у людей во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ честныхъ. Только что и слышишь поговорку: «гляди въ оба, когда торгуешь лошадь», и это служитъ какъ бы оправданіемъ. Но у добраго Аркадія Африкановича была еще и другая странность, относившаяся къ религіознымъ его понятіямъ. Будучи очень набоженъ, онъ предъ началомъ каждаго дѣла творилъ три крестныя знаменія: вещь, конечно, похвальная, но привычку эту онъ примѣнялъ къ дѣламъ вовсе небогоугоднымъ. Такъ однажды, когда готовилась большая игра у одного изъ коротко ему знакомыхъ людей, вдругъ нашъ Болдыревъ скрылся. Вся компанія, готовившаяся сѣсть къ зеленому столу, пустилась въ розыски, и что же? Его находятъ въ темной сосѣдней комнатѣ, за дверью, усердно кладущаго земные поклоны, для полученія Божіей милости, чтобы ему повезло въ карты.

При многихъ хорошихъ въ немъ сторонахъ, не былъ онъ изъятъ отъ слабости лѣзть въ знать, и вотъ, вѣроятно, почему онъ посватался къ дѣвицѣ безъ приданнаго, но носившей графскій титулъ и на тридцать съ излишкомъ лѣтъ моложе его [1]. Мать же ея считала А. А. Болдырева хотя и перезрѣлымъ женихомъ, но выгодною для ея дочери партіей, и онъ впослѣдствіи поручился за свою тещу въ огромную какую-то сумму (что-то около 150 тыс. руб. сер.). Въ качествѣ ея повѣреннаго, онъ велъ продолжительный процессъ по случаю тяжбы, возникшей по сему дѣлу, и пришлось ему расплачиваться за свою тещу. Ударъ этотъ въ совокупности съ упадкомъ Лѣсищенскаго коннаго завода и продолжительное несчастіе въ игрѣ, отъ каковой онъ не отставалъ, разстроили окончательно его состояніе и даже, быть можетъ, ускорили его кончину [2], и ничего почти не осталось его сыновьямъ. Старшій изъ нихъ, Николай Аркадьевичъ, въ бытность свою молодымъ офицеромъ въ кавалергардскомъ полку, женился при жизни еще отца на дочери графа Гендрикова; но графъ не иначе согласился выдать свою дочь за него какъ съ условіемъ, чтобы Аркадій Африкановичъ немедленно отдѣлилъ своего сына, вслѣдствіе чего онъ получилъ, при жизни своего отца, небольшое свое имѣніе сельцо Триполье (въ томъ же Михайловскомъ уѣздѣ), дававшее доходу около двухъ тысячъ р. сер. въ годъ.

Никогда не забуду одолженій, оказанныхъ мнѣ Аркадіемъ Африкановичемъ въ ту пору, когда средства мои были на столько скудны, что я перебивался почти что однимъ своимъ жалованіемъ губернаторскаго чиновника особыхъ порученій, что́, съ разъѣздными и суточными, немного превышало 600 р. сер. въ годъ, и потому накрѣпко чту память этого человѣка. И какъ деликатно оказывалъ онъ мнѣ пособіе! Вотъ какъ было дѣло.

Читатель вспомнитъ, можетъ статься, мою статную, но капризную до нельзя кровную верховую кобылу Паризину, чуть не сломавшую мнѣ голову въ Москвѣ весною 1843 года. Много позднѣе, Степанъ Сергѣевичъ Ланской (нынѣ графъ), съ коимъ я былъ друженъ, дозволилъ мнѣ перевести эту кобылу въ его конюшню для случки ея съ кровно-скаковыми жеребцами его завода. Приплода я не получилъ отъ нея, и она, не знаю отчего, тамъ ослѣпла. И вотъ, въ 1850 или 1851

[1] Добавить слѣдуетъ о Еленѣ Павловнѣ, что, не взирая на неравенство ея лѣтъ съ мужемъ, она вела себя безукоризненно.

[2] Онъ умеръ въ 1857 (кажется) году. Сыновья его не могли продолжать конный заводъ и продали сельцо Лѣсище графу Дмитрію Андреевичу Толстому.

году. Аркадій Африкановичъ обязательно согласился на просьбу Н. А. Дивова взять мою кобылу въ его заводъ для случки съ верховыми жеребцами (такъ какъ велась у него и эта порода), и не только онъ не поставилъ мнѣ въ счетъ содержанія этой лошади, но весь отъ нея приплодъ (всего, помнится мнѣ, двухъ кобылъ и жеребчика) сбывалъ наравнѣ съ своими лошадьми по выгодной цѣнѣ и вырученныя деньги сполна мнѣ отдавалъ. Могу ли я забыть такое одолженіе?

Возвращаюсь къ Городищенскимъ жителямъ. Дивовъ, присутствуя у обѣдни въ своемъ селѣ Старолѣтовѣ, замѣтилъ высокаго сутуловатаго старика въ изношенномъ длиннополомъ сюртукѣ толстаго синяго сукна, стоявшаго на клиросѣ нѣсколько воскресеній сряду и, узнавъ, что это былъ однодворецъ князь Кропоткинъ, владѣтель двухъ (кажется) мужскаго пола душъ съ ихъ семействами, подошелъ къ нему, чтобы оказать бѣдняку какое либо пособіе въ случаѣ его нужды. Застѣнчивый старичекъ началъ съ того времени изрѣдка навѣщать богатаго своего сосѣда и впослѣдствіи просить по нѣскольку разъ милости выдавать ему заимообразно отъ двухъ до четырехъ четвертей хлѣба на посѣвъ. Нѣчего и говорить что братъ мой былъ радехонекъ удовлетворять этимъ скромнымъ требованіямъ дворянина-пахаря (онъ самъ пахалъ наравнѣ съ обоими своими крѣпостными работниками), и нашъ однодворецъ всегда акуратно отдавалъ занимаемый имъ хлѣбъ. Но вотъ, въ одно прекрасное утро, онъ является къ Дивову съ совершенно другаго рода просьбою: «Ваше прев....во», началъ онъ, «много благодѣяній оказывали вы мнѣ; такъ не откажите и въ слѣдующей моей покорнѣйшей просьбѣ. Сынишка у меня на возрастѣ и едва знаетъ грамотѣ, а какъ у васъ школа для мальчиковъ *), то прикажите принять и моего парнишку туда».—«Съ большимъ удовольствіемъ готовъ я сдѣлать это для васъ, любезный князь», отвѣчалъ Николай Адріяновичъ; «но вѣдь не обидно-ли будетъ это для васъ и для вашего сына? Вѣдь вы хоть и бѣдны, а все-таки изъ дворянъ и даже князь, а у меня одни только крестьянскіе мальчики обучаются».—И полноте, ваше прев....во: куда нашему брату голопяту чваниться! Благо-бы парнишка-та мой сдѣлался по вашей милости мало-толико грамотѣемъ». «Ну, если такъ», сказалъ Дивовъ, «такъ присылайте его сюда, когда

*) Въ Городищѣ была въ то время отлично устроенная школа, обязательная для всѣхъ мальчиковъ этого имѣнія, отъ семилѣтняго до десятилѣтняго возраста. Учителями въ ней были мѣстный приходскій священникъ и старшій конторщикъ Шохинъ, и сверхъ того навѣщалъ школу, какъ ревизоръ (по приглашенію Дивова), мѣстный благочинный, священникъ сосѣдняго села Долгомостья, Иванъ Терентьевичъ (нынѣ умершій), рѣдкихъ достоинствъ человѣкъ и феноменъ въ сословіи сельскаго духовенства.

вамъ будетъ угодно». Но каково было удивленіе Николая Адріяновича, когда онъ увидалъ, что княжьему парнишкѣ было 17 или 18 лѣтъ, а ростомъ онъ почти что съ отца. Смѣшно было бы усадить его на одной скамьѣ съ 8-ми и 9-ти лѣтними мальчиками, а потому братъ мой назначилъ ему особое помѣщеніе и приказалъ конторщику Шохину заниматься съ нимъ отдѣльно въ своей комнатѣ, а не въ школѣ. Черезъ два три года парнишка нашъ настолько уже успѣлъ набраться грамотности, что Дивовъ могъ опредѣлить его писцомъ въ одно изъ Рязанскихъ присутственныхъ мѣстъ.

Я какъ-то упомянулъ выше и вскользь о Городищенскихъ нашихъ трапезахъ, названныхъ мною гастрономическими. Для меня онѣ были отяготительны по причинѣ ихъ продолжительности; но эта продолжительность не зависѣла отъ числа блюдъ (коихъ было не болѣе четырехъ), но отъ того, что хозяинъ нашъ ввелъ у себя въ обычай, чтобы между каждымъ блюдомъ былъ антрактъ никакъ не менѣе десяти минутъ. Какъ безпристрастный бытописатель, не могу скрыть, что у почтеннаго моего кузе́па была не одна таковая фантазёрная привычка, происшедшая отчасти отъ его желанія не дѣлать того, что̀ дѣлаютъ всѣ прочіе смертные. Въ цѣломъ свѣтѣ принято, напримѣръ, чтобы послѣ супа подавалось мясное, а у Дивова это не допускалось, и вторымъ блюдомъ бывало что нибудь изъ мучного, напр. макароны по неаполитански, рисъ по милански, или гречневая каша на грибномъ бульонѣ съ мозгами и мушкатнымъ орѣхомъ; потомъ легкій сотѐ изъ рыбы, курицы, дичи, мозговъ или телячьихъ ножекъ, всё это въ соусѣ, а только подъ конецъ мясное изъ разварного филея, солонины или жареныхъ реберъ (entrecôtes), говяжьяго огузка, баранины или зайца (телятины Дивовъ не любитъ), и къ жаркому подаютъ пюрѐ изъ какихъ нибудь овощей, а вмѣсто десерта ничего другого въ то время не подавалось какъ варенье Да и обѣденный часъ двоюродный братецъ мой варіировалъ, глядя по времени года. Въ серединѣ лѣтняго сезона онъ придумалъ обѣдать въ два часа, дабы послѣ двухъ-часового отдыха, необходимаго ему для дижестіи (хотя онъ и не ложился послѣ обѣда), онъ могъ совершать свои прогулки по хозяйству. Когда-же дни укорачивались на столько, что въ началѣ седьмого часа начинало смеркаться, мы обѣдали въ семь часовъ, при свѣчахъ. Зимою обѣденный часъ все спускался: сначала, до половины седьмаго, потомъ до шести, и останавливался окончательно на весь зимній сезонъ въ 5 часовъ. А перво-осенній скачекъ отъ 2-хъ до 7-ти часовъ вечера былъ мотивированъ тѣмъ, чтобы Дивову имѣть время прогуляться досыта и не спѣша, до своего обѣда. Такъ какъ онъ закусывалъ въ 1-мъ часу

мяснымъ блюдомъ, ломтемъ сыра или яичницею и выпивалъ здоровую рюмку мадеры, то ему легко было дотянуть до обѣда въ семь часовъ вечера; а глупый мой желудокъ не могъ никогда усвоить себѣ эту всеобщую, впрочемъ, привычку второго завтрака, и мнѣ чрезмѣрно тяготительно было дожидаться столь поздняго обѣда съ однимъ утреннимъ чаемъ. А обѣденное время въ 2 и даже въ 3 часа было мнѣ также неудобнымъ, потому что мнѣ и тогда и по сю пору никогда ѣсть не хочется до 5 часовъ. Да и самые меню, «menu», и сервировка этихъ обѣдовъ были мнѣ не по нутру. Проголодавшись, бывало, до седьмого часа вечера, накинешься на супъ, а во время десятиминутныхъ антрактовъ между каждымъ блюдомъ поневолѣ набьешь желудокъ сухимъ хлѣбомъ, и къ появленію остальныхъ блюдъ я находился въ томъ неопредѣленномъ состояніи, что̀ называется ни сытъ, ни голоденъ. Впрочемъ, все это фантазёрство въ сервировкѣ и въ частой перемѣнѣ обѣденнаго часа тяготило только домашній, ежеденный кружекъ хозяина дома, а при гостяхъ мало-мальски почетныхъ Дивовъ обѣдалъ въ 5 часовъ, какъ водится въ высшихъ столичныхъ домахъ, и безъ антрактовъ между блюдами, и подавался вторымъ блюдомъ послѣ супа Англійскій ростъ-бифъ или другое «pièce de résistance». Но не любитъ кузе́нъ мой этого порядка, не любитъ онъ вообще появленія у него за столомъ вальяжнаго мясного блюда, потому что насыщаться сразу въ самомъ началѣ обѣда противно гастрономическому его кодексу, а любитъ онъ щекотать и лакомить свои уста и языкъ легкими соусами, сальми и сотѐ, съ прихотливыми приправами.

Послѣ моихъ имянинъ я поѣхалъ въ Знаменское, гдѣ и встрѣтилъ съ своими новый 1852 годъ. У Шабишевыхъ устраивался тогда домашній спектакль, въ коемъ меня пригласили участвовать. Одною изъ піесъ была: «Въ людяхъ ангелъ не жена, съ мужемъ дома сатана», удачная довольно передѣлка Московскимъ актеромъ Д. Т. Ленскимъ Французской піесы «L'ange dans le monde et le diable à la maison». Въ ней амплуа любовника было первенствующимъ, и мнѣ предоставлено былъ это амплуа, а первую женскую роль изучивала миловидная и живая Александра Романовна Поливанова, да и роль была ей подъ стать, будто бы для нея написанная. Весьма лестно казалось мнѣ быть на сценѣ молодымъ мужемъ-любовникомъ женщины, коей я и безъ того старался нравиться, не взирая на мои почти 45 лѣтъ, и я принялся было за дѣло, твердо уповая не посрамить талантливую мою подругу и мнимую жену. Но чтобы исполнить эту роль, какъ было мнѣ желательно, приходилось одолѣть двѣ трудности. Первая была та, что я никогда въ жизни не испытывалъ еще своей способности въ высшей

драматургіи, а подвизался лишь въ водевильчикахъ; а вторая была та, что я самъ боялся, что настоящія мои лѣта не могутъ, пожалуй, гармонировать съ ролью молодого мужа-любовника. Тѣмъ не менѣе, на репетиціяхъ я, кажется, не ударилъ лицомъ въ грязь, и кое-что выкупалъ пѣніемъ моимъ въ куплетахъ и «morceau d'ensemble». Позднѣе я узналъ, что Александра Романовна выбрала меня для этой роли въ пикировку, будто бы, артиллеристу Алексѣю Васильевичу Зимнинскому, который ухаживалъ за нею и очень желалъ сыграть эту роль съ нею; или потому, что мужу ея (искреннему моему другу) Константину Александровичу желательно было (пожалуй, что изъ ревности), чтобы жена его играла по сценѣ со мною, а не съ молодцоватымъ этимъ офицеромъ; или, быть-можетъ, наконецъ, и потому, что безголосому и немузыкальному А. В. Зимнинскому невозможно бы было пропѣть куплеты. Въ водевилѣ, предназначенномъ для второй піесы, мнѣ не приходилось участвовать, и въ немъ играли: хозяйская дочь Надежда Николаевна (впослѣдствіи Никитина) и двое ея братьевъ, всѣ трое настоящіе артисты. И теперь памятно мнѣ, съ какою натуральностью представляла чванствующую мелкую чиновницу молодая Надежда Николаевна, и съ какимъ оживленіемъ и оскорбленнымъ самолюбіемъ она накидывалась на мѣщанку или купчиху, напоминая ей:

„Безчинствовать не водится съ чиновными людьми.
Я ваше благородіе, а вы что?—Каковы!“.

Было у насъ нѣсколько репетицій этого спектакля, обѣщавшаго сойти съ рукъ какъ по маслу, какъ вдругъ меня схватилъ на самой репетиціи сильный пароксизмъ лихорадки, и я ускакалъ домой; ночью сдѣлался у меня бредъ, и я не могъ выходить нѣсколько дней изъ комнаты, а когда сталъ поправляться (это было въ концѣ Января), получилъ письмо отъ Николая Адріановича, вызывавшее немедленно меня прямо въ Рязань, по просьбѣ о томъ Меропы Александровны Новосильцевой, чтобы содѣйствовать ей въ устройствѣ благородныхъ спектаклей, концертовъ, живыхъ картинъ и подобныхъ тому увеселеній, долженствовавшихъ ознаменовать первоначальную административную эру Петра Петровича Новосильцева. Въ Городищѣ засталъ я еще Н. А. Дивова готовившагося уѣзжать на всю остальную зиму въ Петербургъ и, по желанію его, я переѣхалъ на нѣкоторое время въ Рязанскій его домъ (близъ Астраханской заставы), имъ купленный года два передъ тѣмъ.

БАЛЬЗАКЪ О БИРОНѢ.

Вопросъ о происхожденіи Бирона, въ связи съ его блестящей карьерой, сперва въ Курляндіи, а потомъ особенно въ Россіи, еще въ XVIII столѣтіи занималъ собою выдающихся историковъ, авторовъ воспоминаній, записокъ, анекдотовъ изъ Русской придворной жизни. Необыкновенная судьба фаворита императрицы Анны Іоанновны поражала своими романтическими и трагическими подробностями. Загадочныя причины его вліянія на Анну Іоанновну, его значеніе, такъ-сказать, во главѣ Русскаго правительства, помыслы породниться съ царскимъ семействомъ путемъ брака его сыновей, то съ принцессою Анной Леопольдовной Мекленбургской, то съ Елисаветою Петровной, то посредствомъ выдачи его собственной дочери замужъ за Голштинскаго принца *) Петра Ѳеодоровича (впослѣдствіи императора Петра III), ссылка въ Сибирь, возвращеніе оттуда опять на Курляндскій герцогскій престолъ, всѣ эти перевороты судьбы могли легко увлекать фантазію біографовъ Бирона поистинѣ - сказочными приключеніями его жизни и вызвать созданіе цѣлыхъ невѣроятныхъ легендъ, въ объясненіе его первоначальныхъ шаговъ на поприщѣ придворнаго фаворитизма.

Происхожденіе Бирона, хотя указанное еще Манштейномъ въ его Запискахъ, долго считалось спорнымъ, и лишь князь А. Б. Лобановъ, въ своей Русской Родословной Книгѣ, впервыя изложилъ генеалогію Бироновъ, по которой дѣдомъ регента Іоганна-Эрнеста былъ Мекленбургскій уроженецъ Матіасъ Бюренъ, конюшій герцога Курляндскаго, возведенный въ 1636 г. въ достоинство Польскаго дворянина. Но это происхожденіе было установлено, такъ-сказать, post factum, когда самъ регентъ сталъ предметомъ строгихъ пріемовъ историческаго изслѣдованія. Въ XVIII-мъ столѣтіи, его значеніе фаворита, его богатство власть и вліяніе на столько поражали современниковъ, что, ослѣпленные его быстрымъ возвышеніемъ и его трагическою судьбой, они не

*) Соловьевъ, Исторія Россіи, изданіе Товарищества Общественная Польза, часть IV, стр. 1620—1622; ч. V, стр. 7, 12, 18, 32.

заботились о его предкахъ, и всѣ его успѣхи объясняли себѣ личными усиліями его и условіями тогдашняго придворнаго быта. Не забудемъ, что прошлое столѣтіе особенно благопріятствовало появленію во всѣхъ Европейскихъ государствахъ скоропреходящихъ метеорическихъ любимцевъ и фаворитовъ. Припомнимъ Францію съ ея маркизами Помпадуръ и графинями Дюбари, Данію съ ея Струэнзе и т. д. Прошедшее фаворитовъ и фаворитокъ было большею частью покрыто мракомъ неизвѣстности, и только блескъ ихъ именъ заставлялъ любопытный взоръ современниковъ пытливо проникать въ тайны ихъ происхожденія. Впрочемъ, для нашей цѣли не представляетъ значенія вопросъ о томъ, былъ-ли Іоганнъ-Эрнестъ внукомъ конюшаго Курляндскаго герцога, или самъ онъ служилъ первоначально на конюшнѣ предпослѣдняго изъ Кетлеровъ, герцога Фридриха-Вильгельма, мужа Анны Іоанновны, племянницы Петра Великаго. Страсть регента къ лошадямъ и его несомнѣнныя познанія въ вопросахъ коннозаводства во всякомъ случаѣ оправдываются, если не преданіемъ о его первоначальной службѣ, то, по крайней мѣрѣ, его происхожденіемъ и, можетъ быть, унаслѣдованными отъ дѣда способностями [1]). Насъ гораздо болѣе занимаютъ легенды, сложившіяся къ объясненію тайны первоначальныхъ успѣховъ Іоганна-Эрнеста Бирона на придворномъ и свѣтскомъ поприщахъ. Подобныя легенды разсѣяны по многочисленнымъ изданіямъ прошлаго вѣка, посвященнымъ хроникѣ Россіи и біографіямъ случайныхъ людей. Въ этихъ изданіяхъ и слѣдуетъ искать, по нашему мнѣнію, генетическаго объясненія того разсказа Бальзака, который составляетъ предметъ нашего сообщенія.

Можетъ быть, Бальзакъ имѣлъ подъ руками какую-нибудь сплетню Перри, Аргенса, или памфлетъ Локателли [2]), и въ нихъ нашелъ почву, на которой разыгралось его собственное воображеніе. Дѣло въ томъ, что Французскій романистъ презираетъ достовѣрныя данныя, сообщаемыя еще Манштейномъ въ его Запискахъ, о происхожденіи Бирона отъ дѣда-шталмейстера и отца-егермейстера у Курляндскихъ герцоговъ [3]), и называетъ его сыномъ ювелира. Заброшенный судьбою въ какой-то маленькій городъ Германіи и умирая съ голода,

[1]) Кстати сказать: Нѣмецкіе берега Балтійскаго моря издавна славятся мѣстными породами лошадей, напримѣръ: Мекленбургскихъ, Голштинскихъ и т. д.; а дѣдъ Бирона былъ родомъ изъ Мекленбурга. Не служилъ ли онъ тамъ на какомъ-нибудь конномъ заводѣ?

[2]) См. эти имена въ числѣ писателей о Россіи при императрицѣ Аннѣ, въ каталогѣ Rossica, Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ. (Catalogue de la Section des Rossica, S. P-bourg, 1873).

[3]) Записки Манштейна, Дерптъ, 1810, часть I, стр. 109—117.

Биронъ встрѣчается тамъ съ Шведскимъ временщикомъ, барономъ Герцемъ, который беретъ его въ свои секретари. Одаренный красивою наружностью и способностью къ работѣ, молодой секретарь скоро входитъ въ довѣріе къ своему покровителю, но лишается его также скоро, и даже приговаривается къ смертной казни, вслѣдствіе несчастной привычки жевать бумагу во время канцелярскихъ занятій. Таже страсть его губитъ и въ Курляндіи, куда онъ спасается бѣгствомъ изъ Швеціи. Опредѣленный, по рекомендаціи Герца, секретаремъ къ управляющему дворомъ герцога Курляндскаго, онъ и тамъ продолжаетъ пожирать рукописи и имѣетъ несчастіе покуситься на собственноручную подпись герцога въ важномъ документѣ, который ему былъ данъ для переписки. Предвидя бѣду, онъ ночью же кидается за покровительствомъ къ герцогинѣ, которая, прельстившись его наружностью, не только спасаетъ его отъ заслуженнаго наказанія, но, овдовѣвъ, выходитъ за него даже замужъ. Впослѣдствіи Бальзакъ возводитъ его въ регента Россіи, по смерти Екатерины I (!) и при Аннѣ Іоанновнѣ. Мы не останавливаемся на историческихъ неточностяхъ Французскаго писателя, который женитъ Бирона не на Бенигнѣ Тротта-фонъ-Трейденъ, а на вдовствующей Курляндской герцогинѣ, который фантазируетъ насчетъ происхожденія своего героя отъ какого-то неизвѣстнаго ювелира и не проявляетъ вообще вѣрныхъ познаній въ Русской исторіи начала XVIII вѣка. Въ сообщаемой Бальзакомъ легендѣ намъ любопытны два основные факта. Это, вопервыхъ, то, что Биронъ является сыномъ золотыхъ дѣлъ мастера и, вовторыхъ, подробности, относящіяся къ его прожорливой наклонности жевать бумагу. Обѣ эти черты встрѣчаются въ другомъ варіантѣ, повидимому, той же легенды, который изложенъ княземъ П. А. Вяземскимъ въ его Записной Книжкѣ *). Но изложеніе Бальзака отличается болѣе романическою развязкой, между тѣмъ какъ у князя Вяземскаго Биронъ излѣчивается отъ своей страсти къ жеванію пьянствомъ, въ которое его втягиваетъ, ради новаго вкусового ощущенія, сборщикъ податей герцога Курляндскаго. Помимо указанныхъ общихъ чертъ, въ обоихъ варіантахъ замѣчательны слѣдующія подробности, намекающія на какое-то взаимное совпаденіе, едва-ли случайное. По разсказу князя Вяземскаго, Курляндскому сборщику податей могло грозить со стороны его враговъ обвиненіе въ растратѣ, вслѣдствіе слуховъ о его сладострастіи и мотовствѣ. Бальзакъ говоритъ о герцогѣ: «Онъ былъ расточителенъ, онъ былъ женатъ на красавицѣ и довѣрялся своему управляющему; вотъ уже поводы къ раззоренію». И то и другое объясненіе мотивовъ расточительности Курляндскихъ чиновниковъ

*) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. VIII, стр. 207—212.

(сборщика податей съ одной стороны, и герцогскаго управляющаго съ другой) участіемъ женщинъ невольно приводятъ на память маловажное, съ перваго взгляда, указаніе, скрытое въ одномъ изъ примѣчаній къ тому мѣсту Исторіи Соловьева, гдѣ онъ первоначальное вступленіе Бирона въ придворный штатъ Курляндской герцогини Анны Іоанновны приписываетъ покровительству ея оберъ-гофмейстера, П. М. Бестужева-Рюмина, котораго тоже обвиняли въ любовныхъ похожденіяхъ съ фрейлинами Курляндскаго двора, особенно съ сестрою Бирона, и въ обкрадываніи придворной казны [1]). Совпаденіе этихъ, приводимыхъ Соловьевымъ, историческихъ фактовъ, съ частными подробностями двухъ вышеизложенныхъ варіантовъ легенды о Биронѣ не позволяетъ-ли предположить, что фантазія памфлетистовъ прошлаго вѣка развилась на почвѣ какого-нибудь несомнѣннаго обстоятельства, къ которому Бестужевъ могъ быть приплетенъ, то подъ видомъ управляющаго герцога, то подъ видомъ его сборщика податей? Остается вопросъ о жеваніи бумаги; но онъ относится къ такимъ подробностямъ о ранней молодости Бирона, о которыхъ мы вообще имѣемъ очень мало свѣдѣній въ скудныхъ данныхъ этой эпохи его жизни. Наконецъ, очень можетъ быть, что связь его первоначальныхъ успѣховъ съ послѣдствіями его бумажной прожорливости заимствована изъ какой-нибудь древней этіологической сказки, обставляющей какіе-нибудь историческіе или бытовые факты объясненіями чисто-легендарнаго характера. Исторія басни и миѳа намъ указываетъ, что древніе, исконные сказочные мотивы часто переносятся въ явленія гораздо позднѣйшаго времени. Бальзакъ намекаетъ на то, что куреніе табаку не было такъ, какъ теперь, распространено въ эпоху юности Бирона. Князь Вяземскій, съ другой стороны, указываетъ на излѣченіе посредствомъ вина отъ губительной страсти жевать бумагу. Не находятся-ли обѣ эти черты въ связи съ цикломъ народныхъ сказаній о цѣлебныхъ свойствахъ вина и табаку, и не относится-ли легенда о жеваніи бумаги къ той области вымысловъ, которая, напримѣръ, кладетъ сказочную основу въ объясненіе моды прошлаго столѣтія, заставившей свѣтскихъ красавицъ украшать свое лицо тафтяными мушками? [2]).

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, часть IV, стр. 1077 и примѣчаніе 3.

[2]) При какомъ-то дворѣ придворная дама влюбилась въ придворнаго кавалера, котораго привозили къ ней по ночамъ, и онъ не могъ въ темнотѣ разглядѣть ея лица. Однако, желая разузнать имя неизвѣстной красавицы, онъ отмѣтилъ ее адскимъ камнемъ (argentum nitratum) на лицѣ, въ виду предстоявшей при дворѣ встрѣчи. Но плутовка нашлась и тутъ. Она налѣпила себѣ на обожженое мѣсто кусочекъ черной таѳты и тотчасъ же оповѣстила о томъ прочихъ придворныхъ дамъ, какъ о новѣйшемъ изобрѣтеніи моды. Тѣ поспѣшили послѣдовать примѣру первой львицы двора и мѣстной законодательницы

Какъ бы то ни было, и Бальзакъ, и неизвѣстный авторъ разсказа, приводимаго княземъ Вяземскимъ, воспользовались въ своей легендѣ однимъ и тѣмъ же основнымъ мотивомъ жеванія бумаги. Мотивъ этотъ, можетъ быть, и не оправдывается данными біографіи Бирона; но онъ, во всякомъ случаѣ, подлежитъ вниманію изслѣдователей исторіи литературы и, по всей вѣроятности, коренится, какъ мы выше предположили, въ какихъ-нибудь преданіяхъ, связанныхъ со свойствами табаку или вина. Что же касается до исторической подкладки легенды, то находка анекдота въ бумагахъ графа Панина, бывшаго долго Русскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ, и участіе въ событіяхъ барона Герца, даютъ поводъ искать источника описываемой легенды въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ Шведскомъ преданіи.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію занимающаго насъ эпизода изъ Бальзаковскаго романа, приведемъ сообщеніе князя Вяземскаго изъ его старой Записной Книжки. Разсказъ на Французскомъ языкѣ, озаглавленный: Anecdote sur le sieur Jean Ernest duc de Biron (Анекдотъ о Иванѣ-Эрнестѣ герцогѣ Биронѣ), по словамъ князя Вяземскаго, «найденъ въ бумагахъ графа Никиты Ивановича Панина, управлявшаго внѣшними дѣлами при Екатеринѣ II. Подлинникъ поступилъ въ собственность графа Ивана Григорьевича Чернышова, и списокъ съ него переданъ мнѣ *) сыномъ его, графомъ Григоріемъ Ивановичемъ. Достовѣренъ-ли разсказъ, или вымышленъ, или, по крайней мѣрѣ, искаженъ, рѣшить не беремся. Во всякомъ случаѣ, онъ не согласуется съ установленными свѣдѣніями и преданіями о происхожденіи Бирона. Съ другой стороны, думать, что разсказъ совершенно вымышленъ, также неправдоподобно: найденный въ бумагахъ Панина, онъ имѣетъ за себя нѣкоторый дипломатическій авторитетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ любопытенъ по содержанію и, можетъ быть, наведетъ на затерянные слѣды, для объясненія и опредѣленія истины». Вотъ разсказъ князя Вяземскаго о Биронѣ:

«Сей, столь извѣстный, мужъ, который игралъ такую значительную роль въ царствованіе императрицы Анны, былъ сынъ золотыхъ дѣлъ

моды. На другой день всѣ дамы явились во дворецъ съ мушками, налѣпленными у всѣхъ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ лица, и смущенный красавецъ такъ и не могъ узнать, кто именно осчастливилъ его тайною своей любви. (Преданія о народныхъ Русскихъ суевѣріяхъ, повѣрьяхъ и нѣкоторыхъ обычаяхъ, заимствованы изъ „Словаря Русскихъ суевѣрій“, изданнаго въ 1782 г. Москва, 1861 г., въ типографіи Сергѣя Орлова, стр. 141 - 145, преданіе о мушкахъ.)

*) Т.-е. князю Вяземскому

мастера. Отецъ готовилъ его къ званію нотаріуса. Онъ пріобрѣлъ всѣ знанія, нужныя для исполненія этой должности. Но онъ соскучился пребываніемъ въ маленькомъ городкѣ. Вскорѣ представился ему случай предложить услуги свои барону Герцу (baron Goertz), который пробылъ нѣсколько времени въ этомъ мѣстечкѣ, за скоропостижною смертью секретаря своего. Молодому Бирону, благодаря приличной наружности и ловкости, удалось снискать согласіе барона опредѣлить его на упраздненное мѣсто. Онъ поѣхалъ съ нимъ въ Стокгольмъ. Знакомство его съ разными языками и умѣніе разбирать и списывать всевозможные почерки вскорѣ оправдали выборъ и довѣріе, ему оказанные. По привычкѣ его съ дѣтства имѣть въ рукахъ старые договоры и документы, писанные большею частью на пергаментѣ, онъ незамѣтно повадился, переписывая подлинники, держать во рту оторванные съ полей ихъ лоскутки, такъ что, наконецъ, находилъ въ этомъ особенное удовольствіе, подобно тѣмъ, которые пріучаютъ себя жевать табакъ. Эта привычка обратилась въ страсть: онъ постоянно имѣлъ во рту такіе бумажные отрѣзки, которые тщательно отдѣлялъ отъ листа; а какъ занятія его по письменной части заключались въ обращеніи со множествомъ бумагъ, то онъ могъ лакомствомъ своимъ вдоволь наслаждаться».

«Однажды въ кабинетѣ начальника онъ задержанъ былъ долѣе обыкновеннаго по работѣ важной и спѣшной. Изъ побужденія аппетита своего онъ открылъ ветхую и законченную бумагу, которая лежала на краю стола. Безсознательно и, такъ сказать, машинально положилъ онъ ее въ ротъ и началъ сосать. Весь погруженный въ занятіе свое и единственно озабоченный работою, онъ такъ разлакомился находкой, что не подумалъ о томъ, чего долженъ былъ опасаться».

«Только послѣ четырехъ часовъ усидчиваго труда опомнился онъ и замѣтилъ, что бумага не только все еще во рту его, но что она вся изжевана, такъ что совершенно обезображена. Изумленіе его еще возрасло, когда онъ поспѣшилъ развернуть ее и кое-какъ разобралъ по оставшимся въ цѣлости словамъ, что содержаніе ея было особенной важности и относилось до спорнаго дѣла, которое горячо отстаивалось съ одной стороны Шведскимъ правительствомъ, съ другой императоромъ Петромъ I. Онъ почувствовалъ, что погибъ безотмѣнно. Ничего не могъ придумать онъ къ оправданію своему. Отчаяніе овладѣло имъ, и въ туже минуту вошелъ баронъ. Онъ нашелъ его съ этою злополучною бумагою въ рукѣ и съ перваго взгляда замѣтилъ въ глазахъ его и на всемъ лицѣ признаки необычайнаго смущенія. Достаточно было одного любопытства, чтобы возбудить въ баронѣ желаніе развѣдать эту тайну. Но что̀ было съ нимъ, когда, взглянувъ на бумагу,

онъ убѣдился, что она нужнѣйшая и драгоцѣннѣйшая изъ всѣхъ дѣловыхъ документовъ, хранившихся въ кабинетѣ его. Въ первомъ порывѣ гнѣва онъ не далъ себѣ времени разобрать дѣло, не слушалъ никакихъ оправданій и объясненій: онъ не сомнѣвался въ измѣнѣ и вѣроломствѣ секретаря своего, будто-бы подкупленнаго Русскимъ посланникомъ. Тутъ же приказалъ онъ отправить несчастнаго въ тюрьму и держать его подъ строжайшимъ присмотромъ».

«Въ заточеніи своемъ молодой человѣкъ, какъ ни разсматривалъ бѣду свою со всѣхъ сторонъ и какъ ни чувствовалъ себя невиннымъ, а все приходилъ къ тому заключенію, что для оправданія его нѣтъ никакого средства, потому что всѣ наружныя улики противъ него. Въ подобномъ расположеніи духа онъ менѣе думалъ о защитѣ своей, нежели о приготовленіи себя къ смерти. Однакоже, какъ объясненіе обстоятельствъ неумышленной вины его не могло ни въ какомъ случаѣ быть для него предосудительнымъ, то онъ рѣшился разсказать откровенно все, что было, хотя мало надежды имѣлъ убѣдить судей въ чистосердечіи признаній своихъ. Вскорѣ призвали его къ допросу. Четверо изъ важнѣйшихъ Стокгольмскихъ сенаторовъ обвиняли его въ преступленіи и вынуждали сознаться въ тайныхъ сношеніяхъ съ Россіею. Онъ отвѣчалъ имъ со слезами на глазахъ однимъ изложеніемъ обстоятельствъ, которыя вкоренили въ немъ привычку жевать бумагу и старый пергаментъ. Какъ ни слаба могла казаться такая защита, но простота, съ которою онъ выразилъ ее, произвела особое впечатлѣніе на одного изъ старыхъ сенаторовъ: долгая опытность въ судебныхъ дѣлахъ давала ему возможность угадывать признаки правоты и невинности. Всматриваясь болѣе и болѣе въ подсудимаго, сенаторъ замѣтилъ, что пока писалъ онъ свои показанія и былъ углубленъ въ чтеніе допросныхъ пунктовъ и въ обдуманное изложеніе отвѣтовъ, онъ часто протягивалъ руку къ чернильницѣ, бывшей на столѣ, вырывалъ кусочки пергамента, коимъ была она обита, и явно, по невольному движенію, бралъ въ ротъ эти обрывки» *).

«Это наблюденіе заставило сенатора находить нѣкоторое правдоподобіе въ показаніяхъ подсудимаго. Онъ обратился къ нему съ вопросами о занятіи и постепенномъ усиленіи привычки его. Онъ потребовалъ оправдывающихъ доказательствъ. По счастію подсудимаго, въ нихъ недостатка не было: онъ вытащилъ изъ кармана множество маленькихъ бумажныхъ и пергаментныхъ свертковъ. Складъ ихъ, запахъ,

---

*) Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что эта продѣлка могла бы быть и умышленною уловкой, чтобы убѣдить судей своихъ въ непобѣдимой привычкѣ, которою онъ оправдывалъ свой поступокъ. (Примѣчаніе князя П. А. Вяземскаго)

все согласовалось съ его показаніями. Сенаторъ изъ судіи сдѣлался защитникомъ; другія собранныя справки о поведеніи и связяхъ его были всѣ ему благопріятны. Баронъ первый исходатайствовалъ возвращеніе ему свободы. Не смотря на то, опасеніе, что снисхожденіе можетъ вовлечь его въ новыя непріятности, или что огласка, данная этому событію, можетъ обратиться ему во вредъ и во всякомъ случаѣ должна измѣнить отношенія его къ секретарю, онъ уволилъ его съ выдачею приличнаго вознагражденія».

«Мало было вѣроятія, что человѣкъ, почти выключенный изъ службы самимъ министромъ, могъ найти случай опредѣлиться къ новому мѣсту въ Швеціи. Несчастный Биронъ рѣшился выѣхать изъ нея и перебраться въ Курляндію, гдѣ приключеніе его не было извѣстно. Онъ поступилъ къ первому дѣловому человѣку, который согласился принять его. Фортуна, которая вела Бирона за руку, приблизила его къ главному сборщику податей въ Митавѣ. Это былъ человѣкъ, преданный развлеченіямъ и удовольствіямъ, давно искавшій смышленаго дѣльца, который могъ бы освободить его отъ бремени занятій и трудовъ, лежавшихъ на немъ по должности. Одаренный необычайнымъ умомъ и прилежностію, новый секретарь оказалъ способности, которыхъ отъ него требовали. Онъ скоро снискалъ любовь начальника своего, но не могъ отучиться отъ привычки, которая угрожала ему гибелью въ Швеціи. Главный сборщикъ, покончивъ счеты, возвратился домой съ роспискою, собственноручно подписанною герцогомъ Курляндскимъ. Онъ очень дорожилъ этою роспискою; потому что недоброжелатели, пользуясь извѣстною молвою о немъ, что онъ преданъ сладострастію и мотовству, готовы были обвинить его и въ недобросовѣстномъ соблюденіи общественныхъ денегъ. Потому и отдалъ онъ росписку секретарю съ наказомъ хранить ее бережно и тщательно. Эта бумага не имѣла свойствъ, которыя могли бы возбудить обыкновенный позывъ его на ѣду. Это не былъ лакомый ему пергаментъ; но, по силѣ привычки, Биронъ неотлагательно приблизилъ его къ губамъ своимъ Къ тому же, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ немъ ослабло впечатлѣніе, оставшееся отъ прежней невзгоды. Какъ бы то ни было, онъ по несчастію предалъ бумагу эту прожорливости зубовъ своихъ, и вскорѣ они врѣзались до того, что уничтожили вовсе подпись герцога, подпись, которая составляла всю важность помянутаго документа. Не долго спустя, убѣдился онъ въ бѣдѣ; но бѣда была уже неисправима. Она показалась ему еще опаснѣе послѣдствіями своими, чѣмъ Стокгольмская, и онъ вообразилъ себѣ, что ему предстоитъ таже гибель. Наконецъ, обдумавъ хорошенько положеніе свое, онъ немного успо-

коился. Подозрѣніе въ измѣнѣ и предательствѣ не могло въ этомъ случаѣ пасть на него; а въ этомъ подозрѣніи была бы сильнѣйшая для него опасность».

«Потому и рѣшился онъ заблаговременно предувѣдомить начальника своего о своей неосторожности и, чтобы задобрить и разжалобить его, онъ началъ разсказомъ про свое Стокгольмское приключеніе, которое вынудило его оставить Швецію. Послѣ того съ трепетомъ обратилъ онъ рѣчь на новую бѣду свою. Сборщикъ податей хорошо понялъ смущеніе и страхъ его; но, надѣясь поправить дѣло безъ большого затрудненія, онъ далъ себѣ удовольствіе продлить сцену и забавлялся тревогою подчиненнаго своего. Между тѣмъ принялъ онъ нужныя мѣры, чтобы обезпечить себя въ отношеніи къ придворнымъ разсчетамъ. Герцогу разсказалъ онъ откровенно всѣ обстоятельства настоящаго дѣла и съ такою похвалою отозвался о способностяхъ секретаря своего, что возбудилъ въ герцогѣ желаніе лично узнать его. Наружность его и нѣсколько минутъ разговора съ нимъ достаточны были, чтобы расположить герцога въ пользу его. Милость, оказываемая ему, возрастала съ каждымъ днемъ; онъ былъ уже на очереди сдѣлаться любимцемъ его. Сборщикъ, оцѣняя отличныя качества его, видя, что привязанность къ нему герцога лишитъ его хорошаго помощника и опасаясь, что съ другой стороны несчастная и укрѣпившаяся привычка можетъ вовлечь его въ новый просакъ, рѣшился испытать средство для исцѣленія его отъ этой слабости. Онъ вообразилъ себѣ, что эта привычка, родъ недуга, заключалась въ жилкахъ нёба во рту и въ губахъ, привыкшихъ къ нѣкоторому раздраженію; вслѣдствіи того онъ намѣревался устранить это предрасположеніе, пріучивъ секретаря своего къ другому ощущенію болѣе сильному и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе пріятному, которое надѣялся возбудить въ немъ хмѣльнымъ напиткомъ. Придумавъ этотъ способъ, рѣшился онъ привести его въ дѣйствіе въ тотъ же день. Онъ пригласилъ секретаря своего съ нимъ отужинать; примѣромъ своимъ побуждалъ онъ его къ осушенію такого числа бокаловъ, что съ перваго раза поставилъ его въ невозможность помышлять во всю ночь о пергаментѣ. Въ слѣдующіе дни возобновлялъ онъ испытанія свои, сколько собственныхъ силъ его на то хватало. Лучшія вина смѣнялись *сильнѣйшими* *) ликерами. По исходѣ нѣсколькихъ недѣль, пергамента не было уже въ поминѣ: вкусъ и потребность новыхъ ощущеній рѣшительно взяли верхъ. Но что̀ было

*) Не вполнѣ точное выраженіе: *сильнѣйшіе* вмѣсто: *крѣпчайшіе*, которое слѣдовало бы примѣнить, какъ эпитетъ, къ упоминанію о ликерахъ, по всей вѣроятности указываетъ, что во Французскомъ подлинникѣ стояло: ces plus fortes liqueurs.

еще и того счастливѣе для секретаря, застольная свобода и благотворное дѣйствіе увеселительнаго вина развязывали умъ и языкъ его. Онъ явилъ въ себѣ способности, которыхъ въ немъ и не подозрѣвали. Молва о совершившемся чудѣ дошла до герцога. Онъ захотѣлъ лично убѣдиться въ достовѣрности доходящихъ до него слуховъ, и такимъ образомъ секретарь сдѣлался предметомъ общаго вниманія. Положеніе его совершенно измѣнилось; фортуна его постепенно возрастала, помѣрѣ благопріятныхъ впечатлѣній, которыя онъ производилъ на всѣхъ, оправдывая и утверждая мнѣніе о умѣ своемъ и ловкой смышлености. Сдѣлавшись фаворитомъ герцога, Биронъ не замедлилъ еще болѣе понравиться герцогинѣ*). Эта привязанность, которая продлилась до кончины герцога, еще болѣе обнаружилась и усилилась послѣ смерти его. И вотъ первыя ступени, которыя вознесли Бирона на высоту, которую онъ занялъ впослѣдствіи».

Преданіе о Биронѣ, сообщаемое Бальзакомъ, входитъ какъ эпизодическій разсказъ, въ третью часть его извѣстнаго романа, озаглавленнаго *Погибшія Мечты* (Illusions Perdues), раздѣленнаго на три отдѣльныя разсказа. Первый изъ нихъ называется *Два поэта* (Les deux poètes), второй—*Знаменитый провинціалъ въ Парижѣ* (Un grand homme de province à Paris), а третій—*Ева и Давидъ* (Ève et David). Всѣ три разсказа, подъ общимъ заглавіемъ *Погибшія Мечты*, составляютъ четвертый томъ *Очерковъ провинціальной жизни* (Scènes de la vie de province), а эти очерки, въ свою очередь, входятъ, какъ особая часть, въ одно изъ подраздѣленій общей картины Французскихъ нравовъ, подъ именемъ *Комедіи Человѣчества* (La comédie Humaine), обезпечившей Бальзаку славу великаго писателя. Характеръ творчества Бальзака отличается тою особенностію, что, подобно Эмилю Зола, взявшему съ него примѣръ, онъ создалъ цѣлое общество героевъ, которыхъ заставляетъ, въ разныхъ положеніяхъ и при различныхъ условіяхъ, появляться въ отдѣльныхъ романахъ, а для условія взаимныхъ отношеній выводимыхъ имъ лицъ, облегчаетъ читателя ихъ подробными біографіями, носящими отдѣльныя заглавія. Герои-Бальзака принадлежатъ къ самымъ разнообразнымъ общественнымъ слоямъ и профессіямъ, что̀ даетъ поводъ автору соединять ихъ въ условіяхъ самыхъ противорѣчивыхъ соціальныхъ отношеній и ставить ихъ въ положенія, то высоко комическія, то полныя глубокаго трагизма. Безпощадный критикъ, обладающій въ высшей степени тонкимъ психологическимъ

*) Разумѣется, все это чистые вымыслы: извѣстно, что герцогъ Курляндскій, супругъ Анны Іоанновны, обвѣнчавшись съ нею въ Петербургѣ, не успѣлъ возвратиться къ себѣ въ Митаву и черезъ нѣсколько недѣль послѣ брака и шумныхъ попоекъ скончался въ Дудергофѣ подъ Петербургомъ, гдѣ вдова его впослѣдствіи воздвигла церковь. П. Б.

анализомъ, Бальзакъ въ своихъ изображеніяхъ дѣйствительной жизни доходитъ до такого потрясающаго реализма, обладаетъ такимъ отсутствіемъ сентиментальности, что превосходитъ своими литературными достоинствами всѣхъ послѣдователей натуральной школы, которой по праву считается во Франціи основателемъ. Ни Золà, ни Бурже, ни прочіе современные намъ Французскіе романисты, никакъ не могутъ равняться съ Бальзакомъ реализмомъ своихъ произведеній.

Къ сожалѣнію, Русской публикѣ *Комедія Человѣчества* извѣстна лишь въ отрывкахъ. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, когда особенно гремѣла слава Бальзака, немногіе изъ его романовъ были переведены въ нѣкоторыхъ тогдашнихъ нашихъ журналахъ. Затѣмъ про Бальзака у насъ почти забыли, и только въ 1887 году «Сѣверный Вѣстникъ» возобновилъ память о немъ, напечатавъ переводъ первыхъ двухъ частей его трилогіи *Погибшія Мечты*. Но третья часть, особенно насъ интересующая, не удостоилась перевода *).

Всѣ три романа, входящіе въ составъ трилогіи, связаны именами нѣсколькихъ общихъ дѣйствующихъ лицъ, хотя эти лица, какъ мы выше сказали, встрѣчаются и въ другихъ частяхъ *Комедіи Человѣчества*. Одинъ изъ главнѣйшихъ героевъ, около судьбы котораго вертится содержаніе всѣхъ трехъ разсказовъ, носящихъ заглавіе *Погибшія Мечты*, называется Люсьенъ Рюбампре (Lucien Rubampré). Прославленный какъ поэтъ на мѣстѣ своей родины, въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ, гдѣ онъ испытываетъ первое чувство любви, Люсьенъ встрѣчаетъ соперника въ другомъ мѣстномъ поэтѣ и, оканчивая неудачею свое исканіе, рѣшается искать счастья на поприщѣ литературной славы. Вторая часть романа *Погибшія Мечты* описываетъ приключенія молодаго писателя въ Парижѣ, гдѣ онъ является игрушкою издателей, содержателей театровъ, прихвостнемъ великосвѣтскихъ кутилъ, посмѣшищемъ продажныхъ красавицъ. Не составивъ себѣ ни состоянія, ни литературной славы, безъ куска хлѣба, съ разбитыми мечтами и ожесточеннымъ сердцемъ, онъ возвращается изъ Парижа на родину, куда его манятъ воспоминанія о первой любви. Но появленіе его тамъ оказывается неудачнымъ. Его прежняя возлюбленная влюбляется въ его стараго соперника, который промѣнялъ честолюбивыя мечтанія на прозу ежедневной жизни. Потерявъ послѣднія иллюзіи, Рюбампре опять бѣжитъ изъ родного гнѣзда и рѣшается на самоубійство, но случайно встрѣчается съ бѣглымъ каторжникомъ, который про-

*) Кстати сказать, Бальзакъ (р. 1799, ум. 1850) и Пушкинъ родились въ одинъ и тотъ же годъ, и въ 1899 г. наступаетъ общій ихъ столѣтній юбилей.

ходитъ почти чрезъ всѣ романы Бальзака подъ различными видами и именами съ цѣлью скрыть истину своего позорнаго существованія, какъ осужденнаго преступника. Тщательно утаивая свое дѣйствительное имя (Vautrin), этотъ каторжникъ проникаетъ, подъ маскою разныхъ псевдонимовъ, въ высшіе слои Парижскаго общества и сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ сложныя нити многочисленныхъ свѣтскихъ и политическихъ интригъ, дающихъ содержаніе лучшимъ романамъ Бальзака. Въ разсказѣ, озаглавленномъ *Ева и Давидъ*, Вотренъ появляется въ видѣ католическаго духовнаго лица, которое выдаетъ себя за посланника Испанскаго короля Фердинанда при Французскомъ дворѣ, и носитъ псевдонимъ Карла Герреры (Carles Herrera). Узнавъ о рѣшеніи Рюбампре покончить съ жизнью, онъ убѣждаетъ его бросить фантастическія мечты, примириться съ реальностію жизни, окунуться въ Парижскій омутъ и постараться выплыть изъ него, не стѣсняясь приставшею грязью. Въ концѣ концовъ, несчастный поэтъ подчиняется неотразимымъ доводамъ незнакомца, который беретъ его подъ свое покровительство, отличающееся характеромъ хищнической власти. Дальнѣйшія приключенія Рюбампре описываются уже въ другихъ романахъ Бальзака; въ нихъ онъ является достойнымъ ученикомъ своего безпринципнаго покровителя, вполнѣ примиреннымъ съ общественнымъ, нравственнымъ, литературнымъ и всякимъ другимъ развратомъ Парижа.

Изъ длиннаго разговора мнимаго Испанца съ кандидатомъ въ самоубійцы мы беремъ только тѣ подробности, которыя касаются Бирона. Этими словами мы впередъ оправдываемся въ неполнотѣ и, можетъ быть, въ несовершенной точности нашего перевода, подлинникъ котораго занимаетъ всего двѣ страницы въ 8-ку Французскаго изданія 1855 года *).

«Выслушайте меня», началъ Геррера; «ваша бѣдность не составляетъ достаточной причины для самоубійства. Мой секретарь только что умеръ въ Барцелонѣ, и мнѣ нужно замѣнить его. Я нахожусь въ положеніи барона Герца, знаменитаго министра при Карлѣ XII, когда онъ очутился безъ секретаря въ маленькомъ городѣ, на пути въ Швецію, подобно тому, какъ я ѣду теперь въ Парижъ. Баронъ встрѣтилъ сына какого-то ювелира, замѣчательнаго своею красотой, вѣроятно не

*) Oeuvres complètes de H. de Balzac, Paris, Alexandre Houssiaux, éditeur, La Comédie Humaine, VIII-me volume, première partie, Études de Moeurs, II livre, scènes de la vie de province, tome IV, Illusions Perdues, 3-me partie, Ève et David, page 532 — 534. Эта длинная цитата дастъ нѣкоторое понятіе о сложномъ расположеніи отдѣльныхъ романовъ, входящихъ въ общій составъ всей *Комедіи* Бальзака.

уступающею вашей. Баронъ Гёрцъ нашелъ въ этомъ юношѣ признаки значительныхъ дарованій ума, подобно тому какъ я отыскалъ поэтическую жилку на вашемъ челѣ. Взявъ его въ свой экипажъ, подобно тому какъ я васъ возьму въ свой, онъ этого ребенка, осужденнаго на трудовую жизнь въ мастерской неизвѣстнаго золотыхъ дѣлъ мастера, сдѣлалъ своимъ любимцемъ. По пріѣздѣ въ Стокгольмъ, онъ опредѣлилъ его своимъ секретаремъ и завалилъ работой. Проводя цѣлыя ночи надъ перепиской, молодой секретарь, подобно всѣмъ великимъ труженикамъ, заражающимся привычками, вздумалъ жевать бумагу. Къ слову сказать, покойный Мальзербъ (Malesherbes) любилъ свертывать шарики изъ бумаги и разъ предложилъ такой шарикъ кому-то, чья судьба зависѣла отъ уничтоженнаго такимъ образомъ документа. Нашъ молодой красавецъ началъ съ чистой бумаги, но, не удовлетворившись ею, перешелъ къ рукописямъ, которыя нашелъ болѣе пріятными на вкусъ. Тогда вѣдь еще не курили табаку, какъ теперь. Наконецъ, нашъ секретарь, переходя отъ наслажденія къ наслажденію, кончилъ тѣмъ, что сталъ не только жевать пергаменты, но и ѣсть ихъ. Въ то время между Россіею и Швеціею шла рѣчь о мирномъ договорѣ, который Шведскій сеймъ навязывалъ Карлу XII, подобно тому какъ въ 1814 году Наполеона принуждали заключить миръ. Трактатъ о Финляндіи, служившій основаніемъ для переговоровъ, былъ въ подлинникѣ предоставленъ барономъ Гёрцемъ своему секретарю. Но, передъ докладомъ проэкта мирнаго договора сейму, встрѣтилось небольшое затрудненіе, именно то, что трактата нельзя было отыскать. Сеймъ, вообража себѣ, что министръ, служа прихотямъ короля, хочетъ скрыть этотъ важный документъ, обвинилъ барона Гёрца. Но секретарь его выступилъ тогда съ признаніемъ, что онъ просто съѣлъ трактатъ. Секретарь, показаніе котораго подтвердилось слѣдствіемъ, былъ приговоренъ къ смерти. Замѣтьте, какъ часто счастіе улыбается людямъ въ ту самую минуту, когда они всего болѣе готовы отчаеваться относительно своей будущности. Вотъ эту-то истину я желалъ доказать вамъ нагляднымъ примѣромъ. И такъ, красавецъ секретарь, обреченный на смертную казнь, находился въ пренепріятномъ положеніи. Такъ какъ онъ былъ осужденъ по приговору сейма, то король не могъ помиловать его; но онъ однако взглянулъ сквозь пальцы на попытку бѣгства. Хорошенькій секретарчикъ спасся на лодкѣ съ нѣсколькими копѣйками въ карманѣ и явился при Курляндскомъ дворѣ съ письмомъ барона Гёрца къ Курляндскому герцогу, которому Шведскій министръ объяснялъ приключенія своего любимца, какъ послѣдствія его несчастной страсти. Герцогъ помѣстилъ красиваго мальчика секретаремъ къ управляющему его дворомъ. Герцогу грозило раззореніе по тремъ

причинамъ: онъ былъ расточителенъ, былъ женатъ на красавицѣ и довѣрялся своему управляющему. Если вы полагаете, что нашъ красавецъ, осужденный на смерть за утоленіе своего голода важнымъ дипломатическимъ документомъ, бросилъ свои странныя привычки, то вы докажете только, что не сознаёте силы порока надъ человѣкомъ. Даже страхъ смертной казни не способенъ остановить въ насъ влеченія къ личному наслажденію. Чѣмъ объяснить эту власть привычки, собственною ли силой ея или человѣческою слабостію? Неужели наши вкусы способны достигать степени безумія? Я не могу не смѣяться надъ философами, которые усиліями краснорѣчія вооружаются противъ подобныхъ болѣзненныхъ недуговъ человѣчества. Однажды герцогъ, разсерженный отказомъ выдачи денегъ со стороны своего управляющаго, потребовалъ отъ него отчета: пустяковъ, не правда ли? Составить счетъ вовсе не есть затрудненіе, и работой этой не стóитъ особенно заниматься. Управляющій передалъ своему секретарю всѣ необходимые документы по государственному бюджету Курляндіи. Сидя ночью за работой, которую онъ оканчивалъ, нашъ юный бумажный обжора вдругъ замѣтилъ, что онъ жуетъ важную росписку герцога на довольно значительную сумму, и уничтожилъ въ ней половину собственноручной подписи его высочества. Въ припадкѣ страха онъ бросаетъ свою работу и средь ночной темноты спѣшитъ пасть къ ногамъ герцогини, прося ея покровительства. Красота несчастнаго преступника такъ поразила эту женщину, что она, овдовѣвъ, вышла за него за мужъ. Такимъ образомъ, въ самомъ XVIII-мъ столѣтіи, въ странѣ, преисполненной аристократическихъ предразсудковъ, мы видимъ примѣры того, какъ сынъ простого ювелира достигаетъ до званія владѣтеля. Но это еще не все. Онъ былъ регентомъ по смерти Екатерины I, онъ пользовался неограниченнымъ вліяніемъ при императрицѣ Аннѣ, онъ хотѣлъ быть Русскимъ Ришелье. Ну-съ, молодой человѣкъ, знайте одно: если ваша красота превосходитъ красоту Бирона, то я себя ставлю выше барона Гёрца. И такъ, полѣзайте въ карету! Въ Парижѣ мы отыщемъ вамъ Курляндское герцогство, а если не герцогство, то во всякомъ случаѣ найдемъ для васъ герцогиню».

М. Веневитиновъ.

КЪ РОДОСЛОВНОЙ ВОРОНЦОВЫХЪ.

Въ приложеніи къ „Росписи сорока книгамъ Архива Князя Воронцова" помѣщена Воронцовская родословная. Основатель знаменитости Воронцовыхъ, канцлеръ Михаилъ Ларіоновичъ, показанъ среднимъ сыномъ Ларіона Гавриловича; между тѣмъ въ Архивѣ Министерства Юстиціи мнѣ попалась въ книгѣ Герольдмейстерской Конторы (№ 114, л. 703) „сказка Ларіона Гавриловича", въ которой Михаилъ Ларіоновичъ значится старшимъ. Вотъ выписка изъ „Книги записной генералитету, штабъ, оберъ и ундеръ-офицеромъ":

„Числа 5. Въ Іюнѣ 1730 году. Маіоръ Ларіонъ Гавриловъ сынъ Воронцовъ явилъ при доношеніи данный ему изъ Военной Колегіи Маія 24 дня 1726 году указъ, въ которомъ объявлено: за старостью и за раны и за увѣчьемъ отъ гражданской службы уволенъ, и данъ ему рангъ маэорскій. А сказкою показалъ: въ 1722 году за нѣкоторую свою вину былъ онъ въ наказаніи и cосланъ въ ссылку въ Сибирь, а въ 1726 году по указу изъ высокаго Сената оная вина ему отпущена, такожъ знамя и шпага на него возложены, и данъ ему изъ Сената указъ съ прочетомъ, дабы его тою виною не порицать и числить за честнаго человѣка. Крестьянъ въ Ростовскомъ, въ Вологодскомъ, въ Танбовскомъ уѣздѣ 214 душъ. Живетъ въ Москвѣ на Пречистенкѣ, въ Бѣломъ городѣ, противъ каменныхъ конюшенъ, въ своемъ домѣ. Отъ роду ему 62 года.

Дѣтей: Михайло 13, при дворѣ Ея Высочества Государыни Цесаревны Елисаѳеть Петровны пажемъ, Романъ 10, Иванъ 9 лѣтъ.

Въ 730 году Октября 2 дня опредѣленъ въ Суздальскую провинцію воеводою, а Генваря 4 дня въ сообщеніи съ сенатской резолюціи въ копіи объявлено, что на его мѣсто опредѣленъ маѳоръ князь Иванъ Горчаковъ; а Іюня 5 дня 1735 опредѣленъ въ Костромскую и въ Суздальскую провинцію въ воеводы, и велѣно въ дѣло вступить Генваря съ 1 числа 1736. А въ 1737 году опредѣленъ другой, и велѣно смѣнить Генваря съ 1 числа 1738. А Декабря 1739 году опредѣленъ въ Ватскую провинцію въ воеводы къ 740 году, а въ 1741 опредѣленъ другой, и велѣно смѣнить съ 1742 году".

Сообщилъ **Н. Чулковъ**.

РОСТОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА

въ первые годы царствованія императора Павла.

Тяжелые дни переживала Ростовская городская дума въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II-й. Когда изъ Ярославскаго намѣстническаго правленія былъ полученъ указъ о кончинѣ императрицы (16 Ноября 1796 г.), дѣла думы находились въ особенно-печальномъ положеніи.

Ростовскимъ городскимъ головой числился купецъ Межевской, человѣкъ по тому времени довольно образованный. По своимъ торговымъ дѣламъ онъ, со дня избранія, находился въ постоянной отлучкѣ и въ должность не вступалъ, ведя соотвѣтствующую переписку, съ приложеніемъ медицинскихъ свидѣтельствъ о болѣзни, существованіе которой, судя по перепискѣ, являлось довольно сомнительнымъ. Мѣсто головы занималъ гласный Латышевъ, неграмотный. Онъ ограничивался прикладываніемъ къ думскимъ бумагамъ имянной сургучной печати, сверху которой постороннею рукой дѣлалась помѣта: „Правящаго должность городскаго головы Филата Латышева". Другіе гласные во многомъ слѣдовали примѣру головы. Богатый откупщикъ Ѳедоръ Мясниковъ *) и главный довѣренный Ростовскаго богача Милютина, купецъ Кожевниковъ, постоянно находились въ отлучкѣ; да и остальные шесть гласныхъ посѣщали думу неисправно, приходили поздно, дѣлами занимались мало. А губернское начальство смотрѣло на все это равнодушно и сквозь пальцы.

Съ перемѣной царствованія начались новые порядки. Уже 15 Декабря Ростовская дума слушаетъ ордеръ правящаго должность Ярославскаго и Вологодскаго генералъ-губернатора, Петра Васильевича Лопухина, которымъ, чрезъ Ростовскаго городничаго, надворнаго совѣтника Горбунова, предписывалось строжайшее наблюденіе, „чтобы всѣ господа присутствующіе пріѣздъ въ присутствіе и выѣздъ изъ онаго имѣли отнюдь не позже и не ранѣе узаконенныхъ часовъ. Вслѣдствіе чего, его превосходительство оному городничему рекомендовалъ смотрѣніе, чтобы по оному ордеру непремѣнно чинено было исполненіе, и дѣятельно настоять, чтобы присутствующіе всѣхъ

*) Дѣдъ извѣстныхъ Мясниковыхъ, отъ которыхъ пошли богатства Козицкихъ, князей Бѣлосельскихъ, Пашковыхъ и др

судовъ города Ростова пріѣзжали въ суды свои и выѣзжали изъ оныхъ въ положенные Генеральнаго Регламента третьею главой часы. Въ случаѣ же сего невыполненія, понуждать ихъ къ дѣятельности, и о томъ присылать къ его превосходительству еженедѣльно съ рапортомъ о благосостояніи обстоятельныя и вѣрныя вѣдомости, съ означеніемъ въ оныхъ, кто изъ присутствующихъ и въ которые часы каждодневно въ присутствіе пришелъ и изъ онаго вышелъ, или зачѣмъ когда не присутствовалъ. Если же изъ-за сего усмотрѣно будетъ какое-либо по сему упущеніе, то сіе будетъ оставаться на собственномъ его, городничаго, отчетѣ" [1]).

Исправно-ли стали посѣщать гласные думу, теперь прослѣдить невозможно; но уже на другой день въ думскомъ журналѣ, послѣ перечня прибывшихъ, прибавилась новая строчка: „въ шестомъ часу", а въ концѣ журнала помѣтка: „вышли въ первомъ часу" [2]). Подтянули и городскаго голову. Чрезъ недѣлю послѣ ордера, онъ исцѣлился отъ своей болѣзни и 22 Декабря вступилъ въ должность; но гласные Мясниковъ и Кожевниковъ по прежнему продолжали отписываться.

Впрочемъ, усилившаяся дѣятельность Ростовской думы скоро сильно сократилась. Въ думскомъ журналѣ отъ 9 Февраля 1797 г. записано: „Сего числа прибылъ въ здѣшнюю думу господинъ городничій, надворный совѣтникъ Егоръ Ивановичъ Горбуновъ и, объявя полученный имъ изъ Ярославскаго губернскаго правленія указъ, сію думу, въ силу онаго указа, упразднилъ; и для того приказали объ ономъ записать въ сей журналъ, а состоящаго по здѣшней думѣ разнаго имущества и дѣлъ къ сдачѣ и къ разсылкѣ и куда слѣдуетъ учинить подлежащія описи" [3]).

Дума была упразднена ненадолго. 1-го Марта 1798 г., въ Понедѣльникъ, по указу Ярославскаго губернскаго правленія, тѣмъ же городничимъ Горбуновымъ, „открыто присутствіе Ростовской городской думы и введены въ должность гласные, а 4 Мая введенъ въ должность и новый голова, Ростовскій купецъ Яковъ Яковлевичъ Кайдаловъ, родной дядя извѣстнаго впослѣдствіи торговца съ Бухарой Е. Кайдалова, оставившаго послѣ себя любопытные записки [4]).

Въ началѣ весны 1798 г. пришло въ Ярославль извѣстіе о намѣреніи императора Павла Петровича посѣтить Ярославскую губернію, на обратномъ пути изъ Казани. На память потомству объ этомъ событіи сохранилось цѣлое архивное дѣло „о высочайшемъ шествіи по Ярославской губерніи", на

[1]) Журналъ Рост. гор думы 1796 г., л. 180.

[2]) Тамъ же, 181.

[3]) Журналъ Рост. гор. думы 1797 г., л. 35.

[4]) Караванъ-записки во время похода въ Бухарію Россійскаго каравана, подъ воинскимъ прикрытіемъ, въ 1825 и 1826 гг., веденныя начальникомъ онаго каравана надъ купечествомъ, Евграфомъ Кайдаловымъ, въ трехъ частяхъ. М. 1827.

213 листахъ; этимъ памятникомъ пользовался Л. Н. Трефолевъ въ своей статьѣ: „Путешествіе императора Павла по Ярославской губерніи", помѣщенной въ „Русскомъ Архивѣ" 1870 года.

Генералъ-прокуроръ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, давая знать о высочайшемъ намѣреніи Ярославскому губернатору, тайному совѣтнику Николаю Ивановичу Аксакову, обязалъ послѣдняго принять заблаговременно всевозможныя мѣры, чтобы государь нигдѣ не встрѣтилъ задержки въ дорогѣ, согласно избранному имъ маршруту. Ростовская городская дума 5-го Мая также получила изъ Ярославскаго губернскаго правленія указъ о приложеніи старанія всѣмъ думамъ и земскимъ судамъ, а также и господамъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства о поставкѣ лошадей на станціи, для Высочайшаго шествія къ 21 Мая *). Ростовская дума предписала городовому старостѣ и выборнымъ приготовить въ самоскорѣйшемъ времени слѣдующаго отъ здѣшняго купечества и посадскихъ, и о доставленіи на означенное 21 Мая на станцію лошадей съ извощиками по росписанію. Независимо отъ этого, городской голова, Я. Я. Кайдаловъ, того же 5 Мая, собралъ у себя въ домѣ на совѣщаніе именитое Ростовское купечество. На этомъ совѣщаніи присутствовалъ и племянникъ головы, Московскій первой гильдіи купецъ, капиталистъ и крупный торговецъ по Оренбургской линіи, Савва Кайдаловъ. Рѣшено отправить депутацію и поднести государю большую финифтяную мѣстнаго мастерства икону свв. Павла и Маріи, „съ нѣкоторыми приличными аллегорическими изображеніями". Икону было рѣшено заказать извѣстному въ то время Ростовскому художнику Сапожникову, который обязывался сначала доставить для апробаціи образецъ своего искусства въ красках на доскѣ, такъ какъ только послѣ этой аппробаціи онъ долженъ былъ приступить къ дѣланію финифтяной иконы. 10 Мая Сапожниковъ представилъ образецъ иконы, а 12 Мая городская шестигласная дума выслушала сообщеніе отъ городничаго Горбунова „о высокомонаршемъ его императорскаго величества соизволеніи о недѣланіи никакихъ по городамъ приготовленій и парадной встрѣчи во время путешествія его величества и чтобы чиновники находились при своихъ должностяхъ". Написанная художникомъ Сапожниковымъ для апробаціи икона осталась у городскаго головы Кайдалова, такъ какъ онъ заплатилъ за работу изъ собственныхъ средствъ. Переходя изъ рода въ родъ, икона эта поступила, наконецъ, въ одно частное собраніе.

А. Титовъ.

---

*) Императоръ Павелъ прибылъ въ Ярославль 4 Іюня 1798 года.

ОТЗЫВЫ ФРИДРИХА ВТОРАГО.

Въ XXI книгѣ „Политической Корреспонденціи“ Фридриха II-го, издаваемой въ Берлинѣ, разсѣяно немало чертъ и указаній, любопытныхъ для насъ. Приводимъ двѣ выдержки изъ его писемъ въ Швецію, гдѣ тогда королевою была сестра его. Отзывы его о Волковѣ, Шуваловѣ и графѣ М. Л. Воронцовѣ въ нашихъ глазахъ почетны для нихъ. Каково было этимъ людямъ въ теченіе полугода, когда царствовалъ Петръ III-й, и наступало время чуть-ли не хуже бироновщины, которое всѣ трое хорошо помнили? П. Б.

Сестрѣ своей королевѣ Шведской Фридрихъ Второй писалъ 25 Мая 1762 года.

Il y a là un certain Wolkow, homme qu'on dit assez habile et dont on se sert pour les expéditions du département des affaires étrangères, qui cependant n'est pas bien intentionné pour nous. Mais le plus dangereux parmi ces gens-là et le plus à craindre, c'est Ivan Ivanowitch Schuwalov, jadis favori de l'Impératrice défunte, homme depuis tout temps rempli de cabale et de factions, qui a su si bien tourner son jeu qu'au fond hai de l'Empereur, ce Prince lui a cependant confié des postes considérables à sa cour.

Переводъ. Тамъ есть нѣкто Волковъ, человѣкъ, говорятъ, довольно способный. Онъ служитъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, но къ намъ не расположенъ. Самый же опасный изъ этихъ людей, отъ котораго всего скорѣе ждать непріятности, это Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, любимецъ умершей Императрицы; онъ съ давнихъ поръ исполненъ лукавства и привыченъ къ проискамъ и сумѣлъ такъ себя поставить, что хотя Императоръ ненавидитъ его ото всей души, однако держитъ его при своемъ дворѣ въ важныхъ должностяхъ.

Ей-же онъ писалъ 20 Августа 1762 про графа М. Л. Воронцова: Il a été bien innocent dans cette révolution, et, tout-au contraire, il a risqué d'en être le sacrifice. Quatre ou cinq personnes de néant ont été les premiers mobiles de toute cette fâcheuse révolution, et une femme ambitieuse qui a risqué de se perdre pour parvenir au gouvernement.

Переводъ. Въ этомъ переворотѣ онъ весьма неповиненъ; напротивъ, подвергался опасности сдѣлаться жертвою онаго. Несносное это дѣло произведено главнѣйше четырьмя или пятью ничтожными людьми и честолюбивою женщиною, которая обрекала себя на гибель, лишь бы достигнуть власти.

ГОРНОЗАВОДЧИКЪ ПРОШЛАГО ВѢКА.

На заглавномъ листкѣ „Мѣсяцеслова на 1776 годъ", принадлежавшаго титулярному совѣтнику Алексѣю Ѳеодоровичу Турчанинову (у котораго были золотые пріиски и мѣдные рудники, Сысертскій заводъ, въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи) помѣчено за 13-е Сентября:

„Его высокородіе господинъ нашъ изъ Сысертскаго уѣзда изволилъ отбыть въ Челябу пополуночи въ 4-мъ часу. Въ Челябу прибыть изволилъ 14-го числа послѣ полудня въ 6-мъ часу. Будучи въ Челябѣ, на купленную у Бѣлокатайскихъ Башкирцовъ землю крѣпость совершена 18-го числа. Изъ Челябы отбыть изволилъ 19-го числа, послѣ полудня въ 1-мъ часу. Въ Сысертскій заводъ прибыть изволилъ 21-го числа пополудни, въ 5-мъ часу".

„Въ Челябу съ его высокородіемъ господиномъ нашимъ въ поѣздкѣ были: любезный его высокородія сынъ, его благородіе лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка г-нъ подпрапорщикъ Александръ Алексѣевичъ, также г-нъ шихтмейстеръ Андрей Егоровичъ Груберъ и Тобольскій купецъ Максимъ Ѳеодоровичъ Морокинъ. При въѣздѣ въ Челябу были встрѣчены при пушечной пальбѣ господами штабъ и оберъ-офицерами. Во время жъ бытности въ Челябѣ почти каждый день происходила, во время обѣдовъ и послѣ обѣдовъ, пушечная изъ единороговъ пальба; а отмѣнно въ одинъ день, у г-на подполковника и кавалера Муфеля, для г-на подпрапорщика Александра Алексѣевича была собрана военная команда, которыми была производима экзерциція и при пушечныхъ выстрѣлахъ и изъ мелкаго ружья пальба, при чемъ той военной команды г-да офицеры Александра Алексѣевича спрашивали, что̀ прикажетъ дѣлать? И онъ имъ отдавалъ приказанія, почему и исполняемо было, чѣмъ всѣхъ зрителей привелъ въ удивленіе. Выѣздъ же изъ Челябы имѣли также при провожаніи господъ штабъ и оберъ-офицеровъ при пушечной же пальбѣ и провожаемы были оными господами отъ города восемь верстъ".

Мѣсяцесловъ золотообрѣзный, на толстой бумагѣ, въ зеленой шелковой обложкѣ.

(Сообщилъ правнукъ А. Ѳ. Турчанинова, Николай Николаевичъ Титовъ).

О КНЯЗѢ АЛЕКСАНДРѢ АРКАДЬЕВИЧѢ СУВОРОВѢ-РЫМНИКСКОМЪ.

В. Н. Лясковскій въ воспоминаніи о князѣ А. А. Суворовѣ („Р. Архивъ" 1897, I, 141), выставляетъ его соучастникомъ въ дѣлѣ декабристовъ, причемъ сообщаетъ слова, сказанныя князю Суворову императоромъ Николаемъ I [1]) и переданныя княземъ Суворовымъ декабристу Свистунову.

Отецъ мой, генералъ-лейтенантъ Николай Алексѣевичъ Титовъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ сборникѣ: „Древняя и Новая Россія", за 1878 г. (т. III, стр. 282-я), даетъ характеристику князя и пишетъ о своемъ знакомствѣ и сближеніи съ нимъ, когда князь Александръ Аркадіевичъ былъ еще юнкеромъ конной гвардіи. Въ этомъ же чинѣ онъ состоялъ и во время происшествія 14-го Декабря, потому что произведенъ былъ въ корнеты того полка 1-го Января 1826 года.

Касательно самаго возмущенія отецъ мой упоминаетъ лишь о себѣ; но о князѣ Суворовѣ батюшка мой часто разсказывалъ въ обществѣ, въ которомъ и я присутствовалъ, что дѣйствительно, Государь позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и спросилъ: „отвѣчаешь ли ты за себя?" На это молодой князь не въ состояніи былъ сказать ни полуслова, а видимо прослезился. „Мнѣ дороги эти слезы! Дай мнѣ этотъ платокъ; я сохраню его на память о тебѣ!" Государь взялъ поданный ему княземъ Суворовымъ платокъ и, выдвинувъ одинъ изъ ящиковъ своего письменнаго стола, положилъ въ него платокъ и ящикъ задвинулъ. Это было сообщено княземъ отцу моему въ самый день мятежа; но о словахъ, сказанныхъ княземъ Свистунову, батюшка мой никогда не упоминалъ. Самого же Свистунова онъ хорошо зналъ. Прекрасныя душевныя качества князя Суворова, его ровное обращеніе со всѣми товарищами, не смотря на быстрое его повышеніе по службѣ, отецъ мой изобразилъ и въ стихахъ, сочиненныхъ въ 1848 году, 22 Февраля. Вотъ они:

Ты, князь, вельможа именитый,
Ты истинный Россіи сынъ,
Ты по заслугамъ знаменитый,
По чувствамъ Русскій гражданинъ.
Тебя ничто не измѣняетъ,
Ни почесть, ни пустая лесть,
Твое всякъ имя прославляетъ,
Ты другъ людей, Россіи—честь.

Н. Н. Титовъ.

---

[1]) Schnitzler въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Histoire intime de Russie", tome I, pg. 254, Paris. 1847, приводитъ слова Государя князю Суворову, по содержанію тожественныя съ передаваемыми В. Н. Лясковскимъ; но ясно, что они были произнесены Николаемъ Павловичемъ по убѣжденіи его въ невиновности князя

ДВА ПИСЬМА АРХИМАНДРИТА ВИТАЛІЯ ЩЕПЕТЕВА КЪ АРХИМАНДРИТУ ФИЛАДЕЛЬФУ ПУЗЫНѢ.

(1832—1837).

Нижеслѣдующія письма писаны *Виталіемъ Щепетевымъ*, воспитанникомъ С.-Петербургск. Духовной Академіи 5-го курса (выпуска 1823 г.). Съ 1827 по 1833 г. былъ онъ ректоромъ Московской Д. Семинаріи, а вмѣстѣ и настоятелемъ Заиконоспасскаго монастыря въ Москвѣ. Въ это время съ нимъ познакомился и близко сошелся *архим. Филадельфъ Пузына*, воспитанникъ 1-го курса той же Академіи, бывшій настоятелемъ Московскаго же Златоустовскаго монастыря съ 1830 по 1832 годъ и членомъ Московской Духовной Консисторіи.

Дальнѣйшая судьба того и другого:

1. Съ 1833 до 1837 г. *Виталій*—ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи; съ 27 Іюня 1837 г. онъ—епископъ - викарій Дмитровскій *); съ 14 Ноября 1842 г.—епископъ Костромскій; 11 Авг. 1845 г. уволенъ на покой съ назначеніемъ въ Московскую Синодальную Контору; скончался 29 Января 1849 года

2. *Филадельфъ*—съ 1832 по 1849 г. ректоръ Кишиневской Д. Семинаріи и настоятель Добружскаго монастыря. Въ 1849 г. уволенъ отъ духовно-училищной службы, скончался въ началѣ 50-хъ гг. въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ. О немъ уже говорена въ *Русскомъ Архивѣ* (1894, вып. 7, стр. 419-я).

Письма архимандрита Виталія отражаютъ собою во многихъ мѣстахъ *вѣянія тогдашней эпохи* и потому имѣетъ значеніе для нашей церковной исторіи. Подлинники ихъ сообщены намъ священникомъ г. Кагула, Кишиневской епархіи, о. *Александромъ Киперомъ*, которому, вмѣстѣ съ прочими бумагами архим. Филадельфа, достались они отъ дяди его архим. *Серафима*, бывшаго настоятелемъ Добружскаго монастыря послѣ Филадельфа; ибо послѣдній, отходя на покой въ Кіевъ, бумаги свои оставилъ въ Добружскомъ монастырѣ у о. Серафима. Л. М.

---

*) Извѣстны въ печати писанныя къ нему въ эту эпоху письма Московскаго митр. Филарета. Москва. 1887 г.

1.

Ваше высокопреподобіе, возлюбленнѣйшій о Господѣ братъ! Христосъ воскресе!

Пріимите съ симъ словомъ искреннее мое привѣтствіе и сердечное лобзаніе. Отъ всей души желаю, чтобы живоносная благодать Воскресшаго Жизнодавца укрѣпляла ваши силы, сообщала радость вашему духу и благопоспѣшествовала всѣмъ трудамъ вашего служенія.

Чадамъ Сіона, удаленнымъ отъ града Божія, пріятно было воспоминаніемъ объ Іерусалимѣ начинать свое веселіе; по невольному побужденію мы сдѣлали тоже. Въ вечеръ великаго праздника, совокупно съ Семеномъ Моvсеевичемъ, воспомянули мы о незабвенномъ нашемъ другѣ, увлеченномъ отъ насъ въ далекую сторону. Душа наполнилась чувствомъ грусти, и теплая слеза канула изъ глазъ. Это подарокъ, который приносила вамъ наша любовь вмѣсто краснаго яйца.

Первое письмо ваше много меня утѣшило извѣстіемъ о благополучномъ прибытіи вашемъ въ Кишиневъ. Простите, что не поспѣшилъ на оное своимъ отвѣтомъ. Я получилъ его въ такое время, когда мнѣ дозволено было одно занятіе—пить лѣкарства, аки воду. Сильная простуда повергла меня на одръ болѣзни и освободила отъ всѣхъ дѣлъ по должности на двѣ недѣли. Потомъ наступившіе праздники, безпокойства душевныя, посѣщенія новопоставленныхъ святителей отнимали досугъ писать къ вамъ. Такимъ образомъ я дождался вашей угрозы, написанной во второмъ письмѣ вашемъ, которая побудила меня къ очищенію своей души отъ грѣховной медленности.

Жаль, что въ настояще время нѣтъ васъ въ Москвѣ. Мы пользуемся необыкновеннымъ счастіемъ, зря лице іерарховъ Божіихъ, восходящихъ горѣ и нисходящихъ долу, сѣтующихъ и веселящихся. Я убогій и презрѣнный столько обязанъ ихъ милостію, что по истинѣ недоумѣваю, чѣмъ и какъ благодарить ихъ святыню. Каждый, по принятіи благодати архіерейства, поставляетъ какъ-бы неизбѣжнымъ долгомъ осѣнить меня святительскимъ благословеніемъ и, въ знакъ снисходительной пріязни, успокоиться отъ путевыхъ трудностей подъ кровомъ моей кельи. Курскій пастырь Иліодоръ *) пребывалъ у меня двое сутокъ; а Саратовскій пастырь Іаковъ благоволилъ провесть у меня

---

*) *Иліодоръ Чистяковъ* назначенъ былъ епископомъ Курскимъ 13 Марта 1832 г. изъ ректоровъ Новгородской Д. Семинаріи.

шесть дней и пять ночей [1]). Онъ не забылъ и васъ, о чемъ свидѣтельствуетъ прилагаемая при семъ епистолія. Но здѣсь еще не конецъ всѣмъ милостямъ; наше недостоинство мнитъ получить новыя отъ пастырей новыхъ. Уповаю, что Тамбовскій епископъ Арсеній (Твер. ректор.) послѣдуетъ примѣру своихъ предшественниковъ и преподастъ намъ самолично многодѣйственную силу благословенія [2]). Не безъ надежды остаюсь, что и Харьковскій епископъ Иннокентій (Смол. ректор.) довершитъ нашу радость благостынею своего посѣщенія [3]). Не знаю, чѣмъ платить имъ за такое вниманіе: премного благодаренъ!

Въ Новгородъ перемѣщенъ Курскій ректоръ [4]), а въ Курскъ опредѣленъ ректоромъ Новгородскій инспекторъ [5]). Въ Тверь поступаетъ Черниговскій ректоръ [6]), въ Черниговъ переводится Тамбовскій ректоръ, а въ Тамбовъ опредѣленъ Тверской инспекторъ [7]). Въ Пензу назначенъ ректоромъ Санктпетербургской Семинаріи инспекторъ [8]), а въ Екатеринославль Ярославскій инспекторъ. Въ Смоленскую семинарію опредѣленъ ректоромъ тамошній инспекторъ [9]). Нашъ удѣлъ—съ распростертыми объятіями встрѣчать путниковъ.

Если въ предѣлы Кишиневскіе забѣгаютъ Московскія вѣдомости, то вамъ должно быть извѣстно, что достойный преемникъ вашъ Воронежскій ректоръ за отличные подвиги награжденъ въ нынѣшнемъ году второстепеннымъ крестомъ св. Анны. Но сего еще мало: преосвященный Іаковъ объявилъ мнѣ, что Св. Сѵнодъ опредѣлилъ вызвать его на чреду священнослуженія и такимъ образомъ занять мѣсто Іакова. Нѣтъ сомнѣнія, что и сей скоро возрастетъ въ мужа силы и явится къ намъ

[1]) *Іаковъ Вечерковъ* назначенъ епископомъ Саратовскимъ 27 Марта 1832 г. изъ ректоровъ Екатеринославской Семинаріи.

[2]) *Арсеній Москвинъ* назначенъ епископомъ Тамбовскимъ 24 Апрѣля 1832 г., впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій. Онъ былъ товарищемъ по Петербургской Академіи Виталію.

[3]) *Иннокентій Александровъ* назначенъ епископомъ Слободо-Украинскимъ (Харьковскимъ) 19 Мая 1832 г. Но о назначеніи его раньше, конечно, зналъ уже Виталій.

[4]) *Анатолій Мартыновскій,* впослѣдствіи архіепископъ Могилевскій, докторъ богословія.

[5]) *Елпидифоръ Бенедиктовъ,* впослѣдствіи архіепископъ Таврическій.

[6]) *Аѳанасій Соколовъ,* впослѣдствіи архіепископъ Казанскій.

[7]) *Николай Доброхотовъ,* впослѣдствіи епископъ Тамбовскій.

[8]) *Леонидъ Зарѣцкій,* впослѣдствіи епископъ Екатеринославскій.

[9]) Архим. *Іоаннъ Чистяковъ* сконч. въ 1833 г. О немъ воспоминаніе графа М. В. Толстаго въ *Богословскомъ Вѣстникѣ,* Ноябрь 1894 г, стр. 379-я.

съ святительскимъ жезломъ [10]). Дивны дѣла ваши, о человѣки! Кстати: для свидѣтельствованія чудотвореній, происходившихъ отъ блаженно-усопшаго Воронежскаго святителя, отправленъ отсюда Гермогенъ, который отбылъ прежде Страстной недѣли. Вмѣстѣ съ нимъ производитъ таковое свидѣтельство Рязанскій архіепископъ Евгеній [11]).

Не излишнимъ нахожу сообщить вамъ для свѣдѣнія, что первымъ кандидатомъ въ Грузію назначенъ былъ Кишиневскій архіепископъ [12]). Сказываютъ, что Papa Mo-s. [13]) усердно желалъ препроводить его; но Petrop. [14]) своими путями достигъ того, что почесть досталась третьему кандидату [15]).

Въ Москвѣ особенныхъ новостей нѣтъ. Развѣ то сказать вамъ за новость, что Трехсвятительскій протоіерей назначенъ Сѵнодомъ для ревизованія Могилевской епархіи, какъ нѣкогда Кутневичъ. По полученіи указа онъ занемогъ и теперь болѣзнуетъ. Въ консисторіи ваше мѣсто доселѣ остается празднымъ.

Кишиневская жизнь странна; но вамъ должно привыкать къ ней. Повѣрьте на сей разъ моему предчувствію, что рано или поздно вамъ доведется быть Кишиневскимъ магнатомъ [16]).

---

[10]) Преемникомъ Филадельфа по ректурѣ въ Воронежской Д. Семинаріи и настоятельству въ *Акатовомъ Алексѣевскомъ* монастырѣ въ Воронежѣ съ 1829 г. былъ архим. *Иннокентій* (фамилія неизвѣстна). Предположенія о его повышеніи не сбылись. Онъ вскорѣ былъ уволенъ по болѣзненности. См. книгу: „Переписка Филарета митр. Моск. съ С. Д. Нечаевымъ“, стр. 79, прим. 162.

[11]) Дѣло идетъ объ открытіи св. мощей святителя Воронежскаго *Митрофана*, которое и совершилось 7 Августа 1832 г. Членами комиссіи для освидѣтельствованія этихъ мощей были: архимандритъ *Гермогенъ Сперанскій*, настоятель Московскаго Спасо-Андроніева монастыря, и архіепископъ *Евгеній Казанцевъ*.

[12]) *Димитрій Сулима*.

[13]) *Papa Mosquensis*, т.-е. Московскій митрополитъ *Филаретъ*.

[14]) *Petropolitanus*, т.-е. С.-Петербургскій митрополитъ *Серафимъ*.

[15]) Архіепископъ-экзархомъ Грузіи назначенъ 12 Марта 1832 г. епископъ Саратовскій *Моисей Антиповъ* (Богдановъ-Платоновъ), товарищъ Филадельфа по 1-му курсу С.-Петербургской Д. Академіи; но чрезъ два года онъ скончался, къ общему сожалѣнію всей Грузіи, отъ желчной горячки. *Моисей Антиповъ* былъ первымъ ректоромъ Кіевской Духовной Академіи, послѣ открытія ея въ 1819 г., и здѣсь онъ оставилъ по себѣ самую лучшую память.

[16]) Къ сожалѣнію, это предчувствіе не оправдалось. Филадельфъ не только не возвысился на іерархическомъ поприщѣ, но вынужденъ былъ въ

Пакетъ, въ которомъ заключались сочиненія вашего братца, отправленъ мною въ Питеръ съ діакономъ Александровскимъ, который назначенъ въ Голандію)*. Онъ изъ Питера за семействомъ возвратится обратно въ Москву.—Satis, perquam satis.

Прости, carissimus; не забывай преданнаго тебѣ слуги Виталія.

Мая 4-го дня, 1832 г. Москва.

2.

Высокопреподобнѣйшій отецъ ректоръ, возлюбленнѣйшій о Господѣ братъ.

Поздравляю васъ съ наступившимъ новымъ годомъ. Душевно желаю, чтобы Обновляющій времена обновилъ душевныя и тѣлесныя ваши силы и наставшее новое лѣто сдѣлалъ для васъ лѣтомъ пріятнымъ и радостотворнымъ.

Давно, любезный другъ, не получалъ я отъ васъ никакой грамотки, давно и самъ не писалъ къ вамъ. Но всякой здравомыслящій человѣкъ меня извинитъ, узнавъ, что съ Февраля истекшаго года и

1849 г. оставить и то мѣсто, которое занималъ. Причиною было печальное столкновеніе его съ учителемъ Кишеневской Духовной Семинаріи, *Климентомъ Алекс. Никитскимъ* (кандидатомъ Кіевской Академіи 1839 г.), которое мѣстная епархіальная власть не нашла для себя возможнымъ покрыть: по назначенной отъ Св. Сѵнода ревизіи, и ректоръ Кишиневской Семинаріи Филадельфъ, и учитель ея Никитскій оба были уволены отъ духовно-училищной службы. Филадельфъ мирно кончилъ дни свои въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ а на Никитскаго, который больше всего виноватъ былъ въ происшедшей печальной исторіи, увольненіе отъ службы такъ сильно подѣйствовало, что у него скоро произошло поврежденіе психическихъ способностей. Онъ впалъ въ какое-то полупомѣшательство, не способенъ былъ занимать никакой должности и ходилъ по Кишеневу въ нищенскомъ видѣ. Въ такомъ несчастномъ положеніи мы еще застали его въ Кишиневѣ въ началѣ 70-хъ годовъ. Онъ жилъ подаяніями добрыхъ людей, хотя и самъ не сидѣлъ безъ дѣла: бралъ въ починку разныя вещи (стѣнные часы, замки и т. п.), выдѣлывалъ особаго рода *ваксу*, которую самъ разносилъ и продавалъ своимъ знакомымъ, выхваляя предъ ними ея отмѣнныя качества. Жилъ онъ постоянно въ подвалѣ одного дома на Ренской улицѣ, но за нѣсколько недѣль до смерти перешелъ въ богадѣльню, чтò на кладбищѣ, гдѣ и умеръ въ 1875 г. Случай съ Филадельфомъ и Никитскимъ, освѣщенный общею картиной тогдашняго семинарскаго быта въ Кишиневѣ, могъ бы быть предметомъ очень любопытнаго историко-бытоваго очерка.

*) Впослѣдствіи былъ приходскимъ священникомъ у Бориса и Глѣба въ Москвѣ, на Арбатской площади. П. Б.

до Маія я лежалъ на смертномъ одрѣ. Да и теперь, при дурной погодѣ, принужденъ бываю ложиться на тотъ же одръ. Разумные люди находятъ, что во чревѣ моемъ заключенъ источникъ воды, только не живой, которую, какъ ни силятся выгнать, однакоже не могутъ. Говорятъ, что очень опасно, когда смерть сидитъ на носу, а отъ чрева до носа путь не далекъ. Не желая умереть въ Питерѣ, просился отпустить меня въ Боровскій [1]): такъ, нѣтъ, не пускаютъ. *О, кто дастъ мнѣ крилѣ, яко голубинѣ?*

Около двухъ мѣсяцевъ прожили мы вмѣстѣ съ пр. Иннокентіемъ, новопоставленнымъ Кіевскимъ викаріемъ; ибо онъ имѣлъ пребываніе въ Академическомъ корпусѣ. Между прочимъ я заводилъ рѣчь и о вашемъ благополучіи. Отозвался мнѣ о вашихъ подвигахъ съ выгодной стороны, сказавъ, что дѣятельность и усердіе ваше много поправили семинарію. Душевно радуюсь [2]).

Вамъ, конечно, хочется знать о здѣшнихъ новостяхъ. Ихъ пока нѣтъ; но не сомнѣваюсь, что будутъ. Теперь только еще говорятъ, что все старое (что̀ мы называли новымъ) неправославно, худо, гадко. Что̀ изъ сего выйдетъ? Непремѣнно новый порядокъ вещей: а лучшій ли, увидимъ. Иной бы воскликнулъ, и справедливо: Quousque tandem... да такъ восклицать могли Цицероны только въ мірѣ языческомъ! [3])

---

[1]) Т.-е. въ *Боровскій Пафнутьевъ* первокласный монастырь, въ Калужской епархіи.

[2]) *Иннокентій Борисовъ*, тогда ректоръ Кіевской Д. Академіи, впослѣдствіи архіепископъ Херсонскій, знаменитый проповѣдникъ, вызванъ былъ въ С.-Петербургъ и посвященъ тамъ во епископа Чигиринскаго (викарія Кіевскаго митрополита) 21 Ноября 1836 г. Въ тоже время онъ оставался и ректоромъ Кіевской Академіи до Марта 1841 г., когда назначенъ былъ епископомъ Вологодскимъ. Кишеневская Д. Семинарія принадлежала къ Кіевскому академическому округу и состояла въ зависимости отъ Кіевской Академіи. Въ 1836 г. ректоръ ея Иннокентій, по совѣту м. Евгенія, сдѣлалъ циркулярное распоряженіе по округу о доставленіи въ академ. конференцію свѣдѣній о тѣхъ наставникахъ Семинаріи, „кои, сверхъ классическихъ занятій своихъ, произвели что-либо особое, напр. написали какое-либо особое сочиненіе, или изготовили переводъ какой-либо полезной книги, или усердно занимаются преподаваніемъ Слова Божія и проч.“... И вотъ, въ отвѣтъ на это, Кишиневское семинарское правленіе представило Академіи выписку слѣдующей резолюціи тогдашняго архіепископа Кишиневскаго *Димитрія Сулимы*: „Дать знать Кіевскому академическому правленію, что ни одинъ изъ наставниковъ, какъ свѣтскихъ, такъ и состоящихъ въ священнической должности, не представлялъ епархіальному начальству доселѣ ни ученаго сочиненія, ни пере-

Преосв. Григорій [4]) съ Октября мѣсяца тяжко болитъ, такъ что управленіе дѣлами его епархіи передано Ярославскому [5]). Боль началась простудою глаза, который медики мало того, что довели до слѣпоты, но и весь внутренній организмъ разстроили. Предполагаютъ, что ему надобно будетъ оставить Питеръ и дать мѣсто тому, кто былъ вашъ amicus certus и коего доброхоты поставляютъ чуть не выше самого Митрофана[6]). Кстати: о Кишиневскомъ викаріатствѣ не говорятъ болѣе. Тихая молва идетъ, что часть епархіи Кишиневской и Екатеринославской составитъ *особую епархію Одесскую*, гдѣ предполагаютъ якобы открыть архіепископскую каѳедру, вмѣсто Екатеринославской [7]).

вода какой-либо книги; а что касается до проповѣдей, то кромѣ ректора семинаріи, архим. Филадельфа, который, и сверхъ назначенныхъ ему по росписанію дней, занимался усердно проповѣданіемъ Слова Божія и въ другіе дни, прочіе наставники сказывали проповѣди только по назначенію". (См. брошюру *Ив. Игн. Малышевскаго*: „Дѣятельность м. Евгенія въ званіи предсѣдателя конференціи Кіевской Д. Академіи". Кіевъ 1868, стр. 50—51).

[3]) Дѣлаются намеки на новое направленіе церковно-административной и учебной жизни, начавшееся со времени назначенія въ 1836 г. на должность оберъ-прокурора Св. Сѵнода *графа Н. А. Протасова*. Послѣдній обвинялъ тогдашнее духовно-учебное направленіе введенное Уставомъ 1808—1814 г., въ протестанствѣ, въ коемъ подозрѣвалъ даже Московскаго митрополита Филарета. Въ особенности онъ недоволенъ былъ тѣмъ, что въ духовныхъ семинаріяхъ преподавалась философія. „Какъ! восклицалъ онъ, у духовныхъ есть философія, эта нечестивая, безбожная, мятежная наука?! Изгнать ее!" (См. „Исторія С.-Петербургской православной Духовной Семинаріи" *Александра Надеждина*, Спб. 1885 г., стр. 300). И вотъ, не смотря на оппозицію со стороны ученаго духовенства (отголоскомъ ея служитъ и настоящее письмо архим. Виталія), графъ Протасовъ рѣшился ввести въ Уставъ духовныхъ семинарій преобразованія, имѣвшія цѣлью направить учебную часть къ *церковному преданію и практической основѣ*. Этотъ новый Уставъ сталъ дѣйствовать съ 1841 года.

[4]) *Григорій Постниковъ*, архіепископъ Тверской, впослѣдствіи митрополитъ С. Петербургскій, присутствовалъ тогда въ Св. Сѵнодѣ.

[5]) *Филарету Амфитеатрову*, впослѣдствіи митрополиту Кіевскому.

[6]) Здѣсь, по всей вѣроятности, слѣдуетъ разумѣть *Кирилла Богословскаго-Платонова*, архіепископа Подольскаго. Онъ былъ товарищемъ Филадельфа по 1 му курсу С.-Петербургской Д. Академіи. Дѣйствительно, онъ отличался святостью жизни, и около этого времени вызванъ былъ въ С.-Петербургъ, гдѣ скоро и скончался (8 Марта 1841 г.).

[7]) Такъ и случилось. Именно въ 1837 г. открыта была *епархія Херсонская и Таврическая*, изъ частей епархіи Екатеринославской и Кишиневской, при чемъ каѳедрой новаго епархіальнаго архіерея избрана Одесса.

Препровожденное вами ко мнѣ для напечатанія слово Бурдалу *о мирѣ*, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, можетъ произвесть войну. Что православно на Французскомъ языкѣ, то на Русскомъ, того и смотри, что попадетъ въ неправославное. Развѣ пустить ради диверсіи, т. е. отъ лютеранства своротить подозрѣніе на католицизмъ? Но въ обоихъ случаяхъ—одна горечь [8]).

---

[8]) Опять намеки на графа Протасова и на его креатуръ изъ свѣтскихъ высшихъ чиновниковъ при Св. Сунодѣ, въ родѣ *Сербиновича*, подозрѣвавшихъ въ нашихъ тогдашнихъ духовныхъ ученыхъ дѣятеляхъ и въ направленіи духовной литературы протестантскій духъ. Слово *о мирѣ* было, конечно, прислано для помѣщенія въ *Христіанскомъ Чтеніи*, главнымъ редакторомъ котораго былъ Виталій, какъ ректоръ С.-Петербургской Академіи. Но этотъ-то именно академическій журналъ и подозрѣвали въ лютеранствѣ упомянутые свѣтскіе заправители нашихъ церковныхъ дѣлъ. Доказательство своихъ подозрѣній они съумѣли найти даже въ самомъ тогдашнемъ эпиграфѣ *Христіанскаго Чтенія*, принятомъ имъ съ начала своего изданія. Это былъ слѣдующій текстъ изъ Апостола Павла: „*Наздани на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу*" (Ефес. гл. 2, ст. 20). Въ этомъ видѣли лютеранскій принципъ, т.-е. признаніе за источникъ вѣры одного лишь *Св. Писанія*. Какъ стоявшій въ оппозиціи съ Протасовскимъ духомъ, Виталій, очевидно, не могъ долго оставаться ректоромъ С.-Петербургской Академіи и редакторомъ *Христіанскаго Чтенія*. Дѣйствительно, въ этомъ же 1837 г., онъ, по ходатайству еще раньше знавшаго его Московскаго митрополита Филарета, назначенъ былъ викаріемъ Московскимъ, епископомъ Дмитровскимъ. Въ 1841 г. ректоромъ С.-Петербургской Д. Академіи и редакторомъ *Христіанскаго Чтенія* сдѣлался человѣкъ, согласившійся сообразоваться съ направленіемъ графа Протасова. Это былъ *архимандритъ Аѳанасій Дроздовъ*; онъ отличался, по выраженію преосв. *Филарета Гумилевскаго*, „сильною охотой сдѣлать угодное людямъ вѣка" (*Твр. Св. Отцевъ* 1883 г., 1, стр. 230. Письма къ Горскому № 14. Немало Аѳанасій заслужилъ укоризненныхъ отзывовъ и со стороны Филарета, митрополита Московскаго). Онъ рѣшился выбросить неугодный „людямъ вѣка" эпиграфъ *Христіанскаго Чтенія*. Въ 1842 г. первая книжка этого журнала, подъ редакторствомъ Аѳанасія, вышла уже съ другимъ эпиграфомъ. Это былъ слѣдующій текстъ, тоже изъ Апостола Павла: „*Да увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истины*" (I Тим., гл. 3, ст. 15). Очевидно, здѣсь выдвигался уже противо-лютеранскій принципъ *Церкви* и, слѣдов. *Св. Преданія*. Но этотъ новый эпиграфъ существовалъ на оберткахъ и заглавныхъ листахъ *Христіанскаго Чтенія* лишь въ продолженіе ректорства и редакторства Аѳанасія. Когда, въ 1847 году, назначенъ былъ новый ректоръ, архим. *Евсевій Орлинскій*, бывшій предъ этимъ ректоромъ Московской Д. Академіи, то онъ *почему-то* счелъ нужнымъ

Два экземпляра Жизни апостола Павла [9]) и Священный словарь Малова давно для васъ куплены и обросли уже пылью; не гнѣвайся, будутъ казаться старѣе, а это нынѣ въ модѣ. На сихъ дняхъ вышлю сіи книги, чтобы не быть болѣе должникомъ вашимъ.

По опредѣленію Сѵнода, вызывался сюда въ учреждаемый комитетъ для пересмотра и исправленія Кормчей Книги съ Греческаго языка Новоспасскій о. архимандритъ Поликарпъ, но за болѣзнію отказался [10]). Теперь для сей цѣли оставленъ здѣсь освобожденный изъ подъ надзора архим. Платонъ, бывшій инспекторъ Московской Академіи, коему данъ въ управленіе прекрасный монастырь въ Новомъ Торжкѣ [11]). Вы скажете: настали времена *воздвиженія падшихъ*; но не забудьте прибавить: и *паденія стоящихъ* [12]).

Брата вашего Поликарпа Ивановича, съ которымъ вы обѣщали меня познакомить, я и доселѣ нигдѣ не видалъ [13]). Вашимъ обѣщаніямъ, стало быть, также должно вѣрить, какъ и здѣшней погодѣ.

Генв. 15 дня 1837 г.
С. П. Б.

удалить Аѳанасіевскій эпиграфъ со страницъ *Христіанскаго Чтенія*, и книжки этого журнала на 1848 г. стали выходить уже безъ всякаго эпиграфа. Такъ, съ удаленіемъ обоихъ прежнихъ эпиграфовъ, они выходили и далѣе, въ продолженіе 40 слишкомъ лѣтъ, до самаго нашего времени. И только въ 1893 г. новый редакторъ *Христіанскаго Чтенія*, молодой профессоръ С.-Петерб. Д. Академіи *А. П. Лопухинъ*, рѣшился возобновить прежній старинный видъ книжекъ и томовъ академическаго журнала и, что̀ всего замѣчательнѣе (чего и слѣдовало ожидать), поставилъ на нихъ эпиграфомъ *оба рядомъ* изгнанные прежде тексты Св. Писанія. Такимъ образомъ, хотя поздно, но было, наконецъ, возстановлено значеніе и достоинство двухъ священныхъ изреченій, послужившихъ камнемъ претыканія и соблазна для слѣпыхъ страстей человѣческихъ...

[9]) Извѣстное сочиненіе *Иннокентія Борисова*.

[10]) *Поликарпъ Гайтанниковъ*, магистръ 1-го курса Спб. Д. Академіи, бывшій ректоръ Московской Д. Академіи, товарищъ Филадельфа.

[11]) *Платонъ Казанскій*, извѣстный по своимъ сношеніямъ съ Дубовицкимъ См. о немъ статью священника *В. Жмакина* въ *Русскомъ Архивѣ* 1894 г., вып. 6.

[12]) Въ число послѣднихъ Виталій мысленно включалъ и самого себя; ибо въ это именно время онъ сталъ испытывать гоненія со стороны графа Протасова, и его *паденіе* уже было рѣшено, еслибы не поддержала его защита Московскаго митрополита Филарета Объ этихъ *гоненіяхъ* на Виталія и о *защитѣ* его см. подробности въ статьѣ *Дм. Ростиславова*: „Петербургская Д. Академія при гр. Протасовѣ“. *Вѣстникъ Европы* 1883 г. Іюль.

[13]) Это *Поликарпъ Ивановичъ Пузына*. Въ „Азбучномъ указателѣ именъ

ПИСЬМО В. В. ГРЕЧУЛЕВИЧА КЪ АРХІЕПИСКОПУ МОГИЛЕВСКОМУ АНАТОЛІЮ МАРТЫНОВСКОМУ *).

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ! Дражайшее письмо вашего высокопреосвященства, отъ 21 Іюля, со вложеніемъ 75-ти рублей сер. на содержаніе обучающагося въ Академіи Художествъ Василія Кременькова, имѣли мы счастіе получить 29 того же мѣсяца. Не знаемъ, по истинѣ, какъ и благодарить васъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, за это сугубое благодѣяніе: Кременьку содержаніе, а намъ пособіе, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ очень значительное. Оно будетъ для насъ очень памятно и, такъ-сказать, постоянно-присуще, потому что на присланныя деньги рѣшено перекрыть мебель, давно уже въ этомъ нуждающуюся.—Во Вторникъ, на прошедшей седмицѣ, инспекторъ Могилевской гимназіи, г. Соколовъ, отправилъ отсюда въ Могилевъ напередъ свои вещи съ какими-то попутчиками изъ Жидовъ; съ этими-же вещами положилъ онъ и врученную ему икону препод. Алимпія, а также оригинальный портретъ въ деревянномъ ящикѣ [1]).

Весьма интересно знать, понравится ли списанная Кременьковымъ икона вашему высокопреосвященству?—Бѣда съ этими переписчиками: когда переписываешь самъ, то переписалъ, да и дѣло съ концемъ, а послѣ переписки писцовъ приходится дѣлать столько поправокъ, что

Русскихъ дѣятелей", изд. Импер. Русскимъ Историческимъ Обществомъ, о немъ сказано: „*Пузино Поликарпъ*, переводчикъ статей медицинскаго содержанія 1816—17 гг., надворный совѣтникъ 1837 г.".

*) Василій Васильевичъ *Гречулевичъ*—извѣстный Петербургскій протоіерей, законоучитель, основатель духовнаго журнала „*Странникъ*", авторъ и издатель нѣсколькихъ богословскихъ сочиненій. Въ 1876 г. онъ принялъ монашество съ именемъ *Виталія* и скончался въ 1885 г. епископомъ Могилевскимъ. Архіепископъ *Анатолій Мартыновскій*, извѣстный духовный писатель и горячій ревнитель православія. Онъ былъ художникъ-иконописецъ и вообще знатокъ живописи. На его счетъ воспиталось нѣсколько живописцевъ въ Академіи Художествъ. Скончался на покоѣ въ Гербовецкомъ монастырѣ Кишиневской епархіи 9 Августа 1872 года. Гречулевичъ былъ землякъ преосв. Анатолія (оба уроженцы Подоліи), давній его знакомый и въ 50-хъ и 60-хъ гг. издатель его сочиненій и вообще его коммиссіонеръ. Письмо его къ Анатолію мы получили, какъ и многія другія бумаги преосв. Анатолія, отъ племянника его, учителя живописи въ Кишиневской Женской Гимназіи *Ник. Викт. Мартыновскаго*.

[1]) Это былъ, по всей вѣроятности, портретъ самого преосвященнаго Анатолія.

мочи нѣтъ! Немного успѣли переписать для меня *Записокъ о Римской церкви* [1]) гг. семинаристы оттого, что экзамены и роспускъ былъ ранѣе обыкновеннаго. Приходится доканчивать начатое незнающими языковъ писарями, и дѣло поневолѣ потребуетъ лишняго времени. Но всему есть конецъ.

19-го Іюля случилось мнѣ въ присутствіи Опекунскаго Совѣта приводить къ присягѣ одного изъ помощниковъ директора Сохранной Казны. По окончаніи этого обряда, г.г. почетные опекуны обступили меня и стали спрашивать: «все ли изданіе «В. Н. и Л.» [2]) уже разошлось? «Нѣтъ, говорю, еще не все, потому что печатано очень много экземпляровъ» — «О, будьте увѣрены», сказалъ графъ Завадовскій, «что сколько-бъ ихъ ни было, всѣ разойдутся: книга чудесная, превосходная!» «Вотъ вы служете законоучителемъ», сказалъ генералъ Броневскій: «что̀ бы вамъ написать учебникъ? Да нѣтъ, пока Филаретъ не умретъ, ничего не сдѣлаешь!» — «Филаретъ», отвѣчалъ я, такое свѣтило, что надобно желать и молить Бога, чтобы онъ пожилъ подольше; нескоро наживетъ Россія другого Филарета!» — «Такъ-то, такъ, но ужъ катихизисъ его...» — «Сокровище!» Завязался общій разговоръ между пятью почетными опекунами (все сенаторы, иные—члены Государств. Совѣта) о способѣ преподаванія катихизиса у насъ и за границей, т. е. у Западныхъ, гдѣ составляются катихизисы и по возрастамъ, и по полу, и въ каждой епархіи могутъ быть и бываютъ особенные. Разговоръ прерванъ приходомъ е. и. в. принца Ольденбургскаго. Вечеромъ того же дня ѣздилъ я на дачу нашихъ институтокъ съ инспекторомъ Ак., а. К-мъ [4]) и узналъ, что ген. Броневскій большой пріятель преосв. Макарія [5]), который, бывъ еще ученикомъ высшаго отдѣленіе семинаріи [6]), училъ у него дѣтей, смѣло высказывалъ то, что̀ предполагается въ нашемъ духовномъ ареопагѣ втихомолку, что дѣйствительно Филаретовъ катихизисъ признаютъ очень неудобнымъ, и лишь только не станетъ Московскаго владыки, то навѣрное будетъ поручено Св. Сѵнодомъ составить

---

[1]) Это сочиненіе архіеп. Анатолія, доставившее ему степень *доктора Богословія.* Оно издано свящ. Гречулевичемъ въ 1857 г. подъ заглавіемъ „Объ отношеніяхъ Римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду. Записки *Авдія Востокова*".

[2]) „В. Н. и Л."—это сочиненіе Анатолія: „Вѣра, Надежда и Любовь, изложенныя въ бесѣдахъ и размышленіяхъ, съ приложеніемъ духовныхъ стихотвореній". 2 части. 1-е изданіе вышло въ 1849 г., 5-е въ 1867.

[4]) Архимандритомъ *Кирилломъ Наумовымъ.*

[5]) *Макарія Булгаковы*, бывшаго въ то время ректоромъ С.-Петербургской Д. Академіи въ епископскомъ санѣ и впослѣдствіи Московскаго митрополита. *Кириллъ Наумовъ* былъ родственникъ ему.

[6]) Курской, бывшей тогда въ Бѣлгородѣ.

новый катихизисъ Макарію. Между тѣмъ, преосвященный Московскій, ничего этого не зная и не предполагая, занимается теперь, говорятъ, писаніемъ замѣчаній на сочиненіе преосв. Григорія Казанскаго «объ истинной церкви», противъ раскольниковъ, которое ему будто бы очень понравилось [7]). Это разсказывалъ одинъ изъ Московскихъ протоіереевъ, пріѣзжавшій сюда въ гости къ роднымъ; онъ сродни и а. Кириллу.

Хотя и непріятно сообщать, а трудно и умолчать предъ вашимъ высокопреосвященствомъ, что здѣшняя семинарія съ академіею или лучше представители ея въ большомъ разладѣ между собой. О. Іоаннъ, ректоръ семинаріи [8]), кажется, очень занятъ своимъ докторствомъ и на экзаменѣ (публичномъ) не подошелъ за благословеніемъ къ преосв. М—ію, а преосвященный не пошелъ къ нему обѣдать. Съ о. Кир—мъ они давно воюютъ; дѣло доходило до жалобъ преосв. митрополиту, да не обходилось и безъ сплетней. Проф. Левисонъ [9]) выразился: «Іоаннъ» значитъ «милость Божія», а *иной* Іоаннъ—«помилуй, Богъ!» Впрочемъ, Богъ съ ними! Наше дѣло сторона, хотя не можемъ быть равнодушными къ подобнымъ слухамъ. Но яко посредѣ учениковъ Твоихъ пришелъ еси, Спасе, миръ дая имъ, пріиди и къ намъ и спаси насъ!

Испрашивая святительскихъ молитвъ и благословенія вашего высокопреосвященства, имѣю счастіе быть вашимъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ, всеусерднѣйшимъ и всепокорнѣйшимъ послушникомъ свящ. Василій Гречулевичъ. (Со всѣми присными).

2 Августа 1855 г.
С.-Петербургъ.

(*Сообщено А. С. Мацѣевичемъ*).

---

[7]) Сочиненіе это называется: „Истинно древняя и истинно православная Христова церковь".

[8]) *Іоаннъ Соколовъ*, впослѣдствіи епископъ Смоленскій.

[9]) В. А. *Левисонъ* былъ въ С.-Пет. Д. Академіи профессоромъ Нѣмецкаго языка.

ДѢЛО О ПОДЛОЖНЫХЪ МАНИФЕСТАХЪ.

Въ 60-хъ годахъ, какъ извѣстно, гражданскія и духовныя начальства многихъ губерній были встревожены извѣстіями о появлявшихся въ разныхъ мѣстахъ подкинутыхъ ложныхъ манифестахъ.

Разскажемъ объ одномъ случаѣ тревоги этого рода въ Нижегородской губерніи, пользуясь для этого дѣломъ архива Нижегородской Духовной Консисторіи, озаглавленномъ такъ: «*Дѣло по отношенію господина начальника Нижегородской губерніи о сдѣланіи наставленія священникамъ по предмету оказательства у кого-либо появившагося въ Нижегородской губерніи подложнаго манифеста*». (По 1-му столу № 314. Сдаточ. оп. № 677, 1863 г.) Обстоятельства дѣла таковы.

Въ 1863 году, какіе-то выходцы изъ Польши, проѣзжая черезъ села Глухово, Кременки и деревню Балыково, подкинули бумаги въ формѣ манифестовъ, сулившихъ крестьянамъ рядъ несбыточныхъ надеждъ. Этими бумагами крестьянамъ объявлялась совершенная самостоятельность и независимость отъ помѣщиковъ, всѣмъ безъ исключеній даровался полный надѣлъ земли, вся Русская армія распускалась, отпущеннымъ на волю солдатамъ предоставлялись полные надѣлы земли въ казенныхъ дачахъ, уничтожался сборъ подушныхъ податей, выборъ властей поручался крестьянамъ и т. п. Въ случаѣ сопротивленія изложенному въ лже-манифестѣ со стороны «губернаторовъ, генераловъ, посредниковъ», повелѣвалось всякому возставать и добиваться осуществленія вышеозначенныхъ привиллегій силою. Начало и окончаніе прокламацій имѣли форму обыкновенныхъ манифестовъ.

Одинъ экземпляръ такой прокламаціи былъ найденъ въ селѣ Кременкахъ отставнымъ унтеръ-офицеромъ Наумышкинымъ, который немедленно передалъ его 27 Апрѣля мѣстному благочинному священнику с. Кременокъ о. Александру Приклонскому. Сей послѣдній по какимъ-то своимъ соображеніямъ не объявилъ о находкѣ начальству. Между тѣмъ толки о монифестѣ уже начались въ деревняхъ. Ардатовскій зем-

скій исправникъ отношеніемъ отъ 3-го Мая потребовалъ отъ священника найденный манифестъ и немедленно донесъ о случившемся. Губернаторъ Одинцовъ велѣлъ произвести слѣдствіе, по которому оказалось, что лже-манифесты подкидывали 26 Апрѣля четыре злоумышленника: двое на Саратовской дорогѣ отъ села Шашковъ до границы Пензенской губ., а другіе два на Тамбовской дорогѣ отъ села Глухова до Тамбовской губ. По словамъ губернатора, «на этомъ послѣднемъ трактѣ преслѣдованіе злоумышленниковъ увѣнчалось успѣхомъ, благодаря скорому доносу о томъ священника села Глухова Александра Кроткова». Губернаторъ Одинцовъ поспѣшилъ секретно сообщить Нижегородскому преосвященному Нектарію (отъ 14 Мая 1863 г. № 191) о найденныхъ лже-манифестахъ. Изложивъ обстоятельства дѣла, губернаторъ оканчиваетъ свое отношеніе слѣдующими словами: «Ваше преосвященство изволите усмотрѣть, что ежели подобныя возмутительныя воззванія попадутся въ руки крестьянъ, то они, по всей вѣроятности, обратятся прямо къ мѣстнымъ священникамъ, а потому я долгомъ поставляю сообщить о томъ вашему преосвященству на благоусмотрѣніе, не найдете-ли вы удобнымъ дать наставленія священникамъ, какъ дѣйствовать въ подобныхъ обстоятельствахъ».

Консисторія тотчасъ-же потребовала объясненіе отъ благочиннаго Приклонскаго, почему онъ задержалъ у себя манифестъ и не донесъ своевременно о немъ епархіальному начальству. Приклонскій оправдывалъ себя такими соображеніями, которыя даютъ основаніе думать, что дѣло происходило нѣсколько иначе, противъ того какъ представляли его гражданскія власти. Онъ пишетъ, что, «лже-манифестъ былъ полученъ въ селѣ Кременкахъ и вѣроятно былъ утаенъ (крестьянами) отъ судебнаго слѣдователя и исправника». Манифестомъ были очень заинтересованы крестьяне, о чемъ онъ узналъ отъ двороваго Александра Кузнецова 30 Апрѣля вечеромъ. Священникъ отправился къ Кузнецову 1 Мая и «лаской успѣлъ убѣдить солдата, у котораго былъ манифестъ, чтобъ онъ далъ ему только почитать». Солдатъ показалъ бумагу. Священникъ нарушилъ данное слово и унесъ документъ съ собой «съ тою цѣлью, чтобы препроводить оный къ судебному слѣдователю Разумовскому, и чтобы не могли читать онаго прихожане». Между тѣмъ броженіе среди прихожанъ росло. «2 числа утромъ, пишетъ священникъ далѣе, приходилъ десятскій ко мнѣ въ домъ и требовалъ оный манифестъ для чтенія старикамъ; я не далъ, но и не успѣлъ отправить онаго за домашними недосугами. 3 числа м. Мая прибылъ въ Кременки отъ исправника Ардатовскаго письмоводитель Кенарскій и истребовалъ отъ меня оный лже-манифестъ, между тѣмъ какъ съ отноше-

ніемъ къ г. Разумовскому онъ былъ закуверченъ и запечатанъ. Объясненій по сему дѣлу отъ меня не требовали. По полученіи-же извѣстій о лже-манифестѣ я секретно разузналъ, что̀ будетъ дѣлаться въ моемъ вѣдомствѣ духовенствомъ по сему поводу. Опасаясь, какъ-бы въ особенности причетники не стали вмѣшиваться въ толки крестьянъ о грамотахъ, я нѣкоторыхъ священниковъ предварялъ, чтобы при разговорахъ съ крестьянами, если они заведутъ рѣчь, убѣждать крестьянъ въ ложности этихъ грамотъ. Почитаю за нужное всепокорнѣйше донести вашему преосвященству, заключалъ благочинный свою бумагу, что духовенство подвѣдомое мнѣ въ объясненномъ мною случаѣ вело себя благоразумно, да и сами крестьяне мало сочувствовали затѣянному возмутительному дѣлу. Второй священникъ села Кременокъ Александръ Дертевъ, прочитавъ таковой лже-манифестъ, отдалъ обратно тому, кто оный давалъ ему читать, присовокупивъ, что это ложь и не слѣдуетъ никому давать читать онаго; въ такомъ смыслѣ онъ далъ и объясненіе г. Разумовскому»..

Получивъ отъ губернатора отношеніе о появленіи лже-манифестовъ и рапортъ благочиннаго Приклонскаго, преосвященный Нектарій распорядился чрезъ консисторію: «предписать секретно всѣмъ благочиннымъ, чтобы они немедленно посѣтили всѣ подвѣдомыя имъ церкви и внушили секретно причтамъ немедленно представить мѣстному гражданскому начальству всѣ (?) подложные манифесты или другія какія-либо подложныя оффиціальныя бумаги и объявленія, если оныя кому попадутся въ руки, или доносить объ нихъ тому-же начальству, если у кого увидятъ оныя или отъ кого услышатъ объ нихъ; прихожанамъ-же, если они узнаютъ о̀ таковыхъ бумагахъ, внушать, что эти бумаги злостныя и ложныя, что̀ истинные манифесты объявляются въ церквахъ по распоряженію духовнаго начальства по сношеніи о нихъ съ гражданскимъ начальствомъ, а распоряженія гражданскаго начальства объявляются полицейскими или другими мѣстными оффиціальными лицами». (Резолюція 30 Мая 1863 г., № 175).

Консисторія сдѣлала распоряженіе въ смыслѣ предписанія преосвященнаго (отъ 3 Іюня 1863 г. за № 470), и отъ всѣхъ благочинныхъ были взяты соотвѣтствующія подписки въ неукоснительномъ соблюденіи указа. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ судить о томъ, какъ приводилось въ исполненіе предписаніе консисторіи, возбуждавшее, должно быть, немало недоразумѣній своею неопредѣленностью («представить начальству всѣ... подложныя (?) оффиціальныя (?) бумаги»). Должно быть, причты съ трудомъ могли разобраться

въ бумагахъ, которыя попадали имъ подъ руки и, по пословицѣ: «у страха глаза велики», и придавали значеніе каждой мелочной запискѣ. За партіями преступниковъ и разныхъ людей, проходившими по трактамъ особенно наблюдалось, не оставятъ-ли они какой листъ бумаги. Бдительность сельскаго духовенства въ этомъ отношеніи доходила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до крайности, судя по слѣдующему случаю.

Черезъ с. Арапное проходила партія ссыльныхъ въ Сибирь. Путешественники остановились на отдыхъ въ селѣ и расположились близъ часовни. Кто-то изъ ссыльныхъ, какой-то Чехъ, оставилъ послѣ себя записочку «на Польскомъ (?) языкѣ», какъ доносилось въ рапортѣ, писанную карандашемъ на клочкѣ бумаги. Записка написана была не на Польскомъ, а на Чешскомъ языкѣ и буквально заключала въ себѣ слѣдующее (приводимъ ее по тексту, скопированному въ рапортѣ благочиннымъ): «Hospodin Sarvoe Felix chvistosoviez 5 Felicianoj Iysicsovnoj budet zdes v 1865 hodu 1-го Iunja». Это могло означать, что №№ будетъ въ оставляемой мѣстности въ 1865 году (должно быть, авторъ записки Чехъ былъ сосланъ лишь на два года въ Сибирь). Записку нашли крестьяне села Арапнаго (прихожане Фіалковскаго) въ часовнѣ, стоявшей на большой дорогѣ по Казанскому большому тракту, по которому провожаются партіи преступниковъ въ Сибирь. Случилось такъ, что при этомъ изъ часовни пропалъ образъ Спасителя, и на мѣстѣ его лежала вышеприведенная записка. Не понимая, что̀ на ней написано, но помня наставленія священника о подложныхъ манифестахъ, прихожане передали записку священнику, который препроводилъ ее благочинному, а благочинный при рапортѣ (отъ 14 Іюня 1863 г. за № 56) отправилъ ее Нижегородскому преосвященному. Преохвященный велѣлъ немедленно «изготовить по сему сообщеніе къ начальнику губерніи съ препровожденіемъ записки» (резол. 3 Іюля за № 7511) и т. д. Словомъ, цѣлое дѣло изъ записки, которая, можетъ быть, случайно оставлена была какимъ-то ссыльнымъ, нетерпѣливо ждавшимъ истеченія срока своей недолголѣтней ссылки.

Ѳ. Кудринскій.

ГУАША.

Отрывокъ изъ Записокъ Н. С. Мартынова.

Въ 1837 году я отпросился волонтеромъ кавалергардскаго полка на Кавказъ, для участвованія въ экспедиціи противъ горцевъ, проектированной на правомъ флангѣ Кавказской линіи. Сборнымъ пунктомъ для отряда былъ назначенъ Ольгинскій постъ [1]). Устроивъ наскоро свое походное хозяйство въ Ставрополѣ, я отправилъ оттуда впередъ купленныхъ мною вьючнаго верблюда и верховую лошадь, приказавъ Калмыку, который былъ нанятъ для ухода за ними, слѣдовать какъ можно поспѣшнѣе въ дѣйствующій отрядъ; самъ же выѣхалъ тремя днями позже на перекладной.

Пріѣздъ мой въ Ольгинское весьма обрадовалъ моихъ гвардейскихъ товарищей. По обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ меня, я оставилъ Петербургъ гораздо позднѣе ихъ, а потому они были въ правѣ разсчитывать, что получатъ чрезъ меня самыя свѣжія извѣстія о своихъ знакомыхъ и родныхъ. Удовлетворивъ по возможности любопытству каждаго, я, въ свою очередь, отнесся къ нимъ съ вопросомъ: «Ну, а вы что тутъ подѣлываете? Какъ живете на Кавказѣ?»

— Ничего, жить можно: почва благодатная, отвѣтилъ мнѣ Монго Столыпинъ, слегка подмигивая глазомъ и кивая головой на Долгорукаго [2]). Вотъ Долгорукій ужъ успѣлъ здѣсь влюбиться!

— Да полно же, Монго! Какъ тебѣ не стыдно порочить мое чистое, безкорыстное чувство, клеймя его этимъ пошлымъ названіемъ, замѣтилъ почти съ упрекомъ сей послѣдній.

— А какъ же прикажешь называть твое чистое, безкорыстное чувство? Вѣдь она дѣвушка? Да еще и прехорошенькая дѣвушка!

— Нѣтъ, она ребенокъ, тихо и грустно произнесъ Долгорукій; потомъ, съ необыкновенною живостью обратясь ко мнѣ и схвативъ меня за руку, онъ шепотомъ прибавилъ: «Представь себѣ, Мартыновъ, вѣдь ей только 11 лѣтъ! Но что̀ это за дивное и милое созданье!» И взглядъ его при этихъ словахъ былъ полонъ невыразимой нѣжности.

— Здѣсь, князь, въ 11 лѣтъ дѣвушекъ замужъ выдаютъ, сердито проворчалъ разжалованный Штольценвальдъ. Не забудьте, что мы здѣсь не въ Россіи, а на Кавказѣ, гдѣ все скоро созрѣваетъ.

---

[1]) Укрѣпленіе въ Черноморіи, на лѣвомъ берегу Кубани, верстахъ въ 80-ти отъ Екатеринодара.

[2]) Это былъ если не ошибаемся, князь Александръ Николаевичъ Долгорукій (род 1819), убитый 27 Іюня 1842 на поединкѣ княземъ Яшвилемъ. П. Б.

— Да растолкуйте мнѣ, ради Бога, господа, о комъ у васъ идетъ рѣчь? Я ровно ничего не понимаю, и кто такая эта дѣвушка, и почему вы всѣ ее знаете? обратился я съ вопросомъ ко всѣмъ присутствующимъ.

Тутъ мнѣ разсказали, что недалеко отъ Ольгинскаго укрѣпленія, на лѣвомъ берегу Кубани, есть мирно̀й аулъ, куда всѣ офицеры наши ѣздятъ закупать себѣ разныя Кавказскія произведенія. Случайно увидѣли они тамъ молодую Черкешенку необыкновенной красоты: на ней не было чадры а потому имъ удалось вполнѣ разглядѣть черты ея лица. Національный костюмъ ея, а равно и внутреннія украшенія сакли, отличались изящностью и нѣкоторою роскошью, недоступной для большинства мѣстныхъ жителей. По всему замѣтно было, что она принадлежитъ къ аристократическому семейству. Отецъ ея, офицеръ Русской службы, находился въ то время съ милиціей на лѣвомъ флангѣ, въ отрядѣ генерала Фезе.

Съ такою обстановкой и столь заманчивою вывѣской, какъ эта хорошенькая дѣвушка, понятно, что торговля дома должна была процвѣтать. Дѣйствительно, въ нѣсколько дней офицеры наши закупили у хозяевъ все, что̀ только было на лицо въ саклѣ. Разсчетъ ихъ при этомъ былъ самый вѣрный: они весьма хорошо понимали, что когда не останется болѣе ничего для продажи, отъ нихъ станутъ принимать, заказы, а заказы неизбѣжно поведутъ къ сближенію: установятся ежедневныя сношенія съ ауломъ, а имъ только того и хотѣлось. Въ моментъ моего прибытія въ отрядъ можно положительно сказать, что кружокъ, къ которому принадлежали мои товарищи, уже пустилъ корни въ аулѣ: въ какое угодно время дня, непремѣнно ужъ кто-нибудь изъ нашихъ да тамъ находился: одинъ привозилъ сукно на черкеску, другой выбиралъ галуны или примѣривалъ башлыкъ; однимъ словомъ, работа шла безостановочная. Я пожелалъ знать, на какомъ языкѣ они объясняются съ своею красавицей. Мнѣ отвѣчали, что она понимаетъ нѣсколько словъ по-русски, да сверхъ того, въ затруднительныхъ случаяхъ, призываетъ на помощь Джелыма, одного изъ крѣпостныхъ работниковъ ея отца, который говоритъ по-хохлацки довольно бойко.

Съ перваго дня, какъ увидѣлъ Долгорукій Гуашу (такъ называли молодую Черкешенку), онъ почувствовалъ къ ней влеченіе непреодолимое; но что̀ всего страннѣе, и она, съ своей стороны, тотчасъ же его полюбила. Выражала она эту любовь совершенно по своему, безъискусственно и просто, какъ было просто и безъискусственно все ея обхожденіе; но даже и въ самыхъ мелочахъ было замѣтно предпочтеніе, которое она оказывала ему предъ другими его товарищами. Для всѣхъ она была только привѣтлива, для него одного ласкова. Бывало,

подойдетъ къ нему, возьметъ его за руку и долго, долго смотритъ ему въ глаза; потомъ вздохнетъ и сядетъ возлѣ него. Случалось, напротивъ, что, въ порывахъ шумной веселости, она забѣжитъ къ нему сзади, схватитъ его неожиданно за голову и, крѣпко поцѣловавъ, зальется громкимъ смѣхомъ. И все это происходило на глазахъ у всѣхъ: она не выказывала при томъ ни дѣтской робости, ни женской стыдливости, не стѣсняясь даже нисколько присутствіемъ своихъ домашнихъ.

Все мною слышанное крайне удивляло меня: я не зналъ, какъ согласить въ умѣ своемъ столь вольное обращеніе дѣвушки съ тѣми разсказами о неприступности Черкесскихъ женщинъ и о строгости ихъ нравовъ вообще, которые до тѣхъ поръ были въ большомъ ходу между нами. Впослѣдствіи я убѣдился, что эта строгость существуетъ дѣйствительно только для замужнихъ женщинъ, дѣвушки же у нихъ пользуются необыкновенною свободой.

Долгорукій часто привозилъ Гуашѣ незначительные подарки: когда купитъ для нея матеріи на бешметъ, въ другой разъ поднесетъ ей стеклянныя бусы или гармонію. Магазиновъ въ Ольгинскомъ укрѣпленіи не полагалось, а потому выборъ предметовъ поневолѣ ограничивался тѣмъ, что можно было найти у духанщиковъ. Получивъ отъ него какую-нибудь вещь, она никогда не разсматривала ее, какъ это дѣлаютъ почти всѣ Азіатцы и даже многіе изъ Европейцевъ, но молча принимала подарокъ, благодарила за него искренно, хотя и съ достоинствомъ, нисколько, впрочемъ, не стараясь скрыть своего удовольствія, если вещь нравилась. Казалось, всѣ усилія ея клонились только къ тому, чтобы доказать, что она болѣе цѣнитъ вниманіе лица, чѣмъ его подарокъ. Подобная утонченность чувствъ среди дикости, ее окружающей, не могла пройти незамѣченной для моихъ товарищей. Они говорили мнѣ объ этомъ, какъ о странномъ явленіи, какъ бы о чудѣ природы, приводящемъ въ недоумѣніе и замѣшательство всѣ понятія ихъ касательно значенія нравственнаго воспитанія.

Одинъ пунктъ оставался для меня неразъясненнымъ: по словамъ товарищей моихъ, Гуаша была молодая дѣвушка, если еще не въ полномъ развитіи, то уже настолько созрѣвшая, что въ нее влюбиться было весьма возможно; Долгорукій же продолжалъ утверждать, что она была дитя, совершенное дитя, которое и любить и ласкать можно было только какъ ребенка. Я указалъ имъ на столь рѣзкое противорѣчіе. Поднялся шумъ, споръ нескончаемый и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не убѣдивъ никого: всякій остался при своемъ прежнемъ мнѣніи.

— Да что тутъ разсуждать по пустому, съ досадою сказалъ, наконецъ, Долгорукій; вѣдь ты поѣдешь съ нами въ аулъ?

— Еще бы! А ты думалъ, откажусь?

— Ну, тѣмъ и лучше. Тогда увидишь самъ, кто изъ насъ правъ: я не сомнѣваюсь, что ты присоединишься къ моему мнѣнію.

— Посмотримъ.

Ровно въ два часа подали намъ обѣдать; при этомъ, по Кавказскому обычаю, была устроена въ честь мою маленькая попойка, на которой меня заставили пить брудершафтъ со всѣми новыми товарищами. Изъ старыхъ я былъ особенно коротокъ только съ Столыпинымъ и съ Долгорукимъ; съ остальными же офицерами хотя и встрѣчался въ Петербургѣ, но не имѣлъ никогда близкихъ отношеній. Здѣсь кстати описать характеръ главнаго дѣйствующаго лица въ моемъ разсказѣ; я не говорю—героя романа, потому что въ сущности тутъ никакого романа и не было, а была грустная недоконченная исторія двухъ отдѣльныхъ существованій, изъ которой случайно я вырвалъ нѣсколько листковъ. Но не станемъ опережать событія: пусть драма сама развернется передъ нами, и безъ того развязка ея не далека.

Долгорукій былъ произведенъ въ офицеры въ конную гвардію за полтора года до отъѣзда его въ экспедицію. Принадлежа къ одной изъ лучшихъ Русскихъ фамилій, имѣя при томъ обезпеченное состояніе послѣ матери и блестящую карьеру впереди себя, казалось, все въ будущемъ этого человѣка должно было ему улыбаться. И дѣйствительно, первые шаги въ его жизни были необыкновенно счастливы: товарищи полюбили его, начальники отличали за неуклонное исполненіе службы и молодецкую удаль, которую онъ проявлялъ во всемъ; свѣтъ тоже принялъ его благосклонно, потому что онъ соединялъ въ себѣ всѣ условія, чтобы понравиться въ свѣтѣ: онъ былъ хорошо воспитанъ, имѣлъ веселый нравъ и неисчерпаемое добродушіе, при томъ никогда ни объ комъ дурно не отзывался и никому не завидовалъ, два качества весьма рѣдкія между людьми. Не бывъ особенно красивымъ, онъ нравился многимъ женщинамъ симпатичнымъ выраженіемъ лица, живостью характера и какой-то ребяческой откровенностью. Въ первыя двѣ зимы я очень часто встрѣчался съ нимъ въ свѣтѣ и между товарищами и отъ всего сердца полюбилъ его; но нигдѣ я такъ не оцѣнилъ доброту этого человѣка, какъ по пріѣздѣ его на Кавказъ. Тутъ открылось широкое поприще для его нравственной дѣятельности, арена, достойная возвышенной его души. Должно признаться, что въ этомъ отношеніи Кавказъ приноситъ огромную пользу нашимъ молодымъ офицерамъ: Петербургская среда портитъ людей; это, мнѣ кажется, аксіома, не требующая никакихъ доказательствъ. Какъ во всѣхъ большихъ центрахъ, въ Петербургскомъ свѣтѣ берутъ начало и развиваются всѣ тѣ мелкія страсти и пороки, которыми такъ страда-

етъ наше современное общество: эгоизмъ, тщеславіе, интриги, фанфаронство, вотъ обыкновенные спутники этого блестящаго ничтожества. Къ тому же, отъ постояннаго обращенія въ одной и той же средѣ, въ виду однихъ и тѣхъ же интересовъ, у людей суживается взглядъ на жизнь, составляется совершенно превратное и одностороннее сужденіе о достоинствахъ человѣка вообще. Для Петербургскаго юноши непонятно, напримѣръ, какъ можно быть въ тоже время очень порядочнымъ человѣкомъ и не умѣть говорить по-французски. Тутъ внѣшность овладѣваетъ всѣмъ; наружная форма беретъ перевѣсъ надъ внутреннимъ содержаніемъ. Но эта нравственная порча не коснулась Долгорукаго, онъ вышелъ чистъ и невредимъ изъ этого одуряющаго омута. Перенесенный почти мгновенно изъ блестящаго Петербургскаго общества на дикую Кавказкую почву, онъ сразу понялъ свое новое положеніе и оцѣнилъ по достоинству людей, его окружающихъ. Какъ часто мнѣ случалось видѣть его въ кругу настоящихъ, коренныхъ Кавказцевъ, съ какимъ уваженіемъ онъ относился тогда къ ихъ опытности, съ какимъ вниманіемъ и любопытствомъ выслушивалъ разсказы ихъ о прежнихъ экспедиціяхъ, о давно совершенныхъ ими походахъ. Въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ этими людьми какъ мало заботился онъ отличать ихъ по степени благовоспитанности или, какъ тамъ выражаются, наружной полировки.

Съ такой способностью къ разумному анализу, при томъ отдавая себѣ строгій отчетъ, въ какихъ обстоятельствахъ и при какихъ именно условіяхъ выработалась эта совершенно отдѣльная отъ міра Кавказская жизнь, понятно, что онъ долженъ былъ прійти къ сознанію, что все происходящее тамъ нисколько не похоже на остальную Россію и что судить объ этомъ краѣ или измѣрять достоинства людей въ немъ живущихъ на Петербургскій аршинъ не приходится.

Палатка его была всегда наполнена разжалованными, ссыльными политическими и разныхъ другихъ оттѣнковъ людьми, которыми такъ изобиловалъ Кавказскій край. Въ каждомъ разжалованномъ онъ видѣлъ прежде всего несчастнаго, которому слѣдуетъ пособить или матеріально или оказавъ ему нравственную поддержку; онъ не отвергалъ никого. Къ каждому была простерта рука его, и помощь, имъ подаваемая, являлась не въ видѣ милостыни, а предлагалъ онъ ее вмѣстѣ съ своей дружбой и утѣшеніемъ и теплымъ участіемъ товарища ко временнымъ невзгодамъ своихъ сослуживцевъ. Можетъ быть, случалось иногда, что нѣкоторые изъ этихъ господъ злоупотребляли его добротой, эксплоатировали ее недостойнымъ образомъ; но и тутъ, когда что либо подобное открывалось, Долгорукій не переставалъ защищать ихъ, старался всѣми средствами извинить въ глазахъ другихъ неблаговидность ихъ

поступковъ. Считаю излишнимъ прибавить, что гордость или высокомѣріе были бы несвойственны такому человѣку. Зато какъ и любили его всѣ Кавказцы, начиная отъ старшихъ, къ которымъ, можно сказать, онъ влѣзъ въ душу черезъ свое очаровательное обхожденіе и кончая послѣднимъ юнкеромъ или разжалованнымъ въ отрядѣ! Но возвратимся теперь къ моему разсказу.

Вечеромъ подвели къ палаткѣ нашихъ верховыхъ лошадей. Несмотря на усиленный переходъ, только что совершенный, мой сѣрый Кабардинецъ былъ какъ встрепанный; онъ весело озирался по сторонамъ и отмахивалъ длиннымъ хвостомъ своимъ кружившуюся въ воздухѣ мушкару. У Долгорукаго была маленькая вороная лошадка, необыкновенно красивая: тонкая шея ея лоснилась и блестѣла на солнцѣ, какъ будто вѣкъ была знакома съ скребницей; миніатюрная головка съ выпуклыми глазами и вздернутымъ носомъ являла въ себѣ всѣ признаки Арабской крови. Непривычному человѣку на первый взглядъ всѣ Черкесскія сѣдла кажутся слишкомъ малыми, точно дѣтскими; я испыталъ это на себѣ; но когда подвели къ намъ лошадь Столыпина, то здѣсь уже эта диспропорціональность въ самомъ дѣлѣ доходила до смѣшнаго: представьте себѣ Буцефала аршина въ три ростомъ, бѣлаго, какъ снѣгъ, широкихъ ладовъ, и при томъ до-нельзя раскормленнаго, и посреди его плоской, какъ крыша, спины лежало это Черкесское сѣдлецо, съ обшитой галунами сафьянной подушечкой; трудно было повѣрить, что человѣку предназначено сидѣть на немъ. Общество наше было довольно многолюдно. Вскочивъ въ сѣдло, мы помчались всѣ по направленію къ нашей передовой цѣпи, за которую выѣзжать днемъ было дозволено.

Долгорукій весьма скоро выучился ѣздить на Черкесскій манеръ: онъ былъ небольшого роста и отъ природы очень ловокъ. Я любовался имъ, какъ онъ джигитовалъ впереди насъ: то вдругъ, нагнувшись и привставъ на стремена, онъ пускалъ лошадь во весь опоръ, причемъ для особеннаго шику выставлялъ совершенно лѣвое плечо; потомъ на всемъ скаку однимъ поводомъ круто заворачивалъ назадъ своего скакуна и стремглавъ летѣлъ къ намъ Всѣ эти эволюціи были очень красивы и носили свой особенный характеръ Азіатской пріѣздки.

За цѣпью открылась передъ нами широкая поляна, окаймленная съ лѣвой стороны извилистымъ теченіемъ Кубани: берега ея поросли густымъ кустарникомъ: кое-гдѣ виднѣлись въ отдаленіи разбросанныя сакли ауловъ: ихъ бѣлыя стѣны отчетливо и ярко обрисовывались по темной зелени окружающаго лѣса.

Несмотря на раннее время года, трава была уже по поясъ: въ атмосферѣ чувствовалась какая-то влажность, и сильный запахъ отъ

полевыхъ цвѣтовъ ударялъ въ голову. Проѣхавъ версты двѣ по прямому направленію, мы взяли влѣво, и передъ глазами нашими открылся на самомъ берегу рѣки небольшой аулъ, раскинутый по косогору. Положеніе его было необыкновенно живописно: онъ весь казался въ зелени, какъ будто выросъ изъ земли вмѣстѣ съ деревьями. Почти возлѣ каждой сакли находился фруктовый садъ, все было въ цвѣту тогда; огромные вѣтвистые чинары красовались отдѣльно на небольшихъ площадкахъ; подъ тѣнь ихъ собирались праздные жители подышать вечернимъ воздухомъ. Со стороны, обращенной къ намъ, былъ выкопанъ довольно широкій ровъ, въ виду защиты отъ нападеній сосѣдей, и весь аулъ былъ обнесенъ землянымъ валомъ на подобіе бруствера. Въ серединѣ, по въѣздѣ, находились широкіе дубовые ворота: днемъ ихъ обыкновенно оставляли открытыми, но на ночь всегда запирали и приставляли надежный караулъ. Переѣхавъ черезъ мостъ, мы направились немного влѣво, по узкой и извилистой улицѣ. Гуаша стояла на порогѣ сакли въ то время, какъ мы подъѣхали. Долгорукій ловко соскочилъ съ коня и, бросивъ поводья на шею своему вороному, подошелъ къ ней. «Вотъ, Гуаша, я привезъ къ тебѣ еще новаго братца», сказалъ онъ смѣясь и указывая на меня; «прошу полюбить его». Она внимательнымъ взглядомъ осмотрѣла меня съ ногъ до головы, какъ бы стараясь припомнить, не видѣла ли меня гдѣ прежде; но, удостовѣрясь, что лицо мое ей совершенно незнакомо, весело улыбнулась и сдѣлала намъ всѣмъ знакъ рукой, чтобы мы слѣдовали за ней въ саклю.

Опишу здѣсь первое впечатлѣніе, которое она произвела на меня: говорятъ, что оно бываетъ всегда самое вѣрное. Судя по росту и по гибкости ея стана, это была молодая дѣвушка; по отсутствію же формъ и въ особенности по выраженію лица—совершенный ребенокъ: что-то дѣтское, что-то неоконченное было въ этихъ узкихъ плечахъ, въ этой плоской, еще неналившейся груди, которая была стянута серебряными застежками.

*

Тутъ къ сожалѣнію кончается рукопись, за сообщеніе которой приносимъ благодарность сыну автора, Сергію Николаевичу. По ней читатель можетъ познакомиться нѣсколькосо складомъ и образомъ мыслей человѣка, имѣвшаго несчастіе убить великаго поэта. Николай Соломоновичъ Мартыновъ (род. 9 Октября 1815, ум. 15 Декабря 1875, любимый и уважаемый въ кругу людей его знавшихъ, всю остальную жизнь свою страдалъ подъ тяжестію горя, имъ причиненнаго Россіи. Говорятъ, что наканунѣ поединка Лермонтовъ восклицалъ: „у меня рука на него не подымется ; но эти слова не были переданы Мартынову подъ гнетомъ. Подождемъ полнаго и правдиваго разъясненія роковаго дѣла. П. Б.

ВНИМАНІЮ ГОСПОДЪ ІЮДИНЫХЪ,

ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линіямъ,

ИХЪ ЗНАКОМЫХЪ.

Подготовивъ къ печати собиравшійся въ теченіе многихъ лѣтъ матеріалъ о родѣ **Костромичей Іюдиныхъ**, оказавшійся интереснымъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу **Чухломѣ** до 1615 года и желая возможныхъ къ нему дополненій, покорнѣйше прошу всѣхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи относящуюся къ названному роду письменность: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями «Изъ библіотеки Чухломскаго купецкаго сына **Михайла Іюдина**», равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ проживали **Іюдины** или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности.

Желающіе уступить подлинные документы и проч. въ нашу собственность приглашаются, вмѣстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ: въ г. **Красноярскъ**, Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу Юдину.

Затѣмъ считаю нелишнимъ пояснить, что нѣкоторые томы предполагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступятъ и предназначаются лишь для раздачи **наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ**, благосклонно способствовавшимъ издателю къ собиранію фамильной старины.

Въ крайнемъ случаѣ, т. е. при полномъ отсутствіи не только письменныхъ, но устныхъ преданій или воспоминаній о комъ-нибудь изъ нашего рода, полезно будетъ даже указаніе, къ кому было бы мнѣ можно обратиться съ своими поисками.

Г. В. Юдинъ (Іюдинъ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898 года.

«Русскій Архивъ» въ 1898 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которыя составятъ три большія книги. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1898 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 и 1896 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.

Книги «Архива князя Воронцова» продаются отдѣльно, каждая по **два** рубля.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни. Для личныхъ объясненій съ издателемъ— по **четвергамъ** въ тоже время.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ**.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898

3.

☛ Къ „Русскому Архиву" въ 1898 году будетъ приложена одна изъ книгъ „Архива Князя Воронцова", по выбору получателей. Просимъ увѣдомить контору „Русскаго Архива", какую именно изъ книгъ „Архива Князя Воронцова" желаютъ они имѣть.

(См. содержаніе книгъ „Архива Князя Воронцова" на обложкѣ 1-го выпуска „Русскаго Архива" сего года).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1898.

И. Н. Божеряновъ. *Графъ Егоръ Францевичъ Канкринъ. Его жизнь, литературные труды и двадцатилѣтняя дѣятельность управленія Министерствомъ Финансовъ. Изданіе графа И. В. Канкрина.* Спб. 1897. Большая 4-ка. XIV и 250 стр. съ портретами и гравюрами въ текстѣ.

Роскошное изданіе, которымъ графъ Иванъ Викторовичъ Канкринъ достойно памятовалъ память своего дѣда. Память эта дорóга Россіи, и въ ея исторіи имя графа Е. Ф. Канкрина останется на вѣки. Иноземецъ происхожденіемъ, онъ вполнѣ усвоился второму своему отечеству и тѣмъ выразилъ благодарную свою душу. Немного иностранцевъ, оказавшихъ намъ такія плодотворныя услуги, какъ графъ Канкринъ. Его можно сравнить развѣ съ графомъ Яковомъ Ефимовичемъ Сиверсомъ, дѣятелемъ прошедшаго столѣтія. Но тотъ воспитался при дворѣ Елисаветы Петровны и въ домѣ графа П. Г. Чернышова, гдѣ легко было навыкнуть всему Русском уи дорожить завѣтами Петра Великаго. Графа Канкрина она—родила гроза 1812—1814 годовъ. Онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ тогдашнихъ бѣдствій, близко видѣлъ страданія Русскаго народа въ борьбѣ съ Европейскимъ нашествіемъ и могъ оцѣнить великодушныя жертвы Русскихъ людей. Безъ любви къ Русскому народу невозможно было бы такъ трудиться для него. Это былъ не чиновникъ-эгоистъ, а мудрый устроитель общественнаго благосостоянія, которому дороги были всякое хозяйственное улучшеніе, всякій родъ производительности. При немъ нашъ рубль стоялъ стоялъ высоко, такъ какъ управленіе его было самостоятельно и независимо отъ иностранцевъ. Историкъ не позабудетъ, что графъ Канкринъ всячески оберегалъ Русское государство отъ тѣхъ „экономическихъ проваловъ", которые такъ искусно и ярко описаны однимъ изъ его почитателей В. А. Кокоревымъ (см. „Русскій Архивъ" 1897 года). Сей послѣдній однажды, ѣдучи по Александровской площади со своимъ пріятелемъ, въ первый разъ бывшимъ въ Петербургѣ, на вопросъ его, чѣмъ заняты зданія у арки Главнаго Штаба, отвѣчалъ: „вотъ Министерство Иностранныхъ дѣлъ а рядомъ пишутъ Россіи паспорты на вылетъ въ трубу". Тотъ же Кокоревъ по назначеніи И. А. Вышнеградскаго, писалъ въ Москву: „поздравляю съ великою государственною новостію; въ первый разъ послѣ графа Канкрина Русскимъ хозяйствомъ станетъ управлять человѣкъ, знающій близко народную нужду". Именно это своей—землѣ—своеземство было внутреннею зиждительною силою въ графѣ Канкринѣ.

Въ прекрасной книгѣ И. П. Божерянова собрано, кажется, все чтó было писано у насъ и за границею о графѣ Конкринѣ. Онъ воспользовался между прочимъ письмами П. А. Плетнева къ Я. К. Гроту, для описанія лѣтней жизни министра въ Лѣсномъ (Плетневъ живалъ тамъ же). Великій трудолюбецъ находилъ себѣ отдохновеніе въ изящныхъ искусствахъ. Онъ былъ архитекторъ и музыкантъ. Служившіе при немъ В. Г. Бенедиктовъ и князь П. А. Вяземскій были ему близкими людьми. И Пушкинъ навѣщалъ его (см. „Р. Архивъ" 1890, II, 97). По его ходатайству весь долгъ, числившійся на Пушкинѣ въ день его смерти (33 т. р.) былъ прощенъ Государемъ, пожаловано почти сто тысячъ на уплату частныхъ его долговъ, 50 тысячъ на изданіе его сочиненій (кромѣ годовой пенсіи вдовѣ и дѣтямъ въ 11 тысячъ рублей). За одно это друзья Русскаго просвѣщенія да благословятъ имя графа Канкрина. П. Б.

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ ИГУМЕНІИ ЕВГЕНІИ ОЗЕРОВОЙ.

Бывшая настоятельницею Аносинскаго и Страстнаго монастырей игуменія Евгенія (род. 27 Января 1815, ум. 16 Апрѣля 1890) нѣкоторый досугъ свой употребляла для записыванія того, что̀ особенно занимало ее по тому или другому случаю. Запись свою она не готовила къ печати, и поэтому въ ней нельзя найти ни строгой послѣдовательности, ни тщательной отдѣлки. Тѣмъ не менѣе читатель найдетъ въ ней не мало свѣдѣній о современникахъ ея и въ особенности о митрополитѣ Филаретѣ и епископѣ Леонидѣ.

*

Уступаю усиленной твоей просьбѣ, милое чадо мое Евгенія[1]), и беру перо въ руки; уже я состарѣлась, все давно прошло, память притупилась, то и не взыщи, ежели въ этихъ запискахъ не будетъ ни складу, ни ладу, а такъ, для твоего утѣшенія, можетъ быть вмѣсто развлеченія когда и прочитаешь эти несвязныя воспоминанія.

Собственно въ моей жизни ничего нѣтъ назидательнаго, ни добраго, ни высокаго, все одна немощь; стало быть, научиться отъ меня нечему; одно, что̀ можно замѣтить: удивительный промыслъ Божій о моемъ недостоинствѣ.

Родилась я въ 1815-мъ году 27-го Генваря. Родители мои были люди истинно благочестивые. Отецъ мой, Семенъ Николаевичъ Озеровъ, служилъ въ то время оберъ-прокуроромъ въ 8-мъ департаментѣ Московскаго Сената, а впослѣдствіи тамъ же былъ сенаторомъ и первоприсутствующимъ въ общемъ собраніи, вообще всѣми уважаемый за честность и справедливость свою. А мать моя, рожденная княжна Мещерская, Настасья Борисовна[2]), кроткое, смиренное, любвеобильное существо, соединявшее образованіе съ тонкимъ умомъ, посвящала себя всецѣло и постоянно обязанностямъ семейнымъ.

Супружество ихъ было примѣрное и рѣдкое даже въ то время; любовь ихъ была неизмѣнная, основанная на полномъ уваженіи другъ

---

[1]) Нынѣ мать игуменья Московскаго Вознесенскаго монастыря, что̀ въ Кремлѣ. П. Б.

[2]) Дочь поручика князя Бориса Ивановича († 2 Іюня 1796) и княгини Евдокіи Николаевны Тютчевой, р. 18 Февр. 1774, † 3 Февр. 1837. П. Б.

къ другу. Я была первымъ ихъ ребенкомъ и составляла ихъ радость и утѣшеніе. Воспріемниками моими были: бабка моя, княгиня Евдокія Николаевна Мещерская, впослѣдствіи основательница и настоятельница Борисо-Глѣбской Аносинской пустыни игуменья Евгенія и ея родной братъ Иванъ Николаевичъ Тютчевъ [1]).

Ребенкомъ я себя мало помню, но слыхала изъ разсказовъ, что я была дитя серьезное и вмѣсто дѣтскихъ скачковъ любила слушать разсказы моей старушки няни [2]) о чемъ либо святомъ; бѣгала къ ней отъ матери учиться будто-бы читать Псалтирь или что иное. Мать моя въ свою очередь разсказывала мнѣ Священную Исторію, которую любила я передавать. Съ возрастомъ характеръ мой измѣнился: къ ученію была очень лѣнива, болѣе любила рукодѣлье; образовалась неумѣренная живость, даже вѣтренность, пристрастилась къ танцамъ, къ выѣздамъ, къ театру. Отчасти это огорчало мать мою; она требовала отъ меня серьезнаго занятія, чтенія ежедневнаго Св. Евангелія и Апостола, заставляла непремѣнно молиться. Все сіе хотя я и исполняла, но со скукой и принужденіемъ. Но такъ какъ насъ воспитывали строго и въ страхѣ, то я ослушиваться не смѣла. Насъ было семейство весьма большое: живыхъ десять сестеръ и одинъ братъ. Сверхъ сего постоянно жила съ нами родственница матушки Марья Григорьевна Пентковская и двѣ дочери нашего управляющаго, дѣвицы Эзопины. Матушка требовала, чтобы я занималась меньшими сестрами; мы съ ней кроили одежду, шили для нихъ, и пока отецъ мой по болѣзни былъ въ отставкѣ и мы жили въ деревнѣ, дѣло шло еще порядкомъ: но когда онъ опять поступилъ въ службу, и мы переѣхали въ Москву на житье, трудно было матушкѣ и теткѣ меня держать въ рукахъ. Мнѣ тогда было около 16-ти лѣтъ. Хотя семья наша никогда не вела жизни разсѣянной и свѣтской, но составилось знакомство, и надо было уже мнѣ выѣзжать въ свѣтъ. Въ это время вышелъ изъ Инженернаго Корпуса двоюродный мой братъ С. С. Бобрищевъ-Пушкинъ и ежедневно былъ у насъ въ домѣ, а иногда жилъ вмѣстѣ съ нами. У него были товарищи, они къ намъ ѣзжали; нѣкоторые изъ нихъ коротко были знакомы, и открылось поприще для моего веселаго и живаго характера. Я вертѣлась, рѣзвилась, шалила; всего не перескажешь, да и не для чего глупостями моей юности наполнять твою голову.

Такимъ образомъ прошло около двухъ лѣтъ. Однажды, исполняя съ лѣностію свое обычное чтеніе Св. Евангелія и Апостольскихъ посланій, я напала на ученіе Св. Апостола Павла *о дѣвствѣ*. Не знаю,

---

[1]) Это отецъ поэта Ѳ. И. Тютчева. П. Б.

[2]) У нея была дочь, 3-мя годами меня постарше, Глицерія, нынѣ монахиня Ангелина, казначея Коломенскаго Успенскаго Брусненскаго монастыря.

отъ чего меня поразили сіи изреченія; сколько разъ я ихъ читала, и безъ малѣйшаго замѣчанія, а тутъ Господь тронулъ сердце, хотя не развращенное, но вполнѣ разсѣянное.

Вотъ какъ Господь ищетъ *грѣшника, еже обратити его и живу быти ему*! Что̀ воздѣйствовало? Единая ли Его благодать и милосердіе, или подвигнули Его благость молитвы моей крестной матушки и бабки игуменьи Евгеніи, не знаю. Знаю только, что съ этой минуты мнѣ все мірское омерзѣло, и я стала рваться въ церковь, стала осторожна во всѣхъ своихъ поступкахъ до крайности, бросила всякое пустое чтеніе, искала однихъ духовныхъ книгъ, боялась промолвить какое либо самое простое слово, считая все грѣхомъ; ночью вставала на молитву, и всякое домашнее мое занятіе оставалось безъ вниманія. Въ это время мнѣ вспало на сердце желаніе устроить жизнь свою въ монастырѣ; но я крѣпко молчала, боясь огорчить родителей. Матушку опечалило это измѣненіе, или оно было преувеличено, соединено съ какимъ-то упорствомъ и по временамъ съ раздражительностію. А гдѣ нѣтъ смиренія и кротости, тамъ нѣтъ и истиннаго христіанскаго подвига. Я составила сама себѣ жизнь строгую, а управить собой не умѣла. Все наше семейство чтило и любило отца духовнаго, почтеннаго протоіерея церкви Св. Троицы что̀ на Арбатѣ, Сергія Ивановича Платонова. Къ нему и обратилась мать моя, послѣ частыхъ наставленій и увѣщаній, которыхъ я по глупости моей не слушала, вообразивъ, что меня отводятъ отъ истиннаго пути. Молодость всегда стремительна и одностороння. Почтенный отецъ-духовникъ взялся иначе и очень мудро. Онъ не сталъ противорѣчить мнѣ, запрещать продолженіе моихъ *подвиговъ*, даже совѣтовалъ: ежели чтеніе Четь-минеи и молитвенное правило наводятъ на непріятность матушку, то упражняться въ немъ по ночамъ; но только обратить на то вниманіе, что мать слабаго здоровья и семья наша большая, что главная и первая обязанность помогать ей во всемъ, что надо взять домашнее хозяйство, покупки, счеты на себя и тѣмъ облегчить бремя материнскихъ заботъ. Я слушала его безпрекословно, и въ короткое время меня окружили обязанности хлопотливыя, такъ что почти и возможности не было наслаждаться мнимыми моими подвигами. Я стала спокойнѣе, хотя свѣта не любила и хранила въ сердцѣ мысль о монастырѣ, но сдѣлалась серьезнымъ человѣкомъ, и незабвенная моя мать уже видѣла во мнѣ утѣшеніе и радость, уже могла дѣлить со мною свои ощущенія. Часто мы разсуждали съ ней (я ничего не могла таить отъ нея), и мы иногда не соглашались совершенно въ мнѣніяхъ своихъ и спорили горячо. Ей хотѣлось склонить меня къ супружеской жизни, а я рѣшительно отъ нея отказалась. Не смотря на все, еще юные годы брали

верхъ надъ душевнымъ настроеніемъ, встрѣчались случаи борьбы и искушенія: но Господь премудро отклонялъ осуществленіе какихъ либо мечтаній, а искушеніями приводилъ къ смиренію и сознанію своей немощи. Въ это время представился женихъ по всему выгодный, и матушка, желая, чтобы это дѣло совершилось, писала къ бабкѣ моей въ монастырь, прося ее пріѣхать и меня уговорить. Бабка моя была истинно высокой подвижнической жизни, любила меня нѣжно, никогда не склоняла къ монастырю явно, но въ душѣ желала видѣть меня на семъ пути. Она прибыла въ Москву къ намъ въ домъ, одобрила жениха и его семейство; уже говорила, что надо покориться волѣ родительской, но матушкѣ въ разговорѣ высказала, что Господь вѣрно пошлетъ жениха и лучше и достойнѣе предстоящаго, чего матушка и слышать не хотѣла, не смотря на всю любовь и благоговѣніе къ матери своей. И такъ, мы отправились къ родственникамъ на вечеръ, гдѣ онъ долженъ былъ уже рѣшительно объявить мнѣ свое желаніе. Я повидимому покорилась, но рѣшила въ умѣ своемъ самой ему отказать и тѣмъ окончить дѣло, что̀ и исполнила. Матушка оскорбилась, прогнѣвалась на меня; а я въ душѣ радовалась, что избѣжала узъ для меня противныхъ и тягостныхъ. Это было послѣднее испытаніе. Я все болѣе и болѣе входила въ дѣла домашняго хозяйства, а ихъ было немало; ибо можно было утвердительно сказать, что домъ нашъ былъ отворенъ не только бѣднымъ роднымъ, но и всѣмъ неимущимъ. Каждый свѣтлый праздникъ мать моя съ заботливою любовію приготовляла пасхи, куличи, яйца, масло, и мы съ В. А. Эзопиной на двухъ извощикахъ развозили бѣднымъ. Точно тоже повторялось и въ праздникъ Рождества Христова; тутъ раздавали куръ, гусей, индѣекъ, привезенныхъ изъ деревни; привлекали благодарность бѣдныхъ и причта нашего прихода. Родители мои любили дѣлать добро по заповѣди Господней такъ, чтобы шуйца не вѣдала, что̀ творитъ десница; за то мы никогда не терпѣли нужды, жили не роскошно, но въ довольствѣ.

Такимъ образомъ мирно шло время; мнѣ уже минуло 22 года. Тутъ Господу угодно было постичь насъ тяжкою скорбію. Бабушка, игуменія Евгенія, окончила свою труженическую и блаженную жизнь въ 1837-мъ году въ 3-й день Февраля. Описывать ея кончину не буду, она извѣстна изъ записокъ о ней въ лѣтописи монастыря; одно скажу, что едва ли она ея не предвидѣла, ибо всѣ дѣла были окончены, прощальныя письма ко многимъ святителямъ, ею чтимымъ, посланы, и она сама говѣла ранѣе обыкновеннаго. Скорбь матушки была невыразима: она любила мать свою нѣжно и преданно (сердца ея доставало на всѣхъ, оно всегда дышало любовію и самоотверженіемъ). Собрались родные въ обитель, совершилось погребеніе; но скорбь насъ и ма-

тушку долго, долго томила; одно утѣшеніе было: ежедневное посѣщеніе храма Божія, гдѣ совершалось поминовеніе объ усопшей, и потомъ трапеза почти ежедневная нищей братіи, которые за нее же молились. Не могла эта скорбь не потрясти слабаго здоровья матери: она стала хирѣть. Ѣхать въ деревню на лѣто было невозможно, ибо лѣченье ей было необходимо, и рѣшили нанять дачу у Донского монастыря. Здѣсь мы сблизились дружески съ почтеннымъ семействомъ Олсуфьевыхъ. Пріятное провожденіе времени, врачебныя средства поправили здоровье матушки. Я же познакомилась съ гувернанткой дѣтей Олсуфьевыхъ, М. Н. П. и впервыя услышала отъ нея о дивномъ и таинственномъ существѣ: «*болящей Юліи*». Сердце мое горѣло желаніемъ узнать ее, но не было возможности. Все высокое и доброе не дается безъ терпѣнія. Надо было ждать и прежде понести много скорби и утратъ сердечныхъ!

Недолго матушка пользовалась здоровьемъ. Она сдѣлалась беременна, и всѣ недуги возвратились. 12 лѣтъ она не имѣла дѣтей. Года ея, хотя не старые (43 года), но силы слабыя. Къ тому же настала новая забота: надо было отправить брата въ Петербургъ въ Училище Правовѣдѣнія. Матушка надѣялась, что общественное воспитаніе будетъ ему полезно, но однако смущалась и скорбѣла; она чувствовала и предвидѣла, что мало надежды въ братѣ на успѣхъ какъ нравственный, такъ и по ученію; но дѣлать было нечего. Сама слабая, больная, почти увѣренная, что не перенесетъ родовъ; а отецъ занятый службой отъ утра до ночи. Она понимала, что, въ случаѣ ея смерти, онъ будетъ не въ состояніи ни во что вникать; вотъ что побуждало ее настойчиво содѣйствовать къ помѣщенію въ Училище брата.

И такъ, послѣ скорбнаго прощанья, я должна была оставить мою безцѣнную мать и сопровождать моего добраго 63 лѣтняго отца съ братомъ въ Петербургъ. Эта поѣздка была для всей семьи испытаніемъ и мученьемъ. Отецъ скучалъ, тосковалъ, смущался положеніемъ матушки, заботился о помѣщеніи брата и боялся за него. Матушка съ своей стороны скорбѣла и мучилась за насъ отсутствующихъ; меня никакія рѣдкости Петербургскія не привлекали, во-первыхъ, по тревожному душевному состоянію, потомъ по внутреннему убѣжденію о ничтожности всего внѣшняго, какъ не приносящаго ни пользы, ни утѣшенія душѣ. Я томилась нетерпѣніемъ скорѣе возвратиться въ Москву, тѣмъ болѣе, что время родовъ матушки приближалось. Наконецъ, помѣстивъ брата и поручивъ его родственникамъ отца въ Петербургѣ, мы отправились въ обратный путь. Радость при свиданіи была невыразима. Хотя моя драгоцѣнная мать и побранила меня за равнодушіе ко всему интересному, но сама не находила словъ изъяснить свое утѣ-

шеніе, что мы вмѣстѣ и что страшное время разрѣшенія я буду при ней. Она ждала неминуемой смерти. Однако Господу угодно было сохранить ея жизнь. Родилось дитя слабое, едва живое; нарекли *Евгеніей* въ память покойной матушки-игуменьи. Никто не думалъ о малюткѣ, никто не заботился о ней; всѣ попеченія были обращены, какъ бы поддержать силы матери. И что-же? Дитя оправилось и уже въ настоящее время въ совершенномъ возрастѣ, а матушкѣ Господь судилъ годъ страшныхъ страданій и потомъ смерть! У нея сдѣлался ракъ внутри, и всѣ медицинскія средства остались безуспѣшны. Описать мучительныя страданія трудно, но передать всю мѣру ея благодушнаго и христіанскаго терпѣнія едвали не затруднительнѣе. Никто во все время не слыхалъ отъ нея слова ропота или жалобы, никогда не проявлялось слово раздраженія, малѣйшая услуга привлекала ея благодарность, преданность волѣ Божіей всегда была ея опорой. Часто пріобщалась она Св. Таинъ съ надлежащимъ приготовленіемъ, вкушая постную пищу въ теченіе 5 или 4 дней; сидя въ креслахъ, выслушивала службу, отправляемую священникомъ прихода въ ея комнатѣ. За мѣсяцъ до кончины, когда уже страданія дошли до крайности, когда болѣе 6-ти недѣль посредствомъ перышка пропускала она только нѣсколько капель бульона или ухи, когда у нея изсохли даже кости, она съ полнымъ присутствіемъ духа распорядилась, какъ удалить дѣтей въ разныя мѣста для молитвы и, проводивъ отца въ присутствіе, послала за приходскимъ священникомъ и особоровалась. Я и домашняя прислуга только были при семъ, конечно въ скорби и въ смущеніи, за что она мнѣ выговаривала, сказавъ, что никогда не должно теряться, а всегда хранить покорность къ Богу и разсужденіе. Мы всѣ уже ожидали конца. И что же? Въ тотъ же день она встала съ постели, спросила кушать, могла даже пройти нѣсколько шаговъ. Вотъ что̀ можетъ сдѣлать вѣра въ Бога! Докторъ недоумѣвалъ и говорилъ, что совершается *воскресеніе Лазаря.* Но не долго отдохнули страдалица и вся семья. Августа 7-го она соборовалась, а 1-е Сентября, когда наступила дождливая погода, страданія возобновились съ большей силой, и 15-го того мѣсяца, благословивъ отца (едва пришедшаго въ себя послѣ горячки), дѣтей и С. С. Пушкина, котораго просила имѣть попеченіе о нихъ, она мирно въ молитвѣ предала свою кроткую душу Господу Богу. Какъ описать скорбь и тугу сердца больного отца моего, который лишился друга, совѣтника, утѣшителя своего! Когда я объявила ему, что уже совершилось, онъ призвалъ дѣтей къ болѣзненному одру своему, и первое его слово была молитва: «Господи, благодарю Тебя за многіе годы счастія, мнѣ дарованные». Потомъ со всѣми онъ пошелъ къ тѣлу, лобызалъ усопшую, и едва

могли упросить его дозволить опрятать тѣло. Какъ описать скорбь дѣтей, иныхъ еще весьма юныхъ, но видѣвшихъ въ матери всю свою радость и утѣшеніе! О себѣ ничего не говорю; не знаю, какъ осталась душа во мнѣ. Мнѣ было долго удивительно, какъ можетъ кто либо смѣяться и веселиться, когда такое существо отлетаетъ съ земли. Вторая сестра Екатерина, юная, впечатлительная, вовсе потерялась, и кажется у нея съ тѣхъ поръ нравъ веселый и радушный обратился въ молчаливый, унылый. Третья Елисавета была уже отдана въ замужество и не присутствовала при кончинѣ матери. Всѣ были поражены, потеряны, душа семьи утратилась! Съ сей минуты не видали мы улыбки на устахъ старца родителя нашего. Онъ продолжалъ службу, но остальное время онъ былъ *весь скорбь*. Часто ничего не слыхалъ и не видалъ, что̀ около него происходитъ; единственное средство вывести его изъ сего почти безжизненнаго состоянія была малютка Евгенія, которая своею ласкою и дѣтскою докучливостію развлекала его; онъ нѣжно любилъ *дитя своей старости*, какъ называлъ ее.

Такъ уныло шли дни за днями. Отецъ возлагалъ всѣ попеченія о домѣ и о семьѣ на меня и часто говорилъ дѣтямъ: «слушайтесь, любите сестру, ея слово чтите какъ Св. Евангеліе». Любовь излишняя, незаслуженная ничѣмъ говорила сіе. Но въ семьѣ стали возрождаться свои мнѣнія, стали еще при отцѣ уклоняться въ иныя и чуждыя духу христіанскому мудрованія. Много сему причиной былъ С. С. Пушкинъ, который начитался вредныхъ книгъ, и самъ заблуждался, и сестеръ вводилъ въ заблужденіе. Но все было скрыто до времени. Извѣстія изъ Петербурга о поведеніи брата становились все хуже, хуже; это сильно печалило отца; наконецъ онъ получилъ письмо, которое поразило его скорбію, разлилась желчь, три дня онъ хворалъ, а затѣмъ, когда, казалось, онъ былъ уже внѣ опасности, сдѣлался сильный смертельный ударъ, и мы лишились послѣдней опоры. Полное сиротство стало жребіемъ семьи, въ которой старшею осталась я грѣшная, 28 лѣтъ, неопытная, скорбная, не имѣющая человѣка для совѣта и утвержденія. Родные, добрые знакомые и товарищи по службѣ покойнаго отца показывали намъ участіе. Похороны совершились. Страшно мнѣ было смотрѣть на юную семью. Видѣла я предстоящее неустроеніе, въ настоящемъ скорбь, въ будущемъ неизвѣстность; хозяйственныя дѣла разстроены, потому что время у отца было все отнято службой, на имѣніи долгъ; трое несовершеннолѣтнихъ, трехлѣтняя малютка Евгенія, и четверо хотя уже не подлежащихъ опекѣ, но еще весьма юныхъ разумомъ, остались у меня на рукахъ. Одна замужняя сестра Елисавета, но и та болѣзненная и въ супружествѣ не очень счастливая. Вотъ положеніе, въ какомъ мы начали сиротскую жизнь нашу.

Товарищи отца совѣтовали мнѣ отнестись къ министру юстиціи графу Панину для исходатайствованія пенсіи у Государя Императора, за многолѣтнюю службу отца. «Пишите письмо къ графу», говорили они, «мы готовы передать лично и просить его за сиротъ». Я повѣрила, написала, какъ умѣла, просительное письмо и съ довѣріемъ отнеслась къ самому ближайшему, который называлъ себя ученикомъ по службѣ покойнаго родителя. И что же? Отказъ за невозможностію. Я къ другому, къ третьему, отъ всѣхъ одно и тоже. Что̀ дѣлать? подумала я: Владычица, Ты покровительница сирыхъ, Тебѣ вручаю успѣхъ дѣла. Положила письмо за икону Царицы Небесной, помолилась какъ умѣла и отправила къ графу, бывшему тогда въ Москвѣ, съ нашимъ дворецкимъ Іосифомъ Ѳедоровымъ. Графъ обѣщалъ прислать отвѣтъ, и черезъ недѣлю я получила отъ него полное участія письмо съ обѣщаніемъ ходатайства о пенсіи. Въ скоромъ времени пришло рѣшеніе Государя, чтобы несовершеннолѣтнимъ выдавать ежегодно по 1000 р. асс. до совершеннолѣтія или до выхода въ замужество. Немалая эта была помощь!

Однако черезъ нѣсколько дней надо было избирать опекуна. Никого нѣтъ, кто бы захотѣлъ взять на себя эту тягостную обязанность. Всѣ родные собрались, всѣ толковали, кричали; а до кого доходила просьба о принятіи опекунства, всѣ отказывались. Наконецъ единогласно рѣшили, чтобы мнѣ взять все на себя и что всѣ готовы служить совѣтомъ. Я была въ какомъ-то полумертвомъ состояніи, согласилась, выбравъ себѣ въ сотрудники мужа сестры Елисаветы, г. Небольсина, человѣка со многими странностями, но честнаго, не съ большимъ разумомъ, но неспособнаго на лицепріятіе и низости. При томъ же я понимала, что хотя онъ пособитъ немного, но мѣшать мнѣ не будетъ въ моихъ дѣйствіяхъ. Я писала къ нему, онъ согласился, и они переѣхали съ женою изъ деревни въ Москву къ намъ на житье, въ нашъ собственный домъ, въ Старой Конюшенной, тѣмъ болѣе, что сестра была уже сильно больна и требовала леченья. Дѣла̀ пошли кое-какъ. Я старалась вникать въ дѣло съ помощію и совѣтомъ добрыхъ людей; мы раздѣлили хозяйство съ родственницею, возросшею съ моею матерью и постоянно живущею съ нами Марьей Григорьевной: она взяла на себя домашніе счеты, а я дѣла̀ по имѣнію, по опекѣ и малютку Евгенію на свои руки. Взявши на себя столь многотрудную обязанность, особенно опеку надъ малюткой Евгеніей, я не предвидѣла конца, и мысль о монастырѣ, которая никогда меня не оставляла, мнѣ казалась уже почти невозможною, или весьма отдаленною; однако я никакъ не хотѣла перемѣнить своего образа жизни и приноравливалась по возможности къ иноческой жизни: вмѣняла себѣ

въ обязанность ежедневно быть у литургіи, дòма, какъ умѣла, молилась, не ѣла мясного, носила послѣ кончины матушки не снимая черное платье, бѣгала мірскихъ сношеній даже съ родными, нашихъ монастырскихъ изъ Аносина съ любовію принимала.

Въ это время было получено извѣстіе отъ начальника Училища Правовѣдѣнія, что брата исключаютъ за шалости. Неизбѣжно надо было хлопотать, чтобы его удержать въ училищѣ; чтò намъ дѣлать дòма съ мальчикомъ-шалуномъ, съ которымъ начальство не можетъ справиться? Кого послать въ Петербургъ? Думали много, но людей не нашли; рѣшилась я ѣхать. Осенью, одной въ дилижансѣ, очень было дико (тогда еще дѣвицы никуда однѣ не пускались). А дѣлать нечего! Проводили меня до почтамта, добрая тетушка Марья Григорьевна со слезами благословила и отпустила. Много было непріятнаго, тяжкаго; однако, послѣ долгихъ просьбъ, братъ былъ оставленъ до первой шалости. Я чрезъ два мѣсяца возвратилась, и вслѣдъ за мной пріѣхалъ и братъ, который успѣлъ нашалить и былъ отправленъ къ намъ. Тутъ начались непріятности безъ конца: мотовство, шалости, неприличное поведеніе брата съ одной стороны; съ другой разногласіе съ сестрами, частыя стычки съ ними, малое мое терпѣніе и раздражительность, крючки и притязанія въ опекѣ, дѣлали жизнь нестерпимо-тягостною. Я за совѣтомъ относилась къ о. духовнику, находила въ немъ участіе, разумный совѣтъ во внѣшнихъ обстоятельствахъ, но не наставника и отца; не знала куда мнѣ дѣваться, молилась, но со смущеніемъ, просила Господа о помощи, но съ тоскливостью и уныніемъ. *Господь всегда близъ, когда нѣтъ помощи отъ человѣковъ.* Онъ премилосердый простеръ и ко мнѣ, утопающей въ морѣ малодушія и смущенія, Свою Десницу! Нечаянно приходитъ навѣстить меня М. Н. П., и предлагаетъ, не хочу-ли я начать знакомство съ *Юліей болящей?* Я не вспомнилась отъ радости. «Хочу, хочу, повторяла я съ восторгомъ, но боюсь: она не приметъ меня грѣшную».—«Пойдемъ, чтò будетъ, то и будетъ». Чрезъ нѣсколько дней М. Н. зашла за мною, и мы отправились за Москву-рѣку, въ приходъ св. Іоанна Воина; тамъ, въ глухомъ переулкѣ, около церкви, находился домъ Рыженкова; тамъ-то укрывалось сокровище невѣдомое міру. Входимъ; все просто, даже бѣдно, но чисто; все дышало какою-то дивною тишиной. Сердце у меня билось, какъ голубь; дошли до спальни. Юлія лежала на кровати. «Я веду къ тебѣ гостью», сказала М. Н. «Милости просимъ», былъ отвѣтъ. «Вотъ Авдотья Семеновна Озерова, о которой я тебѣ говорила». Я безъ словъ залилась слезами и бросилась обнимать болящую. Она умѣрила мой порывъ разумнымъ спокойствіемъ, посадила подлѣ себя у постели и, когда вышла М. Н., ласково сказала мнѣ: «Онъ предъ вами приходилъ ко мнѣ и просилъ

принять и утѣшить васъ; вотъ вамъ отъ него благословеніе». Съ сими словами подала мнѣ образъ, величиною въ вершокъ, въ серебряной вызолоченой ризѣ, Нерукотвореннаго Спасителя, который и теперь всегда у меня въ кіотѣ. Съ этимъ благословеніемъ я ожила, всю скорбь забыла, весь міръ. Я почувствовала, что сердце у меня не умерло и что нашла человѣка, который будетъ мнѣ опорой. На первый разъ надо было, послѣ недолгой бесѣды, проститься и дать обѣщаніе хранить тайну о ея существованіи. Я узнала отъ Павловыхъ М. Н. и А. Н., что болящая терпитъ нужду, и съ восторгомъ, чѣмъ могла, служила ей, давая дòма разные предлоги своего отсутствія. У меня не добивались правды, и я молчала. Посѣщая Юлію, узнала о ея сношеніяхъ. Духовникомъ ея былъ протоіерей отъ церкви Вознесенія, чтò у Серпуховскихъ ворогъ, С. Г. Терновскій; отцомъ и покровителемъ святитель митрополитъ Московскій Филаретъ, которому о болящей открыла игуменья Спасо-Бородинскаго монастыря Марія Тучкова; еще Екатерина Владимировна Новосильцева благодѣтельствовала ей постоянно. А дружескія сношенія имѣла она съ семействомъ Мухановыхъ, въ особенности съ одной изъ нихъ, Екатериною Алексѣевной, съ дѣвицами Павловыми, докторомъ Блументалемъ. Всѣ эти личности могли только утвердить мое отношеніе къ болящей. Можно-ли было смущаться и недоумѣвать, когда люди, столь достойно чтимые, были тѣсно связаны съ нею, кто дружбой, кто уваженіемъ, кто милостивымъ на нее воззрѣніемъ? Мнѣ оставалось вѣрить и любить. Но я нисколько не разсуждала о другихъ; я возлюбила ее самоё и никакихъ доказательствъ въ добродѣтели не искала, а предалась ей всею душой, чувствуя что-то дивное, высокое, непостижимое. Здѣсь мѣсто сказать нѣсколько словъ о болящей, чтобы дать понятіе, какіе бываютъ сокровенные рабы Божіи, среди соблазновъ и забвенія всего святаго въ суетномъ семъ мірѣ.

Происхожденіе болящей не могу точно опредѣлить; знаю только, что она была высокаго рода, чуть-ли не изъ семьи царевичей Грузинскихъ. Разными бѣдственными обстоятельствами доведена до крайней нищеты, но никогда не была оставлена помощью свыше. Какъ праведный Іовъ, испытуема была отъ Господа въ горнилѣ скорбей. Тѣлесныя страданія были неимовѣрны: ее корчило, сводило голову съ ногами, кости трещали отъ напряженія; медицина не умѣла опредѣлить болѣзни; помощь отъ Господа и свѣтлыя видѣнія были ей отрадой. Послѣ припадка мучительныхъ корчей она впадала въ сонъ, который былъ ничто иное, какъ благодатное состояніе, нечувствіе тѣлесныхъ страданій и вмѣстѣ тихая бесѣда со Святымъ Старичкомъ (какъ она называла), который былъ неотлучнымъ ея покровителемъ и наставникомъ. Сей Святой Старичекъ былъ не иной кто, какъ святитель Ни-

колай, являвшійся ей, котораго она чтила и къ заступленію коего прибѣгала съ самаго своего младенчества. Подробности о жизни болящей находятся въ Запискахъ Екат. Алексѣевны Мухановой, кои, по приказанію святого владыки митрополита Московскаго Филарета, хранятся въ ризницѣ, въ числѣ документовъ Аносина монастыря *).

Какъ описать любовь къ ближнему этой святой души? Мало того, что она съ радостію спѣшила раздѣлить съ неимущими милостыню, ею самой получаемую отъ благодѣтелей и друзей, но она готова была все предпринять для помощи ближняго; она обливалась слезами о бѣдствіяхъ людей вовсе ей незнакомыхъ; спасеніе каждаго было ей близко къ сердцу, какъ свое собственное; она имѣла отъ Бога даръ разсужденія и часто откровенія свыше, старалась вразумлять неразумныхъ и внушать все доброе каждому. Она скрывала имя свое и оттого вела жизнь уединенно. Кромѣ означенныхъ мною лицъ, въ ея знакомствѣ еще были: семейства Де-Бриньи и г-жи Корсаковой; а также многія бѣдныя семейства, которымъ она благодѣтельствовала. Трудно было принести ей какое-либо пособіе, особенно денежное. Привыкши къ жизни, можно сказать, весьма роскошной въ юности, сколько надо было ей работать надъ собой, чтобы безъ возмущенія духа пріучить себя питаться отъ рукъ благодѣтелей? Потому всѣ, зная и понимая ее, старались свои приношенія сдѣлать какъ можно незамѣтнѣе и деликатнѣе. Благодарность ея и молитва были самыя горячія, что̀ объявлялось во время ея благодатнаго безчувствія: тутъ она изливала предъ Господомъ свою слезную о всѣхъ молитву. Часто, сознавая, что друзья находятся близъ одра ея, просила она Св. Старичка благословить всѣхъ; часто въ нашемъ присутствіи получала мѣдныя и серебряныя старинныя копѣечки, которыя были ей подаваемы невидимой рукою въ минуты скудости, чтобы не дать ей упадать духомъ. Иногда, постомъ великимъ, когда она не вкушала пищи и страдала безпрестанно, ей приносили св. антидоръ. Иногда сподоблялась она въ видѣніи служенія многихъ святителей и преподобныхъ, созерцала, молилась и проливала слезы умиленія и восторга. Ничего она не предпринимала, не испросивъ благословенія Угодника Божія. Однажды, года за два до моего вступленія въ монастырь, она, въ безпамятствѣ, при мнѣ почти со смѣхомъ и удивленіемъ воскликнула: «Дуня, Дуня! Да вѣдь ты будешь игуменья. Я вижу тебя въ мантіи и съ посохомъ; вотъ уже не похоже на тебя». Потомъ, пришедши въ себя, она возобновила эту рѣчь; мнѣ было крайне непріятно, даже я разсердилась. Все мы знали о ней изъ ея бесѣдъ съ разными лицами

---

*) Давно возвращены П. А. Мухановой, при переходѣ моемъ въ Страстной монастырь.

во время ея благодатнаго безчувствія; но въ естественномъ положеніи своемъ она весьма рѣдко, и то развѣ для пользы душевной и назиданія, что либо высказывала, а то было постоянное молчаніе о всемъ сверхъестественномъ. У нея воспитывались двое сиротъ, мальчикъ и дѣвочка Елисавета Арсеньева, что̀ нынѣ у насъ въ монастырѣ *), ей подкинутые матерями, не хотѣвшими признать ихъ рожденія. Она призрѣла малютокъ. Сколько клеветы понесла эта добродѣтельная душа за нихъ! Она ихъ взяла за слово Спасителя, ублажающаго тѣхъ, *кто призритъ единаго отъ малыхъ сихъ.* Она любила этихъ дѣтей, заботилась какъ родная мать. Чтобы ее утѣшить, надо было приласкать сиротъ, и она не знала границъ благодарности своей. Всѣ цѣнили, понимали, любили болящую. Самъ святитель Филаретъ видѣлъ въ ней человѣка необыкновеннаго, часто имѣлъ съ ней переписку и даже бывалъ у нея, подъ скромнымъ видомъ Лаврскаго инока, избирая время поздняго вечера, когда не было посѣтителей у болящей. Часто я возила къ нему отъ нея письма и удостоена была передавать его отвѣты. Изрѣдка и она посѣщала его, всегда съ Екатериной Алексѣевной Мухановой, съ которой у ней были самое тѣсное духовное общеніе и дружба.

Вотъ съ котораго времени начались мои близкія отношенія къ великому святителю, и онъ зналъ всѣ обстоятельства жизни моей.

Спустя нѣсколько времени я отправилась уже одна къ болящей. Ни разстояніе не казалось мнѣ дальнимъ, ни страхъ постороннихъ сужденій меня не смущалъ: мнѣ было все равно, лишь бы надышаться въ ея благодатномъ уголкѣ. Прихожу; все тихо, она въ постелѣ; подхожу къ ней, едва говоритъ. «Что̀ съ вами?» — «Я едва жива». И начала мнѣ разсказывать ужасное происшествіе. Дня за два явилась къ ней странница вся обвязанная, просить ночлега; она не въ силахъ была отказывать просящему; пустила ее, накормила, уложила спать въ зальцѣ. Вдругъ въ полночь тихо растворяется дверь и является уже не больная обвязанная странница, а мужчина съ ножемъ, требуетъ денегъ и всего, что́ она имѣетъ. Въ ужасѣ больная отдаетъ кошелекъ, часы, а болѣе, говоритъ, у меня ничего нѣтъ. Онъ приступаетъ съ ножомъ, и Господь покрываетъ Свою рабу: она видитъ внутреннимъ окомъ, что покровитель ея, Святитель Николай, около нея и не допускаетъ руки убійцы поразить ее. Такъ продолжалось почти всю ночь; наконецъ, злодѣй опустилъ ножъ и говоритъ: «Что ты за человѣкъ? Не могу убить тебя; меня одолѣваетъ страхъ. Скоро утреня, я опять переодѣнусь, а ты вели своей прислугѣ выпустить меня». Трепещущая

*) Нынѣ вышедшая въ міръ.

страдалица, спустя нѣсколько времени, позвонила, отдала прислугѣ приказаніе, разбойникъ вышелъ изъ дома, а она осталась едва дышущая. Я, кажется, первая пришла къ ней послѣ сего страшнаго происшествія; при мнѣ пріѣхала Е. А. Муханова и предложила переселиться къ нимъ въ домъ на верхъ, съ малюткой Николаемъ (дѣвочки еще не было въ то время). Съ этихъ поръ дружество ихъ, основанное съ одной стороны на чувствѣ благодарности и на желаніи Екатеринѣ пользы душевной, а съ другой—удивленія, благоговѣнія и безотчетнаго влеченія къ болящей, сдѣлалось тѣснѣе и тѣснѣе. И я ходила въ домъ Мухановыхъ къ Юліи, сперва познакомилась съ ними, а паче съ Екатериною: сошлись сердцемъ, сосредоточивъ любовь нашу въ общемъ нашемъ сокровищѣ.

Однако, какъ ни хорошо было въ домѣ Мухановыхъ, но все же въ чужомъ углѣ, отовсюду было стѣсненіе, какъ для нея, такъ и для нихъ; къ тому же на зиму дѣвицы Мухановы ожидали своихъ братьевъ, а занимаемый Юліей верхъ служилъ всегдашнимъ ихъ помѣщеніемъ. Начали помышлять, какъ бы купить домикъ; нашли недорогой и весьма приличный, на Молчановкѣ; но какъ купить, на что̀? Денегъ ни гроша. Вотъ ночью наша страдалица получаетъ отъ святаго своего покровителя (въ удостовѣреніе, что все уладится и деньги будутъ) синюю пятирублевую ассигнацію, которую она хранила до своей смерти, завѣщавъ ее положить съ нею въ гробъ. Точно, въ самомъ скоромъ времени все устроилось. Не умѣю сказать, откуда онѣ получили деньги, но домикъ купила Екатерина Алексѣевна на свое имя и помѣстила болящую. Это былъ общій праздникъ и утѣшеніе видѣть ее спокойно помѣщенную, огражденную отъ всякихъ непріятностей, и притомъ весьма прилично. Здѣсь разстояніе стало ближе ко всѣмъ. Муханова ежедневно отъ 7 до 10 часовъ вечера проводила съ ней; дѣвицы Павловы каждый праздникъ (въ будни имъ нельзя было отлучаться: онѣ были при мѣстахъ гувернантками), а я, грѣшная, какъ выпадетъ свободная минутка, бѣгу къ ней же. Часто, слушая мои разсказы о семейныхъ нашихъ столкновеніяхъ, она журила меня за нетерпѣніе и раздражительность. Очень помню, одинъ разъ скорбѣла я, что сестры стремятся въ театръ: убѣжденіе говорило мнѣ, что грѣшно утѣшаться пустыми и душевредными зрѣлищами: я и, не давъ имъ денегъ на ложу, высказавъ имъ мою непріятность, съ рвеніемъ и досадой сообщала Юліи о ихъ неразуміи. Она же кротко остановила меня и прибавила: «А знаешь-ли, Дуня? Св. Старичекъ приказалъ дать сестрамъ денегъ: ты раздраженіемъ грѣха не остановишь, а только вражду водворишь. Иди домой и съ любовью предложи имъ ѣхать въ театръ; симъ ты водворишь миръ, а гдѣ миръ, тамъ и Богъ». Совѣты ея всегда были полны разсужденія и мудрости;

я вѣрила слѣпо и такъ же слѣпо повиновалась. Часто случалось, спросишь рѣшенія на какое-либо недоумѣніе: «погоди, послѣ скажу», отвѣтитъ болящая, а тамъ и узнаемъ во время ея безпамятства, что̀ спросила у Св. Старичка. Я такъ привыкла къ безусловному повиновенію, что иначе, кажется, и жить не могла; я не разсуждала, какъ поступить, а только слушалась. И какъ возможно было прекословить, гдѣ былъ гла̀съ Божій, устами только человѣческими? Но какъ надо было оцѣнить то орудіе, которымъ вѣщалъ Господь! Всего дивнаго, таинственнаго не перескажешь; тотъ только можетъ понять вполнѣ, кому Господь дозволитъ быть свидѣтелемъ сего чуднаго явленія.

Такимъ образомъ шло время. Дома грустно, сиротливо. Мы всѣ еще были въ глубокомъ траурѣ, какъ представился женихъ для одной изъ меньшихъ сестеръ, Александры. Г. Глѣбовъ жилъ съ нами въ одномъ приходѣ, много слышалъ о родителяхъ нашихъ и о всей семьѣ; увидя на похоронахъ сестру Сашеньку, юную, хорошенькую, которая замертво упала у гроба отца, поднялъ ее, принесъ воды и тутъ же какъ самъ послѣ разсказывалъ, рѣшился жениться на ней. Его тронуло сиротство семьи, любовь дѣтей къ отцу и скромное обращеніе вообще. Это происшествіе нѣсколько развлекло семью. Приготовленія къ свадьбѣ на время оживили всѣхъ; но молодые уѣхали въ деревню и все вошло въ обычный порядокъ, т.-е. сестры съ С. С. Пушкинымъ въ тѣсномъ дружествѣ, толкахъ и разсужденіяхъ неразумныхъ, я въ своемъ углѣ за хозяйствомъ и дѣлами, а братъ въ шалостяхъ, самыхъ непозволительныхъ. Какъ умѣла, я старалась привести въ порядокъ дѣла̀; Господь помогъ: понемногу уплатился долгъ послѣ родителей; пенсію, получаемую, 3000 р. асс., употребляли на общій расходъ, а 1000 р. асс., принадлежащую малолѣтней Евгеніи, хранила какъ зеницу ока.

Приступили къ раздѣлу всего имѣнія; дѣло многотрудное, не моего ума и опыта; но Господь умудряетъ слѣпцовъ; совѣтовалась со многими. Часто случалось просить и смиренно ожидать въ пріемной тѣхъ, кои у покойнаго отца были подчиненными. Иные съ любовью помогали въ память его, а другіе и не совсѣмъ обращали вниманіе. Какъ быть? Все на по̀льзу! Эти обстоятельства были доброй мнѣ наукой, какъ себя смирять и склоняться предъ всѣми. Безъ смиренія, милое чадо, и кроткой уступчивости ничего не достигнешь. Раздѣлъ оконченъ былъ мирно, каждый получилъ свою законную часть. Родители хоть и имѣли намѣреніе раздѣлить намъ поровну, но завѣщаніе не было окончено и скрѣплено; стало-быть, по закону сестры получили по 100 душъ, а братъ 800. Замужнія взяли свое, а мы жили всѣ въ домѣ родительскомъ, который принадлежитъ и до сихъ поръ сестрамъ,

живущимъ вмѣстѣ, а ежели захотятъ продать его, то цѣну раздѣлить между всѣми поровну. Въ это время и Небольсины купили себѣ домъ въ Москвѣ и переѣхали отъ насъ. Жизнь этой четы была не сладка: мужъ скупъ и тяготился Московскимъ расходомъ, привыкши жить скупо и постоянно въ деревнѣ, тѣмъ болѣе, что болѣзнь сестры требовала еще лишнихъ расходовъ. Жена, утомленная простотою и странностями мужа, потеряла къ нему расположеніе, а прилѣпилась къ умному, начитанному двоюродному брату; вмѣстѣ читали, толковали: то ничего, другое не грѣхъ, обязанности къ мужу лишнее дѣло и, наконецъ, сіе произвело такой раздоръ, что, право, никто не зналъ, какъ ихъ и мирить. Меня все сіе сильно оскорбляло, я перестала бывать у сестры въ домѣ. Хотя не было въ ихъ сношеніяхъ ничего беззаконнаго, но вовсе было потеряно христіанское настроеніе. Мужъ уѣхалъ въ деревню и, кажется, радъ былъ вырваться, хотя и самъ былъ многому причиной. Болѣзнь сестры развилась, ей со дня на день становилось хуже, и она прислала за мной, чтобы походить за нею. Болѣзнь и смерть все заглаждаютъ; я переселилась къ ней въ домъ и была свидѣтельницею ея ужасныхъ страданій. Была у нея какая-то непостижимая болѣзнь въ спинѣ, какъ говорили врачи. Послали за мужемъ, который уже не засталъ ея, а пріѣхалъ къ похоронамъ. Я простудилась и не была при ея послѣднихъ минутахъ и при погребеніи.

Жизнь всей семьи была мнѣ не по чувству и не по духу. Я видѣла, что сдѣлать ничего не могу, и рѣшилась сдать имѣніе по принадлежности, а опеку надъ Евгеніей и ее самоё передать сестрѣ Екатеринѣ. Я забыла сказать, что, сверхъ общихъ 100 душъ, мнѣ досталось село Аносино. По завѣщанію покойной бабки моей, игуменьи Евгеніи, это имѣніе должно было доставаться старшему въ родѣ, съ обязательствомъ предоставлять устроенному ею въ немъ монастырю годоваго съѣстнаго запаса на 1000 р. асс.

Приняла я имѣніе и обязательство; но исполнить его было невозможно, ибо и покойные родители доставляли запасъ изъ Орловскаго имѣнія, а с. Аносино было оброчное и довольно неустроенное. Мнѣ хотѣлось исполнить волю святой старицы, бабки моей, и продолжать то, что незабвенные родители мои исполняли; но какъ устроить, я недоумѣвала. Спросила у моей болящей, и она дала совѣтъ продать часть лѣса въ Аносинѣ и внести капиталъ въ монастырь, тѣмъ обезпечить обитель и успокоить свою совѣсть. Но сдѣлать сего нельзя было иначе, какъ испрося дозволеніе у святаго владыки. Мнѣ хотѣлось, чтобы сіе до времени никому не было извѣстно, пока придетъ дѣло къ окончанію, во избѣжаніе толковъ и пересудовъ. И такъ, написавъ въ первый разъ отъ роду письмо къ святителю, въ коемъ

испрашиваю назначить время и дозволеніе, когда явиться для объясненія важнаго для меня дѣла, облеклась въ салопъ моей горничной, на голову надѣла черный платокъ большой, и сама, въ видѣ прислуги, отправляюсь къ секретарю его высокопреосвященства. Вхожу. «Дома Александръ Петровичъ?» Ему доложили. Выходитъ старикъ добрый, но брюзгливой наружности. «Чтò тебѣ, матушка?» «Авдотья Семеновна Озерова проситъ васъ сдѣлать милость передать ея письмо его высокопреосвященству».—«Хорошо», взглянувъ на конвертъ, «а адресъ гдѣ?»—«Онѣ не знали, какъ написать его; будьте такъ добры, подпишите адресъ сами».—«Чтò ты, матушка; да можетъ твоя барыня невѣдомо чтò наврала въ письмѣ, а я буду подписывать своею рукой адресъ; да Богъ съ тобой, съ вами въ бѣду какъ разъ влѣзешь». «Помилуйте-съ».—«Да чтò тутъ миловать! Охъ, мірской народъ; вотъ хороши овцы: не знаютъ, какъ назвать своего пастыря!»—«Позвольте, я напишу адресъ; только вы мнѣ его продиктуйте: я грамотѣ умѣю». «Полно врать, матушка: будутъ разныя руки въ письмѣ и на конвертѣ. Подай письмо, ужъ безъ адреса подамъ владыкѣ; пусть видитъ, какое дурачье эти дворяне». Взялъ пакетъ, понесъ; чрезъ нѣсколько минутъ выходитъ и говоритъ: «Св. владыко приказалъ твоей безтолковой барынѣ пріѣхать сегодня въ 3 часа, понимаешь, передъ вечерней».—«Слушаю-съ, а который теперь часъ?»—«Да въ исходѣ второй». Раскланявшись съ секретаремъ, выхожу. Проливной дождь; я взяла перваго растрепаннаго извощика, который мнѣ попался, и поѣхала къ себѣ. Дóма объявила о своемъ намѣреніи и что сейчасъ ѣду къ владыкѣ. Заложили карету, поставили сзади меня лакея въ ливреѣ и отправились. Я такъ давно не ѣздила въ порядочномъ экипажѣ, что въ первую минуту мнѣ самой смѣшно стало: привыкла я уже нѣсколько лѣтъ совершать мои путешествія по Москвѣ на такъ-называемыхъ *ванькахъ*. Но, подъѣзжая къ подворью, сердце у меня замерло. Чтò и какъ буду говорить святителю? Какъ онъ взглянетъ на это дѣло? Бывала я у него, но въ видѣ посланной, большею частью пребывала въ молчаніи, или обходилась краткимъ отвѣтомъ на его вопросы; а тутъ надо говорить, объяснять дѣло, а предъ его святыней чтó я за ничтожество? И предъ его всеобъемлющимъ умомъ просто тупоуміе. Въ такомъ расположеніи духа, трепеща, взошла я на лѣстницу. На встрѣчу мнѣ старикъ-секретарь. «Какъ доложить о васъ. Кажется, генеральша Озерова?»—«Точно такъ». Онъ взглянулъ мнѣ въ лицо, и видно было какое-то изумленіе; вѣроятно сходство съ горничной, бывшей у него за полчаса, изумило его. Я быстро прошла мимо, и меня провели въ гостиную. Съ благоговѣйнымъ страхомъ повергласъ я къ стопамъ великаго святителя. Благословивъ, онъ указалъ мнѣ мѣсто и

спросилъ о причинѣ посѣщенія. Не въ силахъ была я говорить, сколько отъ застѣнчивости, столько отъ волненія, но молча подала докладную записку. Прочитавъ ее, святый владыка взглянулъ на меня довольно сурово и холодно сказалъ: «Неужели вы думаете, что обитель нуждается въ вашихъ деньгахъ? Господь и безъ вашей помощи поддержать ее можетъ».—«Владыко святый, желаніе мое: исполнить волю покойной матушки - игуменьи, бабки моей и не возмутить душъ родителей моихъ».—«Можетъ быть, вамъ тягостно сіе обязательство; спросите о семъ совѣсть вашу и мирствуйте».—«Владыко святый, моя совѣсть смущается, ежели не исполню этого долга».—«А вы станьте на молитву и скажите усопшимъ вашимъ, что не можете исполнить ихъ обѣщанія».—«Я послѣ сего не найду покоя совѣсти моей, владыко святый; а отъ кого же намъ слышать слово Божіе, какъ не изъ вашихъ устъ?» Тутъ я не могла болѣе сдерживать себя; мнѣ показалось, что владыка не принимаетъ меня и приношеніе мое, какъ недостойную жертву Богу, что, можетъ быть, дерзновенно осмѣлилась его безпокоить, и мнѣ стало такъ горько, что я залилась слезами. «О чемъ плачете?» Я, потерявъ всю сдержанность приличія, упала къ его ногамъ и просто высказала, что̀ чувствую и что имѣю намѣреніе рано или поздно посвятить себя иноческой жизни. Святый владыка перемѣнилъ свою рѣчь и съ любовію отца продолжалъ: «Не смущайтесь; ежели вы хотите исполнить волю усопшихъ, доброе дѣло. Сколько же можете внести обители въ замѣнъ доставляемаго запаса?»—«До 25000 р. асс.; но болѣе не въ силахъ, владыко святый.»—«Много, не по вашимъ средствамъ; не будеть-ли 15000 р.?»—«Нѣтъ, владыко святый, дозвольте внести 20000 р. Хотя проценты и недостаточны будутъ на покупку полнаго запаса, но эту сумму я могу внести и безъ разстройства своихъ обстоятельствъ».—«Съ Богомъ! Когда окончена будетъ продажа лѣса и выручены деньги, привезите».

Принявъ его святительское благословеніе, въ радости и утѣшеніи поѣхала я домой, бросила карету и на извощикѣ полетѣла на Молчановку. Застаю у Юліи Е. А. Муханову, все подробно имъ разсказала и даже похожденіе съ секретаремъ, чему онѣ много смѣялись. Имъ, впрочемъ, не въ диковинку были подобныя сему мои похожденія: часто я, въ родѣ блаженной, пробиралась съ ихъ же милостынею къ какому-либо старцу на церковную колокольню, или къ кому-либо иному, съ подобными порученіями. Однажды справляла роль посаженой матери у окрещеннаго мною же за Юлію Еврея и у будущаго тестя его отстаивала деньги невѣсты и т. п. Посему мое похожденіе съ секретаремъ не удивило ихъ, а только распотѣшило, и онѣ, бывъ въ первый слѣдующій разъ у владыки-митрополита, когда коснулась рѣчь

до меня, разсказали все подробно, чѣмъ заставили архипастыря улыбнуться, и онъ, вызвавъ секретаря своего, спросилъ: «Кто привозилъ письмо отъ Озеровой?» Святославскій отвѣчалъ: «Ея горничная, должно-быть».—«Не ошибся-ли ты? Не сама-ли она? Надо впередъ быть осторожнѣе». Секретарь ушелъ, а онѣ, поговоря о моей догадливости и вмѣстѣ о робости нрава, получили отъ святителя, какъ себѣ, такъ и мнѣ, благословеніе, о которомъ и передали мнѣ.

Съ тѣхъ поръ сердце мое все предалось святителю, и я не знала, какъ раздѣлиться на обоихъ избранниковъ Божіихъ; не умѣла я разобрать, котораго я болѣе чтила и любила. Служила, какъ умѣла, болящей Юліи, благоговѣла предъ владыкой, и была счастлива, что имѣю доступъ къ нимъ обоимъ.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ часть лѣса въ Аносинскомъ имѣніи была продана, деньги, 20000 р. асс., выручены, и я, въ полномъ утѣшеніи отъ успѣшнаго окончанія дѣла, которое тяготило мою совѣсть, опять отправилась къ святителю. Онъ, съ обычною милостью, принялъ меня и, узнавъ, что сумма привезена мною, велѣлъ позвать своего эконома. «Я не считаю денегъ самъ», сказалъ онъ. Тотъ перечелъ, и владыка съ улыбкой спросилъ меня: «Нужна вамъ росписка въ полученіи отъ митрополита Московскаго?»—«Помилуйте, святый владыко!»—«Въ такомъ случаѣ идите; я черезъ консисторію перешлю указъ и деньги въ обитель». Принявъ благословеніе, я съ радостію отправилась во-свояси.

Этотъ взносъ какъ бы сроднилъ меня еще тѣснѣе съ Аносинской обителью; конечно, игуменья Анастасія (преемница основательницы, бабки моей), зная наши обстоятельства, едва-ли ожидала помощи отъ насъ послѣ раздѣла; но полученіе этой суммы, хотя не соотвѣтствующей вполнѣ запасу, но уже вѣрной, привязало ее ко мнѣ благодарностью, тѣмъ болѣе, что обитель имѣла самыя скудныя средства, и я стала свободнѣе относиться къ ней. Часто за покупками монастырскими пріѣзжала одна изъ сестеръ обители, Евдокія, усердная, добрая, монастырю преданная послушница, уже не молодая; я ее полюбила, и она часто гостила у насъ, въ моей комнатѣ.

Отношенія наши семейныя не улучшались. Я не умѣла поддержать единодушіе, дѣйствовала горячо и неразумно; любовь могла совсѣмъ исчезнуть между нами. Братъ продолжалъ себя вести все хуже и хуже; держать его въ домѣ было невозможно, и я рѣшилась, во что̀ бы ни стало, его переселить на квартиру, чтобы сестрамъ дать спокойствіе и сохранить приличіе, а потомъ и сама желала взять маленькую квартиру и уже серьезно готовить себя къ монастырской жизни. Послѣ многихъ толковъ, братъ переѣхалъ, черезъ нѣсколько времени

женился, взявъ жену не столько несообразно званію своему, какъ пустую и вѣтреную Француженку съ Кузнецкаго моста. А я вызвала монастырку Евдокію и просила погостить у меня. Всѣ привыкли къ ея пребыванію, и никому и въ голову не приходило, что я хочу оставить домъ. Безъ сомнѣнія, все дѣлалось съ совѣтомъ владыки и болящей. Но когда уже пришло время исполненія, я отправилась къ ней за благословеніемъ, и она сказала мнѣ: «Ежели бы ты несла терпѣливо и благодушно теперешнюю жизнь твою, она бы исходатайствовала тебѣ предъ Богомъ болѣе, чѣмъ жизнь уединенная; но у тебя нѣтъ терпѣнія, то и лучше отдалиться и сохранить миръ; переѣзжай съ Богомъ». Отъ нея пошла я къ отцу-духовнику, который совѣтовалъ тоже, и чтобы переѣзжая ничего изъ дома не брать, кромѣ самаго необходимаго. Я его любила, слушалась и старалась всегда соединить эти три воли надо мною, не прекословя, а исполняя повелѣваемое, сколько могла и умѣла.

Не хотѣлось мнѣ никого тревожить при моемъ переѣздѣ, и для того частенько съ Евдокіей Алексѣевной (послушницей Аносина монастыря) ходили мы, подъ видомъ дѣла, скитаться по Москвѣ, искать квартиры. Было это осенью; грязь, слякоть, а мы бродимъ по колѣна въ мокротѣ. Начавши не хотѣлось отлагать и самоё себя долго мучить. Нашли квартиру у Лѣснаго ряда, къ Москвѣ-рѣкѣ, далѣе Пречистенки; хотя и нехорошо было, но рѣшилась. Грустно, тяжко было оставить домъ родительскій, жаль было сестеръ; но надо было принять рѣшительную мѣру. Готовиться къ монастырю въ семьѣ невозможно, да къ тому же отъ разномыслія могла возродиться и вражда между нами. И такъ, ночью на 13-е Ноября 1846 года, въ день св. Іоанна Златоуста, уложивъ свои иконы, платья, бѣлье, мы съ Евдокіей Алекс. приговорили Московскаго извощика, который явился къ намъ въ благовѣстъ утрени, и на немъ, положа матрацъ, сундукъ и усадивъ Евдокію съ св. иконою и съ хлѣбомъ и солью, отправила въ новое жилище, а сама написала записку сестрѣ Катѣ, въ которой объявила о своемъ переѣздѣ, и оставила у себя въ комнатѣ на столѣ. Въ карманъ взяла я свои собственныя деньги, пошла къ утренѣ въ свой приходскій храмъ, просила отслужить молебенъ св. Власію, подъ покровомъ коего дожила до 33 лѣтъ, много плакала; оттуда къ ранней обѣднѣ, къ о. духовнику, который меня благословилъ на новый родъ жизни, и отъ него на квартиру. Дико было войти. Все пусто, икона въ углу, матрацъ среди комнаты, и болѣе ничего. Евдокія Алексѣевна встрѣтила меня и пошла на рынокъ купить дровъ, которыхъ хозяева не дали. Я осталась одна въ раздумьѣ, въ скорби, стала горько плакать; мысли и чувства самыя противоположныя толпились въ умѣ и сердцѣ;

и родныхъ жаль, и смущеніе о своей немощи, и страхъ, что не вынесу взятаго на себя, и тому подобное. Вдругъ слышу стукъ у двери: сперва испугалась, но пошла отпирать дверь и вижу добраго и почтеннаго старца Сергія съ женою, который, не смотря на свою собственную скорбь (ибо у него въ эту же ночь умеръ родной и единственный его братъ), пришелъ навѣстить и ободрить свою малодушную духовную дочку. «Теперь плакать не время и, взявшись за рало Господне, не надо обращаться вспять. Вотъ икона Трехъ Радостей, да облегчатъ Сама Владычица и Господь сердце ваше; отрите ваши слезы. Слава Богу! Ничего не вынесли изъ дома, начинайте путь вольной нищеты; а Евдокію Алексѣевну мы встрѣтили, ѣдетъ съ дровами. Господь съ вами! Живите, а я и жена будемъ навѣщать васъ». Я благодарила отъ души старца, а угощать было нечѣмъ: даже и чаю не было, да и самоваръ еще не купленъ. Они побыли нѣсколько минутъ и ушли, а мы скорѣе на Смоленскій рынокъ, купили тамъ стульевъ, столовъ, кровать, самоваръ и необходимую посуду для кухни и стола, чаю, сахару и возвратились домой. Едва успѣли поставить самоваръ, пришла сестра Катя, скорбная до невозможности, со слезами бросилась въ мои объятія и умоляла возвратиться домой, предлагая занять весь верхъ въ домѣ, обѣщая, что ни во что входить всѣ онѣ не будутъ. «Принимай кого хочешь», говорила она, «ходи куда угодно; только не оставляй дома». Но что̀ уже было рѣшено, то невозвратимо. Господь помогъ твердо устоять и, накормивъ ее трактирнымъ пирогомъ, я отпустила съ миромъ. Мало-по-малу семья свыклась съ новымъ моимъ положеніемъ, и часто всѣ онѣ навѣщали меня въ моемъ уединеніи; а Варвара Андреевна Ѳэопина, наконецъ, рѣшилась и переѣхала жить ко мнѣ. Въ вечеру того же дня явилась съ любовію Е. А. Муханова, привезла отъ Юліи образной шкафъ и лампадку въ подарокъ на новоселье; голубушка моя принялась устроивать и обстанавливать мое новое жилище.

Такая неожиданная перемѣна въ жизни моей возбудила общій говоръ: кто удивлялся, кто бранилъ, кто придумывалъ разныя догадки моему переселенію. Родные большею частью негодовали, особливо сестра покойной бабки моей, Надежда Николаевна Шереметева; она старалась изловить меня гдѣ только могла, бранила, добивалась откровеннаго объясненія. Я, конечно, молчала или отдѣлывалась шутками, а часто, каюсь, запиралась въ своей комнатѣ и не сказывалась до̀ма, избѣгая докучливыхъ пустыхъ истязаній. Такимъ образомъ болтали много, какъ о новомъ происшествіи; наконецъ забыли, и я въ тишинѣ стала серьезно обдумывать и готовиться къ великому дѣлу, вступленію въ иноческую жизнь. Часто ходила я къ болящей, чтобы ей послужить

тѣлесно, а отъ нея врачеваться духовно, совѣтомъ и примѣромъ. Ходила и къ о. духовнику, изрѣдка къ сестрамъ, а болѣе никуда. Занималась своимъ маленькимъ хозяйствомъ, съ помощью прислуги, старушки Маргариты, которую доставила мнѣ Юлія Николаевна, и которая насъ любила какъ родныхъ, трудилась много и берегла наши крохи. Жила я подъ непосредственнымъ руководствомъ болящей, которая, руководясь свыше, повергала все въ обсужденіе владыки и дѣйствовала уже по его велѣнію. Каждая изъ насъ не считала ничего собственностью; но отъ меня, какъ готовящейся къ монастырской жизни, еще болѣе требовалось самоотверженія, служенія всѣмъ и каждому, послушанія безпрекословнаго, пріобученія себя къ тѣлесному труду и суровому образу жизни.

Когда приходилось мѣнять квартиру за неудобностію, выписывала я мою добрую Евдокію Алексѣевну, и мы съ ней опять путешествовали и отыскивали новое пристанище. Такъ протекало время въ изученіи себя, въ чтеніи и въ частыхъ разъѣздахъ по порученіямъ.

Въ 1847 году открылась сильная холера въ Москвѣ, смерть окружала со всѣхъ сторонъ. Пойдешь въ церковь, 3 или 4 гроба вдругъ; надъ головой у хозяевъ покойникъ, рядомъ похороны. А насъ Господь хранилъ невидимой рукой, и ничего я не боялась, вездѣ ходила, пищу употребляла обычную, будто все благополучно. Сестры съ Марьей Григорьевной были въ это время въ Орловской деревнѣ; получаю письмо отъ сестры Кати, которая предостерегаетъ меня, проситъ не бояться за нихъ, что хотя у нихъ и свирѣпствуетъ болѣзнь, но онѣ осторожны и спокойны. И что же? На другой день доброй милой сестры Кати уже не было на свѣтѣ; сдѣлалась сильнѣйшая холера, потомъ тифъ, она въ бреду звала меня непрестанно, и въ нѣсколько часовъ ея не стало. Все семейство страшно напугалось, и всѣ возвратились въ Москву. Малюткѣ Евгеніи было тогда уже около 9 лѣтъ. Опека перешла къ сестрѣ Варварѣ. Скорбна была эта потеря, особенно для семьи: Екатерина была хозяйкой.

Прошло послѣ сего около двухъ лѣтъ. Я такъ обжилась хорошо и начала подумывать, что можно и въ мірѣ, въ уединеніи, жить угодно Господу; но Онъ Всеблагій велъ меня къ цѣли, Ему Единому извѣстной. Прихожу по обычаю навѣстить болящую и нахожу ее въ задумчивомъ расположеніи духа. Когда остались наединѣ, она мнѣ сказала, что уже приспѣло время совершить давно предполагаемое и начать жизнь иноческую въ стѣнахъ обители; что къ ней приходила покойная матушка Евгенія и грозно требовала меня. «Евдокія мнѣ нужна; что̀ ты ее держишь въ міру?» говорила она. «Послѣ сего уже тебѣ нельзя долѣе оставаться», продолжала Юлія: «какъ мнѣ ни тяжела будетъ

разлука, но первая обязанность христіанина есть самоотверженіе и послушаніе; сбирайся, другъ мой, Господь съ тобою!» Хотя для меня была не новость мысль о монастырѣ, хотя многіе годы постоянно готовилась къ этой жизни, но при рѣшительномъ словѣ «иди», сердце мое дрогнуло. Буди воля Господня! Я приняла слова Юліи, какъ извѣщеніе отъ Самого Бога и прямо отъ нея отправилась къ о. духовнику, объявить ему свое рѣшительное желаніе. Я никогда не сообщала ему объ сношеніи близкомъ со владыкою и Юліей; онъ не понялъ бы сихъ сношеній, а только зналъ, что мы знакомы и что я ее люблю, какъ добраго человѣка; владыку же онъ чтилъ, но остерегался, какъ начальника. «Хорошо», отвѣчалъ онъ мнѣ, «потолкуемъ и помолимся; завтра послѣ ранней обѣдни зайдите, я дамъ отвѣтъ.» На другой день, послѣ безсонной ночи, отправилась я къ нему, вѣруя, что разногласія не будетъ. Послѣ обѣдни захожу, усѣлись въ столовой по обычаю пить чай; старецъ вызываетъ меня въ свой кабинетъ и со слезами говоритъ: «Не могу противиться волѣ Божіей. Господь да благословитъ на преднамѣренный путь!» Я поклонилась въ ноги, приняла благословеніе и вышла въ столовую. «Чтò такое, чтò съ вами»? спросила жена отца-духовника. «Авдотья Семеновна идетъ въ монастырь.» — «Да ты зачѣмъ ее пускаешь?» — «Помилуй; нельзя тамъ удержать, гдѣ Богъ зоветъ.» Не знаю, почему онъ такъ былъ увѣренъ, это осталось тайной; но дѣло въ томъ, что я, получа разрѣшеніе, не медля уже нисколько, написала просительное письмо о принятіи меня въ монастырь къ игуменьѣ Анастасіи. Она не рѣшилась сама удовлетворить меня и отвѣчала, что безъ согласія и приказанія владыки ничего не можетъ, и чтобы я сама просилась у него. Раздумывать было уже нечего. Я отнеслась къ святителю и повторила ему мое давнишнее желаніе, прося на то его благословенія. «А куда вы намѣрены поступить?» спросилъ онъ. «Въ Аносинъ монастырь, ежели вы изволите благословить.» — «Тамъ трудно и сурово, не по вашей силѣ и навыкамъ.» — «Владыко святый, Господь поможетъ за ваши святительскія молитвы.» — «Почему не въ одинъ изъ Московскихъ, напримѣръ въ Дѣвичій?» — «Владыко святый, Московскіе монастыри это богадѣльни.» Святитель на меня зорко и проницательно взглянулъ. — «Въ Москвѣ легче, а тамъ едва ли вынесете.» — «Вѣрую въ святыя молитвы ваши.» — «Да, тамъ вамъ предстанутъ трудности и скорби.» — «На все рѣшаюсь, владыко святый; къ этой обители меня привязываетъ прахъ покойной матушки Евгеніи.» — «Не прахъ, а душа ея». Сдѣлалось молчаніе, я не смѣла прервать его. Владыка, устремя взоръ, задумчиво пробылъ нѣсколько секундъ и наконецъ сказалъ: «Итакъ вы на все готовы?» —

«Благословите, владыко святый!»—«Господь тебя благословитъ, иди путемъ скорби и смиренія, и когда совсѣмъ соберешься, зайди ко мнѣ.»

Все было рѣшено, надо было устроить и отъѣздъ. Я извѣстила мать-игуменью Анастасію о дозволеніи его высокопреосвященства вступить въ общежитіе, просила и ее принять меня подъ свой покровъ и вмѣстѣ оказать мнѣ великую милость, приславъ за мной Евдокію Алексѣевну съ лошадьми къ 1 Декабря. Стала собираться. Мнѣ хотѣлось всѣмъ что нибудь дать на память. Купила кому серьги, кому ожерелье, кому табакерку и, раздаривъ, сказала, что скоро уже переселюсь въ обитель, но дня не назначила во избѣжаніе съѣзда и прощанья. Накапунѣ уже отъѣзда отправилась я ко владыкѣ моему, который благословилъ меня, сказавъ нѣсколько словъ назидательныхъ о жизни въ обители, а главное о послушаніи и самоуничиженіи. «Помни», прибавилъ святитель, «что ежели начальствомъ избрана будетъ палка, то и той должна ты покоряться безусловно. Оставь всякое о себѣ мнѣніе, смиряйся предъ каждымъ и во всемъ, тогда можешь возрасти въ доброе чадо обители.» Отъ него пошла я къ драгоцѣнной моей болящей, застала ее въ слезахъ и въ постели. Пріѣхали Е. А. Муханова и докторъ Блументаль. Когда настало уже время отправляться, и мы остались однѣ, она сняла съ шеи крестъ, съ которымъ никогда не разставалась (онъ былъ ей данъ Св. Старичкомъ, конечно во время ея благодатнаго безпамятства, должно быть или единороговый или изъ какой мастики, не знаю, но весьма древній) и сказала, это дѣло рукъ Св. Николая и доселѣ она его съ себя не снимала. Благословила меня, залилась слезами, обняла и едва выговорила: «Господь съ тобой!» Съ ней сдѣлался обморокъ, и я этимъ временемъ воспользовалась, чтобы оторваться отъ нея. Блументаль спѣшно меня выпроводилъ, чтобы не возобновлять прощанья съ нею, и я простилась съ благодатнымъ уголкомъ, сама не зная на сколько времени. Отъ нея прямо къ сестрамъ Озеровымъ, провела у нихъ вечеръ, старалась казаться спокойною и даже веселой; но онѣ были смущены моимъ рѣшеніемъ и скорымъ отъѣздомъ, допрашивали, когда именно; но я сказала, что сама еще не знаю, и уже вечеромъ довольно поздно возвратилась къ себѣ.

1-го Декабря ежегодно справлялось молебствіе о прекращеніи холеры въ приходѣ Троицы на Арбатѣ; у о. духовника поднималась святыня изъ соборовъ, икона Иверской Божіей Матери, и изъ другихъ приходовъ стекался народъ. Чтобъ въ этой суетѣ не успѣли замѣтить моего смущенія, я пришла проститься передъ отъѣздомъ въ монастырь, но не сказала о семъ, а будто пришла помолиться. Не хотѣлось мнѣ ни добраго Сергѣя Ивановича, ни жену его Л. Я. огорчать прощаньемъ и проводами. Послѣ ранней обѣдни, когда шли съ иконами на пло-

щадь, я подошла еще разъ принять благословеніе. «Куда вы?» — «Никуда, батюшка.» Всѣ отправились, и я проводя ихъ, осталась у нихъ въ домѣ, поплакала, поручила прислугѣ передать о моемъ отъѣздѣ и съ Авдотьей Алексѣевной, которая съ кибиткой ждала меня въ ближайшемъ переулкѣ, отправились въ Аносинъ монастырь.

Теперь все разорвано съ міромъ, слава Богу! думала я дорогой. Господи, помоги перейти поприще иночества неосужденно. Тебѣ, Господи, всю себя вручаю! Въ подобныхъ сему размышленіяхъ я не догадалась, какъ лошади остановились у св. вратъ обители. Прямо пошла въ келью м.-игуменіи, которая приняла съ любовію и со слезами, тутъ же благословила иконой Владимирской Божіей Матери, которая ей досталась отъ покойной матушки Евгеніи, и повела въ келью мнѣ назначенную. Это былъ флигель, въ которомъ находились кельи основательницы, бабки моей, и мнѣ была приготовлена ея спальня; очень мнѣ было это пріятно. Все было ветхо, бѣдно, шкафчикъ для иконъ покойной бабушки, простая деревянная кровать, два стула, столъ и болѣе ничего. Рядомъ со мною помѣстилась Авдотья Алекс.; въ третьей келіи еще сестра, а пріемная оставалась пустая; здѣсь бывали спѣвки клироснымъ, когда пріѣзжалъ протоіерей Вдовьяго Дома учить сестеръ, что̀ онъ дѣлалъ по усердію безплатно.

И такъ въ 1849 году 1-го Декабря *я водворилась въ пустынѣ, чая Бога спасающаго мя отъ малодушія и бури*, на 35 году моей жизни. Желала я вкоренить въ сердцѣ и въ умѣ своемъ не одну внѣшнюю жизнь монастырскую, но такую, какою она должна быть въ полнотѣ своей, и оттого старалась себя подчинить старшей своей по монастырю Ав. Ал. Очень помню, однажды она сказала мнѣ, чтобы я не выносила сама на холодъ умывальнаго таза; а мнѣ было совѣстно допускать, чтобы мнѣ служили; я пошла сама съ лаханкой, и когда возвращалась, Авд. Ал. встрѣтила меня строгимъ выговоромъ за ослушаніе. Ей, не лгу! Я не столько обидѣлась, но, сознавъ ослушаніе свое, много разъ съ земными поклонами просила прощенья; я радовалась въ душѣ, что нахожусь въ покореніи и, видѣвъ монастырское въ семъ наученіе, съ любовію исполняла. Происходило это чувство не отъ пріобрѣтеннаго смиренія, но отъ горячаго желанія идти путемъ иноческаго смиренія.

Не прошло двухъ недѣль, является отъ Юліи ея старушка, *кормилушка*, но только съ огромнымъ ящикомъ; въ немъ пироги, лепешки, хлѣбы, баранки, груши сушеныя и т. п., и съ симъ вмѣстѣ грустное и скорбное письмо о моемъ отлученіи, но наполненное любовію и совѣтомъ идти за Господомъ въ духѣ мирномъ. Всѣ припасы я раздала монастырскимъ, а Натальюшку отправила съ благодарностію. Отъ о.-

духовника вскорѣ получила письмо, въ коемъ почтенный старецъ благодарить за обманъ при отъѣздѣ: «иначе», пишетъ онъ, «я не въ силахъ былъ бы отправить и богослуженіе». Сестры мои смутились, хотѣли ѣхать ко мнѣ, но онъ удержалъ ихъ, сказавъ, что мнѣ надо дать время придти въ себя.

И такъ я начала всматриваться въ обрядъ монастырскій, но въ мірской одеждѣ. Въ день Святителя Николая, 6-го Декабря, матушка-игуменья приказала мнѣ исполнять въ трапезѣ *жертвенникъ*, т. е. чтеніе во время вкушенія пищи. Всѣ старицы, бывшія еще при покойной матушкѣ Евгеніи, съ любовію смотрѣли на меня и, слушая чтеніе, со слезами говорили, что читаю сходственно съ покойной матушкой. Это первый былъ шагъ общаго послушанія. Я радовалась, что начало положено въ день святителя, общаго нашего покровителя. Декабря 24, въ сочельникъ, въ день ангела покойной бабушки, меня одѣли въ рясу и шапку. Не умѣю тебѣ, чадо, передать, что̀ я чувствовала: и страхъ, и радость, и умиленіе, и благодарность ко Господу за неизреченное Его ко мнѣ милосердіе наполняли тогда душу мою. Но робость моего нрава была такова, что когда мнѣ сказали послѣ вечерни, что будетъ мать-игуменья одѣвать меня, я убѣжала изъ церкви, сама не зная зачѣмъ. Можно судить, какъ для меня всѣ дѣйствія явныя были тягостны; я только была покойна, когда была непримѣтна.

Въ Январѣ 1850 года матушка-игуменья ѣздила съ монастырскими отчетами ко владыкѣ и мнѣ сказала, что желаетъ представить меня къ указу. Я съ благодареніемъ приняла еще ничѣмъ не заслуженную милость и вмѣстѣ съ м.-игуменьей отправилась въ Москву. Когда мы явились на Троицкое подворье, и мать игуменья вошла съ бумагами ко владыкѣ, черезъ нѣсколько времени раздался звукъ колокольчика, и входившій въ пріемную келейникъ сказалъ, что меня требуютъ. Со страхомъ и радостію вхожу. Я не надѣялась видѣть моего отца и владыку. Когда приняла благословеніе, онъ, съ обычною ему милостію, спросилъ: «Мирствуешь-ли?» — «Слава Богу, владыко святый.» — «Игуменья говоритъ, что ты часто плачешь о родныхъ». — «Вы все изволите знать, владыко святый: не могу еще привыкнуть къ лишенію всего, что̀ было близко моему сердцу.» — «Надо въ мирномъ духѣ приносить жертву Богу; это плачъ малодушія; надѣйся и молись. А ты не прогнѣвалась-ли на меня, что осталась въ передней?» — «Помилуйте, святый владыко, я очень знаю свое мѣсто.» — «Иди съ Богомъ». Благословилъ, и я вышла изъ пріемной съ радостію въ душѣ. На указъ мой тутъ-же соизволилъ святитель. Я матушку-игуменью довезла до сестеръ Озеровыхъ, гдѣ она останавливалась, а меня она

отпустила побывать у Мухановыхъ (подъ ихъ именемъ всегда подразумѣвалась Юлія). Не помню, какъ я добѣжала до ея дома, не помню словъ, какими мы другъ друга встрѣтили; помню только, что мы обняли другъ друга и плакали на взрыдъ отъ радости. Дѣти-сироты прыгали и ласкались ко мнѣ; потомъ пріѣхала Ек. Ал., опять новыя слезы радости. Когда мало-по-малу всѣ мы успокоились, пошли разспросы и разсказы. Между прочимъ я передала ей, что видѣла во снѣ мать Евгенію, грозную, будто она мною недовольна и что на меня напалъ сильный страхъ.—«Нѣтъ», сказала болящая, «это мечта смущеннаго и робкаго твоего сердца: бабушка утѣшается, что ты въ обители; она была у тебя, хотѣла возбудить тебя на правило, но ты мирно и спокойно спала; ей стало жаль тебя тревожить, и она удалилась. Она часто бываетъ у тебя. И я была у тебя, Дуня». И стала точь въ точь описывать мою келью. «Не смущайся ничѣмъ», продолжала Юлія, «все Господь приведетъ ко благому концу. Повѣрь, я видѣла Аносинъ монастырь во снѣ, все каменное строеніе, просто будетъ лавра». Сказывала, что̀ въ какой день мнѣ приходилось дѣлать, въ какую ночь я кому прочитала акаѳистъ, или кому особенно помолилась.

Пробыли мы въ Москвѣ, конечно, недолго. Я изрѣдка получала отъ Юліи письма, а чаще извѣстія привозила Евд. Ал., которая постоянно ѣздила за покупками; да я и сама по послушанію стала нерѣдко бывать въ Москвѣ. У насъ была тяжба съ мельникомъ объ лугахъ Сѣтунской рощи, принадлежащей обители, и я непрестанно бывала то въ Звенигородскомъ Уѣздномъ Судѣ, то въ Гражданской Палатѣ въ Москвѣ; стало-быть, и свиданія съ болящей были нерѣдки. По возвращеніи изъ Москвы, насъ съ Евд. Ал. сдѣлали церковницами въ больничной церкви, гдѣ постоянно была служба. Потомъ поручили мнѣ учить монастырскихъ дѣвочекъ читать, писать, рукодѣлью. Стало-быть, время мое очень было занято и, сверхъ того, когда дома бывала, то постоянно была за церковной службой.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, кажется, въ началѣ Марта, по моемъ вступленіи въ обитель, сестру Настасью Семеновну помолвили за Ник. Серг. Кругликова, и меня выписали, чтобы ихъ благословить, какъ старшую въ семьѣ. Скоро и родственница наша Мар. Гр. къ нимъ совсѣмъ переѣхала на житье. Она съ самаго рожденія сестру любила, какъ свою родную дочь, няньчила, воспитывала, охлопачивала, и до самой своей кончины жила съ ними неразлучно.

Прошелъ годъ, и меня постригли въ рясофоръ, въ день Св. Іоанна Златоуста, 27 Января. Не хочу скрывать, что часто смущалась мыслію, видя безпорядокъ въ обители; потому что строгость правила, заведеннаго первою матушкою игуменьей, не была исполняема, но между

тѣмъ самое неисполненіе тяготило совѣсть всѣхъ. Не скудость средствъ меня тревожила, но безтолковость во всемъ надоѣдала мнѣ; я теряла терпѣнье, часто роптала, даже мелькала мысль: ужъ не перейти-ли куда въ другой монастырь. Поддержкой мнѣ и утѣшеніемъ были одна изъ старицъ обители, м. Ефросинья, и тогдашній духовникъ, намѣстникъ Саввина монастыря, отецъ Николай, оба твердаго, правдиваго нрава и обычая, и оба любили меня и старались укрѣпить противу встрѣчающихся столкновеній. Не видѣть безпорядка было невозможно; но теперь, разсуждая хладнокровно, можно было умиротворить себя. Правда, церковная служба была очень плоха; но какъ было ее отправлять продолжительно и по уставу, когда и теплая трапезная собора и больничная церкви были до невозможности сыры и угарны? Очень часто мы до заутрени обрубали ледъ со стѣнъ. Священники были стары; одинъ изъ причетниковъ самый необразованный и грубый, другой въ ипохондріи. Можно-ли было чего ожидать отъ нихъ и съ ними справиться? Пѣніе безобразное; да и сестры едва знали, и то нѣкоторыя, ноты. Протоіерей (изъ Вдовьяго Дома, въ Москвѣ), который училъ ихъ, былъ пристрастенъ къ пѣнію фигурному, простымъ не занимался; стало быть, и тутъ нельзя было ожидать хорошаго. Трапеза весьма плохая, конечно, сколько отъ безпорядка, столько же и отъ скудости. Хотѣлось купить повыгоднѣе и покупался запасъ несвѣжій. Оттого по кельямъ стряпня завелась. Купить одежду, обувь сестрамъ не на что; бѣдныя страдали, а кто имѣлъ средства дѣлали излишнее. Въ кельяхъ отъ ветхости невозможно было жить, а выстроить или поправить нѣтъ средствъ. Матушка - игуменья добрая женщина, преданная сердечно въ Бозѣ почившей матушкѣ Евгеніи, но не имѣющая вовсе способностей къ возложенному на нее дѣлу, и къ тому же была безъ всякихъ денежныхъ средствъ. Ею управляли многія, злоупотребляли ея довѣренностью, отчего происходили вражды, ссоры, нестроенія. Виновата-ли она была въ этомъ? Она скорбѣла сама, но выйти изъ этого положенія не могла, потому что была стѣснена со всѣхъ сторонъ; оттого часто раздражалась и взыскивала ошибочно. А ропотъ и безпорядокъ между тѣмъ возрасталъ все болѣе и болѣе. Часто Юлія убѣждала меня раскрыть все предъ владыкой; я не рѣшалась, боясь грѣха съ одной стороны, а съ другой—еще болѣе непріятности отъ м. игуменьи и огласки. Въ одно время, потерявъ терпѣніе, видя упадокъ въ обители совершенный, я написала все Юліи, высказывая, что думаю перейти въ другой монастырь. Она показала письмо владыкѣ, умоляя спасти обитель, которой угрожало разрушеніе. Однако, не смотря на неустроеніе общее, я любила сестеръ, добрыхъ, трудолюбивыхъ, простыхъ сердцемъ, радовалась, что могу хотя нѣсколько со-

образоваться съ ними въ пищѣ, одеждѣ, посильныхъ трудахъ; мнѣ всегда приходила мысль, что *лучше страдать съ людьми Божіими, нежели имѣть временную грѣха сладость.* Письмо мое—это было излитое на бумагу нетерпѣніе; и нынѣ я себя за это осуждаю, сдѣлавшись орудіемъ перемѣны. Но видно Господь наше дурное обращаетъ на благое и творитъ все на пользу.

Вскорѣ я пріѣхала по дѣламъ въ Москву, и Юлія посовѣтовала мнѣ просить владыку о перемѣщеніи меня въ другой монастырь, конечно, съ мыслію, чтобы заставить меня высказаться предъ нимъ. Я сіе и исполнила, раскрыла ему свою мысль, и святитель утѣшалъ меня, напомнилъ, что онъ впередъ мнѣ сказывалъ о предстоящихъ скорбяхъ, что тогда я говорила: *вся потерплю*, а теперь малодушіе, что безъ терпѣнія и спасеніе не близъ насъ и тому подобное, и отпустилъ съ миромъ. Вслѣдствіе сего, въ первый разъ, какъ мать-игуменья была въ Москвѣ съ просьбой о поправкѣ соборной церкви, въ коей потолокъ угрожалъ паденіемъ, и крыша совершенно проржавѣла, владыка, говоря съ нею, сказалъ, что надо приспособить человѣка, чтобы смотрѣть за постройкой, а иначе трудъ будетъ напрасный и дѣло начинать нельзя, и назначилъ меня къ этому дѣлу, приказавъ представить меня къ мантіи. Тутъ же онъ позвалъ меня и объявилъ свою волю, чтобы я приняла на себя послушаніе по стройкѣ. Во-первыхъ, я вовсе ничего не понимала въ строеніи, а во-вторыхъ, очень знала, что это будетъ источникомъ новыхъ непріятностей. Строя кое-какъ, только потеря денегъ, а строить какъ должно и дорого, и съ м. игуменьей сладить будетъ невозможно. Потому я и доложила святителю, что я въ постройкахъ не разумѣю и принять на себя этого послушанія не смѣю, а прошу его меня уволить. «Можетъ-ли быть», возразилъ владыко, «чтобы въ мірѣ, управляя большимъ имѣніемъ и домомъ, тебѣ не случалось ничего строить?»—«Однажды только перестроивала сарай, святый владыко». Видя, что дѣло не идетъ на ладъ, онъ меня отпустилъ, и какое рѣшеніе насчетъ стройки состоялось, не знаю. Только передѣлка была небольшая: потолокъ укрѣпили снизу брусьями, подвязавъ болтами, починили кое-какъ крышу, и то подъ присмотромъ купца Павла Григорьевича Цурикова. Его отецъ былъ человѣкъ добродѣтельный, имѣлъ мельницу и суконную маленькую фабричку въ нашемъ сосѣдствѣ, за пять верстъ, въ деревнѣ Ивановкѣ; онъ любилъ дѣлать милостыни, но тайно, часто и дѣти его о семъ не знали. И къ намъ ежегодно отъ *неизвѣстнаго* препровождалось нѣсколько подводъ съ годовымъ запасомъ гречневыхъ крупъ и солода, для трапезы и странниковъ. Открылось имя благотворителя въ день его кончины, когда сынъ его, наслѣдовавшій вполнѣ добродѣтели родителя своего, объявилъ м.-игу-

менъѣ о постигшей кончинѣ отца, прося поминовенія и молитвъ о душѣ его. Съ тѣхъ поръ и доселѣ онъ истинный попечитель и отецъ обители, но о семъ разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Назначеніе святымъ владыкою меня грѣшной къ постриженію въ мантію смутило матерь игуменью; ей пришла мысль: не на ея ли мѣсто меня готовитъ архипастырь? Въ этомъ мнѣніи поддержели ее приближенныя, и она съ этихъ поръ была постоянно раздражена на меня. Она медлила представленіемъ, время шло, при каждомъ случаѣ владыка ее понуждалъ, а она все болѣе и болѣе смущалась; но однако дѣлать было нечего, и представленіе сдѣлано.

Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ болѣзненное состояніе Юліи все дѣлалось хуже и хуже. Я не могла ходить за ней, ибо пріѣзжала въ Москву хотя и часто, но не болѣе двухъ или трехъ дней оставалась съ ней. Взгляну на умирающую Юлію, поскорблю и опять должна уѣхать. Въ концѣ Ноября мѣсяца была я въ Москвѣ и застала ее въ страшныхъ страданіяхъ: чахотка соединилась съ водянкой, и она ни одной минуты не имѣла покоя. Послѣднее лѣто жила она на Перервѣ, по благословенію владыки, и ее оттуда привезли умирающую. Я не могу подробно описать послѣдніе дни жизни ея, сама не была при ней, а что̀ слышала, то помню неясно и боюсь перепутать. А только скажу, что видѣла и слышала отъ нея въ послѣднее ея свиданіе со мной. Увидя меня, она какъ бы ожила и не отпускала меня ни на минуту. Я провела ночь около нея; по временамъ страхъ находилъ на нее. «Отчего,» спросила я, «родная моя, вы страшитесь? Господь всегда являлъ вамъ Свою великую милость, и теперь васъ всячески спасетъ и помилуетъ».—«Ахъ, Дуня,» отвѣчала она, «какое на меня ужасное искушеніе! Я видѣла врага въ видѣ человѣка; онъ предлагалъ мнѣ здоровье, жизнь, всѣ блага, лишь бы я творила его волю; я отвергла и чувствовала его удары по всему тѣлу. Твори, Дуня, молитву и не отходи отъ меня». Духовникъ ея С. Г. Терновскій посѣтилъ ее и утѣшалъ, сказавъ, что симъ она не лишается спасенія, что сильнымъ и сильныя искушенія бываютъ. «Надѣйся на Бога, и, какъ въ горнилѣ очищенная, душа твоя предстанетъ свѣтла предъ Господа.» Болящая умоляла меня еще остаться при ней, но послушаніе требовало возвращенія въ обитель, и хотя съ растерзаннымъ сердцемъ, я должна была предпочесть долгъ всему другому. Черезъ два или три дня по моемъ отъѣздѣ пришло извѣстіе о ея кончинѣ, послѣдовавшей 26-го Ноября 1853 года. Я должна была къ 1 Декабря быть въ Москвѣ, чтобы поздравить съ ангеломъ владыку-митрополита. Мать-игуменья отпустила меня ранѣе срока къ погребенію умершей страдалицы. Описать трудно, что̀ чувствовало мое бѣдное сердце. Новая глубокая рана и едва

ли исцѣлимая? Я не умѣю тебѣ разсказать, что̀ я дѣлала, какъ скорбѣла, и во мнѣ все какъ-то замерло, и мнѣ казалось, что и не слишкомъ жаль ея. А вездѣ было пусто и ничтожно, ни отъ кого ничего я не ожидала, ко всему я равнодушна! Когда я явилась съ поздравленіемъ отъ обители ко святителю и едва успѣла его выговорить, я возчувствовала всю скорбь свою, ибо знала, что онъ пойметъ ее, сама не помню, какъ упала къ стопамъ его съ горькими слезами, говоря, что теперь онъ у меня одинъ отецъ и наставникъ, что Господь отнялъ у меня утѣшеніе и всякую опору. Не умѣю передать словъ архипастыря и отца; но съ тѣхъ поръ онъ усугубилъ свою милость ко мнѣ грѣшной, часто бесѣдовалъ о усопшей страдалицѣ и подкрѣплялъ мое малодушіе въ перенесеніи этой скорби. Но премилосердый Господь, вѣдая сердца человѣческія, Самъ и врачуетъ тѣмъ, что̀ кому потребно. Скорбь объ утратѣ сокровища духовнаго Онъ разсѣялъ скорбію и смятеніемъ, направя путь мой къ новой заботѣ во всѣхъ отношеніяхъ.

Указъ о построеніи полученъ былъ скорѣе обыкновеннаго; но мать-игуменья, всегда смущенная, молчала о семъ. Въ Январѣ 1854 года она по обычаю отправилась съ отчетомъ, и владыка рѣшительно приказалъ ей совершить постриженіе и дать мнѣ имя Евгеніи, что̀ было говорено въ моемъ присутствіи. Подъ разными предлогами еще медлили и наконецъ дождались великаго поста. На первой недѣлѣ, когда всѣ мы говѣли, изъ суда пришла бумага по тяжебному дѣлу, и надо было отправиться въ Звенигородъ. Я зашла въ Саввинъ монастырь къ отцу намѣстнику и нашему духовнику отцу Николаю, въ Четвертокъ. Онъ весьма удивился, поворчалъ на мать-игуменію, что не во время посылаетъ, взялъ меня къ себѣ въ келью, поговорили, и я между прочимъ сказала ему, что постриженіе назначено на этой седьмицѣ, но что я смущаюсь, ибо пропустила службу цѣлаго дня. Онъ приказалъ готовиться къ Воскресенью. «А какъ тебя назвать?» спросилъ онъ. «Какъ вамъ угодно, батюшка,» сказала я. Простилась и, возвратясь къ себѣ въ обитель, объяснила матери-игуменьѣ, что я была у о. духовника, что онъ спрашивалъ, какое имя дать, что я оставила на его волю, ибо мнѣ было неловко и совѣстно о себѣ объяснять владыкино назначеніе и волю, «то вы, матушка, передайте все сами о. духовнику». Не знаю, почему она не объяснила ему о моемъ имени, вѣроятно отъ смущенія и разстройства, а только ему передала, какъ назвать рясофорную послушницу, которая готовилась къ малому образу въ этотъ же день. Надо сказать, что еще заранѣе я просила мать Евфросинью быть мнѣ матерью отъ Евангелія, чего не желала мать-игуменья, а мнѣ было не въ совѣсть изъ человѣкоугодія остановиться на выборѣ м. игуменіи, а оставить старицу, которую я почитала и которая сама меня любила

и всячески обо мнѣ заботилась. Къ тому же икону къ постриженію взяли Юліину (меня благословила), а не ту, что̀ мать игуменья дала при вступленіи. Все сіе раздражило матушку, да присныя еще прибавили, то и не мудрено понять ея тревожное состояніе. Настало время постриженія, надо вести уже въ церковь; вдругъ тревога: горитъ столярная; бѣготня, волненіе, но, слава Богу, скоро затушили. Вывели въ церковь, подвели къ налою, послѣ оглашенія духовникъ нарекаетъ имя *Елисавета*, мать-игуменья кричитъ: «*Евгенія.*» Какъ они спорили, я не слыхала почти (не до того было), но кончилось тѣмъ, что я осталась *Елисаветой*. Что̀ они дѣлали послѣ обѣдни, не знаю; моя умная старица ничего мнѣ не говорила, а только блюла, чтобы поддержать во мнѣ миръ душевный и молитвенное состояніе. Такъ въ духовномъ утѣшеніи и молитвѣ протекли въ церкви пять сутокъ. Вывели наконецъ плохаго воина на брань съ міромъ, плотію и дьяволомъ. Узнала я, что мать - игуменья отправила обычное донесеніе въ Московскую Духовную Консисторію, что постриженіе совершено, и имя наречено Елисавета. Владыка дѣлаетъ запросъ, почему сдѣлано вопреки его приказанію, а не Евгеніей наречена новопостриженная. Тогда наши монастырскіе совѣтники стали путать, что вѣроятно о. духовникъ имѣлъ откровеніе о имени или отъ старости не разслыхалъ, что̀ мать-игуменья ему говорила. О. духовника вызвали въ Консисторію къ допросу. Онъ былъ старецъ простой и прямодушный, все объяснилъ, какъ было и прибавилъ: «я никакого видѣнія не имѣлъ, а Евдокія живетъ просто, я и назвалъ ее просто.» Святый владыка, конечно, понялъ, что тутъ дѣйствовало раздраженіе, дѣло прекратилъ и замолкъ, а между тѣмъ приказалъ Е. А. Мухановой меня спросить, какъ все сіе происходило. Я, что̀ могла, отвѣчала, а инаго, право, не слыхала и не внимала. Святитель удовлетворился отвѣтомъ и выразилъ Мухановой: «Бывшая Евдокія права. Не ей должно было объяснять мою о ней волю; она по-монашески поступила: себя не должно выставлять ни передъ кѣмъ и никогда!» Настала Пасха, и мать игуменья отправилась уже съ Надеждой Николаевной Макаровой (поступившей нѣсколько только мѣсяцевъ до меня въ обитель) къ владыкѣ со св. артосомъ. Онъ принялъ ее очень милостиво и отпустилъ съ миромъ; но вслѣдъ за ней послалъ къ ней же предписаніе, чтобы новопостриженная монахиня Елисавета-Евгенія явилась со старшей монахиней монастыря къ Субботѣ, т. е. 24 Апрѣля, на подворье. Мать игуменья ужасно смутилась, тѣмъ болѣе что посланный объявилъ за тайну, что вашу новую монахиню хотятъ ставить въ игуменьи, только не знаю куда. Въ это время скончалась игуменья Дѣвичья монастыря, и дѣлалось большое перемѣщеніе настоятельницъ. За мной и за матерью Евфросиньей послали кучера вер-

хомъ, который и засталъ насъ за обѣденной трапезой. Всѣ пришли въ смятеніе, воображая, что и насъ вмѣстѣ съ матерью-игуменьей требуютъ къ суду *объ имени*; а иныя догадывались: ужъ Елисавету не въ игуменьи-ли куда? Кто отъ страха доносовъ, кто по недоброжелательству, но никто насъ смущенныхъ не проводилъ, только Евдокія Алексѣевна да безумная Матренушка. Собрались въ полчаса, едва кучеръ успѣлъ пообѣдать да другую лошадь въ телѣгу заложить. Я ничего съ собою не взяла кромѣ камилавки, а въ чемъ дома была, въ томъ и отправилась. Къ вечеру пріѣзжаемъ въ Москву. М.-игуменья и не смотритъ на насъ. «Завтра вамъ обѣимъ надо на подворьѣ быть къ 10 часамъ». Болѣе разговора не было. Рано утромъ встали съ матерью, другъ друга старались ободрить и пѣшкомъ потащились на Троицкое подворье. Доложили святителю. Мать оставили въ передней, меня позвали. По обычаю, помолясь, принимаю благословеніе. «Садись», сказалъ владыка, «какъ у васъ произошло смятеніе о назначенномъ тебѣ имени?» Я отвѣчала, что̀ подробно не могу доложить, ибо не слыхала ясно ихъ рѣчей (мысль болѣе была погружена въ предстоящее мнѣ великое дѣло), а повторила тоже, что̀ и Екатеринѣ писала. Владыка сказалъ: «Безъ сомнѣнія всѣ святые святы и всѣ имена равны; но ты не погнѣваешься на меня, ежели я тебѣ перемѣню имя?»—Какъ будетъ вамъ благоугодно», отвѣчала я, «святый владыко; но мнѣ будетъ жаль моего имени, я съ нимъ свыклась уже, оно досталось мнѣ съ крестомъ.»—«Съ какимъ?»—«Сопряжены были конечно со всѣмъ этимъ смятеніе и непріятность; впрочемъ никогда и ни въ чемъ прекословить не смѣю, владыко святый.» — «Подобное случилось при митрополитѣ Платонѣ. Іеродіакону, во время постриженія, дано было имя (я не помню какое, очень мудреное, назвалъ владыко), митрополиту не понравилось, и онъ его измѣнилъ при служеніи на другое.» — «Какъ вамъ угодно, святый владыко». Святитель пристально и съ улыбкой смотрѣлъ на меня.—«Скажи мнѣ, кто могъ бы годиться въ настоятельницы изъ вашего монастыря?»—«Не знаю и не умѣю сказать, святый владыко».—«Однако?»—«Кажется никто. М. Евфросинья не глупая и правдивая, но книжнаго образованія никакого, писать не умѣетъ.»—«А еще нѣтъ-ли кого?»—«Не знаю, владыко святый». Владыка продолжалъ: «Игуменья мнѣ сказала, что ты послѣ постриженія еще не говѣла; исповѣдайся, а завтра, въ Воскресенье, приходи къ обѣднѣ, я буду служить, перемѣню тебѣ имя и пріобщу тебя». «Владыко святый, м.-игуменья смутится.» — «А мнѣ что̀ за-дѣло до твоей игуменьи? Есть-ли у тебя кто знакомый изъ духовныхъ?»—«Протоіерей отъ Троицы на Арбатѣ, духовникъ почти съ дѣтства моего и всей нашей семьи.»—«Хорошо, пойди къ нему и моимъ именемъ скажи, чтобы онъ тебя исповѣдалъ;

а игуменьѣ скажи, что ежели желаетъ, можетъ съ тобою завтра придти въ церковь. Иди съ Богомъ!» Въ недоумѣніи и смущеніи возвратились мы къ м.-игуменьѣ. Я передала о приказаніи владыки, но не упомянула о томъ, что можетъ придти со мною: смутно меня тревожила мысль, не будетъ-ли поставленія въ игуменьи и, зная ее, боялась или истерики или чего подобнаго. Она мнѣ ничего не отвѣчала, а своимъ приближеннымъ дала замѣтить, что вѣроятно митрополитъ хочетъ поставить меня въ игуменьи. Вечеромъ исповѣдалась я у Сергѣя Ивановича, взяла форменное донесеніе, что получила разрѣшеніе, и пошли мы съ м. Евфросиньей пѣшкомъ на подворье, а потомъ, видя, что близко къ 9 часамъ, взяли извозчика и явились прямо къ помощнику секретаря Николаю Васильевичу Данилову, чтобы онъ передалъ донесеніе Сергѣя Ивановича. Самъ секретарь уже былъ старъ и, кажется, въ ударѣ, дѣлами не правилъ, но все занималъ свои комнаты и званіе секретаря. Едва вошли мы къ Николаю Васильевичу, онъ проситъ садиться меня на диванъ и подходитъ къ ручкѣ. Я не опомнилась. Чтò съ нимъ? думала я. Всегда онъ обращается съ нашей братіей весьма запросто; чтò значитъ эта учтивость? Пошли на верхъ. Бѣжитъ келейникъ его высокопреосвященства съ извѣстіемъ, что владыка уже раза три спрашивалъ, пришли-ли мы? И опять побѣжалъ доложить, что мы явились. Вижу, необычайная суета; всѣ бѣгаютъ, шепчутся; я себя не помню. О. Парѳеній, старикъ-келейникъ владыки, обратясь къ м. Евфросиньѣ, спрашиваетъ: «А мантія гдѣ?» — «А развѣ нужно? Съ нами нѣтъ мантіи». Скорѣе послали куда-то въ ближайшій монастырь, принесли. Надѣваю, едва не до колѣнъ, ряса поношенная, покрывало старое, даже съ дыркой на лбу. Но мнѣ было не до того: волненіе, страхъ одолѣвали меня, мысль о поставленіи въ настоятельство тискалась въ голову; но я, какъ вражіе наитіе, отгоняла ее молитвой; однимъ словомъ, была едва живая отъ тревоги. Въ это время несутъ посохъ. Я все поняла и, видно, измѣненіе въ лицѣ такъ было примѣтно, что о. Парѳеній сталъ меня уговаривать. «Не бойся, матушка», говорилъ онъ, «это благодать Господня». — «Не хочу я этой благодати. Бога ради, подите, скажите владыкѣ, прежде чѣмъ идти въ церковь, чтобы онъ дозволилъ войти къ нему.» — «Это невозможно: владыка готовится къ служенію». — «Не могу иначе пріобщаться». Надо было уступить моему безумію. Пошелъ Парѳеній; выходитъ и говоритъ мнѣ, что владыка приказалъ подойти къ нему, когда пойдутъ черезъ залъ и сказать, чтò мнѣ нужно. Черезъ нѣсколько минутъ двери изъ зала въ переднюю, гдѣ мы сидѣли, отворились, и святитель, окруженный сослужащими, какъ свѣтлый ангелъ, шелъ приносить безкровную жертву Господеви Богу своему. Онъ остановился. Я почти потеряла чувство, сижу на

лавкѣ, ни съ мѣста, ноги не двигаются. Святитель ждетъ. Наконецъ, не помню какъ, я очутилась около него. «Чтò такое, чтò это значитъ?» повторяла я несвязно.—«Ничего. Игуменья Анастасія переводится въ Серпуховской Владычній монастырь; ты должна занять ея мѣсто». Сказавъ это, прошелъ мимо меня въ церковь. Я окаменѣла безъ сознанія, безъ мысли; сама не знаю, какъ и кто повелъ меня въ церковь и поставилъ у окошечка, гдѣ обыкновенно ставятъ поставляемыхъ; была со мною одна м. Евфросинья, никого изъ монашествующихъ. Обѣ мы ничего не вѣдали, ни порядка посвященія, ни обычая подворскаго. Когда, во время литургіи уже, святитель прочелъ молитву посвященія и нарекъ обитель св. мучениковъ Бориса и Глѣба, все разъяснилось, и Надежда Николаевна, посланная м.-игуменьей узнать о совершающемся, подошла поздравить меня. Я, помня только, что владыка сказалъ игуменьѣ придти со мной, а я о семъ умолчала, прямо говорю Надеждѣ Николаевнѣ: «Передай все м.-игуменьѣ и скажи, чтобы ѣхала домой сегодня же», чтò она исполнила съ обычною ей точностію, какъ и всегда. Какъ я пріобщалась Св. Таинъ, не могу себѣ дать отчета, точно во снѣ. По окончаніи литургіи, св. владыка вручилъ мнѣ посохъ, сказавъ въ краткихъ словахъ поученіе. Не умѣю передать его слово въ слово. Онъ говорилъ, что «такъ какъ Св. Григорій Назіанзинъ передалъ престолъ святительства сыну своему Григорію Богослову, такъ и бабка твоя передаетъ тебѣ обитель ею устроенную; блюди ее, подражай смиренію въ Бозѣ почившей основательницы, держи ея правила»; а остальнаго не помню: я слишкомъ была поражена, чтобы подробно удержать въ мысли сказанное. Всѣ вышли изъ церкви. Прочли мнѣ благодарную молитву по пріобщеніи. Не знаю, куда мнѣ дѣваться; одинъ говоритъ такъ, другой иначе; наконецъ, попадается вѣрный и постоянный служитель владыки Яковъ Ѳедоровичъ; у него спросили; онъ доложилъ и принесъ отвѣтъ, чтобы нынѣ отдохнула, а завтра въ 10 часовъ пришла бы. Выхожу въ переднюю—вся полна разнаго рода людьми: іеродіаконы, служки, пѣвчіе, кучера, повара; однимъ словомъ, все подворье. Всѣ поздравляютъ, а чѣмъ благодарить? Нужны деньги, а у насъ обѣихъ нѣтъ ничего. Я смутилась, а моя старица преспокойно имъ говоритъ: «Батюшки, простите, Бога ради; у насъ нѣтъ ничего, у обѣихъ только три гривенника».—«А экипажъ прикажете подать?» кто-то спросилъ. «И, отецъ мой; да мы сюда притащились половину дороги пѣшкомъ, а то на извозчикѣ. Ужъ послѣ новая игуменья васъ поблагодаритъ». Всѣ разсмѣялись и разошлись. Едва дошла я до двери стараго секретаря, встрѣчаю Любовь Яковлевну (жену о. духовника Сергія Ивановича), идетъ отъ него, а онъ провожаетъ ее, зоветъ и насъ къ себѣ. «Поздравляю тебя, матушка», сказалъ доб-

рый старикъ-секретарь, «тебя, какъ св. Александра Угольника, взяли съ угольной ямы; дай Богъ тебѣ достигнуть въ его мѣру. Любовь Яковлевна, сжалься надъ игуменьей, возьми ее въ свою пролетку.» Любовь Яковлевна обняла меня со слезами; она была въ церкви и все видѣла, посадила съ собой. М. Ефросинія сѣла на извозчика, и всѣ явились къ о. духовнику, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ жены, ибо послалъ ее узнать, что̀ будетъ со мной. Старецъ съ отеческою любовью встрѣтилъ меня, и до отъѣзда въ обитель я у него прожила.

Исполняя приказаніе, я на другой день отправилась на подворье. Владыка принялъ меня въ длинной комнатѣ. Когда я вошла, онъ пристально смотрѣлъ на меня. «Кто тебѣ сказалъ о твоемъ поставленіи?»—«Никто, святый владыко; я догадалась, когда увидѣла, что принесли посохъ». Святитель улыбался во все время; казалось и ему самому страннымъ, какъ все это совершилось. «А гдѣ игуменья, почему не пришла съ тобою вчера?»—«Она уѣхала въ обитель; я думаю, для нея весьма тяжела эта перемѣна».—«Тебѣ по всему еще бы рано занять новую твою должность, но никто къ вамъ не идетъ: и сурово, и скудно». Я до того оробѣла, что рѣшительно не находила словъ, а благодарить мнѣ казалось безсмысленно. «Пробудь здѣсь», продолжалъ святитель, «пока получишь указъ изъ консисторіи на принятіе монастыря. А кого ты желаешь для ввода въ обитель, благочиннаго вашего, или Саввинскаго намѣстника?»—«Дозвольте, святый владыко, Саввинскаго о. намѣстника; онъ же намъ и духовникъ. Все обойдется простѣе».—«А сумѣетъ-ли онъ защитить тебя, ежели въ пріемѣ обители будутъ какіе недостатки и недоразумѣнія?»—«Я надѣюсь, владыко святый, что будетъ мирно; но ежели бы что̀ и случилось, о. намѣстникъ никакъ не дастъ меня въ обиду».—«Пока будешь въ Москвѣ ожидать указа, побывай у всѣхъ игуменій».—«Владыко святый, я никого изъ нихъ не знаю; что̀ же мнѣ съ ними говорить?»—«Проси ихъ молиться, для прохожденія новаго для тебя поприща». Потомъ наставлялъ, какъ въ духѣ кротости и смиренія должно себя держать и стараться любовію привлечь къ себѣ сестеръ обители, какъ поддержать правило общежитія и водворить порядокъ, бывшій при покойной бабушкѣ, и все говорилъ съ отеческою милостію и любовью.

Наконецъ, я получила указъ, приняла благословеніе архипастыря, расплатилась за всѣ поздравленія и отправилась въ сборномъ экипажѣ въ обитель, т.-е. лошади сестеръ Озеровыхъ, кучеръ взятъ Глѣбова, тарантасъ дяди кн. Мещерскаго, а сзади привязанъ былъ мѣшокъ луку, ибо въ обители не было на сѣмена, а время было садить его.

Трудно описать весь страхъ, который одолѣвалъ меня, когда я подъѣзжала къ монастырю. Проживши четыре года, я знала настроеніе

сколько начальствующихъ, столько всѣхъ прочихъ; понимала, какой подвигъ терпѣнія предстоитъ во всѣхъ отношеніяхъ; о скудости и говорить нечего. Но все было рѣшено, и надо было вступать въ поприще. Подъѣхали къ воротамъ обители, гдѣ намѣстникъ Саввинскій о. Николай, наше монастырское духовенство съ крестомъ и св. иконами, м.-игуменья съ посохомъ, казначея съ хлѣбомъ и солью и всѣ сестры ожидали меня. Не помню, какъ я вышла изъ тарантаса, приложилась къ св. иконамъ; м.-игуменья подала мнѣ посохъ, сказавъ, что передаетъ обитель моему попеченію. Мы одна другой поклонились въ ноги. Пошли въ церковь, прочли указъ, поставили меня на игуменское мѣсто, литія, многолѣтіе, вечерня, и потомъ я отправилась въ кельи настоятельскія, гдѣ была приготовлена закуска. М.-игуменья не пошла; казначея, кажется, тоже. Затѣмъ всенощная, ибо пришлось мое прибытіе 1-го Мая, наканунѣ храмового праздника святыхъ благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба. Литургія на другой день и завтракъ были сопровождены также смущеніемъ, чего и ожидать было должно.

*

„Болящая Юлія“—главное лицо въ судьбѣ досточтимой игуменьи Евгеніи, съ которою познакомились теперь читатели „Русскаго Архива“, лицо необыкновенное и таинственное. Это Юлія Николаевна Петрова. Вѣроятно, когда-нибудь отыщется упоминаемое игуменьей Евгеніей жизнеописаніе ея, въ бумагахъ, оставшихся послѣ Прасковьи Алексѣевны Мухановой (и къ сожалѣнію разошедшихся по рукамъ, кромѣ тѣхъ, которыя переданы ею на храненіе въ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). „Болящая Юлія“ принадлежитъ къ тому ряду явленій и къ той области, которые внушили вѣщему поэту стихи про тихій, свѣтлый ключъ, утоляющій духовную жажду Русскаго народа:

И онъ течетъ неизсякаемъ,
Какъ тайна жизни невидимъ,
И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
Лишь Богу, да Его святымъ.

Въ Москвѣ еще живы многіе, знавшіе „болящую Юлію“, именно въ томъ видѣ, какъ она изображена игуменьею Евгеніей. Митрополитъ Филаретъ многократно упоминаетъ о ней въ своихъ письмахъ, изданныхъ архіепископомъ Саввою (Тверь 1888); а въ письмѣ его къ Троицкому архимандриту Антонію, недовѣрчиво относившемуся къ Юліи, отъ 11-го Октября 1855 года (съ помѣтою *весьма секретно*) читаемъ:

„*О Петровой* мало я говорилъ вамъ, потому что вамъ ея состояніе не казалось хорошимъ, а мнѣ казалось хорошимъ, хотя и не совершеннымъ; и я не хотѣлъ опираться на свое мнѣніе. Но я зналъ о ней немало примѣчательнаго. Не задолго до своей смерти, въ болѣзни, она видѣла себя

въ путешествіи въ Кіевъ. Имѣла потомъ значительное облегченіе и имѣла, кажется, надежду, что видѣнное сбудется; однако не сбылось. Но иное сбывалось необыкновеннымъ образомъ. Съ нею бывало такое состояніе, что она видѣла въ духовномъ мірѣ, сохраняя сознаніе видимаго, чувственнаго міра, и тогда скрывала видѣнное въ духовномъ мірѣ; но иногда теряла при семъ сознаніе видимаго міра, и ея необыкновенное состояніе могло быть примѣчено. Для сего старались удалять отъ нея постороннихъ; но одна хрістіанская подруга ея *) имѣла къ ней всегда безпрепятственный входъ. Такимъ образомъ однажды, вошедши къ ней, услышала, что она уговариваетъ султана не начинать войны съ Россіей. Это было гораздо ранѣе посольства князя Меншикова, когда никто не думалъ о войнѣ съ Турціей. Года за два или за три до кончины покойнаго Императора она говорила, что жизнь его не продолжится и что врачъ не безъ вины будетъ.

О видѣніи Преподобнаго Сергія въ ризницѣ она мнѣ написала записку, сказавъ, что видѣла во снѣ, какъ обыкновенно выражалась, когда открывала нѣчто изъ своихъ видѣній. Къ преподобному Сергію она имѣла особенную вѣру и признавала многія отъ него ей милости. Въ первое время болѣзни моей матушки она прислала мнѣ просфору, принесенную за ея здравіе, съ запискою, въ которой сказала, что это послѣдняя изъ сорока, ежедневно приносимыхъ, и что это ей велѣно было сдѣлать. Мнѣ примѣтно было, что матушка проходила въ сіе время нѣкоторое душевное состояніе, которому особенно приличествовала молитвенная помощь и которое потомъ перемѣнилось на лучшее. Несомнѣнно вѣрное слово: Пришедшу слову, познáютъ пророка“ (Іерем. 28, 9).

Конечно, о видѣніи этой же бѣдной Харьковской дворянки (поселившейся съ 1841 года въ Москвѣ для излѣченія отъ болѣзни) Филаретъ говоритъ въ достопамятномъ и доселѣ необъясненномъ письмѣ своемъ къ императору Александру Николаевичу, писанномъ въ Апрѣлѣ 1866 года (Собраніе мнѣній м. Филарета, т. V, ч. 2-я, С.-Пб, 1888, стр. 881-я).

Духовникомъ „болящей Юліи“ былъ протоіерей Сергій Григорьевичъ Терновскій, чтó у Серпуховскихъ воротъ. Невольно вспоминается намъ другая духовная его дочь, дѣвица Марья Васильевна Киреевская († 11 Сентября 1859), сестра извѣстныхъ писателей: отъ нея, какъ и отъ игуменьи Евгеніи, вѣяло святынею живой вѣры; да и въ общественномъ и семейномъ положеніи обѣихъ было сходство. П. Б.

---

*) Вѣроятно говорится про Екатерину Алексѣевну Муханову, сестру Прасковьи Алексѣевны. Когда Екатерина Алексѣевна скончалась, митрополитъ Филаретъ безъ зова пріѣхалъ къ Мухановымъ въ домъ ихъ на Остоженку и отслужилъ панихиду. П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ЯКОВА ИВАНОВИЧА БУЛГАКОВА КЪ СТАРШЕМУ ЕГО СЫНУ АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ [1]).

6 Февраля 1802.

Радуюсь, что вы сами чувствуете милость къ себѣ вашихъ хозяевъ [2]), но еще повторяю быть осторожными и не употреблять ея во зло. Хотя князья вамъ все даютъ и даже карету свою, знать однакожъ надобно честь и лошадей не мучить. Здѣсь негодовали на васъ только извощики и иногда стоило моему карману; но тамъ надлежитъ стараться даже избѣгать мысли, что вы жадны пользоваться предлагаемыми одолженіями.

*

24 Февраля 1802, Москва.

Я весьма согласенъ съ распоряженіемъ графа Кочубея и радъ буду, ежели тебя пошлютъ во Флоренцію или въ Неаполь съ жалованьемъ, а брата оставятъ до времени въ Вѣнѣ. Ни Кочубей, ни Пини мнѣ не отвѣчали, а получилъ я преласковый и долгій отвѣтъ отъ кн. Александра Борисовича [3]), къ которому онъ своею рукою приписалъ: «По написаніи уже сего сдѣлался я въ состояніи сказать вамъ о большой вѣроятности, что безъ продолженія времени большой сынъ вашъ употребленъ будетъ при Неаполитанской миссіи нашей, но только на первый случай, на окладѣ 400 ефимковъ въ годъ. Потомъ буду стараться о помѣщеніи меньшаго».

*

---

[1]) А. Я. Булгаковъ, столь извѣстный Москвѣ, гдѣ онъ въ теченіи многихъ лѣтъ служилъ почтдиректоромъ и потомъ сенаторомъ, род. 15 (26) Ноября 1781, въ Перѣ, скончался въ 1863 году, въ Дрезденѣ, гдѣ и похороненъ. Письма къ нему отца его начинаются съ того времени, какъ онъ отправился въ Петербургъ на службу въ новоучрежденномъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Съ отцомъ его и братомъ читатели „Русскаго Архива" нынѣшняго года уже знакомы.

[2]) Т. е. княгини Александры Николаевны (дочери князя Репнина) и князя Григорія Семеновича Волконскихъ. Они жили въ томъ домѣ на Мойкѣ, въ которомъ умеръ Пушкинъ и который принадлежитъ нынѣ ихъ правнуку, свѣтлѣйшему князю Петру Дмитріевичу Волконскому.

[3]) Куракина, въ то время вице-канцлера.

Москва, 27 Февраля 1802.

Я тѣмъ утѣшаюсь, когда могу тебѣ дать какой совѣтъ, какъ человѣку молодому, совсѣмъ еще не знающему свѣта. Въ твоихъ глазахъ все блеститъ, но все обманчиво. Для многихъ причинъ я бы самъ предпочелъ Неаполь. Въ Вѣнѣ столько набито посольства, что твоей службы не было бы видно: а тутъ ты себя можешь показать и скоро выдти въ люди. Италинскаго[1]) я совсѣмъ не знаю; но, кажется, поѣхалъ туда министромъ князь Гагаринъ [2]) или, можетъ быть, я ошибаюсь. Станется, что посланъ онъ къ королю Сардинскому, который живетъ въ Неаполѣ. Король-же Неаполитанскій и понынѣ въ Сициліи, и вѣроятно, что и вамъ туда ѣхать. Первымъ правиломъ долженъ ты себѣ поставить—понравиться министру; а ему понравиться нельзя иначе, какъ исправностію, прилежаніемъ и почтеніемъ. Не худо, ежели бы ты выпросилъ рекомендаціи къ нему отъ князя А. Б. Куракина и графа Кочубея. Они будутъ тебѣ весьма полезны, потому что онъ, видя ихъ интересующихся въ тебѣ, больше уважать тебя будетъ, и имъ въ угодность можетъ, спустя годъ, сдѣлать о тебѣ представленіе. Другое мое примѣчаніе для тебя есть слѣдующее: всѣ Итальянцы и особливо Неаполитанцы, я разумѣю вообще народъ, горячи, скоры, запальчивы, ревнивы и мстительны; посему надлежитъ избѣгать всячески споровъ, кои всегда доводятъ до ссоръ, а ссоры обыкновенно кончатся тамъ кинжаломъ сзади, ночью, на улицѣ. Слѣдовательно, берегись сего и никогда по ночамъ не ходи. Тамъ обыкновенная цѣна убить человѣка—два червонныхъ. Ежели дюкъ Серра-Капріола [3]) дастъ тебѣ письма, или кто другой, ты не можешь ихъ отдать безъ позволенія министра и долженъ ему ихъ показать.

Во всю мою жизнь желалъ я видѣть Италію, которую почти одну въ Европѣ не видалъ изъ заслуживающихъ того земель. Теперь сія надежда воскресаетъ; кто знаетъ, не соберусь ли я предпріять сей путь въ будущемъ году? Нужны для сего только здоровье и деньги. Съ какимъ-бы удовольствіемъ обнялъ я моего милаго Александра! Но все отъ Бога зависитъ. Крымскую деревню я продалъ; а ежели въ Бѣлоруссіи продамъ 1000 душъ, то отъ всѣхъ долговъ освобожусь и могу ѣздить, куда хочу.

Еще пришли мнѣ на мысль двѣ вещи, о коихъ нужно тебѣ знать. 1) Ѣдучи курьеромъ съ депешами, должно ихъ имѣть на себѣ и днемъ

[1]) Андрей Яковлевичъ Италинскій (Запорожецъ по происхожденію), одинъ изъ достопамятныхъ нашихъ дипломатовъ, учился въ Англіи. См. о немъ и его письма въ XX-й книгѣ „Архива Князя Воронцова".

[2]) Ген.-адъютантъ князь Павелъ Гавриловичъ.

[3]) Неаполитанскій посланникъ въ Петербургѣ.

и ночью въ сумкѣ, и для сего надлежитъ ею запастись, даже съ ключемъ, и никогда съ себя не снимать. Ежели случится несчастіе какъ нибудь потерять, то сіе пятно во всю жизнь не можетъ быть забыто. Депешъ никому не ввѣрять и отдать въ руки тому одному, на чье имя онѣ адресованы. 2) Есть указъ — не выпускать золота за границу кромѣ денегъ, нужныхъ на прогоны; по сей причинѣ лишніе червонные надлежитъ спрятать на себѣ и не показывать, хотя сія строгость и мало наблюдается.

*

10 Марта 1802.

Въ «Вѣстникѣ Европы» Карамзина № 4-й. «Какой день или семь женщинъ». Ежели ты не читалъ, прошу прочесть со вниманіемъ; а я не знаю портрета жизни человѣческой, который бы походилъ больше на правду, и совѣтую его помнить.

*

13 Марта 1802.

Радъ, что графъ Панинъ даетъ рекомендацію къ Италинскому; но ежели можешь достать оныя отъ гр. Кочубея, отъ кн. Куракина и другихъ, то старайся о томъ: имъ сіе ничего не стòитъ, а тебѣ весьма поможетъ.

*

Москва, 24 Марта 1802.

Тебѣ сначала вездѣ будетъ грустно; но когда пріѣдешь на мѣсто, осмотришься, расположишься, то мало-по-малу сія грусть начнетъ уменьшаться. Другой способъ ее уменьшить и совсѣмъ прогнать есть то, чтобы не быть никогда празднымъ и ежечасно чѣмъ нибудь заниматься. Должность твоя потребуетъ отъ тебя дня въ недѣлю, то есть почтоваго, а въ прочіе и дѣлать нечего. И такъ совѣтую тебѣ учиться чему нибудь, всего полезнѣе—Аглинскому языку, потомъ музыкѣ, живописи и даже пѣнію. Все сіе учинитъ тебя пріятнымъ въ обществѣ; а ты уже имѣешь къ тому начàла, способность, лишь бы была охота.

Ты никогда не долженъ забыть милостей князя Ал. Бор. Письмо, тебѣ отъ него данное, таково, что не могъ бы онъ дать лучше своему сыну. Хотя приказаніе писать къ нему есть только новая ласка, но ты долженъ отписать. Ежели успѣю, приложу тебѣ образчикъ. Хорошо, что и Багратіонъ[1]) тебѣ далъ письмо. Графиня Скавронская[2]) есть дочь

---

[1]) Очевидно, въ Вѣну, гдѣ жила супруга прославившагося позднѣе князя П. И. Багратіона, ур. графиня Скавронская.

[2]) Графиня Марья Николаевна (ум. 1805), супруга графа Мартына Карловича Скавронскаго, мать бывшаго нашего посланника въ Неаполѣ, графа Павла Мартыновича.

барона Николая Григорьевича Строганова, который былъ покровитель моего отца. Первымъ твоимъ стараніемъ быть должно понравиться начальнику, а сіе можешь пріобрѣсть прилежностію, скромностію и послушаніемъ. Счастливая мысль—портретъ; хотя бы оный и былъ у него, но уже одна аттенція ему полюбится. Ты ошибаешься, любуясь Неаполемъ. Тебѣ должно ѣхать въ Палерму, ежели тамъ министръ; но надѣюсь, что и король въ Неаполь возвратится, когда миръ заключенъ будетъ. Переѣздъ моремъ недалекъ, но часто опасенъ отъ Алжирцовъ. Уповательно однако, что для безопасности двора приняты мѣры предосторожности.

Совѣтую тебѣ держать журналъ или записку, въ которой всякой день ввечеру вноси, гдѣ былъ и что̀ дѣлалъ. Сіе можетъ быть полезно и со временемъ утѣшительно, а часто и нужно для справокъ. Я теперь по таковой запискѣ, продолжаемой отъ сорока лѣтъ, могу сочинить почти всю мою жизнь, припомнить моихъ друзей и знакомыхъ и пр.[1])

*

Москва, 26 Мая 1802.

Съ Кассиніемъ веди хотя изрѣдка переписку. Сей человѣкъ ко мнѣ привязанъ, ибо я ему доставилъ и нынѣшнее мѣсто; изъ Итальянцевъ весьма честный человѣкъ и въ случаѣ можетъ тебѣ быть полезенъ. Въ Неаполѣ, при кн. Гагаринѣ, который отозванъ, а на мѣсто его назначенъ Лизакевичъ[2]), находился сынъ пріятеля моего Санковскаго. Познакомься съ нимъ, ежели онъ хорошаго поведенія.

Княжна Дарья Николаевна [3]) едва не ушла съ Каленбергомъ, котораго выслали изъ дома. Она тѣмъ не удовольствовалась, просила объ опекунахъ, кои уже и назначены указомъ. Княжна Софья Григорьевна идетъ за князя Волконскаго, генералъ-адъютанта Государева[4]).

*

14 Іюля 1802. Москва.

Радуюсь, что ты доволенъ своимъ начальникомъ; надобно больше всего печись, чтобы и онъ тобою былъ доволенъ; но и сего еще не довольно: не надлежитъ во зло употреблять его милостей. Я вижу, что ты у него живешь, обѣдаешь и пр.; не должно ему быть въ тягость своими прихотями и ничего не требовать, а благодарить за то, что̀ дадутъ.

*

[1]) Гдѣ эта записка?

[2]) См. о немъ XX-ю книгу „Архива Князя Воронцова“.

[3]) Перезрѣлая и горбатая дочь фельдмаршала князя Н. В. Репнина.

[4]) Князя Петра Михайловича Волконскаго, будущаго министра двора.

Москва, 17 Іюля 1802.

Петербургское извѣстіе сильно меня опечалило. Ты лишился истиннаго наставника, а потому и истиннаго благодѣтеля въ Андреѣ Яковлевичѣ [1]). Онъ переводится въ Константинополь министромъ на мѣсто Тамары, которому числиться при Коллегіи безъ жалованья, а на его мѣсто въ Неаполь назначенъ Дмитрій Павловичъ Татищевъ, что̀ былъ въ Коллегіи, и онъ скоро къ вамъ отправится. Ты его знаешь; но для пользы твоей великую потерю сдѣлаешь, ибо останешься въ Неаполѣ. Но не пожелаешь ли перемѣститься съ Андреемъ Яковлевичемъ въ Царьградъ, гдѣ теперь однако дѣла̀ въ великомъ замѣшательствѣ и безпокойствіи? Опасно, чтобы тамъ не произошло смятенія и пролитія крови, ибо бунтовщики приближились уже за 40 часовъ до города. Можетъ быть, и Андрей Яковлевичъ не успѣетъ застать тишины въ Константинополѣ; безъ сего обстоятельства я бы согласился тебя туда перевести. Но Богъ всѣмъ управитъ. Я только того боюсь, чтобы ты не испортился при молодомъ начальникѣ.

Мать графини Скавронской была моя крестная мать, и мы часто къ ней ѣзжали; но я тогда былъ еще ребенокъ.

*

Москва, 8 Сентября 1802.

Новый твой командиръ—Татищевъ, который вамъ былъ конечно больше знакомъ, нежели мнѣ. Конечно, нѣтъ въ немъ Италинскаго; но старайся и ему понравиться. Съ нимъ ѣдетъ кн. Гагаринъ [2]), камергеръ, сынъ князя Ивана Сергѣевича. Вотъ тебѣ новое общество, ибо ты его знаешь.

*

Москва, 27 Октября 1802.

И Москва начинаетъ походить на Италію: 14-го Октября во второмъ часу по полудни было землетрясеніе въ Таганкѣ, въ Басманной, на Мясницкой, на Тверской, на Арбатѣ. У меня въ домѣ потряслась кроват у Александры Петровны; но никто не испужался, ибо понятія не имѣлъ никто. 246 лѣтъ было здѣсь послѣднее землетрясеніе.

*

Москва, 17 Ноября 1802.

Князь Александръ Борисовичъ изъ Петербурга выѣхалъ, живетъ въ Псковской деревнѣ, а сюда еще не бывалъ. Жаль, что вы его лишились. Новый твой начальникъ Татищевъ еще въ Петербургѣ. Мнѣ-

---

[1]) Италинскомъ.

[2]) Князь Григорій Ивановичъ.

ніе твое справедливо—пользоваться и при немъ моими наставленіями; но онъ самъ человѣкъ молодой и конечно не можетъ тебѣ давать наставленій; а посему труднѣе тебѣ будетъ вести себя порядочно, ибо никто тебя не поправитъ и не образумитъ. Я и моложе тебя былъ на своей волѣ, но Богъ меня спасъ. И такъ не остается мнѣ инаго, какъ желать, чтобы и съ тобою тоже случилось. Примѣръ Свѣчина, Невѣровскаго какъ нарочно тебѣ Провидѣніе представляетъ, какъ бы научая избѣгать шалостей, кои ихъ сдѣлали несчастными. Ежели Демчинской къ вамъ будетъ, онъ старѣе тебя чиномъ и лѣтами, но былъ повѣсоватъ. Я радъ, но совѣтую не слѣдовать ему во всемъ. Что Пини старается въ Царьградъ, нимало не удивительно: онъ тамъ родился, вся его родня тамъ, знаетъ всѣ тамошніе языки и пр. Мнѣ бы было весьма пріятно, а тебѣ и того пріятнѣе, ежели его жалованье отдадутъ тебѣ. Не можетъ ли въ семъ помочь Андрей Яковлевичъ, когда еще не уѣхалъ?

М. М. Херасковъ отставленъ съ кураторскимъ жалованьемъ, и подарено ему при томъ 5000 р. О прочихъ кураторахъ и университетѣ еще не рѣшено.

*

Москва, 1 Декабря 1802.

На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда князь Александръ Борисовичъ Куракинъ. Я его благодарилъ за васъ. Онъ отзывался хорошо и между прочимъ сказалъ, что съ вами въ перепискѣ. Проживетъ онъ здѣсь до Мая, а потомъ поѣдетъ въ Италію. Съ нимъ отпущены его питомецъ (кажется) Сердобинъ и Боголюбовъ, сохраня мѣсто и жалованье въ Коллегіи.

Изо всего мною читаннаго не нашелъ я ничего короче и лучше для наставленія молодымъ людямъ, какъ сочиненіе Исократа, Греческаго оратора, который, не будучи въ силахъ говорить публично, только сочинялъ рѣчи. Совѣтую вамъ обоимъ узнать его, а сіе весьма легко, и почаще его прочитывать, а особливо рѣчь его, названную: Discours à démonique въ первомъ томѣ. Не худо бы было, ежели бы вы и переводили его на нашъ языкъ, дабы больше помнить. Лучшій его переводъ съ Греческаго на Французскій выданъ подъ слѣдующимъ титуломъ: Oeuvres complètes d'Isocrate, auxquelles on a joint quelques discours etc. etc. en français par l'abbé Auger, 3 vol. 8°. Paris, 1781. Книга безцѣнная и полезная и могущая даже штиль вашъ поправить.

*

Москва, 15 Декабря 1802.

Что графъ Воронцовъ канцлеръ, я уже къ тебѣ писалъ; но чтобы онъ сдѣлалъ хотя малый порядокъ въ Коллегіи, того не видно нимало, и по сей одной причинѣ Пини выпросился въ отставку.

*

Москва, 29 Декабря 1802.

Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ[1]) выѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ чуть не умерли у него сынъ и зять, занемогъ въ Новѣгородѣ и, получа облегченіе, отправился далѣе; но въ Хотиловѣ занемогла графиня Дарья Петровна и чрезъ нѣсколько дней преставилась. Онъ пріѣхалъ сюда третьяго дня и никого не принимаетъ, а тѣло ея сюда же везутъ. Много потеряла Москва въ ней. Отставной бригадиръ Спиридовъ сдѣланъ оберъ-полицмейстеромъ въ Москву; но онъ такъ тощъ, что на первомъ, думаю, пожарѣ высохнетъ, какъ снятокъ. Каверинъ отставленъ безо всего. На сихъ дняхъ генералъ Петръ Ѳедоровичъ Бергманъ сѣлъ на стулъ послѣ ужина, заснулъ и уже не проснулся. Человѣкъ былъ добрый. Получено извѣстіе, что графу Александру Романовичу легче; однакожъ и въ Петербургѣ поговариваютъ, что на его мѣсто собятъ графа Андрея Кирилыча[2]) изъ Вѣны.

*

Москва, 5 Генваря 1803.

Судя, что коронованныя главы даютъ по 300 рублей приданаго за дочерьми, какъ мы не можемъ быть довольны, что въ Россіи невѣсты часто приносятъ столько годового дохода, какъ и теперь есть такая, а именно, дочь графа Алексѣя Григорьевича Орлова[3]), которая, сверхъ того, первая теперь въ Москвѣ танцовщица. Я ее въ Четвергъ видѣлъ на балѣ у князя Александра Борисовича[4]).

*

Москва, 19 Генваря 1803.

Пріѣхала сюда княгиня Вяземская[5]), проститься съ Трубецкими, моими знакомыми, кои ѣдутъ въ деревню на четыре года. Пріѣхалъ князь Зубовъ на два мѣсяца. Муромцова поѣхала въ Петербургъ взять свою дочь у Катерины Даниловны, а возвратясь скоро, поживетъ здѣсь до

---

[1]) Московскій главнокомандующій.

[2]) Разумовскаго.

[3]) Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, камеръ-фрейлина.

[4]) Куракина, который думалъ на ней жениться (см. письма къ нему П. С. Молчанова въ Р. Архивѣ 1893 г.).

[5]) Княгиня Елена Никитична, вдова генералъ-прокурора, сестра мартинистовъ князей Трубецкихъ.

весны. Алексѣй Петровичъ Вязминъ женится на одной дѣвушкѣ, дочери Дубянскаго; беретъ 270 душъ, 10 т. р. денегъ и расходы свадьбы на счетъ тестя.

*

Москва, 2 Февраля 1803.

Зная, что не самовольно, а курьеромъ ты отправился, я почти увѣренъ, что сіе тебя застанетъ еще въ Вѣнѣ, гдѣ, конечно, тебѣ веселѣе Неаполя. Сюрпризы не всегда кончатся удовольствіемъ; сіе тебѣ доказываетъ случившееся съ братомъ и, слава Богу, что оно кончилось безъ большой бѣды. Въ бытность мою во Франціи случилась плачевная исторія въ Ліонѣ. Были тамъ два друга; одинъ находился въ отлучкѣ и предъ возвратомъ своимъ увѣдомилъ друга о днѣ, въ который, конечно, воротится и съ нимъ увидится. Сей выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ коляскѣ, а путешествующій, дабы сдержать слово, оставилъ свою, и послѣднюю почту оканчивалъ верхомъ. Видя же ѣдущую на встрѣчу коляску съ его другомъ, вздумалъ пошутить, поскакалъ на встрѣчу, остановилъ кучера и, наставя пистолетъ на сидящаго въ ней, закричалъ грознымъ голосомъ: жизнь или кошелекъ! Надобно знать, что въ то время около Ліона шатались и грабили прохожихъ воришки. Другъ, со страха или неожиданности, а можетъ быть и потому, что не помышлялъ, чтобы другъ его могъ изъ дальней дороги ѣхать верхомъ, или не узналъ его, но схватя пистолетъ, при себѣ находящійся, выстрѣлилъ въ него и по несчастію убилъ на мѣстѣ. Вотъ слѣдствіе безразсудной сюрпризы! Не всякій можетъ ихъ переносить.

*

Москва, 9 Февраля 1803.

Карнѣевъ (при генералъ-губернаторѣ въ Архангельскѣ) пожалованъ въ коллежскіе, а Лубяновскій при Кочубеѣ въ надворные совѣтники. Пора и о себѣ слово сказать. Благородное Собраніе почти упало. Вздумали его поддержать. Выбрали большинствомъ голосовъ 7 человѣкъ; поручили имъ выдумать способъ и устроить его. По моему несчастію, попался и я въ сіе число, изъ котораго меня не отпустили. Мы собирались у графа Алексѣя Григорьевича Орлова; написали законы, порядокъ и пр., въ силу коихъ выбрали, большинствомъ же голосовъ, 12 директоровъ или старшинъ. Я и тутъ попался, и сколько ни отговаривался, меня не отпустили. По новому плану собранія начались, и не бываетъ ежедневно меньше 800 человѣкъ; членовъ записалось уже больше 1300; будутъ и посѣтители; но мы билеты даемъ только такимъ, кои проѣзжаютъ чрезъ Москву, а не здѣшнимъ жителямъ, какъ то было прежде. На сихъ дняхъ будетъ у насъ маскарадъ. Зала вычищена, полъ новый, подушки новыя, столъ лучше и чище

и пр. и пр. Всякій день обѣды, ужины, балы, такъ что я съ ногъ сбился. 7-го балъ у князя А. Б. Куракина, вчера обѣдъ крестинный у князя П. А. Хованскаго; ввечеру балъ у Архаровыхъ. Сегодня начинается масляница, и во всю недѣлю должно отказаться отъ покоя и отъ дѣла.

Мнѣ нужно было ѣхать въ Благородное Собраніе на совѣтъ, а ввечеру на балъ къ князю Куракину; но просижу дома весь день: жаль мучить людей и лошадей; а балъ отмѣненъ по причинѣ смерти сосѣда нашего Ивана Сергѣевича Головина, который умеръ сею ночью отъ дряхлости и старости; а тебѣ извѣстно, что жена князя Алексѣя Борисовича, его дочь и, пріѣхавъ сюда, у него и живетъ.

*

Москва, 12 Февраля 1803.

Дай Богъ, чтобы казна твоя умножилась; но что ты издержалъ какую въ курьерствѣ, того надобно требовать: ибо мы сердцемъ и душою служимъ, но Государь не требуетъ, чтобы служили мы и кошелькомъ; оставимъ сіе откупщикамъ и живодерамъ. Вчерась сказалъ я князю Куракину твое почтеніе, благодарность и пр. Онъ весьма хорошо расположенъ къ вамъ; но отъ него теперь ничего не зависитъ. Походъ его въ Италію отмѣняется. Онъ увѣрялъ меня, что фамилія его тому противна.

Старайся всѣмъ угождать, но безъ подлости; все пригодится, и я желаю вамъ сердечно обоимъ во всемъ добромъ успѣха. Когда ты увѣренъ, что ласки, чинимыя вамъ, суть слѣдствія моего въ свѣтѣ житія, то вамъ я объявлю секретъ сей ко мнѣ отличности. Я никогда не былъ подлъ, корыстолюбивъ, самолюбивъ, а былъ всегда почтителенъ къ начальникамъ, исполнялъ должность, не откладывая ничего до другого дня, жилъ хорошо, когда были деньги, дурно, когда ихъ не было; но правда и то, что дня моей жизни не терпѣлъ недостатка, можетъ быть и потому, что умѣлъ умѣрять желанія. Если теперь на мнѣ долгъ, то Богъ свидѣтель, что нажилъ его отъ службы и для службы; да инако и не могло быть, потому что я получилъ за службу все, что̀ ни имѣю.

*

Москва, 19 Февраля 1803.

Ввечеру былъ маскарадъ только для однихъ членовъ Благороднаго Собранія, но славный: находилось больше 1400 масокъ, ужинъ преизрядный, освѣщеніе невиданное; увѣряютъ, что отъ начала Собранія не было подобнаго. А все сіе намъ (говорю какъ директоръ) стало съ небольшимъ въ 500 р. Въ сей день обѣдалъ я у П. П. Нарышкина

съ княземъ Куракинымъ. За столомъ зашла рѣчь о васъ (ибо со мною вездѣ объ васъ говорятъ), о его балѣ, табакеркахъ и пр. Надобно знать, что у него всѣ его сокровища выставлены для смотрѣнія и, между прочимъ, больше полутораста табакерокъ. Я ему сказалъ, что его креатура прислала къ нему табакерку, какой у него нѣтъ; но я не отдаю ея потому, что не успѣлъ обдѣлать. Онъ, конечно, хотѣлъ имѣть ее безо всего, и когда на другой день я отдалъ у него на балѣ, гдѣ было больше 400 гостей, онъ принялъ съ радостью и любовался.

*

Москва, 9 Марта 1803.

Боялся, чтобы, отправясь въ путь, не занесло тебя гдѣ-нибудь снѣгомъ. Теперь я спокоенъ, благодарю за письмо и желаю, чтобы мое застало тебя еще въ Вѣнѣ: ибо въ Неаполѣ дѣлать нечего. Татищевъ, которому дали орденъ Св. Анны недавно, не помышляетъ о своемъ пути; да ежели бы и пріѣхалъ теперь, то до Маія выѣхать не можетъ: ибо у насъ начало уже таять; кольми паче ближе къ вамъ; а снѣгу столько, что повсюду ожидать должно страшныхъ наводненій и, слѣдовательно, нѣтъ дороги.

*

Москва, 30 Марта 1803.

Татищевъ оставленъ въ Петербургѣ по именному указу къ Воронцову въ сихъ словахъ: видя въ немъ здѣсь нужду, для приведенія въ дѣйствіе проекта вашего о новомъ учрежденіи Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, повелѣваемъ ему присутствовать въ оной впредъ до нашего указа. Слѣдовательно, онъ въ Неаполь не поѣдетъ; но между тѣмъ получаетъ тамошнее жалованье, а опредѣленъ туда повѣреннымъ въ дѣлахъ находившійся въ Римѣ Карповъ, статскій совѣтникъ. Вотъ твой командиръ! Князь А. Бор. Куракинъ увѣряетъ меня, что онъ человѣкъ добрый, довольно служившій; но не думаю, чтобы былъ равенъ Италинскому.

*

Москва, 13 Апрѣля 1803.

Благородное Собраніе процвѣтаетъ. Въ прошлый Вторникъ было на балѣ 1018 членовъ, а напротивъ того, въ новомъ Аглинскомъ клубѣ совершается несчастіе. Выбрали новыхъ директоровъ; они нашли въ казнѣ около сорока копѣекъ, да долгу тысячъ десять. Содержать нечѣмъ, и не знаютъ что̀ дѣлать. Теперь тамъ споры и шумъ, и я не ѣзжу, пока сіе кончится. Въ нѣсколько мѣсяцевъ уходили больше 50 т. рублей.

*

Москва, 16 Апрѣля 1803.

Слѣдуйте моимъ совѣтамъ. Никакая быстрота въ молодости не можетъ замѣстить опытности. Кто ожегся на молокѣ, тотъ дуетъ и на воду, и его слушать можно. Въ мой вѣкъ и когда вы сами все испытаете, будете тоже говорить. Теперь вамъ все кажется розою, и вы не вѣрите еще, что и подъ розою можно ожечь себя крапивою; но сіе есть, однако, правда. Молодого, неиспорченнаго, легко вѣрящаго всему человѣка всякій ищетъ обмануть, обольстить, уловить, ибо всякій ищетъ своей пользы. Счастливо, ежели тѣмъ и кончится; но иногда таковыя обольщенія несутъ за собою слѣдствія на всю жизнь. И для того-то я такъ часто вамъ совѣтую быть осторожными, а не для того, чтобы любилъ я быть проповѣдникомъ и учителемъ.

Поэтъ, вашъ знакомецъ, архивскій юнкеръ, нынѣ переводчикъ въ Коллегіи, князь Козловскій, посылается въ Римъ, въ канцелярію Кассинія. Онъ сюда пріѣзжалъ недавно и былъ у меня.

Въ Собраніи на балѣ была возвращающаяся изъ Петербурга въ Грузію Имеретинская царица, вдова царя Давида. Ежели ты видѣлъ Иверскую Богородицу, то видѣлъ и ее. Дворъ нашъ далъ ей пенсію по 5000 р.

*

Москва, 27 Апрѣля 1803.

По Московскимъ слухамъ, Государь сюда будетъ на четыре дня, въ концѣ Мая, отправится въ Крымъ, въ Одессу, Галицію, гдѣ увидится съ императоромъ, а оттуда чрезъ Смоленскъ въ Петербургъ.

Въ Неаполѣ покажется тебѣ послѣ Вѣны скучно; но скуку прогнать можно ученіемъ, которое отъ всякаго зла отвлекаетъ. Человѣкъ рожденъ безпокойнымъ, всегда желаетъ того, чего у него нѣтъ; о счастьѣ имѣетъ ложное понятіе: ему всегда кажется, что въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится, счастью быть нельзя; перемѣняетъ свое положеніе, но и въ новомъ находитъ, что ему не лучше стало. Такъ вся жизнь протекаетъ. Человѣкъ доживаетъ до смерти, не бывъ доволенъ своимъ жребіемъ, а для чего? Для того, что счастіе замыкается въ воображеніи. Богатому завидуетъ недостаточный: о, ежелибъ я былъ богатъ, ничего бы больше не пожелалъ. Все это химера: богачъ еще больше бѣднаго желаетъ, потому что человѣкъ ненасытенъ. Истинное и твердое счастіе заключается внутри насъ. Кто собою доволенъ (я исключаю самолюбивыхъ), тотъ есть тварь совершенно счастливая. Когда совѣсть чиста, ни въ чемъ не упрекаетъ, мы спимъ

спокойно, забывъ обо всемъ: сна нашего не прерываетъ непріятная грёза; когда проснемся, душа свѣжа, мысли чисты, совѣсть ни слова. Вотъ истинное счастіе. Признаюсь, что безъ денегъ худо; но надобно умѣрять желанія. По одёжкѣ и ножки протягай. Деньги могутъ придти, но проступка уже ничѣмъ не загладишь. Отъ перваго шага въ свѣтѣ почти вся жизнь зависитъ. Первый проступокъ влечетъ за собой тысячу другихъ. Молодой человѣкъ, выходя изъ перваго заблужденія, впадаетъ въ другое, ибо не умѣетъ ничего предвидѣть, ни на что не положится, и часто, къ несчастію, второй проступокъ дѣлается ему почти нужнымъ, ибо онъ ищетъ утѣшить себя отъ печали, принесенной первымъ. Я не думалъ быть проповѣдникомъ; но осталось бумаги, и попалось прекрасное перо; и когда уже написалъ столько, то прошу прочесть со вниманіемъ и принять за искренній совѣтъ отъ человѣка, который пожилъ въ свѣтѣ, все испытавъ, и любитъ тебя сердечно, слѣдовательно и добра вамъ обоимъ желаетъ не меньше, какъ себѣ.

*

Москва, 11 Мая 1803.

Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ ѣдетъ со всею фамиліей за границу. Сказываютъ, что жена его не только съ ума сошла, но и взбѣсилась, такъ что принуждены были ее сковать; сіе можетъ быть причиною, что Гагаринъ*) спѣшитъ, дабы ихъ застать еще въ Петербургѣ. Вѣсти о Государѣ перемѣнились: теперь утверждаютъ, что онъ ѣдетъ чрезъ Смоленскъ въ Крымъ, Одессу и во Львовъ, гдѣ свидится съ императоромъ, а оттуда сюда; иные же говорятъ, и особливо пріѣзжіе изъ Петербурга, что сюда и совсѣмъ не будетъ, хотя и теперь уже лошади приготовлены, ворота чинятъ и пр.

1-го Мая былъ превеликій съѣздъ на Нѣмецкихъ станахъ. Здѣсь Итальянцы, кои прыгаютъ на веревкахъ, пускаютъ шары, и очень удачно, изъ сада Орлова подъ Донскимъ. Князь Сергій Ивановичъ въ новой печали: умерла жена у двоюроднаго его брата Степана Аврамовича Лопухина, на которой онъ женился около года назадъ, отъ чахотки, а не отъ пѣнья, которымъ уморилъ Мускети меньшую Ладомирскую (ты, я думаю, зналъ ее). Герардъ женился уже на Вѣткиной, воспитанницѣ Рѣпнинской. Дочь Евграфа Ростиславича Татищева идетъ за князя Вяземскаго, бывшаго въ гвардіи генералъ-маіоромъ. Но всего сего интереснѣе поступокъ графа Николая Петровича Шереметева: онъ отдалъ строющуюся больницу, подлѣ Сухаревой башни, публикѣ; достроитъ ее на свои деньги. Въ ней вѣчно содержать будетъ сто не-

*) Князь Павелъ Гавриловичъ, женатый на славной красавицѣ Аннѣ Петровнѣ, дочери свѣтлѣйшаго князя П. В. Лопухина (отъ перваго его брака).

имущихъ и увѣчныхъ, жилищемъ, платьемъ, пищею и пр.; 50 человѣкъ бѣдныхъ будутъ тамъ лѣчиться даромъ; сверхъ того, по завѣщанію графини, его жены, выдаетъ: 1) на приданое 25 сиротамъ 6000 р.; 2) на вспоможеніе оскудѣвшимъ 50-ти семействамъ изъ процентовъ 5000 р.; 3) на поддержаніе нуждающихся ремесленниковъ 4000 р.; 4) на вклады въ церкви и пр. 8000 р. А въ день открытія сего заведенія раздаетъ на милостыню и пр. 50000 р. На все оное вноситъ капиталъ 500000 р. въ Воспитательный Домъ, для полученія процентовъ 25000 р., да упрочиваетъ 1444 души, платящихъ оброку 50000 р. Изъ сего 75-тысячнаго дохода распредѣляетъ:

1. На содержаніе больницы 43000

2. На вспоможеніе сирымъ дѣвицамъ, ремесленникамъ и пр. 20000

{ На отстройку корпуса и приведеніе всего въ дѣйствіе даетъ до полумилліона; деревни стоятъ $1\frac{1}{2}$ милліона, да вышесказаннаго капитала полмилл., такъ что все сіе даримое на вѣки составляетъ два милліона съ половиною.

3. На составленіе предохранительной суммы въ пользу дома, какъ-то на починки и пр. 2000

4. Будущему учредителю за трудъ управленіемъ всего сего и деревень. 10000

75000

За сіе просилъ, и дано ему:

1. Домъ уволенъ отъ обывательскихъ повинностей.

2. Будетъ при немъ караулъ.

3. Всѣ присутственныя мѣста ему будутъ помогать.

4. Чиновники его считаются въ дѣйствительной службѣ.

5. Въ случаѣ его смерти, три его дома принять въ обезпеченіе капитала 500000 р.

6. Даемыя 1444 души въ Тверской губерніи, село Молодой Тудъ, въ наслѣдственный раздѣлъ включаемы не будутъ, но станутъ переходить по назначенію каждаго попечителя къ достойнѣйшему изъ наслѣдниковъ его, для обращенія доходовъ къ статному содержанію дома.

7. Если послѣ сына учредителя дѣтей не останется, то поступить какъ сказано въ учрежденіи.

8. По времени, мѣсто главнаго смотрителя зависитъ отъ выбора Московскихъ дворянъ.

За сіе все имянной указъ Сенату выбить медаль съ его портретомъ и надписью и обнародовать повсюду; а сверхъ того, лента 1 класса Св. Володимера.

Другой подобный примѣръ, но сей еще не утвержденъ. Павелъ Григорьевичъ Демидовъ (дядя того, что̀ въ Парижѣ), предлагаетъ для училищъ:

1. Ежели заведется университетъ въ Ярославлѣ, около 4000 душъ и 100000 р.

2. Въ Московскій университетъ 100000 р. денегъ и три богатые кабинета исторіи натуральной, минеральной и пр.

3. 100000 р. на другія ученыя заведенія; а всего, по крайней мѣрѣ, на милліонъ рублей.

Вотъ какова Русь! Я тебѣ совѣтую копить деньгу, дабы въ свое время что̀ подобное сдѣлать. Я не могъ сего исполнить, потому что отъ предковъ ничего не получилъ и позабылъ ту истину, что ежели кто покупаетъ излишнія для себя вещи, тотъ вскорѣ принужденъ находится продавать и необходимо нужныя; а къ сему также и ту правду позабылъ, что одни только малолѣтные и глупцы думаютъ, что двадцати годамъ и двадцати червонцамъ конца не будетъ.

*

Москва, 2 Іюня 1803.

Ты хорошо сдѣлалъ, что пожилъ въ Римѣ: торопиться не было нужды. Лизакевича я знаю, а о Карповѣ сожалѣю; но кажется, могу ему дать совѣтъ. Когда онъ столько служилъ, когда всѣ начальники его рекомендовали, когда всѣ младшіе его обошли, для чего ему о семъ не писать къ канцлеру и требовать воздаянія? Я бы и самъ написалъ на его мѣстѣ къ Государю. Онъ столько справедливъ и милостивъ! Должно всю службу описать и просить правосудія. Сей поступокъ не можетъ ничего испортить, а станется, что много ему поможетъ. Впрочемъ, прежде повѣреннымъ въ дѣлахъ давалось особое содержаніе; для чего-жъ и ему онаго не имѣть?

*

Москва, 22 Іюня 1803.

Сюда пріѣхалъ палатинъ Венгерскій *), живетъ во дворцѣ; его сильно угощаютъ.

Княгиня Александра Николаевна Волконская возвратилась изъ Нижняго, у меня обѣдала во время дождя, а послѣ, въ другой день, пріѣзжала съ Каменскими пить чай и смотрѣла садъ, который ее въ удивленіе приводилъ тѣмъ, что такъ скоро разросся. Причина ея ѣзды въ пожалованную Нижегородскую деревню была та, чтобы ее осмотрѣть

---

*) Супругъ скончавшейся въ 1801 году старшей сестры Государя.

и продать лѣсъ для оплаты отцовскаго долга; явилось, что лѣсъ вырубленъ почти весь, когда волость была государева. Мужики, видя, что она тоскуетъ, сказали ей, что лѣсомъ долгу не заплатить; а что они, помня милости князя, берутъ на себя заплатить изъ онаго долга 92 т. р., и дали ей въ томъ письменное обязательство. Вотъ каково быть честнымъ и благотворительнымъ человѣкомъ. Подобные примѣры рѣдки и очень рѣдки вездѣ. Надобно знать при томъ, что сіи 6000 душъ при князѣ платили оброку 30 т., а по смерти его согласились платить по 60 т.; теперь же и оброкъ продолжаютъ и долгъ на себя сняли, даже съ тѣмъ, что ежели по какому ни есть случаю не будутъ они исправны и въ сроки денегъ къ ней не пришлютъ, то берутъ на себя также платить и штрафы отъ просрочки, ибо она должна въ банкъ. Она завтра ѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ дочь ея между тѣмъ, не донося, родила мертваго ребенка. Сказывала мнѣ, что домъ свой наняла или, справедливѣе, отдала въ наемъ военному губернатору графу Толстому, а сама перейдетъ въ ту половину, что̀ на Милліонной. Князь Николай Григорьевичъ живетъ въ домѣ Чернышева, въ нижнемъ этажѣ, а въ верхнемъ папскій нунцій, въ соотвѣтствіе на котораго посылается въ Римъ графъ Бутурлинъ. Въ Швецію назначается посломъ Колычевъ, бывшій въ Вѣнѣ, а Штедингъ уже въ Петербургъ пріѣхалъ. Чуть не поѣдетъ-ли съ нимъ Ваня [1]), ибо Колычевъ женатъ на сестрѣ Хитрова; а сей женился на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной. Палатинъ вчерась былъ въ саду и въ воксалѣ, сегодня поѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, а ежели успѣетъ воротиться, то будетъ у князя В. А. Хованскаго на оперѣ, куда и я званъ. Княжна Наталья играетъ la Serva Padrona; послѣ пантомима или балетъ Бахусъ и Аріадна, послѣ балъ, послѣ ужинъ. Все сіе заготовляется давно, а гость подоспѣлъ.

*

Москва, 29 Іюня 1803.

Палатинъ Венгерскій сегодня отъѣзжаетъ черезъ Кіевъ въ Вѣну. Его здѣсь измучили праздниками; все осматривалъ, былъ у Троицы, въ Воскресенскомъ, въ Останковѣ, въ Царицынѣ, въ Воспитательномъ домѣ, въ Университетѣ и пр. Угощали его: графъ Иванъ Петровичъ [2]) въ Петровскомъ дворцѣ, и былъ маневръ войскъ, ибо противъ него стоятъ лагеремъ 10 полковъ; графъ Орловъ—скачкою лошадиною, баломъ и пр.; князь Ал. Мих. Голицынъ—обѣдомъ подъ Дѣвичьимъ; Благородное Собраніе—баломъ и ужиномъ въ Петровскомъ театрѣ, ибо

---

[1]) Т. е. графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ.

[2]) Салтыковъ, Московскій главнокомандующій.

нашъ домъ внутри разломанъ. Вчерась у князя В. А. Хованскаго—театръ, балъ и ужинъ. Княжна Наталья и кн. Петръ Ал. играли La Servante-Maîtresse; а потомъ пантомима, Bachus et Ariadne съ кантатою и хоромъ. Сестра ея и четыре служанки представляли Вакханокъ а Бахуса—княгиня, жена князя Петра; Купидона—какая-то Француженка. Все прекрасно и невѣроятно хорошо удалось; но стоило денегъ, а у насъ нѣтъ лишнихъ. Я почти вездѣ былъ. Палатинъ со мною разговаривалъ о Цареградѣ, о Москвѣ и пр. Ему полюбилось здѣсь; но какъ лѣтомъ никого нѣтъ, то онъ сказалъ мнѣ, что не отчаявается пріѣхать когда нибудь сюда зимою. Въ нашемъ Собраніи было однакожъ около 600 человѣкъ; но кто? Богъ знаетъ, ибо мы почти вольницу кликнули.

*

Москва, 6 Іюля 1803.

Ежели по причинѣ войны король переѣдетъ въ Сицилію, тебѣ тамъ будетъ, можетъ быть, скучнѣе и опаснѣе, ибо жители еще хуже Неаполитанскихъ; слѣдовательно надлежитъ быть очень осторожну. Тамъ ты найдешь генеральнаго консула статскаго совѣтника Бекера, бывшаго при мнѣ въ Варшавѣ, который конечно обо мнѣ вспомнитъ; человѣкъ добрый, услужливый.

Палатинъ Венгерскій отправился черезъ Кіевъ въ Вѣну. Здѣсь его ежедневно угощали. Хованскій принужденъ былъ дать въ другорядь для него свой спектакль и очень удачно. Зотовъ, молодой человѣкъ, могущій служить образцемъ для молодежи, ежели бы молодежь имѣла здравый разсудокъ перенимать хорошее; вы его, конечно, знаете, и онъ гдѣ-то игралъ въ комедіи. Сей Зотовъ сдѣланъ Россійскимъ графомъ будто потому, что прадѣдъ его, учитель Петра Великаго, назывался графомъ. Говорятъ, что будетъ также камергеромъ. А какъ онъ воспитанъ въ Дрезденѣ и былъ въ домѣ у гр. А. Г. Орлова, то здѣсь заключаютъ, что онъ прочитъ его себѣ въ зятья. Лопухинъ, братъ покойной жены его, строившій домъ огромный подлѣ графа А. Гр., умеръ. Все его наслѣдство достается его дочери*), которая и безъ того уже чрезвычайно богата. Другой графъ новый, но имперскій, адъютантъ государевъ, Комаровскій, за провожаніе палатина.

*

Москва, 27 Іюля 1803.

Въ Среду, 22-го, праздновали здѣсь именины вдовствующей императрицы. Валуевъ иллюминовалъ придворный садъ; было двѣ музыки, а третья въ новопостроенной галлереѣ противъ большого круглаго

*) Т.-е. графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ.

цвѣтника подъ идущимъ внизъ лугомъ, за которымъ къ Яузѣ слѣдуетъ большой прудъ. Но кто былъ въ саду и кто танцовалъ, Богъ знаетъ. Народа было однако много. Воспитательный Домъ въ театрѣ давалъ маскарадъ.

Съ давняго времени Пинетти хвасталъ, что пуститъ шаръ и самъ съ нимъ полетитъ; собиралъ деньги, показывая его; построилъ на Дѣвичьемъ полѣ загороду съ мѣстами изъ досокъ, называя его амфитеатромъ, и наконецъ, обманывая мѣсяца два, принужденъ былъ исполнить обѣщаніе. Вчерась шаръ туда привезли изъ дома съ церемоніею, съ музыкою и великимъ хвастовствомъ. Послѣ обѣда собралась вся Москва; но какъ онъ не только не леталъ, но и шара не пустилъ, то когда пришло къ дѣлу, сильно обробѣлъ. Шаръ не лопнулъ, но вверху онаго отверстіе не было задѣлано, и что̀ въ него входило снизу, то выходило вверху; онъ не только не поднялся, но ниже не надулся. Тѣмъ и кончилось. Всѣ разъѣхались съ негодованіемъ, и удивительно, что чернь его не побила. Онъ обѣщалъ опять пустить его въ Воскресенье. Но кто поѣдетъ смотрѣть? Впрочемъ видѣть его въ амфитеатрѣ платятъ только человѣкъ тысяча, а все поле и окружные дома наполнены были зрителями, кои, ничего не заплатя, тоже бы увидѣли, сколь скоро онъ поднялся бы. Ждутъ сюда изъ Петербурга Гарнереня. Онъ тамъ нѣсколько разъ леталъ. Въ послѣдній предложилъ взять съ собою, кто пожелаетъ, лишь бы заплатилъ ему 2000 р. Случился тутъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ, который тосковалъ, что денегъ нѣтъ. Сіе дошло до Государя, который изволилъ за него отвѣчать. Львовъ сѣлъ въ лодку съ Гарнеренемъ и пустился на воздухъ. Поднялись они изъ Кадетскаго сада и благополучно опустились въ Стрѣлиной мызѣ.

*

Москва, 6 Августа 1803.

Богъ знаетъ, какъ это сдѣлалось, но князь Григорій Семеновичъ*) опредѣленъ въ Оренбургъ военнымъ губернаторомъ со властію входить и въ гражданское правленіе и инспекторомъ тамошней пѣхоты. Вѣроятно, что скоро здѣсь проѣдетъ, а княгиня конечно останется въ Петербургѣ. Она отдала домъ свой на Неву Пет. губерн. Толстому, а сама перешла въ Миліонную. Въ день сего перехода князь Херхеулидзевъ, который и съ женою пріѣхалъ въ Петербургъ за какими-то нуждами, пропалъ. Пошелъ изъ дворца на новую квартиру, т. е. отъ кня-

---

*) Волконскій. Сдѣлалось это, вѣроятно, благодаря князю Адаму Чарторижскому, который былъ лѣвымъ братомъ супругѣ князя Волконскаго и въ то время имѣлъ большую силу при Государѣ. Онъ же, должно быть, устроилъ, что одинъ изъ сыновей князя Волконскаго, князь Николай, получилъ титулъ князя Репнина.

гини Софьи Григорьевны къ княгинѣ Алекс. Николаевнѣ и туда не дошелъ. А какъ спустя два дни вытащили изъ Невы тѣло, но такъ обезображенное, что узнать было нельзя, то и заключаютъ, что онъ, идучи, упалъ въ рѣку. Рѣдко можно найти человѣка столь безсчастнаго, но столь добраго. Ему ничего въ свѣтѣ не удавалось. Всѣ его любили, а никто добра ему сдѣлать не могъ. Трудно сіе истолковать.

*

Москва, 17 Августа 1803.

Все то, что̀ ты говоришь о г. Карповѣ, дѣлаетъ тебѣ честь. Я бы всею душею желалъ быть ему полезнымъ; но всѣ мои сношенія съ людьми въ дѣлахъ прервались, тѣмъ скорѣе, что вездѣ все новые люди, и съ канцлеромъ я никогда въ большой связи не былъ. Если представится однако хотя малая дорога или случай, не упущу искренно употребить ее по твоему желанію. Между тѣмъ старайся заслужить своимъ поведеніемъ и прилежностью къ должности его уваженіе и дружбу, хотя послѣдняя и не можетъ быть между вами по причинѣ твоихъ лѣтъ. Радъ я весьма, что ты съ нимъ будешь жить, ибо ты такъ еще молодъ, что не можешь обойтиться безъ надзирателя; а кто имъ можетъ быть лучше его? Меня и то радуетъ, что ты признаешь за возможное обойтиться безъ экипажа. Мнѣ горестно слышать, что положеніе его не было поправлено отъ двора; но при немъ надобно всегда, чтобы кто нибудь за насъ говорилъ. Да для чего, кажется, ему самому не отписать къ прежнимъ своимъ начальникамъ, и для чего также не требовать умноженія своему содержанію, которое всѣмъ повѣреннымъ въ дѣлахъ дается безъ исключенія? Все то, что̀ ты объ немъ говоришь, столь меня трогаетъ, что я желаю, чтобы о тебѣ тоже говорили другіе. Пускай онъ тебѣ послужитъ образцомъ. Слушайся его и заслужи, чтобъ не оставилъ тебя своими совѣтами. Жамесу отъ меня поклонись. Желаю, чтобы рекомендація Левонтьева принесла тебѣ что нибудь; но хотя бы сего теперь и не было, все она будетъ полезна для переду. На сихъ дняхъ давалъ я обѣдъ въ Воронцовѣ. Всѣ наши родные были, а изъ чужихъ только Милашевичъ и Наумовъ. Сестрица моя такъ прельстилась, что желаетъ тамъ жить на будущее лѣто.

*

Москва, 24 Августа 1803.

Фастъ пишетъ, что у князя Куракина*) въ деревнѣ былъ большой праздникъ, на который съѣзжались за 300 верстъ. Письмо его къ тебѣ должно быть тобою сохранено и порадуетъ даже въ старости тебя,

---

*) Т.-е. въ селѣ Надеждинѣ, Сердобскаго уѣзда. Фавстъ Петровичъ Макеровскій, пріятель Булгаковыхъ, былъ помѣщикомъ въ томъ краю.

что получилъ подобное въ 20 лѣтъ. Но я уменьшу нѣсколько твое чванство: votre très dévoué et fidèle serviteur пишется къ такимъ, кому не хотятъ сказать votre très h. et très ob. Однакожъ не огорчись симъ. Онъ истинно тебя любитъ. Боголюбовъ, Клейстъ и пр. *) должны въ Сентябрѣ явиться въ Коллегію; но по сю пору нѣтъ объ нихъ, ни объ немъ никакого извѣстія. Хотѣлъ онъ пріѣхать къ зимѣ на свадьбу племянницы; но оная не состоялась. Я, кажется, писалъ къ вамъ, что ее помолвили за князя Волконскаго, бывшаго Малтійскаго коменданта, однакоже сіе рушилось, и князь можетъ прожить зиму въ деревнѣ. Шарапова еще не видалъ; онъ все квартиры перемѣняетъ, и теперь переѣхалъ въ домъ князя Бѣлосельскаго на валу, подлѣ новаго дома Строгановой или Корсакова. Я зналъ въ нашей арміи при князѣ Потемкинѣ одного князя Филипстальскаго; но сей, кажется, умеръ. Какой же въ Гастѣ? Можетъ быть, его братъ, и чѣмъ онъ командуетъ? Развѣ Французскими войсками? Сіе однакожъ невѣроятно. Радуюсь, что между тѣмъ ты съ подобными людьми знакомишься и осматриваешь мѣста, достойныя любопытства. Церковь de la Trinità, можетъ быть, хороша и странна, но я не нашелъ въ письмѣ твоемъ ни рисуночка, ни истолкованія. Все, что̀ ты говоришь о новой квартирѣ, хорошо; но остерегайся, чтобы не быть въ тягость г. Карпову и не употребляй во зло его снисхожденій. Люди нашего вѣка любятъ покой, а не шумъ и крикъ или стукотню. Будь также скроменъ и въ каретѣ, которую онъ тебѣ удѣляетъ. Мысли твои о чужихъ обѣдахъ очень похвальны; а всего больше старайся имѣть всегда въ запасѣ денегъ на случай болѣзни или какой непредвидѣнной нужды, которую отсюда скоро я узнать и который слѣдовательно скоро помочь не могу. Эліотъ есть конечно тотъ Аглинскій офицеръ, который въ первую Турецкую войну былъ волонтеромъ при графѣ Румянцовѣ, и я зналъ его въ проѣздъ его черезъ Варшаву. Когда будетъ здѣсь князь Куракинъ, я не оставлю на него нападать о г. Карповѣ; а теперь сіе безполезно: ибо и онъ письмами помочь ему не можетъ. Радуюсь рекомендаціи Леонтьева. Собирай ихъ и храни. Все сіе пригодится и полюбится въ свое время; да и теперь, можетъ быть, принесетъ тебѣ пользу. На сихъ дняхъ былъ я въ Очаковѣ у Херасковыхъ и Нарышкиныхъ. Опочинина съ Милашевичевою поѣхали въ Кіевъ молиться и возвратятся въ Октябрѣ.

*

Москва, 7 Сентября 1803.

Сколь скоро найду случай или способность быть полезнымъ г. Карпову, вседушевно употреблю всѣ мои силы. Можетъ быть, къ зимѣ подъѣдетъ князь Александръ Борисовичъ, который сбирался ѣхать

*) Чиновники, состоявшіе при князѣ А. Б. Куракинѣ.

въ Петербургъ; съ нимъ я поговорю и обстоятельно, и серіозно. А между тѣмъ приходитъ мнѣ на мысль слѣдующее. Государь никому не жалуетъ деревень, но жалуетъ аренды по смерть; таковая дана и Ивану Володимеровичу[1]), который по сю пору въ Петербургѣ, потому что дѣла его въ Совѣтѣ еще не кончены. Для чегожъ бы не попросить и г. Карпову для поправленія своего состоянія аренды, которая можетъ ему вмѣсто пенсіи приносить тысячь пять рублевъ, да и серебромъ? Для сего нужно писать прямо къ Государю, описавъ свою службу и состояніе. Дѣло можетъ идти прямо безъ министровъ, ибо это не чинъ и не жалованье и не мѣсто, которыя не любятъ они, чтобъ доставали не черезъ ихъ руки, а сами ничего не выпрашиваютъ. Государь прикажетъ справиться, и ужели они такіе враги честнымъ и заслужившимъ людямъ, что вздумаютъ помѣшать? Я того отъ нихъ не надѣюсь. Удастся — хорошо, не удастся — бѣды нѣтъ; но Государь такъ милостивъ! И всѣ къ нему пишутъ прямо по почтѣ. Впрочемъ, хотя бы сіе и не исполнилось теперь, все будутъ знать его и при случаѣ вспомнятъ; но мнѣ кажется дѣло сбыточнымъ.

О Бреверпѣ нѣтъ еще ни малаго слуха; я предупредилъ однакожъ Ивана Алексѣевича[2]):, который его отыщетъ; ежели онъ проѣдетъ въ Петербургъ, а Пини и самъ меня найдетъ. Ежели бы можно было къ тебѣ переслать посылки, я не только чаю, но и другихъ вещей охотно бы прислалъ; но неудобность сія существуетъ даже и съ Вѣною, и посланное къ брату по сю пору пропадаетъ. Мысли твои о Понтійскихъ болотахъ доказываютъ, сколь полезно вещи знать самимъ собою: незнакомая лужа представляется океаномъ, навозная куча — горою; а наша пословица: славны бубны за горами весьма справедлива. Можетъ быть и твой пѣвчій на тоже походитъ. Здѣсь былъ музыкантъ, который вдругъ игралъ: руками на гитарѣ, локтемъ билъ въ барабанъ, колѣномъ звенѣлъ на треугольникѣ, головою гремѣлъ въ колокольчики, ртомъ на семидудошной флейтѣ бога Пана, и все сіе шло хорошо и нимало немудрено.

Государь изволилъ отправиться въ Красное Село для маневровъ, гдѣ пробудетъ по 18 Сентября, а будущимъ лѣтомъ предприметъ путешествіе въ Кіевъ, Одессу, Крымъ и пр.

*

---

[1]) Лопухину, ѣздившему съ Нелединскимъ осматривать южныя губерніи.

[2]) Сенатора Алексѣева въ Петербургѣ.

Москва, 21 Сентября 1803.

Ты меня всегда обрадуешь, когда скажешь что̀ объ учености. Продолжай меня увѣдомлять о успѣхахъ Гейтера. Кто авторъ книги? Цицеронъ жилъ почти за 200 лѣтъ до разрушенія Геркулана. И такъ очень статься можетъ, что не онъ у автора, но авторъ разбираемый у него могъ украсть мысли. Сіе очень любопытно. За рисунокъ церкви въ Гаетѣ весьма тебя благодарю, но былъ бы довольнѣе еще, ежели бы въ немъ примѣтилъ, что ты рисовать умѣешь. Въ проѣздъ мой по рѣкѣ Рейну видѣлъ я нѣчто подобное: внутри каменной горы сдѣлана была часовня, въ которую спускались сверху; землетрясеніемъ оторвало часть горы, и теперь часовня въ полугорѣ, но ни откуда въ нее пробраться нельзя. Ожидаю мозаиковъ съ помощію твоею, а не Касинія. Радуюсь, что ты занимаешься видами и тому подобнымъ, но боюсь, чтобы ты не лишилъ со временемъ Гамильтона всей его славы.

Вчерась проѣхалъ здѣсь и былъ у меня Боголюбовъ. Князь Александръ Борисовичъ получилъ отъ Государыни и отъ Государя милостивыя письма, которыя призываютъ его въ Петербургъ. Онъ просился за границу; но они отвѣчали, что ежели ему въ деревнѣ не жить, то желаютъ имѣть его въ Петербургѣ; а какъ у него нѣтъ дома, то отдали ему на житье канцлерской[1]) противъ Гостинаго двора, и Боголюбовъ ѣдетъ сей домъ приготовить; а самъ князь будетъ здѣсь, по его словамъ, можетъ быть, еще въ семъ Сентябрѣ. Я на него нападу и внушу ему мысль объ арендѣ г. Карпову. Боголюбовъ сказалъ мнѣ, что князь твое письмо получилъ и имъ доволенъ. Въ день Софіи, Ив. Иван. Демидовъ[2]) давалъ балъ для своей дочери. Я уже очень поздно возвратился домой, а уѣхалъ тотчасъ послѣ ужина. Князь Серг. Ѳедор. Голицынъ по прошенію отставленъ съ мундиромъ; а на его мѣсто въ Ригу военнымъ губернаторомъ графъ Буксгевденъ. Наконецъ вчерась воздушный плаватель Гарнеренъ спустилъ свой шаръ въ Крутицкомъ бывшемъ монастырѣ, что̀ нынѣ полицейскія казармы противъ Спаса на Новомъ. Онъ самъ въ немъ поднялся съ купцомъ Aubert Chalmé [3]); путь ихъ былъ на Коломенское, а потомъ поворотилъ къ Кускову; а гдѣ онъ спустился, еще неизвѣстно. Народа было много, и дѣло его очень удалось. У меня обѣдали гости, и мы всѣ ѣздили смотрѣть.

*

---

[1]) Т.-е. нынѣшній Пажескій Корпусъ на Большой Садовой.

[2]) Бригадиръ, отецъ того Николая Ивановича, что былъ главнымъ директоромъ военноучебныхъ заведеній. (Въ „Родословной" Кн. Лобанова №№ 32 и 58).

[3]) Супруга этого Оберъ-Шальме завела огромный магазинъ между Тверскою и Большою Дмитровкой, въ нынѣшнемъ домѣ Обидина. Это было нѣчто въ родѣ теперешнихъ Мюра и Мерелиза. Въ 1812 г. Оберъ-Шальме завѣдывала въ Кремлѣ кухней Наполеона

Москва, 28 Сентября 1803.

Николай Васильевичъ Каховской прислалъ ко мнѣ превеликихъ каштановъ 25, яблонь 15, славныхъ вишенъ 12 деревьевъ. Все сіе я посадилъ, и остается желать, чтобы они въ зиму уцѣлѣли, хотя и не пощажу ихъ окутать.—Rizzi Launoni весьма славенъ своими картами, т. е. чистотою рѣзьбы, а исправность другое дѣло. Но два года далеко, и лучше передать [1]), когда все кончится, нежели теперь подписаться. Мнѣ еще ни одна сускрипція не удавалась. 20 Гарнеренъ спустилъ шаръ и самъ на немъ поднялся съ другимъ Французомъ Aubert, который женился на m-elle Chalmé, бывшей у графа Gilly. Погода была прекрасная. Онъ собралъ за мѣста тысячь до пяти рублей; но всѣ окружности и поле были наполнены каретами и дрожками, кои столь же хорошо видѣли, какъ и мы. Полетѣлъ онъ въ 5 часовъ, а въ 6 опустился въ деревнѣ князя Вяземскаго[2]) по Серпуховской дорогѣ, а оттуда полетѣлъ въ Тулу, и по сю пору объ немъ извѣстія еще нѣтъ. Муромцова поѣхала въ деревню, дабы возвратиться сюда въ Декабрѣ, а Алексѣй Ивановичъ Пушкинъ пріѣхалъ изъ Ярославля. Я его только разъ видѣлъ; сбирается въ Петербургъ для пристроенія обоихъ сыновей, но куда, еще не знаю.

Гарнериня вмѣсто Тулы пронесло за Калугу въ Жиздру, отсюда больше 300 верстъ. Онъ воротился на земской почтѣ.

Вчерась у меня обѣдали княгиня съ княземъ, Милашевичъ, Багратіонъ, Демидовъ, Зиновьевъ, Наумовъ, Біанки, Пингò, а нѣкоторые и ужинали. Сегодня я ѣду въ Собраніе, гдѣ вся отдѣлка оканчивается, и 6-го Октября оно откроется.

*

Москва, 5 Октября 1803.

На прошедшей недѣлѣ неожиданно получилъ я отъ Кассинія черезъ брата два мозаика la cascade de Tivoli et l'arc de Septime Sévère, прекрасные и преудивительные. Сегодня пишу къ брату, чтобы онъ тотчасъ ему деньги заплатилъ 38½ ч., а какъ ты равномѣрно принималъ участіе въ дѣлѣ, то и тебя благодарю, любезный мой Александръ. Ежели же ты послалъ къ нему уже деньги, пускай онѣ и останутся у него на будущія комиссіи, или употреби ихъ на свои, когда не можешь безъ нихъ обойтиться. О посылкахъ съ Бреверномъ и съ Пиніемъ по сю пору слуха нѣтъ. Послѣдній не могъ еще пріѣхать, а о первомъ пишу къ Ивану Алексѣевичу, котораго и прежде уже предварилъ, чтобъ его отыскалъ.

Ко мнѣ стороною доходятъ вѣсти о тебѣ: все хорошо, но всѣ почитаютъ тебя щедрымъ и расточительнымъ. Скупость дурна, но береж-

---

[1]) Т. е. заплатить дороже.

[2]) Остафьевѣ.

ливость похвальна, и я смертельно боюсь, чтобы ты не надѣлалъ долговъ въ какой ни есть неосновательной надеждѣ на будущее. Когда что̀ Богъ пошлетъ, тогда можно будетъ и попользоваться; а когда есть долгъ, то все употребить должно на заплату, а сверхъ того, тягости и печали, неудовольствія и терпѣнія, происходящія отъ долговъ. Боже, сохрани отъ нихъ!

На сихъ дняхъ стану кутать садъ. На острову построилъ я Отаитическій домъ, какъ въ Воронцовѣ, и очень удался. Завтра у насъ откроется Благородное Собраніе. Весь домъ обновленъ и удался. Весь вновь расписанъ. Я, правда, измучился; но, слава Богу, все поспѣло. На сихъ дняхъ умеръ графъ Мамоновъ, который былъ при дворѣ[1]) и послѣ все жилъ запершись въ Москвѣ. Ежели сіе письмо застанетъ Людолфа, то скажи ему тысячи вещей. Я его весьма люблю. Онъ былъ со мною въ Крыму. Но понять не могу, чтобы дочь его была уже невѣста. Я, кажется, въ 1789 году оставилъ его еще безъ дѣтей. Сентъ-При есть сынъ его сестры; но у нихъ и на племянницахъ женятся. За извѣстія объ Алжирѣ и пр. благодарю. Желательно, чтобы Нельсонъ сдержалъ слово. Поздравляю тебя съ охотою къ картинамъ, но не желаю до того пристраститься, чтобы захотѣть ихъ покупать. Всему, однако, не вѣрь; ибо никто не повѣритъ, чтобы Юсуповъ столько бросилъ денегъ за копіи. Онъ было поселился здѣсь на зиму, но занемогла жена, и онъ поскакалъ въ Петербургъ. Когда ты приводишь Буфлера, сіе доказываетъ, что читаешь хорошія книги, и я тому радъ. Ал. Ив. Пушкинъ поѣхалъ въ Калугу, для деревенскихъ дѣлъ; возвратясь, отправится въ Петербургъ и повезетъ Александра въ институтъ къ Французамъ, а съ нимъ и аббата своего[2]). Сіе для меня мудрено; но видно, нужно. Всѣ они у меня обѣдали третьяго дня.

*

Москва, 12 Октября 1803.

Конечно, надъ чернилами у васъ дѣйствуетъ климатъ: письма твои такъ бѣлы, что едва прочесть можно; а ежели полежать долѣе, то и разобрать нельзя. Чернила не Венгерское: сіе чѣмъ долѣе стоитъ, тѣмъ лучше, а съ ними случается противное. Сіе примѣчаніе я дѣлаю для того, что ваши депеши, ежели неудобно ихъ прочесть, то и вамъ бѣда. Все, что̀ четко, ясно и хорошо написано, услаждаетъ; но министръ, который съ трудомъ читать можетъ, сердится на писавшаго; а посему и прочее разумѣвай, т.-е. что онъ позабудетъ его заслуги, а вспомнитъ только, что онъ обезпокоилъ себя читаніемъ.

---

[1]) Осторожное выраженіе про извѣстнаго любимца Екатерины II-й.

[2]) Т.-е. извѣстнаго аббата Скрюга.

О себѣ пиши также все, что̀ позволитъ совѣсть; и дай Богъ, чтобъ она все писать позволяла. Я самъ былъ молодъ: дѣлалъ все, что̀ другіе дѣлаютъ, даже и моталъ, но такъ, что, какъ ничего не могъ ожидать отъ отца, исправлялся самъ собою. Сей примѣръ не предписываю вамъ для слѣдованія. Я тогда уже успѣлъ поведеніемъ заслужить дружбу, уваженіе, довѣренность и помощь отъ людей, гораздо меня важнѣйшихъ. Это время прошло, ибо все послѣ испортилось, и вы уже не можете подобнаго ожидать, ниже самымъ безпорочнымъ поведеніемъ. Я не люблю нравоученій дѣлать; но вы такъ молоды, такъ еще неопытны. Кто же вамъ отворитъ глаза, ибо все въ свѣтѣ васъ обманываетъ, потому что по молодости все васъ прельщаетъ? Отецъ, ежели его послушаете. Сіе пишу въ послѣдній разъ, ибо и мнѣ скучно быть педагогомъ, и не пришло бы на мысль сего, ибо почитаю васъ довольно разсудительными, ежели бы не побудило меня къ тому глупое, непростительное и гадкое поведеніе Александра Васильевича [1]). Но сіе должно вамъ послужить образцомъ и примѣромъ, для избѣжанія подобнаго поведенія, которое на вѣки его губитъ со всѣхъ сторонъ. Совѣтъ г. Карпова весьма благоразуменъ. Въ Неаполѣ мудрено научиться идти далѣе и себя показать. Но гдѣ же другое найти мѣсто? Я не вижу, кромѣ Вѣны; но тамъ такъ много народа. Потерпи; а ежели представится гдѣ хорошее мѣсто, я на все соглашусь. Но и то правда, что при теперешнемъ дворѣ скорѣе что-нибудь выслужишь; можетъ быть, скоро попадешь въ совѣтники посольства. Но ежели представится хотя малый лучъ надежды, пускай Карповъ напишетъ о тебѣ; ему въ вину сего никакъ никто поставить не можетъ, а можетъ быть и удастся. Здѣсь сильно говорятъ, что Воронцовъ въ отставку идетъ, или и безъ его хотѣнія отпустятъ. Въ семъ случаѣ Татищевъ долженъ будетъ ѣхать въ Неаполь, или пошлютъ другого. Послѣднія письма изъ Петербурга гласятъ, что Кочубей займетъ мѣсто Воронцова (но только вице-канцлеромъ), а его мѣсто отдадутъ князю Лопухину. Но все сіе невѣрно; ибо все такъ изолгалось, что вѣрить ничему нельзя, пока не исполнится. Давно ничего я не слыхалъ о бывшей княжнѣ Дарьѣ [2]). Иванъ Володимеровичъ надѣется сюда быть въ семъ мѣсяцѣ; извиняется недосугомъ, что мнѣ не отвѣчаетъ; а я нѣсколько разъ писалъ къ нему объ васъ. Здѣсь неоднократно проповѣдывали, что онъ будетъ генералъ-прокуроромъ. Сіе не состоится, ибо онъ не хочетъ; но Державинъ, кажется, не долго подержится. Прискорбно мнѣ быть худымъ вѣстникомъ, но надлежало сказать о Тургеневѣ. Объ обстоятельствахъ его смерти ничего сказать не могу, ибо и отецъ о томъ не знаетъ.

---

[1]) Приклонскаго. Это былъ племянникъ Я. И. Булгакова, сынъ сестры его.

[2]) Т.-е. дочери князя Н. В. Репнина, вышедшей за Каленберга.

Николая Николаевича [1]) рѣдко я вижу, потому что говорить съ нимъ трудно и ему, и мнѣ; но онъ васъ любитъ. Московскій Тассъ [2]) обѣдаетъ у меня раза три въ недѣлю, ибо теперь даетъ уроки въ пансіонѣ у Дель-Саля, противъ Муромцевой. Человѣкъ добрый, но сильно лжетъ. Не совѣтую тебѣ пренебрегать Аглинской языкъ, который весьма тебѣ будетъ полезенъ; но и тому радуюсь, что ты принялся за пейзажи. Садъ мой уже и теперь хорошъ, въ него нечего прибавить, но украшаю его цвѣтами. Банкиру я заплатилъ взятое тобою на Іюль, Августъ и Сентябрь. Мозаики прекрасны и производятъ шумъ въ Москвѣ. О Бревернѣ по сю пору слуха нѣтъ; я писалъ къ Алексѣеву объ немъ навѣдаться, но еще отвѣта не имѣю.

У меня домъ былъ готовъ; я измучился, его украшая. Но въ самый день открытія Собранія, т.-е. 6-го Октября, получено извѣстіе о смерти великой княгини Елены Павловны. Наложенъ трауръ до Рождества, театры заперты, собраній не будетъ.

Тургеневъ у меня вчерась обѣдалъ; я ему прочелъ, что̀ ты пишешь объ Андреѣ. Мы тутъ поплакали. Онъ весьма чувствителенъ ко всему, тобою сказанному. Сбирается самъ къ вамъ писать.

*

Москва, 19 Октября 1803.

Державинъ, наконецъ, отставленъ съ 4.000 жалованья и 6.000 р. столовыхъ, вмѣсто пенсіи. Но кто на его мѣстѣ? Можетъ быть, не отгадаешь; ибо и я долго не хотѣлъ вѣрить. Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ министромъ юстиціи или генералъ-прокуроромъ. Онъ будетъ силенъ, и всѣ тому рады. Приходитъ мнѣ мысль о тебѣ. Ежели князь Гагаринъ истинно къ тебѣ друженъ, ты можешь къ нему писать о своей нуждѣ; а ежели онъ сдѣлаетъ хорошее внушеніе, то князь Петръ Васильевичъ, словомъ своимъ вступясь за тебя, можетъ много помочь: напримѣръ, чинъ тебѣ выходить, ибо была о тебѣ рекомендація отъ Левонтьева, жалованье выпросить и даже, ежели тебѣ скучно въ Неаполѣ, а ты желаешь лучше быть въ Вѣнѣ, то и туда тебя перевести. Я, съ моей стороны, на все сіе согласенъ и утверждаюсь на совѣтѣ г. Карпова, что въ Неаполѣ мѣсто незавидное, и только тѣмъ однимъ хорошо, что васъ мало и работа виднѣе; но въ Вѣнѣ дѣла важнѣе, и тамъ можно работать прилежно, кто нелѣнивъ. Отставленъ также оберъ-прокуроръ синодскій Яковлевъ, а на его мѣсто опредѣленъ сенатскій оберъ-прокуроръ Духовицкій, кажется, по старанію князя Петра Ва-

---

[1]) Бантыша-Каменскаго, уже тогда страдавшаго глухотою.

[2]) Не знаемъ, кто.

сильевича Лопухина. За трауромъ нѣтъ ни театра, ни баловъ, ни собранія, которое у меня совсѣмъ было готово. Біянки сказывалъ мнѣ, что Пентерелли, Итальянецъ, здѣшній торгашъ, котораго, можетъ быть, и ты знаешь, находится въ Неаполѣ для закупки товаровъ и сюда отправится зимою. Можетъ быть, тебѣ случится что̀ послать; а станется, что и онъ у тебя явится для паспорта, ежели они и отъ васъ берутъ.

*

Москва, 5 Ноября 1803.

На сихъ дняхъ умеръ сенаторъ Николай Ивановичъ Масловъ, какая-то Матюшкина, которой вся Москва родня, но не штатсъ-дама; умираетъ княгиня Урусова, сестра Волковыхъ. Между тѣмъ и женятся: Нат. Ал. Муромцова сговорила двухъ падчерицъ: одну за Бибикова, другую не помню за кого. Она сюда будетъ изъ деревни въ Декабрѣ. Недавно пріѣхалъ сюда отставной генералъ князь Сергѣй Ѳедоровичъ Голицынъ. Я у него спрашивалъ о маіорѣ Бреверпѣ; отвѣчалъ, что онъ уже въ Ригу проѣхалъ и обѣщался мнѣ писать туда, дабы выручить твою посылку. Теперь онъ боленъ. По причинѣ траура по великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ увеселенія прервались; по третьяго дня опять позволены, и въ Дворянскомъ Собраніи былъ первый съѣздъ. Всѣ были довольны тѣмъ, что̀ я сдѣлалъ. Теперь подлинно тамъ такъ хорошо, что для одного дома станутъ ѣздить больше прежняго.

Тургеневу обѣщали обоихъ сыновей опредѣлить въ архивъ; но по сю пору повелѣніе прислано только объ одномъ. Ник. Ник. Каменскій у меня и съ дочерьми обѣдалъ и о семъ сказывалъ, а Тургенева я давно не видѣлъ и не знаю, что̀ съ нимъ дѣлается. И. И. Лопухинъ изъ Петербурга еще не пріѣхалъ.

*

Москва, 9 Ноября 1803.

Вчерась ужиналъ я у князя Багратіона, гдѣ многіе объ васъ спрашивали, какъ то часто очень случается. Я всѣмъ отъ васъ кланяюсь. и всѣ кланяться вамъ приказываютъ. Тамъ были Пушкины, Зиновьевы, Демидовы и еще человѣкъ 50. Ты уже теперь отъ брата знаешь, что посылка твоя съ Неапольскимъ курьеромъ отъ Руфо пропала, и слѣдовательно даже и письма твоего подъ № 33 я не получилъ. Можетъ быть, политическая причина заставила Руфо таить присылку къ нему курьера; а посему станется, что оная, при прибытіи новаго курьера, явится, или станется и то, что курьеру не велѣли въ Неаполѣ ее брать, о чемъ ты можешь навѣдаться у того, кому посылку отдалъ. Жаль. что она пропала, хотя и не знаю, въ чемъ состоитъ; но все отъ васъ

идущее мнѣ пріятно. Видно, что ты въ потерянномъ письмѣ отвѣчалъ также и на мой № 37. Но что̀ дѣлать? Князь Александръ Борисовичъ по сю пору изъ деревни не бывалъ, а когда пріѣдетъ, я, конечно, не упущу съ нимъ похлопотать о г. Карповѣ. Похваляю тебя, что ты стараешься ему угождать и заслужить его довѣренность. Сего правила и всегда держись съ своими начальниками. Сожалѣю о приключеніи съ графинею Воронцовой. Слава Богу, что прошло счастливо; но все они должны были быть въ страхѣ и почитать себя въ опасности. Наши новости: рекрутскій наборъ съ 250 душъ. Польскіе актеры, у коихъ директоромъ Кажинской изъ Вильны и котораго, однакожъ, я еще не видѣлъ, по сю пору не играли, хотя деньги собрали. Вчерась обѣдалъ у меня Малиновскій *); я ему говорилъ о штатѣ. Онъ отвѣчалъ, что сей штатъ составляетъ цѣлую книгу и можетъ мнѣ его дать. Но на что̀ тебѣ? Скажи, что̀ тебѣ нужно, а тогда мы нужное выпишемъ, а посылать его къ тебѣ самая пустота; ибо пока дойдетъ, все перемѣнится, такъ какъ и теперь многое уже перемѣнилось отъ пріема новыхъ, отъ выбытія старыхъ и пр.

*

Москва, 16 Ноября 1803.

Я, кажется, писалъ уже, что пріѣхала сюда труппа Польская изъ Минска; директоръ ея Кажинской, нашъ Виленскій актеръ. 12-го они здѣсь играли комедію Богуславскаго *Модныя Спазмы*. Народа было ужасть; играли пресовершенно и полюбились, хотя языка никто не разумѣетъ. Кажинской былъ у меня, объ васъ спрашивалъ. Онъ еще дастъ три или четыре спектакля. Хотѣлъ играть оперу *Ассуръ*, но князь Волконской не позволяетъ, потому что Русскіе актеры оную учатъ и боятся, чтобы послѣ Польскихъ не осрамиться, что̀ и основательно; ибо Поляки затмили здѣсь и Русскій, и Французскій театры. Муромцева пишетъ ко мнѣ, что помолвила падчерицу Елисавету за какого-то Бибикова. Вотъ уже третья, которую она выдаетъ въ теченіе двухъ лѣтъ.

Карамзинъ сдѣланъ Россійскимъ исторіографомъ и получаетъ 2.000 р. жалованья. Журналъ свой бросаетъ съ симъ годомъ и собирается писать Россійскую Исторію.

Вчерась обѣдали у меня многіе, какъ-то: княгиня и князь Сергѣй Ивановичъ, князь Багратіонъ, князь Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ, Демидовъ, Юшковъ и много другихъ.

*

---

*) Алексѣй Өедоровичъ.

Москва, 26 Ноября 1803.

За все твои новости тебѣ спасибо, а не меньше и за росписаніе твоихъ расходовъ. Я къ тебѣ послалъ небольшую помочь, которая конечно уже до тебя дошла; но не совѣтую тебѣ издержаться на исполненіе прихотей другихъ, т.-е. коммиссій; будь увѣренъ, что ни отъ кого ни копѣйки не получишь и будешь въ дуракахъ. Кому чтò надобно, пускай деньги напередъ присылаетъ. Сегодня заплатилъ я взятые тобою на Октябрь 70 дукатовъ.

Польскіе комедіанты играли четыре комедіи и трагедіи. Театръ былъ всегда набитъ и доволенъ. Будутъ еще играть оперы, но теперь всѣ охрипли. Кажинской у меня бываетъ часто. Я писалъ давно, что умерли два брата Голицыны, помѣщики Вязёмы; а теперь и послѣдняго похоронили. Вязёмы онъ отказалъ князю Бор. Голицыну*), племяннику графини Дарьи Петровны Салтыковой.

*

Москва, 10 Декабря 1803.

Ты меня много обязываешь, описывая свои короткія путешествія около Неаполя, изъ чего я вижу, что ты и читаешь книги, ибо нерѣдко цитуешь пассажи изъ авторовъ или, можетъ быть и то, что сказываешь слышанное отъ другихъ; но и сіе приходитъ кстати. Хорошо ты дѣлаешь, что пишешь журналъ всему, чтò видишь; а что видѣнное не походитъ на прежнее описаніе, тому причина, что всякой видитъ своими глазами, т.-е. различно съ другимъ, а иные и прилыгали.

Наконецъ князь Александръ Борисовичъ пріѣхалъ; но я его еще не видалъ. Были у меня сегодня Иванъ Петровичъ и Сердобинъ. Онъ здѣсь проживетъ съ недѣлю, и я вѣрно не упущу съ нимъ говорить о г. Карповѣ. Удивительно однако, что онъ откладываетъ просьбу свою до отставки: тогда-то и меньше надежды, ибо, отпуская человѣка, о немъ не радятъ. О Бревернѣ ни слуху. Князь С. Ѳ. Голицынъ обѣщалъ писать въ Ригу; но я его давно не видалъ. Явившійся у васъ Энгелярдъ долженъ быть какой бродяга. Князь Степанъ Борисовичъ Куракинъ изъ Москвы не выѣзжалъ и здоровехонекъ; никто его никогда на дорогѣ не ограбилъ. Надобно очень остерегаться подобныхъ людей, а лучше и никому не вѣрить незнакомому.

Иванъ Петровичъ Тургеневъ получилъ ленту Св. Анны перваго класса и продолженіе университетскаго жалованья до тѣхъ поръ, пока

*) Старшему брату князя Дмитрія Владимировича, Московскаго генералъ-губернатора. Славное подмосковное село Вязёмы принадлежитъ нынѣ внуку сего послѣдняго, князю Дмитрію Борисовичу Голицыну.

определится къ мѣсту. Онъ скоро переѣдетъ въ свой домъ, т.-е. въ домъ Анны Николаевны Исаевой [1]) на Покровкѣ [2]). По смерти ея достался онъ Ивану Володимеровичу, а сей продалъ его Ивану Петровичу, который его отстроилъ. Иванъ Володимеровичъ каждую недѣлю пишетъ, что дѣла его кончатся; но по сю пору того не видать.

*

Москва, 17 Декабря 1803.

Князь Александръ Борисовичъ здѣсь проѣхалъ. Мнѣ весьма горестно было его не видать по причинѣ моей подагры; но наконецъ пересилилъ ее, былъ у него въ самый день его отъѣзда въ Петербургъ, т. е. 15-го сего мѣсяца. Говорилъ я съ нимъ о г. Карповѣ. Онъ все знаетъ, даже исторію Швеціи, и очень расположенъ ему помочь и обѣщался. «Мнѣ, говорилъ онъ, теперь нельзя прямо ничего сдѣлать по моему отдаленію отъ Иностранной Коллегіи; но помочь тѣмъ удобнѣе и легче, что князь Чарторыйскій, управляющій теперь дѣлами иностранными, самъ мнѣ отзывался чрезвычайно хорошо объ Карповѣ, утверждая, что онъ крайне имъ доволенъ; что трудно что нибудь сдѣлать по системѣ ничего не давать». Но когда я ему объ арендѣ намекнулъ, «сіе только есть одинъ способъ, сказалъ онъ, могущій употребленъ быть ему въ пользу». Обѣщалъ опять стараться и просилъ меня къ нему отписать недѣли черезъ три, дабы ему припомнить, что̀ я конечно не упущу сдѣлать. Дай Богъ, чтобы удалось! Говорилъ я, чтобы и вамъ онъ помогъ, хотя о Константинѣ и старается графъ Разумовскій, а о тебѣ есть рекомендація отъ Леонтьева. Обѣщалъ и о семъ не забыть.

Письма ваши мнѣ пріятны, хотя бы они и пустяками были наполнены, ибо все объ васъ знать меня утѣшаетъ. И, слава Богу, по сю пору непріятнаго я еще не слыхалъ и не получалъ. А откровенность тѣмъ для васъ самихъ нужнѣе и полезнѣе, что иногда могу вамъ и хорошее присовѣтовать, зная свѣтъ больше вашего по тому одному, что долѣе васъ въ немъ обращался и бывалъ во всякихъ положеніяхъ. И такъ, утѣшительно будетъ для меня, ежели ты не будешь скрывать ничего, ни добраго, ни худаго.

Разсказывалъ я князю Александру Борисовичу, что Энгельрдъ приготовилъ ему домъ и пр. Мы долго сему смѣялись. Мысль его не пе-

---

[1]) Исаевы были при Петрѣ Великомъ Рижскіе торговцы, но въ родствѣ съ Бестужевыми-Рюмиными, Евреиновыми и Лопухиными.

[2]) Нынѣ П. П. Боткина, въ Петроверигскомъ переулкѣ, съ прекраснымъ видомъ на берега Яузы и на Замоскворѣчье.

ремѣняется. Онъ желаетъ ѣхать за границу, жить во Франкфуртѣ, а оттуда всюду разъѣзжать; но ненадежно, чтобы его отпустили изъ Петербурга. Канцлеръ Воронцовъ получилъ позволеніе удалиться отъ дѣлъ на два года, куда хочетъ, съ жалованьемъ и пр. А по сему судить можно, что и Татищевъ принужденъ будетъ поѣхать въ Неаполь. Объ арендѣ г. Карпову прибавлю, что ежели бы только дали, то можно обратить ее въ пользу, отдавъ также на аренду другому со всѣми обязательствами и получая доходъ безъ всякихъ хлопотъ и старанія. Энгелярдъ вашъ чуть не тотъ ли, который въ Смоленскѣ напроказилъ, былъ изгнанъ дворянствомъ и шатался по свѣту. Меня никогда никакой Энгелярдъ не конвоировалъ. Но сія исторія должна тебя научить впредь осторожнѣе съ незнакомыми поступать. Дураки и безъ тебя дураками останутся; а почто попусту рисковать для всякаго бродяги?

Кажинской игралъ здѣсь шесть разъ, собралъ довольно денегъ и поѣхалъ въ Смоленскъ. Иванъ Григорьевичъ Фризель сюда пріѣхалъ, о чемъ я, кажется, уже писалъ. Поѣхалъ въ Вышній Волочекъ для отправленія оттуда вина въ Петербургъ по подряду, а Мавра Лукинична живетъ у княгини и всякой день ждетъ назадъ мужа, употребляя между тѣмъ время на театръ и на Кузнецкомъ мосту.

*

Москва, 24 Декабря 1803.

Наконецъ Москва просіяла: Фастъ въ нее прибылъ, вчерась былъ у меня; я ему письмо твое отдалъ, и онъ будетъ отвѣчать на слѣдующей почтѣ.

Каштаны посажены; но зима сильна морозами, снѣгу же мало; боюсь, чтобы не пропали, хотя сильно окутаны.

Въ Болоніи столь неудачно леталъ мой знакомый Санъ-Бекарія, сынъ одного изъ первыхъ тамъ людей. Онъ былъ въ Цареградѣ, поѣхалъ въ Россію, вступилъ въ морскую службу поручикомъ и по несчастію случился на томъ кораблѣ, который бурею занесло въ Буюкдере, посаженъ въ Bagno, откуда чужестранные министры едва его выручили, увѣривъ Порту, что былъ онъ только пассажиромъ; однако онъ чуть въ другорядь не утонулъ. Море его или очень любитъ или не терпитъ; по газетамъ видно, что онъ спасся, но отморозилъ руки и натурально всѣмъ тѣломъ пострадалъ.

Графинѣ Скавронской отъ меня кланяйся и благодари за ея память. Кажется мнѣ, что графиня Литта поѣхала за границу и конечно будетъ въ Неаполѣ.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА [1]).

Боюсь, какъ бы недостало такихъ яркихъ колеровъ на моей палитрѣ, чтобы написать разнообразную, оживленную и блестящую картину, каковую представляла Рязань, погруженная въ апатично-провинціальный сонъ при предшественникѣ П. П. Новосильцова. Мѣстная общественная жизнь мгновенно стала походить на ту, о которой говорится въ баснѣ «Стрекоза и Муравей»:

„Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило“,

и хотя не было еще тогда, какъ нынѣ, семичасового проѣзда по желѣзной дорогѣ изъ Москвы въ Рязань, но пріѣзжали нарочно на наши празднества Москвичи и Москвички изъ высшаго тамошняго круга.

Новосильцовы прибыли въ Рязань, окруженные своимъ маленькимъ штатомъ, состоявшимъ изъ Михаила Ивановича Бернарда и его сына Евгенія Михайловича [2]), Аграфены Николаевны Гриневой (воспитательницы дѣтей Петра Петровича отъ перваго его брака съ Мансуровой), старухи Авдотьи Ѳедоровны Волжинской, давно проживавшей въ семьѣ Новосильцовыхъ, и изъ вновь выпущенной институтки Маріи Петровны Купферштейнъ, которая воспитывалась на счетъ Петра Петровича. Единственная отъ втораго брака дочь, его Софья Петровна, тогда пятилѣтній ребенокъ, была такимъ живымъ портретомъ своего отца, что Московская наша Сафо, графиня Е. П. Растопчина, говаривала, что Петръ Петровичъ произвелъ эту свою дочь на свѣтъ по при-

---

[1]) См. выше, стр. 239.

[2]) М. И. Бернардъ занимался адвокатурой въ Москвѣ и этимъ пріобрѣлъ значительное весьма состояніе. Въ Жиздринскомъ уѣздѣ (Калужской губ.) у него было около 800, если не болѣе, душъ, и другое еще имѣніе въ Тульской (кажется) губерніи. Кромѣ Евгенія былъ у него еще сынъ Николай (или Александръ) и три (если не ошибаюсь) дочери. Чуть-ли не былъ Михаилъ Ивановичъ, въ первой своей молодости, фортепіаннымъ учителемъ, и кажется, что Петербургскій содержатель музыкальнаго магазина и издатель нотъ Бернардъ былъ роднымъ ему братомъ.

мѣру Юпитера, создавшаго самолично Минерву, безъ всякаго материнскаго содѣйствія. Да и насчетъ умственныхъ способностей и находчивости въ отвѣтахъ ребенокъ этотъ былъ уже и тогда весь въ папашу.

Красивый старикъ былъ М. И. Бернардъ: лицомъ свѣжъ и румянъ, безъ одной морщины, съ орлинымъ носомъ и большими черными глазами, обличавшими Еврейское, или другое какое-нибудь южное происхожденіе, и съ длинными густыми сѣдыми волосами, курчавыми отъ природы. Сынъ его Евгеній Михайловичъ не владѣлъ ногами съ самаго дѣтства и не иначе ходилъ, какъ на двухъ костыляхъ. Собою онъ недуренъ, но далеко ему въ этомъ отношеніи до отца. Предъ его пріѣздомъ въ Рязань онъ былъ чѣмъ-то въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи, но поссорившись съ тогдашнимъ вице-губернаторомъ, Алексѣемъ Александровичемъ Берингомъ (впослѣдствіи оберъ-полицеймейстеромъ), онъ подалъ въ отставку и въ Рязани опредѣленъ былъ непремѣннымъ членомъ въ строительной и дорожной комиссіи (которую называлъ П. П. Новосильцовъ *безпутною*). Его туда назначилъ Петръ Петровичъ, чтобы имѣть вѣрнаго тамъ человѣка, и онъ часто бралъ съ собою молодаго Бернарда на ревизію по губерніи, вмѣсто чиновника особыхъ порученій, каковое распоряженіе иные находили неправильнымъ. Евгеній Михайловичъ, человѣкъ весьма способный и честный, страдалъ обломовщиною, на сколько мнѣ казалось, избѣгалъ серіознаго, усидчиваго занятія и, вдобавокъ, былъ крайне молчаливъ. Спустя менѣе года, Аграфена Николаевна Гринева отправилась за границу къ княгинѣ Екатеринѣ Петровнѣ Вяземской, дочери Петра Петровича, долго жившей, по слабости здоровья, въ Неаполѣ, и въ домѣ ея Аграфена Николаевна умерла, много позднѣе, въ Брюсселѣ [1]). Старушка Авдотья Өедоровна Волжинская была вдова бывшаго когда-то Болховскаго городничаго, и знакомство ея съ Новосильцовыми произошло, вѣроятно, чрезъ Екатерину Петровну Яковлеву, родную сестру Петра Петровича, постоянно жившаго въ лѣтнее время въ ея имѣніи, вблизи Болхова. Смѣшно немного было, что Меропа Александровна привыкла звать семидесятилѣтнюю Авдотью Өедоровну Дунею. Онѣ были на *ты* между собою [2]).

---

[1]) Аграфена Николаевна Гринева и сестра ея Александра Николаевна Д. (по сю пору здравствующая и поселившаяся въ Сергіе-Троицкомъ посадѣ) были незаконно-рожденныя дочери какого-то вельможи.

[2]) Говорливая и добродушная эта старушка однажды разсказывала мнѣ, что въ 1812 году, когда мужъ ея былъ Болховскимъ городничимъ, слухи носились въ ихъ городѣ, что Москва уже занята Французами; но какъ сообщенія съ дѣйствующею арміей были прерваны, а изъ жителей Москвы никто еще не бѣжалъ въ южныя губерніи,

Не слѣдуя традиціямъ иныхъ, вновь опредѣленныхъ губернаторовъ, Петръ Петровичъ никого не смѣстилъ изъ служившихъ при С. П. Кожинѣ и даже, вслѣдствіе, быть-можетъ, этого принципа, взялъ себѣ въ камердинеры крѣпостного человѣка своего предшественника, Кондратія, бывшаго таковымъ при его умершемъ баринѣ. Изъ уваженія же къ памяти своего предмѣстника, а также по природной своей добротѣ, Петръ Петровичъ захотѣлъ отслужить заупокойную церковную службу по С. П. Кожинѣ съ нѣкоторою торжественностью *), въ присутствіи нарочно для сего приглашенныхъ сослуживцевъ покойника, и въ томъ числѣ губернскаго предводителя; но сей послѣдній не принялъ приглашенія Петра Петровича, на томъ основаніи, что подобная-де оффиціальная манифестація могла быть непріятна господамъ дворянамъ, не любившимъ покойнаго губернатора. Отказъ этотъ огорчилъ П. П. Новосильцова. «Какъ находите вы это?» говорилъ онъ намъ впослѣдствіи. «Вражда этихъ господъ преслѣдуетъ этого бѣднаго человѣка даже за гробомъ». Вотъ онъ вполнѣ обнаженный, этотъ, не разъ высказанный мною, тогдашній принципъ, на основаніи коего губернскіе предводители силились стать, во что бы то ни стало, во враждебныя отношенія къ мѣстной административной власти, ради выказыванія ихъ будто бы самостоятельности въ глазахъ ихъ избирателей. Отсюда возникали частыя ихъ пререканія съ губернаторами и притязанія, что они стоятъ наравнѣ во всемъ съ послѣдними. А какое выходитъ, въ сущности, равенство между ними, когда г.г. губернаторы, аттестуя ежегодно всѣхъ служащихъ въ губерніи лицъ, не исключаютъ въ томъ числѣ и самого губернскаго предводителя; да и сверхъ того, когда городскія больницы не были еще, какъ нынѣ, подвѣдомственны мѣстному земству, губернаторъ былъ президентомъ больничнаго комитета, а губернскій предводитель въ немъ лишь вице-президентомъ?

Рязанскимъ вице-губернаторомъ былъ тогда одинъ изъ ветерановъ отечественной войны 1812 года съ оторванною ногою въ дѣлѣ при

то не имѣлось въ Болховѣ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній о ходѣ военныхъ дѣйствій, и жители этого города находились въ тревожномъ состояніи. Наконецъ, скачетъ фельдъегерь куда-то на Югъ, и обрадованные Болховитяне обступаютъ его, во время перекладки лошадей, съ распросами о Москвѣ; но, о горе! фельдъегерь былъ до того пьянъ, что ни слова не могъ имъ сказать, и пришлось бѣднымъ горожанамъ оставаться въ прежнемъ ихъ невѣдѣніи о судьбѣ Бѣлокаменной. Въ концѣ 50-хъ годовъ Новосильцовы помѣстили эту старушку въ Московскій Вдовій Домъ, гдѣ она, вѣроятно, и скончалась.

*) С. П. Кожинъ похороненъ въ Рязанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ также похоронены: моя Анетина, Марія Ардаліоновна Кикина (мать покойной княгини Маріи Петровны Волконской) и ея мать Торсукова (племянница знаменитой М. С. Перекусихиной).

Арсисъ-Сюръ-Объ (на сколько помнится мнѣ) въ кампаніи 1814 года, Сергѣй Семеновичъ Веселовскій, двоюродный братъ Тарускаго помѣщика Петра Ильича Веселовскаго. Онъ былъ изъ бѣдныхъ Смоленскихъ дворянъ [1]) и существовалъ однимъ жалованьемъ и пенсіономъ отъ комитета о раненыхъ. Это былъ добронравный, тихій и безвредный старикъ, но малоспособный по гражданской службѣ, и имъ управлялъ старшій секретарь губернскаго правленія, Полякъ по фамиліи (если не ошибаюсь) Коменицкій. Совѣтниками губернскаго правленія были г.г. Документовъ, Зайцевъ и Щепунинъ. Первый изъ нихъ (старшій совѣтникъ) былъ дока въ дѣлахъ, съ пріятною весьма наружностію и таковыми же свѣтскими манерами; онъ сдѣлался постояннымъ партнёромъ вечерней карточной игры Петра Петровича. Второй совѣтникъ, Александръ Ник. Зайцевъ, былъ не глупъ, но желченъ и бюрократическій крючкотворъ съ антецедентами прежней его службы по провіантской части, отзывавшимися иногда въ настоящей его должности. Третій совѣтникъ, Щепунинъ, былъ олицетворенное ничтожество, безцвѣтность и бездарность, и значеніе его въ Губернскомъ Правленіи равнялось нулю. Ассесоромъ былъ Дмитрій Александровичъ Гвоздевъ, родной братъ много значащаго въ министерствѣ Дмитр. Гаврил. Бибикова [2]) директора департамента общихъ дѣлъ, Александра Александровича Гвоздева. Нашъ ассессоръ Гвоздевъ [3]) былъ личность чистая, неподкупная и то что̀ зовется добрый малый, но человѣкъ недалекій и не дѣлецъ. Благодаря вышесказанной Петербургской поддержкѣ, ему удалось сыграть важную довольно роль въ одномъ дѣлѣ, причинившемъ множество непріятностей Петру Петровичу, какъ о томъ разскажу гдѣ слѣдуетъ. Однимъ изъ младшихъ секретарей Губернскаго Правленія, тотъ что̀ былъ по отдѣленію Зайцева, служилъ уже тогда (или поступилъ въ слѣдующемъ 1853 году) недокончившій курсъ студентъ Московскаго университета, Полякъ Викентій Ѳомичъ Раковскій [4]). Правителемъ гу-

[1]) Тарускіе Веселовскіе были также выходцы изъ Смоленскихъ дворянъ.

[2]) Преемника графа Льва Алексѣевича Перовскаго и предмѣстника Сергѣя Степановича Ланского.

[3]) Жена его, Софія Павловна, рожденная Гаевская, пышная кровь съ молокомъ молодая женщина, была внучка по матери извѣстнаго содержателя Московскаго театра въ началѣ нынѣшняго вѣка, Англичанина Медокса.

[4]) Онъ впослѣдствіи былъ чиновн. особыхъ порученій при Калужскихъ губернаторахъ гр. Дмитр. Ник. Толстомъ и Вик. Ант. Арцымовичѣ, потомъ правителемъ канцеляріи послѣдняго, потомъ Тарускимъ исправникомъ и въ 1861 году мировымъ посредникомъ и мировымъ судьею въ томъ же уѣздѣ, а въ настоящее время (въ 1874 году) уже прокуроромъ Владимирскаго окружнаго суда; женатъ съ 1863 года на дочери бывшаго Тарускаго откупщика, Ив. Леонт. Тимофеевскаго.

бернаторской канцеляріи остался тотъ самый что̀ былъ при С. П. Кожинѣ, Николай Ивановичъ Дмитревскій, нами прозванный Косма безсребренникъ за примѣрную его честность, человѣкъ даровитый, опытный служака и отлично владѣвшій перомъ; но всѣ эти качества затмѣвались, къ сожалѣнію, невоздержанностію къ горячимъ напиткамъ, все болѣе и болѣе усиливавшеюся съ годами, что̀ и помѣшало сдѣлать ему видную карьеру; хотя на склонѣ его жизни, онъ было и попалъ въ Петербургскую канцелярію Министерства Внутрен. Дѣлъ, но вскорѣ умеръ [1]). Губернаторскими чиновниками особыхъ порученій были слѣдующіе. Трое изъ старшихъ Иванъ Карловичъ Мартенсъ [2]) и г. г. Эмецъ и Купцевъ, послѣдній изъ коихъ отличался болѣе какъ виртуозъ на віолончели, нежели рвеніемъ къ служебнымъ занятіямъ и вообще избѣгалъ бо-монднаго общества. Младшими чиновниками особыхъ порученій были: Александръ Ивановичъ Протасьевъ (балованный сынокъ богатаго откупщика-дворянина Владимирской губерніи), Степанъ Тимофеевичъ Славутинскій (умнѣйшая личность, отличнѣйшій чиновникъ по слѣдственной части и вдобавокъ литераторъ и поэтъ не изъ плохихъ [3]), и почти шестидесятилѣтній г. Кромскій, не отличавшійся, помнится мнѣ, ни въ чемъ и нигдѣ не показавшійся.

Архіепископомъ Рязанскимъ былъ всѣми чтимый и любимый Гавріилъ, подвижнической жизни и ученый іерархъ [4]). Но паче всего онъ отличался такимъ дѣтскимъ простодушіемъ, что трудно было ему понять, какъ могутъ быть на свѣтѣ злонамѣренные люди. Жаль, что подобная снисходительность къ ближнему не всегда полезна бывала въ церковно-административныхъ его распоряженіяхъ. Однажды, былъ въ имѣніи Н. А. Дивова, въ селѣ Старолѣтовѣ, причетникъ горькій пьяница, о взятіи коего оттуда сильно хлопоталъ мой родственникъ. Долго колебался

---

[1]) Онъ попалъ на это мѣсто по протекціи графа Дмитрія Ник. Толстаго, бывшаго тогда (въ 1862 и 1863 году) директоромъ департамента полиціи исполнительной. Графъ умѣлъ отыскивать дѣльныхъ чиновниковъ, и ему былъ хорошо извѣстенъ служебный составъ Рязанской губерніи, какъ мѣстному помѣщику.

[2]) Нынѣ предсѣдателемъ Харьковской Казенной Палаты.

[3]) С. Т. Славутинскій изъ первыхъ перехватилъ переписку одного изъ нашихъ раскольниковъ съ только что основанною тогда Бѣло-криницкой лже-іерархіею. Раскольникъ этотъ былъ Егорьевскаго уѣзда богатый фабрикантъ Хлудовъ. Какъ и мнѣ, С. Т. Славутинскому не повезло въ жизни. Въ 60-хъ годахъ, онъ служилъ въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ мировымъ посредникомъ, а въ настоящее время (въ 1874 году) получилъ неважное мѣстечко по акцизному управленію въ Харьковской губерніи.

[4]) Переписка его съ Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ печаталась въ отрывкахъ, въ началѣ настоящихъ 70-ыхъ годовъ, въ нѣкоторыхъ духовныхъ журналахъ.

мягкосердечный нашъ владыка согласиться на эту мѣру, понимая, какое разстройство въ хозяйствѣ она причинитъ бѣдняку; но когда онъ наконецъ пріискалъ другое мѣсто этому причетнику, то сказалъ Дивову: «Николай Адріановичъ, ну вотъ я въ угодность вамъ перевелъ вашего дьячка; но вѣдь хотя онъ и горькій пьяница, но обремененъ семействомъ и безъ всякихъ средствъ; такъ вы уже пожалуйста помогите немного ему для его обзаведенія на новомъ его мѣстѣ». Отъ него я впервыя узналъ поговорку: «лесть въ глаза—лоза» [1]).

Ректоромъ семинаріи былъ тогда архимандритъ Антоній, нынѣ гдѣ-то епископомъ. Онъ былъ свѣдущій богословъ и классикъ, безупречной жизни, но тѣмъ не менѣе долго застрялъ въ своемъ архимандритскомъ санѣ, настоящей причины чего не знаю; но былъ слухъ, довольно впрочемъ абсурдный, что его не посвящали будто бы въ епископы по причинѣ крошечнаго его роста. При всей своей многоначитанности, ректоръ нашъ рѣшительно не владѣлъ даромъ слова, а была у него страстишка къ проповѣдямъ и ораторству вообще. Вдобавокъ онъ страдалъ застѣнчивостью. Разсказывали, что однажды на торжественномъ открытіи пріюта для дѣвочекъ-сиротъ изъ духовнаго званія, на каковое были приглашены почетные гости основателемъ пріюта преосвящен. Гавріиломъ, захотѣлось нашему ректору блеснуть краснорѣчіемъ, и вотъ, получивъ на то благословеніе отъ владыки, онъ выступилъ впередъ и началъ: «Милыя дѣти......... дѣти милыя....... сей день,........ дѣти милыя—сей.... е.......е.......» и затѣмъ заикнулся и смолкъ. Добрый архипастырь, повернувшись съ добродушною своею улыбкою къ сидящимъ возлѣ него губернатору и его женѣ, тихо сказалъ имъ: «Я думаю, что онъ болѣе ничего намъ не скажетъ», и затѣмъ, привставъ немного съ своего мѣста, осѣнилъ сконфуженнаго оратора крестнымъ знаменіемъ во имя Пресвятой Троицы. Тотъ понялъ этотъ намекъ и смиренно возвратился къ прежнему своему мѣсту.

Предсѣдателями палатъ были: казенной, Николай Максимовичъ Княжевичъ, о коемъ было уже упомянуто; гражданской, Николай Александровичъ Замятинъ правовѣдъ [2]), а товарищемъ его былъ Николай Александровичъ Слѣпцовъ, бывшій недавно членъ Московской Судебной Палаты. Предсѣдателемъ Уголовной Палаты былъ нѣкій г. Бурцовъ изъ военныхъ,

---

[1]) Т. е. оплетаетъ.

[2]) Впослѣдствіи онъ былъ Самарскимъ губернаторомъ, а позднѣе (послѣ 1861 года) директоромъ земскаго отдѣла при минист. внутр. дѣлъ и умеръ въ концѣ 60-хъ годовъ. Первая жена его была Батурина, а вторая (вдова Петровская) рожденная графиня Толстая, сестра нынѣшняго министра народн. просвѣщ. графа Дмитрія Андреевича Толстого.

воспитанникъ извѣстнаго нѣкогда въ Москвѣ училища колонновожатыхъ, основаннаго Н. Н. Муравьевымъ [1]); а управляющимъ Палатою Государств. Имущ. былъ полковникъ Вердеревскій, оказавшій Рязанскому обществу великую услугу переустройствомъ на новый ладъ мѣстнаго клуба, запущеннаго до его директорства. Жаль было-бы предать забвенію нѣкоего совѣтника Палаты Гос. Имуществъ по фамиліи Лохвицкаго, любившаго употреблять вновь принятое тогда слово «фактъ»; но выговаривалъ онъ это слово «хвахтъ» (какъ мнѣ разсказывали), потому что, по его понятіямъ, оно происходило отъ слово «хватать», въ каковомъ смыслѣ онъ его употреблялъ. Губернскимъ предводителемъ дворянства былъ упомянутый выше Петръ Николаевичъ Бухвостовъ, а Рязанскимъ уѣзднымъ предводителемъ Иванъ Николаевичъ Дубовицкій, владѣтель знаменитаго тогда завода рысистыхъ лошадей и всегдашній побѣдитель на главныхъ во всей имперіи гиподромахъ [2]).

Пріѣздъ Новосильцовыхъ въ Рязань ознаменовался, какъ я уже говорилъ, безпрерывнымъ рядомъ общественныхъ увеселеній. Однимъ изъ таковыхъ были постановка живыхъ картинъ въ нанимаемомъ ими домѣ Колемина близъ Вознесенской церкви. Великая мастерица была Мерона Александровна по этой части, да и въ данномъ случаѣ легко было ей блистательно выказаться по той причинѣ, что рѣдко гдѣ можно бы было встрѣтить такой подборъ истинныхъ красавицъ, какими гордилось тогда мѣстное общество. Первенствующими изъ нихъ были: Надежда Гавриловна Сулима, рожденная Еропкина [3]). Любовь Ивановна Сатина, рожденная Барышникова (подобнаго прелестнаго «minois chiffoné» съ круглымъ алымъ какъ вишня ротикомъ, при гибкомъ и статуарномъ, какъ нимфа, станѣ, нигдѣ больше я не видалъ), Марія Ниловна Вельяминова, рожденная Мяснова

[1]) Отцемъ Ник. Ник. Муравьева-Карскаго.

[2]) Любители рысистыхъ бѣговъ помнятъ по сю пору имена и отличительности лошадей Дубовицкаго, постоянно бравшихъ призы, каковыми были Горюнъ, Дружекъ и Репейникъ. Впослѣдствіи И. Н. Дубовицкій разорился и умеръ не въ старомъ еще возрастѣ, а заводъ его давно уже не существуетъ.

[3]) По смерти мужа, она вышла замужъ, въ концѣ 50-хъ годовъ, за нынѣшняго Рязанскаго губернск. предводит. дворянства Александра Николаевича Рѣдькина, мать коего была сестра моего однополчанина и друга Петра Александровича Хрущева. Г-жа Рѣдькина (мать) долго находилась въ состояніи умопомѣшательства и таковою скончалась. Надежда Гавриловна сохраняетъ по сю пору (въ 1874 г.) слѣды прежней своей красоты. Симпатичная въ высшей степени эта женщина, при свѣтскихъ ея успѣхахъ, сохранила себя чистою отъ нравственной всякой порчи, и ее высоко цѣнятъ въ мужниной семьѣ.

(жена гомерическаго лгуна, разсказывавшаго между прочимъ, что однажды былъ у него такой усердный слуга, что, будучи съ бариномъ своимъ въ дорогѣ зимою, забѣгивалъ передъ кибиткою и ложился въ ухабы, чтобы повозка, скользя по немъ, могла продолжать мчаться безъ толчковъ сидѣвшему въ ней). Черезчуръ лишь миніатюрный ростъ г-жи Вельяминовой мѣшалъ ей быть замѣченною съ перваго раза въ многолюдномъ обществѣ, но на подмосткахъ живыхъ картинъ, или въ салонѣ граціозно развалившаяся на диванѣ, она была какъ бы гравюрка, вырванная изъ Англійскаго альманашнаго «кипъ-сека» славившихся красавицъ. Образцомъ Греческой античной красоты могла служить нѣкая г-жа Мясникова (рожденная, кажется, Елагина), но интересная эта молодая женщина страдала совершенною глухотою. Непослѣднее мѣсто въ этомъ букетѣ занимала Софья Егоровна Путята (рожденная Христафовичъ, бывшая фрейлиною), мужъ коей, Иванъ Васильевичъ, двоюродный братъ Пашковыхъ (Московскій домъ коихъ былъ у Чистыхъ Прудовъ) былъ полковникъ и управлялъ Рязанскою казенною конюшнею случныхъ жеребцовъ. Граціозна весьма, хотя не настоящая красавица, была молодая Кожина (рожденная Шувалова [1]), и таковою же была блондинка Леонилла (по отчеству забылъ) Колчина, Симбирская уроженка, мужъ коей служилъ совѣтникомъ Рязанской Казенной Палаты. Весьма недурна была также дѣвица Септянина, дочь инженернаго полковника и члена мѣстной строительной и дорожной комиссіи; но дѣвушка эта далеко не доходила до красоты умершей уже въ 1852 г. ея матери, которую я знавалъ въ Орлѣ, когда я тамъ опредѣлялся въ Павлоградскій полкъ въ 1827 году. Въ подражаніе паѳоснаго слога прошлаго вѣка, скажу, что распускающимся бутономъ розы въ этомъ восхитительномъ букетѣ была, по всей справедливости, только что выпущенная черноглазая и чернобровая Московская институтка, Варвара Степанова Рунова[2]). Поставщикомъ живыхъ картинъ былъ Дмитрій Кесаревичъ Хвощинскій, хорошій рисовальщикъ и владѣвшій естетическимъ чувствомъ въ области художества [3]). Кстати добавлю, что на клубныхъ балахъ посѣтительницами были двѣ хоро-

---

[1]) Напоминаю, что мужъ ея, Петръ Павловичъ, былъ сынъ умершаго губернатора П. С. Кожина.

[2]) Позднѣе, она вышла замужъ за нѣкоего Рязанскаго господина Иванчина.

[3]) Отецъ знаменитой беллетристической писательницы Надежды Дмитріевны, присвоившей себѣ псевдонимъ Крестовскаго и вышедшей замужъ, спустя около 15 лѣтъ послѣ описываемой мною эпохи, за молодого и болѣзненнаго врача Заенчковскаго, недавно умершаго чахоткою. Въ 1852 году я не былъ еще знакомъ съ Хвощинскими и потому упоминаю здѣсь о нихъ лишь вкратцѣ.

шенькія молодыя дамы, Левашова и Еропкина, дочери Рязанскаго аптекаря Нѣмца Бàниге.

Вскорѣ послѣ этихъ живыхъ картинъ былъ блистательный раутъ съ танцами, по случаю масляницы, у вышеупомянутаго коннозаводчика И. Н. Дубовицкаго (жена его была дочь Нижегородскаго совѣтн. Казенной Палаты Бибикова), въ подгородномъ его имѣніи, селѣ Дядьковѣ. Это было въ точномъ смыслѣ слова то, что̀ зовется по французски «une folle journée». Въ продолженіи 15 часовъ, съ утра до поздней ночи, все ѣли, пили и плясали, и выпито было Шампанскаго цѣлое море. На этомъ пиру Сапожковскій помѣщикъ, Александръ Васильевичъ Колюбакинъ, сдѣлалъ предложеніе воспитанницѣ Новосильцовыхъ, миловиднѣйшей Маріи Петровнѣ (я забылъ сказать, что она произвела большой эфектъ въ живыхъ картинахъ), и свадьба ихъ состоялась этой же весною. Такъ какъ степенность моихъ лѣтъ (мнѣ было тогда 45 лѣтъ) не дозволяла мнѣ быть въ числѣ танцоровъ (чего впрочемъ я не былъ великимъ охотникомъ и смолоду), то я просидѣлъ весь этотъ разгульный день за карточнымъ столомъ, но, однакоже, не обносилъ себя, въ томъ винюсь, любимымъ моимъ напиткомъ, Шампанскимъ, благо что хозяинъ пира не жалѣлъ подчивать имъ. Въ партіи моей участвовала не старая еще дѣвица Грегоріусъ *), которая не любила танцевъ. Я немного полюбезничалъ съ своею партнёркою (не глупою весьма особою), и естественно, что послѣ полусуточнаго собесѣдованія съ нею мы уже были на ногѣ старыхъ знакомыхъ. Этого было достаточно, чтобы возбудить толки и предположенія въ провинціальномъ кружкѣ жаждущемъ всякой новизны, куда я попалъ неизвѣстнымъ никому, кромѣ Новосильцовыхъ, человѣкомъ, и на слѣдующій день разсказывали по Рязани, что недавно прибывшій туда какой-то графъ Бутурлинъ сдѣлалъ предложеніе дѣвицѣ Грегоріусъ.

Были также благородные спектакли въ домѣ Новосильцовыхъ и въ клубномъ залѣ, въ послѣднемъ съ благотворительною (кажется) цѣлью.

*) Давно умершій ея отецъ былъ нѣкогда врачемъ при Балашевѣ въ бытность послѣдняго (въ 20-хъ годахъ при имп. Александрѣ 1-мъ) Рязанскимъ, Воронежскимъ и Тульскимъ генералъ-губернаторомъ. Мать этой дѣвушки, Екатерина Дмитріевна (по сю-пору здравствующая) воспитывалась въ домѣ княгини Маріи Григорьевны Разумовской, рожденной княжны Вяземской. Дѣвица Грегоріусъ вышла замужъ незадолго послѣ описываемаго мною времени за одного чиновника минист. финансовъ Валбрехта (или Велбрехта), коему предвѣщалась, повидимому, хорошая служебная карьера, но онъ внезапно сошелъ съ ума, долго продолжалъ жить въ этомъ состояніи и умеръ около 1870 года. Дѣвица Грегоріусъ и единственный ея братъ (Александръ) имѣли значительное довольно состояніе, капиталами отъ ихъ отца.

Въ нихъ первое мѣсто по талантливому исполненію принадлежало Софьѣ Егоровнѣ Путятѣ и молодому князю Александру Алексѣевичу Волконскому. О семействѣ послѣдняго нужно сказать нѣсколько словъ. Отецъ нашего аматёра-артиста, князь Алексѣй Дмитріевичъ Волконскій (Зарайскій крупный довольно помѣщикъ) былъ когда-то адъютантомъ у Балашова и женатъ на его дочери, а сестра его княжна Марія Дмитріевна была женою нынѣшняго сенатора Александра Ивановича Казначеева, того самого, что̀ былъ въ 1824 и 1825 годахъ въ Одессѣ правителемъ канцеляріи графа (еще тогда не князя) Михайла Семеновича Воронцова. Молодой кн. Александръ Алексѣевичъ В. служилъ въ 40-ыхъ годахъ въ лейбъ-гусарахъ и, покончивъ свое паслѣдственное отъ матери состояніе, опредѣлился, въ 1851 или 1852 годахъ, чиновникомъ особыхъ порученій при Рязанской Казенной Палатѣ. Кромѣ его была еще дочь у его отца отъ перваго брака (съ Балашовой), а отъ второй его жены (рожденной, кажется, Суворовой, но не изъ княжеской отрасли той фамиліи) была куча дѣтей. Старый князь Алексѣй Дмитріевичъ В. былъ, какъ и сынокъ, ярый театралъ и держалъ свой полный и весьма сносный оркестръ изъ дворовыхъ; но Зарайцы должны бы всегда поминать его добромъ, потому что онъ основалъ въ ихъ городѣ (и очень долго содержалъ на свой единственно счетъ) весьма порядочно устроенный женскій пансіонъ, при которомъ онъ выстроилъ даже домашнюю церковь въ 1853 (кажется) году. Не будучи позднѣе въ силахъ продолжать это благотворительное заведеніе, онъ всячески, помнится мнѣ, домогался передать его въ вѣдѣніе дворянства или Зарайскихъ горожанъ; но обѣ стороны отнеслись къ сему благому дѣлу съ полнымъ равнодушіемъ, и князь Волконскій принужденъ былъ закрыть свое училище.

Возвращаюсь къ тогдашней Рязанской великосвѣтской суматохѣ.

Въ клубѣ завелись танцовальные вечера разъ въ недѣлю, о чемъ усердно старалась Меропа Александровна. Число съѣзжавшихся было весьма значительно; но, какъ обыкно̀венно бываетъ въ провинціальныхъ обществахъ, недоставало кавалеровъ. Рязанскій контингентъ состоялъ изъ двухъ губернаторскихъ чиновниковъ особыхъ порученій и какихъ-нибудь четырехъ чиновниковъ его канцеляріи, и еще коекого молодыхъ и полумолодыхъ служившихъ въ Рязани по разнымъ вѣдомствамъ, и пяти или шести человѣкъ неслужащихъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ недавно поселившійся въ своемъ имѣніи Михайловскаго уѣзда нашъ Москвичъ Аполлонъ Николаевичъ Волковъ и единственный танцоръ, офицеръ квартировавшаго въ Рязани пѣхотнаго полка Заварзинъ. Отмѣчу мимоходомъ, что

между молодыми чиновниками губернаторской канцеляріи былъ послѣдній представитель древняго княжескаго рода, молодчина собою, князь Щетининъ [1]).

Не обошлось и безъ концертовъ пріѣзжавшихъ артистовъ и одного аматёрскаго съ благотворительною цѣлью. Меропа Александровна (будучи изъ хорошихъ ученицъ Шведки Остергардъ, которая была въ большомъ ходу въ Москвѣ, какъ учительница пѣнія) пропѣла съ большою экспрессіей прекрасную мелодію молодого композитора и фортепіаниста, Москвича Дмитріева, «Густолиственныхъ кленовъ аллея» [2]); а Иванъ Карловичъ Мартенсъ исполнилъ, помнится мнѣ, вдвоемъ съ дочерью учителя Французскаго языка при Рязанской гимназіи Барбѐ, дуэтъ на фортепіанѣ. Изъ пріѣзжавшихъ въ Рязань артистовъ были первый скрипачъ Московскаго Императорскаго театра Итальянецъ Грасси и недюжинный Русскій фортепіанистъ Москвинъ, женатый на дочери Московскаго старожила Итальянца Аріоли [3]). Хотя я не былъ съ нимъ знакомъ по Москвѣ, но, въ угодность ему, спѣлъ на его концертѣ арію изъ оперы «Ломбардцы въ первомъ крестовомъ походѣ», маэстра Верди, начинающуюся «La mia letizia infondere» и удостоился нѣсколькихъ комплиментовъ отъ снисходительной провинціальной публики; но я чувствовалъ, что пора моя, какъ концертнаго пѣвца, уже подходила совершенно къ концу, и голосъ мой начиналъ сильно мнѣ измѣнять въ высокихъ нотахъ, хотя въ тогдашнія мои лѣта большинство пѣвцовъ продолжаетъ успѣшно артистическую карьеру.

Говоря о Московскихъ эфемерныхъ гостяхъ, частенько навѣщавшихъ Новосильцовыхъ, стòитъ упомянуть о типическомъ содержателѣ гостиницы, гдѣ они обыкновенно останавливались. Господинъ этотъ былъ изъ дворянъ, по фамиліи Варваринъ, открывшій гостиницу въ собственномъ домѣ на Астраханской улицѣ, близъ Трубежскаго моста. Былъ этотъ Варваринъ великій любитель политики; но особенно сильно интересовало его, со времени Венгерскихъ смутъ 1848 года, узнать, куда дѣвались Венгерскія королевскія регаліи и клейноды, похищенные демократическимъ диктаторомъ Кошутомъ; а такъ какъ газеты давно

---

[1]) Вскорѣ князь Щетининъ женился на одной изъ дочерей Рязанскаго помѣщика Таптыкова, сестра коей, Софья Петровна, была воспитанница и наслѣдница генеральши Носковой.

[2]) Авторъ этой мелодіи посвятилъ ее много перестрадавшей и преждевременно умершей въ Парижѣ Софьѣ Александровнѣ Рябининой.

[3]) Этотъ Аріоли былъ первоначально скульпторъ и, наживъ капиталецъ, бросилъ свое ремесло и жилъ безъ дѣла въ купленномъ имъ домѣ на Арбатской улицѣ.

перестали говорить объ этомъ предметѣ, то любознательный хозяинъ гостиницы адресовался къ новопріѣзжимъ своимъ квартирантамъ съ вопросомъ, не имѣютъ-ли хоть они какихъ-нибудь свѣдѣній по сему обстоятельству? У него въ гостиницѣ жилъ уже нѣсколько лѣтъ весь круглый годъ старый холостякъ Кошелевъ *), находившій, что подобный образъ жизни, на всемъ готовомъ, безъ лично нанимаемой прислуги, гораздо удобнѣе, нежели нанимать въ городѣ годовую квартиру безъ мебели, хлопотать еще объ ея отопленіи и возиться съ поваромъ. Ему рапортовали аккуратно о всѣхъ пріѣзжающихъ въ гостиницу и отъѣзжающихъ, отчего онъ и получилъ прозвище коменданта Варваринской гостиницы.

Повертѣвшись въ этомъ кружкѣ недѣли съ двѣ (я жилъ въ домѣ Дивова, близъ Астраханской заставы, съ его прислугою и лошадьми), я возвратился въ Городище, гдѣ и остался до второй или третьей недѣли Великаго поста и продолжалъ заниматься, по мѣрѣ силъ моихъ и умѣнія, Городищенскимъ хозяйствомъ въ отсутствіе моего принципала, который проводилъ остальную часть зимы въ Петербургѣ. Въ Февралѣ сосѣдки наши, Варвара и Наталья Николаевны Ляпуновы (жившія въ сельцѣ Глѣбковѣ, въ полутора верстахъ отъ Городища), получили извѣстіе, что дядя ихъ, Алексѣй Аѳанасьевичъ Ракитинъ, умеръ скоропостижно въ Москвѣ апоплексическимъ ударомъ, во время спектакля въ Маломъ Театрѣ, куда онъ отправился одинъ, не чувствуя себя особенно дурно. Можно представить себѣ, какую кутерьму это происшествіе надѣлало въ многолюдномъ мѣстѣ, гдѣ не было никого изъ знавшихъ покойника. Полиція хотѣла было уже передать трупъ несчастнаго въ университетскій анатомическій театръ для вскрытія; но слухъ объ умершемъ скоропостижно въ театрѣ неизвѣстномъ лицѣ достигъ до гостиницы «Франція», на Петровкѣ, гдѣ остановились, по обыкновенному ихъ обычаю, супруги Ракитины; смѣтливый крѣпостной камердинеръ покойнаго, Иванъ Михайловъ, побѣжалъ на удачу въ театръ посмотрѣть, не его-ли баринъ умеръ, и вслѣдствіе его указаній трупъ былъ перевезенъ въ упомянутую гостиницу. Анна Петровна была въ то время у кого-то въ гостяхъ, куда и отправился тотъ же вѣрный слуга съ извѣстіемъ о ея внезапномъ вдовствѣ.

Я поѣхалъ въ Знаменское и тамъ пробылъ съ моимъ семействомъ до Мая. Въ это время умеръ скоропостижно Таруській недавній помѣщикъ, славившійся въ началѣ нынѣшняго вѣка, почти 90-лѣтній докторъ

---

*) Не знаю, родственникъ-ли онъ былъ Рязанскому помѣщику и богачу Александру Ивановичу Кошелеву, женатому на Ольгѣ Ѳедоровнѣ Петрово-Соловой.

Мухинъ, оставивъ отъ второго своего брака малолѣтнихъ сына Ефрема и дочь [1]). Скареденъ былъ этотъ современникъ Таврическаго князя. Послѣ его смерти найденъ былъ въ подвалахъ запасъ замороженныхъ голубей, коими были обложены его крестьяне, что̀ и составляло исключительную почти (какъ слышно было) его пищу.

Возвратившись въ Городище въ Маѣ, я отправился въ началѣ лѣта, по просьбѣ Н. А. Дивова, на конный заводъ И. Н. Дубовицкаго, въ с. Дядьково, и оттуда привелъ купленныхъ тамъ Дивовымъ рысистаго сѣраго случнаго жеребца Тумана, годовалаго жеребчика Внука (такъ прозваннаго для обозначенія, что онъ былъ внукъ знаменитаго побѣдителя на большинствѣ гиподромовъ Горюна) и двухъ рысистыхъ матокъ. Въ теченіе лѣтней рабочей поры я мало-по-малу пересталъ заниматься Городищенскимъ сельскимъ хозяйствомъ, не потому, что отклонялся, но мнѣ замѣтно стало, что родственникъ мой самъ какъ бы этого желалъ. Меня нимало не удивило, что онъ могъ быть недоволенъ мною въ этомъ отношеніи, такъ какъ я не имѣлъ никакого навыка по этой части вообще, а управлять Городищенскимъ хозяйствомъ было еще тѣмъ труднѣе, что порядки, требованные Дивовымъ, сопряжены всегда съ педантическою сложностью, непримѣнимою часто на практикѣ. Удаленіе мое отъ прежнихъ моихъ занятій произошло безъ всякой размолвки между мною и моимъ кузеномъ, и я продолжалъ жить при немъ.

Въ Августѣ я ѣздилъ съ Анною Петровной Ракитиной и ея племянницей Варварою Николаевной Ляпуновой погостить недѣли на двѣ къ Зинаидѣ Сергѣевнѣ Дивовой, проживавшей лѣтомъ въ ея роскошной фермѣ-виллѣ Зенинѣ. Туда пріѣхала также моя жена съ обоими нашими дѣтьми [2]). Помню, что, свидѣвшись тогда съ незабвенною моею дочерью, я съ какимъ-то особенно грустнымъ умиленіемъ смотрѣлъ на нее и прижималъ къ моему сердцу ея бѣлокурую головку, какъ бы предчувствуя, что скоро долженъ разстаться съ нею на вѣки. Эта сцена поразила находившуюся тутъ впечатлительную по натурѣ Надежду Львовну Ле-Дюкъ, тогдашнюю наставницу старшаго сына Диловой Сергѣя Николаевича, и она впослѣдствіи не разъ напоминала мнѣ о томъ [3]).....

[1]) Сынъ его отъ перваго брака, человѣкъ уже далеко не первой молодости, служившій тогда въ Московской Театральной Конторѣ, былъ женатъ на сестрѣ извѣстнаго повѣсы и дуэлиста Руфина Дорохова.

[2]) Анночкѣ минуло тогда 15, а Митѣ 5 лѣтъ.

[3]) Примѣрная эта особа осталась по сю пору неразлучною подругой кузины моей Дивовой въ ея нынѣшнихъ стѣсненныхъ житейскихъ обстоятельствахъ.

Но недолго пришлось мнѣ наслаждаться моимъ пребываніемъ въ Зенинѣ. Вдругъ пишетъ мнѣ мой Городищенскій кузенъ, чтобы я поспѣшилъ вернуться къ нему, но уже прямо въ Рязань, по нужному какому-то дѣлу. Вотъ въ чемъ оно состояло. Съ самаго начала 1852 года Николай Адріяновичъ былъ выбранъ вице-директоромъ общества Рязанскихъ рысистыхъ бѣговъ, настоящимъ директоромъ коего былъ мѣстный губернаторъ (П. П. Новосильцовъ); но званіе директора или президента было одинъ лишь почетъ, а настоящимъ распорядителемъ дѣла былъ Дивовъ, успѣвшій уже ознаменовать свое вступленіе въ эту должность небывалымъ еще тамъ распоряженіемъ, по которому впредь не допускалось, чтобы поддужныя лошади (каковыми звались верховыя съ сѣдокомъ) скакали рядомъ съ рысаками, бѣжавшими на призъ. Когда я явился къ вице-директору, онъ объявилъ мнѣ, что назначаетъ меня, для пущей важности, однимъ изъ судей на бѣгахъ. Извѣстіе это сильно меня озадачило: я былъ настолько свѣдущъ въ подобномъ дѣлѣ, сколько могъ бы быть для рѣшенія, кому слѣдуетъ призъ въ Академіи Наукъ за лучшее сочиненіе о Китайской литературѣ; но не хотѣлось мнѣ огорчить отказомъ человѣка, коему я былъ столь много обязанъ, и я изъявилъ ему согласіе. И вотъ, вообразите себѣ, я очутился въ верхней трибунѣ какого-то голубятника, называемой «судейскою», въ сообществѣ двухъ другихъ таковыхъ же лицъ, изъ коихъ одинъ былъ (помнится мнѣ) Иванъ Васильевичъ Путята, а другой нѣкій князь Костровъ, спеціалистъ, къ счастію моему, въ этихъ дѣлахъ, управлявшій коннымъ заводомъ И. Н. Дубовицкаго. Забота и напряженное вниманіе судей въ данномъ случаѣ направлены были, чтобы опредѣлить, какой изъ рысаковъ пришелъ первый къ выигрышному столбу; также и прослѣдить, не потерялъ-ли онъ права на призъ чрезъ лишніе *сбои и проскачки*. Сбой—это когда рысакъ срывается въ галопъ, но недолго и опять продолжаетъ бѣжать рысью; но тѣмъ не менѣе, лишнее противъ допускаемаго число сбоевъ (а сколько именно, не помню) лишаетъ его приза, хотя бы онъ и первымъ подоспѣлъ къ выигрышному столбу; а *проскачка* значитъ продолжительный рядъ сбоевъ. Кругъ обставленъ столбами съ канатомъ, и на обязанности судей лежитъ зорко слѣдить, насколько продолжительна была всякая проскачка. Помнится мнѣ, проскачка отъ одного столба до слѣдующаго прощается; но рысакъ, проскакавъ галопомъ болѣе двухъ столбовъ, лишается приза. Для бо́льшей въ этомъ отношеніи вѣрности, каждый изъ судей слѣдитъ отдѣльно за бѣгомъ одного изъ состязающихся двухъ или трехъ рысаковъ, и по окончаніи опредѣленныхъ трехъ круговъ по гиподрому доноситъ президенту о сбояхъ и проскачкахъ каждаго рысака, и тогда составляется президентомъ безапелляціонный приговоръ о четвероногомъ побѣдителѣ,

каковой приговоръ тутъ же вписывается въ шнуровой журналъ, за подписью президента и судей. Не чаялъ я, чтобы пришлось мнѣ когда-нибудь быть судьею на рысистыхъ бѣгахъ!

По случаю этихъ бѣговъ началась ссора между Николаемъ Адріановичемъ и губернскимъ предводителемъ П. Н. Бухвостовымъ, кончившаяся тѣмъ, что они перестали кланяться другъ другу, и вотъ изъ за чего. У восьмидесятилѣтняго почти (но бодраго не по лѣтамъ) старика Бухвостова (отца губернскаго предводителя) былъ не особенно завидный заводишка рысистыхъ лошадей, двухъ изъ коихъ онъ привелъ въ Рязань на призы. Эти лошади были приведены къ Дивову для записыванія нѣсколькими часами позже назначеннаго для записи срока, и какъ почтенный мой братъ всегда во всемъ строгій формалистъ, то онъ отказался сдѣлать исключеніе въ данномъ случаѣ. Inde ira со стороны Бухвостова-сына, послѣдствіями чего былъ крупный довольно, хотя и вѣжливый, между ними разговоръ въ лѣтнемъ клубѣ при мнѣ, и вражда со стороны Дивова разгорѣлась еще сильнѣе, когда начался окончательный разладъ между Бухвостовымъ, какъ губернскимъ предводителемъ, и губернаторомъ П. П. Новосильцовымъ. А разладъ этотъ былъ вызванъ не изъ личныхъ какихъ нибудь непріятностей, а изъ принципа тогдашнихъ высшихъ сословныхъ представителей быть на ножахъ съ высшею губернскою административною властью. А вѣдь этотъ г. Бухвостовъ былъ, хотя и не далекій человѣкъ, но вовсе не дурной и даже не желчный, и все таки по своей безхарактерности онъ подпалъ подъ вліяніе враждебной Петру Петровичу клики, и отчасти былъ причиною разнымъ служебнымъ непріятностямъ, постигшимъ позднѣе сего послѣдняго.

Въ перечнѣ Рязанскихъ дамъ я пропустилъ жену сказаннаго губернскаго предводителя, Александру Михайловну Бухвостову, рожденную Елагину (Тамбовскую). Хотя не первой уже молодости, правильныя черты ея лица сохраняли еще слѣды прежней красоты. Она была достойная и всѣми уважаемая женщина, но къ сожалѣнію, ее стѣсняла, въ обществѣ, сильная глухота. Съ нею былъ однажды слѣдующій смѣшной случай. Въ Рязань наѣзжала иногда нѣкая полупомѣшанная г-жа Полякова, дочь генерала Павленка. Однажды, эта барыня, пріѣхавшая съ визитомъ къ Александрѣ Михайловнѣ, прервала вдругъ разговоръ вопросомъ: «А позвольте васъ спросить, съ кѣмъ имѣю удовольствіе разговаривать?» Сконфуженная хозяйка дома вынуждена была пояснить, что она жена губернскаго предводителя Бухвостова. «Вы извините меня», продолжала гостья, «что я васъ о томъ спросила: вѣдь я никого въ городѣ не знаю, а когда сажусь въ ка-

рету, чтобы всѣхъ объѣхать, даю реестръ моихъ визитовъ лакею, и онъ такъ и возитъ меня по запискѣ» *).

Въ Сентябрѣ я отправился съ цѣлою командою конюховъ, также по просьбѣ Дивова, на конный заводъ Аркадія Африкановича Болдырева въ сельцо Лѣсище Михайловскаго уѣзда, откуда мы привели, съ ночлегомъ на пути, цѣлый табунъ матокъ и двухъ молодыхъ жеребцовъ, купленныхъ Дивовымъ. Это было основное ядро Городищенскаго завода; впослѣдствіи оба приведенные жеребцы оказались негодными какъ производители, и нѣсколько изъ кобылъ (но немного) пошли, помнится мнѣ, въ бракъ.

На полупути между Лѣсищемъ и Городищемъ, я сдѣлалъ привалъ въ имѣніи Н. Н. Желтухина, въ селѣ Зиминѣ. Отставной полковникъ Конногвардейскаго полка, вдовецъ Желтухинъ былъ статный мужчина около 50-ти лѣтъ и отецъ двухъ красавицъ. Старшую изъ нихъ, г-жу Колокольцову, не пришлось мнѣ нигдѣ встрѣчать; но меньшая, Екатерина Николаевна, привѣтливо принимала гостей, какъ полная хозяйка въ домѣ отца. Она была въ то время очаровательная брюнетка съ правильными южными чертами лица, настоящій типъ Рафаэлевскихъ Мадонъ, и когда я впослѣдствіи свидѣлся съ Меропою Александровною, я подалъ ей мысль постараться завлечь эту драгоцѣнную находку въ составъ нашего букета красавицъ, такъ какъ у меня бродило тогда въ головѣ поставить, при первомъ удобномъ случаѣ, новую живую картину, сюжетомъ коей я заранѣе уже избралъ «Бахчисарайскій Фонтанъ». Но не суждено было осуществиться этому проекту, и отецъ предполагаемой моей султанши ни разу при мнѣ не пріѣзжалъ въ Рязань съ нею, а года два позднѣе, она вышла замужъ за Кошелева, весьма *комъ-иль-фотнаго* человѣка, но къ несчастію, игрока, который, покончивъ все свое состояніе, поступилъ на службу и нынѣ живетъ на одномъ своемъ жалованіи директоромъ таможни гдѣ-то на Западной границѣ.

Въ благодарность за попеченіе, съ которымъ я довелъ до мѣста Лѣсищенскій табунокъ, Дивовъ подарилъ мнѣ великолѣпнаго Тирольскаго чистокровнаго взрослаго уже быка, коего я отправилъ въ Знаменское, гдѣ я было началъ не безъ успѣха усовершенствовать породу рогатаго скота; но дѣло пошло не совсѣмъ какъ мнѣ хотѣлось,

*) По кончинѣ мужа, А. М. Бухвостова удалилась отъ свѣта и поселилась въ Московскомъ Страстномъ монастырѣ, гдѣ и скончалась, въ концѣ прошлаго или въ началѣ нынѣшняго 1874 года. Дѣтей у нея не было.

потому, во-первыхъ, что я былъ новичекъ въ немъ, а во вторыхъ, потому, быть можетъ, что, вслѣдствіе продолжительныхъ моихъ отлучекъ изъ дома, некому было правильно вести эту отрасль сельскаго хозяйства.

Всегда внимательный ко всѣмъ своимъ сослуживцамъ, П. П. Новосильцовъ придумалъ этою осенью отпраздновать съ нѣкоторою оффиціальностію пятидесяти-лѣтній служебный юбилей старика вице-губернатора Сергѣя Сем. Веселовскаго, хотя до пріѣзда своего въ Рязань онъ не былъ знакомъ съ нимъ. Я оставался въ то время въ Городищѣ, но узналъ позднѣе отъ самаго Новосильцова, что на разосланныя имъ по уѣздамъ приглашенія помѣщикамъ и должностнымъ лицамъ принять участіе въ этомъ юбилеѣ какой-то господинъ отвѣчалъ ему, что онъ весьма сожалѣетъ, «что разстроенное его здоровье лишаетъ его возможности участвовать въ чествованіи столь почтеннаго *ветеринара* (вмѣсто ветерана) достопамятнаго 1812 года».

Около этого времени умеръ холерою въ Петербургѣ князь Петръ Дмитріевичъ Черкасскій, находившійся тамъ въ отпуску. Видѣвшая его въ проѣздъ его черезъ Москву Зинаида Сергѣевна Дивова говорила мнѣ при слѣдующемъ со мною свиданіи, что уже тогда лица на немъ не было, и по разсказамъ его семейныхъ трудно представить себѣ, скольким̃ непріятностямъ и почти что афронтамъ онъ и жена его, княгиня Марія Семеновна, подвергались во время этого его нахожденія Симбирскимъ губернаторомъ. А вѣдь человѣкъ онъ былъ и умный, и дѣловой, и добрѣйшей души при безукоризненной честности; единственная какая могла быть въ немъ слабость, это служебный педантизмъ. Поди, послѣ этого, узнавай, почему одного губернатора превозносятъ свыше его достоинствъ, а иного ненавидятъ незаслуженно! Впрочемъ, соглашаюсь на этотъ счетъ съ практичною весьма замѣткою Николая Адріановича, что чуть ли не въ большинствѣ случаевъ холостой губернаторъ лучше уживается въ своей губерніи, нежели женатый: причины многихъ непріятностей—барыни, вмѣшивающіяся то въ служебныя дѣла, то въ провинціальныя сплетни.

Наступила уже сырая и холодная осень, когда я сопровождалъ Дивова въ его визитѣ супругамъ Болдыревымъ въ Лѣсинце, гдѣ мы нашли бѣдную Елену Павловну, вторую жену Аркадія Африкановича*),

*) Напоминаю, что она была дочь графа Павла Петровича Палена отъ втораго его брака съ графинею Орловою-Денисовою. По смерти Аркадія Африкановича (въ концѣ 50-хъ годовъ) Елена Павловна вышла замужъ за Голубцова, сына Екатерины Дмитріевны, рожденной графини Толстой, долго бывшей начальницею Кіевскаго Института благородныхъ дѣвицъ.

въ ея кабинетѣ, закутанную въ шубу и дрожавшую отъ холода, потому что неуютный ихъ палацъ съ огромными бальными залами не могъ отапливаться вслѣдствіе поврежденій въ каморѣ и трубахъ печей Амосовской системы, никуда негодной для деревенскаго дома, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ приходится мастеровъ выписывать изъ большихъ городовъ. У Болдыревыхъ тогда гостила молодая вдова графиня Паленъ (мужъ коей, родной братъ Елены Павловны, умеръ въ молодыхъ еще годахъ), рожденная баронесса Соловьева (титулъ Павловской фабрикаціи). Она уже тогда казалась получахоточною и недолго пережила мужа.

Немного позднѣе, я переѣхалъ съ Дивовымъ въ его Рязанскій домъ, гдѣ мы и остались до начала Декабря.

Съ зимнимъ сезономъ возобновилась Рязанская великосвѣтская суета.

Въ нанимаемомъ Новосильцовыми домѣ былъ рядъ парадныхъ комнатъ, весьма удобныхъ для многолюднаго пріема. Въ бальномъ залѣ, въ два свѣта, устроенъ былъ, по случаю дня рожденія или именинъ Петра Петровича, Русскій народный праздникъ. По бокамъ зала были лавочки, гдѣ торговали сбитнемъ, прохладительными напитками и закусками, кондитерская и даже питейный домъ съ елкою для вывѣски, какъ слѣдуетъ, и съ буфетомъ. За лавочками сидѣли дамы и кавалеры общества, всѣ въ Русскихъ простонародныхъ костюмахъ; а цѣловальникомъ въ питейномъ домѣ былъ Евгеній Михайловичъ Бернардъ, мастерски вникнувшій въ эту роль. По залу сновали сбитенщикъ и разнощики съ лотками и праздношатающійся будто-бы простой народъ, а въ углубленіи зала, между колоннами, были подмостки, представлявшія внутренность комедіантскаго балагана, и рядомъ съ нимъ театръ маріонетокъ. При появленіи въ залѣ виновника торжества, началась классическая древне-Итальянская пантомима Арлекина и Коломбины съ опекуномъ послѣдней, всячески препятствующимъ свиданію обоихъ влюбленныхъ, и со слугою опекуна, неуклюжимъ Панталоне, сбиваемымъ съ ногъ любовниками, бракомъ коихъ оканчивалась пантомима. Въ боковыхъ же комнатахъ были устроены четыре настоящія сцены съ кулисами. На первой изъ таковыхъ сыграны были актерами сцены изъ «Тяжбы» Гоголя, по окончаніи каковыхъ празднуемый хозяинъ дома перешелъ со всѣмъ обществомъ въ слѣдующую комнату, гдѣ, на подобной же устроенной сценѣ, Софья Егоровна Путята съ молодымъ княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Волконскимъ артистически исполнили вдвоемъ Французскую комнатную въ одно дѣйствіе піеску, изъ тѣхъ что зовутся «Proverbes drammatiques.» Оттуда всѣ зрители пе-

решли въ третью комнату, гдѣ Леонилла (по отчеству, кажется, Алексѣевна) Колчина и вашъ покорный слуга подвизались также на подмосткахъ и въ костюмахъ «Tanto amore ed inspectata», изъ Донидзетіевой оперы Любовный Напитокъ. Акомпанировавшій намъ оркестръ былъ изъ крѣпостныхъ князя А. Д. Волконскаго (отца вышепомянутаго), весьма сносный и въ добавокъ подъ дирижерствомъ случайно проѣзжаго артиста полу-Француза и полу-Еврея, имя коего я забылъ. Что до меня, винюсь, что въ теченіе протекшихъ 16-ти лѣтъ я жаждалъ показаться на сценѣ въ ролѣ шарлатана Дулкамара. Помня хорошо, какъ ее исполнялъ въ этой операѣ въ 1836 году знаменитый тогда буффо Фреццолини [1]), для коего роль была нарочно написана; и вотъ, наконецъ, сонъ въ руки пришелъ, и я, въ высокомъ напудренномъ парикѣ съ подложнымъ большимъ пузомъ, въ желтомъ кафтанѣ съ кистями, въ голубыхъ по колѣна брюкахъ и въ башмакахъ съ пряжками, являюсь въ желаемой давно роли. Талантливая и граціознѣйшая моя юная подруга, одаренная серебристымъ тембромъ, хотя не весьма пространнаго режистра [2]), вдохновлялась на сценѣ какъ бы настоящая по ремеслу артистка и подъ моимъ отчасти руководствомъ (чѣмъ могу похвастаться) исполнила свою роль кокетки Адины, по отзыву нѣкоторыхъ изъ зрителей, бывшихъ за границею, какъ могла бы исполнить ее Итальянская хорошая пѣвица. Интересная эта Рязанская наша аматёрка выказала рѣдкую вокализацію при вѣрной интонаціи, прекрасно произносила Итальянскія слова и всѣхъ привела въ восхищеніе умною и игривою своею мимикою. Смѣю сказать, что нашъ тріумфъ былъ полнѣйшій. Малодушное мое самолюбіе было пресыщено не только на это время, но даже и впослѣдствіи, при воспоминаніи объ этомъ вечерѣ. Каюсь, нечего дѣлать, въ моей слабости.

Четвертая комната (небольшой кабинетъ Меропы Александровны) была занята живою картиною, представлявшею аллегорическій сюжетъ, соотвѣтствующій цѣли празднества. Въ этой картинѣ фигурировали молодая княжна Марія Александровна Волконская (сестра вышепомянутаго театрала), новобрачная Марія Петровна Колюбакина, одна (если не ошибаюсь) изъ двухъ дочерей Москвича Александра Дмитріевича Ипинскаго и шестилѣтняя дочь Новосильцовыхъ, Софія Петровна. Весьма кстати для постановки этой картины находился проѣздомъ въ Рязани какой-то артистъ-гимназіастъ изъ Англичанъ.

---

[1]) Отецъ не менѣе знаменитой пѣвицы и собою красавицы, производившей повсюду и въ Россіи немалый фуроръ.

[2]) Режистромъ голоса зовется его пространство.

Празднество открылось слѣдующею народною сценою. Къ виновнику его подошла депутація мнимыхъ крестьянъ съ ихъ старостою и его женою во главѣ. Старостою былъ охотникъ всякихъ фарсовъ Александръ Дмитріевичъ Ивинскій (старинный другъ Новосильцовыхъ), который, послѣ соотвѣтственной случаю рѣчи, поднесъ въ даръ Петру Петровичу живого пѣтуха; а за нимъ старостиха (Меропа Александровна) подошла въ свою очередь съ поклонами къ *празднуемому* барину съ хлѣбомъ-солью и съ просьбою удостоить своимъ присутствіемъ деревенскій ихъ праздникъ. Словомъ, драматическій этотъ маскарадъ сошелъ съ такимъ замѣчательнымъ ансамблемъ, что о немъ говорили даже въ Москвѣ.

О, какъ очаровательна была тогда молодая Елисавета Александровна Ивинская, сошедшая въ могилу послѣ кратковременнаго замужества съ княземъ Багратіономъ! Это была рай-дѣвица, ангельскаго нрава и будто-бы не подозрѣвавшая, что она всѣхъ поражаетъ рѣдкою своею красотою. Меньшая ея сестра была граціозная и любезная дѣвушка, но не особенно красивой наружности [1]).

Меропа Александровна всячески поддерживала еженедѣльные танцовальные вечера въ клубѣ, гдѣ устроивались также маскарады и аматёрскіе спектакли съ благотворительною цѣлью. На одномъ таковомъ маскарадѣ пантомимный Русскій танецъ исполненъ былъ сестрами Ивинскими и г-жею Колчиною, и въ немъ типично фигурировалъ въ Цыганской пляскѣ одинъ Рязанскій домохозяинъ Михаилъ (по отчеству забылъ) Ладвéзъ, сынъ стараго Французскаго эмигранта, жена коего долго имѣла фабрику и магазинъ искусственныхъ цвѣтовъ въ Москвѣ на Петровкѣ [2]).

Несправедливо было бы умолчать объ одной диллетанткѣ-пѣвицѣ, г-жѣ Трояновой, женѣ одного чиновника Рязанской Палаты Государственныхъ Имуществъ по Михайловскому уѣзду. Въ спектаклѣ у Новосильцовыхъ она не участвовала, но восхитила всѣхъ знатоковъ пѣнія на какомъ-то концертѣ, въ залѣ клуба. Голосъ ея былъ пространный и могучій контральто, и она весьма удачно выбрала энергиче-

---

[1]) Она позднѣе вышла замужъ за Василія Денисовича Давыдова, сына знаменитаго партизана 1812 года, наслѣдовавшаго порядочную дозу родительскаго ума и любезности въ обществѣ.

[2]) Этотъ Ладвезъ служилъ прежде въ армейской пѣхотѣ и женился на дѣвушкѣ съ порядочнымъ состояніемъ. Одинъ изъ его братьевъ, ученикъ Петербургской Академіи Художествъ, вышелъ талантливымъ живописцемъ.

скую арію изъ оперы Беллини «Монтекки и Капулетти», «Le Romeo t'accise un figlio» Эффектному восполненію этой мужской по композиціи аріи помогли высокій ея ростъ, большіе черные и метавшіе искры глаза и гордая осанка головы, какъ слѣдовало быть у Ромео, вождя партіи Монтекки. За границею наврядъ-ли бывала когда-нибудь г-жа Троянова; но она внимательно, должно быть, прислушивалась къ исполненію этой партизаціи первоклассными пѣвцами Петербургской Итальянской труппы, такъ что воинственный аллегро (allegro marziale) выполненъ былъ ею съ такимъ-же почти совершенствомъ, съ какимъ могла бы выполнить сама г-жа Шюцъ-Олдози, которую я слыхалъ во Флоренціи въ 1837 или 1838 году, и для коей, если не ошибаюсь, композиторъ Беллини нарочно написалъ партицію Ромео около 1830 года *).

Но такъ какъ всему хорошему есть конецъ, подоспѣло время вырваться мнѣ изъ этого вихря увеселеній. Диковъ поѣхалъ провести остальную часть зимы въ Петербургъ, а я возвратился въ мое Городищенское отшельничество.

Скучная черезчуръ матерія была для братіи нашей обители эта зимняя деревенская жизнь безъ хозяина-настоятеля. Мы собирались къ обѣду въ четверомъ: Александръ Адріяновичъ Дивовъ, *doctissimus* медикъ Бестъ, я и карликъ Филя (тотъ самый что счелъ нужнымъ возвратиться внезапно изъ Флоренціи въ подмосковное Зенино осенью 1839 года, чтобы переложить порядкомъ въ комодѣ чистое бѣлье). Послѣ обѣда Александръ Адріяновичъ засыпалъ на креслѣ у камина около часа и за тѣмъ удалялся во свояси на весь вечеръ; я оставался вдвоемъ съ Бестомъ, бесѣда съ коимъ могла бы быть подчасъ довольно занимательною по многосторонней его начитанности, но она шла съ его стороны на ломаномъ Французскомъ нарѣчіи съ Нѣмецкимъ акцентомъ, въ добавокъ отсутствіе зубовъ у почтеннаго нашего эскулапа вредило его произношенію.

Рождественскій постъ пришлось мнѣ въ первый и, надѣюсь, въ послѣдній разъ отговѣть зимою въ церкви безъ печей, каковою осталась по сю пору Старолѣтовская въ имѣніи Дивова. Подобный подвигъ не могъ бы въ настоящее время пройти безнаказанно для моего здоровья; но мнѣ было тогда 45 отъ роду лѣтъ, и я пользовался крѣпкою

*) Въ настоящее время (въ 1874) дочь покойной г-жи Трояновой, прелестная дѣвушка, но безъ всякаго состоянія, готовитъ себя во Флоренціи къ поступленію на оперную сцену, и не безъ надежды, какъ слышно, на успѣхъ. Отецъ ея, женившійся вторично, не имѣетъ средствъ значительно помогать ей.

комплекціею. Не могъ я иначе выдерживать церковныя службы, какъ закутанный въ Романовской дубленный полушубокъ, поверхъ него въ енотовой шубѣ, надѣтой въ рукава. Нелегко было выдерживать эти службы на морозѣ съ открытою вдобавокъ головою.

Я уже прежде говорилъ объ одномъ мелкопомѣстномъ сосѣдѣ Дивова, Дмитріи Николаевичѣ Апраксинѣ; приходится напомнить здѣсь о его существованіи. Благородный и прямодушный этотъ человѣкъ не заискивалъ ничего у болѣе богатыхъ его людей, былъ даже (и есть такимъ по сю пору) гордъ въ своей бѣдности, а въ довершеніе всего сердобольный отецъ, а не баринъ въ обращеніи съ крестьянами. По дворянскимъ выборамъ онъ не хотѣлъ никогда служить, отчасти быть можетъ потому, что былъ лѣнивъ отъ природы и неохочъ ко всякому серіозному занятію кромѣ своего хозяйства; а также потому, что не любилъ кланяться никому и питалъ отвращеніе къ интригамъ, вѣчно сопровождавшимъ дворянскіе выборы съ ихъ гоньбою за предводительскія, исправничьи и уѣзднаго судьи должности. Бирюку по наклонности и привычкѣ, единственная ему трата была псовая охота, да и то въ ограниченныхъ размѣрахъ. Ему было тогда менѣе 50 лѣтъ, и женатъ онъ не былъ, а имѣлъ отъ крѣпостной своей дѣвки незаконную дочь, на воспитаніе коей ничего не жалѣлъ. Она тогда (1852) только что окончила курсъ ученія въ одномъ изъ Московскихъ пансіоновъ, и дѣйствительно недаромъ пропали отцовскія издержки. Къ ней присватался въ эту зиму сынъ одного стараго медика, долго практиковавшаго въ Коломнѣ, и на этой свадьбѣ я присутствовалъ въ Горяинцовѣ, имѣніи ея отца. Онъ тутъ же отдалъ ей половинную часть своего состоянія и началъ жить еще экономнѣе прежняго. Дѣльная и солидная мать вышла изъ этой молодой особы: она сама подготовила двухъ (кажется) своихъ сыновей къ поступленію въ учебное заведеніе.

Ко дню новаго 1853 года, я поѣхалъ къ своимъ въ Знаменское и пробылъ съ ними до поздней весны.

Зимою я часто бывалъ у почтенной тетки моей жены, Авдотьи Ивановны Нарышкиной и иногда гостилъ у нея по нѣскольку недѣль сряду, но не столько ради ея, сколько для князя Николая Ѳедоровича Голицына, поселившагося у нея въ Лопатинѣ съ 1859 года *). А переѣхалъ онъ на жительство туда по финансовымъ обстоятельствамъ,

*) Напоминаю, что князь Н. Ѳ. Голицынъ, давно передъ тѣмъ уже овдовѣвшій, былъ женатъ на Аннѣ Ѳедоровнѣ Бахметевой, племянницѣ и воспитанницѣ Авдотьи Ивановны. Дѣтей у нихъ не было.

потому что попался въ Москвѣ въ шайку игроковъ. Его чуть-чуть не облупили дочиста, но вступились его братья, князья Александръ и Михаилъ Ѳедоровичи [1]). Они приняли долги на себя и хотя кредиторы пошли на сдѣлку, но тѣмъ не менѣе выплачена была имъ на столько здоровая сумма, что князья Александръ и Михаилъ поставили въ условіе брату передать имъ свое имѣніе, а они выдавали ему на прожитье опредѣленную сумму, хотя и ограниченную, но достаточную, чтобы жить съ нѣкоторымъ даже комфортомъ у его тетки Нарышкиной. Это былъ добрѣйшій души человѣкъ и олицетвореніе до ногтей вельможи стараго покроя съ утонченными аристократическими пріемами (Французскаго, конечно, оттѣнка), но безъ всякаго чванства, и со вкусами прежнихъ баръ (онъ значительно тратился на покупку старинныхъ картинъ). Живя въ Лопатинѣ, онъ постоянно выписывалъ изъ Москвы гастрономическіе припасы и вина отъ Депрѐ и всякаго рода подарки не только для своей тетки, но и для Тарускихъ своихъ друзей, для чего содержалъ особеннаго коммиссіонера. Обращеніе его со всякимъ мелкимъ уѣзднымъ людомъ не рознилось ни въ чемъ съ его обращеніемъ съ людьми высшаго круга, и эта обходительность была непритворною: онъ уживался со всѣми, и рѣдко, бывало, осудитъ непохвальнымъ словцемъ даже тѣхъ, которые не пользовались безукоризненною репутаціею. Какъ все современное ему поколѣніе (ему было подъ 70 лѣтъ), онъ обоготворялъ императора Александра Павловича и уже на этотъ счетъ не выдержитъ, бывало, характера, если кто затронетъ его идола. Однажды я вышелъ, самъ не знаю какъ, изъ своей привычки не противорѣчить старику и дерзостно перебилъ его во время панегирическаго пыла о его царѣ-героѣ, сказавъ: «Votre impereur Alexandre était un Jésuite. Napoléon lui-même l'avait surnommé un Grec du Bas-Empire» [2]). Батюшки! Такъ и взъѣлся на меня князь. «Vous n'êtes qu'un polisson» [3]), досталось мнѣ отъ него за это. Но очень конфузился онъ послѣ за свою вспышку и всячески силился ее загладить. Понятно, что я не принялъ къ сердцу его словъ.

Онъ передалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ. Во время извѣстнаго посольства маршала Коленкура (герцога Виченцскаго) при нашемъ дворѣ въ 1809 или 1810 году, князь Николай Ѳедоровичъ, тогда офицеромъ

[1]) Князь Александръ Ѳедоровичъ уже былъ тогда статсъ-секретаремъ при Коммиссіи Прошеній, а князь Михаилъ Ѳедоровичъ былъ женатъ на Луизѣ Трофимовнѣ Барановой и постоянно жилъ въ Москвѣ въ своемъ домѣ на Покровкѣ.

[2]) Вашъ императоръ Александръ былъ Іезуитъ; самъ Наполеонъ прозвалъ его Грекомъ Византійской имперіи.

[3]) Вы молокососъ.

Преображенскаго полка, стоялъ однажды въ караулѣ у Петербургской заставы и проглядѣлъ Французскаго посла, возвращавшагося съ гулянья въ Екатерингофѣ. Щепетливый маршалъ принялъ за оскорбленіе собственной его или представляемаго имъ императора личности, что Русскій офицеръ не отдалъ подобающей ему чести, не вышедъ съ карауломъ на платформу, за что и принесъ рѣзкую жалобу кому слѣдовало изъ высшихъ военныхъ властей, и князь подвергся головомойкѣ *).

Князь Николай Ѳедоровичъ частенько хворалъ (и нерѣдко отъ гастрономической невоздержности), и тогда по цѣлымъ недѣлямъ не ходилъ внизъ къ своей теткѣ. Въ этихъ случаяхъ, какъ и тогда, когда онъ находился въ вожделѣнномъ здравіи, соблюдался между обоими слѣдующій церемоніалъ. Какъ только князь вставалъ и умывшись и выбрившись (для каковой операціи имѣлъ свою цирульню) садился въ халатѣ въ свои Волтеровскія кресла, являлся старикъ дворецкій кривошейка Иванъ Михайловъ съ докладомъ, что «Авдотья Ивановна молъ приказали спросить о здоровьи вашего сіятельства и какъ вы изволили почивать». На это отвѣтъ былъ всегда одинъ и тотъ же: «Поблагодари Авдотью Ивановну; я, слава Богу, здоровъ, отлично хорошо спалъ и готовлюсь кофе пить». Кажись, что этого было бы достаточно? Но нѣтъ. Вслѣдъ за тѣмъ отправлялся на низъ княжескій камердинеръ Ѳедоръ точь-въ-точь съ такими же распросами къ Авдотьѣ Ивановнѣ. Въ двѣнадцатомъ часу, когда подавали у Авдотьи Ивановны легкій завтракъ (такъ какъ она обѣдала въ два часа), снова подымался по лѣстницѣ кривошейка Иванъ Михайловъ доложить его сіятельству, что его барыня изволитъ закусывать, такъ не прикажетъ ли его сіятельство принести ему чего-нибудь закусить? Князь благодаритъ и приказываетъ сказать, что ничего не желаетъ. (Одна изъ причинъ отказа могла быть та, что князь зналъ по опыту, что хозяйскій ватель, по имени Родіонъ, былъ отравитель, хотя увѣрялъ несвѣдущихъ въ кулинарномъ дѣлѣ, что онъ учился на кухнѣ Михаила Ѳедоровича Рахманова, и потому князь заказывалъ особыя для себя блюда и нерѣдко изъ своей провизіи). Послѣ обѣда Иванъ Михайловъ опять отправлялся спрашивать, съ апетитомъ ли изволилъ кушать его сіятельство, и вслѣдъ за тѣмъ съ таковымъ же вопросомъ ходилъ внизъ княжескій камердинеръ Ѳедоръ.

---

*) Изъ всѣхъ разсказовъ того времени видно, что Коленкуръ держалъ себя черезъ чуръ надменно; были ли даны ему на то секретныя инструкціи или онъ дѣйствовалъ такъ по заносчивой своей натурѣ, не знаю.

Старушка любила таки церемонность. Когда жена моя прiѣзжала къ ней, она освѣдомлялась о здоровьи *молодаго графа Дмитрiя Михайловича*, коему едва было пять лѣтъ. Однажды гостили у нея Тридонъ съ женою и годовалою ихъ Лили́, и когда на слѣдующее утро Осипъ Августиновичъ пошелъ поздороваться съ Авдотьею Ивановною, она не преминула спросить, какъ провела ночь Елисавета Осиповна. ‹Qui est ce que cette personne, madame?, спросилъ нашъ живой Французъ.—‹Mais c'est votre fille›.—‹Comment, madame, cette petite morveuse est déjà Elisabeth Ossipovna?› [1]).

Въ Лопатинѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, красовалась каменная, теплая и о двухъ придѣлахъ церковь, архитектуры полу-рококо, принятой во второй половинѣ прошлаго вѣка; но она была домовою, а приходская церковь была на Лысой горѣ, верстахъ въ полуторы отъ Лопатина. Такъ какъ при этой послѣдней церкви были два священника, то богомольная Авдотья Ивановна назначила годовую плату, чтобы одинъ изъ нихъ служилъ ежедневно въ Лопатинской церкви, гдѣ она каждый день присутствовала у заутрени и обѣдни. Благотворительность ея была въ широкихъ самыхъ размѣрахъ; не было отказа никому, и весь Тарускiй уѣздъ благословлялъ ее. Хотя при ней всегда жила компаньонка, которая, вмѣстѣ съ симъ, была чтицею и секретаршей, и еще старая карлица Маланья Аѳанасьевна (а какихъ лѣтъ была эта весьма еще бодрая карлица, можно судить изъ того, что она помнила, какъ увѣряли знавшiе ее люди, Московскую чуму 1771 года), но не любила Авдотья Ивановна оставаться безъ гостей и, конечно, находились охотницы, всегда готовыя угождать ей въ этомъ отношенiи. Тарускiя чиновническiя жены такъ и дежурили постоянно въ Лопатинѣ. По большимъ праздникамъ и въ ея и Николая Ѳедоровича Бахметева [2]) имянины и дни рожденiя обѣдало у нея до сорока и болѣе человѣкъ, въ каковыхъ случаяхъ старушка была внѣ себя отъ радости. Я гдѣ-то упомянулъ выше, что когда Калужскимъ губернаторомъ былъ Н. М. Смирновъ, жена его Александра Осиповна (бывшая красавица, фрейлина Росетти) гащивала со своими дѣтьми въ Лопатинѣ по нѣскольку дней. Домовый бытъ Авдотьи Ивановны былъ на старо-боярской ногѣ, какъ бы перенесенный изъ допожарной Москвы. Въ передней болтались три-четыре лакея и оффи-

---

[1]) Кто это, о комъ вы изволите говорить?—„О вашей же дочери. — Какъ, сударыня, эту маленькую сопляшку уже зовутъ Елисаветою Осиповною?"

[2]) Племянникъ, воспитанникъ и наслѣдникъ Авдотьи Ивановны, отецъ Ольги Николаевны Базилевской.

ціанты, каждый изъ коихъ былъ занятъ своимъ ремесломъ: кто сапожничалъ или портняжилъ, или вязалъ чулокъ, или плелъ сѣть. Войдетъ пріѣзжій гость, и челядинцы, снявъ съ него шубу или пальто, снова принимались, безъ зазрѣнія совѣсти, за свою работу. Да и весь ладъ дома былъ патріархальный. У престарѣлаго кривошеи, дворецкаго Ивана Михайлова, руки тряслись до того, что, наливая гостямъ обычныя мадеру и шато-марго, онъ спотыкался и обливалъ гостей, но не соглашался сдавать свою должность другому, какъ на то ни намекала его госпожа: смѣнить своего Иванушку (такъ называла его до конца Авдотья Ивановна) не доставало ей духу. Въ своей молодости она была, разсказывали, неравнодушна къ Московскому когда-то богачу, Петру Ивановичу Юшкову, огромный домина коего, насупротивъ Московскаго почтамта, нынѣ принадлежитъ Московскому художественному классу. Почему она не вышла замужъ за него, не знаю; но она такъ и осталась старою дѣвой *).

Въ Апрѣлѣ или Маѣ меня извѣстили о внезапной кончинѣ въ Москвѣ отъ холеры Ивана Антоновича Кавецкаго, чего я никакъ не ожидалъ, потому что хотя ему было за 70 уже лѣтъ, но казался онъ молодцомъ и сохранялъ свою дѣятельность. Смерть его произвела нѣкоторое разстройство въ дѣлахъ моей матери и моего брата, графа Петра Дмитріевича, довѣрителемъ коихъ онъ продолжалъ быть въ Россіи по ликвидаціи невырученныхъ еще сполна братниныхъ денегъ за выходъ на волю Воронежскаго имѣнія крестьянъ слободы Бутурлиновки, и матушкиныхъ денегъ отъ продажи ея имѣнія, села Бѣлкина, которое купила дочь И. А. Кавецкаго, Варвара Ивановна Обнинская.

Въ Маѣ я возвратился въ Городище, но уже не обыкновеннымъ проселочнымъ путемъ черезъ Каширу и Зарайскъ, а черезъ Москву, гдѣ впрочемъ не оставался болѣе трехъ дней и переѣхалъ къ Дивовой, уже поселившейся на лѣто въ своей Зенинской фермѣ. Погостивъ у нея съ недѣлю, я съ нею и съ обоими ея дѣтьми поѣхалъ въ Городище. Въ одно теплое Майское утро моего пребыванія въ Зенинѣ, все наше общество отправилось въ огромной линейкѣ посѣтить только-что достроенный великолѣпный зáмокъ въ имѣніи графа Ивана Ларіоновича Воронцова-Дашкова, въ с. Быковѣ (Марьино тоже), верстахъ въ 10-ти отъ Зенинской фермы. Постройка эта была въ строго-заграничномъ XVI вѣка (à la renaissance) стилѣ и дѣлала честь таланту ея

*) Позднѣе П. И. Юшковъ разорился, и я однажды видѣлъ его въ Петербургѣ, въ 40-хъ годахъ, у Шатиловыхъ, въ жалкомъ довольно положеніи.

архитектора Француза Симона *); а стоила она, какъ слышно, много болѣе милліона рублей сер., да и немудрено по громадности ея размѣровъ, въ три этажа съ башнею или чуть ли не съ башнями. Но особенно грандіозны и изящны по отдѣлкѣ были нижнія пріемныя залы, весь потолокъ коихъ былъ съ разрѣзными «a jour» балками и узорчатыми рѣзными разводками. Мнѣ понравился болѣе прочаго столовый залъ. Размѣръ его былъ таковъ, что въ немъ можно бы было не стѣсняясь задавать пиры на двѣсти человѣкъ гостей; стѣны были обшиты неполированными фанерками, раздѣленными по квадратамъ съ таковою же каймою, и въ центрѣ каждаго квадрата вставлена была изваянная изъ дуба группа охотничьяго сюжета (убитые звѣри и дичь и разныя охотничьи принадлежности), а въ пространствѣ между верхнимъ карнизомъ и потолкомъ шелъ рядъ фамильныхъ круглыхъ портретовъ графовъ и графинь Воронцовыхъ, въ числѣ коихъ я узналъ моего дѣда (по матери) графа Артемія Ивановича. Въ одномъ концѣ столовой возвышался огромный поставецъ въ нѣсколькихъ полкахъ уступами, весь уставленный богатѣйшею серебро-вызолоченною посудою съ дѣдовскими кубками, стопами и братинами. Въ противуположномъ концѣ этого перваго этажа зȧмка находился графининъ апартаментъ, въ коемъ особенно примѣчательна была ея уборная (тутъ же и ванная) съ мебелью, стѣнами и всѣми прочими деталями, подобранными въ недешевомъ вкусѣ прошлаго вѣка, «à la Pompadour». При всей однакоже этой богатой утонченности было отсутствіе всякаго комфорта для самаго владѣльца зȧмка. Его жилые покои находились во второмъ этажѣ надъ высокими парадными залами (или чуть ли даже не въ третьемъ), и страдавшему тогда подагрою графу Ивану Ларіоновичу Воронцову (который пріѣзжалъ каждое лѣто въ Быково) приходилось подыматься на сонъ грядущій по лѣстницѣ въ 50 или 60 ступенекъ, чтобы достичь своей опочивальни. Оранжереи и теплицы тянулись, какъ мнѣ разсказывали (самъ же я не успѣлъ ихъ обозрѣть) будто бы на версту. Графиня Александра Кирилловна, пристрастившись въ то время къ породистому скотоводству, завела въ Быковѣ цѣлое стадо Швейцарскихъ (выписныхъ изъ-за границы) коровъ съ таковыми же быками, и при нихъ цѣлое семейство Швейцарцевъ для ухода за стадомъ, и семейство это помѣщалось во вновь выстроенномъ для него «шале», гдѣ была также пріемная комната для посѣтителей, желавшихъ прохладить-

---

*) Онъ построилъ около того же времени роскошный палаццъ графа Николая Дмитріевича Толстаго въ Москвѣ; на углу Воздвиженки и Большой Кисловки. Зданіе это не изъ кирпича, а изъ бѣлаго плитняка и отдѣлено отъ Воздвиженки длиннымъ садомъ съ желѣзною рѣшеткою.

ся или подкрѣпиться кружкою молока или сливокъ или закусить Швейцарскимъ сыромъ, тутъ же изготовленнымъ. И любопытно было, дѣйствительно, обхожденіе этого Швейцарца съ своею скотиною. Когда надо было выпускать стадо на пастбище, онъ шелъ впереди съ тростью въ рукѣ, посвистывая и приманивая голосомъ стадо идти за нимъ, что̀ само̀е онъ повторялъ, выходя вечеромъ навстрѣчу возвращающимся его питомцамъ, во главѣ каковыхъ шла одна изъ коровъ съ колокольчикомъ на шеѣ. Никакого гуканія и щелканія бичемъ или кнутами не было слышно и, пожалуй, что эти пыточныя для скотины орудія не допускались, и помощники Швейцарца вооружены были безвредными лишь прутиками. Зданіе скотнаго двора, его устройство и содержаніе скотины не уступали въ хозяйственной роскоши всему прочему. Словомъ, тогдашнее Быково могло соперничать съ какою-нибудь царскою резиденціею.

Въ сосѣдствѣ съ Зенинскою фермою было с. Кучино, помѣстье или правильнѣе дача богача Николая Гавриловича Рюмина *), славившаяся тогда своею щегольскою отдѣлкою; но о ней можно было сказать, что славны бубны за горами. Всѣ постройки были деревянныя, сшитыя на живую нитку, въ родѣ балагановъ, и отзывались болѣе фантазёрствомъ какого-нибудь театральнаго декоратора, нежели чѣмъ другимъ. Домики были покрыты множествомъ изысканныхъ «цацъ» игрушечно-подобныхъ (по-французски «colifichets»), узорочьями и фестонною рѣзьбою то въ Индостанскомъ или Мавританскомъ, то въ Русскомъ деревенскомъ стилѣ; иные домики были изъ березовыхъ бревенъ съ ихъ бѣлою корою; постройки были въ маленькихъ размѣрахъ. Вообще, Рюминское Кучино показалось мнѣ въ родѣ повторенія прихотей забавной памяти Осташевскаго сада на Тверскомъ бульварѣ, но и затѣмъ уже милліонера-мѣщанина въ дворянствѣ. Кучинскій паркъ былъ хорошъ; но не надо воображать себѣ, что какой-нибудь художникъ-садоводъ ломалъ себѣ голову, чтобы начертить и засадить этотъ паркъ по правиламъ искусства, а просто тутъ былъ самородный густой довольно лѣсъ, и въ немъ просѣкли и устроили шоссейныя дорожки, достаточно широкія, чтобы кататься по нимъ въ экипажахъ.

Погостивъ въ Зенинѣ съ недѣлю, я проводилъ Зинаиду Сергѣевну въ Городище. Разстояніе между этими двумя мѣстностями было около

*) Бывшій откупщикъ и милліонеръ Н. Г. Рюминъ умеръ лѣтъ пять тому, и послѣ его смерти дѣла̀ его оказались далеко не въ цвѣтущемъ будто бы положеніи, а жена его, Елена Өедоровна (рожденная Кондалинцова), скончалась въ Іюнѣ нынѣшняго 1874 года.

130 верстъ, кои мы проѣхали съ чрезвычайною быстротою въ 12 или 13 часовъ. Правда, что я скакалъ передовымъ заготавливать лошадей на станціяхъ для Дивовой, которая слѣдовала съ обоими своими дѣтьми и съ обыкновенною своею свитою. Выѣхавъ изъ Зенина послѣ ранняго утренняго чая, мы поспѣли къ вечернему чаю въ Городище, при чемъ надо взять въ разсчетъ задержку обѣда въ Бронницахъ и переправу паромомъ черезъ Оку въ Коломнѣ, гдѣ выѣхалъ на встрѣчу къ намъ Николай Адріяновичъ.

Въ Городищѣ Дивовъ заговорилъ въ первый разъ со мною о моемъ поступленіи на службу при Петрѣ Петровичѣ Новосильцовѣ, согласіемъ коего Дивовъ уже заручился; но Петръ Петровичъ совѣтовалъ однакоже немного повременить, такъ какъ еще не было въ Рязани вакантнаго удобнаго для меня мѣста съ жалованіемъ, а безъ таковаго не было цѣли поступать мнѣ опять на службу. Я съ готовностію принялъ совѣтъ моего родственника и рѣшился переѣхать въ Рязань по отъѣздѣ изъ Городища Зинаиды Сергѣевны; да и кстати мнѣ надо было, по мнѣнію моего врача, выдержать курсъ минеральныхъ водъ. Зинаида Сергѣевна возвратилась въ свое Зенино, а мужъ ея и я поѣхали дня за два въ Зарайскъ, по приглашенію князя А. Д. Волконскаго, для присутствованія при освященіи самимъ Рязанскимъ архіереемъ Гавріиломъ домовой церкви, княземъ устроенной при женскомъ училищѣ и пансіонѣ, которые онъ же основалъ и содержалъ. Этимъ полезнымъ и накладнымъ конечно для кармана учрежденіемъ князь Алексѣй Дмитріевичъ выкупалъ свои слабости, какъ театралъ и меломанъ; жаль лишь, что онъ не пожертвовалъ навсегда капиталъ (что впрочемъ онъ, быть можетъ, не былъ въ силахъ сдѣлать), изъ процентовъ коего могъ бы содержаться впослѣдствіи этотъ пансіонъ. Позднѣе онъ вынужденъ былъ закрыть это заведеніе. Мнѣ передано было, что онъ уговаривалъ дворянство Зарайскаго уѣзда принять отъ него этотъ весьма удовлетворительно устроенный, какъ я лично убѣдился, пансіонъ и продолжать его существованіе на дворянскія суммы. Теперь, быть можетъ, его постигла бы лучшая участь (доказательствомъ чему служитъ, что въ прошломъ 1873 году Зарайское городское и уѣздное общество основали реальное пятиклассное, кажется, училище); но тогда общество наше еще не созрѣло до сознанія необходимости и неотложности поощренія всесословнаго образованія. Изумительно, какъ мы шагнули впередъ въ эти послѣднія 15 лѣтъ по этому вопросу!

Переѣхавъ въ Рязань (въ Дивовскій домъ), я не замедлилъ явиться къ П. П. Новосильцову, чтобъ поблагодарить его за участіе, кото-

рое онъ принялъ во мнѣ, и я началъ пить свои воды. Николай Адріановичъ частенько наѣзжалъ въ городъ для свиданія съ Новосильцовыми, съ коими онъ былъ друженъ; но по долгу онъ не оставался въ Рязани.

Однажды, когда я ѣхалъ въ каретѣ съ Дивовымъ обѣдать къ Новосильцовымъ на Рюминскую дачу ими занимаемую лѣтомъ *), онъ обратился ко мнѣ съ какою-то необычною ему рѣчью въ грустномъ направленіи, съ внушительными увѣщаніями покориться Божіей волѣ и тому подобное. Я догадался, что онъ имѣлъ сообщить мнѣ что-то тяжелое для меня, но не зналъ, какъ приняться. Я присталъ къ нему, чтобы онъ высказался безъ дальнихъ околичностей, и онъ сообщилъ мнѣ, что дорогой мой братъ графъ Петръ Дмитріевичъ скончался въ Римѣ. Нечего говорить, какъ поразило меня извѣстіе, что уже не было въ живыхъ этого столь горячо любившаго меня брата, человѣка, который не разъ выручалъ меня, какъ ангелъ-хранитель, въ бурной моей юности и уплачивалъ мои долги безъ моего вѣдома. Подобные люди нынѣ не встрѣчаются. Этотъ праведникъ провелъ свою жизнь, поставивъ себѣ задачею помогать кому онъ могъ, и любовь его къ человѣческому роду не остыла и въ предсмертныхъ и страдальческихъ его часахъ. Кончина его послѣдовала отъ разрыва сердца; но какъ долговременная его болѣзнь была столь сложна, что наука затруднялась ее опредѣлить съ надлежащею точностію, то онъ завѣщалъ женѣ своей, чтобы медики вскрыли его трупъ, дабы лучшимъ разузнаніемъ его недуга было возможно помочь будущимъ страдальцамъ.... Семидесятишестилѣтняя наша мать присутствовала при кончинѣ ея кормильца, каковымъ онъ былъ для нея, такъ какъ состояніе нашей матери было ограничено отчасти уже потому, что изъ денегъ, вырученныхъ продажею И. А. Кавецкому ея Боровскаго имѣнія с. Бѣлкина, она еще въ концѣ 30-хъ годовъ пожертвовала 100 тыс. рубл. асс. на уплату моихъ долговъ, но къ несчастію, безъ всякой пользы: деньги эти пропали безслѣдно въ общемъ омутѣ безлаберныхъ дѣлъ и оборотовъ моего Еврейскаго factotum'а Леона Капенштейна... Бѣдная моя мать пережила своего сына не болѣе полутора года, слабѣла постепенно и говаривала о себѣ (какъ позднѣе мнѣ передавали), что она какъ бы хромая какая-нибудь старушка, потерявшая свой костыль. «Такъ какъ же ходить этой старухѣ безъ костыля?» были ея слова. Да! Тяжко, убійственно для родителей переживать взрослыхъ дѣтей, и суждено бы-

*) Дача эта, издавна принадлежащая семейству Рюминыхъ, въ полуверстномъ разстояніи отъ Рязани. При ней великолѣпный паркъ и протечные пруды.

ло и самому мнѣ это испытать черезъ годъ послѣ кончины моего брата!

По выходѣ изъ кареты на Рюминовой дачѣ я извинился передъ Меропою Александровною, что не въ состояніи обѣдать у нея и, возвратясь немедленно домой, далъ полную свободу моимъ слезамъ...

Въ Іюнѣ неожиданно подкатила къ моему крыльцу двоюродная моя сестра Надежда Александровна (уже три года замужемъ за В. А. Гавришенко). Она ѣхала изъ Петербурга и предложила мнѣ съѣздить съ нею въ Тамбовъ, а оттуда въ Воронцово, принадлежавшее ей и сестрѣ ея, Елисаветѣ Александровнѣ Кикиной, нынѣ Болдыревой *). Утромъ на слѣдующій день я сѣлъ въ карету съ нею, и мы помчались по столбовой Рязанско-Козловской дорогѣ, представлявшей почти что круглый годъ море замѣсившейся вязкой грязи. Какова была эта дорога въ дождливое осеннее время, можно судить изъ того, что однажды главноуправлявшій почтовымъ департаментомъ Прянишниковъ, прокатившись (или точнѣе проползши) по ней изъ Тамбова въ Рязань, говорилъ П. П. Новосильцову, что, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ намѣревался представить проектъ въ Государственный Совѣтъ о замѣнѣ впредъ ссылки преступниковъ въ отдаленную каторжную работу присужденіемъ ихъ совершить по образу пѣшаго хожденія эти триста съ чѣмъ-то верстъ между Рязанью и Тамбовомъ въ осеннее время.

Поздно вечеромъ этого же дня мы доѣхали до села Алешни, любимаго лѣтняго мѣстопребыванія княгини Маріи Петровны Волконской (отъ Ряжска не болѣе версты). Въ теченіе какихъ-нибудь трехъ часовъ что мы тамъ пробыли, привѣтливая хозяйка Алешни успѣла показать намъ роскошный свой садъ, ею созданный, и показала его намъ съ театральнымъ эффектомъ, а именно при искусственномъ освѣщеніи. Для сего нѣсколько лакеевъ вооружились свѣчами со стеклянными колпаками и постепенно освѣщали всѣ замѣчательнѣе прочихъ мѣста сада, засаженнаго частію регулярными и перекрещивающимися аллеями (à la française), частію Англійскимъ паркомъ. Изящный вкусъ во всемъ

*) Богатое это имѣніе, принадлежавшее по раздѣльному семейному акту двоюродному моему брату Артемію Александровичу Тимофееву (нынѣ умершему), подвергалось продажѣ за его долги, но было выкуплено его двумя сказанными сестрами, уплатившими для выручки имѣнія 40 или 50 т. рубл. серебр., коими ихъ снабдилъ двоюродный ихъ братъ милліонеръ Андрей Ивановичъ Сабуровъ, взявшій въ обезпеченіе этихъ денегъ строевой лѣсъ при с. Воронцовѣ, каковаго было тамъ семь или восемь сотъ десятинъ. Впослѣдствіи Воронцово было отдано обратно Артемію Александровичу.

что̀ ни предпринимала княгиня Марія Петровна, выказывался и здѣсь; а садоводство было изъ самыхъ любимыхъ ея занятій. О правильной вездѣ выдержкѣ рослыхъ деревьевъ, какъ бы подобранныхъ одно къ другому, лишнее было бы говорить; но это отдѣленіе регулярнаго сада отличалось еще тѣмъ, что въ концахъ аллей и на площадкѣ, гдѣ онѣ перекрещивались, стояли прекрасныя копіи, изъ Каррарскаго бѣлаго мрамора, извѣстныхъ древнихъ Греческаго ваянія статуй, какъ напримѣръ Венера Медиційская, Фавнъ и проч. Грандіознымъ можно было назвать широкій спускъ къ рѣчкѣ, протекающей черезъ весь садъ съ паркомъ включительно; ступеньки этого спуска были изъ бѣлыхъ плитъ съ мраморными вазами на пьедесталахъ по обоимъ бокамъ. Но все это было ничтожно передъ гротомъ Мадонны, устройство коего было слѣдующее. Въ углубленіи природной горы вырыта была пространная ниша со сводомъ, и въ ней вставлена была на пьедесталѣ изъ бѣлаго мрамора колосальная гипсовая группа Пресвятой Дѣвы Маріи съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на колѣняхъ. Это была точная копія или, правильнѣе, повтореніе бронзовой группы одного изъ фронтоновъ Исаакіевскаго собора, работы знаменитаго нашего Москвича Ивана Петровича Витали и имъ же въ точности исполненная по заказу княгини Волконской. Семь или восемь ступеней изъ Каррарскаго также мрамора вели къ этой часовнѣ, которая вся была обставлена снаружи тропическими и другими оранжерейными растеніями въ горшкахъ и кадкахъ, а деревцы и деревья большаго размѣра, въ числѣ коихъ кипарисы и цвѣтущіе олеандры, высажены были на лѣто прямо въ грунтъ. Верхушка горы подъ гротомъ, представлявшая видъ насыпной арки, была обсажена кактусами и подобными низкими оранжерейными растеніями, кои вынимались оттуда на зиму. Иллюзія отъ обстановки всего этого грота была полная: сидя передъ нею на мраморной также скамейкѣ, зритель переносился въ мѣстность теплаго Юга *). Цвѣтникъ передъ домомъ гармонировалъ изящностію со всѣмъ прочимъ. Онъ представлялъ узорчатый коверъ, каждое отдѣленіе коего (составлявшее частицу общаго рисунка) было сплошь обсажено однолѣтними цвѣтами, подобранными подъ тѣнь рисунка, то-есть каждое изъ этихъ отдѣленій было туго набито одноколерными растеніями, такъ что клочка земли межъ ними нигдѣ не было видно; общій же рисунокъ представлялъ, насколько помнится мнѣ, громадную звѣзду, въ центрѣ которой стояла на высокомъ пьедесталѣ большая мраморная урна, наполненная спускающимися черезъ ея края

---

*) Я узналъ, что по кончинѣ княгини Маріи Петровны садъ былъ запущенъ, и превосходная Виталіева группа разбита въ дребезги, заваленная обрушившимся гротомъ.

зелеными нитками нецвѣтущихъ орнаментальныхъ и безштамбовыхъ растеній. Не доставало лишь фонтана въ Алешнинскомъ саду, чтобы сдѣлать его вполнѣ дворцовымъ.

Алешнинскія строенія были начаты въ чисто-Русскомъ старинномъ вкусѣ и въ большихъ размѣрахъ. Уже выстроены были два каменные флигеля въ два съ половиною этажа для пріѣзжихъ гостей и для прислуги, кухня и конный дворъ съ сторожевою пожарною башнею, но чередъ до господскаго дома еще не доходилъ: постройку эту, какъ самую капитальную, княгиня все откладывала до времени, когда она могла бы, не стѣсняясь, опредѣлить на этотъ предметъ необходимую и довольно значительную сумму, а между тѣмъ она продолжала жить въ старомъ двухэтажномъ деревянномъ домѣ своего свекра (весьма впрочемъ уютномъ и просторномъ). Издали домъ этотъ казался окрашеннымъ темно-зеленымъ цвѣтомъ; но это происходило отъ хмеля, сплошь покрывавшаго обшивку стѣнъ безъ одной скважины, отъ самаго низа до кровли, и въ этой чащѣ были вырѣзаны одни отверстія для оконъ и балконовъ по обоимъ фасамъ дома. Не видывалъ я нигдѣ подобнаго эффекта.

У княгини жила тогда кузина моя, Елисавета Александровна (вдова двоюроднаго княгининаго брата Андрея Евграфовича Кикина), проводившая въ то время всѣ зимы съ княгинею въ Петербургѣ, хотя она и нанимала свою особенную квартиру въ задней части (по Милліонной улицѣ) дома Волконскихъ.

Въ Тамбовѣ, гдѣ Надежда Александровна имѣла и имѣетъ по сю пору свой домъ, мы прожили недѣли двѣ по случаю рысистыхъ бѣговъ, въ коихъ участвовала одна лошадь ея мужа Василія Артамоновича, но приза не взяла. Туда подъѣхала и Елисавета Александровна. Кузинъ моихъ навѣщалъ иногда тогдашній губернаторъ Петръ Алексѣевичъ Булгаковъ. Его хвалили какъ дѣловаго администратора, но обращеніе его съ подчиненными было иногда грубо и чрезвычайно дерзко. Однажды онъ накинулся, какъ мнѣ разсказывали, на какого-то уѣзднаго судью (служившаго по выборамъ) съ площадною руганью; но судья этотъ такъ отбрилъ мужиковатое превосходительство, что тотъ прикусилъ языкъ.

Встрѣтившись на Тамбовскихъ бѣгахъ съ знакомымъ мнѣ по Москвѣ меломаномъ княземъ Юріемъ Николаевичемъ Голицынымъ, я счелъ приличнымъ сдѣлать ему на слѣдующій день визитъ. Онъ принялъ меня крайне привѣтливо, но въ тоже время просилъ извиненія, что начнетъ безцеремонно одѣваться при мнѣ, такъ какъ ему надобно ѣхать на дворянскій офиціальный обѣдъ, а чтобы мнѣ не скучать, онъ

сунулъ мнѣ въ руки какія-то бумаги о тяжбѣ его съ губернаторомъ по доносу, имъ (княземъ Голицынымъ) поданному, на П. А. Булгакова, что онъ якобы составилъ подложное духовное завѣщаніе на имя какой-то Тамбовской умершей барыни и воспользовался ея имуществомъ. Процедура эта меня и безъ того не интересовала, а вдобавокъ пришлось мнѣ выслушивать дополнительныя поясненія изъ устъ сіятельнаго доносчика. Не молчалъ съ своей стороны и зубастый губернаторъ и старался подкапываться подъ губернскаго предводителя, и дрязги эти кончились тѣмъ, что Булгакова перевели въ Калугу на мѣсто графа Егора Петровича Толстого, а князя Голицына отрѣшили отъ должности Тамбовскаго губернскаго предводителя. Но сія послѣдняя мѣра относится къ позднѣйшему времени, а въ 1853 и 1854 годахъ онъ былъ еще въ большомъ ходу. На офиціальномъ обѣдѣ мѣстное дворянство сдѣлало постановленіе (по предложенію губернскаго предводителя) о пожертвованіи отъ всей губерніи на потребности военнаго вѣдомства (такъ какъ чуялось уже всѣмъ близкое столкновеніе съ Европейскими державами), 800 подъемныхъ лошадей, съ каковымъ постановленіемъ отправился въ Петербургъ самъ князь Юрій Николаевичъ. Дворъ былъ тогда въ Петербургѣ, и пріѣздъ вѣстника вѣрноподданнической преданности Тамбовскаго «благороднаго» дворянства былъ тѣмъ болѣе кстати, что прибыли какіе-то экстраординарные иностранные дипломатическіе агенты, въ присутствіи коихъ обрадованный покойный Государь осыпалъ князя Голицына милостивыми выраженіями, поручая ему поблагодарить «свое» вѣрное Тамбовское дворянство, а самъ князь былъ тутъ же пожалованъ прямо въ камергеры, не бывъ никогда камеръ-юнкеромъ.

Въ числѣ короткихъ знакомыхъ у моихъ двухъ родственницъ было семейство Полетиковъ, состоявшее изъ мужа, жены и единственной ихъ дочери Мордвиновой, продолжавшей жить съ своимъ мужемъ при ея родителяхъ. Г. Полетика, тогда въ превосходительномъ уже чинѣ, служилъ въ 30-хъ годахъ въ кавалергардахъ, а въ описываемое время числился при почтовомъ департаментѣ и жилъ въ Тамбовѣ, взявъ командировку обревизовывать нѣкоторыя губернскія почтовыя конторы. Жена его*), казавшаяся чистою Парижанкою по нарѣчію и воспитанію, была, какъ говорили, незаконнорожденная дочь одного изъ Петербургскихъ вельможъ. У кузинъ моихъ часто бывалъ также нѣкій Итальянецъ по фамиліи Гуаданини, первоначальная профессія коего на его родинѣ въ Неаполѣ была портретная живопись; но какъ можно предполагать, профессія была не прибыльная, потому что онъ ее бросилъ и пріѣхалъ въ Россію съ Андреемъ Ивановичемъ Сабуровымъ. Впо-

*) Идалія Григорьевна. П. Б.

слѣдствіи, одна Тамбовская довольно богатая барышня втюрилась въ него и сдѣлалась мадамъ Гуаданини, а онъ Тамбовскимъ помѣщикомъ и чуть ли даже не агрономомъ.—Въ живыхъ еще находился тогда послѣдній вѣроятно изъ воиновъ Венеціанской республики въ лицѣ старика Пивàто, издавна содержателя гостиницы въ Тамбовѣ и о коемъ я, кажется, упомянулъ въ разсказѣ о моихъ кутежахъ въ 1843 году на Нижегородской ярмаркѣ. Въ этотъ мой пріѣздъ въ Тамбовъ, я однажды встрѣтилъ въ его гостиницѣ Московскую артистку на скрипкѣ Терезу Оттаво, тогда проѣзжавшую изъ Сибири, гдѣ съ бѣдняжкою случилось, какъ она мнѣ сказывала, горестное приключеніе. Своенравная ея горничная, сопровождавшая ее въ артистическихъ ея странствованіяхъ, въ порывѣ бѣшенства, разбила однажды въ дребезги скрипку своей госпожи; а инструментъ былъ драгоцѣнный, чуть-ли не произведеніе знаменитаго когда-то Амати. Къ счастію для нашей молодой артистки (ей было тогда тридцать съ небольшимъ лѣтъ, но кофейные ея глаза блестѣли прежнимъ огнедышащимъ выраженіемъ), въ Москвѣ отыскался мастеръ, который склеилъ всѣ обломки инструмента столь превосходно, что мамзель Оттаво могла отличаться на немъ по прежнему. Такъ какъ я нѣкогда (въ 1841 году) ухаживалъ за нею въ Москвѣ (и совершенно безуспѣшно), то и обращался съ нею довольно фамиліарно (обращеніе, допускаемое впрочемъ между Итальянскими артистами и художниками): хотя отецъ ея былъ Неаполитанецъ *), но она родилась и выросла въ нашей бѣлокаменной. Она платила мнѣ тою же монетою. За обѣдомъ съ нею и съ г. Гуаданини, съ хозяиномъ гостиницы и съ какимъ - то проѣзжимъ изъ Одессы Итальянцемъ, нами мужчинами порядочно было выпито, и г. Гуаданини любезно предложилъ набросить на бумагу для меня эскизный портретъ молодой виртуозки (она не противилась); но эскизъ этотъ вышелъ, помнится мнѣ, довольно неудовлетворительно и, судя по оному, понятно дѣлается отчасти, почему художникъ нашъ предпочелъ искать улыбокъ фортуны внѣ своего отечества. Со стаканомъ въ рукѣ мы тогда принялись распѣвать не состарѣвшійся еще съ 1848 года гимнъ о свободѣ Италіи, посвященный либеральному въ началѣ своего святительства папѣ Пію IX. Припѣвъ гимна былъ:

E viva l'Italia,
E viva Pio Nono,
E viva l'unione
E la libertà".

---

*) Онъ долго былъ въ Московской балетной труппѣ въ амплуа „гротеска" и выслужилъ даже пенсію. Упомянутая дочь его Тереза предалась было одно время пѣнію, и голосокъ у нея былъ не дуренъ, но грудь слаба.

Юношескій (не черезчуръ, конечно похвальный) пылъ и тогда еще не остывалъ во мнѣ, хотя мнѣ минуло уже 46 лѣтъ.

Въ Воронцовѣ я прожилъ около мѣсяца и на возвратномъ пути въ Рязань заѣхалъ на нѣсколько дней къ княгинѣ М. П. Волконской въ Алешню. На досугѣ я тамъ срисовалъ на скорую руку съ натуры болѣе прочихъ замѣчательные виды и предметы сада и всей усадьбы; но увы! не пришлось мнѣ перерисовывать ихъ на-чистò, и эскизы такъ и остались забытыми по сю пору въ моей дорожной рисовальной книгѣ, а они настолько интересовали владѣтельницу Алешни, что она изъ Петербурга освѣдомлялась, скоро ли я ихъ отдѣлаю набѣлò; но я поступилъ тогда на службу, и мнѣ некогда было заняться ими.

Сказано было въ прежнемъ мѣстѣ, что я пользовался благосклонностію княгини Маріи Петровны, но въ эти пять-шесть дней моего пребыванія въ Алешнѣ она особенно какъ-то была внимательна ко мнѣ. Меня также поразило ея болѣе обыкновеннаго, нежели я видалъ въ Петербургѣ, нѣжное обращеніе съ ея мужемъ при постороннихъ людяхъ. Этимъ не желаю дать повода думать, чтобы она была не нѣжная жена, но только то, что въ описываемое время она не стѣснялась выказывать свои чувства при свидѣтеляхъ. Спертая комнатная атмосфера удручала ея недугъ (давнишнія ея удушія усиливались съ каждымъ годомъ) и лишенная общаго всѣмъ прочимъ удобства выходить въ садъ, когда вздумается (ходить она не могла и не иначе прогуливалась по своему саду какъ въ тильбюри, коимъ сама правила), она удовлетворяла потребность подышать свѣжимъ воздухомъ, просиживая на заднемъ балконѣ, превращенномъ въ густую бесѣдку зелени, по нѣскольку часовъ днемъ и далеко за полночь, гдѣ ей случалось оставаться одной, когда ея собесѣдники уходили спать. Въ эти вечерніе часы разговоръ ея былъ особенно интересенъ, и между прочимъ она сообщила мнѣ тогда нѣкоторыя трогательныя подробности о кончинѣ ея свекра князя П. М. Волконскаго, послѣдовавшей въ предыдущемъ 1852 году. Покойный Государь ежедневно навѣщалъ умирающаго стараго своего слугу, усвоившаго себѣ привилегію государева и всей царской семьи дядьки-ворчуна. Государь просиживалъ по нѣскольку времени у одра больнаго и помогалъ ему въ его нуждахъ. А когда Государь удостовѣрился, что послѣдній часъ князя Волконскаго быстро наступалъ, онъ привелъ къ смертному одру свою супругу и потребовалъ, чтобы умирающій благословилъ ихъ обоихъ, послѣ чего вѣнценосная чета приложилась къ дрожавшей рукѣ, осѣнившей ее крестнымъ знаменіемъ! *). Было много хорошаго въ характерѣ князя Петра Михаиловича. Онъ

*) Не могу удержаться не высказать, что императрица Александра Θеодоровна была буквально обожаема всѣми ея приближенными, ласкова и проста въ обращеніи съ ними и была мягкаго чувствительнаго сердца.

былъ скареденъ, это правда, во всякой копейкѣ по хозяйственной части императорскаго двора и тѣмъ нажилъ себѣ много недовольныхъ (ему дано было прозвище «le Prince Non») и постоянно избѣгалъ онъ оказывать свою протекцію и быть ходатаемъ для царскихъ милостей для кого бы то ни было. Случайно услыхавъ однажды изъ своей комнаты, что меньшой его сынъ князь Григорій Петровичъ, первый какъ-то заговорилъ съ Государемъ и заговорилъ въ фамиліярномъ тонѣ (это случилось въ одномъ изъ коридоровъ Царскосельскаго или Петергофскаго дворца, гдѣ сыновья князя жили временно въ его апартаментѣ), онъ выскочилъ изъ своей комнаты и далъ препорядочную головомойку смѣльчаку, къ великой забавѣ Государя, находившагося тутъ. Впрочемъ, Государь самъ допускалъ подобное безцеремонное съ нимъ обращеніе дѣтей стараго дядьки-ворчуна. Строгая во всемъ честность князя Петра Михаиловича и безкорыстная его преданность царской семьѣ были образцовыми. Однажды Государь, затрудняясь чѣмъ бы наградить князя по случаю свѣтлаго праздника, придумалъ выдать ему 300 тыс. руб. сер., чтобъ выкупить изъ залога въ Сохранной Казнѣ значительное имѣніе, переданное князю его теткою княгинею Екатериною Алексѣевною Волконскою, еще при ея жизни. Этимъ старикъ крайне обидѣлся: «деньгами», ворчалъ онъ, «награждаютъ лакеевъ», и такъ какъ отсылать обратно эти деньги было бы явнымъ неуваженіемъ къ царской особѣ, то онъ очень долго держалъ ихъ безъ всякаго употребленія запертыми въ своемъ бюрò и даже намѣревался пожертвовать ихъ въ пользу инвалидовъ, но, кажется, кончилъ тѣмъ, что подарилъ ихъ своему зятю Павлу Дмитріевичу Дурново.

Въ началѣ осени этого же 1853 года появилась довольно сильная, но не продолжительная холера въ Рязани, и потому Николай Адріяновичъ и я отретировались въ Городище; а когда эпидемія миновала, я переѣхалъ въ Рязань и тотчасъ подалъ прошеніе о поступленіи на службу. Я забылъ сказать, что Дивовъ былъ недоволенъ тѣмъ, что я долго замѣшкался въ Тамбовской губерніи, такъ какъ отъ этого затягивалось будто бы мое опредѣленіе на службу; но оно затянулось по причинамъ, отъ меня независившимъ. Я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ, что графъ Закревскій ознаменовалъ свое поступленіе въ 1848 году въ должность Московскаго генералъ-губернатора рядомъ административныхъ мѣръ, свойственныхъ Турецкому пашѣ, въ числѣ каковыхъ онъ отставилъ отъ службы тѣхъ изъ чиновниковъ своей канцеляріи, которые не находились на лицо. Однимъ изъ таковыхъ былъ азъ грѣшный. Значитъ, я замаранъ былъ по служебному моему атестату, и это-то и причинило довольно хлопотъ доброму П. П. Новосильцову въ инспекторскомъ гражданскомъ департаментѣ, недавно передъ тѣмъ учрежденномъ.

ПИСЬМА РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ КЪ ГРАФУ Н. П. ШЕРЕМЕТЕВУ.

Читатели „Русскаго Архива“ за 1896 и 1897 годы знакомы съ графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ, по его бумагамъ, и могли оцѣнить этого достопамятнаго человѣка, который, будучи первымъ богачемъ въ Россіи, въ самый разгаръ крѣпостнаго права, проявлялъ высокое благородство души, отзывчивой на все изящное и доброе, умѣлъ

„Царямъ быть другомъ до конца
И вѣрноподданнымъ Россіи“.

Съ 1809 года, уже сотнями тысячъ насчитывается число людей, получившихъ, благодаря графу Н. П. Шереметеву, кровъ, помощь, облегченіе, исцѣленіе, и основанный имъ въ Москвѣ Странопріимный Домъ есть единственное у насъ благотворительное учрежденіе, возникшее и содержимое въ такихъ размѣрахъ на средства одного лица. Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько писемъ къ нему разныхъ лицъ, любезно сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ“ его внукомъ, графомъ С. Д. Шереметевымъ. П. Б.

Н. А. Львовъ.

Обращая къ вашему сіятельству людей вашихъ, бывшихъ въ училищѣ Земляного Строенія, препровождаю при семъ и три печатные атестата тѣмъ, кои, по справедливости, заслужили оные знаніемъ своимъ и поведеніемъ; пусть они получатъ ихъ изъ рукъ вашего сіятельства. Прочіе хотя почти столько же знаютъ, какъ сіи трое, но поведеніемъ своимъ весьма отъ сихъ отличны, и дай Богъ, чтобы они вашему сіятельству менѣе сдѣлали хлопотъ и безпокойствъ, нежели мнѣ.

Что касается до печниковъ, изъ коихъ Костарева, по волѣ вашей, оставилъ я учиться строительному художеству, два послѣдніе, Горбуновъ и Червяковъ, не весьма надежны по нетрезвости своей. Почему и остается на волѣ вашей: ихъ-ли доучивать сему, столь важному въ Россіи мастерству, или угодно вамъ будетъ перемѣнить ихъ другими. Николай Львовъ.

Декабря 5-го дня 1801 г.
Тюфили.

P. S. Молодой человѣкъ Клемашевъ виноватъ только лѣтами своими. Онъ поведенія хорошаго и прилеженъ; по молодости его, нельзя ввѣрить строеніе. Если бы угодно было поучить его еще лѣто, и ему бы мастерской атестатъ слѣдовалъ. Н. Л.[1])

Архіепископъ Ѳеоктистъ.

Борисовскій дѣвичій монастырь въ желаемомъ благоустройствѣ. Нынѣ всѣ живущіе въ немъ мирны, добропорядочны и благопослушны начальству. Пишу я къ игуменіи и священникамъ о умноженіи горячайшихъ молепій о дражайшемъ здравіи вашего сіятельства и его сіятельства младенствующаго графа Дмитрія Николаевича, любезнѣйшаго вашего сына, и о упокоеніи души усопшей любезной супруги вашей графини Прасковьи Ивановны. О, да услышитъ Господь общія моленія наши! Ѳеоктистъ архіепископъ Курскій и Бѣлоградскій [2]).

Апрѣля 15 дня 1803.
Бѣлгородъ.

Е. А. Кушелевъ.

Сейчасъ услышавъ о пожалованіи вамъ Володимирской ленты, бѣжалъ лично поздравить васъ, любезнѣйшаго и почтеннѣйшаго графа, особливо съ тою, пріуготовляемою для васъ, признательностью, въ благодарность отъ Отечества, которое по принадлежности свойственно

---

[1]) „Училище землянаго битаго строенія“ учреждено императоромъ Павломъ, и Николай Александровичъ Львовъ, домашній человѣкъ у всесильнаго тогда князя Безбородки, былъ его директоромъ. Къ нему на выучку повелѣвалось отправлять по два работника изъ каждой губерніи. Позднѣе Львовъ завелъ такое же училище подъ Москвою, въ такъ называемой Тюфелевой рощѣ (близъ Симонова монастыря), и графъ Н. П. Шереметевъ отдалъ ему въ ученье нѣсколько человѣкъ изъ своихъ людей. Изобрѣтеніе Львова не принялось, и не оправдалось двустишіе, сочиненное къ его портрету свояком̆ъ его Державинымъ:

Хоть взятъ онъ отъ земли, и въ землю онъ пойдетъ,
Но въ зданьяхъ земляныхъ онъ вѣчно проживетъ.

Однако, построенный Львовымъ (роднымъ дѣдомъ недавно скончавшагося и вѣчно памятнаго любителямъ изящныхъ искусствъ Ѳедора Ѳедоровича Львова) по этому способу Пріоратъ въ Гатчинѣ доселѣ существуетъ. П. Б.

[2]) Въ слободѣ Борисовкѣ, нынѣ владѣніи графа А. Д. Шереметева, Курской губ., Бѣлогородскаго уѣзда, прадѣдъ его фельдмаршалъ графъ Б. П. Шереметевъ основалъ пустынь въ 1714 году, по обѣту, данному передъ Полтавской битвою. Петръ Великій тоже далъ обѣтъ построить монастырь на мѣстѣ самой битвы, въ благодарность Богу за свое спасеніе и побѣду, и его указъ о томъ, помѣщенный въ Полномъ Собраніи Законовъ, исполненъ лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Нынѣ, въ слободѣ Борисовкѣ слишкомъ 22 тысячи жителей, и они помнятъ благодѣянія бывшихъ своихъ помѣщиковъ. П. Б.

вамъ, какъ и знаменитѣйшему предку вашему, ибо не засталъ васъ у себя, и для того симъ слабо изъявляемое сильнѣйшее къ вамъ, милостивый государь, усердіе и почтеніе, долженъ сказать то, что̀ чувствую. Нѣтъ еще такой ленты, которая бы могла наградить услужливой человѣчеству, и потому Отечеству, поступокъ вашъ. И я совершенно буду тогда обрадованъ, когда справедливость должную услышу и любезнѣйшему сыну вашему и любезнѣйшему для всѣхъ, истинно почитавшихъ знаменитѣйшую фамилію вашу. Почтеннѣйшій графъ, вечеръ есть спокойнѣйшее и удобнѣйшее время къ отверстію откровенностей сердецъ, услаждающему и оживляющему чувства человѣковъ, обремеияемыхъ суетностью призрака мечты, повергаемыхъ въ необходимую осторожность по разнымъ обстоятельствамъ. Я люблю по вечерамъ заниматься бесѣдою невиннаго и полезнаго разсужденія. Сердце ваше для меня служитъ примѣромъ чистоты, благородства, христіанства и человѣчества, и когда вамъ угодно будетъ, или будете имѣть время меня принять, прошу, какъ я близко васъ живу, прислать мнѣ сказать, чтобы я напрасно къ вамъ не бѣгалъ: я тотъ же часъ у васъ буду и покажу вамъ нѣкоторыя піесцы. Для меня нѣтъ ничего удовольственнѣй, какъ доказывать вамъ мое совершенное почтеніе и преданность.

Егоръ Кушелевъ [1]).

26 Апрѣля 1803.

Княгиня П. Ю. Гагарина.

Mon cher cousin.

Je m'adresse à vous dans la ferme persuasion que vous me tiendrez parole au sujet de mes enfants. Sa Majesté l'Empereur m'a répondu par monsieur de Mouravieff, d'ont je vous envoie la lettre, par laquelle vous verrez de quoi il s'agit. J'espère qu'en bon parent, vous prendrez part à ce qui regarde mes fils et que vous sacherez de les faire pages de chambre non pas surnuméraire. Je compte sur vous, mon cher cousin, et suis votre dévouée princesse Gagarine, née princesse Troubetscoy [2]).

Moscou, le 1 mai 1803.

---

[1]) Сенаторъ и ген.-лейтенантъ Егоръ Андреевичъ Кушелевъ. П. Б.

[2]) Это знаменитая Прасковья Юрьевна Гагарина (во второмъ бракѣ Кологривая) проситъ о двоихъ своихъ сыновьяхъ, князьяхъ Василіѣ и Θедорѣ Θедоровичахъ, у оберъ-камергера графа Н. П. Шереметева, бабка котораго по матери была кн. Трубецкая и который въ царствованіе Александра Павловича продолжалъ завѣдывать Пажескимъ корпусомъ. П. Б.

Князь Н. Н. Трубецкой.

По отправленіи на прошедшей почтѣ письма моего къ в. с., чрезъ сестру княгиню Елену Никитичну, отъ которой я, какъ о достойномъ добродѣтельной души вашей дѣлѣ, такъ и о знакѣ милости, полученной в. с. у милосердаго и праведно отличившаго васъ нашего монарха, имѣлъ первое извѣстіе, имѣю честь получить и отъ в. с. письмо отъ 28 Апрѣля, подтверждая вновь, какъ искреннее мое поздравленіе, такъ и увѣряя, что все, что̀ до благоденствія вашего принадлежитъ, для сердца моего драгоцѣнно. Скажу, что дѣла ваши во всѣхъ добродѣтельныхъ сердцахъ запечатлѣлись, и что добрые люди въ Москвѣ благословляютъ имя ваше; то посему судите, что̀ должно чувствовать мое сердце, толь искренно и родственно привыкшее васъ любить и почитать. Благодарю васъ за увѣреніе, что вы, повѣря искреннимъ моимъ словамъ, презрите желавшихъ меня оклеветать и вѣрите, что в. с. имѣете во мнѣ истинно-преданнаго вамъ родственника, о чемъ сказавъ отъ всей искренности души моей, препоручаю себя вновь доброй душѣ вашей, съ готовностью вспомоществовать угнетеннымъ нуждами. Князь Николай Трубецкой.

1803 г. Мая 7 дня.

А. Ѳ. Малиновскій.

Со всею искренностью души моей поздравляю васъ со днемъ рожденія вашего.

Мѣра моихъ благопожеланій вамъ такъ велика, что тщетно бы я предпринялъ изъяснить ее.

Еслибъ я придерживался *мистицизма*, то бы нашелъ важное отношеніе между судьбою моей и между днемъ рожденія вашего. 28 Іюня вы родились, а я этого же числа лишился нѣжнѣйшей моей матери, которая любила меня паче всѣхъ, предрекла мое благополучіе, а я въ васъ и нахожу его.

Вчера же, получа письмо ваше, я съѣздилъ въ Останкино осмотрѣть работы плотинъ вашихъ. Алексѣй Малиновскій.

25 Іюня 1803.
Москва.

Протоіерей Ѳ. А. Малиновскій.

Изъявляемое вашего сіятельства напамятованіе обо мнѣ въ письмахъ къ сыну моему принимаю съ покорнѣйшею благодарностью. Прошу извиненія, что давно не писалъ, имѣя много больныхъ на рукахъ своихъ, изъ которыхъ нѣсколько напутствовалъ уже и къ вѣчнымъ селеніямъ.

Знавъ, сколько преданъ вамъ Алексѣй Θедоровичъ[1]), прошу васъ, чтобъ вы пожурили его: очень не брежетъ себя. Будучи боленъ, томитъ себя дѣломъ по ночамъ; не давши себѣ оправиться послѣ болѣзни, ходитъ на строеніе[2]), отчего, долго оставаясь тамъ, получилъ еще при слабости своей простуду. Я гоню его на недѣлю въ деревню, чтобъ пожилъ беззаботно на чистомъ воздухѣ и поправилъ разстроенное свое здоровье. Излишняя ретивость можетъ ему во вредъ обратиться. Желаю слышать о благополучномъ возвращеніи вашего сіятельства съ богомолія. Да услышитъ Всевышній моленіе ваше и да отвратитъ благостію Своею прискорбіе ваше! Призывая всегда предъ престоломъ Вседержителя о ниспосланіи благости Его на васъ и на дражайшаго вашего графа Дмитрія Николаевича, остаюсь протоіерей Θеодоръ Малиновскій.

Іюля 13-го 1803.
Москва.

А. Θ. Малиновскій.

Нарочно ѣздилъ я въ Кусково и завербовалъ девять мальчиковъ для подготовки къ дѣламъ канцелярскимъ. Пусть года три поучатся въ *Главномъ Народномъ Училищѣ*; послѣ же, если Богу угодно будетъ продлить мои услуги для васъ, то выпрошу позволеніе имъ ходить въ Университетъ на юридическую лекцію.

Милосердіе вашего сіятельства, оказанное подвластнымъ вашимъ чрезъ многія на столь важную сумму простирающіяся прощенія недоимокъ и штрафовъ, порадовало меня. Алексѣй Малиновскій.

Іюля 13-го дня 1803.
Москва.

Игуменъ Ювеналій Воейковъ.

1.

23 Іюля 1803.

Я устарѣлъ, на 75-мъ году будучи, не столько отъ старости, а больше отъ побой и увѣчья, причиненныхъ мнѣ отъ разбойниковъ, кои меня тирански били и всячески мучили, голову во многихъ мѣстахъ проломили, ребра кистенями переломали и болѣе 30 ранъ на головѣ и на тѣлѣ, болѣе полутораста ранъ давъ мнѣ, въ крови плавающему на морозѣ, и совсѣмъ нага и бездыханна, оставили. И хотя отъ ранъ я излѣчился, но отъ боли въ головѣ и во всѣхъ костяхъ излѣчиться и понынѣ не могу; къ тому же гемороическая болѣзнь меня сокрушаетъ и до безпамятства въ разслабленіе приводитъ.

---

[1]) Сынъ писавшаго это. П. Б.

[2]) Т. е. Страннопріимнаго дома, коего и былъ онъ потомъ директоромъ. П. Б.

Призвавъ всемогущую благость Божію въ помощь, полтора мѣсяца работалъ я перомъ, почти и день и ночь неусыпно, почему и думаю, что сочиненіе мое, кое и понынѣ еще перепискою не окончено, не будетъ недостаточно.

Годовая моя пенсія 75 р., коя не можетъ быть достаточна, а болѣе никакихъ доходовъ не имѣю, а питаюсь отъ пера. Игуменъ Ювеналій Воейковъ.

2.

По просьбѣ отъ герольдмейстерскихъ дѣлъ, по свѣдѣніямъ изъ Архива Коллегіи Ин. Дѣлъ и по прочимъ выпискамъ и документамъ, историческое в. с. родословіе въ чернѣ (какъ и прежде доносилъ), окончено; а о службѣ в. с. нигдѣ не упомянуто. Почему и осмѣливаюсь в. с. всепокорно представить. Соблаговолите пожаловать снабдить меня послужнымъ вашимъ формулярнымъ спискомъ, съ высочайшихъ рескриптовъ копіями и о прочихъ в. с. богоугодныхъ дѣяніяхъ, о коихъ нынѣ публика извѣстна, и пр. и пр., запискою меня удостойте, дабы, для чести вашей и къ поощренію прочихъ, всѣ ваши богоугодныя дѣла предать потомству, для безсмертной памяти тисненію. Потребно же знать мнѣ, кто были потомки графа Михаила Борисовича, старшаго брата вашего родителя, и о младшихъ дѣда вашего братьяхъ, о ихъ службахъ и ихъ потомкахъ, о коихъ въ приложеніяхъ, присланныхъ ко мнѣ, не упомянуто; о томъ всемъ ожидаю в. с. резолюціи. Старецъ Ювеналій Воейковъ.

3 Августа 1803 г.

P. S. Или не соблаговолите-ли о всѣхъ вновь рожденныхъ послѣ подачи въ бывшій Разрядъ отъ предковъ вашихъ поколѣнной росписи публиковать чрезъ газеты, дабы нынѣ здравствующіе оныхъ потомки о службахъ предковъ своихъ и о себѣ самихъ благоволили бы прислать отзывы, а при оныхъ и царскихъ жалованныхъ грамотъ, дипломовъ, выс. рескриптовъ и форм. посл. списковъ и пр., точныя копіи за собственноручнымъ подписаніемъ, и оныя доставили бы въ домовую в. с. канцелярію, отъ публикаціи чрезъ мѣсяцъ или и скорѣе? Канцелярія же ваша, по полученію отзывовъ, постарается доставить ко мнѣ немедленно. Оными отзывами и пр., для вящшей и безсмертной славы, историческое родословіе усовершенно будетъ, о чемъ (аще Господь Богъ поможетъ) постараюсь, дабы и мнѣ на 75-мъ году старику заслужить в. с. вящшее же благоволеніе, а вашему графскому сіятельству благоугодить. Работникъ вашъ старецъ Ю. В. Н. Л. В. *)

---

*) Работы игумена-генеалога по родословной Шереметевыхъ остались неизданными, и гдѣ онѣ, намъ неизвѣстно. Настоящей полной Шереметевской родословной до сихъ

Д. А. Олсуфьевъ.

Оригинальный портретъ покойной графини Прасковьи Ивановны мною во всей цѣлости возвращенъ.

На сихъ дняхъ была у насъ на Донскомъ полѣ скачка, на коей выигралъ графъ Алексѣй Григорьевичъ на своей доморощенной противъ Аглинской славной лошади господина Масолова [1]) тысячерублевой пари. По окончаніи пригласилъ его сіятельство всѣхъ находящихся въ галлереѣ къ себѣ, въ числѣ коихъ и я эту честь въ первый разъ имѣлъ. Собраніе было немноголюдно, но танцовали довольно, между прочимъ *молодая графиня козачка*, со всѣми ей природными невинными прелестями; истинно я ничего подобнаго не видалъ; фигура ея подобна ангелу кротости. При заключеніи сего имѣлъ я честь получить столь лестное для меня писаніе ваше отъ перваго сего мѣсяца; повѣрьте, что я ваши ко мнѣ расположенія во всей мѣрѣ чувствую и что сверхъ силъ моихъ признательность мою вамъ изъяснить.

Господинъ Гутенбрунъ на сихъ дняхъ отъѣзжаетъ и, можетъ быть уже и уѣхалъ, потому что отъѣздъ его давно въ здѣшнихъ вѣдомостяхъ объявленъ былъ. Что же касается до оригинальнаго настольнаго портрета, выше сего вашему сіятельству донесено.

Присланная вами мнѣ ода весьма хорошо написана, и всѣ тѣ, коимъ я вчера въ Аглинскомъ клубѣ читать давалъ, согласны со мною.

Князь Александръ Михаиловичъ [2]), коему я приписку вашу сообщилъ, свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе, равномѣрно жена моя.

Дмитрій Олсуфьевъ.

Москва, 8 Ноября 1808 г.

P. S. Извините великодушно ошибки сегодняшняго писца, но онъ моего собственнаго рукодѣлія, а именно дочь моя Екатерина, которую при семъ случаѣ я въ милостивое покровительство ваше препоручаю.

поръ не имѣется въ печати. Трудъ этотъ предлежитъ А. П. Барсукову, автору превосходной книги „Родъ Шереметевыхъ“. П. Б.

[1]) Мосоловы, извѣстные заводчики, сосѣди Шереметевыхъ по Заокорѣцкому имѣнію ихъ селу Хотавкѣ.

[2]) Вицеканцлеръ князь Голицынъ, на дочери котораго женатъ былъ Дмитрій Адамовичъ Олсуфьевъ; губернскій предводитель Московскаго дворянства. П. Б.

Д. Л. Похвисневъ.

Благодѣтель и милостивецъ.

Благодарю и весьма благодаренъ за чувственное ваше отношеніе; столь много оно трогаетъ душу мою и для сего міра. Я счастливѣе себя не знаю и, достигнувъ сего блаженства, могу называть моимъ благодѣтелемъ и помнить получаемыя милостыни до конца дней моихъ. О строеніи *Жихаревскомъ* *) упомяну, согласно съ волею вашею. Сей день для меня новое пораженіе чувствъ моихъ. Въ сей день благодѣтелеву отроку исполняется годъ. Сего восхитительнаго не могу объяснить, сколь много услаждаетъ душу мою, и дай Боже, чтобъ укрѣплялась связь его для утѣшенія страннопріимнаго и благотворящаго отца. И мы всѣ принадлежащіе ему должны возжечь въ сердцахъ нашихъ ѳиміамъ и съ горящею слезой мольбы возсылать будемъ, по словамъ царя Давида: Господи, услыши молитву нашу и вопль мой! Симъ днемъ блаженства вашего поздравляю и скорблю духомъ, что не лично сіе исполняю. Его портретъ въ душѣ моей. Вѣрьте истинѣ: сіе не перо пишетъ, христіанинъ говоритъ, тотъ, который посвящаетъ всѣ дни бытія своего для воли благотворителя моего. Дмитрій Похвисневъ.

22 Февраля 1804.

А. Похвиснева.

Получа сего 30-го числа изъ конторы вашей при письмѣ вашего сіятельства ко мнѣ двѣ тысячи рублей, приношу вамъ, сіятельнѣйшій графъ, мою чувствительнѣйшую благодарность. Но какъ сильны ни были бы слова мои, они не могутъ выразить, сколь сильно тронула меня милость ваша. Лишась любезнаго брата моего, въ коемъ я все для себя имѣла, нахожу въ васъ себѣ истиннаго благотворителя и съ преисполненнымъ живѣйшей благодарности сердцемъ на всю жизнь мою и т. д. Аксинья Похвиснева.

1804 Марта 31 дня
Москва.

Графъ П. В. Завадовскій.

Велико удовольствіе было бы для меня, если бы я имѣлъ возможность теперь же совершенно удовлетворить желаніе вашего сіятельства опредѣленіемъ князя Шихматова въ директоры училищъ по Харьков-

---

*) Похвисневу поручено было наблюденіе за постройкою въ подмосковномъ сельцѣ Жихаревѣ, куда графъ Н. П. Шереметевъ хотѣлъ уединиться; но это намѣреніе не состоялось и замѣнилось покупкою Ульянки, между Петербургомъ и Петергофомъ, гдѣ и былъ построенъ въ лѣсу „Домъ Уединенія“ и гдѣ графъ доживалъ свои послѣдніе годы, уже по кончинѣ своей жены графини Прасковьи Ивановны.

скому округу. Но на сіи мѣста опредѣляются не иначе, какъ по представленію попечителя, который имѣетъ обязанность быть удостовѣреннымъ о знаніяхъ и способностяхъ желающаго заступить мѣсто въ подвѣдомомъ округѣ. Графъ Петръ Завадовскій.

Мая дня 1804.

Е. Г. Юрьева.

Великъ душею, безсмертенъ въ благотвореніяхъ отецъ несчастныхъ! Пріими подъ покровъ свой несчастнѣйшую! Пугачевъ лишилъ жизни въ лучшихъ лѣтахъ родителя моего, графа Гаврила Петровича Головина, родного внука графини Анны Борисовны, покойной вашей тетушки *). Сіе несчастное происшествіе отняло у меня отца и имѣніе. Словомъ, другой ударъ, нанесенный смертью мужа моего, склонилъ меня совершенно посвятить себя Богу, и уже 12-й годъ нахожусь въ монастырѣ. Оставшись съ семерыми дѣтьми, безъ помощи и подпоры, представить можете въ какомъ положеніи? Четыре сына служатъ въ военной службѣ, а три бѣдныя дочери на воспитаніи у моихъ родственниковъ; одну изъ нихъ нынѣ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ выдала замужъ за коллежскаго асессора Николая Ивановича Ивановича, человѣка очень хорошаго, но весьма недостаточнаго; по моимъ несчастнѣйшимъ обстоятельствамъ, не въ силахъ наградить дочь, осмѣливаюсь, представя зятя моего вашему сіятельству, покорнѣйше просить на подкрѣпленіе состоянія вашей помощи. Сестра моя, графиня Головина, вышедшая ужъ за князя Шихматова, имѣла счастье отъ щедротъ вашихъ получить пособіе. Благотворное сердце ваше, участвуя въ несчастной фамиліи нашей, не откажетъ себѣ удовольствія сдѣлать добро и утѣшить несчастнѣйшую мать, когда тысячи оныхъ подъ покровомъ вашимъ, прославляя имя вашего сіятельства, благоденствуютъ. Сія лестная надежда, проницая въ глубину горькой души моей, увѣряетъ меня, что несчастія мои исходатайствуютъ отъ вашего сіятельства отраду и утѣшеніе. Екатерина Юрьева, урожденная графиня Головина.

1805 года Декабря 4 дня Москва.

*

С. И. Мухановъ.

По докладу моему ея императорскому величеству государынѣ Маріи Θеодоровнѣ о лошади, которую угодно было вашему сіятель-

---

*) Этого графа Гаврилы Петровича Головина не значится въ „Росс. Родословной книгѣ“ князя П. В. Долгорукаго (ч. III, стр. 111). Онъ былъ братомъ графа Антона Петровича; но тамъ же, на стр. 501-й, читаемъ что дочь фельдмаршала отъ перваго брака его Анна Борисовна (1673—1732) за графомъ Ив. Θедор. Головинымъ. П. Б.

ству назначить для ихъ высочествъ, Государыня приказала васъ благодарить и написать, что вы «милый человѣкъ» и очень довольна.

Сергѣй Мухановъ.

Павловское.
Отъ 25-го Мая 1806 г.

*

Изъ собственной его сіятельства графа нашего графа Николая Петровича канцеляріи Лебяжей мызы всѣмъ крестьянамъ.

«Въ бытность мою въ Павловскѣ или другихъ загородныхъ мѣстахъ, когда посылаются ко мнѣ увѣдомленія отъ ближнихъ мнѣ, тогда посланнаго не отягощать никакою клажею такою, которая можетъ разбиться или изломаться, и для того обязанъ онъ осторожно ѣхать и три часа лишнихъ употребить въ дорогѣ, между тѣмъ какъ я нетерпѣливо ожидаю извѣстія о моихъ, которые для меня всего дороже. И потому впредъ посланныхъ посылать съ одними письмами, нимало не задерживая при себѣ и приказывать, чтобы дорогою нигдѣ не останавливаться. Графъ Шереметевъ.»

6 Іюля 1806 г.

Протоіерей А. А. Самборскій.

Болѣзнь моя была причиною, что я доднесь не имѣлъ счастья поздравить ваше графское сіятельство съ рожденіемъ Ея Императорскаго Высочества великой княжны Всероссійской Елисаветы Александровны. Дай Богъ, чтобъ сія августѣйшая отрасль въ свое время пріобрѣла и умножила благоденствіе, честь и славу нашему возлюбленному отечеству. Вы же, яко истинный сынъ церкви и отечества, да въ должайшіе годы насладитесь царскою довѣренностью и всѣми благами земными, которыя вы наиубѣдительнѣйшими опытами употребляете въ пользу ближняго. Благотворительный и благочестивый вашъ характеръ вы вяще утвердили изданіемъ въ свѣтъ душеспасительной книги подъ титуломъ «Утѣшеніе Христіанина»*). Симъ наидрагоцѣннѣйшимъ даромъ вы, сіят. графъ, благоизволили меня удостоить. За сей даръ приношу вамъ благодарность изъ глубины моей души. Сія книга по истинѣ есть наиощутительнѣйшее утѣшеніе, которое я почувствовалъ въ полной мѣрѣ, когда прочелъ 2-го тома главу четвертую-надесять о укрѣпленіи себя въ уединеніи. Сей томъ первый попалъ мнѣ въ руки по распечатаніи пакета, и сія глава весьма кстати открылась къ моему чтенію; ибо я нахожусь по безконечной Божіей благости точно въ такомъ положеніи, каково есть оной главы содержаніе.

---

*) Сочиненіе аббата Роассара, пер. съ Франц. Петра Карабанова. 2 части. Спб. 1806 въ 12-ю д. листа. П. Б.

Признаюсь, что я нашелъ себя во всемъ правымъ, поставивъ себя въ состояніе уединенія; душа моя вознеслась превыше горъ, окружающихъ мою хижину, вознеслась и превыше суетъ міра сего. Первый разъ я почувствовалъ себя блаженнымъ; и какъ благодарить васъ, благочестивый христіанинъ, за вашъ даръ христіанскаго утѣшенія! Буду онымъ пресыщаться сколько возможно и вмѣстительно человѣчеству. Мнѣ сущу внѣ градскаго шуму и развлеченія конечно можно симъ блаженствомъ наслаждаться. Но какъ вы, мужъ сановитый, первенствующій царедворецъ, окруженъ всѣми изобиліями и утѣхами міра сего, посреди великолѣпнаго и шумнаго града обитающій, какъ вы можете вкушать сладкіе плоды уединенія? Дѣло неудобопостижимое и едва возможное!!! Но вы, благочестивѣйшій мужъ, наиубѣдительнѣйшими опытами доказываете наслажденія уединенія. Ваши неисчетныя благотворенія, вашъ истинный духъ благочестія стязуютъ вамъ благодать Божію, вамъ содѣйствующую. Да пребудетъ сія всегда вамъ соприсносущна. Да преизбудетъ сія надъ вами и надъ вашимъ дражайшимъ сыномъ во всю жизнь вашу—есть моя пламеннѣйшая молитва, возсылаемая ко Всевышнему. Препоручая васъ неисповѣдимому Его Провидѣнію, я съ подобающимъ къ особѣ вашей благоговѣніемъ пребуду до послѣдняго моего дыханія вашего графскаго сіятельства, милостиваго государя, вѣрнопреданнѣйшій слуга и всеусерднѣйшій богомолецъ Андрей Самборскій.

1806, Декабря 15.
Село Стратилатовка.

Д. А. Гурьевъ.

Удостоясь получить высочайшее его императорскаго величества препорученіе купить здѣсь домъ на казенное употребленіе, я узналъ отъ архитектора Рускò, что ваше сіятельство расположены продать домъ вашъ, стоящій на берегу Невы и по Миліонной улицѣ, полагая ему цѣну 180 т. рублей. По соображеніямъ архитекторскимъ о состояніи строенія сего дома и необходимыхъ весьма стоющихъ передѣлокъ и починокъ, можно заплатить за него сто шестьдесятъ тысячъ рублей, за каковую цѣну и не будете ли, ваше сіятельство, согласны уступить оный? *) Желая имѣть на сіе отзывъ вашъ, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, не угодно ли будетъ назначить мнѣ часъ, въ который могъ бы я самъ явиться къ вашему сіятельству и рѣшительно о томъ переговорить. Въ ожиданіи чего имѣю честь быть съ отличнымъ почтеніемъ и преданностію вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Дмитрій Гурьевъ.

13 Марта 1807.

*) Это мѣсто—нынѣ дворецъ Великаго Князя Михаила Николаевича.

Княгини Е. Р. Дашковой.

1.

Troitzkoe, le 14 Octobre (1807)

Toute malade que je suis, je ne saurais me refuser le plaisir de vous remercier, mon cher comte, pour votre envoy. Mon intendant me marque avoir reçu pour moi de la part de votre excellence deux caisses, et comme dans dix semaines je compte me rendre à Moscou, je les y ai fait garder jusqu'à mon arrivée. Les preuves de votre amitié me sont précieuses, parce que je connais votre âme et vos principes et parce qu'au coutume à vous aimer depuis votre enfance l'estime la plus haute s'este joint à ces sentiments. Ils seront toujours les mêmes dans le coeur de celle qui avec la plus haute considération se dit, monsieur le comte, votre très humble servante P. de Daschaw.

2.

Une personne, qui au coutume à vous chérir depuis votre enfance a ensuite appris à vous estimer et apprécier votre caractère et vos raisons, vous demande une faveur qui lui tient bien à coeur. Des deux frères Ragozine et leur neveu, un orphelin, dont il est question, sont du côté de notre mère les plus proches parents que mes frères et moi ayons; ils sont d'ailleurs des gens bien estimables, dont le comte Alexandre et moi faisons beaucoup de cas. Veuillez donc inscrire leur neveu et le nôtre comme page et vous obligerez infiniment celle qui avec l'amitié la plus sincère et une considération etc. P. de Daschkaw, née comtesse de Worontzov.

P. S. Si mon cher comte ne m'envoye pas cet automne de ces belles bougies, il faudra que je renonce à la lecture.

Графиня Генріета Разумовская *).

Paris, le (18) 30 Novembre 1807.

Un motif de délicatesse, monsieur le comte, m'a empêché jusqu'à présent de vous écrire. Il m'en a beaucoup coûté d'être si longtemps sans vous exprimer ma reconnaissance pour toutes les marques d'intérêt que j'ai recues de vous; mais j'ai pensé que dans les circonstances où nous avons été il eut été indiscret de me rappeler à vous. Je pro-

*) Особа памятная читателямъ „Русскаго Архива“ по ея судьбѣ и дружбѣ съ братьями Тургеневыми и В. А. Жуковскимъ. П. Б.

fite du retour de m-r de Lambert pour vous assurer que le souvenir de vos bontés ne s'effacera jamais de mon coeur. J'espère pouvoir vous offrir bientôt moi-même l'hommage de mon attachement autant que ma reconnaissance. Veuillez etc. Henriette de Razoumofsky.

*

Санктпетербургскому Опекунскому Совѣту.

Господинъ оберъ-камергеръ графъ Николай Петровичъ Шереметевъ испросилъ позволеніе мое назначить государственными ассигнаціями восемь тысячъ рублей съ тѣмъ, чтобъ проценты съ сего капитала употреблены были на раздачу въ награжденіе или приданое бѣднымъ дѣвицамъ изъ числа выпускаемыхъ изъ Общества благородныхъ дѣвицъ и обоихъ училищъ ордена Св. Екатерины. Удовлетворяя охотно таковому благотворительному графа Шереметева желанію и препровождая при семъ доставленныя имъ на сей предметъ восемь тысячъ рублей, повелѣваю имѣть оныя въ Сохранной Казнѣ на обращеніи на вѣчное время, и ежегодно проценты съ нихъ отпускать въ совѣтъ того изъ вышепоказанныхъ заведеній, изъ котораго имѣетъ быть въ томъ годѣ выпускъ; а выпуски воспослѣдуютъ въ будущемъ 1809 годѣ изъ Общества благородныхъ дѣвицъ, въ послѣдующемъ изъ Московскаго училища ордена Св. Екатерины, а потомъ изъ здѣшняго, и такимъ порядкомъ во всѣ будущіе годы.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ
Генваря 31 дня 1808 года.

Князь А. Н. Голицынъ.

Зная, сколь много изволите интересоваться сочиненіями, руководствующими къ истинѣ и благочестію, особеннымъ поставляю удовольствіемъ рекомендовать вашему сіятельству новую духовную книгу подъ названіемъ: Избранныя слова Массильона, и вмѣстѣ препоручить въ ваше благоволеніе переводчика оной, при мнѣ находящагося*). Для него весьма лестно имѣть счастье лично поднести вамъ, милостивый государь, опытъ трудовъ своихъ и достоинство книги оправдать благосклоннымъ вашимъ принятіемъ. Князь Александръ Голицынъ.

Генваря 28 дня 1808 г.

*

А. Воейкова.

Честь имѣю поздравить съ сегодняшнимъ днемъ ангела любезнаго сына вашего и прошу покорно вручить ему прилагаемый ларчикъ,

*) Этотъ переводчикъ былъ Иванъ Ястребцовъ (см. Роспись Смирдина, № 609).

сказавъ родительское наставленіе, чтобы не на цѣну приносимаго дара взиралъ, а на усердіе, съ коимъ онъ приносится; употребленіе онаго доставитъ ему благоденственные дни. Это я дѣлаю, исполняя ученіе мужа мудраго, вѣчно въ Бозѣ почивающаго митрополита *Самуила*, чтобы всякій человѣкъ, желающій быть въ законѣ, имѣлъ таковой ларчикъ, чтобъ можно спускать деньги, сколько по силѣ возможно, ежедневно, по принесеніи молитвы, благодарить проведя ночь и увидя день, а потомъ оныя деньги отдавать неимущимъ; то и будетъ, что всякій день начинается съ благотвореніемъ, и мысль по Бозѣ первая на благотворенія, и первое дѣло рукъ будетъ благотвореніе. Эти истины были слова Самуила, и еще дополнялъ: «А у нихъ первый придетъ поваръ или дворецкій по пробужденіи!» Никому другому не смѣла бы я этого сообщить, какъ вашему сіятельству; но въ васъ смѣло увѣрена, что примете ихъ отъ точнаго источника. Желаю вамъ и любезнѣйшему сыну всѣхъ благъ, и бывъ обязана и пр. Авдотья Воейкова.

26 Октября.

Я. Виллье.

Зная совершенно расположеніе вашего сіятельства облегчать участь страждущаго человѣчества, беру смѣлость препроводить вамъ, милостивый государь, прилагаемую при семъ просьбу г. статскаго совѣтника Верховскаго, оставаясь въ полной увѣренности, что одни вы въ состояніи удовлетворить оную, и что для сего одного моего слова достаточно. Яковъ Виллie.

Ноября 4 дня 1808 года.

Д. А. Олсуфьева.

Зная связь дружбы вашей съ Дмитріемъ Адамовичемъ и преданность его къ вамъ, долгомъ поставляю въ прискорбіи моемъ извѣстить ваше сіятельство о постигшемъ меня несчастіи вчерашняго утра по полуночи въ десятомъ часу. Оно состоитъ въ томъ, что я въ одно время лишилась супруга и друга моего. Не имѣя силъ въ моемъ грустномъ положеніи описать причину кончины его и прося васъ, милостивый государь, о неоставленіи послѣ покойнаго вдовы и сиротъ дѣтей, пребуду съ истиннымъ почтеніемъ Дарья Олсуфьева.

Декабря 21 дня 1808 г.
Москва.

ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА Д. Н. ШЕРЕМЕТЕВА.

Первое представленіе его императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

(Записано Алексѣемъ Өедоровичемъ Малиновскимъ).

Слѣдующіе вопросы отъ государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны, когда представленъ былъ графъ Дмитрій Николаевичъ Шереметевъ въ первый разъ ея величеству на Каменномъ островѣ 1818 года Іюля   дня.

Въ какую службу хочетъ?
Хорошо ли учится?
Какую науку лучше любитъ?
Какъ далекъ въ математикѣ?
Учится ли по-англійски?
Ѣздитъ ли верхомъ?
Благонравенъ ли?
Какое первое дарованіе?
Дѣлаетъ ли и любитъ ли дѣлать добро?
Помогаетъ ли нищимъ?
Не лѣнивъ ли?
Имѣетъ ли свои деньги?
Пишетъ ли расходъ?
Кого больше боится и слушается?
Помнитъ ли батюшку?
Гдѣ лучше любитъ жить?
Не скупъ ли?

Эти умные вопросы свидѣтельствуютъ о высокомъ нравственномъ достоинствѣ царицы, которая прошла въ Русской исторіи скромно и полузамѣтно, будучи затмѣваема своею державною свекровью. Лишь недавно стали появляться въ печати указанія на то, какая была эта женщина. Не даромъ такъ любила ее Екатерина Великая, и дань искренней хвалы приносили ей Карамзинъ и молодой Пушкинъ. П. Б.

Первое представленіе графа Д. Н. Шереметева императору Александру Павловичу.

1819 года Іюля 13 дня графъ Дмитрій Николаевичъ имѣлъ счастье въ первый разъ быть представленъ государю императору государынею императрицею Маріею Ѳеодоровною. Государь изволилъ сказать, что онъ очень радъ ознакомливаясь съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ, что онъ встрѣчался съ нимъ въ прогулкахъ на набережной. Какой родъ службы избираетъ? «Давно-ли началъ учиться тригонометріи? Учитесь прилежно; отъ васъ потребуется больше, какъ отъ другихъ; вы имѣете на то всѣ средства. Въ службу входить не спѣшите; богатство безъ наукъ, безъ знанія, безъ просвѣщенія—ничто. Можете быть увѣрены, что мною забыты и оставлены не будете».

Государыня Марія Ѳеодоровна, какъ нѣжная мать и покровительница, сказала въ пользу графа Дмитрія Николаевича все, что только могла; благотворительность ея есть принадлежность ея сердца.

*

Тутъ же записочка дѣтскою рукою: «Павелъ Ѳедоровичъ! [1]) Я васъ очень люблю; я могу васъ увѣрить, что я буду всегда уменъ, и вы скажете, что я исправился». На оборотѣ написано: «сія бумажка гр. Д. Ш.»;

(Записано Павломъ Ѳедоровичемъ Малиновскимъ).

*

Распоряженіе опекунства.

Главной домовой канцеляріи. Г. министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ главному попечителю и опекуну, что государь императоръ, пріемля живѣйшее участіе въ судьбѣ малолѣтняго графа Дмитрія Николаевича, высочайше повелѣть изволилъ, чтобъ по случаю кончины бывшаго попечителя Михаила Ивановича Донаурова [2]) въ образѣ воспитанія графа не было сдѣлано ни малѣйшей перемѣны, но чтобы оное продолжалось точно на томъ основаніи, на какомъ было при жизни

---

[1]) Малиновскій, братъ извѣстнаго археолога, одинъ изъ опекуновъ молодого графа Шереметева. П. Б.

[2]) М. И. Донауровъ, Грузинъ происхожденіемъ, сынъ тайнаго совѣтника и сенатора и Калмычки Авдотьи Михаиловны (воспитавшейся у графини Анны Карловны Воронцовой, которая была двоюродною сестрою императрицы Елисаветы Петровны), управлялъ при Павлѣ императорскимъ кабинетомъ, р. въ 1757 г., ум. 21 Октября 1817 г. Его супруга была урожд. Веригина, р. 1774, ум. 9 Мая 1848. П. Б.

его. На сей конецъ его императорское величество желаетъ, чтобы Марія Ѳедотовна заступила въ семъ отношеніи къ графу мѣсто покойнаго супруга своего, оставаясь жительствовать въ домѣ графа на томъ самомъ положеніи, на какомъ былъ покойный Михайло Ивановичъ, и что таковое воспитаніе его будетъ продолжаться до того самаго времени, пока государь императоръ самъ признаетъ за благо дать оному другое направленіе. Вслѣдствіе сего высочайшаго повелѣнія опекунство предписываетъ канцеляріи, чтобъ всѣ суммы, которыя по положенію онаго отпускались прежде изъ казначейства въ распоряженіе покойнаго Михаила Ивановича, отнынѣ взносимы были въ свое время къ Марьѣ Ѳедотовнѣ, заступившей по высочайшей волѣ въ отношеніи къ графу Дмитрію Николаевичу мѣсто супруга своего, чтобы соотвѣтственно сему и слѣдующая на наступающую Генварскую треть 1818 года на столъ сумма ей же была отдана, за исключеніемъ отпущенной управителю Таркову на Генварь мѣсяцъ, въ которой онъ обязанъ ей отдать отчетъ. Дмитрій Трощинскій. Иванъ Ананьевскій.

Декабря 31 дня 1817 года.

*

О владѣніи „Краснымъ Кабачкомъ".

Красный кабачокъ—мѣсто историческое по ночлегу въ немъ Екатерины Великой 29 Іюля 1762 года.

Нижеслѣдующее письмо писано къ одному изъ опекуновъ малолѣтняго графа Д. Н. Шереметева, сенатору Ивану Сергѣевичу Ананьевскому. Сохранились цѣлыя груды писемъ, направленныхъ къ нему съ просьбами о пособіи, въ виду предсмертнаго распоряженія графа Николая Петровича о раздачѣ крупной суммы нуждающимся послѣ его кончины.

Ваше превосходительство, милостивый государь Иванъ Сергѣевичъ.

Горестнымъ состояніемъ принуждены прибѣгнуть къ вашему превосходительству по несчастной судьбѣ о завладѣніи дачи Краснаго Кабачка, въ противность приложенной при семъ грамоты государя императора Петра Великаго, въ чемъ наше было все благоденствіе отъ знаменитыхъ доходовъ. Зависть на сіи доходы и коварство содержателя питейныхъ сборовъ Логинова и помощь ему, сдѣланная въ семъ завладѣніи въ 1775 году. Тридцать четвертый годъ, по рѣшеніямъ Совѣстнаго Суда и Санктъ-Петербургскаго уѣзда суда, намъ не только что не возвращается, но изъ года въ годъ отъ перекупающихъ терпимъ притѣсненія, давно доведены до всеконечнаго разоренія.

Мы узнали о рѣдкомъ душеспасительномъ завѣщаніи покойнаго его сіятельства графа Николая Петровича для бѣдствующаго человѣчества. Время пожалованія сей дачи предку нашему, уповаемъ мы, что могло случиться по предстательству тогда вѣрнаго государю фельдмаршала графа Бориса Петровича; вѣдаемъ мы, что соучаствовавшія съ вашимъ превосходительствомъ въ благодѣтельномъ распоряженіи не отринутъ слезнаго нашего прошенія.

Милостью отъ щедротъ его сіятельства вкоренить соизволите въ сердцахъ нашихъ о испрошеніи у Всевышняго благоденствія и здравія знаменитому наслѣднику.

Вашего превосходительства милостиваго государя всепокорнѣйшіе просители: толмача Семена Иванова меньшей его дочери Марѳы Семеновой, бывшаго Петергофскаго священника Романа Иванова сыновья и дочери Любовь Иванова, жена бывшаго кавалерской дамы служителя, Захара Шлюсаржавскаго, съ дѣтьми дочерьми: Авдотьею шестнадцатилѣтней, Ѳедосьею десятилѣтней, Натальею пятилѣтней и Татьяною трехлѣтней. Вторая дочь Анна адмиралтейскаго вѣдѣнія бывшаго магазинъвахтера Симонова, съ дочерью Анною Симоновой.

А что всѣ сіи сродники мои въ дѣйствительномъ разореніи и питаются отъ моей недостаточной помощи, въ томъ свидѣтельствую. Статскій совѣтникъ Петръ Антоновъ сынъ Арбузовъ.

Марта дня 1809 года.

Приложеніе.

Копія.

Санктъ-Петербургскому толмачу Семену Иванову за его многія службы, что въ прошлыхъ годахъ былъ онъ во многихъ походахъ, въ вожахъ и толмачахъ и указывалъ корабельному ходу, гдѣ можно быть, гдѣ нынѣ обрѣтается Кроншлотъ, и за бытье имъ въ Выборгскомъ походѣ, при взятіи непріятельскихъ Шведскихъ шкунъ, владѣть ему, вмѣсто жалованья, кабачкомъ въ Копорскомъ уѣздѣ, у сосновой рощи, съ пашнею и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи вѣчно, и ему, Семену, не продавать, и у него не покупать и въ закладъ не брать, а владѣть потомственно. А питья на томъ кабачкѣ пиво и медъ держать, продавать свое, а вино и табакъ брать изъ Копорья, и за вино и за табакъ деньги отвозить по вся мѣсяцы въ Копорье, а корчемнаго вина и табаку опричь государева не держать, опасая себя отъ каторги.

На подлинномъ подписано его величества рукою: Петръ.

Ноября 16 дня 1706 года.

*

Письмо князя А. Н. Голицына.

Милостивый государь мой графъ Дмитрій Николаевичъ.

Нѣкоторыя сострадательныя сердца, желая помочь единовѣрнымъ намъ христіанамъ, спасающимся въ предѣлахъ нашего отечества, обратились ко мнѣ съ просьбою, чтобы я сдѣлалъ сборъ въ пользу сихъ несчастныхъ жертвъ варварства Турецкаго. Я долгомъ счелъ испросить соизволенія государя императора на таковой сборъ по всему государству, и его величество дозволилъ мнѣ приступить къ оному. Послѣ чего, сдѣлавъ отношеніе ко всѣмъ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и епископамъ, я предоставилъ себѣ сборъ денегъ въ Петербургѣ.

Прилагая здѣсь изложеніе причинъ и воззваніе, покорнѣйше прошу в. с. участвовать въ дѣлѣ, которое должно быть священно для всякаго христіанина, по извѣстному мнѣ расположенію вашему къ благотворенію. Какъ Богъ васъ благословилъ большимъ имѣніемъ, то я увѣренъ, что вамъ пріятно имѣть случай сдѣлать доброе изъ него употребленіе.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію и пр. Князь Александръ Голицынъ.

С.П.Б.
28 Іюня 1821 г.

Отвѣтъ.

Милостивый государь князь Александръ Николаевичъ.

Ваше сіятельство сдѣлали мнѣ необъяснимое удовольствіе доставленіемъ случая оказать мое искреннее усердіе при попеченіи вашемъ облегчить тягостную участь единовѣрныхъ намъ христіанъ, отъ варварства Турецкаго спасающихся. Отъ чистаго сердца, слѣдуя благодѣтельному побужденію души вашей, спѣшу при семъ препроводить пять тысячъ рублей.

Примите в., с., сію малую жертву, приносимую для утѣшенія несчастныхъ, знакомъ также истиннаго моего къ вамъ высокопочитанія и чистосердечной преданности, съ коими имѣю честь быть всегда и пр.

Графъ Дмитрій Шереметевъ.

Іюня 29 дня 1821 г.

*

Годы, проведенные въ Ульянкѣ, купленной у графа Никиты Петровича Панина, имѣли вліяніе на будущій строй жизни графа

Дмитрія Николаевича. По смерти отца его попечитель и опекунъ его Михаилъ Ивановичъ Донауровъ со всею своею семьей, а съ ними и молодой графъ, каждое лѣто, переѣзжали на Ульянку, и здѣсь онъ провелъ все свое отрочество и раннюю юность. Почему такое однообразіе и такая отчужденность могли господствовать, трудно сказать. Правда, что родства у графа очень близкаго почти не было; во всякомъ случаѣ въ отношеніяхъ родства чего-то не доставало. Понятна и привязанность графа къ Ульянкѣ, какъ къ мѣсту дорогому еще для графа Николая Петровича и полному разнообразныхъ воспоминаній. Семья Донауровыхъ была многочисленная, и въ домѣ было людно и оживленно. Сверстниками и товарищами графа были братья Петръ и Иванъ Михайловичи Донауровы; но кромѣ нихъ въ домѣ жили и дѣти бароны Истровы. Ихъ было три брата: Николай (умеръ въ младенчествѣ), Александръ и Сергѣй. Послѣдній изъ нихъ былъ отцемъ двухъ дочерей, изъ коихъ одна вышла за врача Нотарева. (Баронесса Любовь Сергѣевна Истрова воспитывалась въ Екатерининскомъ Институтѣ и умерла въ 1895 г.). Баронъ Сергѣй Николаевичъ Истровъ былъ человѣкъ очень впечатлительный, нервный и восторженный. Онъ женился неудачно, и вся жизнь его была разбита. Онъ получалъ отъ графа Д. Н. Шереметева матеріальную поддержку до конца своихъ дней.

О пребываніи графа Дмитрія Николаевича на Ульянкѣ, о дѣтскихъ и отроческихъ его годахъ, о первомъ появленіи его въ Москвѣ, которую онъ такъ горячо полюбилъ, о поступленіи его на службу и участіи въ 14-го Декабря 1825 г. въ рядахъ полка, о Польскомъ походѣ 1830 г. и пр. кое-что собрано и своевременно должно появиться въ печати.

Сиротство отразилось на графѣ Дмитріи Николаевичѣ и многое ему усложнило въ жизни. Но завѣты отца своего онъ хранилъ неизмѣнно и свято соблюлъ дорогія преданія семьи, которымъ оставался вѣренъ до послѣдняго дня.

КЪ ДВОРЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

Манифестъ императрицы Екатерины II-й о сокращеніи роскоши.

Въ настоящее время, когда дворянскій вопросъ привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе, кажется умѣстнымъ вспомнить одинъ любопытный и для нашихъ дней знаменательный манифестъ, писанный почти 125 лѣтъ тому назадъ императрицей Екатериной II-ой. Въ немъ, также какъ и въ двухъ одновременно изданныхъ указахъ Сенату, мудрая правительница предвидѣла тѣ гибельныя послѣдствія, которыя можетъ повлечь за собой чрезмѣрная роскошь дворянскаго сословія, и предостерегала отъ нея всѣхъ „любезныхъ вѣрноподданныхъ".

Разумѣется, было бы близоруко видѣть причину матеріальнаго упадка дворянъ въ одной лишь, выражаясь словами приводимаго документа, „безвременной пышности". Надо быть безпристрастнымъ и согласиться, что громадныя жертвы, принесенныя на пользу государства благороднымъ сословіемъ, пошатнули бы и всякое другое. По одному царскому слову, безвозмездно освобождая крестьянъ и отдавая имъ за треть цѣны землю, дворяне теряли болѣе половины своего состоянія, пріобрѣтеннаго не даромъ, а исконною службою царю и отечеству и на полѣ брани, и на гражданскомъ поприщѣ, въ то время, когда другія сословія имѣли полную свободу и возможность заботиться лишь о своихъ собственныхъ интересахъ. Будучи призваны къ участію въ Земствѣ, теперь и дворяне ежегодно тратятъ многіе милліоны въ видѣ земскаго обложенія земель и промысловъ, ничего взамѣнъ не получая, не пользуясь ни земской школой, ни даровой услугой земской медицины, ни продовольственнымъ капиталомъ, ни всѣмъ тѣмъ, чѣмъ служитъ Земство прочимъ сословіямъ. Эти-то и другія жертвы, не по милости, а по справедливости ждущія себѣ возмѣщенія со стороны государства, и привели дворянство въ его теперешнее незавидное положеніе.

Тѣмъ не менѣе „неоспоримая прежалостная истина", какъ говорится въ манифестѣ, заключается и въ томъ, что среди этихъ причинъ обѣднѣнія „неумѣнье по одежкѣ протягивать ножки" играло не послѣднюю роль. На это намъ, дворянамъ, надо обратить серьезное вниманіе и именно теперь, когда по державному слову ждемъ себѣ вознагражденія за прежнія потери. Не станемъ забывать словъ, сказанныхъ покойнымъ княземъ В. А. Черкасскимъ въ

отвѣтъ на жалобы одного Тульскаго помѣщика послѣ 19 Февраля 1861 года: „Я знаю средство, которое васъ сразу обогатитъ; надѣньте полушубокъ и переберитесь жить въ кухню“. Разумѣется, это надо понимать иносказательно, помня, что лучше сокращать себя добровольно, чѣмъ по горькой нуждѣ.

*

И такъ, вотъ достопамятный манифестъ.

Ѳедоръ Бартеневъ.

Божіею милостью мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ во всенародное извѣстіе.

Все, что̀ къ благоустройству общества служить можетъ, достойно есть нашего милостиваго воззрѣнія и матерняго попеченія, наипаче же видя въ нынѣшнее время многіе дворянскіе домы разстроены безсчастными прошедшими внутренними безпокойствіями *), другіе въ немаломъ же числѣ отягчаны неоплатными почти долгами, и принявъ въ разсужденіе, что роскошь день ото дня умножается вмѣстѣ съ дороговизной всего для жизни необходимаго, за благо разсудили мы на первый случай, для прекращенія излишества въ экипажахъ, сдѣлать нижеслѣдующее узаконеніе, повелѣвая при томъ военачальникамъ, губернаторамъ, градоначальникамъ и полиціямъ имѣть повсюду неусыпное бдѣніе о точномъ исполненіи сего нашего императорскаго повелѣнія.

О экипажахъ.

1. Двухъ первыхъ классовъ особамъ однимъ дозволяемъ въ городахъ ѣздить шестью лошадями и съ двумя вершниками.

2. Третьему, четвертому и пятому классу дозволяемъ ѣздить по городамъ шестернею безъ вершниковъ.

3. Шестому, седьмому и осьмому классу дозволяемъ ѣздить по городамъ четвернею безъ вершниковъ.

4. Оберъ-офицерамъ дозволяемъ ѣздить по городамъ въ каретахъ и въ саняхъ парою безъ вершниковъ.

5. Дворянамъ, не имѣющимъ оберъ-офицерскаго чина, запрещается ѣздить по городамъ инако, какъ лѣтомъ верхомъ или въ одноколкѣ на одной лошади, а зимой въ саняхъ на одной же лошади и имѣть за собой не болѣе одного человѣка. Одноколокъ, саней, чепраковъ и хомутовъ запрещается имъ имѣть съ золотомъ или серебромъ или съ чѣмъ бы то ни было драгоцѣннымъ.

---

*) Пугачевщина только что кончилась. Ѳ. Б.

О ливреѣ.

6. Съ будущаго 1776 года съ праздника Святыя Пасхи двухъ первыхъ классовъ особамъ однимъ дозволяется имѣть ливрею, выложенную по швамъ.

7. Третьему, четвертому и пятому классу дозволяется имѣть ливрею, выложенную по борту.

8. Шестому классу дозволяется имѣть ливрею, воротники, обшлага и камзолы, выложенные по борту.

9. Седьмому и осьмому классу дозволяется у ливрей выложить одни только воротники и обшлага.

10. Оберъ-офицерамъ запрещается ливрею выкладывать чѣмъ бы то ни было.

11. Всѣхъ классовъ вообще жены пользуются преимуществами мужей ихъ, малолѣтнимъ же дѣтямъ и незамужнимъ дочерямъ дозволяется ѣздить въ отцовскихъ экипажахъ.

12. Будь кто сіе узаконеніе нарушитъ и экипажъ или ливрею будетъ имѣть не противъ ему дозволеннаго, но высшаго класса, то всякій разъ взыскать съ нарушителя денежный штрафъ на гошпиталь противу того класса, высшій окладъ котораго онъ неправильно себѣ присвоилъ.

При окончаніи милостиваго и попечительнаго сего нашего постановленія, устроеннаго на первый случай для пользы дворянства, имѣемъ къ сему прибавить монаршее наше милосердное увѣщеваніе, дабы всякъ и каждый, сколь возможно, старался удалить отъ себя всѣ излишнія и ненужныя, всякаго рода дворянство разоряющія, роскоши; ибо вообще краса и украшенія дворянина не суть и никогда быть не могутъ наружныя украшенія, какъ-то богатыя одежды, или несходственные съ достаткомъ экипажи или великолѣпныя убранства домовъ, или содержаніе излишняго и многаго числа праздныхъ служителей въ домѣ, на вѣкъ отъ пашень отлученныхъ, гдѣ бы они полезнѣе для господина, для себя и для общества быть могли.

Безвременныя таковыя пышности не влекутъ за собою кромѣ разоренія дворянскихъ домовъ и отводятъ дворянина, а наипаче въ молодости, отъ настоящей благороднаго званія его обязанности и слѣдовательно отъ того справедливаго блистанія, которое неминуемо пріобрѣтается оказанными отечеству полезными заслугами, безъ которыхъ весь вѣкъ едва ли не остается свѣту въ безъизвѣстности, обществу безъ пользы, фамиліямъ благороднымъ не къ приращенію и не къ умноженію почести, буде самолично иныхъ мотовство не погружаетъ въ различныя неистовства совсѣмъ противныя чести и слѣдовательно

породѣ ихъ. Всякому здраво разсуждающему предстануть здѣсь на память въ немаломъ числѣ примѣры таковой неоспоримой прежалостной истины. Для избѣжанія же на будущее время всякихъ подобныхъ случаевъ нѣтъ намъ нужды предписывать новыхъ правилъ, но да обратить всякъ и каждый мысли свои на безчисленныя заслуги предковъ того дворянства, котораго праотцы, пребывъ всегда непоколебимою защитою престола, кровь свою проливали ежечасно за вѣру, государя и отечество, живъ въ умѣренности, довольствовались своимъ достаткомъ, пріобрѣтая и умножая оный не инако, какъ величайшими государству заслугами, не стараясь другъ передъ другомъ щеголять, какъ только добродѣтелью и у которыхъ честь и честность благородству подпорою были даже до того, что стыдъ почитался песноснѣйшимъ наказаніемъ, а нарушеніе какого ни на есть долга, обязательства и данпаго слова поноснѣйшимъ стыдомъ. Наша же наипріятнѣйшая обязанность всегда была, есть и будетъ изобильно и справедливо награждать и почестьми украшать всякаго рода прямыя скипетру нашему заслуги и иныя различать и отличать, пребывая императорскою нашею милостью навсегда ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ благосклонны. Данъ въ Москвѣ 3 Апрѣля отъ Рождества Христова 1775, а государствованія нашего въ тринадесятый годъ.

Екатерина.

Указъ нашему Сенату.

Чрезъ сіе запрещается съ будущаго 1776 года отъ дня Святыя Пасхи купцамъ, мѣщанамъ и всякимъ посадскимъ людямъ имѣть кареты, сани, одноколки, роспуски или дрожки вызолоченыя или высеребреныя или инымъ чѣмъ украшеныя, окромѣ одною краской или лакомъ покрытыя; извощичьимъ же санямъ или одноколкамъ быть не иной краски, окромѣ желтой.

Екатерина.

Москва, 3 Апрѣля 1775 года.

Указъ нашему Сенату.

Дворянамъ, кои пятьдесятъ лѣтъ отъ роду имѣютъ, хотя-бъ оберъофицерскаго чина и не заслужили, также женамъ, дочерямъ и вдовамъ дворянскимъ (не смотря на лѣта) дозволяемъ ѣздить въ каретахъ по городамъ парою, ливреи же имъ ничѣмъ не выкладывать.

Екатерина.

Москва, 18 Апрѣля 1775 года.

БОРЬБА ПРОСВѢТИТЕЛЕЙ.

I.

Какъ ни жаль, но нельзя не сознаться, что извѣстнаго рода, иногда затаенная, а иногда и прямо открытая, вражда существуетъ между свѣтской (земской) и духовной (церковно-приходской) начальной школой. Враждебная нотка ясно сквозитъ и во взаимныхъ отношеніяхъ школъ обоего типа, и въ земскихъ собраніяхъ, при разныхъ ходатайствахъ представителей церковно-приходскихъ школъ. Но что эта нежелательная школьная вражда явленіе не новое, доказательствомъ сего можетъ служить нижеслѣдующая исторія, заимствуемая нами изъ архивнаго источника и представляющая, по нашему разумѣнію, несомнѣнный интересъ, ясно рисуя тѣ препятствія, какія встрѣчало народное образованіе на своемъ тернистомъ пути.

Въ Вязниковское Духовное Правленіе, Владимирской губерніи, 11 Марта 1808 года отъ учителя Вязниковскаго городскаго училища Ѳедора Протопопова поступила слѣдующая бумага, положившая начало большому дѣлу.

„По опредѣленію Императорскаго Московскаго Университета и желанію здѣшнихъ гражданъ, присланъ я сюда для открытія училища и преподаванія въ ономъ по даннымъ мнѣ правиламъ предметовъ народнаго просвѣщенія. При семъ далъ мнѣ предписаніе Университетъ о неупустительной начальственной дѣятельности, дабы воздержать отъ ученія всѣхъ обучающихъ въ семъ городѣ малолѣтнихъ дѣтей обоего пола не по способу всемилостивѣйше утвержденному, во всѣхъ училищахъ уже существующему, а отдавать въ установленное теперешнее училище. На что хотя и обращено было должное вниманіе, и какъ родители учащихся, такъ и обучающіе обязаны въ разсужденіи сего двоекратными подписками, за всѣмъ симъ, однако, училище едва не безъ дѣйствія остается. Ибо, какъ мнѣ извѣстно, что многіе подчиненные вѣдомству вашему, не взирая на столь благонамѣренныя учрежденія и, за подписками своими, малолѣтнихъ дѣтей обучаютъ, чтó вынуждаетъ меня объясниться, дабы благоволило сіе Правленіе обучающихъ малолѣтнихъ дѣтей отъ сего воздержать и меня отъ могущихъ встрѣтиться отъ начальства неблагопріятностей освободить. Марта 11 дня 1808 года. Вязниковскій учитель Ѳедоръ Протопоповъ“.

Въ Духовномъ Правленіи на этомъ сообщеніи учителя Протопопова состоялось слѣдующее опредѣленіе того же 11 Марта: „По слушаніи сего сообщенія, въ семъ Правленіи опредѣлено здѣшнему благочинному предписать указомъ, чтобы онъ сего города духовнаго званія обоего пола людямъ о необученіи малолѣтнихъ дѣтей, кромѣ своихъ, подтвердилъ съ подпискою, о чемъ увѣдомить и г-на учителя".

Вотъ уже именно tempora mutantur! Въ наши дни духовенству только и твердятъ: „учи, строй школы", а въ первой четверти нашего же вѣка тоже духовенство, какъ видно, обязывали подписками „о необученіи дѣтей!"... Но продолжимъ разсказъ дальше.

Благочинный, градской протопопъ Меморскій (какъ онъ подписался на рапортѣ своемъ) между прочимъ, 11 Ноября 1808 года, донесъ Духовному Правленію слѣдующее: „Прошлаго Марта отъ 13 дня сего 1808 года предписано было мнѣ отъ онаго Правленія, по присланному въ оное отъ бывшаго въ здѣшнемъ городскомъ народномъ училищѣ учителя Ѳедора Протопопова отношенію, духовнаго званія людей, обучающихъ малолѣтнихъ дѣтей, отъ сего воздержать. Въ силу коего предписанія, по развѣданію моему, тогда-жъ таковые учители, а именно: соборной дьячекъ Антонъ Алексѣевъ, Введенскій діаконъ Петръ Выповскій и вдовая попадья Авдотья Васильева обязаны подписками въ томъ, чтобы они, кромѣ своихъ, дѣтей ни у кого для обученія грамотѣ и письму не брали, и не обучать, какъ у себя, такъ и въ постороннемъ домѣ". Этотъ репортъ благочиннаго протопопа Меморскаго Духовное Правленіе опредѣлило пріобщить къ дѣлу. Но самое дѣло этимъ не кончилось. Заварилась такая каша, что потребовалось участіе городничаго и городоваго Магистрата.

Того же 1808 года Іюля 20 дня въ Духовное Правленіе поступило слѣдующее сообщеніе отъ учителя Вязниковскаго народнаго училища Ивана Васильева. „Бывшимъ предмѣстникомъ моимъ, г. учителемъ Протопоповымъ, учинено сему Правленію отношеніе въ разсужденіи воздержанія всѣхъ вѣдомству онаго подчиненныхъ отъ обученія обоего пола дѣтей здѣшнихъ обывателей въ домахъ своихъ, или хожденія для сего въ домы ихъ, не по способу всемилостивѣйше утвержденнаго устава народнаго просвѣщенія. Но какъ по тому отношенію никакого дѣйствія даже я до сего времени не вижу, по поводу коего Вязниковскому Духовному Правленію о такой недѣятельности симъ повторяю. Въ противномъ случаѣ не замедлю отнестись, по обязанности моей, съ надлежащимъ представленіемъ моему начальству, которое не упуститъ сдѣлать своего движенія и подать мнѣ по сему предмету надлежащее вспоможеніе. Іюля 15 дня 1808 года. Учитель Вязниковскаго народнаго училища Иванъ Васильевъ". На этомъ заносчивомъ и задиристомъ отношеніи школьнаго учителя Духовнымъ Правленіемъ сдѣлано слѣдующее опредѣленіе, 1808 года Іюля 30 дня. „По слушаніи сего отношенія, въ правленіи опредѣлено: какъ изъ отношенія не видно, кто

именно изъ подвѣдомственныхъ сему правленію обучаетъ дѣтей у здѣшнихъ обывателей, почему и предоставить господину учителю, дабы онъ объяснилъ изъ священно и церковно-служителей обучающихъ или обучаемыхъ, и тогда Правленіе предприметъ къ удержанію сего надлежащія мѣры". Въ этомъ смыслѣ и была послана бумага учителю Васильеву 31 Іюля 1808 года, за № 1223. Отвѣтъ на эту бумагу учитель Васильевъ прислалъ нескоро, а именно 4 Ноября 1808 года.

„По таковому-жъ онаго Правленія отношенію касательно до воздержанія отъ обученія священно-церковно-служителей, въ вѣдомствѣ того Правленія состоящихъ, въ объясненіе онаго требованія сообщаю. Соборный діаконъ Сокольскій, діаконъ Введенскій, также и въ вѣдомствѣ Правленія состоящая попадья Пелагея Петрова, занимаютъ дѣтей здѣшнихъ обывателей въ домахъ своихъ ученіемъ не по способу всемилостивѣйше утвержденнаго устава народнаго просвѣщенія. Діаконъ же Введенскій, по личному со мною по сему предмету переговору, объявилъ мнѣ именно, что онъ никогда подписками въ разсужденіи сего отъ своего начальства обязанъ не былъ. Посему и прошу означенное Духовное Правленіе, возобновя для сего вновь свои дѣятельныя мѣры, прекратить таковую неудобность для цѣли народнаго просвѣщенія, дабы уже оныя не могли еще затруднять своего начальства, которое, конечно, по обязанности моей, буду, при случаѣ мнѣ на сіе неудовлетворенія, обременять покорнѣйшими просьбами. Ноября 4-го дня 1808 года, № 11. Учитель Иванъ Васильевъ". На этой бумагѣ учителя Васильева 18 Ноября состоялось слѣдующее постановленіе въ Правленіи. „По слушаніи сего сообщенія въ здѣшнемъ правленіи, опредѣлено: діаконовъ и вдовую попадью, выславъ въ Правленіе, обязать строжайшею въ необученіи дѣтей у здѣшнихъ обывателей подпискою, о чемъ дать знать и сему учителю".

Но, вѣроятно, ни строжайшая подписка, взятая въ Духовномъ Правленіи съ дьяконовъ-просвѣтителей и попадьи-просвѣтительницы, не удержали ихъ отъ добраго дѣла обученія дѣтей грамотѣ, такъ какъ въ Духовномъ Правленіи 19 Апрѣля 1809 года изъ Владимирской Духовной Консисторіи полученъ былъ слѣдующій указъ.

„Сего Апрѣля 8 дня, отношеніемъ его преосвященству Ксенофонту, епископу Владимирскому и Суздальскому и кавалеру, Владимирской губерніи господинъ директоръ училищъ Дмитрій Ивановъ Дмитревскій представилъ, что Вязниковскаго пріуготовительнаго училища учитель Васильевъ донесъ ему, что тамошней церкви Введенія Пресвятой Богородицы діаконъ и состоящая въ вѣдомствѣ онаго правленія вдова попадья Катерина Иванова обучаютъ въ домахъ своихъ разнаго званія дѣтей скрытнымъ образомъ. Сверхъ того, дошло до свѣдѣнія сего директора, что и въ другихъ городахъ здѣшней губерніи, а именно: въ Переславлѣ, Суждалѣ, Муромѣ, Шуѣ и самомъ Владимирѣ много есть такихъ учителей-самозванцевъ, которые изъ

одной корысти учатъ дѣтей грамотѣ, коей сами не понимаютъ, и какъ таковые учители, никакихъ атестатовъ на званіе сего не имѣющіе, по силѣ учебнаго устава, отнюдь не должны быть терпимы, потому что они разстраиваютъ училища, по высочайшей волѣ заведенныя, и по невѣжеству своему болѣе развращаютъ юношество, нежели назидаютъ, просилъ изыскать таковыхъ своевольныхъ учителей и поступить съ ними по законамъ, какъ съ нарушителями порядка; на предбудущее же время принять строгія мѣры противъ сего злоупотребленія, ясно противорѣчащаго цѣли учрежденія училищъ и остановляющаго успѣхи народнаго просвѣщенія. По сему отношенію, резолюціей его преосвященства велѣно: предписать Вязниковскому Духовному Правленію указомъ, дабы учинило немедля о показанномъ діаконѣ и вдовѣ Ивановой законное разсмотрѣніе и о послѣдующемъ представило съ мнѣніемъ; а благочинному протопопу Меморскому и прочихъ показанныхъ городовъ благочиннымъ предписать, дабы, отыскавъ немедля по вѣдомствамъ своимъ упомянутыхъ учителей-самозванцевъ, рапортовали ко мнѣ, съ приложеніемъ ихъ имянныхъ списковъ, въ скорѣйшемъ времени. Почему Владимирская Духовная Консисторія приказала: съ прописаніемъ резолюціи его преосвященства, для должнаго по оной исполненія, въ Вязниковское Духовное Правленіе и къ означеннымъ градскимъ благочиннымъ послать указы. Апрѣля 16 дня 1809 года. Экономъ Муромскій. Спасскій архимандритъ Веніаминъ. № 3101".

Духовное Правленіе, получивъ эту грозную бумагу изъ Духовной Консисторіи, 20 Апрѣля опредѣлило: діакона и вдовую попадью сыскавъ, въ подлежащемъ допросить. Искать горемычныхъ просвѣтителей, конечно, пришлось недолго: 23 Апрѣля въ Духовномъ Правленіи имъ сдѣланъ по дѣлу допросъ, на которомъ они показали.

Діаконъ Петръ Выповскій.

„Прежде сего, назадъ тому года съ полтора, живущая съ нимъ, діакономъ, въ одномъ домѣ теща его, вдовая діаконница Ѳекла Иванова у Вязниковскихъ жителей малолѣтнихъ дѣтей Россійской грамотѣ хотя и обучала, но какъ въ партикулярныхъ домахъ обучать дѣтей частнымъ людямъ воспрещено было, то она и донынѣ никого не обучаетъ. Самъ же онъ, діаконъ, не токмо нынѣ, а и никогда малолѣтнихъ грамотѣ не обучалъ. А почему Вязниковскаго пріуготовительнаго училища учитель Васильевъ его, діакона, обнесъ ложно; еслибъ онъ, діаконъ, тѣхъ дѣтей обучалъ, въ томъ онъ, діаконъ, отъ начальства испрашиваетъ защищенія, кое благоволитъ ложное его, Васильева, донесеніе, открывшееся по какому-либо слуху, а отъ онаго по невнимательности его послѣдовавшему представленію усмотрѣть въ слѣдующемъ: онъ, Васильевъ, самъ лично у него, діакона, дѣтей обучающихся грамотѣ никогда не видалъ, да и ежели бы въ домѣ его когда бывалъ, но и тогда бы учениковъ, какъ у него, діакона, не бывшихъ, видѣть было ему не можно; а посему бы таковаго злѣйшаго и ложнаго представленія отъ него, Васильева, на него, діакона, если бы онъ самъ лично

усмотрѣлъ, послѣдовать не могло. Въ явное же открытіе несправедливаго его, Васильева, донесенія изобличаетъ его и то, что онъ, по неосмотрительности своей, представилъ еще съ нимъ, діакономъ, на вдовую попадью Екатерину Иванову, якобы обучавшую же дѣтей, каковой по имени изъ духовныхъ по всему городу Вязникамъ не имѣется. Изъ чего и предвидится представленіе его, учителя Васильева, совершенно ложнымъ и весьма неосмотрительнымъ, но токмо опорачивающимъ безвинно людей, служащихъ начальству своему безпорочно, а не изъ корыстолюбія". На этомъ любопытномъ показаніи о. діакона Петра Выповскаго послѣдовало слѣдующее опредѣленіе: „по слушаніи сего допроса, опредѣлено учинить справку, точно ли по имени въ городѣ такой попадьи не имѣется, чрезъ нарочнаго по инструкціи".

Подумаешь, дѣло идетъ о душегубствѣ или чрезвычайной государственной измѣнѣ!

Разысканіе вдовой попадьи Катерины Ивановой поручено было правленскому сторожу Андрею Никольскому, который и донесъ Правленію репортомъ отъ 4 Мая, что по имени таковой попадьи въ здѣшнемъ городѣ не имѣется. Тогда Духовное Правленіе запросило учителя Васильева, кого именно діаконъ Введенской церкви изъ обывателей обучаетъ, кто такова попадья Катерина Иванова и гдѣ она жительство имѣетъ?

Такимъ образомъ „дѣло" затягивалось, и стороны взаимно раздражались и озлоблялись. На запросъ Правленія учитель Васильевъ, что называется пришитый къ стѣнѣ, между прочимъ немедленно отвѣчалъ: „Показанный діаконъ дѣйствительно обучалъ дѣтей у здѣшнихъ жителей, а именно у купца Семена Иванова Балашова, у купца Ивана Яковлева Найденова, да и самъ онъ мнѣ въ томъ признавался при священникѣ Казанскаго собора Васильѣ Щегольковѣ и дьячкѣ онаго же собора Антонѣ Алексѣевѣ. Дьячекъ же Алексѣевъ неоднократно меня просилъ о томъ, чтобы означенному діакону ученено было съ моей стороны въ обученіи дѣтей запрещеніе. Что касается до вдовой попадьи, то она называется не Катерина Иванова, но Авдотья Васильева, которая съ здѣшнимъ Казанскаго собора протопопомъ Петромъ Меморскимъ находится въ родствѣ". Этотъ отвѣтъ Васильева вызвалъ слѣдующее опредѣленіе Правленія: „Съ діакона Выповскаго, по сыску, взять противъ сего оправданіе, а равно и вдовую попадью Авдотью Васильеву, по сыску жъ, какъ противъ указа Консисторіи, такъ и противъ сего допросить". На вторичномъ допросѣ діаконъ Выповскій вновь заявилъ, что онъ у купцовъ Семена Иванова Балашова и Ивана Яковлева Найденова дѣтей не обучалъ и не обучаетъ, и ему учителю Васильеву въ томъ никогда Казанскаго собора при священникѣ Васильѣ Щегольковѣ и дьячкѣ Антонѣ Алексѣевѣ не признавался".

Послѣ этого объясненія діакона Выповскаго Правленіе сообщило Вязниковскому Магистрату о допросѣ Балашова и Найденова о томъ, кто училъ

у нихъ дѣтей. А само Правленіе приступило къ допросу вдовой попадьи Авдотьи Васильевой и дьячка Антона Алексѣева.

Приведемъ дословно показаніе матушки Авдотьи Васильевой. Оно очень характерно и по внутреннему содержанію, и по внѣшней формѣ выраженій. „По смерти мужа ея, она попадья пропитанія снискивать ничѣмъ не могла какъ только обучать дѣтей, отъ отцовъ коихъ получала за сіе палату, содержаніе имѣла безбѣдное; но какъ по открытіи въ Вязникахъ училища и потомъ спустя еще нѣсколько времени въ партикулярныхъ домахъ обучать дѣтей частнымъ людямъ запрещено было, то она попадья съ самаго того времени у здѣшнихъ обывателей дѣтей уже и не обучала и понынѣ никого не обучаетъ; а хотя по слуху, неизвѣстно отъ кого происшедшему, что яко бы она попадья и нынѣ дѣтей обучаетъ, отъ Вязниковской градской полиціи въ разныя числа и присылаемы были сержанты съ десятскими для осмотру не обучаетъ ли она попадья дѣтей грамотѣ; но какъ и тѣ присылаемые ни въ которое время у нея попадьи дѣтей учащихся не видали, то и благоволитъ начальство отъ ложныхъ навѣтовъ учителя Васильева ее защитить. Ибо, если бы у нея попадьи тѣ присылаемые дѣтей обучающихся когда либо усмотрѣли, то бы градская полиція не преминула предпринять мѣры донесть по начальству, для поступленія съ нею, попадьею, какъ надлежитъ. Но таковаго отношенія отъ полиціи никуда не было, и въ семъ допросѣ показала самую сущую правду“. Это показаніе подписано крупнымъ и четкимъ почеркомъ такъ: „ксему допросу вдовая попадья Евдокія Васильева руку приложили“. Хотя подпись матушки и прегрѣшаетъ въ смыслѣ граматическомъ, но далеко превышаетъ и въ этомъ отношеніи и четкости рукопись приказнаго, писавшаго ея показаніе.

Дьячекъ Антонъ Алексѣевъ „сысканной“ далъ слѣдующее показаніе.

„Вязниковской Введенской церкви діаконъ Петръ Выповскій, что онъ яко бы у здѣшнихъ купцовъ Семена Иванова Балашова и Ивана Яковлева Найденова дѣтей грамотѣ обучалъ при немъ дьячкѣ Алексѣевѣ, Вязниковскаго пріуготовительнаго училища учителю Васильеву никогда не признавался, и онъ дьячекъ съ соборнымъ священникомъ Василіемъ Щегольковымъ никогда у того учителя не бывалъ, и его учитель, не токмо неоднократно, но и никогда о томъ, чтобы діакону Выповскому учинено было съ его учителя стороны въ необученіи дѣтей запрещеніе, онъ дьячекъ не просилъ, да и просить ему нѣтъ никакой нужды; а только при требованіи Вязниковскимъ Правленіемъ отъ него учителя Васильева доказательства на допросъ діакона Выповскаго, призвавши онъ учитель по знакомству, гдѣ былъ уже и священникъ Щегольковъ, не извѣстно для чего просилъ его дьячка онъ учитель, чтобы онъ дьячекъ во свидѣтельство въ Правленіи, что ему учителю діаконъ Выповскій въ обученіи дѣтей признался“.

Въ то время какъ Духовное Правленіе „сыскавъ“ производило допросы дьякону Выповскому, вдовой попадьѣ Евдокіѣ Васильевой, да дьячку Антону

Алексѣеву, городское полицейское управленіе въ лицѣ городничаго Кашинцева и ратмана Василья Носкова производили допросы купцамъ Балашову и Найденову. При семъ Балашовъ показалъ, что діаконъ Петръ Выповскій „у него Балашова грамотѣ внука Ивана никогда не обучалъ и нынѣ не обучаетъ; а назадъ тому третій годъ, жительствующая съ нимъ діакономъ теща его вдова дьяконица Θекла Иванова, у него Бэлашова, упоминаемаго внука обучала грамотѣ и писать, который нынѣ отъ того времени и находится изученный“. Купецъ Найденовъ допрошенъ былъ въ городскомъ Магистратѣ, въ присутствіи двухъ бургомистровъ и пяти ратмановъ (Эдакое, подумаешь, необычайной важности дѣло!)

Найденовъ показалъ, что діаконъ Выповскій, а равно и теща его вдова діаконица Θекла Иванова, у него Найденова, дѣтей никогда не обучала и нынѣ не обучаетъ, а обучала ихъ словесному еще въ 1806 году означенной діаконицы дочь, бывшая тогда дѣвицей, а нынѣ Введенской церкви за дьякономъ Петромъ Васильевымъ (Выповскимъ). Съ того времени и понынѣ оныя дѣти ни у кого уже не обучены. Этотъ опросъ купцу Найденову былъ послѣднимъ для всѣхъ. Духовное Правленіе, обсудивъ всѣ обстоятельства дѣла, постановило опредѣленіе, въ извѣстномъ смыслѣ, пожалуй, очень желательное и во всякомъ случаѣ весьма находчивое. Изложивъ весь ходъ дѣла и признавъ донесеніе Васильева не только недоказаннымъ, но между прочимъ „усмотрѣвъ нехорошій со стороны Васильева поступокъ тѣмъ, что онъ просилъ дьячка показать на діакона ложно“, Правленіе мнѣніемъ присудило: 1) „О неосновательномъ и противузаконномъ поступкѣ учителя Васильева передать сужденію свѣтскаго начальства, о чемъ куда слѣдуетъ и сообщить. Вдовую попадью Васильеву и тещу діакона Выповскаго обязать наистрожайше подписками, дабы они отъ обученія дѣтей воздерживались; діакона Выповскаго по сему дѣлу отъ суда учинить свободнымъ“. Все дѣло съ опредѣленіемъ правленія представлено было епархіальному преосвященному Ксенофонту, которымъ и было утверждено.

Удивительно ли, послѣ „дѣлъ“ подобнаго рода, что на Св. Руси грамота между народомъ двигалась такимъ черепашьимъ шагомъ, когда сержанты съ десятскими производили обыски въ домахъ, стараясь открыть, не обучаетъ ли кто грамотѣ дѣтей? Конечно, этой дѣятельности сержантовъ положенъ конецъ; но архивная исторія, нами приведенная, кажется очень краснорѣчива и поучительна....

II.

Борьба Вязниковскихъ просвѣтителей, начавшись въ 1808 года, продолжалась почти цѣлое десятилѣтіе.

Въ Январѣ 1817 года къ Владимирскому епархіальному начальству поступило слѣдующее прошеніе, на высочайшее имя, жены коллежскаго регистратора Семена Тибеллярова, служившаго въ Вязниковскомъ Духовномъ

Правленіи, Олимпіады Самойловой. „Тогда, когда мужъ мой находился сего Генваря 26-го дня при должности, пришедъ ко мнѣ въ домъ Вязниковской градской полиціи квартальный надзиратель Максимъ Сурковъ съ учителемъ пріуготовительнаго училища Михайломъ Рязанцеватъ, начали буйственнымъ образомъ допрашивать меня, не обучаю ли я грамотѣ дѣтей. И какъ я въ домѣ своемъ обучающихся, кромѣ сына онаго-же правленія копіиста Якова Нарбекова (мною обучаемаго словесности) и моего родственника семилѣтняго Михаила, не имѣла: то въ тоже самое время помянутый квартальный съ учителемъ Рязанцовымъ повелительнымъ образомъ велѣли меня, яко человѣка впадшаго въ какое либо великое преступленіе, тащить бывшему при нихъ десятскому, наглымъ и безчеловѣчнымъ образомъ, въ полицію. Я, сколько ни старалась, бывши въ домѣ одна, оправдать себя въ моей противъ законныхъ правъ невинности, особенно на счетъ безпорочной жизни моей; но они, приступая ко мнѣ, не могущей имѣть возможности отдалить ихъ злонамѣренный для меня поступокъ, схватили меня и начали бить несносными для человѣка побоями и, изодравъ на мнѣ платье, сдѣлали меня почти обнаженной. Противъ сего несноснаго поступка ихъ я, вырвавшись, тотчасъ прибѣгши въ Правленіе, объявила мужу моему, приказнослужителямъ и бывшему тамъ секретарю Лукѣ Сокольскому, который, видя меня въ семъ злосчастномъ положеніи, нисколько не медля, за небытіемъ въ городѣ г-на городничаго, пошелъ и объявилъ первенствующему Правленія присутствующему протоіерею Александру Никологорскому. Но между тѣмъ квартальный и Рязанцевъ забрали у меня въ домѣ рублей на пятнадцать книгъ и въ томъ числѣ святцы, въ коихъ хранились мужа моего пятьдесятъ рублей ассигнаціями деньги, унесли ихъ къ себѣ; малолѣтняго же помянутаго родственника моего повели съ собою и заключили его подъ стражу полиціи, о чемъ объявляя всеподданнѣйше прошу и т. д.“.

Не даромъ сложилась у Русскаго народа пословица, что корень ученія горекъ! .. Хорошъ квартальный Сурковъ, хорошъ и учитель Рязанцевъ. Дѣло объ оскорбленіи чиновницы Тибелляровой, конечно, консисторскому суду не подлежало; оно разслѣдовалось должностными лицами свѣтскаго званія, и чѣмъ оно окончилось для этихъ истязателей просвѣтительницы Тибелляровой, изъ дѣла не видно. Въ дѣлѣ есть болѣе любопытный документъ, это показаніе Тибелляровой, которое мы и приводимъ здѣсь. Показаніе это Тибеллярова давала въ Вязниковскомъ Духовномъ Правленіи 21 Августа 1817 года.

„По убѣдительной просьбѣ родственниковъ ея Тибелляровой, подлинно она у нихъ прежде сего, т. е. до полученія указа, обучала малолѣтнихъ мальчиковъ и дочерей азбукѣ и часослову, а также и заповѣдямъ Господнимъ; поелику родители сихъ малолѣтнихъ дѣтей ни подъ какимъ видомъ не соглашались вручать, а особенно дочерей своихъ, для обученія пріуготовительнаго училища учителю Рязанцеву, для того, дабы онѣ у Рязанцева, явно человѣка холостаго, съ обучающимися у него учениками, а при томъ

еще и съ возрастными, какъ въ поведеніи, такъ и въ самыхъ нравахъ разстроены не были. У градскихъ же обывателей дѣтей мужескаго пола никого она Тибеллярова не обучаетъ и подпискою никогда и никѣмъ въ необученіи дѣтей обязываема не была; а при томъ и съ упорствомъ противъ законныхъ правъ и своего правительства ничего не чинила; но съ чего, къ явной ея Тибелляровой обидѣ, такъ напрасно она отъ г. директора обнесена, то ни ему, ни ей неизвѣстно; а развѣ по одному несправедливому къ нему донесенію, поступившему отъ учителя Рязанцева, мстящаго ей Тибелляровой за то, что она утруждала свое правительство о защищеніи ея Тибелляровой отъ обиды причиненной ей учителемъ Рязанцевымъ вмѣстѣ съ пришедшимъ къ ней одной въ домъ квартальнымъ Сурковымъ побоями и унесеніемъ книгъ, а съ ними вмѣстѣ и пятидесяти рублей денегъ"....

Это объясненіе отъ Тибелляровой требовалось вслѣдствіе сообщенія директора народныхъ училищъ Дмитревскаго епископу Владимирскому Ксенофонту о томъ, что Тибеллярова „не смотря на данную ею подписку не обучать дѣтей, съ упорствомъ продолжаетъ тоже дѣлать". Владимирская Консисторія указомъ отъ 11 Ноября 1820-го года предписала Духовному Правленію подтвердить Тибелляровой съ подпискою, чтобы она впредь дѣтей не обучала.

Прекратила ли эта энергичная женщина свою просвѣтительную дѣятельность, изъ дѣла не видно. Но борьба, затѣянная официальными просвѣтителями противъ маленькихъ незамѣтныхъ тружениковъ и профессоровъ азбуки, дала хорошій урокъ директору Дмитріевскому, всемѣрно, грубо и безтактно отстранявшему духовенство отъ обученія дѣтей грамотѣ. Этому Дмитревскому пришлось испытать не себѣ пословицу: не плюй въ колодезь, пригодится напиться.

24 Декабря 1817 г. въ Вязниковскомъ Духовномъ Правленіи былъ полученъ слѣдующій указъ изъ Владимирской Духовной Консисторіи. „Отношеніемъ къ его преосвященству Ксенофонту епископу Владимирскому и Суздальскому и разныхъ орденовъ кавалеру директоръ училищъ Владимирской губерніи г. Дмитревскій, изъясняя, что число учащихся въ градскихъ и сельскихъ приходскихъ училищахъ отъ небреженія прихожанъ объ обученіи дѣтей ихъ умалилось, просилъ, для подкрѣпленія сихъ заведеній, яко первоначальныхъ источниковъ и основаній образованія народнаго и возбужденія къ тому вообще поревнованія, учинить предписаніе, какъ всѣмъ безъизъятія приходскимъ учителямъ, градскимъ и сельскимъ, благочиннымъ и настоятелямъ церквей тѣхъ приходовъ, гдѣ существуютъ народныя училища, дабы они внушали, поощряли и убѣждали прихожанъ къ отдачѣ дѣтей въ тѣ заведенія, для собственной ихъ пользы и благоденствія училищъ, и подтвердить всѣмъ тѣмъ приходскимъ учителямъ, дабы, слѣдуя узаконенному порядку, непремѣнно доставляли по командѣ предписанные высочайшимъ учебнымъ уставомъ мѣсячные и годовые отчеты, для представленія ихъ высшему начальству".

На ономъ отношеніи резолюціею его преосвященства предписано: „согласно сему учинить коему слѣдуетъ надлежащее предписаніе и подтвержденіе“, что̀ конечно и было исполнено.

Здѣсь кстати замѣтимъ, что за лицъ духовнаго вѣдомства, отстраняемыхъ свѣтской властью отъ обученія дѣтей грамотѣ, совершенно основательно вступился Св. Сѵнодъ, отъ котораго 22 Іюля 1814-го года по духовному вѣдомству разосланъ былъ указъ, разъясняющій, что занятіе обученіемъ дѣтей благонравію и Закону Божію не только кому либо изъ духовнаго званія воспрещено, но дозволено и одобрено. Вѣроятно этотъ указъ высшей духовной власти до извѣстной степени обуздалъ директора Дмитревскаго и ему подобныхъ, хотя, къ сожалѣнію, онъ не предоставлялъ права лицамъ духовнаго званія женскаго пола заниматься обученіемъ дѣтей грамотѣ. Такъ по крайней мѣрѣ понятъ былъ этотъ указъ Владимирскимъ епархіальнымъ начальствомъ, при разсмотрѣніи дѣла Тибелляровой, обвиняемой въ обученіи дѣтей грамотѣ и обязанной, какъ видимъ изъ дѣла, уже послѣ распубликованія означеннаго указа Св. Сѵнода, прекратить свою просвѣтительную дѣятельность.

*

Сами епархіальные архіереи, по крайней мѣрѣ епископъ Владимирскій Ксенофонтъ, не находили удобнымъ дать достойный и твердый отвѣтъ свѣтскимъ властямъ, домогавшимся устраненія духовенства отъ народнаго обученія. Такъ въ Маѣ мѣсяцѣ 1814-го года директоръ училищъ Владимирской губерніи Дмитревскій писалъ преосвященному Ксенофонту, что во многихъ домахъ по городу Владимиру и по всей губерніи обучаютъ дѣтей церковнослужители и семинаристы, не имѣющіе свидѣтельствъ на званія свои отъ учебныхъ мѣстъ. Вслѣдствіе сего означенный директоръ просилъ архіерея сдѣлать всеобщее запрещеніе по Владимирской епархіи, дабы никто изъ священнослужителей, церковниковъ и семинаристовъ, безъ свидѣтельствъ отъ учебныхъ мѣстъ, юношество обучать не отважился. На этомъ требованіи директора епископъ Ксенофонтъ наложилъ такую резолюцію: „Какъ изъ полученныхъ мною многократныхъ по предмету сему отношеній замѣчательно, что принятыя въ разныя времена строгія мѣры къ удержанію священноцерковнослужителей отъ обученія приходскихъ дѣтей въ домахъ своихъ остаются доселѣ безъ надлежащаго успѣха, то предписать по сему немедля всѣмъ городскимъ и сельскимъ благочиннымъ, а равно и семинарскому правленію, дабы, обративъ на сей предметъ строжайшее вниманіе, изслѣдовали по вѣдомствамъ своимъ со всевозможною вѣрностію дѣятельнѣйшимъ образомъ, кто именно изъ священнослужителей и семинаристовъ, гдѣ и у кого, обучаетъ дѣтей въ противность узаконенію, и буде таковые окажутся, то, поставя ихъ въ виду, репортовать ко мнѣ безъ всякаго замедленія, *выславъ и самихъ таковыхъ учителей* въ Консисторію при репортахъ; а между тѣмъ велѣть учинить еще повсемѣстное крѣпкое подтвержденіе согласно сему отношенію, дабы никто изъ нихъ, безъ данныхъ свидѣтельствъ

отъ учебныхъ мѣстъ, не отважился вступать въ должности приходскихъ учителей, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ неизбѣжнаго сужденія по законамъ".

Понятно, что при такомъ непріязненномъ отношеніи директора училищъ къ лицамъ духовнаго званія, нелегко было семинаристамъ, діаконамъ и дьячкамъ добиться учительскаго свидѣтельства, этого своего рода атестата зрѣлости. И нужно было имѣть слишкомъ большую энергію и немалую, при положеніи дѣла, смѣлость исконнымъ просвѣтителямъ всѣхъ сословій Русскаго народа, т. е. лицамъ духовнаго званія, продолжать свою просвѣтительную дѣятельность и въ курныхъ своихъ избенкахъ, и въ помѣщичьихъ домахъ, и въ палатахъ вельможъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что взгляды архіереевъ на это дѣло далеко были неодинаковы. Такъ преосвященный Гедеонъ, епископъ Вятскій, если не разрѣшилъ этого вопроса лично въ смыслѣ утвердительномъ, то не постѣснился представить въ 1814 году въ Сѵнодъ о томъ, что Вятское училищное начальство требуетъ, чтобы священноцерковнослужители, обучающіе приходскихъ и другихъ дѣтей Россійскому чтенію и письму, имѣли на то отъ гражданскихъ училищъ позволительныя свидѣтельства и платили въ пользу оныхъ съ каждаго рубля получаемаго за ученье по пяти процентовъ для содержанія пансіоновъ и другихъ домашнихъ сего рода училищъ.

Взглядъ Св. Сѵнода на вопросъ о народномъ образованіи и на участіе въ нихъ духовенства выразился въ указѣ преосвященному Вятскому Гедеону.

Св. Сѵнодъ полагалъ, что „приватное обученіе священноцерковнослужителями дѣтей прихожанъ своихъ Россійской грамотѣ, читать, писать и молитвамъ Господнимъ не можно подводить подъ правила гражданскихъ училищъ и пансіоновъ, установленныхъ, по слѣдующимъ уваженіямъ: 1) Таковое простое обученіе не касается ни того просвѣщенія, которое имѣетъ опредѣлительную въ преподаваніи систему и кругъ подъ учрежденнымъ надзоромъ, ни воспитанія существу и образу пансіоновъ свойственнаго; 2) занятіе симъ обученіемъ дѣтей званію приходскаго духовенства наиболѣе свойственно, ибо соотвѣтствуетъ оно одной изъ главнѣйшихъ его обязанностей— учить прихожанъ своихъ благонравію и Закону Божію, исполненіе которой тѣмъ благоуспѣшнѣе быть можетъ, если дѣти самимъ же духовенствомъ будутъ научаемы и грамотѣ; 3) такимъ образомъ, приходское духовенство, пріемлющее на себя трудъ обученія дѣтей и въ особенности безмездно или безъ положительной платы, не токмо не должно подлежать той повинности, какую несть обязаны содержатели пансіоновъ, пользующіеся, какъ явствуетъ изъ высочайше одобренной въ 25 день Мая 1811-го года записки, важными отъ сего выгодами, но и заслуживаетъ отъ начальства одобренія, какъ назидательный подвигъ. 4) Подвергать священно-церковнослужителей испытанію и получать имъ на то дозволительныя свидѣтельства отъ гражданскаго училищнаго начальства невмѣстно ни съ званіемъ ихъ, ни съ вышеобъясненною существенною онаго обязанностію". А потому Св. Сѵнодъ предоставилъ оберъ-

прокурору князю Голицыну отписать къ г. министру просвѣщенія объ учиненіи надлежащаго кому слѣдуетъ предписанія, чтобы постановленія, для пансіоновъ и учебныхъ заведеній гражданскихъ, существующія, не были распространяемы на священно-церковнослужителей, занимающихся свойственнымъ званію ихъ обученіемъ дѣтей сказаннымъ предметамъ.

На это сообщеніе синодальнаго оберъ-прокурора министръ просвѣщенія отвѣчалъ, что, будучи согласенъ съ мнѣніемъ Св. Сѵнода, что приватное обученіе священно-церковнослужителями дѣтей прихожанъ своихъ Россійскому чтенію и письму, также нравоученію и христіанскому закону, не должно быть подвергаемо тѣмъ правиламъ и установленіямъ, какія существуютъ для содержателей пансіоновъ и другихъ домашнихъ сего рода училищъ, онъ, министръ, предписалъ начальствамъ всѣхъ учебныхъ округовъ, дабы означенныя установленія не были распространяемы на священно-церковнослужителей, обучающихъ единственно вышеупомянутымъ предметамъ. Но если бы кто изъ нихъ пожелалъ завести пансіонъ или домашнее училище, въ которыхъ бы предположено было кромѣ означенныхъ и другіе предметы изъ наукъ, либо языковъ, въ этомъ случаѣ они неминуемо должны подлежать всѣмъ постановленіямъ.

Но изъ тойже Вятки, въ 1831 году, преосвященный Кириллъ епископъ Вятскій доносилъ Св. Сѵноду слѣдующее: „Елабужскій городничій просилъ мѣстное духовное начальство воспретить дьякону тамошняго собора Кудрявцеву и причетнику приходской Покровской церкви Попову обучать въ домахъ своихъ грамотѣ малолѣтнихъ дѣтей. Вятская Консисторія, узнавъ отъ самихъ Кудрявцева и Попова, что они, по убѣдительной просьбѣ прихожанъ своихъ, обучаютъ дѣтей ихъ, имѣющихъ отъ 6-ти до 9-ти лѣтъ возраста, и что дѣти сіи по большей части поступаютъ послѣ въ Елабужское уѣздное училище, сообщила Вятскому Духовному Правленію не воспрещать дьякону и причетнику заниматься симъ общеполезнымъ дѣломъ, такъ какъ указомъ Св. Сѵнода отъ 22 Іюня 1814 года не только дозволено духовенству обучать дѣтей Россійской грамотѣ читать и писать, молитвамъ Господнимъ, нравоученію и закону Божію безъ дозволительныхъ свидѣтельствъ отъ гражданскаго училищнаго начальства и безъ взноса получаемой платы по пяти коп. съ рубля по примѣру пансіоновъ; но сіе ученіе, какъ назидательный подвигъ, почтено еще заслуживающимъ отъ начальства одобренія. Губернское Правленіе отвѣтствовало Консисторіи, что управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по отношенію г. министра народнаго просвѣщенія отъ 8 Сентября 1827 г. Вятскому гражданскому губернатору предписалъ: вмѣнить въ обязанность городскимъ и земскимъ полиціямъ, чтобы, по окончаніи каждой трети года, давать знать дирекціямъ училищъ когда гдѣ либо въ городѣ или въ уѣздѣ возникнутъ частныя училища безъ дозволенія учебнаго начальства; ибо хотя и можно дозволить частнымъ лицамъ заводить школы и обучать особенно грамотѣ и первымъ правиламъ ариѳметики; но существованіе оныхъ необходимо должно быть извѣстно учебному начальству, дабы оное имѣло над-

зоръ за ученіемъ и удостовѣрялось, что ничего противнаго установленнымъ правиламъ ученикамъ не внушается. Но поелику изъ отношенія Консисторіи не видно, открыли ли діаконъ Кудрявцевъ и причетникъ Поповъ у себя училища или ходятъ для того по домамъ, имѣютъ-ли они надлежащіе атестаты отъ высшаго учебнаго заведенія (!) какъ въ познаніи и способности учить, такъ и въ особенности на непорочную свою нравственность (?), то поставивъ сіе на видъ Елабужскому городничему, предписать ему о всемъ томъ съ точностію увѣдомить директора Вятскихъ училищъ и впредь поступать на семъ основаніи. Консисторія, замѣтивъ Губернскому Правленію, что оно разсмотрѣніемъ своимъ подвергаетъ діакона и причетника предписаніямъ и постановленіямъ для пансіоновъ и другихъ учебныхъ гражданскихъ заведеній существующимъ и подчиняетъ ихъ розысканію въ томъ свѣтскаго человѣка, противъ помянутаго указа 1814-го года Іюня 22 дня, и что приведенное онымъ предписаніе 1827 года касается заведенія частныхъ школъ на домахъ людьми свѣтскаго званія, а не духовными, требовала, чтобы на основаніи указа 1814 года не препятствовало діакону и причетнику заниматься общеполезнымъ дѣломъ ученія приходскихъ дѣтей безъ всякаго розысканія и подчиненія ихъ градской полиціи. Но Губернское Правленіе отозвалось, что оно не можетъ допустить сего безъ разрѣшенія учебнаго начальства, потому что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ предписаніи отъ 8-го Сентября 1827 года, сказавъ „никакое лицо не въ правѣ обучать или заводить училища безъ дозволенія учебнаго начальства", въ разсужденіи духовныхъ лицъ не сдѣлало изъ сего никакого изъятія.

Преосвященный Вятскій, усматривая изъ сего, что Губернское Правленіе настоятельно требуетъ запрещенія діакону и причетнику заниматься ученіемъ приходящихъ дѣтей первоначаліямъ Россійской грамотѣ и Закону Божію, какъ непозволительнымъ по предписаніямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1827 и 1828 годовъ, тогда какъ сіе указомъ Св. Сѵнода 1814 года не только позволяется, но и одобряется, безъ всякаго дозволительнаго свидѣтельства отъ училищнаго начальства, не рѣшился на требованіе Губернскаго Правленія, но представилъ сіе обстоятельство на разрѣшеніе Св. Сѵноду.

Синодъ, разсмотрѣвъ это представленіе Вятскаго преосвященнаго Кирилла и всѣ бывшія по сему предмету распоряженія, сообразуясь съ правилами, опредѣляющими права открытія школъ и домашняго обученія, нашелъ, что на основаніи общихъ положеній, право учительства имѣютъ только священнослужители, получившіе воспитаніе въ духовныхъ училищахъ. По сему діакону Кудрявцеву, какъ священнослужителю, можно дозволить учить дѣтей прихожанъ своихъ грамотѣ и Закону Божію, безъ подвергнутія его испытанію. Что же касается до причетника Попова, то онъ церковно, а не священнослужитель и долженъ имѣть свидѣтельство на право ученія. Но по справкѣ оказалось, что діаконъ Кудрявцевъ въ учебныхъ заведеніяхъ не обучался, а Поповъ учился въ Вятской Семинаріи Россійской и

Латинской грамматикѣ, ариѳметикѣ, сокращенной церковной исторіи и пространному катихизису!...

Этимъ маленькимъ курьезомъ мы и закончили бы свои изслѣдованія о борьбѣ просвѣтителей, а изъ за просвѣтителей свѣтскихъ и духовныхъ властей; но не можемъ не упомянуть, что въ 1835 году директоръ Владимірскихъ училищъ Калайдовичъ и директоръ Калужскихъ училищъ входили съ представленіями о томъ, что лица духовнаго званія обучаютъ дѣтей всѣхъ сословій: катихизису и священной исторіи, читать и писать по русски, первоначальнымъ правиламъ ариѳметики и даже (хорошо это даже) *граматикѣ*, исторіи и географіи. Владимирская Консисторія опять сдѣлала шагъ назадъ: она предписала духовенству Владимирской губерніи „ежели у кого (изъ духовенства) имѣются въ домахъ помянутыя школы, *то всѣ оныя прекратить* или истребовать немедленно предписанныя на то правилами свидѣтельства. За симъ, какъ извѣстно, народное образованіе находилось въ вѣдѣніи управленія государственныхъ имуществъ, удѣла и помѣщиковъ. Въ нѣкоторыхъ изъ устроенныхъ этими учрежденіями и лицами школахъ обучали священники, а въ нѣкоторыхъ были отдѣльные учителя, по преимуществу изъ семинаристовъ. Нѣкоторые священники открывали у себя въ домахъ безвозмездныя школы; но и тѣ находились въ вѣдѣніи свѣт скихъ властей, которыми школы ревизовались и священники атестовались.

Съ установленіемъ земскихъ учрежденій, дѣло народнаго образованія перешло въ руки земства; а затѣмъ въ позднѣйшее время учредились и открылись церковноприходскія школы, въ которыхъ лица духовнаго званія являются полными хозяевами и стоятъ внѣ всякой зависимости отъ свѣтскихъ властей, имѣя мѣстныя и центральныя управленія, состоящія изъ отцовъ и чиновъ духовнаго вѣдомства.

Самостоятельность эта досталась духовенству, какъ видимъ, не безъ борьбы за право ученія народа грамотѣ *и даже граматикѣ*!.... Но борьба просвѣтителей приняла другой фазисъ. Теперь нерѣдко случается, что духовенство ходатайствуетъ о закрытіи свѣтскихъ (земскихъ) школъ въ приходахъ своихъ, такъ какъ при существованіи школъ этихъ дѣти не посѣщаютъ церковныя школы... И эта борьба, эти домогательства духовенства, въ интересахъ просвѣщенія, крайне нежелательныя, сдѣлаются достояніемъ архивовъ, и затѣмъ и исторіи Русскаго народнаго просвѣщенія. Исторія, какъ безпристрастный судья, не одобритъ этихъ отрицательныхъ домогательствъ духовенства, какъ она не одобряетъ домогательства свѣтскихъ властей, упорно и настойчиво проявленныхъ въ первой половинѣ нашего столѣтія въ запрещеніи духовенству обучать народъ грамотѣ.

Заимствовано изъ соборнаго архива въ г. Вязникахъ, изъ дѣлъ бывшаго Вязниковскаго Духовнаго Правленія.

Н. И. Соловьевъ.

КЪ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

I.

Въ большинствѣ статей о Т. Г. Шевченкѣ, въ запискахъ и разсказахъ о немъ старожиловъ, часто попадаются или сомнительныя данныя, или совершенно невѣрныя свѣдѣнія. Еще такъ недавно, въ „Камско-Волжскомъ краѣ“ за 1897 г. (№№ 307, 313 и 318), нѣкто г. Матовъ помѣстилъ о Шевченкѣ обширную статью, гдѣ столько напутано что стоитъ большаго труда отдѣлить истину отъ вымысла.

Извѣстно, что Шевченко былъ сосланъ въ Оренбургскій край въ 1847 году. Сначала онъ нѣкоторое время жилъ въ Орской крѣпости, а потомъ въ 1850 году переведенъ въ нынѣшній фортъ Александровскій, называвшійся ранѣе укрѣпленіемъ Ново-Петровскимъ, на Мангышлакскомъ полуостровѣ.

Одинъ изъ біографовъ поэта („Кіевская Старина“ 1888, № 10) пишетъ, что Шевченко былъ сосланъ изъ Петербурга по обвиненію „въ сочиненіи пасквиля и карикатуры (?) на одно высокопоставленное лицо“, за что его сначала посадили въ Петропавловскую крѣпость, а потомъ въ Іюнѣ 1847 года отправили въ Оренбургъ.

На самомъ дѣлѣ это было не такъ. Покойный Е. Гаршинъ, по даннымъ, будто-бы, Оренбургскихъ архивовъ, а главнѣйше на основаніи автобіографіи Н. И. Костомарова („Руская Мысль“, 1885, № 5), объясняетъ въ Январской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1886 годъ ссылку поэта участіемъ его вмѣстѣ съ Костомаровымъ въ Кіевскомъ обществѣ Свв. Кирилла и Меѳодія. На Днѣпровскомъ паромѣ, по дорогѣ изъ Борзны въ Кіевъ, поэтъ былъ задержанъ и вмѣстѣ съ Костомаровымъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ самымъ главнымъ поводомъ къ его ссылкѣ было признано сочиненіе на Малороссійскомъ языкѣ поэмы „Сонъ“, что̀ подтверждаютъ и подлинные архивные документы *), въ которыхъ, кстати сказать, не упоминается ни о какой „карикатурѣ на высокопоставленное лицо“.

---

*) Въ дѣлѣ Штаба 23-й пѣхотной дивизіи (№ 372, начато 10-го Іюня и окончено 20 Августа 1847 г.) значится такъ: „Шевченко, бывшій художникъ, за сочиненіе возмутительныхъ стиховъ опредѣленъ (въ № 5 Оренбургскій линейный баталіонъ) съ выслугой“.

Ни у Костомарова, ни у Гаршина не означено, когда Шевченко и Костомаровъ были схвачены въ Кіевѣ и когда отправлены въ столицу. По поводу посланнаго въ III Отдѣленіе какимъ-то Малороссійскимъ помѣщикомъ Петровымъ доноса на участниковъ вышепоказаннаго общества, Гаршинъ, между прочимъ, говоритъ: „Послѣдствія этого доноса обнаружились для Костомарова и его единомышленниковъ только черезъ три мѣсяца. Шевченко же въ *Февралѣ или Мартѣ* 1847 года уѣхалъ въ городъ Борзну, Черниговской губерніи, къ своему пріятелю В. Н. Забѣллѣ и проживалъ тамъ въ самомъ благодушномъ настроеніи, о чемъ можно судить по письму его къ Костомарову отъ *1-го Февраля 1847* года“.

Очевидно, біографъ не думалъ, о чемъ писалъ; ибо, если Шевченко 1-го Февраля послалъ Николаю Ивановичу письмо изъ Борзны, то ясно, что онъ былъ тамъ раньше этого времени, уже во всякомъ случаѣ не позднѣе Января. И поэтому, допуская, что „послѣдствія доноса обнаружились черезъ три мѣсяца“, слѣдуетъ заключить, что Костомаровъ и Шевченко были схвачены въ Кіевѣ и отправлены въ Петербургъ не ранѣе начала Апрѣля.

Почти въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ держали ихъ въ Петропавловской крѣпости и „чинили“ имъ тамъ допросы, но, не добившись ничего болѣе или менѣе положительнаго о существованіи и цѣляхъ Кирилло-Меѳодіевскаго общества, выслали Шевченка въ Оренбургъ, а Костомарова въ Саратовъ.

Всю дорогу до Петербурга и въ Петербургѣ Шевченко былъ въ самомъ благодушномъ настроеніи: шутилъ, смѣялся, пѣлъ. Для него тогда только настала тяжелая дѣйствительность, когда 30-го Мая, подъ конвоемъ двухъ жандармовъ, его отправили въ Оренбургъ.

Везли его туда скоро, такъ что „9-го Іюня въ 11 час. пополудни“ онъ былъ доставленъ къ мѣсту назначенія, откуда его на другой-же день, по распоряженію командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса генерала отъ инфантеріи Обручева [1]), назначили въ № 5 батальонъ, стоявшій въ Орской крѣпости, за 265 верстъ отъ Оренбурга вверхъ по Уралу [2]). 11-го Іюня начальникомъ дивизіи [3]) было сдѣлано распоряженіе объ отправкѣ его къ командиру 1-й бригады, а послѣдній только 14-го числа [4]) отправилъ его этапнымъ порядкомъ, въ командѣ поручика Почетова, въ Орскъ, куда поэтъ прибылъ 22-го Іюня, а 23-го зачисленъ въ списочное состояніе батальона и опредѣленъ въ роту [5]).

---

[1]) Оренбургскій военный губернаторъ и командиръ Оренбургскаго корпуса Владиміръ Аѳанасьевичъ Обручевъ правилъ Оренбургскимъ краемъ съ 1842 г. по 25 Марта 1851 года. (Замѣчаніе это необходимо для нижеслѣдующихъ объясненій).

[2]) Предписаніемъ начальнику 23 дивизіи 10-го Іюня, № 25.

[3]) По надписи того же числа, № 2573 на предписаніи корпуснаго командира.

[4]) Надпись того же числа № 1860.

[5]) Гаршинъ въ своей статьѣ не указываетъ времени отправленія и зачисленія Шевченка въ батальонъ, а только предполагаетъ, что онъ прибылъ въ Орскъ въ концѣ Іюня.

Здѣсь, увѣряетъ покойный Гаршинъ, Шевченко „находился только до 1848 года, а затѣмъ, въ числѣ другихъ нижнихъ чиновъ, былъ командированъ для прикрытія транспорта, слѣдовавшаго, подъ начальствомъ генерала Шрейбера (?), изъ крѣпости Орской (?) къ Раимскому укрѣпленію“.

По смыслу этихъ показаній выходитъ, что транспортъ шелъ изъ Орска, и его сопровождалъ батальонъ № 5, ибо по близости не было другихъ войскъ. Между тѣмъ подлинные архивные документы свидѣтельствуютъ оное.

Обыкновенно транспорты съ провіантомъ и боевыми припасами для продовольствія степныхъ укрѣпленій отправлялись за Уралъ изъ Оренбурга или ближайшихъ крѣпостей преимущественно весною. Въ началѣ 1848 года также сдѣлано было распоряженіе о посылкѣ въ степь транспорта, но на этотъ разъ изъ Илецкой Защиты, крѣпости, расположенной въ 62 верстахъ отъ Оренбурга за р. Ураломъ, въ которой тогда стоялъ *4-й* линейный батальонъ, назначенный для прикрытія этого транспорта. Но какъ батальонъ этотъ имѣлъ составъ мирнаго времени, между тѣмъ въ степь должны были отпускаться батальоны въ полномъ (боевомъ) составѣ по военному времени, то и велѣно было для укомплектованія его вызвать желающихъ нижнихъ чиновъ изъ другихъ батальоновъ сначала добровольно перечислиться въ этотъ батальонъ. Командующій № 5-мъ батальономъ (которому о томъ было предписано), рапортомъ 10-го Марта того же года за № 422, категорически заявилъ, „что изъ нижнихъ чиновъ ввѣреннаго ему батальона никто не изъявилъ согласія на переводъ въ 4-й батальонъ“ [1]). И вотъ тогда послѣдовало новое распоряженіе, по которому штабъ 23-й пѣхотной дивизіи, 1-го Мая, за № 1599, послалъ командиру 1-й бригады предписаніе, „съ препровожденіемъ списка нижнимъ чинамъ, переведеннымъ на пополненіе некомплекта 4-го батальона и отправленнымъ [2]) въ крѣпость Илецкую Защиту *для прикрытія артиллерійскаго орудія* [3]), слѣдующаго при транспортѣ, отправляющемся въ Раимское укрѣпленіе между 15 и 20 Маія, и о сдѣланіи по сему должнаго распоряженія при отправленіи въ степь изъ кр. Илецкой Защиты“ [4]).

По этому предписанію, изъ 5-го батальона назначено было въ батальонъ № 4-й двѣсти нижнихъ чиновъ, и въ числѣ ихъ Шевченко.

8-го Мая предписаніе о нихъ было получено въ Орскѣ; черезъ три дня солдатики выступили въ походъ, 16-го дошли до Оренбурга, и „въ ночь на 20-е число Мая, въ 2 часа“, транспортъ вышелъ изъ Илецкой Защиты

---

[1]) По входящему журналу штаба 23 пѣхотной дивизіи 1848 г. № 1087.

[2]) Вмѣсто „отправляемымъ“, такъ какъ это дѣло было уже рѣшенное.

[3]) А не транспорта, какъ говоритъ Гаршинъ.

[4]) По исходящему журналу 23 пѣхотной дивизіи 1848 г., № 1599.

въ степь, подъ *прикрытіемъ 4-го батальона* и подъ начальствомъ *подполковника Маркова* *).

Такимъ образомъ, уже съ 1-го Мая 1848 года Шевченко сталъ числиться въ 4-мъ батальонѣ, о чемъ до сихъ поръ не было свѣдѣній въ печати, а Гаршинъ все время пребыванія Шевченки въ Оренбургскомъ краѣ до 1850 года считаетъ его попрежнему въ 5-мъ батальонѣ.

II.

Здѣсь мы не будемъ касаться участія Шевченки въ извѣстной Аральской экспедиціи, выступившей въ степь одновременно съ транспортомъ, подъ наблюденіемъ А. И. Бутакова, такъ какъ это достаточно описано Е. Гаршинымъ („Истор. Вѣст." 1886, I) и Н. И. Стороженкою („Кіевск. Старина" 1888, X). Для насъ болѣе важны возвращеніе поэта изъ этой экспедиціи, его жизнь въ Оренбургѣ и его ссылка въ Ново-Петровское укрѣпленіе, о чемъ въ печати встрѣчаются разнорѣчивыя данныя. Покойный Гаршинъ пишетъ: „Согласно просьбѣ Бутакова, генералъ Обручевъ 12 Мая 1849 года разрѣшилъ Вернеру и Шевченку возвратиться временно на линію, т.-е. въ Орскъ (?), и затѣмъ въ Оренбургъ, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи своихъ занятій при Бутаковѣ, они немедленно возвратились въ тоже Раимское укрѣпленіе". И по этому-де разрѣшенію, „Шевченко былъ отправленъ въ Оренбургъ, куда прибылъ въ Ноябрѣ 1849 года". Затѣмъ, 22 Января 1850 г., начальнику 23-й пѣхотной дивизіи было предписано отправить его въ укрѣпленіе Ново-Петровское; но потомъ послѣдовало новое приказаніе „прислать Шевченку въ корпусный штабъ ко 2-му Мая, хотя еще раньше этого срока (?) генералъ Обручевъ приказалъ отмѣнить вышесказанную командировку и зачислить его по прежнему на службу въ линейный батальонъ, расположенный въ Орскѣ".

Становится страннымъ, зачѣмъ было сдѣлано подобное распоряженіе и когда? Между тѣмъ въ дѣлѣ штаба 23-й пѣхотной дивизіи за тотъ же 1849 годъ (по описи № 779) мы находимъ слѣдующія показанія.

Прежде всего, даже по заголовку дѣла этого, видно, что рядовой *4-го* батальона Шевченко, вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ Ѳомой Вернеромъ, возвратился изъ экспедиціи *прямо* въ Оренбургъ (а не въ Орскъ) 12-го Ноября 1849 года и былъ прикомандированъ къ № 2 линейному батальону, такъ что уже по этому одному не могло быть рѣчи объ обратномъ отправленіи его въ Раимское укрѣпленіе. Распоряженіе же корпуснаго командира отъ 22 Января 1850 г., за № 292, было сдѣлано для того, чтобы „препроводить нижнихъ чиновъ Ѳому Вернера и Тараса Шевченку въ Гурьевъ городокъ, ко времени открытія по Каспійскому морю навигаціи, для отправ-

*) Тамъ же, №№ 1844—1856 и 1914. А не генерала Шрейбера, какъ утверждаетъ Гаршинъ.

ленія ихъ въ Ново-Петровское укрѣпленіе"... [1]), „для (из)слѣдованія каменнаго угля" [2]).

Предписаніе это изъ штаба дивизіи, „для надлежащаго исполненія", 31 Января, за № 454, „при надписи", вмѣстѣ съ ссыльными, было препровождено командиру 1-й бригады, коимъ и было таковое *„исполнено 8 Февраля"* [3]), т.-е. въ этотъ день Шевченко и Вернеръ *высланы изъ Оренбурга* и отправлены въ Гурьевъ городокъ. Но тѣмъ не менѣе, ни Вернеръ, ни Шевченко почему-то не могли уѣхать въ Ново-Петровское „съ открытіемъ навигаціи". Въ началѣ Мая они были возвращены въ Оренбургъ, а 12-го числа этого мѣсяца Тарасъ Григорьевичъ былъ препровожденъ къ командиру бригады, „для отправленія его въ крѣпость Орскую, въ № 5 батальонъ" [4]), и лишь въ Октябрѣ того же года поэтъ былъ высланъ изъ Орска на Мангышлакъ и зачисленъ (17-го Октября) *во 2-й полубатальонъ* № 1-го Оренбургскаго линейнаго батальона, квартировавшій въ укрѣпленіи Ново-Петровскомъ [5]), въ которомъ Шевченко пробылъ по день освобожденія своего изъ военной службы 1 Августа 1857 года [6]).

Очевидно, многимъ біографамъ поэта не была извѣстна цѣль посылки Шевченки въ Ново-Петровское, и поэтому они подыскиваютъ для того уважительную причину, основывая ее, какъ ни странно, то на романической подкладкѣ, то на дѣяніяхъ уголовнаго свойства. Такъ, напримѣръ, извѣстный составитель книги „Жизнь и произведенія Тараса Шевченка" (Кіевъ, 1882), г. Чалый объясняетъ причину ссылки поэта ненавистью къ нему нѣкоего прапорщика И—ва, который за то, что Шевченко помѣшалъ ему въ какой-то любовной интригѣ, сдѣлалъ на него доносъ, что онъ „снимаетъ портреты съ высокопоставленныхъ лицъ", вслѣдствіе чего Обручевъ и распорядился убрать его изъ Оренбурга.

Другой біографъ поэта еще сильнѣе развиваетъ эту мысль. Не имѣя подъ руками архивныхъ документовъ, онъ прежде всего неправильно указываетъ, что Шевченко (до отсылки на Мангышлакъ) прожилъ въ Оренбургѣ „съ Ноября 1849 года по Апрѣль 1850 года", а затѣмъ, со словъ чиновника Оренбургской пограничной комиссіи, Н. П. Лазаревскаго, добавляетъ слѣдующій курьезный анекдотъ *).

„У одного пріятеля Шевченки была хорошенькая жена, за которой ухаживалъ прапорщикъ (неизвѣстно какого) Оренбургскаго линейнаго ба-

---

[1]) По входящ. журн. штаба 23 пѣх. дивизіи за 1850 г., № 263.
[2]) Дѣло штаба 23 дивизіи № 779, нач. 12 Ноября 1849 г. и окончено 6 Мая 1850 г.
[3]) По вход. жур. № 762.
[4]) По исход. жур. № 1948.
[5]) Первый полубатальонъ стоялъ въ г. Уральскѣ.
[6]) „Русская Старина" 1891, V, 444.
*) См. „Кіевск. Старину" за 1888 г., кн. X, стр. 12—18.

тальона И—ъ. Весь городъ зналъ объ этой связи, не догадывался только мужъ. Это возмущало Шевченку, и онъ рѣшилъ открыть глаза мужу. Живя неподалеку, онъ сталъ слѣдить за влюбленными. Увидѣвши однажды, что И—ъ, пользуясь отсутствіемъ мужа, прокрался къ его женѣ, Шевченко съѣздилъ на *извощикѣ* (?) за нимъ и привелъ его къ дверямъ комнаты, гдѣ происходило свиданіе. Произошла семейная сцена. Шевченко и мужъ вытолкали Донъ-Жуана, а на другой день Обручевъ получилъ доносъ, что Шевченко ходитъ по городу въ партикулярномъ платьѣ и, вопреки высочайшему повелѣнію, пишетъ стихи и занимается рисованіемъ“. И вотъ по этому-де доносу Обручевъ немедленно выслалъ его въ Ново-Петровское, хотя сомнительность подобнаго вывода сейчасъ же будетъ очевидной, если припомнить дальнѣйшія сказанія того же біографа, что „ни для кого не было тайной, что Шевченко потихоньку (отъ кого?) писалъ портретъ съ жены Обручева“, помимо извѣстныхъ уже начальнику края художественныхъ и чертежныхъ работъ въ Аральской экспедиціи. Кромѣ того, позволительно будетъ добавить, что въ Оренбургѣ въ то время какихъ-либо *извощиковъ* не существовало, такъ что Шевченко никоимъ образомъ не могъ ѣздить за злосчастнымъ мужемъ, чтобы привести его „къ дверямъ комнаты, гдѣ было свиданіе его жены“.

Разсказываютъ еще, будто Шевченко высланъ изъ Оренбурга за то, что написалъ каррикатуру на Обручева. Наконецъ, послѣдній „біографъ“ поэта г. Матовъ, въ 313 № „Камско-Волжскаго Края“, пишетъ, что „въ Ново-Петровское укрѣпленіе поэтъ былъ сосланъ въ 1850 г. по настоянію графа В. А. Перовскаго (тогда Оренбургскаго генералъ-губернатора), сердившагося на поэта за каррикатуру, которую тотъ нарисовалъ на него“, хотя (нельзя не замѣтить при этомъ) Перовскій не только не носилъ въ это время званіе генералъ-губернатора, но его и не было даже въ Оренбургѣ; ибо *до Апрѣля 1851 года* управлялъ краемъ Обручевъ, и поэтому Шевченко, не видѣвши никогда Перовскаго, ни коимъ образомъ не могъ написать на него каррикатуру въ показанное г. Матовымъ время. Вообще, вопросъ о ссылкѣ Шевченка въ Ново-Петровское сводится къ обвиненію его въ рисованіи, чего, конечно, не могло быть, разъ это разрѣшено было ему самимъ начальникомъ края. Скорѣе всего можно выставить тому причиной разсказанную г. Староженкою интригу, хотя повѣсть объ этомъ варіируется нѣсколько иначе.

Безусловно рѣчь идетъ о скончавшейся три года назадъ тому въ Оренбургѣ г-жѣ Г—нъ, мужъ которой былъ адъютантомъ у Обручева. У этого Г—а Шевченко жилъ на квартирѣ *), и поэтому ему не было на-

*) Это подтверждаетъ и самъ Шевченко въ письмѣ къ Бодянскому („Истор. Вѣст“. 1886, кн. I). Домъ этотъ находился въ Старой Слободкѣ, на Косюшечной улицѣ, противъ нынѣшняго зданія Неплюевскаго кадетскаго корпуса, но въ пожаръ 1879 года сгорѣлъ

добности *слѣдить* за его женою, когда онъ, будучи принятъ какъ семьянинъ, свободно могъ видѣть отношенія жены Г—нъ къ другому адъютанту Обручева II. Увидѣвъ разъ одну изъ наиболѣе характерныхъ картинъ, онъ, Богъ знаетъ для чего, воспроизвелъ ее на бумагѣ и положилъ рисунокъ въ свой столъ, а потомъ забылъ о немъ. Самъ Г—нъ, *обязанный подпиской каждонедѣльно осматривать у Шевченки бумаги,* какъ-то заглянулъ въ его столъ и, къ ужасу своему, нашелъ тамъ разрисованною свою жену. Произошла семейная сцена, и на другой день Г—нъ отказалъ отъ дома своему товарищу по службѣ. Сдѣлалъ-ли обиженный на Шевченку доносъ начальнику края или нѣтъ, трудно сказать. Тѣмъ не менѣе, рисунокъ Шевченки какимъ-то образомъ попалъ къ Обручеву. Военный губернаторъ страшно разсердился и потребовалъ художника къ себѣ. Шевченко же, прослышавъ о результатахъ своей невинной продѣлки, бѣжалъ изъ квартиры и бродяжничалъ по городу, такъ что его едва могли найти

— Это ты намалевалъ, к....ья?—показывая рисунокъ, встрѣтилъ его Обручевъ, когда онъ, наконецъ, былъ розысканъ и представленъ къ нему.

Тарасъ Григорьевичъ отвѣчалъ:—Я, ваше высокопревосходительство.

— Ахъ ты такой-сякой! Такъ-то платишь за хозяйскую хлѣбъ-соль?! и пошелъ, и пошелъ. Заморю въ солдатахъ!..

Послѣднія слова были скзаны вслѣдствіе того, что незадолго передъ тѣмъ Бутаковъ ходатайствовалъ у Обручева о производствѣ Шевченки въ унтеръ-офицеры за труды по Аральской экспедиціи, и военный губернаторъ обѣщалъ сдѣлать это. Но какъ только произошелъ вышепоказанный казусъ, Обручевъ не исполнилъ обѣщанія, а наказалъ еще Шевченку арестомъ „на хлѣбѣ и водѣ“ и заперъ въ казармы, лишивъ его тѣмъ послѣдней отрады „отвести душу съ друзьями“, которыхъ у него въ Оренбургѣ уже набралось порядочно. Поэтому очень сомнительно, чтобы Шевченко могъ быть сосланъ въ Ново-Петровское за эту именно продѣлку. Если бы это было такъ, то въ бумагѣ объ его отсылкѣ *) не было бы надобности упоминать, что онъ отправляется туда „для изслѣдованія каменнаго угля“.

Въ противоположность разсказамъ нѣкоторыхъ біографовъ, а особенно г. Матова, утверждающихъ, что Шевченко держалъ себя въ Оренбургѣ неприлично и сильно пьянствовалъ, люди, дѣйствительно знавшіе его, наоборотъ, разсказываютъ, что, живя въ этомъ городѣ, онъ велъ себя тихо, скромно. Придетъ, бывало, къ кому-нибудь въ гости, сядетъ гдѣ-нибудь въ уголокъ и молчитъ до тѣхъ поръ, пока не подадутъ „горилки“. Выпьетъ двѣ-три рюмки, сейчасъ развяжется у него язычекъ, и польется несмолкае-

---

*) См. выше предписаніе корпуснаго командира отъ 22 Января 1850 г., за № 292.

мая рѣчь. Вспомнитъ онъ тутъ свою „рідну Украину", „заспиваетъ пісню рідную", а слезы бѣгутъ по впалымъ щекамъ.

Недавно умершая въ Оренбургѣ старушка Кутина такъ разсказывала о немъ. Ходилъ онъ по городу всегда въ солдатской шинели и только подъ низомъ ея надѣвалъ синія широкія шаровары и бѣлую, вышитую на груди и по рукавамъ, Хохлацкую рубаху. Былъ у него одинъ пріятель, офицеръ-Хохолъ, который квартировалъ у Кутиной. Шевченко чуть не каждый день навѣщалъ его. Вдвоемъ они коротали длинные зимніе вечера за чайкомъ и водочкой.

„Придетъ, бывало, онъ къ намъ, говорила старушка, сейчасъ шинель долой, повѣситъ ее въ передней на гвоздикъ, расправитъ свои длинные черные усы, и первый его вопросъ въ шутливомъ тонѣ:

„Ой, чи живы, чи здоровы
Вси родичи Гарбузовы?"

Когда пріятеля нѣтъ дома, онъ, въ ожиданіи его, ходитъ изъ угла въ уголъ по всѣмъ комнатамъ. Потомъ придетъ на мою половину, а я тѣмъ временемъ водочки приготовлю и закусочку смастерю.

— А що, хозяюшка, кисленька капустька е? всегда спрашивалъ онъ.

— Есть, батюшка, есть.

— Оце добре!

До смерти онъ любилъ эту кислую шинкованную капусту. Никакихъ другихъ угощеній ему не надо.

Придетъ хозяинъ, сядутъ они за столъ, и пойдутъ у нихъ разговоры, иногда далеко за полночь; но всегда тихо, скромно, безъ шума".

Вообще, должно сказать по справедливости, Шевченкѣ жилось въ Оренбургѣ несравненно лучше, чѣмъ, напримѣръ, въ Орскѣ или въ Ново-Петровскомъ. Начальство любило его, и многіе жалѣли поэта. Достаточно уже припомнить, что въ Оренбургѣ онъ жилъ на квартирѣ, тогда какъ въ Орскѣ и на Мангышлакѣ его держали въ казармахъ. Однако, это нисколько не помѣшало г. Матову утверждать, что „въ Оренбургѣ Шевченкѣ жилось не особенно хорошо" и, со словъ какого-то Оренбургскаго старожила, будто бы „близкаго знакомаго" (?) Шевченки, Н. С. Ц.[1]), приводитъ такой путанный анекдотъ о его тамъ пребываніи [2]).

---

[1]) Должно быть г. Ціолковскаго, того самаго Оренбургскаго старожила, который въ теченіе 1896 года наполнялъ страницы „Тургайской Газеты" вымышленными сказаніями о Перовскомъ, Жемчужниковѣ, Трубецкомъ, Плещеевѣ и др., и которыя уже опровергнуты нами въ №№ 2; 3, 5 и 9 газеты „Оренбургскій Листокъ" за 1896 г., и въ статьѣ „А. Н. Плещеевъ въ ссылкѣ" („Истор. Вѣстн." 1897, V).

[2]) Въ „Волжско-Камскомъ Краѣ" 1897, № 313.

„Графъ В. А. Перовскій къ конфискованнымъ относился весьма снисходительно. Но къ Шевченко графъ относился иначе. Всѣ просьбы близко стоявшихъ къ нему, всѣ ходатайства изъ Петербурга друзей Т. Гр—ча о переводѣ его изъ степнаго укрѣпленія (неизвѣстно какого?) въ Оренбургъ оставались тщетными. Въ другой разъ (?) Шевченко былъ въ Оренбургѣ при Обручевѣ. Т. Гр. велъ жизнь замкнутую (?). Обручевъ относился къ „конфирмованнымъ“ вообще, а къ политическимъ въ особенности, строго; то въ Т. Гр—чѣ приняли участіе немногіе (?), да и самъ онъ, подъ впечатлѣніемъ своей участи, сторонился отъ людей и заглушалъ свое горе виномъ (?). Изрѣдка получалъ онъ письма отъ своихъ друзей. Однажды, живя у насъ (т.-е. Ціолковскихъ) въ домѣ, онъ получилъ письмо изъ Кіева, отъ графини ***. Прочтя его, Т. Гр. горько зарыдалъ... Вскорѣ онъ взялъ листъ бумаги, карандашъ, нарисовалъ штофъ водки (?) и написалъ: „Посылаю вамъ, графиня, мою карточку; вотъ чѣмъ я сталъ!“ (sic)...

Увы, здѣсь нѣтъ и тѣни истины. Очевидно, какъ г. Матовъ, такъ и г. Ціолковскій совершенно незнакомы съ Русской литературой и съ прежними Русскими литературными дѣятелями. Между тѣмъ всякому извѣстно, что въ половинѣ текущаго столѣтія въ литературныхъ сферахъ фигурировала одна графиня Ростопчина, но она не вела переписки съ Шевченкой и въ Кіевѣ никогда не жила, переписывалась же съ нимъ *княжна В. Н. Репнина*, которой дѣйствительно, по возвращеніи изъ Аральской экспедиціи, 14-го Ноября 1849 года, Шевченко послалъ письмо, но безъ всякаго рисунка, какъ видно изъ статьи Гаршина въ „Историческомъ Вѣстникѣ“.

Затѣмъ, по даннымъ г. Матова выходитъ, что Шевченко жилъ въ Оренбургѣ *два* раза, при чемъ первый разъ при Перовскомъ. Припомнимъ же здѣсь, что Тарасъ Григорьевичъ былъ присланъ въ Оренбургъ въ 1847 г., въ 1850 г. сосланъ въ Ново-Петровское и 1-го Августа 1857 г. освобожденъ изъ ссылки и, не заѣзжая въ Оренбургъ, проѣхалъ въ Петербургъ прямо на Астрахань и Нижній-Новгородъ, куда прибылъ 20 Сентября того же года и прожилъ тамъ до Пасхи 1858 года [1]). Между тѣмъ Перовскій командовалъ Оренбургскимъ краемъ: первый разъ въ званіи военнаго губернатора съ 1833 по 1842 годъ, а вторично—*съ 29 Мая 1851 по 7 Апрѣля 1857 года.* Какимъ же образомъ Шевченко могъ жить при немъ въ Оренбургѣ и какъ Перовскій, ни разу не видѣвшій Т. Гр—ча, могъ ему не доброжелательствовать?.. Графъ Василій Алексѣевичъ не бы-

---

[1]) Въ Нижнемъ Шевченко останавливался у начальника отдѣленія Нижегородской Казенной Палаты К. А. Шрейдерса. Здѣсь онъ оставилъ нѣсколько рисунковъ и портретовъ. Одинъ изъ послѣднихъ, нарисованный Шевченкой тушью и карандашемъ съ какого-то Нижегородскаго пріятеля Кадницкаго, до сей поры хранится въ архивѣ Нижегородской Ученой Комиссіи. Я нѣсколько разъ просилъ у комиссіи снять для себя фотографическій снимокъ съ портрета этого, но не могъ добиться желаемаго.

валъ даже никогда въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи, гдѣ жилъ въ его второе командованіе Шевченко.

Наоборотъ, со словъ И. С. Тургенева, Е. М. Гаршинъ передаетъ („Ист. В.", 1886, I, 178), что Перовскій относился къ Шевченкѣ даже очень доброжелательно. Когда одинъ изъ очень ужъ исполнительныхъ генераловъ, узнавъ, что Шевченко, не смотря на запрещеніе, написалъ два-три эскиза [2]), почелъ за долгъ донести о томъ Перовскому въ одинъ изъ его пріемныхъ дней, тотъ грозно взглянулъ на усерднаго доносителя и значительнымъ тономъ промолвилъ: „Генералъ, я на это ухо тугъ; потрудитесь повторить мнѣ съ другой стороны то, чтѝ вы сказали". Генералъ понялъ намекъ и, перейдя къ другому уху Перовскаго, сказалъ что-то, вовсе не касавшееся Шевченки".

Къ сожалѣнію, этотъ біографъ поэта, не зная ни характера графа Перовскаго, ни пріемовъ служебныхъ отправленій въ то время въ Оренбургѣ, далѣе опровергаетъ этотъ вполнѣ правдоподобный разсказъ и, уже ни на чемъ ни основываясь, говоритъ, что „вскорѣ послѣ назначенія Перовскаго Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, на его письменный столъ положили однажды одинъ изъ наиболѣе удачныхъ рисунковъ Шевченки, въ надеждѣ, что Перовскій обратитъ на него вниманіе, и такимъ образомъ явится возможность ходатайствовать за поэта. Но Перовскій, будто бы, сразу догадался, чей это рисунокъ, бросилъ его на полъ и сказалъ, чтобы ему не смѣли напоминать объ *этомъ негодяѣ*" (?).

Затѣмъ еще ниже (на стр. 179) Гаршинъ добавляетъ, со словъ покойнаго Лѣскова, ужъ явную несообразность, что „Перовскій (необходимо добавить, никогда не видавшій поэта) какъ-то разъ ударилъ даже Шевшенку по лицу (!?)...

Такъ у насъ авторитетно и вѣрно пишется исторія!

III.

Живя около года въ Орскѣ, г. Матовъ разобралъ (по его словамъ) весь архивъ Орскаго уѣзднаго воинскаго начальника; но, какъ и слѣдовало ожидать, ничего не нашелъ тамъ; ибо, извѣстно уже, что всѣ дѣла о Шевченкѣ сосредоточивались въ штабахъ 23-й пѣхотной дивизіи и корпусномъ, о чемъ г. Матовъ, конечно, не зналъ. Тѣмъ не менѣе онъ все-таки увѣряетъ, что „въ Орскомъ архивѣ были интересныя дѣла о поэтѣ, но въ бывшій въ 1888 году пожаръ всѣ сгорѣли". Потомъ ниже онъ говоритъ, что дѣла эти какимъ-то студентомъ Доценко опубликованы въ „Кіевской Ста-

[2]) Живя въ Ново-Петровскомъ, конечно.

ринѣ", но когда? годъ, мѣсяцъ? о томъ новый біографъ спокойно умалчиваетъ. Между тѣмъ еще ниже, вдругъ, пишетъ: „Масса дѣлъ (о Шевченкѣ — всѣ) выкрадены, не смотря на надпись „ко всегдащнему храненію" (?); листы оборваны и бумаги разрознены (это не забудьте, у тѣхъ дѣлъ, которыя *выкрадены*). „Доценко говоритъ, что въ архивѣ сохранился присяжный листъ (?), подписанный Шевченкой, но его не оказалось"... „Кто похитилъ эти драгоцѣнныя дѣла, далѣе патетически восклицаетъ г. Матовъ, одинъ Богъ то вѣдаетъ. Правда, носятся среди обывателей кой-какіе слухи, но трудно придать имъ вѣроятіе, такъ какъ похитителемъ называютъ одну интеллигентную личность, успѣвшую, будто бы, документы эти выгодно эксплуатировать" (sic).

Такъ начинаетъ свое повѣствованіе о Шевченкѣ новый біографъ, не потрудившійся прочитать что либо ранѣе напечатаннаго о поэтѣ и совершенно незнакомый съ порядками письменныхъ дѣлъ военныхъ управленій.

Это обстоятельство побуждаетъ насъ прежде всего замѣтить ему, что дѣла о политическихъ ссыльныхъ въ архивахъ военнаго вѣдомства сохраняются въ теченіе 30 лѣтъ, а потомъ уничтожаются. Затѣмъ никому не представлялось никакой выгоды эксплуатировать дѣла о Шевченкѣ именно Орскаго архива, когда гораздо интереснѣе дѣла о немъ, хранившіяся въ Оренбургскихъ корпусномъ и центральномъ архивахъ, частію уже опубликованы болѣе десяти лѣтъ тому назадъ. Тѣ же выдержки изъ входящихъ и исходящихъ бумагъ, которыя приведены г. Матовымъ въ № 307 „Камско-Волжскаго Края" за 1897 годъ, совершенно ничего новаго къ прежнимъ даннымъ не прибавляютъ. Что касается присяжнаго листа, то во-первыхъ, весьма сомнительно, чтобы политическій ссыльный приводился къ присягѣ; а во-вторыхъ, если бы таковой листъ существовалъ, то, согласно воинскихъ законоположеній, его обязательно должны были переслать къ корпусному командиру для представленія шефу жандармовъ.

Однако, не соображаясь ни съ историческими фактами, ни съ логикой и не принимая во вниманіе существовавшихъ ранѣе порядковъ, г. Матовъ отыскалъ въ Орскѣ какую-то 70-лѣтнюю старуху Лаврентьеву, мужъ которой будто бы служилъ въ одномъ батальонѣ съ Шевченкой, и не смотря на то, что старуха эта ничего не помнитъ: „все у нея (по словамъ автора) какъ-то перепутались", смѣло довѣряетъ ей и далѣе приводитъ слѣдующій ея явно невѣрный разсказъ:

„Прибылъ онъ (т. е. Шевченко) сюда (въ Орскъ) лѣтомъ изъ Оренбурга по этапу, а когда доподлинно не могу сказать, до холеры (1846 г.) или послѣ... Въ ту пору у насъ былъ одинъ только конфирмованный Ханыковъ" (?)...

Прежде всего, холера въ Оренбургской губерніи была не въ 1846-мъ, а въ 1848 году. Затѣмъ Шевченко сосланъ въ Орскъ въ 1847 году, а въ 1848 г. оттуда уѣхалъ. Между тѣмъ, какъ видно по дѣлу 23 пѣхотной дивизіи № 338, Ханыковъ присланъ въ Оренбургскій край, по дѣлу Буташевича-Петрашевскаго, вмѣстѣ съ поэтомъ А. Н. Плещеевымъ и Головинскимъ, только въ *Январѣ 1850 года*. Какимъ же образомъ онъ могъ жить съ Шевченкой одновременно въ Орскѣ и при этомъ еще принимать участіе въ бесѣдахъ поэта съ мужемъ Лаврентьевой, какъ ниже увѣряетъ г. Матовъ? Въ данномъ случаѣ вымыселъ старухи явный, и надо только удивляться, зачѣмъ его понадобилось заносить въ печать?

Впрочемъ, не лучше и другія данныя самого автора. Такъ, напримѣръ, приведя вполнѣ выдержку изъ входящаго журнала, что Шевченко въ числѣ 200 человѣкъ былъ командированъ весной 1848 года въ № 4 батальонъ [1]), онъ ниже (въ № 313) говоритъ, что въ степь ходилъ 5-й батальонъ, поясняя при этомъ, что походъ этотъ предпринятъ былъ для возведенія Раимскаго укрѣпленія, тогда какъ укрѣпленіе это уже въ 1847 году существовало. (См. „Русскую Старину" 1896, VI, стр. 536).

Потомъ, по тѣмъ же выдержкамъ изъ исходящихъ и входящихъ журналовъ, приведеннымъ авторомъ въ № 307 „К. В. Края", ясно можно видѣть, что, не смотря на неоднократныя просьбы Шевченки, ему не разрѣшено было заниматься въ Орскѣ рисованіемъ. Между тѣмъ, по словамъ Лаврентьевой, выходитъ такъ: „Шевченко жилъ тамъ въ казармахъ, отправляя службу, *какъ настоящій фронтовикъ* [2]). За крѣпостной валъ было строжайше воспрещено отлучаться... Но скоро усиленный надзоръ ослабѣлъ. Около этого времени поэтъ получилъ возможность и *рисовать* и ходить на охоту (sic)... хотя трудно повѣрить, чтобы батальонное начальство могло позволить Шевченкѣ выходить изъ крѣпостныхъ стѣнъ съ ружьемъ бить утокъ и гусей, тѣмъ болѣе еще, что воображаемое г. Матовымъ разрѣшеніе на охоту пришлось къ концу пребыванія поэта въ Орскѣ, т. е. какъ разъ въ зимніе мѣсяцы, когда въ Киргизской степи нѣтъ ни утокъ, ни журавлей, ни дрофъ.

Заканчивая серію измышленныхъ данныхъ о жизни Шевченки въ Орской крѣпости, авторъ, между прочимъ, говоритъ (въ № 313), что поэтъ „можетъ быть выпивалъ тамъ, но объ этомъ не было слышно"; за то въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи (необходимо добавить, подъ строгимъ надзоромъ въ казармахъ), художникъ, по увѣренію г. Матова, „выпивалъ шибко" (см. № 318 „К. В. Края"), иначе сказать пьянствовалъ.

---

[1]) Для сопровожденія артиллерійскаго орудія, какъ нами указано выше.

[2]) Прошу читателей обратить вниманіе на это выраженіе, ибо ниже оно совершенно опровергается.

Не касаясь далѣе разглагольствованій автора о пребываніи поэта въ Оренбургѣ, нельзя пройти молчаніемъ его разсказы о жизни и службѣ Шевченки на Мангышлакѣ.

Сначала г. Матовъ зачѣмъ-то объявляетъ, что „Ново-Петровское укрѣпленіе, или *портъ* (?) Александровскій, основанъ въ 1848—1849 гг. генераломъ Обручевымъ. Матеріальной частью завѣдывалъ въ то время *случайный* (sic) адъютантъ Обручева, поручикъ Влад. Петр. Воронцовъ, впослѣдствіи ротный командиръ Шевченки. Но увы, здѣсь въ нѣсколькихъ строкахъ пять грубыхъ ошибокъ. На самомъ дѣлѣ Ново-Петровское, или *фортъ* (а не портъ) Александровскій, начатъ постройкой въ 1834 году при Перовскомъ [1]) и оконченъ въ 1846 г. при Обручевѣ [2]). Строителемъ его былъ ст. сов. Карелинъ. Ротный-же командиръ Шевченки въ Ново-Петровскомъ былъ капитанъ Коржовъ [3]).

Какъ говоритъ авторъ, первое время поэта притѣсняли тамъ, а потомъ офицеры его полюбили. Шевченко даже спалъ на одной койкѣ съ своимъ ротнымъ командиромъ (?). На всякой пирушкѣ „имъ восхищались, ему льстили, носили на рукахъ, заучивая его стихи". А на службѣ, во фронтѣ надъ нимъ глумились и потѣшались. „Какъ фронтовикъ, Т. Гр. представлялъ собою любопытный экземпляръ... Онъ шелъ, переваливаясь, какъ утка, закинувъ ружье за плечо и держа его почти въ горизонтальномъ положеніи"... и т. д. все въ этомъ родѣ (№ 318 „К. В. Кр." Но какъ это не вяжется съ данными о службѣ Шевченки въ Орской крѣпости (№ 307), гдѣ г. Матовъ рекомендуетъ его „*настоящимъ фронтовикомъ*" (см. выше). Странно! Какимъ же образомъ поэтъ могъ такъ скоро разучиться маршировкѣ, чтобы во фронтѣ представлять „любопытный экземпляръ". Намъ кажется наоборотъ, чѣмъ дальше и больше обучался онъ строю, тѣмъ лучше долженъ былъ знать его.

Очевидно, г. Матовъ не думалъ, о чемъ писалъ. Тѣмъ не менѣе онъ выкопалъ гдѣ-то карандашный набросокъ, сдѣланный съ Шевченки во время маршировки его въ Ново-Петровскомъ, и намѣревается помѣстить его въ одномъ изъ нашихъ иллюстрированныхъ изданій. Вотъ будетъ курьезъ-то, когда этотъ набросокъ окажется совершенно неимѣющимъ никакого сходства съ тѣми портретами, что мы видѣли въ „Кобзарѣ", въ „Русской" и „Кіевской Старинѣ" и т. д.?!

Не затрогивая другихъ сказаній о жизни поэта въ этомъ укрѣпленіи, не имѣющихъ для его біографіи существеннаго значенія, хотя также перепутанныхъ настолько, что трудно отличить, гдѣ правда и гдѣ вымыселъ,

---

[1]) „Русская Старина" 1894, VII, 137. При первомъ основаніи оно называлось Ново-Александровскимъ укрѣпленіемъ.

[2]) Тамъ же, 1896, V, 413.

[3]) Тамъ же, 1891, V, 432—435.

нельзя не обратить вниманіе на слѣдующій анекдотъ, записанный г. Матовымъ со словъ жены поручика Воронцова (№ 318 „К. В. Кр.“).

„Извѣстно, что казачьи сотни часто переводятся съ мѣста на мѣсто. И вотъ одна изъ нихъ, стоявшая ранѣе въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи, попала въ Малороссію. Одинъ изъ хорунжихъ этой сотни, будучи въ гостяхъ у какого-то помѣщика, обратилъ вниманіе на портретъ Шевченки, повѣшенный на почетномъ мѣстѣ“. Разговорившись, хорунжій повѣдалъ помѣщику, гдѣ находится Т. Гр., а до того якобы времени никто изъ его друзей не зналъ, что онъ живетъ въ Ново-Петровскомъ; всѣ думали, что онъ по прежнему „сидитъ въ казематахъ (?) Орской крѣпости“. И вотъ полетѣли тогда изъ Малороссіи къ Шевченкѣ письма посылки и, что всего страннѣе, *„шпики изъ свиного сала, куски, величиною въ кубическую четверть“*.

Къ сожалѣнію, разсказъ этотъ положительно походитъ на сказку. Въ немъ вѣрно лишь одно, что ни г. Матовъ, ни тотъ, кто разсказывалъ ему объ этомъ, никогда не видѣли „хохлацкаго свиного сала“. Ну, мыслимая ли вещь за пять тысячъ верстъ, изъ Малороссіи на Мангышлакъ, да еще при невозможныхъ въ то время путяхъ сообщенія, переслать такую посылку? Что же бы изъ нея получилось? Одна кожа, но никакъ не „кусокъ толщиною въ четверть“. Потомъ, друзья Шевченки отлично знали, гдѣ онъ находится, что̀ подтверждаютъ ихъ записки и его письма, не разъ печатавшіеся въ „Основѣ“; „Русской Старинѣ“, „Историч. Вѣстникѣ“, „Русскомъ Архивѣ“, „Кіевской Старинѣ“ и друг. изданіяхъ. Наконецъ, по статьѣ нашей „Адаевскій бунтъ на полуостровѣ Мангышлакѣ“ („Русск. Стар.“ 1894, VI) видно, что въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи стояли три сотни *Уральскихъ* казаковъ, тогда какъ въ Малороссію ходили казаки *Оренбургскіе*, и ихъ полкъ № 9 имѣлъ штабъ-квартиру въ мѣстечкѣ Бѣлая Церковь, имѣніи графовъ Браницкихъ. Поэтому какъ же не бывавшій никогда на Мангышлакѣ Оренбуржецъ могъ видѣть тамъ Шевченку, чтобы разсказывать о немъ его друзьямъ въ Малороссіи?

П. Юдинъ.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ДНИ СВОИ.

Изъ Записокъ графини В. Н. Головиной.

Она жаловалась на ноги. Однажды въ воскресенье между обѣдней и обѣдомъ она взяла меня за руку и подвела къ окошку по направленію въ садъ. «Хочу, сказала она, построить здѣсь арку, которую я соединю съ салонами колонады и на которой построю домовую церковь: это дастъ мнѣ возможность избѣжать продолжительнаго пути, который я вынуждена совершать, чтобъ идти къ обѣднѣ *). Когда я прихожу на мѣсто, я не въ силахъ уже держаться на ногахъ. Еслибъ я умерла, вѣдь вамъ было бы жаль? Я въ этомъ увѣрена»...

Слова, произнесенныя императрицей, произвели на меня непостижимое впечатлѣніе. У меня по лицу потекли слезы. Ея Величество продолжала:

«Вы меня любите, я это знаю; я тоже васъ люблю... придите въ себя»...

Великій князь Александръ давалъ балъ... Всѣ были въ траурѣ по королевѣ Португальской. Императрица прибыла на этотъ праздникъ; она также была въ черномъ, чего я прежде никогда не видѣла. Ея Величество сѣла около меня. Я нашла ее блѣдною и утомленною. Сердцемое исполнилось необычайною тревогой.

Не находите ли вы», сказала она мнѣ, «что этотъ балъ не похожъ на праздникъ, а скорѣе на Нѣмецкія похороны? Черныя пятна и бѣлыя перчатки производятъ на меня это впечатлѣніе». Бальная зала въ два свѣта находилась по направленію къ набережной, передъ которой мы и были. Мѣсяцъ уже поднялся. Императрица это замѣтила и сказала: «Луна очень хороша сегодня, ее слѣдовало бы разсмотрѣть въ телескопъ Гершеля».

---

*) Говорится про дворецъ Царскосельскій. П. Б.

Объявленъ былъ ужинъ. Ея Величество никогда не ужинала и гуляла по комнатамъ; она подошла опять и помѣстилась за нашими стульями. Я была рядомъ съ г-жей Толстой, которая кончила кушать и передала тарелку свою, не поворачивая головы. Она очень удивилась, когда увидала, что тарелку приняла красивѣйшая рука въ мірѣ, съ чуднымъ солитеромъ на пальцѣ. Она вскрикнула, слоро узнавъ императрицу, которая сказала ей: «Развѣ вы меня боитесь?» (Vous avez donc peur de moi).

«Я смущена, Ваше Величество», отвѣчала г-жа Толстая, «что дала Вашему Величеству взять мою тарелку».—«Я пришла вамъ помочь», отвѣчала императрица. Она потомъ шутила съ нами надъ пудрой, которая сыпалась съ нашихъ шиньоновъ на плечи, и разсказала, какъ графъ Матюшкинъ, личность очень нелѣпая (ridicule), по возвращеніи своемъ изъ Парижа, заставлялъ себѣ пудрить спину... Потомъ императрнца добавила: «Я очень устала». Она удалилась, положивъ мнѣ передъ тѣмъ на плечо руку, которую я поцѣловала въ послѣдній разъ съ чувствомъ безпокойства и грусти, которыхъ я не въ силахъ была превозмочь. Я слѣдила за нею глазами до самой двери, и когда я перестала ее видѣть, сердце мое забилось, словно оно отдѣлялось отъ моего тѣла... Спустя немного дней (я сидѣла въ 10 часовъ за завтракомъ у моей матери) входитъ придворный лакей, находившійся на службѣ у моего дяди (Ивана Ивановича Шувалова), и спрашиваетъ у матери моей позволенія его разбудить. «Императрица сражена апоплексическимъ ударомъ», сказалъ онъ, «уже болѣе часу тому назадъ». Я почувствовала повсемѣстную дрожь, не позволявшую мнѣ сдѣлать шага. Когда я взошла къ своему мужу, я была вынуждена пересилить себя, чтобы произнести страшныя слова: «Императрица умираетъ»...

Эти, къ сожалѣнію, немногія строки взяты нами изъ предисловія графа С. Д. Шереметева къ вышедшей книгѣ: „Архивъ села Михаиловскаго“, томъ I-й, стр. LXXIV—LXXVI. Они переведены съ Французской рукописи, хранящейся въ Остафьевскомъ архивѣ. Выдержки изъ нея напечатаны въ „Revae—des deux mondes“ 1890 года, и мы извлекали оттуда разсказъ фрафа Н. И. Панина о кончинѣ Петра III-го („Русскій Архивъ“ 1890, II, 280), который надѣемся подтвердить документально. Нельзя не пожелать, чтобы Записки графини Голоемной (род. 12 Февр. 1756 † 1824) были изданы вполнѣ.

Письмо митрополита Филарета къ придворной дамѣ по поводу кончины великой княгини Александры Николаевны.

†

Ваше превосходительство, милостивая государыня!

Какъ бываютъ и печальныя вѣсти нѣсколько лучше печальной неизвѣстности: то примите благодарность мою за извѣстіе о возлюбленныхъ царственныхъ душахъ. Извѣстія сіи съ новою силою возбуждаютъ чувство печали, но вмѣстѣ и умягчаютъ оное.

Чѣмъ болѣе привыкли мы смотрѣть на царскій домъ, какъ на прекрасный цвѣтникъ, какъ на плодовитый садъ, тѣмъ поразительнѣе видѣть внезапно сокрушившуюся цвѣтущую вѣтвь и все покрытое облакомъ печали. Кто постигаетъ судьбы Господни? Надобно же было, чтобы и недавняя радость брачная, и радость рожденія новой царственной отрасли, блеснула какъ молнія, чтобы оставить по себѣ сугубый смертный мракъ. Надобно же было и намъ Московскимъ увидѣть Высокую Невѣсту, чтобы сіе послѣднее видѣніе предстояло въ памяти и воображеніи, когда надлежитъ ее оплакивать.

Избранная душа ея, безъ сомнѣнія, блаженна; но сія свѣтлая мысль довольно ли видима въ темнотѣ печали? Что̀ происходитъ съ сильно любящимъ сердцемъ Августѣйшаго Родителя? Что̀ происходитъ съ нѣжно любящимъ сердцемъ Августѣйшей Родительницы, и съ ея нѣжнымъ здравіемъ? Не только съ печалію, но и съ трепетомъ о томъ думаю.

Утѣшаюсь мыслію, что Государь Императоръ являетъ то великодушіе, съ какимъ всегда являлся онъ въ труднѣйшихъ для духа обстоятельствахъ. Утѣшаюсь мыслію, что Государыня Императрица поспѣшаетъ искать утѣшенія и подкрѣпленія въ источникѣ Божественномъ. Богъ утѣшенія да поможетъ имъ благодатію Своею, послушными сердцами отдать Ему возлюбленную жертву, которой Онъ отъ нихъ

востребовалъ и, тѣмъ бы благоугожденъ, да умножитъ милости Свои надъ тѣмъ, что Онъ имъ дарованное сохраняетъ.

Меня печальное извѣстіе нашло въ Виѳанскомъ монастырѣ, куда я удалился для подкрѣпленія себя воздухомъ послѣ болѣзни. Это было въ навечеріи праздника Преображенія Господня, который есть праздникъ сего монастыря. Совершивъ праздничную службу, я отправился въ Москву съ малою надеждою на свои силы, но чувствуя душевную нужду раздѣлить общую печаль съ соборомъ служителей вѣры и вѣрноподданныхъ, что̀ и исполнилось 7-го дня.

Графинѣ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ*) прошу свидѣтельствовать мое усердное желаніе Божія благословенія. Молю Бога, чтобы наставилъ ее во всемъ, чѣмъ она можетъ послужить спокойствію и утѣшенію Государыни Императрицы.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ истиннымъ почтеніемъ пребываю вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

Москва, 10 Августа 1844.

(Сообщено гофмейстеромъ А. Н. Толстымъ).

ПОПРАВКА.

Стр. 207. Рисунокъ славнаго пейзажиста А. Е. Мартынова, относящіяся къ начальнику графа Головкина въ Китай, подаренъ его внукомъ В. К. Попандопуло не Румянцовскому, а *Историческому Музею* въ Москвѣ.

Стр. 237. У Ѳ. И. Иноземцева надъ шкапомъ съ книгами былъ слѣпокъ съ бюста одного больнаго, страдавшаго не модулярнымъ, а *медулярнымъ* саркомомъ глаза.

---

*) Тизенгаузенъ, камеръ-фрейлинѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

„ПРИЗЫВЪ“.

ВЪ ПОЛЬЗУ ПРЕСТАРѢЛЫХЪ И ЛИШЕННЫХЪ СПОСОБНОСТИ КЪ ТРУДУ АРИИСТОВЪ И ИХЪ СЕМЕЙСТВЪ.

ВЪ СБОРНИКѢ УЧАСТВУЮТЪ

К. Р., М. Н. Альбовъ, П. Д. Боборыкинъ, К. Д. Бальмонтъ, К. С. Баранцевичъ, А. Н. Бѣжецкій, В. Васильевъ, А. Н. Веселовскій, А. А. Веселовская, Ю. А. Веселовскій, В. А. Гиляровскій, П. П. Гнѣдичъ, Е. П. Гославскій, А. Н. Догановичъ, С. Д. Дрожжинъ, И. И. Ивановъ, Е. П. Карповъ, А. И. Кирпичниковъ, Н. Корецкій. Ѳ. Е. Коршъ, А. Н. Кремлевъ, М. Л. Кропивницкій, А. В. Кругловъ, М. И. Лавровъ, М. В. Лентовскій, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Л. Медвѣдевъ, П. М. Невѣжинъ, А. А. Навроцкій, Вл. И. Немировичъ-Данченко, Я. П. Полонскій, И. Н. Потапенко, М. П. Садовскій, П. А. Сергѣенко, М. С. Скавронская, Д. Ѳ. Смирновъ, Н. И. Стороженко, Кн. А. Сумбатовъ, И. Сундукіанцъ, Н. И. Тимковскій, С. Н. Филипповъ, Р. М. Хинъ, А. І. Цатуріанъ, А. П. Чеховъ, О. Чюмина, И. Л. Щегловъ и Т. Л. Щепкина-Куперникъ. Кромѣ трудовъ вышеупомянутыхъ авторовъ въ сборникѣ помѣщены произведенія:

А. И. Герцена, М. Н. Городецкаго, Д. Т. Ленскаго, К. С. Лошивскаго и П. М. Свободина.

Заглавный листъ профессора ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ В. Е. Маковскаго.

СБОРНИКЪ НАПЕЧАТАНЪ ВЪ ОГРАНИЧЕННОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Продажа производится: во всѣхъ извѣстныхъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель сборника **Д. Гаринъ-Виндингъ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898 года.

«Русскій Архивъ» въ 1898 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три большія книги. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1898 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни. Для личныхъ объясненій съ издателемъ—по **четвергамъ** въ тоже время.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898

4.

Приложена книга „Архива Князя Воронцова".

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1898.

Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя П. И. Щукинымъ. Часть первая. Съ одной фототипіей (видъ Москвы) и двумя фото-литографіями (Французскія прокламаціи), исполненными К. А. Фишеромъ въ Москвѣ. М. Тип. Мамонтова. 1897. Большая 4-ка, VI, 162 и 2 нен. стр.

Тоже, часть вторая. Тамъ же 1897. X, 219 и 2 нен. стр.

Напечатано двѣсти экземпляровъ.

Петръ Ивановичъ Щукинъ, владѣлецъ прекраснаго Музея въ Москвѣ на Малой Грузинской улицѣ, уже издалъ краткое описаніе его, книжку писемъ на иностранныхъ языкахъ и три книги „Сборника старинныхъ бумагъ", содержащія въ себѣ много важныхъ для Русской исторіи письменныхъ всякаго рода памятниковъ. Нынѣ передъ нами еще двѣ книги его изданія съ бумагами, касающимися

„вѣчной памяти двѣнадцаго года".

Нельзя не отнестись съ живѣйшею признательностью къ этому новому вкладу въ науку нашего народнаго самосознанія. Значеніе Двѣнадцатаго года въ Русской и Европейской исторіи такъ важно, что мы доселѣ живемъ и долго будемъ жить его послѣдствіями. „Отъ Запада узрѣли мы Бытыя", и отвѣтомъ на роковой ударъ, нанесенный въ самое сердце Россіи и вызванный, можетъ быть побѣдами нашими въ Италіи въ 1799 году, было появленіе Пушкина и Глинки. Какъ „Смутнымъ временемъ" XVII вѣка опредѣлилось все дальнѣйшее развитіе нашей родины до Петра Великаго включительно, такъ и 1812-мъ годомъ знаменуется коренной поворотъ Русской жизни. Поэтому нельзя достаточно изучать это время. Императорская Академія Наукъ издала цѣлую книгу писемъ тогдашнихъ главныхъ нашихъ дѣятелей. Это перлюстрація переписки военныхъ и гражданскихъ властей, сбереженная Аракчеевымъ подъ бюстомъ Александра Павловича, чрезвычайно любопытная, но касающаяся внѣшней, такъ сказать, показной стороны событій. Бумаги, нынѣ напечатанныя П. И. Щукинымъ, служатъ дополненіемъ къ этой книгѣ и не уступаютъ ей въ значеніи по своему разнообразію и потому, что относятся преимущественно къ сторонѣ внутренней, бытовой. Тутъ страшная эпоха рисуется во всей своей жизненности. Заколебались основы быта. Но посреди этихъ ужасовъ проявляло и простонародье черты рѣдкой доблести, полнаго безкорыстія и непоколебимой вѣрности долгу. Еще А. Н. Поповъ въ своихъ превосходныхъ статьяхъ о Москвѣ 1812 года („Русскій Архивъ" 1875 года) указывалъ на Московскихъ дворниковъ, какъ на скромныхъ героевъ самоотверженія. Такими же отчасти были крѣпостные люди князей Сергія и Александра Михаиловичей Голицыныхъ, спасав-

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

съ подробнымъ повѣствованіемъ о весьма необыкновенныхъ обстоятельствахъ, приключившихся съ однимъ Польскимъ дворяниномъ, находившимся въ продолженіи 45 лѣтъ на Русской службѣ и описанныхъ имъ самимъ въ 82-хъ лѣтнемъ возрастѣ [1]).

I.

Милостивый государь!

Я постараюсь удовлетворить ваше желаніе ознакомиться со всѣми перипетіями моей жизни, описаніе которой я дѣлю на четыре части. Мои записки, можетъ быть, написаны недостаточно литературнымъ слогомъ; но трудъ ихъ прочтенія будетъ вознагражденъ тѣмъ, что онѣ содержатъ извѣстные вамъ вѣрные факты и имѣютъ также то достоинство, что могутъ оправдать въ вашихъ глазахъ мое поведеніе въ возведенныхъ на меня клеветахъ, возникшихъ вслѣдствіе того, что я оставилъ службу по полку, въ которомъ вы изволили состоять подполковникомъ.

Мой прадѣдъ, происходившій отъ одного семейства въ ... [2]), поселился въ Польшѣ въ [3])... и былъ тамъ натурализованъ. Эта вѣтвь нашей фамиліи была тамъ довольно хорошо извѣстна. У моего отца, младшаго въ семействѣ, было два брата; старшій сдѣлался Львовскимъ епископомъ, а младшій остался холостякомъ и не занималъ никакой должности въ «Рѣчи Посполитой» (République). Мой отецъ, съ 20 лѣтъ, поступилъ добровольцемъ въ армію курфюрста Саксонскаго Августа и участвовалъ во всѣхъ войнахъ этого государя, который, полюбивъ его, послѣ избранія въ короли Польскіе, наградилъ отца староствомъ Goura, а впослѣдствіи должностью кастеляна Равскаго (Rawa). Женатъ былъ мой отецъ на протестанткѣ, принадлежавшей къ Литовской фамиліи Грушевскихъ. Отъ этого брака родился я. Мать моя, въ пяти родахъ, произвела на свѣтъ 12 (!) дочерей, изъ которыхъ десять

---

[1]) Извлечено изъ Французской рукописи, хранящейся въ Ревельскомъ городскомъ архивѣ: тетрадь въ четвертку листа, 158 стр., попорченная мѣстами отъ сырости. 2-я и 4-я части утрачены. *А. Чумиковъ.*

[2]) Это мѣсто въ рукописи испорчено, и можно разобрать лишь слова: famille de C... pagne. Не Champagne ли, провинція во Франціи? А. Ч.

[3]) По ветхости рукописи мѣсто съ годомъ оторвано. А. Ч.

умерли еще въ колыбели, а самая младшая вышла замужъ и умерла въ Петербургѣ въ 1740 году. Мнѣ было 15 мѣсяцевъ, когда мать, въ виду наступившихъ въ Польшѣ безпорядковъ, принуждена была удалиться въ Кенигсбергъ, гдѣ жила ея сестра, кастелянша Минская. Моя мать пробыла въ Кенигсбергѣ не болѣе полугода, оставивъ меня у моей тетки, которая отправилась со мной въ свое Литовское имѣніе Гомель (Hommel). Года три спустя, ея мужъ, Крашинскій, вызвалъ ее въ Дрезденъ, гдѣ я былъ переданъ на руки моимъ родителямъ.

Тогдашней фавориткѣ (Августа II) графинѣ К *), видавшей меня неоднократно при посѣщеніи ею моей матери, понравилась моя бойкость, и она просила передать меня ей на нѣкоторое время. Сначала мать не соглашалась; но затѣмъ, узнавъ, что его величество раздѣляетъ желаніе графини, должна была уступить. Графиня К. сдала меня на руки одной изъ своихъ женщинъ.

Будучи 6-ти лѣтнимъ мальчикомъ, всегда живой и смѣлый, я сопровождалъ графиню, когда она отправлялась въ апартаменты короля, находившаго удовольствіе слушать мой дѣтскій лепетъ на нижне - Нѣмецкомъ языкѣ (Plattdeutsch). Такъ прошло два года. Ко мнѣ приставили хорошаго Французскаго гувернера и, одаренный хорошей памятью, я уже началъ хорошо говорить по-французски, когда король отправился въ Варшаву, гдѣ уже находился мой отецъ. Въ день отъѣзда моей матери, графиня К., остававшаяся въ Дрезденѣ, возвратила меня моей матери.

Затѣмъ авторъ Записокъ повѣствуетъ о томъ, какъ онъ былъ со своимъ отцомъ во дворцѣ, какъ король подарилъ ему маленькую лошадь, какъ верхомъ на этой лошади, участвуя въ королевской охотѣ, ему удалось подстрѣлить изъ пистолета свинью (кабана?), какъ затѣмъ его отдали на воспитаніе въ Іезуитскую коллегію, откуда родители, узнавъ о безнравственномъ поступкѣ отцовъ-Іезуитовъ, взяли его черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и опредѣлили кадетомъ въ коронную гвардію, когда ему было 13 лѣтъ. Будучи уже прапорщикомъ гвардейскаго полка, которымъ командовалъ князь Понятовскій, авторъ Записокъ случайно сдѣлался лекторомъ у больнаго короля.

Передавъ въ краткомъ изложеніи нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о личности неизвѣстнаго автора Записокъ, съ исключеніемъ всего того что̀ касается его любовныхъ похожденій, описанныхъ съ неимовѣрнымъ цинизмомъ и напоминающихъ разсказы извѣстнаго авантюриста Казановы, приводимъ ту часть (3-ю) Записокъ, въ коей повѣствуется о вступленіи автора ихъ въ Русскую службу, въ 1736 году, во время Крымскаго похода графа Мюниха. Бытовыя картины разгульной жизни, пьянства, разврата, дракъ среди Польскаго дво-

*) Въ оригиналѣ Французское С.; предполагаю, что здѣсь рѣчь идетъ объ извѣстной графинѣ Маріи Аврорѣ Кенигсмаркъ, род. въ 1670 г. А. Ч.

рянства, свидѣтельствуя объ упадкѣ общественныхъ нравовъ въ Польшѣ, служать вѣрной илюстраціей причинъ вскорѣ послѣдовавшаго разгрома «Рѣчи Посполитой».

*

Я встрѣтился со своимъ зятемъ Ржебецкимъ въ Могилевѣ (на Днѣпрѣ). Онъ очень обрадовался моей мысли вступить въ Русскую службу и объявилъ мнѣ, что мой зять Гермесъ состоитъ премьеръ-маіоромъ и командиромъ Пермскихъ драгунъ, а онъ самъ служитъ въ томъ полку поручикомъ и находится на пути въ Украйну, вмѣстѣ съ двумя пѣхотными полками, 1000 казаками и 500 Калмыками. Онъ не посовѣтовалъ мнѣ одному ѣхать далѣе. Такой же совѣтъ далъ мнѣ мой хорошій знакомый, маіоръ, когда я къ нему явился и объявилъ, что нахожусь на пути въ Кіевъ. Такъ какъ со мною была порядочная сумма золота, серебра и другія цѣнныя вещи, то, конечно, было благоразумнѣе послѣдовать совѣту моихъ друзей и примкнуть къ нимъ. Я хорошо понималъ, что мой обозъ (со мною были 14 лошадей, кормилица-служанка и 6 слугъ) былъ слишкомъ великъ [1]) для субалтернъ-офицера, но не имѣлъ уже возможности его убавить.

Командовавшій бригадой генералъ-поручикъ Измайловъ оказывалъ намъ честь, приглашая насъ довольно часто къ себѣ обѣдать, и вообще доставлялъ мнѣ всѣ удобства во время похода, продолжавшагося шесть недѣль, пока мы не достигли небольшаго Украинскаго города Лубенъ. Его превосходительство съ тремя своими полками расположился здѣсь лагеремъ, отославъ казаковъ и Калмыковъ обратно въ ихъ дивизіи.

Генералъ посовѣтовалъ мнѣ отправиться на встрѣчу фельдмаршала графа Мюниха, возвращавшагося съ арміей изъ Перекопа, и приказалъ выдать мнѣ подорожную. Въ Лубнахъ нашелъ я генерала Измайлова, готоваго идти съ бригадой въ Переяславль.

Послѣ 8-ми дневной утомительной ѣзды, голодный, прибылъ я въ Царицынку [2]). Командовавшій тамъ генералъ-маіоръ князь Никита Трубецкой не позволилъ мнѣ продолжать путь, небезопасный отъ шатавшихся въ степи Татаръ. Здѣсь я познакомился съ гусарскимъ полковникомъ Культеромъ-де-Кумингъ (Culter de Kuming), прибывшимъ изъ Петербурга и отправлявшимся въ армію. Какъ добрый землякъ, онъ пригласилъ меня остановиться у него на квартирѣ. Мы прожили здѣсь пять дней въ ожиданіи курьера изъ Петербурга, по прибытіи котораго отправились далѣе. Останавливаясь въ каждомъ редутѣ, мы дѣ-

[1]) Нашъ прапорщикъ былъ уже женатъ и имѣлъ сынка. А. Ч.

[2]) Царицынка, городокъ на Украинской линіи. Соловьевъ, т. XX, гл. 2-я. А. Ч

лали въ день не болѣе 25—30 верстъ. Въ редутахъ стояло отъ 40 до 50 казаковъ съ подставными лошадьми. Мнѣ пришлось бы голодать, еслибъ не хорошій столъ у Куминга, такъ какъ въ редутахъ, кромѣ небольшаго количества воды, ничего нельзя было купить.

Ѣхавшій съ нами курьеръ, недовольный медленной ѣздой, предложилъ мнѣ оставить конвой и отправиться въ армію вмѣстѣ съ нимъ. Я согласился, и мы поѣхали верхомъ, перемѣняя на каждомъ редутѣ лошадей и сопровождавшихъ ихъ казаковъ. На третій день около 10 часовъ утра встрѣтили мы фельдмаршала графа Мюниха, верхомъ на лошади, при небольшомъ конвоѣ. Графъ, принявъ отъ меня депеши, для прочтенія ихъ сѣлъ въ экипажъ. Мы слѣдовали за нимъ до рѣки Самары *), но я увидѣлъ его только на другой день. Курьеръ, нашедъ тамъ своихъ знакомыхъ, оставилъ меня; а я отправился на поиски какого-нибудь трактира, гдѣ бы могъ утолить голодъ, два дня не ѣвши. Но мнѣ встрѣчались лишь полки, возвращавшіеся въ лагерь, и прислуга штабныхъ, устанавливавшая палатки для своихъ господъ. Вдругъ вижу офицера, который, всмотрѣвшись въ меня, бросается меня обнимать. Оказалось, что я знавалъ его, когда онъ былъ пажемъ при князѣ Чарторійскомъ. Очень обрадованный этой встрѣчей, я спросилъ, не можетъ ли онъ мнѣ указать какой-либо ресторанъ. Ресторанъ! воскликнулъ онъ, да такого во всей арміи не найти. Но подождите минутку, я спрошусь у моего капитана, и мы отправимся къ маркитантамъ. Затѣмъ, пройдя съ версту, мы пришли на базаръ, гдѣ оказались такія плохія харчевни, что, при одномъ ихъ видѣ, можно было потерять всякій аппетитъ. Мучимый голодомъ, я прошелъ мимо ихъ, пока не наткнулся на человѣка, который пекъ довольно апетитные пирожки. Приправивъ перцомъ, я запилъ ихъ плохимъ Греческимъ виномъ, за которое, какъ и за пирожки, содрали съ меня порядочную цѣну. По возвращеніи въ главную квартиру, я былъ представленъ моимъ товарищемъ обществу офицеровъ и былъ принятъ ими съ военнымъ радушіемъ.

Послѣ зари составился банчикъ (фараонъ), въ которомъ было заложено сто рублей. Всѣ понтёры проигрывали, но я ушелъ съ 60 рублями выигрыша и, растянувшись на тюфякѣ подпоручика, только что успѣлъ крѣпко заснуть, какъ около 9 часовъ былъ пробужденъ ординарцемъ фельдмаршала, потребовавшаго меня къ себѣ.

Сдѣлавши нѣсколько вопросовъ, его сіятельство припомнилъ, что онъ знавалъ моего отца. Графъ спросилъ меня, хочу ли я служить въ Россіи. Я отвѣчалъ: такъ какъ король разрѣшилъ мнѣ это, то прошу

*) Притокъ Днѣпра. А. Ч.

меня принять на службу. Тогда онъ поздравилъ меня съ чиномъ поручика. Выбирайте любой пѣхотный полкъ, сказалъ онъ, я распоряжусь о вашемъ назначеніи и, если ваше поведеніе будетъ соотвѣтствовать тѣмъ рекомендаціямъ, которыя вы мнѣ представили, то обѣщаю вамъ скорое повышеніе. Графъ согласился на мою просьбу назначить меня въ одинъ изъ полковъ, возвратившихся съ Рейна..

Армія стояла лагеремъ. На третій день явился къ фельдмаршалу секретарь съ бумагами. При докладѣ ихъ, я услышалъ мое имя и что я, въ приказѣ генералу Кейту (Kayt), былъ названъ подпоручикомъ. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, я уже думалъ отказаться отъ всего; но фельдмаршалъ успокоилъ меня, сказавъ: «васъ удивляетъ то, что вы названы только подпоручикомъ, но это лишь ошибка секретаря. Въ настоящую минуту я очень спѣшу и не могу измѣнить, но вы останетесь въ этомъ чинѣ лишь до моего прибытія въ Кіевъ. Возьмите эти письма, доставьте ихъ по адресу и отправляйтесь съ курьеромъ». Вотъ начало моихъ злоключеній!

И такъ я отправился съ курьеромъ. Въ Царицынкѣ тотъ меня оставилъ, и я одинъ доѣхалъ до Переяславля, гдѣ находились моя жена и мой сынокъ. Прогостивъ тамъ у моего зятя три дня и забравъ съ собою мое маленькое семейство, отправился я въ Кіевъ. Я отдалъ письма фельдмаршала генералу Кейту и былъ имъ назначенъ въ Воронежскій полкъ, командиромъ котораго состоялъ принцъ Гольштейнъ-Бэкъ, въ роту капитана Тизенгаузена. Маіоръ этого полка повелъ меня въ церковь привести къ присягѣ. Я остановилъ чтеніе аудитора, когда были произнесены слова «служить на сушѣ и на морѣ», замѣтивъ, что я не намѣренъ служить на морѣ. Маіоръ, Русской національности, не имѣя на то приказанія, не рѣшился мнѣ противорѣчить и доложилъ о моемъ несогласіи полковнику. На вопросъ его свѣтлости о причинѣ моего поступка я отвѣчалъ: «не желаю быть клятвопреступникомъ, ибо на морѣ служить я несогласенъ». Находившійся при семъ генералъ Кейтъ, усмѣхнувшись, сказалъ: «не безпокойтесь и кончайте вашу присягу; мы будемъ сражаться съ Турками на сушѣ, а не на морѣ». Въ тотъ же вечеръ назначили меня въ восьмидневный караулъ. Когда я замѣтилъ маіору, что у меня опричь Польскаго мундира другого не имѣется, онъ, не желая слушать моихъ резоновъ, грубо повернулся ко мнѣ спиной и приказалъ идти. Такъ какъ уже было поздно жаловаться полковнику на такое необычное для меня грубое обращеніе, то я послалъ за мундиромъ ко всѣмъ мѣстнымъ портнымъ. Мундиръ былъ наконецъ пріисканъ, но изъ очень грубаго сукна и дорого заплаченъ. На другой день вступилъ я въ караулъ. На мнѣ былъ только Русскій мундиръ; все остальное: шарфъ, офицерскій знакъ, шляпа и штиблеты—

Польской гвардіи. Губернаторомъ состояло тоже самое лицо, что̀ и нѣсколько лѣтъ назадъ, когда я пріѣзжалъ изъ Бѣлой Церкви. Онъ узналъ меня по медали, которую я постоянно носилъ, пока, по несчастію, не принужденъ былъ сдѣлаться «учителемъ» (outchitel) [1]. Генералъ разсказалъ артиллеріи генералъ-маіору Спарейтеру, обѣдавшему у него, какимъ образомъ я получилъ эту медаль, и тотъ очень смѣялся надъ этимъ и пригласилъ посѣщать его [2].

Такъ какъ мой капитанъ отправился въ двухнедѣльный отпускъ, то мнѣ пришлось командовать ротой. Получивъ отъ сержанта рапортъ о внезапной смерти одного солдата, я приказалъ приготовить гробъ; но мнѣ сказали, что послѣ покойнаго ничего не осталось. Тогда я выдалъ на то одинъ рубль, не сомнѣваясь, что мой капитанъ возвратитъ мнѣ его съ благодарностью. О смерти солдата приказалъ я рапортовать маіору, который, послѣ врачебнаго осмотра умершаго, приказалъ его похоронить, по военному обычаю. Я находился у полковника, когда раздались три ружейныхъ залпа. На вопросъ его: что̀ это значитъ, маіоръ отозвался незнаніемъ; но я объявилъ его свѣтлости, что этотъ салютъ по умершему солдату былъ произведенъ по моему распоряженію. Маіору вздумалось обидиться, и онъ грубо спросилъ меня: кто приказалъ стрѣлять? Полагая, что онъ шутитъ, я сослался на его же приказаніе. Удивленный тѣмъ, что какой-то подпоручикъ осмѣлился, въ присутствіи начальства, обличать его, маіоръ приказалъ мнѣ отдать шпагу и отправиться въ домашній арестъ. Прежде чѣмъ исполнить приказаніе маіора, я почтительнѣйше обратился съ просьбой къ полковнику—потрудиться объяснить мнѣ, въ чемъ состоитъ моя провинность. Вамъ не слѣдовало, сказалъ онъ, разрѣшать три салюта для простаго рядоваго: такого обычая въ Россіи не существуетъ, подобная честь отдается даже немногимъ офицерамъ. Отпустите его, сказалъ его свѣтлость, я прощаю.

Мой капитанъ не только не возвратилъ мнѣ моего рубля, но еще потребовалъ уплаты за порохъ, израсходованный на три заряда. Гордое и повелительное обращеніе со мной, а также грубый тонъ маіора заставили меня съ сожалѣніемъ вспомнить о моей службѣ въ дорогомъ отечествѣ (cara patria). Не видя возможности измѣнить мое положеніе, я поневолѣ долженъ былъ примѣняться къ Русскимъ порядкамъ (manières).

---

[1]) Любопытно было бы знать, какого предмета; ибо, будучи Полякомъ, авторъ по всей вѣроятности Русскимъ языкомъ владѣлъ не совершенно, а судя по ореографіи его Записокъ также плохо зналъ граматику Французскаго языка. А. Ч.

[2]) На алой лентѣ Св. Губерта. Медаль эту авторъ получилъ еще, когда былъ пажемъ при Саксонскомъ королѣ, за застрѣленнаго на охотѣ кабана. А. Ч.

Татары, зная, что гг. Русскіе, въ масляничное время, любятъ подгулять и тогда бываютъ недостаточно бдительны на своихъ постахъ, произвели на нихъ нѣсколько удачныхъ нападеній. Такъ какъ мы не позаботились приказать взломать ледъ на Днѣпрѣ, то непріятель перешелъ рѣку у Калиберды, 24 Февраля 1737 г. *) и разсыпался по деревнямъ вплоть до самаго Кременчуга, грабя всѣхъ и все что ему попадалось, пока наконецъ не былъ поданъ знакъ къ тревогѣ. Тогда пьяные драгуны подъ начальствомъ также пьянаго генералъ-маіора Лесли, квартировавшаго въ Кременчугѣ, съ саблей наголо, бросились безпорядочною толпой на Татаръ, настигли ихъ у Днѣпра, но успѣли побить только немногихъ пѣшихъ. Въ этой свалкѣ былъ убитъ генералъ Лесли и около 20 драгунъ. (При этомъ набѣгѣ авторъ лишился своего сына, который пропалъ вмѣстѣ съ кормилицей).

Всѣ офицеры отправились привѣтствовать прибывшаго въ Кременчугъ графа Мюниха. Пригласивъ меня въ свой кабинетъ, его сіятельство обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: «Вы произведены въ поручики; вы хорошо знаете Польшу, а потому я увѣренъ, что съ должной осторожностію исполните мое порученіе; я посылаю васъ курьеромъ. Теперь ступайте, приготовьтесь и приходите ко мнѣ черезъ три часа». Обрадованный возможностью услужить фельдмаршалу, я почти забылъ о своей ужасной потерѣ и побѣжалъ домой, чтобы захватить нужное въ дорогу, а свою жену поручилъ генеральшѣ Спарейтеръ. Фельдмаршалъ вручилъ мнѣ пакетъ, приказавъ распечатать его не ранѣе какъ на первой станціи, по переѣздѣ за Польскую границу; затѣмъ, давъ паспортъ и 50 червонныхъ на прогоны, онъ прибавилъ: «спѣшите и храните тайну». Паспортъ былъ на Русскомъ языкѣ до Львова. Я попросилъ графа приказать вложить листъ бумаги въ конвертъ, запечатанный его гербовой печатью и надписанный, по-польски, на имя генерала Потоцкаго. Фельдмаршалъ спросилъ, прибѣгалъ ли я когда нибудь къ подобной хитрости? Я отвѣчалъ, что нѣтъ, но нахожу, что въ Польшѣ (Русскій) паспортъ будетъ для меня безполезенъ, а адресованный Потоцкому конвертъ, въ нуждѣ, можетъ мнѣ пригодиться.

Я отправился въ путь 15 Марта 1737 г. Дорогой мнѣ очень хотѣлось вскрыть пакетъ фельдмаршала, но я хорошо сдѣлалъ, что удержался; ибо, не доѣзжая версты до станціи, гдѣ надлежало вскрыть, встрѣтилъ я офицера, потребовавшаго пакетъ и вручившаго мнѣ другой, въ которомъ находился приказъ отправиться мнѣ въ Каменецъ-

---

*) Соловьевъ относитъ этотъ набѣгъ къ 12 Февраля, а обратную переправу за Днѣпръ къ 16-му числу. Въ 1737 году Пасха приходилась на 21 Апрѣля, слѣд. масляница на 3 Марта. А. Ч.

Подольскъ. Тамъ я, соблюдая осторожность, долженъ былъ отыскать архимандрита Никиту и передать ему вложенное письмо, не ранѣе, какъ увидавъ знаки подобные тѣмъ, которые выставлены были на адресѣ письма (маленькій крестъ на каждомъ изъ четырехъ угловъ и большой по срединѣ; печать съ античной головой), и затѣмъ съ полученными депешами отправиться обратно къ фельдмаршалу. При офицерѣ состояло 6 драгунъ, а въ переданномъ мною приказѣ поручалось ему, въ случаѣ какого либо относительно меня подозрѣнія, препроводить меня обратно въ Кіевъ.

Черезъ три дня прибылъ я, въ Середу на Святой недѣлѣ, въ Каменецъ. Караульный офицеръ, увидавъ, что на паспортѣ стояло Львовъ, остановилъ меня въ воротахъ и не хотѣлъ пропустить въ крѣпость. Я попросилъ его доложить коменданту, что мнѣ необходимо его видѣть. Коменданта звали Шиллингомъ, и я былъ знакомъ съ его братомъ, встрѣчавъ его у князя Радзивила. Онъ служилъ въ нашей (Польской) арміи подполковникомъ; хотя я и не зналъ, въ какомъ полку и гдѣ онъ въ настоящее время находится, но, рѣшившись исполнить данное мнѣ порученіе, я этимъ обстоятельствомъ нимало не стѣснился. Допущенный къ коменданту, я передалъ ему поклонъ отъ его брата и, чтобы занять его, началъ разсказывать ему всякаго рода новости, частію придуманныя мною. Очень довольный мною, онъ пригласилъ меня поужинать съ нимъ. Дабы удовлетворить его любопытству относительно цѣли моей поѣздки, я показалъ ему фиктивный пакетъ на имя Потоцкаго и сказалъ, что такъ какъ резиденція главнаго генерала (grand général) находится въ 30 верстахъ, то ради праздника я намѣренъ пробыть въ Каменцѣ еще однѣ сутки.

Капитанъ, котораго я знавалъ въ Несвижѣ поручикомъ, указалъ мнѣ квартиру, отведенную для меня комендантомъ въ городѣ. За нами послѣдовало нѣсколько офицеровъ гарнизона. Я угостилъ ихъ пуншемъ и всѣ, напившись до пьяна, оставили меня вдвоемъ съ моимъ хозяиномъ, который, выпивъ остатокъ пунша, пустился со мною въ откровенность и объявилъ, что онъ принадлежитъ къ Греческому вѣроисповѣданію и по ремеслу портной. Узнавъ, къ моему удовольствію, о его религіи, я спросилъ, нѣтъ ли въ городѣ епископа. Епископа нѣтъ, отвѣчалъ онъ, но есть три архимандрита. Получивъ отъ него надлежащія свѣдѣнія о томъ изъ нихъ, къ которому я былъ адресованъ, я отправился къ архимандриту рано утромъ, такъ что засталъ его еще въ постели. Вставъ, онъ показалъ мнѣ тотъ же знакъ и такую же печать, которые находились на доставленномъ мною письмѣ, и тотчасъ же попросилъ меня удалиться и прійти на другой день въ тотъ же са-

мый часъ....... Явившись къ архимандриту въ назначенное время, я получилъ отъ него толстый пакетъ съ письмами и совѣтъ спѣшить.....

Простившись съ комендантомъ и капитаномъ, я вскочилъ на лошадь и, очень довольный успѣхомъ, выѣхалъ изъ крѣпости....... Такъ какъ лошадь моего проводника, не доѣзжая версты четыре до перемѣны, пала, то я продолжалъ мой путь одинъ; но и съ моей случилось вскорѣ тоже самое. Увидавъ недалеко отъ большой дороги деревню, я взвалилъ на плечи сѣдло и направился туда. Такъ какъ это было на Святой недѣли, то никто изъ крестьянъ не соглашался дать мнѣ лошадь; Жидовъ въ деревнѣ также не было видно, и мнѣ ничего болѣе не оставалось какъ отправиться къ тамошнему помѣщику. Разсказавъ ему о своемъ затрудненіи, я его покорнѣйше просилъ снабдить меня лошадьми; но, не смотря на мои вѣжливыя рѣчи, онъ отнесся ко мнѣ съ недовѣрчивостію, наговоривъ мнѣ дерзостей, и угрожалъ затравить меня собаками. Благоразуміе требовало отнестись равнодушно ко всѣмъ выходкамъ этого самодура; однакожъ когда я замѣтилъ, что онъ намѣренъ взяться за палку, то, вынувъ изъ кармана мой фиктивный пакетъ, гордо бросилъ его на столъ со словами: «такъ отправляйте-жъ его вы сами, а я буду ждать отвѣта въ деревнѣ». Въ то время какъ онъ разбиралъ на пакетѣ адресъ, написанный по польски, я вздумалъ понюхать изъ моей кокосовой, въ серебрянной оправѣ, табакерки. Замѣтивъ, что она нравится, я предложилъ ее ему, и этотъ грубіянъ тотчасъ-же сдѣлался чрезвычайно вѣжливъ, сталъ извиняться, снабдилъ меня повозкой и лошадьми и отказался даже отъ платы. Дабы не возбуждать въ немъ подозрѣнія, я направился къ Каменцу, но не прежде, какъ отъѣхавъ двѣ мили отъ усадьбы.

Вся армія находилась въ 3 верстахъ отъ Переяславля, крѣпости на берегу Днѣпра. Фельдмаршалъ жилъ въ городѣ и былъ очень доволенъ тѣмъ, что я исполнилъ въ 15 дней его коммиссію. Я разсказалъ ему мою комическую сцену съ Польскимъ дворяниномъ. «Вотъ они всѣ такіе», сказалъ графъ и, взамѣнъ моей табакерки, подарилъ мнѣ болѣе цѣнную.

—

Переправившись черезъ Днѣпръ, армія расположилась у Мишурникова. На другой день, по случаю годовщины коронаціи, фельдмаршалъ приказалъ служить молебенъ. Все войско образовало каре, и произведенъ былъ троекратный салютъ изъ пушекъ и мушкетовъ. Три дня спустя, армія двинулась далѣе; мнѣ же графъ Мюнихъ приказалъ опять ѣхать въ Каменецъ, сообразоваться съ тѣмъ что̀ пору-

читъ мнѣ архимандритъ и затѣмъ отправиться въ Острогъ и смѣнить тамъ капитана Фалькенгагена.

Въ этотъ разъ я въѣхалъ въ Каменецъ безъ всякихъ затрудненій и остановился передъ квартирой коменданта, которому передалъ письмо отъ графа Мюниха и его брата подполковника Шиллинга. Поужинавъ у него и соблюдая тѣже предосторожности какъ и первый разъ, пошелъ я къ архимандриту. Я остался у него пить кофей и былъ немало удивленъ, когда онъ сталъ разговаривать со мною на Французскомъ языкѣ. Не дадите ли мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ въ Острогъ какое либо порученіе? спросилъ я его. Фельдмаршалъ пишетъ мнѣ о вашей туда поѣздкѣ, сказалъ онъ; моя коммиссія довольно щекотливаго свойства, но я надѣюсь, что вы счастливо и съ честію справитесь съ ней. Вамъ необходимо будетъ отправиться въ Хотинъ и передать письмо одному Греку. Возьмите у коменданта паспортъ на имя Армянскаго купца и переодѣньтесь Армяниномъ.

Комендантъ, съ перваго же моего слова, выдалъ мнѣ желаемый паспортъ и, переряженный, я былъ безпрепятственно пропущенъ въ Хотинъ. Отыскавъ тамъ купца, къ которому былъ адресованъ, я засталъ у него одного нашего (Русскаго) инженера, такъ же какъ и я закостюмированнаго. Дабы придать мнѣ видъ настоящаго Армянина, купецъ купилъ для меня (конечно на средства доставленныя ему графомъ Мюнихомъ) Турецкихъ ковровъ и дорогихъ Персидскихъ матерій и, увязавъ все это и снабдивъ письмами къ архимандриту, отправилъ меня на третій день обратно. Послѣдній продержалъ меня двое сутокъ для того, чтобы доставить тюки(?), на извощикѣ, въ Острогъ. При отъѣздѣ, онъ наказалъ мнѣ пріѣхать черезъ три недѣли въ усадьбу одного указаннаго имъ дворянина.

По пріѣздѣ въ Острогъ, капитанъ Фалькенгагенъ передалъ мнѣ команду, состоявшую изъ одного унтеръ-офицера, 10 драгунъ и 20 лошадей. Я очутился какъ бы въ роли почтмейстера; ибо какъ драгуны, такъ и лошади назначены были для препровожденія курьеровъ, посылаемыхъ изъ арміи къ императору (Германскому). Въ это же время я исправлялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ и привилегированнаго шпіона. Капитанъ Фалькенгагенъ отправился съ тюками (?) въ Петербургъ; а я, снабдивъ моего унтеръ-офицера необходимыми инструкціями, поѣхалъ на назначенное мнѣ свиданіе. Въ тотъ же день прибылъ туда и архимандритъ, въ сопровожденіи инженера, котораго я видѣлъ въ Хотинѣ. Онъ былъ родомъ Итальянецъ, не зналъ ни слова по-русски и изъяснялся кое-какъ на Французскомъ языкѣ. Архимандритъ поручилъ мнѣ проводить его къ фельдмаршалу и далъ мнѣ на расходы сто червонныхъ.

Проѣхавъ Польскую Украйну, я нанялъ въ послѣдней деревнѣ 8 лошадей и хорошаго проводника, который 220 верстъ, степью, доставилъ насъ черезъ трое сутокъ до перваго нашего редута подъ Очаковымъ. Графа Мюниха въ главной квартирѣ мы не нашли. Охваченная пламенемъ крѣпость была имъ только что взята. Спустя нѣсколько часовъ, его сіятельство возвратился въ сопровожденіи принца Антона Ульриха Брауншвейгъ-Бреверискаго и многихъ другихъ генераловъ.

Фельдмаршалъ прошелъ въ свою палатку, сопровождаемый Итальянскимъ инженеромъ и вскорѣ за тѣмъ, призвавъ меня къ себѣ, спросилъ: достанетъ ли у меня силъ для дальней поѣздки? Я отвѣчалъ: «ожидаю только вашего приказанія, чтобы въ точности выполнить ваше порученіе». Графъ далъ мнѣ нѣсколько писемъ для Вѣнскаго кабинета, а одно изъ нихъ приказалъ передать въ руки императору.

Я отправился и, послѣ 10-дневной ѣзды, прибывъ въ Вѣну, явился къ нашему посланнику, который тотчасъ же извѣстилъ великаго канцлера о присылкѣ курьера съ депешами, для передачи ихъ въ собственныя руки его императорскаго величества. Посланнику сказали, что курьеру слѣдуетъ явиться ко двору къ 7 часамъ вечера.

Я нашелъ императора сидящимъ въ креслѣ, трижды преклонилъ передъ нимъ колѣна и, какъ мнѣ указано было, опустившись на колѣна, вручилъ ему привезенное мною письмо. Мнѣ было дозволено, въ видѣ награды, поцѣловать руку его величества. Такъ какъ нашъ посланникъ не имѣлъ для меня никакихъ порученій, то я въ туже ночь отправился обратно въ Острогъ.

—

Мнѣ было поручено розыскать находящихся въ бѣгахъ Русскихъ дезертировъ и, вытребовавъ ихъ, отправить въ Кіевъ. Я прибѣгъ къ помощи Евреевъ, и въ 10 дней они доставили мнѣ до 50 перебѣжчиковъ. Слѣдующій комическій случай заслуживаетъ того, чтобы о немъ разсказать.

Одинъ изъ моихъ шпіоновъ донесъ мнѣ, что у палатина Равскаго, графа Яблоновскаго, находятся въ числѣ придворныхъ драгуновъ 10 нашихъ дезертировъ. Такъ какъ зàмокъ графа находился полмили отъ Острога, то я и отправился туда, чтобы вытребовать ихъ.

При моемъ прибытіи верхомъ, въ сопровожденіи двухъ драгунъ и одного слуги, сторожемъ былъ поданъ сигналъ и, когда подъемный мостъ былъ опущенъ, ко мнѣ приблизился кто-то въ родѣ офицера съ вопросомъ, кого мнѣ нужно видѣть. Узнавъ, что я желаю говорить съ самимъ палатиномъ, онъ отправился въ зàмокъ и возвратился съ отвѣтомъ, что его сіятельство не расположенъ принимать постороннихъ

лицъ. Немало удивленный такимъ отвѣтомъ, я возвратился въ городъ и на другой же день послалъ моего унтеръ-офицера объявить палатину, что, на основаніи договора, заключеннаго между Россіей и Рѣчью Посполитой, я требую отъ его сіятельства тѣхъ шести дезертировъ, которые находятся у него въ услуженіи. Палатинъ, человѣкъ извѣстный во всей Польшѣ своими странностями, велѣлъ отвѣчать моему посланному, что, будучи самъ Рѣчью Посполитой и имѣя право дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію, не выдастъ мнѣ ни одного дезертира.

Извѣстивъ фельдмаршала объ этомъ эпизодѣ, я получилъ отъ него приказаніе постараться передать графу Яблоновскому письмо, написанное имъ, графомъ. Чтобъ не подвергаться опять отказу, я написалъ палатину, что съ курьеромъ прислано къ нему письмо отъ фельдмаршала, которое я обязанъ лично вручить ему, для чего и прошу назначить мнѣ день и часъ, въ который его сіятельство намѣренъ принять меня съ честью, подобающей Русскому офицеру. Я приказалъ моему унтеръ-офицеру, одѣвшись почище и взявъ съ собой двухъ драгунъ, отправиться съ этимъ письмомъ въ зàмокъ. Выдумка моя удалась. На другой день палатинъ прислалъ своего дворянина и коляску, въ которую были запряжены шесть лошадей, и передъ ней мѣрно шагали четыре лакея. Пожелавъ окончить, съ подобающей честью, начатую мною комедію, я встрѣтилъ посланнаго при входѣ въ мою комнату и принялъ на себя важный видъ.

Дворянинъ, пренизко поклонившись и титулуя меня ваше высокородіе (grandeur), объявилъ, что его господинъ изволитъ принять меня на слѣдующій день въ 10 часовъ и пришлетъ за мной экипажъ. Самое смѣшное въ этой церемоніи было то, что этотъ дворянинъ принадлежалъ къ числу моихъ пріятелей. Меня смѣшили всѣ эти поклоны, и я приглашалъ его присѣсть; но онъ дѣлалъ мнѣ знаки и отказывался, давая мнѣ понять, что за нимъ наблюдаютъ. На другой день онъ явился ко мнѣ въ парадной каретѣ, въ 6 лошадей, съ 4 лакеями и 2 ливрейными гайдуками на запяткахъ. Такъ какъ теперь за нимъ никто не присматривалъ, то мы весело позавтракали и довольно посмѣялись надъ причудами его барина. Затѣмъ сѣлъ я съ нимъ въ карету, сопровождаемый 4 драгунами. Унтеръ-офицера посадилъ я въ мой берлинъ, въ который было заложено 6 лошадей. Когда мы въ такомъ парадѣ подъѣхали къ зàмку палатина, то выстроившаяся передъ воротами, въ двѣ линіи, рота пѣхоты сдѣлала на караулъ, а стоявшіе во дворѣ драгуны, при приближеніи моей кареты, отдали честь, при музыкѣ. Меня встрѣтило нѣсколько дежурныхъ дворянъ, которые, идя передо мной по двое въ рядъ, провели въ апартаменты его сіятельства, гдѣ я и узрѣлъ его сидящимъ въ креслѣ, съ покрытой головой. При мо-

емъ приближенiи онъ привсталъ, снялъ шляпу и опять сѣлъ. Низко поклонившись привѣтствовалъ я его напыщенною рѣчью на Французскомъ языкѣ и передалъ письмо фельдмаршала на большой серебряной тарелкѣ, поданной мнѣ пажемъ. Прочитавъ письмо, палатинъ попросилъ меня сѣсть и сказалъ по-французски же: «Я очень доволенъ, что гр. Мюнихъ послалъ ко мнѣ офицера, съ коимъ я могу говорить; я охотно соглашаюсь на предложенiе фельдмаршала и, дабы выразить вамъ мое благорасположенiе, прикажу моему капитану выдать вамъ требуемыхъ драгунъ». Пригласивъ меня къ своему обѣду, онъ ушелъ въ кабинетъ. Меня проводили на половину супруги палатина, добродѣтельной дамы, терпѣливо переносившей странности мужа. Прiятность бесѣды съ ней была прервана приходомъ дворецкаго съ приглашенiемъ къ столу. За обѣдомъ находились епископъ и нѣсколько дамъ и мужчинъ; угощенiе было роскошное и продолжалось три часа.

Проводили меня съ такими же почестями какъ утромъ, и такимъ образомъ окончилось первое дѣйствiе комедiи. Второе разыгралось нѣсколько недѣль спустя, когда прибылъ изъ Петербурга курьеръ съ орденомъ Св. Андрея, пожалованнымъ г. палатину. Я поѣхалъ извѣстить о томъ его сiятельство, при чемъ были соблюдены тѣже церемонiи, какъ и въ первый разъ, но, сверхъ того, звѣзда и лента ордена были внесены въ комнату однимъ дворяниномъ на богато убранной бахрамой и галунами малиновой бархатной подушкѣ. По окончанiи обѣдни (grande messe) палатинъ самъ возложилъ на себя ленту, а звѣзду, по его просьбѣ, прицѣпилъ ему я; въ тотъ же моментъ послѣдовали съ фортовъ зàмка сто салютацiонныхъ выстрѣла. Подъ шумъ этой пальбы моя жена, гостившая уже съ недѣлю у палатинши, разрѣшилась отъ бремени здоровымъ мальчикомъ, котораго крестнымъ отцомъ пожелалъ быть самъ палатинъ, упросивъ меня нарѣчь сына Андреемъ. Церемонiя крестинъ сопровождалась 20 выстрѣлами. При всѣхъ своихъ странностяхъ этотъ баринъ оказалъ Россiи добрыя услуги, не причиняя вреда своему отечеству.

Маiоръ нашей армiи Фонъ-Графъ, отправляясь въ Петербургъ съ важными депешами, сталъ жаловаться на головную боль и на то, что его одолѣваетъ сонъ. Я уложилъ его въ кровать; проспавъ два часа, онъ сказалъ, что въ состоянiи ѣхать далѣе. Моя квартира находилась на берегу рѣки; вышедши за дверь, маiоръ замѣтилъ рыбаковъ, вытаскивавшихъ сѣть, и изъявилъ желанiе поѣхать къ нимъ на лодочкѣ, чтò мы, при помощи двухъ гребцовъ, и сдѣлали. Маiоръ все это время разговаривалъ самъ съ собой на непонятномъ мнѣ языкѣ, громко хохоталъ, затѣмъ, разстегнувъ свой камзолъ, такъ внезапно и ловко бросился въ рѣку, что я не имѣлъ никакой возможности его удержать.

Напрасно призывалъ я рыбаковъ на помощь: маіора Фонъ Графа не стало. Спустя нѣсколько часовъ, былъ принесенъ его трупъ и найденные при немъ золотые часы и 150 червонныхъ въ кошелькѣ, въ которомъ находился также серебряный медальонъ съ портретомъ очень красивой дамы. Меня очень затрудняли найденныя при маіорѣ депеши; опасаясь отправить ихъ съ эстафетой, я уже располагалъ отправиться съ ними въ Кіевъ для врученія г. Неплюеву, когда меня избавилъ отъ этого труда курьеръ, ѣхавшій изъ арміи въ Петербургъ. Я отдалъ ему также чемоданъ покойнаго маіора, часы и кошелекъ. Опись всѣхъ этихъ вещей была, съ приложеніемъ печати, засвидѣтельствована нотаріусомъ.

Всю зиму я провелъ очень весело у палатина графа Яблоновскаго, допускавшаго меня къ себѣ уже безъ всякихъ церемоній. Полковникъ Браунъ, въ настоящее время графъ Св. Римской имперіи, генералъ-аншефъ и Рижскій губернаторъ *), проѣздомъ черезъ Острогъ изъ императорской арміи въ Венгрію, въ Мартѣ 1739 года, оставилъ мнѣ приказъ направлять курьеровъ черезъ Ландсгутъ, а въ началѣ Мая мѣсяца устроить мою станцію въ Пиковѣ. Въ Августѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Пиковъ комисаръ для закупки фуража и продовольствія, наполнилъ ими два магазина и вручилъ мнѣ предписаніе комисаріата принять все это въ мое завѣдываніе и продовольствовать проходящіе полки; затѣмъ онъ отправился далѣе въ Польшу, для устройства магазиновъ на путяхъ, по коимъ армія должна была слѣдовать въ Украйну.

Первымъ прослѣдовалъ фельдмаршалъ графъ Мюнихъ. Вся свита его состояла изъ однаго адъютанта, капитана графа Бельмэна (Belmain) и 50 драгунъ. Его сіятельство ужиналъ у генеральши Левендаль, а на другой день, уѣзжая, спросилъ онъ меня, какого рода подаркомъ наградилъ меня (Германскій) императоръ. Мой отвѣтъ былъ: всемилостивѣйшимъ дозволеніемъ поцѣловать руку его величества. Графъ засмѣялся и далъ мнѣ совѣтъ, по окончаніи дѣлъ съ комисаріатомъ, взять отпускъ и ради моей пользы навѣстить его въ Петербургѣ.

Полки стали подходить не ранѣе какъ въ Октябрѣ. По проходѣ послѣдняго изъ нихъ, оставалось у меня на рукахъ около 50 мѣшковъ муки. По донесеніи о томъ комисаріату, я получилъ приказъ продать ихъ, а вырученныя деньги и квитанціи отъ полковъ сдать въ Кіевѣ. Я сбылъ муку безъ всякаго затрудненія Жидамъ и уже чрезъ 8 сутокъ, въ Январѣ 1740 г., былъ въ Кіевѣ. Имѣя надобность отправиться по семейнымъ дѣламъ въ Литву, я просилъ нашего бригаднаго командира генералъ-маіора Стрѣшнева дать мнѣ полугодовой отпускъ, или, по

---

*) Браунъ умеръ въ 1792 г. Лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ. А. Ч.

крайней мѣрѣ, дозволить проводить г-жу Левендаль въ Петербургъ, гдѣ находился ея мужъ; но онъ отозвался неимѣніемъ на то права и приказалъ мнѣ явиться въ мой полкъ (Воронежскій), стоявшій въ Лубнахъ, а для сопровожденія г-жи Левендаль отрядилъ унтеръ-офицера. Сдавъ въ одну недѣлю всѣ дѣла по комисаріату, я со своимъ маленькимъ семействомъ отправился въ Лубны. Мой полковой командиръ принцъ Гольштейнъ-Бэкъ находился въ годовомъ отпуску, а нашей бригадѣ назначено было идти, въ Мартѣ мѣсяцѣ, въ лагерь подъ Переволочну и рыть тамъ укрѣпленія.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ прибылъ туда генералъ-поручикъ Кейтъ. Я обратился къ нему съ просьбою дозволить мнѣ ѣхать въ Петербургъ; но онъ также не могъ, или не пожелалъ, дать мнѣ отпускъ, а обѣщалъ отправить меня курьеромъ тотчасъ по возвращеніи его съ Турецкимъ посланникомъ, за которымъ онъ намѣренъ былъ отправиться на границу. Данное обѣщаніе не могло было исполнено вслѣдствіе неожиданнаго событія: смерти императрицы Анны Ивановны, случившейся 28 Октября 1740 года. Своимъ наслѣдникомъ императрица назначила груднаго младенца, принца Ивана, сына принца Антона-Ульриха Брауншвейгъ-Люнебургскаго и Анны (Леопольдовны), принцессы Мекленбургской, а регентомъ Всероссійскимъ—герцога Курляндскаго Эрнста Бирена (Bireen). Регентство его было весьма непродолжительно: онъ былъ низвергнутъ и сосланъ въ Сибирь, а принцесса, мать императора, была провозглашена великой княгиней и регентшей.

—

Наступила для меня замѣчательная эпоха, когда рушилось все мое счастіе, хотя въ то время я и не имѣлъ повода жаловаться на свою судьбу; напротивъ, она была завидной, такъ какъ деньги для многихъ смертныхъ составляютъ верхъ счастія. Мнѣ недоставало лишь позволенія отправиться въ Литву или Петербургъ. Изъ Переволочной отправились мы на зимнія квартиры въ Васильковъ. Затѣмъ нашему полку было приказано идти въ Москву. Передъ уходомъ изъ Василькова умеръ нашъ подполковникъ Финекъ; на смертномъ одрѣ онъ упросилъ меня, какъ католика, быть опекуномъ его 15 лѣтней незаконной дочери.... Она вышла вскорѣ замужъ за нашего квартирмейстера.

Мы пришли въ Москву въ концѣ Іюня мѣсяца. Тамъ находились три пѣхотныхъ полка, назначенные, какъ и нашъ, идти въ Петербургъ. Походъ нашъ въ эту столицу продолжался два мѣсяца; трудно было дорогой добыть продовольствіе, и приходилось очень дорого платить за него. Я оставилъ мою жену въ Москвѣ у одного Французскаго врача, съ платою за квартиру со столомъ по 10 рублей въ мѣсяцъ. Восемь изъ моихъ 13-ти лошадей я продалъ за 540 рублей и прибылъ въ Нов-

городъ только съ пятью. Такъ какъ тамъ было приказано полку отправиться въ Петербургъ на баркахъ, то я продалъ и эти пять за 400 рублей. Когда мы достигли Устьижоры, то секундъ-маіору нашего полка съ 450 людьми, при 8 офицерахъ, было приказано спѣшить въ Петербургъ, чтобы сѣсть тамъ на галеры. Я находился въ числѣ офицеровъ отряда, который помѣстился на трехъ небольшихъ баркахъ. Мы причалили, около 7 часовъ вечера, у Литейной (la fonderie), въ концѣ Сентября мѣсяца. Время было дождливое и холодное. Желая обогрѣться, я съ однимъ изъ нашихъ капитановъ отправился черезъ царскій садъ на Миліонную, гдѣ находился трактиръ Иберкамфа. Здѣсь нашли мы большое общество, одна часть котораго играла въ карты, другая пила пуншъ или курила трубки. Кто-то изъ гостей произнесъ имя моего зятя Г. Узнавъ изъ разспросовъ, что этотъ Г. служитъ интендантомъ при дворѣ и живетъ во дворцѣ, я тотчасъ же отыскалъ его и встрѣтился тамъ съ моими матерью, сестрою......... Здѣсь я узналъ, что фельдмаршалъ графъ Мюнихъ находится въ столицѣ, но собирается уѣхать въ Германію. Одинъ изъ гостей вызвался проводить меня къ нему и обѣщалъ зайти за мною въ 5 часовъ утра. Получивъ отъ зятя приглашеніе остановиться у него, я отправился на барку и заявилъ о томъ моему маіору.

Мой пріятель заѣхалъ за мною и отвезъ меня въ своемъ экипажѣ во дворецъ фельдмаршала. Собравшись выѣзжать, графъ принялъ меня очень любезно и, освѣдомившись о причинахъ моего запоздалаго прибытія въ Петербургъ, пригласилъ отправиться съ нимъ къ генералиссимусу. «Я представлю васъ ему, сказалъ онъ мнѣ, и увѣренъ, что принцъ тотчасъ-же васъ вспомнитъ»...

Шелъ только 7-ой часъ утра, а въ пріемной его высочества толпилось уже нѣсколько знатныхъ господъ и генераловъ. Принцъ не замедлилъ выйти; графъ Мюнихъ, поговоривъ съ нимъ, подалъ мнѣ знакъ подойти. Принцъ, узнавъ меня, спросилъ, откуда я прибылъ. Я отвѣчалъ—изъ Украйны, съ моимъ полкомъ и что я назначенъ на галеры. Вслѣдъ затѣмъ принцъ провелъ меня на половину великой княгини и представилъ меня ея высочеству, какъ офицера, рекомендованнаго Польскимъ королемъ и участвовавшаго въ Турецкомъ походѣ. Когда фельдмаршалъ сообщилъ регентшѣ, что я, во время этого похода, исполнялъ нѣсколько секретныхъ его порученій, то ея высочество дозволила мнѣ поцѣловать ея руку и поздравила съ чиномъ капитана. Фельдмаршалъ отпустилъ меня, приказавъ зайти къ нему на другое утро.

Я разсказалъ моей матери о той чести, которой я былъ удостоенъ, присовокупивъ однако, что все это не отклонитъ меня отъ намѣренія выйти въ отставку. Явившись на другой день къ фельдмаршалу,

я объявилъ ему, что семейныя дѣла призываютъ меня въ Польшу, и попросилъ его исходатайствовать мнѣ мою отставку. Его сіятельство находилъ, что я поступаю очень неблагоразумно, уходя со службы въ военное время *); онъ совѣтовалъ мнѣ остаться и добрымъ поведеніемъ заслужить дальнѣйшее повышеніе. Затѣмъ пообѣщалъ онъ напомнить принцу о выдачѣ мнѣ патента на чинъ капитана. Я просилъ фельдмаршала сохранить ко мнѣ свою благосклонность, что̀ онъ и обѣщалъ. Кто могъ подумать, чтобы паденіе этого вельможи было такъ близко! Оно послѣдовало черезъ нѣсколько недѣль.

Такъ какъ продовольственные запасы, назначенные для Выборга, не были еще погружены на барки, то мнѣ оставалось достаточно времени для развлеченія. Познакомившись съ однимъ поручикомъ, предсѣдателемъ братства, именующагося «Великій Моголъ», я вступилъ въ это общество и былъ назначенъ состоять при его главѣ визиремъ. Это братство ежедневно собиралось въ ресторанѣ, который содержалъ Итальянецъ. Я истратилъ до 300 рублей на угощеніе братьевъ ужинами столь же веселенькими, какъ бывшіе въ Гроднѣ..... На 7-ой день послѣ моего вступленія, насъ братьевъ очень встревожило отсутствіе нашего предсѣдателя. Къ нашему немалому удивленію мы узнали, что Военная Коллегія препроводила его въ Тайную Канцелярію, чтобы допросить его что̀ именно представляетъ изъ себя «Братство Великаго Могола». Мы, конечно, тотчасъ же рѣшили прекратить наши засѣданія.

—

Моя мать, еще при жизни императрицы Анны Ивановны, пріѣхала въ Петербургъ, съ намѣреніемъ просить объ уплатѣ 7000 рублей, которые ей были присуждены изъ военной кассы, комиссіей, назначенной этой государыней въ Польшѣ, какъ вознагражденіе за грабежъ и пожары, учиненные въ ея староствѣ Русскимъ партизаномъ Коробовымъ. По смерти Анны Ивановны, прошеніе моей матери препровождалось изъ одного департамента въ другой, такъ что, лишь при бракосочетаніи великаго князя, получила она возможность подать просьбу омператрицѣ Елисаветѣ, которая приказала г-ну Черкасову выплатить изначенные 7000 р., а матери, по полученіи ихъ, явиться въ Петергофъ. Прождавъ около мѣсяца, мать моя получила отъ г. Черкасова только 4000 р. и, не рѣшаясь жаловаться, принесла императрицѣ свою благодарность. Щедрая монархиня подарила ей два куска цѣнной матеріи и 500 только что отчеканеныхъ червонцевъ.

Не смотря на то, что я ежедневно ѣздилъ на поклонъ какъ къ генералиссимусу, такъ и къ графу Миниху, приказъ о моемъ производствѣ

*) Швеція объявила войну Россіи 28 Іюля 1741 г. А. Ч.

въ чинъ капитана всетаки не появлялся. Все на галерахъ было готово, и мы отплыли, Невою, въ числѣ 25 судовъ. Моя галера прибыла въ Кронштадтъ лишь на третій день. Мы оставались тамъ три недѣли въ безполезныхъ занятіяхъ, пока на морѣ не появились льдины, что̀ и помѣшало намъ покинуть портъ. Черезъ три дня море, вплоть до Ораніенбаума, совершенно замерзло. Испросивъ разрѣшеніе отъ генералъ-аншефа де-Любраса отправиться въ Петербургъ, я, въ сопровожденіи четырехъ надежныхъ матросовъ, добрался по нетвердому льду, пѣшкомъ, перекидывая доски черезъ трещины, до Ораніенбаума. Когда я отъѣхалъ отъ Петергофа, то послышалась пальба въ Петербургѣ, прекратившаяся лишь при приближеніи къ Калинкиной (sic). Подъѣхавъ къ императорскому дворцу, я былъ пораженъ звуками флейтъ и барабановъ. Я приписалъ эту музыку военнымъ забавамъ генералиссимуса, но скоро убѣдился въ своей ошибкѣ. Вошедъ въ квартиру моего зятя, я засталъ тамъ съ дюжину Преображенскихъ гренадеръ, стоявшихъ на колѣнахъ (tous à genoux). Одинъ изъ нихъ, назвавъ меня братомъ, сказалъ: выпьемъ-ка за здоровье нашей матушки-императрицы Елисаветы! Догадываясь о совершившемся переворотѣ и не желая возбуждать подозрѣнія, я также опустился на колѣна и, дѣлая видъ, что пью, сталъ кричать за одно съ компаніей: да здравствуетъ Елисавета! Осушивъ до 20 бутылокъ вина и проглотивъ по большому стакану водки, Преображенцы поднялись и стали просить денегъ на угощеніе ихъ женъ и дѣтей за здоровье матушки-императрицы. Мой зять далъ имъ 5 рублей, но они потребовали больше. Тогда я рѣшительнымъ тономъ объявилъ имъ, что у интенданта нѣтъ времени, что я пришелъ отъ императрицы съ приказаніемъ ему тотчасъ же явиться къ ея величеству. Они повѣрили моей выходкѣ и удалились. Мои мать и зять, узнавъ, что я только что прибылъ изъ Кронштадта, сообщили мнѣ, что принцесса Елисавета, не болѣе какъ часъ назадъ, вступила на престолъ, и пригласили меня идти съ ними во дворецъ, чтобы взглянуть что́ тамъ происходитъ. Большой залъ дворца былъ полонъ Преображенскими гренадерами. Большая часть ихъ были пьяны; одни, прохаживаясь, пѣли пѣсни (не гимны въ честь Государыни, но неблагопристойные куплеты); другіе, держа въ рукахъ ружья и растянувшись на полу, спали. Царскіе апартаменты были наполнены простымъ народомъ обоего пола. Немало удивило меня встрѣтить здѣсь Лестока*), врача, находившагося на жалованьи при моемъ отцѣ, фамиліярно раз-

*) Лестокъ (L'Estocq) былъ сынъ Французскаго эмигранта, поселившагося въ Гановерскомъ курфиршествѣ. Пріѣхалъ онъ въ Россію въ 1713 г. и служилъ медикомъ при Петрѣ Великомъ.

говаривавшимъ съ ея величествомъ. Императрица сидѣла въ креслѣ, и всѣ, кто желалъ, даже простые бурлаки и женщины съ ихъ дѣтьми, подходили цѣловать у нея руку.

Когда я подошелъ, чтобы также поцѣловать руку императрицы, то она шепнула нѣсколько словъ Г. [1]), и онъ удалился. Я присоединился къ группѣ знатныхъ лицъ и слышалъ разговоръ о томъ, какъ регентша, ея супругъ и лишенный престола младенецъ-императоръ были препровождены въ Лѣтній дворецъ, а графъ Мюнихъ, Остерманъ, Левенвольде и другіе вельможи заключены въ крѣпость. Мой зять сообщилъ мнѣ, что ему и графу Салтыкову [2]) предстоитъ сопровождать Анну Леопольдовну, ея супруга и сына, неизвѣстно куда. Ея величество приказала только все приготовить для того къ слѣдующей ночи.

Моя сестра замѣтила мнѣ, что г.г. гренадеры не забыли взять съ собою изъ дворца золотые часы, висѣвшіе около зеркала, два серебреныхъ шандала и золотой футляръ (étui)......

Зять мой, задержанный во дворцѣ, пришелъ домой поздно ночью. Какъ ни въ чемъ не заподозрѣнный, я могъ присутствовать при отъѣздѣ въ Ригу несчастнаго императорскаго семейства въ 4 часа утра. Его настоящимъ охранителемъ считался графъ Салтыковъ, а Г. была поручена вся хозяйственная часть, во время содержанія несчастныхъ изгнанниковъ въ Динаминдской крѣпости. Тамъ они ни въ чемъ не нуждались, до того времени, пока не были отдѣльно отправлены въ Сибирь [3]). Мой зять поѣхалъ въ Мемель, чтобы вступить тамъ въ должность завѣдующаго домомъ сосланнаго туда (?) принца Антона-Ульриха [4]). По прибытіи туда, черезъ 6 мѣсяцевъ Г. скончался.

—

Потерявъ всякую надежду на повышеніе по службѣ, обѣщанное мнѣ в. к. Анной Леопольдовной, я подалъ нашему фельдмаршалу графу Лесси [5]) прошеніе объ отставкѣ. Также поступили болѣе ста офицеровъ изъ иноземцевъ; но по приказу императрицы всѣмъ было объявлено, что мы должны обождать конца войны [6]). Такимъ образомъ, противъ моей воли, вынужденъ былъ я оставаться на Русской службѣ!

---

[1]) Гермесъ, женатый на сестрѣ автора Записокъ. А. Ч.

[2]) Генералъ Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ. А. Ч.

[3]) Въ Раненбургъ. А. Ч.

[4]) Какъ извѣстно, Елисавета, сначала предполагала отправить все семейство въ Германію. А. Ч.

[5]) Графъ Петръ Лесси (Lascy), род. въ Ирландіи 1678 г., сначала служилъ во Франціи, потомъ служилъ въ Австріи и наконецъ въ Россіи; ум. 1751 г. въ Ригѣ, Лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ. А. Ч.

[6]) Война съ Швеціей возобновлена была въ началѣ 1742 г. А. Ч.

Я присоединился съ моимъ отрядомъ, возвратившимся изъ Кронштата, къ полку, который расположился на зимнихъ квартирахъ въ 40 верстахъ отъ Петербурга, по Московской дорогѣ, въ одномъ большомъ селѣ. Сюда же прибыла, въ концѣ Декабря, моя жена...... Много танцовавъ на одномъ вечерѣ, данномъ нашимъ квартирмейстеромъ, Лифляндцемъ Транзэ, она сильно простудилась и, не смотря на все искусство придворнаго медика, черезъ три дня скончалась......

Въ продолженіе двухъ недѣль я находился между жизнью и смертью.... Не успѣлъ я оправиться отъ болѣзни, какъ полученъ былъ приказъ выступить полку въ Систербекъ. Я купилъ 5 лошадей и запасся провизіей на 6 мѣсяцевъ...... Послѣ трехнедѣльной стоянки въ Систербекѣ, нашъ полкъ вошелъ въ составъ дѣйствующей арміи, которая была сосредоточена подъ Выборгомъ. Здѣсь я встрѣтилъ нашего предсѣдателя братства «Великаго Могола», желавшаго, въ качествѣ волонтера, принять участіе въ кампаніи. Онъ былъ убитъ пушечнымъ ядромъ, когда съ нѣкоторыми нашими генералами, съ одной высоты, обозрѣвалъ Гельсингфорсъ. (Здѣсь авторъ, обращаясь къ тому подполковнику, для котораго онъ писалъ свой дневникъ, говоритъ, что онъ не считаетъ нужнымъ описывать ходъ этой кампаніи, такъ какъ тотъ самъ въ ней участвовалъ).

Когда мой полкъ сталъ на зимнія квартиры въ Рыбацкой (Ribatzeni), я былъ откомандированъ въ Петербургъ, для присутствія въ генеральномъ военномъ совѣтѣ. Такъ какъ мать моя уже болѣе не пользовалась квартирой во дворцѣ, то мнѣ пришлось нанять себѣ квартиру въ Галерной улицѣ (Galeren-hoff), изъ двухъ комнатъ, съ конюшней, за 15 рублей въ мѣсяцъ. Я жилъ тамъ спокойно, отправляясь въ совѣтъ лишь по утрамъ, а вечеръ посвящался различнымъ удовольствіямъ...... Съ приближеніемъ Мая, я долженъ былъ готовиться сѣсть на весельный канчебасъ *). На немъ были грузъ муки, 50 лошадей и орудія. При каждой галерѣ подъ командой офицера состояло 2 канчебаса. Я продалъ моихъ лошадей, а сани и пожитки свои оставилъ у моей матери.

Всѣмъ флотомъ командовалъ адмиралъ графъ Головинъ, а галеры находились подъ (главнымъ) начальствомъ фельдмаршала графа Лесси. Когда мы стояли на Кронштадтскомъ рейдѣ, то къ намъ пожаловала изъ Ораніенбаума императрица. Ея величество изволила взойти на адмиральскій корабль, гдѣ было совершено молебствіе и затѣмъ произведены пушечные и ружейные салюты. Церемонія продолжалась болѣе часа; затѣмъ императрица съѣхала на берегъ и, отобѣдавъ въ адмиралтействѣ, отправилась на яхтѣ обратно въ Петергофъ.

*) Канчебасъ—небольшое Турецкое судно, на которомъ могли помѣщаться до 80 человѣкъ. (Описаніе войны между Россіей и Швеціей въ Финляндіи. Н. Шпилевской). А. Ч.

Галерный флотъ, проплывъ вдоль Финляндскаго берега, остановился у одного пролива, войти въ который ему помѣшалъ Шведскій флотъ. Нашему начальнику, графу Ласси, удалось преодолѣть эту преграду такимъ хитрымъ маневромъ. Замѣтивъ приближеніе нашего большаго флота, поджидаемаго имъ впродолженіи трехъ недѣль, для соединенія съ нимъ, онъ отрядилъ 14 канчебасовъ и далъ тѣмъ непріятелю поводъ предполагать, что этотъ отрядъ составлялъ авангардъ всей нашей галерной флотиліи. Въ этомъ отрядѣ находился также мой канчебасъ. Мы снялись съ якоря въ полночь съ единственнымъ ордеромъ идти въ одну линію, производя какъ можно меньше шума и, до разсвѣта, примкнуть къ нашему флоту. Пройдя небольшими островами, прикрывавшими насъ, мы съ восходомъ солнца пошли открытымъ моремъ и увидѣли нашъ флотъ впереди, а непріятельскій по правую руку и направляющимся на насъ. Съ помощію гребли и небольшаго вѣтра галеры дошли до нашихъ кораблей, стоявшихъ по близости острововъ. Благодаря большому туману, нашимъ галерамъ удалось, незамѣтно для непріятеля, пройти проливомъ и подойти каждой изъ нихъ къ какому-либо кораблю. Моя галера присоединилась къ «Стерляди», подъ командой контръ-адмирала Борха (Borch). Постъ мой, при 30 солдатахъ, находился на кубрикѣ. Морскіе солдаты расположены были у бортовъ судна. Весь флотъ, вытянувшись по правой линіи, приготовился къ бою. Непріятельскій же флотъ, выстроившись кривой линіей, постоянно лавируя, двое сутокъ стоялъ въ виду нашего, но на третій день совершенно исчезъ съ горизонта.

Послѣ однодневнаго крейсированія, мы бросили якорь въ Балтійскомъ Портѣ. Затѣмъ, при попутномъ вѣтрѣ, на нашихъ канчебасахъ, въ сопровожденіи двухъ кораблей, мы направились къ Финляндскому берегу и вошли въ Гельсингфорскую гавань. Совершили мы нашъ путь до Гельсингфорса въ 8 часовъ времени и простояли тамъ 15 дней, въ ожиданіи дальнѣйшаго приказа. На 20-й день мы подошли къ Аландскимъ островамъ, гдѣ галеры стояли на якорѣ, а войско на берегу, въ палаткахъ. Мой канчебасъ, съ 7-ю драгунами, былъ отряженъ для перевозки больныхъ въ Абоскій лазаретъ. Ген.-аншефъ Румянцовъ, первый уполномоченный (ministre) на происходившемъ тамъ конгрессѣ, ради бо́льшей торжественности, удержалъ меня 5 дней съ 8 канчебасами, бывшими подъ моей командой. Разсвѣченные флагами, мы выстроились въ линію по рѣкѣ, насупротивъ жилища его сіятельства и, въ день обмѣна прелиминарныхъ статей мирнаго договора, приказано было мнѣ произвести 101 салютаціонный выстрѣлъ изъ орудій и дать 3 ружейныхъ залпа *). Во

*) Миръ съ Швеціей былъ подписанъ въ Або 1-го Августа 1743 года. А. Ч.

время банкета, даннаго главноуполномоченнымъ Шведскимъ посланникамъ и знатнымъ лицамъ города, при заздравныхъ тостахъ, происходила также пальба на канчебасахъ. По невозможности дать балъ, за неимѣніемъ дамъ, происходила на вечерѣ крупная карточная игра на нѣсколькихъ столахъ. На мое несчастіе при мнѣ находилось 600 червонныхъ, которые я и спустилъ въ фараонъ.

Главнокомандующій графъ Ласси, возвратясь къ Аландскимъ островамъ и отпраздновавъ предварительный миръ, приказалъ намъ идти въ Петербургъ. Мы бросили тамъ якорь, въ Сентябрѣ. Мой новый полковой командиръ, полковникъ Румянцовъ, сынъ ген.-аншефа, пробылъ тамъ нѣсколько дней и оставилъ на мое попеченіе весь полковой обозъ и команду изъ 30 чел., приказавъ тотчасъ по полученіи необходимыхъ подводъ отвезти ихъ на зимнія квартиры.

—

Въ это время Петербургъ былъ полонъ различнаго рода авантюристами, которые собирались по вечерамъ у Берлира (Berlir) или у Дюбюисона (Dubuisson). У меня было 5000 червонныхъ, съ которыми я, получивъ увольненіе отъ службы, могъ бы хорошо жить въ Польшѣ; но мой злой геній увлекъ меня! Съ этими деньгами я попыталъ свое счастіе противъ Лестока, брата выскочки, врача-Лестока, называвшаго себя подполковникомъ на службѣ Саксонскаго курфюрста. Въ компаніи съ нѣкіимъ Фаринази, котораго я знавалъ фехтовальнымъ учителемъ въ Варшавѣ и который выдавалъ себя за капитана военнаго корабля, на Испанской службѣ, тотъ Лестокъ держалъ банкъ въ упомянутыхъ заведеніяхъ. Эти два профессіональные игрока, желая завлечь меня, два или три вечера дали мнѣ выиграть сотню червонныхъ, но затѣмъ, посредствомъ шулерскихъ пріемовъ, лишили меня не только всего моего капитала, но и всѣхъ драгоцѣнностей, принадлежавшихъ моей покойной женѣ.

Затѣмъ авторъ, разсказавъ, какъ онъ, прельстившись красотой и приданымъ (отъ 6 до 7. тыс. рубл.) дочери одной вдовы, бывшей гувернанткой у принца Карла Курляндскаго и облагодѣтельствованной императрицей Анной, имѣлъ несчастіе вступить во второй бракъ, продолжаетъ.

Спустя двѣ недѣли послѣ моей свадьбы, получивъ изъ комисаріата подводы, долженъ я былъ готовиться къ отъѣзду. Черезъ нѣсколько недѣль по прибытіи въ Дмитровъ, гдѣ находились зимнія квартиры моего полка, мнѣ поручено было отправиться, съ командой изъ 40 человѣкъ, на одну станцію, черезъ которую императрица, отправляясь въ Москву, должна была проѣхать. Уже 5 дней находился я на назначенномъ мнѣ посту, когда ея величество изволила прибыть туда, около

10 часовъ утра. Я стоялъ при входѣ (на станцію), когда императрица, направляясь въ комнату, сказала своему гофмаршалу (maréchal) Шепелеву *), что не пора ли выпить водки и съ рѣдькой (raifort). Замѣтивъ, что гофмаршалъ затруднялся, гдѣ послѣднюю добыть, я предложилъ ему собственную, необыкновенной величины. Такъ какъ г. Шепелевъ меня хорошо зналъ, то и согласился принять мое приношеніе, предложивъ мнѣ самому поднести рѣдьку ея величеству. Елисавета Петровна, при видѣ рѣдьки, покраснѣла, но дала мнѣ поцѣловать руку и спросила о моемъ имени, отечествѣ и чинѣ. Отвѣтивъ на всѣ эти вопросы, я возъимѣлъ надежду сдѣлаться по крайней мѣрѣ ротнымъ командиромъ; вмѣсто того ея величество только приказала своему гофмаршалу дать мнѣ рюмку водки и сто рублей. Императрица не замедлила отправиться далѣе, а гофмаршалъ обѣщалъ выдать мнѣ деньги въ Москвѣ. Пришедъ въ Москву, въ числѣ 5 пѣхотныхъ и 2 драгунскихъ полковъ, мы расположились лагеремъ на Ходынкѣ.

Нѣсколько разъ приходилъ я къ г. Шепелеву за полученіемъ обѣщанныхъ мнѣ ста рублей, но онъ все со дня на день увертывался, и я ихъ получилъ только сюрпризомъ, когда, по случаю празднованія мира съ Швеціей, былъ отряженъ съ 100 ч., съ фонарями, для иллюминаціи Кремля, и когда, находясь въ распоряженіи гофмаршала, имѣлъ свободный входъ во дворецъ. Въ тотъ моментъ, когда ожидали въ большомъ залѣ императрицу, для обозрѣнія всѣхъ приготовленій, я, раскланявшись съ г. Шепелевымъ, объявилъ ему, что намѣренъ заявить ея величеству о томъ, что еще не получилъ отъ него ста рублей. Онъ разсмѣялся и назвалъ меня дуракомъ. Между тѣмъ вошла императрица; я сдѣлалъ шагъ впередъ, какъ бы желая къ ней подойти; но гофмаршалъ, опасаясь, чтобы я въ самомъ дѣлѣ не исполнилъ мою угрозу, отвелъ меня въ сторону и, пригласивъ въ свои апартаменты, отсчиталъ мнѣ 50 двухрублевыхъ червонныхъ.

—

Въ это время многія провинціи страдали отъ разбойниковъ, и для поимки ихъ потребовано было Сенатомъ 40 офицеровъ, изъ иностранцевъ, говорящихъ по-русски. При отправленіи вручена была мнѣ секретная строгая инструкція, за собственноручной подписью императрицы. Въ ней приказано было воеводамъ (woyewodes) тѣхъ 10 воеводствъ, которыя я долженъ былъ объѣхать, представить оправдательные документы относительно ихъ административныхъ распоряженій и, главное, жалобъ, поданныхъ на разбойниковъ и на грабежи, совершенные въ ихъ округѣ; за тѣмъ провѣрить, на основаніи журналовъ, какой

*) Оберъ-гофмаршалъ Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ. А. Ч.

судъ и расправу они по этимъ дѣламъ учинили; наконецъ, въ случаѣ кто изъ нихъ будетъ найденъ мною (?) виновнымъ, отправлять ихъ на ихъ же счетъ въ Москву, въ Сенатъ.

Въ первомъ обревизованномъ мною городѣ все было въ порядкѣ. Воевода, предваривъ меня, что въ лѣсу, которымъ необходимо было мнѣ ѣхать, находятся разбойники, предложилъ пѣшій конвой ландмилиціи; но я, зная, что въ ту сторону направляется отрядъ драгунъ (который и былъ мною настигнутъ по срединѣ лѣса), отказался отъ него и взялъ только одного проводника. Офицеръ этого отряда сообщилъ мнѣ, что начальникъ его уѣхалъ впередъ въ своемъ дормезѣ. Убѣдившись въ безопасности пути, я отпустилъ моего проводника, чтобы онъ увѣдомилъ о томъ воеводу. Проѣхали съ версту, и я услыхалъ рѣзкій жалобный крикъ. Пересѣвъ изъ дормеза на лошадь, я послалъ моего писаря къ драгунскому поручику сказать ему, чтобы тотъ спѣшилъ на помощь. Отправившись на крикъ, я увидѣлъ стоявшій посреди дороги дормезъ и 6 или 10 людей, которыхъ я призналъ за разбойниковъ, угощающихъ батогами человѣка, лежавшаго почти безъ движенія. Я зналъ отъ поручика, что пострадавшій—его капитанъ, и спросилъ послѣдняго о виновникѣ его печальнаго положенія. Увы! это былъ атаманъ разбойниковъ Хомутъ. Не разспрашивая его, я только показалъ ему указъ и статью моей инструкціи относительно отрядовъ, направленныхъ въ поискъ за разбойниками, за тѣмъ распорядился перенести его въ дормезъ и въ сопровожденіи конвоя везти въ городъ Суздаль *).

Поручикъ отрядилъ 30 ч., при корнетѣ, въ лѣсъ на преслѣдованіе разбойниковъ, себѣ оставилъ 40 ч., а мнѣ для безопаснаго слѣдованія далъ 10 ч. Изъѣздивъ весь лѣсъ вдоль и поперекъ и не нашедши слѣдовъ разбойниковъ, драгуны явились въ деревню, гдѣ я ихъ поджидалъ. На слѣдующій день вечеромъ пришли мы въ Суздаль, и я остановился у воеводы, который, самъ помѣщаясь въ небольшой квартирѣ, приказалъ отвести мнѣ обывательскую квартиру. Отправились мы съ воеводой къ пострадавшему капитану, и тотъ разсказалъ намъ, что въ то время какъ онъ спокойно ночевалъ въ своемъ дормезѣ, на него напало до 12 разбойниковъ; одинъ изъ нихъ спросилъ его, кто онъ такой и когда онъ объявилъ, что онъ драгунскій капитанъ и посланъ ловить разбойниковъ и что его отрядъ за нимъ слѣдуетъ, то его разложили на землѣ и стали бить батогами, приговаривая: «Я Хомутъ, начальникъ надъ тѣми, кого ты ищешь». (Деньщикъ

---

*) „Князь Хованскій объявилъ, что разбойники приходили многолюдствомъ въ Суздальское его село Пестяково... Генералъ Шереметевъ объявилъ... атаману шайки прозваніе Кнутъ". С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. 21, стр. 313.

поразсказалъ, что Хомутъ, когда капитана били, говорилъ: «впредь будешь лучше исполнять твои обязанности»). Затѣмъ, увидя приближающихся драгунъ, разбойники скрылись въ лѣсу. Подъ хорошимъ конвоемъ отослалъ я капитана въ Москву, въ Сенатъ, при рапортахъ воеводы и моемъ, на что̀ меня уполномочивала данная мнѣ инструкція.

Разслѣдованіе большого количества поданныхъ мнѣ жалобъ удержало меня въ Суздалѣ долѣе, чѣмъ мнѣ было то желательно.

1-го Октября меня, съ воеводой и всѣми знатными людьми города, пригласили въ женскій монастырь на праздничный обѣдъ. Хорошенькая монашенка, исполнявшая обязанности виночерпія, принуждала насъ, меня и воеводу, какъ можно болѣе пить..

Экспедиція моя продолжалась два мѣсяца. Мой полкъ нашелъ я на зимнихъ квартирахъ въ Коломнѣ, гдѣ мы стояли до конца 1744 года. Въ Январѣ 1745 г. я, съ 30 людьми, былъ посланъ въ Калугу для пріема и препровожденія въ Петербургъ 300 лошадей. По пріѣздѣ съ моимъ маленькимъ семействомъ въ Москву, г-жа Корфъ, рожд. графиня Скавронская, упросила мою жену отправиться съ ней въ Смоленскую губернію, въ имѣніе ея мужа, камергера *). Мои теща и сынъ остались при мнѣ.

Въ концѣ Марта сдалъ я 300 лошадей Военной Коллегіи въ Петербургѣ... Нашъ полкъ прибылъ туда лишь въ Іюнѣ и расположился на Васильевскомъ островѣ. Зимнія квартиры были отведены намъ на Кирпичныхъ заводахъ. Любовная интрига нашего полковника Румянцова съ женою одного гофъ-фурьера, братъ котораго былъ камергеромъ, повлекла за собой приказъ отправиться полку, въ 24 часа, въ Финляндію. Штабъ нашего полка расположился въ деревнѣ, подъ Выборгомъ; я же въ 30 верстахъ отъ этого города, у одной вдовы приходскаго пастора... Въ Маѣ отправился я въ лагерь, стоявшій подъ Выборгомъ.

Когда ея величеству угодно было приказать прибавить къ 42 полкамъ по 3-му баталіону, то я былъ произведенъ въ капитаны и переведенъ въ 3-й баталіонъ Невскаго полка. Въ спискѣ вновь произведенныхъ капитановъ, къ моему удовольствію, стоялъ я выше всѣхъ. Не безъ сожалѣнія разстался я съ Воронежскимъ полкомъ, въ коемъ прослужилъ поручикомъ 10 лѣтъ сряду.

По пріѣздѣ въ Петербургъ посчастливилось мнѣ помѣстить моего сына въ кадетскій корпусъ. Приведши въ порядокъ свои дѣла, я прямо отправился въ Калугу, гдѣ пребывалъ генералъ-маіоръ Таракановъ,

---

*) Это имѣніе—село Дугино, Сычевскаго уѣзда, нѣкогда принадлежавшее Никону, нынѣ принадлежитъ княгинѣ М. А. Мещерской. П. Б.

командовавшій баталіонами и занятый рекрутскимъ наборомъ. Явившись къ нему, по приказанію Военной Коллегіи, получилъ я порученіе сформировать 3 баталіона и принять надъ ними команду. Баталіонъ новобранцевъ Невскаго полка, вполнѣ одѣтый и вооруженный, было мнѣ приказано передать въ Кіевскій полкъ, направлявшійся черезъ Калугу въ Ригу, гдѣ генералъ-аншефъ князь Репнинъ формировалъ 30.000 корпусъ для отправки его на Рейнъ. Въ моемъ баталіонѣ оставалось не болѣе 200 новыхъ рекрутовъ, когда, для его комплектованія, я получилъ приказъ отправиться съ нимъ въ Москву. Я прибылъ въ этотъ городъ въ Мартѣ 1748 г. и, употребивъ 8 мѣсяцевъ на его обмундированіе (за что̀ получилъ благодарность), сдалъ его полку, стоявшему въ Царскомъ Селѣ, въ Маѣ 1749 года. Командовалъ полкомъ г. Леонтьевъ. Наши зимнія квартиры находились въ Ладогѣ. Я выписалъ туда мою жену и тещу, и мы прожили тамъ лѣто отъ Мая мѣсяца до Сентября въ лагеряхъ, а зимой въ городѣ въ теченіе двухъ лѣтъ. Въ началѣ 1752 г. произведенъ я былъ въ секундъ-маіоры того же Невскаго полка.

Вскорѣ послѣ того извѣстила меня мать о томъ, что, прибывъ въ Литву, къ моему дядѣ, нашла она его уже 4-й мѣсяцъ въ постели, что его духовникъ представилъ ему двоюроднаго брата, недавно прибывшаго изъ Россіи, гдѣ онъ дослужился до чина поручика и что тотъ офицеръ увѣрялъ, что видѣлъ меня въ Москвѣ и что будто бы я перемѣнилъ католическую религію на православную. Все это очень раздражило, какъ моего дядю, такъ и мать, хотя они нѣсколько сомнѣваются въ моемъ отступничествѣ. Но, продолжала она, если, къ несчастію, ошиблась во мнѣ, то въ такомъ случаѣ мнѣ лучше бы оставаться въ Россіи, такъ какъ теперь въ Польшѣ все для меня потеряно. Въ заключеніе мать писала, что если обвиненіе, взведенное на меня, ложно, то мнѣ слѣдуетъ для примиренія съ дядей поспѣшить пріѣздомъ и оправдать себя въ его глазахъ.

На мое прошеніе дать мнѣ 6-ти мѣсячный отпускъ получилъ я отказъ Военной Коллегіи. Я написалъ объ этомъ моей матери и дядѣ, а для оправданія послалъ имъ свидѣтельство о моемъ вѣроисповѣданіи, выданное моимъ духовникомъ и юридически засвидѣтельствованное свидѣтелями и нотаріусомъ. Въ письмѣ къ дядѣ я пояснилъ, что его духовникъ взвелъ на меня ложное обвиненіе не иначе какъ съ нехорошей цѣлью. Письмо мое успокоило дядю, и онъ выслалъ мнѣ переводъ на 100 червонныхъ, писанный на Петербургскаго негоціанта Погенполя. Далѣе дядя приказывалъ мнѣ бросить службу и какъ можно поспѣшнѣе пріѣхать къ нему. Только послѣ двухмѣсячныхъ хлопотъ могъ я получить мою отставку и уже готовился къ отъѣзду,

какъ получилъ второе письмо отъ матери, въ которомъ она увѣдомляла о томъ, что духовникъ убѣдилъ дядю въ несомнѣнности моего отступничества, которое явствуетъ-де изъ моего непріѣзда, и увѣрилъ дядю, что тотъ подвергнется вѣчному проклятію, если въ своей духовной откажетъ мнѣ что-либо изъ своего имущества. Эти грозныя слова такъ подѣйствовали на дядю, что онъ рѣшился подписать духовное завѣщаніе, составленное Іезуитами, коимъ онъ и отказалъ все свое имущество, исключая нѣсколько предметовъ, находящихся въ домѣ, завѣщанныхъ моей сестрѣ. Духовная была передана сосѣднему помѣщику, назначенному душеприкащикомъ, а на третій день послѣ сего дядя скончался. Іезуиты не препятствовали моей сестрѣ взять изъ усадьбы всю мебель, сундуки, лошадей и экипажи, исключая скотъ. Нашедъ 300 червонныхъ въ одномъ бюро, она рѣшила переслать ихъ мнѣ въ подарокъ, переводомъ на торговый домъ Мейера, на Галерной улицѣ (Galleren-hoff). Въ концѣ письма мать моя сообщала также печальную вѣсть о проигранномъ мною процессѣ о наслѣдствѣ послѣ моей покойной жены. Такимъ образомъ, бросивъ службу, я въ тоже время лишился двухъ наслѣдствъ... Но ни проигрышъ процесса, ни лишеніе наслѣдства, а надежда получить обѣщанное мнѣ тещею приданое, 5—6 тыс. рубл., заставила меня рѣшиться не покидать Россію. Теща, когда я начиналъ напоминать ей о приданомъ и о томъ, что ничего болѣе мнѣ не остается какъ убраться въ Польшу, постоянно отмалчивалась. Уѣхать одному я считалъ неблагоразумнымъ и потому одобрилъ ея планъ завести (въ Петербургѣ) пансіонъ для дѣвицъ. Жена моя преподавала въ немъ Французскій языкъ, а приходящіе учителя—географію, ариѳметику, письмо (à ecrire), танцы и игру на клавикордахъ. Въ продолженіе $1\frac{1}{2}$ года дѣла мои шли очень успѣшно; но вдругъ теща, по какому-то капризу, покинула насъ и переселилась къ одной своей землячкѣ. Вслѣдствіе этого всѣ родители стали брать своихъ дѣтей изъ пансіона.

Послѣ такого злоключенія женѣ моей болѣе ничего не оставалось какъ взять мѣсто гувернантки при двухъ дочеряхъ одного совѣтника; я же нанялъ себѣ комнату за 3 р. въ мѣсяцъ и ходилъ обѣдать въ трактиръ. Въ эту критическую для меня эпоху мой сынъ вышелъ изъ кадетскаго корпуса и поступилъ подпоручикомъ въ одинъ пѣхотный полкъ, стоявшій въ Украйнѣ. Для его экипировки могъ я ему дать только 250 червонныхъ и мое благословеніе.

—

Одинъ авантюристъ, называвшійся Венгерскимъ дворяниномъ и гусарскимъ капитаномъ, прибывъ въ Петербургъ, проявилъ свой талантъ тѣмъ, что постоянно срывалъ банкъ, въ который играли въ

томъ трактирѣ, гдѣ я столовался. Послѣ нѣсколькихъ проигрышей, подмѣтивъ нечистую игру, я попросилъ его не понтировать противъ меня. Этотъ господинъ, по имени Швачекъ, втерся въ дома нѣкоторыхъ знатныхъ особъ и, понтируя или закладывая банкъ-фаро, выигралъ у нихъ нѣсколько тысячъ рублей, послѣ чего тѣ уже не пожелали играть съ нимъ въ иную игру какъ въ quinze. Не понимая тонкостей этой игры и проигравъ въ нее значительную сумму, Швачекъ, замѣтивъ мою счастливую игру, вручилъ мнѣ 1000 рублей съ просьбой заложить банкъ у канцлера графа Бестужева, у котораго происходила игра каждый вечеръ. Игравъ въ домѣ графа нѣсколько разъ, я всегда ставилъ небольшіе куши; поэтому хозяинъ немало былъ удивленъ, когда я однажды заложилъ банкъ на бо̀льшую сумму. Графъ сдѣлалъ мнѣ честь и вступилъ со мною въ разговоръ, разспрашивалъ меня о многихъ предметахъ, между прочимъ и о томъ, по какимъ дѣламъ графъ Мюнихъ меня употреблялъ. Затѣмъ, узнавъ, что я уже болѣе не нахожусь на службѣ, онъ заинтересовался моимъ личнымъ положеніемъ. Относительно заложеннаго мною банка я признался ему, что деньги принадлежали не мнѣ, а капитану Швачеку и что я получалъ съ выигрыша лишь десятую часть, не отвѣчая за проигрышъ.

Канцлеръ въ этотъ вечеръ болѣе не показывался; но когда я въ полночь хотѣлъ отправиться домой, то къ моему удивленію подошелъ ко мнѣ слуга и пригласилъ меня послѣдовать за нимъ къ его сіятельству. Онъ провелъ меня по потайной лѣстницѣ въ кабинетъ графа, сидѣвшаго за письменнымъ столомъ, съ перомъ въ рукѣ. Канцлеръ далъ мнѣ прочесть черновую, только что имъ написанную на французскомъ языкѣ на четырехъ страницахъ поллиста бумагу. По прочтеніи долженъ я былъ, въ его присутствіи, переписать эту бумагу. Принявъ ее отъ меня, графъ сказалъ: «вашимъ почеркомъ я доволенъ; я найду для васъ занятіе, ваша карьера обезпечена, можете полагаться на мое слово; я увѣренъ, что все что̀ вы сообщили мнѣ о занятіяхъ по вашей службѣ—истина; надѣюсь, что всѣ порученія, которыя я вамъ намѣренъ дать, будутъ исполнены аккуратно, осторожно и съ соблюденіемъ секрета. Приходите ко мнѣ завтра, въ полночь, по этой же лѣстницѣ, безъ доклада, но не показывайтесь болѣе въ моихъ собраніяхъ: у меня есть на то причины».

—

Графъ Бестужевъ не оставлялъ меня безъ дѣла: я имѣлъ тайныя и щекотливыя порученія въ Нарвѣ и въ небольшой Шлюссельбургской крѣпости. Дабы я не нуждался въ средствахъ, его сіятельство снабжалъ меня отъ времени до времени деньгами отъ 50 до 100 рублей.

Однажды, имѣя порученіе въ Горную Коллегію, я былъ пріятно удивленъ, встрѣтивъ тамъ г-на Сумарокова (Samarokow), съ которымъ я познакомился въ Кенигсбергѣ, когда онъ тамъ находился «кадетомъ», въ свитѣ посланника графа Левенвольде. Г. Сумароковъ, президентъ Горной Коллегіи, расцѣловавшись со мной и приказавъ дать мнѣ нужную справку, повелъ меня къ себѣ обѣдать, тотчасъ же представилъ своей супругѣ и одному незнакомому мнѣ лицу, назвавъ меня своимъ другомъ и прося его полюбить меня. Очень радъ, отвѣчалъ этотъ господинъ. Спросивъ меня, женатъ ли я и давно ли оставилъ службу, онъ пожелалъ узнать, находится ли при мнѣ моя жена. Удовлетворяя его любопытству, я отвѣчалъ что жена моя живетъ въ гувернанткахъ при двухъ дочеряхъ одного совѣтника, имя котораго мнѣ неизвѣстно [1]).

«Жена ваша находится у меня, возразилъ онъ; переселяйтесь-ка и вы ко мнѣ; я буду тому сердечно радъ, и вы меня нимало не стѣсните». Эти слова были сказаны въ такихъ искреннихъ выраженіяхъ, что я не задумался воспользоваться приглашеніемъ и на другой же день перебрался къ совѣтнику Межанинову. Такъ какъ онъ, состоя членомъ Комерцъ-коллегіи, все утро проводилъ на службѣ, а мнѣ необходимо было уходить по вечера́мъ изъ дому, то, не желая показаться въ его глазахъ какимъ-то гулякой, мнѣ пришлось объяснить ему причину моихъ отлучекъ. Онъ благодарилъ меня за довѣренность, обѣщалъ сохранить мою тайну и, когда потребуется, не оставлять меня своими совѣтами, къ которымъ я неоднократно и прибѣгалъ.

Прошло съ полгода какъ я проживалъ на всемъ готовомъ у г. Межанинова и уже болѣе года продолжалъ заниматься у канцлера, когда графъ Бестужевъ однажды сказалъ мнѣ, чтобы я къ нему явился во время собранія у него и что онъ намѣренъ, въ присутствіи всѣхъ посѣтителей, объявить о моемъ опредѣленіи на должность, которая обезпечитъ меня на весь остатокъ моей жизни. Эта вѣсть о моемъ будущемъ счастіи такъ меня обрадовала, что, пришедъ домой, я разбудилъ добрѣйшаго Межанинова и подѣлился съ нимъ моей радостью.

Увы! всѣ мои надежды рушились, когда я, на другой день, подошелъ ко дворцу канцлера: ворота были закрыты, а у входа стояли двое караульныхъ, не пропускавшихъ въ домъ никого. Спросивъ о причинѣ всего этого, я узналъ, что, въ 2 часа по полудни, канцлеръ былъ арестованъ маіоромъ гвардейскаго полка [2]). Счастливъ я былъ,

---

[1]) По видимому авторъ не находился въ перепискѣ съ своей второй женой. Онъ также ничего не говоритъ о неожиданномъ съ ней свиданіи. Ужъ не жилъ ли онъ съ ней въ разладѣ? А. Ч.

[2]) 14 Февраля 1758 г., когда Бестужевъ входилъ въ зимній дворецъ, караульные,

что вышелъ изъ его кабинета часомъ раньше; иначе и меня постигла-бы участь его секретаря Уберкамфа (Uberkampff), и пришлось бы мнѣ, въ награду за всѣ мои труды, отправиться гонять соболей въ Сибири.

Я былъ такъ убитъ горемъ, что, возвратившись къ г. Межанинову, не въ состояніи былъ промолвить ни одного слова. «Мнѣ извѣстенъ арестъ канцлера, сказалъ мой благодѣтель; понимаю, какъ все это должно было васъ поразить, ибо не сомнѣвался въ намѣреніи Бестужева опредѣлить васъ на службу по гражданской части; но не унывайте, я убѣщаюсь употребить всѣ мои усилія доставить вамъ приличное мѣсто и надѣюсь въ томъ успѣть».

Искренній другъ исполнилъ свое обѣщаніе, и по его рекомендаціи Комерцъ-Коллегія опредѣлила меня на должность интенданта (управляющаго?) Гапсальской таможни, съ окладомъ жалованья 250 р., но съ тѣмъ условіемъ, чтобы обязался я подпискою присягнуть на Русское подданство... Исполнивъ эту формальность, я промѣнялъ мою свободу на очень невѣрное счастье. Теща моя, узнавъ о моемъ назначеніи, пожелала послѣдовать за мною въ Гапсаль [1]).

КОНЕЦЪ 3-ЕЙ ЧАСТИ ЗАПИСОКЪ [2]).

Сообщилъ А. Чумиковъ.

Ревель.
1898.

вмѣсто того чтобы отдать ему честь, окружили его; онъ былъ арестованъ и отведенъ подъ караулъ въ свой собственный домъ, гдѣ содержался подъ строгимъ надзоромъ. „Русская Старина“ 1897 г., кн. 12, стр. 520.

[1]) О женѣ опять ни слова. А. Ч.

[2]) Какъ уже я замѣтилъ, 4-й части Записокъ не оказалось въ Ревельскомъ городскомъ архивѣ. Впрочемъ, что интереснаго могъ намъ сообщить авторъ, проживая въ такомъ захолустьѣ какъ Гапсаль того времени? Въ настоящее время въ Гапсалѣ находится только таможенная застава, при двухъ чиновникахъ и одномъ канцелярскомъ служителѣ. А. Ч.

ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ.

1772.

Кончина жены и старшей дочери побудила графа П. Б. Шереметева покинуть Петербургъ и придворную службу. Императрица Екатерина отпустила своего оберъ-камергера въ Москву и на прощаньи подарила ему свой поясной портретъ, масляными красками [1]). Отнынѣ (съ 1768 года) онъ навсегда водворяется въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на Никольской, но большую часть года проводитъ внѣ столицы, въ любимомъ своемъ Кусковѣ, въ Мещериновѣ и въ Марковѣ. Въ послѣднемъ онъ живетъ осеннее время, когда къ нему съѣзжаются многочисленные гости и псовые охотники.

У него на рукахъ одна только меньшая дочь, Варвара Петровна, о которой одно время мечталъ князь А. Б. Куракинъ [2]). Судя по портрету ея въ молодости, находящемуся въ Кусковѣ, она была красива, о чемъ нельзя и догадаться, глядя на ея же портретъ въ старости, въ огромномъ и неуклюжемъ бѣломъ чепцѣ. Дворъ цесаревича Павла представлялъ тогда особый интересъ. Въ 1771 году великаго князя постигла тяжкая болѣзнь, заставившая всю Россію трепетать за будущность. Екатерина радостно привѣтствовала его выздоровленіе и сильнѣе выдвинула вопросъ о его бракѣ. Изъ числа окружавшихъ Цесаревича молодыхъ людей болѣе другихъ выдвигались князь А. Б. Куракинъ и графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій; за ними графъ Н. П. Шереметевъ. Изъ нихъ большее значеніе получилъ графъ Разумовскій, которому впечатлительный Цесаревичъ вполнѣ довѣрился. Какъ разъ въ это время графъ П. Б. Шереметевъ выдалъ свою меньшую дочь за брата его графа Алексѣя Кириловича.

Къ возвращенію изъ за-границы графа Николая Петровича, весь складъ жизни его отца измѣнился. Сынъ не могъ не замѣтить этой перемѣны уже при видѣ малолѣтнихъ дѣтей Реметевыхъ, сына Якова и двухъ дочерей, Анастасіи и Маргариты. Среди пышной обстановки своей, въ постоянныхъ заботахъ хозяйственныхъ и иныхъ, старикъ-отецъ не

---

[1]) Портретъ этотъ хранится въ Кусковѣ.

[2]) „Архивъ князя Ѳ. А. Куракина“, кн. VI-я.

могъ вернуть утраченнаго семейнаго счастія, не могъ забыть ни жены, ни старшихъ любимыхъ дѣтей, на которыхъ возлагалъ столько несбывшихся надеждъ.

Онъ искалъ забвенія въ постоянныхъ заботахъ и хлопотахъ, въ разъѣздахъ и затѣяхъ всякаго рода, удовлетворявшихъ его непрестанной потребности къ дѣятельности, его художественному и образованному вкусу... Уже въ молодости ему суждено было, помимо своей воли, сломить свои стремленія къ службѣ ратной, къ которой онъ чувствовалъ сильное влеченіе, желая идти по стопамъ своего отца. Онъ нѣсколько лѣтъ прослужилъ волонтеромъ въ Цесарской арміи и воевалъ съ Турками подъ знаменами Евгенія Савойскаго. Вернувшись въ Россію, онъ рвался въ Турецкій походъ подъ начальство Миниха и Лассія. (Послѣдній былъ другомъ фельдмаршала, Бориса Петровича, и прошелъ чрезъ его сложную школу). Но императрица Анна Іоанновна, благоволившая къ молодому графу Петру Борисовичу по родству съ Салтыковыми, не разрѣшила ему идти въ походъ и, назначивъ его ко двору Анны Леопольдовны, навсегда направила его на поприще придворное.

Бракъ его съ княжной В. А. Черкаской былъ вполнѣ счастливый; между ними было много общаго по духу и стремленіямъ, по крѣпкимъ связямъ XVII вѣка. Послѣ 1768 года, вторично ему суждено было круто измѣнить свою жизнь, и въ такіе годы, когда особенно тяжко разставаться съ утраченнымъ прошлымъ.

Онъ доживалъ свои дни и хотя еще выдвинулся случайно, какъ избранникъ Московскаго дворянства, но все болѣе и болѣе чуждался общественной дѣятельности, довольствуясь своеобразной обстановкой своего домашняго быта, привязанностью къ жившимъ у него Калмычкамъ, воспитанницамъ его жены, заботами о своихъ крестьянахъ... Судить о немъ всего нагляднѣе по его перепискѣ.

Хозяйственные указы графа П. Б. Шереметева управителямъ Василью Замятину и Петру Александрову.

1772 года.

Въ теченіе 1772 года, графъ П. Б. Шереметевъ жилъ въ своихъ деревняхъ, вдали отъ столичнаго шума и треволненій. Сынъ его графъ Николай Петровичъ находился тогда за границей, вмѣстѣ съ княземъ А. Б. Куракинымъ. При немъ оставалась только меньшая его дочь Варвара. По хозяйственнымъ распоряженіямъ его можно прослѣдить за его переѣздами по загороднымъ дачамъ и подмосковнымъ. При немъ нахо-

дились и пріятель его баронъ Лоутицъ, псовые охотники и Калмычка Анна Николаевна (сохранилась любопытная переписка его съ нею). Живя въ дали отъ Петербурга, онъ не могъ тѣмъ не менѣе не слѣдить за событіями и въ особенности за тѣмъ что̀ происходило при дворѣ цесаревича Павла Петровича, первый бракъ котораго состоялся въ слѣдующемъ 1773 году.

«Управители» графа Петра Борисовича, Василій Замятнинъ и Петръ Александровъ, жили въ Петербургѣ; при немъ же неотлучно находился нѣкто Чубаровъ, который съ своей стороны въ случаяхъ значительныхъ писалъ въ Петербургъ. Съ Петромъ Александровымъ гр. Петръ Борисовичъ находился въ перепискѣ до самой своей кончины (30 Нояб. 1788 г.). Иванъ Аргуновъ, о которомъ упоминается въ «указахъ» его, былъ художникъ и портретистъ; это отецъ даровитой семьи Аргуновыхъ, Павла, Ѳедора и Николая. Послѣдній былъ талантливымъ портретистомъ конца прошлаго и начала XIX столѣтія, и какъ художникъ, значительно выше своего отца. Произведенія его мало распространены. Кисти его принадлежали многіе семейные Шереметевскіе портреты.

Упоминаемые графомъ портреты его и графини Варвары Алексѣевны, работы Ротари, донынѣ находятся въ Кусковѣ и висятъ въ красной гостиной. Съ портрета его, на которомъ онъ изображенъ читающимъ, дочь его Анна Петровна сняла копію, не вполнѣ оконченную, «изъ сухихъ красокъ». Портретъ работы Лапіера (Lapierre) изображаетъ его по колѣна и виситъ въ тойже гостиной Кускова; онъ въ придворномъ одѣяніи, въ лентѣ и чрезвычайно удаченъ. Сохранились и портреты его молодымъ человѣкомъ работы Франкара (Francart), Аргунова (Ивана) и Грота (Groth). Послѣдній особенно хорошъ, но пробитъ во многихъ мѣстахъ въ 1812 году Французскими пулями. Портретъ графини Варвары Алексѣевны, работы того же Грота.

Понятны связи графа П. Б. Шереметева съ Цесарскими посланниками и съ путешествующими Австрійцами. У него конечно немало завелось связей со времени его участія въ походахъ Евгенія Савойскаго, портретъ котораго также находится въ Кусковѣ.

Сельцо Вознесенское (Корчмино тоже) на Невѣ близъ Петербурга— усадьба тещи его Марьи Юрьевны Черкасской; здѣсь жили графъ Петръ Борисовичъ и графиня Варвара Алексѣевна послѣ брака. Сюда нерѣдко наѣзжали гости, пригласительныя записки къ которымъ гостепріимной хозяйки донынѣ сохранились; въ числѣ ея гостей бывалъ и Сергѣй Салтыковъ.

Выдержки изъ указовъ графа П. Б. Шереметева его „управителямъ“ Василью Замятнину и Петру Александрову.

1.

При семъ послано письмо въ Ревель къ Нѣмцу Вильгельму Гетлингу, которое чрезъ чью нибудь контору или чрезъ почту переслать къ нему. Въ с. Ивановѣ, 7 Генв. 1772.

2.

Атласу на платье Варварѣ Петровнѣ, выписнаго Датскою посланницею шелку, кухонной провизіи отъ васъ ожидаю.

Я за нужное считаю, чтобъ всѣ мебели, которыя велѣно купить для Мещеринова, также для Вознесенскаго, отправлены были прямо въ Мещериново въ нынѣшнемъ Генварѣ, а по крайней мѣрѣ въ началѣ Февраля мѣсяца; ибо тамъ для житья моего нужда. 11 Генв. 1772.

3.

Отправлены отъ меня села Иванова съ крестьяниномъ Ефимомъ Грачовымъ перстень яхонтовый, осыпанъ брильянтами, и одинъ берлочикъ на подобье фляшки съ дикимъ камушкомъ, которые отдать господину Кросу и попросить, чтобъ переслалъ въ Лондонъ къ графу Николаю Петровичу, о чемъ я къ нему и писалъ; да послано къ нему господину Кросу кушакъ Персицкой съ золотомъ, серебромъ и съ цвѣтами Ивановскаго *) гостинцу, которое ему отвезти и отъ меня сказать, что онъ посланъ изъ здороваго мѣста, никакого въ немъ прилипанья нѣтъ, и у меня былъ въ рукахъ разъ десять, и чтобъ не погнѣвался, что такая бездѣлица, а только посылаю, что здѣшній Ивановскій. Да съ нимъ же послано отъ Варвары Петровны при письмѣ къ Катенькѣ Убріи табакерка, да перо, да маленькой перстенекъ яхонтовой съ цѣпочкою брилліантовой съ сердечкомъ, которое съ тѣмъ письмомъ ей отдать. Какъ оное все по сему указу будетъ исполнено, о всемъ писать ко мнѣ. Онъ же Грачовъ, на всѣ покупки, какъ отъ меня приказано, обязанъ дать деньги; того ради сколько подлежитъ заплатить за всѣ товары, которые отъ меня тебѣ приказано купить изъ мебели въ Мещериново и за бумажки, деньги взять отъ него и за все заплатить и сколько на чтó именно взято, будетъ писать ко мнѣ, которое ему заплатится здѣсь.

Имѣющуюся въ верхнемъ чуланѣ изъ тѣхъ вещей чтò приняты тобою отъ Антона Чубарова, кровать новую, большую, желѣзную и съ мѣдными шишками, при первой посылкѣ отправить съ прочими мебелями въ село Мещериново; по отправкѣ писать ко мнѣ.

С. Иваново, 27 Генв 1772.

---

*) Т.-е. изъ славнаго Шереметевскаго села Иванова, нынѣ города Владимирской губерніи. Писано вскорѣ послѣ чумы.

4.

При семъ послана записка книгамъ Французскимъ, по которой поискать и купить въ Петербургѣ, въ Академіи и у книгопродавцовъ, и гдѣ какія изъ того куплены будутъ, писать ко мнѣ, и тѣ книги, ежели не въ переплетѣ, переплетя прислать ко мнѣ, и при томъ записку, что̀ которая будетъ стоить. Le Tocsin des Rois par m. de Voltaire, nouvelle brochure. Histoire de l'ordre de l'Esprit in 2 volumes. Les douze Césars de Suétone, trad. par m. de la Harpe, 2 vol.

Въ Ивановѣ, 15 Февраля 1772.

5.

Имѣющіяся въ Фряжскомъ погребѣ виноградныя вина всѣ, т.-е. выписныя Потѐ и Цезарскія, и пиво Аглицкое, какъ скоро теплѣе будетъ, все уложа хорошенько, чтобъ не перебились и не замерзли, отправить ко мнѣ, въ село Кусково, а сколько и что̀ отправлено будетъ, писать ко мнѣ, и чтобъ въ отправкѣ Петръ Александровъ тебѣ помогъ.

Въ Ивановѣ, 22 Февр. 1772.

6.

Спросить у Дюваля, нѣтъ ли у него готовой эгреты брильянтовой, цѣною въ 350 и до 400 рублей. Мнѣ эгретъ надобно подарить племянницѣ моей, Вѣры Борисовны дочери, Настасьѣ Өедоровнѣ, которая идетъ замужъ*). Взять для меня воды Пирмонтской, гдѣ она свѣжѣе, сто бутылокъ.

Въ Кусковѣ, 26 Февр. 1772.

7.

Въ обозѣ Ивановскаго крестьянина Гарелина послано отъ меня Ивановской фабрики Марѳѣ Васильевнѣ дюжина платковъ цвѣтныхъ. Взять у Нюренберцовъ игрушекъ робячьихъ, бубны оправленные въ серебрѣ, а другіе, которые гремятъ, какіе у нихъ есть.

Въ Ивановѣ, 29 Февр. 1772.

8.

Взять въ Петербургѣ мнѣ на камзолы и штаны сукна зеленова, ежели есть изъ Французскихъ, чтобъ цвѣтъ сходенъ былъ и зелени противъ посланнаго при семъ образцика, которое выберетъ портной Фурьѐ; ему тотъ кафтанъ и штаны велѣть сдѣлать. Прислать мнѣ три тома Россійской Исторіи, которые продаются по 1 р. Размышленіе о мирныхъ договорахъ съ Турками, 15 к., Омирову забавную поэму Война Мышей и Лягушекъ, 15 к.

Въ Кусковѣ, 5 Апр. 1772.

---

*) Единоутробная сестра графа Петра Борисовича, Вѣра, была за Өедоромъ Абрамовичемъ Лопухинымъ; дочь ихъ Настасья Өедоровна не упоминается въ „Родосл. Книгѣ" князя П. В. Долгорукова (II, 60).

9.

Отписки твои и присланныя Варварѣ Петровнѣ булавки и ливрейныя пуговицы получены исправно. Воды Пирмонтской и на шляпы позументы отъ тебя ожидаю; сверхъ того, досылайте все, что̀ еще не дослано. Сказывалъ мнѣ Лукьянъ Ивановичъ[1]), что Г. Б., который при конюшнѣ, продаетъ уксусы. Купя у него обоихъ уксусовъ по двѣ скляночки и уложа хорошенько въ ящикахъ, чрезъ почту прислать.

Въ Кусковѣ, 12 Апр. 1772.

10.

Пишетъ ко мнѣ изъ Лондона нашъ министръ г-нъ Пушкинъ, что онъ отправляетъ мой умывальный ларецъ, въ которомъ серебро, фарфоръ и прочія мелочи, съ посланникомъ, который изъ Англіи ѣдетъ въ Петербургъ. Тотъ ларецъ заказанъ былъ сдѣлать нарочно для меня въ Лондонѣ. Того ради навѣдываться, какъ тотъ посланникъ въ Петербургъ пріѣдетъ, освѣдомиться, оной ларецъ тебѣ принять и отправить ко мнѣ въ Москву, уложа хорошенько, чтобъ не обтерся и не ломался. Ларецъ тотъ посланнику отъ онаго господина Пушкина ужъ отданъ, и онъ въ Петербургъ, надѣюсь, скоро будетъ.

Въ Мещериновѣ [2]), 22 Апр. 1772.

11.

Петербургскія Вѣдомости и письмо отъ Князева получены.

Какъ скоро будутъ въ привозѣ хорошія устрицы, взявъ бочку и выпрося пару почтовыхъ лошадей, прислать ко мнѣ, и притомъ нѣсколько хорошихъ лимоновъ, какъ прежде посылались.

Въ Кусковѣ, 23 Апр. 1772.

12.

Купя туалетецъ, что̀ носятъ румяны и мушки съ зеркальцомъ, карманной, черепаховой или перламутренной, съ палочкою такой, какъ обыкновенно дѣлаются, надѣюсь, ихъ много у Нюренберцовъ, и какой изъ того сорту найдешь, прислать ко мнѣ черезъ почту не замѣшкавъ.

Въ Мещериновѣ, 29 Апр. 1772.

13.

Присланные отъ Николая Петровича деревья оставить до осени въ Петербургѣ, потому что нынѣ везти нельзя, и которыя нездоровы, приказать садовнику, чтобъ онъ ихъ къ осени старался выпользовать.

Въ Мещериновѣ, 9 Мая 1772.

---

[1]) Талызинъ.

[2]) С. Мещериново въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Чиркина (Коломенскаго у.), Здѣсь былъ домъ временъ фельдмаршала и здѣсь графъ Петръ Борисовичъ принималъ императрицу Екатерину (см. Камеръ-Фурьерскій журналъ).

14.

Присланные уксусы и описаніе имъ получены исправно.

Купя отправить ко мнѣ при оказіи или не вдругъ чрезъ ямскую почту мылъ круглыхъ Французскихъ и духовъ, что̀ я обыкновенно умываю руки, дюжину; пудра хорошаго съ ѳіалковымъ духомъ два пуда, которое чтобъ прислано было въ непродолжительномъ времени, ибо въ томъ мнѣ нужда, а мыла прежде бирали у Делое; у него всегда они бываютъ.

Въ Мещериновѣ, 13 Мая 1772.

15.

Присланные пуговки и кисточки, книги и туалетецъ получены исправно. Портретъ мой можешь отправить при отправленіи Англійскаго пива и рейнвейну, о чемъ на сей почтѣ писалъ Замятнину; а Размышленія о мирныхъ договорахъ съ Турками конечно сыскавъ, прислать ко мнѣ.

Жениться тебѣ позволяется для того, что я о сю пору службою твоею доволенъ, о чемъ писалъ Замятнину, что̀ въ С.-Петербургѣ тебѣ объявлено.

Въ Мещериновѣ, 16 Мая 1772.

16.

Отдѣлкою позументу и басону для ливреи поспѣшить; что̀ будетъ сдѣлано, срѣзывая присылать черезъ почту, ибо ливрею я намѣренъ отдѣлать къ 29 числу будущаго мѣсяца.

Заказать въ Петербургѣ въ Академіи сдѣлать въ село Мещериново на мѣдной доскѣ солнечные часы, такіе, что̀ въ Шампетрѣ и чтобъ сдѣлали по Коломенскому градусу (Мещериново отъ Коломны ближе), и какъ сдѣлаются, прислать ко мнѣ.

Въ Марковѣ, 20 Мая 1772.

17.

Сказать Дювалю, что эгрета очень хороша и дѣлаетъ ему честь, что такого хорошаго вкусу.

Въ Марковѣ, 23 Мая 1772.

18.

Присланы въ Петербургъ къ Французу Деламарнъ изъ Парижа гравированные тамъ Кусковскіе виды, свернутые въ руло, который пишетъ, чтобъ у него для пересылки ко мнѣ приняты были съ роспискою въ домъ мой. Надѣюсь, безпрестанно ходятъ за письмами; того ради тѣ виды отъ него съ роспискою принять тебѣ и на первой почтѣ переслать ко мнѣ.

Въ Марковѣ, 23 Мая 1772.

19.

Что въ сельцѣ Вознесенскомъ для житья Кросу многое поправлено, что еще подлежитъ, поправлено же будетъ, тѣмъ доволенъ; очень изрядно стараться ему угодить, чтобъ онъ былъ доволенъ; а присылаемыя отъ меня къ Николаю Петровичу письма отдавать, кому отъ него будетъ приказано, чтобы письма безастоновочно шли.

Въ Марковѣ, 27 Мая 1772.

Купя въ Петербургъ прислать къ мнѣ картъ большихъ чтò играютъ въ 5—6 дюжинъ. Картъ обыкновенныхъ маленькихъ для ломберной игры 6 же дюжинъ, чтобъ были хорошія, атласныя.

Да купя же прислать хорошихъ Александровскихъ лентъ для большой кавалеріи 3 аршина.

20.

Во многихъ газетахъ пишутъ, чтò касается до моего имени, не пишутъ ни графства, ни имени моего, а въ иныхъ пишутъ еще фамилью Шереметьева. Того ради въ Академію съѣздить и о томъ объявить и попросить, чтобъ то графство, имя и отечество были печатаны такъ, какъ про многихъ, которые малые чины имѣютъ, печатаютъ порядочно.

Въ Марковѣ, 27 Мая 1772.

21.

Егеря Франсуа, за его болѣзнью, ко мнѣ не отправлять, но дозволить ему жить гдѣ онъ хочетъ, т.-е. въ Петербургѣ, въ сельцѣ Вознесенскомъ и въ другихъ моихъ мѣстахъ до моего пріѣзду, и давать ему все, чтò положено по контракту.

Чтобъ подарить Князева и Казаринова, отправлены отъ меня съ Ивановскимъ крестьяниномъ Василіемъ Гарелинымъ двѣ табакерки золотыя, изъ моихъ табакерокъ, очень хорошія, и надо имъ быть очень довольными. Въ томъ же ящикѣ, гдѣ положены табакерки, послано письмо, перстень, осыпанный брилліантами, и камень эглемаринъ, для отдачи Дювалю, которые отдать Петру Александрову, для отдачи ему Дювалю; о томъ къ нему писано.

Въ Ивановѣ, 4 Марта 1772.

22.

Господину Кросу послать бочку полпива и отправить меду; изрядно стараться, чтобъ онъ былъ доволенъ.

Въ Кусковѣ, 11 Іюня 1772.

23.

Заказать сдѣлать въ Петербургѣ на цугъ лошадей хомуты Цесарской упряжки; такой въ Петербургѣ есть у многихъ, у Кирилы Григорьевича, у Захара Григорьевича; примѣръ можно взять съ нихъ, и чтобъ скорѣе были сдѣланы.

Въ Кусковѣ, 14 Іюня 1772.

24.

Лапіеру за написаніе моего портрета велѣть заплатить Ивану Аргунову изъ доходовъ Милліоннаго дома 900 рублевъ.

Въ Мещериновѣ, 1 Іюля 1772.

25.

О Кремлевскомъ моемъ дворѣ къ Григорію Николаевичу Теплову при семъ посылаю письмо, которое, ежели Замятинъ не можетъ вручить, тебѣ отъ меня ему, по посланной при семъ запискѣ, донесть на словахъ, и что̀ онъ скажетъ, ко мнѣ обстоятельно отписать.

Въ Мещериновѣ, 11 Іюля 1772.

26.

Изъ присланныхъ отъ тебя образцовъ выбралъ я трипъ дымчатый да фланель голубую. Купить же мнѣ на пару 18 аршинъ фланели голубой, взять мнѣ что̀ надобно на редингогъ и камзолъ ратину пунсоваго, на пару же платья, да фланели розовой, что̀ надобно на кофту и юбку для Анны Николаевны *), чему всему присылаю при семъ образцы.

Въ Марковѣ, 23 Августа 1772.

27.

На прошедшей почтѣ къ тебѣ я писалъ, чтобъ высланныхъ изъ Парижа къ барону Лоутицу товаровъ, которые Лесажъ отправилъ въ моемъ ящикѣ подъ № 3, не вынимать и въ нихъ не вступаться; почему баронъ Лоутицъ посланнымъ на прошедшей недѣлѣ письмомъ и проситъ совѣтника Штеглина, чтобъ онъ ихъ потрудился вынуть.

На нынѣшней почтѣ пишетъ ко мнѣ Николай Петровичъ, что на томъ же кораблѣ, гдѣ посланы мои товары, отправлена будетъ ко мнѣ табакерка золотая съ его портретомъ, которая тамъ въ Парижѣ стоитъ 300, о чемъ тебѣ даю знать.

Въ Кусковѣ, 18 Сент. 1772.

---

*) Для Калмычки, жившей съ малолѣтства у графа Петра Борисовича.

28.

Купить въ Петербургѣ чаю зеленаго хорошаго четыре фунта и отвезть отъ меня Цесарскому посланнику господину Макау, который меня проситъ, чтобы къ нему прислать, и не сказывать, что купленъ въ Петербургѣ, а что присланъ изъ Москвы.

Въ Марковѣ, 19 Сент. 1772.

29.

Купить мнѣ на рубашки полотна Голанскова хорошаго, цѣною кусокъ отъ 60 до 70 рублевъ, чтобъ было тонко и плотно, четыре куска. Прислать при оказіи или черезъ почту немедленно.

Въ Марковѣ, 30 Сент. 1772.

30.

О рекрутскомъ наборѣ, надѣюсь, во всѣ вотчины отъ васъ дано знать. Домовой канцеляріи смотрѣть, чтобъ отдаваны были во всѣхъ вотчинахъ по очереди, безъ притѣсненія малолѣтныхъ.

Въ Марковѣ, 14 Окт. 1772.

31.

При семъ послана въ письмѣ пуговица золотая старинная, съ финифтью и съ яхонтомъ. Писалъ къ *), чтобъ онъ такимъ маneромъ сдѣлалъ мнѣ гаруснную (?) шубу, носить мнѣ дома вмѣсто шлафрока. Такой величины 6 пуговицъ съ серебромъ и съ синею финифтью, а вмѣсто яхонта чтобъ положилъ брильянтики по четверти крата. Того ради, то письмо отнесть тебѣ и чтобъ скорѣе тѣ пуговицы сдѣлалъ, ему напоминать.

Душегрѣекъ вязаныхъ, о которыхъ тебѣ я писалъ, ко мнѣ не прислано, въ которыхъ мнѣ нужда. По приложенному образцу купя, прислать для графини Варвары Петровны.

Въ Кусковѣ, 21 Окт. 1772.

32.

Изъ Фонтаннаго моего дома по первому зимнему пути отправить въ Московскій домъ деревцо съ горшкомъ, которые стоятъ въ гостиной, на мраморномъ столѣ, двѣ пары собачекъ, что́ стоятъ въ проходной комнатѣ предъ гостиною; на мраморныхъ столахъ свѣчей и два голубя, большихъ двухъ пѣтуховъ, фарфоровыхъ Саксонскихъ. И ты бы весь фарфоръ, уложа хорошенько, чтобъ не перебился, приготовилъ нынѣ къ отправленію, а какъ первопуть станетъ, отправить ко мнѣ.

Въ Кусковѣ, 25 Окт. 1772.

---

*) Трудно разобрать имя ювелира.

33.

Прошедшая почта, какъ была отправлена и выѣхала изъ Москвы, близъ села Всесвятскаго воровскими людьми разбита, и какія были письма и все, что̀ на ней послано, ограблено, увезено, и по сыску еще о томъ никакого слуху нѣтъ, который и не ожидается; но какъ писать тебѣ большихъ нуждъ не было, писа́но только о платежахъ.

Въ Кусковѣ, 1 Ноября 1772.

34.

На дѣло лакейскихъ теплыхъ сюртуковъ взять въ Петербургѣ сукна пунсоваго, цѣною рубля въ два, дозволяется, и до двухъ рублевъ 20 коп., 115 аршинъ; да зеленаго, той же цѣны, 5 аршинъ. Смотрѣть, чтобы добротою было хорошо, и стараться прислать какъ скорѣе можно съ попутчиками, или хотя не въ одинъ разъ.

Прислать чрезъ почту картъ большихъ, что̀ играютъ въ вискъ, да для обметанья въ покояхъ вѣничковъ перяныхъ дюжину.

Въ Москвѣ, 6 Ноября 1772.

35.

Заказать сдѣлать въ Петербургѣ свѣчъ бѣлыхъ восковыхъ, которыя бы были хороши и не оплывали, 30 пудъ; прежде присланныя были хороши, только немного тонки, и ежели такія бѣлизною и добротою сдѣланы будутъ и немного потолще, я буду доволенъ.

Для принятія здѣсь въ домъ мой егеря, заказать сдѣлать на перевязь и на кортикъ приборъ, точно такимъ манеромъ во всемъ, какъ у егеря Франца, ибо егерь ничего того не имѣетъ.

Оригинальнаго женина портрета, писаннаго Ротаріемъ, что̀ написанъ въ черной мантильѣ, въ пару къ моему портрету, писанному имъ же, здѣсь не отыскано. Того ради справиться, не остался-ли онъ въ Петербургѣ, и ежели остался, отписать ко мнѣ на первой почтѣ; буде же въ Петербургѣ нѣтъ, а отправленъ въ Москву, то когда и съ кѣмъ, потому отписать. Тотъ оригинальный портретъ можетъ узнать Иванъ Аргуновъ. Ежели сыщешь, показать его и спросить его, Аргунова, не знаетъ-ли онъ, гдѣ тотъ портретъ?

Въ Москвѣ, 12 Ноября 1772.

36.

Портретъ поясной жены здѣсь отысканъ. Никифоръ Семеновъ по питейнымъ откупамъ послалъ въ Сенатъ отношеніе и проситъ, чтобы по тому его дѣлу было въ Петербургѣ хожденіе; того ради по тому дѣлу хожденіе имѣть, и кого надобно, такъ какъ за моего крестьянина, можешь попросить.

Въ Москвѣ, 29 Ноября 1772.

37.

О снятіи карантиновъ печатный указъ полученъ, по которому изъ Москвы проѣздъ будетъ свободный; люди, присланные отъ тебя, всѣ отправлены будутъ въ скоромъ времени и, сверхъ того, еще отправятся нѣсколько человѣкъ, по требованію твоему, въ гребцы.

Въ Москвѣ, 3 Дек. 1772.

38.

Потѐ отъ меня сказать, чтобъ изъ Англіи выписалъ хрусталю цѣлую бочку, такъ какъ у нихъ обыкновенно бочками продаются и въ нихъ бываетъ обыкновенное число всякой посуды, и мыло чтобъ также выписать, чтобы въ Петербургъ и въ первыхъ корабляхъ привезено было.

Лимбургскій сыръ присланъ отъ тебя хорошъ; такого-жъ, купя дюжину сыровъ, прислать ко мнѣ.

Присланный бархатъ косматый, отчасти книги: Житіе и славныя дѣянія государя императора Петра Великаго, и чорной песокъ получены; и календарей, какіе будутъ въ выходѣ, покупая присылать ко мнѣ всякаго сорту по четыре.

Въ Москвѣ, 10 Дек. 1772.

39.

Присланные атласы и флеръ получены исправно.

Съ портрета большого матушкина, который стоитъ въ наугольной, поговори Одору, чтобъ велѣлъ списать финифтной портретъ въ табакерку, поясной, чтобы мѣра дощечки была противъ посланной при семъ бумажки; за работу цѣна извѣстная: 50 рублевъ. Попроси, чтобы сходно и хорошо былъ списанъ.

По газетамъ, въ академической книжной лавкѣ продается вторая часть Журнала или поденной записи государя императора Петра Великаго съ 1698 года даже до заключенія Ништадтскаго мира, состоящая въ двухъ отдѣлахъ, по 4 р. экземпляръ, которые, купя безъ переплету, прислать ко мнѣ. Да у переплетчика Миллера будутъ продаваться Сочиненія Ежемѣсячныя, Древняя Россійская Вивліоѳика, на лучшей бумагѣ по 5 р. 50 к.; прислать ко мнѣ.

Принимается въ службу въ домъ мой берейторъ Карлъ-Францъ Гелголъ, который служилъ у камергера Сергѣя Всеволожскаго; того ради, въ томъ домѣ освѣдомиться, какого онъ состоянія и знаетъ-ли свое дѣло, и отписать ко мнѣ на первой почтѣ.

Въ Москвѣ, 20 Дек. 1772.

40.

На покупку въ село Мещериново мебели, деньги за чтò ты все послѣднею цѣною сторгуешь, взять отъ Ивана Аргунова, изъ доходу Милліоннаго дому. Уложа хорошенько, отправить прямо въ Мещериново, особымъ обозомъ, а карточные столы для здѣшняго въ Московскій домъ при томъ же отправить изъ Фонтаннаго дому, уложа хорошенько; въ Московскій же домъ изъ проходной, чтò обито желтыми атласами, два зеркала и два столика мраморныхъ, чтò стоятъ подъ тѣми зеркалами, экранъ съ гербомъ моимъ, да колясочку, въ которой ѣздятъ по покоямъ. Она стоитъ въ каретномъ большомъ сараѣ; изъ саду четыре бюста мраморные съ пьедесталами, четыре время: Востокъ, Западъ, Полдень и Полночь съ тѣми пьедесталами для Кускова, и то все стараться отправить какъ скорѣе можно, а при томъ не забыть прислать фарфоровую штуку, которая годится поставить здѣсь на печи. Жаль, что у лошади ногу отшибли; она по отъѣздѣ моемъ осталась цѣла. Надобно беречь, она стоитъ недешево; съ такими вещами обходитесь бережно.

При семъ посланы образцы сефировъ, которые присланы отъ иноземца Зальсе; онъ ихъ самъ дѣлаетъ, и при томъ записка, сколько котораго сорту аршинъ взять.

Здѣсь слышно, будто камзолы сырсака (?) и прочіе нѣкоторые товары съ золотомъ и серебромъ позволено выписывать 18 мѣсяцевъ. Того ради, освѣдомиться вѣрнѣе, и чтò дозволено выписывать, ко мнѣ отписать.

Въ Москвѣ, 24 Дек. 1772.

*

О графѣ П. Б. Шереметевѣ сохранилось много неблагопріятныхъ отзывовъ; таковы характеристики его у князей М. М. Щербатова, И. М. Долгорукова, отзывы П. А. Демидова и родственниковъ его, «претендателей», т. е. графа М. С. Шереметева и семьи его. Изъ дѣла сихъ послѣднихъ, тягавшихся по вопросу наслѣдственному, можно усмотрѣть значительную долю пристрастія, отразившагося и въ этихъ отзывахъ. Съ юридической точки зрѣнія они оказались неправы и проиграли свою продолжительную тяжбу. Съ нравственной же стороны трудно также упрекнуть графа П. Б. Шереметева въ недостаточной поддержкѣ своихъ родственниковъ, чему документы домашняго архива служатъ достаточнымъ доказательствомъ. У него могли быть свои недостатки, свойственные времени и занимаемому имъ положенію; но отличитель-

ною чертой его хозяйства были добрыя отношенія къ его крестьянамъ и просвѣщенный взглядъ относительно развитія ихъ благосостоянія. Его почину обязаны извѣстныя Павлово, Ворсма и Иваново своимъ развитіемъ. Заботы о народномъ образованіи переданы имъ, какъ завѣтъ, сыну. Неизмѣнное покровительство самороднымъ талантамъ составляетъ отличительную его черту. Художники, музыканты, пѣвцы, все, что̀ носило на себѣ печать дарованія, всегда пользовалось его нравственной и матеріальною поддержкой.

Когда его не стало, его многіе пожалѣли, и митрополитъ Платонъ въ своемъ надгробномъ словѣ подчеркнулъ сочувственныя черты его характера. Въ появившихся по поводу кончины его статьяхъ и стихотвореніяхъ проглядываетъ искреннее сочувствіе. Его широкое гостепріимство имѣло чисто-Русскую бытовую основу, и народное сочувствіе сказалось на погребеніи его во всей своей простотѣ и силѣ.

Горячій поклонникъ Петра (котораго онъ зналъ лично, будучи отрокомъ) графъ П. Б. Шереметевъ не измѣнялъ роднымъ преданіямъ старины, примиряя ихъ съ потребностями времени и истинныхъ пользъ отечества. Онъ остался вѣренъ завѣтамъ своего отца, фельдмаршала графа Бориса Петровича, который, служа великому преобразователю и дѣлу его, съумѣлъ избѣжать огульныхъ увлеченій всякими новшествами, сохранялъ свою самобытность и служилъ отечеству въ лицѣ Петра, преклонялся предъ геніемъ его, но съ непоколебимою твердостью убѣжденій, и остался чистъ отъ участія въ мрачномъ дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича.

ИЗЪ ПИСЕМЪ Я. И. БУЛГАКОВА

изъ Москвы въ Неаполь къ старшему сыну его Александру Яковлевичу [1]).

Москва, 4 Генваря 1804.

На сихъ дняхъ конторщикъ какого-то купца принесъ мнѣ твое письмо подъ № 18 отъ 24-го Мая и жестяную коробочку съ посылкою, въ цѣлости и не растворенную нигдѣ. Весьма тебѣ одолженъ за присылку всего, и скажу мое мнѣніе. Табакерка изъ Калабрской раковины не есть изъ раковины, а можетъ быть лава, протекая по раковинамъ, вобрала въ себя оныя. Табакерка Стелларія прекрасна; но дно разбилось, видно, отъ давленія коробки; я его поддѣлаю изъ золота или черепахи. Всѣхъ лучше табакерка изъ лавы съ смѣсью огня, особливо противъ свѣчи. Крестикъ и перстень прелестны, и я съ ними не могу разстаться, хотя ихъ у меня отнимаютъ. Присылки твои мнѣ пріятны уже и потому, что идутъ отъ тебя, не говоря уже, что здѣсь онѣ составляютъ рѣдкость; но пожалуй, на нихъ не проматывайся: всего хорошаго не выкупишь, и чѣмъ больше его кто имѣетъ, тѣмъ больше хочется; а надобно при всякой покупкѣ думать, останется ли на житье денегъ, и вспомнить мои прежніе совѣты. Правда, что ученаго учить лишь портить. На сихъ дняхъ случилось мнѣ въ собраніи ужинать съ дамами, которыхъ я не зналъ. Онѣ завели разговоръ, спрашивая объ васъ. Одна прекрасная дѣвушка говорила, что вы вмѣстѣ учились танцовать. Насилу я догадался, что дамы были Нарышкина, ея дочь и сестра Воронцова.

Мартыновъ [2]) привезъ мнѣ приложенное письмо. Онъ съ двумя Французами—Сегюромъ и.... позабылъ имя, ѣдетъ въ Казань, Астрахань, опять сюда воротится, потомъ отправятся въ Царьградъ, Италію и пр. Итакъ, ты его увидишь; но не знаю, что̀ они теперь въ Казани увидятъ и какъ онъ станетъ снимать виды подъ снѣгомъ. Но вольному воля, а спасеному рай.

---

[1]) См. выше, стр. 358.

[2]) Родной племянникъ матери молодыхъ братьевъ Булгаковыхъ Екатерины Любимовны, извѣстный пейзажистъ.

Москва, 14 Генваря 1804.

Мысль твоя предпочесть Берлинъ основательна. Министръ тамъ мнѣ пріятель и человѣкъ хорошій. Алопеусъ Шведскій не есть тотъ, который былъ при мнѣ въ Цареградѣ и Варшавѣ, а братъ Берлинскаго министра, попалъ въ Швецію по его старанію; но онъ тамъ не министромъ, а только повѣреннымъ въ дѣлахъ, а ты его никогда и не видалъ, развѣ проѣздомъ чрезъ Берлинъ, ежели онъ тамъ еще былъ. Посмотримъ Неапольскіе виды; но мудрено, чтобы они были прежнихъ лучше. Натура такъ стара, какъ повивальная бабушка; и не всегда величественный видъ, морщины и сѣдина пріятны, ежели ихъ не уберутъ и не разрумянятъ. Слухъ о генер.-прокурорствѣ Ивана Володимеровича[1]) не состоялся, ибо князь Лопухинъ все еще тамъ. На сихъ дняхъ Барановъ, мужъ Варвары Александровны, сдѣланъ Московскимъ губернаторомъ по старанію (кн.) Лопухина; а сіе заставляетъ еще и больше думать, что послѣдній займетъ мѣсто графа Ивана Петровича. Желаю тебѣ повеселиться потѣхою Везувія и чтобы тебѣ не досталось какого щелчка въ носъ. Ты родился 15 (26) Ноября въ Перѣ 1781 года въ $^{3}/_{4}$ перваго часа пополуночи; сочти же, сколько тебѣ лѣтъ въ тотъ же день и часъ въ 1803 году. А братъ родился также въ Перѣ 30-го Декабря 1782 въ часъ пополуночи.

Москва, 25 Генваря 1804.

Канцлеръ Воронцовъ пишетъ къ Николаю Н. Каменскому, что онъ сюда будетъ ко 2 Февраля и приказываетъ ему заготовить къ своему пріѣзду множество бумагъ. Недавно былъ балъ у князя Сергѣя Ивановича[2]) для княгини Куракиной; все было чрезвычайно весело, были Хованскіе и прочіе, человѣкъ до сорока, пѣли, плясали, ужинали. Маленькой твой перезеніонъ съ мозаикомъ черезчуръ всѣмъ полюбился, и я его подарилъ княжнѣ Софьѣ, которая сильно тѣмъ довольна; а крестъ пурпуриновый княгинѣ Ел. Вас., которая давно по немъ вздыхала. Когда тебѣ вздумается что-либо ко мнѣ послать, то пожалуй лучше присылай подобныхъ мелочей. Кресты да перстни все тѣже деньги; а здѣсь сіи бездѣлицы съ ума сводятъ и могутъ замѣнить дорогой подарокъ. На сихъ дняхъ умеръ здѣсь князь Михайло Михайловичъ Голицынъ, братъ оберъ-камергера и отецъ того Голицына, котораго жена, сестра Воронцовой, была у васъ въ Неаполѣ.

---

[1]) Лопухина.

[2]) Голицына, женатаго на племянницѣ Я. И. Булгакова, Елисаветѣ Васильевнѣ Приклонской.

Москва, 1 Февраля 1804.

Слышно, что на мѣсто Маркова пошлется въ Парижъ Алопеусъ изъ Берлина, но и сіе невѣрно. Итакъ надлежитъ успокоиться. Я очень понимаю, что въ чужой землѣ Русскіе милы, ибо самъ то испыталъ, и самые гордые унижаются, увидя своего земляка. Похвально, что ты стараешься имъ оказывать услуги; но не для всѣхъ то можно дѣлать съ своимъ ущербомъ, разумѣется, особливо денежнымъ: ибо рѣдко случается, чтобы кто платилъ. Не сумнѣваюсь, чтобы грешневая каша не была вкусна въ Неаполѣ; ибо чего нѣтъ, то кажется золотомъ. Не совѣтую тебѣ откладывать посмотрѣть ново-вырытаго дома въ Помпеѣ; все сіе пріятно видѣть, а не меньше годится и для переду.

*

Москва, 8 Февраля 1804.

Здѣсь только и дѣла, что веселятся. 3-го Февраля былъ маскарадъ у графа А. И. Пушкина, человѣкъ изо ста, но маски были прекрасныя и отмѣнныя; въ доминахъ и прочихъ обыкновенныхъ маскарадныхъ платьяхъ ни одного не было, а все странныя и вновь выдуманныя, и было очень весело. Нѣтъ дня безъ обѣда, ни вечера безъ бала. Я уже съ недѣлю дома не обѣдалъ; но теперь заперся, чтобы отдохнуть хоть одинъ день и пользуюсь симъ случаемъ къ вамъ писать. Но съ веселіемъ не проходитъ и безъ печали. Я новую сдѣлалъ потерю и весьма чувствительную: Алексѣй Петровичъ Вязминъ умеръ въ Петербургѣ 21-го Генваря послѣ недолгой горячки. Жаль ужасно. Человѣкъ молодой, добрый и могущій дойти до хорошаго мѣста; но что̀ дѣлать? Воля Божія, а мнѣ очень чувствительно. О канцлерѣ графѣ Воронцовѣ извѣстно, что Государь изволилъ къ нему писать преласковое письмо, сожалѣя, что здоровье его не позволяетъ ему продолжать службу и пр. и прислалъ къ нему табакерку; а онъ самъ сюда писалъ, что выѣдетъ 7-го Февраля. Сихъ отсрочекъ было уже нѣсколько. Когда сюда пріѣдетъ, постараюсь у него побывать. Татищевъ безъ сумнѣнія долженъ будетъ отправиться къ своему посту; но я изъ Петербурга ничего не получалъ. Теперь получилъ я отвѣтъ отъ князя Александра Борисовича отъ 28-го Генваря; вотъ что̀ онъ говоритъ о г. Карповѣ [1]): «Принося вамъ чувствительную благодарность за сохраненіе ко мнѣ довѣренности вашей, я готовъ конечно ходатайствовать здѣсь за г. Карпова, котораго я лично давно знаю и уважаю; но поелику ходатайство мое за него можетъ быть только побочное, то и представленіе о немъ зависитъ отъ его начальства». Онъ [2]) продалъ въ

[1]) Начальникъ А. Я. Булгакова по его службѣ при Неаполитанской миссіи.

[2]) Т.-е. князь Куракинъ.

казну Псковскія свои деревни около 7000 душъ по 140 р. за каждую. Теперь присланы сюда деньги, и онъ оплачиваетъ всѣ свои долги.

*

Москва, 15 Февраля 1804.

За описаніе крешъ много тебѣ благодаренъ; они порусски называются *ясли*, въ память того, что Христосъ родился въ ясляхъ. У насъ подобныя театральныя представленія въ церквахъ не допускаются, а въ католицкихъ земляхъ вездѣ позволены, и ты, конечно, видалъ ихъ и въ Вильнѣ. Что же въ Неаполѣ у васъ вкрались неприличности и смѣшныя представленія, то зависитъ отъ вкуса жителей, коимъ попы умѣютъ пользоваться, и ежели въ сихъ ясляхъ не вмѣщаютъ прекрасныхъ Неапольскихъ видовъ, то для того, что всякій и безъ того пользуется ими ежедневно, и слѣдовательно больше любуется тѣмъ, чего никогда не видалъ, какъ-то охота Китайскаго императора и пр.—Тургеневъ все сбирается писать, но не найдетъ времени, занимаясь домомъ, покупкою деревни и пр. Сказывалъ, что отправляетъ сына своего Александра вояжировать. Онъ выѣдетъ изъ Гетинга въ Мартѣ чрезъ Дрезденъ, Прагу, Вѣну, Римъ и въ Неаполѣ будетъ около Мая. Татьяна Ѳедоровна Опочинина и Катерина Николавна Нарышкина поѣхали въ Петербургъ, гдѣ у нихъ дѣлà. Елисавета Николавна отправилась молиться въ Нилову пустыню, въ Тверской или Псковской губерніи, а мужья ихъ здѣсь остались. Желаю г. Гентеру успѣха въ разбираніи манускриптовъ; а тебя прошу, ежели онъ тебѣ знакòмъ, попросить при случаѣ реестра манускриптовъ, кои уже развернуты; а ежели онъ обѣщанный напечатаетъ, то ты меня много обрадуешь присылкою одного экземпляра. Желаю, чтобы корабль маіора Пандели совершилъ свой путь до Петербурга благополучно; но какъ онъ пройдетъ чрезъ Pas-de-Calais, гдѣ Англичане никого не пропускаютъ и всѣхъ безъ изъятія грабятъ? Во всемъ, гдѣ могу я быть полезенъ, г. Карпову служить не отрекусь и по дѣлу его ходить стану, какъ по своему, сколь скоро пришлетъ онъ къ кому вѣрющее письмо. Мнѣніе твое очень разумно: ежели явятся другіе наслѣдники ближе, но наслѣдства ему и не дадутъ, то онъ тѣмъ компрометированъ не будетъ; а ежели отдать ему присудятъ, то я ничего не пощажу, чтобы дѣло скорѣе рѣшилось и все было сохранено въ цѣлости.—Не знавши обстоятельствъ дѣла Кассинія, судить о немъ нельзя. Можетъ быть, сей Французъ у него не явился, помощи не потребовалъ, или станется, что и не имѣетъ на оную прàва, хотя и получаетъ пенсію.—Здѣсь сильно завеселились: всякій день балы и маскарады, катанья на горахъ съ факелами. Одна гора построена на валу у Мясницкихъ во-

ротъ (на ней давалъ катанье оберъ-полицеймейстеръ Спиридовъ); другая—въ саду Мальцова (противъ деревяннаго дома Пушкина у Богоявленья). На сихъ дняхъ былъ у Муромцевой балъ и ужинъ для жениха. Меньшой ея пасынокъ, который былъ, кажется, пажемъ, офицеромъ и пошелъ въ отставку семнадцати лѣтъ, женится на Тульской дворянкѣ, княжнѣ Вадбольской, незавидной штукѣ, ибо она дурна, глупа и бѣдна. Вся ея родня была на балѣ, и мнѣ показалось, что я не въ Москвѣ, а въ селѣ какомъ, въ Муромскомъ лѣсу. Старшій пасынокъ въ Петербургѣ былъ отставленъ коллежскимъ совѣтникомъ, а теперь принятъ въ службу подполковникомъ въ депо-де-картъ. Она здѣсь проживетъ всю зиму. Недавно отсюда поѣхалъ въ Петербургъ бывшій въ отпуску братъ ея Александръ. Наконецъ отворилъ свою лотерею князь Трубецкой, который, какъ и Несвицкій, занимался мѣною вещей дешевыхъ на дорогія. Лотерея состоитъ изъ 260000 билетовъ, въ коихъ выигрышныхъ только 10000. Но что̀ за дрянь, хотя онъ и увѣряетъ, что вещей его оцѣнено на 40 т. р. Лотерея расположена на Моховой, въ домѣ Нарышкина, гдѣ жилъ Мариловскій, а потомъ Веже, ташеншпиллеръ, игравшій на варганѣ. Съѣздъ престрашный, но уповательно скоро кончится. Главная вещь есть бриліантовая нитка, положенная въ 9 т. р.; а знающіе ее увѣряютъ, что ее продавали за 1200 р. Князь Сергѣй Ивановичъ выигралъ фунтъ табаку, а сосѣдъ его платокъ набойчатый. На его мѣстѣ я бы подарилъ ему табакъ, или взялъ у него платокъ, ибо одного безъ другаго употреблять нельзя. Одинъ купецъ такъ разгорячился, что проигралъ 800 р., ничего не выигравъ, хотя билеты только по мѣдному рублю. Всѣ сіи анекдоты и мелочи долженъ бы писать къ вамъ Фастъ; но онъ такъ закружился и заплясался, что не могу его принудить приняться за перо. Благородное Собраніе процвѣтаетъ: въ обыкновенный день бываетъ до полуторы тысячи человѣкъ; столъ великолѣпный. Посылаю тебѣ билетъ *) на будущее собраніе, и ежели не явишься, не моя вина.

*

Москва, 29 Февраля 1804.

Татищевъ непремѣнно отправится къ вамъ весною и проѣдетъ черезъ Москву. Надобно стараться заслужить у него уваженія, а послѣ можно подумать и о курьерствѣ въ Петербургъ, а оттуда сюда выпроситься; а потомъ и о перемѣнѣ мѣста. Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ отставленъ точно, но правитъ еще, пока пришлютъ преемника; а сей еще по сю пору не назначенъ, что̀ однако должно рѣшиться скоро.

*

*) На оборотѣ этого билета написано рукою Якова Ивановича „16 Февраля 1804. Старшина Булгаковъ".

Москва, 7 Марта 1804.

Насилу кончилась наша масляница, отъ которой дѣйствительно всѣ головы вскружились, и хотя я не пользовался увеселеніями, кои уже мнѣ не по лѣтамъ, но терпѣлъ ту непріятность, что никого нигдѣ найти нельзя было, кромѣ горъ и маскарадовъ, и слѣдовательно ничего не дѣлалось. По сей причинѣ не видѣлъ я еще ни Малиновскаго, ни Дьякова. Канцлеръ графъ Воронцовъ сегодня отъѣзжаетъ въ деревню, и его я не засталъ. Наконецъ посылку твою я получилъ, то-есть табакерки и мозаикъ въ пурпуринѣ. За все тебя весьма благодарю, а мозаикъ обдѣлаю въ перстень. Одну табакерку подарилъ Фасту и объявилъ ему наконецъ, что табакерка съ твоимъ портретомъ ему принадлежитъ, когда получу отъ тебя твой портретъ, который, вѣроятно, прибудетъ въ басѣ или віолончели, имъ отъ тебя требуемыхъ. Въ Петербургѣ пожалованы въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника: 1) Дмитрій Нарышкинъ, женатый на княжнѣ Четвертинской, въ оберъ-егермейстеры на мѣсто умершаго Василья Ивановича Левашова. 2) Гурьевъ при Кабинетѣ. 3) Иванъ Васильевичъ Тутолминъ, женатый на Паниной и который, можетъ быть, теперь у васъ. 4) Князь Масальскій, здѣсь при дворцѣ, сынъ. 5) Не помню кто.

*

Москва, 21 Марта 1804.

Хотя у тебя голова ушла въ ноги по причинѣ карнавала, но я не меньше доволенъ всѣмъ тѣмъ, что̀ ты мнѣ описываешь и увѣряю, что васъ обоихъ люблю по прежнему и до тѣхъ поръ любить не перестану, пока вы сами не подадите мнѣ повода перемѣнить моихъ мыслей; а сія перемѣна не можетъ произойти какъ въ такомъ случаѣ, когда я узна̀ю что-нибудь дурнаго въ вашемъ по̀веденіи. Сдѣлали брату твоему несправедливость, давъ жалованье Гагарину; но несправедливость не бѣда, и онъ ничего не потеряетъ. Когда всѣ васъ знающіе будутъ говорить объ васъ хорошо, сіе лучше жалованья; ибо предуготовляетъ вамъ для переду добрую славу, безъ которой ничто прочно быть не можетъ. Ежели меня хотятъ въ службу, какъ ты заключаешь по словамъ графа Панина, будь увѣренъ, что то не можетъ быть правда, а только слѣдствіе общаго обо мнѣ мнѣнія. Я уже ото всего отрекся и даже потерялъ способности быть полезнымъ; а впрочемъ, кто не ищетъ, вѣренъ остаться въ покоѣ. Затменія солнечнаго и мы не видали, потому что все небо было въ облакахъ, но не меньше отъ того сдѣлалась въ 3 часа темнота и продолжалась около часа. Я зналъ аббата Касти въ Петербургѣ; поэма его здѣсь есть, но читать ее у меня не достало

бодрости, ибо надлежало часто прибѣгать къ лексикону, а подобное чтеніе, или больше ученіе, для меня уже трудно, но оно всѣми сильно похваляется. Между прочимъ, вышелъ указъ, коимъ подтверждается дарованіе имѣнія княгини Куракиной, сестры Петра Петровича [1]), его дѣтямъ.

*

Москва, 11 Апрѣля 1804.

Сюда пріѣхала Бутурлина и въ Маѣ поѣдетъ догонять мужа, который въ Римъ уже отправился и будетъ ее ждать на дорогѣ. Здѣсь наконецъ, къ общему порадованію родни, умерла княгиня Анна Андреевна Урусова, сестра Аполлона Андреевича Волкова, женщина старая, съумасбродная и великія хлопоты имъ всѣмъ причинявшая.

Важное происшествіе. Отгадай; но конечно не отгадаешь. Фастъ помѣщенъ въ Москвѣ. При Почтамтѣ есть секретная экспедиція, которая прежде наполнялась изъ Иностранной Коллегіи, а теперь наполняется отъ главнаго директора и почтдиректора; отъ нихъ однихъ зависитъ, и на нее положена особая сумма [2]). Въ нее-то великій мужъ Фастъ опредѣленъ, и я уже послалъ къ нему пашпортъ, въ силу котораго онъ можетъ въ деревнѣ пожить до 15-го Мая, а не далѣе, и вотъ для какой причины: Государь 15-го Мая изволитъ отправиться въ путь въ Ригу, по Митавской границѣ, по Волынской, по Днѣстру въ Одессу, въ Крымъ и пр.; а Дмитрій Прокофьевичъ [3]) будетъ сюда, поѣдетъ къ Липецкимъ видамъ, въ Тамбовъ, послѣ въ Кіевъ и пр. Ключаревъ [4]) желалъ, чтобы Фастъ къ его пріѣзду вступилъ уже въ должность, могъ ему быть представленъ и пр. Сіе очень похвально, и я пишу къ нему строго, чтобы онъ не замѣшкался сюда пріѣхать. Надобно сшить мундиръ, ознакомиться, осмотрѣться и пр. Жалованья ему дадутъ 300 и можетъ быть 400 р. на первый случай, а черезъ годъ, коли полюбится, прибавятъ и мѣсто очистятъ повыше. Я очень радъ, что ввелъ его въ службу; да радъ и тому, что онъ мнѣ можетъ кое въ чемъ прислуживать, ибо у меня головою [5]) никого нѣтъ, и за всякою бездѣлицею самъ долженъ ѣздить.—Пріѣхалъ въ Москву скрыпачъ Роде, называвшій себя первымъ музыкантомъ перваго консула первой въ свѣтѣ націи, а нынѣ принятый къ нашему двору въ службу на нѣсколько лѣтъ по 5000 р. жалованья. Вчерась давалъ онъ концертъ въ театрѣ по 5 р.; было слушателей до 700; но я въ немъ не нашелъ

[1]) Нарышкина. Его сестра развелась съ княземъ Степаномъ Борисовичемъ Куракинымъ.

[2]) Перемѣна эта въ управленіи перлюстраціею имѣла важное значеніе. Съ этихъ поръ масоны свили себѣ гнѣздо въ почтовомъ вѣдомствѣ.

[3]) Трощинскій, управлявшій почтовою частью.

[4]) Московскій почтдиректоръ.

[5]) Старинное выраженіе, соотвѣтствующее нынѣшнимъ: совсѣмъ, вовсе.

ничего чуднаго, въ чемъ со мною много согласныхъ. Завтра будетъ играть, въ Благородномъ Собраніи за 1000 р.; жаль денегъ!

*

Москва, 18 Апрѣля 1804.

Давно я молчу о дѣлѣ г. Карпова. Имѣніе подлинно существуетъ, около 90 душъ, никого наслѣдниковъ нѣтъ, и было бы конфисковано, яко выморочное, еслибы г. Карповъ не прислалъ довѣренности. Дьяковъ публиковалъ въ газетахъ, нѣтъ ли кого имѣющихъ какой претензіи до онаго имѣнія; ежели никто не явится, то оно будетъ отказано за г. Карпова; а какъ лежитъ въ сосѣдствѣ съ деревнями Дьякова, то онъ сбирается его купить тысячъ за 18 р. Можетъ быть, дадутъ и болѣе; но продавать не надобно торопиться, а надлежитъ прежде узнать, въ какомъ оно состояніи и гдѣ, ибо теперь почти не продаютъ души меньше 200 р. Я стану навѣдываться, какъ дѣло пойдетъ и что̀ узнаю, отпишу.

На прошедшей недѣлѣ у Пушкина пѣли обѣдню Корсакова, Волкова и князь Голицынъ, сынъ бывшаго въ Ригѣ губернаторомъ, князя Сергѣя Ѳедоровича, и пѣли очень хорошо. Славные пѣвчіе Козакова, которые принадлежатъ нынѣ Бекетову, поютъ въ церкви Димитрія Селунскаго, подлѣ самыхъ Тверскихъ воротъ; съѣздъ такой бываетъ, что весь бульваръ застанавливается каретами. Недавно молельщики до такого дошли безстыдства, что въ церкви кричали фора! и по счастію хозяинъ пѣвчихъ имѣлъ догадку вывести пѣвчихъ вонъ, безъ чего дошло бы до большей непристойности *). Вотъ какова наша моледежь! Я думаю и надѣюсь, что ты бы не былъ въ семъ участникомъ, ежели бы случился въ церкви.

*

Москва, 28 Апрѣля 1804.

Ради Бога, не покупай ничего въ долгъ и долговъ не дѣлай. Мнѣ лучшій въ свѣтѣ подарокъ тотъ, что ты ничего никому не долженъ. Сіе иго я несу, терплю и страдаю, но выпутаться еще не могу, хотя и не мотовство тому причиною, а моя скромность: я не могъ никогда лѣзть въ глаза и просить, а довольствовался тѣмъ, что̀ мнѣ давали. Вижу, что обманулся, ибо нахаламъ дано вдесятеро безъ службы. Исторія дешевой картины меня не соблазнила. Я знаю, что съ умомъ, съ разсудкомъ, съ небольшимъ даже знаніемъ, но все съ деньгами, можно закупить сокровища; но картины не по нашему достатку. Купишь одну, захочется имѣть сто, а потомъ всѣ картины. На сіе не ста-

---

*) Объ этомъ случаѣ говоритъ и Жихаревъ въ своемъ „Дневникѣ" („Р. Архивъ" 1890). Впослѣдствіи митрополитъ Филаретъ приказывалъ благочиннымъ слѣдить, чтобы храмъ Божій не обращали въ концертную залу.

нетъ ни одного государя ни въ Европѣ, ни въ Азіи; а скупать дрянь и ею чваниться, какъ наши Русскіе знатоки то дѣлаютъ, право смѣшно. Станемъ жить по нашему достатку, но умѣримъ наши прихоти и желанія. Лучше потерпѣть отъ неудовольствія онымъ, нежели терпѣть нужду, ихъ удовольствовавъ. Я тебѣ скажу секретъ, милый Алексаша, который я надъ собою испробовалъ и очень часто. Увидишь вещь, сойдешь съ ума: все употребишь, чтобы ее имѣть. Сколь скоро достанешь, черезъ недѣлю не видишь уже въ ней цѣны. Ежели бы я, признаюсь въ томъ для вашего правила, не бросалъ на бездѣлицы деньги, не было бы человѣка довольнѣе меня, ни счастливѣе моихъ дѣтей: ибо и то правда (противная однако морали), что со всѣми достоинствами человѣкъ безъ денегъ есть человѣкъ несчастливый, ежели спокойная его совѣсть и доброе всегда поведеніе его не подкрѣпятъ.

Катерина Любимовна [1]), кажется, теперь спокойнѣе; я къ ней посылаю по 100 р. на мѣсяцъ. Сіе немножко тяжело, но я съ собою на тотъ свѣтъ ничего не возьму, а останется вамъ меньше, и подобный расходъ не долженъ васъ крушить.

За вѣсти Неапольскія благодарю. Похвала тебѣ отъ Панина [2])должна тебя ободрить. Можетъ быть, будетъ онъ опять на мѣстѣ, и тогда тебѣ хорошо. Княгиня Лобанова уѣхала въ Петербургъ. Музыкантъ ея Деликате отправлялся къ ней, и я съ нимъ послалъ письмо отъ Тутолминой. Всѣ твои посылки съ Бреверномъ, Муромцовымъ, Оболенскимъ дошли исправно. Посмотримъ твоихъ видовъ; но ты меня разоришь на однѣ только рамы: или будетъ ихъ столько, что можно переплесть въ книгу. Впрочемъ вы все для себя сѣете: все вамъ останется. Ежели вы почитаете за подарокъ то, что васъ люблю, будьте увѣрены, что, право, для васъ я живу и желалъ бы васъ увидѣть поскорѣе, дабы обезпечить ваше будущее состояніе. Еще разъ повторяю, что радостно увижу Людольфа, хотя бы онъ и не привезъ твоего портрета; а сего желаю видѣть, хотя бы и Людольфъ не пріѣхалъ. Графинѣ Скавронской скажи, что я ея нимало не прошу de faire de vous son enfant gâté, mais que je la supplie de vous corriger au contraire de ce qu'il y a de gâté en vous; que si j'étais un peu mieux en âge, en santé, en argent, je viendrais d'abord à Naples pour la remercier de la protection qu'elle vous accorde. Въ Вербное Воскресеніе была у меня бѣда. Ночью сосѣдъ мой фабрикантъ шелковой и бумажной пошелъ въ 3 часа

---

[1]) Шумлянская, ур. Имберъ, мать обоихъ молодыхъ Булгаковыхъ, жившая тогда временно въ Петербургѣ, гдѣ еще жива была ея мать.

[2]) Графъ Н. П. Панинъ тогда путешествовалъ по Европѣ. Кто могъ думать, что этотъ удивительный человѣкъ никогда больше не будетъ допущенъ къ государственной службѣ?

въ церковь. Жена его поставила передъ образомъ свѣчу. Домъ загорѣлся, но такъ мудрено, что его покои сгорѣли: ибо огонь ударился въ потолокъ прежде, нежели примѣтили, а у него на дворѣ будка полицейская. Слава Богу, что не было вѣтра, инаково бы садъ мой сгорѣлъ или былъ испорченъ. Сей человѣкъ теряетъ 5000 р.; но по что ставить свѣчи, которыя добра еще не принесли, а сожгли больше двадцати разъ Москву?

*

Москва, 5 Мая 1804.

Меня всегда много утѣшаютъ письма твои и особливо тѣмъ, что я даже по стилю могу угадывать о поведеніи. Сего секрета ты еще не знаешь, но со временемъ увѣришься самъ, что онъ не обманчивъ. О посылкѣ твоей съ маіоромъ Панделли писалъ обстоятельно къ Литке, который пришлетъ ее ко мнѣ прямо, не трогая и Алексѣева. А что касается до музыки, княжнѣ Хованской принадлежащее ей отдалъ, а печатныя раздѣлю между охотницами, хотя Муромцевой здѣсь теперь нѣтъ. Біанки сокрушается, что ты съ симъ случаемъ не послалъ корзины макароновъ. Надѣюсь, что Литке, главный директоръ таможни, ничего не испортитъ и доставитъ мнѣ все въ цѣлости, лишь бы только пришелъ корабль. Мнѣніе твое о Французахъ и Англичанахъ, что одни хотятъ съѣсть землю, а другіе выпить море, весьма остро, ежели оно твое. Поздравляю тебя еще со всѣмъ тѣмъ, что̀ у тебя произошло съ гр. Панинымъ. Всѣ твои подобныя услуженія не пропадутъ. Можетъ быть, проведу я и не три еще праздника прежде, нежели обнять васъ могу въ свѣтлое Воскресенье; но что̀ дѣлать? Не надобно оставлять должности для сихъ личныхъ удовольствій. Время, случайность доставятъ намъ способъ увидѣться, когда мы о томъ и думать не будемъ. Терпѣніе! А съ нимъ до всего дойдешь. Къ вамъ въ миссію опредѣленъ Боголюбовъ, что́ былъ у Куракина; онъ тебѣ знако̀мъ, но по вѣтренности его не совѣтую тебѣ дѣлать изъ него друга, ибо изъ него ничего никогда не выйдетъ; а веди себя со всѣми хорошо, ни съ кѣмъ откровенно, всѣмъ угождай, но ни съ кѣмъ не доходи до подлости. По всему описанію о домѣ вашемъ вижу я, что ты не богатъ и запаса денежнаго не имѣешь. Живи, не дѣлая долговъ, а я тебя въ нуждѣ не оставлю. Ваня *) у меня вчерась обѣдалъ; отецъ его намѣревается послать его въ Дрезденъ, а брата его Александра въ Прагу съ его аббатомъ доучаться. Въ немъ будетъ путь. Людольфъ будетъ у меня жить въ библіотекѣ, гдѣ три прекрасные пустые теперь покоя, и я постараюсь ему угодить.

---

*) Графы Иванъ и Александръ Алексѣевичи Мусины-Пушкины.

30-го Апрѣля мои товарищи, директоры Благороднаго Собранія, вздумали дать un déjeuné dansant, на коемъ было больше 1000 человѣкъ; съ 11 часовъ едва кончилось въ 5 послѣ полудни. Но чтó за ярмонка! Вдругорядь, кажется, не захотятъ дать такого безполезнаго увеселенія. 3-го Мая кончились собранія до Октября, чему я очень радъ, ибо былъ принужденъ обо всемъ думать и туда часто ѣздить. Между весельями не бываетъ и безъ несчастій. Въ Вербное Воскресенье сосѣдъ мой, содержащій шелковую фабрику подлѣ того дома, гдѣ жила Катерина Любимовна, пошелъ къ заутрени; жена его поставила свѣчу передъ образомъ. Домъ сгорѣлъ, и чуть не досталось моему саду. Часть дома Катер. Любим. занялась, садикъ ея истребленъ и пр. Сего не довольно: 30-го Апр. была буря, и большой мой щитъ совсѣмъ опрокинула. Картины остались цѣлы, но дерево надобно совсѣмъ вновь строить. Пикабель пропадалъ; теперь получилъ я отъ него письмо изъ Костромы. Онъ извиняется, что по долгихъ несчастіяхъ (т. е. что его пьянаго прибилъ извощикъ, своротилъ ему рожу и пр., хотя сего онъ и не объясняетъ) взятъ онъ въ гувернеры къ какому-то Протасову, по съ тѣмъ, чтобы въ тотъ же день выѣхалъ въ Кострому, гдѣ и теперь находится. 1-го Мая былъ холодъ и дождь, но сіе не помѣшало гулянью на Нѣмецкихъ станахъ.

*

Москва, 12 Мая 1804.

Александръ Тургеневъ вмѣсто Марта едва выѣхалъ ли въ концѣ Апрѣля изъ Геттинга, остановится въ Дрезденѣ, въ Лейбцигѣ, въ Прагѣ, заживется въ Римѣ, а въ Неаполѣ, кажется, и не будетъ прежде Августа; ибо ему дано позволеніе ѣздить, кажется, безъ всякаго срока. Иванъ Петровичъ опять въ печали: самъ боленъ, а третій его сынъ *), у котораго въ малолѣтствѣ свело ногу, поскользнулся, упалъ и повредилъ руку; сперва думали, что переломилъ, потомъ, что кость раздробилъ; но теперь кажется, что только вытянулъ жилы; но лежитъ однако, и рука связана въ лубкахъ. Въ его лѣтахъ сіе пройдетъ скоро, но не меньше испужало отца и мать.

Табакерки всѣ обдѣлалъ въ золото, а перстню, т.-е. мозаику въ пурпуринѣ, не ставятъ здѣсь цѣны, и я принужденъ былъ перестать его носить, ибо никуда появиться нельзя, чтобы меня не тормошили его посмотрѣть. Бездѣлица, но такъ всѣмъ понравилась, что упражняющійся въ барышничествѣ могъ бы при семъ случаѣ сдѣлать фор-

---

*) Впослѣдствіи столь извѣстный своимъ умомъ, политическими сочиненіями, настойчивостью въ самообoронѣ по дѣлу декабристовъ и горячею любовію къ родинѣ. Николай Ивановичъ Тургеневъ.

туну. Ежели тебѣ попадутся еще подобныя мелочи, присылай смѣло; я тебѣ очень буду благодаренъ, а онѣ мнѣ замѣнятъ дорогіе подарки. И теперь кн. Праск. Вас. *) вышила мнѣ прекрасный экранъ, за который конечно отдарить надобно; но сего перстня мнѣ жаль.

Я радъ, что Людольфъ пріѣдетъ въ Москву уже изъ Петербурга, а не туда ѣдучи. Постараюсь его угостить, и ему будетъ больше времени. Здѣсь вѣстей мало: ожидаютъ ежедневно новаго генералъ-губернатора или военнаго, т.-е. Александра Андреевича Беклешова. Беклешову дано все то, чтò имѣлъ онъ, будучи генералъ-прокуроромъ, т.-е. жалованье, столовыя деньги (думаю, 12 т. р.), серебряный сервизъ, дворцовый экипажъ, присутствіе въ Сенатѣ и пр.

7-го было рожденье княжны Натальи Вас. Хованской; былъ балъ и ужинъ; за столомъ всѣ онѣ пили твое и братнино здоровье и накрѣпко мнѣ приказали о томъ отписать. Петръ Ивановичъ Юшковъ, который и ко мнѣ ѣздитъ обѣдать, влюбляется въ княжну Наталью. Весь свѣтъ радъ, чтобы сіе исполнилось. Всякая женщина можетъ почесть за счастіе имѣть его мужемъ. 8-го m-me Garnerin поднялась на шару съ другою женщиною, о коей еще мало кто знаетъ, ибо была закутана. У меня много обѣдало гостей, между прочими Петръ Петровичъ Нарышкинъ съ женою, Юшковъ, фамилія Пушкиныхъ, Наумовъ, Біянки и пр. Вытащили меня противъ воли въ воксалъ, гдѣ спущался шаръ. Но вотъ что сдѣлалось. Собрались тучи, ударилъ громъ, дождь полился ушатомъ, всѣ разбѣжались, перемокли, подъ галереями сдѣлалась давка такая, что кричали, особливо женщины. Дождь пересталъ и хотя небо было покрыто густыми облаками, однакоже Гарнеренъ, положа на всѣ приготовленія до 4000 р., рѣшился пустить шаръ съ женою и другою невидимкою. Онъ взвился, полетѣлъ по Калужской дорогѣ и вскорѣ изъ глазъ пропалъ. Кто была женщина? Куда упалъ шаръ? Узнàю, можетъ быть, сегодня и припишу. Обѣдаю у Пушкина. Они завтра ѣдутъ жить въ Валуево, куда и я стану ѣздить дни на два; но теперь еще холодно и грязно.

Шаръ спустился въ Царицынѣ. Русская дама была Турчанинова, жена брата Натальи Алексѣевны Колтовской, разведшаяся съ своимъ мужемъ.

Штатъ-дама графиня Анна Алексѣевна Матюшкина умерла въ Петербургѣ. Кажется, все имѣніе ея достается графу Велеурскому, которому въ семъ пособіи великая нужда. Здѣсь больна княгиня На-

---

*) Княжна Прасковья Васильевна Хованская, впослѣдствіи Обрѣзкова. Она и сестра ея, Наталья (впослѣдствіи Булгакова) и Софья (впослѣдствіи Соковнина) были по матери своей Нарышкиной, внучатныя племянницы князя Н. В. Репнина, и уже по этому дороги Я. И. Булгакову.

стасья Васильевна Долгорукая, и хотя она Матюшкиной моложе, ибо ей только 82 года; но Эскулапы думаютъ, что нельзя ей прожить больше мѣсяца. Москва весьма много потеряетъ, ибо у нея всякій день было пристанище всѣмъ устарѣлымъ вдовамъ и созрѣвшимъ или, лучше сказать, перезрѣвшимъ дѣвицамъ; а сею околичностію пользовались и молодыя. Канцлеръ Воронцовъ пишетъ: приготовить въ архивѣ разныя бумаги и планы строиться въ архивѣ *); а онъ ихъ возметъ съ собою, ѣдучи въ Петербургъ въ Ноябрѣ. Не знаю, состоится ли сіе; но по крайней мѣрѣ Татищевъ, сказываютъ, тянетъ свой отъѣздъ до его возвращенія.

*

Moscou, ce 19 may 1804.

Depuis quelques jours nous avons de chaleurs insupportables, qui vont jusqu'à 38 degrès. Cela m'empêche même d'être souvent au jardin, où l'on repare les chemins etc. J'ai déjà découverts mes maroniers et fus agréablement surpris de les trouver vivants. Ce sont ceux que j'ai reçus de Smolensk et quoique je n'espère pas qu'ils puissent jamais parvenir à la grandeur du maronier de Cento Cavalli d'Etna, cela sera toujours bien agréable s'ils ne périssent point dans mon jardin. J'ai planté quantité de fleurs, et mon jardin sera superbe cette année-ci. Насилу опомнился, что пишу по-французски; писавъ къ Катеринѣ Любимовнѣ, продолжалъ и къ тебѣ, и ты безъ сумнѣнія удивишься сей новости.

15-го въ воксалѣ былъ большой съѣздъ. Съ моего обѣда ѣздили мы. Гарнеренъ, заставя долго ждать, далъ въ театрѣ фантазмогорическое представленіе, т.-е. тѣни, что было прескверно, и всѣ изъ темнаго театра ушли, не дождавшись конца. Долго ждали въ саду. Спустилъ бумажный шаръ, привязалъ къ нему нимфу, то-есть куклу, которая имѣла спуститься съ парашутомъ; но задѣла юбкою за дерево, оторвалась и безчинно упала, а шаръ улетѣлъ. Мнѣ все сіе такъ наскучило, что я уѣхалъ. Послѣ онъ спускалъ метеоръ съ громомъ, то-есть шаръ, къ которому привязалъ фейерверкъ; но и сей ни грома не представилъ, ни рѣдкаго дѣйствія не произвелъ. Послѣ былъ фейерверкъ на землѣ, и тотъ плохъ. Послѣ танцовали; но до того дошло, что никто и воды не нашелъ, дабы утолить жажду. Всѣ недовольны, а всѣ ѣздятъ.

---

*) Говорится про старинное зданіе Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Калпашномъ переулкѣ у Троицѣ на Хохловкѣ. Въ управленіе князя А. М. Горчакова министерствомъ, это вѣковѣчное, допетровское зданіе съ обширнымъ дворомъ продано за бездѣлицу въ частныя руки.

Пріѣхала сюда Анна Петровна Самарина *); а Настасья Петровна, ея мать, проѣхала въ Брыково и ею тамъ ожидается. Онѣ спѣшатъ въ Орелъ, гдѣ графъ Григ. Ив. Чернышовъ занемогъ горячкою съ мѣсяцъ назадъ, слѣдовательно найдутъ его уже здороваго, ибо о противномъ не было извѣстія. Оттуда назадъ скоро всѣ сюда будутъ. Анна Петровна поѣдетъ въ Петербургъ и привезетъ сюда отца, дабы уже здѣсь всегда жить. Государь изволилъ отправиться 7-го въ Ригу, и увѣряютъ, что скоро возвратится, почему и изъ министровъ никто сюда не пріѣзжалъ. Бутурлина здѣсь, ѣдетъ въ подмосковную, а потомъ къ мужу, но сама не знаетъ куда: то въ Вильну, то въ Вѣну, ибо онъ еще въ Петербургѣ. О Татищевѣ ничего никто не знаетъ. Въ новомъ адресъ-календарѣ Кассини показанъ совѣтникомъ посольства въ Римѣ при чрезвычайномъ посланникѣ камергерѣ графѣ Бутурлинѣ; а на мѣстѣ канцелярскихъ служителей Андрей Пипи и Николай Балабинъ. У меня и для тебя купленъ адресъ-календарь, но послать не съ кѣмъ. Каменскій и Малиновскій обѣщаютъ штатъ, но вѣрнаго и у нихъ нѣтъ по ежедневнымъ перемѣнамъ. Братъ собирается сюда пріѣхать при первой курьерской посылкѣ. Отъ васъ таковыхъ оказій не бываетъ, а какъ бы я радъ былъ тебя обнять! Итакъ, ежели бы какимъ счастіемъ представился подобный случай, то не упускай его. Изъ Петербурга можно сюда выпроситься на мѣсяцъ. Фаста возилъ я вчерась къ почтдиректору. Сегодня приведутъ его къ присягѣ и донесутъ въ Петербургъ, гдѣ его переименуютъ и назначатъ жалованье. Сегодня обѣдаю у князя Юсупова съ новымъ генералъ-губернаторомъ Беклешовымъ. Настасья Петровна Самарина пріѣхала, но я ея еще не видалъ. Завтра у Демидова большой балъ, послѣ завтра пикникъ въ Кусковѣ; но я сильно желаю, чтобы сей не состоялся, ибо изъ мочи выбился. Въ Воскресенье обѣдъ у меня въ саду.

Москва, 2 Іюня 1804.

Я, слава Богу, теперь, кажется, совсѣмъ здоровъ, не выхожу изъ сада и часто выѣзжаю за городомъ; въ Субботу ѣздилъ съ княземъ Сергѣемъ Ивановичемъ, Наумовымъ, Францомъ и Фастомъ въ деревню сего послѣдняго; у него ночевали; на другой день поѣхали въ Воскресенской монастырь, тамъ обѣдали и возвратились въ Москву. Было очень весело; но оставляю Фасту описать подробнѣе наше путешествіе. Онъ уже исполняетъ свою должность; но, по непривычкѣ къ дѣлу, кряхтитъ. Ему должно всякій день ѣздить въ Почтамтъ. Что

*) Т. е. Квашнина-Самарина, дочь бывшаго президента Юстицъ-Коллегіи, Петра Ѳедоровича и Настасьи Петровны, ур. графини Салтыковой. Другая ихъ дочь Елисавета Петровна была за графомъ Г. И. Чернышовымъ.

же бы онъ сказалъ, ежели бы привелось ему двѣ ночи не спать для шифрованія, какъ съ тобою случается? Я почти все бросилъ и упражняюсь въ саду, который даже противъ прошлогодняго такъ разросся, что я самъ его не узнаю. Каштаны мои почти всѣ принялись, и нѣкоторые уже цвѣтутъ. Сажаю всѣ возможные цвѣты, и всѣ любуются моимъ садомъ. Княжна Наталья дала книгу Фасту для скопированія для тебя музыки обѣщаннаго ею романса; онъ книгу потерялъ, нашли въ сѣняхъ; онъ ее потерялъ въ другой разъ, нашли въ сараѣ въ дрожкахъ, но все еще не списалъ; а твоей музыки дожидаются онѣ съ нетерпѣніемъ. Когда-то Пандели пріѣдетъ, и я все боюсь, чтобы Англичане или Французы имъ не завладѣли. Tableau historique par Ségur очень хороша. Удивительно, что у васъ книгъ нѣтъ; но думаю, можно ихъ доставать и дешево изъ Марселіи, какъ я то дѣлалъ въ Цареградѣ. А книгъ новыхъ и хорошихъ весьма много. Настасья Петровна Самарина поѣхала въ Орелъ и оттуда въ Тамбовъ къ Липецкимъ водамъ, на которыя по модѣ всѣ бросились какъ въ Спа. У князя Ал. Ал. Щербатова родился сынъ Сергѣй. Сегодня Вознесеніе: у насъ на улицѣ праздникъ, гулянье у Демидова и въ Дворцовомъ саду. У меня, конечно, будетъ много гостей; жаль, что васъ нѣтъ похозяйничать.

*

Москва, 13 Іюня 1804.

4-го ѣздилъ я съ княземъ, княгинею и Иберкампфомъ въ Воронцово, а потомъ въ Валуево къ Пушкинымъ, гдѣ обѣдали, гуляли, ужинали; княгиня возвратилась въ Москву, а я ночевалъ. На другой день были мы всѣ въ деревнѣ у Салтыкова, на оперѣ Италъянской, т. е. играной его людьми порусски: Двухъ Философахъ или Argantifontidas. Вас. Петровичъ *) долго объ васъ говорилъ, разспрашивалъ и поручилъ вамъ не только кланяться, но и насказать много хорошаго. Возвратясь въ Валуево, ужинали, и я въ часъ по полуночи отправился съ Гильфердингомъ и въ 5 поутру пріѣхалъ въ Москву. Былъ тамъ и Володимеръ Каменской, а 8-го поѣхалъ въ Петербургъ. Онъ все тотъ же, а вѣсти его на водѣ писать. Отъ Литке получилъ я уже отвѣтъ, что онъ приметъ въ свое попеченіе ящикъ твой, посланный съ Панделіемъ. Въ Воронцовѣ понанимали на лѣтнее жилье фамиліи Мятлева, Корсакова, Спичинской, Депрерадовичевой и пр. Изъ Москвы всѣ разъѣзжаются, и чуть я не поѣду ли въ Ярославль къ Пушкину на недѣлю. Вчерась и сегодня большое гулянье въ Дворцовомъ саду, а ввечеру будетъ воксалъ.

*

---

*) Т. е. Салтыковъ.

Москва, 30 Іюня 1804.

Ты говоришь, что Кассинія нѣтъ въ Римѣ. Я догадываюсь, что ему велѣно выѣхать отъ нашего двора; ибо поговариваютъ, что и отправленіе туда Бутурлина, ежели не совсѣмъ отмѣнено, то по меньшей мѣрѣ точно остановлено, и графиня Бутурлина теперь здѣсь также остановилась, сама не знаетъ, до какого времени. Явившійся у тебя Пангало можетъ быть мнѣ и знакόмъ, ибо я знаю многихъ сего имени Грековъ; но они любятъ прилыгать. Не только онъ, но ни одинъ человѣкъ въ Эдикулѣ у меня не былъ и письмà отъ Потемкина не отдавалъ. Ежели и потеря его на Аглинскомъ кораблѣ на тоже походитъ, то не велика. Я тебѣ совѣтую разсказы ихъ слушать, но не совѣтую ничему вѣрить. Я отсюда радуюсь, что у тебя дѣла много: кто трудится, тотъ не портится, и труды всегда будутъ служить доказательствомъ твоего прилежанія. Веселись цѣлый годъ; годъ прошелъ, и веселья забыты, не оставя по себѣ ниже слѣдовъ, развѣ дурные; а чтὸ ты дѣльнаго сдѣлаешь, все останется къ твоей же пользѣ.

Поѣхалъ я 25-го въ Очаково, обѣдалъ у Нарышкиныхъ, оттуда въ Валуево къ Пушкиной (онъ самъ отправился уже въ Ярославль), ночевалъ, 26-го обѣдалъ. Ѣздили мы къ Василью Петровичу Салтыкову; была у него опера Русская, de Barbier de Seville, musique de Paysiello, играли прекрасно. Спущенъ балонъ удачно, маленькій фейерверкъ, ужинъ; возвратились въ Валуево; я хотѣлъ ѣхать ночью, но престрашный дождь. Онъ кончился въ 4 часа, и я отправился въ Москву. Пріѣхалъ въ 7 ч. и весь день проспалъ. Пушкина уже здѣсь и завтра ѣдетъ въ Ярославль на все лѣто, куда и я обѣщался пріѣхать. Княгиня Ел. Вас. и кн. Серг. Ивановичъ поѣхали въ Рязань 23-го до Августа, Милашевичъ съ женою въ Смоленскъ, Херасковы въ Кострому; я одинъ остался съ Фастомъ. Сбираюсь съ Петромъ Петровичемъ Нарышкинымъ 2-го числа въ Рузу къ Хованскимъ. Въ сей ѣздѣ пройдетъ съ недѣлю. Катерина Любимовна пишетъ, что Мартыновъ не могъ ѣхать въ Царьградъ, ибо не имѣлъ пашпорта и возвращается въ Петербургъ. Французъ его оставилъ и, кажется, денегъ не далъ, а обѣщалъ прислать, такъ что сіе происшествіе походитъ на гору въ родахъ. Въ Петербургѣ умеръ горячкою гр. Валеріанъ Александр. Зубовъ.

*

Москва, 7 Іюля 1804.

Хорошо, что ты пріѣзжимъ Русскимъ оказываешь услуги по возможности: сіе не пропадетъ и всегда вспомнится, а между тѣмъ они повсюду о тебѣ говорятъ хорошо. Между тѣмъ и самъ ты въ прогул-

кахъ съ ними время не теряешь напрасно: во первыхъ, ко всему присматриваешься, во вторыхъ, не употребляешь его на что нибудь худое. Сожалѣтельно, что Актонъ оставилъ службу и что г. Карповъ боленъ. Надѣюсь, что первый уже помѣщенъ, а второй давно выздоровѣлъ. Лудольфъ теперь конечно въ Петербургѣ, ибо братъ встрѣтилъ его на дорогѣ, и я жду отъ него письма изъ Петербурга, гдѣ онъ конечно остановится для свадьбы великой княжны*), имѣющей быть въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ; а я между тѣмъ побываю у Хованскихъ. Виленская Муравская (у тебя что-то уши поднимаются) пишетъ ко мнѣ, что хочетъ сюда играть пріѣхать. Сіе зависитъ отъ князя Волконскаго, котораго здѣсь нѣтъ, а я самъ отъѣзжаю, но учрежду, возвратясь, все для нея и постараюсь ей угодить.

*

Москва, 18 Іюля 1804.

Фасть выпросился на 10 дней. Мы поѣхали изъ Москвы 9-го; обѣдали въ Очаковѣ, взяли Петра Петровича Нарышкина и отправились въ дорогу. Проѣхавъ Вязьму, пристали въ деревнѣ Петелиной у Акулины Матвѣевны, ночевали. 10-го выѣхали на Можайскую дорогу и, проѣхавъ до 70 верстъ, своротили и прибыли къ обѣду въ село Горбово, гдѣ намъ князь Вас. Ал. и княжны весьма были рады. Положеніе прекрасное на самой рѣкѣ Рузѣ, въ трехъ верстахъ отъ впаденія ея въ Москву рѣку, похожее на Нескучное, но еще для меня пріятнѣе. Княжны въ буеракахъ заводятъ des solitudes, de grottes etc., всякая свое, и одна отъ другой таится. Фасть мой преобразился въ архитектора, живописца, садовника; онѣ на перерывъ его перехватывали. На другой день осматривали мы фабрику суконную и пр., обѣдали гости, играли, у нихъ хорошій биліардъ, домъ небольшой, но уютный, прекрасный; я съ него взялъ планъ. Княжны премилыя; не было часа, чтобы объ васъ не вспоминали, пили ваше здоровье, приказывали сто разъ писать поклоны, вспоминали ваши проказы и пр. Ночь на 12-е число все разстроила: Фасть уѣхалъ въ свою деревню, ибо нанялъ много работниковъ копать каналы и прудъ, которые въ его отсутствіе ничего не могли работать; Петръ Петровичъ получилъ курьера, что жена въ родахъ и тотчасъ ускакалъ. Она подлинно родила дочь въ самый его пріѣздъ. Остался я одинъ. 12-го обѣдалъ и выѣхалъ въ 4 часа; но вырваться не могъ инаково, какъ обѣщавшись, что опять пріѣду. Поѣхалъ я другою дорогою, т. е. Рузскою, черезъ Звенигородъ, гдѣ ночевалъ. Какія мѣста, какія деревни, всѣ по берегу Москвы-рѣки! Домы какъ дворцы, сады, виды и пр., какъ-то

---

*) Маріи Павловны съ сыномъ Саксенъ-Веймарскаго герцога.

князя Несвицкаго, князя Лопухина, Архарова, Спиридова, Орлова, а вдали Разумовскаго, Остермана и пр. Пріѣхалъ я 13-го и цѣлые сутки спалъ. 8-го умеръ здѣсь фельдмаршалъ графъ Вал. Плат. Пушкинъ. О Муравской говорилъ я съ директоромъ театра, княземъ Волконскимъ. Онъ согласенъ, но она не можетъ играть какъ одинъ разъ въ недѣлю, ибо прочіе дни заняты другими спектаклями. Пишу къ ней сегодня. Не знаю, прибыльно ли ей будетъ пріѣзжать, чтобы въ мѣсяцъ проиграть раза четыре.

*

Москва, 8 Августа 1804.

Поѣхалъ я изъ Москвы 19-го Іюля на своихъ лошадяхъ, то есть извощичьихъ, взявъ ихъ девять; ѣхалъ черезъ Троицу, города Угличъ, Мышкинъ, Мологу, а къ Пушкину въ село Иломлю пріѣхалъ 23-го. Они сильно мнѣ обрадовались. Прожилъ я пять дней и спѣшилъ назадъ, дабы Лудольфъ могъ меня въ Москвѣ найтить, оставилъ ихъ и возвратился сюда 3-го Августа тою же дорогою. Хотѣлъ ѣхать черезъ Ярославль, Ростовъ, Переславль, но для сего пути употребилъ бы дней пять болѣе; а сверхъ того сильной дождь и холодъ меня испужалъ и лишилъ сего удовольствія. Но мы съ Пушкинымъ согласились собраться опять у него въ будущемъ Іюнѣ, сѣсть на суда и плыть по Волгѣ мимо городовъ Рыбинска, Ярославля, Костромы, Нижняго до Макарьевской ярманки, а оттуда въ Москву возвратиться сухимъ путемъ. Ежели Богъ позволитъ, сіе путешествіе будетъ пріятно и любопытно. Рѣка Волга покрыта судами, берега ея большими селеніями. Безъ меня былъ въ Москвѣ сильный пожаръ подъ Новинскимъ монастыремъ близъ качелей: выгорѣло отъ сего мѣста до самой Москвырѣки и почти до Арбата. Разъѣзды мои были причиною, что я съ Дьяковымъ давно не видался и не знаю, что̀ дѣлается по наслѣдству г. Карпова; но постараюсь его сыскать и увѣдомлю впередъ. Мозаика буду ожидать и чѣмъ скорѣе получу, тѣмъ лучше; ибо онъ не для меня, а для Ключарева [1]), котораго я теперь еще больше уважаю по причинѣ Фаста. Весьма я порадовался, что въ Неаполѣ будетъ наша церковь [2]). Да умножитъ Богъ лѣта нашего безподобнаго Государя!

Появился въ Нѣмецкой землѣ новый авторъ Auguste la Fontaine. Онъ пишетъ моральные романы совсѣмъ въ новомъ вкусѣ. Ихъ уже переведено на Французскій языкъ около 40 томовъ, и я ихъ имѣю. Читалъ дорогою; попалось мнѣ мѣсто оригинальное, да они и всѣ та-

---

[1]) Московскаго почтдиректора, масона, родомъ изъ крѣпостныхъ графа Шереметева.

[2]) Она и донынѣ существуетъ.

ковы. На одной страницѣ онъ умѣлъ сказать всю мораль, которая разбросана въ тысячѣ книгахъ. Я ее выписываю и совѣтую тебѣ изъ памяти не выпускать. Одинъ отецъ, отпуская сына въ университетъ, сказалъ ему: «Vas, mon fils, et sois un honnête homme. S'il t'arrive d'avoir une dispute, n'importe avec qui, si tu as raison, cède, et qu'il te suffise d'avoir raison; si tu as tort, cède encore, parce que tu as tort. Charles! L'homme n' est jamais plus aisément dur et impitoyable que lorsqu'il a raison; on peut avoir toujours raison et avec cela n'être pas un honnête homme; avoir raison n'est pas toujours être juste. Ne blesse le coeur de personne; il est si aisé de blesser! Ne blesse pas un coeur content pour ne pas lui enlever son bonheur; le bonheur est respectable, parce qu'il est rare. Ne blesse pas un coeur triste, car le malheur est plus respectable encore, et c'est de la pitié qu'il te demande et qu'il doit t'inspirer; enfin pense toujours que tu dois continuer mon journal (отецъ записывалъ всѣ свои дѣла, хорошія и худыя); tu pourra y tracer les malheurs et les peines qui t'arriveront, mais non pas une méchante action. Pas de mauvaise action! Sois vrai devant Dieu et devant les hommes, comme devant toi-même; mais ne te laisse insulter par personne, grand ou petit, c'est égal. Adieu. Не знаю, можно ли короче и лучше сказать наставленіе молодому человѣку, вступающему въ свѣтъ? Дай Боже, чтобы дѣлами твоими (во время болѣзни твоего начальника) были довольны въ Петербургѣ; но будь остороженъ и не торопись. Ты еще молодъ и мало имѣешь опытности; надобно нѣсколько разъ перечитать, чтò написалъ, прежде нежели отправишь.

Людольфа я жду всякой день. Его дочь пожаловали во фрейлины. Во время брака Иванъ Алексѣевичъ*) получилъ столовыхъ денегъ по 3000 р. на годъ, а Вязмитиновъ, министръ войны, мой племянникъ, единовременно 50 т. р., чему я очень радъ. О прочихъ награжденіяхъ вы конечно уже извѣстны. Отзывъ графини Скавронской возбуждаетъ во мнѣ благодарность. Долго бы толковать, какъ я по письмамъ твоимъ угадываю о твоемъ поведеніи, а секретъ мой тебѣ не открою, и ты правду говоришь, что можно щеголевато писать и дурно себя вести; но я по всему отгадать могу о поведеніи: человѣкъ, у котораго скребетъ совѣсть, хотя и щеголевато напишетъ, все узнать можно, что писалъ на мысляхъ, а не то, чтò у него на сердцѣ. Есть и вездѣ худые люди и слѣдовательно худыя дѣла; но несчастіе Неаполитанцевъ то, что по климату они слишкомъ горячи и въ первомъ жару дѣлаютъ то, чего бы не сдѣлали съ хладнокровіемъ. Но худые примѣры суть школа для молодыхъ людей и остерегаютъ ихъ отъ подражанія. Раз-

*) Сенаторъ Алексѣевъ. Т. е. во время брака великой княжны Маріи Павловны

сужденіе твое о нашихъ мужикахъ основательно; но всему приходитъ время свое, и они также хотятъ просвѣщаться, не подозрѣвая, что въ неполномъ просвѣщеніи больше зла, нежели добра. Намъ не видать, слава Богу, дѣйствій просвѣщенія, видимыхъ теперь въ другихъ земляхъ. Зло не отъ того, что человѣкъ просвѣщается, но что себя забываетъ и выходитъ изъ границъ въ своихъ желаніяхъ.

Возвратясь сюда, нашелъ я новость огорчительную и непріятную. И. П. Тургеневъ, не совсѣмъ еще выздоровѣвшій, поѣхалъ въ деревню въ Дмитровъ, купленную у Ив. Вол. Лопухина, а ему доставшуюся послѣ Анны Николаевны. Тамъ имѣлъ непріятности, видя худое ея состояніе, и до того доведенъ, что ушибъ его параличъ. Привезли его сюда. Я былъ у него; кажется, меня узналъ; пожалъ я ему руку, онъ то почувствовалъ, но говорить не можетъ, хотя и старался. Онѣмѣли у него правая рука, правая нога, языкъ, часть головы. По сю пору докторы сумнѣваются въ его жизни; но, можетъ быть, Богъ ему поможетъ для бѣдныхъ его дѣтей. Александръ изъ Вѣны поѣхалъ и, можетъ быть, теперь у васъ. Не сказывай ему о семъ. На что̀ огорчать попусту человѣка? А ежели узна̀етъ, старайся его утѣшать. Боже, предохрани отъ подобной жены, ибо я (между нами) приписываю всѣ его болѣзни злости ея и скаредной скупости; но о семъ помолчимъ. Жаль, но что̀ дѣлать, чѣмъ помочь? О Иванѣ Володимеровичѣ ни слуха нѣтъ, и понять не могу. Онъ также въ преразстроенномъ состояніи отъ долговъ: по сю пору протестовано векселей на 160 т. р. На что̀ добродѣтель, на что́ честность, когда она не умѣряетъ самолюбія? Дѣлать добро безъ разбора и часто порочнымъ людямъ на счетъ добрыхъ и честныхъ людей! Сердце сокрушается. Мнѣ кажется, занять у человѣка, тебѣ вѣрящаго, и отдать недостойному, есть тоже, ежели не хуже, что̀ украсть. Былъ у меня лѣкарь Тургенева и обрадовалъ, сказавъ, что начинаетъ являться надежда къ его спасенію; ибо пульсъ сталъ лучше, языкъ больше шевелится, и онъ ѣлъ съ апетитомъ. Дай Боже! Біянки сказывалъ, что по требованію здѣшняго Губернскаго Правленія Петербургское спрашивало у Ивана Володимеровича, чѣмъ онъ обезпечиваетъ долги своихъ заимодавцевъ, что онъ отвѣчалъ, что ничего не имѣетъ, т. е. что объявилъ себя банкрутомъ.

*

Москва, 18 Августа 1804.

Въ прошедшую Субботу вдругъ явился здѣсь Иванъ Алексѣевичъ Алексѣевъ и съ своею женою; ночевалъ у меня въ библіотекѣ двѣ ночи и поѣхалъ въ ея деревню въ Малороссіи и въ другую подъ Екатеринославлемъ; отпущенъ на мѣсяцъ, но не успѣетъ воротиться.

*

Москва, 22 Августа 1804.

Я очень люблю Венеціанскій языкъ, и разговоръ твой съ продавцемъ цѣпочки меня разсмѣшилъ; а цѣпочка достанется конечно одной изъ княженъ, по справедливости, по алфавиту и по первородству Натальѣ; жаль, что не поспѣла сюда къ имянинамъ ея, на которые ѣду.—Я давно къ тебѣ писалъ о Бекерѣ; пожалуй его поблагодари и увѣрь, что я помню его ко мнѣ дружбу и привязанность и желаю, чтобы мой дипломатъ Александръ также у него ихъ заслужилъ.

*

Москва, 5 Сентября 1804.

24-го отправились мы въ путь, князь, княгиня и я; почевали и обѣдали у Архаровыхъ въ Иславскомъ на Москвѣ-рѣкѣ, 37 верстъ отсюда; прекрасное село положеніемъ и отстройкою; домы, церковь, сады и пр. дѣлаютъ его наикрасивѣйшимъ подъ Москвою; хозяева крайне были рады. Ввечеру пріѣхали подъ Рузу въ Горбово къ Хованскимъ. На другой день имянины княжны Натальи. Хотя Фастъ, который, будучи отпущенъ только на три дни, туда пріѣхалъ послѣ, а уѣхалъ прежде насъ, хотя онъ увѣряетъ, что подробно все вамъ описалъ, но я не могу обойтись, чтобъ не сказать хотя нѣсколько словъ. Были мы у обѣдни; обѣдъ прекрасный на 80 человѣкъ, спектакль безпримѣрный: играли комедію де St.-Foix, Isle Sauvage, потомъ пантомиму Apelle et Compaste, сочиненную княжной Натальей, а музыка Дамаретомъ. Я ничего нигдѣ никогда лучше не видалъ. Княжна Наталья представляла Апеллеса, Софья—Компасту, Петровская, дочь князя Барятинскаго—Александра Великаго. Не могу удержаться, чтобы не сказать ея содержанія. Александръ, получа невольницу рѣдкой красоты, хочетъ имѣть ея портретъ, приводитъ и оставляетъ у живописца; сей снимаетъ покрывало, прельщается, выдумываетъ ея позитуры, находитъ, что видъ невольницы недоволенъ, даетъ ей видъ Аталанты съ яблокомъ въ рукѣ (недоволенъ) одѣваетъ Минервою, ставитъ на пьедесталъ (недоволенъ), преображаетъ въ Венеру, кладетъ на диванъ, сажаетъ къ колѣнямъ Амура, Граціи украшаютъ ея голову перлами, ноги гирляндами и пр. Онъ безъ памяти, бросаетъ кисти и пр., объявляетъ ей любовь; она также признается. Актъ кончится. Во второмъ поетъ онъ молитву, славную музыку, но не помню чью. Она къ нему прибѣгаетъ растрепанная, ибо бѣжала отъ Александра, который къ нимъ приходитъ, вынимаетъ мечь, хочетъ умертвить; но, видя ихъ страсть, прощаетъ, даритъ ее Апеллесу, беретъ за руки, ведетъ во храмъ и вѣнчаетъ. Княжна Софья такъ была прекрасна въ разныхъ уборахъ, что

истинно не походила на смертную; музыка, пѣніе, хоръ, игра столь безпримѣрны, что не можно лучше выдумать и ни на какомъ въ свѣтѣ театрѣ представлено сіе быть не можетъ, ибо нигдѣ нѣтъ княженъ Хованскихъ другихъ. Всѣ актеры подобраны столь удачно, что человѣкъ, видящій представленіе, забывался; даже декораціи казались хороши. Послѣ спектакля балъ. Сей не походилъ на него, а походилъ больше на сонмище карикатуръ. Хозяйки однѣ были въ немъ богинями; ужинъ, потомъ опять танцованіе, разныя игры. Княгиня Ел. Вас.*) до того дорѣзвилась, что занемогла. Я легъ въ два, а шумъ продолжался до 4-хъ часовъ. 27-го обѣдали мы у князя Петра Алексѣевича Хованскаго, живущаго въ 5-ти верстахъ. 28-го ѣздили въ городъ Рузу, 29-го поѣхали къ Архарову, ночевали; 30-го обѣдали и возвратились въ Москву поздно. Давно я не бывалъ такъ доволенъ дорогою; и какія мѣста! Прекрасныя деревни отъ самаго Звенигорода, почти городà: князя Лопухина, князя Несвицкаго, Спиридова, Архарова, Бекетова, Орлова, Голицына, Остермана, другаго Голицына, Кунцово, Фили Нарышкина и пр.

Пріѣхавъ въ Москву, нашелъ я ваши письма, засталъ здѣсь также пакетъ отъ Н. Н. Каменскаго превеликой; съ чѣмъ, ты думаешь? Съ новымъ штатомъ Коллегіи, при запискѣ, которую прилагаю. Это цѣлая книга, нѣтъ возможности переслать. Я выписалъ наскоро чтò нашелъ нужнымъ для васъ и посылаю. Книгу ему возвратилъ, прося, не поможетъ ли дать копіи? Онъ отвѣчаетъ, что для меня у него ничего невозможнаго нѣтъ; но вотъ и сей его билетъ. Въ сію самую минуту, какъ я пишу, приходитъ отъ него канцелярскій служитель, разсуди: съ чѣмъ? Копія уже готова въ два дни, и она теперь моя. Вотъ чтò я намѣренъ сдѣлать. Писца у меня нѣтъ; я самъ стану на почтовой бумагѣ списывать и при всякомъ къ вамъ письмѣ отправлять по листочку, такъ что со временемъ будетъ у васъ полный списокъ, который вы сшить или переплесть можете. Мнѣ большаго труда сіе не стоитъ, а пріятно сдѣлать вамъ пріятность; пересылку ея начну съ первымъ письмомъ, ежели чтò не помѣшаетъ. Могъ бы употребить Фаста; но у него рука не чиста и не мелка.

Поступокъ Эліота, тобою описываемый, конечно похваленъ, ибо, кажется, основанъ на человѣколюбіи; но не всегда то золото чтò свѣтитъ. Онъ такъ умѣетъ и такъ любитъ плавать, что, будучи волонтеромъ въ нашей арміи, думалъ переплывать изъ доброй воли и безъ нужды, когда армія переправлялась на судахъ. Въ семъ случаѣ онъ походитъ на моего

*) Княгиня Елисавета Васильевна Голицына, племянница, Я. И. Булгакова.

Кузму, у котораго сердце бьется противъ всякаго кабака, хотя бы за каретою ѣхалъ. Когда человѣка разберешь хорошенько, то во всякомъ поступкѣ найдешь побудительною причиною не одну только добродѣтель, а часто одну его склонность или умѣнье.—По возвращеніи моемъ, я еще ни раза не выѣзжалъ отъ лѣни, отъ усталости и отъ холода; но другой уже день время опять такъ хорошо, что почти жарко. Беклешовъ давалъ первый большой обѣдъ въ Александровъ день; я получилъ билетъ, но былъ тогда въ дорогѣ. Тургеневу легче, ходитъ самъ, рукою дѣйствуетъ и уже пишетъ; но языкъ худо поправляется, хотя и больше прежняго разумѣть его можно. Записку о садѣ Демидова не могу сегодня приложить, ибо надобно съ мѣрою сказать, а пришлю впередъ только на такой случай, ежели онъ будетъ въ Неаполѣ и съ тобою подружится.

*

Москва, 16 Сентября 1804.

Вчерась, 15-го, день коронаціи, у главнокомандующаго Ал. Андр. Беклешова былъ балъ и ужинъ. Гостей находилось около 300, а сіе доказываетъ, что Москва еще пуста.

На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда сынъ Катерины Даниловны Волковой Александръ и пріѣхалъ жениться на дочери Ал. Як. Корсакова, которая такъ хорошо поетъ по-итальянски; ты ее знаешь. Я его еще не видалъ, но свадьба должна быть скоро. Хованскія писали ко мнѣ опять пріѣхать къ нимъ 17-го, на день имянинъ княжны Софьи; но холодъ и грязь меня удержали. Вчерась у меня обѣдали Демидовъ, Багратіонъ и пр. и принудили сегодня ѣхать во Французскій театръ. Я уже въ немъ не былъ съ годъ. Что̀ вашъ Везувій? Не закоптилъ ли тебя?

*

Москва, 3 Октября 1804.

Посылку твою братъ отправилъ еще въ Іюлѣ съ княземъ Баратовымъ, который давно пріѣхалъ, но на дорогѣ заѣхалъ въ деревню къ Нарышкинымъ, во ста верстахъ отсюда, и тамъ понынѣ живетъ. Будучи у Хованскихъ въ деревнѣ, свѣдалъ я о семъ отъ князя Хилкова. Княжна Наталья взялась за дѣло и вчерась прислала ко мнѣ посылку. Ею я очень былъ обрадованъ: мозаикъ подлинно прекрасный; но я думаю, что онъ подтушеванъ, особливо деревья. Онъ столь прекрасенъ, что я его удержу для себя; Ключареву отдамъ прежній. Крестъ и цѣпочка прелестные; подарю его отъ тебя княжнѣ Натальѣ, ибо голосъ ея тонкостію подобенъ послѣдней. Дай Богъ, чтобы твой Грекъ Пандели скорѣе пріѣхалъ. Онъ, видно, читалъ Одиссею и хочетъ подражать Улиссу, который десять лѣтъ шатался по морю; но

боюсь я, не попался ли онъ вмѣсто Цирцеи къ Французамъ въ руки. Завтра будетъ первое Благородное Собраніе. Люди уже съѣзжаются изъ деревень. Канцлеръ Воронцовъ нездоровъ въ деревнѣ; но по приказу въ архиву приготовить къ Ноябрю разныя бумаги видно, что сбирается пріѣхать. Людольфъ еще въ Петербургѣ, сюда не будетъ; дочь его, фрейлину, государыня вдовствующая изволила оставить у себя и поручила ее Ливеншѣ: великая милость и отличность, ибо она ходитъ только за великими княжнами. У меня здѣсь былъ меньшой графъ Сенъ-Пріестъ, камеръ-юнкеръ, женившійся на фрейлинѣ княжнѣ Голицыной. Здѣсь также генералъ-поручикъ Домбровской, что̀ имѣлъ полкъ въ Вильнѣ, а теперь въ отставкѣ. 22-го Сентября была раздача Владимирскаго креста и по большей части за 35-тилѣтнюю службу. Получилъ однако четвертой степени Наумовъ.

*

Москва, 12 Октября 1804.

Вслѣдствіе обѣщанія, даннаго мною въ послѣднемъ письмѣ, сегодня начинаю оное исполнять, посылая къ тебѣ первую тетрадь списка; ихъ будетъ, кажется, больше десяти, а при всякомъ письмѣ ты станешь получать по одной, тѣмъ вѣрнѣе, что у меня ихъ нѣсколько уже готово. Я началъ, что во всемъ спискѣ, исключая тѣхъ, кои померли или изъ Коллегіи выбыли, остается еще въ ней 53 человѣка, кои мною въ службу были взяты и воспитаны или подъ моею командою служили.

Описаніе Везувія страшно, но кончится вѣроятно безъ вреда Неаполю. Плинію подражать тебѣ не совѣтую тѣмъ паче, что подобное любопытство никакой бы тебѣ прибыли и удовольствія не принесло, а ты можешь счастливъ быть и не подвергаясь опасности упасть въ Везувій. Въ первомъ отъ тебя письмѣ надѣюсь получить дальнѣйшее о возгорѣніи описаніе. Ежели первая эрупція не причинила бѣды, то конечно послѣдующія оной не причинятъ. Довѣренность къ св. Януарію не велика и доказываетъ, что суевѣріе не всегда полезно.

Теперь, любезный мой Александръ, приступаю къ важному пункту, который трогаетъ меня больше всѣхъ дымящихся горъ. Мудрено, чтобы выдумали на тебя клевету, ежели бы нималаго къ тому не было основанія. Оправданіе твое кажется ясно, но главное доказательство не основательно. Ты говоришь: «Тотъ самый Б.*), который меня разъ испугалъ братнею болѣзнію, теперь его встревожилъ безъ всякаго основанія.» Тогда онъ испугалъ неосторожно, но сказалъ правду, ибо болѣзнь была въ самомъ дѣлѣ; слѣдовательно, въ нынѣшнемъ случаѣ

*) Боголюбовъ?

опровергнуть его оною нельзя. Видно, что кто нибудь изъ пріѣзжихъ ему сказалъ, а пріѣзжій не могъ сказать, ежели самъ не видалъ или не слыхалъ чего подобнаго. Разсужденіе твое собственное здраво, и ежели ты станешь его держаться, то и я доволенъ. Игра можетъ завести въ великія бѣды и сдѣлать несчастнымъ, даже разстроить на вѣки все моральное и физическое твое благосостояніе. Я тебя въ томъ остерегаю по опытности и желая тебѣ добра; но ежели ты мнѣ не повѣришь, то и впредь на себя только долженъ пенять. Живи и веди себя такъ, какъ бы тебѣ ничего и ни откуда ожидать нельзя; а что̀ Богъ тебѣ пошлетъ за твою службу или что̀ отъ меня достанется, тѣмъ и тогда время будетъ довольно пользоваться. Теперь я вамъ удѣляю отъ 5 до 6 тысячъ на годъ, то есть столько, сколько, у себя самого отнимая, удѣлять могу; да хотя бы и былъ богатѣе, то кто можетъ напастись на непредвидимыя и неограниченныя потери. А въ долги входить ужасно! Я по сю пору не могу ихъ не только сбыть, но ниже уменьшить, и почти всѣ доходы обращаю на проценты? А чѣмъ же живу? Часто грусть пронимаетъ. Да ежели еще къ сему дойдутъ и объ васъ подобныя вѣсти, разсудите сами, сколько сіе будетъ оскорбительно, и тѣмъ оскорбительнѣе, что и помочь вамъ не въ состояніи. Теперь меня только то одно утѣшаетъ, что я сему нимало не вѣрю; знаю, что люди видятъ въ глазахъ другого волосокъ, а у себя не примѣчаютъ и бревна и дѣлаютъ изъ мухи слона. Вы уже въ такихъ лѣтахъ, когда можно и безъ совѣтовъ обойтись, но не имѣете еще всей опытности о злонравіи людей, кои непримѣтно могутъ завести васъ въ такую бездну, что изъ оной не выйдешь; а ведетъ въ оную не одна игра. Благодарю тебя, что увѣдомляешь меня самъ и надѣюсь, что слову своему будешь господинъ.

Иванъ Володимировичъ Лопухинъ былъ у меня, я у него; но мы еще не видались. Слышу, что онъ забралъ у Тургенева 100 тыс. руб., а платить нечѣмъ. Сіе было причиною паралича. На сихъ дняхъ видѣлъ я Александра Ал. Тучкова*), пріѣхавшаго изъ Парижа, и слышалъ отъ него всѣ тамошнія новости.

*

Москва, 13 Октября 1804.

Радуюсь, что г. Карповъ поведеніемъ твоимъ во время междуцарствія министерскаго, т.-е. его болѣзни, былъ доволенъ. Мысль твоя писать къ Чарторыскому, къ Татищеву не имѣетъ никакого препятствія и, можетъ быть, сіе тебѣ поможетъ; но пиши истину учтиво, не задорясь, полагаясь на справедливость и изъяснивъ твою службу. Разго-

*) Черезъ восемь лѣтъ погибшаго славною смертью на Бородинскомъ полѣ, гдѣ теперь Спасобородинскій монастырь.

воръ г. Карпова весьма разсудителенъ. Но ежели бы причины, пре-основательныя однако, имъ приведенныя, дѣйствовали всегда и вездѣ, то бы человѣкъ долженъ походить на гриба, который тутъ и гніетъ, гдѣ вышелъ на землю; а сестрица моя думаетъ, что рыжики тогда и хороши, когда ихъ съ мѣста снимутъ и посолятъ. Изъ сего не заключи, чтобы я конечно хотѣлъ тебя куда-нибудь перевести. Ежели тебѣ хорошо и ежели тебя наградятъ, то по что и мѣсто перемѣнять; ибо на новомъ опять надобно начинать съ заглавія. Есть много людей, кои выиграли, бросаясь изъ мѣста въ мѣсто, а еще больше, кои тѣмъ потеряли. Итакъ оставимъ сіе на Промыслъ Божій, а я оставлю на твою волю. Многое зависитъ отъ обстоятельствъ политическихъ. Дѣла запутываются; кто знаетъ, можете ли вы долго оставаться тамъ? И въ семъ случаѣ судьба все рѣшитъ. Кто ищетъ лучшаго, часто теряетъ и хорошее. Ежели начальникъ тобою, а ты имъ доволенъ, чего жъ лучше? Лбомъ стѣны не пробьешь; а терпѣньемъ много добра снискивается, и оно часто само приходитъ. Кто гоняется за фортуною, которую основательно назвали слѣпою, отъ того она бѣжитъ; а кто идетъ прямою дорогою, ея не уважая, того-то она и осыпаетъ своими благодѣяніями. Древніе справедливо представляли ее въ образѣ женщины. Покажи женщинѣ, что ты отъ нея умираешь, она тебя будетъ за носъ водить цѣлый годъ; а ежели ты слабъ, то и всю твою жизнь. Покажи, что ты можешь безъ нея обойтиться, она отъ тебя не отстанетъ ни на шагъ; разумѣется, ежели ты ей уже понравился. О семъ довольно. О Пандели есть извѣстіе, говоришь ты, что онъ въ Гельсинорѣ. Слава Богу! Но по сю пору я ничего не слышу, и тому, можетъ быть, есть причина. Ты, кажется, посылку адресовалъ къ Ив. Ал. Алексѣеву. Онъ пишетъ ко мнѣ, что только возвратился въ Петербургъ. Я писалъ къ Литке, начальнику таможни Петербургской; онъ мнѣ отвѣчалъ, что все свято исполнитъ (ибо онъ былъ также въ моемъ стадѣ). Но въ послѣднихъ газетахъ вижу я (ибо въ Петербургскихъ нынѣ печатаютъ о пріѣзжихъ), что онъ возвратился изъ Кіева, куда, видно, посыланъ по какой-нибудь комиссіи; слѣдовательно, ежели Пандели приплылъ, не нашелъ къ кому адресоваться; но я сегодня же пишу о семъ къ тому и другому; авось либо твоя посылка и до моихъ рукъ дойдетъ. Разъѣзды мои по деревнямъ непримѣтно такъ мнѣ помогли, что я по сю пору о подагрѣ не слышу и чувствую, что сталъ здоровѣе, но все старѣе. Не знаю что-то будетъ въ сію проклятую зиму, ибо по нынѣ время у насъ еще совершенно прекрасное. На сихъ дняхъ пріѣхала сюда Нат. Ал. Муромцова для свадьбы брата своего Александра, но проживетъ всю зиму.

Писалъ уже я, что портретъ твой давно у меня. Я его вставилъ въ золотую табакерку, которою не могу и пользоваться, ибо всѣ знакомые ее перехватываютъ, о тебѣ разсуждаютъ, но при мнѣ не во вредъ. Желаю, чтобы ты никогда не испортилъ сего о тебѣ въ знакомыхъ мнѣнія. Благодарю тебя за похвалу философа Константина; ниже увидимъ, что и ты философъ Плиній. Мозаикъ по-русски мужескаго рода, ибо никогда не говорятъ мозаика, но мозаикъ. Il sepulcro di metello прекрасный. Нужды нѣтъ, какъ говоритъ Аристархъ Каховской: я также всажу его въ табакерку. О Муравской ни слова; послалъ къ ней последній договоръ Волконскаго; отвѣта еще нѣтъ. Не знаю, рѣшится ли она сюда пріѣхать. Приступимъ къ Везувію et à votre grande folie. Ты подлинно шалунъ. Я себѣ воображаю, что нѣтъ въ свѣтѣ спектакля величественнѣе, страннѣе, прекраснѣе и пр. Но кто видѣлъ, какъ льютъ колокола и зеркала, тотъ можетъ имѣть понятіе и о Везувіи, ежели въ воображеніи своемъ можетъ дѣйствіе увеличить до милліона разъ. И что̀ ты видѣлъ въ немъ? Христіанской адъ, который конечно не излѣчитъ, не помѣшаетъ тебѣ грѣшить. Разсудилъ ли ты, что ежелибы вѣтеръ оборотился въ противную сторону, т.-е. на васъ съ принцессою (а сіе можетъ произойти въ одну минуту), прощай мой Александръ на вѣки, ибо объ немъ даже бы и не вспомнили, какъ о Пливіи. Слава Богу, что съ рукъ сошло, и теперь остается тебѣ удовольствіе похвастать передъ тѣми, кто не столько дурачился. Oter le sable du soulier d'une jolie femme ne vaut pas la peine de risquer sa vie. Хотя бы ты былъ сонный, хотя бы былъ неспящій, какъ на Везувіи, такъ и на землѣ, я тебя всегда любить буду, пока ты любви будешь достоинъ.—Воронцова еще здѣсь нѣтъ; но сей разъ я его не пропущу и говорить буду. Вы не знаете ничего; но я все отъ меня зависящее для вашего блага старался дѣлать. Прилагаю при семъ пятую часть списка, осталось еще два.—Наконецъ былъ у меня Иванъ Володимеровичъ Лопухинъ; онъ сильно не состарѣлся, но одряхлѣлъ; въ Крымъ по своей комиссіи поѣдетъ черезъ мѣсяцъ. Давно я о Дьяковѣ не писалъ. Какъ онъ не прислалъ ко мнѣ по обѣщанію письма къ г. Карпову, посылалъ я къ нему. Отъ отвѣчалъ, что отправилъ повѣреннаго въ Тулу, а вчерась пишетъ, что по наслѣдству Петра Ивановича получилъ изъ Тулы и спѣшитъ его о томъ увѣдомить въ приложенномъ при семъ письмѣ. Здѣсь множество свадебъ: Волковъ на Корсаковой, Ладомирская за Нарышкина (не чихается тебѣ?), Трубецкой, мѣняло, женится на Француженкѣ, жившей у Масальскаго, Хераскова за князя Львова, и еще съ десятокъ, но не помню. Ежели бы Везувій сдѣлалъ изъ тебя окорокъ копченой ветчины, кому бы тебя ѣсть, ибо тогда и принцесса учинилась бы вялою рыбою. Братъ при-

слалъ мнѣ планъ твоего новаго дурачества, т.-е. вторичнаго восхожденія, восхожденія на Везувій! Благодари Бога, что Онъ тебя спасъ; но впередъ не употребляй во зло Его милости. Все сіе сдѣлалось изъ самолюбія, т.-е. изъ хвастовства; ибо, видя одинъ разъ, нечего видѣть въ другой. Въ описаніи твоемъ Неаполя спорить не стану; намъ все кажется тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ. Посмотрѣлъ бы ты на слякоть, на грязь, на стужу, кои продолжаются иногда мѣсяца два, пока не наступитъ зима, то бы другое заговорилъ. Кто такая Полька въ Кастеламарѣ? Не знакомая ли моя? Хотя у меня нѣтъ должности, но 60 лѣтъ и 40 лѣтъ службы. Послѣ всего сего довольно восьми страницъ для шалуна, который рискнулъ всѣ мои объ немъ попеченія своею пагубою, ежели бы онъ въ три минуты не сбѣжалъ дороги 30-тиминутной. У страха глаза велики; но у осторожности они должны быть еще больше.

*

Москва, 24 Октября 1804.

О Везувіи здѣсь замолкли; у насъ появился свой Везувій: на Тамани, близъ Крыма, начала подниматься горка или курганъ (Іюля 4-го), близъ Фанагорійской крѣпости, вздулась до 12 саженъ вверхъ, потомъ, разрываясь съ сверканіемъ и трескомъ, подобнымъ грому, бросала горящія глыбы земли и каменья вверхъ и по сторонамъ до ста саженъ; затѣмъ открылось смрадное пламя и продолжалось полтора часа. Текущее изверженіе, занявъ до половины озера близъ лежащаго, составило новый курганъ пространствомъ у подошвы до трехъ сотъ, а высотою десять саженъ. Вотъ и у насъ тоже, чтó у васъ, хотя наша гора есть только палья*) съ вашей; но все таки у насъ водится, чтò и у прочихъ людей. А кто знаетъ, можетъ быть, прибавятъ, что и рыбы пережарились. Графиня Пушкина у меня уже спрашивала, дошло ли ея письмо. Сегодня у нихъ обѣдаю, скажу ей и припишу. Они со всею фамиліею ѣдутъ зимою въ Петербургъ. Ваня здѣсь напроказилъ; но еще не знаю, чѣмъ кончится; въ свое время увѣдомлю. Онъ проигралъ большую сумму, но слѣдствія еще хуже были. Въ сегодняшнихъ газетахъ вижу я, что маіоръ Николай Пандели съ женою и дѣтьми отъѣзжаетъ, а живетъ въ Кронштадтѣ на Россійскомъ суднѣ «Графъ Суворовъ». Слѣдовательно, онъ пріѣхалъ благополучно; но посылка еще не у меня, ибо Алексѣевъ и Литке не были въ Петербургѣ. О проказѣ Лисовскаго братъ конечно тебя увѣдомлялъ. Сегодня званъ я на балъ къ Корсакову, т. е. къ невѣстѣ Волкова, которому пожаловалъ Государь чинъ капитана и 3000 р. на дорогу. Графъ Бутурлинъ пріѣхалъ сюда на житье, сохраняя министерское жалованье; посылка его въ Римъ отло-

*) ?

жена, пока мы съ папою не поладимъ. Дьяковъ отъ губернскаго прокурорства Москвы отставленъ. Теперь ему больше будетъ времени стараться о дѣлѣ г. Карпова, и я его чаще вижу. Онъ мнѣ сказывалъ, что посыланный въ Тулу его повѣренный воротился, что теперь дѣло идетъ объ уничтоженіи фальшивыхъ векселей, что подъячіе просятъ денегъ и что̀ онъ готовъ дать хоть двѣ тысячи, лишь бы скорѣе рѣшили. Вчерась у меня обѣдали князь А. А. Прозоровскій (бывшій главнокомандующимъ въ Москвѣ), Хованскіе, Пушкины и пр. и пр. Хованскіе даже и ужинали, пѣли, плясали, рѣзвились, тебѣ насказали тысячи вещей написать. Я имъ читалъ твои письма.

*

Москва, 7 Ноября 1804.

Мозаикъ твой, il sepulcro di cento metello, обдѣланъ въ табакерку подъ стекло, ибо они мараются отъ табаку, преудивительной: всѣ знатоки говорятъ, что не видали лучше; а знатоки сіи суть Юсуповъ, Пушкинъ, а за ними и вся Москва. Пушкину желается имѣть нѣчто подобнаго; но я не люблю комисій и отговариваюсь, что мой комисіонеръ (Кассини) уѣхалъ изъ Рима. На сихъ дняхъ была свадьба дочери Анны Васильевны Херасковой съ камергеромъ княземъ Львовымъ. Я подписывалъ рядную. Она дала приданаго на 10 т., да деньгами 120 т. р., а по своей смерти половину всего имѣнія, т. е. деревень, домовъ и движимаго. Другая свадьба скоро будетъ, т. е. завтра или послѣ завтра, а именно Волкова съ Корсаковою въ домѣ Нат. Ал. Муромцовой, которая сама больна. Обѣдалъ я у князя Серг. Ив., и подписали мы раздѣлъ сестрицы съ сыномъ и княгинею. Насилу сіе дѣло кончилось.

*

Москва, 17 Ноября 1804.

Тургенева я видѣлъ на сихъ дняхъ, читалъ ему, что̀ вы объ немъ пишете; онъ трогается вашею памятью, но изъяснишься не можетъ и, кажется, языкъ его остановился на томъ же градусѣ бездѣйствія, какъ былъ мѣсяцъ тому назадъ. Я начинаю почти сумнѣваться о его выздоровленіи; но все отъ Бога зависитъ. Успѣхамъ Аглинскаго языка весьма радуюсь, и когда ты имъ свободно свистать будешь, то самому слюбится. Удивительно, что г. Карповъ еще не совсѣмъ выздоровѣлъ. Дьяковъ мнѣ сказывалъ на сихъ дняхъ, что дѣло его о векселяхъ перенесетъ въ Сенатъ, въ Петербургъ, а не сюда, дабы скорѣе кончить. Везувій, кажется, довольно васъ повеселилъ; пора и ему уняться: все излишнее наскучитъ. Тетушка твоя поѣхала въ Брыково къ Самаринымъ и скоро возвратится, тогда письмо твое ей отдамъ. Князь Вас. Вас. Долгоруковъ сюда уже пріѣхалъ, а княгиня его должна быть у васъ. Графъ Панинъ здѣсь; но я его еще не видалъ. Свадьба Волкова

съ Корсаковою и Нарышкина съ Лодомирскою кончены; теперь празднуютъ ихъ балами и пр. У Хованскихъ былъ превеликій обѣдъ; милыя княжны вамъ кланяются. Съ недѣлю умеръ графъ Ѳедоръ Андреевичъ Остерманъ, о коемъ вся Москва сожалѣетъ; а ровесники его, т. е. имѣющіе за 80 лѣтъ, трухнули. Списокъ весь уже до тебя теперь дошелъ. О канцлерѣ ничего неизвѣстно; въ архиву пишетъ, что скоро будетъ, но сіе давно продолжается. Сюда въ католицкую церковь присланъ отъ митрополита Сестренцевича священникъ; но отгадай—кто? Тотъ монахъ-кармелитъ, который въ Вильнѣ у Фризеля игралъ на фортепіано и пѣлъ, по имени Качановскій. Онъ тотчасъ ко мнѣ явился, и я ему радъ. Живучи въ сосѣдствѣ, часто можетъ у меня бывать и поигрывать, ибо музыка моя совсѣмъ было перервалась. Сейчасъ получаю письмо отъ Литке отъ 11-го Ноября: «Возвратясь изъ Кіева, принялъ я отъ таможни вещи ваши, изъ Италіи присланныя, кои сегодня же отправятся въ Москву».

*

Москва, 28 Ноября 1804.

Ежели бы ты, любезный мой Александръ, дѣлалъ то, что̀ я дѣлаю, всякій бы день былъ отъ меня браненъ. Вотъ уже цѣлая недѣля, что я не обѣдаю дома, ужинаю въ гостяхъ, присутствую на балахъ, не танцуя, ибо не могу, и возвращаюсь домой послѣ полуночи. Но полагаю сему конецъ и конечно во всю недѣлю не выѣду, кромѣ нѣсколькихъ еще обѣдовъ, куда званъ. Причиною сему Катерины: ихъ столь много, что нѣтъ фамиліи безъ Катерины. А отъ чего? Отъ того, что наша мать, нашъ богъ была Катерина, и хотя еще не во святыхъ, но всѣ за счастье почитали давать ея имя своимъ дочерямъ, такъ какъ теперь всѣ даютъ сыновьямъ имя Александра. Я такъ былъ влюбленъ въ имя Екатерины во всю мою жизнь, что женщина, носящая его, всегда имѣла право на мое почтеніе и дружбу. Миновались сіи счастливыя времена; но я все Катеринъ люблю, и по одной сей причинѣ всю недѣлю не спалъ. Были балы у Орлова, у Архарова, у Пушкина, у Хованскаго. Повсюду объ васъ мнѣ говорили; табакерка съ вашими портретами ходила по рукамъ. Дай Богъ вамъ счастіе, какое я имѣлъ. Приложенное прислалъ ко мнѣ Дьяковъ, прося доставить и прибавя: «Нужно ему просить о дѣлѣ своемъ Государя Императора и что̀ скорѣе онъ то сдѣлаетъ, тѣмъ лучше. Въ чемъ состоитъ дѣло и о чемъ просить, о семъ въ моемъ письмѣ я сказалъ». Я же, не зная больше сего, ничего къ тому прибавить не могу; но ежели могу въ чемъ помочь Петру Ивановичу*), готовъ. Поздравляю тебя съ балами Скаврон-

*) Карпову, нашему министру въ Неаполѣ.

ской, съ знакомствомъ королевичатъ Леопольдовъ. Сожалѣю, что папа Италію оставилъ; она безъ него пропадетъ, хотя уже пропала, когда и онъ въ ней былъ. Руссо былъ человѣкъ странный, безпокойный, сущая каналья; но писалъ лучше ангела, и счастливъ, кто его не зналъ персонально, какъ я. Продать цыфры, когда былъ онъ секретаремъ у посла въ Венеціи, дать повѣсить дѣвку, въ которую былъ влюбленъ и, не имѣя чѣмъ подарить, украсть у купца ленты, положить ихъ въ сундукъ, гдѣ онѣ найдены, и отречься отъ всего. Сіе ни честно, ни проворно, ни человѣколюбиво. А самолюбіе, гордость, тщеславіе! Я много другаго объ немъ знаю и потому заключаю смѣло, что онъ извергъ. Хорошо онъ сказалъ que la musique française ressemble à une vache qui galoppe, à une oie qui vole. Все сіе пишу въ отвѣтъ о Паэзіелло. Великій человѣкъ для музыки. По почему? Что онъ столько хорошаго сдѣлалъ, имѣя одну только тему, которая заключается въ увертюрѣ Фраскетаны. Я сильно люблю музыку. Когда Хованскія у меня бываютъ, услаждаютъ; но недавно явился кармелитъ, который у Фриселя въ Вильнѣ игралъ и пѣлъ; ты конечно его помнишь; онъ изъ монаховъ вышелъ, сдѣланъ бѣлымъ попомъ, присланъ сюда въ католицкую церковь въ Слободѣ; у меня бываетъ часто, играетъ, поетъ, настраиваетъ фортепіано, и я совершенно теперь доволенъ.

*

Москва, 12 Декабря 1804.

Тебѣ было въ чужомъ пиру похмѣлье. Я разумѣю чрезъ сіе родины принцессы. При дворахъ, гдѣ бы надлежало искать больше просвѣщенія, меньше предразсудковъ, нежели въ домахъ простолюдиновъ, находятся и сохраняются старинные обряды, коимъ смѣяться должно, а никто не подумаетъ ихъ искоренить. Введены они или по какому случаю въ старину, или для пустой, но тогда нужной, пышности; но теперь, когда все перемѣнилось, для чего бы не перемѣнить и сихъ пустошей, отягощающихъ и праваго, и виноватаго? Во Франціи былъ обычай, когда королю на охотѣ приспичитъ спустить штаны, то капитанъ гвардіи долженъ его держать за руки; а капитаны гвардіи были тамъ фельдмаршалы или принцы. Можетъ быть, когда-нибудь на короля кто напалъ въ подобномъ положеніи, то и заставили капитана отвѣчать за жизнь королевскую. Когда королева Французская была близка къ родамъ, призывали всѣ чины государственные и даже парламентскіе, коихъ въ спальню къ ней набивалось до пятидесяти, и она при ихъ глазахъ разрѣшалась. Каково же ей было?! Они потомъ давали свидѣтельство, что младенецъ не подложный. Все въ свѣтѣ суета и игрушки. Но я не сожалѣю, что тебѣ при подобномъ случаѣ быть

удалось: все таковое служитъ тебѣ въ науку. Разговоръ твой съ посломъ я похваляю, т.-е. твою осторожность. Теперь ты, кажется, все диковинное видѣлъ: родины принцессъ, изверженіе Везувія. Хованскимъ перескажу, что̀ ты пишешь по случаю Александра Македонскаго. Онѣ еще милѣе стали, и я часто съ ними бываю; но всего писать рукъ не станетъ. Когда до тебя дошло, что за глаза тебя женятъ, то что̀ бы заговорили здѣсь, ежели бы ты былъ въ Москвѣ? Время еще не ушло; но, кажется, сія невѣста не по тебѣ, ибо у нея ничего нѣтъ; а надобно подумать о будущемъ и стараться приводить себя въ состояніе, въ которомъ бы ни отъ кого ни въ чемъ не зависѣть, разумѣется, со стороны имущества. Любовь кормитъ только въ романахъ; но авторы позабыли, что романные любовники не ѣдятъ, не пьютъ, ни платья не изнашиваютъ, ни башмаковъ не протаптываютъ. Графинѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ*) письмо доставилъ запечатавши. Оно умнехонько написано, и ей такъ полюбилось, что она хочетъ вступить съ тобою въ переписку, дабы чаще наслаждаться твоими отвѣтами. Но сего не бойся: мало ли чего говорится; но дѣло не такъ скоро дѣлается. Полковникъ Инзовъ пожалованъ генералъ-маіоромъ и шефомъ въ Кіевской гренадерской полкъ. Генералъ-маіоръ Грушецкой, внукъ княгини Настасьи Васильевны Долгоруковой, хотѣлъ себя показать обжорою, съѣлъ болѣе ста устрицъ и чрезъ сутки умеръ. Теперь осталось мнѣ сказать и о себѣ нѣчто. Хотя я устрицъ и не ѣлъ, но пришла въ правую руку хирагра, потомъ подагра въ правую, въ лѣвую ногу, въ колѣно; съ недѣлю лежалъ я безъ движенія; но, слава Богу, все, кажется, кончилось, и я уже начинаю бродить.

*

Москва, 19 Декабря 1804.

Молодому человѣку особливо надобно весьма осторожно поступать съ игрою, виномъ и женщинами. Отъ сихъ трехъ вещей выходятъ всѣ наши бѣды. Отправляй свою должность со всѣмъ усердіемъ, не отклоняйся никогда отъ правилъ подчиненности, и тогда не будетъ у тебя недостатка ни въ друзьяхъ, ни въ покровителяхъ. Во всякомъ положеніи бѣдная добродѣтель имѣетъ больше друзей, нежели богатый порокъ. Она все держится, а порокъ стремится самъ къ своей погибели, да и тѣхъ съ собою тащитъ, кого удалось поймать въ свои тенеты. Хотя бы кто и не любилъ игры самъ, но я согласенъ на то, что есть случай, гдѣ нельзя отъ нея отказаться, и для чего не играть, особливо когда есть нужда въ игрокѣ; но играть надобно умѣренно, по своему достатку. Будь разсудителенъ, и тогда счастіе пойдетъ за

---

*) Дочери графа А. И. Мусина-Пушкина (впослѣдствіи княгинѣ Оболенской).

тобою во всѣхъ положеніяхъ твоей жизни. Богатымъ дѣлаетъ не золото, но бережливость, сопряженная съ дѣятельностію. Не помню, гдѣ я читалъ que l'oisiveté assoupit l'âme, pervertit le coeur et affaiblit la santé. Но я слишкомъ углубился въ нравоученіе и, право, надѣюсь, что вамъ его повторять часто не нужно; но какъ не дать совѣту тѣмъ, кого любишь и кои свѣта еще не знаютъ? А узнать его и всей жизни нашей мало. Тучковъ въ Петербургѣ, поѣхалъ искать войти опять въ службу. Біанкѣ читалъ твое приписаніе; онъ собирается къ вамъ писать, но сильно изолгался. Князь В. В. Долгоруковъ здѣсь; я часто видалъ его въ моей болѣзни. Боже васъ спаси отъ желтой горячки, ибо на принятыя осторожности не весьма я надеженъ. Фастъ посѣщалъ меня во время болѣзни всякой день, да и всѣ мои знакомые меня не забывали. Третьяго дни умерла, по долгой болѣзни, княгиня Марья Ал. Гагарина, сестра Пушкиной; отъ сего всѣ они въ печали. Убри изъ Парижа пріѣхалъ уже въ Петербургъ со всею канцеляріей.

*

Москва, 29 Декабря 1804.

Ал. Волковъ еще здѣсь, но скоро ѣдетъ въ Петербургъ съ молодою женой. Они живутъ у Кат. Ал. Муромцовой, къ которой пріѣхала также изъ Вологды сестра Пелагея Александровна Баршева. Княжнѣ Натальѣ сообщилъ я твои стишки о крестѣ, кои прекрасны. Теперь онѣ сбираются играть Le Barbier de Seville Паезіэллеву; но не знаю, гдѣ наберутъ столько актеровъ-пѣвцовъ. Боголюбову спасибо за память; но когда подумаю, что онъ съ высоты канцлерской канцеляріи попалъ въ подьяческую острова Корфу, то приходитъ на мысль бренность человѣческаго состоянія, и онъ, конечно бы, съ тобою мѣстомъ теперь промѣнялся. Сюда пріѣхалъ князь Никита Волконской, камергеръ, отпущенъ въ Оренбургъ повидаться съ отцомъ. Онъ сказывалъ, что Карнѣеву и Лубяновскому хорошо: первый почти главнымъ въ экспедиціи медицинской (занимающей мѣсто бывшей коллегіи), а послѣдній въ канцеляріи гр. Кочубея и у него въ милости; хочетъ печатать свое путешествіе (съ княгинею Лобановой), которое, какъ увѣрялъ Волконской, написано хорошо. На сихъ дняхъ предсталъ предо мною неожидаемо Николай Дмитріевичъ Волковъ. Онъ женился; жена въ первыхъ родахъ умерла, печаленъ, пріѣхалъ сюда пожить зиму и обѣщалъ часто у меня бывать. Съ Волконскимъ пріѣхалъ и Володимеръ Каменской, и съ нимъ въ Оренбургъ ѣдетъ; но я его еще не видалъ. Княгиня Долгорукова писала о тебѣ къ своей матери и много, и хорошо. Вскочи и прыгай, мой милый Александръ!

Я уже былъ въ отчаяніи, писавъ къ тебѣ письмо; но прежде нежели его отправилъ, является мужикъ въ синемъ кафтанѣ и привозитъ два ящика. Это твоя посылка съ Панделіемъ, ибо я просилъ Литке камни закупорить особо, дабы не попортили бумагъ. Все привезено въ совершенной цѣлости. Музыку, т.-е. аріи и половину клавикордной, отошлю, ежели самъ не отвезу, къ княжнамъ Натальѣ и Прасковьѣ, достальную къ Муромцевой.

Сіе полученіе такъ меня обрадовало, что, право, не знаю, что̀ тебѣ и сказать. Камни не сойдутъ съ моего стола никогда, будь въ томъ увѣренъ; они прекрасны, а pescina mirabile великая здѣсь рѣдкость, можетъ быть и ни у кого нѣтъ. Но что касается до видовъ Неапольскихъ, не знаю что̀ и сказать: они всего прелестнѣе и, правда, что жаль ихъ переплесть въ книгу. Но вотъ что хочу я сдѣлать: обдѣлаю ихъ въ хорошенькія и легкія рамы подъ стекломъ. А какъ негдѣ уже у меня ихъ поставить, то сдѣлаю на нихъ ящикъ, изъ котораго можно ихъ будетъ вынимать, когда надобно; и они составятъ библіотеку или кабинетъ особый. Я бы желалъ, ежели тебѣ есть способность, чтобы ты продолжалъ ихъ присылку, и чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ лучше. Я тебѣ пришлю на сіе денегъ. Послалъ бы тотчасъ, но передъ почтою некогда, а правду сказать, что теперь и лишнихъ нѣтъ, ибо собираю деньги для платежа въ банкъ. Но сіе не замедлится. Истинно тебѣ благодаренъ за сію присылку: она меня утѣшила, прибавила здоровья, которое иногда отъ бездѣлицы зависитъ. Отсюда мудрено, что̀ тебѣ послать въ знакъ моего удовольствія; но сіе потеряно не будетъ. Прости, мой любезный Александръ; будь здоровъ и увѣренъ, что и я за первое удовольствіе почитаю сдѣлать вамъ что-нибудь съ братомъ пріятное. Музыка, конечно, принесетъ много тебѣ благодарности.

ВОСПОМИНАНІЯ АННЫ ВЛАДИМИРОВНЫ СТЕРЛИГОВОЙ.

Счастливые годы, проведенные мною въ Институтѣ, не изгладятся никогда изъ моей памяти, и воспоминанія о нихъ заставляютъ горячо биться мое старое сердце и со слезами благодарности и признательности благоговѣть передъ тѣми высокими и свѣтлыми личностями, которыя не оставляли насъ своими милостями и неусыпными заботами о нашемъ воспитаніи и благосостояніи. 25-го Іюня 1898 года будетъ сто лѣтъ, какъ покойная императрица Марія Ѳеодоровна основала въ Петербургѣ Екатерининскій Институтъ, отдавъ подъ него зданіе, ей принадлежавшее, Итальянскій дворецъ: такъ передавала намъ класная дама Марья Григорьевна Аралива, которая хорошо помнила нашу высокую благотворительницу, въ маленькомъ классѣ, во время ея посѣщеній, носила за ней скамеечку и туфли и часто разсказывала намъ много случаевъ и происшествій изъ прежней институтской жизни. Нѣкоторые сохранились у меня въ памяти, нѣкоторые даже были записаны мною; но къ сожалѣнію, мой ежедневный журналъ, начатый со вступленія въ Институтъ, т.-е. съ Августа 1850 года, не весь сохранился. Покажется страннымъ что я съ раннихъ лѣтъ начала думать, разсуждать и какъ бы расцѣнивать людей; но горе обыкновенно и дѣтямъ, и молодежи приноситъ опытность и развиваетъ ихъ ранѣе, чѣмъ счастливая жизнь; а у меня было много горя. Поэтому я должна объяснить причину моего замкнутаго характера. Я не любила ни танцевъ, ни музыки, но обожала, какъ говорятъ институтки, чтеніе.

Я родилась въ богатой семьѣ. Отецъ мой В. С. Дубровинъ имѣлъ полторы тысячи душъ крестьянъ въ Калужской губерніи Масальскаго уѣзда и болѣе десяти тысячъ десятинъ земли, человѣкъ образованный и умный. Онъ былъ потомственный дворянинъ Псковской губерніи и остался сиротою семи лѣтъ. Опекунъ его генералъ Сергѣй Васильевичъ Непейцынъ, родственникъ его по его матери Аннѣ Степановнѣ Азанчевской, отдалъ его и трехъ старшихъ его братьевъ въ корпусъ, а единственную сестру въ Смольный Институтъ. Отецъ мой былъ не доволенъ воспитаніемъ сестры и говорилъ, что никогда ни одну изъ своихъ дочерей не помѣститъ въ Институтъ; но вышло иначе. Достиг-

нувъ совершеннолѣтія, отецъ продалъ свою часть братьямъ, а самъ сперва купилъ въ Брянскомъ уѣздѣ село Чернетево, продалъ его княгинѣ Солнцевой и вскорѣ купилъ семнадцать деревень у графа Орлова и Новосильцовой. Съ покупкою этого проклятаго имѣнія и начались наши бѣдствія. Деревни были куплены черезъ повѣреннаго и главнаго управляющаго графа Орлова и Новосильцовой—Щеткина. Отцу чрезвычайно хотѣлось купить еще село Пятницкое, принадлежавшее имъ же; но, не смотря на значительную прибавку, Щепкинъ отказалъ въ продажѣ, объясняя нежеланіемъ своихъ довѣрителей продать старинную родовую усадьбу, гдѣ дѣйствительно были домъ, садъ и постройки. Не подозрѣвая обмана, отецъ въ 1839 году совершилъ купчую въ Московской Гражданской Палатѣ, затѣмъ поѣхалъ въ купленное имѣніе, выбралъ мѣсто подъ усадьбу и приступилъ къ постройкамъ и разнымъ улучшеніямъ, назвавъ сельцо Владимірскимъ. Сначала онъ началъ строить церковь на свой счетъ въ одномъ изъ приходовъ (ихъ было три: Пятницкое, Снопотъ и Любунь) Снопотѣ, во имя Святителя Николая, съ двумя придѣлами Иверской Божіей Матери и Св. Сергія, въ замѣнъ пришедшей въ совершенную ветхость старой. Потомъ онъ началъ строить домъ, хозяйственные флигеля, больницу, училище для крестьянъ и другія постройки, выписалъ лошадей, скотъ, началъ рыть пруды, канавы, разводить сады и сажать кругомъ усадьбы рощи, такъ что въ скоромъ времени въ центрѣ владѣній появилась прелестная барская усадьба, которой такъ много восхищались въ старину въ Калужской губерніи (теперь же всѣ или большая часть этихъ построекъ представляютъ развалины, а роскошныя зданія передѣланы на фабрики или другія заведенія въ родѣ хлѣвовъ для скота или амбаровъ для ссыпки хлѣба). Въ хозяйствѣ отцу помогалъ управляющій Англичанинъ, не говорившій по русски, но взятый отцемъ потому, что онъ былъ и докторъ, устроившій больницу и аптеку и избравшій двухъ мальчиковъ, будущихъ фельдшеровъ (одинъ изъ нихъ послѣ освобожденія крестьянъ, Пантелей, поступилъ въ аптеку въ монастырь Преподобнаго Сергія подъ Москвою, гдѣ и постригся). Переводчикомъ въ сношеніяхъ съ людьми этого управляющаго, въ отсутствіе отца, была наша гувернантка, кромѣ которой у насъ жили: учитель музыки на скрипкѣ и фортепіано, Шпревичъ, и кончившій курсъ университета Иванъ Андреевичъ, учившій насъ Русскимъ предметамъ и мальчиковъ-крестьянъ въ школѣ. Въ помощь управляющему изъ всей вотчины отецъ выбралъ бурмистра Филата и семнадцать старостъ, изъ каждой деревни по одному, которые пріѣзжали ежедневно за приказаніями и дѣлать наряды на работу, т. е. назначать, какія работы производить и какихъ и сколько назначать въ усадьбу сторожей (возлѣ ригъ, боль-

ницы и проч.). Отецъ часто навѣдывался и въ школу, и въ больницу, смотрѣлъ за хозяйствомъ и дѣлалъ въ немъ усовершенствованія, не забывая слѣдить и за воспитаніемъ дѣтей. Такимъ образомъ отецъ нашъ зажилъ богатою жизнью прежняго Русскаго помѣщика, а освященіе церкви сблизило его со многими сосѣдями, такъ что многіе желали его выбрать предводителемъ, что̀ и породило вражду между нимъ и бывшимъ предводителемъ С., который подговорилъ временное отдѣленіе (состоявшее въ то время изъ предводителя, судьи и исправника), ссылаясь на соблюденіе выгодъ казны, сдѣлать опись всему имѣнію за неплатежъ казнѣ 800 тысячъ, и назначить опекуна. Кто ему открылъ существованіе запрещенія, Богъ вѣсть! По предъявленіи документовъ, отецъ былъ сильно пораженъ этимъ извѣстіемъ. Еслибы онъ былъ опытнѣе и менѣе честенъ, то могъ бы откупиться крупною взяткой и отдалилъ бы на неопредѣленное время взятіе въ опеку имѣнія; но, убѣжденный въ правотѣ своего дѣла, отецъ предпочелъ вести дѣло съ продавцами. Ни умъ, ни энергія отца не спасли его въ борьбѣ неравной, стоившей ему жизни.

Дѣло оказалось вотъ въ чемъ. Крестьянинъ графа Орлова Маринъ, дѣлая поставку провіанта на армію въ казну, за поручительствомъ своего помѣщика (иначе не могло быть по законамъ того времени) оказался несостоятельнымъ, и въ 1817 году было наложено запрещеніе на имѣніе графа Орлова, село Пятницкое съ деревнями, количество которыхъ было написано, но названія не поименованы, конечно, въ угоду знаменитому владѣльцу. Изъ числа этихъ деревень семнадцать: Ареѳино, Рѣчицы, Кислое, Косая, Привѣтка, Ломакино, Стан, Загрязная, Ивановка, Яблоново, Ясеная, Митино, Шевцы, Карпово, Ползы, Козловка и Пригорье купилъ мой отецъ; нѣсколько деревень купилъ гр. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Келлеръ и сколько-то управляющій Нарышкиныхъ Багряновскій (имѣніе было огромное). Теперь отцу стало ясно, почему такъ упорно отказывался Щеткинъ отъ продажи села Пятницкаго.

Положивъ кромѣ трехсотъ тысячъ, заплаченныхъ за имѣніе, многія деньги на постройку церкви, устройство усадьбы и пр., и надѣясь выиграть процессъ, справедливость котораго была столь очевидна, отецъ протестовалъ противъ наложенія запрещенія, обошелся сухо съ пріѣзжавшимъ судебнымъ персоналомъ и, не принимая назначеннаго опекуна, отправился немедленно въ Петербургъ искать защиты въ правотѣ своего дѣла у покойнаго императора Николая Павловича.

Съ собою онъ взялъ второго сына для окончательной подготовки его у Неймана, откуда старшій сынъ уже поступилъ въ школу кавалерійскихъ юнкеровъ и гвардейскихъ подпрапорщиковъ. До̀ма остались съ матерью четыре дѣвочки и братъ. Всѣ учителя, гувернантка, бонна

остались при насъ, также и докторъ Бауценъ, который получалъ по тому времени большое жалованье (2 т. р., кромѣ содержанія) и его сынъ Викторъ, нашъ общій любимецъ, учившійся съ нами (съ этимъ условіемъ старикъ и выѣхалъ изъ Петербурга).

Московскую Гражданскую Палату отдали подъ судъ; въ низшихъ инстанціяхъ дѣло кончилось въ нашу пользу, но когда перешло въ гостепріимный Сенатъ, его положили подъ сукно, и оно лежало безъ движенія, не смотря на энергическія хлопоты отца. Грозою всѣхъ былъ въ то время извѣстный гр. Алексѣй Өедоровичъ Орловъ, и когда отецъ обращался къ кому-нибудь, отъ кого зависѣло разсмотрѣть дѣло, то тѣ лица дивились его дерзости, иногда молчали, а подъ часъ отходили отъ него съ ужасомъ на лицѣ, какъ отъ зачумленнаго, и нерѣдко высказывали: «Какая дерзость! Вести процессъ съ подобными лицами, столь высоко стоящими; удивляемся, что вы еще не въ Сибири». Говорили, что многихъ дерзкихъ, перечившихъ шефу жандармовъ, отправляли безъ суда и слѣдствія, по одному подозрѣнію, по Владимиркѣ. Дѣйствительно, какая противоположность: поручикъ Дубровинъ является истцемъ къ графу Орлову и Новосильцовой!?

По домашнему распоряженію графа Григорія Владимировича Орлова селомъ Пятницкимъ съ деревнями владѣла съ 1813 года жена его графиня Анна Орлова. Въ 1817 году наложено запрещеніе на имѣніе Орлова. Анна Орлова умерла 5 Декабря 1824 года. Одна часть, 22 Сентября 1824 года, уступлена Мятлевой, а остальное досталось графу Владимиру Орлову, который, скупивъ и Мятлевскую часть, по смерти своей (30 Января 1831 года), передалъ тремъ дочерямъ: 1) Новосильцовой, которая продала Еленѣ Дубровиной въ 1838 году, 2) гр. Паниной и 3) Давыдовой. Имѣніе было ими продано Михаилу Өедоровичу Орлову, который въ свою очередь продалъ его въ 1839 году Владимиру Дубровину.

Отвѣтчиками по этому дѣлу были Новосильцова и М. Ө. Орловъ; послѣдній ссылался на то, что и его обманули: имѣніе сбыто въ чужія руки, чтобы тѣмъ запутать полученіе убытковъ потерпѣвшимъ, т.-е. казнѣ. Отецъ въ числѣ многихъ прошеній и напоминаній Сенату объ окончаніи дѣла просилъ, наконецъ, одной милости: взыскать только съ продавцовъ заплаченную за имѣніе по купчей сумму, отказываясь отъ убытковъ и затраченныхъ денегъ на устройство усадьбы, постройки и инвентарь. При личной подачѣ письменнаго прошенія, подкрѣпляя словесно убѣдительною и унизительною просьбою не пустить по міру всю несчастную семью, получаетъ онъ отъ высоко-стоящаго лица слѣдующій отвѣтъ: «Удивляюсь вашей дерзости вести дѣло съ лицами,

имѣющими такую силу; какъ еще вы на свободѣ?! Васъ давно слѣдуетъ засадить въ крѣпость».

Воспитатель и опекунъ отца, генералъ Сергѣй Васильевичъ Непейцынъ и другіе знатные родственники совѣтовали бросить дѣло и обѣщали отцу дать хорошее мѣсто; тоже говорилъ и генералъ Скобелевъ, комендантъ крѣпости, пріятель дѣда, у котораго я его видала. Онъ былъ безъ руки, а дѣдъ безъ ноги. Какъ сейчасъ помню дѣдушку, какимъ молодцомъ заѣзжалъ онъ къ намъ на квартиру въ Петербургѣ изъ дворца, съ бархатными черными костылями, и какимъ смѣшнымъ старикомъ бывалъ дòма, сидя въ какомъ-то ватномъ халатѣ. Мы его очень любили, потому чтò онъ присылалъ намъ свою карету съ лакеемъ въ генеральской шинели на гулянья или въ театръ, но никогда не позволялъ ѣздить матери въ ней по дѣлу. Его и Алексѣя Павловича Болотова, Хрущовыхъ и другихъ болѣе важныхъ родственниковъ мы узнали позже; они всѣ у насъ бывали, сожалѣли насъ, но не только пальцемъ не шевельнули въ нашу пользу, а еще громко осуждали самонадѣянность отца, не пожелавшаго прекратить дѣло и взять мѣсто гдѣ нибудь подальше.

Доведенный до отчаянія, истративъ послѣднія деньги, несчастный отецъ рѣшился на послѣднюю крайность: лично подать прошеніе Государю. Но онъ не подозрѣвалъ, что за нимъ былъ устроенъ надзоръ, что за нимъ постоянно слѣдятъ, опасаясь, что онъ пойдетъ на отчаянный рискъ и подастъ лично прошеніе, а всѣмъ были извѣстны рыцарская правдивость и безпристрастіе обожаемаго Императора. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1847 года отецъ отправился въ Петергофъ, гдѣ всѣмъ тогда была памятна любимая дорожка недалеко отъ Монплезира, по которой прохаживался очень часто Императоръ. Движимый отчаяніемъ, отецъ рѣшился броситься на колѣни передъ нимъ и подать прошеніе, имѣя маленькій лучъ надежды, что онъ, вручивъ ему всеподданнѣйшее прошеніе, испроситъ милости прочесть самому. Всѣ его любившіе не совѣтовали рисковать собою, но онъ никого не послушался, сдѣлалъ надлежащія распоряженія по своимъ дѣламъ, не сказалъ ничего сыновьямъ, прибылъ на пароходѣ въ Петергофъ, въ опредѣленный часъ отправился къ Монплезиру и началъ поджидать Императора, который приходилъ въ восьмомъ, иногда въ девятомъ часу утра и, сидя на скамейкѣ, любовался на взморье. Долго ходилъ несчастный отецъ въ нервномъ возбужденіи. Волнуемый мыслями, разнообразно толпившимися въ его мозгу, отецъ увидалъ шедшаго къ нему чиновника среднихъ лѣтъ съ Анною на шеѣ, въ штатскомъ платьѣ, который приподнялъ шляпу и спросилъ: «Скажите, правда-ли, что Государь часто гуляетъ въ этомъ мѣстѣ? Я изъ провинціи. Я давно слѣжу за вашимъ

хожденіемъ взадъ и впередъ около этого мѣста; самъ имѣю надобность узнать, навѣрное-ли сегодня придетъ Государь, и по вашему нервному возбужденію полагаю, что вамъ это извѣстно. Но нельзя-же такъ наглядно выдавать себя! Отойдемте немного въ сторону, чтобы насъ не замѣтили и не предложили покинуть это мѣсто». Съ такимъ сильнымъ участіемъ были сказаны эти слова, что отецъ поддался ихъ искренности и отошелъ въ сторону. Собесѣдникъ говорилъ, разспрашивалъ, давалъ совѣты и выказалъ въ своихъ разсказахъ много ума, такта и знанія придворныхъ привычекъ и происшествій въ высшемъ кругу. Отецъ, увлеченный имъ, старался не отдаляться отъ завѣтной дорожки; но его собесѣдникъ, какъ видно, прекрасно зналъ расположеніе сада и отвлекъ его въ такое мѣсто, гдѣ и на близкомъ разстояніи, но за деревьями, можно было не замѣтить приближающагося человѣка. Урочный часъ прогулки прошелъ, а Государя нѣтъ. Тогда его собесѣдникъ, вѣжливо раскланявшись, сказалъ ему: «Вы сегодня прозѣвали Государя, вамъ никогда не подать лично прошенія его величеству. Неужели вы такъ наивны, что не можете сообразить, что за вами устроенъ полицейскій надзоръ; васъ удержать, если не хитростію, то силою».

По возвращеніи въ Петербургъ, отецъ разсказалъ объ этомъ эпизодѣ своимъ друзьямъ и сослуживцамъ; сыновей-же онъ не хотѣлъ волновать. Онъ съ этого дня какъ-то осунулся, а на третій день слегъ въ постель, чтобы больше не вставать. Сильный, энергичный, тридцатисемилѣтній мужчина скончался въ концѣ Іюня 1847 года. Въ бреду онъ говорилъ о жандармахъ, о преслѣдованіи, призывалъ Государя, который оставался ему одною надеждою на лучшее будущее. Друзья его передавали матери прямо, что жандармскій чиновникъ категорически ему объявилъ рѣшеніе своего шефа и сдѣлалъ ему окончательное внушеніе, что онъ живой не увидитъ Государя; другіе заходили въ своихъ предположеніяхъ дальше, утверждая, что отецъ былъ отравленъ. Одно скажу, что когда покойная мать въ 1848 году сама лично со своею старшею сестрою, въ томъ-же саду въ Петергофѣ и на этомъ-же мѣстѣ, подала прошеніе императору Николаю, онъ, принявъ его, передалъ сопутствующему его адъютанту; мать-же съ ея сестрою Болотовою попросили въ какое-то помѣщеніе, а всесильный шефъ жандармовъ Орловъ позвалъ ихъ въ свою канцелярію и сталъ дѣлать выговоръ, зачѣмъ безпокоить Государя, когда дѣло въ Сенатѣ и кончится безпристрастно. Мать, убитая горемъ и не успѣвшая попросить Государя прочесть самому прошеніе, даже не слушала, что̀ говорилъ графъ Орловъ; но сестра ея остановила его слѣдующими словами: «Довольно, графъ; сколько-бы дѣло ни тянулось въ Сенатѣ, вы не успѣете

насъ всѣхъ уморить, какъ уморили покойнаго зятя». Слова эти поразили, какъ видно, всемогущаго графа, а его подчиненные поспѣшили одинъ за другимъ выйти. Конечно, и это прошеніе не было доложено покойному Императору.

На погребеніи отца, ни дѣда Непейцына, ни дѣда Азанчевскаго, ни Хрущова не было; всѣ уѣхали на лѣто изъ Петербурга. Только одинъ товарищъ отца маіоръ Подрѣзовъ (безъ руки) и два сына: одинъ кавалерійскій подпрапорщикъ и другой воспитанникъ Неймана (живущій нынѣ со мною, контуженный въ голову въ Севастополѣ, бѣдный, сумасшедшій) провожали отца на Волково кладбище. Не задолго до его смерти сосѣдъ по имѣнію (графъ Келлеръ), также потерпѣвшій, но не начинавшій дѣла съ могущественными соперниками, далъ отцу триста рублей серебромъ; на эти деньги его и хоронили. Въ то время телеграфовъ не было, да и на почту посылали мы за 80 верстъ, а потому извѣстіе о смерти отца пришло къ намъ только черезъ мѣсяцъ. Отца я не видала болѣе двухъ лѣтъ; но отчаяніе и слезы матери, сожалѣніе и участіе знакомыхъ, и это печальное и трогательное происшествіе со всѣми его послѣдствіями, трауромъ, панихидами и причитаніями людей «бѣдныя сироты», сильно подѣйствовали на меня, восьмилѣтнюю дѣвочку, и, не отдавая себѣ отчета, я чувствовала всю горечь людской неправды.

Конечно, горе наше было глубокое и поражающее; но нужно было все-таки прійти къ какому нибудь рѣшенію. Послѣ долгаго обдумыванія, мать, подкрѣпляемая совѣтами родныхъ и знакомыхъ, рѣшила ѣхать въ Петербургъ и продолжать хлопоты отца. Тяжело было разстаться со всѣми удобствами привольной деревенской жизни, со множествомъ прислуги, съ огромнымъ домомъ, съ прекраснымъ садомъ и паркомъ: въ нѣсколько лѣтъ образовалась прелестная барская усадьба со многими постройками, окруженная со всѣхъ сторонъ большимъ сосновымъ лѣсомъ. Забравъ насъ (пять человѣкъ дѣтей), гувернантку, которая жила у насъ 10 лѣтъ безъ жалованья, двухъ горничныхъ, повара и лакея, мать отправилась сначала проститься со своею матерью Болотовою въ Каширское имѣніе и оставила тамъ на храненіе нѣкоторыя вещи, а все свое личное имущество (гардеробъ, ненужный ей по случаю траура, нѣкоторые экипажи и мебель) продала и, набравъ пять тысячъ р. серебромъ, кромѣ брильянтовъ, серебра и мѣховъ, двинулась въ Петербургъ. Лошадей, скотъ и прочій инвентарь ей не позволили продать опекуны...

Только зимою мы прибыли въ столицу въ восьмимѣстномъ дилижансѣ Серапина, остановились въ его гостинницѣ и прожили у него до весны, пока нашли себѣ квартиру у маіора Марковича, въ Измайловскомъ полку, гдѣ и прожили до самаго отъѣзда. Семейство хозяина

было многочисленное; онъ служилъ въ фельдъегеряхъ, былъ прекрасной души человѣкъ, вдовецъ, любившій страстно своихъ дѣтей (изъ числа которыхъ трое были идіоты, потому что были напуганы во время пожара ихъ дома, отчего и умерла ихъ мать).

По пріѣздѣ въ Петербургъ мать съ теткою Болотовою начали свои визиты по всѣмъ роднымъ и знакомымъ, имѣющимъ связи въ высшемъ кругу. Съ удовольствіемъ и радушіемъ вездѣ ихъ встрѣчали, всюду приглашали бывать; но, узнавъ причину ихъ пріѣзда въ Петербургъ—процессъ съ графами Панинымъ и Орловымъ—очевидно мѣнялись въ своемъ обращеніи, такъ что мать, убитая горемъ, отказалась ихъ посѣщать. Нѣкоторые изъ родныхъ указывали на высокопоставленныхъ особъ, которыя за большую сумму могли довести до свѣдѣнія Императора все дѣло; но, посѣтивъ ихъ, мать поняла, что не имѣла достаточно денегъ, чтобъ подкупить людей, могущихъ обойти законный ходъ и докладъ о дѣлѣ. Противники имѣли явный перевѣсъ надъ нами: деньгами, связями, положеніемъ и родствомъ.

Въ поискахъ и недоумѣніи, чтò предпринять, изводимая постоянными приглашеніями: «приходите еще разъ, дѣло еще на разсмотрѣніи у сенаторовъ», мать просила многихъ изъ нихъ, но безуспѣшно; многіе обѣщали, нѣкоторые молчали, другіе объявляли (посматривая на дверь, чтобъ ее скорѣе выпроводить), что все по закону дѣлается и что скоро очередь и нашему дѣлу къ докладу, теперь-же еще нѣтъ нѣкоторыхъ справокъ. Я забыла сказать, что, проѣзжая Москву, мать со всѣми нами дѣтьми поѣхала къ митрополиту Филарету, который насъ не принялъ. Мать съ отцемъ была и раньше у него и просила ходатайствовать у графини Орловой о примиреніи и удовлетвореніи нашего иска, но получила отказъ, на томъ основаніи, что онъ не входитъ въ мірскія дѣла; между тѣмъ графиня Орлова во всемъ слушала его, и дѣло бы прекратилось миромъ.

Время шло; жить въ Петербургѣ стоило большихъ расходовъ, гувернантка насъ не оставляла; слѣдовало ей удѣлять хотя сколько нибудь въ счетъ жалованья (остальное она получила уже по окончаніи процесса). Старшій братъ кончалъ ученіе въ гвардейской школѣ вторымъ ученикомъ, и плата за него не вносилась; но генералъ Сутгофъ даже не напоминалъ о платѣ; также безплатно готовилъ и втораго брата Нейманъ. Съ глубокою признательностью мать вспоминала этихъ добрыхъ Нѣмцевъ и, получивъ имѣніе, расплатилась съ ними. Въ горѣ и отчаяніи мать имѣла одну постоянную мысль, одно желаніе: выполнить намѣреніе покойнаго отца, подать лично прошеніе, вполнѣ увѣренная, что если наше дѣло будетъ извѣстно Императору, то оно благопріятно для насъ кончится, и всѣ ея горести и страданія прекра-

тятся. Всѣ вѣрили въ справедливость Императора, и всѣмъ было извѣстно величіе души его; но прошеніе, поданное его величеству въ Петергофѣ, было подмѣнено, вѣроятно, другимъ и уничтожено, какъ и всё то, чего не желали доводить до свѣдѣнія Императора.

Ни одно̀, самое малое добро не остается безъ награды; такъ случилось и съ матерью. Въ одинъ изъ самыхъ неудачныхъ и печальныхъ дней пріѣзжаетъ къ намъ съ страшнымъ выговоромъ, что мать не дала ей знать о своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, пожилая дама, въ которой мать едва могла узнать Дуничку, бывшую бѣдную сосѣдку бабушки (которая помогала всей ея семьѣ), вышедшую замужъ за придворнаго истопника (потомъ смотрителя), очень разбогатѣвшаго. Это была Авдотья Петровна Прокофьева, уже успѣвшая овдовѣть. Къ ней прибѣгали многія знатныя особы, занимая деньги; поэтому она знала почти всѣхъ придворныхъ и, перечисляя, кто могъ быть полезенъ матери, она не переставала придумывать, какъ-бы помочь намъ. Она была простая, безъ всякаго образованія, женщина, но умная и сердечная, многимъ говорила, просила, ѣздила съ матерью къ нѣкоторымъ лицамъ; но все напрасно.

Наконецъ какъ-то она пріѣзжаетъ довольная и сіяющая и объявляетъ, что умѣла уломать своего хорошаго знакомаго лейбъ-казака Надаржинскаго дозволить матери пробыть въ его комнатѣ и допустить подачу прошенія Наслѣднику-цесаревичу въ нижнемъ коридорѣ Аничкова дворца. Онѣ давно объ этомъ мечтали. Всѣмъ извѣстна была ангельская доброта Александра Николаевича, его желаніе утѣшить угнетенныхъ и страждущихъ, и согласіе лейбъ-казака помочь матери давало полную надежду, что Наслѣдникъ-цесаревичъ защититъ притѣсняемыхъ, прикажетъ не тянуть окончаніемъ процесса и по справедливости положить законное рѣшеніе. Только на одной счастливой случайности и строила мать свою надежду; всѣ ранѣе подаваемыя прошенія въ Петергофѣ и въ Царскомъ Селѣ лежали въ Коммисіи Прошеній подъ сукномъ и никому не докладывались. Извѣщенная Прокофьевою, мать съ сестрою отправилась въ Аничковъ дворецъ и стала на указанномъ мѣстѣ въ коридорѣ, въ ожиданіи Цесаревича, ѣхавшаго кататься со своимъ адъютантомъ, и какъ только онъ поравнялся съ нимъ, мать упала на колѣни и, протянувъ руку съ прошеніемъ, не могла ничего выговорить отъ волненія и слезъ. «Отдайте адъютанту».—«Одной милости прошу, ваше императорское высочество: прочтите сами». Не договоривъ, она упала въ обморокъ. Наслѣдникъ-цесаревичъ, со слезами на глазахъ, разстроганный, обратился къ теткѣ и сказалъ: «Успокойте ее; я все сдѣлаю, что̀ возможно и законно». Потомъ онъ велѣлъ подать немедленную помощь матери, перенести ее въ дежурную комнату,

а пакетъ съ прошеніями (мать вмѣстѣ со своимъ вложила прошеніе императору Николаю I, запечатанное и надписанное покойнымъ отцемъ, которое ему не удалось лично подать въ Петергофѣ) Александръ Николаевичъ приказалъ положить на свой письменный столъ и не распечатывать.

Этому прошло полстолѣтіе; но я, какъ сегодня, вижу и слышу мать и тетку, какъ онѣ разсказываютъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ подачи прошенія, въ домъ, гдѣ мы жили, является жандармъ, который у хозяина дома Марковича спрашиваетъ, гдѣ живетъ Дубровина. Наслушавшись ранѣе всѣхъ ужасовъ объ Орловѣ, о тайной его канцеляріи, мы, дѣти, попрятались отъ страху куда кто могъ, увѣренные, что и мать и насъ всѣхъ увезутъ и засадятъ въ крѣпость; но оказалось, что мать вызывали въ назначенное время явиться въ канцелярію Наслѣдника-цесаревича.

Въ то время гофмаршаломъ двора его императорскаго высочества былъ В. Д. Олсуфьевъ, въ высшей степени честная и правдивая личность, которую встрѣчаешь только въ истинно-Русскомъ человѣкѣ. Рѣдкій былъ этотъ человѣкъ по своей правдивости, человѣколюбію и простотѣ, съ какою онъ обращался къ просителямъ; онъ смотрѣлъ съ одинаковымъ участіемъ на всѣхъ богатыхъ и бѣдныхъ, обращавшихся къ нему съ просьбами.

«Ну, матушка», встрѣтилъ Василій Дмитріевичъ этими словами мать, «его императорское высочество прошенія ваше и вашего мужа изволилъ прочесть самъ, но еще императору не докладывалъ, а велѣлъ мнѣ вызвать васъ и узнать, не нужна-ли вамъ денежная помощь, или не желаете-ли устроить дѣтей на казенный счетъ. Говорите безъ стѣсненія; о добротѣ и великомъ сердцѣ Цесаревича нечего повторять, это всѣмъ извѣстно, а то неизвѣстно, когда кончится вашъ процессъ; дѣло сложное по многимъ причинамъ».—«Ваше превосходительство, прошу только возвратить намъ заплаченныя за имѣніе триста тысячъ и взять обратно имѣніе въ прежнее владѣніе продавцовъ; объ убыткахъ я не упоминаю, Богъ съ ними! Я продала все, чтò имѣла, на содержаніе себя и семьи; доходовъ съ имѣнія не получаю, принуждена занимать. Всѣ знаютъ насъ за людей богатыхъ и вполнѣ вѣрятъ въ правоту нашего дѣла, которое тянется десять лѣтъ, насъ совсѣмъ разорило, мужа уморило, и я жду того-же. Доведенная до крайности, прошу вашего ходатайства испросить у его императорскаго высочества заимообразно три тысячи. Дѣтей на казенный счетъ отдавать не желаю; это будетъ грѣшно, имѣя полторы тысячи душъ и болѣе десяти тысячъ десятинъ земли».—»Эхъ, матушка, отбросьте гордость и вглядитесь хорошенько: всѣ богатые, имѣющіе связи, помѣщаютъ своихъ дѣтей на

казенный счётъ; мой вамъ совѣтъ, пользуйтесь случаемъ помѣстить дѣтей. Принесите мнѣ ихъ бумаги черезъ недѣлю, а я доложу къ этому времени его императорскому высочеству. Онъ по своей добротѣ и денегъ вамъ дастъ, и дѣтей устроитъ по благоусмотрѣнію. Прощайте».

Мать во всю свою жизнь не могла безъ сильнаго душевнаго волненія вспоминать объ этомъ простомъ, истинно-хорошемъ человѣкѣ; онъ оказалъ много благодѣяній матери своими совѣтами и указаніями и, оставляя мать посидѣть у него въ кабинетѣ, самъ уходилъ съ докладомъ къ Наслѣднику-цесаревичу, чтобъ не заставлять ее пріѣзжать лишній разъ. Благодаря его хлопотамъ, приказано Калужскому губернатору Смирнову выдавать матери съ имѣнія ежегодно три тысячи, а пока она получила заимообразно три тысячи изъ канцеляріи Цесаревича; неуплаченныя-же деньги за воспитаніе братьевъ были внесены изъ канцеляріи его императорскаго высочества, о чемъ сообщилъ матери Василій Дмитріевичъ и прибавилъ, что наконецъ императору Николаю о нашемъ дѣлѣ докладывалъ самъ Цесаревичъ, что графа Орлова не принимали нѣсколько времени, и что сына Николая Наслѣдникъ-цесаревичъ изволилъ замѣстить своимъ пансіонеромъ въ гвардейскую школу, дочь Анну, т. е. меня, Государь Императоръ назначилъ своей пансіонеркой въ Екатерининскій Петербургскій Институтъ, сына Ивана зачислили пансіонеромъ великаго князя Константина въ Морской корпусъ, дочь Елену выбалотировали въ Смольный; остались неустроенными дочь Екатерина, шестнадцати лѣтъ, и самая младшая Любовь, шести лѣтъ.

Вотъ я неожиданно и поступила въ Институтъ. Послѣ личнаго доклада Императору Наслѣдникомъ-цесаревичемъ дѣло наше пошло въ ходъ. Государь былъ пораженъ поступками своихъ приближенныхъ; говорили, что онъ нѣсколько времени не принималъ графа Орлова, но привычка беретъ свое; Орловъ былъ такъ любимъ императоромъ, что даже Наслѣдникъ потому и мѣшкалъ съ докладомъ, что боялся встрѣтить недовѣріе въ томъ, вѣрны-ли собранныя свѣдѣнія и документы по дѣлу Дубровина. Орловъ конечно подыскалъ оправданія; но покойный императоръ Александръ II-й не имѣлъ къ нему довѣрія, такъ какъ, прослѣдивъ все дѣло, убѣдился, что богатые и знатные наслѣдники графа Владимира Орлова устроили незаконную продажу, черезъ своего повѣреннаго и управляющаго Щеткина; а ранѣе, во время ихъ владѣнія, они бездоимочно владѣли деревнями и пользовались доходами: тогда никто не смѣлъ напомнить о секвестрѣ имѣнія и о взятіи его въ казну. Въ низшихъ инстанціяхъ, повторяю, дѣло кончено было въ нашу пользу; но Сенатъ молчалъ и не разбиралъ дѣла нѣсколько лѣтъ, пока получилъ высочайшее повелѣніе раз-

смотрѣть дѣло Дубровиныхъ съ Новосильцовой, Панинымъ и Давыдовымъ. Послѣ долгихъ пререканій Сенатъ пришелъ большинствомъ голосовъ къ слѣдующему рѣшенію: возвратить имѣніе Дубровинымъ, снявъ запрещеніе, которое перенести на другія имѣнія продавцовъ, предоставивъ потерпѣвшимъ право искать убытки за неполученіе всѣхъ доходовъ съ имѣнія въ продолженіе десяти лѣтъ. Только два сенатора, Васильчиковъ и Оржевскій, возвысили голосъ въ нашу защиту, не соглашаясь съ общимъ рѣшеніемъ и настаивая на томъ, чтобы теперь-же назначить сумму убытковъ, что вдова съ дѣтьми, лишенная процессомъ всѣхъ средствъ къ жизни, останется довольна, сколько ей ни назначатъ; но остальные сенаторы мотивировали свое рѣшеніе неизвѣстностью и трудностью опредѣлить и вычислить сумму и подъ давленіемъ угодливости и страха постановили прежнее рѣшеніе. Говорили, что честные и правдивые сенаторы уклонились отъ подписи и болѣе не присутствовали въ Сенатѣ.

Мать, чрезмѣрно обрадованная возвращеніемъ имѣнія, и не помыслила хлопотать объ убыткахъ; являвшіеся повѣренные требовали много денегъ для веденія процесса объ убыткахъ, да еще впередъ, а денегъ совсѣмъ не было у матери, и потому она рѣшила не начинать дѣла.

Въ 1849 году, возвратясь во Владимирское, мы нашли его совершенно разореннымъ. Постройки были запущены; все, чтò можно было увезти и присвоить, было украдено опекунами, которыми назначали самыхъ бѣдныхъ дворянъ, вполнѣ увѣренныхъ, что никогда имѣніе не будетъ намъ возвращено. Не говоря о мелочахъ, поставлю на видъ, что триста штукъ рогатаго скота погибло отъ какой-то небывалой эпидеміи, и когда дознано было, что этимъ воспользовался опекунъ Данилевскій, который за это подвергался ссылкѣ, то мать, сжалясь на просьбы его и многочисленной несчастной его семьи, простила ему. Исправивъ кое-что, какъ позволяли средства, и водворивъ дворню, распущенную или взятую опекунами къ себѣ въ услуженіе, мы начали мириться съ мыслію жить не прежнею богатою жизнью, но понемногу устраиваться, и не знали, какъ благодарить Господа и молиться за заступничество и великую помощь Наслѣдника-цесаревича, по милости котораго намъ возвратили нашу собственность, считавшуюся всѣми навсегда утраченною.

Слишкомъ годъ прошелъ послѣ нашего водворенія въ имѣніе, и весною 1850 года мать получила бумагу, чтобы меня, какъ уже зачисленную пансіонерку императора Николая, привезти въ Екатерининскій институтъ въ Августѣ мѣсяцѣ, десятаго числа. Мы уже думали, что о пріемѣ меня позабыто въ Петербургѣ, и вотъ неожиданно начались сборы и приготовленія къ отъѣзду. Мать не могла по болѣзни

везти меня сама и отправила меня къ бабушкѣ Болотовой, въ Каширскій уѣздъ, на своихъ лошадяхъ тройкою, въ тарантасѣ, съ нянькою Катериной, лакеемъ и кучеромъ, людьми надежными и вѣрными, которые, сдавъ меня бабушкѣ, возвратились домой; далѣе же меня повезла тетка, родная сестра матери. Горько плакала я, разставаясь съ матерью и со всѣми любезными мнѣ мѣстами. Горе мое увеличивалось тѣмъ, что меня повезетъ тетка, которая не любила меня; ея баловнями были братья, а меня часто бранили и даже наказывали несправедливо по ея милости. Протестовать противъ рѣшенія матери было немыслимо, и я съ тяжелымъ сердцемъ сѣла въ тотъ же дилижансъ Серапина. Остановились въ той же гостиницѣ, близъ Пажескаго корпуса. Съ нами, для услугъ, взятъ былъ лакей, онъ же и портной и парикмахеръ, Семенъ Константиновъ, и въ продолженіе трехдневнаго переѣзда отъ Москвы до Петербурга онъ искусно завивалъ мнѣ волосы, припекая щипцами папильотки, а теткѣ букли, гладилъ и чинилъ платья и одежду, успѣвалъ услуживать и другимъ пассажирамъ, за что ему хорошо платили. Послѣ короткаго отдыха въ гостиницѣ, тетка повезла меня въ Институтъ, гдѣ дежурная пепиньерка провела насъ въ комнату начальницы, Екатерины Владимировны Родзянко, которая, приласкавъ меня, просила тетку подождать, пока меня осмотрятъ въ лазаретѣ доктора Блумъ и Пицулевичъ, куда я отправилась съ тою же пепиньеркой. По возвращеніи оттуда, мнѣ разрѣшили пробыть съ теткою въ пріемной. Опять maman меня приласкала, а я не догадалась даже поцѣловать у нея ручку, что̀ дѣлали при мнѣ входившія пепиньерки и воспитанницы. Оказалось, какъ сказала навѣстившая меня на другой день тетка (привезшая мнѣ, по заявленію начальницы, большой зеленый шерстяной платокъ и дюжину бумажныхъ чулокъ), что m-me Родзянко, урожденная Квашнина-Самарина, была сродни Дубровинымъ, что̀, впрочемъ, никакой пользы мнѣ не принесло. Экзамена мнѣ въ тотъ день, за отсутствіемъ учителей, не было, а потому тетка, оставивъ мнѣ немного денегъ у начальницы, вернулась домой.

И такъ я осталась одна, вдали отъ своихъ близкихъ. Тяжело, невообразимо тяжело было мнѣ привыкать и къ начальству, и къ порядкамъ и правиламъ Института. Въ особенности меня преслѣдовала мысль, что я, точно въ заключеніи должна пробыть пять съ половиною лѣтъ. По выходѣ изъ Института, я благословляла день моего поступленія туда. Въ Институтѣ, благодаря непрестаннымъ благороднымъ внушеніямъ, что достоинство человѣка состоитъ въ честномъ исполненіи своего долга, я научилась молитвѣ, поняла нашу религію, состоящую во всепрощеніи и любви, прониклась глубокимъ уваженіемъ и нелицемѣрною любовью къ царю и отечеству и искреннею признательностью

ко всему институтскому персоналу, начиная съ начальницы и кончая пепиньеркой.

Поступивъ въ Институтъ двѣнадцати лѣтъ, воспитанная иначе, чѣмъ мои подруги, въ горѣ и несчастіи, я рано стала наблюдать за различными происшествіями институтской жизни и съ маленькаго класса начала писать свой журналъ. Не могу по сіе время привести себя къ сознанію, ради чего я это дѣлала; можетъ быть потому, что скрытная со всѣми, даже съ моими друзьями, я никогда никому не передавала печальной исторіи нашего процесса, который мнѣ былъ извѣстенъ съ восьми лѣтъ, и находила одну отраду искренно высказаться на страницахъ своего дневника. Одинъ разъ, совершенно случайно, услыхала я разговоръ высокопоставленнаго лица обо мнѣ: «Дубровина, дочь поручика, пансіонерка Императора! Что-то непонятно». Обратясь ко мнѣ, это лицо стало задавать вопросы о моей матери и родныхъ; но я умышленно на все отвѣчала незнаніемъ и въ своемъ дневникѣ назвала его осломъ. Страница оказалась вырвана, кѣмъ—не знаю. Можно ли было профанировать такое знатное имя!

Тетка уѣхала, и я осталась одна одинешенька, съ тяжестью на душѣ, при сознаніи своего одиночества. Послѣ экзамена меня привели во второе отдѣленіе младшаго класса и сдали пепиньеркѣ. По своимъ познаніямъ я должна была поступить въ первое отдѣленіе, и почему инспекторъ назначилъ меня во второе, не знаю. Меня посадили на лавочку еще въ домашнемъ платьѣ, съ ученицею въ казенномъ зеленомъ платьѣ, и я дослушала послѣдній урокъ Закона Божія. Въ пять часовъ зазвенѣлъ колокольчикъ, священникъ вышелъ, всѣ вскочили со своихъ мѣстъ, и класная дама провозгласила: «Silence, mesdemoiselles!». Большая часть дѣвочекъ стали по парамъ и съ классной дамой во главѣ вышли изъ класса. Я обратилась съ вопросомъ: «куда идутъ онѣ?».—«Чай пить», отвѣчала сидѣвшая рядомъ со мною дѣвочка и объяснила, что класнымъ дамамъ родители воспитанницъ платили по 30 рублей въ годъ за стаканъ чая и нѣсколько сухарей, которые давались въ комнатѣ класной дамы ежедневно вечеромъ. Класную даму замѣнила пепиньерка, и сію же минуту дежурная горничная внесла въ классъ корзину съ чернымъ хлѣбомъ и бутыль съ квасомъ. При видѣ этого, горести моей не было предѣловъ; раздача чернаго хлѣба, нарѣзаннаго ломтями, показалась мнѣ сильнѣйшимъ наказаніемъ, и я, не притрогиваясь къ нему, залилась горькими слезами. Вѣдь у насъ дома наказывали такъ провинившихся горничныхъ! Какой-же проступокъ сдѣлали мы, оставшіяся въ классѣ? Меня обступили, начали разспрашивать, какъ моя фамилія, имя, кто мои родные? Я упорно молчала и только плакала неутѣшно, вспоминая своихъ и свой родной домъ. Пе-

пиньерка безучастно смотрѣла, работая у стола, окруженная дѣвочками, своими любимицами. Напрасно подошедшая ко мнѣ дѣвочка П.. утѣшала меня, уговаривая съѣсть кусочекъ хлѣба: я со злостью ее отталкивала, не соображая, что она подвергалась одной участи со мной. Потомъ я очень подружилась съ этою дѣвочкою, бѣдною, но хорошею во всѣхъ отношеніяхъ, бывшею первою ученицею, и, подражая ей, всегда брала подъ свое покровительство новенькихъ, зная по опыту, какъ тяжело бываетъ имъ при поступленіи; тѣмъ болѣе, что я перегнала по ученію свою утѣшительницу и, какъ хорошая ученица, могла и защитить, и оградить отъ насмѣшекъ, если новенькая поступала неловко или противъ правилъ Института. Слезы мои должны были прекратиться съ приходомъ дежурной пепиньерки, которая повела меня наверхъ въ бѣлевую комнату, гдѣ кастелянша (а по институтски бѣлевая дама) m-elle Гардеръ сняла съ меня мѣрку на платье и фартуки, отобрала кипу бѣлья, велѣвъ мнѣ его замѣтить № 73, и меня отвели назадъ въ классную. Черезъ пять или шесть дней меня позвали въ мастерскую, и m-elle Гардеръ надѣла на меня зеленое камлотовое платье, съ бѣлыми рукавчиками, пелериною и фартукомъ изъ полотна. Я долго не могла привыкнуть ни къ бѣлью, ни къ твердому и жесткому платью, а болѣе всего къ кислому хлѣбу, отъ котораго у меня болѣлъ ротъ. Часто я бывала въ лазаретѣ, а подъ конецъ, по слабости здоровья и съ особаго разрѣшенія начальницы, постоянно тамъ обѣдала и ночевала, потому что могла вставать позднѣе и пользоваться лучшимъ кушаньемъ, чѣмъ за общимъ столомъ.

Но ничто такъ дурно на меня не дѣйствовало, какъ звонъ колокольчика раннимъ утромъ, къ которому я никакъ не могла привыкнуть. Въ шесть часовъ утра всѣ должны были вставать и умыться въ прихожей дортуара, гдѣ ночью всегда спала обязательно горничная. Всѣ спѣшили къ двумъ умывальникамъ изъ красной мѣди съ тремя кранами, надъ огромными тазами изъ дикаго камня или, лучше сказать, резервуаромъ, перебивая одна другую; каждой хотѣлось поскорѣе умыться, а потому мѣсто ушедшей заступала ея подруга или, какъ говорилось: уступала по любви. Потомъ убирали голову, всѣхъ новенькихъ обыкновенно стригли (я очень рада была избавиться отъ завивки волосъ) и оканчивали свой туалетъ. Обыкновенно одѣвали одна другую парами, какъ говорилось въ Институтѣ; въ случаѣ несогласія или неряшества пары назначались класной дамой, конечно въ маленькомъ классѣ. Въ дортуарѣ стояло въ рядъ по 15 кроватей, желѣзныхъ съ двумя тюфячками, двумя простынями и одѣяломъ, лѣтомъ бѣлымъ тканьевымъ, а зимой натуральной желтой шерсти съ красными коймами. Между кроватями по срединѣ былъ широкій проходъ, а съ

другой стороны рядъ кроватей отъ оконъ и стѣны отступалъ аршина на полтора; за ними, разостлавъ большіе платки на полу, сиживали обыкновенно мы по нѣскольку дѣвицъ въ праздничные и табельные дни, и это было любимымъ мѣстомъ, гдѣ мы бесѣдовали между собою, читали, работали и дѣлили гостинцы, привозимые родными. Между кроватями стояли дубовые столики съ выдвижными ящиками, особенными для каждой, гдѣ лежали принадлежности туалета: ночные чепцы, кофты, полотенца; мыло, щетки и другія мелочи покупались на свой счетъ, но послѣ, по приказанію императрицы Маріи Александровны, стали давать казенные. Ящикъ запирался на ключъ, который мы были обязаны носить въ карманѣ и въ случаѣ внезапной ревизіи ящиковъ, въ порядкѣ ли они, если ключа въ карманѣ не оказывалось, то виновная подвергалась наказанію стоять у доски въ классѣ до прихода учителя, чему и я подверглась одинъ разъ (единственный случай, когда я была наказана, и то въ маленькомъ классѣ). Бѣлье было не тонкое, но всегда чистое, мѣнялось два раза въ недѣлю; если-же пачкали пелеринки или передники, то, хотя и съ выговоромъ, но перемѣняли ихъ въ бѣлевой. У нѣкоторыхъ было свое бѣлье; даже одѣвать, убирать голову и дѣлать постели приходили горничныя, за что имъ платили, или онѣ дѣлали по обожанію. Исключительно свои горничныя, жившія въ Институтѣ, были у Софи Трубецкой (вышедшей потомъ за Морни; эта крѣпостная женщина Стефани, какъ ее всѣ звали, изъ подмосковной Трубецкихъ, не оставлявшая и боготворившая свою барышню, жила съ нею и въ пансіонѣ, и въ Парижѣ), да у Дунички Родзянко (племянницы начальницы). Зашнуровавъ платье и передникъ одна другой, къ половинѣ восьмаго всѣ спѣшили стать въ одинъ рядъ по росту въ средину пустого пространства между кроватями, потому что раздавался звонокъ, и немного спустя выходила класная дама изъ своей комнаты, одна дверь которой отворялась прямо въ дортуаръ, и осматривала поочереди каждую, начиная съ большихъ и кончая маленькими ростомъ, стоявшими всегда къ выходу изъ дортуара. Это показываніе себя было также умѣньемъ, требовавшимъ привычки. Зорко осматривалась очередная институтка, и ея прическа, и чистота ногтей, и чистота передника и платья, даже завязываніе бантика на передникѣ не ускользали отъ вниманія класной дамы. Опять не могу не вспомнить милую П.: она меня научила, потому что была старенькая, да къ тому же изъ bons sujets, какъ нужно было вечеромъ, ложась спать, сбрызнуть пелеринку, передникъ и рукавчики и, сложивъ аккуратно, положить между двумя тюфяками на постель; вынимая поутру, я находила ихъ точно выглаженными и была поражена мудростію Marie, къ которой прибѣгала потомъ за совѣтами. Немало стоило труда и

умѣнья въ старшихъ классахъ причесывать голову и завязывать бантъ въ передникахъ; только нѣкоторыя славились своимъ искусствомъ, и сколько приходилось имъ возиться въ торжественные дни съ нетерпѣливо дожидавшимися своей очереди, чтобы завязать граціозно бантъ или окончить прическу.

Осмотрѣвъ туалетъ дѣвицъ, класная дама вызывала дежурную, которая выходила впередъ на средину дортуара и читала наизусть утреннія молитвы; новенькія пропускались одну очередь, а потомъ исполняли по алфавиту свою обязанность. Въ старшемъ классѣ всѣ четыре отдѣленія собирались въ большой пріемной залѣ, гдѣ одна изъ дѣвицъ первыхъ отдѣленій выходила впередъ и читала молитвы какъ утромъ, такъ и вечеромъ; обыкновенно назначались лучшія ученицы, читавшія ясно и громко и болѣе смѣлыя, потому что на вечерней молитвѣ не разъ присутствовали высочайшія особы.

Послѣ молитвы класная дама въ старшемъ, а пепиньерка въ младшемъ классѣ, вели насъ въ столовую пить чай. Намъ давали по кружкѣ сладкаго чая съ молокомъ, или постнаго, и вѣчный розанчикъ, только великимъ постомъ замѣнявшійся Французскою трехъ-копѣечною булкой. Въ столовой мы усаживались по пяти съ каждой стороны стола; горничныя приносили чай, а дежурная институтка каждаго отдѣленія большого и маленькаго классовъ получала мѣшокъ съ булками по числу воспитанницъ. Послѣ чая насъ отводили въ классъ, гдѣ обязательно сидѣла пепиньерка, конечно, въ меньшихъ классахъ, или ходила возлѣ своего класса по корридору съ нѣкоторыми обожательницами. Въ 9 часовъ смѣняла ее дама по звонку, и приходилъ учитель, который никогда не входилъ въ классъ, если не было класной дамы: это было запрещено. Въ половинѣ одиннадцатаго смѣнялъ другой учитель, а въ 12 часовъ мы шли обѣдать въ столовую, съ класной дамой во главѣ, при окликахъ дамъ: «Silence, mesdemoiselles». Мы даже шепотомъ не передавали своихъ замѣчаній о кончившихся урокахъ, иначе были-бы наказаны debout à table, т. е. стояли-бы до подачи перваго кушанья за столомъ. Насъ кормили хорошо, но не всегда. Мы по качеству обѣда знали объ отъѣздѣ изъ Петербурга царскихъ особъ, насъ посѣщавшихъ; вѣдь Институтъ нашъ находится близъ Аничкова моста. Въ обѣдъ всегда давали три блюда, а въ ужинъ два; садились въ томъ-же порядкѣ, какъ и за чаемъ. По приходѣ всѣхъ классовъ и прочтеніи молитвы дежурною, пѣли: «Отче Нашъ». Всѣ садились, и горничныя вносили оловянныя миски, ставили ихъ на столъ по срединѣ, и двѣ среднія дѣвочки раздавали супъ, каждая на свою сторону, а съ оловянныхъ блюдъ такимъ-же путемъ раздавали жареное и пирожное; ложки были серебрянныя, а тарелки фаянсовыя. Хлѣбъ былъ вообще

кислый, а квасъ очень плохой, и мы всегда просили дать пепиньерскаго хлѣба, который былъ мягче и вкуснѣе. По окончаніи обѣда и прочтеніи молитвы уходили тѣмъ-же порядкомъ; только старшій классъ по отдѣленіямъ впередъ, а потомъ маленькій классъ съ дамами и пепиньерками. До двухъ часовъ отдыхали, брали уроки музыки, приготовляли уроки, дѣлали, что̀ хотѣли, кромѣ наказанныхъ, и опять по звону колокольчика усаживались каждая на свое мѣсто, ожидая учителя. Въ половинѣ четвертаго его смѣнялъ другой, а въ пять часовъ отправлялись пить чай къ класнымъ дамамъ. Вскорѣ по поступленіи я тоже стала пить чай у своей класной дамы баронессы Ганъ; не столько желательно было имѣть свой чай, какъ отрадно было мнѣ, хотя нѣсколько минутъ, посидѣть у нея въ комнатѣ, поговорить съ нею: она такъ участливо обходилась со мной. Впослѣдствіи, по приказанію принца Ольденбургскаго, стали и вечеромъ давать чай всѣмъ; но мы, взявъ въ столовой слѣдуемые намъ розаны, уходили пить свой чай. Въ шесть часовъ по звонку садились по мѣстамъ готовить уроки, репетировали слабыхъ учницъ, мѣтили свое бѣлье, вязали чулки, что̀ кому слѣдовало дѣлать по указанію класныхъ дамъ и пепиньерокъ. Если былъ праздникъ, то насъ водили ко всенощной и обѣднѣ, гдѣ на двухъ клиросахъ пѣли институтки старшаго класса, подъ управленіемъ регента Ламакина или своихъ регентшъ-дѣвицъ. Въ большомъ классѣ многія не имѣли свободныхъ часовъ отъ 6 до 8 часовъ: два дня были танцы, два дня церковное пѣніе и два дня свѣтское пѣніе подъ управленіемъ Кавоса; оставался свободнымъ одинъ вечеръ Субботы, когда шли ко всенощной. Поужинавъ въ 8 часовъ, возвращались въ дортуары, гдѣ, помолясь Богу, умывшись и приведя въ порядокъ свой бѣлый передникъ и всѣ аксесуары къ нему, ложились спать, снимая бѣлые чахлы съ кроватей, которыя убирались и приводились въ порядокъ двумя горничными; онѣ-же мели полъ, чинили платья, приносили чистое бѣлье и собирали грязное и проч. Раздавали бѣлье по номерамъ дежурныя по классу, раскладывая на кровати каждой согласно ея номеру; если что̀ забывали положить, то дѣлали выписку и посылали въ бѣлевую съ горничной, приносившей недостающее.

Уложивъ насъ, класная дама уходила къ себѣ; но мы долго не засыпали, переговаривались между собой, перебѣгали одна къ другой, чтобъ передать что нибудь секретное или окружали всю ночь горѣвшій ночникъ, чтобъ прочитать запрещенную книгу (романы намъ не позволялись); и только, когда выведенная изъ терпѣнія класная дама, отворивъ свою дверь въ дортуаръ, дѣлала обычный окрикъ: «Silence, mesdemoiselles», тогда все смолкало и останавливалось, иначе подвергались наказаніямъ которыя попадались въ нарушеніи тишины; иногда

же наказывался весь дортуаръ. Въ старшемъ классѣ было свободнѣе: дозволяли сидѣть и готовить уроки до двѣнадцати часовъ, въ особенности во время инспекторскихъ экзаменовъ. Мы имѣли свѣчи, подсвѣчники и фонари, даже могли уходить въ физическую и рисовальную комнату заниматься, или въ просвѣтъ, гдѣ, при висячихъ лампахъ въ коридорахъ, готовили уроки, ходя взадъ и впередъ. Многія имѣли эту странную привычку учить уроки и ходить: иначе не могли твердо выучить.

Во время моего поступленія въ 1850 году въ Петербургскомъ Екатерининскомъ Институтѣ было только два класса съ 4 отдѣленіями въ каждомъ. Выпускъ производился изо всѣхъ четырехъ отдѣленій старшаго класса черезъ три года, также какъ и въ Патріотическомъ институтѣ и въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ; слѣдственно изъ этихъ заведеній выпускали по очереди каждый годъ до ста пятидесяти ученицъ и менѣе, смотря по количеству оканчивавшихъ курсъ ученія. На выпускъ къ Патріоткамъ и Смольнянкамъ брали лучшихъ ученицъ, а также имѣвшихъ сестеръ въ этихъ заведеніяхъ (я была на обоихъ выпускахъ 1854 и 1855 годовъ), гдѣ мы знакомились съ успѣхами въ наукахъ дѣвицъ, смотрѣли ихъ рукодѣлья и рисунки, выставленные въ залѣ, слушали игру на фортепіано и пѣніе, любовались танцами, и насъ угощали чаемъ, десертомъ и ужиномъ. Въ свою очередь и къ намъ пріѣзжали изъ двухъ институтовъ на выпускъ 1856-го года.

Во второмъ отдѣленіи было, какъ и въ трехъ остальныхъ младшаго класса, по двѣ класныхъ дамы и пепиньерки, которыя дѣлили поступавшихъ дѣвочекъ на двѣ половины. Я попала къ баронессѣ Ганъ и m-lle Потемкиной. На ихъ обязанности было репетировать съ нами уроки Нѣмецкаго, ариѳметики, географіи, естественной исторіи, а остальные предметы репетировать взяла на себя m-lle Семенова съ m-lle Болховской. Кромѣ того, у нихъ хранились наши деньги, къ нимъ надо было обращаться съ просьбою о покупкѣ тетрадей, лакомства и пр.; у нихъ пили чай и писали подъ ихъ контролемъ письма родителямъ, а равно получались ими и распечатывались адресованныя дѣвочкѣ.

Къ концу года, послѣ инспекторскаго экзамена, я стала одною изъ первыхъ, а ко времени перехода въ старшій классъ первою ученицей. Въ особенности хорошо я читала стихи, писала сочиненія; главное же, я сначала побаивалась высокихъ гостей, а подъ конецъ совершенно свыклась и никогда не боялась отвѣчать предъ ними; поэтому меня вызывалъ каждый преподаватель отвѣчать въ трудныхъ минутахъ. Ко мнѣ относились очень снисходительно и потому, что я была слабаго здоровья, худая и блѣдная, и m-lle Ганъ избавила меня

отъ корсета; я ходила въ капотѣ съ зеленою изъ камлота пелеринкою, потому что доктора находили у меня признаки чахотки. Спала я въ лазаретѣ до восьми часовъ, пила тамъ желудковый кофе, а за обѣдомъ, по приказанію принца Ольденбургскаго, давали мнѣ рюмку краснаго вина и кровяной бифштексъ; если я чувствовала себя нехорошо, то уходила послѣ классовъ съ шести часовъ въ лазаретъ, гдѣ или занималась или ложилась спать.

Многимъ я обязана своей классной дамѣ m-lle Ганъ, которой, вѣроятно, уже нѣтъ въ живыхъ! Она требовала выполненія обязанностей съ каждой ввѣренной ей дѣвочки строго и педантично; но сколько доброты и любви сказывалось въ ней, если дѣвочка исправлялась, училась и вела себя хорошо! Меня мирила съ Институтомъ въ мое время идеальная справедливость начальства къ учащимся, что̀ наглядно показываетъ нашъ выпускъ: предпочтенія не было ни знатнымъ, ни богатымъ; со всѣми обращались одинаково и справедливо, цѣнили успѣхи и ученіе каждой, что̀ не всегда бываетъ и въ настоящее время прогресса и гласности, не только въ женскихъ, но и въ высшихъ мужскихъ заведеніяхъ, куда невозможно поступить обыкновеннымъ смертнымъ. Въ наше время честность и справедливость царствовали въ институтахъ отчасти и потому, что они находились подъ постояннымъ контролемъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и часто посѣщались императрицами.

Въ маленькомъ классѣ я пробыла около трехъ лѣтъ, и первымъ моимъ горемъ былъ мой переводъ въ первое отдѣленіе къ другой классной дамѣ, Марьѣ Григорьевнѣ Араловой, старѣйшей изо всѣхъ институтскихъ дамъ. Уважаемая всѣми, но со множествомъ странностей, она осталась институткою до смерти, потому что ни разу не покидала стѣнъ Института во всю свою жизнь. Оставшись круглою сиротой, она была взята императрицей Маріей Θеодоровной въ Институтъ пяти лѣтъ, боготворила покойную, съ умиленіемъ и слезами разсказывала о ней, говорила объ ея частыхъ посѣщеніяхъ и ласковомъ обращеніи съ дѣвочками и таинственно передавала нѣкоторымъ, что трогательныя заботы ея величества и полное любви сердце къ дѣвочкамъ подвергались насмѣшкамъ и осужденію даже въ царственной семьѣ. Къ ней всегда обращались за совѣтомъ, если встрѣчались какія-либо затрудненія въ рѣшеніи вопросовъ въ отношеніи этикета, пріема какого-либо царственнаго иностранца, распредѣленія подарковъ или прочихъ подношеній, встрѣчъ и другихъ, на видъ мелочныхъ, но необходимыхъ подробностей. Она съ гордостью и любовью сохраняла всѣ преданія и порядки въ Институтѣ, сосредоточа на немъ всю нѣжность своего сердца; ее любили, а на взглядъ постороннихъ она иногда казалась странною.

Болѣе всего ее любили за разсказы о многихъ происшествіяхъ, очень интересныхъ, о дворѣ, о нарядахъ того времени и пр.

Другая труженица, класная дама, которая, вѣроятно, заслужила себѣ райскій вѣнецъ своею любовью, самоотверженіемъ и заботами о ввѣренныхъ ей дѣтяхъ, была m-lle Орреджіо, класная дама *четвертушекъ*: такъ звали въ насмѣшку четвертое отдѣленіе, ввѣренное ея попеченію, состоявшее изъ самыхъ маленькихъ, плохо подготовленныхъ дѣтей. За нею я въ старшемъ классѣ постоянно слѣдила, удивляясь безпримѣрному терпѣнію, съ которымъ она относилась къ каждой дѣвочкѣ, ей ввѣренной. Я видѣла, какъ она сама умывала и одѣвала дѣвочекъ; каждую обласкаетъ, утѣшитъ, если та плачетъ, разспрося почему, принесетъ гостинца новенькой. Ее въ насмѣшку прозвали *нянькой;* она знала это и нисколько не обижалась, продолжая терпѣливо ухаживать за дѣтьми, и если ея четвертушка заболѣвала, то она навѣщала ее въ лазаретѣ, покупая на свой счетъ лакомствъ и игрушекъ.

Въ концѣ года бывали инспекторскіе экзамены, въ присутствіи начальницы, инспектора и учителя того предмета, котораго шелъ экзаменъ; рѣдко пріѣзжалъ кто-либо изъ попечителей, иногда министръ народнаго просвѣщенія Норовъ, графъ Борхъ или принцъ Ольденбургскій; но въ старшихъ классахъ обязательно пріѣзжали не только они, но и многіе другіе, даже часто. Въ продолженіе трехъ лѣтъ во время обыкновенныхъ уроковъ мы неоднократно удостоивались посѣщеній высочайшихъ особъ, своихъ и иностранныхъ. Первый годъ экзаменовъ маленькаго класса былъ самый пустяшный.

Всѣ отдѣленія маленькаго класса были собраны въ физической комнатѣ; начальница обратилась къ намъ съ маленькой рѣчью и наставленіями. Инспектриса взяла приготовленные бантики - кокарды и приколола каждой, удостоенной награды, на лѣвое плечо, начиная съ перваго отдѣленія. Я получила вторую кокарду, т.-е. съ бѣлою пуговкой, и была въ восторгѣ отъ этого отличія. Кокарды постепенно мѣняли свой видъ, и изъ банта красной ленты, получившаго впослѣдствіи смѣшное названіе пѣтуха, образовалась уже круглая кокарда, изъ двухъ бѣлыхъ и двухъ пунцовыхъ петель, подъ конецъ постепенно переходившая въ бѣлую, и подраздѣленіе ихъ по различнымъ видамъ (бѣлыхъ изъ четырехъ петель, бѣлыхъ съ красною пуговкой, или съ одной, двумя и тремя бѣлыми петлями, а остальными красными) имѣло большое значеніе и наглядно показывало степень развитія и ученія дѣвочки; а въ старшемъ классѣ, судя по кокардамъ, ясно было, кто удостоился какой награды. Я перемѣнила всѣ кокарды, повышаясь каждую раздачу, и въ большомъ классѣ, въ числѣ десяти, получила совсѣмъ бѣлую.

Раздача этого бѣлаго незначущаго бантика, сшитаго самими же ученицами, имѣла сильное вліяніе на успѣхи по ученію и поведенію дѣвицъ, производя большое соревнованіе между ними. Съ какимъ восторгомъ написала я о полученіи мною награды матери и всѣмъ своимъ роднымъ! Кокарды надѣвались на лѣвое плечо во время пріема родныхъ по Воскресеньямъ и Четвергамъ, а также въ церковь по праздникамъ. Родители могли знать безъ отмѣтокъ, какъ учатся ихъ дѣти. Въ старшемъ классѣ раздача кокардъ была обставлена торжественнѣе, по числу присутствовавшихъ лицъ и рѣчей.

Мало-по-малу я совсѣмъ освоилась съ институтскимъ строемъ жизни; меня познакомили со всѣми обычаями и привычками, и я, получивши награду, уже лишилась названія новенькой, а вступила въ разрядъ bons sujets. Всѣ классы находились въ нижнемъ этажѣ. Въ классѣ, гдѣ я пробыла во второмъ отдѣленіи, каѳедры не было, а стоялъ посрединѣ столъ, на которомъ лежали журналъ съ фамиліями дѣвицъ (гдѣ учителя выставляли балы за отвѣты), перо и чернильница, по изяществу которыхъ можно было судить о расположеніи дѣвицъ: когда любили учителя, ставили изящное и дорогое, въ противномъ случаѣ—казенную оловянную чернильницу и казенное гусиное перо, или съ простой деревянной ручкой. Какъ въ маленькихъ, такъ и старшихъ классахъ, сидѣли по двѣ на изящной дубовой скамейкѣ, передъ дубовымъ столомъ, раздѣлявшимся на два пюпитра, въ ящикѣ котораго каждая дѣвочка отдѣльно прятала свои книги, тетради и прочія учебныя мелочи и пособія; за порядкомъ и чистотою ящиковъ строго смотрѣли. Обыкновенно лучшихъ ученицъ сажали въ первый рядъ, большихъ ростомъ на среднія скамейки, которыхъ было пять въ ряду, а на двухъ бокахъ по росту, самыхъ маленькихъ на самыхъ крайнихъ скамейкахъ. Большой навыкъ и умѣнье было разсадить въ порядкѣ, чтобы при входѣ посѣтителей въ классъ глазамъ высокихъ гостей предстала стройная группа или колонна дѣвицъ, а не торчали бы тамъ и сямъ отдѣльныя личности. При входѣ не только высочайшихъ особъ, но даже учителей, всѣ вставали и присѣдали заразъ; потомъ садились, и урокъ начинался въ спокойномъ ожиданіи, какъ начальства, такъ и того, что если будутъ неожиданныя посѣщенія, то сидѣвшія въ первомъ ряду отвѣтятъ хорошо и толково на всѣ задаваемые вопросы, что тетради и записки ихъ всегда красиво и четко написаны, и въ изящныхъ переплетахъ и обложкахъ. Да и мы, сидѣвшія на первыхъ лавкахъ, такъ привыкли въ большомъ классѣ къ частымъ посѣщеніямъ различныхъ особъ, что не боялись осрамиться. Какъ только обозначалось, что поступившая дѣвочка достаточно подготовлена, то класная дама назначала ей въ ученицы одну или двухъ такихъ, новенькихъ

или стареньких, которой она должна была толковать, спрашивать и говорить объ ея успѣхахъ класной дамѣ, лично провѣрявшей, какъ выученъ и понятъ урокъ. Дѣвочка-учительница называлась «maîtresse», а дѣвочка-ученица «écolière». Это была страшная несправедливость въ отношенiи первыхъ ученицъ, которыя, учивъ уроки, должны были тратить немало времени на подготовку лѣнивыхъ, и вся тяжесть объясненiя и отвѣтственность за плохiе успѣхи écolières ложились на метресу. Въ случаѣ упрямства и отказа готовить какую-нибудь тупицу или лѣнтяйку, непослушанiе отмѣчалось въ «Petit rapport». У стола, стоявшаго въ глубинѣ класса, задомъ къ окнамъ, сидѣла обыкновенно особая класная дама; передъ ней лежала большая переплетенная книга, называемая «Grand rapport», куда вносились выдающiеся проступки, а равно и то, что̀ заслуживало похвалы. Этотъ рапортъ читали всѣ посѣтители, его просматривали императрицы и начальство. «Petit rapport» былъ домашнимъ отчетомъ дамъ и пепиньерокъ, для вписыванiя провинившихся; оба писались по-французски. Записанная нѣсколько разъ неисправимая ученица вносилась въ Grand rapport. Тутъ значились смѣшныя шалости въ родѣ опозданiя въ классъ на нѣсколько минутъ, непорядка въ туалетѣ, въ особенности волосъ; многимъ приходилось мочить водою свои непослушные волосы, которые, высохнувъ, поднимались вихрами. «Вѣдь не гвоздемъ же мнѣ ихъ прибить», сказала одна изъ mauvais sujets, и ее записали за непослушанiе и дерзкiй отвѣтъ. Проступки были всѣ подобны приведенному. Когда же имена виновницъ хотѣли перенести въ Grand rapport, поднимался такой плачъ, что имъ прощали. Скажу по совѣсти, что тамъ было болѣе хорошихъ отмѣтокъ. Хорошiя ученицы назывались bons sujets, плохiя—mauvais sujets, или проще мовешки. Ничто такъ не преслѣдовалось и не наказывалось, какъ насмѣшки и карикатуры на учебный персоналъ и воспитательницъ; дѣйствительно, онѣ были мѣткiя и оригинальныя, а карикатуры поразительно-похожiя. Напр., одну прозвали богъ мартышка, другую, за ея крики, Pestrella de la Criarda, гiеной, нянькой и проч.; учителей: божество во фракѣ, солнце на ходуляхъ, кашеваръ, колбасникъ и пр. На многихъ сочинены стихи. Я на себѣ испытала мученiе готовить дѣвочекъ; только-что возмешься или прочесть интересное, или переписать на-бѣло замѣтки, extraits (намъ читалъ лекцiи каждый учитель по своимъ запискамъ, а мы составляли свои по прослушанному уроку), какъ зовутъ: «Дубровина, ваша écolière ничего не знаетъ».—«А что же я буду дѣлать съ нею?» Прослушаешь ее, объяснишь, кажется, хорошо знаетъ, отправишь къ класной дамѣ или пепиньеркѣ, а она стоитъ столбомъ и ни слова, ни звука. Однѣ не желаютъ отвѣчать, другiя не въ состоянiи по своей

тупости. Сколько крови перепортили онѣ и учителямъ, и дамамъ, но сами оставались гордо-спокойными въ своемъ нежеланіи учиться, а я попадала въ Petit rapport за то, что плохо исполняла свою обязанность и дѣлалась козлищемъ отпущенія чужихъ грѣховъ.

Хотя и по сіе время нападки продолжаются на институтское образованіе, но нужно знать причину этихъ недостатковъ, которая не можетъ быть извѣстна не воспитавшимся въ Институтѣ. Я провела почти 6 лѣтъ въ стѣнахъ его, одна моя сестра пробыла 8 лѣтъ слишкомъ въ Смольномъ, третья, самая младшая, получила образованіе въ Екатерининскомъ Московскомъ институтѣ, и я убѣдилась, что причиною дурныхъ и нелѣпыхъ отзывовъ объ институтскомъ образованіи сами кончившія курсъ, и вотъ по какому случаю. Всѣ институты были заведенія закрытыя, порядокъ и ученіе въ нихъ родителямъ были неизвѣстны; они отдавали своихъ дѣтей или пансіонерками царской фамиліи, или на свой счетъ, какъ и теперь, радовались, что дочери ихъ получаютъ образованіе, подобающее высшей кастѣ, будутъ себя держать прилично въ обществѣ, говорить на иностранныхъ языкахъ, танцовать и пр., а не для того, чтобы добывать себѣ кусокъ хлѣба, какъ въ настоящее время. Но и тогда выходило изъ институтовъ много хорошихъ и нравственныхъ воспитательницъ, какъ матерей семействъ, такъ и гувернантокъ; тѣмъ болѣе имъ чести, что онѣ не готовились къ этому, а такъ угодно было судьбѣ. Изъ 145 дѣвицъ, кончившихъ курсъ со мною въ 1856 году, да еще взятыхъ до экзамена домой по различнымъ причинамъ, не могли же всѣ быть одинаково развиты и способны. Меня страшно все-таки возмущалъ идіотизмъ многихъ воспитанницъ, и я долго не могла понять, зачѣмъ ихъ держатъ? На стыдъ, на посрамленіе! Въ наше время домой не отпускали, развѣ только опасно больныхъ, съ разрѣшенія Императрицы; поэтому всѣ шесть лѣтъ мы проводили вмѣстѣ, безъ перерыва, и я послѣ постоянныхъ наблюденій пришла къ заключенію, что въ жизни вообще, какъ въ частной, такъ и въ общественной, все предосудительное, нехорошее выплываетъ наружу и подлежитъ нареканію, а о хорошемъ умалчивается. Составъ выпускныхъ институтокъ много портило то обстоятельство, что неспособныхъ и даже тупицъ не исключали изъ заведенія. Это и есть корень зла. Нѣсколько такихъ выпущенныхъ съ атестатомъ дѣвицъ, часто принадлежащихъ къ аристократіи, распространяя славу о неразвитости и нецѣлесообразности институтскаго образованія, давали поводъ къ невѣрнымъ выводамъ и заключеніямъ. Помѣщенныя въ Институтъ противъ ихъ желанія, это бывали уже порядочно-взрослыя дѣвочки, которымъ родители тщетно старались дать образованіе дома и, видя безуспѣшность ихъ, сплавляли ихъ преспокойно, какъ въ

исправительный домъ, въ Институтъ. Многихъ лѣтъ по 13½ и болѣе отдавали, чтобъ онѣ не мѣшали дома и не были наглядными доказательствами лѣтъ матери. Конечно, обѣ эти категоріи дѣвочекъ принадлежали къ высшему классу; онѣ отчасти познали веселости свѣта и были озлоблены своимъ помѣщеніемъ въ Институтъ, ничего не дѣлали, ничему не учились и, кромѣ умѣнья говорить на иностранныхъ языкахъ, ничего не пріобрѣтали. Ихъ мы называли дурами на всѣхъ языкахъ. Были идіотки въ родѣ Т. и Б., изъ богатыхъ и знатныхъ семей. Т. была замужемъ за однимъ директоромъ банка въ Петербургѣ, жила роскошно; а потому, что ея нѣтъ больше въ живыхъ, я могу привести ея отвѣтъ на вопросъ: «Сколько лѣтъ продолжалась Семилѣтняя война?» — «Десять лѣтъ», отвѣчала она. Покойный принцъ П. Г. Ольденбургскій звалъ ее «Сашенькой». Она пробыла въ институтѣ девять лѣтъ и получила дипломъ. Такія-то особы разнесли по многимъ мѣстамъ нашей благодатной и безпредѣльной матушки Россіи славу о непрактичности институтскаго образованія. Къ этой плеядѣ тупоумныхъ патентованныхъ дуръ институтское начальство относилось добросовѣстно, стараясь передать имъ хотя какія-нибудь познанія; но ни усилія классныхъ дамъ, ни старанія учителей не могли ничего сдѣлать. И всѣ онѣ, эти взрослыя дѣвочки, отданныя по семейнымъ причинамъ, только и ждали выпуска; нѣкоторыя изъ нихъ поступали, съ разрѣшенія Императрицы, 14 и 15 лѣтъ. Къ третьей категоріи поступающихъ принадлежали пансіонерки казенныя или своекоштныя, которыхъ отдавали именно для того, чтобы учиться; изъ среды ихъ и выходили болѣе всего дѣльныя дѣвушки, но онѣ затерялись въ числѣ другихъ, имъ не сдѣлано надлежащей оцѣнки. А сколько изъ нихъ было достойныхъ матерей, женъ, дочерей! Сколько добрыхъ сѣмянъ разсѣяли онѣ въ своихъ и чужихъ семьяхъ! Сколько изъ нихъ поддерживали благосостояніе семьи, занимаясь образованіемъ своихъ и чужихъ дѣтей! Нѣтъ, на мой взглядъ, не осуждать слѣдуетъ институтское воспитаніе, а благословлять императрицъ Марію Ѳеодоровну, Александру Ѳеодоровну и Марію Александровну, принца Ольденбургскаго и другихъ лицъ, неусыпно заботившихся о нашемъ образованіи и содержаніи, слѣдившихъ за успѣхами и за справедливостью начальства, и старавшихся все упростить и улучшить. Духъ времени былъ не тотъ, что̀ теперь; поэтому ошибки воспитанія того времени были незамѣтны. Одно только можно строго осудить: не смотря на требованіе начальства исключать изъ заведенія неспособныхъ, разрѣшенія не давалось. Множество богатыхъ родителей и знатныхъ людей возставало противъ выключки, и начальству оставалось одно: возмущаться при видѣ этихъ неудачницъ и нести отвѣтственность за ихъ неспособность и нежеланіе

учиться. Сколько бы дѣльныхъ дѣвицъ можно было опредѣлить на мѣста не желающихъ заниматься, которыхъ ни наказанія, ни насмѣшки, ни усилія ни къ чему не вели; онѣ отлично знали, что ихъ не исключатъ. Да, это было большое зло!

Свою начальницу мы всѣ любили. Она была добра и справедлива, дѣлала намъ различныя удовольствія, не выходившія изъ предѣловъ ея власти, испрашивала высочайшаго соизволенія отпускать нѣкоторыхъ слабыхъ дѣвицъ къ родителямъ на извѣстное время лѣтомъ. Но и она не избѣгла насмѣшекъ. Одна изъ мовешекъ на вопросъ посторонняго лица «все-ли у васъ казенное?» отвѣчала: «Конечно все, даже мать казенная»; а другая на вопросъ: «какъ ваша фамилія?» отвѣчала: «Развѣ вы не знаете военнаго министра? Я его племянница». Судя по отвѣтамъ видно, что ученицы не были угнетены и забиты, какъ говорятъ. Разъ въ недѣлю назначались четыре дѣвочки по азбукѣ, по одной изъ каждаго отдѣленія маленькаго класса, которыя ходили обѣдать къ maman, а изъ старшихъ класовъ туда ходили по двѣ въ недѣлю; иногда по своей добротѣ и сожалѣнію maman лишній разъ звала къ себѣ обѣдать слабенькую здоровьемъ. Помню, съ какимъ страхомъ и радостью отправилась я въ первый разъ туда. Наша пепиньерка заранѣе осмотрѣла меня и около пяти часовъ вызвала въ коридоръ; собравши всѣхъ четырехъ, дежурная у maman пепиньерка повела насъ въ столовую, небольшую комнату, гдѣ стоялъ обѣденный столъ. Вскорѣ пришла maman; каждая изъ насъ поцѣловала у нея руку, и наконецъ насъ посадили рядомъ и по обѣ стороны пепиньерки, которая сидѣла противъ maman и разливала супъ. На мое счастье постороннихъ посѣтителей не было, а была только Екатерина Михайловна, дочь хозяйки, немолодая дѣвушка, которую я обожала (а потому мои похвалы покажутся восторженными), да еще Соня Черевина и Анета Клодтъ, учившіяся въ старшемъ классѣ. Это были двѣ прелестныя дѣвушки, которыхъ многія изъ насъ маленькихъ обожали. Обѣдъ кончился для меня, новенькой, удачно; я не сдѣлала ни одного промаха. Въ первый разъ я тутъ увидѣла и большихъ, потому что намъ запрещалось ходить и по нижнему коридору возлѣ ихъ класовъ, и по второму возлѣ ихъ дортуаровъ; наши же дортуары находились въ третьемъ этажѣ, а классы въ противоположной сторонѣ, возлѣ лазаретной лѣстницы. Если приходилось взбираться въ дортуары, то не иначе, какъ по боковымъ лѣстницамъ: съ парадной средней лѣстницы насъ гналъ старшій классъ и не позволяли по ней ходить. На сдѣланные мнѣ вопросы во время обѣда я отвѣчала также удачно. Поцѣловавъ руку и сдѣлавъ реверансъ maman, мы пошли каждая въ свое отдѣленіе, гдѣ разспросамъ не было конца.

Кромѣ класныхъ дамъ надзоръ за нами имѣли три инспектрисы. При моемъ поступленіи была у насъ m-lle Гогель; всѣ институтки звали ее тетя Саша, по примѣру ея племянницъ; ее замѣнила m-me Дееръ, которую мы не любили и звали «бомбой»; она сдѣлана начальницей въ Московскомъ Екатерининскомъ институтѣ, и вмѣсто нея назначили къ намъ m-me Фанъ-деръ-Фуръ, съ которой мы и кончили свое воспитаніе.

Наступилъ третій мѣсяцъ моего пребыванія въ Институтѣ; приближалось торжество, празднованіе 24 Ноября. Начались вызывы въ бѣлевую или цѣлаго отдѣленія, или нѣкоторыхъ дѣвицъ; тамъ надѣвали новыя платья, примѣряли передники, m-me Гардеръ съ карандашомъ въ рукахъ отмѣчала неровность въ длинѣ передника и съ Нѣмецкою точностью чертила на немъ карандашомъ замѣтки, сколько и гдѣ ушить, такъ что, когда мы становились въ рядъ, то нельзя было узнать, гдѣ начинался и гдѣ кончался передникъ у каждой изъ насъ: такой наконецъ добивалась она ровности во всю длину стоящихъ въ рядъ дѣвицъ, а я по своей глупости, какъ новенькая, обратилась съ вопросомъ: зачѣмъ такъ ровно? «Wie dumm sind Sie!», съ добавленіемъ порусски: «чтобъ глазъ не уколоть!» Я и тутъ не разобрала, а спросить у старшихъ боялась насмѣшекъ; потомъ, прочитавъ свои замѣтки, я одумалась и поняла. Когда я стала мѣрить башмаки, то мнѣ сказали, что почти всѣ имѣли свои, въ особенности для баловъ и танцевъ, а казенные и толсты, и тяжелы; они были въ родѣ нынѣшнихъ туфель, но безъ лентъ, изъ плохой кожи; по моей просьбѣ m-lle Ганъ купила мнѣ пару хорошихъ башмаковъ на мои деньги, но перчатки нашла излишнимъ покупать, и мнѣ дали желтыя замшевыя казенныя, потому что я, думали, какъ новенькая, не рискну танцовать. Утромъ мы всѣ были въ церкви, гдѣ служилъ архіерей; потомъ послѣ хорошаго обѣда въ 12 часовъ (бульона съ пирожкомъ, дичи съ вареньемъ и кондитерскаго пирожнаго) дали каждой по рюмкѣ бѣлаго, очень вкуснаго вина, послѣ котораго отвели въ дортуаръ. Въ церкви я въ первый разъ увидѣла принца Ольденбургскаго, но не могла его разсмотрѣть, потому что далеко стояла. Обыкновенно въ церкви стояли по правую сторону отъ входа старшія, а по лѣвую младшія, маленькія ростомъ впереди; по срединѣ оставался проходъ для тѣхъ изъ посѣтителей, которые во время всенощной прикладывались къ Евангелію, а послѣ обѣдни ко кресту; за начальствомъ прикладывались старшій и младшій классы. По церкви ходили дамы и пепиньерки для сохраненія порядка и соблюденія правильности рядовъ; стояли по шести въ рядъ. Въ семь часовъ вечера, одѣтыхъ въ новыя платья, насъ повели по отдѣленіямъ дама и пепиньерка въ большую залу, гдѣ бывалъ

пріемъ родныхъ, учились пѣнію и танцамъ, давались концерты и балы, справлялись всѣ торжества, кромѣ театра. Насъ размѣстили за колонны на лавочкахъ, стоявшихъ въ три ряда одна выше другой, чтобъ удобнѣе было видѣть отдѣленныхъ отъ залы перилами аршина полтора въ вышину. Во время пріема по Четвергамъ и Воскресеньямъ, на нихъ сидѣли родители, а въ залѣ стояли дѣвицы и бесѣдовали съ родными. Зала была огромная; при входѣ изъ физической комнаты съ лѣвой стороны, стоялъ огромный портретъ Екатерины II-й надъ двумя ступеньками, покрытыми краснымъ сукномъ во всю длину портрета. Мы въ старшихъ классахъ любили сидѣть на нихъ или на окнахъ и смотрѣть на проѣзжающихъ или во дворъ графа Шереметева, что̀ строго запрещалось. На бѣлыхъ колоннахъ были прибиты овальныя синія доски, на которыхъ золотыми буквами красовались по выпускамъ фамиліи дѣвицъ, получившихъ шифръ (теперь эти доски, по приказанію начальницы Бюнтингъ, вынесены на чердакъ; очень любопытно, отчего?) Вслѣдъ за нами пришли старшія отдѣленія. Когда вошла maman со своими гостями, то четыре дѣвицы старшаго класса сыграли на рояли, потомъ Наташа Черевина танцовала съ бубномъ въ рукахъ «болеро», очень мило и граціозно; спѣли что-то «Итальянское». Это были все сюрпризы maman (послѣдующіе годы были болѣе разнообразны сюрпризами). Когда рояли вынесли, то начались танцы, заиграла своя музыка; начали кадриль, и старшія брали танцовать своихъ сестеръ и обожательницъ младшаго класса, которыя большею частью уклонялись отъ этой чести, боясь насмѣшекъ. Принцъ Ольденбургскій, а также Гофманъ и Броневскій, пріѣхали до начала сюрпризовъ. Всѣ они сидѣли спиной къ портрету Екатерины II-й. Рядомъ съ его высочествомъ сидѣла maman съ какою-то полною дамой, родными и знакомыми и со всѣмъ воспитательнымъ и учебнымъ персоналомъ. Кадриль танцовали учителя со своими лучшими ученицами старшаго класса; болѣе же всего танцовали дѣвица съ дѣвицей или, какъ говорили, ma chère съ ma chère. Молодежи, братьямъ и родственникамъ не позволялось бывать на балахъ, такъ что ни два сына нашей maman, молодые кавалергарды, ни братъ Черевиныхъ, который былъ въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, ни мой братъ лейбъ-уланъ, не допускались туда. Только пріѣзжія родныя дѣвушки и дѣвочки оживляли танцы и своими костюмами разнообразили зеленый и коричневый цвѣтъ нашихъ платьевъ. Во время вечера роздали намъ каждой по яблоку, по кисти винограда и по пачкѣ конфектъ. Подъ конецъ маленькія, ободренныя своими класными дамами, толклись въ одномъ углу залы подальше отъ гостей. Ко мнѣ подошла одна дѣвочка моего отдѣленія, а съ нею старшая изъ перваго отдѣленія: «Вы

знаете Маршъ?» Въ недоумѣніи я посмотрѣла и сконфуженная отвѣчала: «Нѣтъ, не знаю». Оказалось, что фамилія ея была Маршъ, она знала моихъ родныхъ; а я въ простотѣ души солгала. Я играла на фортепіанахъ и марши, и полонезы, и подумала, что меня заставятъ сыграть маршъ. Хорошо, что вышло удачно; иначе бы меня засмѣяли подруги. Въ 11 часовъ насъ маленькихъ увели спать послѣ ужина, состоявшаго изъ двухъ тартинокъ съ сыромъ и колбасой, слоенаго пирожка, рюмки вина, стакана аршада и стакана лимонада. На другой день мы встали позднѣе обыкновеннаго, и опять пошло все своимъ чередомъ. Были еще балы 6-го Декабря, 1-го Января, 23 Апрѣля, 2-го и 22-го Іюля. Лѣтомъ было веселѣе: танцовали въ саду на площадкахъ, все было иллюминовано; кто танцовалъ, кто сидѣлъ, кто гулялъ въ саду.

Въ началѣ Декабря меня назначили къ m-me Лалаевой въ рукодѣльную (l'ouvroir), гдѣ насъ въ числѣ восьми дѣвочекъ засадили вышивать оборочки по бѣлому батисту, а потомъ туфли по бархату, что̀ сначала мы дѣлали плохо и неумѣло; потомъ многія стали выполнять изящныя работы, подносимыя разнымъ высокимъ посѣтителямъ и посѣтительницамъ. Тамъ мы пробыли дня три, приходя въ классъ только въ часы Закона Божія. Въ верхней мастерской, гдѣ учили шить бѣлье и вышивать по канвѣ, я только два раза и была изъ старшаго класса и всегда жалѣла бѣдную учительницу, которая, какъ говорили, была изъ прислуги графа Шереметева; надъ ней сильно смѣялись и постоянно дразнили институтки.

Въ серединѣ Декабря я заболѣла. Меня отвели въ лазаретъ, также раздѣленный на двѣ половины: большихъ и маленькихъ. У первыхъ была смотрительница Марія Васильевна, у другихъ Анна Андреевна (фамиліи ихъ никто не зналъ) подъ начальствомъ лазаретной дамы m-me Ридигеръ и репетировавшей насъ m-elle Флейнъ. Меня положили въ постель, и у меня оказался крупъ; должно-быть, я простудилась въ коридорѣ; впрочемъ и въ классѣ постоянно открывались форточки для вентиляціи. Меня привела сама m-elle Ганъ, и я совсѣмъ задыхалась. Анна Андреевна, до прихода докторовъ, сама дала мнѣ какого-то маслянистаго питья, отъ котораго поднялась сильная рвота, и мнѣ стало легче, такъ что къ приходу докторовъ (вечеромъ около пяти часовъ Пицулевича, а утромъ его и Блюма), я чувствовала себя легко. Мнѣ прописали лѣкарство, а на другой день я не могла не улыбнуться, глядя на смѣшную фигуру Блюма, никогда не говорившаго ничего по русски, кромѣ двухъ словъ: «Какъ вамъ?» Не понимавшій отвѣтовъ, переводимыхъ ему m-me Ридигеръ или Анной Андреевной, тоже Нѣмкой, на его родной языкъ, онъ съ заложенными за спину руками дѣлалъ каждой больной тѣмъ-же тономъ тотъ-же вопросъ и

даже, не выслушавъ отвѣта, продолжалъ осмотръ далѣе съ Пицулевичемъ и дамами. Они оба въ мое время не внушали намъ довѣрія; но мы были обнадежены тѣмъ, что при осложненіи болѣзни или неудачномъ лѣченіи вызовутъ докторовъ-спеціалистовъ. Институтское начальство не жалѣло денегъ, и содержали насъ прекрасно, не отказывая больнымъ въ ихъ прихотяхъ при выздоровленіи, что̀ я и испытала на себѣ не одинъ разъ. Намъ давали улучшенную пищу, вино, фрукты, ухаживали за нами очень усердно обѣ смотрительницы, сами давали лѣкарство, а къ тяжко-больнымъ нанимали сестеръ милосердія, въ особенности при повальныхъ болѣзняхъ, содержали въ безукоризненной чистотѣ бѣлье на насъ и постельное, которое часто мѣняли. Родственницамъ дозволялось посѣщать свою больную хотя каждый день, а не имѣвшихъ родни всегда вспомнитъ maman, всегда пришлетъ чего нибудь вкуснаго изъ кушаній или лакомства отъ себя, придетъ сама, разспроситъ, не хочетъ-ли чего, приласкаетъ и утѣшитъ. Съ глубокимъ чувствомъ любви вспоминаю я ее. У меня были всегда свои деньги, и по моей просьбѣ что̀ нужно мнѣ покупала m-elle Ганъ и присылала, или приносила сама, чтобъ меня навѣстить. Послѣ этой болѣзни я долгое время ходила въ лазаретъ кушать и ночевать.

Къ концу года я стала свыкаться съ образомъ жизни и со страннымъ обращеніемъ институтокъ. Мало-по-малу я начала сходиться и дружиться. Насъ было четыре дѣвочки, соединившіяся между собою дружбою. Это соединеніе въ кружокъ называлось «кучкою». Если одна изъ кучки была имянинница, то остальные члены кучки считали себя обязанными собирать подарки и устраивать на столикѣ, принадлежавшемъ имянинницѣ, въ день ея ангела, въ изящномъ порядкѣ всѣ сдѣланныя подношенія, украшая различными вещами и искусственными цвѣтами. По числу подарковъ можно было заключить о любви подругъ. Въ число подарковъ входили: букеты живыхъ цвѣтовъ, бомбоньерки, платочки разныхъ цвѣтовъ, которые носили на шеѣ и считали шикомъ, кольца, несессеры, духи, перчатки и прочія мелочи; въ большомъ классѣ бывали подарки болѣе цѣнные, въ особенности если дарили маленькія своихъ большихъ обожательницъ; но преимущественно посылались букеты живыхъ цвѣтовъ, а отъ друзей кто что могъ. Первый годъ 9-го Декабря я ничего не получила, на второй годъ получила болѣе двадцати, а потому и просила m-elle Ганъ приготовить угощеніе для нашей кучки и друзей, дѣлавшихъ мнѣ подарки, состоявшее изъ традиціоннаго пирога, который подавался первымъ угощеніемъ. Каждую именинницу отпускали изъ класса; я отправлялась въ комнату m-elle Ганъ, гдѣ съ помощію ея горничной все приготавливала. Къ 5 часамъ варился шоколадъ, класная дама уходила на это время;

я разбирала корзину съ покупками, всѣ приглашенныя являлись, и начинался пиръ. Послѣ пирога подавался шоколадъ, потомъ различныя сласти, называемыя cochonneries, смотря по средствамъ имянинницы. Но бывали очень богатыя угощенія и много приглашенныхъ; тогда уже просили позволенія праздновать или въ столовой начальницы, или въ рисовальной, или въ дортуарахъ. Это происходило уже въ старшемъ классѣ, гдѣ, хотя и начиналось кулебякой съ прибавленіемъ многихъ холодныхъ утонченныхъ блюдъ, дичи, консервовъ, сыру, сардинъ и проч., но кончалось неизмѣннымъ шоколадомъ съ горою дорогихъ тортовъ и печеній, дорогихъ рѣдкихъ фруктовъ и конфектъ. Все это привозилось родителями или присылалось изъ дому въ швейцарскую комнату въ корзинахъ и сверткахъ съ наклеенными надписями фамилій. Жены швейцаровъ относили туда, гдѣ происходило празднованіе. Трудно себѣ представить, что̀ было на Рождество и Пасху, какія массы корзинъ и пакетовъ высились въ классахъ и дортуарахъ. Вѣдь институтокъ было болѣе трехъ-сотъ!

Праздникъ Рождества Христова начался всенощною и обѣдней въ день Рождества. Пѣли превосходно, я нигдѣ не слыхала такого стройнаго задушевнаго пѣнія, какъ въ Институтѣ; послѣ обѣдни возвратились въ дортуаръ, гдѣ всѣ разбрелись по разнымъ мѣстамъ или усѣлись на свои мѣста за кроватями; кто читалъ, кто шилъ костюмы, кто дѣлалъ украшенія на елку. Маленькія сравнительно съ большими мало наряжались, ограничиваясь обходомъ въ костюмахъ своихъ дортуаровъ маленькаго класса, не дерзая даже спускаться во второй этажъ къ большимъ, гдѣ встрѣчали ихъ насмѣшками и безцеремонно прогоняли. Большія же цѣлыми групами, въ черныхъ шелковыхъ или уродливыхъ маскахъ, окруженныя дѣвицами другихъ отдѣленій, недружныхъ съ ними (чтобы нельзя было узнать) ходили вездѣ. Здѣсь были и Пьереты и Papes de fous, цвѣточницы, цыганки, маги, были и оригинальные костюмы и чрезвычайно дорогіе; нѣкоторымъ присылали изъ Большаго театра, а въ 1855 г. М. была замаскирована членомъ Адскаго Парламента: сатира, направленная противъ Англіи, очень удачная; костюмъ былъ замысловатый и дорогой. Маски пользовались большою свободою, ходили ко всѣмъ, даже къ maman, гдѣ ихъ угощали, а онѣ танцовали согласно ихъ костюмамъ, нерѣдко высказывали свои обиды и замѣчанія тѣмъ лицамъ, которыми были недовольны. Это было безопасно, потому что никто не имѣлъ права заставить снять маску, а никто изъ своихъ не выдавалъ подругу. То былъ старинный обычай Института, и нарушить его никто не смѣлъ.

Устройство елки было другимъ развлеченіемъ. Маленькія довольствовались ихъ устройствомъ въ дортуарахъ; большія въ физической

или рисовальной залѣ. Привозимое родными и купленное по запискѣ класными домами, пополненное складчиною отъ дѣвочекъ всего отдѣленія, шло на украшеніе елки; каждое отдѣленіе старалось богаче ее украсить. Кромѣ того, каждая изъ насъ имѣла право вѣшать на елку подарки, предназначенные своимъ обожательницамъ, которые послѣ освѣщенія елки снимались и подносились по принадлежности пріятельницами, но не самими. Послѣ зажженія елки играли на фортепіано, танцовали, приходили приглашенныя на елку, пріѣзжали родные, которыхъ угощали и подносили подарки.

По Четвергамъ и Воскресеньямъ были пріемные дни. Выходъ дѣвицъ былъ торжественный. Послѣ обѣда класная дама, приведя въ дортуаръ, отбирала тѣхъ, которыя ожидали посѣщенія родныхъ и выводила въ коридоръ свою партію; къ ней присоединялись остальныя изъ другихъ отдѣленій, и во главѣ съ класною дамой въ синемъ шелковомъ платьѣ, въ палевыхъ перчаткахъ, въ черныхъ, кружевныхъ или шелковыхъ мантилькахъ, въ бѣломъ чепцѣ изъ tulle illusion (кто носилъ) двигались мы, одѣтыя въ праздничные костюмы и также въ палевыхъ перчаткахъ, маленькія ростомъ впереди; за нами замыкалось шествіе пепиньеркой. Выстроившись колонною посрединѣ залы, мы становились dos-à-dos и, сдѣлавъ реверансъ вмѣстѣ, какъ бы по командѣ, направлялись къ роднымъ. Часто пріѣзжала молодежь поглазѣть на институтокъ, въ особенности съ поступленіемъ княжны Трубецкой; кромѣ нея было множество хорошенькихъ. Если любопытные не удалялись, то къ нимъ подходилъ нашъ полицеймейстеръ, всегда присутствовавшій во время пріема. Меня сначала навѣщалъ братъ лейбъ-уланъ, m-r Прокофьевъ, и обязательно каждый Четвергъ приносилъ мнѣ коробку конфетъ нашъ парикмахеръ Николай Ѳедоровъ, крестьянинъ деревни Косой, настоящій франтъ со шляпой въ рукѣ и при часахъ, такъ что трудно было повѣрить, что этотъ человѣкъ не comme-il-faut. Потомъ поступилъ въ Инженерное Училище мой cousin Болотовъ, который иногда бывалъ у меня, чѣмъ я была очень довольна. На Масляницу намъ давали блины и икру, присылаемую отъ двора принца Ольденбургскаго, а отъ Императрицы—мороженое, и каждый годъ присылались придворныя кареты, въ которыхъ размѣщали по шести дѣвицъ; болѣе энергичныхъ или достойныхъ брала съ собою начальница, ѣхавшая въ первой каретѣ, потомъ инспектриса и класныя дамы брали своихъ любимицъ, а остальныя, болѣе благоразумныя, подъ отвѣтственностью одной изъ bons sujets, садились однѣ по назначенію и запискѣ дамъ. Сидѣвшія однѣ были несказанно довольнѣе другихъ. Маленькимъ давали въ это время по чашкѣ кофе съ печеньями и распускали въ дортуаръ.

Великимъ постомъ говѣли на первой недѣлѣ, и учителя не ходили. Въ свободное отъ посѣщенія богослуженій время, намъ читали духовныя книги, а мы работали и свое, и казенное, мѣтили бѣлье, вязали чулки или вышивали. Духовникъ насъ наставлялъ и объяснялъ значеніе исповѣди. Въ Пятницу съ утра начинали исповѣдывать, приводили отдѣленіями, въ ожиданіи очереди сажали по шести въ рядъ на полу церкви. Первый рядъ, сдѣлавъ земной поклонъ, стоя ожидалъ своей очереди; сначала шла самая маленькая и такъ по росту до конца. Въ Субботу, послѣ причастія Св. Таинъ, въ столовую приходила maman, поздравляла и говорила немного словъ и наставленій; давали по чашкѣ чая съ краснымъ виномъ и бѣлымъ хлѣбомъ; обѣдъ былъ хорошій. Весь постъ давали постное. Пѣли въ Институтѣ прекрасно; лучше пѣнія «Да исправится молитва моя» по моему нигдѣ не пѣли, какъ наши солистки. Выразительное, прочувствованное, полное умиленія и мольбы пѣніе сильно дѣйствовало на наши души, вызывая часто слезы. Пѣвчія занимали оба клироса: большія стояли съ правой стороны, и если maman не было (она съ посѣтителями стояла позади), то одна изъ пѣвчихъ давала знакъ прикладываться къ Св. Евангелію; въ большомъ классѣ я первая стояла съ краю, и мы, шесть дѣвицъ, стоявшія въ рядъ, дѣлали земной поклонъ и подходили прикладываться, за нами пѣвчія и потомъ маленькія въ томъ же порядкѣ, обойдя аналой, чинно становились на свои мѣста. На Пасху пѣніе было умилительное и торжественное; ходили къ заутренѣ и обѣднѣ не только мы, но на хорахъ присутствовали и наши больныя въ бѣлыхъ капотахъ. Намъ дозволяли ихъ навѣщать цѣлую недѣлю въ лазаретѣ. Разговляться намъ давали по куску пасхи и кулича въ столовой, послѣ чего насъ, маленькихъ, отводили въ дортуаръ, а большія направлялись въ залу, куда приходила maman христосоваться и приносила фарфоровыя и стеклянныя яйца по одному каждой, присылаемыя Императрицею. Послѣ ухода начальства, раздѣлясь на кучки, разсаживались мы или на кроватяхъ, или на своихъ излюбленныхъ мѣстахъ за ними на полу; сюда приносились присланные гостинцы, глупо называемые «кусочками». Самая обидная брань въ Институтѣ было названіе «кусочница». Почему? Я новенькая не знала этого. Каждая кучка дѣлила по ровнымъ частямъ между своими членами присланные кусочки и, лакомясь, мы повѣряли другъ другу и свои взгляды, и свои тайны, читали что-нибудь, дѣлали свои замѣчанія и критиковали многое и многихъ. Очень много и качествомъ, и количествомъ присылалось гостинцевъ; нѣкоторымъ приносили пудовыя корзины, начиная съ дорогой дичи и паштетовъ и кончая конфетами и не менѣе дорогими фруктами, но предпочиталось cochonnerie: смѣсь орѣховъ, изюму, миндалю, финиковъ, черносливу

и т. п. Все имѣющее специфическій запахъ запрещалось и конфисковалось въ пользу женъ швейцаровъ: зеленый сыръ, колбаса, селедки и пр. Это и были любимыя вещи, какъ запрещенный плодъ. Чтеніе романовъ, которые иногда контрабандою проникали въ Институтъ и читались съ наслажденіемъ, тоже было строго запрещено. Въ Институтѣ была и своя библіотека, изобиловавшая одними «Лучами» и «Звѣздочками», которыя давали намъ читать, и то рѣдко, въ старшемъ классѣ; иногда класныя дамы давали своимъ избраннымъ книги, болѣе на иностранныхъ языкахъ.

Наступила весна 1851 года, вскорѣ начались каникулы, скучные потому, что опредѣленныхъ занятій не было, а повторялось съ класными дамами все пройденное за годъ; занятія съ безтолковыми раздражали насъ, и для меня было только одно удовольствіе читать, или ходить по саду, вспоминая наше гнѣздо и родныхъ. Меня, какъ одну изъ слабенькихъ, поили какимъ-то декоктомъ на тощахъ по утрамъ, что̀ производило сильную тошноту; другихъ поили сывороткой, будили рано и заставляли ходить полчаса въ саду. Садъ до 1853 года былъ раздѣленъ на двѣ половины; старшій классъ свободно прогуливался по всему пространству, а мы не только не смѣли гулять въ саду на половинѣ старшихъ, но даже не имѣли права ходить вблизи; иначе насъ немедленно выпроваживали. Мы, нѣкоторыя изъ младшаго класса, желая украсить свою половину сада, сажали цвѣты, кустики, привозимые родными и сѣяли разныя овощи; часто, возвращаясь въ садъ, находили все вырваннымъ и потоптаннымъ: ребятишки подвальнаго этажа въ дурную погоду истребляли посаженное. По срединѣ сада на круглой площадкѣ, усыпанной пескомъ, красовались pas de géant и двое качелей. Къ сторонѣ Литейной улицы былъ отгороженъ садикъ съ фонтаномъ для maman и находилась оранжерея съ прекрасными цвѣтами, которыми мы любовались. Другая половина до бесѣдки, раздѣлявшей отгороженный садикъ, носила громкое названіе батаническаго сада, не имѣвшаго ни одной былинки для этой цѣли, кромѣ нѣсколькихъ яблонь съ кислыми плодами, подвергавшихся нападеніямъ мовешекъ, отчаянно рвавшихъ яблоки изъ оконъ бесѣдки—большой комнаты уставленной тиковыми диванами, съ обиліемъ пауковъ-крестовиковъ. Гордость и украшеніе всего сада составлялъ громадный каштанъ предъ окнами перваго садоваго отдѣленія старшаго класса. Какъ онъ былъ величественъ въ своемъ цвѣту! Была передъ террасой и клумба очень плохихъ цвѣтовъ. Лѣтомъ высочайшія особы посѣщали насъ чаще, и по прошенію maman разрѣшалось намъ сходить въ Лѣтній садъ посмотрѣть памятникъ Крылову и еще въ домикъ Петра Великаго. Для этого и сшили намъ шляпы особеннаго покроя и типа изъ сѣраго батиста,

вмѣсто розовыхъ. Иногда въ табельные дни выводили насъ на балконъ посмотрѣть иллюминацію или торжественную процессію.

Въ концѣ 1852 или началѣ 1853 года произвело большіе толки въ маленькомъ классѣ поступленіе княжны Трубецкой. Вѣсть, что пріѣхала какая-то новенькая красавица облетѣла всѣхъ. Ее зачислили въ первое отдѣленіе; но мы всѣ увидѣли ее только въ слѣдующую Субботу, когда инспектриса Фанъ-деръ-Фуръ привела ее въ рисовальную комнату, куда собраны были всѣ отдѣленія младшаго класса, чтобъ идти ко всенощной. Это была дѣвочка лѣтъ 14, высокая, стройная, одѣтая въ черное платье съ бѣлымъ отложнымъ воротникомъ и рукавчиками; а длинныя бѣлокурыя косы ея, заложенныя на затылкѣ, были украшены двумя черными бархатными шу, съ длинными, почти до колѣнъ и широкими концами. Нѣжный розовый цвѣтъ лица, большіе черные глаза, изящество манеръ, «toute sa tenue», какъ выражались мы, произвели на насъ очарованіе. Я узнала, что новенькая Трубецкая—пансіонерка императора Николая I. Сколько разъ въ старшемъ классѣ я была съ нею въ одномъ отдѣленіи, даже учила ее по русски Закону Божію. Я слышала отъ нея, что принцесса Матильда, княгиня Санъ-Донато-Демидова, желала ее удочерить и спрашивала на это разрѣшенія Императора, который предложилъ этотъ вопросъ рѣшить самой дѣвочкѣ; но та избрала возвращеніе въ Россію подъ покровительство Русскаго императора и изъ Парижа, гдѣ она воспитывалась въ пансіонѣ съ 1848 г., она вдвоемъ съ горничною Степанидой, никогда ея не покидавшею, возвратилась въ Петербургъ. Родныхъ у нея было множество въ знатномъ и придворномъ кругу. Мать ея не любила, а отецъ былъ разжалованъ въ солдаты. Я иногда надписывала для нея къ нему адресъ на конвертахъ въ Петровскъ; думаю, что многіе помнятъ про его карточку, посланную роднымъ: «Сергѣй Трубецкой, урожденный князь Трубецкой». Ее навѣщало много родственниковъ, и она пользовалась особыми удобствами.

Вскорѣ послѣ ея поступленія пришло приказаніе отъ ея императорскаго величества привезти нѣсколько дѣвицъ съ княжною Трубецкою въ Зимній дворецъ. За нами присланы были придворныя кареты; начальница и инспектриса насъ сопровождали. Намъ было и весело, и страшно. Одѣли намъ лучшія форменныя зеленыя платья, самые тонкіе передники, окутали шарфами, надѣли мантошки съ капишонами, и мы тронулись. По пріѣздѣ насъ раздѣли, осмотрѣли нашъ туалетъ и повели черезъ множество комнатъ и залъ на половину императрицы Александры Ѳеодоровны. Каждую дверь отворялъ камеръ-лакей, а въ зеркальной залѣ Арабы въ красныхъ великолѣпныхъ мундирахъ, въ башмакахъ и чулкахъ; вездѣ изображенія черныхъ физіономій отражались

въ зеркалахъ и устрашали насъ. Наконецъ мы вошли въ сравнительно-небольшую комнату; посрединѣ ея стоялъ круглый столъ, вездѣ цвѣты и зелень, мебель была простая старинная; тамъ встрѣтила насъ фрейлина Бартенева и сказала обождать; было между 12 и первымъ часомъ. Потомъ ввели насъ въ комнату побольше, гдѣ мебель была обита синимъ бархатомъ; передъ диваномъ въ углубленіи стоялъ столъ, кругомъ стѣнъ были выставлены высокія, цвѣтущія деревца, отъ которыхъ мебель была отодвинута; въ одномъ простѣнкѣ на столѣ стояло деревянное блюдо, съ искусно выточенными вишнями и другими ягодами (это я успѣла разсмотрѣть до прихода ея величества). Потомъ каждая изъ насъ не спускала глазъ съ Императрицы, съ благоговѣніемъ запоминая ея величественныя черты лица. «Bonjour, Votre Majesté Impériale», привѣтствовали мы ее, дѣлая глубокій реверансъ. «Bonjour, mes enfants», отвѣчала она намъ и милостиво протянула руку, которую мы съ восторгомъ поцѣловали. Одѣта она была въ синей шелковой юбкѣ и черной бархатной, по таліи сшитой, кофточкѣ; на головѣ былъ чепчикъ кружевной съ оранжевыми лентами; бантъ немного отпоролся, и какъ мы желали, чтобъ онъ упалъ, и мы спрятали-бы его на память. Милостиво распросивъ насъ, она стала говорить съ княжной Трубецкой; не успѣли еще мы осмотрѣться, какъ вошелъ Императоръ: «Здравствуйте, дѣти!» — «Здравствуйте, ваше императорское величество», весело отвѣчали мы, окружили и стали ловить его руку, чтобъ поцѣловать; но онъ не далъ, поднявъ кверху, потомъ однѣхъ погладилъ по головѣ, другихъ поцѣловалъ.

Я еще въ 1848 году часто видала Императора; еще дома, по пріѣздѣ въ Петербургъ, мы съ гувернанткой часто ходили на единственную тогда желѣзнодорожную станцію, поджидая пріѣзда его величества изъ Царскаго Села; насъ никогда не отгоняли, зная, какъ Императоръ любилъ дѣтей. Онъ всегда былъ, видимо, доволенъ, если насъ собиралось много, и, сбросивъ бывало съ плеча свою традиціонную шинель, самъ же натянетъ ее опять и, постоявъ нѣсколько секундъ, скажетъ: «Прощайте, дѣти!». Однажды повели насъ на парадъ въ томъ же 1848 г., происходившій, кажется, на Царицыномъ лугу; мы выбрались впередъ, и какой-то свитскій офицеръ поставилъ насъ очень близко отъ Императора, который былъ въ казацкомъ мундирѣ; возлѣ него стояли два кадетика въ шинелькахъ и фуражкахъ безъ козырька; намъ сказали, что это внуки Императора: цесаревичъ Николай и великій князь Александръ. Первый стоялъ тихо, а второй что-то говорилъ, дергая Императора за полу; братъ, стоявшій ближе, передавалъ мнѣ потомъ, что онъ говорилъ: «Дѣдушка, возьми на руки». Императоръ отсылалъ его къ воспитателю, но тотъ не слушался и все просилъ его. Наконецъ

мы увидали его на рукахъ августѣйшаго дѣда и по окончаніи парада удостоились слышать: «Прощайте, дѣти!».

«Пойдемте, я покажу вамъ зимній садъ!» Мы пошли за нимъ и были поражены величиной деревьевъ, множествомъ цвѣтовъ и летающихъ птицъ. Государь сѣлъ на скамеечку; мы окружили его. Онъ дѣлалъ каждой вопросъ по русски, а потомъ, обратясь къ княжнѣ Трубецкой, сказалъ: «Дѣти, переведите ей мои слова, что если она не выучится по русски, то я ея и въ солдаты не возьму». По возвращеніи Императора на половину Императрицы, онъ обнялъ ее за талію и спросилъ: «Приготовлено ли дѣтямъ угощеніе?». Насъ вызвали къ круглому столу въ сосѣднюю комнату, гдѣ мы ожидали, и предложили шоколадъ съ печеньями и по коробкѣ конфектъ каждой изъ восьми дѣвицъ. Государя мы не видали болѣе, а Императрица, сказавъ фрейлинѣ: «Montrez les appartements aux enfants», подозвала княжну Трубецкую, съ которою неизвѣстно о чемъ изволила говорить. Намъ показывали весь дворецъ. Болѣе всего мнѣ памятна на половинѣ Императрицы спальня Императора: за ширмами, простая желѣзная кровать, покрытая бѣлымъ тканьевымъ одѣяломъ, и сафьянная зеленая подушка лежала въ головахъ. На ширмахъ съ наружной стороны висѣли портреты августѣйшихъ родственниковъ въ небольшихъ размѣрахъ. Ванная Императрицы—бѣлая мраморная, маленькій садъ съ гротомъ, въ которомъ билъ фонтанъ; его пустила фрейлина Бартенева, и за брызгами мы не могли выйти изъ грота. Мы видѣли столько невиданныхъ, роскошныхъ вещей, а такое множество залъ и различныхъ комнатъ, что у насъ все смѣшалось и перепуталось; вѣдь, по правдѣ сказать, мы только пробѣжали по дворцу! Я совсѣмъ иззябла въ одной пелеринкѣ, какъ и всѣ мы, и m-lle Бартенева накрыла меня, по своей добротѣ, полою своей бархатной мантильи и такъ ходила со мной.

Классъ перваго садоваго отдѣленія былъ первый въ коридорѣ на лѣво, если выходили изъ швейцарской, противъ двери которой широкая и свѣтлая парадная лѣстница вела въ верхніе этажи. Поэтому, кто бы ни входилъ изъ высокопоставленныхъ особъ, къ первымъ попадалъ къ намъ. Намъ объясняли ранѣе, что при посѣщеніи кого бы то ни было, перерыва въ занятіяхъ и урокахъ не должно быть, за исключеніемъ посѣщенія ихъ величествъ и Цесаревича съ Цесаревной, и никакихъ извѣщеній о посѣщеніи не бывало. Если же удостоивали насъ посѣщеніемъ вышеназванныя царственныя особы, то швейцаръ звонилъ въ особенный колокольчикъ съ мягкимъ звукомъ, извѣщавшій о ихъ прибытіи, и всѣ должны были собираться по своимъ классамъ. Съ переходомъ въ старшій классъ мы всегда должны были быть готовы встрѣчать въ должномъ порядкѣ высокихъ гостей.

Съ новыми класными дамами m-lle Араловой и Петровой началось наше ученіе болѣе сложное и трудное: учителя смѣнились профессорами, курсъ ученія пошелъ серьезно и дѣльно, требовалъ вниманія и усиленныхъ занятій; насъ избавили отъ всякихъ écolières; изъ каждаго предмета хорошая ученица вела свои записки, extraits, по которымъ училось большинство; учебныхъ книгъ совсѣмъ почти не было, кромѣ Закона Божія: составляли и записывали лекціи учителей сами дѣвицы, которыя просматривались и дополнялись учителями на такъ-называемыхъ feuilles volantes. Въ первыхъ отдѣленіяхъ программа преподаванія была пространнѣе, и профессора были разные; только одинъ законоучитель и духовникъ оставался одинъ и тотъ же во всѣхъ отдѣленіяхъ и классахъ. Это былъ Дмитрій Максимычъ Максимовъ, человѣкъ образованный и исполненный чрезмѣрной снисходительности и любви къ своимъ духовнымъ дѣтямъ. У каждой изъ насъ была тетрадь замѣтокъ, гдѣ я вписывала все, что̀ разсказывалъ батюшка, его разныя замѣчанія и объясненія на непонятныя намъ Славянскія слова. По славянски мы читали, но грамматики не знали. Въ старшемъ классѣ мы прочли житія многихъ Русскихъ святыхъ, къ изученію коихъ приступили послѣ неудачнаго экзамена воспитанницъ Николаевскаго Сиротскаго Института: инспекторъ заставилъ насъ въ короткое время приготовить многое, потому что Цесаревна на экзаменѣ могла замѣтить намъ тоже самое: «отчего мы не знаемъ житій святыхъ Русскихъ?» Каждая прилагала все усиліе, чтобы не осрамиться у батюшки, и на экзаменахъ всѣ отвѣчали хорошо; а вѣдь въ старшемъ классѣ пріѣзжали насъ слушать и экзаменовать такія свѣтила духовнаго міра, какъ Макарій, протопресвитеръ Бажановъ, Лебедевъ и др. Нашъ духовникъ замѣчательно разсказывалъ. Многія иновѣрки оставались его послушать; онъ не задавалъ ни одного урока, не разсказавъ и не объяснивъ. Всякій разъ казалось, что онъ говоритъ новое: такъ краснорѣчиво передавалъ онъ уже пройденное нами. У католичекъ въ зданіи нашего Института была своя церковь, а лютеранокъ съ классною дамою-лютеранкою возили въ кирку. Для занятій съ ними Закономъ Божіимъ приходили ксендзъ и пасторъ.

Преподавателемъ Русскаго языка былъ въ маленькомъ классѣ Петръ Ивановичъ Боголюбовъ. Онъ строго относился къ лѣнтяйкамъ; да и нельзя было не возмущаться, съ какими грубыми ошибками писали многія дѣвочки. Онъ приносилъ свои замѣтки, мы ихъ списывали, по нимъ учили и отвѣчали. Мнѣ было легко у него учиться: свои листки онъ передавалъ или мнѣ или своей дочери. Въ старшемъ классѣ преподавалъ самъ инспекторъ Платонъ Григорьевичъ Ободовскій. Его

лекціи были интересны, особенно когда онъ читалъ сочиненія поэтовъ и писателей, читалъ блестяще-увлекательно; онъ это дѣлалъ въ награду, если хорошо отвѣчали. Онъ увлекался и часто вмѣсто своего предмета предлагалъ неподходящіе вопросы. Напр. читаетъ «Три пальмы»; мы всѣ съ замираніемъ сердца стараемся ловить каждый звукъ. Вотъ онъ кончилъ и обращается съ вопросомъ къ вызванной ученицѣ: гдѣ растутъ пальмы, какая страна, жители, нравы, обычаи, правленіе, современные государи? И выходитъ не урокъ Русской словесности, а экзаменъ по всѣмъ отраслямъ наукъ. Къ отвѣтамъ своего предмета онъ относился строго; требовалъ, чтобы его лучше готовили и задавалъ большіе уроки; въ особенности мучилъ онъ насъ Греческой литературой, не оставлялъ и Индѣйскую и др. У Платона Григорьевича мы писали сочиненія на темы довольно трудныя и дѣлали разборы. Учились также по его запискамъ, или каждая изъ лучшихъ ученицъ послѣ его лекціи записывала съ его словъ. Писать приходилось много по всѣмъ предметамъ. Тема задавалась одна всему классу; но для провѣрки вызывали къ доскѣ (которыхъ было двѣ въ классѣ) и заставляли писать на незнакомую тему: тогда и выяснялись способность и умѣнье вызванной дѣвицы писать правильно. Это дѣлалось изо всѣхъ предметовъ. Подсказать было невозможно, а передать листокъ еще труднѣе, не смотря на умѣнье это сдѣлать черезъ poste volante. Меня въ обоихъ классахъ постоянно вызывали: я хорошо читала стихи, писала безъ ошибокъ и сочиняла порядочно. На экзаменѣ въ послѣдній годъ маленькаго класса я отвѣчала басню «Три Мужика», за что получила большія похвалы и не въ очередь обѣдала у maman.

Древнюю Исторію началъ съ нами Аникіевъ, учившій и въ Смольномъ. Это былъ хорошій старичекъ, очень снисходительный, приносившій намъ изъ Смольнаго письма сестеръ и передававшій наши туда. Мнѣ кажется, что часто онѣ долго лежали въ его боковомъ карманѣ и по нѣскольку разъ бывали въ стѣнахъ того и другаго заведенія, не попадая въ руки адресатовъ. Онъ чертилъ на большой классной доскѣ, показывая постепенное заселеніе земли различными народами, всегда разсказывалъ задаваемый урокъ, но придерживался того, чтобы мы учились по книгѣ изданной имъ Исторіи и заучивали слово въ слово, чтò было почти всѣмъ очень трудно и совершенно противоположно тому, какъ сталъ читать свои лекціи Тимаевъ, сынъ инспектора Смольнаго, въ старшемъ классѣ. Дѣлая записки съ его словъ, мы прошли съ нимъ Древнюю, Среднюю, Новую и Русскую Исторію пространно. Предметъ этотъ въ старшемъ отдѣленіи сталъ очень интересенъ, благодаря разсказамъ г. Тимаева; но поставленный въ извѣстныя рамки и увлекаясь изложеніемъ историческихъ фактовъ, онъ вдругъ краснѣлъ,

заикался и переходилъ на другое. Мы вызывались къ доскѣ и по порядку писали восшествіе на престолъ Рюрика и его преемниковъ и современниковъ, царствовавшихъ во всѣхъ извѣстныхъ въ то время странахъ; тутъ иногда смѣшныя несообразности отвѣчающихъ и писавшихъ возбуждали искренній смѣхъ.

Географію въ большомъ классѣ преподавалъ Вержбиловичъ. При первомъ приходѣ его въ классъ мы были поражены его наружностью. Высокій, худой, длинный, узкій въ плечахъ, со странными манерами, онъ поразилъ насъ своею уродливостію; но всѣ насмѣшки затихли, когда онъ сталъ говорить. Онъ прекрасно чертилъ карты, заставлялъ насъ дѣлать тоже, въ особенности мѣстности губерніи, нашей родины; разсказывалъ намъ многое изъ осады Севастополя. Щеголевъ былъ его воспитанникъ, и многія происшествія войны намъ были извѣстны болѣе изъ его разсказовъ, чѣмъ изъ газетъ, которыя читали намъ ежедневно классныя дамы. Онъ чертилъ на доскѣ планъ сѣверной и южной сторонъ Севастополя, прямо говорилъ, что посланныя туда войска идутъ на бойню, что оборона невозможна. Я съ сильнымъ вниманіемъ вслушивалась, соображала и много мучилась его разоблаченіями, такъ какъ мой братъ въ Севастополь перевелся братъ; да я полагаю, что и многія, у кого были тамъ близкіе, раздѣляли со мною мои чувства.

Естественную Исторію начали мы учить съ Ѳеодоромъ Дмитріевичемъ Студитскимъ. Онъ приносилъ намъ исписанные имъ самимъ листы, но столь неразборчивые, что я только одна и могла ихъ прочесть, за что онъ ко мнѣ благоволилъ. Онъ приносилъ картины для ознакомленія насъ съ животными и растеніями, и минералы различныхъ породъ. Послѣ его перваго урока, когда онъ сталъ вызывать повторить слышанное, я встала; но меня удержала опытная сосѣдка по классу, объяснивъ потомъ, что я бы получила ото всѣхъ нелестное названіе «сувалки» (институтская брань: суешься, куда не слѣдуетъ). На первомъ экзаменѣ я совершенно случайно отличилась. Maman, бывши на экзаменѣ съ инспекторомъ, обратилась съ вопросомъ къ отвѣчавшей: «изъ чего мы получаемъ хлѣбъ?» О ужасъ! Этого многія не знали. Въ старину, въ мое время, было стыдомъ ходить на скотный дворъ, смотрѣть на работы крестьянъ; поэтому нельзя было и осудить это незнаніе. Студитскій вызвалъ меня, и я разсказала весь процессъ посѣяннаго зерна, объяснила, что̀ значитъ пахать, боронить, сѣять, жать, косить, молотить, молоть и названія земледѣльческихъ орудій. Въ большомъ классѣ мы проходили естественную исторію вторично уже на Французскомъ языкѣ съ г. Менстріе, немолодымъ глухимъ учителемъ, на половину не слыхавшимъ, что̀ ему отвѣчали, но занима-

тельнымъ разсказчикомъ всего видѣннаго имъ (онъ путешествовалъ по всему свѣту). Часы въ его классъ проходили незамѣтно. Часто мы съ нимъ уходили въ физическую комнату, для опытовъ, для осмотра электрическихъ и другихъ машинъ. Физику и естественную исторію проходили мы по книгамъ его сочиненія на Французскомъ же языкѣ, но все-таки не обходились безъ замѣтокъ и объясненій.

Математику мы, какъ начали съ Францемъ Ивановичемъ Буссе, такъ и кончили. Это былъ немолодой, сѣдой профессоръ, директоръ мужской гимназіи, очень строгій и нелюбимый многими. Его привычкою было уходить на конецъ класса, сѣсть на послѣднюю лавочку, оттуда задавать вопросы и смотрѣть, какъ рѣшали задачи вызванныя къ двумъ чернымъ большимъ доскамъ четыре дѣвочки. Это имѣло свою стратегическую цѣль: не было возможности передать что нибудь по poste volante, и ни одна бумажка съ рѣшеніемъ задачъ не ускользала отъ его вниманія. Онъ рѣдко спрашивалъ первыхъ учениць, только при объясненіи новаго урока, заставляя ихъ повторить, ссылаясь на то, что онѣ всегда знаютъ и хорошо отвѣчаютъ, почти никогда не вызывалъ послѣднихъ, говоря, что ихъ никогда ничему не выучишь, и занимался исключительно со средними, что̀ было совершенно вѣрно. Среднія очень поправлялись и занимались охотнѣе. Одинъ разъ онъ до того осерчалъ, вызвавъ одну изъ тупицъ, которой задалъ самый пустяшный вопросъ, что сказалъ: «кто глупѣе осла?» — «Нѣмецъ!» отвѣчала та безъ запинки. Въ маленькомъ классѣ онъ всегда прибѣгалъ, объясняя дроби, къ числу лицъ, составлявшихъ кучки, потому что зналъ всѣ обычаи, названія и выраженія институтокъ.

По французски училъ насъ m-r Bernard. Кромѣ чтенія, списыванія съ книги переводовъ и граматики, онъ заставлялъ насъ разсказывать, хотя и съ ошибками, что̀ насъ окружало, что̀ дѣлали, что̀ носили, чѣмъ были больны, что̀ кушали и проч.; потомъ, исправивъ наши фразы, заставлялъ учить на память. Мы сдѣлали у него большіе успѣхи; онъ никогда не говорилъ по русски, какъ и Левріе въ старшемъ классѣ.

Нѣмецкій языкъ всегда былъ нелюбимымъ нашимъ предметомъ, кромѣ Нѣмокъ, конечно. Въ маленькомъ классѣ преподавателемъ его былъ г. Эрнстъ, гораздо умнѣе и дѣльнѣе преподавателя старшаго класа, г. Эйринга. Многія говорили хорошо по-нѣмецки, но писали плохо, вѣроятно потому, что выписанныя изъ Риги бонны едва ли сами умѣли писать правильно. Эйринга мы не взлюбили при самомъ переходѣ. Это былъ скорѣе актеръ, который могъ бы подвизаться успѣшно во всякой шутовской роли. Онъ былъ толстякъ, съ красными руками и оттопыренными пальцами, въ поношенномъ платьѣ и измятой сорочкѣ; онъ старался игриво и по дѣтски обращаться со стар-

шимъ классомъ. Отъ него всѣ брезгливо сторонились; онъ не имѣлъ привычки читать лекціи съ каѳедры, а обыкновенно ходилъ тихо и медленно по классу, передъ скамейками учениць. Передъ каждою ученицей на пюпитрѣ лежали книги и тетради, могущія понадобиться; крышки пюпитровъ строго запрещалось открывать во время урока. Я сидѣла четвертая отъ окна и, какъ всѣ сидѣвшія въ первомъ ряду, разстилала бѣлую бумагу, чтобы Эйрингъ не опирался своими противными руками на наши книги и тетради, объясняя это классной дамѣ необходимостью замѣтокъ. Совершенно случайно попалъ кусокъ col à bouche (я подклеивала что-то въ тетрадяхъ). Когда Эйрингъ въ страшномъ возбужденіи размахивалъ руками, поднималъ ихъ къ верху, опирался на разложенную бумагу, закрывалъ глаза и жалостнымъ голосомъ разсказывалъ одну изъ жалостныхъ Нѣмецкихъ трагедій (Эмилію Галотти), къ поднятымъ его рукамъ прилипъ листъ. Всѣ разсмѣялись. Эйрингъ разсвирипѣлъ; подозрѣвая меня въ намѣренно устроенной шалости, онъ сбавилъ мнѣ балъ и, не смотря на мое стараніе и успѣхи, ставилъ среднія отмѣтки. Жаловаться никогда не было въ обычаѣ на старшій классъ; мы могли отомстить или плохими отвѣтами, или наивнымъ обличеніемъ неправды предъ начальствомъ. На второй годъ нашего перехода въ большой классъ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, часто посѣщавшій Институтъ и знавшій по фамиліямъ лучшихъ учениць, на мое счастье пріѣхалъ къ намъ на урокъ Нѣмецкаго языка; занявъ, по обыкновенію, мѣсто рядомъ съ классною дамой за столомъ, передъ окномъ и посмотрѣвъ отмѣтки, онъ сказалъ m-lle Араловой, дежурной въ классѣ, вызвать четырехъ дѣвицъ, самъ задалъ тему на сочиненіе и заставилъ насъ писать на доскѣ. Мнѣ, какъ болѣе слабой по отмѣткѣ, задалъ онъ написать письмо къ родителямъ о болѣзни. Я скоро написала; онъ просмотрѣлъ, поправилъ (строго относился къ непоставленнымъ знакамъ препинанія), сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ изъ литературы и собственноручно поставилъ 12 баловъ. Его императорское высочество настолько былъ милостивъ и внимателенъ, къ тому же имѣлъ прекрасную память, что, посѣтивъ Московскій Екатериненскій институтъ во время отвѣта сестры моей въ его присутствіи, передалъ ей, якобы отъ меня, посланный поклонъ, чего я не дерзнула бы сдѣлать; а нѣкоторымъ изъ воспитанниць передавалъ поклоны отъ ихъ братьевъ правовѣдовъ и обратно.

Въ младшемъ классѣ Іогансонъ училъ чистописанію, а рисованію въ обоихъ классахъ учились: рисовать цвѣты у г. Мухина, а головы и фигуры у г. Мохначева, при чемъ чередовались, рисуя то съ однимъ, то съ другимъ учителемъ.

Танцамъ учила насъ въ маленькомъ классѣ актриса, а въ старшемъ замѣнилъ ее актеръ Шелиховъ; въ маленькомъ классѣ я рѣдко танцовала, но все-таки выучилась танцовать менуэтъ, гавотъ и Польскій; эти три танца танцовали всѣ воспитанницы на выпускѣ. Хотя я дома порядочно знала музыку (мать была хорошая музыкантша), но въ Институтѣ уроки стоили дорого у лучшихъ преподавательницъ, во главѣ которыхъ стояла m-lle Бендеръ. Одна ея громадная фигура производила на меня непріятное впечатлѣніе. Она была Англичанка, съ пронзительнымъ голосомъ и наводила на меня ужасъ, который увеличивался разсказами объ ея строгостяхъ: она била по рукамъ карандашемъ почтенныхъ размѣровъ, такъ что пальцы распухали. Однажды былъ случай съ ея ученицей М., которая готовила урокъ на фортепіано, заданный Бендеръ на этотъ день. Погруженная въ правильное исполненіе звуковъ, она не слыхала, какъ дверь отворилась, и двѣ дамы, стоявшія за ней, спросили: «гдѣ же всѣ ученицы?» Она встала по правиламъ Института, сдѣлала реверансъ и вѣжливо отвѣчала, что въ столовой, но что она не имѣетъ права проводить ихъ, репетируя урокъ музыки, да еще заданный Бендеръ, которая спуску не дастъ. Не окончила она своихъ жалобъ, какъ раздался мягкій звукъ колокольчика. М. собрала свои ноты и помчалась по парадной лѣстницѣ въ столовую, чтобъ занять свое мѣсто по росту. Большія ростомъ сидѣли за первымъ столомъ, гдѣ во главѣ стола съ краю стояло всегда пробное кушанье для царскихъ особъ и высокихъ посѣтителей. Когда М. вошла въ столовую, то за ней показались двѣ дамы, предъ которыми распахнулись обѣ половинки двери; новенькая М. не видала еще ни разу Наслѣдницы-цесаревны. Мы привѣтствовали ея императорское высочество восторженнымъ привѣтствіемъ: «Bonjour, Votre Altesse Impériale!» Ея высочество съ фрейлиной Долгоруковой вошла, улыбаясь, въ столовую, узнала дѣвицу, откровенно ей отвѣчавшую, сѣла возлѣ нея на скамейку и милостиво съ ней говорила.—Въ другой разъ она изволила прибыть такъ же неожиданно и прослѣдовала въ классъ въ половинѣ пятаго, во время урока Закона Божія. Назначенныя обѣдать у maman уже отправились въ столовую; m-lle Аралова сняла свои палевыя перчатки и положила на столъ, зная по традиціямъ Института, что въ неурочное время высокіе посѣтители не бываютъ. Священникъ въ старой рясѣ уже кончалъ вызывать дѣвицъ, какъ послышалось смятеніе въ коридорѣ, раздался звонъ царскаго колокольчика, обѣ половинки двери отворились, и взошла нежданная высокая посѣтительница съ фрейлиною. Всѣ съ восторгомъ ее привѣтствовали; она прошла къ столу, сѣла на стулъ классной дамы, взяла журналъ и вызвала нѣсколькихъ дѣвицъ. Отвѣчали прекрасно, въ особенности отли-

чилась Дружинина, которой пришлось отвѣчать объ обязанностяхъ къ Государю и Отечеству. Высказавъ благодарность законоучителю, ея высочество, въ сопровожденіи всего институтскаго персонала, обошла всѣ классы, посѣтила лазаретъ, гдѣ я лежала больная въ постели, сѣла ко мнѣ на кровать, распрашивала подробно: что̀ болитъ, чѣмъ кормятъ, довольна ли я уходомъ, и все по-русски. Потомъ она погладила меня по головѣ, а я поцѣловала ей руку, осчастливленная, что видѣла ее такъ близко и удостоилась разговора. Узнавъ, что я изъ перваго садоваго отдѣленія, она сказала, что дѣти очень хорошо отвѣчали свой урокъ и что она довольна отвѣтами. Затѣмъ, вставъ съ постели и обратясь ко мнѣ, изволила прибавить: «Выздоравливай скорѣе!». Къ приходу Цесаревны все убрали, перемѣнили бѣлье и безъ того всегда чистое, а m-me Ридигеръ и ея помощницы суетились, хлопотали, приводя все въ порядокъ, и получили нѣсколько благодарныхъ словъ отъ ея высочества. Иногда случалось, что ея посѣщенія, всегда неожиданныя, совпадали съ свободными отъ занятій часами; тогда всѣ собирались или въ садъ, или въ рекреаціонную залу. Она имѣла обыкновеніе ходить взадъ и впередъ, окруженная дѣвицами всѣхъ классовъ, приказавъ предварительно распустить ихъ на свободу и не держать колоннами по отдѣленіямъ. Дѣвицы всѣ стремились, перебивая и подталкивая одна другую, приблизиться къ ея высочеству и, когда при концѣ аллеи или въ концѣ залы, она изволила обращаться назадъ, то шедшія назади становились впереди и шли задомъ до слѣдующаго неожиданнаго поворота ея высочества. Иногда она останавливалась, подзывала какую-нибудь дѣвочку и спрашивала ее о многихъ предметахъ; слѣдствіемъ этихъ разспросовъ была выдача намъ даромъ нѣкоторыхъ вещей: тетрадей, карандашей, перьевъ, гребней, щетокъ, мыла и другихъ мелочей, покупавшихся нами. Случайно она получила правдивый отвѣтъ отъ маленькой дѣвочки на вопросъ, когда были въ банѣ, отвѣтъ совершенно противоположный отвѣту начальства. Она изволила выразить свое неудовольствіе и сказала намъ: «Дѣти, говорите одну правду, я только этого и требую; берегитесь лжи». Исполняя это ея приказаніе, мы часто высказывали истины, не нравившіяся начальству, и оно не преслѣдовало той, которая ихъ говорила, такъ какъ боялось, что можетъ дойти до свѣдѣнія Цесаревны. Такъ въ одинъ изъ обѣдовъ, въ присутствіи принца Ольденбургскаго, сидѣвшаго во главѣ стола и пробовавшаго кушанья изъ мисокъ и блюдъ, подали пробную миску съ габеръ-супомъ, котораго мы терпѣть не могли; да еслибъ кто и вздумалъ изъ насъ выловить черносливъ и изюмъ, то подвергся бы презрѣнію всего класса; разъ навсегда было положено никогда не дотрогиваться до него. Видя, что тарелки стоятъ нетронутыми, принцъ

замѣтилъ: «Pourquoi est-ce que vous ne mangez pas?»—«Nous ne l'aimons pas, votre Altesse Impériale».—«Et pourquoi pas? L'est très bon. Je l'aime bien moi».—«C'est si naturel, Votre Altesse Impériale; c'est Votre soupe nationale». Съ этихъ поръ супа не подавали, и намъ за это не досталось. Сколько разъ заставляли насъ краснѣть маленькія! Однажды четвертушка Пекеръ потеряла въ саду свой башмакъ во время толкотни въ толпѣ. Башмакъ, по несчастію, попался на дорожкѣ принцу Ольденбургскому; онъ поднялъ его на саблю, и владѣтельница злополучнаго башмака получила его отъ его высочества съ глубокимъ реверансомъ. Покойная императрица Марія Александровна удивляла насъ знаніемъ Русскаго языка, а еще болѣе Закона Божія и житія Русскихъ святыхъ. Говорятъ, что Николаевскія институтки были оставлены еще на годъ за плохіе отвѣты по этимъ предметамъ; это мы слышали отъ своего инспектора Ободовскаго. Императрица Александра Ѳеодоровна удостоивала насъ рѣдкимъ посѣщеніемъ; обыкновенно знали заранѣе объ ея пріѣздѣ. Она входила въ классъ, садилась на скамейку рядомъ съ институткою и, подобно Маріи Ѳеодоровнѣ, какая-нибудь счастливица снимала съ нея теплые сапожки и надѣвала изящныя туфельки, подаваемыя фрейлиною. Не могу утверждать, но я слышала, что она не носила другихъ туфель, какъ подносимыхъ институтками; я могу только подтвердить, что отъ одного нашего Института (а ихъ сколько въ Россіи!) вышивалось болѣе трехъ паръ; это былъ верхъ изящества, роскоши и вкуса. Она обходила всѣ классы, лазаретъ, проходила въ садъ, и мы всѣ толпою ее окружали; она изволила обращаться къ намъ съ вопросами всегда на Французскомъ языкѣ. Но въ мое пребываніе она не присутствовала ни на одномъ урокѣ, ни на одномъ экзаменѣ, и мы сомнѣвались, понимала ли она по-русски *).

Въ Февралѣ 1854 года мы были всѣ заняты однимъ вопросомъ: кто поѣдетъ на выпускъ къ Смольнянкамъ, а въ 1855-мъ къ Патріоткамъ. Выбирались лучшія ученицы, и обязательно ѣздили сестры. Въ назначенный день выпуска, обыкновенно въ Февралѣ, присылались придворныя кареты, и дѣвицъ 20 избранницъ, одѣтыхъ въ бѣлыя изящныя платья съ пунцовыми лентами и кушаками, отправлялись съ начальницей, инспектрисой и класной дамою къ нимъ въ гости. Послѣ угощенія чаемъ, хозяйки приглашали насъ въ залу осматривать выставленныя работы и подарки императорской фамиліи, а равно и рисунки выпускныхъ, назначенные также на подношеніе. На каждой работѣ и рисункѣ приколота была записка съ фамиліей, чья работа

*) О ея знаніи Русскаго языка свидѣтельствуютъ ея письма къ В. А. Жуковскому въ 4-й тетради „Русскаго Архива“ 1897 года. П. Б.

и кому назначалась. Эта выставка роскошныхъ, дорогихъ работъ и изящныхъ рисунковъ повторялась во всѣхъ трехъ нашихъ первоклассныхъ институтахъ; весь порядокъ выпускныхъ, публичныхъ и царскихъ экзаменовъ былъ одинъ, съ программой музыки, пѣнія и танцевъ. Вѣдь подарки и рисунки готовились въ продолженіе трехъ лѣтъ. Въ Смольномъ намъ и Патріоткамъ любезно все показывали хозяйки-Смольнянки, пока насъ не усадили на скамейки за колонны въ залѣ слушать музыку и пѣніе выпускныхъ дѣвицъ, смотрѣть на танцы, которые кончались традиціоннымъ pas de châle, изображавшимъ громадную букву имени царствующей императрицы. По окончаніи торжества я просидѣла съ сестрою, бывшею въ голубомъ классѣ, до ужина, и говорила съ ея милыми подругами. Тоже самое повторялось и на выпускѣ Патріотокъ и нашемъ.

Во все время пребыванія моего въ Институтѣ инспекторъ и учителя не позволяли себѣ дѣлать никакихъ замѣчаній дѣвицамъ; но за то выговоры и замѣчанія слышали мы въ изобиліи отъ инспектрисъ, классныхъ дамъ и пепиньерокъ и иногда за такіе пустяки, о которыхъ не стоило и говорить, что̀ только озлобляло виновную, а не исправляло ея. Все отдѣленіе провинившейся собирали въ классъ или дортуаръ, и начинались выговоры, укоризны и увѣщанія. Если классную даму любили, цѣнили ея правдивость и безпристрастность, то ее слушали и стыдили дѣвочку. Многія изъ воспитательницъ дѣлали великія ошибки и часто непоправимыя: вмѣсто того, чтобы пожурить виновную наединѣ, онѣ выставляли ее на посмѣшище подругъ. Это дѣлалось большею частію невольно, по безпечности, по незнанію характеровъ; но это не забывалось и не прощалось, въ особенности если классную даму не любили, заподозривали въ пристрастіи, и тогда ея рѣчи были для всѣхъ пустыми звуками и втихомолку подвергались насмѣшкамъ; провинившуюся дѣвочку не наказывали презрѣніемъ, а сожалѣли, и классная дама не могла пріобрѣсти прочнаго вліянія на своихъ воспитанницъ. Проступки были слѣдующіе: плохо причесана голова, говорила во время урока, сидѣла сгорбившись и въ пелеринкѣ, забыла ключъ въ дортуарѣ отъ стола, запачкала чернилами руки, опоздала встать и лежала послѣ звонка на кровати и т. д. Наказывать безъ обѣда и снимать передникъ съ провинившейся было запрещено принцемъ Ольденбургскимъ. За особенныя дерзости или за какой нибудь проступокъ, изъ ряда выходившій, не пускали къ роднымъ во время пріема, или не пускали кататься на Масляницу, или исключали изъ числа обѣдающихъ у maman; но эти наказанія были очень рѣдки.

Кромѣ музыки и уроковъ рисованія нѣкоторыя брали уроки Англійскаго и Итальянскаго языковъ. Французскій и Нѣмецкій языки про-

ходили всѣ дѣвицы, за исключеніемъ Софи Трубецкой, которой разрѣшено было не знать по-нѣмецки; но ее заставляли усиленно заниматься Русскимъ языкомъ, такъ что къ концу выпуска она выучилась говорить и писать, а пріѣхала со знаніемъ двухъ словъ: мужикъ и розги. Эта прелестная дѣвушка была вдобавокъ ласкова и сердечна; ее обожали десятками и большія, и маленькія институтки. Послѣ выпуска ее сдѣлали фрейлиной, и она вышла замужъ за герцога Морни, а по смерти его вторично, за Испанскаго гранда герцога Сесто.

Кромѣ концертовъ, ёлокъ и масокъ, дозволялось играть на театрѣ, который находился въ третьемъ этажѣ, на концѣ дортуаровъ маленькаго класса, всегда запертой. По разрѣшенію начальства его убирали, ставили декораціи между арокъ, очень удобно устроенныхъ, для постановки пьесъ, которыя выбирались съ дозволенія начальства, въ родѣ: Bosières de la Salency, въ большомъ классѣ. Меня также выбрали играть въ какой-то піесѣ, не помню названія, гдѣ высмѣивали Англичанку, говорившую по-французски. Эту роль играла наша первая ученица очень типично, такъ какъ она знала и по-англійски. Декораціи мы поправляли сами, т. е. разрисовывали ихъ; сами шили костюмы или брали у родныхъ; сами писали афиши и билеты, стараясь ихъ получше разрисовать. На представленіе собиралось много родныхъ, начальство, учителя, попечители Института и очень рѣдко принцъ Ольденбургскій. Въ антрактахъ играли на фортепіано наши лучшія музыкантши. Въ старшемъ классѣ посылали насъ, по приказанію Императрицы, въ образцовую кухню, по одной изъ отдѣленія, и каждая изъ насъ радовалась, когда приходила ея очередь. Чистая Нѣмка, въ бѣломъ чепцѣ и фартукѣ, готовила все сама, разсказывая намъ какъ что̀ дѣлать. Каждая изъ насъ носила пробное кушанье къ maman, изготовленное, яко-бы, нами; мы были очень счастливы, что могли помогать въ стряпнѣ, но не вынесли никакого существеннаго знанія въ кулинарномъ искусствѣ; мнѣ пришлось тамъ быть всего раза два. Иногда и въ кухню заглядывали важныя особы, недалеко ушедшія въ знаніи по этому предмету.

Слухъ о Восточной войнѣ давно безпокоилъ насъ и тяготилъ: вѣдь у каждой изъ насъ болѣло сердце за близкихъ родныхъ или знакомыхъ. Неудачи огорчали и оскорбляли наши чувства, и мы старались по мѣрѣ силъ быть полезными: щипали корпію, шили рубашки для раненыхъ, устроили лотерею изъ своихъ работъ и жертвъ и собрали до тысячи рублей, отосланныхъ имъ въ помощь. Слухи одни другихъ печальнѣе доходили до насъ. Въ особенности поражены мы были извѣстіемъ о выходѣ гвардіи изъ Петербурга: значитъ, дѣла наши были плохи! Быть можетъ, много распространялось прибавленій и пе-

вѣрныхъ критическихъ замѣчаній, но мы съ жадностію ловили голословныя заявленія; вѣрили безусловно многимъ роднымъ и знакомымъ, близко стоявшимъ въ высшей администраціи, и г. Вержбиловичу, сообщавшему намъ много интереснаго и называвшаго Севастополь бойнею, куда посылаются наши молодыя силы. Сужденія его были рѣзки и правдивы, я могла ихъ впослѣдствіи провѣрить съ разсказами двухъ моихъ братьевъ, участвовавшихъ въ войнѣ: одинъ (младшій) былъ переведенъ въ Севастополь изъ уланъ, во Владимирскій пѣхотный полкъ, отличился съ охотниками, былъ контуженъ въ голову и грудь, вслѣдствіе чего вскорѣ лишился разсудка и теперь живетъ у меня. Второй (старшій) прошелъ туда изъ гвардіи. Часто толковали они при мнѣ о составленіи правдивыхъ сказаній о войнѣ, и я знаю, что старшимъ были подробно написаны замѣтки о томъ; но когда онъ хотѣлъ ихъ напечатать, то ему ихъ возвратили съ письмомъ его знакомаго генерала Г., и теперь еще находящагося въ живыхъ, слѣдующаго содержанія: «Любезный товарищъ, ваши записки превосходны, но несвоевременны; много дѣйствующихъ лицъ еще живо». А когда императору Александру III, тогда еще Наслѣднику-цесаревичу, какъ и его святой покойной матери Императрицѣ, захотѣлось узнать одну правду, хотя и предосудительную, о Восточной войнѣ и собрать всѣ свѣдѣнія о ней, а въ особенности объ оборонѣ Севастополя, то старшій братъ умеръ, а куда дѣвались его записки, неизвѣстно.

Мы переносили всѣ гоненія за то, что въ назначенный день не говорили по французски и съ гордостью носили вырѣзанный изъ картона языкъ, надѣваемый на шнуркѣ на шею въ наказаніе; наказывали презрѣніемъ Француза и Англичанку Бендеръ и за ихъ жалобы терпѣли выговоры и замѣчанія. Въ одинъ изъ такихъ печальныхъ дней, когда m-lle Аралова поутру читала намъ вслухъ реляціи князя Горчакова и со своею всегдашнею наивностью въ числѣ убитыхъ прочла имена двухъ братьевъ дѣвушки перваго садоваго отдѣленія Нади Попандопуло, мы всѣ обернулись въ ея сторону и увидали ее горько плакавшею; она едва сквозь слезы проговорила: «Слава Богу, что они умерли за царя и отечество». Мы почти всѣ бросились ее утѣшать, сознавая, что и мы не избѣгнемъ той же участи. Въ этотъ день за обѣдомъ у maman (гдѣ кромѣ двухъ насъ очередныхъ ежедневно обѣдали ея племянница, Соня Трубецкая и Наташа Черевина) были и важныя особы; конечно безъ разговоровъ о войнѣ не обошлось. Дуничка Родзянко, болѣе рѣшительная и правдивая, вмѣшавшись въ разговоръ, замѣтила: «Сколько въ исторіи восхваляютъ героинь Греціи и Рима, а въ настоящее время сколько ихъ найдется у насъ по нашей пространной Россіи; возьмите примѣръ хотя въ нашей подругѣ

Попандопуло: у нея убито два брата, единственная поддержка семьи, горе ея безвыходное, а съ какимъ героизмомъ сказаны были ею слова: Слава Богу, что братья умерли за царя и отечество!» Навѣрно не знаю кто (говорятъ, maman) довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Императрицы, пожелавшей увидѣть Надю и наградившей ее подаркомъ, а послѣ наведенныхъ справокъ оказалось, что остался у нея одинъ старикъ-отецъ безъ средствъ; ему по высочайшему повелѣнію выдали пенсію въ тысячу рублей, которая послѣ его смерти перешла къ дочери. Maman всегда старалась быть полезною; къ тому-же она была очень добра и справедлива, ласкала и утѣшала, если у кого было горе или несчастіе и посылала въ лазаретъ больнымъ то одного, то другого лакомства. Это была исключительно-Русская барская натура. Она предлагала богатымъ роднымъ платить за музыку или другіе уроки, если дѣвочка не имѣла средствъ, а имѣла желаніе или необходимость, и дѣлала это такъ внушительно, что не получала отказа. Да и приглашеніе обѣдать къ себѣ много помогло намъ послѣ выпуска въ умѣніи держать себя въ обществѣ. Съ ея кончиной, говорятъ, въ числѣ многихъ нововведеній честь обѣдать у maman уже не выпадаетъ болѣе на долю институтокъ.

Въ большомъ классѣ потрясло насъ событіе, изъ ряда выходящее: это смерть классной дамы Семеновой. Насъ водили прощаться съ ней въ церковь, во время чтенія псалтиря какимъ-то необыкновенно-страннымъ человѣкомъ, у котораго одна сторона лица нервно дергалась; долго боялись мы его и ночью отъ страха будили одна другую. Говорятъ, что она умерла отъ огорченія; у нея пропали деньги, которыя она скопила въ Институтѣ; кто ихъ похитилъ, никакъ не могли открыть. Мы еще съ переходомъ въ старшій классъ стали замѣчать, что то у одной, то у другой изъ насъ пропадаютъ вещицы поцѣннѣе; хотя мы не смѣли имѣть денегъ, но у большей части онѣ были, и тоже пропадали. Въ нашемъ классѣ была одна дѣвочка, очень богатая, у которой была манія—присвоенія чужой собственности: карандашей, тетрадей, наперстковъ; у кого что̀ пропадало, прямо обращались къ ней, она отдавала назадъ; или сами брали изъ ея ящиковъ. Но цѣнныхъ вещей она никогда не трогала. Когда пропало у maman изъ столовой серебро (уже послѣ нашего выпуска), открылось, что воромъ былъ нашъ институтскій слесарь Штейнъ. Онъ поддѣльнымъ ключемъ отпиралъ шкапы въ классѣ и шкатулки дѣвицъ, съ хранившимися тамъ цѣнными вещами, а также столы въ дортуарахъ, и выбиралъ что̀ ему нравилось. У него во время обыска нашли много мелочей: колецъ, брошекъ, крестовъ, цѣпочекъ, черепаховыхъ гребней, несесеровъ и проч. Я также поплатилась: у меня пропала въ день

выпуска золотая цѣпочка съ крестикомъ и три золотыя кольца. Скорѣе всего они были украдены во время обѣда.

Съ разрѣшенія начальства бывшія институтки вѣнчались у насъ въ церкви, и мы съ любопытствомъ поджидали прохода по коридору свадебнаго кортежа. Мнѣ памятнѣе всего свадьба Вѣры Владимировны Панаевой съ Толстымъ; многія ее обожали. Это была чудная, красивая дѣвушка и прелестна въ своемъ бѣломъ свадебномъ платьѣ.

Въ продолженіе трехъ лѣтъ старшаго класса нами приготовлялись работы для подношенія царственнымъ особамъ, нашимъ и иностраннымъ, которыя, посѣщая Институтъ, всегда присылали гостинцы. Болѣе всего мнѣ памятны присылки конфетъ и мороженаго отъ императрицъ, принца Ольденбургскаго и Персидскаго шаха, приславшаго нѣсколько пудовъ конфетъ съ чудными картинками и вещицами. Мнѣ въ числѣ конфетъ досталась одна съ брошкой. Ему за это поднесли прелестно-вышитую подушку. Къ концу нашего выпуска императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ готовили прелестный сѣрый капотъ изъ мягкой шерстяной матеріи, вышитый широкимъ узоромъ подъ цвѣтъ шелками, суташемъ и тесемочками; императрицѣ Маріи Александровнѣ шитый бѣлый батистовый капотъ, а болѣе прелестно вышитое платье великой княжнѣ Маріи Александровнѣ (broderie anglaise). Богатую изъ золотого глазета салфетку, съ наложенными изъ бархата цвѣтами, прикрѣпленными шелками и блестками, поднесли мы великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Кромѣ этихъ подарковъ приготовлено было нѣсколько паръ изящно вышитыхъ по бархату шелками и золотомъ туфель, подушекъ. Въ бѣлошвейной мастерской, кромѣ тонкаго бѣлья, которое шилось нами и отдавалось неизвѣстно кому, въ продолженіе трехъ лѣтъ вышивался коверъ въ спальню Императрицы; за составленіе узора для него было дорого заплачено одному знаменитому художнику; коверъ состоялъ изъ 12-ти или болѣе кусковъ, чтобы удобнѣе было вышивать нѣсколькимъ дѣвицамъ съ обѣихъ сторонъ. Изъ нарисованныхъ картинъ лучшія выбирались и подносились въ подарокъ высокопоставленнымъ лицамъ, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ. Мою картину (Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ) назначили митрополиту Никанору, а св. Варѳоломея—кому-то изъ архіереевъ. На каждой работѣ обозначалось на приклеенномъ билетикѣ, кто работалъ, или кто рисовалъ и кому назначалось.

Въ 1855 году усиленно начались и научныя занятія: мы сильно боялись инспекторскихъ экзаменовъ, гдѣ производилась дѣйствительная оцѣнка познаній, а публичные и царскіе экзамены были только исполненіемъ торжественныхъ обычаевъ, на коихъ присутствовали царскія особы, родные и знакомые. Но репетиціи къ нимъ насъ изводили: какъ

встать, какъ подходить, отходить, брать билеты, дѣлать ровно и граціозно реверансъ и прочія мелочи. Репетиціи начались съ 8 Января вскорѣ послѣ окончанія инспекторскихъ экзаменовъ, на которые соединяли оба отдѣленія. На этихъ экзаменахъ, продолжавшихся три дня, присутствовали только принцъ Ольденбургскій, министръ народнаго просвѣщенія, генералъ Броневскій, графъ Борхъ, а на Законѣ Божіемъ духовныя свѣтила церкви. Институтокъ вызывали по алфавиту къ столу по десяти въ рядъ, и онѣ отвѣчали по вопросамъ или по билетамъ.

Въ Февралѣ 1855 года стали говорить о болѣзни Императора. Зная его сильную натуру, мы ничего не подозрѣвали, какъ 18 Февраля утромъ было получено ужасное извѣстіе, что здоровье его плохо. Въ 10½ час. утра весь Институтъ собрался въ церковь слушать молебенъ и просить Всевышняго о ниспосланіи исцѣленія обожаемому Монарху. Непритворныя слезы лились у многихъ; не только мы, дѣти, любили и умѣли цѣнить его, но кто-же не любилъ этого съ виду суроваго, но всегда справедливаго Государя за его нравственныя качества? Даже у насъ, такихъ юныхъ и незрѣлыхъ въ дѣлѣ житейскомъ, потихоньку говорилось, что вѣнценосный страдалецъ умеръ вслѣдствіе того, что узналъ о многихъ злоупотребленіяхъ своихъ приближенныхъ, которые обманывали его, почти всѣ мудрыя распоряженія его или искажали, или не выполняли, а доносили ему все въ превратномъ видѣ. Это поняли и мы, дѣвочки, и еще болѣе жалѣли Государя. Эти вѣсти доходили къ намъ отъ братьевъ и отъ многихъ знакомыхъ и родныхъ нашихъ институтокъ, которые прекрасно знали все, что̀ дѣлается въ придворныхъ сферахъ, а нѣкоторые даже сами стояли высоко при дворѣ, но говорили тихо, опасаясь, чтобы ихъ не коснулись подозрѣнія.

Въ половинѣ второго часа maman сама пришла къ намъ сказать, что Императора не стало. Повсюду поднялись страшныя рыданія, горе было всеобщее, потрясающее, неожиданное, единодушное и искреннее. Насъ увели въ дортуары, гдѣ мы, заливаясь слезами, разсказывали одна другой про всѣ слухи о его болѣзни и про разныя происшествія на театрѣ войны. Письма, посылаемыя оттуда, не отдавались намъ и большею частію пропадали, что̀ я испытала на себѣ; вѣдь нераспечатанное письмо никогда не отдавалось воспитанницѣ. Мы понимали, въ какое время скончался Императоръ. Къ тому-же ходили слухи, что фабричные и народъ бунтуютъ, приписывая смерть такого здороваго, полнаго силъ Монарха отравѣ, которую будто поднесъ ему лейбъ-медикъ Мандтъ, взявъ за это громадную сумму съ Англичанъ; что толпа требовала выдачи Мандта, отправилась къ его дому, съ цѣлью его убить, но будто-бы его спрятали въ Зимнемъ дворцѣ. Всѣ находившіяся со

мною въ одно время въ Институтѣ не откажутся въ томъ, что это все говорилось и выдавалось за истину.

Намъ сшили трауръ, передники изъ чернаго кашемира, дали черные платки и объявили, что пансіонерокъ покойнаго Императора повезутъ въ крѣпость прощаться. А сколько изъ насъ придумывали средства бѣжать изъ Института, чтобъ въ послѣдній разъ посмотрѣть на незабвенныя черты, помолиться и поклониться его праху! Конечно это были однѣ мечты; была-ли возможность уйти изъ Института? И такъ только однѣ пансіонерки его удостоились этого печальнаго счастія. И опять, какъ всегда, въ придворныхъ каретахъ въ назначенный часъ насъ повезли въ крѣпость. Мы были потрясены и горько плакали: торжественно-печальная обстановка сильно на насъ дѣйствовала; тихое чтеніе священника, на возвышеніи гробъ, покрытый бѣлой кисеей, вездѣ черный бархатъ съ горностаями и глубокій трауръ. На ступенькахъ, ведущихъ къ гробу, стояли офицеры съ саблями на-голо̀. Лицо его было закрыто кисеей или бѣлымъ батистомъ; мы его не видали, цѣловали икону черезъ покрывало и руку покойнаго. Стоявшая у изголовья графиня Баранова намъ указала, куда прикладываться. Въ изголовьѣ на маленькихъ табуретахъ, покрытыхъ золотою парчею, лежали регаліи покойнаго, и здѣсь-же стоялъ горько плакавшій сѣдой генералъ; намъ сказали, что это Ермоловъ. Мы не успѣли даже оглянуться, какъ насъ поспѣшили увести, такъ какъ начиналась придворная панихида.

Въ продолженіе этого печальнаго года мы кончили весь курсъ наукъ и готовились къ выпускнымъ экзаменамъ. Въ промежуткахъ насъ посѣщало много придворныхъ лицъ; болѣе всѣхъ на меня сдѣлала впечатлѣніе своимъ траурнымъ костюмомъ графиня Баранова; ее прислала императрица Марія Александровна присутствовать на какомъ-то урокѣ. Одѣта она была въ длинное съ шлейфомъ черное суконное платье съ бѣлымъ полотнянымъ воротничкомъ и рукавчиками, а на головѣ батистовый бѣлый чепецъ съ широкой оборкою, нагофренною кругомъ лица. Моя бабушка всегда носила подобные, и я съ умиленіемъ на нее смотрѣла.

Наконецъ, послѣ Рождества, начались и самые экзамены. Экзаменъ Закона Божія продолжался три дня, и хорошо отвѣчавшихъ maman звала къ себѣ завтракать вмѣстѣ съ гостями. Это было верхомъ ихъ счастія, потому что почти всѣ обожали архіерея Макарія (позднѣе митрополита Московскаго). Онъ дивно былъ божественъ въ службѣ, и его блѣдное, худое лицо, окруженное черною бородой, и выразительные глаза дѣлали его святымъ. Сколько спрятано было у многихъ на память лоскутковъ бумажки, гдѣ онъ отмѣчалъ отвѣты дѣвицъ, или бралъ

въ руки записки фамилій отвѣчавшихъ или больныхъ. Мнѣ на экзаменѣ досталось написать на тему: «Освященіе храма и чувства каждаго христіанина въ это время»; по-французски «Si j'étais petit oiseau»; по-нѣмецки «Morgen im Dorfe».

Окончивъ инспекторскіе экзамены, мы были совсѣмъ покойны въ ожиданіи царскихъ и публичныхъ: здѣсь уже не предстояло опасности провалиться; заранѣе каждая знала у кого чтó будетъ отвѣчать. На это обыкновенно составлялись совѣты учителей, которые дѣлили дѣвицъ, долженствовавшихъ отвѣчать у каждаго изъ нихъ. Иногда не обходилось и безъ споровъ между ними: каждому учителю хотѣлось, чтобъ у него отвѣчала лучшая. На публичныхъ экзаменахъ посторонніе вопросы рѣдко предлагались, но на царскихъ очень часто сама Императрица, или пріѣхавшія съ ней особы царской фамиліи и другія почетныя лица, съ ея разрѣшенія, дѣлали вопросы, совсѣмъ неожиданные, на которые слѣдовало отвѣчать съ толкомъ, чего сильно боялись учителя, такъ что они подчасъ старались насъ задабривать, ставя лишній балъ, а иногда какъ будто не замѣчая невниманія хорошей ученицы, занятой перепискою тетради или чтеніемъ книги, чтò строго запрещалось и наказывалось, если учитель приносилъ жалобу класной дамѣ.

Всѣ выставленныя рукодѣлія и картины смотрѣли родители и посѣтители, которыхъ не пускали иначе какъ по билетамъ, выдаваемымъ институткамъ по ихъ просьбѣ съ надписью, кому они назначаются. Всѣхъ выпускныхъ было 145 дѣвицъ, но многія были взяты до экзамена больныя или не желавшія экзаменоваться. Посѣтители сидѣли за колоннами; но такъ было много желающихъ смотрѣть и присутствовать на выпускѣ, что пріемная зала была полна, и молодежь стояла большими толпами за лавочками. Въ нашемъ выпускѣ, скажу безъ прибавленія, было много красавицъ, и молодежи интересно было посмотрѣть на хорошенькія свѣжія лица, изящныя фигуры, такъ стройно выполняющія танцы въ своихъ бѣлыхъ, воздушныхъ, одинакихъ платьяхъ съ пунцовыми лентами. Въ особенности безукоризненно исполнили послѣдній танецъ, финалъ, гдѣ самыя большія ростомъ танцовали съ бѣлыми воздушными шарфами изъ газа, среднія съ овальными большими вѣнками и самыя маленькія, изъ четвертушекъ, съ корзиночкой цвѣтовъ въ рукахъ. Все это окончилось изображеніемъ начальныхъ буквъ Императрицы.

Эти два мѣсяца, Январь и Февраль, мы жили точно въ чаду: пріѣзды родныхъ, примѣриваніе платьевъ, бѣлья и прочихъ предметовъ; только и видишь портнихъ входящихъ со свертками въ дортуары или комнаты дамъ и обратно выходящихъ. Вездѣ движеніе, суета, хло-

поты, что-то необыкновенное творилось въ стѣнахъ спокойнаго и всегда чиннаго Института, по всѣмъ коридорамъ слышались смѣхъ, говоръ, и никто уже не смѣлъ возвысить голосъ «Silence, mesdemoiselles». Мы, выпускныя, какъ будто на свободѣ, всѣ ждали, когда Императрицѣ угодно будетъ назначить выпускъ и, главное, царскій вечеръ.

Наконецъ, получено увѣдомленіе отъ двора, что 18 Февраля назначенъ пріѣздъ всѣхъ выпускныхъ въ Зимній дворецъ, гдѣ бала не будетъ по случаю годовщины смерти Императора, а будутъ экзамены, потомъ музыка, пѣніе и танцы, одинаково съ программой публичнаго экзамена. 18 Февраля еще только разсвѣтало, а мы уже всѣ поднялись, толкуя о предстоявшемъ счастіи ѣхать во дворецъ. Всѣ были страшно возбуждены: вдругъ не поѣдемъ во дворецъ, или выпускъ отложатъ? Съ нетерпѣніемъ ждали мы этого памятнаго дня; но когда онъ наступилъ, у большей части выпускныхъ появилась на лицахъ задумчивость и даже грусть! Жаль было и родныхъ институтокъ, и класныхъ дамъ, и начальство, и maman.

Наконецъ, горничныя разложили наши выпускныя платья, каждой по номерамъ на постель; зеленыя мантошки на ватѣ, теплыя калоши и красные шарфы разложены были въ залѣ. Фасонъ платьевъ выбирался всегда самою Императрицею, для чего обыкновенно три или болѣе дѣвушки, за нѣсколько времени до выпуска, въ сопровожденіи maman, ѣздили во дворецъ, гдѣ ея величество удостоивала сама осматривать фасоны платьевъ, которыя всегда и у всѣхъ трехъ первокласныхъ институтокъ были бѣлыя съ различными лентами. У насъ были прелестныя кисейныя платья, съ затканными внизу юбки полосами и съ пунцовыми лентами на плечахъ и поясѣ, у Смольнянокъ—голубыя, у Патріотокъ—бѣлыя. Платья конечно были décolletées и manches courtes, на шеѣ бѣлый газовый шарфъ. За платье мы вносили въ казну десять рублей.

Еще не всѣ были одѣты, какъ пришла инспектриса осмотрѣть нашъ туалетъ и объявить, что пора собираться въ залу, гдѣ каждой выпускной, ѣхавшей за даму, врученъ былъ листокъ съ фамиліями дѣвицъ, которыя отправлялись во дворецъ въ одной каретѣ съ нею. Наконецъ, въ пятомъ часу кареты съ придворными лакеями присланы. Вызвали по фамиліямъ дѣвицъ, ѣхавшихъ съ начальницей въ первой каретѣ, съ инспектрисами, съ класными дамами, а потомъ дѣвицъ, ѣхавшихъ позади. Всѣ поочереди выходили въ швейцарскую, гдѣ послѣ даннаго знака нашимъ институтскимъ полиціймейстеромъ, что всѣ усѣлись, двинулись ко дворцу. По указанію камеръ-лакея, я со ввѣренными мнѣ дѣвицами взошла въ назначенную намъ комнату,

довольно обширную и ярко освѣщенную, во всю длину которой стояли столы, накрытые бѣлою скатертью, и на нихъ множество маленькихъ и большихъ серебряныхъ чайниковъ съ чаемъ и кипяткомъ, съ грудой различныхъ печеній, съ молочниками сливокъ и блюдцами съ лимономъ. Каждая дѣвица наливала себѣ сама и кушала чтò и какъ хотѣла; но всѣ были въ такомъ возбужденіи, что было не до ѣды. Здѣсь передъ зеркалами разложено было все, чтò могло потребоваться изъ принадлежностей туалета. Когда мы поправили свои прически и платья, то насъ отвели въ залу, гдѣ мы ожидали въ страшномъ волненіи раздачи наградъ. Насъ заранѣе учили, какъ подходить, какъ становиться на лѣвое колѣно, чтобъ Императрицѣ было удобнѣе приколоть шифръ къ лѣвому плечу. Въ семь часовъ раздался голосъ инспектрисы: «Mesdemoiselles les chiffrées, avancez. Sa Majesté l'Impératrice vous demande». Десять шиферницъ вышли со всѣхъ концевъ залы и пошли за нею; проходили много комнатъ, но шли такъ скоро, и отъ волненія и ожиданія я не могла ничего вспомнить: все смѣшалось въ головѣ. Но вотъ остановились мы въ большой залѣ, гдѣ находились начальница и инспекторъ. Вся мебель золотая была обита краснымъ бархатомъ или какой-то матеріей; комната была раздѣлена на двѣ половины золотыми столбами, задрапированными красною матеріей, не доходившею до потолка. По срединѣ стояла огромная ваза изъ малахита съ тропическими растеніями, около окна на возвышеніи столикъ съ золотыми ножками, на которомъ лежалъ альбомъ, поднесенный ея величеству кавалергардами, въ числѣ которыхъ были два сына maman, и она обратила наше вниманіе на этотъ альбомъ, почему это и осталось у меня въ памяти. Во всю длину комнаты лежалъ пушистый коверъ, на который послѣ раздачи наградъ споткнулась maman, падая, ударилась о малахитовую вазу или столъ и сломала себѣ руку, такъ что ее немедленно отвезли домой. Это случилось въ то время, когда десять шиферницъ оставались еще на половинѣ императрицы Александры Ѳеодоровны; поэтому я не была свидѣтельницей происшествія, а пишу по наслышкѣ.

Императрица Марія Александровна взошла въ залу вся въ бѣломъ и съ бѣлыми цвѣтами на головѣ, величественная, обожаемая нами; мы всѣ съ восторгомъ ее привѣтствовали. Она передала намъ, что императрица Александра Ѳеодоровна, какъ начала свое царствованіе раздачей шифровъ институткамъ Екатерининскаго института, то и хочетъ окончить нашимъ выпускомъ, а потому насъ десять и повели въ апартаменты Императрицы-матери. Остальныя-же дѣвицы получили золотыя и серебряныя медали изъ рукъ Маріи Александровны.

Насъ привели въ комнату, сравнительно небольшую; въ глубинѣ стоялъ диванъ, обитый синимъ, передъ нимъ овальный столъ, съ правой стороны было два окна, спинами къ которымъ насъ поставили, и мы сдѣлали низкій реверансъ всѣмъ присутствующимъ. Александра Ѳеодоровна сидѣла на креслѣ, выдвинутомъ впередъ стола, на которомъ на серебряномъ подносѣ лежали шифры; подъ ея ногами стояла скамеечка, мягкая, обитая синимъ-же, и кругомъ масса цвѣтовъ и растеній; на диванѣ сидѣла великая княгиня Марія Николаевна съ дочерью Маріею Максимиліановною и стояли дамы, а также и великіе князья Михаилъ и Николай Николаевичи. Мнѣ показалось, что это была таже гостиная, въ которой я была прежде съ княжною Трубецкою. По своему обыкновенію Императрица насъ обычнымъ образомъ привѣтствовала: «Bonjour, mes enfants». Мы не имѣли счастія ее видѣть болѣе года и нашли ея величество сильно измѣнившеюся: глаза были тусклые, голова замѣтно тряслась, и она сильно похудѣла. Обратившись къ нашему инспектору, она приказала читать фамиліи награжденныхъ дѣвицъ, а принцъ подавалъ шифры, и каждая изъ десяти по очереди подходила, становилась на лѣвое колѣно на скамеечку и подставляла лѣвое плечо Императрицѣ, которая прикалывала собственноручно булавкой, подаваемой ей фрейлиной; послѣ чего каждая, поцѣловавъ ручку ея величества, отвѣчала на вопросы, а потомъ, сдѣлавъ низкій реверансъ, отходила задомъ на свое мѣсто къ окну, гдѣ и была удостоиваема милостивыми разговорами присутствующихъ особъ царской фамиліи. А великіе князья, какъ ученики нашего инспектора Ободовскаго, изволили благосклонно обращаться къ намъ съ вопросами о немъ, объ его преподаваніи, строгости и, не смотря на присутствіе Императрицы и этикета, мы не могли не улыбаться шуткамъ ихъ высочествъ.

Начальница и инспекторъ классовъ удалились по раздачѣ шифровъ, чтобы продолжать раздачу наградъ прочимъ дѣвицамъ императрицею Маріей Александровной. Великіе князья подвинули кресло съ Императрицей къ окнамъ, т.-е. къ намъ, и она изволила милостиво говорить съ нами, спрашивать про семейства, куда кто уѣдетъ жить и пр. Мы оставались нѣсколько времени съ одною Императрицею и фрейлиною, пока она не обратилась къ намъ: «Adieu, mes enfants; ma faiblesse ne me permet pas d'assister à votre soirée et voir vos succès». Мы поцѣловали протянутую руку съ большою грустью, вполнѣ увѣренныя, что болѣе ея не увидимъ.

Раздача наградъ окончилась. Десять получили золотыя, десять серебряныя медали и двѣ браслеты, которыя давались дѣвицамъ, поступившихъ въ старшій классъ, учившимся прекрасно, наравнѣ съ

шиферницами, но бывшимъ менѣе трехъ лѣтъ въ Институтѣ, а потому не имѣвшимъ права на шифръ. Насъ отвели въ залу, уставленную рядами стульевъ; по срединѣ стояли рояли, на которыхъ исполнялись тѣже пьесы и тѣми же воспитанницами, что̀ и на публичномъ экзаменѣ, а равно и пѣніе и танцы, послѣ которыхъ надлежало быть балу, отложенному по случаю дня кончины императора Николая.

Здѣсь присутствовала почти вся царская фамилія. Наслѣдникъ-цесаревичъ и великій князь Александръ были въ кадетскихъ мундирчикахъ, какъ мы часто ихъ видали и прежде, а великіе князья Владиміръ и Алексѣй Александровичи были одѣты по-русски, въ бѣлыхъ шелковыхъ рубашкахъ, подпоясанныхъ серебрянымъ поясомъ. Было множество генераловъ и придворныхъ обоего пола. Здѣсь мы удостоились видѣть въ первый разъ великую княгиню Александру Петровну. Потомъ насъ угостили роскошнымъ ужиномъ; сидѣли только за однимъ столомъ и ужинали однѣ институтки, осчастливленныя присутствіемъ великой княжны Маріи Максимиліановны, которая также сидѣла съ нами за ужиномъ, а великая княгиня Марія Николаевна изволила долго разговаривать съ княжною Трубецкой. Потомъ насъ угощали различными фруктами, разносимыми въ огромныхъ вазахъ въ концѣ ужина камеръ-лакеями, и заставляли брать больше тѣхъ, которыя стѣснялись; но масса бутылокъ съ винами на столѣ такъ и осталась нетронутой, въ пользу придворной прислуги.

Каждая изъ насъ получила по бомбоньеркѣ съ конфектами, и мы тѣмъ же порядкомъ возвратились въ Институтъ. Рядомъ, въ другой залѣ, ужинали всѣ начальствующія лица и учителя Института.

Наконецъ, насталъ и день выпуска, день желанный и памятный всѣмъ. Послѣ молебна мы всѣ переодѣлись въ собственныя платья и ходили прощаться съ maman, инспектрисами, класными дамами и со своими обожательницами въ младшій классъ. Но когда началось уже окончательное прощаніе другъ съ другомъ, тогда повсемѣстно послышались рыданія и увѣренія въ дружбѣ, обѣщанія не забывать друзей, писать и пр.

Одно скажу, и скажу истину, что гдѣ и когда бы мнѣ ни случалось встрѣтиться съ институтками моего выпуска, я, кромѣ радости, вниманія и участія, ничего не встрѣчала съ ихъ стороны. Хотя многія по своему общественному положенію стояли очень высоко, но всегда старались помочь и совѣтомъ, и ходатайствомъ своимъ товаркамъ, а многимъ помогали и деньгами и отысканіемъ мѣстъ.

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ КЪ П. Д. ЕРОПКИНУ.

Петръ Дмитріевичъ. Усердіе и любовь ваша ко мнѣ и къ отечеству мнѣ извѣстны. Вѣдаю я, что болѣзненное состояніе принудило васъ отъ дѣлъ взять увольненіе; я о семъ какъ тогда сожалѣла, такъ и нынѣ. Графъ Брюсъ проситъ увольненія отъ нынѣшняго мѣста. По справедливости и по моей къ вамъ довѣренности, сіе принадлежитъ вамъ. Согласитесь, пожалуйста, припять постъ главнокомандующаго въ Москвѣ. Обрадуйте, право, многихъ. Въ ожиданіи вашего отвѣта пребываю, какъ всегда, къ вамъ доброжелательна. Екатерина.

Изъ Царскаго Села.
Іюня 14 ч. 1786 года.

Собственноручный рескриптъ императора Павла о рожденіи великаго князя Михаила Павловича.

(Къ столѣтію со дня его рожденія).

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и Воронежскій губернаторъ Сонцевъ. Въ сей день наша любезнѣйшая супруга, ея величество императрица, благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ намъ сына, которому дано имя Михаилъ. Извѣщая васъ о таковомъ пріятномъ происшествіи, знаменующемъ новую благодать Всевышняго къ намъ и дому нашему, повелѣваемъ объявить оное всѣмъ вѣрноподданнымъ нашимъ, въ губерніи вамъ ввѣренной обитающимъ, и пребываемъ вамъ благосклонны. Павелъ.

Въ С.-Пбургѣ.
Генваря 28-го 1798 года.

(Изъ автографовъ Воронежскаго губернскаго музея).

Сообщилъ священникъ Стефанъ Звѣревъ.

САМОЗВАНЕЦЪ XIX-го СТОЛѢТІЯ.

Тяжелый гнетъ крѣпостничества былъ, кажется, если не единственною, то главною причиной частыхъ на Руси народныхъ волненій, какъ въ вѣка отдаленные, такъ и въ вѣка ближайшіе, вызывая появленіе различныхъ бунтарей и самозванцевъ, чтобы такъ или иначе обратить вниманіе правительства на тягостное положеніе загнаннаго и порабощеннаго люда, изнывавшаго отъ произвола помѣщиковъ и терпѣвшаго отъ алчности воеводъ, приказныхъ, подъячихъ и тому подобныхъ, власть имущихъ.

Намъ извѣстно уже, что появленіе самозванцевъ относится къ старинѣ далекой. Еще во времена Ѳеодора Іоанновича появлялся, хотя и не надолго, нѣкто, именовавшій себя сыномъ Іоанна Грознаго. Но болѣе всего было руководителей народныхъ движеній послѣ прикрѣпленія царемъ Борисомъ крестьянъ къ землѣ въ XVII и затѣмъ въ XVIII столѣтіяхъ, особенно же въ царствованіе Екатерины II-й.

Обыкновенно, какъ болѣе ранніе, такъ и позднѣйшіе самозванные руководители народной толпы преслѣдовали почти одну конечную цѣль, облегчить участь простолюдина. Въ чаяніи будущихъ благъ народъ безпрекословно шелъ за ними и слѣпо вѣрилъ имъ во всемъ.

Чтобы лучше и успѣшнѣе руководить дѣломъ, самозванцы всегда почти принимали на себя имена царствующихъ особъ, и только рѣдкіе являлись простыми, не титуловавшими себя смертными. Во времена Екатерины Великой большинство самозванцевъ присвоивали себѣ имя государя Петра III-го, или именовались „сыномъ перваго императора Петромъ Петровичемъ“; даже были женщины, называвшіяся дочерьми то Елисаветы Петровны, то Екатерины Алексѣевны. Позднѣе, въ текущемъ столѣтіи, промелькнулъ какой-то проходимецъ, именовавшій себя царевичемъ Константиномъ Павловичемъ. Но, кажется, не приходилось еще отмѣчать въ исторической печати такого случая, когда бы самозванецъ называлъ себя „сыномъ Екатерины II“ и притомъ, уже много лѣтъ спустя послѣ кончины императрицы и ея законнаго наслѣдника Павла Петровича, въ царствованіе императора Александра I-го. Между тѣмъ подобный случай былъ и очень недалеко отъ центра Россіи, въ Арзамазскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи. И хотя дѣйствія этого послѣдняго самозванца не произвели волне-

нія въ народѣ, тѣмъ не менѣе и это изъ ряда выходящее явленіе, до нѣкоторой степени, было знаменіемъ времени [1]).

Въ Воскресенье, 23 Мая 1815 года, на базаръ въ городъ Арзамасъ, для нужныхъ закупокъ, въ числѣ другихъ покупателей пріѣхалъ священникъ с. Пешелани, о. Семенъ Ивановъ со своею матушкой. Чтобы не расходоваться на постояломъ дворѣ, онъ прямо остановился на такъ-называемомъ „Нижнемъ базарѣ", слѣзъ съ повозки и пошелъ по лавкамъ, оставивъ караулить лошадей своего возницу крестьянина графини Литты, дер. Чуварлейки, Абрамова.

Пока батюшка дѣлалъ закупки, къ Абрамову подошелъ „неизвѣстный человѣкъ" „въ военномъ сюртукѣ". Крестьянинъ сначала было струсилъ, увидѣвъ предъ собою рослую фигуру [2]), какъ будто „офицера", вся грудь котораго была увѣшана медалями; но, присмотрѣвшись хорошенько и убѣдившись, что это только „солдатъ", успокоился.

— Ты откуда? спросилъ подошедшій.

— Изъ Нижняго пріѣхалъ сейчасъ! отвѣчалъ мужикъ.

— А мнѣ туда и нужно... Ты скоро поѣдешь обратно?

— Да вотъ какъ мои сѣдоки ослобонятся.

— Кто такіе? полюбопытствовалъ солдатъ.

Абрамовъ разсказалъ, кого привезъ, при чемъ добавилъ, что священника нужно доставить въ Пешелань.

— Это ничего! замѣтилъ военный.—Не возьмешь ли ты меня довезти до Нижняго?

Новый пассажиръ заинтересовалъ Абрамова: „съ виду будто солдатъ, а баитъ какъ офицеръ", и онъ, по свойственному всѣмъ крестьянамъ любопытству, не утерпѣлъ, чтобы не спросить его:

— А тебѣ нѣшто туды дѣло есть?

— Да! Я отставной офицеръ Петровъ, посланъ въ вашу губернію ревизоромъ; вотъ уже седьмой мѣсяцъ ѣзжу, да еще четыре мѣсяца осталось.

Мужикъ сразу перемѣнилъ обращеніе и сталъ относиться къ будущему пассажиру почтительнѣе.

— Такъ вы, ваше благородье, може изъ Нижняго еще куда поѣдете?

— Мнѣ много придется ѣздить, свысока отвѣчалъ Петровъ.

— Да-къ вы ужъ меня возьмите.

— Что жъ?! Мнѣ все равно!..

Мужикъ, въ чаяніи будущаго хорошаго заработка, не сталъ дорого запрашивать съ сѣдока и назначилъ за отвозъ его до губернскаго города

[1]) Нижеприводимыя свѣдѣнія заимствуемъ изъ дѣла Арзамазскаго уѣзднаго суда за 1815 годъ № 242, хранящагося въ архивѣ Нижегородской Ученой Комиссіи.

[2]) По слѣдствію видно, что самозванецъ былъ ростомъ 2 арш. 6⅞ вер., лицомъ рябоватъ, глаза сѣрые, носъ „кокореватъ", „власы на головѣ черные".

только 10 рублей. Мнимый офицеръ согласился, взялъ „для надежности" у Абрамова паспортъ и тутъ же передалъ его случившемуся на томъ же базарѣ полицейскому надзирателю Матову. Вскорѣ къ нимъ подошелъ о. Семенъ съ женой. Сѣдоки всѣ втроемъ сначала заѣхали на квартиру къ „офицеру", гдѣ онъ попа съ попадьей и ямщика „потчивалъ ерошкою и виномъ".

Время уже клонилось къ вечеру, а отецъ Семенъ торопился къ ночи поспѣть домой. Поэтому новые знакомые, не засиживаясь долго, выпили немного, сейчасъ же на извозчика и поѣхали въ Пешелань (въ 14 верстахъ отъ города). На дорогу, однако, „офицеръ" захватилъ съ собою два полштофа „горячаго вина".

По пріѣздѣ въ село, Петровъ сѣлъ на заваленку „батюшкина" дома „прохладиться". Сейчасъ же его окружили крестьянскія дѣти, не видавшія никогда у себя „настоящихъ" солдатъ; потомъ подошли два взрослыхъ мужика. Мнимый ревизоръ долго разговаривалъ съ ними о чемъ-то и, наконецъ, послалъ ихъ за „начальникомъ". Но тотъ оказался въ отсутствіи. Тогда Петровъ вошелъ въ избу. Священникъ пригласилъ его ужинать, и за ужиномъ они осушили обѣ бутылки вина.

На другой день, 24 Мая, въ 10 часовъ утра, вмѣсто того, чтобы ѣхать прямо на Нижній, „офицеръ" приказалъ вести себя въ д. Князевку, имѣніе вдовы подпоручицы Жемайловой.

Подъѣхавъ къ господскому дому, онъ оставилъ Абрамова у воротъ, а самъ направился въ комнаты, гдѣ въ то время у помѣщицы сидѣлъ въ гостяхъ священникъ сосѣдней Выѣздной слободы о. Василій Герасимовъ. Жемайлова, видя „безъ спроса" вошедшаго солдата, крикнула ему:—Что тебѣ надо?

Петровъ обидѣлся.

— Я, сударыня, не солдатъ, а поручикъ и сынъ покойной императрицы Екатерины II, пріѣхалъ сюда не зря, а посланъ изъ Петербурга отъ вдовствующей государыни Маріи Ѳеодоровны, дабы обвѣстить помѣщичьихъ крестьянъ, что они будутъ казенные. Черезъ три дня изъ Нижняго я бумагу привезу и объявлю актомъ [1]).

Помѣщица струхнула и старалась какъ нибудь загладить свою нелюбезность. Мнимый офицеръ заявилъ хозяйкѣ дома, что онъ усталъ съ дороги, проголодался...—Нѣтъ ли у васъ водки? попросилъ онъ.

Жемайлова „приказала подать оной", но ревизоръ выпилъ только одну рюмку [2]), закусилъ и распрощался.

---

[1]) Разговорная рѣчь выше и ниже взята изъ свидѣтельскихъ показаній.

[2]) На допросахъ самозванецъ, между тѣмъ, показывалъ, что онъ выпилъ семь рюмокъ.

Выходя, въ лакейской онъ столкнулся съ дворовымъ человѣкомъ Ѳедосѣевымъ и спросилъ его: Ты изъ какихъ?

— Изъ дворовыхъ!

— Ну, такъ ты и будешь дворовымъ; а кто взятъ изъ крестьянъ, тотъ опять будетъ крестьяниномъ, только не помѣщичьимъ, а казеннымъ, потому что вышло повелѣніе всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ обратить въ казенные.

Петровъ сѣлъ на извозчика и „поѣхалъ въ село Кожино къ помѣщику Михайлову“, но не засталъ дома барина. Отворившій ему воротную калитку лакей сказалъ ему, что помѣщикъ уѣхалъ въ Арзамасъ. Ревизоръ повернулъ на „порядокъ“ (т. е. въ деревню) къ мужикамъ и „черезъ короткое время“ принесъ извозчику полчетверти овса. Тогда они тронулись въ д. Чуварлейку, гдѣ у Абрамова былъ свой домъ.

Тѣмъ временемъ, перепуганная не на шутку помѣщица Жемайлова, собравшись наскоро, слѣдомъ же за ревизоромъ отправилась въ Кожино и обо всемъ случившемся разсказала женѣ Михайлова. Лакей, отворявшій самозванцу ворота, подтвердилъ ея слова. Михайлова тотчасъ же написала письмо и послала его съ нарочнымъ къ мужу [1]), прося его поспѣшить домой, такъ какъ появился неизвѣстный человѣкъ, который дѣлаетъ „буйствы“. Помѣщикъ немедленно прискакалъ въ деревню и, узнавъ въ чемъ дѣло, бросился въ погоню за мнимымъ офицеромъ.

Абрамовъ только что распрягъ лошадей, когда къ нему во дворъ явился Михайловъ.

— Гдѣ солдатъ? напустился онъ на извощика.

— Вонъ, въ избѣ сидитъ!

Помѣщикъ вбѣжалъ туда. Ревизоръ сидѣлъ за столомъ.

— Ахъ, ты такой-сякой! Народъ баламутишь?! Я тебя...

„Офицеръ“ началъ было оправдываться; но Михайловъ, „не обращая на его слова вниманія“, крикнулъ Абрамову: „Сковать этого негодяя!“

„Къ сожалѣнію, на ту пору желѣзовъ (конечно, конскихъ) не отыскалось“, и помѣщикъ велѣлъ хозяину дома запрячь лошадь и отвезти преступника къ себѣ въ Кожино; ревизоръ, такъ сказать, былъ прижатъ къ стѣнѣ. Дожидавшаяся въ домѣ Михайлова помѣщица Жемайлова съ дворовыми людьми уличала его во всемъ. Хотя онъ долго не сознавался, но „на послѣдокъ упалъ на колѣни и просилъ прощенія“, что сдѣлалъ все это безъ всякой задней мысли, по глупости [2]).

Михайловъ въ тотъ же день представилъ самозванца въ Арзамасъ и сообщилъ о происшедшемъ земскому исправнику. Послѣдній донесъ губер-

---

[1]) С. Кожино находится въ 7-ми верстахъ отъ Арзамаса.

[2]) Изъ дѣла также не видно, что за цѣль была разглашать эти „нелѣпые“ слухи. Можно только догадываться, что самозванецъ намѣревался содрать съ помѣщиковъ на выпивку и думалъ: „авось сойдетъ!“.

натору. Началось дѣло. У виновнаго были отобраны всѣ бумаги, по которымъ оказалось, что фамилія его не Петровъ, и онъ совсѣмъ не поручикъ въ отставкѣ, а отставной солдатъ лейбъ - гренадерскаго полка Николай Тарасовъ Степановъ, 50 лѣтъ, изъ „церковниковъ" (сынъ дьячка) села Рождественскаго, Карачевскаго уѣзда, Орловской губерніи. Въ 1784 году, будучи уже 24 лѣтъ отъ роду и женатымъ человѣкомъ, онъ, еще при жизни своего отца, выключился изъ духовнаго званія „въ свѣтскую команду"; но въ продолженіи трехъ лѣтъ, живя въ Орлѣ, не могъ найти себѣ подходящей должности. Только 1-го Января 1787 года онъ былъ зачисленъ рядовымъ въ Таганрогскій гренадерскій полкъ, откуда въ 1807 году его перевели въ лейбъ-гренадерскій полкъ въ Петербургъ. Участвуя во всѣхъ компаніяхъ 1788, 1791, 1807—1809 годовъ и будучи даже раненъ три раза въ сраженіяхъ, онъ тѣмъ не менѣе не имѣлъ никакого отличія и, прослуживши 24 года въ строю, въ 1811 году былъ исключенъ изъ службы по болѣзни безъ всякаго награжденія. Хотя на допросахъ онъ увѣрялъ, что носимыя имъ медали [1]), получилъ за сраженія, но въ послужномъ его спискѣ не было обозначено этихъ наградъ. По выходѣ въ отставку, Степановъ съ 15 Іюня 1811 по Мартъ 1815 г. шатался по Петербургу безъ дѣла, не имѣя ни малѣйшей охоты отправиться на родину [2]), гдѣ у него еще была жива жена. Наконецъ, узнавъ какъ-то чрезъ „подъяческаго человѣка", что генералъ-маіоръ Владиміръ Васильевичъ Баженовъ ищетъ управляющаго для своей Нижегородской вотчины, онъ явился къ нему и договорился въ цѣнѣ. Генералъ нанялъ его за 200 р. въ годъ, „съ господской пищей, обувью и одеждой", при чемъ обязался доставить Степанова до вотчины „на свой коштъ" и „посулился" дать ему 100 рублей впередъ, но потомъ не сдержалъ своего „боярскаго" слова [3]).

Въ томъ же Мартѣ, въ обществѣ двороваго человѣка Демьяна Петрова и крестьянина Ивана Исаева, Степановъ отправился изъ Петербурга въ вотчину „на господскихъ лошадяхъ"; но по дорогѣ, около Твери, за неимѣніемъ денегъ „на кормъ", обѣ лошади были проданы по 30 р. за каж-

---

[1]) Ихъ было у него пять: двѣ за взятіе въ 1788 г. Очакова, когда онъ былъ слегка раненъ въ лѣвую ляжку, обѣ серебряныя съ вензелевыми изображеніями Екатерины II и съ надписями; первая, на Владимірской лентѣ, просто „*За храбрость*", другая на Георгіевской, „*За храбрость, оказанную при взятіи Очакова Декабря 6 дня 1788 г.*"; третья медаль, также съ вензелемъ, за участіе въ Молдавской переправѣ 1791 года, на алой лентѣ, съ подписью „*Побѣдителю при мирѣ*"; четвертая, на голубой лентѣ, „*За труды и храбрость при взятіи Праги Октября 24 д. 1794 г.*" и, наконецъ, пятая, съ вензелемъ Александра I, на голубой лентѣ, „*За переходъ на Шведскій берегъ 1809 года*", когда подъ Кварkеномъ у него картечью оторвало пальцы на обѣихъ ногахъ. Кромѣ того, онъ носилъ орденъ Св. Анны.

[2]) Что даже предписывалось ему увольнительнымъ свидѣтельствомъ, коимъ требовалось еще: „позволительное (?) ремесло или работу исполнять, а жительствуя, вести себя честно и добропорядочно, одѣваться пристойно, бороду брить, по міру не ходить"...

[3]) Баженовъ (не сынъ ли славнаго зодчаго?) былъ одинъ изъ оригиналовъ былаго времени. Въ Нижегородскомъ архивѣ сохранилось немало переписокъ о его продѣлкахъ.

дую. Въ Твери путники наняли лодку и спустились Волгою до Нижняго, куда „на Свѣтлой недѣлѣ въ Понедѣльникъ, 20-го Апрѣля“ прибыли только Степановъ и Петровъ, а Исаевъ умеръ близъ Углича.

На другой день изъ Нижняго новый управляющій, съ своимъ проводникомъ, поѣхалъ въ Баженовскую вотчину, дер. Корину, Арзамазскаго уѣзда. Но, видимо, должность ему не понравилась; 16-го Мая онъ покинулъ ее и уѣхалъ въ Арзамасъ, гдѣ потомъ, 23 числа, нанялъ извощика Абрамова и объявилъ себя ревизоромъ.

Однако, на первыхъ допросахъ въ Арзамазскомъ Уѣздномъ Судѣ Степановъ не признавалъ себя виновнымъ и отрицалъ возводимыя на него обвиненія въ самозванствѣ. И только послѣ третьяго допроса, съ приличнымъ увѣщаніемъ, онъ „повинился“, что „ничего не помнитъ“ изъ того что̀ говорилъ, „ибо весьма былъ пьянъ, каковымъ сдѣлался отъ подноса госпожей Жемайловой въ ея домѣ семи рюмокъ водки“. Онъ разсказывалъ еще, что, „во время бытности въ военной службѣ, два раза былъ разжалованъ изъ унтеръ-офицеровъ“. Но, по наведеннымъ справкамъ, ничего этого не подтвердилось, также какъ и ношеніе медалей и ордена. По атестатамъ полковыхъ командировъ выяснилось только, что онъ былъ человѣкъ неуживчивый, плутъ, лѣнтяй и пьяница.

Около года тянулась о немъ переписка, и все это время онъ содержался въ Арзамазскомъ острогѣ. Наконецъ, 31-го Января 1816 года, Арзамазскій Уѣздный Судъ вынесъ слѣдующій приговоръ:

„Оному отставному рядовому Николаю Тарасову *во первыхъ*, за оскорбленіе ея императорскаго величества въ Бозѣ почивающую государыню императрицу Екатерину II, что онъ есть незаконнорожденный ею сынъ; *во вторыхъ*, за оболганіе ея императорское величество вдовствующую государыню императрицу Марію Ѳедоровну, что онъ ею посланъ нарочито изъ С.-Петербурга для обвѣщенія всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ о бытіи ихъ казенными; *въ третьихъ*, за названіе себя оберъ-офицеромъ, поручикомъ, ношеніе медалей и знака отличія Св. Анны, не имѣя на сіе права; *въ четвертыхъ*, за утайку своего прозванія [1]) и, напослѣдокъ, за разглашеніе вольности помѣщичьимъ крестьянамъ... учиня наказаніе кнутомъ, вырѣзавъ ноздри до кости и поставя на лбу и щекахъ литерные знаки [2]), сослать вѣчно въ каторжную работу“...

П. Юдинъ.

---

[1]) Т. е. вмѣсто „Степанова“, называлъ себя „Петровъ“.

[2]) Литеры эти ставились обыкновенно такъ: на лбу „*В*“, на правой щекѣ „*О*“, на лѣвой „*Р*“.

ЭПИТАФІЯ НА ОДНОМЪ ПАМЯТНИКѢ КОЛОМЕНСКАГО КЛАДБИЩА.

Въ бумагахъ моего покойнаго отца сохранилась списанная имъ, во времена его ранней молодости, эпитафія въ стихахъ, которая вырѣзана на одномъ старомъ памятникѣ Коломенскаго городскаго кладбища. Судя по буквамъ, скопированнымъ рукою отца, въ числѣ которыхъ попадаются Славянскія литеры, а также по нѣкоторымъ отдѣльнымъ словамъ, эпитафія эта относится къ концу прошлаго вѣка. Стихи про звѣрское убійство, жертвами котораго сдѣлались мать съ троими дѣтьми и дѣвочка 13 лѣтъ, не лишены чувства и выразительности. Привожу эту надпись съ поправкою лишь грубыхъ граматическихъ ошибокъ, сдѣланныхъ, какъ можно предполагать, не самимъ авторомъ эпитафіи, а высѣкавшимъ ее на камнѣ полуграмотнымъ мастеромъ. Стертыя временемъ на памятникѣ слова, обозначены точками.

Н. Н. Губерти.

подсімъ камнемъ......
Успенскаго собора протопопа Григорія Иванова злыми людьми . . . . стремя . . . . . з дочерью Ксеніею . . . .

И надпись, воздохнувъ, плачевную прочти.
Се здѣсь дѣвица спитъ и матерь съ треми чады,
До смерти варваромъ убиты безъ пощады.
Вся грудь, гортань, глава и каждый тѣла членъ
Рукою звѣрскою у нихъ окровавленъ.
Невинна въ ранахъ кровь теперь еще дымится,
Злодѣя дерзкаго наружу вывесть тщится.
Да преклонится...... здѣсь каждаго глава
Внимать плачевныя страдальцевъ сихъ слова.
Не чая крайнихъ золъ, спокойно мы сидѣли,
Вдругъ варвары на насъ, какъ тигры, налетѣли,
Вонзили острой ножъ въ гортань, въ главу, во грудь...
Творецъ, врагу и намъ судья въ семъ дѣлѣ будь!
И се вѣщаетъ мать дѣтей и дней лишенна.
......я за грѣхи достоино умерщвленна,
Но юные мои невинные птенцы
Какихъ презрѣнныхъ дѣлъ явилися творцы?
Кого обидѣли, кому чѣмъ нагрубили,
Не тѣмъ-ли что меня съ горячностью любили?
За что дерзнулъ злодѣй на нихъ свой мечъ поднять?
.......ихъ кровь невинну проливать?
О, Боже всѣхъ щедротъ и всякія отрады!
Се зришь несчастну мать и съ нею ея чады.
Для ихъ невинности мои грѣхи прости,
Убійцѣ злобному за нашу смерть отмсти.
А вы, что̀ оную плачевну надпись зрите,
Творца небеснаго усердно помолите,
Чтобъ мать несчастную и нѣжныхъ чадъ ея
Причастныхъ сотворилъ святыни Своея.
Лежитъ здѣсь Ксенія съ Григоріемъ и Саввой,
Нещастнѣйшая мать нещастнѣйшихъ дѣтей,
Убита жалостно отъ рукъ лихихъ людей.
Еще съ ней купно спитъ совсѣмъ лишенна вида
Трехъ на десяти лѣтъ дѣвица Степанида.

ИЗЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСЕЙ.

Замѣчательное евангеліе.

Въ Іоанно-Предтеченскомъ женскомъ монастырѣ въ г. Свіяжскѣ, Казанской губерніи, хранится замѣчательное напрестольное евангеліе, какого мнѣ еще не приходилось видѣть. По внѣшнему виду оно не представляетъ ничего выдающагося, и по году изданія (1735) его нельзя назвать древнимъ. Отпечатано оно на Александрійской бумагѣ и переплетено въ дубовое дерево, съ отдѣлкой изъ зеленаго бархата и золотымъ обрѣзомъ. Такъ же, какъ и у другихъ евангелій, на передней лицевой доскѣ по срединѣ круглое изображеніе Воскресенія Христова, а по угламъ—четырехъ евангелистовъ, всѣ чеканной работы, серебряно-позолоченныя. Но на задней оборотной сторонѣ имѣются такіе рисунки: въ срединѣ серебряное клеймо съ вычеканенными на немъ крестомъ, копіемъ и тростью съ губкою, а по сторонамъ буквы: „*Г. Г.*“ (т. е. гора Голгоѳа), „*М. Л.*“ (мѣсто лобное), „*Р. Б.*“ (должно быть „Ребро Богочеловѣка“ или, какъ увѣряютъ монастырскіе разъяснители, „Рай бысть“) и, наконецъ, „*Г. А.*“ (голова Адама). По угламъ доски гладкіе наугольники, безъ позолоты.

Интереснѣе же всего въ этомъ евангеліи то, что впереди текста, вмѣсто заглавнаго листа, напечатаны (на одномъ полулистѣ) довольно удачно исполненныя изображенія (числомъ 13-ть) страданій Іисуса Христа, начиная съ Тайной вечери до Воскресенія изъ мертвыхъ, и подъ каждымъ изъ нихъ, соотвѣтственно событію, сдѣланы надписи въ стихотворной формѣ. Такъ, подъ двумя рисунками, изображающими „Тайную вечерю“, напечатано, подъ первымъ:

„Чисти есте вы, но обаче не вси.
„Іуда сребромъ душу прелсти“.

И подъ вторымъ:

„Хлѣбъ сей и вино—моя кровь и тѣло.
„Ядите, піите нова плода дѣло“.

Третье изображеніе „Моленіе о чашѣ“.

„Отче да минетъ мя сія чаша!
„Зри симъ, что ми днесь зло твориша“.

Четыре рисунка даютъ понятіе о „Бичеваніи Спасителя", чтó указываютъ и надписи:

„Аще добрѣ рѣхъ, по что мя біете?
„Аще же злѣ что, то здѣ да речете.

*

„Крѣпости столпъ есть ко столпу привязанъ.
„Безгрѣшный біемъ, аки грѣхми связанъ.

*

„За что ведете безвиннаго въ вину,
„Судяще Творцу судьбу преобидну?

*

„За се-ли бренне терномъ мя красиши,
„Что райски цвѣты вѣнчанна мя зриши?

Два рисунка „Несеніе креста":

„Твори, друже, на что ты пришелъ.
„Азъ тѣмъ миръ, ты же презѣло (?) обрѣлъ".

*

„Несу любезнѣ не мой крестъ, но твой.
„Неси и ты Мой за тяжкій грѣхъ свой".

Потомъ „Распятіе":

„Распяхся міру, да міръ мнѣ сраспнется;
„Безъ сего никто въ мірѣ семъ спасется".

„Снятіе со креста".

„Кто мой ученикъ, снимай мя не тѣломъ.
„Будь новъ Іосифъ добрымъ своимъ дѣломъ".

„Погребеніе".

„Безсмертна во гробъ съ смертными влагаютъ.
„Мать со други слезъ токи испускаютъ".

И, наконецъ, „Воскресеніе", нарисованное въ срединѣ, нѣсколько больше другихъ рисунковъ размѣромъ. Сверху его:

„Радуйся вся, смерть ада побѣдихъ,
„Вѣровавшихъ отъ узъ всѣхъ свободихъ".

Снизу:

„Что, воини, вамъ мечи стража поможе? а
„Христосъ бо Сынъ Божій крестомъ вся поможе".

Затѣмъ предъ каждымъ евангеліемъ сдѣланы во весь листъ изображенія евангелистовъ также съ надписями (въ два столбца) въ стихахъ:

„Матѳей родъ Христовъ плотски родословитъ,
„Разны языки къ вѣрѣ въ Него ловитъ.
„О Матѳеева преподобная мытня,
„Како Судію стяжа неумытна“.

*

„О святый Марко, коль сердце ти жарко,
„Въ проповѣдь слова, завѣта Егова.
„По Христѣ Бозѣ въ страданіи мнозѣ
„Трудъ положившу, тѣмъ міръ просвѣтившу“.

*

„Лука, врачъ внѣшнихъ скорбей бывъ искусенъ,
„Скорбей душевныхъ лучшій врачь явися,
„И святыхъ иконъ писатель не гнусенъ.
„Чтущъ сего книги, духовнѣ цѣлися“.

*

„Кто инъ якоже сей Іоаннъ новъ Моисей
„Отъ Дѣвы истинна, воплощена подъ вѣки.
„Бога Слова въ Бозѣ сказа въ мудрости мнозѣ,
„Плотски же распята, да спасетъ человѣки“.

П. Юдинъ.

КНЯЗЬ М. С. ВОРОНЦОВЪ И Э. С. АНДРІЕВСКІЙ.

(Библіографическая замѣтка).

Въ сороковой книгѣ „Архива Князя Воронцова“, М. 1895, стр. 511—528, печатана „Записка о князѣ М. С. Воронцовѣ“. Объ этой интересной запискѣ издатель, П. И. Бартеневъ, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Кто именно писалъ нижеслѣдующія страницы, намъ неизвѣстно навѣрное. Писалъ докторъ, можетъ быть Эрастъ Степановичъ Андріевскій, столь близкій къ князю Воронцову въ послѣдніе годы его жизни“.

Предположеніе о принадлежности записки Э. С. Андріевскому вполнѣ подтверждается слѣдующимъ мѣстомъ ея (стр. 524): „Я горжусь немного, что успѣлъ, при скудныхъ средствахъ и самой неудобной наружной обстановкѣ (это было осенью и въ лагерѣ, именно подъ Дагестанскимъ ауломъ Салты) избавить Михаила Семеновича отъ недуга, съ которымъ тщетно боролись знаменитые спеціалисты почти всей Европы“.

Дѣло идетъ о воспаленіи глаза князя. Баронъ А. П. Николаи въ своихъ воспоминаніяхъ (Салтинскій походъ 1847 года. „Русскій Архивъ“, 1891, № 6-й, стр. 148) разсказываетъ, что при Салтахъ у князя Воронцова сдѣлалось сильное воспаленіе въ правомъ глазу. Андріевскій, предупредивъ сына князя о рискѣ лѣченія при лагерной обстановкѣ, употребилъ рѣшительное средство, меркуріальное втираніе, и къ утру больному стало лучше.

Совпаденіе свидѣтельствъ автора „Записки“ и барона А. П. Николаи рѣшаетъ вопросъ объ авторѣ „Записки“.

Е. Козубскій.

*

Эрастъ Степановичъ Андріевскій, какъ слышно, оставилъ послѣ себя подробныя Записки. П. Б.

ГОЛЛАНДСКІЙ ОТЗЫВЪ ОБЪ ИЗДАНІИ РУМЯНЦОВСКАГО МУЗЕЯ [1]).

Изъ Россіи (Uit Rusland).

Москва—сердце Россіи, а Кремль—сердце Москвы. Все, что́ совершается въ этомъ великомъ историческомъ центрѣ не должно быть сокрыто отъ взоровъ Запада.

3-го Апрѣля 1897 г. въ роскошномъ залѣ Румянцовскаго Музея состоялось торжественное собраніе въ воспоминаніе дня рожденія знаменитаго канцлера царя Александра I-го, графа Николая Петровича Румянцова.

Торжеству этому посвящено роскошно иллюстрированное изданіе, появившееся на Русскомъ языкѣ и доставленное изъ Москвы въ редакцію „Зрителя". Между прочими статьями книга эта содержитъ въ себѣ вступительную рѣчь директора Музея М. А. Веневитинова; краткій біографическій очеркъ, съ приложеннымъ къ нему портретомъ графа, составленный С. О. Дельговымъ (sic); историко-топографическое изслѣдованіе объ извѣстномъ зданіи [2]) великолѣпнаго дома Пашкова, который когда-то принадлежалъ Меншикову, а въ настояще время служитъ помѣщеніемъ Румянцовскому Музею; затѣмъ, въ концѣ, „Нѣсколько словъ Вс. Миллера объ этнографической коллекціи П. П. Шимкевича", со многими интересными изображеніями.

Графъ Румянцовъ представляетъ собою одну изъ выдающихся фигуръ въ средѣ Русскихъ вельможъ. Въ царствованія Екатерины, Павла и Александра онъ занималъ послѣдовательно рядъ разнообразныхъ должностей.

Онъ былъ посланникомъ, министромъ торговли, финансовъ, иностранныхъ дѣлъ, генералъ-прокуроромъ, сенаторомъ, членомъ Государственнаго Совѣта и канцлеромъ.

Состоя въ послѣднемъ званіи, хотя уже изнуренный болѣзнью, онъ сопровождалъ въ 1812 т., при отступленіи Наполеона, императора Александра въ Вильну.

По окончаніи этого похода графъ испросилъ и получилъ отставку и затѣмъ посвятилъ себя разнообразной дѣятельности на поприщахъ общественномъ и научномъ. Этотъ періодъ дѣятельности графа Румянцева и его сотрудниковъ былъ ознаменованъ въ Россіи именемъ „Румянцовской эпохи".

Его великія заслуги въ отношеніи къ просвѣщенію Россіи не должны никогда быть забыты его благодарнымъ отечествомъ.

---

[1]) Изъ газеты: „Нидерландскій Зритель" (De Nederlandsche Spectator, 8 Января 1898 г., № 2, стр. 11—12). Переведено съ Голландскаго. Рѣчь идетъ о прекрасно изданной книгѣ: „Торжественное засѣданіе въ память графа Н. П. Румянцова, 3-го Апрѣля 1897 г.". Въ „Русскомъ Архивѣ" уже былъ помѣщенъ отзывъ о ней. П. Б.

[2]) Здѣсь также упоминается имя Амстердамскаго гравера Петра Гикарта (? Peter Hikart). *Примѣчаніе редакціи „Нидерландскаго Зрителя".*

Онъ былъ сыномъ знаменитаго фельдмаршала Петра Румянцова. Родившись 3 Апрѣля 1754 г., онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ получилъ основательное образованіе подъ разумнымъ руководствомъ матери, рожденной княжны Голицыной.

Въ 1771 году, оба брата отправились въ Петербургъ, появились при дворѣ и въ Эрмитажѣ познакомились съ барономъ Гриммомъ, въ сопровожденіи котораго поѣхали въ Голландію, чтобы закончить свое образованіе занятіями въ Лейденскомъ университетѣ.

Князь Куракинъ, пребывавшій уже въ этомъ городѣ съ тою-же цѣлью вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми людьми изъ Россіи, передалъ намъ нѣкоторыя характерныя черты изъ подробностей жизни Румянцова въ этомъ очагѣ науки.

По прибытіи въ Лейденъ оба брата направились въ три-четыре лучшія гостиницы, чтобы остановиться. Князь Куракинъ посовѣтовалъ Николаю и его брату нанять квартиру въ томъ же домѣ, въ которомъ уже жили онъ самъ и двое другихъ Русскихъ. Это было „Голландское Подворье" (Hollandsche Hof) на „Широкой улицѣ" (Breedstraat). Помѣщеніе это стоило 1200 гульденовъ въ годъ; столъ, оплачиваемый недорого, былъ лучшаго, чѣмъ обыкновенно, достоинства. Вино и пиво не входили въ этотъ счетъ, равно какъ и нѣкоторыя особыя издержки. Куракинъ далъ Румянцовымъ совѣтъ обратиться къ ректору университета (Rector magnificus), чтобы при его посредствѣ записаться въ число студентовъ. Принадлежность къ студенческой корпораціи влекла за собою нѣкоторые расходы, но предоставляла выгоды въ другихъ отношеніяхъ, такъ какъ такимъ образомъ можно было пользоваться уменьшеннымъ тарифомъ въ необходимыхъ издержкахъ.

Тотъ-же самый князь Куракинъ сообщаетъ свѣдѣнія объ организаціи университета, объ его профессорахъ и объ ихъ отношеніяхъ къ студентамъ.

Посѣщеніе лекцій, какъ во всѣхъ Германскихъ университетахъ, стоило дешево; за нихъ студенты должны были вносить умѣренную сумму, въ Лейденѣ, всего по шести дукатовъ за весь курсъ, отъ его начала до конца. Лекціи читались по латини. Частныя и спеціальныя занятія съ профессорами (collegia privata и privatissima) отличались другимъ характеромъ и обходились до сотни дукатовъ. Но эти занятія были лучше и полезнѣе, такъ какъ профессора изъяснялись понятнѣе, именно на тѣхъ языкахъ, которые были извѣстны большинству слушателей.

Условія преподавателей Куракина и по всей вѣроятности и Румянцовыхъ состояли въ платѣ двухъ дукатовъ въ мѣсяцъ. Въ числѣ профессоровъ въ особенности упоминается юристъ Пестель, оказывавшій большое вліяніе на своихъ слушателей, въ особенности на будущаго канцлера.

Румянцовы оставались до 1774 г. въ Лейденскомъ университетѣ, гдѣ слушали лекціи по политическимъ наукамъ (праву и исторіи) и въ слѣдующемъ году отправились съ Гриммомъ въ путешествіе по Швейцаріи и Италіи.

Мы довольствуемся здѣсь въ отношеніи нашей родины этими свѣдѣніями о приключеніяхъ подвижной жизни великаго мужа Россіи.

Г. В. Фанъ-деръ Мей (H. W. van-der Meij).

ИЗЪ БУМАГЪ Ю. Н. БАРТЕНЕВА.

I.

Что долженъ давать государству университетъ?

Каждый государственный членъ долженъ желать и имѣетъ право требовать отъ университета, яко мѣста, коему свѣтъ разума долженъ быть обильнѣе и правильнѣе открытъ, нежели всякому другому, нижеслѣдующаго.

Вся ученость должна истекать изъ сего мѣста. Для чего? Чтобы мысленность подданныхъ направлять къ истинѣ, въ которой государя и подданныхъ польза и покой.

Всѣ науки должны:

1. Занимать учащихся охотою быть умными и добрыми.

2. Доказывать, чтò есть ложное и чтò есть истинное. Истину доказывать не гипотезами, а ясностью; а ложное, родившееся изъ невѣжества, должно опровергать математически и физически, и дабы истина яснѣе являлась разуму ученика, то первое стараніе прилагать о чистотѣ нравовъ и жизни, чтò въ юношествѣ, когда еще пороки не укоренились, весьма возможнѣе, нежели въ лѣтахъ взрослыхъ, когда пороки уже укрѣпятся. И потому въ училищахъ государства должно разумы отводить отъ недоумѣнія, отъ суевѣрія, отъ мыслей нрава заблуждающаго, или такъ-называемаго вольно-дерзко-своеобычно-невѣжественнодумства, и обращать науками къ узрѣнію во всемъ въ природѣ порядка, и отчего произошелъ безпорядокъ.

Науки должны занимать разумъ и сердце.

Науки должны освобождать отъ заблужденій.

Науки должны содѣлывать юношество моральными людьми.

Науки должны дѣлать человѣковъ свободными, то-есть освобождать отъ плѣна страстей.

Науки должны физически и математически убѣдить человѣка о вездѣсущіи Невидимаго, Коимъ все живетъ, разумѣетъ и художествуетъ.

Науки должны показать, какъ каждый индивидуумъ черпаетъ изъ всеобщаго Океана разума и жизни и пособляетъ подобному себѣ легче и удобнѣе сіе почерпаніе дѣлать.

Отъ недостатка въ наукахъ, отъ суевѣрія произошли и попущены бичи міра, какъ-то невѣдѣніе истиннаго служенія Вездѣсущему

Существу, которое почитается благими нравами, услуживается благодарностью къ Нему и любовью къ ближнему.

Отъ недостатка въ истинномъ ученіи произошли насильственныя, суевѣрныя и нимало съ благою волей Творца несообразныя принужденія, гоненія и злоба ложныхъ, своекорыстныхъ проповѣдателей истины до того, что уже возродились, вмѣсто силы слова и чудесъ, войны кровавыя за мнимую вѣру, и подъ видомъ христіаннѣйшихъ способовъ Парижская утреня и Сициліанская вечерня и прочія средства тиранства и суевѣрія въ дѣлѣ свободной воли, подъ видомъ приношенія службы Богу.

Таковые бичи произошли и попущены отъ развращенія человѣческаго разума, который дѣлается правымъ и ясновидящимъ, отчего? Отъ наукъ, кои и начало имѣютъ и оканчиваются въ истинѣ.

Естли науки ея не доказываютъ, сего не дѣлаютъ яснымъ, то зачѣмъ столько трудовъ и иждивенія? Чтобы разсужденіе человѣка погрузить въ вящшее недоумѣніе, сдѣлать его безнадежнымъ и отчаяннымъ?

Въ наукахъ должна быть ясность: чтò есть невидимое и чтò видимое? чѣмъ чтò живетъ? откуда чтó произошло и куда чтò втекаетъ, сохраняя-ли свою индивидуальность или погубляя ее? Словомъ, мѣра должна довести до того, чтò выходитъ уже изъ мѣры, и гдѣ всѣ мѣры теряются или скрываются.

Музыка должна довести до всеобщей гармоніи и до того, изъ чего и гармонія произошла. Она должна имѣть въ себѣ доказательство, что она есть токмо различимость единаго тона.

Физика должна показать, чтò суть вещей? откуда онѣ? какъ онѣ возродились? во чтò перемѣняются и каковы послѣ будутъ? Словомъ, физика должна довести и сдѣлать явною метафизику.

Логика должна довести и выяснить, чтò есть слово. А мораль, направленная науками, должна показать, чтò есть оригинальное слово.

Въ заключеніе сказать: нравы въ государствѣ начало и душа, науки свѣтъ, а плодъ въ постоянномъ возвышеніи ихъ. То государство укрѣплялось, гдѣ нравы были чище, науки яснѣе, а потому и богослуженіе любовнѣе и покойнѣе.

II.

Шуточное письмо Ю. Н. Бартенева къ графинѣ Е. П. Растопчиной.

Сейчасъ только принесли мнѣ съ почты тотъ ящичекъ, который я имѣлъ удовольствіе обѣщать вамъ. Здѣсь приложены въ особыхъ отдѣленіяхъ всѣ лучшія монографіи женскаго курительнаго табаку. За постройкой этой табашной шкатулки, равно какъ и за выборомъ табаковъ, наблюдалъ въ Петербургѣ ревностный почитатель вашего та-

ланта, вашей граціи, вашего свѣжаго чувства, чувства, котораго порядочно наищешься между столичными женщинами, и чтò составляетъ salto mortale для многихъ; но въ васъ это чувство и эстетично, и поэтично, и дѣвственно, и желанно!..... Ниже подписавшійся беретъ на себя обязанность снабжать и пополнять всѣми этими табаками и впредъ по мѣрѣ опустошенія ящичковъ, только подъ условіемъ, чтобы несравненная графинюшка заблаговременно извѣщала, подъ какою фирмою не доставать будетъ у нея табаку.

Этотъ ревностный Петербургскій почитатель, о которомъ шла рѣчь выше, отъ того такъ усердно хлопоталъ, что начитался распрелестнѣйшихъ стиховъ ея о пахитосѣ [1]), его золѣ и о прочихъ дѣйствіяхъ онаго табака митафизическихъ и физическихъ ....

Доселѣ о табакѣ. Теперь позвольте поговорить о себѣ. Виноватъ, что давно не представлялся яснымъ очамъ вашимъ Шаловливый Измайловъ гдѣ-то сказалъ:

На праздникахъ гулялъ,
Забылъ жену, дѣтей,
Не только что журналъ!

Я васъ хотя и не забывалъ, но не былъ у васъ отъ страху .... вашей постельной собачки, чтò на медвѣдей спускаютъ [2]). Во время Масляницы и первой недѣли поста со мною свершилось очень яркое психическое событіе: чѣмъ болѣе я васъ люблю, тѣмъ болѣе боюсь собаки. Собака мнѣ мѣшаетъ любить васъ... Стыдъ да и полно! Однако если буду живъ и здоровъ, то съ повинною головою явлюсь къ вамъ въ одну изъ Субботъ.

Но прежде чѣмъ явлюсь къ вамъ, позвольте преподать вамъ совѣтъ, какую сигарку курить въ какое время.

I. Если случится вашему сіятельству, что помѣшаютъ вамъ безвременные посѣтители, то плавно и не торопясь начинайте курить *Jaquettes*.

II. Если же гости будутъ по сердцу, и калейдоскопъ разговора не перемеживается, не оскудѣваетъ, нѣтъ того усилія, гдѣ хозяйкѣ, какъ будто что-то мѣшаетъ говорить съ гостями и проч.: то на этотъ разъ приниматься надобно за *пахитосъ*. Если сигарка и скоро докурится, то это еще не бѣда: оживленіе и обаяніе разговора по сердцу не дадутъ почувствовать труда отъ частой перемѣны соломинокъ.

---

[1]) Стихотвореніе графини Ростопчиной, начинающееся такъ:

Пахитосъ, отрада лѣни,
Европейскій наргилè,
Ядъ новѣйшихъ поколѣній
Поводъ бабушкамъ къ хулѣ. П. Б.

[2]) Многіе еще помнятъ, какъ графиня Растопчина ѣздила по Москвѣ съ этою собачкою, которая выглядывала изъ окна ея кареты. П. Б.

III. Но когда вы, творчественная графиня, найдете себя въ ожиданіи этого желаннаго наитія, которому такъ охотно поддается всякій могучій талантъ, этаго вожделѣннаго гостя, котораго именуютъ вдохновеніемъ, а Сократъ называлъ своимъ домашнимъ демономъ: то прошу уже тогда заняться употребленіемъ *Maryland doux.* Ручаюсь, что не замедлитъ васъ посѣтить и самъ царь-стихъ, котораго поэты добиваются съ такимъ усиліемъ и безъ коего въ самомъ желанномъ, въ самомъ удовлетворительномъ стихотвореніи какъ-будто чего-то не достаетъ.

IV. Но случается иногда, что на поэтовъ набѣгаетъ какая-то бездѣйственность; въ то время они глядятъ и не видятъ, слушаютъ и не слышатъ; набѣгаетъ, говорю, что-то похожее на far-niente, но только не dolce, а какого-то особаго рода; зыбь сердца тогда не волнуется, какое-то сдѣлается затишье, не потому, чтобы не доставало энергіи перечувствовать, воплотить въ себя предметы, самонасладиться, такъ сказать, внутреннею задушевною жизнію со всею ея свѣтлою свитою, но нѣтъ силъ привести все это въ форму, оболванить, т. е. (passez moi l'expression) оболванить кумиръ своевременнаго мышленія, яркаго чувствованія, вылить всю эту задушевность въ творческое слово, въ слово гармоническое, которое бы вѣрно изобразило посѣщеніе духа и достойно бы было ощущенія поэта. На этотъ разъ отпирайте ящикъ, плавно и не торопясь (чтобы не обронить мысли и чувства), берите изъ ящика сигару *Maryland de France* и начинайте тихонько курить, медленно впивая въ себя аромъ табачный. И вотъ тогда-то увидите что̀ будетъ!

V. Но когда думчивое и любящее сердце ваше захочетъ понѣжиться на весеннемъ солнышкѣ помысла чарующаго, увлекательнаго, мирнаго, гдѣ по словамъ поэта: «желаешь для себя, а ищешь раздѣлить»; гдѣ мякенькія чувства и мысли, какъ неуловимые атомы, сталкиваются и смѣшиваются такъ сладостно, такъ живительно въ ищущемъ сердцѣ женщины самосознательной: то на этотъ разъ, талантливая моя графиня, пробавляйтесь Испанскимъ табачкомъ: *Amores.* Вреда не будетъ, ручаюсь.....

Берегъ письму, конецъ болтовнѣ старика, но не конецъ, а начало тѣмъ чувствамъ преданности, уваженія, любленія и сочувствія, которыя постоянно питаетъ къ вамъ нѣжный вашъ старецъ

Ѳеопемптъ Мисаиловъ.

22-го Марта 1850 г. Москва.

P. S. Здѣсь бы кстати сказать что нибудь и о раковинѣ, преподать также наставленія, что̀ дѣлать съ табачною золою, какъ живописнѣе отряхивать сигару отъ пепла и проч. Да письмо становится длинновато.

НОВЫЙ ПОБОРНИКЪ ОТЖИВШИХЪ ТЕОРІЙ.

Историко-критическая замѣтка.

Интересующимся начальной исторіей Славянъ и Руси конечно извѣстно, что вашъ покорнѣйшій слуга уже болѣе двадцати пяти лѣтъ ведетъ почти непрерывную борьбу съ Норманской и Туранской теоріями, совершенно исказившими и затемнившими начальную Славянскую и Русскую исторію и что за этотъ періодъ времени ни одно сочиненіе противниковъ, сколько-нибудь заслуживающее вниманія, не осталось безъ критическаго отзыва съ его стороны.

На сей разъ имѣемъ передъ собой нѣсколько мелкихъ изслѣдованій и разсужденій, относящихся къ данной исторической области и принадлежащихъ Кіевскому профессору-филологу Ю. А. Кулаковскому. А именно: „Къ исторіи Боспора Киммерійскаго въ концѣ VI вѣка“ (Визант. Времен. 1896. № I), „Къ вопросу объ имени города Керчи“ (Сборникъ статей въ честь Ѳ. Е. Корша. М. 1896), „Гдѣ находилась Вичинская епархія Константинопольскаго патріархата“ (Византійскій Временникъ. 1897. № 3) и „Къ исторіи Готской епархіи (въ Крыму) въ VIII вѣкѣ“ (Ж. М. Н. Пр. 1898. Февраль). Третье изслѣдованіе, о Вичинской епархіи, не затрогиваетъ основныхъ вопросовъ, т. е. о народности древнихъ Болгаръ и Руссовъ и, на нашъ взглядъ, доказательно пріурочиваетъ данную епархію къ нынѣшней Добруджѣ. При семъ авторъ вполнѣ основательно указываетъ на тяготѣніе Кіевской Руси къ нижнему Дунаю и на живыя связи съ Болгаріей въ первый періодъ Русской исторіи.

Наше разногласіе съ достоуважаемымъ авторомъ по основнымъ вопросамъ относится къ тремъ другимъ помянутымъ изслѣдованіямъ. Прежде скажемъ нѣсколько словъ о послѣднемъ изъ нихъ, т.-е. „Къ исторіи Готской епархіи“.

Тутъ между прочимъ рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ епархіяхъ, подчиненныхъ Константинопольскому патріархату и лежавшихъ въ сторонѣ Тавриды и Кавказа; таковы епархіи. Готовъ, Хотзиръ, Астиль, Хвалисъ, Оногуровъ, Ретегъ, Унновъ и Тиматарха. Изъ нихъ первая и послѣдняя не представляютъ затрудненій при опредѣленіи своего положенія и отчасти народ-

ности: Готія находилась въ южной части Крыма и имѣла своимъ средоточіемъ городъ Доросъ (Мангупъ-Кале), а Таматарха лежала на Таманскомъ полуостровѣ. Но въ послѣднемъ случаѣ авторъ изслѣдованія совершенно произвольно считаетъ этотъ полуостровъ „древнимъ мѣстожительствомъ Готовъ-Тетракситовъ“. Очевидно онъ безъ всякой критики принялъ мнѣніе В. Г. Васильевскаго, который этихъ Тетракситовъ сблизилъ съ названіемъ Таматарха (см. мое возраженіе въ „Рус. Вѣст.“ 1890. Январь). Вторая епархія, т.-е. Хотзиръ, по мнѣнію автора обозначала Хазаръ и помѣщалась въ восточной части Крыма, по сосѣдству съ Фуллами (которыхъ по положенію онъ, съ вѣроятностію, пріурочиваетъ къ Эски-Крыму или Солхату, а по народности, гадательно, къ Аланамъ). Народности Хазаръ авторъ не опредѣляетъ и повидимому отождествляетъ ихъ то съ Турками, то съ Гуннами. Мое мнѣніе о пришломъ Турецкомъ и туземномъ Черкесскомъ элементахъ въ составѣ Хазарскаго царства осталось ему неизвѣстнымъ (*Розыск. о началѣ Руси.* 237 и слѣд. 257).

Епархія *Астиль* съ достовѣрностію объясняется въ смыслѣ *Итиль* или *Атель*; такъ называлась и столица Волжскихъ Хазаръ, и самая рѣка Волга. Но ссылкою на то, что „у Чувашей и донынѣ сохраняется это древнее имя Волги, въ формѣ *Адаль*“, онъ даетъ понять такъ-сказать не Арійское, а Туранское происхожденіе имени. (Очевидно, въ слѣдъ за однимъ ученымъ, онъ считаетъ Чувашей остатками Гунновъ). А между тѣмъ указанный фактъ ничего не доказываетъ. Волга у Мордвы называется *Ра*; но это слово есть нечто иное какъ сокращенное древнее названіе *Араксъ*, по иранскому произношенію *Арасъ* — названіе совсѣмъ не Туранское. (См. *Розыск. о началѣ Руси.* 519—520).

Далѣе, названіе епархіи *Хвалисъ* авторъ справедливо сближаетъ съ нашими лѣтописными Хвалисами и моремъ Хвалисскимъ или Хвалынскимъ (Каспійскимъ), пріурочиваетъ ее приблизительно къ устьямъ Волги и Хвалисовъ полагаетъ сосѣдями или отождествляетъ съ Гуннами Савирами. Наконецъ, оставивъ въ сторонѣ необъяснимую пока епископію *Ретегъ,* двѣ остальныя епископіи, *Оногуровъ* и *Унновъ,* онъ пріурочиваетъ къ Кубани и Крыму, но безъ достаточной опредѣленности; при чемъ не воспользовался моими изысканіями и аналогіями по поводу вопроса о Гуннахъ-Болгарахъ вообще и крещеніи Гунно-болгарскаго князя *Горда* въ частности. (*Розыск. о нач. Руси* 229 и слѣд.). Г. Кулаковскій очевидно считаетъ Гунскія племена вообще Туранскими, но какой именно народности, этого онъ себѣ не уяснилъ. Мои сближенія Савировъ съ Сѣверянами (*Розыск.* 279), а Хвалисовъ съ Валынянами (*Дополнит. полемика.* 35) и вообще вся система доказательствъ славянства Гунновъ остались ему неизвѣстны. Представляя нѣкоторыя новыя объясненія въ деталяхъ, его изслѣдованіе ничего не даетъ по относящимся сюда основнымъ вопросамъ.

Перейдемъ къ его статьямъ о Боспорѣ Киммерійскомъ и объ имени города Керчи.

Первая изъ нихъ трактуетъ о городѣ Боспорѣ, по поводу одной Таманской надписи, прежде пріуроченной Бёкомъ къ XII вѣку, а нынѣ, по изслѣдованію академика Латышева, относимой къ VI-му. Настоящая статья отправляется отъ этого изслѣдованія и входитъ въ нѣкоторыя подробности относительно Боспора и сосѣднихъ варварскихъ народовъ, т.-е. Гунновъ, Аланъ, Хазаръ, Аваръ и пр. По этому поводу сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній.

Вопервыхъ, г. Кулаковскій, говоря о Гунскомъ князѣ, принявшемъ христіанство во времена Юстиніана Великаго, не называетъ этого князя болѣе достовѣрнымъ его именемъ *Гордъ*, а упорно повторяетъ его варіантъ въ формѣ *Гродъ*, конечно для того, чтобы не давать ему славянскаго происхожденія и не дѣлать его аналогичнымъ, напримѣръ съ именами *Блудъ*, *Храбръ*, *Лютъ*, не сближать съ Русскимъ лѣтописнымъ *Гордята*, съ Византійскимъ военачальникомъ изъ Славянъ *Всегордомъ*, близкимъ по времени къ данному Горду, и т. п. (См. *Розыск. о нач. Руси*. 234). Далѣе, Аваръ или Вархонитовъ авторъ, неизвѣстно на какихъ основаніяхъ, считаетъ Тюркской ордой. Никто ихъ тюркизма научно не доказалъ, а существуютъ только разныя мнѣнія объ ихъ народности. И тутъ автору статьи остались неизвѣстными мои соображенія и аргументы о двойственномъ составѣ Аварскаго народа: изъ собственныхъ Аваръ и Гунновъ, откуда и явилось ихъ сложное названіе *Вархониты* (у Менандра) или Варъ Хунни (у Симокаты). Гунны были Славяне, а господствующее у нихъ племя Варъ или Аваръ я отношу къ Кавказской Лезгинской расѣ, согласно съ Бёромъ въ его трактатѣ о Макрокефалахъ. (См. *Розыск. о нач. Руси*. 243—247 и 556). Г. Кулаковскій это народное имя Аваръ или Варъ отождествляетъ съ Мадьярскимъ словомъ *var*, которое будто бы значитъ рѣка, при чемъ ссылается на замѣчаніе Момзена въ его изданіи Іордана. У меня нѣтъ подъ руками этого изданія. Во всякомъ случаѣ, такъ ли? Сколько мнѣ извѣстно, Мадьярское *var* значитъ городъ, крѣпость, замокъ, и оно нерѣдко встрѣчается въ названіяхъ городовъ, напримѣръ: *Темешваръ*, *Унгваръ* и проч. А Момзенъ въ своемъ изданіи устранилъ прежнее слитное чтеніе Hunnivar, породившее представленіе о какой-то Гуннской области на Днѣпрѣ, называвшейся *Гуниваръ*. Онъ установилъ чтеніе: quam (т. е. рѣку Днѣпръ) lingua sua Hunni Var appellant. Отсюда узнаемъ, что Днѣпръ у Гунновъ назывался *Варъ*. Это названіе какъ и *Гордъ*—одинъ изъ многихъ признаковъ славянства Гунновъ. Еще до поправки въ чтеніи означеннаго мѣста я приводилъ сіе слово въ связь съ древнимъ названіемъ одного изъ Днѣпровскихъ пороговъ, *Вару-Форосъ* и съ названіемъ Днѣпра *Варухъ* или *Варучъ*. Такимъ образомъ и самая поправка, сдѣланная Момзеномъ, можно сказать, была почти предусмотрѣна мною (*Розыск. о нач. Руси*. 535. *Дополнит. полемика*. 15). Наконецъ, г. Кулаковскій говоритъ о болѣе раннемъ появленіи Болгаръ на Дунаѣ, чѣмъ это было доселѣ принято въ исторіографіи, на основаніи легенды о Кувратѣ и его сыновьяхъ. Но онъ

игнорируетъ мои ***Разысканія,*** гдѣ такое положеніе было развито гораздо ранѣе его и гораздо подробнѣе (стр. 171 и слѣд.).

Теперь „Къ вопросу объ имени города Керчи“.

Въ извѣстномъ памятникѣ 1068 года, т. е. въ надписи на Тмутраканскомъ камнѣ, древняя столица Боспорскаго царства, Боспоръ или Пантикапея, названа ***Кърчевъ*** или ***Корчевъ.*** Является вопросъ: когда возникло это названіе, въ эпоху собственно Русскаго владычества или ранѣе его? Авторъ разсужденія, сближая нѣкоторыя извѣстія (Ибнъ-Дасты, Іордана и др.), старается доказать, что данное названіе существовало уже не только въ Хазарскую, но и въ до-Хазарскую или Гуннскую эпоху, и его доказательства не лишены вѣроятности. Но къ какому же языку надобно отнести это названіе? Вѣрный своему туранизму, авторъ обратился за помощью къ спеціалистамъ по Татарскимъ нарѣчіямъ; таковые хотя „допускали возможность Тюркскаго происхожденія этого слова, но не рѣшались однако дать опредѣленную его этимологію“. Въ Тверской губерніи есть городъ Корчева, и почти тождество этого названія съ Корчевомъ (различіе только въ родѣ) бросается въ глаза само собою. Сближеніе ихъ уже было сдѣлано г. Щегловымъ; но только сей послѣдній оказался финоманомъ, и „самую Корчеву произвелъ отъ Мордовскаго ***корже,*** что значитъ „лѣвый“. Производство, на нашъ взглядъ, просто невозможное; а между тѣмъ г. Кулаковскій замѣчаетъ, „что этимологія этого имени изъ Финскихъ языковъ не заключаетъ въ себѣ ничего противорѣчащаго историческимъ даннымъ“. Какимъ же это историческимъ даннымъ? „Въ той массѣ племенъ, которыя обнималъ терминъ ***Гуннскіе народы,*** Финскій элементъ имѣлъ, повидимому, преобладающее въ численномъ отношеніи значеніе сравнительно съ Тюркскимъ“. Итакъ смутныя гаданія Туранистовъ о какомъ-то Тюрко-финскомъ составѣ Гуннскихъ народовъ (съ помощію ***повидимому, вѣроятно,*** и т. п.) выставляются „историческими данными“. Между тѣмъ ***Корчева*** конечно одного корня съ ***корчага, корчма, корчевка*** и т. п. По словарю Даля, ***корчева*** значитъ собственно мѣсто, расчищенное изъ-подъ лѣса (выкорчеванное). Если установить Славянское происхожденіе въ названіи древняго Корчева (нынѣ Керчи), то это названіе, явившееся въ эпоху Гуннскую, было бы лишнимъ фактомъ, говорящимъ о славянствѣ Гунновъ; но г. Кулаковскій старательно устраняетъ аргументы, противорѣчащіе какъ Туранской теоріи происхожденія Гунновъ и Болгаръ, такъ и Норманской происхожденія Руси. Выше мы видѣли, какъ ***Гордъ*** тщательно превращается въ ***Гродъ,*** какъ Славяногуннское ***Варъ*** толкуется Мадьярскимъ *Var.* А въ данной статьѣ онъ между прочимъ извѣстія Арабскаго писателя Хордадбега относитъ ко второй половинѣ IX вѣка; при чемъ игнорируетъ поправку Голландскаго оріенталиста Дегуе, который доказываетъ принадлежность его первой половинѣ сего столѣтія и тѣмъ наноситъ лишній ударъ и безъ того въ корнѣ подорванной Норманской теоріи происхожденія Руси.

Въ заключеніе мы должны отдать справедливость тщательной обработкѣ многихъ деталей въ данныхъ изслѣдованіяхъ и разсужденіяхъ. Но, повторяемъ, по отношенію къ главнымъ, кореннымъ вопросамъ эти изслѣдованія или ничего не даютъ, или представляютъ результаты только отрицательные. А чтобы подойти къ рѣшенію такихъ вопросовъ, недостаточно филологической подготовки; тутъ, вмѣстѣ съ большимъ запасомъ всякаго рода свѣдѣній, требуется умѣнье обнять всю совокупность данныхъ, разобраться въ массѣ фактовъ и свидѣтельствъ, нерѣдко сбивчивыхъ и даже противорѣчивыхъ, нужно пониманіе непреложныхъ историческихъ законовъ, основанное на массѣ наблюденій и аналогій, нужны безпристрастіе и свобода отъ предвзятыхъ мнѣній, стремленіе къ абсолютной исторической правдѣ, строго-логичное или научно-критическое мышленіе, и т. п. Я выставляю конечно идеальныя требованія, отъ большаго или меньшаго удовлетворенія которымъ и зависитъ правильное рѣшеніе главныхъ историческихъ вопросовъ.

По всѣмъ признакамъ, г. Кулаковскій не удосужился ознакомиться съ моими Разысканіями по вопросамъ о Руси, Болгарахъ и Гуннахъ, и естественно ихъ замалчиваетъ. А если и ознакомился, то развѣ только съ первыми статьями, въ которыхъ найдется нѣкоторое количество неудачныхъ филологическихъ или этимологическихъ толкованій. Поэтому мои антагонисты, когда ссылаются, то обыкновенно не на дальнѣйшее развитіе изысканій, а только на эти первыя статьи или точнѣе на эти мелкіе недосмотры, не имѣющіе никакого серьезнаго значенія въ общей постановкѣ главныхъ вопросовъ и въ системѣ существенныхъ аргументовъ. Любопытно было бы встрѣтить со стороны новаго поборника отжившихъ теорій сколько нибудь систиматическое опроверженіе моихъ доводовъ, хотя бы относящееся къ одному какому либо изъ главныхъ моихъ положеній. Между прочимъ, по поводу одного вышеприведеннаго примѣра, я позволяю себѣ высказать и такое положеніе: кто громадную Гуннскую семью народовъ, занимавшую пространство отъ Каспія до средняго Дуная и всю Европу потрясшую въ своихъ основаніяхъ, считаетъ неизвѣстно куда пропавшею и дошедшею до насъ только въ видѣ Чувашскаго народца, тотъ понятія не имѣетъ о важнѣйшихъ историческихъ законахъ и о научномъ значеніи историческихъ аналогій.

Д. Иловайскій.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1898 года

(выпуски 1, 2, 3 и 4).

ПОПРАВКИ.

На стр. 184—189 вмѣсто Дюгеры и Дюгерская земля слѣдуетъ читать Дючеры, Дючерская земля.

Стр. 185, строка 4 снизу вмѣсто *купою* слѣдуетъ читать *казною.*

Стр. 187, строка 16 сверху вмѣсто *Шляцкую* слѣдуетъ читать *Гиляцкую.*

*

На стр. 321-й вмѣсто *княгини Евдокіи Николаевны Тютчевой* надо: *княгини Евдокіи Николаевны Мещерской, урожденной Тютчевой.*

шихся отъ Французовъ съ своими сестрами и престарѣлою матерью сначала въ Муромѣ, а потомъ въ Нижнемъ. Въ книгахъ, изданныхъ П. И. Щукинымъ, помѣщено много ихъ донесеній обоимъ князьямъ объ ихъ помѣстьяхъ, Влахернскомъ (Кузьминки подъ Москвою), Гребневѣ, Гривѣ и другихъ, а также объ ихъ Московскомъ домѣ на Волконкѣ, гдѣ поселился въ 1812 году знаменитый Коленкуръ, а по выходѣ Французовъ „измѣнникъ“ Петръ Ивановичъ Загряжскій, пожалованный „дюкомъ и кавалеромъ Почетнаго Легіона“. Кромѣ него Наполеону служили какіе-то князь Александръ Голицынъ и Щербатовъ (I, 56). Домовитые братья-князья пеклись объ участи многочисленныхъ своихъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Письмо изъ Москвы на Французскомъ языкѣ отъ 20 Октября 1812 (I, 54 и 55) писано несомнѣнно извѣстнымъ драматургомъ княземъ А. А. Шаховскимъ, который вмѣстѣ съ А. X. Бенкендорфомъ прибылъ въ разоренную Москву вслѣдъ за выходомъ изъ нея непріятеля. Посреди бумагъ мелкаго значенія въ Щукинскомъ Сборникѣ находимъ много тогдашнихъ писемъ, изъ которыхъ нѣкоторыя суть цѣлыя повѣствованія, напр. письмо Ю. Н. Бартенева къ его „кормилицѣ-матушкѣ“ въ Костромскую губернію (I, 77). Вторая часть Сборника преимущественно занята распоряженіями графа Ростопчина и оберъ - полицмейстера П. А. Ивашкина, а также прошеніями разныхъ лицъ о вознагражденіи понесенныхъ ими убытковъ, при чемъ исчисляются подробно всякаго рода утраченные пожитки. Историкъ 1812 года найдетъ тутъ довольно любопытнѣйшихъ показаній, въ особенности о жившихъ въ Москвѣ иностранцахъ. Нѣкоторые Нѣмцы-ремесленники въ Іюлѣ мѣсяцѣ намѣрены были составить изъ себя охранную гражданскую стражу и обращались за тѣмъ къ Кремлевскому коменданту Гессе. Государь изъявилъ согласіе и дозволилъ имъ носить на шляпахъ „вензель Его Императорскаго Величества“, но графъ Ростопчинъ воспрепятствовалъ (II, 7—9). Знаменитая Эвлалія Оберъ-Шальме оказывается уроженкою Берлина и была „надзирательницею въ Смольномъ дѣвичьемъ монастырѣ“ (II, 61).

Пожелаемъ, чтобы П. И. Щукинъ не остановился на этихъ двухъ книгахъ и новыя свои находки также обнародовалъ, при чемъ не мѣшало бы составить къ нимъ общій азбучный указатель. П. Б.

*

ПЕРЕВОДЪ LXX. Его значеніе въ исторіи Греческаго языка и словесности Ивана Корсунскаго, профессора Московской Духовной Академіи. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, собственная типографія. 1898. Большая 8-ка. 644, LII и 11 стр.